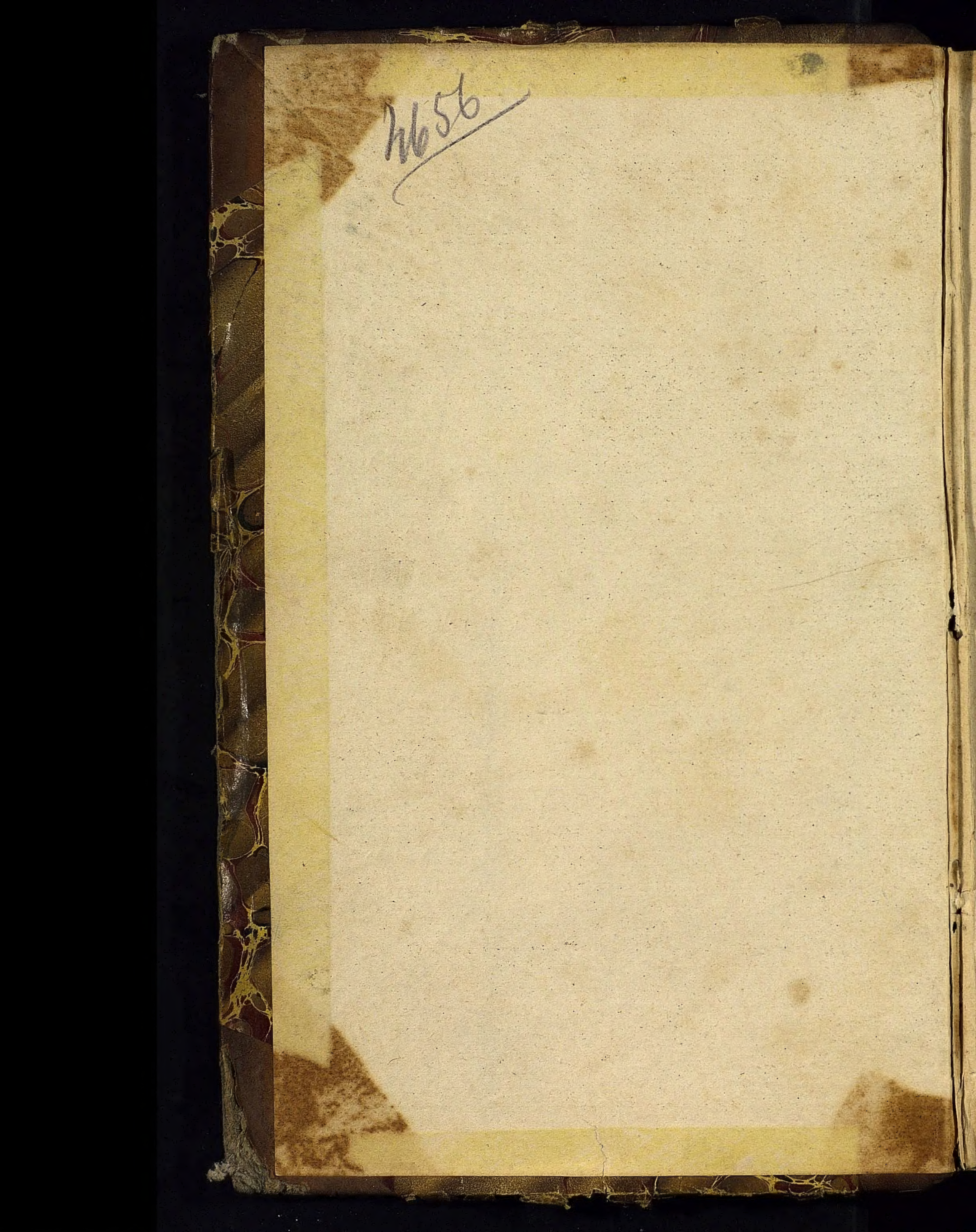
дбря 1887-го
изд.
сочинен
цѣнам
содер
очерки
172
Спб.


№56

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцатый. ОКТЯБРЬ. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портреты: I. Проф. Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій, гравиров. Г. И. Грачевъ.—II. Александръ Бестужевъ (Марлинскій), гравировалъ И. И. Матюшинъ.

ПЕТРЪ ЕМЕЛЬЯНОВИЧЪ ЛАНГОВОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.
1889.

X-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября 1889 г.

Сочиненія М. Н. Загоскина. Спб., въ 8 д., 1889 г., семь томовъ, съ портретомъ автора, исполненнымъ на стали, у Брокгауза, въ Лейпцигѣ. Цѣна 16 руб. Главный складъ изданія при конторѣ типографіи В. И. Штейна (Спб., Почтамтская ул., д. № 13).

Это изданіе составляетъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма пріятное явленіе: изящно оно по внѣшнему своему виду—бумага и печать очень хорошія; біографія, предпосланная первому тому, обширна, занимаетъ 112 стр. и изобилуетъ множествомъ интересныхъ данныхъ не только для біографіи нѣкогда весьма популярнаго въ Россіи романиста, но и для характеристики вообще литературнаго міра, къ которому онъ принадлежалъ. Въ изданіе вошли всѣ романы и повѣсти М. Н. Загоскина: Юрій Милославскій, Аскольдова могила, Рославлевъ, Искуситель, Тоска по родинѣ, Брынскій лѣсъ, Вечеръ на Хопрѣ, Русскіе въ началѣ XVIII-го вѣка, Кузьма Мирошевъ, Кузьма Рощинъ, Москва и москвичи, Три жениха, Офиціальный обѣдъ и двадцать одно драматическихъ произведеній, именно комедій, того-же автора. Послѣднія вошли въ VI и VII томы, вмѣстѣ съ журнальными статьями, стихотвореніями, хронологическимъ перечнемъ сочиненій нашего романиста и алфавитнымъ къ нимъ указателемъ. Вообще изданіе весьма заботливо и хорошо исполнено. Что до его содержанія, то лица нашего и предшествующаго поколѣній вновь перечтутъ сочиненія Загоскина съ удовольствіемъ, а молодежь должна съ ними также ознакомиться. Странное дѣло! Современные наши историческіе романисты, если не говорить о геніальномъ гр. Л. Н. Толстомъ, кажется, и бойко пишутъ, и поле для сюжетовъ у нихъ неизмѣримо шире, и цензурныя условія для нихъ не такъ стѣснительны, и въ нашихъ историческихъ изданіяхъ властною рукою черпаютъ они все, что хотятъ, и, между тѣмъ, даже при несомнѣнномъ нерѣдко дарованіи, въ нихъ все недостаетъ того, что въ такомъ изобиліи находимъ у Загоскина: въ нихъ нѣтъ того безпредѣльнаго добродушія, того милаго юмора, той поразительной простоты разсказа, который съ жадностью слушаетъ или читаетъ — и юность, и старость, на какой-бы степени развитія онѣ ни стояли. Притомъ М. Н. Загоскинъ—былъ чисто русскій человѣкъ. Все это объясняетъ ту популярность, которой пользовались его повѣсти и романы по всей безпредѣльной Россіи. Настоящее изданіе его сочиненій даетъ возможность ознакомиться съ нимъ всему современному поколѣнію, въ особенности молодежи. Надо надѣяться, что всѣ учебныя заведенія пріобрѣтутъ для фундаментальныхъ библіотекъ—это изящное изданіе, а преподаватели словесности—укажутъ учащимся на значеніе и заслуги нѣкогда столь популярнаго романиста изъ ранняго періода русскихъ повѣстей и романовъ.

Исторія среднихъ вѣковъ. Съ приложеніемъ очерка средневѣковой исторіографіи и родословн. таблицъ. Университетскія чтенія профессора Н. А. Осокина. 1888 и 1889 гг., въ 8 д. Томъ I (до XIII стол.), стр. VIII + 608 + 115 + XXXII. Цѣна 3 руб. 50 коп.; томъ второй; часть первая: XIII-ое столѣтіе, стр. VI + 608; часть вторая — XIV и первая половина XV-го столѣтія; стр. VI + 524 + 74. Цѣна второго тома, въ двухъ частяхъ, 4 руб. 50 коп. Складъ изданія въ Казани, въ книжномъ магазинѣ г. Дубровина.

Н. А. Осокинъ, ординарный профессоръ казанскаго университета, питомецъ V-й петерб. гимназіи и историко-филологическаго факультета петерб. университета, откуда въ 1861 году, т. е. въ годъ временнаго закрытія сего университета, перешелъ въ университетъ казанскій, съ которымъ судьба связала его надолго. Здѣсь г. Осокинъ, еще будучи студентомъ, заявилъ себя даровитымъ труженикомъ въ области разработки средневѣковой исторіи; ему принадлежатъ монографіи: «Саворонарола и Флоренція» (1865 г.); «Королева Іоанна II» (1866 г.); «Замѣтки по экономической исторіи Италіи» (1866 г.) и друг. Магистръ всеобщей исторіи съ 1869 г., Н. А. Осокинъ еще въ 1868 г. занялъ каѳедру этой науки въ казанскомъ университетѣ и съ честью занимаетъ ее донынѣ, принадлежа къ числу не только трудолюбивѣйшихъ и даровитыхъ профессоровъ, но и энергическихъ общественныхъ дѣятелей въ Казани, гдѣ онъ съ 1878 г. состоитъ гласнымъ городской думы, уѣзднаго и губернскаго земскихъ собраній и

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Мих. Ив. Семевскаго.

ИЗДАНІЕ ОСНОВАНО 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

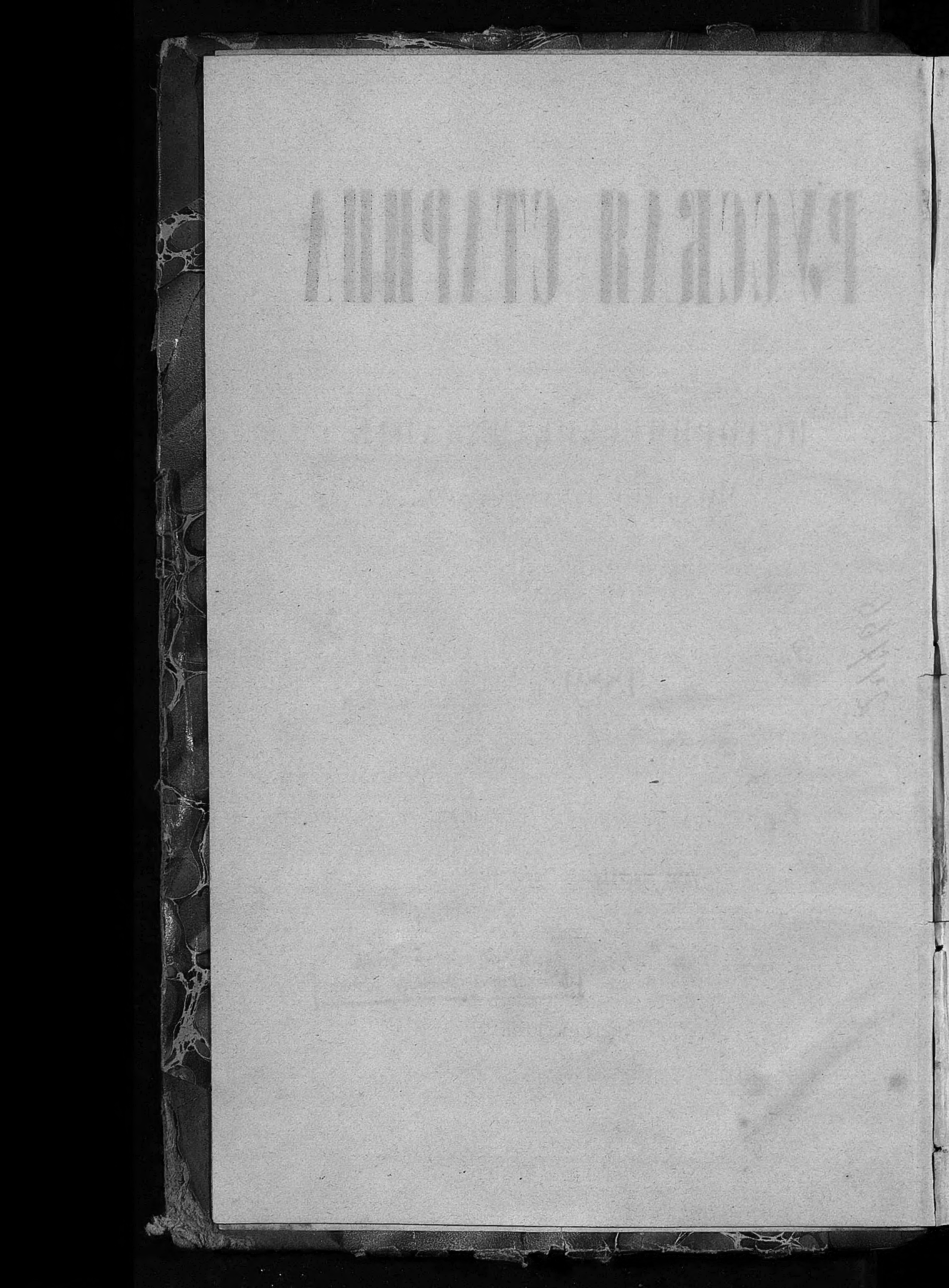
1889 г.

ОКТЯБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1889.



[см. на оборотѣ].

Подписчики «Русской Старины», при возобновленіи подписки на этотъ журналъ на 1890 г.,—двадцать первый годъ изданія, могутъ получить, по значительно меньшимъ цѣнамъ, слѣдующія художественныя изданія:

ЧЕТВЕРТЫЙ СБОРНИКЪ гравюръ (печатается) «Русской Старины». Гравюры исполнены на мѣди проф. И. П. Пожалостинымъ и художникомъ Ѳ. А. Мѣркинымъ.

Этотъ сборникъ будетъ продаваться подписчикамъ „Русской Старины" за **одинъ** руб. съ перес., для прочихъ лицъ **четыре** руб.

ТРЕТЬЕ СОБРАНІЕ ПОРТРЕТОВЪ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ

ГРАВЮРЫ ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ

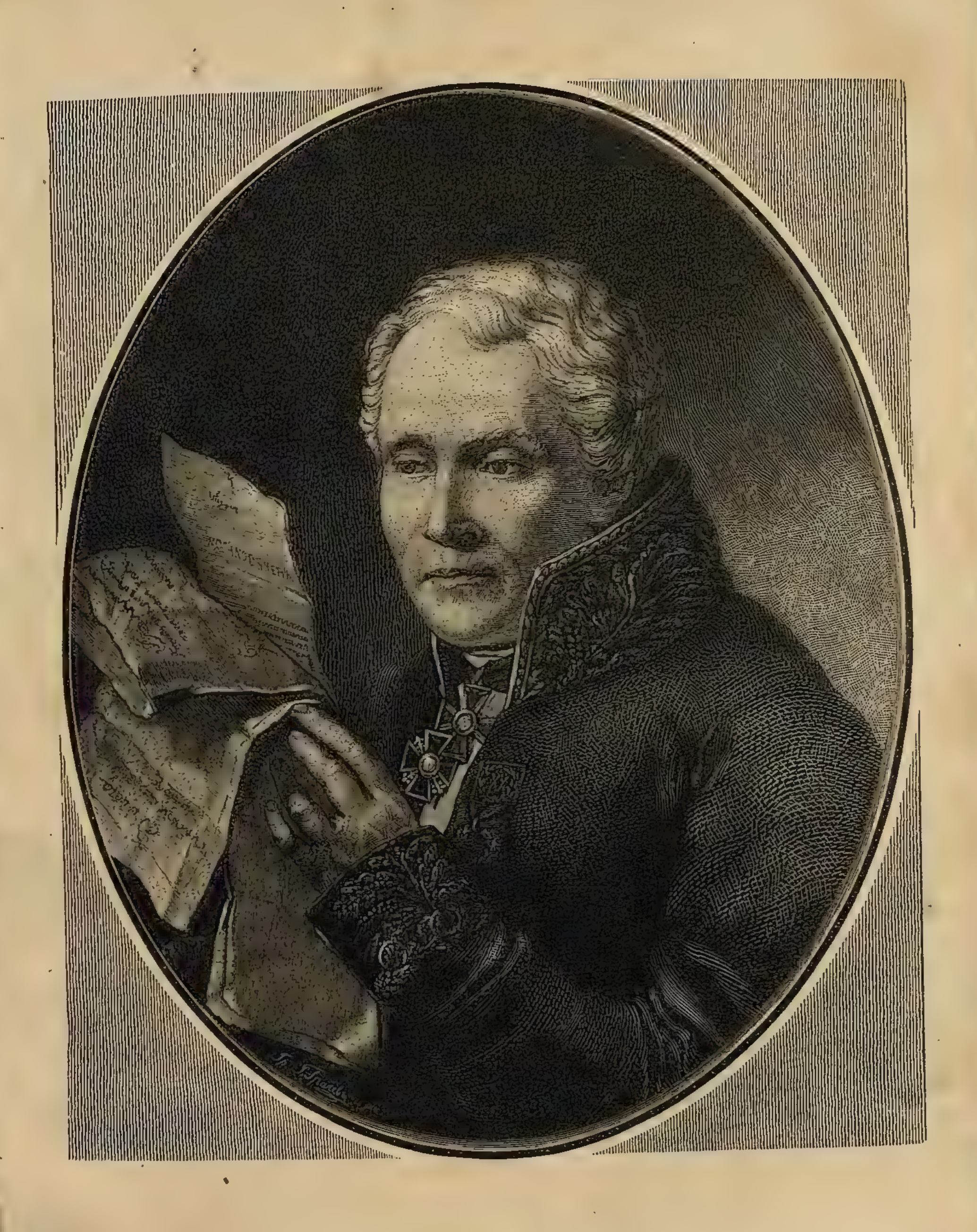
[на деревѣ].

Цѣна для подписчиковъ «Русск. Старины» вмѣсто **ЧЕТЫРЕХЪ** р. **ОДИНЪ** руб. съ пересылкою.

Содержаніе **третьяго** сборника гравюръ „Русской Старины":

Владиміръ св. — П. Еропкинъ. — Графъ Тотлебенъ. — Кн. М. Щербатовъ. — А. Фигнеръ.—А. Сеславинъ. — М. Муравьевъ-Апостолъ.— Гр. В. Панинъ.—Гр. С. Строгановъ.—Я. Соловьевъ.—С. Зарудный.— Гр. Н. Евдокимовъ.—П. Зотовъ. —К. Брюлловъ, М. Глинка, Н. Кукольникъ.—М. Глинка.—М. Каченовскій.—Д. Бантышъ-Каменскій.— В. Нарѣжный.—А. Бестужевъ.—М. Лермонтовъ.—И. Аксаковъ.— Гр. Л. Толстой.—М. Розенгеймъ. — С. Макарова.—Г. Ломакинъ.— Э. Стоговъ.— Отшельникъ Ѳеодоръ. — Памятникъ и барельефъ на общей могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хрущова.—Памятникъ Славы.

Примѣчаніе. Такъ какъ третьяго выпуска сборника гравюръ имѣется только 1214 экз., а четвертый томъ гравюръ, (исполненныхъ на мѣди), въ виду дороговизны ихъ тисненія, печатается всего лишь въ 2000 экз., т. е. на двѣ трети менѣе числа подписчиковъ на «Русскую Старину», то желающихъ имѣть эти сборники просятъ высылать подписныя на журналъ 1890 г. и на помянутые альбомы гравюръ деньги заблаговременно.



МИХАИЛЪ ТРОФИМОВИЧЪ КАЧЕНОВСКІЙ.

ПРОФЕССОРЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Приложеніе къ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 декабря 1887 г. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

ГРАФЪ ГОТЛОБЪ-КУРТЪ-ГЕНРИХЪ ТОТЛЕБЕНЪ

въ 1715—1763 гг.

Матеріалы для біографіи.

X[1]).

При допросѣ въ главной квартирѣ арміи Саббатка показалъ, что онъ родомъ изъ Бреславля; съ Тотлебеномъ познакомился черезъ своего родственника, у котораго было въ закладѣ серебро Тотлебена; серебро это слуга послѣдняго, вмѣстѣ съ нимъ, Саббаткою, по даннымъ комендантомъ Глогау паспортамъ, повезъ къ Тотлебену въ Столпе, но онъ, Саббатка, остановился въ Кеслинѣ. Затѣмъ узнавъ, по возвращеніи означеннаго слуги, что отъ Тотлебена къ помянутому коменданту есть письмо безъ адреса, поѣхалъ въ Глогау, гдѣ слуга тотъ и отдалъ, при немъ, письмо коменданту, который, чрезъ недѣлю послѣ того, приказалъ имъ обоимъ ѣхать къ принцу Генриху. По полученіи отъ послѣдняго письма къ Тотлебену, они отправились къ нему въ Столпе. Прочитавъ письмо, Тотлебенъ сказалъ:

— „Принцъ Генрихъ пишетъ, чтобы не раззорять земель такъ, какъ прежде было, и не требовать контрибуцій; но я держу все въ должномъ порядкѣ, такъ что и жаловаться на меня никто не можетъ».

На другой же день, передавая имъ отвѣтъ принцу, говорилъ,

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1888 г., т. LX, октябрь, стр. 1—34; изд. 1889 г., т. LXII, іюнь, стр. 513—544. т. LXIII, сентябрь, стр. 459—480.

что проситъ въ немъ объ увольненіи сына его изъ службы. Черезъ недѣлю послѣ отдачи этого отвѣта, онъ снова отправился къ Тотлебену съ письмомъ безъ адреса, которое и передалъ въ лагерѣ при Бернстейнѣ. Спустя нѣкоторое время, Тотлебенъ подарилъ ему 12 фридрихсдоровъ, говоря, что это за то, что король прусскій уволилъ его сына. Найденный при задержаніи его пакетъ получилъ онъ отъ Тотлебена для передачи кюстринскому коменданту, или принцу Генриху, или самому королю. Сынъ его былъ съ нимъ только для услугъ въ дорогѣ. Въ арміи (русской) ничего не провѣдывалъ; что было въ письмахъ Тотлебена и короля—не знаетъ, такъ какъ они были запечатаны. Хотѣлъ ли Тотлебенъ бѣжать и намѣревался ли видѣться съ королемъ—тоже не знаетъ; шпіономъ королевскимъ не былъ никогда. О купленной Тотлебеномъ мызѣ слышалъ въ Столпе. Въ послѣдній разъ Тотлебенъ далъ ему письмо для отдачи въ Ландсбергъ на почту, съ тѣмъ, что если его тамъ не примутъ, то онъ можетъ распечатать его, такъ какъ оно касалось только разныхъ порученій.

На слѣдствіи же, въ С.-Петербургѣ, Саббатка 29 января 1762 г. объяснилъ, что прежнее показаніе давалъ въ страхѣ, а нынѣ объявляетъ, что письмо, которое онъ возилъ съ слугою Тотлебена, было отдано ему, а не слугѣ, съ указаніемъ, что отъ короля. Посланныя послѣ того четыре письма отъ короля же были переданы имъ Тотлебену. Первое было дано принцемъ Генрихомъ въ Гросъ-Глогау въ мартѣ 1761 г. и на оное, черезъ три или четыре дня, получилъ отвѣтъ Тотлебена, съ просьбою отдать самому королю и заявить, что онъ, Тотлебенъ, желаетъ съ нимъ свидѣться, обѣщая притомъ, въ случаѣ свиданія съ королемъ, дать ему, Саббаткѣ, 2 тыс. луидоровъ отъ императрицы и исходатайствовать ему и внучатамъ его особую милость. Въ мартѣ же онъ прибылъ вторично въ Столпе изъ Лейпцига съ отвѣтомъ короля и черезъ нѣсколько дней отправленъ снова къ послѣднему съ письмомъ. Въ третій разъ, въ исходѣ мая, онъ посланъ былъ королемъ къ Тотлебену съ двумя маленькими письмами, и на другой день отправленъ съ письмомъ къ королю. Наконецъ, четвертое письмо привезъ въ іюнѣ и отдалъ Тотлебену наединѣ. Содержанія писемъ не знаетъ. Первое Тотлебенъ не только изорвалъ въ присутствіи его, но даже

изжевалъ лоскутки его. Тотлебенъ желалъ видѣться съ королемъ и говорилъ ему объ этомъ; король же два раза на то соглашался, велѣвъ въ послѣдній разъ сказать Тотлебену, что когда онъ съ арміею придетъ въ Силезію, то найдетъ къ тому случай и назначитъ мѣсто. За письма отъ короля ничего не получалъ, а отъ Тотлебена, за извѣстія о прусской арміи, получилъ 112 фридрихсдоровъ. Шифръ пріобрѣлъ у секретаря въ Глогау за 70 дукатовъ.

Съ своей стороны, Тотлебенъ, написавъ Бутурлину письмо, въ которомъ утверждалъ, что переписывался съ непріятелемъ по точному приказанію его, Бутурлина, что̀, впрочемъ, послѣдній въ реляціи своей императрицѣ отвергнулъ, показалъ, что корреспонденція съ королемъ началась съ марта. Всѣхъ писемъ, полученныхъ черезъ Саббатку, было четыре. Въ первомъ, увѣдомляя объ увольненіи его сына, король просилъ о менажированіи его земель, а въ слѣдующихъ о сообщеніи о намѣреніяхъ русскаго правительства и о томъ, какимъ образомъ будетъ дѣйствовать русская армія, обнадеживая своею милостію и возвращеніемъ деревень. И прежде о томъ же словесно просилъ принцъ Генрихъ, черезъ домашняго его жида. Купца Гоцковскаго (запечатанное письмо къ которому было найдено при арестѣ его) онъ знаетъ давно и черезъ него королемъ обѣщано было 2 милліона за склоненіе императорскаго двора въ его пользу. Онъ отвѣчалъ королю, что земли менажировать будетъ, о намѣреніяхъ правительства не знаетъ, за обнадеживаніе благодаренъ, а о 2 милліонахъ донесетъ фельдмаршалу; но отвѣтъ этотъ посланъ гораздо позже, какъ уже о минувшемъ дѣлѣ, чтобы только болѣе увѣрить и уловить короля. Письмо короля съ шифромъ принесъ ему Саббатка и онъ разорвалъ ихъ при арестѣ своемъ, а равно рвалъ при Саббаткѣ и прочія королевскія письма. О всемъ этомъ хотѣлъ донести Бутурлину обстоятельно, по прибытіи къ арміи. Замыселъ его состоялъ въ томъ, чтобы схватить короля, что̀ онъ и намѣревался сдѣлать по соединеніи съ арміею, при рекогносцировкѣ; помышляя объ этомъ четыре года, входилъ о свиданіи въ сношенія съ королемъ, который, черезъ Саббатку, и приказывалъ объявить ему о желаніи видѣться, при сближеніи армій, для переговоровъ о важныхъ дѣлахъ. Желалъ же король, чтобы онъ служилъ кампанію 1761 года потому, что

онъ обѣщалъ менажировать его земли. Копіи ордеровъ писаны его малолѣтнимъ лакеемъ, а письмо къ королю, отпускъ коего найденъ въ его бумагахъ, какъ помнится, отправлено чрезъ принца Виртембергскаго. Подарковъ отъ короля никакихъ не получалъ; о перепискѣ съ нимъ въ корпусѣ никто не зналъ. Шифръ показывалъ Ашу, говоря, что онъ принесенъ ему жидомъ изъ королевскаго кабинета. Цифры, помѣщенныя въ письмѣ его къ королю, означаютъ: первыя — принцъ Виртембергскій; вторыя—обстоятельства нынѣшней кампаніи или перемѣны, и третія—слуга Тотлебенъ. Съ Вернеромъ никакой важной переписки не было.

При дальнѣйшихъ допросахъ Тотлебенъ объяснилъ, что въ мартѣ или апрѣлѣ старинный домашній его въ Силезіи жидъ Гришель привезъ къ нему въ Столпе нѣсколько серебряныхъ вещей, оставленныхъ у него въ 1756 году, и поклонъ отъ принца Генриха съ просьбою поберечь королевскія земли и не дозволять войскамъ раззорять ихъ, что̀ и король весьма милостиво приметъ. Въ отвѣтъ на это онъ написалъ принцу, что если прусскіе чиновники останутся на своихъ мѣстахъ и будутъ доставлять провіантъ и фуражъ, то и насильствъ не будетъ, грабежа же онъ не терпитъ и награжденія за это не требуетъ; но просилъ принца, какъ стараго друга, похлопотать объ отпускѣ его сына и объ отдачѣ конфискованныхъ деревень. Принцъ не отвѣчалъ ему, а черезъ три недѣли Гришель вернулся съ вѣстями о непріятелѣ, которыя онъ и сообщилъ фельдмаршалу. Тогда же явился Саббатка, вручилъ ему письмо короля о томъ, что онъ приказалъ земскимъ совѣтникамъ и директорамъ возвратиться на ихъ мѣста, и что онъ проситъ поберечь его земли, обѣщая, по заключеніи мира, быть справедливымъ въ отношеніи сына и деревень. Отвѣтивъ, что изъ прежнихъ его дѣйствій король могъ видѣть, что онъ не допускаетъ безпорядковъ и что если приказаніе о чиновникахъ будетъ исполнено, то и жалобъ не будетъ, онъ снова просилъ объ отпускѣ сына. Съ этимъ отвѣтомъ былъ посланъ Саббатка, который черезъ три недѣли и привезъ отпускъ сыну, а съ тѣмъ вмѣстѣ и записку короля съ изъявленіемъ милости и новою просьбою о недопущеніи грабежей. На это онъ отвѣчалъ обѣщаніемъ заслужить королевскую милость, если болѣзнь не помѣшаетъ ему продолжать службу, разсчитывая такимъ

образомъ привлечь къ себѣ Саббатку и, заставивъ короля ввѣриться ему, захватить его, при переговорахъ, когда онъ поѣдетъ для рекогносцировки съ малымъ, по обыкновенію, прикрытіемъ.

Въ третій разъ Саббатка пріѣхалъ къ нему въ лагерь при Кеслинѣ и подалъ два маленькихъ запечатанныхъ пакета, въ одномъ изъ коихъ былъ шифръ, а въ другомъ записка короля. Тогда же Саббатка вручилъ ему и объявленіе о турецкомъ союзѣ. Содержаніе записки было въ такомъ родѣ: принципалъ радуется увѣреніямъ его друга и обѣщаніямъ оберегать земли, желаетъ выздоровленія, чтобъ для подданныхъ принципала могъ сдѣлать еще кампанію, и просилъ сообщить откровенно, будетъ ли армія въ этомъ году дѣйствовать наступательно или оборонительно, пошлется ли особый корпусъ къ Лаудону (австрійскому генералу) и не завидуетъ ли Тотлебенъ, что объявился новый женихъ Кольбергской дѣвственницы? Не имѣя ни времени, ни охоты отвѣчать тогда же, потому что въ тотъ день, по случаю праздника, у него было много офицеровъ, онъ на другой день отправилъ жида лишь съ запискою, что другъ принципала посланіе получилъ и при первомъ случаѣ будетъ отвѣчать, и вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ сказать королю, что очень желаетъ съ нимъ говорить, какъ и прежде о томъ наказывалъ. Затѣмъ, заготовивъ отвѣтъ королю въ томъ видѣ, какъ онъ былъ изложенъ въ найденномъ въ его бумагахъ отпускѣ, послалъ его по эстафетѣ къ принцу Виртембергскому въ Берлинъ; когда же 18 іюня Саббатка передалъ ему записку короля, наполненную милостивыми выраженіями и содержавшую просьбу увѣдомить о томъ, о чемъ король просилъ въ послѣднемъ письмѣ, при чемъ Саббатка сказалъ, что король очень склоненъ поговорить съ нимъ когда арміи сойдутся поближе и подастъ къ тому случай, то онъ отвѣчалъ, что другъ уже сообщилъ принципалу о перемѣнѣ его экспедиціи и послалъ къ принцу Виртембергскому, для доставленія, письмо. Для того же, чтобы не отвратить отъ себя короля, но еще болѣе вселить въ немъ къ себѣ довѣрія, написалъ нѣсколько словъ цифрами и завернулъ письмо въ ордеръ фельдмаршала, изъ коего можно было видѣть какая произошла съ нимъ перемѣна. Еслибы онъ замышлялъ что либо дурное, то могъ бы послать ордеръ и маршрутъ еще изъ Шифельбейна, гдѣ они были получены; но такъ какъ они были

посланы изъ Бернштейна только 20 (19?) числа, то не были уже тайною, потому что уже были исполнены: маршрутъ арміи простирался лишь до 17 числа и, слѣдовательно, прежде чѣмъ могъ дойти до короля, онъ, Тотлебенъ, былъ бы уже съ своимъ корпусомъ при арміи, или очень близко отъ нея [1]. О пѣхотѣ же, отправленной къ Румянцеву изъ Шифельбейна, непріятель, натурально, долженъ былъ свѣдать въ первый же день. Наконецъ, то, что король еще зимою зналъ, или догадывался, о маршѣ нашей арміи въ Силезію или къ Бреславлю, можно видѣть изъ того, что онъ еще въ апрѣлѣ пошелъ изъ Саксоніи въ Силезію съ корпусомъ отъ 50 до 60 тыс. человѣкъ и уже 16 числа былъ при Кунцендорфѣ и отправилъ генерала Гольца съ обсерваціоннымъ корпусомъ въ Глогау.

Получивъ шифръ, онъ тотчасъ же показалъ его Ашу, сказавъ: «вотъ мнѣ жидъ привезъ шифръ изъ королевскаго кабинета». Ашъ удивился, гдѣ онъ могъ достать его. На это онъ отвѣтилъ, что жидъ нынѣ вхожъ въ королевскій кабинетъ, и что онъ, Тотлебенъ, съ помощью Божіею, сыграетъ въ этомъ году съ королемъ хорошую шутку, а шифръ будетъ имѣть фельдмаршалъ. Ашъ долженъ сознаться въ этомъ, равно какъ и въ томъ, что онъ, Тотлебенъ, много разъ и часто публично говорилъ, что надѣется въ этомъ году нанести королю чувствительный ударъ. Точно также не скрывалъ отъ него и того, что переписывался съ королемъ, потому что часто говорилъ ему о пересылкѣ увольнительнаго свидѣтельства сыну и о приказаніи прусскимъ чиновникамъ быть въ ихъ округахъ.

Саббатку увидалъ въ первый разъ въ Столпе и прежде о немъ не слыхалъ, а что онъ былъ главнымъ королевскимъ шпіономъ, того и знать не могъ. Правда, онъ приносилъ ему письма короля и, по всѣмъ признакамъ, долженъ былъ быть довѣреннымъ у него лицемъ. Употреблялъ же его и впредь хотѣлъ

---

[1] По замѣчанію Бутурлина, ссылка Тотлебена на безвредность посылки Фридриху II маршрута арміи опровергается тѣмъ, что когда легкія войска, торопясь, по арестѣ его, соединиться съ арміею, пришли въ Ландебергъ, то мѣстные жители удивлялись скорому ихъ прибытію, такъ какъ, по ихъ свѣдѣніямъ, они должны были придти гораздо позже, «почему, конечно, и король такое же увѣдомленіе отъ него, Тотлебена, получилъ». Архивъ кн. Воронцова, VII, 384. Г. Р.

употреблять для пріобрѣтенія королевской довѣренности и для совершенія, чрезъ это, великаго своего предпріятія, и старался сдѣлать его откровеннымъ и вывѣдывать что происходитъ у короля въ арміи. Привлекая его въ свою сторону, для приманки давалъ ему деньги и обѣщалъ хорошую награду, если будетъ служить вѣрно и часто сообщать извѣстія.

Купецъ Гоцковскій [1]) былъ у него по осени, въ Кенигсбергѣ, и зимою въ Маріенбургѣ и, возвратясь оттуда, снова видѣлся съ нимъ, но при всѣхъ этихъ случаяхъ о королѣ и другихъ сообщеніяхъ даже и помину не было. Въ послѣдній же разъ Гоцковскій нарочно пріѣзжалъ къ нему въ Кеслинъ, привезъ чепраки и, получивъ деньги, должныя за забранные товары, спросилъ: къ кому адресоваться въ Петербургѣ, чтобы склонить дворъ на полезныя королю мысли, потому что война очень наскучила королю и онъ съ радостію употребилъ бы на это милліонъ или два. На это онъ отвѣтилъ совѣтомъ изложить этотъ вопросъ на письмѣ, для сообщенія его фельдмаршалу. Впрочемъ, переписка съ Гоцковскимъ заключалась лишь въ томъ, что онъ нѣсколько разъ писалъ отъ имени города Берлина относительно взятыхъ тамъ войскомъ лошадей и о должныхъ контрибуціонныхъ деньгахъ; но такъ какъ эти дѣла болѣе до него, Тотлебена, не касались, то онъ и отсылалъ Гоцковскаго въ главную квартиру. Въ бытность же Гоцковскаго въ Кеслинѣ, какъ онъ, Тотлебенъ, такъ и многіе офицеры дали ему публично комиссію прислать разные конскіе уборы и другія дорожныя вещи, о чемъ онъ къ нему два раза и писалъ. За все это и за старые долги онъ заплатилъ ему около 3 тыс. гульденовъ и получилъ въ подарокъ лошадь. Болѣе ничего не знаетъ и адресовъ въ Петербургѣ Гоцковскому не давалъ.

Первыя два письма короля онъ изорвалъ какъ невинныя и ненужныя, но могущія причинить безпокойство бумаги, еслибъ онѣ были найдены; третіе во время сильнаго припадка горячки, изъ опасенія, чтобы оно не попалось кому нибудь въ руки, а шифръ и послѣднее письмо въ сердцахъ, при арестѣ; иначе, т. е. еслибы исполнили его просьбу о запечатаніи его бумагъ, онъ

---

[1]) Гоцковскій былъ одинъ изъ богатѣйшихъ купцевъ Берлина и, беря громные подряды на казну, пользовался, конечно, довѣріемъ Фридриха II.
Г. Р.

передалъ бы ихъ фельдмаршалу. Писать же послѣднему о своемъ проектѣ было опасно, за отдаленностію и, кромѣ того, онъ былъ уже на маршѣ къ арміи. О захватѣ короля онъ прежде не думалъ, и только второе и третіе письма короля дали ему о томъ мысль.

Съ Вернеромъ переписывался лишь о томъ, что приказывалъ Бутурлинъ; говорилъ съ нимъ въ Столпе неохотно и только по приказанію; видѣлся же съ нимъ не наединѣ, а въ обществѣ другихъ и если отъ него иногда и пріѣзжалъ офицеръ, то только для переговоровъ о перемиріи и о размѣнѣ плѣнныхъ.

Объ имѣніи Милитвъ онъ освѣдомлялся лишь для одного голландца, а самому купить его, за невозможностію платить и саксонскіе долги, было нельзя, потому что оно стоило болѣе 500 т. гульденовъ.

По поводу этихъ объясненій, въ экстрактѣ изъ слѣдственнаго дѣла были приведены слѣдующія соображенія:

Переписка Тотлебена съ Вернеромъ и принцемъ Бевернскимъ была дозволена Бутурлинымъ и ничего важнаго изъ нея не произошло, но переписка его съ принцемъ Генрихомъ и королемъ прусскимъ происходила совсѣмъ на другомъ основаніи. Въ ордерахъ Бутурлина не только позволеніе, но и крайняя осторожность ему предписывалась, а началъ онъ ее еще гораздо ранѣе полученія этихъ ордеровъ, которые ни мало къ оправданію его не служатъ, и именно, какъ самъ признается, въ исходѣ марта или въ началѣ апрѣля, чрезъ жида Гришеля. На словесную просьбу принца Генриха поберечь королевскія земли отвѣчалъ письменно, и при этомъ просилъ объ увольненіи изъ прусской службы сына своего, чѣмъ и далъ поводъ къ дальнѣйшей перепискѣ, такъ что послѣ того и отъ самого короля получилъ четыре письма чрезъ Саббатку; но такъ какъ эти письма и отвѣты на оныя Тотлебенъ изорвалъ, то и нельзя знать подлинно ли то, что онъ показалъ, а не о чемъ другомъ было писано. Третіе письмо, при которомъ были присланы и шифры, хотя онъ также изорвалъ, будучи боленъ, однако содержаніе его нѣсколько видѣть можно изъ найденнаго въ его бумагахъ концепта. Въ отвѣтахъ же своихъ объяснилъ, что Гоцковскій освѣдомлялся къ кому адресоваться въ Петербургѣ, чтобы склонить дворъ на полезныя королю мысли, и хотя эти

отвѣты онъ готовъ подтвердить подъ присягою, но нѣсколько сомнительнымъ кажется, что послѣ несклонности удовлетворить любопытство короля знаніемъ объ операціяхъ нашей арміи, чрезъ пять или шесть дней отважился было открыть все то, что во всекрайнѣйшемъ секретѣ долженъ былъ содержать. Еслибы одинъ маршрутъ отправленъ былъ, то это, какъ оный изъ чиселъ вышелъ, слѣдовательно и армія тѣ мѣста прошла, не могло бы быть признано важнымъ; но ни подъ какимъ видомъ не надлежало открывать непріятелю секретнѣйшаго ордера фельдмаршала по апробованному ея императорскимъ величествомъ плану похода арміи прямо къ Бреславлю и о прочихъ распоряженіяхъ, хотя бы король и зналъ о томъ нѣкоторымъ образомъ, но если по одной догадкѣ, какъ самъ Тотлебенъ упоминаетъ, то могъ бы сомнѣваться и разсудить двояко, ибо между догадкою и знаніемъ великая разница. Еслибы въ письмахъ короля, а особливо въ послѣднемъ, ничего не было, то не зачѣмъ было рвать ихъ и шифръ при самомъ арестѣ, но слѣдовало хранить въ свое оправданіе, какъ еще неизвѣстные фельдмаршалу. Чтоже касается до захвата короля, то надобно было объ этомъ донести хотя фельдмаршалу, а безъ того и покушаться не слѣдовало, тѣмъ болѣе зная, что иначе учинить этого не могъ, какъ только сыскавъ довѣріе непозволенною корреспонденціею.

XI.

Производство слѣдствія надъ Тотлебеномъ въ Петербургѣ поручено было особой комиссіи, состоявшей изъ генералъ-аншефа Николая Корфа, генераловъ: Данилы де Боскета, Семена Караулова, Владиміра Лопухина, Михаила Деденева и полковниковъ: Аристарха Кашкина и Василія Патрекѣева, при генералъ-аудиторѣ Ильѣ Плюсковѣ и оберъ-аудиторѣ Никитѣ Малышкинѣ, не знавшихъ, однако, иностранныхъ языковъ, вслѣдствіе чего отъ военной коллегіи и былъ потребованъ переводчикъ.

Комиссіи этой Тотлебенъ показалъ, что подтверждаетъ отвѣты, данные имъ въ арміи, хотя въ то время и не могъ всего упомнить и притомъ не надѣялся достичь тамъ правосудія, вслѣдствіе

извѣстныхъ жалобъ его и просьбъ. Въ дополненіе же къ нимъ считаетъ нужнымъ объяснить, что въ письмѣ къ принцу Генриху онъ просилъ объ освобожденіи не только сына, но также и брата, полковника голландской службы, содержавшагося, съ самаго начала войны, подъ арестомъ въ Глогау. Двухъ единственныхъ своихъ дѣтей, воспитывавшихся въ Берлинѣ передъ войною, онъ старался вырвать изъ непріятельскихъ рукъ, и при посредствѣ глогаускаго конфидента втайнѣ перевезъ изъ Силезіи въ Польшу все, что только могъ спасти изъ своихъ капиталовъ и цѣнныхъ вещей, а барону Мирбаху въ Руцау и надворному совѣтнику Шютцлеру въ Дрезденѣ выдалъ довѣренности на покупку имѣній въ Курляндіи и Саксоніи, ассигновавъ имъ и деньги въ Данцигѣ. Еслиже онъ и купилъ въ Столпе, т. е. въ непріятельской странѣ, два дома и садъ, то это для того, чтобы держать тамъ свои экипажи и лошадей, такъ какъ содержаніе ихъ въ Польшѣ было очень дорого. Впрочемъ, эти дома тотчасъ же подарилъ своей дочери, баронессѣ Мирбахъ, чтобы можно было, по желанію, снова ихъ продать. Полученіе письма прусскаго короля, касавшагося приказанія ландратамъ быть на ихъ мѣстахъ, онъ не скрывалъ, но о содержаніи его доносилъ фельдмаршалу и объявлялъ публично. Сообщить же ему на словахъ свои предположенія о захватѣ короля онъ не имѣлъ возможности, такъ какъ хотя Бутурлинъ и позволилъ ему пробыть два дня въ Данцигѣ, но самъ въ это время уѣхалъ въ Эльбингъ, а затѣмъ не было времени съѣздить къ нему въ виду близкаго окончанія срока перемирія и нахожденія непріятеля въ трехъ миляхъ отъ Столпе. Шифръ прусскій нуженъ былъ потому, что въ прежнее время была захватываема шифрованная переписка непріятеля, которую нельзя было разобрать. По полученіи же показывалъ его Ашу, равно какъ и печатный листъ о союзѣ Пруссіи съ Турціею, и говорилъ ему, что деньгами и все можно сдѣлать, и пусть король теперь бережется; но при этомъ никого не было. Доказательствомъ тому, что онъ замышлялъ не дурное, а доброе дѣло, служатъ найденныя въ его бумагахъ жалобы императрицѣ и Воронцову, которыя онъ отправилъ бы вмѣстѣ съ шифромъ, въ Петербургъ, тотчасъ по прибытіи въ Ландсбергъ. Отпускъ письма къ королю онъ сохранилъ у себя также потому, что хотѣлъ отослать его въ Петербургъ. Главный проектъ свой

(о захватѣ короля) обдумалъ не ранѣе мая и давалъ понять о немъ Ашу, но не могъ донести о немъ двору по краткости времени, массы дѣлъ, марша къ арміи и болѣзни.

Когда Саббатка принесъ ему первое письмо, то онъ могъ считать его королевскимъ шпіономъ, но такъ какъ онъ доказалъ письмами, что уже служилъ генералу Чернышеву, за что и сидѣлъ въ Берлинѣ подъ арестомъ, то надлежало уже назвать его конфидентомъ и тѣмъ болѣе, что полученныя черезъ него извѣстія были весьма важны и вѣроятны. А что онъ былъ главнымъ шпіономъ короля и пользовался его довѣріемъ, видно изъ того, что иначе не могъ бы сообщить этихъ извѣстій, и потому весьма важно было подкупить его.

Представляя эти объясненія, Тотлебенъ подалъ и 60 вопросовъ, которые просилъ предложить Ашу для подтвержденія сказаннаго въ нихъ, «если въ немъ есть хоть капля честной крови», но это было признано излишнимъ, такъ какъ и безъ того дѣло тянулось долго. Впрочемъ, Ашъ былъ все таки допрошенъ и показалъ, что шифръ Тотлебенъ ему показывалъ, говоря, что Саббатка досталъ его за деньги изъ королевскаго кабинета и что онъ сдѣлаетъ знатное дѣло; о передачѣ же шифра фельдмаршалу не говорилъ. О присылкѣ абшида сыну Тотлебена, о прибытіи земскихъ чиновниковъ и о полученіи черезъ Гришеля и Саббатку извѣстій о непріятелѣ онъ, между разговорами, слыхалъ и для донесенія фельдмаршалу переводилъ, но не съ оригиналовъ, а съ рукописи Тотлебена, и не знаетъ даже были ли тѣ извѣстія письменныя.

XII.

26-го апрѣля 1762 г. дежурнымъ генералъ-маіоромъ Кашкинымъ былъ объявленъ именной указъ объ учрежденіи надъ Тотлебеномъ генеральнаго кригсрехта. Презусомъ этого суда былъ назначенъ генералъ-фельдмаршалъ принцъ Гольштейнъ-Готторпскій, а ассесорами: генералъ-аншефъ, камергеръ, всѣхъ полицій директоръ Николай Корфъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ Александръ Вильбоа, генералъ-поручикъ и с.-петербургскій оберъ-комендантъ Иванъ Костюринъ, генералъ-поручикъ фонъ-

Пальмбахъ [1]) и генералъ-маіоры графъ Брюсъ и Ляпуновъ, а для производства—дѣйствительный статскій совѣтникъ и оберъ-аудиторъ гвардейскихъ полковъ Эмме.

На другой же день кригсрехтъ собрался и презусъ объявилъ переданное ему государемъ оправданіе Тотлебена и слѣдующія къ нему прошенія, а генералъ Корфъ предложилъ адресованный къ нему Тотлебеномъ запечатанный пакетъ съ объясненіемъ подсудимаго о его невинности [2]).

Затѣмъ находившемуся на караулѣ у Тотлебена поручику Англеру дана инструкція, чтобъ онъ содержалъ Тотлебена подъ крѣпкимъ карауломъ, не допуская къ нему никого, кромѣ посланныхъ отъ суда или отъ президента онаго; чернилъ, бумаги, перьевъ и карандашей ему не давать и его изъ квартиры не выпускать и всегда находиться при немъ безотлучно; впрочемъ, поступать съ нимъ почтительно и вѣжливо, чтобы онъ «чрезъ случающіеся иногда непорядки къ неудовольствію и огорченію причины не имѣлъ», еслиже онъ, для своего здоровья, въ покояхъ прохаживаться захочетъ, то это ему не запрещать.

Освидѣтельствовавъ шкатулку Тотлебена, въ которой оказались лишь ордена, золотая табакерка съ бриліантами, два перстня и прочая мелочь, а въ записной книжкѣ векселя, счеты и тому подобныя бумаги, допросивъ Тотлебена и выслушавъ дѣло, судъ 20 мая постановилъ слѣдующій приговоръ:

— Тотлебена, какъ измѣнника, казнить смертію; Саббатку же освободить, такъ какъ онъ былъ только письмоносцемъ и шпіономъ Тотлебена, не зная что было въ письмахъ, русской арміи не причинилъ никакого вреда и, напротивъ того, доставлялъ полезныя свѣдѣнія о непріятелѣ.

По постановленіи этого приговора презусъ объявилъ, что его императорское величество приказалъ спросить Тотлебена въ пополненіе: куда онъ взятыя имъ въ Берлинѣ изъ замка (дворца) и изъ (королевской) конюшни вещи дѣвалъ и какія именно и кому имъ отданы, для чего ко двору не присланы,

---

[1]) 3-го мая, вмѣсто отправленнаго къ арміи Пальмбаха, былъ назначенъ генералъ-инженеръ де-Боскетъ.

[2]) Бумагъ этихъ нѣтъ въ сенатскомъ дѣлѣ. Г. Р.

и если присланы, то къ кому и имѣетъ ли въ пріемѣ ихъ росписку [1])?

По этому предмету судъ положилъ допросить Тотлебена 21 мая, но какой имъ былъ данъ отвѣтъ—намъ неизвѣстно; изъ поднесеннаго же императрицѣ Елизаветѣ реестра вещамъ, присланнымъ Тотлебеномъ съ адъютантомъ его Мейвотомъ 26 ноября 1760 г., т. е. послѣ уже взятія Берлина, видно, что Тотлебеномъ были посланы разныя вещи не только для Воронцова, его жены, братьевъ Шуваловыхъ, кн. Трубецкой и графини Бутурлиной, но и для самой императрицы и великаго князя съ его супругою, и въ числѣ ихъ три портрета Фридриха II [2]), которые, конечно, не были написаны по заказу Тотлебена, а были пріобрѣтены имъ въ Берлинѣ, тѣмъ или другимъ способомъ.

XIII.

За послѣдовавшею вскорѣ по постановленіи приговора кончиною императора Петра III приговоръ этотъ остался не исполненнымъ и участь Тотлебена не была рѣшена. Очевидно, что императрицѣ Екатеринѣ было не до него. Только 1 сентября она вспомнила о немъ и, отправляясь въ Москву на коронацію, указала сенатору Ивану Ивановичу Неплюеву, оставленному ею въ Петербургѣ для завѣдыванія этою столицею, содержать Тотлебена подъ арестомъ такъ, какъ онъ содержался до тѣхъ поръ, а находящихся по его дѣлу подъ карауломъ разныхъ людей освободить и выслать за границу.

Указъ этотъ Неплюевъ объявилъ 3 сентября сенату, который и распорядился: предписать капитану Ангелару неотлучно находиться при Тотлебенѣ, содержать его подъ крѣпкимъ карауломъ, никого къ нему не допускать, кромѣ присланныхъ отъ Неплюева, чернилъ и бумаги не давать и изъ квартиры не

[1]) Рапортомъ отъ 3 октября 1760 г. Тотлебенъ доносилъ: «королевскій весь замокъ приказалъ я осмотрѣть, только въ немъ ничего не найдено какъ 3 сундучка, которые тогда же запечатаны и находятся при моей командѣ; прочее же, что было, все перевезено въ Магдебургъ» (моск. арх. м. н. д., 1761 г., № 106).

[2]) Архивъ кн. Воронцова, VII, 421. Г. Р.

выпускать, но противъ него никакихъ безпорядковъ и огорченій не чинить и дозволять ему прохаживаться въ покояхъ. «А для выпроваживанія означенныхъ людей за границу» прислать с.-петербургскому оберъ-коменданту Костюрину унтеръ-офицера, знающаго нѣмецкій языкъ, и 2-хъ солдатъ, съ которыми ихъ и отправить до Риги, гдѣ и сдать въ мѣстную губернскую канцелярію, для высылки ихъ за границу.

Согласно этому опредѣленію, Саббатка, его сынъ и прислуга Тотлебена были высланы съ сержантомъ Ацарити, который 27 сентября и выпроводилъ ихъ за границу. Тотлебенъ же продолжалъ сидѣть подъ карауломъ вплоть до весны 1763 года, потому ли, что у императрицы было много дѣлъ, болѣе важныхъ, чѣмъ его, или же потому, что, быть можетъ, ей хотѣлось окончательно убѣдиться не былъ ли онъ подкупленъ, ведя недозволенную переписку съ прусскимъ королемъ, и не попали ли тѣ два милліона, о которыхъ говорилъ Гоцковскій, хотя бы частію, въ его руки, или, наконецъ, что при занятіи Берлина онъ не ограничился полученіемъ въ подарокъ только той суммы, которую самъ указалъ и которою подѣлился съ корпусами Чернышева и Лесси, но пріобрѣлъ, тѣмъ или другимъ способомъ, болѣе значительный капиталъ. Въ этомъ отношеніи невольно обращаютъ на себя вниманіе указъ императрицы Неплюеву отъ 19 ноября 1762 г., изъ Москвы, и объявленное въ сенатѣ 25 февраля 1763 года повелѣніе относительно пожитковъ Тотлебена, привезенныхъ изъ за границы на корабляхъ. Въ указѣ Екатерины II Неплюеву сказано было: «Бывшаго въ нашей службѣ генералъ-маіора графа Тотлебена сундукъ съ письменными дѣлами и въ немъ шкатулка его же, Тотлебена, печатію запечатанная, оставлены въ вѣдомствѣ вашемъ при сенатской конторѣ.

«Въ помянутомъ сундукѣ письменныя дѣла, которыя понужнѣе, тѣ прикажите описать и опись къ намъ прислать. Но паче всего вы сами съ нашимъ генераломъ и сенаторомъ Корфомъ и съ статскимъ совѣтникомъ Эмме находящуюся въ томъ сундукѣ шкатулку секретно распечатать имѣете и всѣ въ ней вещи приказать описать, а всего больше векселя или облигаціи, какіе въ той шкатулкѣ есть, осмотрѣть и переводы оные сюда прислать какъ наискорѣе, дабы можно было узнать гдѣ и въ

чьихъ именно рукахъ какая денежная сумма онаго Тотлебена находится [1])».

Чтоже касается до распоряженія о пожиткахъ Тотлебена, то оно заключалось въ томъ, что 25 февраля 1763 г. императрица приказала въ сенатѣ доложить ей «въ комнатѣ» о тѣхъ пожиткахъ, которые были привезены изъ арміи и значились въ реестрѣ военной коллегіи [2]). Но въ числѣ ихъ, какъ видно изъ описи имъ, драгоцѣнныхъ вещей было немного, а именно: двѣ золотыя табакерки, перстень съ портретомъ прусскаго короля, «небогато осыпанный мелкими брилліантами», и нѣсколько другихъ золотыхъ вещей. Были также 12 маленькихъ мѣдныхъ и 2 небольшія чугунныя пушки, которыя, быть можетъ, были взяты при разграбленіи въ 1760 году нашими войсками резиденціи маркграфа Бранденбургъ-Шветскаго и служили только «для увеселенія» [3]), но все это не составляло признаковъ богатства, и при томъ изъ переписки коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ представителями иностранныхъ державъ можно было видѣть, что на Тотлебена были предъявлены взысканія по векселямъ, выданнымъ имъ еще въ 1757 г. въ Регенсбургѣ, Вѣнѣ и другихъ мѣстахъ на немаловажную сумму [4]). Правда, Тотлебенъ показалъ, что онъ поручалъ зятю своему Мирбаху и повѣренному въ Дрезденѣ покупать имѣнія на переведенныя имъ въ Данцигъ суммы, а равно пріобрѣлъ домъ въ Столпе съ конскимъ заводомъ, но вѣдь имѣлъ же онъ родовыя имѣнія въ Саксоніи и Силезіи и давалъ же деньги на содержаніе подчиненныхъ ему полковъ, какъ это значилось въ его показаніяхъ, и подтверждалось выданными ему росписками на 11,466 руб., которыя, при возвращеніи ему бумагъ, хитрый сенатскій секретарь Борисъ Сахаровъ счелъ долгомъ отобрать, «яко принадлежащія до полковыхъ дѣлъ», а И. И. Неплюевъ не велѣлъ отдавать Тотлебену [5]). Наконецъ, нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что онъ, какъ сказано въ «Разговорѣ въ царствѣ мертвыхъ», не забылъ себя въ Берлинѣ, пользовался представлявшимися случаями и былъ

---

[1]) Сборникъ Историч. Общества, т. VII, стр. 185.
[2]) Сенатскій архивъ, 105 книга высочайшихъ повелѣній, л. 173.
[3]) Ордеръ Бутурлина 23 апрѣля 1761 г.
[4]) Слѣдственное дѣло.
[5]) Сенатское дѣло.

богатъ настолько, что въ Данцигѣ и Гамбургѣ у него было 600 т. гульденовъ, которые тамошнему русскому резиденту велѣно было истребовать, но онъ ничего не добился. Въ томъ, что нашъ резидентъ въ Данцигѣ Ржичевскій ничего не добился, служатъ доказательствомъ хранящіяся (въ Московск. архивѣ м. и. д.) [1]) донесенія его, подтверждающія съ тѣмъ вмѣстѣ и то, что Тотлебеномъ была припрятана не маловажная сумма. Такъ, 5 іюля 1761 г., Ржичевскій увѣдомилъ, что на конюшнѣ у Тотлебена 40 хорошихъ лошадей и что по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ Тотлебенъ, будучи весною того года въ Данцигѣ, отправилъ оттуда скрытнымъ образомъ свои вещи и деньги моремъ въ Любекъ и затѣмъ въ Гамбургъ, къ банкиру Гиссу, а изъ Гамбурга всѣ сундуки должны были быть отвезены вверхъ по Ельбѣ, но куда и кому, никто не знаетъ. Распорядившись послѣ того наложить арестъ на деньги и вещи Тотлебена, находившіяся у банкира Матія [2]), и потребовавъ отъ магистрата, чтобы всѣ купцы, у которыхъ были вещи Тотлебена, показали по совѣсти, сколько ихъ у нихъ и куда отправлены, Ржичевскій 26 іюля донесъ, что у Матія два сундука, а у другаго купца одинъ маленькій, за печатью Тотлебена, что магистратъ велѣлъ наложить арестъ, что по показанію купца Шварца Тотлебенъ далъ ему въ 1760 г. 8 ящиковъ, но въ маѣ 1761 года [3]) взялъ ихъ обратно; другіе же купцы показали, что въ январѣ 1760 г. было привезено 42 ящика и узла, а въ маѣ 1761 г. Тотлебенъ велѣлъ ихъ отправить въ Любекъ; остался лишь небольшой ящикъ; 14 мая 1761 г. онъ далъ Матію 8 т.

---

[1]) Дѣло 1761 г. № 7, копіи реляцій.

[2]) 3 іюля 1761 г. находившійся въ Познани бригадиръ князь Путятинъ, при пересмотрѣ, «по обыкновенію», почты въ Гданскѣ, нашелъ, подъ чужимъ конвертомъ совѣтника мѣстной соляной конторы, письма Тотлебена, писанныя карандашемъ, и, между прочимъ, одно къ данцигскому купцу Мати о томъ, чтобы деньги и сундуки его скорѣе отослать въ Дрезденъ и Гамбургъ (М. а. и. д., 1761 г., № 106).

[3]) 28 апрѣля 1761 г. Бутурлинъ разрѣшилъ Тотлебену съѣздить въ Данцигъ на недѣлю, «для исправленія его нуждъ» (м. а. м. и. д., № 49), а 12 мая Тотлебенъ писалъ Мирбаху, что по полученіи этого разрѣшенія онъ передастъ совѣтнику Фризе 8 т. талеровъ, приданыхъ дочери, у которой, кромѣ того, есть не маловажная часть въ наслѣдствѣ покойнаго генерала барона д'Ауервица, дяди ея матери, и не мало денегъ на сохраненіи въ Ейзенахѣ (м. а. м. и. д. 1761 г. № 48).

Г. Р.

руб. для перевода въ Берлинъ Гоцковскому [1]), а на слѣдующій день велѣлъ имъ выдать 20 т. руб. для уплаты по данной имъ ассигновкѣ нѣкоему Шіеслеру въ Дрезденѣ на 28 т. р. и 2 т. августдорами, затѣмъ 16 мая взялъ у нихъ 5 т. гульденовъ и 18-го далъ на нихъ ассигновку въ 3,360 р. и прислалъ, для продажи, три куска парчи и нѣсколько «антолажныхъ» манжетъ, но потомъ потребовалъ ихъ обратно. Не смотря на противодѣйствіе Ржичевскому саксонскимъ вице-коммисаромъ барономъ Лейбницемъ, бывшій у Матія сундукъ былъ распечатанъ и въ немъ оказалось 11,068 фридрихсдоровъ, 972 червонца, 4 золотыхъ медали и 8,599 рублей. Кромѣ того изъ принадлежавшихъ Тотлебену суммъ найдено: у Матія—62,860 гульденовъ, 29 грошей и 2 т. августдоровъ и у купца Мейерголта 3 куска бархата. Донося объ этомъ въ октябрѣ 1761 года, Ржичевскій присовокупилъ, что въ Саксоніи «Тотлебенъ много долженъ остался» [2]).

Только 31 марта 1763 года императрица подписала слѣдующій указъ, обнародованный сенатомъ 11 апрѣля того же года:

«Содержащійся подъ арестомъ арміи генералъ-маіоръ Готлобъ-Куртъ-Генрихъ графъ фонъ-Тотлебенъ, служа прошлую войну въ нашей арміи, собственнымъ своимъ поведеніемъ обличенъ въ вредительныхъ намѣреніяхъ [3]) противу Россійскаго государства, что самое, какъ свидѣтельствомъ постороннихъ людей, которыхъ онъ къ тому употреблялъ, такъ, наконецъ, и собственными его своеручными письмами ему доказано; и потому, держаннымъ надъ нимъ кригсрехтомъ осужденъ лишенію чести, имѣнія и живота, и сентенція подписана однимъ генералъ-фельдмаршаломъ, двумя полными генералами, двумя генералъ-поручиками и двумя генералъ-маіорами. Но мы, въ раз-

[1]) Рапортомъ отъ 24 марта Тотлебенъ просилъ Бутурлина объ уплатѣ ему денегъ, истраченныхъ на награды Адеркасу и другимъ лицамъ при заключеніи перемирія, объясняя, что онѣ ему нужны, такъ какъ ему надо заплатить Гоцковскому 8 т. рублей по векселю (м. а. м. и. д., 1761 г., № 49).

[2]) Въ ноябрѣ 1761 г. вдова Шенауеръ, прося графа Воронцова о взысканіи должныхъ ей Тотлебеномъ 7 т. гульденовъ по векселямъ, выданнымъ въ Вѣнѣ въ 1756 и 1757 г., указывала, что деньги эти были взяты для набора рекрутъ въ Германіи и что все имѣніе Тотлебена въ закладѣ (м. а. м. и. д., 1761 г., № 20).

[3]) Проектъ этого указа исправлялся, а можетъ быть и былъ написанъ секретаремъ императрицы Тепловымъ. Вмѣсто словъ: «вредительныхъ намѣреніяхъ», въ проектѣ было сказано: «явился не только въ намѣреніи, но и въ дѣлахъ измѣнническихъ». (Сборн. историч. общества, т. VII, стр. 272). Г. Р.

сужденіи томъ, что злое его, Тотлебена, умышленіе никакихъ вредительныхъ слѣдствій нашему государству еще не произвело, и онъ уже около трехъ лѣтъ въ арестѣ сидѣлъ, по природному нашему великодушію, живота у него не отнимаемъ. А вмѣсто того повелѣли мы нашему сенату его, Тотлебена, яко преступника, болѣе нетерпимаго въ областяхъ нашихъ, подъ карауломъ вывезти за границу нашей имперіи и тамъ, прочитавъ сентенцію военнаго суда, а потомъ и сей нашъ указъ, отнять всѣ чины и кавалеріи у него и взять письменный реверсъ въ томъ, чтобъ онъ ни подъ какимъ видомъ, ни тайно, ни явно, въ имперію нашу не въѣзжалъ и что въ противномъ случаѣ, ежели кто его увидитъ и узнаетъ въ государствѣ нашемъ, тотъ право имѣетъ отнять у него животъ, какимъ заблагоразсудитъ образомъ, и не преступитъ ни правъ гражданскихъ, ни военныхъ, ниже общенародныхъ, которыя его, Тотлебена, защищать, яко измѣнника, выгнаннаго изъ Россійскаго государства, болѣе не могутъ; а потомъ вывезти за границу и оставить тамо безъ всякаго абшида. Объ имѣніи же его отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ знать дать ко всѣмъ нашимъ, у дворовъ чужестранныхъ пребывающимъ, министрамъ, дабы они, по повелѣнію нашему, объявили пристойнымъ образомъ тамъ, гдѣ обрѣтаются, что секвестръ съ имѣнія его, Тотлебена, въ Гданскѣ и Гамбургѣ, и гдѣ оное содержится, мы снимаемъ, съ тѣмъ, чтобы каждый имѣющій на него, Тотлебена, свою претензію могъ, своимъ порядкомъ, гдѣ надлежитъ, удовольствія своего искать, якоже мы въ ономъ имѣніи никакого участія желать не имѣемъ [1]). Насупро-

[1]) Въ проектѣ указа, кромѣ того, было сказано: «чего ради и тѣ вещи, которыя при сенатской конторѣ по описи находятся, съ нимъ вывезть и ему отдать за границею, удовольствуя прежде изъ того здѣсь находящихся нашихъ подданныхъ, если кому изъ нихъ онъ, Тотлебенъ, чѣмъ долженъ» (Сборникъ историч. общества, т. VII, стр. 273); но слова эти были зачеркнуты и 3 апрѣля сенату былъ данъ особый указъ по этому предмету, такого содержанія: «Высланному за преступленіе изъ нашей службы Тотлебену слѣдуетъ выдать заслуженнаго жалованья по полному окладу съ 1 сентября 1760 года по 19 іюня 1761 г. и со дня ареста по 31 марта 1763 г. половинное, и въ то число онъ получилъ нѣкоторую сумму. Справясь, сдѣлать разсчетъ, и если что не додано, то выдать, а переданное возвратить, также какъ и издержанные на перевозку его изъ Познани въ С.-Петербургъ, по показанію Аша, 800 р. изъ имѣнія Тотлебена, находящагося въ сенатской конторѣ, уплативъ изъ него и партикулярные его долги, если они окажутся». (Книга высочайшихъ повелѣній, 106, л. 27). Исполняя этотъ указъ, сенатъ вызывалъ, чрезъ публикаціи въ газетахъ, кредиторовъ Тотлебена, но никто изъ нихъ не явился. Г. Р.

тивъ того, тѣхъ людей, которые еще при ономъ Тотлебенѣ и по нынѣ содержатся, по невинности ихъ, такъ, какъ въ той сентенціи военнаго суда объяснено, повелѣваемъ освободить, въ силѣ той же сентенціи, и сей указъ публиковать во всемъ нашемъ государствѣ" [1]).

Исполненіе этого указа были возложено сенатомъ на премієръ-маіора астраханскаго пѣхотнаго полка Мезенцова, которому въ помощь былъ приданъ, знавшій нѣмецкій языкъ, прапорщикъ Реэръ, унтеръ-офицеръ и 6 рядовыхъ.

Въ инструкціи Мезенцову, между прочимъ, значилось, что, привезя Тотлебена въ Ригу, онъ долженъ истребовать изъ губернской канцеляріи, для указанія россійской границы между Курляндіею и Лифляндіею, кого пристойно, и затѣмъ въ точности исполнить все то, что предписывалось означеннымъ указомъ.

Согласно этому, 13 мая 1763 г. Тотлебенъ былъ выпровоженъ за мѣстечко Шульценъ-кругъ [2]).

Г. К. Рѣпинскій.

Спб.
5 октября 1887 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Разсужденіе о извѣстной сюрпризѣ.

Самое сіе обстоятельство, что наши войска изъ Трептавскаго и Грейфенбергскаго округовъ назадъ къ Керлину отступили, видится въ помянутой сюрпризѣ наилучше способствовать и непріятеля успокоивать можетъ.

Когда наши войска не только въ помянутыхъ округахъ съ одной, но и въ Кеслинѣ, Цановѣ и Ригенвальдѣ съ другой стороны стояли, слѣдовательно Кольбергъ съ обѣихъ сторонъ въ заперти содержали, то натурально сіе расположеніе нашихъ войскъ не могло иначе, какъ непріятеля о Кольбергѣ тревожить, столь больше, что и городъ крайнюю во всемъ нужду претерпѣвалъ,

---

[1]) Полное собр. законовъ, № 11794.

[2]) Гдѣ именно находится это мѣстечко—неизвѣстно; въ настоящее время есть въ Динамюнденскомъ кирхшпилѣ маленькое, въ $^1/_8$ гака, имѣньице Шульценгофъ. Г. Р.

и непріятель еще чаять могъ, что иногда такимъ образомъ и формальная осада крѣпости предпріимется, не смотря, что потребной къ тому артиллеріи нѣтъ.

Сіе справедливое опасеніе, конечно, единственною причиною было, что Вернеръ съ корпусомъ своимъ изъ Мекленбургіи уже въ Померанію до Старгарда съ немалою артиллеріею пришелъ, гдѣ теперь и находится.

Но какъ, напротивъ того, теперь наши войска до Керлина назадъ подались, то непріятель, причитая сіе отступленіе своему приближенію, отнюдь нужды не имѣетъ ближе къ Кольбергу и Трептау идти, столь паипаче, что и безъ того сія сторона нашими войсками уже изпражнена, слѣдовательно, отъ оной Кольбергъ въ безопасности находится.

Потому полагать можно, что непріятель удовольствуется остаться въ Старгардѣ, а по крайней мѣрѣ въ Массовѣ и Наугарденѣ, въ чемъ ему и больше нужды быть видится, дабы, переходя рѣку Регу, наши войска, особливо у Шибельбейля, отъ Персанты удалять.

Въ семъ случаѣ надлежало-бъ только его нападенія храбро встрѣчать и отпоръ дѣлать, подавая притомъ разными маневрами и посылкою партій такой видъ, что единственно отъ насъ ищется Вернеровъ корпусъ назадъ прогнать, дабы тѣмъ непріятель болѣе увѣренъ быть могъ, что корпусъ нашихъ войскъ слабъ, и что по сей причинѣ, и по приближеніи Вернера и назадъ отступилъ.

Такимъ образомъ, владѣя мы рѣкою Персантою и имѣя по ней въ удобныхъ и крѣпкихъ мѣстахъ наши войска въ расположеніи, а сверхъ того содержа большую часть пѣхоты въ Кеслинѣ, Цановѣ и Крангѣ, можно бы было успѣха надѣяться въ благополучномъ произведеніи помянутой сюрпризы; а особливо когда остальные два баталіона и конный гренадерскій Каргопольскій полкъ, по разсмотрѣнію, въ удобныхъ мѣстахъ и въ близости на подкрѣпленіе расположатся.

Но что до самаго предпріятія сей сюрпризы касается, то хотя полагается оная на лучшее разсмотрѣніе главнаго надъ тамошними нашими войсками командира, и на его ревность и усердіе къ службѣ, но притомъ за нужно поставляется примѣтить:

1) Чтобъ за нѣсколько недѣль до означиваемаго къ тому дня отнюдь не было послано никакихъ партій къ Кольбергу, дабы какъ городъ, такъ и непріятель въ большей безпечности былъ.

2) Что когда день къ тому назначится и потребная къ тому партія отправится, то надлежитъ наканунѣ того почью нѣкоторое число пѣхоты и легкаго войска за лежащія близь Кольберга горы въ тихости завести и тамъ держать, дабы они, по подаваемому отъ партіи знаку, тотчасъ за тою въ городъ слѣдовали и оную тамъ усилили; ибо, напротивъ того, въ неудачливомъ, отъ чего Боже сохрани, случаѣ имѣютъ сіи за горами остановленная

пѣхота и конница къ тому служить, что помянутая партія со всякою безопасностію туда ретироваться можетъ.

3) Тою же ночью и большей части всего корпуса, при главномъ командирѣ, къ Кольбергу податься, оставляя въ крѣпкихъ мѣстахъ около Керлина достаточныя команды.

4) Между тѣмъ въ самый день предпріятія всемѣрно надобно нарочную партію противъ Вернерова корпуса послать, дабы его тѣмъ упразднить и вѣрить заставить, что дѣло только до него идетъ.

5) Въ число отправляемой для предпріятія на Кольбергъ партіи можетъ быть употреблено до 200 конныхъ гренадеръ или, за неприбытіемъ еще оныхъ, столько и пѣшихъ гренадеръ, посадя ихъ на казачьихъ лошадей и придавъ имъ, по разсмотрѣнію, нѣсколько пушекъ съ аммуницею и исправными канонерами, тако-жъ и артиллерійскими унтеръ-офицерами.

6) Что принадлежитъ до удержанія сей крѣпости, по благополучномъ ея занятіи, противъ приходящаго для отобранія ея назадъ непріятеля, то въ томъ, кажется, дальней опасности и отваги быть не можетъ, ибо какъ по объявленію поручика Древеса имѣются въ Кольбергѣ не малые магазины, кои между тѣмъ теперь съ Трептаускаго и Грейфенбергскаго округовъ и умножатся, то не только всю пѣхоту, то есть три полка, тотчасъ туда ввести, но и еще отъ Вислы въ поле противъ непріятеля, въ помощь легкимъ войскамъ, подвинуть можно; а напротивъ того непріятель, какъ бы приходомъ своимъ туда не торопился, изъ Штетина скоро придти, а наименьше осадную артиллерію привести въ состояніи найдется. Вернеръ же самъ собою гораздо слабъ, чтобъ крѣпость отобрать могъ.

7) Напослѣдокъ, помянутый поручикъ Древесъ вскорѣ обратно отсюда пришлется, потому что его, кажется, всемѣрно къ сей экспедиціи употребить надобно, въ разсужденіи, что онъ не только напередъ сего все состояніе и обстоятельства Кольберга совершенно знаетъ, но и вновь нынѣ въ самомъ томъ предмѣстьи былъ, откуда сіе предпріятіе учинено быть имѣетъ, а особливо, что онъ вѣдаетъ какъ тѣ мѣста, гдѣ черезъ рвы вплавь къ крѣпости перебраться, такъ и тѣ самыя въ воротахъ калитки, въ которыя на валы тотчасъ взойти можно.

8) О сихъ и другихъ, къ успѣху сюрпризы служащихъ, способахъ по пріѣздѣ его обстоятельнѣе отъ него самого донесено будетъ.

9) А какъ по его же объявленію находится въ Кеслинѣ надворный совѣтникъ Шмитъ, крайній пріятель и корреспондентъ Кольбергскому коменданту, то для большаго проведенія сего коменданта, надобно помянутаго бургомистра, за день до предпріятія, подъ крѣпкій караулъ посадить и до окончанія онаго содержать, а между тѣмъ велѣть ему написать отъ себя къ коменданту такое письмо, какое онымъ поручикомъ требовано будетъ.

10) Сверхъ же того, буде надобно, можно въ назначиваемый къ сему

предпріятію день сдѣлать между нашими казаками притворное сраженіе, дабы равномѣрно Кольбергскаго коменданта увѣрить, якобы оное сраженіе между непріятельскими и нашими легкими войсками происходило.

Впрочемъ, все сіе оставляется въ лучшее на мѣстѣ главнаго командира усмотрѣніе съ усердным желаніемъ, при помощи и благословеніи Всевышняго, всякаго въ томъ успѣха и съ обнадеживаніемъ монаршей ея императорскаго величества милости, что показуемая въ семъ дѣлѣ заслуга отмѣнно взыскана будетъ.

II.

Маршрутъ арміи ея императорскаго величества отъ рѣки Варты къ Силезскимъ границамъ 1761 г.

15 іюня главная квартира съ пятью бригадами резервной артиллеріи, инженернымъ полкомъ и Чугуевскими казаками перейдетъ отъ Познанки къ деревнѣ Вири, разстояніемъ одну милю, а оттуда 16 числа къ городу Мосину полторы мили.

Первая дивизія 14 числа перейдетъ отъ Чарикова къ Турновцу полтретьи мили; оттуда 15 и 16 чиселъ къ Оборникамъ полтретьи же мили; отъ Оборниковъ 17 числа къ Напохавью, также полтретьи мили; а отъ Напохавья 18 числа къ Янковцамъ одну милю.

Вторая дивизія 15 числа изъ Познани къ Ленчицку перейдетъ одну милю, а оттуда 16 числа къ Совинецку одну же милю.

Третія дивизія съ остальною резервною артиллеріею и тяжелымъ багажемъ первой и третьей дивизіи 13 числа перейдетъ отъ Устцъ къ Кускову двѣ мили, откудова 14 и 15 чиселъ къ Велнамъ полтретьи мили. 16 числа отъ Велно къ Совинску двѣ мили, а оттуда 17 числа къ Познани полторы мили.

Корпусъ генералъ-поручика графа Чернышева 15 числа перейдетъ отъ Вронковъ къ Тарску двѣ мили, а оттуда 16 числа къ Буку полтретьи мили.

Легкому корпусу подъ командою ген.-маіора Тотлебена слѣдовать изъ Помераніи къ Дризену, или Ландсбергу, вдоль по рѣкѣ Одеру, оставляя оную въ правой сторонѣ, а оттуда идти черезъ Парадисъ Клостеръ въ Тирштагель или Збочинъ.

Генералъ-квартирмейстеръ Штофель.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ОПИСАНІЯ ЖИЗНИ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

описанное самимъ имъ для своихъ потомковъ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ ИЛИ СНАЧАЛА 35-я.

Плоды 1799 и 1800 годовъ [1]).

Мой другъ! Первой день вновь наступившаго 1800 года думали было мы препроводить на имянинахъ у друга моего, Василія Ивановича Кислинскаго, въ Федешовѣ, но зубная боль сына моего до того насъ не допустила и принудила пробыть въ оной дома, но провели мы оной не одни, но былъ съ нами и зять мой Воронцовъ съ Настасьей и оба мои внучата, гости милые и пріятнѣйшіе для насъ. Невѣстка моя, съ дочерью моею Катериною и малюткою Катинькою ѣздили къ обѣдни, первая для взятья молитвы, а послѣднюю причащали. Къ обѣду же пріѣхали къ намъ любезные наши сосѣди Ладыженскіе, оба брата и оба мои крестники, и провели съ нами весь сей день и старшей изъ нихъ съ нами и ужиналъ, а младшей поѣхалъ отъ насъ въ свою степную деревню. Впрочемъ достопамятно, что я, начавъ по утру въ сей день дѣлать смѣты доходовъ и расходовъ денежныхъ за прошедшей годъ и признавъ время сіе къ тому весьма неспособнымъ, положилъ съ сего времени впредь считать оные не съ января, а съ мая мѣсяца, поелику съ сего времени обыкновенно начинали вступать въ приходъ новые денежные доходы, и сіе было несравненно удобнѣе и года между

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1870—1873 гг. (приложеніе) и изд. 1889 г., томъ LXII, іюнь, стр. 535—576.

собою не перепутывались, почему съ сего времени и наблюдалъ я всегда уже сіе правило. По наступленіи же втораго дня, разстались мы и съ родными нашими Воронцовыми, поѣхавшими отъ насъ въ свое Головнино и прогостившими у насъ болѣе недѣли, жена же моя съ невѣсткою и дочерью ѣздили въ Татарское, а мы съ Павломъ Ан. оставались дома, онъ за своими зубами, а я за своими счетами, а въ послѣдовавшей за симъ день пріѣхали наконецъ наши степные, которыхъ мы давно уже и съ великою нетерпѣливостію дожидались, но удовольствіе имѣлъ я отъ того невинное. Привезли они одинъ только столовой запасъ, а денегъ ничего, а онѣ то мнѣ были всего нужнѣе, и я новымъ своимъ нанятымъ управителемъ не весьма былъ доволенъ: вопервыхъ, опоздалъ онъ присылкою обоза и заставилъ чрезъ то терпѣть нужду въ столовыхъ припасахъ; во вторыхъ, того, что мнѣ всего было нужнѣе, не прислалъ ничего, а въ третьихъ, и писалъ обо всемъ лаконически и очень коротко. Къ неудовольствію сему присоединилось и то, что въ домѣ нашемъ существовали тогда опасныя дѣтскія болѣзни, поносы простые и кровавые, и изъ ребятъ въ самой сей день померло трое отъ сей болѣзни.

На утріе ѣздилъ я по приглашенію съ женою и невѣсткою и Катериною въ Глѣбово къ Пановымъ обѣдать, гдѣ нашли мы множество гостей и въ томъ числѣ нѣсколько и незнакомыхъ, какъ-то госпожу Крылову съ ея двоюродными братьями, г. Нестерова съ его семействомъ, Каверина съ дочерьми и еще кое-кого; сидѣли весь день, вечеромъ же оглушены были крикомъ цыганъ, пѣвшихъ свои пѣсни и плясавшихъ. Никогда еще не случалось мнѣ видать столько хорошихъ лицъ, какъ тутъ между симъ скитавшимся народомъ. Мы просидѣли до ужина, дожидаясь восшествія мѣсяца, и пріѣхали домой уже за полночь и нашли занемогшаго безъ насъ Николиньку нашего, и озаботились немало тѣмъ, онъ былъ и въ послѣдующей за симъ день боленъ.

Въ день Богоявленія Господня и послѣдней нашихъ святокъ, имѣли мы, противъ чаянія, у себя гостей и обѣдъ гостиной. Еще по утру присылалъ ко мнѣ племянникъ мой А. Мих. человѣка для поздравленія съ праздникомъ и сказать, что онъ будетъ къ намъ съ сестрою своею обѣдать; боярыни

наши всѣ поѣхали къ обѣдни, а Павелъ за распухлою щекою остался со мною дома, и тутъ предстоятъ предъ меня вдругъ оба брата Кузминыхъ, владѣльцы Агаринскіе. Старшей изъ нихъ, Василей, человѣкъ умный, свѣтской и бойкой, былъ еще впервые у меня тогда въ домѣ, и съ нимъ можно было обо многомъ поговорить. Всѣ они у насъ обѣдали и провели у насъ весь день и вечеръ.

Чрезъ два дня послѣ сего случилось быть дню рожденія старушки моей тещи, ибо нечаянно его праздновали, ибо г. Доброклонскому вздумалось въ самой сей день пріѣхать къ намъ обѣдать, и пріѣхали также Алымовъ и Ладыженской, чрезъ что и составился у насъ обѣдъ и довольно людной. Всѣ они у насъ пробыли до самаго вечера и даже ужинали, а мы между тѣмъ утѣшены были тѣмъ, что внуку моему Николинькѣ полегчало, о которомъ опасались мы, чтобъ не сдѣлалось у него воспаленія въ груди и чтобъ онъ у насъ не умеръ.

Съ сего времени по самое 23 число января не случилось у насъ никакихъ дальнихъ особливостей, кромѣ того, что мы ѣздили въ гости къ нашимъ Кислинскимъ въ Федешово и ночевали у нихъ двѣ ночи, потомъ чуть было не занемогъ и самъ я лихорадкою, и съ ѣздившимъ въ Москву г. Ладыженскимъ получили формальное увѣдомленіе о рѣшеніи нашего межеваго дѣла наимошенническимъ и преплутовскимъ образомъ, но какъ по крайней мѣрѣ я оставленъ былъ при конторскомъ рѣшеніи, то и не имѣю причины подписывать неудовольствіе и апелляцію и ѣхать затѣмъ въ Петербургъ, да и отъ московской ѣзды сдѣлался почти освобожденнымъ и получилъ свободу располагать своимъ временемъ, а до сего все меня держало сіе дѣло и не дозволяло надолго отъ дома отлучиться. Почему и начинали мы тогда помышлять о замышляемой ѣздѣ за Тулу и какъ бы намъ пробраться чрезъ Тулу въ Симаково, а отъ туда въ Головлино и въ Ламки, а сыну моему оттуда далѣе и въ Донковъ къ роднымъ своимъ.

Въ путь сей отправились мы 23 числа по утру и я отлучился въ сей разъ отъ дома слишкомъ нежели на 16 дней, въ теченіи котораго перебывали мы у всѣхъ нашихъ ближнихъ родныхъ, и въ переѣздахъ своихъ изъ дома въ домъ,

по случаю бывшихъ въ сіе время крайне дурныхъ и безпокойныхъ погодъ и по дурнотѣ дорогъ (испытали) много непріятностей, но взамѣнъ того, въ домахъ родныхъ нашихъ имѣли много и удовольствій. Поѣхало насъ въ сей путь только пятеро, я съ женою, да сынъ мой съ своею подругою, да дочь наша Катерина, а старушка теща моя, съ гостившею у насъ Ольгою Васильевною Метельковскою и обоими Николинками и малюткою, моею родною внучкою, оставались у насъ въ деревнѣ.

Мы выѣхали изъ двора хотя довольно рано, но по дурнотѣ ухабистой дороги, съ нуждою доѣхали для кормки лошадей до Вашаны, а въ Тулу пріѣхали уже ночью. Тутъ остановясь на квартирѣ зятя моего Шишкова, у попа, имѣлъ я случай спознакомиться и даже сдружиться съ родственникомъ зятя моего Никитою Алексѣевичемъ Шишковымъ, человѣкомъ умнымъ и такимъ, съ которымъ можно было говорить обо многомъ. Переночевавъ тутъ и напившись чаю, поѣхали мы далѣе и проселочными дорогами въ Симаково, и ѣдучи во многихъ мѣстахъ цѣликомъ и теряя дорогу, не прежде какъ уже ночью дотащились до Симаково. Тутъ, у родныхъ нашихъ Бородиныхъ, весьма намъ обрадовавшихся, пробыли мы цѣлые трое сутокъ. Мы нашли тутъ и зятя моего Воронцова, но которой, на другой же день, уѣхалъ отъ насъ въ Тулу, куда онъ зачѣмъ-то былъ вызванъ, а мы безъ него праздновали тутъ день имянинъ хозяйкиной бабушки, а моей почтенной старушки тещи, и провели все время пребыванія нашего тутъ довольно весело, и хозяева угощали насъ какъ нельзя лучше. Изъ Симакова отправились мы въ Ламки, къ роднымъ нашимъ Шишковымъ, и выѣхали хотя рано, и только что позавтракавъ и по дурнотѣ занесенныхъ мятелями дорогъ насилу къ ночи доѣхали до Ламокъ и Катерина моя въ прахъ перестрадалась, будучи въ одномъ мѣстѣ въ кибиткѣ своей извалена на бокъ. Съ нами вмѣстѣ пріѣхала туда и наша Настасья Андреевна.

Въ наступившей послѣ сего день была у насъ такая страшная вьюга и мятель, что никуда носа показать было не можно и мы провели сей день одни, съ нашими хозяевами, которые были намъ также очень рады. А на утріе, позавтракавъ, поѣхала наша Настасья Андреевна домой, а насъ съ Павломъ догадало

заняться приготовленіемъ одного конскаго лекарства, извѣстнаго подъ названіемъ Антимоной печенки, и мы, не дѣлая онаго еще никогда, по неосторожности надушили всѣ зятнины палаты наидурнѣйшимъ и противнѣйшимъ запахомъ, и съ трудомъ оной изъ комнатъ выжили, между тѣмъ подъѣхали къ намъ и наши Бородины и Ольга съ мужемъ, а вслѣдъ за ними и Степанъ Пургасовъ, съ которыми и провели мы сей вечеръ, въ которой случилась та достопамятность, что многіе изъ насъ, а имянно я, зять Петръ Герасимовичъ, Катерина, Павелъ Андреевичъ и еще гость Грековъ, всѣ вдругъ и одинаково занемогли. Всѣ почувствовали ознобъ, какъ въ лихорадкѣ, у всѣхъ заболѣло горло и сдѣлался жаръ и всю ночь чувствовали не по себѣ и отпивались всѣ декоктомъ, и я насилу отпился, и не зналъ отъ чего бы то всѣмъ сіе несгодье могло случиться, но по крайней мѣрѣ не было отъ того никакихъ дальнѣйшихъ и непріятнѣйшихъ послѣдствій, но у всѣхъ дурнота сія скоро прошла.

На утріе, послѣ ранняго обѣда, разстались мы на время съ нашимъ Павломъ Андреевичемъ; онъ поѣхалъ оттуда съ женою, къ роднымъ своимъ въ Паники, а мы провели и сей весь день въ Ламкахъ, съ прежними бывшими тутъ гостями, а въ послѣдующей день поѣхали и мы съ женою и Катериною въ Головлино, къ роднымъ нашимъ Воронцовымъ, и, пріѣхавъ туда въ сумерки, нашли нашу Настасью страждущею жестокою головною болью, а въ Ламкахъ оставили мы Елизавету нашу страждущею сильнымъ кашлемъ. Въ Головлинѣ прожили мы, по усильнымъ просьбамъ хозяевъ, цѣлые четверо сутокъ, проведя все сіе время въ свиданіяхъ со всѣми ихъ ближайшими родными и сосѣдями, которые всѣ насъ любили и почитали, и въ обратной свой путь домой не прежде поѣхали, какъ уже 6-го числа февраля, оставивъ свою Катерину погостить на нѣсколько времени у сестры ея, Настасьи; вмѣстѣ съ нами до Тулы поѣхалъ и хозяинъ нашъ. Мы остановились тамъ на той же квартирѣ у попа, гдѣ весь вечеръ провели съ стоящимъ тутъ Васильемъ Алексѣевичемъ Шишковымъ, разсказывавшимъ намъ всѣ свои похожденія.

На утріе же, накупивъ себѣ для приближавшейся масляницы всякой рыбы, поѣхали мы далѣе и, переночевавъ у друга нашего Василія Ивановича въ Федешовѣ и отобѣдавъ у него,

пріѣхали 8-го числа домой и нашли домашнихъ своихъ всѣхъ въ добромъ здоровьѣ и случившагося у нихъ въ гостяхъ нашего друга Ивана Александровича Ладыженскаго съ его женою.

Было сіе предъ самою уже нашею масляницею, и я едва только отъ безпокойствъ дорожнихъ отдохнулъ и принялся за прежнія свои дѣла и упражненія, какъ наступила уже и она, и ее провели мы въ сей годъ довольно весело и наибольшую часть съ людьми. Еще въ самой первой день оной обрадованы мы были пріѣздомъ къ намъ родныхъ нашихъ Шишковыхъ. Зять мой, ѣдучи въ Москву, съ помянутымъ родственникомъ своимъ Василіемъ Алексѣевичемъ Шишковымъ и г. Грековымъ, заѣхалъ тогда къ намъ вмѣстѣ съ нашею Елизаветою А., и переночевавъ у насъ, поскакалъ съ Грековымъ въ столицу, а Елизавета осталась у насъ гостить до самаго начала поста и мы съ нею стали дожидаться обѣщавшихъ къ намъ быть гостей, Каверина Никиты Ивановича и Панова съ своими семействами, съ которыми мы и провели сей третей день нашей масляницы, а въ четвертой день праздновали мы день рожденія жены моей, которой совершилось тогда 48 лѣтъ отъ ея рожденія, но въ оной, кромѣ г. Ладыженскаго, никого у насъ не было, а проводили мы только отъ себя помянутаго Василія Алек. Шишкова, поѣхавшаго также въ Москву, а я имѣлъ удовольствіе получить присланныя ко мнѣ изъ Тамбовской нашей деревни деньги, а въ послѣдніе дни разъѣзжали сами мы кой куда по гостямъ, и на заговѣнье были у самого Андрея Михайловича, а кончили ее ужиномъ многолюднымъ у насъ. Едва только мы заговѣлись, какъ и вслѣдъ за мужемъ своимъ отправилась отъ насъ и Елизавета наша вмѣстѣ съ Ольгою Васильевною въ Москву, а мы, начавъ по старинному нашему обыкновенію въ сію недѣлю говѣть и молиться, стали поджидать возвращенія изъ Паникъ нашего Павла Андреевича, но они не прежде къ намъ пріѣхали, какъ уже при началѣ второй недѣли великаго поста.

Вскорѣ засимъ наступилъ уже и мартъ мѣсяцъ, котораго первой день достопамятнымъ сдѣлался для меня тѣмъ, что я въ оной, въ первой разъ еще въ жизни моей, почувствовалъ боль въ спинѣ, пояснпцѣ и кострецѣ, имѣющую происхожденіе свое отъ гемороя, и узналъ, что болѣзни сей и я былъ,

какъ и прочіе, подверженъ, однако въ хвалу и благодареніе Богу скажу, что она ко мнѣ не такъ была жестокосерда и люта, какъ къ инымъ многимъ. Я хотя по временамъ, и то очень рѣдко, чувствовалъ по нѣскольку дней боль въ кострецѣ, заставившую меня вкупѣ и охать и смѣяться, но дальнѣйшихъ геморондальныхъ припадковъ, даже и до нынѣшней глубокой моей старости, не чувствовалъ и она меня не слишкомъ обезпокоивала. Сынъ мой пожилъ съ нами въ сей разъ не болѣе одной недѣли и поѣхалъ потомъ вмѣстѣ съ женою своею въ Москву, для исправленія нѣкоторыхъ покупокъ и для запасенія насъ годовою провизіею, и я послалъ на сіе съ нимъ 600 рублей, что по тогдашнимъ временамъ составляло уже значительную сумму.

Дни черезъ три по отъѣздѣ его, смущены были у всѣхъ насъ мысли однимъ письмомъ отъ знакомца нашего Ивана Григорьевича Лисенко, которымъ предлагаемъ былъ намъ женихъ дочери нашей Катеринѣ, нѣкто г. Дурновъ, Апполонъ Ефимовичъ, изъ-подъ Калуги, и какъ по достатку его казался оной намъ не заслуживающимъ пренебреженія, то хотѣлось намъ узнать объ немъ нѣсколько короче, и поелику письмо сіе доставлено было къ намъ чрезъ племянника моего Андрея Мих., то думали мы не знаетъ ли онъ чего объ немъ множайшаго и посылали для самаго сего звать его къ себѣ, но какъ и онъ ничего дальнѣйшаго не зналъ, то разсудили мы послать за самимъ г. Лисенкомъ и, подумавъ и погадавъ о семъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько дней отписалъ я къ нему письмо и послалъ нарочнаго человѣка, но какъ онъ къ намъ не поѣхалъ, то и сочли мы все сіе дѣло пустякомъ и перестали объ немъ и думать. Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего, возвратились наши родные Шишковы изъ Москвы и завезли съ собою къ намъ и г. Пургасова, и переночевавъ у насъ и забравъ съ собою жившихъ до того у насъ своихъ дѣтей, поѣхали въ свои Ламки. Помянутыхъ малютокъ сихъ удалось мнѣ сколько нибудь поучить географіи и рисовать и Николинька нашъ и воспользовался тѣмъ отъ мена довольно.

Дни черезъ три послѣ сего и въ половинѣ марта, возвратился наконецъ изъ Москвы и сынъ мой съ своею женою и навезъ къ намъ множество накупленныхъ имъ вещей и разныхъ

припасовъ, а въ тотъ же день пріѣхала къ намъ и наша Катерина изъ Головлина. Съ сего времени живучи въ тишинѣ и семейственномъ согласіи и занимаясь разными комнатными упражненіями, стали мы съ спокойнымъ духомъ дожидаться наступленія весны нашей, и я всего болѣе помышлять о приведеніи плодовитыхъ садовъ своихъ, а особливо большаго полеваго, въ лучшее предъ симъ состояніе. Въ ономъ было хотя премногое множество разныхъ породъ яблоковыхъ деревъ, но великое множество изъ нихъ были породъ самыхъ низкихъ, мелкихъ, невкусныхъ и ничего почти незначущихъ въ торговлѣ, а сіе обстоятельство и побуждало меня давно уже помышлять о томъ, какъ бы мнѣ садъ сей поправить и снабдить его лучшими и такими породами плодовъ, какіе въ торговлѣ были значительны и имениты, и какъ наиудобнѣйшимъ и скорѣйшимъ средствомъ къ тому казалось улучшеніе негодныхъ деревъ посредствомъ многаго прививанія на нихъ черенковъ отъ породъ славнѣйшихъ въ торговлѣ, то вознамѣревался я приступить къ тому дружнымъ дѣломъ въ наступающее вешнее время, и потому, для сихъ многихъ прививковъ, запасался я заблаговременно съ лучшихъ и плодоноснѣйшихъ яблоней черенками, храня ихъ до наступленія времени прививковъ въ погребѣ, или закапывая въ землю.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЕРВЫЕ ДНИ ВЪ СОЖЖЕННОЙ МОСКВѢ

СЕНТЯБРЬ И ОКТЯБРЬ 1812-ГО ГОДА.

Письмо кн. А. А. Шаховскаго, 1836 г., къ А. И Михайловскому-Данилевскому.

Воспоминанія извѣстнаго въ свое время драматурга кн. А. Шаховскаго о раззореніи Москвы были написаны имъ въ 1836-мъ году, на 60-мъ году возраста, по просьбѣ историка отечественной войны генерала А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. Авторъ препроводилъ ихъ къ нему въ копіи, имъ собственноручно исправленной, мѣстами дополненной и имъ же подписанной.

Михайловскій-Данилевскій въ исторіи войны 1812 г. воспользовался разсказомъ кн. А. Шаховскаго, сославшись на него два или три раза, но вообще заимствовалъ у него не много. Между тѣмъ, этотъ разсказъ писателя, въ свое время весьма извѣстнаго и даровитаго, заключаетъ много подробностей чрезвычайно интересныхъ: таковы сообщаемые имъ факты о первыхъ дняхъ, проведенныхъ авторомъ въ Москвѣ тотчасъ по очищеніи ея французами; черты къ характеристикѣ—Винцингероде, фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова, Ростопчина, художника Топчи и другихъ.

При изданіи этихъ «Воспоминаній» на страницахъ «Русской Старины» мы опускаемъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько страницъ высокопарныхъ и водянистыхъ разсужденій почтеннаго автора. Мѣста, гдѣ сдѣланы таковые пропуски, обозначены у насъ точками. Кн. А. А. Шаховской, впрочемъ, самъ винится въ излишней болтливости и не идущихъ къ дѣлу отступленіяхъ, ссылаясь при этомъ на свою дряхлость: «... слишкомъ 40 лѣтъ, говоритъ онъ, какъ драматическій писатель, говоря языкомъ страстей, я на 60-мъ году не могу отстать отъ долгой привычки; впрочемъ, мнѣ невозможно обойтись безъ отступленій, наводящихъ

меня на прямой путь»…. Въ началѣ разсказа авторъ сообщаетъ, что онъ случился въ Твери, въ то время, когда Александръ I проѣзжалъ изъ арміи и Москвы въ Петербургъ и «первымъ изъ принадлежавшихъ ко двору вступилъ я, съ высочайшаго соизволенія, въ тверскія дружины». Наборъ въ эти ополченія начался по уѣздамъ Тверской губерніи 15 августа 1812 г., а 29 числа того же мѣсяца—5-й пѣшій казацкій полкъ, ввѣренный, по дворянскому выбору, въ команду кн. А. А. Шаховскаго, «былъ готовъ къ выступленію изъ Твери и не безъ воинскаго устройства». Эту быстроту въ сформированіи и обученіи полка авторъ объясняетъ тѣмъ, что подъ его начальство поступило много отставныхъ офицеровъ. Самъ кн. А. А. Шаховской былъ родомъ изъ Смоленской губерніи, но оставилъ ее въ дѣтствѣ и не имѣлъ тамъ ни клочка земли.

Печатаемыя «Воспоминанія» кн. А. А. Шаховскаго о первыхъ дняхъ, проведенныхъ русскими въ оставленной непріятелемъ и раззоренной Москвѣ, весьма обязательно сообщено намъ двадцать лѣтъ тому назадъ, именно въ 1870 году, извѣстнымъ военнымъ историкомъ (нынѣ генераломъ) Андреемъ Николаевичемъ Петровымъ, которому приносимъ нашу глубочайшую благодарность.

Для удобства чтенія разсказъ автора раздѣленъ нами на главы.

Ред.

I.

…. Передъ вечеромъ 30 августа 1812 г. полкъ мой первый выступилъ изъ Твери къ Москвѣ. Когда онъ построился четвероугольникомъ для принесенія съ колѣнопреклоненіемъ молебствія Богу браней, хлѣбные амбары за гостиннымъ дворомъ загорѣлись и пожаръ быстро распространялся, однако, не прервалъ нашего священнаго обряда. Молебствіе кончилось, соборный протоіерей окропилъ новыхъ воиновъ святой водою. Весь полкъ довольно порядочно зашелъ по взводно, два барабанщика, взятые изъ пересыльныхъ плѣнныхъ нѣмцевъ, ударили походъ. Тутъ, съ теплою вѣрою, но не безъ тщеславнаго воспоминанія, я повторилъ воинскій крикъ предка моего Мстислава храбраго: „съ нами Богъ“. Его громогласно подхватили всѣ дружины и мы съ Богомъ выступили изъ пылавшей за нами Твери, на встрѣчу ужаснѣйшему пожару, очистившему и осіявшему заревомъ вѣчной славы нашу святую Русь.

Остановясь для осмотра на походѣ дружинъ, я не успѣлъ пропустить мимо себя двухъ батальоновъ, какъ приволжскіе пѣсенники, впереди перваго (Кашинскаго), съ кларнетомъ и двумя гобоями, отданными въ ополченіе господскими музыкантами, грянули дружно: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ". Пѣсня мигомъ оживила не однихъ холостыхъ ребятъ, но и отцовъ семействъ, съ которыми они только успѣли слезно проститься, и недавно понурые крестьяне бодро зашагали храбрыми воинами за царя и отечество. Каждый изъ молодцовъ готовъ былъ поднять на зубки товарища своего, горемычно повѣсившаго голову, и задушить всякаго чужеземца, которые у нихъ, на то время, всѣ безъ разбора были изъ нѣмцевъ произведены во французы. Этотъ скорый переходъ изъ унынія къ храбрости не удивитъ васъ: вы вѣрно видали, какъ плаксиваго рекрута одна солдатская шапка превращаетъ въ удальца, часто начинавшаго военную службу побоями своего отдатчика—таковъ русскій обычай.

Остановясь на дневку въ Клину, мы услышали отъ выѣхавшихъ изъ Москвы, что непріятель въ нее вступаетъ. Ополченное молодечество не хотѣло вѣрить этимъ несбыточнымъ, особливо послѣ бородинскаго сраженія, вѣстямъ и вѣстовщики, разруганные лгунами и трусами, едва не были отпотчиваны нашими ратниками какъ отдатчики рекрутъ. Но въ ночь дальнее зарево широко зардѣлось съ прямаго направленія къ Москвѣ, русскія вѣщія сердца замерли и вскорѣ прискакавшій къ намъ съ приказаніемъ остановить насъ, гдѣ застанетъ, увѣрилъ въ ужасной истинѣ. Она, какъ крещенскій морозъ, оледенила наши члены; мы, отъ стыда за нашу родину, не смѣли взглянуть другъ на друга и, кажется, лучше-бъ желали провалиться сквозь землю, чѣмъ носить на ней позоръ русскаго имени. Благовѣстъ къ обѣднѣ заставилъ всѣхъ перекреститься и молча войти въ церковь. Я никогда не забуду этой минуты, въ которую жизнь моя казалась мнѣ нестерпимымъ поношеніемъ, но какъ начальникъ, обязанный не показывать робкаго унынія моимъ подчиненнымъ, я, стараясь придумывать чѣмъ бы ихъ ободрить, самъ ободрился, вспомнилъ о Пожарскомъ и, при выходѣ изъ церкви, воскликнулъ: „Россія не въ Москвѣ"! Это слово произвело сильное дѣйствіе уже не на театральной сценѣ, а въ настоящемъ бытѣ, повторенное ровно чрезъ 200 лѣтъ на попираемой

врагами русской землѣ. Мрачныя думы прояснились, воображеніе оживилось, каждый изъ ополченныхъ дворянъ началъ по-своему предугадывать, разсуждать, соображать бывшее съ настоящимъ и, наконецъ, неизмѣнная надежда на Бога, государя и русскую неподдатчивость быстро одушевила всѣ дружины и чрезъ часъ, при московскомъ заревѣ, раздались пѣсни тверскихъ воиновъ и клинскихъ ямщиковъ. Старые солдаты, приданные къ дружинамъ для обученія ратниковъ, сидя на завалинкахъ избъ, съ досады на новобранцевъ, не отстоявшихъ первопрестольнаго града, пустились разсказывать о славныхъ походахъ Суворова, при которомъ они этихъ же французовъ, какъ куръ, душили въ чужой дальней землѣ. Отставной корнетъ Постельниковъ, бывшій за батальоннаго адъютанта, хватски отрапортовалъ мнѣ, что кручина спала съ удалыхъ головъ, какъ съ гуся вода, и между помѣщиковъ-офицеровъ по прежнему составились бостонцы и банчики, въ ожиданіи что прикажутъ дѣлать, куда поведутъ и гдѣ Господь приведетъ подраться съ злодѣями.

II.

По взятіи непріятелемъ Москвы, тверское ополченіе поступило подъ начальство генералъ-адъютанта Винцингероде, отрѣзаннаго съ своимъ отрядомъ отъ арміи и оставшагося на петербургской дорогѣ. Я получилъ приказаніе явиться къ нему въ Подсолнечное, гдѣ былъ встрѣченъ моими молодыми пріятелями, нынѣшнимъ графомъ Александромъ Христофоровичемъ Бенкендорфомъ и Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ; ихъ бодрая веселость разбудила и мою, а разсказы о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ фельдмаршала, сколько можно было, меня успокоили. Послѣ обѣда, къ которому было прислано съ изобиліемъ всякаго съѣстнаго запаса, садовыхъ, оранжерейныхъ плодовъ съ разныхъ подмосковныхъ, я вышелъ на церковную площадь и, увидя у колокольни ямскую сходку, столпившуюся около старика, который, уткнувъ сѣдую бороду о длинную палку, что-то толковалъ молодежи, а на мой вопросъ: „о чемъ у нихъ идутъ поговорки“? отвѣчалъ: да все о матушкѣ Москвѣ. „Что же вы думаете?“

— „Да вотъ пока ее матушку супостаты не взяли, такъ думалось и то, и се, а теперь думать нечего, ужъ хуже чему быть? Только-бъ батюшка нашъ государь милосердый, дай Богъ ему много лѣтъ царствовать, не смирился съ злодѣемъ, то ему у насъ не сдобровать! святая Русь велика, народу многое множество, укажи поголовщину и мы всѣ шапками замечемъ, аль своими тѣлами задавимъ супостата". Въ это время баронъ Винцингероде подошелъ къ намъ, я ему перевелъ крестьянскія рѣчи и онъ, схвативъ меня, съ привычнымъ ему судорожнымъ движеніемъ за руку, сказалъ: „Я только одного желаю, чтобъ вельможи думали какъ эти крестьяне, и сегодня же напишу къ императору ихъ слова. О! я увѣренъ, что онъ никакъ не помирится съ Бонапартомъ и Россія будетъ гробомъ его". Послѣ того онъ показывалъ мнѣ переписку свою съ государемъ, дѣлавшую имъ обоимъ великую честь; я тогда совершенно увѣрился, что Россія спасена жертвою Москвы и вспомнилъ говоренное мнѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ покойнымъ инженеръ-генераломъ Л. Л. Корбонье: что Наполеоново торжество продолжится, пока онъ будетъ воевать съ арміями, а не съ народомъ.

Испанія и Россія оправдали эту очень древнюю истину, что народы покоряются не руками, а словами.

Мнѣ поручено было начальство надъ авангардомъ ополченія, расположеннымъ между Клиномъ и Тверью, и надзоръ за провожденіемъ плѣнныхъ, которыхъ одинъ отрядъ барона Винцингероде, состоявшій едва ли изъ 2,500 человѣкъ, переслалъ до 6,000, захваченныхъ около Москвы и даже въ самыхъ московскихъ огородахъ (куда они, за недостаткомъ хлѣба, ходили вырывать картофель). Не знаю отъ кого вышелъ переданный мнѣ приказъ—имѣть особое попеченіе объ испанцахъ. Почему, осматривая разставленные по ямамъ батальоны, я зашелъ въ избу, отведенную для нихъ. Хозяйка ея, стоя на колѣняхъ, омывала раненую ногу пожилаго полоненника и, увидя меня, испугалась, вскочила и стала извиняться, что сжалилась надъ супостатомъ, который, чай, не по охотѣ оставилъ жену и дѣтокъ. Разумѣется, что я не побранилъ ее. Однажды въ воскресенье, въ самый часъ обѣдни, привели въ Городню кучу нахватанныхъ въ плѣнъ разнородцевъ: случившіеся между ними кроаты нашего исповѣданія остановились и стали креститься на церковь по нашему;

ихъ окружили крестьяне и, понявъ изъ славянскаго нарѣчія, что они захватомъ взяты на войну противъ Россіи, тотчасъ нанесли имъ папашниковъ, пироговъ, а ямщики просили позволенія на своихъ лошадяхъ подвезти ихъ къ Твери. Но тѣ-же сердца, которыя радушно готовы помогать страждущимъ, закипали храбростію, при видѣ вражеской силы и поруганія церквей.

Графъ Бенкендорфъ разсказывалъ, что онъ, отправясь въ Волоколамскъ для захвата тамъ французскихъ фуражировъ, уже не нашелъ въ городѣ ни непріятелей, ни русскихъ: одни врасплохъ перерѣзаны или сожжены въ домахъ, а другіе, то есть собравшіеся на удальство крестьяне, скрылись. Онъ однако же узналъ, между прочимъ, отъ явившихся къ нему, что служанка казначея заколола поварскимъ ножемъ двухъ французскихъ подлипалъ, ворвавшихся одинъ послѣ другаго въ чуланъ, гдѣ она спряталась. Помнится, онъ же, или братъ его Константинъ Христофоровичъ Бенкендорфъ (новый нашъ партизанъ, промѣнявшій перо на саблю, для защиты отечества), узналъ въ волоколамской вотчинѣ княгини Голицыной, что крестьяне изъ ея дома спасли все богатое имущество и французы не могли допытаться куда они его спрятали. „Видно вамъ хорошо было жить за княгинею?“ спрашивалъ Бенкендорфъ.

— „Нѣтъ, отвѣчали они, насланные ею всякіе нѣмцы, для науки и экономіи, раззорили насъ въ конецъ; да отецъ и дѣдъ покойнаго князя жаловали нашихъ отцевъ и дѣдовъ, такъ намъ грѣшно отдать супостату наслѣдство его дѣтокъ“...

Храбрые сычевскіе крестьяне вотчины графа Панина и другихъ не мелкопомѣстныхъ дворянъ, вооружась чѣмъ случилось и составя мѣстное ополченіе, въ родѣ гишпанскихъ гверильясовъ, подъ начальствомъ уѣзднаго предводителя Богуславскаго, не давали прохода мелкимъ непріятельскимъ отрядамъ; дрались безпощадно пѣшіе и на коняхъ и я слышалъ ужасныя дѣйствія ихъ народной мести (въ той) мѣстности; но не это ли, пусть и варварство, помогло русскому царю сорвать поносныя цѣпи съ слишкомъ своекорыстнаго просвѣщенія..

Скача безпрестанно взадъ и впередъ на праздныхъ тогда почтовыхъ по тверской дорогѣ, я пріѣхалъ въ Чашниково, гдѣ остановилась главная квартира барона Винцингероде, въ тотъ самый день, какъ французы, чтобы скрыть отъ его отряда

(который они, какъ я узналъ изъ перехваченныхъ бумагъ, считали сильнымъ корпусомъ) выступленіе свое изъ Москвы, выслали противъ нашего авангарда, находившагося тогда въ Всесвятскомъ, нѣсколько эскадроновъ изъ разныхъ полковъ, тотчасъ прогнанныхъ казаками подъ начальствомъ молодца Иловайскаго 12-го и спасенныхъ отъ совершеннаго истребленія дѣйствіемъ пушекъ, поставленныхъ на пригородномъ острогѣ. Въѣхавъ въ Чашниково, я встрѣтилъ нѣсколько нѣмецкихъ фигуръ въ изорванныхъ сюртукахъ, очень важно несущихъ духовые инструменты, и еще не успѣлъ спросить откуда взялись эти чудаки, какъ остановившій меня графъ Бенкендорфъ разсказалъ, что они приведены были къ нему какъ непріятельскіе музыканты, но оказались очень пріятельскими, а именно: барона Фитингофа; онъ себя и ихъ изъ Риги переселилъ въ Москву, самъ уѣхалъ отъ непріятеля и ихъ оставилъ на произволъ судьбы, которая сдѣлала изъ нихъ оркестръ французскаго театра, оставшагося въ Москвѣ. А когда оголодавшимъ французамъ пришло не до музыки, то ихъ выслали изъ Москвы и теперь они изъ-за кушанья составляютъ столовую гармонію при бивакахъ ихъ превосходительствъ, и исполняютъ свою должность съ большимъ усердіемъ. Войдя въ избу, гдѣ присталъ баронъ Винцингероде, я услышалъ вдругъ отъ всѣхъ бывшихъ въ ней о побѣдахъ Витгенштейна и о Тарутинскомъ сраженіи, котораго подробности, не имѣя прямаго сообщенія съ арміей, никто не могъ знать, но всѣ довольно вѣрно угадывали его слѣдствія, то есть скорый выходъ Наполеона изъ Москвы, и если фельдмаршалъ успѣетъ его погнать по той же дорогѣ, по которой онъ пришелъ, то конечную гибель его войска, и звали ему на встрѣчу нашу слишкомъ запоздалую осень.

Передъ обѣдомъ наши партизаны привели плѣннаго непріятельскаго коммиссара. Баронъ Винцингероде, скрѣпя сердце, пригласилъ, еще перваго, француза къ своему столу. Мы съ графомъ Бенкендорфомъ посадили его между собою и подливали ему съ обѣихъ сторонъ вина, посланнаго изъ Парижа для Наполеона и отбитаго отрядомъ маіора Пренделя, напоминавшаго вахмистра Брандта, котораго живо представилъ въ своемъ лучшемъ романѣ Пиго-Лебренъ. Плѣнный коммиссаръ изъ національной гордости, или чтобы намъ пустить пыль въ глаза, какъ говорятъ французы, превозносилъ великія доблести воинственнаго

императора, спасшаго свое отечество отъ ужасовъ безначалія, но послѣ многихъ осушенныхъ бокаловъ началъ пробалтываться и, наконецъ, развеселенный роднымъ виномъ, расхрабренный своимъ республиканскимъ „марсельезомъ", который, помнится, по приказанію Л. А. Нарышкина заиграли наши нѣмцы, и разодолженный нашей радушной бесѣдой, захохоталъ и сказалъ: „я вижу, господа, что вы люди благовоспитанные и умные, такъ отъ васъ не утаишь, что императоръ Бонапарте, конечно, славенъ и полезенъ, но только для себя, а не для Франціи, въ которой скоро, отъ преждевременныхъ конскрипцій, не будетъ не одного молодаго человѣка и ему придется населять ее своими корсиканцами и итальянцами".

„In vino veritas!", вскричалъ графъ Бенкендорфъ. Мы засмѣялись и французъ еще больше расхохотался. Кто-то вышелъ и сказалъ, что казаки привезли коляску съ хорошенькой женщиной и дитятею. Мы бросились посмотрѣть эту необыкновенную добычу и только сошли съ крыльца, какъ услышали за собой визгливый крикъ: „ah! ma femme!", а изъ коляски: „ah, mon mari!" и тотчасъ увидѣли мужа и жену обнимающихъ очень миленькаго ребенка. Коммиссаръ былъ схваченъ при выѣздѣ изъ Москвы на встрѣчу женѣ, которую ожидалъ изъ Польши; а жена попалась въ полонъ вмѣстѣ съ провожатыми своими на смоленской дорогѣ. Извѣстно, что Наполеонъ тащилъ за своею арміею другую армію, разнаго рода ремесленниковъ, маркитантовъ, женщинъ, дѣтей, которыми, какъ всѣ почти они были увѣрены, хотѣлъ населить и просвѣтить Россію. По крайней мѣрѣ, множество французскаго сброда обоего пола нахватано нашими казаками; однако жъ, надобно отдать справедливость донцамъ, они не обирали женщинъ изъ уваженія ли къ прекрасному полу или отъ того, что уже тогда довольно нажились и чужимъ и русскимъ добромъ, котораго лучше таможенной стражи не пропускали за границу и почти все, что захватили непріятели въ Москвѣ, отправилось на Донъ. Казаки посвятили не ими заграбленное въ церквахъ храму казанской Божіей Матери и, воздавая Богу Божіе, усерднымъ приношеніемъ воздавали вѣрной службой кесарю кесарево.

Нѣкоторые чиновники полиціи, вышедшіе изъ Москвы переряженные, ходили въ нее и приносили разныя извѣстія барону

Винцингероде. На другой день пріѣзда моего въ Чашниково, они его увѣдомили, что Наполеонъ намѣренъ взорвать кремль. Оставшись послѣ ужина одинъ съ барономъ, я съ ужасомъ сказалъ ему, что взрывъ кремля, гдѣ покоятся мощи угодниковъ, поразитъ отчаяніемъ всю Россію, привыкшую почитать святыню кремля своимъ Палладіумомъ. Сердце генерала, быстро воспаляемое благороднымъ ощущеніемъ, вспыхнуло; онъ измѣнился въ лицѣ. „Нѣтъ, Бонапарте не взорветъ кремля“ вскоча со стула вскрикнулъ онъ. Я завтра дамъ ему знать, что если хотя одна церковь взлетитъ на воздухъ, то всѣ попавшіеся къ намъ французы будутъ повѣшены“.

На другой день нашъ отрядный начальникъ самъ въѣхалъ въ оставленную Наполеономъ Москву, былъ схваченъ и потомъ избавленъ отъ назначенной ему смерти удальствомъ графа Чернышева. Кажется, я не обманываюсь, полагая причиною, пусть и безразсуднаго, удальства барона Винцингероде наслѣдственную запальчивость его рыцарскаго характера, которая затмила въ умѣ его все, кромѣ мысли, что спасеніемъ кремля отъ взрыва онъ спасетъ русскихъ отъ унынія и сохранитъ имъ ихъ святыню. Любовь и благодарность къ нашему государю и отечеству почти равнялись въ немъ съ ненавистью къ Наполеону и французамъ, раззорившимъ его родину и лишившимъ его самого родовыхъ правъ и достоянія. Непримиримый врагъ революціи и его приверженцевъ, онъ, какъ я слышалъ отъ А. А. Нарышкина, сказалъ въ глаза Бонапарте: „я служилъ всегда тѣмъ государямъ, которые объявлялись вашими врагами, и искалъ вездѣ французскихъ пуль“.

Признаюсь, я долго винилъ себя, что, можетъ быть, моимъ ужасомъ возбудилъ пагубную для него мысль, но почти неимовѣрное спасеніе ревностнаго поборника нашей святыни успокоило мою совѣсть.

III.

Мы ожидали въ Чашниковѣ къ обѣду возвращенія барона Винцингероде и Нарышкина; замедленіе ихъ очень насъ безпокоило; смерклось, но ихъ еще нѣтъ. Я задремалъ одинъ въ свѣтелкѣ, гдѣ пріютился къ Нарышкину, какъ графъ Бенкендорфъ вбѣжалъ и едва могъ разсказать о беззаконномъ захватѣ душевно любимаго нами начальника, а вмѣстѣ съ нимъ и милаго товарища; потомъ приказалъ бригадѣ своей, состоящей изъ эскадроновъ лейбъ-казаковъ и изюмскихъ гусаръ, выступить къ Москвѣ, мы же сами поѣхали впередъ. Увидя издали прежнее сіяніе золотыхъ главъ русской святыни, уцѣлѣвшей отъ пожара и взрыва, я, перекрестясь, вскрикнулъ: „дивенъ Богъ во святыхъ Его!" и этимъ душевнымъ возгласомъ началъ извѣстное вамъ обнародованіе отъ имени генерала Иловайскаго 4-го, который, какъ старшій, вступилъ въ начальство нашего отряда.

При въѣздѣ на погорѣлище царской столицы, мы увидѣли подлѣ каретнаго ряда старуху, вышедшую изъ новыхъ развалинъ; она, взглянувъ на насъ, вскрикнула: „а русскіе!" и въ изступленіи радости, перекрестясь, поклонилась намъ въ землю. Это полоумное изъявленіе сильнаго радушія заставило насъ улыбнуться, хотя слезы сверкали на глазахъ нашихъ, увидя съ Тверскаго вала чрезъ пепелище, установленное печными трубами и немногими остовами каменныхъ домовъ и церквей, Калужскія ворота. Но по Тверской улицѣ уцѣлѣло нѣсколько палатъ и мы нашли въ комнатахъ купца, котораго имени не помню, нашего начальника. Графъ Бенкендорфъ и я тотчасъ принялись за дѣло, онъ поѣхалъ къ Воспитательному дому, гдѣ нужна была скорая помощь оставленнымъ въ немъ безъ пищи воспитанникамъ и русскимъ раненымъ офицерамъ, а я, по старшинству, въ Китай-городъ и кремль, гдѣ еще продолжались пожары зажженныхъ непріятелемъ зданій.

Мнѣ остается только разсказать вамъ видѣнныя мною подробности, изъ которыхъ я многія почелъ нужнымъ сообщить тогда же А. С. Шишкову, но, къ несчастію, у меня только сохранился отвѣтъ его, въ которомъ онъ объявляетъ мнѣ мило-

стивое вниманіе государя императора къ моему донесенію. Можетъ быть, письмо мое когда нибудь отыщется, а теперь я долженъ писать, какъ припомню.

Съ небольшимъ конвоемъ казаковъ, двумя вѣстовыми Изюмскаго полка и служившимъ въ Московской драгунской командѣ чиновникомъ, котораго имени не помню, я подъѣхалъ къ Иверскимъ воротамъ и вошелъ въ нихъ пѣшкомъ, мимо опустѣлой часовни, въ которой, за два мѣсяца предъ тѣмъ, я слышалъ передъ иконою Божіей Матери слезныя молитвы объ избавленіи Россіи отъ вражескаго вторженія. Въ самыхъ воротахъ я почти споткнулся на тѣло, судя по мундиру, испанца, убитаго, по словамъ полицейскаго чиновника, его драгунами, за что я не похвалилъ его. За воротами, зажженная отъ близкаго взрыва стѣны, или непріятелемъ, казенная палата еще горѣла. Услыша съ лѣвой стороны нѣсколько выстрѣловъ, я оглянулся, чтобы спросить полицейскаго храбреца, но онъ уже исчезъ, и я послалъ бывшаго тогда моимъ адъютантомъ, прежняго моего театральнаго секретаря, Теленіуса, развѣдать объ этой пальбѣ и потомъ узналъ отъ него, что стрѣляли пьяные французскіе мародеры, которыхъ не мало перехватали въ Москвѣ и окрестностяхъ ея. Проходя чрезъ городскую площадь, я самъ чуть не попалъ подъ шальную пулю; казаки кинулись на выстрѣлъ, но я ихъ удержалъ, видя, что стрѣлокъ легко могъ укрыться наступающимъ вечеромъ въ развалинахъ обгорѣвшихъ строеній. Торопясь войти въ кремль и найдя Спасскія ворота заваленными изнутри замка, а Никольскія загроможденныя взорванной частью стѣны, я принужденъ былъ вскарабкаться, съ помощію двухъ гусаръ, по грудамъ развалинъ, и закричалъ на казаковъ, остановленныхъ мыслью, что можетъ быть еще какъ нибудь могутъ вспыхнуть взрывы, изъ которыхъ послѣдній они не очень давно слышали, но увидя меня сходящаго въ кремль они бросились и мигомъ очутились уже прежде меня предъ догоравшимъ дворцомъ и грановитой палатой. При сходѣ моемъ въ кремль, уже совсѣмъ смерклось и древнее зданіе, гдѣ я праздновалъ при священномъ вѣнчаніи двухъ императоровъ нашихъ, какъ потухающая свѣча еще ярко вспыхивала и, по временамъ освѣщая мрачную окрестность, показала мнѣ чудесное спасеніе храмовъ Божіихъ, вокругъ которыхъ и даже прикосновенное къ нимъ строеніе сгорѣло или догорало.

Огромная пристройка къ Ивану Великому, оторванная взрывомъ, обрушилась подлѣ него и на его подножія, а онъ стоялъ также величественно, какъ только что воздвигнутый Борисомъ Годуновымъ, для прокормленія работниковъ въ голодное время, будто насмѣхаясь надъ безплодною яростію варварства XIX вѣка.

Занявшись распоряженіемъ къ прерванію, сколько можно было, пожара, я просилъ явившагося ко мнѣ, Богъ знаетъ откуда и какъ, инженернаго офицера [1]) осмотрѣть нѣтъ ли еще гдѣ огнепроводовъ, не задавленныхъ взрывами, поставилъ часовыхъ къ главнымъ соборамъ, послалъ привести караулъ и въ хлопотахъ не замѣтилъ тогда, что крестъ съ Ивана Великаго былъ снятъ, по приказанію Наполеона, также какъ и деревянный московскій гербъ съ крыши сената, на трофеи взятія Москвы....

Возвратясь изъ кремля въ квартиру генерала Иловайскаго, я уже въ ней нашелъ графа Бенкендорфа, успѣвшаго осмотрѣть весь кварталъ Воспитательнаго дома, привесть въ устройство госпиталь, найти пищу голодавшимъ дѣтямъ и не только нашимъ, но и непріятельскимъ раненымъ, брошеннымъ въ безпорядкѣ, безъ присмотра и помощи на произволъ судьбы, заставить тотчасъ убрать тѣла ихъ товарищей, валявшіяся по корридорамъ и лѣстницамъ [2]), отрядить своихъ офицеровъ, съ явивши-

---

[1]) Надобно замѣтить, что во время нашей народной войны все кипѣло усердіемъ, какъ будто само собою отыскивалось, двигалось, переносилось и поспѣвало, гдѣ было нужно. Вездѣ царствовалъ какой-то самодѣльный порядокъ, повиновеніе и исправность. Въ 1812 году у насъ недоставало войска, чтобы удержать вторженіе соединенныхъ силъ почти всей Европы, а въ 1813 году, приведя кадры набранной въ Ригѣ дивизіи въ запасную армію, я слышалъ отъ ея главнаго начальника, что ему некуда помѣщать излишнихъ для военныхъ дѣйствій 150,000 человѣкъ пѣхоты, конницы и артиллеріи, совершенно всѣмъ снабженныхъ и готовыхъ къ сраженію, а это сотворилось въ то самое время, когда непріятель проникъ въ сердце нашей имперіи и открылъ едва ли ей самой извѣстныя силы и средства ея.

[2]) Мнѣ показывали въ комнатахъ, гдѣ лежали раненые французы, трупы умершихъ, между ними, приставленные къ печкамъ и нарумяненные кирпичемъ,—вотъ до чего дошло циническое кощунство, порожденное богоотступной революціей. Аббатъ, оставшійся при католической церкви, увѣрялъ, что онъ могъ только причастить нѣсколькихъ умирающихъ итальянцевъ, а французы съ ругательствомъ отгоняли его отъ ихъ смертнаго одра. Кн. Шаховской.

мися уже въ мундирахъ московскими полицейскими, для осмотра и вспоможенія въ другихъ больницахъ, для запечатанія и разстановленія часовыхъ по домамъ, сохраненнымъ стоявшими въ нихъ французскими чиновниками, и учрежденія карауловъ на заставахъ изъ полковъ, расположенныхъ по бывшимъ нѣкогда городскимъ валамъ. Москва, освѣщенная тогда вокругъ бивачными огнями, представляла чудное, не сообразное ни съ чѣмъ зрѣлище: мертвую тишину ея прерывали только хриплый окрикъ часовыхъ, ржаніе лошадей и топотъ разъѣздовъ, никакъ не напоминающихъ той столичной суеты и жизни, которыя еще недавно въ ней повсемѣстно слышались. Я, какъ начальникъ пѣшаго казачьяго полка, откомандуя точно пѣшими казаками, какъ членъ русской академіи, принялся за перо, написалъ съ общаго совѣта рапортъ къ государю, а какъ соправитель театральной дирекціи—сдѣлалъ распоряженіе торжественнаго благодаренія Господу браней, долженствовавшаго произвести сильное дѣйствіе въ душахъ всѣхъ оставшихся, вступившихъ и уже собиравшихся въ Москву.

Изнуренные самымъ дѣятельнымъ днемъ мы, то-есть двое младшихъ генераловъ, бросились въ заднемъ покоѣ на покрытое коврами сѣно, ставя старшаго въ гостинной комнатѣ у освѣщеннаго догаромъ пожара и биваками окна. Надежда наша заснуть непробуднымъ сномъ была разрушена неожиданными вопросами начальника сторожскихъ казаковъ. Отдѣленный отъ насъ только деревянной стѣнкой, И. О. Иловайскій громко спросилъ сперва меня: какъ я думаю, не возвратятся ли опять французы въ Москву? Я ему отвѣчалъ отрицательно. Потомъ повторилъ тотъ же вопросъ, только въ другихъ словахъ, моему засыпавшему сосѣду, тотъ отвѣчалъ почти такъ-же, какъ и я. Не много погодя возобновились подобные же разспросы по прежней очереди; но видя, что односложные отвѣты наши не удовлетворяютъ вопросителя, мы, наконецъ, рѣшились не отвѣчать и, закутавши головы, заснули, до возвращенія разосланныхъ по разнымъ мѣстамъ для осмотра и приведенія въ дѣйствіе разныхъ распоряженій. Тогда вскоча полуодѣтые и надѣвъ поскорѣе мундиры, мы пустились, по вчерашнему, каждый въ свою сторону. Подъѣхавъ къ Лобному мѣсту, я удивился, увидя на немъ казака, стоявшаго съ пикой подлѣ плачущей и довольно порядочно

одѣтой, хотя и босой, дѣвушки (французы обоего пола, нуждаясь въ обуви, разули всѣхъ оставшихся въ Москвѣ), спросилъ, что это значитъ—и узналъ отъ плачущей дѣвушки, что она дочь нѣмца профессора, который, не говоря чисто по русски, не смѣлъ выдти изъ Москвы, чтобъ его не приняли, какъ и случалось, за непріятельскаго шпіона [1]) и пришла просить хлѣба для больнаго отца у русскихъ; какой-то начальникъ тотчасъ далъ ей папушникъ, но, услыша топотъ нашихъ лошадей, побѣжалъ въ кремль и приказалъ своему казаку ее не пускать.

Я догадался, что это должно быть любезность татарина Эльмурзина, командовавшаго кремлевскими караулами, велѣлъ отпустить дѣвушку, обѣщавъ прислать все нужное ея семейству; пошелъ въ очищенныя Спасскія ворота, но, увидя на нихъ не замѣченный мною въ вечеру образъ въ золотой ризѣ и висячую предъ нимъ серебряную лампаду въ совершенной цѣлости, не вдругъ повѣрилъ глазамъ моимъ; отъ какой-то безотчетной радости у меня сорвалось съ языка приказаніе, не знаю кому, чтобъ сейчасъ затеплили лампаду, и по выходѣ моемъ изъ кремля увидѣлъ, что сказанное мною наобумъ было кѣмъ-то въ точности исполнено и лампада теплилась!... Собравшимся послѣ меня на площади народомъ распущенъ слухъ, будто лампада Спасскихъ воротъ не угасала вовсе въ пребываніе непріятеля въ Москвѣ и что онъ, пораженный этимъ чудомъ, не смѣлъ дотронуться до иконы. Хотя мнѣ очень извѣстно, что лампада угасла, а всетаки не постигаю какимъ образомъ икона и прочіе найденные мною въ кремлѣ священные предметы нашего вѣрованія уцѣлѣли отъ самаго безбожнаго грабительства.

Благоговѣйное сознаніе въ невѣжествѣ моемъ предъ Спасскими воротами еще сильнѣе повторилось, когда я нашелъ на Никольскихъ уцѣлѣвшій образъ подъ стекломъ и висѣвшую предъ нимъ на тонкой цѣпочкѣ лампаду, хотя большое пространство

---

[1]) Этотъ же страхъ удержалъ въ Москвѣ многихъ нѣмецкихъ ремесленниковъ; они принуждены были работать на непріятелей изъ-за хлѣба и добродушно дѣлились имъ съ немощными русскими, укрывшимися въ ихъ жилищахъ. Я замѣтилъ, что нѣмцы самые и лучшіе и честнѣйшіе ремесленники во всей Европѣ, кромѣ Германіи; тамъ не было нѣмцевъ, а жили австрійцы, пруссаки, саксонцы, баварцы и прочіе разностранцы, не очень доброхотные къ чужеземцамъ и большіе охотники до ихъ денегъ. Кн. Ш.

стѣны и самыхъ воротъ, почти вплоть до образа, были взорваны. Но возвратимся въ Кремль. Въ немъ первый встрѣтилъ меня любезникъ Эрмурзинъ и на вопросъ—зачѣмъ онъ отдалъ подъ караулъ профессора дочь? онъ отвѣчалъ: „я изъ жалости хотѣлъ напоить ее сбитнемъ". Посовѣтуя ему не быть впередъ такъ жалостливому, я поручилъ вошедшимъ за мною монаху и священнику, не помню какого полка, осмотрѣвъ главные соборы, привести сколько можно въ порядокъ, что въ нихъ еще сохранилось священнаго, и запретивъ часовымъ никого не впускать въ церкви, пошелъ осмотрѣть слѣдствія взрыва и пожара, который, какъ вамъ извѣстно, истребивъ все дворцовое жилище людей, не прикоснулся храмовъ Божіихъ, хотя старая церковь Спаса на бору была заметана опламененными выбросками горѣвшаго надъ ней зданія, и внѣшнія двери Благовѣщенскаго собора зауглились. Словомъ, все посвященное Богу не истребилось ничѣмъ, кромѣ прямаго святотатства рукъ человѣческихъ, но и онѣ, кажется, отшиблись нетлѣнными мощами св. митрополита Іоны. По входѣ моемъ въ Успенскій соборъ, я нашелъ въ немъ посланнаго мною монаха (патріаршаго ризничаго); онъ прикрывалъ пелѣною тѣло святителя и, указавъ на его обитую серебромъ раку, съ которой только было взодрано четверть аршина верхней личинки, на большой подсвѣчникъ и саблю, лежащіе на землѣ: „вы видите, говорилъ онъ, что это все цѣло, когда въ соборѣ не осталось не только лоскутка серебра, но и латуни". Я нашелъ святыя мощи выброшенными на помостъ, они также невредимы, какъ въ день его успенія, кромѣ вражеской разрубки святительской выи, кажется этой саблей [1]). Безъ сомнѣнія, чудотворецъ поразилъ ужасомъ безбожниковъ и они не дерзнули ни къ чему прикоснуться. Я точно видѣлъ все мнѣ сказанное, открытыя лицо и руки святаго, они были совершенно цѣлы и я съ благоговѣніемъ къ нимъ приложился. Въ продолженіе войны, разспрашивая многихъ плѣнныхъ офицеровъ и солдатъ Наполеоновой гвардіи, я не могъ, однако-жъ, ничего узнать о причинѣ сего единственнаго во всѣхъ соборахъ уцѣленія.

---

[1]) Эту саблю я отослалъ къ отцу моему съ извѣстіемъ объ освобожденіи Москвы и счастливомъ оборотѣ войны, на которую онъ отпустилъ съ благословеніемъ всѣхъ трехъ сыновей своихъ. Кн. Ш.

Все прочее было ограблено и разрушено: рака святаго митрополита Петра не существовала и мы, собравъ обнаженные отъ одежды и самаго тѣла остатки его, положили на голый престолъ придѣла; гробница надъ бывшими еще подъ спудомъ мощами митр. Филиппа была совершенно ободрана, крышка сорвана, могила раскопана; я не имѣлъ ни досуга, ни дерзновенія опуститься внизъ, но послѣ узналъ, что съ того времени мощи открылись, согласно предсказаніямъ, слышаннымъ задолго до нашествія Наполеона, отъ митр. Платона, что мощи Святителя Филиппа должны открыться только тогда, какъ враги возьмутъ Москву. Въ Успенскомъ соборѣ отъ самаго купола до пола, кромѣ принадлежавшаго къ ракѣ св. Іоны, не осталось ни лоскута металла или ткани. Досчатыя надгробія могилъ московскихъ архипастырей были обнажены, но одна только изъ нихъ изрублена, а именно: патріарха Гермогена, и это заставляетъ меня думать, что въ Успенскомъ храмѣ помѣщались Наполеоновы гвардейскіе уланы и что то-же буйство, которое подняло руку убійцъ на служителя Божія, благословлявшаго возстаніе русской земли противъ ея губителей, чрезъ двѣсти лѣтъ, посрамилося неистовствомъ надъ утлыми досками, прикрывающими его могилу....

Каждый шагъ Наполеоновыхъ европейцевъ въ Россіи былъ ознаменованъ грабительствомъ и святотатствомъ; однако, должно сказать, что въ кремлѣ, кромѣ сплошнаго ободранія церквей, я могу только представить одно явно умышленное богохульство: въ алтарь Казанскаго собора втащена была мертвая лошадь и положена на мѣсто выброшеннаго престола. Правда, что въ Архангельскомъ соборѣ грязнилось вытекшее изъ разбитыхъ бочекъ вино, была набросана рухлядь, выкинутая изъ дворцовъ и оружейной палаты, между прочимъ, двѣ обнаженныя чучелы, представлявшія старинныхъ латниковъ; а бо́льшая часть прочихъ соборовъ, монастырей и церквей были превращены въ гвардейскія казармы, ибо кромѣ гвардіи никто не былъ впускаемъ при Наполеонѣ въ кремль. Въ Чудовѣ монастырѣ не оставалось раки Св. Алексѣя, она была вынесена и спрятана русскимъ благочестіемъ, также какъ мощи св. царевича Димитрія, и я нашелъ въ гробницѣ его только одну хлопчатую бумагу. По очищеніи церквей Божіихъ отъ хлама, я запечаталъ ихъ

моей печатью до возвращенія духовенства и, вышедъ изъ кремля, былъ удивленъ уже не небеснымъ, а земнымъ промысломъ,— наваленныхъ въ кремлевскомъ рву и валявшихся по улицамъ человѣческихъ тѣлъ и конской падали не стало. Подмосковные крестьяне, конечно, самые досужіе и смѣтливые, но за то самые развратные и корыстолюбивые во всей Россіи, увѣрясь въ выходѣ непріятеля изъ Москвы и полагаясь на суматоху нашего вступленія, пріѣхали на возахъ, чтобы захватить недограбленное, но гр. Бенкендорфъ расчелъ иначе и приказалъ взвалить на ихъ воза тѣла и падаль и вывести за городъ, на удобныя для похоронъ или истребленія мѣста, чѣмъ избавилъ Москву отъ заразы, жителей ея отъ крестьянскаго грабежа, а крестьянъ отъ грѣха. Но если подмосковная промышленность встрѣтила неудачу въ дурномъ намѣреніи, то успѣла въ добромъ. Я нашелъ, на площади противъ дома главнокомандующаго, цѣлую ярмарку. Она была уставлена телѣгами съ мукой, овсомъ, сѣномъ, печеными хлѣбами, папушниками, сайками, калачами, самоварами со сбитнемъ, даже разной обувью, и ясно показывала, что около Москвы не было пропитанія только непріятелямъ, и къ народной чести надобно замѣтить, что цѣна на съѣстные припасы ни мало не возвысилась противъ прежней, а изобиліе безпрерывно умножалось по мѣрѣ наполненія опустѣлой Москвы. Объѣзжая правую сторону обширнаго пепелища, я заѣхалъ въ уцѣлѣвшій домъ Позднякова, гдѣ жилъ вице-король Италіи и давались оставшимися въ Москвѣ французскими актерами спектакли. При въѣздѣ моемъ на большой дворъ, обоняніе мое было поражено ужаснымъ запахомъ, а глаза отвратительнымъ видомъ нѣсколькихъ уже давно издохшихъ лошадей и всякой мерзостной нечистоты. Во внутренности дома не только все уцѣлѣло, но еще было нанесено множество фортепіанъ и непринадлежавшихъ къ нему зеркалъ и мебели, а за сценою домашняго театра брошены остатки священническихъ ризъ, изъ которыхъ выкроены кафтаны и костюмы для комедіи разгонявшихъ тоску жертвъ Наполеонова властолюбія.

Проѣздивъ почти до вечера по городской пустынѣ, я пріѣхалъ къ генералу Иловайскому, гдѣ уже шумѣло многолюдное собраніе вступившихъ, пріѣхавшихъ и отыскавшихся въ Москвѣ.

Первый поздоровался со мною Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, бывшій тогда адъютантомъ всегда близкаго къ непріятелю гр. Милорадовича. Онъ, посланный имъ пробраться къ Москвѣ, чтобъ узнать о дѣйствіяхъ непріятеля, прямо въѣхалъ къ друзьямъ и очень обрадовалъ насъ извѣстіями о торжествующей уже арміи. Нѣсколько раненыхъ офицеровъ, въ томъ числѣ бывшій потомъ камергеромъ и губернаторомъ Кривцевъ [1]), разсказывали намъ, что могли знать, о Наполеонѣ, то-есть, что онъ остановился сперва въ домѣ главнокомандующаго, перебрался отъ пожара въ Петровскій дворецъ и потомъ плотно загородился, со своей старой гвардіей, въ Кремлѣ отъ шумнаго ропота голодающихъ французовъ, которымъ издалека еще показывалъ Москву, какъ вѣнецъ ихъ трудовъ, обѣщалъ въ ней довольствіе, обогащеніе и самый прибыльный миръ, котораго они давно требовали. И самъ онъ въ тогдашнее время столько же долженъ былъ полюбить миръ, сколько нашъ императоръ и русскіе возненавидѣть. Я помню, что баронъ Винцингероде показывалъ мнѣ письмо, гдѣ онъ называлъ миръ съ Наполеономъ—„политическимъ рабствомъ и внутренней враждой".

Разсказъ старика Тутолмина, остававшагося начальникомъ Воспитательнаго дома, съ малолѣтней частью его питомцевъ, ограничивался представленіемъ его къ Наполеону, стоявшему предъ каминомъ, и переводнымъ съ нимъ разговоромъ, который заключался въ вопросѣ: „кто остался въ Воспитательномъ домѣ?" Малолѣтныя. „Нѣтъ ли въ немъ помѣщенія для лазарета?" Найдется довольно. И еще нѣсколько словъ, очень удовлетворившихъ старика Тутолмина [2]), и онъ разсказывалъ одно и то-же особо всякому, кто входилъ въ комнату. Движущійся остовъ престарѣлаго генералъ-поручика Сипягина, схваченнаго французами при запоздаломъ выѣздѣ изъ Москвы, по обыкновенію ихъ, разутаго и принужденнаго нѣсколько времени въ телѣжкѣ возить

[1]) Очеркъ жизни и характеристика Кривцова помѣщены въ «Русской Старинѣ» изд. 1888 г. Ред.

[2]) Онъ, кажется, представлялъ себѣ Наполеона такимъ же страшилищемъ, какъ французы нашего Суворова; такъ и улыбка его, при словѣ малолѣтнихъ и готовность сдѣлать что угодное императрицѣ матери, произвели надъ нимъ почти такое же дѣйствіе, какъ розанъ, присланный Суворовымъ съ выпущеннымъ изъ плѣна генераломъ Викторомъ его молодой женѣ, произвелъ надъ парижанами. Кн. Ш.

землю для укрѣпленія кремля, разжалобилъ всѣхъ собесѣдниковъ. Но отставной шталмейстеръ Загряжскій никого не умилилъ. Хотя онъ и не былъ, какъ разнесся слухъ, въ наполеоновой службѣ, но по прежней будто дружбѣ съ Коленкуромъ въ добромъ здоровьи оставался подъ его покровительствомъ въ чужой Москвѣ, для сохраненія своего имущества, а можетъ быть и для благопріобрѣтенія къ нему въ случаѣ имъ однимъ изъ русскихъ желаннаго мира..... При нашемъ въѣздѣ въ Москву, къ намъ явился книгопродавецъ Риссъ и разсказывалъ, что принужденный остаться въ своей лавкѣ онъ вышелъ на улицу, услыша издали трубы и барабаны, его схватили, представили Наполеону, помнится у Дорогомиловскаго моста, и вотъ ихъ разговоръ: Кто ты? „Французскій книгопродавецъ". А, стало, мой подданный?.... „Да, но давнишній житель Москвы". Гдѣ Растопчинъ? „Выѣхалъ". Гдѣ московское городское правительство? (magistrat). Также „выѣхало". Кто же остался въ Москвѣ? „Никого изъ русскихъ". Быть не можетъ!—Риссъ, кажется, поклялся въ истинѣ своихъ показаній. Тогда Наполеонъ нахмурилъ брови и, простоявъ довольно долго въ глубой думѣ, наконецъ, какъ бы рѣшась на очень опасное дѣло, вскрикнулъ: „маршъ впередъ"! Но этотъ маршъ, какъ я потомъ слышалъ отъ плѣннаго племянника и адъютанта маршала Бертье, походилъ не на торжественное вшествіе побѣдителей, а на погребальный ходъ за покойникомъ.

Послѣ обѣда мы перебрались съ корпусной канцеляріей, ввѣренной моему надзору, въ домъ князя Бѣлосельскаго, гдѣ жилъ маршалъ Бессьеръ и въ которомъ великолѣпная зала и библіотека, вѣроятно маршальскою свитою, превратились въ безымянное между порядочными людьми мѣсто. Намъ очистили на другомъ концѣ дома княгини комнаты; тамъ, сидя у камина и разговорясь о чемъ тогда только и говорилось, пустились въ предузнаніе слѣдствій оканчиваемой Наполеономъ, а начинаемой нами войны. Надобно вамъ знать, что дорогобужскій дворянинъ Богдановичъ, служившій капитаномъ въ Смоленскихъ командахъ, охотою составленныхъ противъ Пугачева, вышедшій съ той поры въ отставку и сохранившій тогдашній мундиръ свой, т. е. синюю куртку съ алой выпушкой, при вступленіи непріятеля въ великороссійскія границы, сѣлъ на коня съ своими двумя слугами,

присталъ къ отряду бар. Винцингероде, прилѣпился къ гр. Бенкендорфу и, перейдя съ нами на новоселье, сидѣлъ въ кружкѣ у камина. Онъ долго ничего не выпускалъ изъ своего рта, кромѣ табачнаго дыма, наконецъ, оторвавъ отъ него огромную трубку и ударивъ по саблѣ, гордо сказалъ: „я эту дуру сниму только въ Парижѣ". Мы улыбнулись такому нежданному пророчеству, однако-жъ, пророкъ точно снялъ свою не праздную дуру въ Парижѣ....

IV.

Къ третьему дню нашего пребыванія въ Москвѣ уже все было пріискано, принаровлено и готово для благодарственнаго молебствія. Одна только большая церковь въ Страстномъ монастырѣ нашлась удобною къ совершенію Божественной литургіи.

Французы, изъ всегдашняго уваженія ихъ къ прекрасному полу, исполнили просьбу оставшихся въ монастырѣ, хотя только престарѣлыхъ монахинь, и учтиво не осквернили въ немъ храма Божія. Нѣсколько священниковъ отыскалось; но серебряные сосуды были вывезены и кто-то сохранившій древній стеклянный явился съ нимъ къ досужему земляку моему подполковнику Курису, которому я поручилъ хлопотать объ исполненіи придуманнаго мною сильнаго дѣйствія, нѣсколько въ сценическомъ родѣ. Этотъ радушный человѣкъ былъ, если его уже нѣтъ на свѣтѣ, изъ числа тѣхъ проворныхъ людей, которыхъ, какъ говаривалъ гр. П. А. Паленъ, не встрѣтишь нигдѣ, кромѣ Россіи. Вся жизнь ихъ,—безпрестанная скачка верхомъ или на телѣжкѣ; единственное желаніе ихъ все отыскать, всѣмъ услужить и вездѣ поспѣть. Я только намекнулъ досужему земляку моему, какъ оживить для торжественнаго молебствія замерзшую Москву—и все было сдѣлано. На всѣхъ уцѣлѣвшихъ колокольняхъ явились звонари, церковники, мѣщане, посадскіе мальчики и ожидали условленной повѣстки. Прежде 9-ти часовъ ударилъ большой колоколъ Страстнаго монастыря и вдругъ широко раздался благовѣстъ по всей погорѣлой обширности Москвы. Вѣрно тогда не было никого, чье сердце ни вздрогнуло, на чьихъ глазахъ ни навернулись слезы и кто бы ни перекрестился хотя по одной привычкѣ!

Накануне прискакавшій къ намъ на почтовыхъ пріятель мой В. П. Плетневъ сказывалъ, что посадскіе москвичи, заслыша примолкшій (въ черные дни) ямской колокольчикъ, выбѣгали на улицу, крестились и вскрикивали: „слава Богу, опять очнулась Москва!" и по этому вы можете судить, какъ она радостно ожила, когда повсемѣстно загудѣли милые ей колокола, которыми она искони тѣшилась и славилась [1]). Передъ входомъ нашимъ въ монастырь, дворъ его, переходы, паперть и церковь были уже наполнены богомольцами и вся тогдашняя столица всероссійскихъ царей втѣснилась въ одно не чрезвычайно обширное зданіе. Сильный трезвонъ, заколебавшій московское поднебесье, усилилъ ожиданное мною дѣйствіе; всѣ какъ будто встрепенулись и, конечно, съ побѣды Пожарскаго и всенароднаго избранія царя Михаила Ѳедоровича не было ни одной обѣдни, пѣтой въ Москвѣ съ такимъ умиленіемъ и слушанной съ такимъ благочестіемъ; но когда, по ея окончаніи, священный клиръ возгласилъ предъ царскими дверями: „Царю Небесный Утѣшителю!", всѣ наполнявшіе монастырское зданіе: начальники, воины, дворяне, купцы, народъ русскій и иностранцы, православные и разновѣрные, даже башкирцы и калмыки, пали на колѣна и хоръ рыданій смѣшался съ священнымъ пѣніемъ, всемѣстнымъ трезвономъ колоколовъ и, помнится, пальбою какихъ-то пушекъ...

Богъ привелъ меня быть, ровно за 12 лѣтъ предъ тѣмъ, свидѣтелемъ въ Ахенѣ умилительнаго дѣйствія первой обѣдни, пѣтой послѣ французской революціи, въ древнемъ соборѣ, гдѣ короновался Карлъ Великій; я хотя иностранецъ и другаго исповѣданія—не могъ безъ слезъ видѣть усерднаго моленія старыхъ католиковъ и женщинъ, сохранившихъ въ сердцахъ своихъ Бога и вѣру, во время безпримѣрнаго богоотступленія, превратившаго Божіи храмы въ магазины и воспрещавшаго исполнять христіанскій долгъ; но я тогда соучаствовалъ какъ человѣкъ и христіанинъ въ чужой радости, а въ Москвѣ, очищенной отъ непріятеля, духъ мой былъ выше всего, что можетъ постигнуть и чувствовать еще тѣлесный человѣкъ....

Я пропустилъ разсказанное намъ графомъ Бенкендорфомъ. Онъ,

---

[1]) Огромный колоколъ Вестмюнстерскаго собора вылитъ въ Москвѣ, что доказываетъ его русская подпись. Кн. Ш.

рано по утру, поѣхалъ въ Спасскія казармы, служащія больницею русскихъ и французовъ, изъ которыхъ, по его распоряженію, уже начали вывозить больныхъ въ полусожженный Петровскій дворецъ. При входѣ въ казармы, онъ былъ пораженъ убійственнымъ зловоніемъ и нашелъ между страждущихъ и умирающихъ полусогнившіе трупы, коихъ сведенныя смертностью мышцы уже не скрѣпляли распадающихъ членовъ и онѣ, при усиліи подымавшихъ тѣла, отъ нихъ отрывались. Ужасъ и омерзеніе, произведенные этимъ болѣе чѣмъ варварскимъ презрѣніемъ къ человѣчеству, преслѣдовали цѣлый день добродушнаго сострадальца, полумертвецами, просящими жизни, почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ, и онъ только тогда отдохнулъ, когда послѣ обѣдни удостовѣрился, что всѣ больные были перенесены и перевезены по его назначенію и имъ подавали возможную тогда помощь, подъ бдительнымъ надзоромъ полковника Орловскаго [1]) и подполковника Оленина.

На другой день запахъ французскаго пребыванія въ залѣ и библіотекѣ, которыми проходили въ наши комнаты, выгналъ насъ изъ палатъ кн. Бѣлосельскаго въ домъ моихъ родственниковъ, который напоминалъ намъ вечера, въ немъ радостно проведенные во время коронаціи покойнаго императора (Александра Павловича). У меня также вышло изъ головы: въ этой или прежней квартирѣ остановился у насъ прежній нашъ сослуживецъ генералъ-адъютантъ гр. Сенъ-При, присланный фельдмаршаломъ для начальства нашимъ отрядомъ; однако же, не истратилась изъ сердца тогдашняя утѣха моего самолюбія. Графъ сказывалъ и при всѣхъ, что фельдмаршалъ (Кутузовъ), прочтя присланное къ нему обнародованіе отъ имени генерала Иловайскаго 4-го и зная уже, что я вошелъ въ Тверское ополченіе, сказалъ: „А Шаховской въ Москвѣ“, и этотъ лестный от-

---

[1]) Онъ узналъ между плѣнныхъ, ввѣренныхъ его надзору, роднаго племянника его, подданнаго короля Саксонскаго и служившаго французамъ. Это мнѣ напомнило, что нѣкогда воины князей черниговскихъ проливали кровь братьевъ своихъ, служившихъ въ кіевскихъ дружинахъ, или парижане истребляли единокровныхъ имъ бургундцевъ; но одни сдѣлались русскими, а другіе французами; авось и храбрые соплеменники наши, сохранившіе, не взирая ни на что, коренное имя, данное имъ и намъ славою, захотятъ радушно пожертвовать частнымъ честолюбіемъ общей нашей проименовательницѣ.

Кн. Ш.

зывъ, безсмертнаго мудростію полководца, очень обрадовалъ мое авторство.

Къ слову объ авторствѣ: я не могу утерпѣть, чтобы не сообщить какъ меня, вскорѣ послѣ того, поддѣло авторство, только не мое. Фельдъегерь, присланный отъ военнаго министра, подалъ мнѣ толстый пакетъ: судя по письму А. С. Шишкова и по высочайшему благоволенію къ нашимъ дѣйствіямъ, я ожидалъ найти въ немъ звѣздное или, по крайней мѣрѣ, крестное одобреніе моей отдѣльной отъ ополченія службы; но развернувъ пакетъ, не безъ сердечнаго трепета, я увидѣлъ въ немъ.... что вы думаете?... кипу печатныхъ стиховъ гр. (Дм. Ив.) Хвостова, который былъ, къ моему несчастію, зятемъ министра и нашимъ сочленомъ въ русской академіи, а потому прислалъ мнѣ 120 экземпляровъ радостной оды своей на освобожденіе Москвы. Вы можете себѣ представить, какъ обрадовала меня эта и никому не радостная ода и только утѣшило то, что никого не было въ комнатѣ, стало быть никто не видалъ забавнаго для другихъ измѣненія лица моего.

Прибытіе изъ Твери, по высочайшему повелѣнію, нынѣшняго гр. Голенищева-Кутузова [1]) для принятія въ команду отряда, перемѣнило еще начальника и я, по выступленіи его, остался въ Москвѣ, гдѣ долженъ былъ дождаться гр. Ростопчина, чтобы изустно объяснить ему все найденное и сдѣланное съ выступленія Наполеона.

Еще до выступленія отряда генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова, первый пріѣхалъ изъ Владиміра.... князь Бор. Андр. Голицынъ, начальникъ владимірскаго ополченія; вслѣдъ за нимъ вступили съ дружинами Гр. Гр. Спиридовъ и Ал. Павл. Афросимовъ, заняли московскіе караулы, а потомъ явившіеся оберъ-полицеймейстеръ Ивашкинъ съ своими подчиненными. Онъ снялъ печати и часовыхъ, охранявшихъ строенія, въ которыхъ были складки разныхъ уцѣлѣвшихъ вещей и запасовъ; не помню

---

[1]) Идя съ нами къ обѣднѣ въ Страстной монастырь, онъ замѣтилъ на углу ограды изъ приваленнаго къ ней дрязга—высунувшуюся ногу человѣческую и открылось, что тутъ были заметаны, чѣмъ ни попало, тѣла 6 московскихъ мѣщанъ, схваченныхъ, обвиненныхъ въ зажигательствѣ и повѣшанныхъ на фонаряхъ, подлѣ тверскихъ воротъ, по приказанію Наполеона осужденныхъ его префектомъ Лесепсомъ, пожалованнымъ имъ изъ купецкихъ мотыгъ въ головы (не разобрано) и самопроизвольными судьями, набранными изъ не русскихъ бродягъ и учителей, жившихъ въ дворянскихъ домахъ. Кн. Ш.

чѣмъ французы наполнили палаты гр. Ростопчина, кн. Куракина и нѣкоторыя другія, но не забылъ, что оберъ-церемоній-мейстера Валуева были превращены въ свѣчной магазинъ, а магазинъ Шалме наполнился многими сносами съ Кузнецкаго моста. По снятіи печати и осмотрѣ этого дома, въ которомъ жилъ Лесепсъ (родившійся въ Архангельскѣ, путешествовавшій съ Лаперузомъ, бывшій французскимъ консуломъ въ Петербургѣ и Наполеоновымъ префектомъ въ Москвѣ), оберъ-полиціймейстеръ нашелъ въ комнатахъ г-жи Шалме все въ большомъ безпорядкѣ: накрытый столъ и на немъ полуразрѣзанный кусокъ говядины, съ воткнутою въ него вилкою. Эти явные признаки торопливаго выѣзда жильцовъ, въ томъ числѣ и начальника города, доказываютъ, что Наполеона вовсе неожиданно выпугнуло изъ Москвы Тарутинское дѣло и что надежда на позорный для Россіи миръ длилася въ немъ хитростію старой лисицы, какъ, говорятъ, онъ называлъ нашего мудраго полководца (Кутузова).

Въ тотъ же день объѣзжая Москву съ г. Ивашкинымъ, мы взобрались кое-какъ въ развалины сгорѣвшей залы благороднаго собранія; вздыхая о прошедшемъ ея великолѣпіи и не воображая еще нынѣшняго, я почувствовалъ, что нога моя уткнулась въ нѣчто твердое, высунувшееся концомъ изъ груды щебня, и наклонясь увидѣлъ палецъ мѣдной руки. Тотчасъ полицейскіе, привыкшіе вырывать всякія поклажи, отрыли бронзовую статую императрицы Екатерины II.

Вы можете себѣ представить, какъ я восхитился, увидя, что этотъ памятникъ благодарности русскаго дворянства, за дополненіе благодѣянія Петра III, не достался Наполеону....

Поѣхавъ отъ собранія, по тогдашнему топи, а нынѣшней (въ 1836 г.) прекрасной театральной площади, мы, между обломковъ, завалившихъ дворъ университета, увидѣли бѣлый будто мраморный бюстъ, но прикосновеніе къ нему открыло, что это верхняя часть человѣческаго тѣла, вѣроятно выброшенная кремлевскимъ взрывомъ.

Меня обрадовалъ пріѣздъ московскаго гражданскаго губернатора Ник. Вас. Обрескова, очень умнаго и любезнаго человѣка, который по хорошему знакомству нашему захотѣлъ остановиться въ одномъ домѣ со мною. Я отъ него узналъ многія обстоятельства и происшествія, предварившія входъ непріятеля; между

прочимъ о горючемъ шарѣ, который долго и тайно приготовляли въ подмосковной кн. Рѣпнина. Онъ, какъ увѣрялъ его выдумщикъ, могъ произвесть разомъ дѣйствіе нѣсколькихъ тысячъ конгревскихъ ракетъ. Найденный безполезнымъ противъ вступающаго непріятеля, онъ былъ отправленъ, помнится, на ста подводахъ за Владиміръ и, какъ я узналъ послѣ, привезенный въ Ораніенбаумъ, неудачнымъ опытомъ, посрамилъ своего изобрѣтателя [1]. Нѣсколько оставшихся отъ него начиненныхъ горючимъ веществомъ бумажныхъ трубокъ были выставлены уликою въ зажигательствѣ Москвы, несчастныхъ схваченныхъ и повѣшенныхъ по военному Наполеонову суду, давно извѣстному на Руси подъ именемъ Шемякина. Намъ принесли сторублевыя ассигнаціи французской работы, которыя отъ настоящихъ, по нашему знанію, мы могли только отличить по выгравированной подписи.

Я слышалъ, что фабрика или запасъ этого бездѣльства находился въ Кенигштейнѣ, куда до самаго освобожденія Саксоніи отъ Наполеоновскаго ига никого не впускали. Но увѣренъ совершенно только въ томъ, что повелитель почти всего западнаго материка Европы промышлялъ фальшивыми ассигнаціями. Если французскіе писатели обвиняли Фридриха Великаго, будто поддѣлывавшаго свои же деньги, для поддержанія самой тяжкой войны и для сохраненія своего, едва уже существовавшаго, королевства, то почему же они умалчиваютъ о поддѣлываніи чужихъ ассигнацій императоромъ, овладѣвшимъ силами и богатствомъ 20 народовъ, приведенныхъ имъ на Россію.

---

[1]) Кн. Шаховской, очевидно, упоминаетъ о Леппихѣ, предложеніе котораго извѣстно читателямъ «Русской Старины» изъ документа объ этомъ изобрѣтателѣ, въ нашемъ изданіи напечатаннаго. См. «Русск. Стар.» изд. 1877 г. т. XX, стр. 717—720.

V.

Наконецъ, гр. Растопчинъ въѣхалъ въ колясочныхъ дрожкахъ на пепелище оставленной имъ, хотя и опустѣлой, но еще прекрасной Москвы. Я встрѣтилъ его у церкви Василія блаженнаго какъ прежній его знакомецъ, стихами Крюковскаго:

И пеплъ родимыхъ стѣнъ
Потомству возвѣстить,
Что славу Россъ свою всѣхъ
Выше благъ цѣнитъ.

Онъ, кажется, отнеся эти стихи, и не напрасно, къ себѣ, обнялъ меня, какъ обнимаются единокровные на прародительскомъ кладбищѣ; мы обходили сперва Кремль, гдѣ онъ приказалъ оставить мои печати до возвращенія преосвященнаго Августина потомъ часть города, и уже вечеромъ мы вошли въ уцѣлѣвшій домъ его и пробесѣдовали втроемъ съ Н. В. Обресковымъ всю ночь. Я донесъ главнокомандующему въ Москвѣ обо всемъ, что онъ желалъ знать; но какъ тогдашнее сочувствіе всѣхъ русскихъ сближало и дальнѣйшія чиновныя разстоянія, то разговоръ нашъ сдѣлался почти пріятельскимъ. Гр. Растопчинъ, съ самодовольствіемъ говорилъ о томъ истинно славномъ дѣлѣ, отъ котораго чрезъ нѣсколько лѣтъ печатно отрекался въ Парижѣ, и почти съ такимъ же самодовольствіемъ читалъ мнѣ черновое письмо свое къ фельдмаршалу и старался дать почувствовать игру словъ или каламбуръ въ упрекъ, что онъ, фельдмаршалъ, своимъ покоемъ, очень безпокоитъ всю Россію.

Лицо мое, болтливое не меньше моего языка и пера, не скрыло отъ него, чего бы изъ учтивости словами я ему не сказалъ.

Большіе глаза гр. Растопчина, искавшіе, можетъ быть, моей улыбки, опустились вдругъ на недочитанное письмо и сочинитель его захотѣлъ объяснить мнѣ, что онъ неоднократно ѣздилъ въ лагерь, гдѣ, какъ главнокомандующій въ Москвѣ, требовалъ видѣть главнокомандующаго арміею, но ему отвѣчали каждый разъ, что его сіятельство только изволилъ успокоиться и не приказалъ никого къ себѣ принимать, а потому онъ былъ вынуж-

денъ хоть письменно объяснить не только названному имъ княземъ—невидимкой, но и всей Россіи, какъ онъ чувствовалъ и думалъ. Зная, что списки этого письма ходили по арміи и графскій каламбуръ повторялся шопотомъ въ главной ея квартирѣ, я самъ нашелся вынужденнымъ объяснить языкомъ болтовню моего лица, т. е. что упрекъ фельдмаршалу, такъ остроумно выраженный знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ, могъ вредить довѣренности подчиненныхъ къ начальнику, отъ котораго зависѣла судьба Россіи.

— „Но этотъ начальникъ, возразилъ графъ Растопчинъ, долженъ былъ имѣть довѣренность къ другому начальнику, удостоенному довѣренности самого государя".

Я представилъ его сіятельству, что фельдмаршалъ, какъ извѣстно, держался правилъ великаго полководца, не хотѣвшаго, чтобъ и подушка, на которой онъ спалъ, знала его намѣренія. Графъ нашелъ это правило Ганибала [1]) совсѣмъ неумѣстнымъ съ человѣкомъ, на котораго фельдмаршалъ могъ и долженъ былъ полагаться. „Потому-то мнѣ кажется, отвѣчалъ я уже улыбнувшись, ему не было нужды съ вами видѣться". Удивленный моимъ отвѣтомъ и улыбкой, онъ спросилъ: „а это почему"?

— „Потому-же, почему Суворовъ предъ Измаильскимъ приступомъ, приказывая дежурному генералу обойти начальниковъ колоннъ, одному растолковать, другому разсказать, Рибасу намекнуть, примолвилъ: а генералъ Кутузовъ и Рибаса обманетъ, такъ стало и говорить ему не было нужды".

Тутъ, замѣтя въ глазахъ моихъ собесѣдниковъ проблеснувшее удовольствіе, я поторопился разсказать слышанное мною отъ извѣстнаго остряка А. С. Хвостова. Полкъ его съ двумя другими когда-то голодалъ въ отрядѣ того-же генерала Кутузова, который обманулъ уже не Рибаса, а Наполеона [2]); всѣ три полковника пришли къ нему съ требованіемъ

---

[1]) Авторъ ошибочно упомянулъ здѣсь о Ганнибалѣ. Извѣстно, что не онъ, а Фридрихъ Великій говорилъ: «если бы мой колпакъ зналъ о чемъ я думаю, то я сжегъ бы его». **А. П.**

[2]) Графъ П. А. Паленъ, разговаривая о кн. Кутузовѣ въ Ригѣ, сказалъ: я былъ увѣренъ, какъ скоро его сдѣлали главнокомандующимъ, что брудеръ Михель (какъ онъ называлъ князя Михаила Ларіоновича), если не побьетъ, то обманетъ Наполеона.—И въ этомъ случаѣ, кажется, можно повѣрить графу Петру Алексѣевичу Палену. **Кн. Ш.**

провіанта. Онъ приказалъ, по возможности, удовлетворить двоихъ, а Хвостова, съ которымъ былъ хорошо знакомъ, отвелъ въ сторону и, шепнувъ пріятельскую русскую поговорку, спросилъ громко: „не такъ ли, г-нъ полковникъ"?

Г-нъ полковникъ поклонился и кое-какъ прокормилъ полкъ.

Примѣры подѣйствовали и я спросилъ болѣе развеселившагося однодомца моего Н. В.: „Если-бъ фельдмаршалъ и цѣлые сутки протолковалъ съ графомъ, то могло ли отъ того что нибудь сдѣлаться лучше и удивительнѣе бывшаго"?

Москва преспокойно и безъ всякой суматохи опустѣла, никто въ дорогѣ не умеръ отъ голода, никого не ограбили, всѣ доѣхали благополучно, куда кто хотѣлъ, и изъ 180,000 московскихъ жителей насилу отыскали одного, да и то француза, чтобъ объявить Наполеону, перебравшему большую часть европейскихъ столицъ, неимовѣрную для него новость, и за нее московскій главнокомандующій удостоился отъ него ругательствъ, которыя онъ вѣрно не промѣняетъ на оды и не графа Хвостова. Тутъ не вовсе безпристрастные слушатели мои разсмѣялись, а старшій прибавилъ, что Наполеонъ не только удостоилъ его своихъ ругательствъ, но и пронырствъ, приказавъ непремѣнно отстаивать домъ его, чтобъ внушить противъ него подозрѣніе въ предосторожностяхъ, взятыхъ имъ для сохраненія своей собственности отъ распоряженнаго имъ же пожара, но онъ доказалъ цѣлому свѣту свою безкорыстность, сожегши самъ принадлежавшую ему прекрасную подмосковную.

Это воспоминаніе истинно безкорыстнаго и прямо русскаго подвига совершенно развеселило хозяина и онъ, съ его обыкновенною любезностью, пустился по-своему въ разсказы слышанныхъ или видѣнныхъ имъ случаевъ по выѣздѣ изъ Москвы, откуда, какъ онъ мнѣ замѣтилъ шутя, благополучно доѣхали, кто куда хотѣлъ, всѣ совершенно русскіе, а съ иностранцами и полу-русскими, которыхъ крестьяне принимали за непріятельскихъ языковъ, случались маленькія непріятности и къ нему представляли связанныхъ, а иныхъ и растрепанныхъ знакомыхъ ему учителей и даже чиновниковъ, и будто привели на веревочкѣ и съ нѣкоторыми знаками православнаго неблаговоленія одного сентиментальнаго поэта и московскаго бальнаго щеголя, говорившихъ между собою о блѣдной лунѣ и Кузнецкомъ мостѣ по французски.

Н. В. къ этому прибавилъ, что и въ арміи казаки подстрѣлили одного адъютанта, принявъ по французскому разговору его съ товарищемъ за непріятеля.

— „Знаете ли, прервалъ графъ, что слухи о подобныхъ непріятностяхъ съ иноязычниками едва не уморили вывезеннаго съ моей канцеляріей изъ Москвы, общаго пріятеля нашего, славнаго итальянскаго живописца, но не очень грамотнаго русскаго помѣщика философа Тончи [1]). Ужасъ быть убитымъ крестьянами, а можетъ быть и слугами своими, распалилъ пламенное воображеніе и загналъ его въ лѣсъ. Вся канцелярія моя, не зная, куда онъ дѣвался, пустились съ казаками и крестьянами отыскивать его по дорогѣ и лѣсу, начали аукать, кричать, кликать. Онъ, слыша со всѣхъ сторонъ свое имя, совершенно рехнулся и уже отысканный и приведенный въ домъ, отъ страха, чтобъ его не убили, самъ чуть не зарѣзался бритвою; къ счастію успѣли ему помочь, успокоить, наконецъ, совсѣмъ образумили и онъ, въ память своего спасенія и уцѣлѣнія, обѣщался написать запрестольный образъ для соборной Владимірской церкви" [2]).

Потомъ гр. Растопчинъ разсказалъ, между прочимъ, что онъ встрѣтилъ кучу непріятельскихъ мародеровъ, веденныхъ вооруженными ихъ же оружіемъ мужиками, подъ предводительствомъ дородной бабы, гордо выступавшей съ длинной саблей, повѣшенной черезъ плечо, сверхъ французской шинели. Графъ узналъ отъ провожатыхъ, что она ихъ старостиха Василиса и хотя ея женское дѣло, но она на свою руку охулки не положила.

---

[1]) Вотъ какъ самъ Тончи объясняетъ причину его сумасшествія. Отославъ задолго, по совѣту гр. Растопчина, жену свою, урожденную княжну Гагарину въ Рязань, онъ остался въ домѣ графа, который обѣщалъ его, когда нужно будетъ, отправить къ ней. Непріятель близко. Москва пустѣетъ. Тончи въ страхѣ приходитъ къ графу напоминать его обѣщаніе. Графу было не до Тончи, онъ отвѣчаетъ: «вы будете отправлены куда надо», и при немъ грозно приказываетъ своему правителю канцеляріи г-ну Руничу взять его съ собою. Эта необыкновенная суровость поражаетъ итальянца, встревоженное воображеніе представляетъ ему, что его хотятъ отправить въ Сибирь, и когда Руничъ повезъ его не по Рязанской дорогѣ, ужасъ ссылки довелъ его до изступленія. Онъ бѣжалъ въ лѣсъ и проч.

[2]) Этотъ превосходный образъ крещенія св. Владиміра написанъ и поставленъ за престоломъ во Владимірскомъ соборѣ. Кн. Ш.

На вопросъ, много ли они перевели басурманской саранчи? Василиса за всѣхъ отвѣчала: „Таки ихъ посильно мѣсто передушила наша вотчина, да та бѣда, что сперва наши-то сглупа боялись ихъ убивать, чтобъ не попасть за окаянныхъ въ отвѣтъ, и только что отъ нихъ хоронилися, а какъ узнали, что нѣтъ запрета изводить злое сѣмя, то и пошли всѣхъ душить на кого нападутъ врасплохъ; только, видишь, начальники не вѣрили мужицкимъ разсказамъ и дали такую повѣстку, чтобы-де мы видѣли ваше усердіе и промыселъ, то берите больше въ полонъ супостатовъ и кого намъ живаго представите, за того будетъ награда, а за мертвыхъ награды не будетъ [1]). Вотъ тутъ наши и взялись за умъ, какъ заслышали этихъ супостатовъ, притаплися по задворью. Въ моемъ домишкѣ осталось таки довольно винца и пивца, вотъ они, какъ голодные волки, вбѣжали въ деревню, да позарясь на бѣлую избу, вошли въ нее гурьбой, отыскали хмѣльное, ружья къ сторонѣ и ну бражничать, да и ошалѣли; тутъ, выждя ночи, наши нагрянули и ну работать; кто забарахтался, тому карачунъ, а кто не ерошился, того живьемъ привели къ вашей милости, чтобъ товаръ лицомъ продать".

Ник. Васил. прибавилъ къ графскому разсказу донесенное ему исправникомъ. Вечеромъ вошла въ деревню шайка французовъ, а какъ вслѣдствіе приказа земскаго начальства по всѣмъ селеніямъ были учреждены отводные караулы, то они дали вѣсть крестьянамъ, тѣ спрятались, куда знали. Усталые мародеры забрались въ богатую избу на ночлегъ; мужики обѣщались выстроить хозяину новую, да около полуночи подослали въ подклѣтъ мальчика прислушать, что дѣлаютъ незванные гости... храпятъ. Крестьяне, благословясь, тихомолкомъ подкрались, приперли бревенцомъ дверь, привалили хворосту къ сѣнцамъ, зажгли и натѣшили свою душеньку крикомъ и воемъ горящихъ съ избою злодѣевъ святой Руси.

Эта крестьянская потѣха, отъ которой, какъ говорится, меня по кожѣ подернулъ морозъ, перебросила разговоръ къ тогдашнимъ сподвижникамъ нашимъ испанцамъ. Мы, сравнивая ихъ

---

[1]) Фельдмаршалъ, чтобъ унять крестьянъ отъ ужасныхъ убійствъ, попадающихъ къ нимъ въ руки непріятелей, приказалъ это объвѣстить по вотчинамъ и за безвредный приводъ плѣнныхъ давать награды. Кн. Ш.

народную войну съ нашею, были поражены чудеснымъ сходствомъ судьбы и свойства двухъ народовъ, живущихъ совершенно въ различныхъ климатахъ и на противуположныхъ концахъ Европы... Мы удивились, что никто изъ насъ до той поры не читалъ и не слыхалъ, что историческія событія, набожность, радушіе, привязанность къ своей землѣ, даже пѣсни, пляски и народныя поговорки испанцевъ такъ близки къ русскимъ. Примѣняя пословицы Санхо-Пансо къ нашимъ, я вспомнилъ изреченіе: „Гишпанецъ на конѣ не тотъ человѣкъ", а находя, что и русскій верхомъ самъ свой бодритъ народъ, привелъ тому въ примѣръ, что нѣсколько дней назадъ я въ Чашниковѣ встрѣтилъ вовсе не удалаго крестьянина (изъ имѣнія) брата моего, отданнаго въ конное ополченіе, уже бывшее въ отрядѣ съ казаками: онъ ѣхалъ на французской лошади и съ французской саблей при бедрѣ и, отвѣтя на вопросъ мой, гдѣ онъ ихъ взялъ?—Завоевалъ!—молодцемъ пустился вскачь по улицѣ.

— Но не смотря на это молодечество, возразилъ графъ, французскіе солдаты не очень уважаютъ нашихъ бородатыхъ воиновъ. Они вели партію плѣнныхъ, изъ коихъ одинъ пріотсталъ. Ополченный, замахнувшись на него пикой, вскрикнулъ: „ступай, мусье". Французъ, взглянувъ на него съ презрѣніемъ, проворчалъ: „au diable soldat de circonstance", однако же, прибавилъ шага.

Гр. Растопчинъ, кажется, любившій до войны и послѣ войны французское острословіе, которымъ и самъ отличался, привелъ многіе примѣры его, а Н. В., ни до войны, ни послѣ войны небольшой до чужеумія охотникъ, но бывъ просвѣщеннымъ и милымъ весельчакомъ въ русскомъ, но не плеабномъ родѣ, обратилъ въ пользу нашей радушной веселости слышанное имъ замѣчаніе фельдмаршала кн. Кутузова, что французскимъ солдатамъ генералъ наговори всякую высокопарную нелѣпицу и чѣмъ они ея меньше поймутъ, тѣмъ больше расхрабрятся и какъ бѣшенные бросятся въ бой. Нѣмцамъ надо долго и дѣльно толковать, чтобъ хорошенько ихъ двинуть въ дѣло, а русскихъ стоитъ только разсмѣшить и они рады въ огонь и воду.

— „Да, подхватилъ графъ, полководцу и народоправителю должно больше всего знать, съ какими людьми онъ говоритъ и какъ имъ говорить". Тутъ оборотясь ко мнѣ, спросилъ съ улыбкой: „что я думаю объ его обнародованіяхъ".

Не хотя оскорбить самолюбіе сочинителя или согрѣшить противъ моей совѣсти, я объяснилъ, что нахожу въ нихъ хорошаго, т. е. они писаны точно простонароднымъ слогомъ, должны были дѣйствовать въ нижнихъ сословіяхъ сильнѣе и вѣрнѣе высокопарнаго ораторства, что читая ихъ, русскія сердца запалялись молодечествомъ; но умолчалъ, что площадной языкъ черни казался мнѣ не вовсе приличнымъ, въ обнародованіяхъ отъ имени главнокомандующаго столицей, который долженъ говорить всѣмъ сословіямъ. Хотя гр. Растопчинъ въ этомъ могъ бы оправдаться предположеніемъ, что просвѣщенные люди не имѣли надобности въ его побужденіяхъ на подвигъ, внушаемый ихъ честью и любовью къ отечеству, можетъ быть онъ такъ и думалъ, но, кажется, хотѣлъ своими площадными обнародованіями возбудить старорусской духъ московской черни, противъ новомыслія вышедшей изъ ея же полупросвѣщенной молодежи. Это я замѣтилъ изъ объясненія его поступка съ купецскимъ сыномъ Верещагинымъ, обучавшимся иностраннымъ языкамъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ давно уже мартинистъ Шварцъ и недавно нѣмецкій философъ Буле трудились заводить русскій умъ за чужой разумъ и хулить нашъ православный бытъ. Угорѣвшій отъ чада новопросвѣщенія, купчикъ Верещагинъ пустился переводить, толковать и распускать въ народѣ Наполеоновы прокламаціи, когда онъ самъ уже былъ подъ Москвою, гдѣ начали проявляться другіе Верещагины и верещать по заморскому, то должно было, чтобъ унять своихъ и показать чужимъ русскую ненависть къ ихъ соблазнамъ, предать одного народной казни и ея ужасамъ, если не образумить, то хотя устрашить прочихъ сумасбродовъ.

Я не сталъ возражать противъ жестокости казни, къ которой иногда принуждаютъ и очень сострадательныхъ народоправителей—время, обстоятельства и необходимость примѣра, хотя не нахожу разъяренія черни средствомъ, свойственнымъ законному правительству [1]).

---

[1]) Что касается до обвиненія купечеекаго сына Верещагина въ распространеніи Наполеоновскихъ прокламацій, то обвиненіе это, какъ дознано въ настоящее время, было совершенно несправедливо. Верещагинъ былъ растерзанъ разъяренною толпою, какъ измѣнникъ, только потому, что графъ Растопчинъ предалъ его народу, какъ измѣнника, когда, напротивъ, все говорило въ пользу невинности павшей жертвы. А. П.

Проведя всю ночь въ неумолчной бесѣдѣ, я уже при дневномъ свѣтѣ простился и навсегда съ гр. Растопчинымъ, за которымъ безпристрастное потомство, надѣюсь, утвердитъ почетное мѣсто въ исторіи 1812 года, какъ современники отдаютъ справедливость его замысловатому, хотя и не всегда добродушному острословію, изъ котораго во Франціи сдѣлали-бъ цѣлую Растопчіану. Между прочихъ его замысловатостей замѣчательна едва-ли не послѣдняя его шутка: въ одномъ изъ парижскихъ театровъ, гдѣ всѣ освистывали дурнаго дебютанта, а онъ аплодировалъ и отвѣчалъ спросившимъ его, что это значитъ:

— „Боюсь, какъ сгонятъ его съ театра, то онъ къ намъ (въ Россію) отправится въ учители".

...Чтобъ вамъ не показалось нѣсколько неестественнымъ такое подробное припомненіе моего разговора съ гр. Растопчинымъ, я долженъ объяснить, что онъ недавно возобновился въ моей памяти попавшимся мнѣ, между старыми бумагами, началомъ письма моего къ покойному графу В. В. Мусину-Пушкину-Брюсу. Этотъ самый незлобивый, доброхотный, честный и русолюбивый человѣкъ — любилъ иногда, особливо со мною, спорить только для того, чтобъ спорить, и вслѣдствіе противурѣчія его моей давнишней увѣренности, что Наполеонъ можетъ ворваться въ Россію, но цѣлый не вырвется изъ нея и моего-же мнѣнія о гр. Растопчинѣ—я по возвращеніи въ полкъ принялся было писать къ нему, но за хлопотами и скорымъ походомъ не описалъ и не послалъ письма, котораго уцѣлѣвшій листокъ мнѣ теперь пригодился. Но пора кончить мой утомительный разсказъ выѣздомъ изъ Москвы....

VI.

Держась буквально Корнелева изреченія: „Faites votre devoir et laissez faire le Dieux," я почелъ моею обязанностію не оставлять ополченія, въ которое судьба меня привела, и возвратился въ полкъ, которымъ начальствовалъ, по избранію моихъ тогдашнихъ сослуживцевъ, но не могу утаить, что гонка непріятеля изъ Москвы, по дорогѣ, имъ же раззоренной, произвела нравственную перемѣну въ нѣкоторыхъ изъ избирателей моихъ.

Они, какъ оказалось на дѣлѣ, раздѣлялись на природныхъ дворянъ въ старинномъ смыслѣ этого слова и на помѣщиковъ, схватившихъ кое-какъ офицерскіе чины или добравшихся по приказамъ даже и до 9-го класса и купившихъ на промышленныя деньги деревни.

Первые, припомня въ ополченіи прежнюю военную службу и внушенныя ею чувства народной чести, охотно шли въ походъ и рады были подраться съ непріятелемъ; а нѣкоторые изъ вторыхъ, вступя ретиво въ ополченіе, служили усердно, пока отдавался въ ихъ русскихъ сердцахъ воспалительный крикъ: „нашихъ бьютъ!"... когда же наши стали бить, то, смекнувъ, что незваннымъ гостямъ у насъ не водъ, и почтя военное служеніе свое на защиту отечества уже конченнымъ, старались отлынять подъ разными предлогами отъ дальнѣйшихъ безпокойствъ и на зиму убраться въ теплыя хоромы свои.

Кромѣ сихъ главныхъ раздѣленій на ополченныхъ дворянъ и помѣщиковъ, были еще два разряда. Одинъ: отставныхъ офицеровъ, проживавшихъ въ губерніи; услыша, что непріятель сильно идетъ на Россію, они, по старой привычкѣ, тотчасъ прямо явились на службу царю и отечеству и не думали покидать ее, пока война совсѣмъ не окончилась. Второй: молодыхъ канцелярскихъ чиновниковъ, воспитанныхъ въ губернскихъ училищахъ и не успѣвшихъ еще оподъячиться. Они рады были случаю вырваться изъ-за приказныхъ столовъ и сдѣлаться, какъ говорится въ нижнихъ сословіяхъ, людьми. Офицерскіе мундиры ихъ тотчасъ омолодечили. Но не имѣя денегъ и не зная благородныхъ игръ въ карты, они, отчужденные помѣщиками, прильнули къ дворянамъ, сдружились съ бывшими военнослужащими и потомъ вмѣстѣ съ ними вступили въ кадры дивизіи, набранной изъ жалкихъ остзейскихъ рекрутъ, которыхъ подъ моимъ начальствомъ довели въ порядкѣ, исправности и цѣлости въ Варшаву, гдѣ князь Д. И. Лобановъ-Ростовскій, бывшій рижскимъ военнымъ губернаторомъ, не хотѣлъ вѣрить, чтобъ извѣстные ему латыши и чухонцы не разбѣжались или не перемерли въ такой дальней дорогѣ, однако-жъ, своими глазами увѣрился и приведшіе ихъ офицеры вступили всѣ съ наградами въ запасную армію. Я читалъ имена ихъ между отличившимися штабъ- и оберъ-офицерами и одного—въ спискѣ генераловъ.

При выѣздѣ моемъ изъ Москвы, уже въ самомъ концѣ октября 1812-го года, показался первый снѣгъ, а по выступленіи ополченія вслѣдъ за арміей, начался запоздавшій холодъ, но еще при переправѣ нашей въ Зубцовѣ чрезъ Волгу я принужденъ былъ пропускать мимо себя весь полкъ по одному человѣку чрезъ наложенныя по полыньямъ доски и не находилъ нигдѣ недостатка въ жизненныхъ припасахъ. Стало быть непріятель, вопреки иностраннымъ писателямъ, погибъ не отъ холода и голода, ибо тамъ, гдѣ побѣжденные сыты, побѣдитель не можетъ быть безъ хлѣба и во всѣхъ покоренныхъ Наполеономъ земляхъ не войска его, а жители ихъ мерли голодною смертью. Онъ долженъ былъ знать, что русская зима начинается въ срединѣ французской осени и, по крайней мѣрѣ, противъ нея запастись шубами, что легко было сдѣлать завоевателю тамъ, гдѣ и нищіе безъ нихъ зимою не ходятъ; но чтобы, не взирая на эти ощутительныя доказательства истинной причины гибели нашихъ враговъ, они не могли всклепать на морозы, дѣло пламенной любви къ вѣрѣ, царю и отечеству, Богу угодно было продлить въ Россіи теплоту до того, что въ этотъ годъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ непріятель, два раза косили луга, чего тогдашніе старики незапоминали, а нѣкоторые изъ внуковъ ихъ, вѣруя въ печатное на чужихъ языкахъ, не хотятъ вовсе знать, душа въ себѣ русскій толкъ самохвальнымъ чужебуромъ, отъ котораго избави Богъ нашъ православный край, и нѣтъ сомнѣнія, что избавитъ .....

1836 г. Князь Александръ Шаховской.

Сообщ. 20 іюля 1870 г. **А. Н. Петровъ.**

Договоръ помѣщика съ живописцемъ въ 1840 г.

1.

Договоръ титулярнаго совѣтника Павла Григорьевича Староженка съ живописцемъ Конономъ Федоровичемъ Юшкевичемъ-Стаховскимъ, учиненный 1840 года, сентября 27 числа, въ пятницу.

За написаніе съ г. помѣщика тит. совѣт. Павла Григорьевича Староженко портрета мною Юшкевичемъ Стаховскимъ и, по договору, долженъ по окончаніи портрета онаго получить отъ него, г. Староженка, награжденіе: 1) житней муки 10 пудъ, по цѣнѣ пудъ по 1 р. 80 к., на сумму 18 р., 2) пшеничной муки 4 пуда, по 2 руб., на 8 руб., и 3) деньгами 14 р., всего (40) сорокъ рублей; на семь вечерей пять свѣчей; человѣкъ мой долженъ кормиться до 6 числа октября и до сего же дня двѣ лошади мои травою или сѣномъ и овсомъ, на каждую лошадь въ сутки по 2 гарцы, а на 2 по 4 гарцы овса, а я кушать съ нимъ, господиномъ Староженкомъ, за столомъ до этого же 6 числа октября 1840 года, до котораго дня я долженъ работою кончить портретъ его, который срисовать или намаліовать я долженъ точь въ точь похожимъ на живое его, Павла Староженко, лицо, въ мундирѣ при шпагѣ, съ руками. Въ чемъ на семъ договорѣ и подписалъ собственноручно: Дворянинъ Кононъ Юшкевичъ-Стаховскій, живописецъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: М. (не разобрано).

2.

Свидѣтельство. Дано сіе отъ меня Полтавской губерніи жительствующему въ г. Прилукѣ дворянину Конону Федорову сыну Юшкевичу-Стаховскому, въ томъ, что онъ по его искусству художества живописнаго занимался въ домѣ моемъ сниманіемъ съ меня портрета, и какъ оной портретъ столь живописно написанъ, что даже почти различить не можно съ живымъ моимъ лицомъ, для того отдавая справедливость живописному искусству его, Стаховскаго, по всей справедливости имѣю право рекомендовать всякому тому, кто только пожелаетъ имѣть съ лица своего и корпуса точь въ точь сходственный портретъ, для памяти потомству своему. 1840 года, октября 11 числа, въ пятницу.

Полтавской губерніи Прилукскаго уѣзда села Ржавца помѣщикъ дѣйствительный дворянинъ титулярный совѣтникъ Павелъ Григорьевъ сынъ Староженко при печатѣ герба моего. Печать.

Съ подлиннымъ вѣрно М. (не разобрано).

Сообщ. А. Ѳ. Кони.

ВОСПОМИНАНІЯ ТЕОБАЛЬДА [1]).

Динабургское комиссаріатское дѣло

1846—1850.

I.

Управляющимъ динабургскою комиссаріатскою комиссіею, въ началѣ 1846 года, былъ назначенъ гвардейскій капитанъ Александръ Антоновичъ Н—кій, съ переименованіемъ въ подполковники, по особой протекціи генералъ-кригсъ-комиссара Храпачова,—человѣкъ злой, жестокій, высокомѣрный и алчный.

По прибытіи въ Динабургъ, онъ въ первый же день нагналъ трепетъ на всю комиссію и сразу наступилъ жестокою, неумолимою пятою на всѣ отрасли своего управленія.

Въ отношеніи динабургскаго общества онъ также началъ держать себя заносчиво и высокомѣрно, даже въ крѣпостномъ военномъ соборѣ отдѣлилъ для себя и своего семейства лѣвый клиросъ, обилъ его краснымъ сукномъ и заперъ на замокъ. Комендантомъ крѣпости былъ еще тогда почтенный старикъ, нѣмецъ Гельвихъ, который, ожидая назначенія членомъ генералъ-аудиторіата, не вмѣшивался ни во что и потому не мѣшалъ Н—кому баррикадироваться въ церкви; а прибывшій впослѣдствіи новый комендантъ, Андрей Михайловичъ Симборскій, человѣкъ энергическій и крутой, не хотѣлъ на первыхъ порахъ уничтожать въ соборѣ «ложу управляющаго», хотя не разъ крѣпко мылъ ему голову за заносчивость и особенно за то, что заставлялъ присылаемыхъ отъ коменданта плацъ-адъютантовъ ожидать по получасу въ передней.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1889 г., томы LXI, стр. 355—368, и LXII, стр. 43—58.

Навроцкій, на основаніи правила divide et impera, постарался разсорить между собою всѣхъ членовъ присутствія комиссіи, а по возможности и всѣхъ чиновниковъ; для этого, по секрету, передавалъ онъ одному, что будто бы говорилъ о немъ другой, и наоборотъ; нашелъ лазутчиковъ и шпіоновъ изъ числа тѣхъ подленькихъ личностей, въ которыхъ не бываетъ недостатка ни въ одномъ учрежденіи и которыя всегда ползаютъ и подличаютъ предъ начальникомъ; старался узнавать всю подноготную о каждомъ чиновникѣ и съ послѣдними обращался до крайности дерзко. Весь комиссаріатскій міръ въ Динабургѣ пріунылъ, всѣ повѣсили носы, каждый дрожалъ за свой насущный кусокъ хлѣба.

Это было страшное время для динабургской комиссаріатской комиссіи!

Къ счастію, драконовское правленіе Навроцкаго длилось не болѣе полутора года. Онъ захотѣлъ обогатиться сразу, взлетѣлъ высоко, но оборвался, погибъ самъ и погубилъ съ собою пропасть народа.

Былъ въ комиссіи чиновникъ для особыхъ порученій, надворный совѣтникъ Петровскій, человѣкъ бѣдный и обремененный огромнымъ семействомъ, состоявшимъ изъ девяти дѣтей. Ему поручилъ Навроцкій заготовить коммерческимъ способомъ, на незначительную сумму, какой-то кожаный матеріалъ, кажется, кавалерійскіе темляки. Петровскій исполнилъ заказъ, но не только не представилъ Навроцкому никакой экономіи, а напротивъ, подалъ счетъ передержки нѣсколькихъ рублей. Управляющій страшно взбѣсился и въ присутствіи, при всѣхъ членахъ, выругалъ Петровскаго казарменными словами, назвалъ воромъ, мошенникомъ, дуракомъ и выгналъ вонъ.

Петровскій, выйдя изъ присутствія и сознавая все безсиліе свое, какъ человѣка бѣднаго и многосемейнаго, предъ могучею силою управляющаго, который можетъ выкинуть его съ дѣтьми на мостовую, началъ горько плакать. Товарищи его, узнавъ въ чемъ дѣло, сжалились надъ нимъ и начали уговаривать, чтобы онъ подалъ управляющему рапортъ о своей обидѣ и сослался на всѣхъ членовъ присутствія; Петровскій сначала ломался, но убѣжденный, что самъ Храпачовъ за него заступится и что рапортомъ своимъ онъ спасетъ прочихъ товарищей своихъ отъ поруганія, рѣшился дѣйствовать.

Членами присутствія тогда были: статскіе совѣтники баронъ Корфъ, Ретвигъ, Мануйленко и подполковникъ (переименованный изъ ротмистровъ гвардіи, бывшій адъютантъ генерала Штрандмана) Бертолино, красавецъ, но страшный кутила, запившійся впослѣдствіи на смерть.

Изъ членовъ этихъ одинъ баронъ Корфъ держалъ себя съ досто-

инствомъ и не унижался предъ Навроцкимъ, за что послѣдній ненавидѣлъ его открыто; прочіе же члены были покорными рабами управляющаго.

Для начала дѣла, Петровскій написалъ письмо къ барону Корфу, съ просьбою, дозволить ему въ рапортѣ своемъ сослаться на него, какъ на свидѣтеля. Петровскій писалъ, между прочимъ: «Изъ всѣхъ членовъ присутствія, вы одни человѣкъ честный и не откажетесь отъ того, что слышали; на прочихъ членовъ я сослаться не смѣю, зная, что они раболѣпствуютъ предъ деспотомъ управляющимъ и покажутъ то, что ему угодно».

Баронъ Корфъ позвалъ къ себѣ Петровскаго и совѣтовалъ ему, въ виду неравной борьбы, не начинать дѣла съ Навроцкимъ; но Петровскій не послушался и подалъ рапортъ, въ которомъ прописалъ всѣ ругательныя слова управляющаго и сослался на свидѣтельство барона Корфа.

Навроцкій, получивъ рапортъ, написалъ на немъ собственноручно: «Предлагаю г. ст. совѣтнику барону Корфу донести мнѣ надписью на семъ-же, дѣйствительно ли я въ присутствіи его произнесъ означенныя здѣсь слова?»

— Напрасно вы требуете моего объясненія, замѣтилъ ему баронъ Корфъ; я вѣдь долженъ буду подтвердить справедливость донесенія.

— Попробуйте! грозно отвѣтилъ Навроцкій и съ презрѣніемъ бросилъ къ нему бумагу.

Баронъ Корфъ не хотѣлъ отвѣчать совсѣмъ и держалъ нѣсколько дней бумагу у себя. Навроцкій приказалъ секретарю коммиссіи Орловскому написать барону повтореніе, но Корфъ и повтореніе оставилъ безъ отвѣта. Тогда Навроцкій приказалъ Орловскому, въ присутствіи барона Корфа, написать послѣднему другое повтореніе, съ строгимъ выговоромъ за неисполненіе двухъ предыдущихъ требованій.

Орловскій, ненавидѣвшій, наравнѣ съ прочими, управляющаго, избралъ Корфа орудіемъ мести и написалъ ему такую дерзкую бумагу, что горячій нѣмецъ донесъ, какъ обѣщалъ, т. е. подтвердилъ истину всего изложеннаго въ рапортѣ.

Управляющій потребовалъ къ себѣ въ кабинетъ Петровскаго.

— Такъ вы вздумали бороться! Съ кѣмъ? Со мною? Да я тебя разотру ногою, ... выкину на улицу со всѣми твоими щ.......! Возьмите назадъ вашъ глупый рапортъ!

— Извините, Александръ Антоновичъ, этого я не могу сдѣлать, но прошу васъ, представьте его къ генералъ-кригсъ-комиссару.

— Представить? Хорошо: я самъ свезу вашъ рапортъ въ Петербургъ. Положимъ, мнѣ сдѣлаютъ выговоръ, но вѣдь на томъ и кончится.

А какъ вы думаете, кого изъ насъ оставятъ на службѣ, ежели я заявлю, что служить съ вами не намѣренъ и попрошу уволить въ отставку васъ или меня? Неужели вы думаете, что я не долженъ буду этого сдѣлать?.. Но вотъ вамъ на выборъ: или оставить у меня рапортъ, съ тѣмъ, чтобы я далъ ему дальнѣйшій ходъ, или взять его отъ меня и принять холщевой сортъ—самый выгодный, я назначу васъ сортовымъ комиссіонеромъ. Ступайте, завтра въ эту пору дадите мнѣ вашъ отвѣтъ здѣсь же.

Петровскій вышелъ очень огорченный и отправился къ товарищамъ на совѣтъ. Товарищи и баронъ Корфъ, входя въ крайнее положеніе его, посовѣтовали ему не разбивать стѣны лбомъ, по примириться съ необходимостью и взять рапортъ назадъ, тѣмъ болѣе, что деспоту данъ уже урокъ и онъ впередъ не станетъ оскорблять чиновниковъ.

На другой день Петровскій пошелъ къ управляющему и доложилъ, что согласенъ взять назадъ свой рапортъ.

— Подайте мнѣ объ этомъ новый рапортъ, отвѣтилъ Навроцкій коротко.—Ступайте.

Петровскій написалъ требуемый рапортъ и принесъ его къ управляющему. Послѣдній взялъ карандашъ, началъ передѣлывать и исправлять бумагу, потомъ подалъ ее Петровскому и сказалъ:

— Перепишите этотъ рапортъ вотъ такъ.

Петровскій прочиталъ въ новой редакціи бумагу и перемѣнился въ лицѣ.

— Помилуйте, Александръ Антоновичъ, какъ же я могу написать подобный рапортъ? Это будетъ клевета на себя и величайшая подлость противъ такого благороднаго человѣка, какъ баронъ Корфъ.

Въ бумагѣ говорилось, будто Петровскій, мучимый совѣстью, проситъ возвратить ему прежній рапортъ, въ которомъ нѣтъ ни слова правды, такъ какъ со стороны управляющаго онъ никогда не встрѣчалъ ничего, кромѣ доброты и вѣжливости, но что баронъ Корфъ, питая непримиримую вражду къ управляющему, уговорилъ его, Петровскаго, послѣ долгихъ колебаній и сопротивленій со стороны послѣдняго, подписать эту завѣдомо лживую бумагу.

— Такъ вы не хотите подать мнѣ такой рапортъ, какъ я требую? Хорошо-съ. Вонъ!

Петровскій, придя домой, расплакался при видѣ кучи дѣтей. Часа черезъ два онъ имѣлъ малодушіе, трусость, низость—какъ хотите, уступить, переписалъ и отнесъ къ управляющему требуемый рапортъ и ожидалъ приказанія принять отъ надворнаго совѣтника

Точиловскаго холщевой сортъ, но, вмѣсто того, услышалъ обычное: вонъ!

Навроцкій потребовалъ къ себѣ всю переписку и при особомъ письмѣ отправилъ ее къ генералъ-кригсъ-комиссару, какъ доказательство, какими людьми онъ окруженъ, и просилъ о немедленномъ увольненіи въ отставку какъ барона Корфа, такъ и Петровскаго.

Генералъ Храпачовъ не повѣрилъ, однако, такой грубой интригѣ, но зная барона Корфа съ прекрасной стороны, потребовалъ конфиденціально, непосредственно отъ него, объясненія.

Барона Корфа взорвала такая наглость управляющаго и Петровскаго; онъ вспомнилъ о письмѣ послѣдняго, въ которомъ Петровскій, считая одного его честнымъ человѣкомъ, просилъ дозволенія сослаться въ рапортѣ на него, какъ на свидѣтеля. Приглашенный къ нему Петровскій, со слезами на глазахъ, объяснилъ, что управляющій заставилъ его подать второй рапортъ и въ доказательство представилъ чернякъ, писанный рукою самого управляющаго.

Баронъ Корфъ, представляя эту черновую и письмо Петровскаго, разъяснилъ Храпачову всю интригу и присовокупилъ, что не Навроцкій окруженъ людьми дурными, а напротивъ, дурной человѣкъ данъ въ начальники честнымъ людямъ.

Переписка осталась въ комиссаріатскомъ департаментѣ безъ всякихъ послѣдствій для троихъ виновниковъ ея, но потомъ всплыла на верхъ при обстоятельствахъ, гибельныхъ для Навроцкаго.

Надѣлавшее въ 1847 году много шума извѣстное «Комиссаріатское дѣло» состояло въ слѣдующемъ:

Подполковникомъ Навроцкимъ поручено было надворному совѣтнику Шредеру заготовленіе, на коммерческомъ правѣ, полутора милліона аршинъ холстовъ для динабургской комиссаріатской комиссіи. Операція заготовки длилась довольно долго, и холсты, по мѣрѣ ихъ пріобрѣтенія, доставлялись въ комиссію и складывались въ холщевой сортъ.

Когда поставка была окончена, Навроцкій, не принимая холстовъ и не назначая комиссіи для ихъ освидѣтельствованія, потребовалъ отъ Шредера 2,000 рублей сер. Комиссіонеръ испугался, но всѣ представленія его и просьбы не тронули управляющаго и онъ категорически заявилъ: или 2,000 рублей, или забракованіе холстовъ и преданіе суду заготовителя. Въ борьбѣ этой прошло двѣ недѣли, но какъ Навроцкій не только не уступалъ ни гроша, а напротивъ, жалъ Шредера изъ всѣхъ силъ и даже назначилъ свидѣтельствующую комиссію изъ лицъ, рабски ему послушныхъ, съ непремѣннымъ приказаніемъ забраковать всѣ холсты, то Шредеръ занялъ у купца

Рашпиля 2,000 рублей и отдалъ ихъ Навроцкому, послѣ чего пріемная комиссія нашла холсты въ отличномъ качествѣ и выдала Шредеру квитанцію въ пріемѣ ихъ.

Тогда Шредеръ, отъ имени жены своей, послалъ къ Храпачову прошеніе, въ которомъ описалъ злоупотребленіе и взяточничество управляющаго, и просилъ о возвратѣ послѣднимъ Рашпилю 2,000 р. Храпачовъ командировалъ въ Динабургъ чиновника Соколова, который сдѣлалъ все то, что хотѣлъ Навроцкій, и обвинилъ Шредера во лжи. Шредеръ послалъ новое прошеніе къ генералъ-кригсъ-комиссару и просилъ о назначеніи на слѣдствіе другаго, болѣе безпристрастнаго чиновника; вслѣдствіе этого былъ присланъ другой слѣдователь Грековъ, но и тотъ, въ угоду Навроцкому, донесъ, что Шредеръ, подъученный врагами Навроцкаго, которыхъ здѣсь тьма и которые задались мыслью погубить управляющаго, за его строгость и безкорыстіе, клевещетъ на него и что забракованные холсты будто были бы вывезены изъ комиссаріатской комиссіи и на мѣсто ихъ поставлены Шредеромъ новые.

Шредеръ послалъ жалобу и на втораго слѣдователя и доказывалъ, что онъ не думалъ перемѣнять холстовъ; что въ Динабургѣ онъ не могъ найти полтора милліона ихъ, а для доставленія изъ великороссійскихъ губерній мало не только двухъ недѣль, но и двухъ мѣсяцевъ; наконецъ, самое главное то, что по комиссаріатскимъ книгамъ значится только одинъ входъ транспорта съ холстами на комиссаріатскій дворъ, выхода же его изъ онаго и вступленія новаго транспорта съ холстами не значится вовсе.

Навроцкій, кажется, струхнулъ и поѣхалъ самъ въ Петербургъ, гдѣ предъявили ему новый доносъ Шредера и сказали, что въ Динабургъ командируется для слѣдствія полковникъ Волковъ. Навроцкій, не медля ни минуты, написалъ къ заступавшему его мѣсто подполковнику Бертолино письмо, въ которомъ увѣдомлялъ его о командированіи Волкова, и приказалъ немедленно подмѣнить въ транспортной книгѣ листы и вписать въ нихъ статьи о вывозѣ прежнихъ холстовъ и входѣ транспорта съ новыми холстами; а какъ холщевой сортъ опечатанъ еще первымъ слѣдователемъ, впредь до рѣшенія генералъ-кригсъ-комиссара, то приказать коллежскому ассессору Точиловскому и помощнику его Короленко поднять потолки ночью и вытащить оттуда всѣ тѣ негодные холсты, которые служатъ «для хозяйственныхъ оборотовъ комиссіи» (т. е. для надувательства простофиль-казначеевъ), при чемъ члену присутствія статскому совѣтнику Ретвигу во все время ревизіи ходить за Волковымъ и «плакать» (sic!), жалуясь на негодныхъ доносчиковъ, которые смѣютъ

чернить комиссію, доведенную подполковникомъ Навроцкимъ до такого отличнаго, образцоваго состоянія.

Инструкція эта была исполнена съ буквальною точностью. Волковъ, по окончаніи слѣдствія, уѣхалъ вполнѣ убѣжденный, что Шредеръ клеветникъ, не хотѣлъ даже его видѣть и донесъ, что забракованные холсты, какъ видно по книгамъ, были дѣйствительно вывезены съ комиссаріатскаго двора въ сарай купца Поторочина и на мѣсто ихъ ввезены новые, годные.

Но Шредеръ опять послалъ прошеніе, одно на имя Храпачова, въ дополненіе прежнихъ, другое на высочайшее имя и третье къ военному министру и въ нихъ доказывалъ, что въ книгахъ сдѣланъ подлогъ, по приказанію управляющаго; что въ Динабургѣ ему, Шредеру, негдѣ было бы и помѣстить полтора милліона холстовъ, потому что во всемъ городѣ нѣтъ такого частнаго помѣщенія и что въ сараѣ Поторочина, въ которомъ онъ временно помѣщалъ незначительныя партіи холстовъ, впредь до сдачи ихъ въ комиссію, никакъ не можетъ помѣститься болѣе 30,000 аршинъ холста, стало быть, едва $^1/_{50}$ часть цѣлаго количества.

Между тѣмъ, Навроцкій во все время производства слѣдствій продолжалъ носиться опустошительнымъ ураганомъ надъ комиссіею и успѣлъ выгнать въ отставку болѣе 30 чиновниковъ, въ томъ числѣ и секретаря комиссіи Орловскаго. Самодурство его и необузданная злость въ отношеніи бѣдныхъ людей не встрѣчали ни малѣйшихъ преградъ и Навроцкій походилъ на разсвирѣпѣвшую бурю.

Чтобъ досадить Навроцкому, Орловскій обратился къ мѣстному ксендзу съ просьбою, привести его къ присягѣ въ томъ, что въ жалобахъ своихъ онъ будетъ показывать сущую правду. Получивъ присяжные листы, Орловскій приложилъ ихъ къ тремъ просьбамъ своимъ, посланнымъ: на высочайшее имя, къ военному министру и къ генералъ-кригсъ-коммисару. Въ прошеніяхъ Орловскій съ безпощадною откровенностію раскрылъ всѣ злодѣянія Навроцкаго. Эти прошенія совпали съ послѣднимъ прошеніемъ Шредера и тутъ-то начался самый разгаръ дѣла. Храпачовъ увидѣлъ, какую птицу посадилъ на теплое динабургское гнѣздо. По высочайшему повелѣнію, былъ присланъ отъ военнаго министра ст. сов. Гинтеръ, который и раскрылъ всю подноготную. Онъ произвелъ обыскъ у Навроцкаго, арестовалъ и приложилъ къ дѣлу всѣ компрометирующія его бумаги и счета и донесъ военному министру, что Навроцкій безусловно виноватъ, какъ мошенникъ и казнокрадъ.

Воспослѣдовало высочайшее повелѣніе о преданіи военному суду подполковника Навроцкаго—арестованнымъ, всѣхъ трехъ слѣдователей,

Соколова, Грекова и Волкова, и чуть не поголовно всей комиссаріатской комиссіи, а именно 10-ти чиновниковъ въ оберъ-офицерскихъ и 18 въ штабъ-офицерскихъ чинахъ и изъ нихъ почти на половину арестованными. Навроцкій, испугавшись окончательно, ускакалъ на курьерскихъ въ Петербургъ, но былъ арестованъ около Пскова и доставленъ на главную гауптвахту въ Динабургъ.

Впослѣдствіи прислана была въ комиссію военнаго суда, для пріобщенія къ дѣлу, переписка о Петровскомъ и баронѣ Корфѣ, о которой сказано выше.

Въ числѣ чиновниковъ динабургской комиссаріатской комиссіи былъ молодой человѣкъ Ходоровичъ, весельчакъ, любимый всѣми. Ему вздумалось занести на кухню къ Навроцкому пары двѣ или три рябчиковъ, застрѣленныхъ будто бы имъ самимъ. Приношеніе было принято. Въ другой разъ онъ занесъ двухъ крупныхъ щукъ, будто бы пойманныхъ въ Двинѣ имъ самимъ. Навроцкій какъ-то разъ потребовалъ его къ себѣ, весьма милостиво поблагодарилъ и спросилъ, сколько ему за эти приношенія слѣдуетъ?

— Помилуйте, г. полковникъ, обижать изволите, отвѣчалъ Ходоровичъ. Я страстный охотникъ и рыболовъ, и при томъ счастливый; какъ холостой человѣкъ, не держу у себя кухни и всегда дарю товарищамъ то, что добуду. Я сочту себя вполнѣ счастливымъ, ежели вы дозволите мнѣ отнынѣ служить вамъ.

Управляющій снисходительно кивнулъ головою въ знакъ согласія.

Послѣ этого разговора Ходоровичъ еще раза два покупалъ дичь и рыбу и относилъ Навроцкому.

Когда до Динабурга дошли слухи, что Навроцкій отрѣшенъ отъ должности и предается суду, Ходоровичъ, вмѣстѣ съ другими, чрезвычайно этому обрадовался.

— Знаете-ли что, господа, сказалъ онъ товарищамъ, я хочу взбѣсить этого п......; пошлю ему счетъ за закупаемую для него, будто бы по его приказанію, дичь и рыбу и потребую денегъ; разумѣется, денегъ я не получу, да и не принялъ бы, если бы онъ и давалъ мнѣ, за то въ волю напорчу ему крови.

Товарищи одобрили злостную шутку и Ходоровичъ написалъ къ Навроцкому письмо, съ просьбою возвратить ему 97 руб. 50 коп., причитающіеся за дичь и рыбу, которыя онъ, Ходоровичъ, въ теченіи года, по его приказанію, закупалъ для его кухни.

Навроцкій страшно бѣсился, посылалъ за Ходоровичемъ, но тотъ къ нему не пошелъ.

Это было въ день обыска, произведеннаго Гинтеромъ въ квар-

тирѣ управляющаго, и письмо Ходоровича также было захвачено и пріобщено къ дѣлу.

Впослѣдствіи письмо это послужило къ отягченію участи Навроцкаго: ему поставлено было въ вину и то, что онъ заставлялъ чиновниковъ поставлять для его стола безплатно продукты.

Итакъ, этотъ гордый, высокомѣрный человѣкъ, не чувствовавшій подъ ногами земли и упиравшійся головою въ небо, былъ посаженъ на главную гауптвахту и помѣщенъ въ одной съ караульнымъ офицеромъ комнатѣ, снабженной окошкомъ съ желѣзною рѣшеткою.

Ударъ былъ страшный!

Арестованные чиновники были размѣщены по другимъ гауптвахтамъ крѣпости.

Вслѣдъ затѣмъ учрежденъ былъ и военный судъ. Презусомъ его былъ назначенъ командиръ динабургскаго артиллерійскаго гарнизона полковникъ Михаилъ Ивановичъ Головинъ; членами суда—офицеры изъ гарнизона, а дѣлопроизводителемъ аудиторъ Пронченковъ.

Въ прежнее блаженное время военные суды производились совсѣмъ не такъ, какъ теперь. Собирается бывало судъ, приводятъ подсудимаго, читаютъ ему бумагу о преданіи его суду и потомъ всѣ расходятся по домамъ. Затѣмъ дѣло ведетъ уже одинъ аудиторъ.

Пронченковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ циничныхъ аудиторовъ, которыми такъ была изобильна земля наша въ до-реформенное время и среди которыхъ начали появляться честные и умные аудиторы только съ преобразованіемъ аудиторскаго училища.

Пронченковъ началъ сосать Навроцкаго, жестоко, неумолимо, жадно, и нужно отдать ему справедливость, старался всѣми мѣрами обѣлить его, для чего и прибѣгалъ къ самымъ возмутительнымъ натяжкамъ, которыя, разумѣется, не выдерживали никакой, даже самой снисходительной критики. Такъ, напримѣръ, сознававшимся въ преступленіи онъ говорилъ: «неправда, вы не совершали этого преступленія, вы не дѣлали подлога по книгамъ, вы дѣйствительно выпустили одинъ транспортъ и приняли другой». Шредеру, доказывавшему, что онъ не перемѣнялъ холстовъ и не могъ перемѣнить ихъ, говорилъ: «неправда, вы перемѣнили холсты, вы могли перемѣнить ихъ». Собственноручную надпись Навроцкаго на рапортѣ Петровскаго отвергалъ, говоря, что карандашъ легко поддается подчисткѣ, и потому самъ Петровскій поддѣлалъ надпись подъ почеркъ Навроцкаго. Это походило на то, если-бы человѣкъ, зарѣзавшій другаго, явился въ судъ съ окровавленнымъ ножомъ и обвинялъ себя въ преступленіи, а судъ сказалъ бы ему: «врешь, не ты его зарѣзалъ, онъ самъ зарѣзался».

Шли мѣсяцы. Между тѣмъ, Навроцкій и его жертвы сидѣли на гауптвахтахъ. Онъ иногда прогуливался по платформѣ или сидѣлъ на крыльцѣ; но когда многіе изъ гулявшихъ по парадному плацу начали оскорблять его, то онъ пересталъ выходить изъ караульной комнаты. Бывало, онъ слышитъ:

— Что, подлецъ, попался на крючекъ! Повѣсить бы тебя, каналью, за столько жертвъ!

Кончилось тѣмъ, что Пронченковъ вообразилъ, будто бы успѣлъ втереть очки каждому и что даже генералъ-аудиторіатъ будетъ смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія Пронченкова; словомъ, со всѣми грубыми натяжками оправдалъ Навроцкаго, обвинилъ Шредера, заставилъ презуса и членовъ суда подписать дѣло и представилъ его въ генералъ-аудиторіатъ.

Узнавъ объ этомъ, Бертолино пожелалъ, съ своей стороны, насолить тому, предъ кѣмъ прежде раболѣпствовалъ—и вдругъ, съ пьяныхъ глазъ, представилъ къ генералъ-кригсъ-комиссару подлинное письмо Навроцкаго, заключавшее въ себѣ упомянутую выше инструкцію, по случаю пріѣзда Волкова, продержавъ ее у себя около, если не больше, года.

По послѣдовавшей по этому дѣлу высочайшей конфирмаціи: подполковникъ Навроцкій разжалованъ въ рядовые, съ лишеніемъ дворянскаго достоинства и сосланъ въ Кавказскіе линейные баталіоны безъ выслуги; производившіе слѣдствіе чиновники, Соколовъ, Грековъ и Волковъ, исключены изъ службы, съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не принимать; прочіе комиссаріатскіе чиновники частію разжалованы въ рядовые, безъ лишенія дворянскаго достоинства, частію исключены изъ службы и частію уволены въ отставку; аудиторъ Пронченковъ и подполковникъ Бертолино преданы военному суду съ тѣмъ, чтобы судъ сдѣлалъ заключеніе о презусѣ и членахъ прежняго военнаго суда, учрежденнаго надъ Навроцкимъ.

Такъ кончилось дѣло высоко взлетѣвшаго и низко упавшаго Навроцкаго! Но это не былъ еще конецъ драмы: бывшій презусъ по его дѣлу, полковникъ Головинъ, затосковалъ въ ожиданіи развязки дѣла и на самое Вознесеніе 1850 года, выстрѣломъ изъ большаго солдатскаго пистолета, раздробилъ себѣ черепъ, разметавъ кости и мозгъ по стѣнамъ и потолку комнаты; Бертолино и Пронченковъ были исключены изъ службы и оба запились на смерть, перваго похоронили товарищи одного изъ армейскихъ уланскихъ полковъ, при которыхъ проживалъ онъ изъ милости, а второй пропалъ безъ вѣсти; члены суда также понесли болѣе или менѣе чувствительныя наказанія.

Остается немного добавить для полноты печальной картины.

По случаю исправленія главной гауптвахты, Навроцкій, до окончанія суда, перемѣщенъ былъ въ офицерскій флигель подъ № 17, гдѣ ему отведена была одна комната, съ часовымъ у двери. Подъ конецъ процесса, Навроцкаго окружала страшная бѣдность: на немъ былъ какой-то старый, затасканный халатишко, невзрачное одѣяльце, одна подушка и чуть ли это не весь его былъ скарбъ; все высосалъ злой паукъ Пронченковъ; но гордость и заносчивость свою Навроцкій сохранилъ до послѣдней минуты пребыванія своего въ Динабургѣ и продолжалъ звать человѣка своего не иначе, какъ свистомъ, словно собаку.

Въ день передачи Навроцкаго на этапъ къ нему зашелъ фельдфебель комендантскаго управленія Близнюкъ, принесъ солдатскую шинель и фуражку и приказалъ одѣваться.

— Хорошо, положи тамъ, коротко сказалъ Навроцкій, указывая на стулъ.

Фельдфебель обидѣлся.

— Что-же ты, сударь, мнѣ тыкаешь? Я, вѣдь, заслуженый фельдфебель, у меня серебряный темлякъ и двѣ трети прапорщичьяго жалованья; значитъ, добровольно отказался отъ офицерства; а ты былъ подполковникомъ, да не достоинъ былъ носить этотъ чинъ и теперь рядовой, стало быть, долженъ мнѣ честь отдавать; ты, вѣдь, теперь даже не дворянинъ.

Тяжелый былъ ударъ для гордости.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ Навроцкій былъ, по болѣзни, уволенъ въ отставку, безъ возвращенія, однако-же, чиновъ и дворянства.

II.

Изъ послѣдней польской смуты

1862 г.

Въ бытность мою старшимъ адъютантомъ главнаго штаба 1-й арміи въ Варшавѣ, я получилъ отъ начальника главнаго штаба генералъ-адъютанта Крыжановскаго предписаніе отъ 29-го апрѣля 1862 года, за № 1,907, скрѣпленное дежурнымъ генераломъ арміи генералъ-маіоромъ Ганомъ, о томъ, что главнокомандующій арміею (графъ Лидерсъ) назначилъ меня членомъ слѣдственной комиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ командира Ладожскаго пѣхотнаго полка полковника Мясковскаго (нынѣ умершій), надъ 4-мя

офицерами 4-го стрѣлковаго баталіона, обвиняемыми въ важныхъ преступленіяхъ.

Третьимъ членомъ этой комиссіи былъ личный адъютантъ графа Лидерса, капитанъ фонъ-Бремзенъ (нынѣ умершій).

Начавъ слѣдствіе, мы нашли въ X павильонѣ варшавской Александровской цитадели слѣдующихъ лицъ 4-го стрѣлковаго баталіона: 1) штабсъ-капитана Непенина (24 лѣтъ), 2) поручика Аргнгольдта (20 лѣтъ), подпоручиковъ: 3) Сливицкаго (21 года) и Плѣшкова (22 лѣтъ), унтеръ-офицера Ростковскаго (25 лѣтъ) и рядоваго Щура (24 лѣтъ). Съ дальнѣйшимъ развитіемъ дѣла, мы признали возможнымъ подпоручика Плѣшкова изъ подъ ареста освободить, а привлечь къ отвѣтственности поручика Каплинскаго (22 лѣтъ), переведеннаго изъ этого баталіона въ Владимірскій пѣхотный князя Горчакова полкъ—и поручика Абрамовича (24 лѣтъ), переведеннаго изъ штаба начальника артиллеріи 1-й арміи въ 7-ю артиллерійскую бригаду.

Главными преступниками оказались Арнгольдтъ и Сливицкій.

Начало преступленій ихъ скрывалось въ самомъ обществѣ того давно минувшаго времени офицеровъ 4-го стрѣлковаго баталіона. Общество это заключало тогда въ средѣ своей нѣсколько недостойныхъ личностей. Преобладающій въ немъ элементъ былъ шведскій. Вожакомъ зла въ баталіонѣ былъ командиръ 1-й роты капитанъ Крокъ (нынѣ умершій), человѣкъ грубый и имѣвшій неограниченное вліяніе на ограниченнаго и слабаго баталіоннаго командира своего, также шведа, подполковника Хестеско (нынѣ умершій). Въ баталіонѣ существовали въ то время враждебныя другъ другу партіи и Хестеско не умѣлъ соединить разрозненныя звенья цѣпи. Онъ, впрочемъ, сдѣлалъ было одну попытку къ этому, но она оказалась мертворожденнымъ дитятею: завелъ было между офицерами, такъ называемые у нихъ въ насмѣшку, ситцевые вечера, на которые дамы обязывались приходить въ ситцевыхъ платьяхъ. Порядочныя дамы тамъ не появлялись, потому что шведы начали приводить туда проститутокъ и вечера только способствовали усиленію оргій въ баталіонѣ. Безобразія дошли до того, что начальникъ штаба 2-го армейскаго корпуса ген.-м. Батезатулъ (нынѣ умершій) производилъ о нихъ слѣдствіе. Онъ обнаружилъ самыя постыдныя вакханаліи офицеровъ, прогулки съ проститутками, одѣтыми въ офицерскіе сюртуки, предъ бараками, днемъ; разныя драки и проч. Подполковникъ Хестеско не заступался за обиженныхъ, но предоставлялъ оскорблять ихъ безнаказанно—и не унималъ оргій. Конечно, подъ его же вліяніемъ, слѣдствіе кончилось тѣмъ, что оскорбленные и протестовавшіе противъ оскорбленій переведены въ другія войска.

Наша комиссія коснулась только вскользь этого несправедливаго дѣла, записавъ показанія подслѣдственныхъ офицеровъ въ протоколъ. Во всякомъ случаѣ, подобное рѣшеніе дѣла служило упрекомъ Батезатулу, да и самому корпусному командиру Хрулеву.

Русская молодежь отдѣлилась отъ шведской. Аргнольдъ, Сливицкій, Непенинъ, Плѣшковъ и Каплинскій, по образованію своему, не могли дѣлить празднаго и разгульнаго образа жизни шведовъ товарищей и отстранились отъ нихъ въ особую семью, какъ однокашники Павловскаго кадетскаго корпуса. Они стали вмѣстѣ заниматься литературою и музыкою.

Къ несчастію для нихъ, Каплинскій добылъ запрещенныя сочиненія: «Великоруссъ», «Полярная Звѣзда», «Историческій Сборникъ», «Колоколъ» и др. Они начали читать ихъ съ увлеченіемъ и вѣрою въ авторитеты.

Но вотъ Сливицкому поручена фехтовальная команда. Сдѣлавшись неожиданно начальникомъ особой части, онъ, какъ отставшій отъ общества офицеровъ, чувствовалъ потребность въ какомъ нибудь обществѣ и потому сблизился съ своею командою, полюбилъ ее, какъ игрушку, и обращался съ нею, какъ съ игрушкою.

Надобно замѣтить, что 1862 годъ былъ весьма смутнымъ годомъ для Россіи: общество казалось какъ бы расшатаннымъ въ основахъ своихъ; нѣкоторые учителя проводили между учениками самыя дикія доктрины; другіе же боялись учениковъ своихъ; родители опасались дѣтей; въ глубинѣ Россіи въ нѣкоторыхъ, хотя бы и въ немногихъ, мѣстахъ, но, къ величайшему сожалѣнію здраваго смысла, встрѣчали ссыльныхъ поляковъ оваціями и вѣнками, какъ «мучениковъ идей»; даже въ нѣкоторыхъ частяхъ войска дисциплина начала сильно колебаться, вслѣдствіе сочувствія молодыхъ офицеровъ полякамъ и увлеченія новымъ вѣяніемъ. Воспламененный зажигательными сочиненіями, 20-ти лѣтній Сливицкій вообразилъ себѣ, что его задача—быть какимъ-то начальникомъ прогрессивнымъ, передовымъ, чуждымъ прежней рутины; а замѣтивъ любовь къ себѣ солдатъ, онъ довѣрился имъ вполнѣ, дѣлился съ ними своими знаніями, впечатлѣніями, даже самыми завѣтными мыслями, болталъ обо всемъ, словно дитя съ куклою, не разсуждая, въ состояніи ли она понимать его?

Аргнольдтъ находился въ тѣхъ же условіяхъ. Онъ чувствовалъ съ своей стороны ту-же потребность въ игрушкѣ; но, будучи баталіоннымъ адъютантомъ, не могъ имѣть никакой команды и потому привязался къ куклѣ своего друга. Оба они начали преслѣдовать химерическую цѣль: возвышенія нравственности солдата до уровня съ собою—и увлеклись! Они сѣяли въ умахъ всякое сѣмя, и доброе,

и дурное, не разсчитывая на почву, въ которой доброе сѣмя могло заглохнуть, и посѣянныя въ умахъ ихъ идеи перепутаются и породятъ умственный хаосъ.

Поведеніе Арнгольдта и Сливицкаго первоначально не имѣло однако никакого вида заговора, доказательствомъ чего служитъ, во-первыхъ, то, что въ легкомысленныя дѣйствія свои они не посвятили никого изъ офицеровъ, даже Непенина и Плѣшкова, и во вторыхъ, что отвергли предложеніе унтеръ-офицера Ростковскаго (поляка) познакомиться съ варшавскими студентами, стоявшими во главѣ всѣхъ тогдашнихъ демонстрацій.

Сливицкій имѣлъ слабый характеръ и дѣйствовалъ подъ вліяніемъ Арнгольдта, который былъ очень самостоятеленъ. Оба они были, внѣ ихъ дикаго увлеченія политическими бреднями, нравственные молодые люди.

Штабсъ-капитанъ Непенинъ былъ человѣкъ честный и правдивый. Подполковникъ Хестеско не могъ представить ни одного случая къ обвиненію его, такъ же, какъ и къ обвиненію Плѣшкова. Комиссія ставила ему въ вину только излишнюю снисходительность къ нижнимъ чинамъ, равнявшуюся слабости. Виновнымъ первоначально оказался онъ не противъ правительства, а противъ капитана Крока, тѣмъ, что отдавалъ своей ротѣ четвертую часть экономическаго провіанта, чего въ ротѣ Крока не водилось. Крокъ не могъ простить этого Непенину, потому что долженъ былъ имѣть съ ротою объясненіе по поводу экономическаго провіанта, при чемъ онъ свалилъ всю вину на каптенармуса и артельщика. Наша комиссія донесла объ этомъ корпусному командиру Хрулеву, для производства особаго слѣдствія; но и затѣмъ Крокъ зла не исправилъ; артельщикъ остался тотъ же самый и никто изъ нижнихъ чиновъ не смѣлъ заикнуться о смѣнѣ его; къ подававшимъ же объ этомъ голосъ придирались за какую нибудь бездѣлицу и крѣпко наказывали. Между тѣмъ, приказомъ по корпусу предоставлялось нижнимъ чинамъ смѣнять артельщика по собственному ихъ желанію. Всего этого баталіонный командиръ не хотѣлъ видѣть и лишь «говоруновъ» переводилъ отъ Крока въ другія роты. Непенинъ былъ характера не сообщительнаго; въ самомъ веселомъ обществѣ на лицѣ его рѣдко удавалось встрѣчать улыбку. Крокъ умѣлъ представить предъ полковникомъ Хестеско Непенина чуть ли не главнымъ заговорщикомъ. Плѣшковъ, вмѣстѣ съ Сливицкимъ, страстно преданный музыкѣ, также, по мнѣнію Хестеско, могъ быть заговорщикомъ, и судьба ихъ рѣшилась: онъ легкомысленно опозорилъ Непенина и Плѣшкова тяжкимъ подозрѣніемъ въ измѣнѣ законному государю, — подозрѣніемъ, основаннымъ на

одномъ лишь характерѣ офицеровъ; такимъ образомъ попали они въ цитадель, въ число политическихъ преступниковъ, арестованные полиціею, и позоръ этотъ пошелъ повсюду по слѣдамъ ихъ и имѣлъ вредное вліяніе на всю послѣдующую ихъ службу, за что, конечно, не могъ уже ничѣмъ вознаградить ихъ баталіонный командиръ. (Изъ докладной записки моей начальнику главнаго штаба 1-й арміи, отъ 29-го мая 1862 года).

Легкомысленные въ началѣ поступки Аргнгольдта и Сливицкаго постепенно вывели ихъ на стезю преступленія. Самыми ревностными послѣдователями ихъ, изъ всей фехтовальной команды Сливицкаго, оказались: полякъ унтеръ-офицеръ Ростковскій и рядовой Щуръ. Оба они принялись усердно читать прочимъ товарищамъ книги, получаемыя отъ офицеровъ, и повторять ихъ поученія. Они же, по совѣту Сливицкаго, взялись пойти въ приготовляемые къ инспекторскому смотру корпуснаго командира Олонецкій и Шлиссельбургскій пѣхотные полки (4-й пѣх. див.) и подговорить солдатъ отвѣчать молчаніемъ на привѣтствіе корпуснаго командира, равно на его спасибо въ случаѣ удачи смотра, дабы тѣмъ выразить неудовольствіе свое за частые смотры и разводы. Въ этомъ дѣйствіи вполнѣ проявилась глупость обоихъ нижнихъ чиновъ и ихъ начальника: исполнить нелѣпый замыселъ въ самый день смотра можно было бы только въ отношеніи одного человѣка, но ужъ никакъ не двухъ полковъ четырехъ-баталіоннаго состава. Это значило добровольно вложить шею въ петлю, а что Ростковскій и Щуръ дѣйствительно хотѣли мятежное намѣреніе свое исполнить именно въ день смотра, служитъ то, что они не застали уже полковъ въ казармахъ и нашли ихъ на смотровомъ плацу.

Ростковскій и Щуръ, поощряемые безнаказанностію, довольно долго дѣйствовали въ баталіонѣ съ изумительною дерзостью, получая каждый день новыя и новыя поученія отъ Аргнгольдта и Сливицкаго. Наконецъ, нелѣпыя эти затѣи стали разбиваться о здравый смыслъ русскаго солдата.

— Да что-же это, братцы, стали разсуждать между собою стрѣлки,—никакъ этотъ полякъ, да этотъ жидъ на бунтъ противъ начальства, да и противъ самого его императорскаго величества насъ поднимаютъ?... Что-то не такъ... не ладно! А что, ежели и молодые офицеры съ ними за одно, то развѣ и между господами не бываютъ измѣнщики?

— Правда! отвѣчали другіе.—Коли-бъ они говорили правильно, то почему же не говорятъ намъ о томъ начальники въ ротной школѣ?

Почему тамъ этихъ книжекъ намъ не читаютъ, а здѣсь велятъ ихъ прятать? Стало быть, книжки-то эти полякъ выдумалъ.

— Полякъ и есть! Вишь ты, съ чѣмъ подъѣхалъ! Не стрѣляй, молъ, въ поляка, а стрѣляй въ своно начальника, что велитъ бить поляка!.. Вонъ они какъ смущаютъ народъ-то! Хитры мятежники!

Разсужденія эти подслушали фельдфебеля и доложили ротнымъ командирамъ, которые немедленно отобрали революціонныя сочиненія, узнали, отъ кого солдаты ихъ добыли и представили баталіонному командиру.

На слѣдствіи солдаты, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались обвинять офицеровъ и взводили на нихъ даже явно безсмысленныя и нелѣпыя преступленія, до того, что мы, слѣдователи, должны были уличать ихъ во лжи и безсовѣстности. Такъ, напримѣръ, одинъ унтеръ - офицеръ свидѣтельствовалъ, будто Арнгольдтъ и Сливицкій говорили, что нельзя молиться архіерейскимъ кругамъ (то есть орламъ, которые подкладываются архіереямъ подъ ноги, во время священнодѣйствія), потому будто, что на нихъ находятся государственные гербы съ императорскою короною.

Сливицкій до такой степени былъ убитъ духомъ, что потерялъ если не сознаніе, то память, и во всѣхъ обвиненіяхъ сознавался какъ-то апатически, какъ бы очертя голову и едва ли не взвелъ на себя преступленій больше, нежели совершилъ въ самомъ дѣлѣ. Противъ каждаго вопроса: говорили-ль вы то-то, писалъ: «говорилъ», «виноватъ», «сознаюсь». Онъ присовокупилъ въ оправданіе свое, что «былъ тогда какъ съумасшедшій и съ ужасомъ вспоминаетъ теперь свои глупыя рѣчи!»

Слѣдствіе открыло рядъ преступленій, имѣвшихъ цѣлью измѣну и бунтъ нижнихъ чиновъ.

Такія тяжкія преступленія, хотя и совершенныя сравнительно мальчиками, не могли быть главнокомандующимъ, въ виду поддержанія дисциплины въ войскахъ, оставлены безъ строжайшаго по законамъ военнаго времени наказанія, и потому графъ Лидерсъ, приказомъ 1-й арміи, отъ 5-го іюня 1862 года за № 107, предалъ Арнгольда, Сливицкаго, Каплинскаго и Абрамовича военному суду, подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Алексѣева, «съ тѣмъ, чтобы приговоръ о нихъ былъ постановленъ на основаніи полевыхъ уголовныхъ законовъ и судъ оконченъ не далѣе пяти сутокъ».

Судъ окончился своевременно и дѣло представлено на конфирмацію къ главнокомандующему.

14-го іюня 1862 г. членъ нашей слѣдственной комиссіи, капитанъ фонъ-Бремзенъ, далъ знать полковнику Мясковскому и мнѣ,

что ему необходимо видѣть подсудимыхъ. Еще во время производства слѣдствія мы постановили, что ни одинъ изъ насъ входить къ арестованнымъ по одиночкѣ не имѣетъ права. По окончаніи надъ подсудимыми суда, мы выпросили у графа Лидерса разрѣшеніе помѣстить Арнгольдта и Сливицкаго, вслѣдствіе усиленной просьбы ихъ, въ одной камерѣ. Полагая, что фонъ-Бремзенъ имѣетъ о чемъ нибудь объявить подсудимымъ отъ имени главнокомандующаго, мы всѣ трое поѣхали въ цитадель. При входѣ нашемъ въ камеру Арнгольдта и Сливицкаго, Бремзенъ сказалъ имъ:

— Господа, приготовьтесь! Главнокомандующій утвердилъ вашъ смертный приговоръ. Сегодня ночью увезутъ васъ въ Новогеоргіевскую крѣпость и тамъ вы будете разстрѣляны.

Арнгольдтъ поблѣднѣлъ и тяжело упалъ на стулъ, а слабонервный Сливицкій горько зарыдалъ.

— Помилуйте! сказалъ онъ.—Я такъ молодъ, я жить хочу! Умоляю главнокомандующаго дать намъ возможность загладить нашу вину и быть полезными сынами отечества!

По выходѣ изъ камеры, полковникъ Мясковскій спросилъ фонъ-Бремзена:

— По какому праву вы объявили это подсудимымъ? Если по волѣ главнокомандующаго, то почему не чрезъ меня, какъ предсѣдателя?

— Мнѣ совсѣмъ ничего не приказывалъ графъ! отвѣчалъ заносчиво фонъ-Бремзенъ.—При томъ же вы уже не предсѣдатель; но я узналъ, что графъ сегодня утвердилъ смертный приговоръ и потому счелъ обязанностію своею (?) предупредить преступниковъ, чтобъ они освоились съ мыслью о смерти...

— И умирали бы нѣсколько сутокъ! перебилъ я съ негодованіемъ,—умирали бы медленною смертью, когда тутъ каждая минута кажется вѣчностію! Это съ вашей стороны жестоко, возмутительно!

Я вернулся въ камеру вмѣстѣ съ Мясковскимъ.

— Успокойтесь, господа! сказалъ я молодымъ людямъ.—Вѣрьте Бремзену только на половину: приговоръ о васъ дѣйствительно утвержденъ и васъ перевезутъ сегодня въ Новогеоргіевскъ; но скажу вамъ въ величайшемъ секретѣ: главнокомандующій приказалъ совершить надъ вами только обрядъ смерти, т. е. надѣть на васъ саваны и даже привязать къ столбамъ—и потомъ объявить помилованіе.

Мясковскій съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку.

Обоихъ этихъ офицеровъ, а также унтеръ-офицера Ростковскаго и рядоваго Щура дѣйствительно въ ту-же ночь перевезли въ закрытомъ омнибусѣ въ Новогеоргіевскую крѣпость (16 верстъ отъ Варшавы).

16-го іюля того-же 1862 года былъ опубликованъ слѣдующій —

Приказъ 1-й арміи.

Главная квартира въ Варшавѣ. № 119. Іюня 16-го дня 1862 года.

4-го стрѣлковаго баталіона поручикъ Иванъ Арнгольдтъ, подпоручикъ Петръ Сливицкій 2-й и унтеръ-офицеръ Францъ Ростковскій, переведенный 8-го мая сего года изъ этого баталіона въ Владимірскій пѣхотный генерала отъ инфантеріи князя Горчакова полкъ поручикъ Василій Каплинскій, переведенный изъ штаба начальника артиллеріи 1-й арміи въ 7-ю артиллерійскую бригаду поручикъ Станиславъ Абрамовичъ и 4-го же стрѣлковаго баталіона рядовой Левъ Щуръ, по произведенному надъ ними, на основаніи полевыхъ военныхъ законовъ, военному суду, оказались виновными:

1) Поручикъ Арнгольдтъ и подпоручикъ Сливицкій 2-й: а) въ оскорбленіи священной особы его императорскаго величества, распространеніемъ между нижними чинами, состоявшей въ завѣдываніи подсудимаго Сливицкаго 2-го фехтовальной команды, ложныхъ и дерзкихъ разсказовъ объ особѣ его величества и царствующемъ домѣ, взятыхъ изъ враждебныхъ Россіи сочиненій; б) въ порицаніи и превратномъ истолкованіи правительственныхъ реформъ по крестьянскому дѣлу и въ Царствѣ Польскомъ; в) въ возбужденіи нижнихъ чиновъ къ явному неповиновенію начальству и даже бунту; г) въ томъ, что имѣли у себя возмутительнаго содержанія сочиненія и распространяли ихъ между нижними чинами, и д) вообще въ распространеніи между нижними чинами крайне зловредныхъ идей, имѣвшихъ цѣлью поколебать въ нихъ духъ вѣрности и повиновенія законнымъ властямъ.

2) Унтеръ-офицеръ Ростковскій: а) въ храненіи и распространеніи между нижними чинами брошюръ возмутительнаго содержанія; б) въ чтеніи и передачѣ для того же рядовому Щуру полученныхъ имъ отъ поручика Арнгольдта и подпоручика Сливицкаго 2-го сочиненій крайне возмутительнаго содержанія; в) въ участіи въ преступленіяхъ поручика Арнгольдта и подпоручика Сливицкаго 2-го тѣмъ, что, зная о неблагонамѣренныхъ ихъ дѣйствіяхъ, не донесъ объ этомъ начальству и, кромѣ того, взялся исполнить порученіе подпоручика Сливицкаго 2-го подговорить нижнихъ чиновъ Шлиссельбургскаго и Олонецкаго пѣхотныхъ полковъ не отвѣчать, во время смотра, на привѣтствіе начальника, чего не исполнилъ только потому, что означенные полки уже были выведены на смотръ; г) въ храненіи у себя и не представленіи начальству двухъ запрещенныхъ пѣсенъ, и д) въ самовольныхъ отлучкахъ изъ команды въ партикулярномъ платьѣ въ заѣздные и развратные дома.

3) Поручикъ Каплинскій: а) въ храненіи у себя и распространеніи, очевидно съ преступною цѣлью, между другими крайне возмутительнаго содержанія сочиненій, подъ заглавіемъ «Великоруссъ» и «Историческій Сборникъ», чтеніе которыхъ, по собственному сознанію одного изъ подсудимаго подпоручика Сливицкаго 2-го, имѣло особенно гибельное вліяніе на умъ его и преимущественно побудило его на преступленіе, и б) въ упорномъ запирательствѣ на первоначальныхъ допросахъ о томъ, что не передавалъ другимъ этихъ сочиненій и что послѣдняго изъ нихъ вовсе не имѣлъ у себя.

4) Поручикъ Абрамовичъ въ томъ, что, взявъ у поручика Каплинскаго вышеназванное сочиненіе «Великоруссъ», не только не представилъ этого сочи-

ненія начальству, но давалъ, хотя и безъ особой злонамѣренной цѣли, читать его сослуживцамъ своимъ;

и 5) Рядовой Щуръ: а) въ участіи въ преступныхъ замыслахъ поручика Арнгольдта и подпоручика Сливицкаго 2-го тѣмъ, что не донесъ о дѣйствіяхъ ихъ начальству и взялся, вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ Ростковскимъ, исполнить порученіе подпоручика Сливицкаго 2-го подговорить нижнихъ чиновъ Шлиссельбургскаго и Олонецкаго пѣхотныхъ полковъ не отвѣчать, во время смотра, на привѣтствіе начальника, чего не исполнилъ только потому, что означенные полки уже были выведены на смотръ, и б) въ томъ, что, зная о преступныхъ дѣйствіяхъ унтеръ-офицера Ростковскаго и о томъ, что онъ читаетъ запрещенныя книги, не только не донесъ о томъ, но и самъ бралъ эти сочиненія для чтенія.

За вышеизложенныя преступленія, господинъ временно главнокомандующій арміею опредѣлилъ:

1) Поручика Арнгольдта, подпоручика Сливицкаго 2-го и унтеръ-офиц. Ростковскаго, на основаніи 15, 168, 171, 172, 173, 174, 175, 606 и 614 статей 1-й книги военно-уголовнаго устава (изданія 1859 г.) и 275, 276, 283, 287 и 288 статей 1-й книги XV тома свода законовъ (изданія 1857 г.), по лишеніи первыхъ двухъ чиновъ, дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія, а послѣдняго бронзовой медали въ память минувшей войны и воинскаго званія, а также и всѣхъ правъ состоянія, казнить смертію разстрѣляніемъ, съ тѣмъ, чтобы смертная казнь надъ этими преступниками была исполнена по мѣсту содержанія ихъ подъ арестомъ, въ Новогеоргіевской крѣпости.

2) Поручика Каплинскаго, на основаніи 286 статьи I книги XV тома свода законовъ (изданія 1857 года), по лишеніи чиновъ, дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на шесть лѣтъ.

3) Поручика Абрамовича, примѣняясь къ вышеприведенной 286 статьѣ и по смыслу 409 статьи 2-й книги военно-уголовнаго устава (изданія 1859 г.), по отставленіи отъ службы, выдержать въ казематѣ Новогеоргіевской крѣпости подъ арестомъ три мѣсяца, и затѣмъ отдать подъ надзоръ полиціи на три года,

и 4) Рядоваго Щура, во вниманіе къ тому, что онъ вовлеченъ въ преступленіе вліяніемъ, какое имѣли на него Сливицкій, Арнгольдтъ и въ особенности Ростковскій, вмѣсто смертной казни, лишивъ медали въ память минувшей войны, воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія, наказать шпицрутенами чрезъ сто человѣкъ шесть разъ и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ.

О таковой конфирмаціи, приведенной уже, по приказанію генералъ-адъютанта графа Лидерса, сего числа, въ исполненіе, объявляю 1-й арміи.

Подписалъ: За болѣзнію временно главнокомандующаго арміею, генералъ-адъютантъ Мерхелевичъ.

Непенинъ и Плѣшковъ были переведены въ другія войска, безъ всякихъ ограниченій.

Перевозъ преступниковъ въ Новогеоргіевскъ для казни вызванъ былъ опасеніемъ, чтобы въ войскахъ варшавскаго гарнизона не возникъ случай ослушанія со стороны экзекуціонныхъ войскъ. Отъ того и самая казнь была совершена секретно, во рву крѣпости Новогеор-

гіевскъ, и даже приказъ за № 119, какъ видно изъ послѣднихъ словъ его, объявленъ тогда, когда все уже свершилось. Дежурный генералъ арміи, Александръ Ѳедоровичъ Ганъ [1]), самъ возилъ конфирмацію въ Новогеоргіевскъ и привелъ приговоръ въ исполненіе въ крѣпостномъ рву. По его словамъ, офицеры тихо и безропотно шли на казнь, вѣроятно разсчитывая, что надъ ними въ самомъ дѣлѣ совершатъ только обрядъ смерти; одинъ лишь Ростковскій, когда его привязывали къ столбу, просилъ застрѣльщиковъ:

— Ребята! Пожалуйста, цѣльтесь хорошенько: прямо въ сердце!!..

Такъ окончилась эта драма! Мѣра была ужасная, но въ то время крайне необходимая и неизбѣжная.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ казни Хрулевъ подъѣхалъ къ 5-му стрѣлковому баталіону и сказалъ, обращаясь къ солдатамъ:

— Ребята! если между вашими офицерами найдутся такіе подлецы, какъ въ 4-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ, то я приказываю вамъ поднять ихъ на штыки.

Въ баталіонѣ между офицерами возникли волненія, пошли коллективныя жалобы—и кончилось тѣмъ, что многихъ офицеровъ изъ этого баталіона перевели въ другія войска; Хрулевъ также не долго послѣ этого командовалъ корпусомъ.

Броженіе, однако, не скоро еще улеглось въ войскахъ между молодыми офицерами. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, изъ 6-й артиллерійской бригады, во главѣ съ поручикомъ Огородниковымъ [2]), просили полковаго священника отслужить панихиду «по рабахъ Божіихъ Іоаннѣ и Петрѣ воинахъ, во брани животъ свой положившихъ». Священникъ отслужилъ, на потомъ сообразилъ, что Іоанномъ былъ Арнгольдтъ, а Петромъ Сливицкій—и донесъ о томъ начальству.

Пошла опять передряга. Огородниковъ (нынѣ покойный) съ соучастниками посажены въ цитадель....

. . . .

Скажу здѣсь еще нѣсколько словъ о капитанѣ Крокѣ.

Онъ вскорѣ былъ произведенъ въ маіоры и назначенъ командиромъ стрѣлковаго же баталіона. Въ 1863 году онъ оказалъ чудеса храбрости въ стычкахъ съ мятежническими шайками. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, кажется, подъ Влощовымъ, мятежники окопались, устроивъ что-то въ родѣ редута, залегли въ немъ и встрѣтили стрѣлковую роту сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Солдаты укрылись за деревьями

---

[1]) Въ 1887 году, въ Висбаденѣ, А. Ѳ. Ганъ подробно разсказывалъ намъ этотъ эпизодъ въ его жизни.

[2]) Огородниковъ, впослѣдствіи писатель и путешественникъ, авторъ интересныхъ записокъ. Умеръ въ Москвѣ. Ред.

и другими прикрытіями и нѣсколько минутъ отстрѣливались. Крокъ, на своей бѣлой лошадкѣ, на которой всегда ѣздилъ, подъѣхалъ къ мѣсту боя, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, потомъ приблизился къ самому редуту, взглянулъ въ ровъ, плюнулъ въ него и крикнулъ:

— Ко мнѣ, ребята! ура! Передушите эту сволочь!

Стрѣлки бросились и въ одинъ мигъ битва была кончена.

Онъ умеръ совсѣмъ не старымъ человѣкомъ.

III.

Изъ одесской жизни.

1.

1865 годъ я провелъ на службѣ въ Одессѣ.

Вскорѣ послѣ прибытія моего туда случилось Каракозовское покушеніе. Всю Одессу объялъ неимовѣрный ужасъ. Телеграмма тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, на имя генералъ-губернатора Павла Евстафіевича Коцебу, не оставляла никакого сомнѣнія въ дѣйствительности покушенія, но имена Каракозова и Коммисарова никому еще не были извѣстны, такъ какъ въ телеграммѣ о нихъ не упоминалось. Немедленно начались торжественныя благодарственныя молебствія во всѣхъ церквахъ, сперва православныхъ, а потомъ въ католической, лютеранской и, наконецъ, въ еврейской синагогѣ.

Старшины еврейской синагоги пригласили въ нее на благодарственный молебенъ всю одесскую аристократію. А аристократіи въ Одессѣ куда какъ много. Однихъ консуловъ можно считать десятками. Самихъ генералъ-губернаторовъ было четыре: Коцебу, графъ Лидерсъ, графъ Строгановъ, князь Воронцовъ — и хотя Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ тогда уже не жилъ, но была еще въ живыхъ супруга его и сынъ Семенъ Михайловичъ, тогдашній одесскій городской голова. Не говорю о банкирахъ и богатыхъ купцахъ всѣхъ націй, особенно италіанскихъ и греческихъ.

Вообще, Одесса, съ самаго начала существованія своего и porto franco, была какъ бы клиномъ изъ другаго матеріала, вбитымъ въ тѣло Россіи, государствомъ въ государствѣ и носила на себѣ характеръ всѣхъ народностей: италіанской, греческой, даже еврейской, только отнюдь не русской. Самыя вывѣски и названія улицъ были писаны на италіанскомъ языкѣ, напримѣръ: «Calzolaria Italiana»

(сапожная мастерская), «Cantina con diversi vini» (винный погребъ), «Stada Richelieu», «Stada De-Ribassa», «Stadella Theatro» и т. п. Генералъ-губернаторы изъ кожи лѣзли, чтобъ пріобрѣсть популярность въ Одессѣ и увѣковѣчить въ ней свое имя—и почти всѣ успѣвали въ этомъ, потому что въ Одессѣ донынѣ существуютъ: «Дача Ланжеронъ», «Ришельевскій бульваръ», «Воронцовская Слободка», «Строгановскій мостъ» и проч. Коцебу также билъ на то, чтобы какая-нибудь часть въ городѣ была названа «Коцебятинскою» — и добился того, что одинъ изъ пароходовъ россійскаго общества пароходства и торговли названъ его именемъ.

Одесская синагога — великолѣпное зданіе, чуть-ли не изъ одного мрамора построенное. Хоръ пѣвчихъ въ ней состоялъ исключительно почти изъ италіанцевъ. Кантору (запѣвалѣ) синагоги общество платило жалованья 5,000 рублей; дивный, бархатисто-нѣжный и высокій теноръ его могъ бы сдѣлать честь любому европейскому театру.

Проповѣднику также платили 5,000 рублей и онъ носилъ титулъ «доктора богословія», полученный имъ въ гейдельбергскомъ университетѣ.

Еврейское общество встрѣтило христіанъ весьма любезно, просило ихъ надѣть шляпы и каски, ввело въ синагогу и разсадило на лучшихъ мѣстахъ. Въ числѣ посѣтителей было не мало православнаго бѣлаго духовенства и священниковъ прочихъ христіанскихъ исповѣданій.

Удивляться этому рѣшительно было нечего, такъ какъ одесскіе христіане въ то время до того сблизились съ евреями (по крайней мѣрѣ высшій классъ однихъ и другихъ), что чувство благочестія вашего даже не возмущалось при видѣ евреевъ въ православномъ соборѣ. Популярный архіепископъ Иннокентій Таврическій, бывало, самъ приглашаетъ въ соборъ еврейскую и мусульманскую интеллигенціи, говоря:

— Вотъ приходите завтра (или тогда-то) въ соборъ, послушайте, какое произнесу я (по случаю такого-то событія) слово!

Но между низшими слоями христіанства и еврейства существовалъ непреодолимый антагонизмъ, котораго никто и не заботился искоренять и который довелъ впослѣдствіи до извѣстныхъ страшныхъ еврейскихъ погромовъ. Въ особенности не терпѣли евреевъ греки и дѣлали имъ на зло, гдѣ только могли. Такъ, напримѣръ, во время шабашовыхъ прогулокъ по улицамъ громадной толпы разряженныхъ евреекъ (тогда еще въ кринолинахъ), разсыпали по тротуарамъ незамѣтную струйку пороха и потомъ съ одного конца воспламеняли ее, порохъ вспыхивалъ на всемъ протяженіи улицы и хотя не могъ воспламенить

юбокъ, не менѣе того, однако же, производилъ панику между гулявшими, которыя въ ужасѣ соскакивали съ тротуаровъ и, путаясь въ кринолинахъ, падали. Тутъ-то и поднимался злобный хохотъ, потому что «шуточка» достигала цѣли.

Но еще хуже приходилось евреямъ на Пасху.

Былъ также у грековъ обычай въ первые три дня Пасхи стрѣлять съ колоколенъ изъ маленькихъ пушекъ, ружей и пистолетовъ. Выстрѣлы эти по большей части направлялись въ толпу гуляющихъ евреевъ въ упоръ, неожиданно, сюрпризомъ—и «шутники» также потѣшались переполохомъ бѣднаго израиля.

Но и евреи также не оставались въ долгу и бывало на улицахъ происходили большія побоища, для разогнанія которыхъ посылались цѣлыя роты пѣхоты.

Но возвратимся къ молебствію въ синагогѣ.

Пѣніе кантора насъ удивило; но пѣніе синагогальнаго хора положительно очаровало: оно было нотное, древняго ритма, стройное, прекрасное и переносило насъ въ библейскія времена, когда хоры Левитовъ восхваляли Егову предъ Скиніею Завѣта.

Но вотъ выступилъ и проповѣдникъ съ рѣчью на нѣмецкомъ языкѣ. Дѣйствительно это былъ духовный витія. Сначала онъ обратился къ своимъ одновѣрцамъ, утверждалъ ихъ въ чувствахъ вѣрноподданнической преданности и приводилъ изъ священнаго писанія много текстовъ, изъ которыхъ впослѣдствіи нѣкоторые появились на часовняхъ, сооруженныхъ въ память 4-го апрѣля.

Наконецъ, онъ обратился къ христіанамъ, поблагодарилъ ихъ за то, что они пришли въ синагогу помолиться «общему небесному Отцу за спасеніе общаго земнаго Отца» и заключилъ свою рѣчь слѣдующимъ:

— «Есть повѣрье, что пророкъ, имя котораго упоминать здѣсь не мѣсто, проклялъ народъ израильскій, вслѣдствіе чего будто бы онъ и разсѣялся по лицу земному. Повѣрье это не имѣетъ никакого основанія. Сколько намъ извѣстно, пророкъ этотъ никогда не проклиналъ своихъ враговъ, напротивъ, самъ училъ: «благословляйте клянущихъ васъ и любите ненавидящихъ васъ»; сколько намъ извѣстно, онъ даже въ минуты смерти своей молился за враговъ своихъ. Но самъ Егова, самъ Адонаи разсѣялъ народъ израильскій по лицу земли, съ тѣмъ, чтобы онъ проповѣдывалъ ту вѣру, которую онъ изъ собственныхъ его устъ слышалъ!»

Много потомъ въ Одессѣ было толковъ по поводу этой рѣчи.

2.

Разъ утромъ прислалъ за мною генералъ-губернаторъ. Я нашелъ у него градоначальника и полиціймейстера.

— Вотъ что, господа! началъ Коцебу, выйдя къ намъ. Къ банкиру Еффруси явился какой-то господинъ, съ англійскимъ паспортомъ, принесъ къ нему на 10,000 рублей закладныхъ листовъ варшавскаго кредитнаго земскаго общества и просилъ размѣнять ихъ на валюту по курсу. Еффруси, зная, что въ послѣдній мятежъ изъ этого общества было украдено закладныхъ листовъ больше чѣмъ на $2^1/_2$ милліона рублей, принесъ ко мнѣ списокъ полученныхъ имъ номеровъ и просилъ узнать, чрезъ намѣстника Царства, не значатся ли они въ числѣ похищенныхъ? Я телеграфировалъ графу Бергу и получилъ отвѣтъ, что всѣ до одного номера принадлежатъ къ числу украденныхъ. Я пригласилъ къ себѣ англійскаго консула; тотъ сказалъ мнѣ, что незнакомецъ дѣйствительно англійскій подданный, но онъ не англичанинъ по происхожденію и даже не говоритъ по англійски. Такъ вотъ, господа, я поручаю вамъ—во первыхъ, всѣ билеты, доставленные къ Еффруси, конфисковать; во вторыхъ, сдѣлать у владѣльца, въ «англійской гостинницѣ» № 8, обыскъ, и если у него окажутся еще такіе же закладные листы, то конфисковать и ихъ, и въ третьихъ, учредить за этимъ господиномъ строгій полицейскій надзоръ. При этомъ прошу васъ обойтись съ англійскимъ подданнымъ какъ можно дипломатичнѣе и деликатнѣе.

На эту длинную рѣчь первый возразилъ градоначальникъ, камергеръ Шидловскій.

— Я не понимаю, ваше высокопревосходительство, какъ согласовать деликатность съ обыскомъ и полицейскимъ надзоромъ? И какой я могу учредить за нимъ надзоръ? Поставить у его дверей полицейскаго и жандарма?

— Боже сохрани! перебилъ поспѣшно и какъ бы въ испугѣ Коцебу. Онъ не долженъ даже знать, что за нимъ наблюдаютъ. Помните, что онъ англійскій подданный, а этой націи оскорблять безнаказанно нельзя... Надобно этой націи сдѣлать уступку.

«Въ ущербъ собственному нашему національному достоинству», подумали мы всѣ трое.

— Но если окажется, что онъ полякъ и воръ, то могу я арестовать его? спросилъ я у Коцебу.

— Это вы могли бы сдѣлать въ Варшавѣ, а не здѣсь! отвѣтилъ генералъ-губернаторъ, съ видимымъ неудовольствіемъ.

Мы отправились въ «англійскую гостинницу». Я спросилъ кельнера:

— Кто служитъ пріѣзжему въ № 8?

— Я-съ.

— Ты какіе знаешь языки?

— Свои-съ: италіанскій и греческій.

— Ты развѣ италіанецъ или грекъ?

— Никакъ нѣтъ: я ярославецъ.

— На какомъ же языкѣ ты говоришь съ иностранцемъ въ № 8?

— Я пробовалъ съ нимъ и sprachen, и spocken, и parler, и parlare, да ничего не разумѣетъ; а по русски такъ говоритъ, что даже я его не понялъ. Ну, думаю, полякъ! Такъ и есть—заговорилъ съ нимъ по поляцки—и какъ разъ попалъ!

— Экой Меццофанти этотъ кельнеръ! сказалъ я градоначальнику.

— Здѣсь этихъ Меццофантіевъ много, отвѣчалъ онъ. Съ дѣтства служатъ они у разныхъ иностранцевъ, а никто не способенъ усвоить себѣ такъ скоро иностранный языкъ и даже акклиматизироваться на чужой почвѣ, какъ «широкая русская натура».

Мы вошли къ иностранцу, который при видѣ насъ крѣпко переконфузился. Я обратился къ нему по польски, объяснилъ все дѣло и потребовалъ выдачи намъ остальныхъ закладныхъ листовъ, независимо отъ тѣхъ, которые находятся у Еффруси.

— Я, панове, ничего не знаю о происхожденіи этихъ листовъ, отвѣчалъ иностранецъ. Я служу только клеркомъ той лондонской фирмы, которая послала меня сюда, съ билетами на 10 тысячъ русскихъ рублей, для размѣна на англійскую валюту.

— Эта фирма польская? спросилъ я.

— Нѣтъ англійская.

— Какъ же вы служите клеркомъ въ фирмѣ, которой языка не знаете?

Полякъ не нашелся что отвѣтить и замолчалъ.

— Очевидно, вы служите въ обществѣ польскихъ эмигрантовъ. Прошу васъ передать намъ сейчасъ же остальные закладные листы.

— Но, панове, на гоноръ,—я всѣ отдалъ Еффруси. Не угодно ли вамъ удостовѣриться, что у меня нѣтъ ни одного больше.

Онъ самъ раскрылъ и опорожнилъ свой сундукъ, сбросилъ на полъ матрацъ и постель и снялъ съ себя сюртукъ.

Мы видѣли, что у него дѣйствительно ничего больше нѣтъ—и ушли.

Относительно надзора за мнимымъ англичаниномъ мы условились съ градоначальникомъ поставить въ секретѣ предъ отелемъ одного полицейскаго и одного жандарма, съ тѣмъ, чтобы они наблюдали издали, что будетъ дѣлать иностранецъ, не мѣшая ему, однако, ни въ чемъ.

На другой день градоначальнику полицейскій, а мнѣ жандармъ, доложили, что около полуночи иностранецъ возвратился откуда-то на извощикѣ, въ свой номеръ, но не больше какъ чрезъ минуту вышелъ со всѣмъ багажемъ и на томъ же извощикѣ отправился въ карантинную гавань, гдѣ сѣлъ на англійскій пароходъ «Sophia», который снялся съ якоря и ушелъ въ море.

Мы доложили объ этомъ Коцебу, который обрадовался такому исходу дѣла; но все таки недовѣрчиво спросилъ насъ, не прибѣгали ли мы къ какому нибудь насилію и не оскорбили ли націю.

3.

Жила-была въ Одессѣ, на приморскомъ бульварѣ, пушка. Долго указывала она своимъ грохотомъ одесситамъ полдень. Но вдругъ нашелся какой-то искусникъ, который укралъ ее и продалъ на какое-то судно, которое и ушло съ нею въ море. Долго Одесса была безъ пушки и жители потеряли свою регулярность. Всѣ часы одесскаго меридіана, и карманные, и башенные, взбунтовались, шли, какъ сами хотѣли, утратили всякую дисциплину и не подчинялись ни чьему указу. Словомъ, долго была самая неудержимая часовая революція или, вѣрнѣе, часовой федерализмъ, взявшій въ основаніе себѣ правило, что часы часамъ не указъ. Наконецъ, Коцебу положилъ конецъ этой федераціи, выпросивъ въ военномъ министерствѣ для города старую пушку, которую и вывезли на приморскій бульваръ.

Но заговорила пушка еще не скоро, потому что городская дума, въ виду усилившихся городскихъ расходовъ, долго думала надъ пріисканіемъ источника для покрытія расходовъ на покупку пороха.

Бѣдная пушка, разинувъ пасть, долго, безмолвно и съ удивленіемъ глядѣла на Думу, ломавшую свои головы и голову Головы надъ такими пустяками. Но какъ всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, то насталъ конецъ и ожиданіямъ пушки: въ одинъ прекрасный полдень раздался на приморскомъ бульварѣ давно ожидаемый салютъ въ честь Думы, за то, что она таки выдумала... т. е. нашла порохъ для единственной своей пушки!...

Съ тѣхъ поръ всѣ часовыя башни преклонили предъ пушкою свои непреклонныя головы и благоговѣйно смотрятъ на нее во всю ширину своихъ оконъ.

Кража одесской пушки припоминаетъ мнѣ слѣдующій случай:

Императоръ Николай Павловичъ всю свою жизнь крѣпко заботился о солдатѣ. Въ началѣ 1850-хъ годовъ онъ задался мыслью

уменьшить до minimum'а караульные наряды и сократить число часовыхъ постовъ. Военный министръ циркулярами сообщилъ комендантамъ таковую высочайшую волю и потребовалъ росписанія всѣхъ постовъ, съ обозначеніемъ, какіе изъ нихъ упразднены и какіе остались. Коменданты по возможности исполнили это повелѣніе. Но государь все таки остался этимъ недоволенъ и разослалъ генералъ-и флигель-адъютантовъ во всѣ крѣпости, уполномочивъ ихъ упразднить какъ можно больше постовъ и оставить только самые необходимые.

Въ крѣпость Динабургъ былъ присланъ для этого флигель-адъютантъ полковникъ Чернышевъ. Проживъ у коменданта Симборскаго съ недѣлю, онъ самъ удостовѣрился, что часовые ограничены самою крайнею необходимостію и что ни одного поста упразднить больше нельзя. Не смотря, однако же, на то, Чернышевъ чуть не умолялъ коменданта уменьшить хоть два, хоть, наконецъ, даже одинъ постъ, по своему усмотрѣнію.

— Я удивляюсь вашей настойчивости, возразилъ комендантъ. Вы сами видите, что ни одного больше поста упразднить нельзя. Вамъ остается такъ и доложить государю.

— Вамъ легко это говорить, а мнѣ-то каково? Что, вы думаете, могу я услышать за это отъ государя? Онъ скажетъ: «комендантъ упрямъ, а ты дуракъ».

Чернышевъ, однако, такъ и уѣхалъ, не добившись упраздненія ни одного поста.

Осенью того же года императоръ Николай Павловичъ осматривалъ динабургскую крѣпость. Стоя на валу 4-го бастіона, онъ обратился къ Симборскому:

— Ты, Андрей Михайловичъ, не хотѣлъ моему Чернышеву уступить ни одного поста, а я сокращу ихъ у тебя цѣлые десятки.

— Слушаю, ваше императорское величество!

— «Зачѣмъ, напримѣръ, у тебя стоятъ часовые на валахъ при орудіяхъ? Что, ты боишься, что у тебя покрадутъ пушки? Сними ихъ съ лафетовъ и отдай лафеты въ арсеналъ, а тѣла орудій положи на лагери. Пусть тогда кто-нибудь украдетъ такое орудіе: я ему подарю его».

Дѣйствительно, съ этимъ разумнымъ распоряженіемъ сократились десятки часовыхъ постовъ. Крѣпостныя орудія состояли изъ чугунныхъ, около 200 пудовъ вѣсомъ, полупудоваго калибра, единороговъ и пушекъ, которыя украсть, конечно, было немыслимо. Но одесскій воръ какъ-бы подслушалъ слова государя и пришелъ къ заключенію, что стало быть украсть орудіе можно, и вопросъ сводился только къ тому, какъ унести его?

Въ настоящее время одесское орудіе двумя артиллеристами подвозится на рукахъ изъ казармъ на приморскій бульваръ и послѣ полуденнаго выстрѣла увозится обратно.

IV.

Встрѣчи съ Царемъ-Освободителемъ.

I.

Неоднократно имѣлъ я счастіе сопровождать по желѣзнымъ дорогамъ ввѣреннаго мнѣ раіона блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти Царя-Освободителя. Это было въ послѣднее десятилѣтіе славнаго его царствованія.

Путешествіе императора Александра II, по орловско-витебской и динабурго-витебской дорогамъ—окрестные жители коихъ никогда въ жизни не видали Царя—было тріумфальнымъ шествіемъ, величайшимъ праздникомъ для народа, который бросалъ свои полевыя работы, въ самую горячую страдную пору, и за десятки верстъ спѣшилъ къ желѣзной дорогѣ, съ надеждою увидѣть своего земнаго Бога или хоть поклониться его поѣзду. У каждой сторожевой будки,—какъ сказалъ я въ предыдущемъ очеркѣ изъ моихъ воспоминаній,—безъ всякаго приказанія со стороны желѣзно-дорожнаго начальства, но по собственной иниціативѣ дорожныхъ мастеровъ и барьерныхъ сторожей,—былъ обыкновенно выставленъ столикъ, накрытый бѣлою скатертію, и на немъ образъ и хлѣбъ-соль. Сторожъ, со всѣмъ семействомъ своимъ одѣтымъ по праздничному, при приближеніи поѣзда, осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ и клалъ земной поклонъ.

Въ то время служащіе на желѣзныхъ дорогахъ сопровождали царскую фамилію въ полной парадной формѣ. Народъ, мнившій видѣть царя не иначе, какъ въ золотой одеждѣ, считалъ, по простодушію своему, царемъ того, на комъ видѣлъ болѣе блестящій мундиръ. Въ этихъ путешествіяхъ самымъ выдающимся мундиромъ былъ мой: серебряные штабъ-офицерскіе эполеты, лядунка, шарфъ и золотая каска съ султаномъ рѣзко бросались толпѣ въ глаза; а какъ въ качествѣ коменданта поѣзда я долженъ былъ сидѣть въ первомъ отъ паровоза вагонѣ и выходить на тормазъ при приближеніи къ каждой станціи, то цѣлыя толпы, съ крикомъ ура и махая шапками, бѣжали за первымъ вагономъ. Напрасно мы, всѣ служащіе, кричали и показывали знаками, что государь находится въ заднихъ ваго-

нахъ—толпа не слушала, не отставала отъ вагона и бѣжала за нимъ до самой станціи.

Подобныхъ недоразумѣній бывало чрезвычайно много, особенно въ первые годы существованія желѣзныхъ дорогъ. Но не только днемъ, даже ночью, когда впередъ послано бывало приказаніе не допускать никакихъ проявленій восторга, потому что государь изволитъ почивать, вдругъ раздавался взрывъ ура! при видѣ блестящаго мундира и золотой каски. А выходить на каждой станціи коменданту поѣзда было необходимо, такъ какъ по ночамъ не спали только онъ, управляющій и инспекторъ желѣзной дороги; вся остальная свита, до послѣдняго фельдъегеря, спала всю ночь напролетъ непробудно. На платформахъ обыкновенно ожидали разныя депутаціи съ хлѣбомъ-солью и просители съ прошеніями. Надобно было принимать, какъ прошенія, такъ и хлѣбъ-соль, вносить ихъ въ вагонъ и на утро сдавать генералъ-или флигель-адъютанту, съ объясненіемъ, гдѣ и какая депутація ожидала государя.

Случилось—забылъ на какой станціи—между Брянскомъ и Карачевымъ, позднею ночью, едва я вышелъ на платформу, какой-то сельскій священникъ или діаконъ, преклонивъ предо мною колѣна, подалъ прошеніе. Я поспѣшилъ поднять его и сказалъ.

— Батюшка! Вамъ-то стыдно принимать меня за государя и преклонять колѣна.

— Величая угодниковъ Божіихъ—отвѣчалъ онъ—ублажаемъ самого Бога; почитая слугъ царевыхъ, чтимъ самого царя, ему же довлѣетъ поклоненіе сіе!

Я былъ столько счастливъ, что государь два раза лично изволилъ приказывать мнѣ надѣть сюртукъ.

На орловско-витебской дорогѣ я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая.

Въ 1874 или въ 1875 году, боюсь ошибиться, государь изволилъ возвращаться съ какихъ-то заграничныхъ маневровъ — кажется изъ Пруссіи. Его величество сопровождали: государь наслѣдникъ цесаревичъ, другіе великіе князья, двое или трое министровъ, графъ Бергъ и др. Свита была огромная, а потому и поѣздъ былъ огромный. На станціи Рудня, между Смоленскомъ и Витебскомъ, назначена была десяти-минутная остановка. Пассажирами императорскаго поѣзда вдругъ покрылась вся платформа; замелькали бѣлыя, красныя, голубыя и черныя фуражки. Государь, выйдя изъ вагона, не пошелъ къ вокзалу, но свиснувъ на своего «Милорда», вошелъ въ станціонный садикъ, усѣянный массою цвѣтовъ въ прихотливыхъ клумбахъ, съ бьющимъ посрединѣ фонтаномъ. Я слѣдовалъ за государемъ въ нѣ-

сколькихъ шагахъ. Былъ прелестный, теплый осенній вечеръ. Вдругъ одна молодая и довольно красивая дама, сидѣвшая въ садикѣ и не спускавшая глазъ съ платформы, подошла къ государю, взяла его за руку и, не глядя на него, сказала.

— Ваше превосходительство! покажите мнѣ, который изъ этихъ генераловъ государь?

Казалось, его величество нисколько не былъ удивленъ этою безцеремонностію. Государь, съ всегдашнею своею добродушною улыбкою, сперва взглянулъ въ сторону платформы, а потомъ спросилъ даму:

— Вы развѣ никогда не видали государя?

— Нѣтъ, ваше п—во! отвѣчала дама, по прежнему не глядя на него и не спуская глазъ съ гулявшихъ по платформѣ.

— Ну, такъ смотрите! произнесъ государь, отступивъ шагъ назадъ.

Дама вскинула глаза вверхъ, онѣмѣла отъ удивленія, упала на колѣна и прижала къ губамъ государеву руку. Она не въ состояніи была произнести ни одного слова, даже извиниться и слезы умиленія заструились по ея щекамъ. Государь поднялъ даму, которая оставалась въ остолбенѣніи во все время, пока государь гулялъ въ садикѣ; при выходѣ же изъ него дама вторично упала на колѣни и также не могла произнести ни слова. Это была жена начальника станціи. Конечно, впечатлѣніе это осталось въ ней на всю жизнь.

Въ другой разъ въ Смоленской губерніи какая-то стройная амазонка, на бѣломъ арабскомъ скакунѣ, состязалась съ поѣздомъ и скакала нѣсколько секундъ наравнѣ съ царскимъ вагономъ, покуда встрѣчная рѣчка не пресѣкла ей пути. Ловкая наѣздница доставила тогда всѣмъ большое удовольствіе.

О добродушіи императора Александра Николаевича кружило всегда множество разсказовъ. Одинъ изъ нихъ особенно врѣзался мнѣ въ память. Бывшій начальникъ штаба резервнаго кавалерійскаго корпуса, расположеннаго въ Вознесенскѣ, свиты его величества генералъ-маіоръ Михаилъ Леонтьевичъ Дубельтъ разсказывалъ мнѣ слѣдующее:

Въ Вознесенскѣ государь производилъ большіе кавалерійскіе маневры. Въ которомъ году—не знаю, да это къ дѣлу и не относится. Во время маневровъ одинъ командиръ конной батареи сдѣлалъ какую-то капитальную несообразность—стрѣлялъ-ли онъ по своимъ, пропустилъ-ли мимо себя непріятеля безнаказанно или-же дозволилъ себя отрѣзать, не снявшись своевременно съ позиціи—не помню; довольно, что ошибка была возмутительно груба и сильно разгнѣвала государя.

— Дубельтъ! сказалъ его величество, подозвавъ къ себѣ начальника штаба. Поѣзжай къ батарейному командиру, скажи, что онъ б—нъ.

Тотъ далъ шпоры коню.

— Дубельтъ! Дубельтъ! назадъ.

Дубельтъ воротился.

— Слышишь! Да непремѣнно такъ и скажи: «Государь сказалъ, что вы б—нъ».

Начальникъ штаба ускакалъ, разнесъ батарейнаго командира и сказалъ, что государь изволитъ крѣпко гнѣваться.

Возвратясь, онъ показался на глаза государю въ знакъ того, что повелѣніе исполнено. Государь ничего не сказалъ.

Дальше маневры пошли своимъ чередомъ. Его величество былъ чрезвычайно доволенъ; по окончаніи же маневровъ, собралъ всѣхъ начальниковъ частей, въ числѣ которыхъ находился и опальный батарейный командиръ—и сердечно благодарилъ ихъ за отличное состояніе войскъ. Потомъ приказалъ вызвать пѣсенниковъ впередъ и отпустилъ полки на свои мѣста.

При возвращеніи съ маневровъ, государь былъ въ отличномъ расположеніи духа; но какъ будто какая-то дума иногда озабочивала прекрасное чело его. Онъ нѣсколько разъ оборачивался назадъ и, наконецъ, кликнулъ:

— Дубельтъ!

Начальникъ штаба подскакалъ.

— Ближе!.. Еще ближе!

Государь перегнулся къ нему и полу-шепотомъ спросилъ:

— Ты сказалъ батарейному командиру, что я тебѣ приказывалъ?

— Виноватъ, ваше величество, не сказалъ!

— Благодарю!

И чело царя прояснилось.

2.

Передъ послѣднею турецкою войною императоръ Александръ Николаевичъ нѣсколько лѣтъ къ ряду ѣздилъ въ Эмсъ, для пользованія отъ эмфиземы, гдѣ изволилъ проводить весь май стараго стиля, подъ именемъ «Графа Бородинскаго». Май 1875 года былъ для меня счастливымъ мѣсяцемъ: я также лѣчился въ Эмсѣ, ежедневно встрѣчалъ его величество на водахъ и въ горахъ и нерѣдко имѣлъ счастіе быть удостоеннымъ разговора. Государь прибылъ въ Эмсъ 1-го мая.

Я ѣхалъ однимъ поѣздомъ впереди и былъ свидѣтелемъ, какъ на одной изъ перекрестныхъ станцій, по ту сторону Берлина, за Касселемъ, весь прусскій пѣхотный полкъ имени императора Александра

не хотѣлъ ѣхать дальше и остался на станціи, чтобы видѣть своего августѣйшаго шефа. Ничего съ солдатами желѣзно-дорожники не могли подѣлать, тѣмъ болѣе, что и офицеры были за одно съ ними. Пришлось воинскій поѣздъ остановить.

Съ прибытіемъ царскаго поѣзда, государь императоръ вышелъ, въ статскомъ платьѣ, къ своему полку и поздоровался съ нимъ. Въ мигъ разстроились ряды: солдаты съ крикомъ Hoch! и Hurrah! окружили обожаемаго шефа и многіе бросились цѣловать ему руки. Офицеры смѣшались съ нижними чинами и крики восторга не прекращались до тѣхъ поръ, покуда царскій поѣздъ не вышелъ со станціи.

Государь прибылъ въ Эмсъ въ субботу. На другой день, въ воскресенье, былъ въ русской церкви, въ которую собрались всѣ русскіе, прибывшіе въ Эмсъ.

Во время богослуженія, государь раза два взглянулъ на меня, а при выходѣ подозвалъ меня къ себѣ и спросилъ:

— Я тебя знаю; но кто ты?

Александръ Львовичъ Потаповъ поспѣшилъ представить меня его величеству.

Императоръ Александръ ходилъ всегда за границею въ черномъ сюртукѣ, свѣтло сѣромъ исподнемъ платьѣ и въ сѣрой, закругленной сверху, шляпѣ или въ бѣломъ цилиндрѣ. Мы, русскіе, въ подражаніе ему, одѣвались точно такъ же. Впрочемъ, костюмъ этотъ былъ обязателенъ для русскихъ при заграничныхъ представленіяхъ государю и во время обыкновенныхъ обѣдовъ при дворѣ.

Нашъ государь пользовался огромною популярностію въ Эмсѣ. Даже уличные мальчишки подбѣгали къ нему съ обычнымъ привѣтствіемъ:

— Мейнъ кейзеръ!

Государь всегда бывало погладитъ мальчугана по головѣ.

Каждый день у источниковъ встрѣчала его одна и та-же дѣвушка цвѣточница и подносила букетикъ свѣжихъ полевыхъ цвѣтовъ, за который и получала по горсти мелкаго серебра изъ собственныхъ рукъ государя.

«Графъ Бородинскій» жилъ со свитою въ отелѣ «Vier Thürme». Садъ, окружающій это зданіе, довольно обширенъ и государь нерѣдко гулялъ въ немъ въ числѣ прочей публики. Въ саду постоянно находились прусскіе жандармы и полицейскіе чины. Они знали всѣхъ насъ военныхъ и отдавали намъ воинскую честь. Русская придворная прислуга и особенно лейбъ-казаки, разумѣется, также всѣхъ насъ знали и, не смотря на то, что были одѣты въ статскомъ платьи, отдавали намъ честь, почтительно снимая шляпы.

Отъ этого происходили иногда весьма забавныя недоразумѣнія. Многіе изъ пріѣзжихъ въ Эмсъ иностранцевъ, никогда не видавшіе русскаго царя, нарочно заходили въ садъ «Vier-Thürme», чтобы поклониться ему. Но случалось нерѣдко, что при видѣ одного изъ лицъ свиты, которому полиція и жандармы отдавали честь и предъ которымъ статскіе, казаки и придворные служители, почтительно снимали шляпы—принимали его за самого государя и при встрѣчѣ также снимали шляпы и отвѣшивали пренизкій поклонъ. Много разъ приходилось говорить такимъ господамъ, что они ошибаются. Даже дамы дѣлали глубокій реверансъ. Мнѣ самому раза два пришлось заявить отвѣшивавшимъ мнѣ глубокіе поклоны и дѣлавшимъ реверансы:

— Verzeihen sie, meine Herren und meine Damen, ich bin nicht der Keiser!

Однажды проѣзжалъ чрезъ Эмсъ прусскій уланскій имени императора Александра полкъ. Офицеры и солдаты, по примѣру пѣхотнаго полка, также выразили желаніе поклониться своему шефу. Было около 6 часовъ пополудни, когда государь отдыхалъ послѣ обѣда. Полку объявили, что государя нельзя безпокоить.

— Такъ мы подождемъ, пока онъ встанетъ! былъ категорическій отвѣтъ.

Желѣзнодорожная администрація всполошилась: пришлось дѣлать много сложныхъ и крайне затруднительныхъ распоряженій. Графъ Адлербергъ, узнавъ объ этомъ, разбудилъ государя и его величество пошелъ пѣшкомъ за Лану, на станцію, поздороваться съ полкомъ. Восторгу уланъ не было предѣловъ.

Но вотъ прибылъ въ Эмсъ маститый императоръ Вильгельмъ. Встрѣча ему была устроена самая восторженная: цвѣтами, вензелями, флагами изукрасился весь городъ; вечеромъ запылала иллюминація въ городѣ и на горахъ; на щитахъ, по желанію Вильгельма, появились иниціалы обоихъ императоровъ. По Ланѣ плавала гигантская, великолѣпно иллюминованная, императорско-германская корона, внутри которой помѣщался хоръ музыкантовъ пѣхотнаго императора Александра полка и во весь вечеръ исполнялъ, съ извѣстными промежутками, исключительно только русскій народный гимнъ «Боже царя храни».

Большой съѣздъ былъ тогда въ Эмсѣ. Пріѣхали: королева Виртембергская Ольга Николаевна, принцъ Гессенскій и другіе высочайшія особы—и странное дѣло, что не смотря на такой съѣздъ, цѣны ни на что въ Эмсѣ не увеличились. Какія цѣны платили мы въ гостинницахъ прежде, такія же остались и впослѣдствіи. У насъ

въ Россіи при подобномъ случаѣ цѣны непремѣнно увеличились бы вчетверо, да такъ и остались бы на будущее время впредь до новаго случая, который опять увеличилъ бы ихъ.

Однажды въ церкви обратилъ на себя всеобщее вниманіе какой-то весьма приличной наружности господинъ, не молодыхъ лѣтъ. Онъ стоялъ у стѣны, съ лѣвой стороны церкви, противъ государя, гордо, неподвижно, и посматривалъ на него. Государь также нѣсколько разъ взглянулъ на него и морщилъ брови, какъ-бы что-то припоминая. Въ свитѣ начался шопотъ: кто это? На предложенный мнѣ вопросъ однимъ изъ приближенныхъ генералъ-адъютантовъ я также отвѣтилъ незнаніемъ. Вдругъ, во время «Святая Святыхъ», таинственный незнакомецъ пошелъ въ алтарь, но тотчасъ-же вышелъ оттуда съ серебрянымъ блюдомъ и началъ собирать деньги. Я зашелъ въ алтарь и спросилъ священника: кто этотъ господинъ?

— Здѣшній церковный староста, графъ Комаровскій, сенаторъ, изъ Москвы,—отвѣчалъ священникъ.

Я передалъ отвѣтъ свитѣ — и всѣ много смѣялись тому, что не узнали лицо весьма хорошо извѣстное въ аристократическихъ сферахъ обѣихъ столицъ.

Въ числѣ русскихъ, тогда бывшихъ въ Эмсѣ, очень рѣзко выдѣлялась графиня Р—ръ, высокая, черная и уже крѣпко не молодая женщина. Она возила съ собою какого-то петиметра француза. Это былъ истощенный и блѣдный человѣкъ лѣтъ подъ 40 и нахалъ въ высшей степени. Онъ сдѣлалъ визиты многимъ изъ свиты и при представленіяхъ къ фамиліи своей прибавлялъ: «Ami de la comtesse R.».

Графиня прибыла въ Эмсъ совсѣмъ не для леченія, а съ спеціальною цѣлью просить разрѣшенія государя на вступленіе въ законный бракъ съ своимъ петиметромъ, съ тѣмъ, чтобы ей, по уваженію къ заслугамъ покойнаго мужа, оставлена была вся получаемая ею огромная пенсія, аренда и проч. Государь однако приказалъ Адлербергу объявить ей, что она можетъ выходить замужъ за кого хочетъ, но ломать русскіе законы для графини Р—ръ его величество не намѣренъ.

Какъ-то въ обществѣ особъ свиты я выразилъ сомнѣніе на счетъ цѣлебности эмскихъ водъ и особенно на счетъ природной теплоты ихъ. Мнѣ всегда казалось подозрительнымъ такъ называемое «вывариваніе эмской соли», которое производилось за зданіемъ водъ, подъ горою, въ мѣстѣ, удаленномъ отъ лишнихъ глазъ; я подозрѣвалъ, что отъ этихъ котловъ горячая вода проводилась трубами къ кранамъ въ залы для питья и къ ваннамъ.

— Боже васъ сохрани усумниться въ цѣлебности водъ предъ го-

сударемъ — возразилъ мнѣ одинъ изъ генераловъ. — Его величество безусловно вѣритъ въ эти воды.

И дѣйствительно. Разъ государь, на своемъ сѣромъ арабчикѣ, встрѣтилъ меня въ горахъ и осадилъ лошадь.

— Ну, какъ ты? — милостиво спросилъ меня, въ отвѣтъ на мой глубокій поклонъ.

— Покорнѣйше благодарю, в. и. в.! Эмскія воды мнѣ очень помогли.

— Я тебѣ скажу!.. Помнишь, какой я сюда пріѣхалъ: совсѣмъ безъ голоса, а теперь вотъ вернулъ его.

Государь, дѣйствительно, имѣлъ вначалѣ осипшій голосъ и въ Эмсѣ поправилъ его.

Въ одинъ дождливый день, утромъ, государь, послѣ втораго стакана воды, прохаживался въ большой чугунной галлереѣ. Мы, русскіе, группою, человѣкъ 10—12, шли сзади шагахъ въ 30. Вдругъ, смотримъ, на встрѣчу государю идетъ какой-то красивый молодой человѣкъ, прилично одѣтый, съ папироскою во рту. Не доходя нѣсколько шаговъ, онъ швырнулъ въ сторону папиросу, сорвалъ съ себя шляпу и отвѣсилъ пренизкій поклонъ. Императоръ приподнялъ шляпу, пристально посмотрѣлъ на молодаго человѣка и прошелъ мимо, но пройдя нѣсколько шаговъ, оглянулся въ нашу сторону и спросилъ, нѣтъ-ли среди насъ Александра Францовича? Управляющій III отдѣленіемъ соб. е. и. в. канцеляріи Александръ Францовичъ Шульцъ дѣйствительно былъ съ нами. Онъ подбѣжалъ къ государю.

— Александръ Францовичъ, не знаешь-ли ты этого молодаго человѣка, что мнѣ сейчасъ поклонился?

— Знаю, ваше величество: варшавскій студентъ Новаковскій, сосланный въ Сибирь въ 1863 году и бѣжавшій оттуда заграницу. Это тотъ самый, о которомъ на сихъ дняхъ я имѣлъ счастіе докладывать вашему величеству: онъ подалъ здѣсь третье всеподданнѣйшее прошеніе о помилованіи и о всемилостивѣйшемъ дозволеніи возвратиться на родину; ваше величество изволили отказать въ просьбѣ.

Во время обѣда государь вспомнилъ о Новаковскомъ и прибавилъ:

— А какъ онъ почтительно мнѣ поклонился! Онъ чувствуетъ, что я его государь!

На другой день Шульцъ встрѣтилъ насъ въ той-же галлереѣ.

— Слышали, господа, что вчера за столомъ государь изволилъ говорить о Новаковскомъ? Увидите, что его величество помилуетъ его.

На слѣдующее утро Шульцъ опять подошелъ къ намъ.

— А что? не говорилъ я вамъ вчера, что государь помилуетъ Новаковскаго?

— Сердце царево въ руцѣ Божіей!—воскликнули мы.

— Да, помилованъ—и притомъ безусловно! Дозволилъ ему возвратиться въ Царство Польское, съ тѣмъ только, чтобы тамъ онъ былъ подчиненъ полицейскому гласному надзору на два года.

30 мая 1875 г. государь уѣхалъ въ Потсдамъ. На вокзалѣ была буквально давка отъ множества русскихъ, собравшихся проводить своего обожаемаго монарха. Дамы поднесли сотни свѣжихъ букетовъ, заполнившихъ собою весь салонный вагонъ. Русское «ура!» и нѣмецкое «Hoch!» долго колебали воздухъ.

Во время пребыванія въ Эмсѣ государя императора русская рѣчь слышалась на каждомъ шагу; говорили громко, какъ-бы кичась ею. Съ отъѣздомъ царя рѣчь эта была какъ-бы ножемъ отрѣзана. 31 мая въ саду не было уже слышно ни одного русскаго слова и встрѣчавшіеся между собою русскіе, по прежнему, начали какъ-бы стыдиться своего языка и замѣнили его французскимъ даже въ церкви.

Теобальдъ.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1838 г.[1]).

Мартъ 23. Сегодня я случайно узналъ, что министръ Уваровъ отмѣнилъ чтеніе моего «Похвальнаго слова Петру Великому», на актѣ, который назначенъ на 25-е, то есть на послѣ завтра. У попечителя съ нимъ былъ по этому поводу горячій разговоръ. Князь Дондуковъ-Корсаковъ доказывалъ ему неприличіе и странность такой мѣры. Министръ упорствуетъ. Какая причина?

26. Публика приняла большое участіе въ моемъ «Похвальномъ словѣ». Всѣ удивлены запрещеніемъ министра, который, предлогомъ отмѣны чтенія, поставилъ желаніе «не обременять публику многимъ чтеніемъ».

Декабрь 25. «Энциклопедическій лексиконъ» гибнетъ по милости Плюшара. Онъ велъ себя въ этомъ дѣлѣ какъ мальчишка. Сначала поссорился съ Гречемъ, который былъ ему необходимъ, ибо служилъ точкою соединенія у него литераторовъ. Потомъ сталъ употреблять на отважныя и необдуманныя предпріятія капиталъ, который дала ему подписка на первый годъ энциклопедическаго лексикона. Такимъ образомъ, когда редакторомъ сдѣлался Шенинъ, плата сотрудникамъ понемногу стала затрудняться и, наконецъ, ее и совсѣмъ перестали выдавать—по крайней мѣрѣ, инымъ. Они отказались. Лексиконъ сталъ медлить выходомъ въ свѣтъ. Плюшаръ надѣялся еще спасти дѣло, передавъ редакцію Сенковскому, который помогъ ему деньгами. Но дѣльныхъ сотрудниковъ уже больше нельзя было набрать.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60; августъ стр. 265—299.

Они не соглашались на дальнѣйшее участіе въ изданіи, во-первыхъ, потому что потеряли довѣріе къ Плюшару, а во-вторыхъ, потому что не хотѣли имѣть дѣла съ Сенковскимъ, боясь его обиднаго и строптиваго обращенія съ самими авторами и съ ихъ статьями. Сенковскій очутился въ необходимости работать съ нѣсколькими студентами. Вышелъ XIV томъ и изумилъ публику своею несостоятельностію. Это окончательно подорвало довѣріе къ изданію, которое па первыхъ порахъ встрѣтило такъ много сочувствія.

26. Въ четвергъ былъ на похоронахъ. Умеръ Карлъ Ѳедоровичъ Германъ, академикъ и инспекторъ Смольнаго монастыря и Екатерининскаго института. Это былъ человѣкъ выше обыкновенныхъ. Я намѣренъ написать его біографію. Смерть самая обыкновенная вещь между людьми, а между тѣмъ на похоронахъ какъ будто въ первый разъ знакомишься съ ней. Вотъ этотъ человѣкъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, говорилъ съ вами, смѣялся, думалъ, желалъ, носилъ міръ въ своемъ умѣ—и вотъ его бросили въ землю, какъ соръ, зарыли. Семидесятитрехлѣтняя драма разыграна и занавѣсъ опустился: ужасное нѣтъ, ничто, пишется надъ зачеркнутымъ именемъ: Карлъ Ѳедоровичъ...

Видѣлъ картину Штейбена «Наполеонъ при Ватерлоо». Прекрасно! Лицо Наполеона ясно говоритъ: «Все погибло, геній человѣческій ничто предъ рокомъ». Я два раза ходилъ смотрѣть эту картину; долго стоялъ передъ ней и выносилъ впечатлѣнія, которыя трудно и безполезно описывать.

28. Былъ у Греча и видѣлъ у него Тальони. Она не хороша собой, но очень мила и скромна.

Засталъ у Николая Ивановича еще Булгарина: онъ бранилъ или, вѣрнѣе, ругалъ Сенковскаго, какъ ямщикъ.

Встрѣтилъ, между прочимъ, Строева, который недавно вернулся изъ-за границы. Онъ долго жилъ въ Парижѣ и, кажется, не принадлежитъ къ числу тѣхъ отчизнолюбцевъ, которые, зря, громятъ западъ и все, что не отзываетъ родной поэзіей кнута и штыка.

Владиславлевъ мнѣ разсказывалъ про Н. А. Полеваго. Дубельтъ позвалъ его къ себѣ, для передачи высочайше пожалованнаго перстня за піесу: «Ботикъ Петра I».

— «Вотъ вы теперь стоите на хорошей дорогѣ: это гораздо лучше, чѣмъ попусту либеральничать», замѣтилъ Дубельтъ.

— «Ваше превосходительство», отвѣчалъ, низко кланяясь, Полевой,—«я написалъ еще одну пьесу, въ которой еще больше вѣрноподданническихъ чувствъ. Надѣюсь, вы ею тоже будете довольны».

Стыдно! Выйдемъ изъ этого мрака на свѣтъ Божій; но гдѣ искать этого выхода?

29. Чудо! въ русскомъ генералѣ, да еще казацкомъ, нашелъ человѣка не только умнаго, но и образованнаго. Генералъ этотъ Красновъ. Я вчера провелъ съ нимъ вечеръ у товарища моего дѣтства, А. А. Мессароса, и нахожу, что вечеръ этотъ не потерянъ.

31. По утру былъ въ университетѣ, на защитѣ диссертацій Порошина и Рождественскаго. Остальное время дома. Новый годъ засталъ меня за корректурными листами «Отечественныхъ Записокъ». Здравствуй 1839 годъ! Не будь, любезный, такъ малодушенъ, какъ твой предшественникъ! Дайте рюмку вина: надо приличнымъ привѣтствіемъ встрѣтить этого новаго сына вѣчности. Что было бы съ людьми, если бы они не изобрѣтали для себя игрушекъ?

Примѣчаніе. Дневникъ 1838 г. очень маленькій. Въ теченіи его авторъ ѣздилъ на родину и объ этой поѣздкѣ оставилъ почти исключительно одни цифровыя данныя, которыя не могутъ имѣть интереса. С. Н.

1839 г.

Январь 1. Полночь. Дѣлалъ обычные визиты, за скуку и усталость отъ которыхъ былъ сторицею вознагражденъ пріемомъ, оказаннымъ мнѣ въ Смольномъ монастырѣ. Мои милыя ученицы старшаго класса устроили мнѣ настоящій тріумфъ. Онѣ толпой провожали меня по корридорамъ, пѣли мнѣ «многія лѣта», восторженно выражали благодарность за чувства добра и любви къ изящному и честному, которыя я, будто бы, впервые вызвалъ въ нихъ. Я ушелъ освѣженный, утѣшенный и, хоть на часъ времени, убаюканный иллюзіями на счетъ небезполезности моей дѣятельности.

7. Вчера я былъ въ маскарадѣ въ Большомъ театрѣ. Тамъ были государь и великій князь. Я еще въ первый разъ такъ близко видѣлъ перваго. Раза два, тѣснимый толпою, я чуть не столкнулся съ нимъ. Онъ казался въ духѣ, хотя по временамъ хмурился отъ слишкомъ назойливаго любопытства публики.

Мартъ 7. Конецъ февраля и начало марта я былъ занятъ выпускными экзаменами въ Смольномъ монастырѣ. На экзаменѣ императорскомъ императрица отсутствовала; ее замѣняли великія княжны Марія и Ольга. Дѣвицъ спрашивали по билетамъ—это нововведеніе Уварова, который почему-то ждалъ отъ него чудесъ.

Энтузіазмъ ко мнѣ моихъ ученицъ превзошелъ все, что я могъ себѣ представить: это былъ совершенный фуроръ, который въ день

выпуска выразился съ неудержимой силой. За обѣдомъ онѣ, въ очередь и не въ очередь, пили за мое здоровье, при чемъ иныя даже били рюмки, возглашали мнѣ «многія лѣта», осыпали благодарностями, пожеланіями, обѣщаніями никогда не измѣнять идеямъ чести и добра.

Да, я честно трудился въ этомъ разсадникѣ будущихъ русскихъ женъ и матерей, русскихъ гражданокъ, стараясь, какъ можно больше, напитать ихъ человѣчностью. На минуту результатъ превзошелъ мои ожиданія—а на будущее кто можетъ разсчитывать? Общество, по всѣмъ вѣроятіямъ, все перестроитъ по своему и я еще разъ принужденъ буду сознаться въ томъ, что я безумецъ, гоняющійся за призраками. Истинно полезенъ людямъ тотъ, кто ихъ кормитъ и поитъ, а вовсе не тотъ, кто возвышаетъ ихъ нравственное достоинство. Для многихъ это даже обращается въ тягость, въ пагубу. Что нужно человѣку?—Счастіе, а счастливымъ можно быть во всякой нравственной сферѣ и еще лучше—въ тѣсной. По крайней мѣрѣ, это неоспоримая истина у насъ и въ наше время.

15. Въ пять часовъ потребовали меня къ попечителю. Полученъ грозный высочайшій запросъ: «Кто осмѣлился пропустить портретъ Бестужева [1]) въ альманахѣ Смирдина «Сто русскихъ авторовъ»? Книга подписана мною, но портретъ пропущенъ въ III отдѣленіи Собственной канцеляріи государя. Неизвѣстно, чѣмъ кончится эта суматоха. Можетъ быть и мнѣ достанется—за что? Не знаю. Но надо быть ко всему готовымъ. Говорятъ, что нашъ министръ очень непроченъ при дворѣ.

16. Вся бѣда, кажется, обрушится на Мордвинова, который допустилъ Ольдекопа подписать портретъ Бестужева.

Апрѣль 9. Воскресенье. Подалъ просьбу объ увольненіи меня отъ должности преподавателя русской словесности въ аудиторской школѣ. Эта школа основана графомъ Клейнмихелемъ и находится подъ его начальствомъ. Ученики изъ солдатскихъ дѣтей—питомцы

---

[1]) Александръ Александровичъ Бестужевъ, декабристъ, болѣе извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Марлинскій, убитъ 7-го іюля 1837 г. на мысѣ Адлеръ, на Кавказѣ. Оригиналъ этого портрета, небольшая акварель, находится въ нашемъ собраніи портретовъ. Бестужевъ изображенъ безъ бурки, бурка накинута на него въ гравюрѣ, изданной Смирдинымъ въ 1838 г., въ видахъ цензурныхъ, но она не спасла портрета: онъ былъ вырѣзанъ изъ книги и лишь полъ-вѣка спустя въ большомъ количествѣ экземпляровъ вынырнулъ на толкучкѣ.

Воспроизведенный рѣзцомъ художника И. И. Матюшина портретъ А. А. Бестужева (Марлинскаго) съ акварели, исполненной съ натуры, на Кавказѣ, не задолго до кончины этого знаменитаго писателя, помѣщенъ въ альбомѣ гравированныхъ портретовъ русскихъ дѣятелей, томъ третій, изданіе «Русской Старины» 1888 г. Ред.

палки. Я всегда долженъ былъ насиловать себя, когда ѣхалъ туда преподавать. Я не могъ внести туда ни одной свѣтлой мысли: тамъ все грубо, жестко, не развито. Но жалованье тамъ, надо сказать правду, было хорошее—по 300 рублей (ассигнацій) за часъ. Такимъ образомъ я сразу лишаюсь 1,200 рублей (ассигнацій). Пора, наконецъ, подумать объ усиленіи кабинетной дѣятельности. Иначе пройдетъ лучшее время и жизнь, и силы будутъ растрачены по мелочамъ. Мнѣ давно хотѣлось оставить это заведеніе, но какъ Клейнмихель меня очень ласкалъ, мнѣ совѣстно было измѣнить ему. Наконецъ, становится не подъ силу. Я уже переговорилъ о своемъ намѣреніи съ инспекторомъ, генераломъ Зедлеромъ, который очень огорчился. Онъ человѣкъ образованный и добрый, а ко мнѣ всегда выказывалъ дружеское расположеніе. Мы разстаемся съ нимъ съ взаимными сожалѣніями. Но что скажетъ Клейнмихель? Онъ очень не любитъ, когда служащіе подъ его вѣдомствомъ уходятъ.

17. Сегодня былъ у графа Клейнмихеля, по его приглашенію. Принятъ отлично. Онъ просилъ меня не оставлять аудиторскаго училища, но когда увидѣлъ мою твердую рѣшимость, предложилъ слѣдующій компромисъ. Онъ хочетъ сдѣлать меня инспекторомъ по части русской словесности во всѣхъ классахъ училища. Для этого онъ поручилъ мнѣ составить проектъ, предоставляя мнѣ право выбирать и опредѣлять учителей и назначать имъ жалованье. На это я уже не могъ не согласиться и мы разстались довольные другъ другомъ. Онъ былъ со мною такъ любезенъ, что я, вопреки общей молвѣ о немъ, готовъ признать его за образецъ любезности.

Май 2. Былъ съ пріятелями на гуляньѣ въ Екатерингофѣ. Блестящіе экипажи, блестящія лошади, блестящіе офицеры. Хорошенькія женщины тонули въ нарядахъ и цвѣли самодовольствомъ. На физіономіяхъ отраженіе экипажей, лошадей и лакейскихъ ливрей: чѣмъ богаче все это, тѣмъ сильнѣе на лицахъ выраженіе гордости и блаженства. А мы, бѣдные пѣшеходы,—что-же? Мы были зрители, а тѣ актеры. Они играли для насъ, а мы смотрѣли—по крайней мѣрѣ, мы составляли партеръ. Въ вокзалѣ музыка, тѣснота и весьма непорядочное общество.

Сегодня же утромъ состоялся въ университетѣ экзаменъ изъ философіи. Что это такое? Одни слова.

Вечеромъ у меня обыкновенная литературно-дружеская бесѣда — Чижовъ, Полѣновъ, Гебгартъ, М. Сорокинъ. Чижовъ читалъ свой переводъ исторіи литературы Галлама; Гебгартъ пробное сочиненіе для занятія мѣста начальника Отдѣленія по управленію духовными дѣлами.

21. Воскресенье. Прогулка по желѣзной дорогѣ въ Павловскъ, съ Струговщиковымъ и Андріяновымъ. Печальное происшествіе. Два вагона соскочили съ рельсъ между Павловскомъ и Царскимъ Селомъ. Три человѣка убиты и нѣсколько получили ушибы. Пассажиры въ страшномъ испугѣ. Мы избѣжали катастрофы потому, что раньше уѣхали изъ Павловска въ Царское Село и ожидали тамъ вагоновъ, чтобы ѣхать въ Петербургъ въ 12 часовъ ночи. Вмѣсто того прождали до пяти, пока паровая машина пришла изъ Петербурга. Домой пріѣхали около семи. Утромъ кое-кто заѣзжалъ узнать, цѣлъ ли я? Въ городѣ толкуютъ, что убитыхъ до 150-ти человѣкъ. Это, конечно, пустяки, но все-же событіе произведетъ непріятное впечатлѣніе на публику.

30. Утвержденъ въ званіи инспектора по части русской словесности въ Аудиторскомъ училищѣ.

Іюнь. Изъ пребыванія моего въ деревнѣ Т—кѣ въ Могилевской губерніи. 13-го іюня, во вторникъ, выѣхалъ я изъ Петербурга. Ѣхалъ на почтовыхъ довольно скоро, безъ насильственныхъ задержекъ на станціяхъ. Я радъ былъ, что видѣлъ опять открытое небо и широкій горизонтъ полей и лѣсовъ. Впрочемъ, небо здѣсь печальное и зелень блѣдная. Вездѣ песокъ и глина; въ деревняхъ тишина и неопрятность; города по пути жалкіе, за исключеніемъ Порхова, который имѣетъ довольно приличный видъ.

Въ воскресенье, 18-го, пріѣхалъ я въ Шкловъ; тамъ ожидали меня лошади изъ деревни, гдѣ уже съ января мѣсяца живетъ моя семья. Мѣстоположеніе деревни и господскаго дома красивое. Особенно хороша большая березовая роща и за ней широко раскинувшійся свѣжій лугъ, какъ роскошный коверъ, испещренный цвѣтами.

30. Я входилъ въ избы здѣшнихъ крестьянъ: что за нечистота и за бѣдность! Дѣти въ отрепьяхъ, грязныя; почти всѣ или страдаютъ болѣзнью глазъ, или съ вередами на лицахъ и на тѣлѣ. Лица взрослыхъ безжизненны и тупы, хотя увѣряютъ, будто они подъ этою маскою скрываютъ и умъ, и хитрость. Эти люди, повидимому, терпятъ крайнюю нужду и угнетеніе: о томъ свидѣтельствуютъ ихъ лица, движенія, одежда, или, вѣрнѣе, рубища, которыми они прикрыты ихъ жилища. Въ послѣднихъ, вмѣсто оконъ, щели съ грязными обломками стеклышекъ: въ тюрьмахъ больше свѣту. Глубочайшее невѣжество и суевѣріе гнѣздятся въ этихъ душныхъ логовищахъ. Религіозныя понятія здѣсь самыя первобытныя. Крестьяне и крестьянки, отправляясь въ церковь, говорятъ, что они «идутъ молиться богамъ и божкамъ».

Ко мнѣ явились молодой парень и дѣвушка. Они упали на ко-

лѣнп и, распростертые на полу, пытались цѣловать мои ноги. Озадаченный и въ негодованіи, я спросилъ:

— Что это значитъ? Чего они хотятъ отъ меня?

— Это женихъ и невѣста, отвѣчали мнѣ,—и таковъ здѣсь обычай.

А мой лакей-малороссіянинъ, съ оригинальнымъ малороссійскимъ юморомъ, прибавилъ:

— Видите, они явились предъ пана!

— Такъ что-же?

— Да видите, оно какъ-то страшно подходить къ господамъ.

— Почему-же?

— Да такъ: все кажется, что по ухамъ заѣдутъ.

Невольно подумалъ я: какую національную философію можно вывести изъ наблюденій надъ человѣкомъ въ Россіи—надъ русскимъ бытомъ, жизнью и природой? Изъ этого, пожалуй, выйдетъ философія полнаго отчаянія.

Я далъ жениху съ невѣстой по пяти рублей и просилъ ихъ больше такъ не кланяться.

— Довольна ли ты, что выходишь замужъ, спросилъ я, между прочимъ, у невѣсты.

— Нѣтъ, отвѣчала она.

— Почему-же?

— На волѣ жить лучше.

Это не дурно, подумалъ я, и спросилъ еще:

— Но зачѣмъ же ты идешь замужъ, если не хочешь?

— Господа велятъ!

Да, ихъ соединяютъ, какъ скотовъ, для приплода!

Іюль 2. Упоительный день. Я гулялъ въ моей любимой рощѣ и въ саду. Къ вечеру съ сѣверо-востока стала подниматься туча, мрачная, тяжелая, съ бѣгающими по ней огненными змѣйками. Западъ, между тѣмъ, оставался залитымъ послѣдними лучами заходящаго солнца: тамъ все было ясно, тихо и отрадно. Мягкій, благоухающій воздухъ ласково вѣялъ въ лицо, жаркимъ дыханіемъ охватывалъ цвѣты и деревья, которые въ сладкомъ томленіи стояли неподвижно. Ни шелеста, ни звука. Смолкли даже хлопотунъ-кузнечикъ и птичка-щебетунья. И для меня то была минута глубокаго, благоговѣйнаго восторга, какой всегда объемлетъ меня при близкомъ общеніи съ природой, особенно, когда та балуетъ насъ болѣе обыкновеннаго яркими проявленіями своей мощи и красоты.

Но, чу! На противуположномъ скатѣ холма, изъ деревушки, раздались голоса крестьянскихъ женщинъ: онѣ пѣли свадебныя пѣсни: то были подруги дѣвушки, которая съ женихомъ такъ усердно

кланялась мнѣ. Молодые люди сегодня обвѣнчались. И вдругъ, на эти пѣсни убогой радости, небо отвѣчало отдаленнымъ ропотомъ грома...

15. Приготовляюсь къ отъѣзду. По пріѣздѣ въ Петербургъ мнѣ предстоятъ для немедленной обработки:

1. Хрестоматія.
2. Курсъ словесности.
3. Записки для Смольнаго монастыря и для института.

Кромѣ того, на очереди:

1. Біографія Германа.
2. Статья о Марлинскомъ.
3. Статья о Пушкинѣ.

Нынѣшнія оффиціальныя мои занятія слѣдующія:

1. Университетъ—преподаваніе 6 часовъ.
2. Смольный монастырь—6 часовъ.
3. Екатерининскій институтъ—3 часа.
4. Аудиторское училище—инспекція по части русскаго языка.
5. Цензура.
6. Частные уроки: у министра Уварова $4^1/_2$ часа въ недѣлю.

— Составить планъ для изданія исторической русской Хрестоматіи. Пригласить къ участію въ этомъ трудѣ: Струговщикова, Андріанова, Полѣнова, Сорокина, Алимпіева и поискать еще людей.

26. Сегодня я пріѣхалъ въ Петербургъ. Въ Витебскѣ, гдѣ былъ проѣздомъ, познакомился съ прокуроромъ, Яковомъ Петровичемъ Рожновымъ. Онъ мнѣ показался человѣкомъ образованнымъ и благороднымъ. Много наслушался я тутъ любопытнаго объ управленіи этого края и особенно о генералъ-губернаторѣ Дьяковѣ. Нѣсколько лѣтъ уже онъ признанъ сумасшедшимъ и тѣмъ не менѣе ему поручена важная должность генералъ-губернатора надъ тремя губерніями. Каждый день его управленія знаменуется поступками крайне нелѣпыми, или пагубными для жителей. Утро онъ обыкновенно проводитъ на конюшнѣ или на голубятнѣ; онъ страстный любитель лошадей и голубей. Всегда вооруженъ плетью, которую употребляетъ для собственноручной расправы съ правымъ и виноватымъ. Одну беременную женщину онъ велѣлъ высѣчь на конюшнѣ за то, что она пришла къ его дворецкому требовать сто пятьдесятъ рублей за хлѣбъ, забранный у нея на эту сумму для генералъ-губернаторскаго дома. Портному велѣлъ отсчитать сто ударовъ плетью за то, что именно столько рублей былъ ему долженъ за платье. Объ этихъ происшествіяхъ и многихъ подобныхъ, говорятъ, было доносимо даже государю. Надняхъ Дьяковъ собственноручно прибилъ одну почтенную

даму, дворянку, за то, что та, обороняясь на улицѣ отъ генералъ-губернаторскихъ собакъ, одну изъ нихъ задѣла зонтикомъ. Она также послала жалобу государю.

Что-же послѣ этого и говорить объ управленіи края? Въ Могилевѣ тоже хорошо: генералъ-губернаторъ сумасшедшій, предсѣдатель гражданской палаты воръ, обокравшій богатую помѣщицу, у которой былъ управляющимъ (онъ же и камергеръ); предсѣдатель уголовной палаты убилъ человѣка, за что и находится подъ слѣдствіемъ.

Дорогой томилъ страшный зной. Въ Великолуцкомъ уѣздѣ много прекрасныхъ видовъ.

Въ провинціи, какъ и въ Петербургѣ, упорно держалась молва, что по случаю высокаго бракосочетанія на народъ будутъ излиты великія милости. Чиновники ожидали денежныхъ наградъ. Ничего, однако, не вышло изъ этихъ ожиданій, кромѣ двухъ манифестовъ: о рекрутскомъ наборѣ и о новой денежной системѣ.

Новая денежная система сводитъ всѣхъ съ ума. Никто не понимаетъ этихъ сложныхъ разсчетовъ. Неоспоримо только то, что всѣ сословія болѣе или менѣе теряютъ, по крайней мѣрѣ, при настоящемъ кризисѣ—и потому всѣ недовольны, всѣ ропщутъ. Хуже всѣхъ бѣднымъ чиновникамъ. Они получали жалованье ассигнаціями, что доставляло имъ лишнихъ рублей по семи на сто. А теперь имъ выдаютъ серебромъ, считая рубль по 3 р. 60 к., а въ публикѣ велятъ считать рубль по 3 р. 50 к. Между тѣмъ, какъ курсъ на монету понизился, съѣстные припасы остаются въ прежней цѣнѣ: каково это для бѣднаго класса, доходы котораго не увеличиваются.

Августъ 3. Пріемные экзамены въ университетѣ. Между экзаменующимися никого съ особенно выдающимися способностями. Ученики гимназіи вообще лучше подготовлены. Аристократы, хотя также плохо приготовлены, какъ и прежде, однако, приступаютъ къ экзамену съ бо́льшимъ страхомъ: и это ужъ не дурно.

Россіи необходимъ еще новый Петръ Великій. Первый Петръ Великій ее построилъ, второму надлежало бы ее устроить. Теперь въ ней все въ хаосѣ. Кто выведетъ ее изъ этого хаоса? Гдѣ могущественный, свѣтлый умъ, который раздѣлилъ бы стихіи и связалъ ихъ въ гармоническое цѣлое?

25. Въ цензурномъ уставѣ есть статья, въ силу которой книги нравственнаго содержанія, хотя бы основанныя на Св. Писаніи и подкрѣпленныя текстами изъ него, пропускаются свѣтскою цензурою; въ духовную же отсылаются только догматическія и церковно-историческія. Теперь мы получили отъ министра предписаніе, основанное на отношеніи св. синода, чтобы всѣ сочиненія «духовнаго содержанія,

въ какой бы то мѣрѣ ни было», отсылались въ духовную цензуру. Что это значитъ? Законъ, изданный самодержавною властью, отмѣняется оберъ-прокуроромъ синода? Но такія вещи не въ первый разъ случаются въ нашей администраціи. Въ настоящемъ случаѣ цензура въ большомъ затрудненіи. Рѣдкая журнальная статья не должна будетъ отсылаться въ духовную цензуру. Я просилъ князя Волхонскаго сдѣлать объ этомъ представленіе министру. Онъ сдѣлалъ уже. Мы спрашиваемъ: «Чему должно слѣдовать: новому распоряженію или высочайше утвержденному тексту цензуры»?

Сентябрь 8. Съ утра до 2-хъ часовъ ночи я занятъ исчерпываніемъ прилива текущихъ дѣлъ и должностныхъ заботъ.

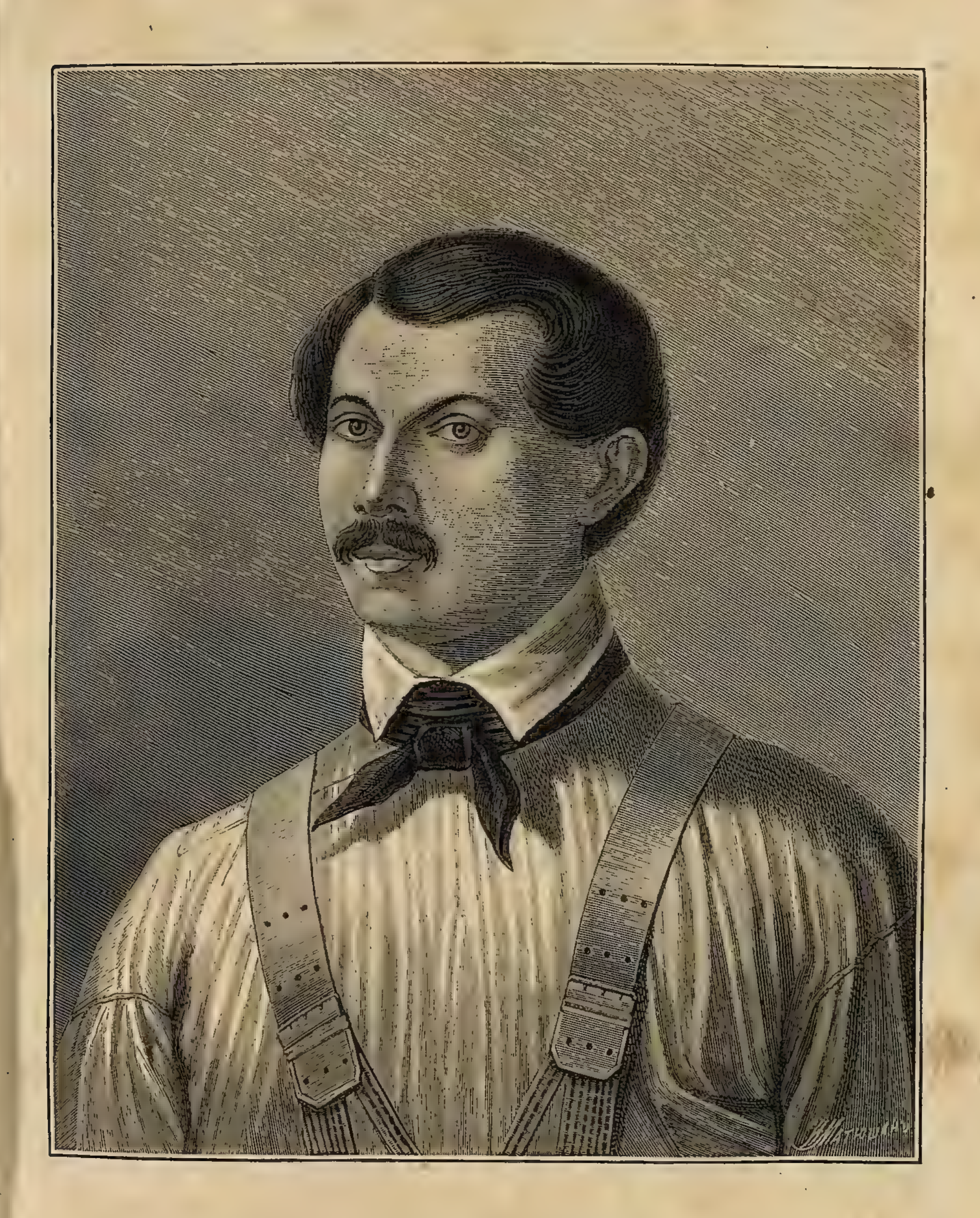
Все современное—мелочь, кромѣ возможности сдѣлать кому либо существенное добро.

Общій законъ для людей: быть средствами и орудіями для цѣлаго; одинъ только великій человѣкъ свободенъ и одинъ только онъ достоинъ свободы. Онъ служитъ цѣлому, какъ и всѣ, но это служеніе не порабощаетъ его. Онъ гражданинъ этого великаго цѣлаго, а не рабъ.

Отдѣлить все истинно человѣческое отъ ложнаго, лицемѣрнаго, преходящаго—вотъ главное дѣло. Должно всегда и во всемъ уважать первое—второе ничего не значитъ.

25. Вчера былъ на похоронахъ г-жи Адлербергъ, начальницы Смольнаго монастыря, кавалерственной статсъ-дамы и проч. Тутъ былъ и государь, который проводилъ тѣло до перваго переулка по улицѣ, ведущей къ Таврическому саду. Я съ другими несъ гробъ до похоронной колесницы и жестоко отдавилъ себѣ руку. Народу было множество. Я шелъ за гробомъ до Итальянской, а тамъ повернулъ домой.

Г-жа Адлербергъ розыграла длинную роль и сошла со сцены жизни великолѣпно и торжественно. Какъ же судятъ зрители объ ея игрѣ? Говорятъ, что она была почтенная женщина. Но никто не говоритъ о ней съ тѣмъ жаромъ, съ какимъ поминаютъ людей, сдѣлавшихъ въ жизни или много добра, или много зла. Въ данномъ случаѣ всѣ сохраняютъ какое-то нейтральное спокойствіе духа. Такова точно была и она сама. Въ теченіе своей долгой жизни и своего могущества она никому не сдѣлала зла, но не сдѣлала также и добра. Она могла бы, напримѣръ, однимъ почеркомъ пера дать новые штаты Смольному монастырю и тѣмъ оказать большую услугу заведенію, которымъ управляла. Ей не разъ о томъ докладывали. Но она этого не сдѣлала, боясь быть «докучливою» при дворѣ. Таковы, впрочемъ, всѣ царедворцы. Для нихъ приличіе составляетъ высочайшій нравственный законъ. Они думаютъ, что уже много дѣлаютъ,



Александръ Бестужевъ

род. 1797 † 1837 г.

[МАРЛИНСКІЙ]

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 29 ДЕКАБРЯ 1887 г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

если не дѣлаютъ зла. Впрочемъ, они правы: и то хорошо. Личныя мои отношенія съ покойной были хороши. Она еще за недѣлю до смерти присутствовала на моей лекціи и выражала свое удовольствіе по поводу успѣховъ дѣвицъ.

26. Былъ у графа Клейнмихеля. Онъ отнесся ко мнѣ привѣтливо и благодарилъ за замѣчанія мои на его проектъ о преобразованіи Аудиторскаго училища. Между тѣмъ, замѣчанія написаны мною довольно рѣзко.

Ноябрь 2. Смирдинъ беретъ на себя отъ Греча изданіе «Сына Отечества». Онъ проситъ меня быть отвѣтственнымъ редакторомъ. Я согласился. Дѣло пошло уже къ министру.

24. Освященіе церкви въ Екатерининскомъ институтѣ. Былъ приготовленъ великолѣпный завтракъ, отъ котораго я уѣхалъ въ Земледѣльческое училище, къ директору Байкову. Меня тамъ всегда такъ радушно принимаютъ, а самое заведеніе такъ любопытно, что я всегда съ удовольствіемъ ѣзжу туда. И нынче я былъ въ классахъ: мужички оказываютъ прекрасные успѣхи. Вообще земледѣльческое училище чуть ли не единственное въ Россіи, гдѣ образованіе вполнѣ соразмѣрено съ будущностью и съ нуждами учащихся. Все тутъ простое, русское, крестьянское, только въ облагоображенномъ видѣ. Это заведеніе—созданіе Байкова. Безъ него тутъ ничего не сдѣлали бы, или сдѣлали бы что-нибудь нѣмецкое или англійское. Помощникъ директора, Бурнашевъ, тоже отлично дѣлаетъ свое дѣло.

Бѣда, когда умъ есть только стремленіе, а не сила. Въ самомъ дѣлѣ, есть умы только стремящіеся и есть умы дѣйствующіе. Одни захватываютъ себѣ огромное поле, которое не въ состояніи воздѣлывать; другіе довольствуются небольшимъ участкомъ, но разрабатываютъ его со всѣхъ сторонъ. Первые, со своею гордостью, похожи на завоевателей обширныхъ пустынь, которыя, ничего не производя, никому не нужны, вторые подобны мудрымъ правителямъ укромныхъ уголковъ земли, гдѣ царствуютъ изобиліе, порядокъ и благоденствіе.

Декабрь 8. Сегодня я заключилъ условіе со Смирдинымъ. Въ мое вѣдѣніе поступаетъ половина «Сына Отечества», т. е. отдѣлы: науки, искусства, иностранной и русской литературы. Критика, библіографія, политика и смѣсь остаются въ рукахъ Полеваго. Сверхъ того, я отвѣтственный редакторъ передъ правительствомъ за все изданіе. Вознагражденіе намъ по 7,500 р. въ годъ, каждому.

Плата за статьи назначается по 200 рублей за листъ оригинальный и по 75 рублей за переводный. Эту плату сотрудники получаютъ отъ Смирдина немедленно по напечатаніи ихъ статей.

10. Я былъ у министра, чтобы испросить его согласіе на званіе

отвѣтственнаго редактора «Сына Отечества». Онъ изъявилъ опасеніе, чтобы это не отвлекло меня отъ университета. Въ заключеніе онъ сказалъ, что не находитъ къ тому препятствій.

25. Институтка, пріятельница моей жены, умненькая, хорошенькая Е. И. Ш., до сихъ поръ очень бѣдная и жившая въ гувернанткахъ, вдругъ сдѣлалась обладательницею полумилліона. Она выиграла въ польскую лотерею 900,000 злотыхъ. Вчера она была у насъ: богатство пока не измѣнило ее: она попрежнему проста, мила, точно не подозрѣваетъ, какимъ могуществомъ вдругъ подарила ее судьба. Между тѣмъ весь городъ толкуетъ о ней. Императрица пожелала видѣть ее.

26. Я утвержденъ отвѣтственнымъ редакторомъ «Сына Отечества». Вотъ моя программа: 1) говорить съ достоинствомъ объ отечественныхъ предметахъ, по возможности, откровенно, но безъ нахальства; 2) съ уваженіемъ о западѣ; 3) развивать нравственныя начала въ обществѣ и уваженіе къ человѣческому достоинству, вопреки господству животныхъ, матеріальныхъ стремленій; 4) внушать, что справедливость и мужество суть главныя опоры нравственнаго порядка вещей.

29. Сегодня у Греча я былъ свидѣтелемъ постыднаго заговора противъ редактора «Отечественныхъ Записокъ» Краевскаго. Краевскій или князь (Влад. Ѳедоровичъ) Одоевскій напечаталъ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» разборъ лекцій Греча, конечно, неблагосклонный. Это возмездіе за пораженія, какія Гречъ наноситъ въ своихъ лекціяхъ языку «Отечественныхъ Записокъ». Теперь Гречъ вознамѣрился отмстить Краевскому уже не словомъ, а дѣломъ. Послѣдній долженъ типографщику Фишеру за печатаніе «Литературныхъ Прибавленій» 3,000 рублей и не имѣетъ возможности скоро заплатить ему эти деньги. Гречъ научилъ Фишера подать просьбу въ почтамтъ, чтобы тамъ задерживали деньги, присылаемыя на подписку въ редакцію «Литературныхъ Прибавленій», и самъ вызвался помочь ему въ этомъ своими связями. Объ этомъ-то происходило совѣщаніе между Гречемъ, Фишеромъ и еще третьимъ лицомъ. Я нечаянно очутился тутъ же. Гречъ клялся, что онъ погубитъ «Отечественныя Записки» и «Литературныя Прибавленія». И дѣйствительно, если у редактора остановить на почтѣ подписныя деньги, которыхъ у него вообще не много, ему не на что будетъ печатать журнала въ слѣдующемъ году. Благодушный совѣтъ этого именно и добивается. Я съ отвращеніемъ слушалъ всѣ эти мерзости и негодовалъ на Греча, а еще болѣе на другихъ, которые вызывались быть его орудіемъ. Вотъ руководители нашего общества на поприщѣ

умственныхъ подвиговъ! Вотъ ревнители о нашемъ убогомъ просвѣщеніи!

1840 годъ.

Январь 2. Новый годъ встрѣченъ не дурно. Вечеромъ у меня собрались нѣсколько монастырокъ, между которыми Скворцова блистала звѣздой первой величины, и друзья мои: Гебгартъ, Полѣновъ, Чижовъ и другіе. Всѣ были одушевлены и какъ-то особенно хорошо настроены. Утромъ 1-го января обычные визиты, а вечеромъ балъ въ Смольномъ монастырѣ. Тамъ начальница, Марья Павловна Леонтьева, представляла меня принцу Ольденбургскому, а мои милыя ученицы осыпали меня изъявленіями своего расположенія. Онѣ мнѣ пѣли «многія лѣта» и за ужиномъ нѣсколько разъ пили за мое здоровье.

6. Въ качествѣ отвѣтственнаго редактора «Сына Отечества» я имѣлъ непріятное столкновеніе съ Полевымъ. Онъ прислалъ нѣсколько статей, безъ подписи своего имени, и тѣмъ самымъ какъ бы дѣлалъ меня отвѣтственнымъ за нихъ передъ публикой. Между тѣмъ я не согласенъ со многимъ, что въ нихъ заключается, и предложилъ нѣкоторыя измѣненія. Полевой разсердился. У насъ идутъ объясненія пока письменныя, а завтра будутъ и словесныя. Я обязанъ и передъ публикой, и передъ самимъ собой никогда ни въ какомъ случаѣ не измѣнять своимъ убѣжденіямъ.

8. Съ Полевымъ у насъ окончилось мирно. Мы объяснились и пришли къ полюбовной сдѣлкѣ. Я не мѣшаюсь въ его статьи, когда тѣ скрѣплены его именемъ, а для моего обезпеченія въ «Сѣверной Пчелѣ» будетъ напечатано заявленіе, что всѣ статьи въ ней, по части библіографіи, критики и смѣси, обработываются Полевымъ.

10. Сегодня, какъ и вчера, какъ и часто просидѣлъ большую часть ночи за литературною работой. Днемъ меня поглощаетъ служба и всякаго рода мелкія заботы. Чувствую сильное утомленіе и упадокъ духа. И то, и другое особенно сильно сказалось сегодня на вечерѣ у Порошина, куда собрались многіе изъ моихъ университетскихъ товарищей. Всѣ они пожали сокровища знанія, каждый на своей нивѣ, удобренной собственнымъ потомъ, и могутъ предлагать людямъ то, что имъ дорого и полезно, хотя бы то были только призраки добра и правды. А я—что я такое и что могу предложить людямъ за право жить съ ними?..

Февраль 24. Все это время жилось вяло и хило, а слѣдова-

тельно и безполезно. Узналъ печальную новость. Въ университетѣ былъ студентъ, князь Лобановъ-Ростовскій, одинъ изъ прекраснѣйшихъ юношей по уму и характеру. Нѣсколько времени тому назадъ онъ застрѣлился. Причины еще неизвѣстны.

26. Мнѣ лучше. Я еще не могъ читать лекціи, но ѣздилъ къ Жуковскому, который на будущей недѣлѣ отправляется съ Наслѣдникомъ за границу и просилъ меня побывать у него поскорѣе. Онъ отдалъ мнѣ на цензуру сочиненія Пушкина, которыя должны служить дополненіемъ къ изданнымъ уже семи томамъ. Этихъ новыхъ сочиненій три тома. Многія стихотворенія уже были напечатаны въ «Современникѣ». Жуковскій проситъ просмотрѣть все это къ субботѣ. Тяжелая работа! Но надо ее исполнить.

— Я слышалъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ Жуковскій,—что вы намѣрены писать характеристики русскихъ поэтовъ: это хорошее дѣло. Я готовъ помочь вамъ матеріаломъ.

Я поблагодарилъ и дѣйствительно намѣренъ воспользоваться его предложеніемъ. Жуковскій просилъ прислать ему то, что я уже написалъ о немъ.

28. Опять былъ у Василія Андреевича. Засталъ его больнымъ. Разговоръ о литературѣ. Онъ прочелъ мою характеристику Батюшкова и очень хвалилъ ее.

— Вы успѣли сжато и мѣтко выразить въ ней всю суть поэзіи Батюшкова, сказалъ онъ.

Потомъ Жуковскій жаловался на «Отечественныя Записки», которыя превозносятъ его до небесъ, но такъ неловко, что это уже становится не лестнымъ.

— Странно, прибавилъ онъ,—что меня многіе считаютъ поэтомъ унынія, между тѣмъ какъ я очень склоненъ къ веселости, шутливости и даже каррикатурѣ.

Еще много говорилъ о торговомъ направленіи нашей литературы и прибавилъ въ заключеніе:

— Слава Богу, я никогда не былъ литераторомъ по профессіи, а писалъ только потому, что писалось!

Полевой забралъ у Смирдина деньги впередъ за нынѣшній годъ (по «Сыну Отечества»), а не выпустилъ еще двухъ книжекъ журнала за прошлый годъ. Кромѣ того, онъ задерживаетъ выдачу собственныхъ статей на нынѣшній годъ. Отъ этого журналъ не выходитъ въ положенные сроки, публика ропщетъ и подписка идетъ не такъ успѣшно, какъ можно было бы ожидать. Теперь онъ уѣхалъ въ Москву, не оставивъ статей, необходимыхъ для 4-й и 5-й книжекъ.

Мартъ 28. Былъ у меня Полевой. Онъ безпрестанно отстаетъ

со статьями для «Сына Отечества» и журналъ отъ того не выходитъ въ срокъ. Но врядъ ли его можно за то сильно винить. Онъ жалуется на болѣзненное состояніе и говоритъ, что предчувствуетъ свое скорое разрушеніе. И дѣйствительно, онъ такъ ветхъ, что кажется готовъ упасть отъ перваго дуновенія вѣтра. Ну, какъ станешь его понуждать?

Сегодня былъ актъ въ университетѣ. Профессоръ Шульгинъ читалъ черезъ-чуръ длинный отчетъ, а профессоръ Шнейдеръ латинскую рѣчь. Онъ горячился, декламировалъ, обращался къ публикѣ, но втунѣ: никто его не понималъ. Послѣ акта новый ректоръ Плетневъ пригласилъ насъ на завтракъ.

27. Очередное собраніе новой генераціи профессоровъ у Ивановскаго. Я возсталъ противъ устройства нашихъ актовъ, которые, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать сближенію нашему съ публикой, отвращаютъ ее отъ насъ латинскими рѣчами и непомѣрно длинными сухими отчетами. Всѣ товарищи были за меня, исключая Михайлы Куторги, который утверждалъ, что, сближаясь съ публикой, мы унижаемъ достоинство науки.

Май 7. Вечеръ или, лучше сказать, ночь у Струговщикова. Игралъ на фортепіано знаменитый Дрейшокъ. Удивительный талантъ! Энергія, пламя, мощь, деспотическая власть надъ инструментомъ—все это доведено до совершенства. Меня, между прочимъ, очаровала благородная простота его наружности и обращенія. Онъ еще очень молодъ: ему 22 или 23 года. Превосходно игралъ также на скрипкѣ его товарищъ Штеръ.

Послѣ ужина Глинка пѣлъ отрывки изъ своей новой оперы: «Русланъ и Людмила». Что за очарованіе! Глинка истинный поэтъ и художникъ.

Кукольникъ распоряжался питьемъ, не кладя охулки на свою собственную жажду. Онъ съ удивительной ловкостью и быстротой осушалъ бокалы шампанскаго. Но ему не уступалъ въ этомъ и Глинка, котораго необходимо одушевлять, и затѣмъ поддерживать въ немъ одушевленіе шампанскимъ. За то, говорятъ, онъ не пьетъ никакого другаго вина.

9. Вечеръ у Маркевича, автора малороссійскихъ мелодій, малороссійской исторіи, которая скоро будетъ печататься, и издателя малороссійскихъ пѣсенъ. Тутъ было много всякаго народу. Сенковскій явился какъ разъ въ то время, когда въ гостиной были уже на лицо Гречъ, Булгаринъ и Полевой. Онъ затрепеталъ отъ негодованія.

— Хорошъ, однако, Маркевичъ! сказалъ онъ мнѣ.—Приглашая

меня, онъ обѣщался, что у него не будетъ ни Греча, ни Булгарина, ни Полеваго, а между тѣмъ они всѣ здѣсь!

Онъ тотчасъ же уѣхалъ.

За ужиномъ вино лилось рѣкой. Опять игралъ Дрейшокъ и пѣлъ Глинка. Былъ тутъ и Серве, который, однако, не игралъ, не смотря на усиленныя просьбы. Наружность его привлекательна, а обращенiе непринужденное, чисто французское.

10. Полевой, наконецъ, рѣшился отказаться отъ участiя въ редакцiи «Сына Отечества». Въ самомъ дѣлѣ, это необходимо. Мы съ нимъ не сходимся во взглядахъ на многое. У него есть литературные враги. Мои же враги, если такiе есть—идеи, а не лица. Отъ того онъ постоянно порывается браниться, а я долженъ его удерживать. Сверхъ того, Полевой такъ медленно работаетъ для журнала, что тотъ уже совсѣмъ выбился изъ обѣщанныхъ сроковъ. Публика ропщетъ, журналъ теряетъ репутацiю.

11. Сегодня состоялось у меня совѣщанiе съ Полевымъ и Смирдинымъ. Полевой окончательно отказывается отъ участiя въ редакцiи журнала («Сынъ Отечества»), который съ девятой книжки уже весь сосредоточивается въ моихъ рукахъ. Но въ уплату за взятыя впередъ у Смирдина деньги Полевой будетъ присылать въ журналъ статьи. Мое вознагражденiе теперь должно было бы увеличиться на сумму, до сихъ поръ причитавшуюся моему соредактору, Полевому, то есть съ 7,500 рублей (ассигнацiями) возрости до 15,000 р. (ассигнацiями). Но при нынѣшнихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ Смирдина я не хочу обременять его и сказалъ ему, что буду довольствоваться своимъ прежнимъ половиннымъ вознагражденiемъ. Но за то Смирдинъ мнѣ торжественно обязался непремѣнно обезпечить плату моимъ сотрудникамъ: она не превыситъ пяти тысячъ рублей. Я приглашаю въ сотрудники по части смѣси и политики: Барановскаго, Сорокина и Гебгарта, насколько разсѣянная жизнь и возня съ женщинами позволятъ послѣднему примѣнить къ дѣлу свои блестящiя способности. Жаль мнѣ моего остроумнаго, даровитаго Гебгарта. Онъ топитъ себя въ житейскихъ мелочахъ; онъ гибнетъ между Сциллой и Харибдою, то есть между канцелярской службой и недостойными своего ума и сердца развлеченiями. Онъ отдается послѣднимъ, насколько можетъ украсть себя отъ службы. Отъ того внутреннее управленiе, экономiя души его въ плохомъ состоянiи. Нравственныя силы его не питаются и не укрѣпляются производительнымъ трудомъ, а тратятся на игру въ пустяки, на мелочныя тревоги, издерживаются на сплетни, которыя неизбѣжно сопутствуютъ всякаго, кто слишкомъ отдается свѣту, людямъ и страстямъ своимъ. Но что-же дѣлать? Всякiй бываетъ

только тѣмъ, чѣмъ можетъ быть. И возвышать человѣка не должно насильно. Онъ въ заключеніе все-таки непремѣнно упадетъ, но, падая съ высоты, искалечится хуже, чѣмъ спотыкаясь на низменныхъ мѣстахъ. Кто не способенъ самъ, по собственному почину, идти по пути, отличному отъ путей массы и толпы, того не толкайте впередъ: вы сдѣлаете ему зло.

28. По условію Полевой долженъ приготовить къ выходу восьмую книжку «Сына Отечества». Но онъ работаетъ очень медленно. Трудно и подстрекать его: онъ и боленъ и отягощенъ разными заботами.

Самый обширный умъ—тотъ, который умѣетъ примѣниться къ тѣснотѣ своего положенія и ясно видитъ все добро, которое можетъ тамъ сдѣлать.

Іюнь 25. Редакція журнала поглощаетъ много моего времени и моихъ силъ, но мало вознаграждаетъ меня. Вотъ и теперь я поставленъ въ крайне затруднительное денежное положеніе. Смирдинъ уѣхалъ въ Москву, не заплативъ мнѣ ни копѣйки, хотя обѣщалъ совсѣмъ расплатиться со мной передъ отъѣздомъ. А журналъ между тѣмъ весь на моихъ рукахъ.

Іюль 11. Со мной обыкновенно ночуетъ на дачѣ мой сотрудникъ по журналу, Викторъ Ивановичъ Барановскій. Мы съ нимъ усердно работаемъ и онъ мнѣ чрезвычайно полезенъ: составляетъ смѣсь, политику, кромѣ того, переводитъ разныя статьи по моему указанію. Все это онъ дѣлаетъ умно, скоро, аккуратно. И по-русски пишетъ хорошо, то есть правильно и легко.

Къ сожалѣнію, Викторъ Ивановичъ одинъ изъ тѣхъ людей, которымъ предназначено стоять одиноко и вообще быть мало оцѣненными. Это человѣкъ очень умный и съ оригинальнымъ взглядомъ на вещи. Его философскія идеи, которыя онъ систематически излагаетъ на бумагѣ—онъ уже много написалъ—поражаютъ смѣлостью. Онъ много читалъ, учился, много думалъ и наблюдалъ. Честенъ и благороденъ, но упрямъ, какъ малороссійскій волъ. Защищаетъ свои мнѣнія и положенія съ упорствомъ фанатика, вѣрующаго въ непогрѣшимость своихъ основныхъ началъ. Думаю, однако, что онъ во многомъ правъ.

27. Въ типографіи бумаги нѣтъ: веди тутъ журналъ, какъ хочешь Наконецъ, пріѣхалъ Смирдинъ изъ Москвы. Я съ нимъ говорилъ. Онъ обѣщался, что впредь остановки не будетъ. Надо надѣяться!

Августъ 1. Вотъ уже и пріемные экзамены въ университетѣ начались. Одна изъ самыхъ тяжелыхъ для меня обязанностей. Мало молодыхъ людей, которые были бы хорошо приготовлены.

8. У меня обѣдалъ Брюловъ, знаменитый творецъ «Послѣдняго дня Помпеи». Собралось еще человѣка два-три и нѣсколько дамъ

изъ Смольнаго монастыря. Мы хорошо провели время за обѣдомъ, подъ открытымъ небомъ, въ моемъ крохотномъ садикѣ, подъ березками, рядомъ съ кустами крыжовника.

Брюловъ, кромѣ таланта, одаренъ также умомъ. Онъ не отличается гибкостью и особенной прелестью обращенія, однако, не лишенъ живости и пріятности. Онъ лѣтъ пятнадцать прожилъ въ Европѣ и теперь не особенно доволенъ, кажется, своимъ пребываніемъ въ Россіи. Это, пожалуй, и не мудрено. У насъ не очень-то умѣютъ чтить талантъ. Вотъ хоть бы и сегодня. Мы гуляли въ Беклешовомъ саду. Одинъ мнѣ знакомый дѣйствительный статскій совѣтникъ отзываетъ меня въ сторону и говоритъ:

— Это Брюловъ съ вами? Радъ, что вижу его, я еще никогда не видалъ его. Замѣчательный, замѣчательный человѣкъ! А скажите, пожалуйста, вѣдь онъ вѣрно пьяница: они всѣ таковы эти артисты и художники!

Вотъ какое сложилось у насъ мнѣніе о «замѣчательныхъ людяхъ».

Брюловъ уѣхалъ поздно вечеромъ. За обѣдомъ онъ любовался моей женой.

— Чудесная голова, говорилъ онъ,—такъ и просится подъ кисть художника. Покончу съ «Осадой Пскова» и стану просить вашу супругу посидѣть для портрета.

Ноябрь 15. Часто говорятъ: «авторъ вложилъ въ основу такого-то произведенія глубокую мысль». Но что въ томъ, если зданіе, построенное на этой идеѣ, не соотвѣтствуетъ ей, если величіе ея не осуществилось ни въ размѣрахъ, ни въ отдѣлкѣ этого зданія? Я не хочу, чтобы на зданіи была надпись: это храмъ. Я хочу угадать его безъ надписи, по величію стиля.

20. У меня былъ Кольцовъ, нѣкогда добрый, умный, простодушный Кольцовъ, авторъ прекрасныхъ по своей простотѣ и задушевности стихотвореній. Къ несчастію, онъ сблизился съ редакторомъ и главнымъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ»: они его развратили (?!). Бѣдный Кольцовъ началъ бредить субъектами и объектами и путаться въ отвлеченностяхъ Гегелевской философіи. Онъ до того зарапортовался у меня, что мнѣ стало больно и грустно за него. Неученый и неопытный, безъ оружія противъ школьныхъ мудрствованій своихъ «покровителей», онъ, пройдя сквозь ихъ руки, утратилъ свое драгоцѣннѣйшее богатство: простое, искреннее чувство и здравый смыслъ. Владиміръ Строевъ, который также былъ у меня, даже заподозрилъ его въ нетрезвости и освѣдомился, часто ли онъ бываетъ такимъ? А скромный, молчаливый Бенедиктовъ только пожималъ плечами.

Всякая идея сама по себѣ есть отвлеченное представленіе: ее нельзя анализировать и потому она въ художественномъ произведеніи не даетъ ничего, кромѣ общихъ мѣстъ. Необходимо видѣть ее раскрывающеюся въ какомъ нибудь фактѣ: тутъ возможность анализа, а слѣдовательно и оживленія. Что такое идея человѣка, какъ не безконечное, отвлеченное представленіе? Посмотрите же, какъ эта идея выражается въ одномъ, въ другомъ недѣлимомъ, и вы изумитесь разнообразію и богатству явленій, которыя можно слагать уже въ какіе угодно образы. Вотъ почему незнаніе природы и жизни производитъ въ искусствѣ одни общія мѣста.

20. Едва возвратился князь М. А. Дондуковъ-Корсаковъ, нашъ попечитель (онъ провелъ восемь мѣсяцевъ за границею), какъ въ университетѣ начались уже такъ называемыя «исторіи». Онъ сказалъ рѣчь студентамъ, въ которой приглашалъ ихъ «во всемъ прямо и непосредственно къ нему относиться» и завѣрялъ ихъ, что онъ «всегдашній ихъ защитникъ». Студенты вообразили, что они могутъ не слушаться инспектора и оскорблять профессоровъ. На другой же или на третій день послѣ рѣчи попечителя, Куторга младшій читалъ свою лекцію изъ исторіи. Какой-то студентъ, недовольный тѣмъ, что Куторга далъ ему дурныя отмѣтки на экзаменѣ, началъ шумѣть въ аудиторіи и смѣяться. Куторга ему замѣтилъ: «Вы ведете себя неприлично» «Я веду себя такъ, отвѣчалъ студентъ,—какъ вы того заслуживаете», и принялся обвинять Куторгу въ противонаціональномъ направленіи его лекцій. Черезъ день Куторгѣ уже совсѣмъ не дали читать лекціи: одни свистѣли, другіе апплодировали: профессоръ принужденъ былъ удалиться съ каѳедры. И это не единичный случай: нѣчто подобное было уже и съ другими. Чтобы не пришлось студентамъ за то поплатиться. Но кто главный виновникъ этого?

Уже недѣли двѣ у насъ съ Сенковскимъ идутъ переговоры о «Сынѣ Отечества». Смирдинъ ему уступаетъ этотъ журналъ во временное владѣніе, и хорошо дѣлаетъ, потому что на слѣдующій годъ онъ уже не былъ бы въ состояніи издавать его. Сенковскій же вполнѣ способенъ вести журнальное дѣло. Онъ предложилъ мнѣ попрежнему оставаться редакторомъ «Сына Отечества», съ правомъ самостоятельно распоряжаться его направленіемъ. Я, хотя неохотно, согласился и еще не увѣренъ, что полажу съ Осипомъ Ивановичемъ. Онъ прислалъ мнѣ проектъ объявленія, въ которомъ роль редактора является вовсе не такою, какъ было обѣщано. Я въ длинномъ письмѣ написалъ ему, что на такихъ условіяхъ отказываюсь отъ редакторства. Сегодня я заѣзжалъ къ нему для окончательныхъ объясненій, но не засталъ его дома.

Декабрь 5. Мы, наконецъ, поладили съ Сенковскимъ. Положено сказать въ объявленіи, что я буду независимымъ редакторомъ во всемъ, что касается литературнаго направленія журнала.

Я заваленъ работою. Надо додать остальныя книжки «Сына Отечества», а ихъ шесть. Четыре типографіи заняты печатаніемъ ихъ. Ложусь спать въ три часа ночи, встаю около семи.

10. Работаю какъ паровая машина. Печатаніе «Сына Отечества» идетъ успѣшно. Мнѣ то и дѣло приходится слышать упреки за то, что я такъ хлопочу по дѣламъ Смирдина, когда онъ ужъ во всякомъ случаѣ обреченъ раззоренію и когда надежда на выгоды отъ него становится все ничтожнѣе. Никто и знать не хочетъ, что Смирдинъ честный человѣкъ и что онъ жертва своего довѣрія къ недобросовѣстнымъ литераторамъ. Пусть, сколько хотятъ, корятъ меня за неблагоразуміе. Правда, я врядъ ли и половину получу изъ того, что мнѣ слѣдуетъ отъ Смирдина за мои труды: до сихъ поръ я получилъ всего 500 рублей, вмѣсто должныхъ мнѣ десяти тысячъ. Но по крайней мѣрѣ у меня на совѣсти не будетъ упрека, что и я тоже содѣйствовалъ гибели его и его дѣла.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько мерзостей совершается въ нашей литературѣ! Какое самохвальство въ журналистикѣ! Если это тактика со стороны ея, то неужели она достигаетъ цѣли? Истинная сила не нуждается ни въ какой тактикѣ: она горда и презираетъ ухищренія. Ея вліянія нельзя не признать, ибо оно чувствуется.

А. В. Никитенко.

Сообщ. С. А. Никитенко

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОСИПЪ МАКСИМОВИЧЪ БОДЯНСКІЙ

въ его дневникѣ 1849—1852 гг.

III [1]).

3-го іюня (1850 г.). Отправился къ А. Н. Попову поразспросить кой о чемъ въ Петербургѣ касательно университета и узналъ, что Блудовъ изготовляетъ проектъ о преобразованіи преподаванія въ университетахъ, по которому предметы въ факультетахъ будутъ расположены по группамъ, такъ что студентъ, выдержавъ испытаніе въ университетѣ, обязанъ объявить, по какой группѣ онъ хочетъ черезъ четыре года держать испытаніе на ученую степень (съ которою не соединенъ будетъ никакой чинъ, но только право на извѣстное мѣсто) и потому долженъ въ это время выслушать ихъ. Завѣдываніе въ гимназіяхъ и училищахъ снова подчинится университетскому совѣту, а званіе помощника попечителя уничтожится, также, въ противномъ случаѣ, ректора. Слышно, что Норовъ (Авраамъ Сергѣевичъ), товарищъ министра народнаго просвѣщенія, писалъ къ кому-то объ уничтоженіи числа 300 [2]) (см. выше). Министръ просвѣщенія—превосходный начальникъ департамента, не очень уважался своимъ предшественникомъ. Служа ему справочнымъ мѣстомъ для всѣхъ постановленій по вѣдомству народнаго просвѣщенія, опредѣленъ государемъ по личному усмотрѣнію въ товарищи, благородный, добрый, благонамѣренный, но недалекій, неученый и съ мистическимъ направленіемъ.

Хомяковъ говоритъ, что онъ года полтора назадъ изобрѣлъ было какую-то машину для паровозовъ, но послѣ узналъ, что въ одно съ нимъ

---

[1]) См. «Русская Старина» изд. 1888 г., т. LX, ноябрь, стр. 394—416.

[2]) То есть объ отмѣнѣ ограниченія числомъ 300-тъ студентовъ въ университетахъ. Ред.

время то-же выдумалъ и какой-то англичанинъ, съ пустыми измѣненіями. Черезъ (нѣкоторое время?) Хомяковъ выдумалъ новую и хочетъ взять привилегію на нее въ Англіи, тутъ же онъ принялся адъюнктъ-профессору московскаго университета Ершову объяснять ее по модели, тотчасъ принесенной. «За этой привиллегіею я прошу съѣздить (сказалъ Хомяковъ) на мой счетъ и завтра же посылаю вексель на то общаго пріятеля нашего К. А. Коссовича, который между тѣмъ сблизится тамъ и по своему предмету, съ санскритистами. Онъ тамъ проведетъ годъ на моемъ иждивеніи».

Видѣлъ у него же (Попова): «О скопческой ереси», въ четвертку, напечатана по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, въ С.-Петербургѣ, 1845 г., въ числѣ 14 экземпляровъ, сочиненіе Н. И. Надеждина, занимающагося при министерствѣ этомъ составленіемъ исторіи о расколахъ и ересяхъ на Руси. Экземпляръ этотъ, кажется, принадлежалъ великой княгинѣ М. Н. со многими рисунками на концѣ. Также видѣлъ дѣло объ Артеміи Волынскомъ, писанное. Изъ него Краевскій многое напечаталъ... И то и другое обѣщалъ А. Н. Поповъ прислать мнѣ для прочета на время отъѣзда своего въ Рязань (до 4 іюля)

Баронъ Модестъ Корфъ, директоръ императорской публичной библіотеки, намѣреваетъ составить изъ двойниковъ ея также библіотеку и въ Москвѣ, публичную, городскую; затрудняется только помѣщеніемъ. Поповъ предложилъ ему мысль обратиться о томъ къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая, вѣроятно, уступитъ на библіотеку свой остоженскій дворецъ, а послѣ можно было бы перевести ее и поближе къ средѣ города. Я повторилъ давнишнюю свою мысль при семъ, чтобы въ такой библіотекѣ помѣстить, отдѣльно каждую, и библіотеки рукописей духовныхъ вѣдомствъ въ Москвѣ, напр., синодальную (прежде патріаршую), типографскую, Чудова монастыря, Успенскаго собора, Архангельскаго собора и т. п., что, конечно, было бы превосходно и очень возможно. Одно только тутъ неловко: современемъ эти библіотеки не пощадятъ и сольютъ въ одно цѣлое. У насъ пока еще не понимаютъ важности значенія отдѣльныхъ библіотекъ, въ одномъ зданіи и т. п.

5-го іюня. Былъ у меня полковникъ Александръ Петровичъ Кузьминскій, малороссіянинъ, изъ Черниговской губерніи, проѣздомъ изъ Воронежской, куда ѣздилъ въ имѣньице своей матери. Съ нимъ я познакомился въ Грефенбергѣ, въ 1842 г., и провелъ вмѣстѣ полгода, попивая холодную водицу, «съ тѣхъ поръ я ни разу, сказалъ онъ мнѣ, не шутя, не болѣлъ и какъ только что почувствую, тотчасъ за воду; даже отъ холеры водою избавился, приказавъ, послѣ первыхъ рвотъ,

завертывать себя въ холодныя мокрыя простыни въ продолженіи двухъ дней по грефенбергски и теперь попиваю-таки водицу, гуляю и купаюсь всякій день лѣтомъ въ Невѣ». И правду сказать, молодецъ, красивъ, здоровъ и веселъ. Я его совсѣмъ не узналъ. Въ разговорѣ ($2^1/_2$ часа) сообщилъ онъ мнѣ, что Норовъ, человѣкъ благороднѣйшій, не былъ никогда близокъ съ Шихматовымъ и, въ одинъ день, получивъ отъ него записку о назначеніи ему времени для посѣщенія, какъ младшій, самъ отправился къ Шихматову и былъ пораженъ предложеніемъ сдѣлаться его товарищемъ, что и принялъ съ охотою. «Я не буду покоенъ на этомъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаю чего либо хорошаго, особенно для народнаго просвѣщенія». — «Онъ очень хорошо объ васъ (обо мнѣ) отзывается», сказалъ Кузьминскій. «Такого же отзыва о васъ и землякъ вашъ и мой, (А. В.) Никитенко, который также принужденъ былъ выдти изъ петербургскаго университета Уваровымъ но теперь опять на прежнемъ мѣстѣ». Между прочимъ, объявилъ онъ мнѣ, что (В. И.) Назимовъ, попечитель московскаго университета, сдѣлалъ ему предложеніе, еще въ февралѣ, поступить къ нему въ помощники, но что онъ, по совѣту Норова, отклонилъ то на нѣкоторое время. И я совѣтовалъ ему взять въ соображеніе разсказанные мною слухи о преобразованіи университетовъ черезъ годъ. И онъ сказалъ мнѣ то-же почти о Шихматовѣ, прибавивъ, что онъ, дѣйствительно, очень нерѣшителенъ и что на него имѣетъ большое вліяніе Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, директоръ педагогическаго института, а прежній московскій профессоръ и мой учитель (какъ прежде на Уварова). Разставаясь, я подарилъ ему множество разныхъ своихъ брошюръ.

Говорятъ, что, по случаю напечатанія комедіи Островскаго въ «Москвитянинѣ» «Свои люди сочтемся» или первоначально «Банкротъ», издателю журнала присланы были многія замѣчанія на нее; между прочимъ и на упрекъ, сдѣланный частно самимъ, кажется, министромъ народнаго просвѣщенія, что въ ней порокъ не наказанъ, сказано въ одномъ замѣчаніи, что этой бѣдѣ легко очень пособить, прибавивъ, въ самомъ концѣ, послѣ словъ Подхалюзина:

— «А вотъ мы магазинчикъ открываемъ: милости просимъ! малаго ребенка пришлете—въ луковицѣ не обочтемъ», слѣдующее: (входитъ полицейскій и, обращаясь къ Подхалюзину, говоритъ:) «пожалуйте-сь къ графу». Намекъ на московскаго военнаго генералъ-губернатора.

7-го іюня. Петръ Ивановичъ Гусевъ, учившійся въ горномъ корпусѣ, послѣ служившій въ уланахъ, а напослѣдокъ въ жандармахъ, разсказываетъ, что нынѣшнее устройство жандармовъ совсѣмъ не то, что было первоначально. Теперь ихъ (высшихъ членовъ) главное

дѣло слѣдить за тѣмъ, чтобы не притѣсняли служащіе у Ѳемиды: для того при каждомъ губернаторѣ находится по оберъ-офицеру; оба они рапортуютъ отдѣльно своему начальству ежемѣсячно. Оберъ офицеръ употребляетъ всѣ благія мѣры, замѣтивши что либо нехорошаго, чтобы только склонить на доброе дѣло главное лицо, т. е. того, отъ кого судьба зависитъ дѣла. Мой добрый знакомый и товарищъ (продолжалъ онъ между прочимъ) Львовъ, человѣкъ совершенно погруженный въ кабинетныя занятія, хотя и военный, былъ взятъ по сходству имени или, вѣрнѣе, фамиліи, по 11 декабря 1848 г., посаженъ въ крѣпость и въ 3—4 дня посѣдѣлъ отъ думы и горя. Когда невинность его открылась, государь, послѣ смотра, при всѣхъ подозвалъ его къ себѣ и просилъ у него прощенія въ ошибкѣ; въ заключеніе послалъ его къ великому князю Михаилу Павловичу. На вопросъ, не желалъ ли бы онъ что либо получить отъ государя? Львовъ отвѣчалъ, что послѣ той сцены, которой предметомъ онъ былъ недавно, всѣ награды и почести ничтожны въ сравненіи. Это была высшая для него награда и удовлетвореніе.

8-го іюня. У А. Ф. Вельтмана [1]) кто-то изъ гостей, вечеромъ, разсказывалъ объ одномъ англоманѣ, какъ онъ, не зная англійскаго языка, давалъ англійскія имена лошадямъ своего завода: такъ одну назвалъ Angleterre, а другую миссъ Лордъ и т. п.

13-го іюня. Когда князь Шаховской (кажется) явился къ Эйлеру, извѣстному математику, съ лентой аннинской отъ Екатерины II, то ученый отвѣчалъ присланному:

— «Я совѣтовалъ бы государынѣ такими пустяками не заниматься».

Родной братъ графини Растопчиной, извѣстной писательницы, разсказывалъ за обѣдомъ у дяди своего Н. В. Сушкова, что онъ былъ надняхъ у М. П. Погодина отъ сестры своей съ запросомъ, по какому праву послѣдній продаетъ отдѣльно отпечатанные экземпляры сочиненія ея: «Нелюдимка» (комедія, кажется, помѣщенная въ его «Москвитянинѣ», въ одной изъ первыхъ книжекъ 1850 г.) безъ вѣдома и согласія сочинительницы?

— «Я купилъ у нея это сочиненіе».

«Правда, но только для журнала, а не для того, что вы съ нимъ теперь дѣлаете».

Послѣ многихъ преній, истецъ потребовалъ либо уплаты за всѣ экземпляры, либо же самихъ экземпляровъ. Журналистъ до того былъ смѣшанъ, что долго не могъ опомниться, на другой день онъ

---

[1]) Александръ Ѳомичъ Вельтманъ † 1870 года. О немъ воспоминанія въ «Русской Старинѣ» М. П. Погодина, 1871 г., томъ IV.

прислалъ часть (половину) денегъ и часть самыхъ экземпляровъ (которые я и видѣлъ) къ посреднику между нимъ и графиней, Н. В. Сушкову.—«Это не столько карманное, сколько нравственное наказаніе для него», прибавилъ молодой Сушковъ, «чтобы онъ впередъ былъ осторожнѣе». «Что не деньги здѣсь важны, доказательствомъ то обстоятельство, сказалъ Н. В., что племянница писала ко мнѣ сегодня простить ему остальную половину долгу».

То-же или почти то-же сдѣлалъ онъ (М. П. Погодинъ) и съ А. Н. Островскимъ, сочинителемъ комедіи «Свои люди—сочтемся»: отпечатавши огромное количество отдѣльно и запрудивши тѣмъ всѣ московскія книжныя лавки, такъ что самому сочинителю пришлось сидѣть дома, какъ говорится, съ своими экземплярами, выговоренными имъ для себя.

3-го іюля. Александръ Ив. Хмельницкій говоритъ, что генералъ Щербацкій, проѣзжая разъ полемъ въ одну заставу московскую, вдругъ слышитъ позади голосъ: «ваше благородіе! спасите», оборачивается и видитъ нѣсколько малороссійскихъ мужиковъ, стоявшихъ подлѣ своихъ воловъ съ возами, на которыхъ было привезли въ столицу кой-какую кладь изъ своей родины и теперь выѣхали за заставу, какъ и всегда прежде дѣлали то, чтобы попасти своихъ воликовъ на выгонѣ. Но тутъ привязался къ нимъ какой-то офицеръ, который требовалъ съ нихъ по цѣлковому съ воза за то, какъ смѣли они пасти волы на государевой землѣ. И точно, офицеръ стоялъ тутъ же поодаль. Увидѣвъ генерала, который былъ и его начальникъ, выпрямившись, сказалъ: «На сколько дней прикажете, ваше превосходительство, на гауптвахту?»

— «Теперь ступайте, пока, безъ счету», отвѣчалъ генералъ, а пріѣхавши домой, узналъ, что онъ не въ первый уже разъ такія проказы дѣлаетъ и что два брата его тоже за нихъ выключены были изъ своихъ полковъ. Генералъ приказалъ то самое сдѣлать и съ нимъ.

8-го іюля. Встрѣтился въ книжной лавкѣ Базунова (универс.) съ Иваномъ Ивановичемъ Давыдовымъ [1], который и пригласилъ меня къ себѣ (въ свой домъ, въ Леонтьевскомъ пер., между Никитской и Тверской). Спустя день, ходилъ къ нему вечеромъ дважды, но не засталъ; потомъ черезъ день утромъ въ 11 и просидѣлъ до часу пополудни. Посѣтители безпрестано подходили, разговоръ былъ общій. Рѣчь зашла о томъ, куда дѣвать выпускаемыхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, которые всѣ лѣзутъ по самому устройству послѣднихъ въ дворянство, и сведена была послѣ на то, какъ легче пре-

[1]) Извѣстный профессоръ, энциклопедистъ.

кратить крѣпостное состояніе, источникъ запутанности нашихъ теперешнихъ внутреннихъ отношеній. Хозяинъ предлагалъ единственное къ этому средство—позволить купцамъ покупать у дворянъ съ землей и крестьянъ, но съ условіемъ отпускать послѣднихъ на волю послѣ извѣстнаго числа лѣтъ. Тутъ пошли разсказы о хорошихъ и худыхъ помѣщикахъ. Одинъ разсказалъ, что князь Меншиковъ (министръ флота), узнавши, что у него сгорѣла деревня изъ 36 дворовъ, вмѣсто того, чтобы выстроить имъ новыя избы, приказывалъ перевести ихъ въ другую отчину свою (изъ Тульской въ Тверскую губернію), и когда крестьяне стали отпрашиваться оставить ихъ на старомъ пепелищѣ, то онъ велѣлъ землю ихъ раздѣлить между сосѣдними деревнями, а всѣхъ ихъ отпустить на волю.

— «Напротивъ, подхватилъ другой, князь Юсуповъ (старикъ, отецъ нынѣшняго молодаго князя) ни за что не дѣлалъ того, а гордился, наоборотъ, своими богатыми крестьянами, помогая имъ всячески, вступая за нихъ поруками, давая имъ капиталы и т. п. На волю же откупиться у него не было никакой возможности».—Хозяинъ сказалъ тутъ, что крестьяне иногда даютъ чрезвычайно много за вольную. «Такъ явился ко мнѣ недавно, года два назадъ, одинъ крестьянинъ по имѣнію, бывшему у меня въ опекѣ, и просилъ отпустить его на волю, предлагая за себя съ женою, брата тоже и съ сыномъ 20 т. руб. ассигн. На замѣчаніе мое, не тяжело ли это будетъ для него? отвѣтилъ: нѣтъ, батюшка! Господь далъ намъ, а мы—вамъ».

«Что-же тебя заставляетъ проситься на волю? Вѣдь тебѣ и тутъ хорошо»?

— Правда, хорошо, а все таки на волѣ и того лучше. Вотъ у меня есть племянничекъ, которому, по бездѣтству, и мое имущество припадетъ, кромѣ братнина, такъ и хочется, чтобы и онъ былъ человѣкомъ, какъ совсѣмъ покончитъ свое ученье.

«А гдѣ же онъ?»

— Да, въ гимназіи, что у пречистенскихъ воротъ.

Я полюбопытствовалъ видѣть его и, отправившись въ гимназію, увидѣлъ молодца лѣтъ 17—18, красиваго и бойкаго въ ученьи. Онъ учился у старшаго учителя (Ивана Ивановича Лебедева) частно и съ дозволенія директора (Окулова) посѣщалъ и классы. Отецъ сбирался послать его за границу въ университеты.

— «Вотъ и мой отецъ, подхватилъ тутъ бывшій купецъ (Романовъ), тоже взнесъ за обоихъ, меня и брата, который и глухъ и нѣмъ, тысячъ 35 руб. асс. своему барину. Да взнесши, и пировалъ цѣлую недѣлю отъ радости, говоря: ну, слава Богу, и мы люди, а то словно въ подвалѣ какомъ были мы до сихъ поръ заперты».

Этимъ заканчиваются имѣющіяся у насъ записки О. М. Бодянскаго, писанныя на большихъ листахъ. Оставшіеся отрывки писаны на маленькихъ листкахъ и трехъ полулистахъ; на многихъ изъ нихъ не указаны ни годъ, ни мѣсяцъ, но они относятся, видимо, къ тому же 1850-му году. **И. П.**

IV.

1850 года. Августа съ 11 на 12 пріѣздъ министра народнаго просвѣщенія князя Ширинскаго-Шихматова. 13 представленіе ему въ залѣ клиники на Рождественкѣ. 19-го въ пятницу былъ у меня на лекціи. 22-го уѣхалъ.

9-го октября. Разсказъ С. А. Маслова объ атаманѣ черноморскихъ казаковъ, Завадовскомъ: «нашъ атаманъ прямый, якъ дуга».

18-го октября. Разсказъ Шипова объ одномъ молодомъ полякѣ изъ Кракова, замѣшанномъ въ какой-то заговоръ, открывшемся его показаніями и сосланномъ на жительство въ Иркутскъ. Жена его бросается передъ карету съ прошеніемъ наслѣднику, лошади переѣхали ее (карета князя Долгорукова), она выломила себѣ руку, просила воротить мужа, которому наслѣдникъ исходатайствовалъ то; но онъ такъ привыкъ тамъ, что просилъ выслать къ нему и жену его, которая и поѣхала туда.

25-го октября. Разсказъ Чаадаева о томъ, какъ онъ спасъ Пушкина отъ Соловокъ заступничествомъ своимъ у Карамзина, къ которому явился рано утромъ и который взялъ у него ручательство, что Пушкинъ въ теченіи года не станетъ ничего писать подобнаго. Карамзинъ отправился къ государынѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Переписка всѣхъ важныхъ листовъ Пушкинымъ у Милорадовича, отвезшаго ихъ государю, и отправленіе Пушкина къ Инзену въ Одессу. Къ этому случаю относится стихъ въ одномъ стихотвореніи Пушкина: «Ты спасъ меня надъ бездной» и проч. Наиболѣе Пушкинъ любилъ Нащокина, который давалъ ему всегда въ заемъ денегъ. Пушкинъ вѣчно влюблялся. Двѣ эпиграммы его отъ Шипова: на Полеваго и Булгарина.

27-го октября. Гр. С. Г. Строгановъ разсказываетъ, что онъ, по просьбѣ Гоголя, черезъ дочь его, графиню Толстую, бывшую съ мужемъ за границей, написалъ свое мнѣніе о «Перепискѣ Гоголя съ друзьями», которое заключилъ такъ: «человѣкъ спасенъ, но авторъ погибъ». Послѣ сего Гоголь замолчалъ и былъ мраченъ весь вечеръ. «Это человѣкъ, по словамъ Строганова, въ высшей степени самолюбивый», что и я подтвердилъ съ своей стороны.

4-го ноября. С. Г. Строгановъ, на вопросъ мой: «правда ли, что война у насъ съ Пруссіей?» сказалъ, что «это была правда недѣли 3 назадъ, когда государь сказалъ, что первый, кто выстрѣлитъ въ Германіи теперь, будетъ имѣть русскихъ противъ себя, и что былъ отданъ уже приказъ готовиться въ походъ гренадерскому корпусу: это узнаютъ у насъ тоже развѣ черезъ три недѣли. Король прусскій уменъ, но безхарактерный, слабый. Ему слѣдовало бы дѣйствовать рѣшительно и задушить однимъ ударомъ волненіе, а онъ, напротивъ, все устраиваетъ и, кажется, старается о томъ, чтобы, когда вспыхнетъ опять бунтъ и пожаръ, то чтобы бунтовало и горѣло въ порядкѣ, по системѣ. Прежде заботились о томъ, чтобы что либо устроить не для однихъ себя, но и для потомковъ, а нынѣ, кажется, нужно отказаться отъ этихъ сладкихъ мечтаній и благодарить Бога, если удастся устроить только на свой вѣкъ».

15-го ноября. М. А. Дмитріевъ сказывалъ, какъ онъ слышалъ разсказъ отъ своего дяди И. И. [1]), который, бывши министромъ, имѣлъ часто докладывать покойному Александру Павловичу. Разъ онъ принесъ много доносовъ о томъ, какъ отзывались, тамъ и сямъ, о немъ нехорошо и государь сказалъ ему, чтобы онъ и другіе никогда подобныхъ докладовъ не дѣлали.

— «Я человѣкъ и могу обидѣться, зная, что и какъ, а не зная — впередъ прощаю».

«Но этотъ докладъ особенной важности».

— «Тѣмъ хуже, Иванъ Ивановичъ, замѣтилъ государь, потому-то я и не хочу его знать».

15-го февраля 1851 года. Новиковъ: я съ такой свиньей и говорить бы не сталъ.

«Лужинъ! Теперь ты не нуженъ, а приходи на ужинъ!» Копьевъ.

«У кого былъ адъютантомъ?» «У этой пушки, ваше в—ство, на бородинскихъ маневрахъ».

28-го февраля. Шипова разсказъ о Жуковскомъ, актерѣ: «Polska nie może bydy bez Posnania».—Nie, Posnania nie dali, ale obiecali daí Kiiów.

5-е марта. Отъ Б—скаго разсказъ о Писаревѣ, губернаторѣ олонецкомъ, которому далъ пощечину публично, въ церкви, послѣ архіерейскаго служенія, въ царскій день, чиновникъ Матвѣевъ. Губернаторъ, получивши ее, только утерся, подошелъ къ кресту, принималъ поздравленія отъ чиновниковъ и поѣхалъ даже вечеромъ

---

[1]) Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, министръ юстиціи въ царствованіе Александра I, извѣстный баснописецъ. И. П.

въ театръ. «Молодецъ Писаревъ!.. Понимаетъ службу!» Его никто въ губерніи не терпитъ за низкіе поступки; жена съ векселями на ея имя уѣхала въ Парижъ и не думаетъ о немъ: онъ ее самъ повелъ по развратному пути, употребляя, говорятъ, ея красивое личико средствомъ для своего корыстолюбія. Когда ему дали каммергерство, великій князь Михаилъ Павловичъ сказалъ:

— Вотъ и ключи отъ польскихъ сундуковъ.

Дм. Гавр. Бибиковъ, кіевскій военный генералъ-губернаторъ, ѣдетъ за границу на полгода, а на его мѣсто волынскій губернаторъ, князь Васильчиковъ, исправляющимъ. Этотъ на вопросъ: «Каково въ его губерніи?» отвѣчалъ:

— Все хорошо, мирно и покойно. Народъ тихій и не думаетъ ни о какихъ бунтахъ; одного желаетъ, чтобы съ нимъ поступали человѣчески.

— «Благодарю, ты мнѣ правду сказалъ изъ всѣхъ губернаторовъ, которые вѣчно твердятъ о необходимости держать этотъ край въ ежовыхъ рукавицахъ».

1-го апрѣля. Фани Елслеръ и стихи о ней въ «Сѣверной Пч.».

3-го апрѣля 1851 г. Старое и новое поколѣніе въ «Московскихъ Вѣдом.».

4-го мая. Прохаживаясь на Тверскомъ бульварѣ, встрѣтился съ Свербеевымъ. «Сынъ мой ѣдетъ съ губернаторомъ Восточной Сибири, Муравьевымъ (Н. Н.), съ старшимъ братомъ вашего помощника попечителя (В. Н.), и будетъ служить у него чиновникомъ особыхъ порученій. Онъ любитъ поручать молодымъ людямъ важныя дѣла, напр., закупку хлѣба на нѣсколько сотъ тысячъ. Когда ему замѣтили, что лучше было бы это поручить кому постарѣе, отвѣчалъ:

— Старый можетъ меня надуть и съ намѣреніемъ, и вся прибыль въ одномъ карманѣ, а молодой ошибется, ошибка послужитъ впередъ наукой, обманутъ будетъ въ разныхъ мѣстахъ, стало быть, деньги въ разныхъ рукахъ, а это ужъ много.

10-го мая. У графа С. Г. Строганова, бывшаго съ Катковымъ, для разсказа ему о продѣлкахъ Шевырева, чтобы остаться деканомъ, сошелся съ И. В. Капнистомъ, московскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Онъ тотчасъ со мною сталъ говорить, заведши рѣчь о двоюродномъ моемъ братѣ Павлѣ Ильичѣ [1]), въ Полтавѣ. Немного

---

[1]) Павелъ Ильичъ Бодянскій, преподаватель Полтавскаго корпуса и инспекторъ до 1859 г., когда вышелъ въ отставку. Его «Памятная книжка Полтавской губерніи» до сей поры не потеряла своего значенія. Былъ редакторомъ неофиціальной части «Полтавскихъ Вѣдомостей», гдѣ писалъ много статей, относящихся къ мѣстной исторіи, этнографіи и т. д., что составило книжку, нынѣ библіографическая рѣдкость. И. П.

спустя, графъ спросилъ, какая лучшая исторія о Малороссіи, и Капнистъ назвалъ Маркевича, прибавивъ, что Бантышъ-Каменскій оттуда началъ, гдѣ слѣдовало бы кончить ее.

9-го іюля. Письмо отъ Ивана Васильевича Шопова, изъ Праги, на трехъ листахъ; внутри такое же письмо къ Денисову. При немъ 4 №№ «Войводянки» и № «Constit. Blatt aus Böhmen» (121, 22-го мая, 1851), также Жуковскаго «Myslenky o vseslovanskòm pisemnem jazycé». ....Оно подано университетскимъ солдатомъ (Андреемъ Лободой), при выходѣ моемъ на утреннее гулянье съ Ѳед. Ив. Тютчевымъ. Тютчевъ часто посѣщалъ меня, особенно по утрамъ, для гулянья. Ему далъ почти всѣ оттиски статей въ «Чтеніяхъ» (52) и о народной поэзіи славянъ, а также и исторіи руссовъ для графа Сенъ-При, пріѣхавшаго къ намъ мѣсяца на два. Онъ сынъ русской княгини Голицыной и француза-выходца, извѣстенъ съ хорошей стороны во французской литературѣ. Послѣ Тютчевъ, уѣзжая (14-го іюля), сказалъ мнѣ, что Сенъ-При радъ со мной познакомиться и пріѣдетъ ко мнѣ.

16-го іюля. Наблюдалъ солнечное затменіе на университетской обсерваторіи со многими другими (Леонтьевымъ, Катковымъ, Зерновымъ) [1]) и др.

Далѣе три полулиста—конецъ 1851 и начало слѣдующаго года, что и составляетъ продолженіе предъидущаго.

V.

3-го августа 1851 г. Поѣздка въ Паркъ къ А. Н. Попову (дача Бахметева). Знакомство съ NN., при I-мъ отдѣленіи его величества канцеляріи (у Блудова), чиновникомъ, который сказалъ объ отзывѣ графа Генриха Ржевуцкаго, на вопросъ князя Паскевича о русскихъ и полякахъ: «два дурака, одинъ не знаетъ, чего боится, а другой — на что надѣется» [2]).

18-го августа. Посѣщеніе И. Н. Березина, профессора въ казанскомъ университетѣ турецкихъ нарѣчій (въ 12 часу).

---

[1]) Читавшій въ университетѣ математику.

[2]) Графъ Генрихъ Ржевускій—извѣстный романистъ, польскій, талантливый и плодовитый. Извѣстно, что къ творчеству на поприщѣ писателя вызвалъ его поэтъ Мицкевичъ. Въ бытность ихъ обоихъ въ Римѣ, Ржевускій часто и превосходно разсказывалъ легенды и сказанія изъ быта стародавней Литвы и Польши. «Не хочу слушать, сказалъ Мицкевичъ, пиши и тогда читай мнѣ написанное». М***.

Онъ возвращается изъ Петербурга и намѣренъ остаться недѣли на двѣ въ Москвѣ. Первая рѣчь о Петровѣ (Павелъ Яковлевичъ), о переходѣ его изъ Казани къ намъ, что, по его мнѣнію, состоится, потому что дѣло передано на рѣшеніе совѣта университета, а Петровъ [1]) на свое мѣсто имъ указалъ на нѣмца Боленэена, чему соотчичи его обрадовались; впрочемъ, этотъ не иначе соглашается на то, какъ съ званіемъ ординарнаго, не имѣя никакой ученой степени у насъ. Петровъ не хотѣлъ потому держать испытаніе на магистра и д., что не находилъ, кто бы его могъ экзаменовать въ Петербургѣ въ то время, чѣмъ сильно обидѣлись нѣмцы. «Да и я никогда не соглашусь держать на доктора, прибавилъ Березинъ [2]), но жду только выслуги (2—3 года) до 8 лѣтъ, чтобы уѣхать на Кавказъ». Я намекнулъ на нашъ у—тетъ и, кажется, онъ не прочь бы. Далѣе зашла рѣчь о Сенковскомъ, который, при выходѣ изъ петербургск. ун—та и неудачи поступить въ профессоры въ военную академію (потому что предположеніе не состоялось преподавать нѣкоторые языки востока въ ней, по его мысли), предался физическимъ удовольствіямъ. По его мнѣнію, онъ одинъ изъ немногихъ знатоковъ турецкаго, арабскаго и персидскаго языковъ и его нѣмцы не пустили въ академію наукъ, въ которой нѣтъ мѣста русскимъ. И теперь надѣются они «выписать» изъ Германіи кого-либо по каѳедрѣ китайскаго языка (которую хотятъ открыть потому только, что Гюцлафъ упрекнулъ ихъ въ томъ, когда они показали ему множество важныхъ рукописей китайскихъ: «сосѣди Китая—и не имѣютъ человѣка, который бы представлялъ его среди ихъ» и объяснилъ, что это такое за рукопись). Послѣ разговорились о цензурѣ, по случаю изданія его Абухарази, который лежитъ съ полгода въ цензурѣ петербургской, между тѣмъ какъ никакая рукопись не можетъ быть долѣе цензурована трехъ мѣсяцевъ. «Что у насъ дѣлается, сказалъ онъ, вы не можете себѣ представить, напр., ректоръ мараетъ въ одной диссертаціи восточной, опредѣленной издать на счетъ университета, слово «пророкъ», стоящее подлѣ имени «Магометъ», слово «право» въ дипломѣ на степень магистра по юридическому факультету, требуя замѣнить его закономъ и пр. и ссылаясь при томъ на особыя предписанія».

31-го сентября. Вечеръ у Аксакова съ г. Погорецкимъ, штабълекаремъ въ 6-мъ пѣхотномъ корпусѣ (родомъ изъ-подъ Василькова, Кіевской губерніи, и моимъ старымъ знакомымъ) и Г. П.

---

[1]) Читалъ въ теченіи 1852—1854 гг. вост. словесность, санскритскій и арабскій языки, † 1875. О немъ см. «Русская Старина», 1876 г., т. XVII.

[2]) Нынѣ извѣстный оріенталистъ, въ 1887 г. праздновавшій 50-ти-лѣтіе своей ученой дѣятельности. И. П.

Данилевскимъ, тоже малороссомъ (изъ Екатеринославской губерніи), служащимъ чиновникомъ при товарищѣ министра народнаго просвѣщенія (Норовѣ); пѣніе разныхъ малороссійскихъ пѣсенъ, къ чему приглашены были Гоголемъ, съ коимъ я познакомилъ Данилевскаго. Передъ началомъ Гоголь, пришедшій въ 8 часовъ вечеромъ, при разговорѣ, между прочимъ, замѣтилъ, что первую идею къ «Ревизору» его подалъ ему Пушкинъ, разсказавъ о Павлѣ Петровичѣ Свиньинѣ, какъ онъ, въ Бессарабіи, выдавалъ себя за какого-то петербургскаго важнаго чиновника и только, зашедши ужъ далеко (сталъ было брать прошенія отъ колодниковъ), былъ остановленъ. «Послѣ слышалъ я, прибавилъ онъ, еще нѣсколько подобныхъ продѣлокъ, напр., о какомъ-то Волковѣ».

Передъ тѣмъ, за недѣлю, былъ у Погорецкаго, который разсказалъ, какъ одинъ малороссіянинъ, ѣхавшій по степи, втащенъ былъ волами въ море, и какъ они не стали пить воды. Онъ самъ, почерпнувши ладонью, выплюнулъ воду и сказалъ:

— Отъ того богато въ мори воды е, що ін нихто не пье!

18-го декабря. Пріѣздъ С. П. Шипова, изъ Петербурга, разсказавшаго, что онъ подалъ черезъ камердинера свою записку о постановленіи памятника Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ, въ собственныя руки государя. Тутъ-же разсказъ С. А. Маслова о томъ, какъ Тёрёкъ, мадьяръ, лѣтъ за десять до возстанія мадьяръ, познакомившись съ нимъ, кажется, на съѣздѣ экономистовъ въ Бернѣ, послѣ, въ Баденѣ, или гдѣ-то тамъ, спрашивалъ его, какъ ему кажется сближеніе его народа съ русскими.

26-го декабря. Разсказъ фабриканта Прохорова у Драшусова, отъ чего (происходитъ) Ваганьково: еще, кажется, при Калитѣ и первыхъ московскихъ князьяхъ, выведены были плотники съ рѣки Ваганьки, Нижегородской губерніи, и поселены сперва у Николы Стрѣлецкаго, но потомъ, по тѣснотѣ помѣщенія, переведены на Прѣсню, откуда Ново-Ваганьково (Никола Новоганьковскій, въ отличіе отъ Николы Старо-Ваганьковскаго, впослѣдствіи Стрѣлецкаго) и кладбище Ваганьково.

7-го января 1852 г. Разговоръ въ книжной университетской лавкѣ двухъ неизвѣстныхъ:

1-й: Иванъ Васильевичъ (обращаясь къ книгопродавцу Глазунову). Скажите, пожалуйста, что стоитъ Франкёръ?

Книгопродавца помощникъ: 10 р. серебромъ.

1-й: Въ переплетѣ?

Помощникъ книгопродавца: Такъ-съ.

2-й (сидя на стулѣ, подлѣ средняго окна, выходящаго на улицу,

между тѣмъ какъ первый помѣстился на диванѣ, что къ прилавку у сѣней): Хорошая вещь эта математика! Вотъ, хоть бы по себѣ сказать, люблю ее сердечно, не смотря на то, что я полнаго курса не одолѣлъ. Ну, что-жъ? Это мнѣ не мѣшаетъ ничуть заниматься ею и, признаться, дѣлать кое-какія открытія въ ней (съ этими словами вдругъ вынимаетъ изъ боковаго кармана бумажникъ, беретъ изъ него какую-то бумажку, быстро подходитъ къ первому господину и, подавая ее, говоритъ): Сдѣлайте одолженіе, прошу посмотрѣть — тутъ описана моя находка.

1-й господинъ: Какая же это?

2-й: Читайте.

1-й: Нѣтъ, ужъ лучше скажите, пожалуйста, напередъ.

2-й: Это математическая рѣдкость.

1-й: Вы ошиблись, я вовсе не математикъ. Я спросилъ только Франкёра для одного моего знакомаго.

2-й: Нужды нѣтъ. Вы передайте это увѣдомленіе, напечатанное мною недавно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», ему или кому либо другому изъ знакомыхъ любителей математики.

1-й (заинтересованный, однако, увѣдомленіемъ, пробѣгаетъ его быстро и говоритъ): Такъ вы открыли, пишете, perpetuum mobile?

2-й: Да-съ.

1-й: Славная вещь! Я тоже было открылъ, только послѣ оказалось, что это вѣчное движеніе нужно двигать.

2-й: Мое совсѣмъ иначе. Мое само движется и другихъ движетъ.

1-й: Поздравляю васъ (приподнимаясь чуть-чуть съ мѣста) будущимъ милліонщикомъ.

2-й: Дай-то Богъ!... Только вотъ бѣда, гдѣ найти товарищей?

1-й: Для чего?

2-й: Какъ, для чего?.. Я, видите, человѣкъ не того вить (не богатый), такъ нуженъ капиталецъ.

1-й: Пустое. Была бы лишь выдумка, а прочее все ни по чемъ.

2-й: Не совсѣмъ; по крайней мѣрѣ, по сю пору, никто не являлся ко мнѣ со времени моей публикаціи.

1-й: Что-же вы не обратитесь въ университетъ? Тамъ все люди умные, тотчасъ поймутъ, повѣрятъ и оцѣнятъ.

2-й: Конечно-съ, но вы забываете, что, во 1-хъ, они тоже люди стало быть, не безъ зависти, а во-2-хъ, главное, люди безъ капитала.

1-й: Я не думаю, чтобы они были такъ ужъ бездушны и не имущи или по вашему, не того виты (sic). Между нами найдется, я знаю, довольно съ сотенькой, другой тысячъ.

2-й: Правда; да развѣ это капиталъ?

1-й: Э, такъ ваше perpetuum mobile, чтобы только двинуться съ мѣста, требуетъ милліонныхъ силъ? Въ такомъ случаѣ, оно то-же, что и мое, какъ я уже докладывалъ, т. е. вѣчно движется, коли его движешь.

2-й: Ну, мое не таково, какъ я сказалъ вамъ: оно, видите, движется до тѣхъ поръ, пока держитъ матерьялъ, куда запрячете его.

1-й: Слуга покорный!... Стало быть, въ горшкѣ, пока горшокъ цѣлъ. Хороша-же вѣчность!

2-й: Вольно-жъ вамъ прятать его въ глину!... Глина, что женщина, больно хрупка и не надежна.

1-й: Вотъ въ этомъ такъ я съ вами совершенно согласенъ и, признаюсь, оставивши въ сторону самый матерьялъ, который, какъ вы прекрасно сказали, больно хрупокъ и ненадеженъ, онъ то и есть perpetuum mobile, которое само движется и все движетъ.

2-й: Вы начинаете подшучивать.

1-й: Какъ Богъ святъ, сущая правда.

2-й: Пущай будетъ по вашему, а все таки моя находка при мнѣ.

1-й: Безъ сомнѣнія, разница между нами въ томъ лишь, что для вашего вѣчнаго движенія нуженъ капиталецъ, чтобы его двинуть, а мое испоконъ вѣка само собой движется, движется и будетъ двигаться и двигать. Неправда-ли, Иванъ Васильевичъ (обращаясь къ книгопродавцу).

Ив. Вас. (отрываясь отъ письма). Не знаю-съ. Можетъ быть, вы оба, господа, правы. На мой вкусъ, та самая лучшая мебель, что наименьше портится.

2-й: Помилуйте, не о мебели рѣчь, а о perpetuum mobile, что по русски значитъ: вѣчное движеніе.

Ив. Вас. Извините-съ... Я не вслушался хорошенько въ вашъ разговоръ, занятый въ это время тоже движеніемъ пера по бумагѣ, и мнѣ почуялось, что вы говорите про какую-то мебель. А, впрочемъ, экая штука, въ самомъ дѣлѣ: нѣтъ ли тутъ какихъ шашней моей мебели съ вашимъ, какъ вы тамъ говорите, mabile; что-то ужъ больно смахиваютъ дружка на дружку, словно одного сукна епанча.

1-й: А что вы думаете (обращаясь ко 2-му), не спросить ли объ этомъ университетъ? Говорятъ, тамъ, съ нѣкоторой поры, съ успѣхомъ занимаются корневодствомъ; можетъ быть, не въ шутку, мебель и mobile—одного поля ягода.

2-й: Почему знать? Только то навѣрное знаю, что mobile по русски значитъ движеніе.

Ив. Вас.: Такъ-съ. А мебель тоже, вѣдь, двигается.

2-й: Двигается, только не сама собой, а вотъ ихъ изобрѣтеніе, какъ они завѣряютъ, вѣчно и само собою.

Ив. Вас.: Мудреная вещь; а, впрочемъ, мое дѣло сторона. Я не профессоръ и ничего въ этомъ не смыслю. Но думаю, что если ужъ такая диковинка выдумана, такъ лучше всего въ университетъ съ нею. Тамъ какъ разъ разберутъ ее по суставчикамъ, и буде окажется не благонадежной почему либо, то сошлютъ только въ музей, на память и поученіе гг. студентамъ.

1-й: А съ тѣмъ вмѣстѣ и на вѣчное бездѣйствіе. Неправда ли?

Ив. Вас.: Какъ хотите, я на все согласенъ (тутъ входитъ разомъ нѣсколько покупщиковъ и разговоръ прекращается).

30-го января. Графъ Строгановъ (С. Г.), въ разговорѣ, разсказалъ, какъ онъ, по случаю пропуска покойнымъ ректоромъ московскаго университета А. В. Болдыревымъ статьи Чаадаева въ «Телескопѣ», сказалъ издателю послѣдняго, предлагавшему разрѣшить ее:

— «Послушайте: вы пришли ко мнѣ въ двери, а послѣ этихъ словъ мнѣ слѣдуетъ указать вамъ на одно изъ этихъ оконъ». Съ тѣхъ поръ я его болѣе не видалъ. Онъ (Надеждинъ) поступилъ съ другомъ своимъ (Болдыревымъ) нечестно: въ то время, когда тотъ игралъ въ карты, онъ сказалъ ему объ этой статьѣ и на вопросъ: «читалъ ли онъ ее и нѣтъ ли въ ней чего-либо предосудительнаго?» — отвѣчалъ отрицательно. Въ самый день выхода книжки я былъ у покойнаго Д. П. Голохвастова вечеромъ и, получивши отъ него ее, пришелъ домой и сталъ читать. Содержаніе ея поразило меня и я приказалъ заготовить донесеніе министру о томъ, что какъ цензоръ, такъ и издатель получили отъ меня строжайшій выговоръ за пропускъ такой статьи. Но Дмитрій Павловичъ, бывши на другой день у меня, всѣми силами постарался отсовѣтовать то мнѣ. Черезъ недѣлю было получено извѣстное распоряженіе по этому случаю. На мое прошеніе Бенкендорфу довести до свѣдѣнія государя императора, я получилъ извѣстіе, что, такъ какъ министерство просвѣщенія и университетъ московскій не приняли немедленно къ тому никакихъ мѣръ, то государь, какъ глава народа, обязанъ защищать начала, составляющія основу бытія общества, на которую послѣдовали нападки въ упомянутой статьѣ. Мнѣ послѣ стоило величайшихъ усилій, и то черезъ два года, выхлопотать пенсію Болдыреву, какою онъ, впрочемъ, недолго пользовался, умерши отъ горести. То же можетъ случиться, пожалуй, и теперь по причинѣ напечатанія въ № 4 «Московскихъ Вѣдомостей» отрывка изъ лекцій, читанныхъ публично въ прошломъ году профессоромъ Рулье. Но, для

уменьшенія удара, нужно поступить такъ, какъ я тогда хотѣлъ было поступить. Слышу, что попечитель написалъ уже министру о томъ, что онъ ректору сдѣлалъ строжайшій выговоръ. Быть можетъ, это нѣсколько смягчитъ, а можетъ статься и вовсе отвратитъ ударъ отъ него. Во всякомъ случаѣ, редакторъ ѣдетъ для объясненій съ министромъ. Совѣтую ему сказать откровенно министру, чтобы онъ далъ ему какое другое мѣсто, больше согласное съ его способностями и призваніемъ».

Тутъ же гр. Строгановъ сказалъ мнѣ, что въ началѣ войны съ Турціей въ 1828 г. ему, какъ флигель-адъютанту, поручено было отвезти орденъ запорожскому кошевому, передавшемуся намъ со своими казаками. Это совершенно простой человѣкъ графа Разумовскаго.

11-го февраля. Андрей Яковлевичъ Стороженко [1]), проѣздомъ (изъ села Полтавской губ. Лубенскаго уѣзда) въ Петербургъ, прислалъ просить повидаться съ нимъ. Я тотчасъ сталъ одѣваться и не успѣлъ накинуть шубы, а сани его уже стояли у крыльца. Сѣвши въ нихъ, отправился на Тверскую, въ гостинницу Дрезденъ, № 4. Въ разговорѣ, между прочимъ, онъ сказалъ мнѣ, что по сю пору не привелъ своей библіотеки въ порядокъ, хотя безпрестанно работаетъ надъ разборомъ французъ—французскихъ, а русскій — русскихъ книгъ. Особенно безпокоятъ его рукописи, изъ которыхъ многія отъ давности и влажности слились такъ, что съ трудомъ листы отдѣляются у нихъ. «Недавно еще я (т. е. прошлымъ лѣтомъ) просушивалъ нѣкоторыя, и что же вы думаете? Беру, изъ любопытства, кое-что изъ висѣвшаго на веревочкѣ, читаю и не вѣрю своимъ глазамъ: то было донесеніе (доношеніе) Шаха или Жаха и Лободы Баторію изъ Малой Азіи, изъ окрестностей Синопа, о томъ, что русскихъ селъ тамъ больше 30-ти, все православныя, но въ попахъ большой недостатокъ. Посылали-де въ Царьградъ, Булгарію и на Афонъ за ними и пришли оттуда, да ничего не понимаютъ по нашему, хоть и православные. Спрашивается, какъ эти русскія села очутились здѣсь? Вѣроятно, частью изъ добровольныхъ выходцевъ, частью изъ искателей приключеній казаковъ, а частью изъ плѣнныхъ, поселяемыхъ тамъ; многія остаться могли и отъ разныхъ походовъ казаковъ въ Малую Азію, въ теченіи XVI вѣка, о которыхъ

---

[1]) Стороженко, 1790—1866 гг., сенаторъ, тайный совѣтникъ. Занималъ постъ главнаго директора правительственной коммисіи внутр. и духовныхъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ (1843—50). О его литературной дѣятельности см. «Кіевская Старина» 1886 г., №№ 5, 8, 9, 10, во 2 т. «Русскаго архива», 1873, въ воспоминаніяхъ Ушакова и предисловіе Бодянскаго къ реестру Запорожскаго войска въ «Чтеніяхъ» 1875 года. И. П.

знаемъ, дѣйствительно, что они были. Къ нимъ приходили, статься можетъ, и изъ Булгаріи. Не этихъ ли славянъ на мало-азіатскомъ берегу Понта видѣли нѣкоторые путешественники (см. Шафарика, Славянскія древности, т. 6, стр. 384—385) въ нынѣшнемъ столѣтіи?» Бумаги эти, вмѣстѣ со всѣмъ архивомъ, куплены, по словамъ Стороженки, имъ, за 500 р. асс., въ Коневскомъ монастырѣ, который, съ городомъ своимъ, какъ извѣстно, былъ долгое время когда-то казацкимъ.

Въ другомъ разговорѣ: у меня былъ въ Варшавѣ секретаремъ Терещенко (братъ писателя), очень умный и смѣтливый. Когда Храповицкій сдѣлался генералъ-губернаторомъ бѣлорусскимъ, сталъ онъ проситься у меня къ нему. «Съ Богомъ», сказалъ я ему. Здѣсь ты ничего особеннаго не дождешься; а тамъ, кромѣ жалованья, при смѣтливости и накрадешь такы гетьто [1])». Что-жъ? Спустя 4—5 лѣтъ является онъ ко мнѣ. «Ну какъ везло тебѣ?»—«Гарненко» [2]). Какъ было гдѣ-нибудь съ москалями и какъ станутъ они говорить, то не разъ казалось мнѣ, что глупѣе никого не было и нѣтъ меня; а какъ придется что-нибудь написать, то вотъ уже ни одинъ изъ тѣхъ говоруновъ «ничогисинько и не втые; то люды пдуть було до того наидурнишого; винъ, кажуть, дарма, що мовчыть соби, а багацько мозгу ма въ голови. То я одною рукою було пышу, а другою гарну соби грошыны въ кышеню» [3]). — «А чы багацько такы нагарбавъ?»—«Буде зъ мене. Отъ чы не знаете якого не величкого хуторця, такъ соби головъ зъ двисти». Буде зъ тебе, подумалъ. И точно, онъ не только купилъ двѣсти душъ, но потомъ женился очень выгодно, и живетъ теперь паномъ на всю губу, гдѣ-то, въ Херсонской губерніи; крестьянъ у него больше, чѣмъ у меня; говорятъ, подъ тысячу, если не за тысячу.

16-го февраля. М. Н. Катковъ, воротившись изъ Петербурга, куда принужденъ былъ отправиться на масляной, по случаю замѣчанія министра народнаго просвѣщенія попечителю московскаго университета за помѣщеніе въ № 4 «Московскихъ Вѣдомостей» отрывка изъ лекціи, читанной ровно годъ тому назадъ профессоромъ Рулье публично и потомъ напечатанной въ отдѣльной книгѣ, вмѣстѣ съ лекціями другихъ его товарищей (Геймана, Соловьева, Грановскаго и Шевырева), разсказывалъ (у Драшусова на вечерѣ), что онъ, бывши въ Публичной библіотекѣ, видѣлъ, какъ перемѣщали книги изъ эрмитажа въ эту послѣднюю. Любопытствуя, взялъ онъ одну изъ нихъ и, къ удивленію своему, нашелъ на ней библіотечный ярлычекъ,

---

[1]) Довольно, достаточно.
[2]) Хорошо.
[3]) Собираю гроши (деньги) въ карманъ.

съ надписью на русскомъ языкѣ и на русской книгѣ: «Иностранная Словесность». Не довѣряя себѣ, бралъ нѣсколько другихъ, и то-же самое повторилось на всѣхъ ихъ. Потомъ спросилъ одного библіотекаря, какого рода книги, передаваемыя изъ эрмитажа къ вамъ?

— Всѣ русскія, до одной.

— Ну, хотѣлось бы, послѣ этого, знать, что же для составителя такого распредѣленія въ эрмитажѣ «отечественная словесность?»

21-го февраля. Отецъ Нафанаилъ, булгаринъ, воспитывавшійся въ Одессѣ и кіевской академіи, привезъ мнѣ письмо отъ Пл. Вас. Павлова, профессора университета св. Владиміра. Онъ въ Россіи съ 1837 года и только въ прошлое лѣто кончилъ ученіе, ѣдетъ въ Петербургъ и просилъ писемъ. Принадлежа къ монастырю болгарскому, на Аѳонѣ, Зографу, кажется, хочетъ перейти, по возвращеніи, въ Рыльскій, въ коемъ основать библіотеку: крѣпкое положеніе монастыря наиболѣе тому благопріятствуетъ. Основаніемъ могутъ послужить книги, собранныя товарищемъ его, Княжескимъ, и по сю пору находящіяся въ Одессѣ. Онъ говоритъ, что въ монастырѣ булгарскомъ, въ Македоніи, въ селѣ Тресковцѣ, близь Охрида, находится богатое собраніе всякаго рода рукописей, особенно харатейныхъ, на славянскомъ языкѣ. Въ недавнее время многія изъ нихъ были увезены чиновникомъ австрійскаго консула въ Селунѣ, но когда жители села узнали о томъ, то, собравшись толпой, потребовали отъ ихняго паши мѣръ къ возвращенію похищеннаго, что и было сдѣлано. Разсказываютъ, прибавляетъ онъ, что этотъ чиновникъ давалъ огромную послѣ сумму денегъ, чтобы только какую-то пергаментную рукопись достали ему изъ бывшаго уже въ его распоряженіи. Не отсюда ли и та глагольская рукопись г. Мяновича, бывшаго около этого времени консуломъ въ Селунѣ, о которой Шафарикъ и В. И. Григоровичъ [1]) упоминаютъ.

Апрѣля 28-го дня. Смотрѣлъ выставку въ художественномъ классѣ, что противъ почтамта, продолжавшуюся до 8-го мая. Здѣсь въ особенности замѣчательны были: картины офицера Федотова, отличавшіяся своею характерностью, предметъ коихъ взятъ изъ жизни русской. О нихъ см. № 5 «Московскихъ Вѣдомостей», въ смѣси. Также замѣчательны картины: Башилова, представляющая малороссійскаго бандуриста (кобзаря-слѣпца, играющаго на бандурѣ подъ плетнемъ, по коемъ вьется тыква, сверху него смотритъ внизъ мальчикъ на игру, а

---

[1]) Въ статьѣ «Изысканія о славянскихъ апостолахъ, произведенныя въ странахъ европейской Турціи». Журналъ министерства народнаго просвѣщенія 1847 г. № 1. О Григоровичѣ, извѣстномъ славистѣ, см. некрологъ въ томъ же журналѣ за 1877, № 2. (онъ умеръ въ 1876 г.). И. П.

по сторонѣ стоитъ пастухъ въ рубашкѣ, съ шапкой теплой на головѣ, одну ногу (лѣвую, кажется) выдавши впередъ, а руки закинувши назадъ, не выпуская кія изъ нея; отъ него видно на лужайкѣ стадо воловъ, почивающее въ полдень; далѣе сельская церковь; передъ бандуристомъ родъ хаты, въ сѣняхъ коихъ виденъ простой малороссіянинъ, внимательно слушающій игру и пѣніе, въ сѣрой свиткѣ съ голубой опушкой, въ сапогахъ, бѣлыхъ штанахъ, въ карманъ коихъ опущена уже рука, чтобы вынуть оттуда шагъ (?) бандуристу; на головѣ шапка; а за нимъ дочь его, въ цвѣтахъ на головѣ, рубашкѣ желтой, плахтѣ и запаскѣ, монистахъ на шеѣ, склонившись впередъ и высматривая изъ-за плеча отцовскаго, на которомъ одна рука ея. Очеркъ весьма вѣренъ и выразителенъ въ этой картинѣ. Другая—Астрахова, представляетъ русскій кабакъ. Столъ, на которомъ сидятъ въ разныхъ положеніяхъ нѣсколько человѣкъ; въ концѣ, мужикъ въ красной рубашкѣ играетъ на балалайкѣ, пьяная баба (кухарка, думаю) пляшетъ; за нимъ служивый сидитъ, а передъ нимъ во фракѣ и шляпѣ стоитъ чуть ли не одинъ изъ кабачныхъ литераторовъ; подальше, за прилавкомъ, принимаетъ деньги отъ подающаго половаго самъ хозяинъ кабака или трактира, въ голубой жилеткѣ, сверхъ рубашки. Выраженіе его лица и пляшущей бабы весьма вѣрны.

Послѣдній отрывокъ о выставкѣ не имѣетъ года, а потому мы и помѣстили его въ концѣ. Дальнѣйшіе годы дневника находятся въ части, полученной г. Кочубинскимъ отъ сына покойнаго слависта-профес. Котляревскаго.

Сообщ. **Ив. Фр. Павловскій.**

ДИСКАНТЪ МАРТЫНКО.

I.

Въ Москвѣ, апрѣля 20 дня 1730 г.

Преосвященный Лаврентій, епископъ Устюжскій! Ея Императорское Величество изволила указать и вашему преосвященству писать: которой при домѣ вашего преосвященства хлопецъ дышкантъ Мартынко, онаго прислать въ Москву ко двору Ея Императорскаго Величества немедленно.

Вашего преосвященства слуга Семенъ Салтыковъ.

[На оборотѣ:] Получено на Устюгѣ 1730 г. мая 3-го дня чрезъ подачу лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капрала Ивана Георгіева сына Оберунова.

II.

Милостивый и премилосердый мой государь Семенъ Андреевичъ! Мая 3-го дня сего 730 года получилъ я письмо отъ вашего высокопревосходительства за подписаніемъ вашимъ чрезъ подачу лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капрала Ивана Оберунова исправно, по которому повелѣно мнѣ прислать ко двору ея императорскаго величества обрѣтающагося на Устюгѣ при домѣ архіерейскомъ хлопца дышканта Ивана Мартышку и по полученіи онаго отъ вашего высокопревосходительства письма означеннаго хлопца послалъ я въ Москву ко двору ея императорскаго величества, съ домовымъ сыномъ боярскимъ Степаномъ Вышеправскимъ, и велѣлъ того хлопца объявить вашему высокопревосходительству.

Примѣчаніе. Таковое письмо за подписаніемъ преосвященнаго Лаврентія епископа Велико-Устюжскаго и Тотемскаго, и хлопецъ посланы съ сыномъ боярскимъ Степаномъ Вышетравскимъ мая 6-го дня 1730 года.

Сообщ. 13 дек. 1887 г. Н. И. Суворовъ.

ВЕТЛЯНСКАЯ ЧУМА ВЪ 1878 И 1879 гг.

Воспоминанія бывшаго городскаго головы въ г. Царицынѣ.

Въ ноябрѣ 1878 г. года въ Царицынъ проникли слухи, что въ низовьяхъ Волги, въ предѣлахъ Астраханской губерніи, появилась болѣзнь, отъ которой люди умираютъ очень скоро и даже цѣлыми семьями. Слухи эти держались весьма упорно и, по мѣрѣ того, какъ время шло, принимали все болѣе и болѣе зловѣщій характеръ. Въ концѣ ноября было получено изъ станицы Ветлянки отъ мѣстнаго священника письмо [1]), въ которомъ этотъ почтенный пастырь [2]), описывая всѣ ужасы постигшаго ихъ станицу несчастія, убѣдительно просилъ объ оказаніи помощи больнымъ и сиротамъ. Вслѣдствіе этого немедленно было отправлено въ Ветлянку, на лошадяхъ, подъ надзоромъ двухъ сестеръ милосердія, значительное количество бѣлья, обуви, чаю, сахару, муки, пшена и пр. [3]). Одновременно съ этимъ былъ командированъ туда же и лекарскій помощникъ Васильевъ. Вотъ что, спустя нѣсколько дней, онъ писалъ изъ Ветлянки:

---

[1]) Письмо было адресовано на имя жены моей, которая въ то время была предсѣдательницей мѣстнаго комитета «Краснаго креста». Письмо впослѣдствіи было передано графу М. Т. Лорисъ-Меликову. М.

[2]) Священникъ этотъ и вся семья его, состоявшая изъ жены и двухъ дѣтей, вскорѣ умерли отъ чумы. Въ комодѣ его впослѣдствіи найденъ весьма интересный дневникъ о ходѣ эпидеміи въ Ветлянкѣ, доведенный до дня его кончины.

[3]) Первая помощь со стороны Общества Краснаго Креста оказана была по ходатайству предсѣдателя мѣстнаго управленія этого общества въ г. Астрахани. Ред.

— «Пріѣхавши въ Ветлянку, я явился немедленно за распоряженіями къ начальнику перваго отдѣла Астраханскаго казачьяго войска, полковнику Плеханову, но тотъ, сказавшись больнымъ, не сдѣлалъ никакихъ распоряженій, предоставивъ мнѣ дѣлать то, что я найду нужнымъ. Я взялъ казаковъ и сейчасъ же отправился осматривать больныхъ. По дорогѣ мнѣ попадалось множество труповъ, они лежали посреди улицы [1]. Первая моя забота была погребсти умершихъ, но никто не находился: всѣ бѣжали. Въ домахъ станицы нашелъ множество больныхъ и мертвыхъ. Больные были разнаго возраста. Матери, жены, отцы, дѣти—всѣ боялись больныхъ. Всѣ были такъ напуганы, что бросили дома и семейства и бѣжали въ степь. Послѣ долгихъ усилій, я едва нашелъ двухъ солдатъ—пьяницъ, которые согласились погребать тѣла. Множество домовъ совершенно заколочены»...

Вслѣдъ за этимъ продолжали получаться съ низовьевъ Волги извѣстія, словесныя и письменныя, одно другаго мрачнѣе. Говорили, что зараза изъ Ветлянки проникла уже въ сосѣднія селенія и грозитъ вскорѣ появиться въ Царицынѣ; что ветлянская болѣзнь—несомнѣнная чума, потому что люди умираютъ въ продолженіе 2—3 часовъ, будучи передъ тѣмъ совершенно здоровыми. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ страха, лѣкарскій помощникъ Васильевъ тайно скрылся изъ Ветлянки, но былъ немедленно возвращенъ назадъ; его хотѣли было за это предать суду, но, въ виду дѣйствительно оказанныхъ имъ заслугъ, оставили безъ преслѣдованія [2].

17 декабря 1878 г. я по личнымъ моимъ дѣламъ долженъ былъ выѣхать изъ Царицына въ Москву. Едва пріѣхалъ въ Бѣлокаменную, какъ тотчасъ получилъ отъ жены телеграмму слѣдующаго содержанія: «чума Енотаевскомъ уѣздѣ, въ станицѣ Ветлянкѣ. Умираетъ 95 процентовъ. Жители бѣгутъ. Черномъ яру—чума. Царицынъ волнуется. Врачей нѣтъ». Прочитавъ эту депешу, я пришелъ въ ужасъ. Мнѣ, какъ городскому головѣ, страшно было за судьбу города, а какъ семьянину, за положеніе

---

[1] Смертность была чрезвычайно велика.

[2] По пріѣздѣ графа Лорисъ-Меликова Васильевъ былъ представленъ къ наградѣ и получилъ Станислава 3 ст. М.

моихъ домашнихъ. Я тотчасъ телеграфировалъ объ этомъ саратовскому губернатору, М. Н. Галкинъ-Врасскому, и въ то же время послалъ депешу въ Петербургъ, къ моему знакомому, прося его навести справки о томъ, насколько вѣрны астраханскія свѣдѣнія. Вмѣсто отвѣта, я получилъ приглашеніе немедленно прибыть въ Петербургъ. Въ тотъ же день, вечеромъ, съ курьерскимъ поѣздомъ, я выѣхалъ въ сѣверную столицу, и едва поѣздъ остановился у платформы Николаевскаго вокзала, какъ получилъ приглашеніе немедленно явиться къ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Заѣхавъ на квартиру моего знакомаго, чтобы переодѣться, я тотчасъ въ сопровожденіи В. А. Кокорева, который меня уже ждалъ, поѣхалъ къ министру. Это было около 12 часовъ. Л. С. Макова мы не застали дома: онъ уѣхалъ съ докладомъ къ государю. Въ 2 часа мы снова пріѣхали къ нему и были немедленно приняты. Онъ встрѣтилъ насъ въ большомъ кабинетѣ, наверху, и, усадивъ около письменнаго стола, началъ разспрашивать. Я передалъ ему все, что было мнѣ извѣстно относительно Ветлянки. Левъ Саввичъ видимо былъ смущенъ моимъ разсказомъ и хотя старался скрыть это смущеніе, показывая видъ, что ему все извѣстно, тѣмъ не менѣе ясно было видно, что онъ рѣшительно ничего не зналъ о томъ, что творится въ Астраханской губерніи....

Въ тотъ же день, по распоряженію управляющаго министерствомъ, былъ командированъ въ Ветлянку докторъ медицины Л. Я. Красовскій [1]). Въ ночь же съ 19 на 20 число, т. е. тотчасъ же по полученіи моимъ знакомымъ моей депеши изъ Москвы, была отправлена, отъ имени управляющаго министерствомъ, саратовскому губернатору телеграмма, текстъ которой былъ слѣдующій: «Прошу принять немедленно мѣры противъ переноса заразительной болѣзни изъ Енотаевскаго уѣзда въ Царицынскій; если окажется необходимымъ—учредить карантинъ

---

[1]) Превосходная личность, кажется братъ знаменитаго акушера. Л. Я. Красовскій велъ себя съ замѣчательнымъ самоотверженіемъ, послѣдствіемъ чего была его преждевременная кончина вскорѣ по окончаніи эпидеміи и по возвращеніи въ Петербургъ. Смерть его положительно приписываютъ напряженной его дѣятельности въ Ветлянкѣ, где онъ находился до самаго окончанія эпидеміи. До пяти молодыхъ врачей погибли жертвою своего долга въ самой Ветлянкѣ. Ред.

для прекращенія всякаго сообщенія съ Чернымъ Яромъ, Енотаевскомъ и станицами, близь нихъ лежащими. Медлить нельзя, положеніе дѣлъ весьма серьезное и опасное. О мѣрахъ, какія будутъ приняты, телеграфируйте, но, главное, не медлите и пошлите опытнаго чиновника».

Такимъ образомъ былъ данъ первый толчекъ къ принятію энергическихъ мѣръ.

22 декабря я выѣхалъ изъ Петербурга, а 26-го былъ уже въ Царицынѣ, гдѣ и засталъ саратовскаго губернатора, М. Н. Галкинъ-Враскаго. Онъ дѣйствовалъ здѣсь съ свойственною ему энергіей и въ теченіи нѣсколькихъ дней успѣлъ привести городъ и его окрестности въ такое положеніе, что о вторженіи заразы со стороны астраханскаго края перестали даже и думать. Вездѣ, гдѣ указывала надобность, учреждались карантины, явились врачи; комитетъ общественнаго здравія и санитарная коммисія дѣйствовали съ усердіемъ. Впослѣдствіи медико-санитарныя средства Царицына еще болѣе увеличились: по распоряженію министерства внутрен. дѣлъ была прислана сюда цѣлая партія врачей, а В. А. Кокоревъ выслалъ огромное количество дезинфекціи. При чемъ не могу не упомянуть о слѣдующемъ курьезѣ. По странному стеченію обстоятельствъ, мнѣ, какъ городскому головѣ, пришлось въ это страдное время не только возиться съ городомъ, но и быть начальникомъ военной стражи. Въ моемъ распоряженіи находилось: 4 офицера, 1 полицейскій приставъ, 50 человѣкъ солдатъ и столько же казаковъ; вся эта армія составляла цѣпь, окружавшую Царицынъ. Одновременно съ принятіемъ въ Царицынѣ означенныхъ мѣръ, принимались мѣры къ локализаціи заразы и въ Астраханской губерніи: учреждались карантины, изолировалось одно селеніе отъ другаго, а для сообщенія Царицына съ Астраханью былъ открытъ объѣздной путь по Калмыцкой степи, охранявшійся разъѣздами казаковъ и особо назначеннаго для того чиновника.

28-го декабря 1878 г. М. Н. Галкинъ-Врасскій выѣхалъ изъ Царицына въ Саратовъ, поручивъ мнѣ наблюденіе за дѣятельностію установленныхъ учрежденій, а 30-го я получилъ отъ него слѣдующую телеграмму: «Красовскій 29-го декабря телеграфируетъ: Въ Ветлянку прибылъ 27 декабря. Чумы не нашелъ. Видѣлъ больныхъ съ воспаленіемъ легкихъ. Нѣтъ вновь

заболѣвшихъ. Третій день остается два съ тифознымъ воспаленіемъ, а одна съ язвою въ паху давняго сомнительнаго происхожденія. Ваши (вѣроятно врачи) размѣщены по деревнямъ, гдѣ нѣтъ опасности. Надѣюсь, все скоро кончится».

Телеграмма эта была немедленно объявлена во всеобщее свѣдѣніе и произвела благопріятное впечатлѣніе. Вслѣдъ затѣмъ, спустя 10 дней, телеграфировалъ мнѣ изъ Никольскаго (близь Ветлянки) докторъ Павлиновъ: «Ветлянская эпидемія несомнѣнно чума, съ декабря ея легочная форма». Итакъ, очевидно было, что ветлянская болѣзнь потеряла свой острый характеръ. Все клонилось къ тому, чтобы дѣла и люди вошли въ свою обычную колею..... Между тѣмъ въ столичныхъ газетахъ появились извѣстія такого тревожнаго свойства, которыя сразу произвели сенсацію какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ обществѣ. Такъ, по поводу одной депеши, напечатанной въ «Голосѣ», управляющій министерствомъ статсъ-секретарь Маковъ телеграфировалъ мнѣ 29 декабря: «Изъ Царицына телеграфируютъ въ газету «Голосъ», что будто въ городѣ появилась чума съ страшной смертностію. Прошу телеграфировать мнѣ немедля—все-ли у васъ благополучно». На это я отвѣчалъ ему, что у насъ никакой чумы нѣтъ и что невѣрныя свѣдѣнія, какъ оказалось по справкамъ, сообщены въ газету изъ Царицына вновь назначеннымъ въ Астрахань управляющимъ почтовою частію Степановымъ, каковое сообщеніе сдѣлано было имъ на пути изъ С.-Петербурга, изъ Царицына, со словъ проѣзжаго... Такимъ образомъ, не смотря на то, что газетныя извѣстія были не вполнѣ вѣрны, тѣмъ не менѣе молва о страшной болѣзни продолжала нестись съ быстротою молніи. Вскорѣ извѣстіе это проникло за границу. Европа встревожилась, и въ результатѣ получилось: установленіе строгаго кордона по нашей границѣ, воспрещеніе привоза изъ Россіи товаровъ и стѣсненіе проѣзда путешественниковъ; все это вмѣстѣ взятое отразилось потомъ милліонными убытками на нашей торговлѣ и промышленности...

16 января 1879 г. въ комитетѣ министровъ слушалось словесное заявленіе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о появившейся заразѣ и принятыхъ противъ нея мѣрахъ. Въ этомъ заявленіи полагалось испросить высочайшее соизволеніе: 1) На предоставленіе управляющему министерствомъ

внутр. дѣлъ сдѣлать зависящее распоряженіе къ сожженію, въ той мѣрѣ, какъ это будетъ принято необходимымъ, станицы Астраханскаго казачьяго войска Ветлянки, съ соблюденіемъ слѣдующихъ главнѣйшихъ основаній: а) жители станицы Ветлянки должны быть выведены и размѣщены, по ближайшему соображенію мѣстныхъ удобствъ, не выходя изъ карантиннаго раіона. б) Оцѣнку движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, преданныхъ сожженію, и выдачу за оныя вознагражденія владѣльцамъ возложить на особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ астраханскаго губернатора, съ участіемъ членовъ: казачьяго вѣдомства и министерства финансовъ, государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ, по особымъ правиламъ, которыя эта комиссія должна постановить на мѣстѣ, и в) на ту-же комиссію возложить какъ распорядительныя дѣйствія по сожженію станицы Ветлянки, такъ и всѣ мѣры, необходимыя для обезпеченія выведеннаго изъ станицы населенія продовольствіемъ, бѣльемъ, теплою одеждою, лѣченіемъ больныхъ и т. п. 2) На предоставленіе управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ испрашиваемыя нынѣ относительно ст. Ветлянки мѣры распространять и на другія селенія, а также и на отдѣльные въ тѣхъ мѣстностяхъ раіоны и въ той мѣрѣ, въ какой это будетъ признано необходимымъ. 3) На предоставленіе нынѣ же въ распоряженіе гражданской администраціи необходимаго числа войскъ для исполненія карантинной службы, и 4) на отнесеніе на счетъ государственнаго казначейства всѣхъ расходовъ, какъ по приведенію въ исполненіе указанныхъ выше мѣръ, такъ и по возмѣщенію издержекъ по всѣмъ принимаемымъ, по случаю настоящей эпидеміи, мѣропріятіямъ.

По выслушаніи этого заявленія въ присутствіи приглашенныхъ въ засѣданіе комитета министровъ: начальника главнаго штаба, начальника иррегулярныхъ войскъ, главнаго военно-медицинскаго инспектора, лейбъ-медиковъ: Н. Ѳ. Здекауэра и С. П. Боткина, и управляющаго медицинскимъ департаментомъ тайнаго совѣтника Розова, комитетъ принялъ въ особое вниманіе сдѣланное статсъ-секретаремъ Маковымъ заявленіе о томъ, что предположенное нынѣ сожженіе Ветлянской станицы испрашивается имъ лишь по всестороннемъ изученіи дѣла и по глубокому убѣжденію въ неизбѣжной необхо-

димости столь крайней мѣры, для совершеннаго искорененія зла въ самомъ моментѣ его зарожденія. Въ виду вышеизложеннаго и принимая во вниманіе признанные наукою и опытомъ способы къ прекращенію и ограниченію распространенія заразы, комитетъ пришелъ къ единогласному заключенію о цѣлесообразности предположеній управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ остановился на мысли о необходимости спѣшно воспользоваться продолжающимися зимними морозами, для принятія энергическихъ мѣръ къ предупрежденію дальнѣйшаго распространенія эпидеміи. Въ этомъ отношеніи комитетъ находилъ, что оздоровленіе не только селеній, уже нынѣ считающихся зараженными, но вообще тѣхъ мѣстностей, кои могутъ послужить источникомъ заразы, представляется крайне необходимымъ и совершенно неотложнымъ. По глубокому убѣжденію комитета, дѣйствительность и своевременность мѣръ по столь важному дѣлу могутъ быть вполнѣ обезпечены только предоставленіемъ главнаго руководства этими мѣрами на мѣстахъ особому, облеченному высочайшимъ довѣріемъ, лицу, которое, будучи снабжено широкимъ полномочіемъ на предметъ чрезвычайныхъ мѣръ, могло-бы объединять всѣ распоряженія по предмету прекращенія болѣзни и пресѣченія ея дальнѣйшаго распространенія. На основаніи изложеннаго, комитетъ полагалъ: I. Заявленіе управляющаго мин. внутр. дѣлъ утвердить. II. Испросить Высочайше Его Императорскаго Величества повелѣніе относительно командированія на мѣсто заразы лица, облеченнаго Высочайшимъ Его Величества довѣріемъ и особо уполномоченнаго на принятіе въ Астраханской и сопредѣльныхъ съ нею губерніяхъ и областяхъ чрезвычайныхъ мѣръ и на объединеніе всѣхъ распоряженій какъ по прекращенію заразы, такъ и съ цѣлью предупрежденія дальнѣйшаго ея распространенія, и III. Въ случаѣ Высочайшаго Его Величества соизволенія на командированіе особо уполномоченнаго лица, образовать при немъ коммисію, со включеніемъ въ составъ оной спеціально-врачебныхъ дѣятелей и съ возложеніемъ на нее изслѣдованія на мѣстахъ хода и развитія заразы и изысканія мѣръ какъ къ пресѣченію эпидеміи, такъ и къ оздоровленію мѣстностей, уже зараженныхъ, а равно и тѣхъ, кои могутъ служить источникомъ заразы. На журналѣ комитета, 18 января

1879 г., послѣдовала собственная Его Императорскаго Величества резолюція «Исполнить». Выборъ палъ на бывшаго героя турецкой войны, генералъ-адъютанта графа Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова.

Этотъ личный выборъ покойнымъ государемъ графа М. Т. Лорисъ-Меликова былъ въ высокой степени удаченъ. Этотъ кавказскій воинъ съ умомъ, энергіей и неутомимостью въ исполненіи возлагавшихся на него порученій соединялъ необыкновенный тактъ и гуманность. Такъ и въ 1879-мъ году онъ вполнѣ проявилъ отличавшія его высокія качества

Назначенный, 24 января, временнымъ астраханскимъ, саратовскимъ и самарскимъ генералъ-губернаторомъ, графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ, 27 числа того-же мѣсяца, былъ уже въ Царицынѣ, гдѣ и учредилъ свою квартиру. Графъ Михаилъ Таріеловичъ пріѣхалъ съ экстреннымъ поѣздомъ по Грязе-царицынской желѣзной дорогѣ и былъ встрѣченъ въ вокзалѣ саратовскимъ губернаторомъ, прибывшимъ сюда дня за два до его пріѣзда, представителями общества и мѣстною администраціею. Графъ былъ очень любезенъ и, обходя ряды представляющихся, пожалъ руку предводителю дворянства Корбутовскому и мнѣ, какъ городскому головѣ. Его сопровождала многочисленная свита; тутъ были и генералы свиты, и флигель-адъютанты, и камергеры, и даже генералъ генеральнаго штаба. Всѣмъ этимъ господамъ требовались лучшія квартиры въ городѣ, а такъ-какъ «лучшія» квартиры были заняты самими домовладѣльцами, то послѣднимъ, ради удобства гостей, нерѣдко приходилось переселяться въ какую-нибудь конурку или совсѣмъ выходить изъ дому. Причемъ имѣлъ мѣсто слѣдующій, не лишенный нѣкотораго юмора, эпизодъ. Въ одномъ домѣ, который только что былъ отдѣланъ, поселился генералъ; генералъ этотъ любилъ купаться и потому, для бо́льшаго удобства, приказалъ въ одной изъ парадныхъ комнатъ поставить ванну, которая нѣсколько разъ въ день наполнялась водою, причемъ самымъ немилосерднымъ образомъ обливались не только полы, но стѣны и мебель. Хозяинъ дома долго стѣснялся замѣтить объ этомъ своему именитому квартиранту, предполагая, что тотъ самъ догадается устранить это безобразіе, но когда обливаніе пола водою дошло до того, что потоки ея начали проникать изъ верхняго этажа въ нижній, гдѣ помѣ-

щался мануфактурный магазинъ, онъ рѣшился, наконецъ, заявить объ этомъ генералу. Генералъ его выгналъ. Тогда хозяинъ придумалъ слѣдующую мѣру, чтобы избавиться отъ безпокойнаго квартиранта: онъ началъ въ своей комнатѣ, помѣщающейся рядомъ съ квартирою генерала, служить ежедневно панихиды по недавно умершемъ своемъ сынѣ. Пѣніе «за упокой» до того смутило генерала, что онъ немедленно переѣхалъ въ другой домъ.

Вообще въ то время наплывъ въ Царицынъ чиновниковъ, какъ военныхъ, такъ гражданскихъ, былъ громадный; тутъ даже были чины военно-полеваго суда. Въ первое время по пріѣздѣ всѣ эти господа видимо скучали, но потомъ попривыкли, обзавелись знакомыми и время проводили весело.

На другой день по прибытіи въ Царицынъ у генерала-губернатора былъ назначенъ оффиціальный пріемъ, на который явились какъ пріѣхавшіе чиновники, такъ и представители мѣстной власти. Графъ Лорисъ-Меликовъ вошелъ въ залу съ нахмуреннымъ лицомъ и, кивнувъ слегка головою на низкій поклонъ представляющихся, обратился къ предводителю дворянства и ко мнѣ, какъ обязательнымъ директорамъ мѣстной тюрьмы, съ слѣдующими словами:

— «Сегодня я посѣтилъ здѣшнюю тюрьму и пришелъ въ ужасъ отъ той тѣсноты и грязи, которыя я тамъ увидѣлъ. Это невозможная тюрьма. Выражаю вамъ мое неудовольствіе, я долженъ васъ предупредить, что если найденные мною безпорядки [1]) не будутъ немедленно устранены, то васъ, господа, я велю немедленно выслать изъ Царицына» [2]).

2 февраля 1879 г. въ квартирѣ саратовскаго губернатора была открыта Высочайше утвержденная совѣщательно-санитарная комиссія. Комиссія была открыта лично графомъ Михаиломъ Таріеловичемъ, причемъ онъ сказалъ слѣдующую рѣчь:

---

[1]) Тюрьма была, дѣйствительно, невозможная, впрочемъ устранить въ ней грязь и тѣсноту было не во власти мѣстной администраціи. Она помѣщалась съ 1865 г. въ частномъ деревянномъ домѣ и была устроена только на 50 человѣкъ; между тѣмъ, въ день посѣщенія тюрьмы графомъ, въ ней содержалось около 250 арестантовъ, такъ что люди помѣщались не только въ камерахъ, но въ коррндорахъ, кухнѣ и даже въ банѣ, и буквально были набиты какъ сельди въ бочкѣ.

[2]) Спустя два дня графъ Михаилъ Таріеловичъ преложилъ гнѣвъ на милость и сдѣлалъ визитъ мнѣ и предводителю дворянства Корбутовскому.

— «При исполненіи возложеннаго на меня высочайшею волею порученія, требующаго постоянныхъ, неотложныхъ съ моей стороны распоряженій, и въ виду предстоящихъ разъѣздовъ по ввѣренному моему управленію краю, я лишенъ возможности предсѣдательствовать въ настоящей комиссіи, а потому, возложивъ предсѣдательствованіе на саратовскаго губернатора М. Н. Галкина-Враскаго, я тѣмъ не менѣе имѣю въ виду постоянно слѣдить за ходомъ дѣла по комиссіи, знакомясь со всѣми ея постановленіями, при ихъ учрежденіи. Независимо сего предлагаю предсѣдателю, въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшенію комиссіи будутъ подлежать особенно важные вопросы, при нахожденіи моемъ на мѣстѣ, предварительно докладывать мнѣ объ этомъ и тогда я лично буду принимать участіе въ засѣданіяхъ комиссіи».—Указавъ затѣмъ, что предстоящая этой комиссіи дѣятельность имѣетъ всеобщее значеніе и, слѣдовательно, въ трудахъ ея можетъ быть полезно участіе возможно большаго числа лицъ, графъ продолжалъ:—«Прошу всѣхъ членовъ, если бы они, съ своей стороны, нашли возможнымъ, указать на кого либо изъ тѣхъ лицъ, которыя, въ интересахъ дѣла, могли-бы быть приглашаемы къ участію въ засѣданіяхъ комиссіи, не оставить заявлять объ этомъ предсѣдателю и всякое подобное заявленіе будетъ принято къ исполненію. Въ желаніи же предоставить членамъ комиссіи возможность заблаговременно знакомиться съ вопросами, подлежащими обсужденію, и чрезъ это судить насколько участіе ихъ въ засѣданіи, по спеціальности вопросовъ, можетъ быть необходимо, предлагаю, одновременно съ разсылкою приглашеній на засѣданіе, препровождать членамъ перечень вопросовъ, подлежащихъ обсужденію».

На другой день по открытіи комиссіи, у генералъ-губернатора былъ обѣдъ, на который, въ числѣ другихъ, были приглашены предводитель, предсѣдатель земской управы и я. Обѣдъ былъ простой и за столомъ, кромѣ кахетинскаго и вообще кавказскаго, другаго вина не было. Видно было, что графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ не любилъ роскоши и, живя въ Царицынѣ болѣе мѣсяца, велъ жизнь совершенно спартанскую. Замѣчательно, что, не смотря на то высокое положеніе, какое занималъ графъ Михаилъ Таріеловичъ, онъ держалъ себя весьма просто и былъ чрезвычайно доступенъ; къ нему можно было идти по дѣлу и

утромъ, и вечеромъ. Такъ разъ, вечеромъ, я явился къ нему съ толпою рыбопромышленниковъ; онъ принялъ насъ въ кабинетѣ, усадилъ и приказалъ подать чаю. Въ продолжительной бесѣдѣ съ представителемъ рыбопромышленности графъ узналъ все, что ему было нужно. Впослѣдствіи это имѣло большое практическое значеніе при примѣненіи нѣкоторыхъ санитарныхъ мѣръ къ рыбнымъ ватагамъ.

Совѣщательно-санитарная комиссія состояла изъ постоянныхъ членовъ и совѣщательныхъ членовъ. Постоянными членами ея были: самарскій губернаторъ А. Д. Свербеевъ, докторъ медицины Снигиревъ (онъ же и дѣлопроизводитель), докторъ Рейтлингеръ, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Ильяшевичъ, флигель-адъютантъ полковникъ графъ Голенищевъ-Кутузовъ и уполномоченный Краснаго Креста въ званіи камергера Юзефовичъ, а совѣщательными—предводитель дворянства Корбутовскій, предсѣдатель земской управы Щепетевъ, городской голова Мельниковъ, начальникъ IV округа путей сообщенія Іогель, инженеры: Измайловъ, Штромбергъ и Баталинъ, докторъ германскаго посольства Левесъ и мѣстные царицынскіе врачи. Впослѣдствіи въ трудахъ этой комиссіи, въ качествѣ совѣщательныхъ членовъ, принимали участіе еще слѣдующія лица: профессора: харьковскаго университета Якобій и Крыловъ, кіевскаго—Минхъ, московскаго—прозекторъ Белинъ и медико-хирургической академіи—Эйхвальдъ, Доброславинъ и Чудновскій. Кромѣ того, въ комиссіи перебывало множество рыбопромышленниковъ, пароходчиковъ и людей различныхъ профессій. Засѣданія комиссіи продолжались съ 2 февраля по 22 марта 1879 г.; въ это время было разсмотрѣно 28 болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ и по нимъ постановлены опредѣленія, въ формѣ протоколовъ, одобренныя графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ. Вотъ перечень этихъ вопросовъ: 1) Объ устраненіи затрудненій при отправкѣ грузовъ изъ Царицына по желѣзной дорогѣ и при доставленіи ихъ на станціи назначенія. 2) О порядкѣ карантированія рабочихъ, подлежащихъ выпуску изъ оцѣпленной мѣстности Астраханской губерніи на рыбные промыслы. 3) О разсмотрѣніи правилъ устройства санитарныхъ желѣзнодорожныхъ комиссій. 4) Объ устройствѣ санитарной части въ подверженныхъ эпидеміи мѣстностяхъ, въ карантинномъ раіонѣ и въ тылу

карантина. 5) О существующемъ способѣ освидѣтельствованія отправляемой изъ складовъ Царицына рыбы и объ установленіи болѣе соотвѣтственнаго порядка въ этомъ отношеніи на будущее время. 6) О необходимости установленія инаго надзора за нагрузкой и выгрузкой товаровъ на пристаняхъ ниже Царицына. 7) Объ устраненіи затрудненій въ провозѣ по желѣзнымъ дорогамъ грузовъ, слѣдующихъ изъ Царицына. 8) О предполагаемомъ астраханскимъ губернаторомъ карантированіи рабочихъ на баржахъ. 9) По предложенію комиссіи о сокращеніи общей карантинной линіи оцѣпленія въ предѣлахъ Астраханской губерніи, съ учрежденіемъ наблюденія по границѣ Черноярскаго уѣзда въ селеніи Грачевкѣ. 10) О назначеніи начальниковъ санитарныхъ отрядовъ. 11) Объ устройствѣ временныхъ карантиновъ для предстоящаго выпуска рабочихъ. 12) О порядкѣ составленія описи и оцѣнки имуществъ, подлежащихъ сожженію, съ указаніемъ способа самаго сожженія. 13) О карантинномъ загражденіи р. Волги и расходахъ, потребныхъ на это загражденіе. 14) О проектѣ министерства путей сообщенія объ огражденіи рр. Волги и Дона. 15) Объ утвержденіи устава для начальниковъ санитарныхъ отрядовъ. 16) О разсмотрѣніи инструкціи для временныхъ санитарныхъ инспекторовъ. 17) О предоставленіи чинамъ санитарнаго отряда права ношенія Краснаго Креста. 18) О дезинфекціонныхъ мѣрахъ въ станицѣ Ветлянкѣ. 19) О принятіи мѣръ по отношенію къ рыбнымъ промысламъ. 20) О загражденіи желѣзной дороги по предложенію министерства путей сообщенія. 21) О разсмотрѣніи ходатайства астраханскихъ рыбопромышленниковъ о не сожженіи таръ на мѣстахъ прибытія рыбныхъ грузовъ. 22) Объ устройствѣ восьми новыхъ карантиновъ въ Астраханской губерніи. 23) Объ измѣненіи состава коммисіи для освидѣтельствованія рыбныхъ грузовъ въ Царицынѣ. 24) Объ образованіи комиссіи для осмотра ватагъ въ предѣлахъ Царицынскаго и Камышинскаго уѣздовъ. 25) О способѣ карантированія калмыковъ, перекочевывающихъ изъ оцѣпленной мѣстности въ степь. 26) О мѣрахъ къ прекращенію эпидеміи въ станицѣ Ветлянской, на случай новаго возникновенія ея. 27) О запрещеніи вывоза съ низовьевъ Волги тряпья и ношеной одежды и 28) О санитарныхъ отрядахъ и ихъ дѣятельности.

Благодаря тому, какъ я сказалъ выше, что объ эпидеміи не

было уже болѣе тревожныхъ слуховъ, бо̀льшая часть постановленныхъ по означеннымъ вопросамъ опредѣленій осталась безъ исполненія.

Около половины февраля прибыли въ Царицынъ иностранные делегаты; ихъ было очень много, но я помню только Гирша (изъ Берлина), Беседецкаго (изъ Вѣны) и Петреско (изъ Бухареста), такъ какъ они одинъ разъ присутствовали въ засѣданіи комиссіи. Въ чемъ собственно говоря состояли обязанности [1]) всѣхъ этихъ господъ—сказать трудно. Нѣкоторые изъ нихъ дальше Сарепты не ѣздили, но другіе доѣхали до самой Астрахани, выдержавши 14-ти дневный карантинъ.

Почти одновременно съ делегатами, пріѣхали въ Царицынъ корреспонденты отъ «Голоса», «Новаго Времени» и «Московскихъ Вѣдомостей». Были, говорятъ, корреспонденты и отъ другихъ русскихъ газетъ, но о нихъ никто ничего не знаетъ.

Въ концѣ февраля графъ Лорисъ-Меликовъ предпринялъ поѣздку въ Астрахань. Путь его лежалъ по правому берегу Волги, чрезъ калмыцкую степь. На обратномъ пути изъ Астрахани, графъ Михаилъ Таріеловичъ посѣтилъ Ветлянку, откуда продолжалъ путь на пароходѣ до Чернаго яра, а затѣмъ по почтовому тракту, въ Царицынъ, куда онъ возвратился въ концѣ марта 1879 г.

Вслѣдъ за возвращеніемъ графа пріѣхалъ въ Царицынъ изъ Ветлянки и командированный туда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ докторъ Красовскій.

22 марта происходило послѣднее засѣданіе совѣщательно-санитарной коммисіи, а 30-го числа графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ состоящихъ при немъ лицъ, съ экстреннымъ поѣздомъ выѣхалъ въ Петербургъ. Затѣмъ постепенно начали уѣзжать изъ Царицына различные чиновники, врачи, интенданты. Вслѣдъ за ними двинулись и тѣ войска, которыя были призваны сюда для карантинной службы.

При отправленіи конныхъ чиновъ пограничной стражи рѣ-

---

[1]) Въ проектѣ комиссіи было сказано: «для изслѣдованія эпидеміи». Врачи иностранные были присланы съ цѣлью удостовѣриться въ свойствахъ болѣзни, а также въ томъ—были-ли приняты мѣры къ противодѣйствію ея распространенію. Результатомъ ихъ донесеній своимъ правительствамъ было, какъ извѣстно, снятіе оцѣпленія войсками границъ со стороны Австріи и Пруссіи. Ред.

шено было нѣкоторыя вещи подвергнуть дезинфекціи. Была составлена для этого особая санитарная коммисія, которая, по предложенію провизора Ливена (спеціально командированнаго во временное генералъ-губернаторство для производства дезинфекціи), и придумала произвести дезинфекцію посредствомъ пара. Но тутъ вышелъ курьезъ, который для нѣкоторой характеристики существовавшихъ въ то время порядковъ я считаю не лишнимъ разсказать. Всѣ вещи, состоявшія изъ папахъ, полушубковъ, рукавицъ, сапогъ, ремней и уздъ, были сложены въ товарные вагоны, которые затѣмъ были герметически закупорены и запломбированы. Потомъ въ эти вагоны былъ пущенъ изъ паровозовъ паръ. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ вагоны были въ присутствіи комиссіи открыты и, о ужасъ, оказались внутри полупустыми... Находившіяся въ нихъ вещи, вслѣдствіе вліянія горячаго пара, до такой степени съежились, что, напр., полушубокъ взрослаго человѣка можно было надѣть только на полугодоваго ребенка, а папаху нельзя было натянуть даже на кулакъ! Вслѣдствіе этого войска остались безъ теплой одежды и выѣхали изъ Царицына почти безъ сапогъ.

Такъ окончилась Ветлянская эпидемія, надѣлавшая такъ много хлопотъ, заботъ и нанесшая Россіи громадные убытки.

Н. Мельниковъ.

Царицынъ, 1889 г.

ВОСПОМИНАНІЯ ХУДОЖНИКА В. В. ВЕРЕЩАГИНА [1].

Китайская граница. Набѣгъ.

Я свернулъ къ укрѣпленію Борохудзиру, бывшему крайнымъ нашимъ пунктомъ къ сторонѣ Кульджи, отъ пикета Алтынъ-Имельской станціи, что по дорогѣ изъ Вѣрнаго въ Ташкентъ. Переваливъ черезъ невысокій хребетъ, тянущійся вдоль почтоваго пути, я сразу почувствовалъ перемѣну — стало теплѣе и тише, не такъ вѣтрено. Мы остановились отдохнуть и перемѣнить лошадей въ кочевкѣ управителя Алтынъ-Имельской волости, въ палаткѣ у хорошенькой киргизки, его родственницы.

Хозяйка разсказала о своемъ горѣ: недавно умеръ мужъ ея.

Я отвѣтилъ, что дѣло для нея поправимое, найдетъ другаго, но она замахала руками: «Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно»; «ики балача баръ», т. е. двое ребятишекъ у меня!

— Ну такъ что-же, еще двое будутъ, не скучать же тебѣ всю жизнь одной.

Она отчаянно махнула рукою на мою нескромную рѣчь и поприлежнѣе наклонилась надъ своею работою — приготовленіемъ войлока для киргизскихъ сапогъ, который дѣлается такъ:

На камышевую переборку отъ юрты, разостланную по землѣ, она накладывала размягченную шерсть, рядъ къ ряду, въ требуемую длину и ширину, смачивая и закатывая. Послѣ довольно продолжительнаго катанья получился тонкій войлокъ, который она свернула еще вдвое, подложила на мѣста схода краевъ еще шерсти, еще помочила и снова

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., т. LX, ноябрь, стр. 445—468; декабрь, стр. 671—688; изд. 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 587—630; т. LXII, май, стр. 389—410, іюнь стр. 661—681.

стала скатывать — вышелъ войлочный цилиндръ въ толщину ноги. По этому, уже хорошо скатанному, войлоку выложила отъ руки же узоры, цвѣтною шерстью и потомъ еще стала катать.

Пока я наблюдалъ за этимъ нехитрымъ производствомъ, пришелъ управитель волости со свитою и, между разными разностями, разсказалъ, что его киргизы, мстя не разъ грабившимъ ихъ таранчамъ, въ свою очередь отбарантовали недавно много скота и захватили не мало всякаго добра, даже серебра; но губернаторъ, генералъ Колпаковскій, извѣстясь объ этомъ ихъ подвигѣ, разсердился и приказалъ все возвратить — обстоятельство, о которомъ собесѣдники мои глубоко скорбѣли и причину котораго никакъ не могли сообразить.

Въ кои-то вѣки довелось побаловаться, пограбить, и вдругъ награбленное, съ опасностью жизни, возвращать! Тѣмъ болѣе это было обидно, что барантовали они у народа, возмутившагося противъ китайскаго владычества, не имѣвшаго теперь надъ собою сильной руки и поэтому безцеремонно обращавшагося съ собственностью сосѣдей, т. е. нашихъ киргизъ.

Къ вечеру добрались мы до перваго изъ трехъ пикетовъ, расположенныхъ по пути къ отряду. И вечеръ, и ночь были чудные, точно въ маѣ, слегка прохладные и свѣтлые, хотя стоялъ уже октябрь.

* * *

Слѣдующій день былъ пасмурный, по временамъ мочилъ дождикъ, а на горахъ въ это время падалъ снѣгъ, какъ бѣлою скатертью покрывшій весь хребетъ. Послѣ пятидесяти-верстнаго переѣзда добрался я до пикета № 2. Поохотился за дрофами и зайцами, которыхъ тутъ было великое множество, и усталый расположился ночевать на открытомъ воздухѣ.

Не тутъ-то было, однако, не могъ заснуть отъ страшнаго лая и вытья собакъ.

— «Да уйми ты, братецъ, какъ нибудь своихъ собакъ»! говорю пикетному казаку.

— Никакъ невозможно, отвѣчаетъ онъ, ихъ теперь ни чѣмъ не унять, потому звѣря близко чуютъ.

— «Какого звѣря»?

— Тигру.

— «Развѣ есть здѣсь тигры»?

— И! просто такое множество; по рѣчкѣ вотъ, съ горъ, почитай что каждую ночь приходятъ.

— «А близко подходятъ къ вамъ»?

— Да къ самой избѣ; вотъ гдѣ вы лежите, тутъ завсегда ужъ вынюхиваютъ.

— «Такъ, пожалуй, я напрасно такъ далеко расположился, не откусили-бы они мнѣ носа»?

— Храни Богъ! какъ можно; ежели какъ подойдутъ — собаки безпремѣнно дадутъ знать, зальются...

Въ увѣренности, что собаки зальются и тѣмъ своевременно дадутъ знать, я славно заснулъ и благополучно проспалъ всю ночь.

***

Утромъ на другой день я поѣхалъ далѣе, сначала довольно ровною мѣстностью, вдоль невысокихъ холмовъ, мимо нѣсколькихъ мазарокъ, т. е. киргизскихъ гробницъ, затѣмъ ущельемъ, очень глубокимъ и узкимъ. Бока ущелья состояли изъ песчаника, самыхъ разнообразныхъ яркихъ цвѣтовъ, краснаго, фіолетоваго, желтаго и др. — право, если представишь такіе цвѣта на картинѣ, такъ не повѣрятъ, скажутъ: привралъ художникъ!

Я не утерпѣлъ, чтобы не пострѣлять горныхъ куропатокъ, со всѣхъ сторонъ перекликавшихся и стаями перебѣгавшихъ дорогу. Мимо нѣсколькихъ одинокихъ юртъ, разсѣянныхъ тамъ и сямъ по ущелью, начавшему расширяться, добрались мы и до пикета № 3. Отсюда, поднявшись еще на крутую гору, начали уже все спускаться, прямо къ мѣсту расположенія пограничнаго Борохудзирскаго отряда. Почва становилась болѣе и болѣе глинистою, по краямъ дороги росъ мелкій камышъ, изъ котораго поднимались иногда цѣлыя стаи дикихъ утокъ. Забѣлились, наконецъ, вдали казармы отряда; слышно было какъ играли знакомую зорю. Миновавъ поселеніе калмыковъ, выбѣжавшихъ въ наши предѣлы изъ Китая, отъ возмущенія мусульманъ (дунганъ и таранчей), я въѣхалъ въ самый четыреугольникъ зданій, образующихъ казармы.

Начальника отряда не было дома; въ его отсутствіе меня очень любезно принялъ ротный командиръ, поручикъ Э м а н ъ, и предложилъ свое нехитрое, но уютное помѣщеніе, отъ котораго, конечно, я не отказался, потому что былъ совершенно налегкѣ—ни палатки, ни юрты съ собою не было.

Узнавъ, что я ѣду смотрѣть и рисовать, Эманъ вызвался проводить меня завтра-же до перваго китайскаго городка Тургеня, всего въ 3-хъ верстахъ отъ рѣчки Борохудзиръ. Вообще, впрочемъ, онъ сообщилъ мало утѣшительнаго для моихъ будущихъ занятій: всѣ пограничные китайскіе городки, по словамъ его, были совершенно разрушены, не столько мятежниками таранчами, сколько нашими солдатами, строившими изъ тамошнихъ балокъ и кирпичей свои казармы, хозяйственнымъ способомъ. Экономія казнѣ отъ этого могла быть значительная, если только здѣшнее начальство распорядилось не такъ,

какъ въ Т** отрядѣ, гдѣ строили казармы изъ лѣса и кирпичей, выломанныхъ въ городѣ Чугугакѣ, но каждое бревно и каждую тысячу кирпичей ставили казнѣ по справочной цѣнѣ.

«Впрочемъ, это ужъ самимъ Богомъ такъ устроено и волтерьянцы напрасно противъ этого возстаютъ».

Далѣе рѣки Хоргосъ, по словамъ Эмана, нечего было и думать ѣхать, ибо я наткнулся-бы тамъ, по всей вѣроятности, на пикетъ таранчей. На мой вопросъ: а что будетъ, если я попробую довѣриться гостепріимству таранчинскихъ властей? Эманъ отвѣтилъ: «худаго можетъ быть ничего не сдѣлаютъ, но изъ одной подозрительности навѣрно задержатъ васъ».

Подумавши, я согласился не рисковать, не ѣздить за Хоргосъ, хотя и очень хотѣлось мнѣ попасть въ городъ Чампандзи, за этою рѣкою, покинутый жителями, но совершенно сохранившійся, какъ разсказывали. Въ Кульджу же пробраться и думать было нечего, да врядъ ли и стоило, такъ какъ таранчи и дунгане жили въ мусульманской Кульджѣ, а китайская, наиболѣе интересная, въ которой до возмущенія имѣлъ мѣстопребываніе дзянъ-дзюнъ (генералъ-губернаторъ), стояла пустая, болѣе чѣмъ на половину разрушенная и подмытая рѣкою Или.

***

Рѣчка Борохудзиръ, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывшая далеко впереди нашей границы съ Китаемъ, теперь протекала подъ самыми стѣнами четырехъугольника казармъ, съ орудіями по угламъ, представлявшаго укрѣпленіе совершенно неодолимое для воиновъ степей.

Постройки, благодаря сухому даровому матеріалу, очень не дурны, хотя низки и тѣсноваты. При казармахъ садикъ, покамѣстъ еще тощій; лавочка со всякимъ нужнымъ и ненужнымъ товаромъ, а главное, хорошія бани—все мало ли, много ли способное услаждать досугъ неприхотливыхъ воиновъ, заброшенныхъ въ эти дальные углы нашей необъятной родины. Офицеры, разумѣется, больше скучаютъ тутъ, урываясь возможно чаще въ городъ Вѣрный, гдѣ есть и женское общество, и кое-какія общественныя развлеченія и удовольствія.

Доходишки офицерскіе—разумѣю безгрѣшные—теперь сильно пообрѣзаны, особенно въ пѣхотѣ, хотя, напр., съ продовольствія ротныхъ лошадей или съ освѣщенія все-таки перепадаетъ кое-что ротному командиру, перепадаетъ совершенно ужъ «безъ грѣха»; «потому что, говорилъ Эманъ, если я зажгу въ казармахъ все полагающееся количество свѣчей, то подумаютъ, что я или захотѣлъ сдѣлать иллюминацію, или сошелъ съ ума!»

Въ этомъ же родѣ говорилъ и милый, весьма образованный артиллерійскій офицеръ Р.: « Невозможно скармливать лошадямъ все, что отпускается по положенію—онѣ падутъ на ноги». Вотъ и остается въ рукахъ экономія, усиленная еще тѣмъ, что въ этихъ благодатныхъ мѣстахъ четверть ячменя покупается, напр., по рублю, а справочная цѣна, уплачиваемая казною—$3^1/_2$ рубля—разница не малая.

Впрочемъ (говорю о томъ, что было 20 лѣтъ тому назадъ), командиръ взвода, т. е. 2-хъ орудій, волею-неволею, обязанъ былъ составлять экономію, чтобы доставлять ежегодно по $2^1/_2$ тысячи своему батарейному командиру, который на пріемъ и карточную игру долженъ былъ имѣть 10,000 рублей, сверхъ положеннаго: не внести слѣдуемой доли значило потерять командованіе частью—c'était à prendre ou a laisser. Повторяю, «такъ бывало въ старину».

Заговоривъ объ этихъ старыхъ порядкахъ, я припоминаю, что разсказывали въ Ташкентѣ о командирѣ батареи М., который, изъ всѣхъ русскихъ пѣсенъ, по его собственному будто бы признанію, особенно любилъ «Возлѣ рѣчки, возлѣ моста, трава росла—зеленая, шелковая, муравая»; эту пѣсню онъ не могъ хладнокровно слушать:

— «Господи! говорилъ онъ будто-бы каждый разъ чуть не со слезами на глазахъ,—кабы на этой рѣчкѣ, да на такой травкѣ, да батарейку... да хорошія справочныя цѣны!...»

* *
*

Здѣшнія мѣста, обезлюдѣвшія послѣ кроваваго возмущенія въ Китаѣ, недавно перешли въ наши владѣнія; они были заняты смѣтливыми офицерами, главнымъ образомъ, разумѣется, потому, что плохо лежали, оффиціально же подъ предлогомъ, что тутъ протекаетъ рѣчка съ чистою, здоровою водицею. Не удивительно будетъ, если государственная граница передвинется еще на 100 верстъ впередъ, когда дальше отыщется водица съ лѣскомъ! Нашъ передовой пикетъ былъ уже на той сторонѣ рѣченки, благо тамъ нашлось для него пригодное мѣсто—развѣсистое дерево, на которомъ устроили площадку, для дозорнаго казака, птицею обзиравшаго окрестность; нѣсколько другихъ такихъ же птицъ располагались внизу въ тѣни дерева. Когда мы съ Эманомъ направились къ Тургеню, дежурный съ этого гнѣзда подъѣхалъ къ офицеру съ рапортомъ о благополучіи пикета и окрестности.

Городокъ Тургень оказался небольшимъ селеніемъ, ради положенія близь границы—обнесеннымъ стѣною. Все въ немъ было разрушено, такъ что надежды мои видѣть здѣсь болѣе, чѣмъ въ Чугучакѣ, совершенно улетучились. Эманъ утѣшалъ тѣмъ, что въ самомъ дальнемъ

изъ доступныхъ для обозрѣнія городовъ, Акъ-Кентѣ, я найду много неразрушеннаго и любопытнаго.

На другой же день я отправился туда, въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ и телѣги, нагруженной вещами и провизіею, между которою два живые барана безпрерывнымъ, отчаяннымъ блеяніемъ своимъ перебудоражили, вѣроятно, волковъ и тигровъ всей окрестности.

Слѣдующее за Тургенемъ поселеніе Джаркендъ тоже порядочно разрушено; въ кумирняхъ боги повреждены, фрески на стѣнахъ перепачканы и обезображены. Однако, не смотря на то, что оросительныя канавы были заброшены, сохранилось не мало чудесныхъ тополей и кара-агачей. Фазановъ было такое множество, что они, буквально, поминутно взлетали изъ-подъ ногъ.

Въ третьемъ городкѣ, Тишкентѣ, я тоже не останавливался, и довольно густымъ, прохладнымъ послѣ знойной степи, лѣскомъ добрался до Акъ Кента (акъ—бѣлый, кентъ—поселеніе).

* * *

Этотъ городокъ, дѣйствительно, оказался много цѣлѣе другихъ; напр., домъ управителя, игильдая (полковника), отлично сохранился, съ галлереею внутри двора, съ фигурнымъ раскрашеннымъ навѣсомъ, сплошь разрисованными стѣнами, драконами на крышахъ и проч. Прелестная бесѣдка въ цвѣтникѣ сохранилась въ томъ видѣ, какъ, вѣроятно, была покинута кейфовавшими тутъ за трубкою опіума китайцами.

Въ одномъ мѣстѣ я наткнулся на сооруженіе чисто туземныхъ характера и архитектуры—яму, служившую тюрьмою, въ родѣ знаменитыхъ подземныхъ клоповниковъ Бухары и Самарканда, только меньшихъ размѣровъ. Тюрьма эта шла въ землю не глубоко, на сажень съ небольшимъ, и около сажени-же была въ діаметрѣ; стѣны съуживались кверху бутылкою, до отверстія не болѣе аршина въ поперечникѣ, такъ что человѣкъ едва могъ пролѣзать.

Надобно думать, что сидѣвшіе на этой «гауптвахтѣ», какъ называли ее мои казаки, были не недовольны возмущеніемъ, позволившимъ имъ улизнуть, въ общей суматохѣ, изъ такого злачнаго и прохладнаго мѣста.

Главная кумирня города тоже хорошо сохранилась; въ ней я устроилъ себѣ резиденцію на все время работъ въ этомъ мѣстечкѣ. Постоянно, день и ночь, горѣли у меня на дворикѣ два огромные костра, для варки пищи и очищенія воздуха, благо сухаго дерева не занимать было стать. Воды только не было близко, за нею приходилось посылать за пять верстъ, все-же остальное имѣлось у насъ.

Наша живая провизія, бараны, чуть не накликали намъ бѣды

отъ тигровъ, подходившихъ по утрамъ къ самымъ стѣнамъ кумирни. Мяуканье-рычанье ихъ составляло нашъ ежедневно утренній концертъ, къ которому мы, пожалуй, прислушались бы и привыкли; можетъ быть, открыли бы въ немъ, кромѣ оригинальности и силы, также и извѣстную прелесть, если бы не постоянная боязнь, что одна изъ этихъ звѣринокъ, наиболѣе голодная, не утерпитъ и прыгнетъ къ намъ черезъ ограду—прыгаютъ, вѣдь, тигры удивительно высоко! Бывшая съ нами собачка до того трусила при этихъ рычаньяхъ, что забивалась куда-нибудь глубоко, съ головою.

За то волкамъ, собиравшимся иногда передъ нашею калиткою стаями, песъ нашъ преисправно и прехрабро вторилъ, когда тѣ неистово выли, тоже, вѣроятно, изъ желанія завязать знакомство съ нашими милыми барашками. Иногда, когда хоръ волковъ выводилъ какую нибудь тоскливую, вѣроятно, только очень голодному понятную, ноту, я выскакивалъ, потерявши терпѣніе, съ револьверомъ и стрѣлялъ направо и налѣво—точно брызги разлеталась эта трусливая команда въ разныя стороны.

Впрочемъ, относительно тигра мы были почти увѣрены, что онъ схватилъ бы развѣ барана, а можетъ быть, и собачку, но насъ бы не тронулъ. Очень рѣдко, только въ случаѣ крайняго голода, они нападаютъ на людей; вообще же, хотя ихъ много здѣсь, они ведутъ себя смирно, вѣроятно, потому, что и люди ихъ не трогаютъ. Здѣсь почти не стрѣляютъ тигровъ—нѣтъ ни деревьевъ, ни слоновъ, какъ въ Индіи, напримѣръ, а стрѣлять въ тигра съ одного съ нимъ уровня до крайности опасно: почти нѣтъ вѣроятія убить его однимъ выстрѣломъ, не убитая же, только раненая, даже и тяжело, животинка эта навѣрное наскочитъ и разорветъ стрѣлявшаго.

Можно съ увѣренностію сказать, что тигръ и сильнѣе, и ловчѣе льва—живучесть его изумительна.

Только когда тигръ начинаетъ ужъ очень много портить скота, киргизы собираются на него большими партіями, подкарауливаютъ спящаго, разомъ набрасываются и убиваютъ; но и тутъ не всегда еще одолѣютъ звѣря, а онъ навѣрное перепортитъ много народа.

Солдаты здѣсь, при перевозкѣ дерева и кирпича изъ китайскихъ поселеній, часто встрѣчались съ тиграми, которые постоянно уходили или даже убѣгали, только иногда оглядываясь и облизываясь на воловъ, нападать же на людей они не рѣшались, конечно, безъ вызова.

Вообще, по моему опыту, провѣренному во многихъ странахъ, и лично, и разсказами бывалыхъ людей—розсказни о свирѣпости дикихъ животныхъ преувеличены. Человѣкъ своею вертикальною

фигурою внушаетъ непреодолимый страхъ всѣмъ остальнымъ тварямъ и надобно, чтобы крупный звѣрь былъ очень голоденъ, а мелкіе, какъ волки, были въ большомъ числѣ, чтобы отважились напасть на прохожаго, не дѣлающаго имъ зла и не несущаго оружія. Это послѣднее если и пугаетъ мелкихъ звѣрей, то всегда раздражаетъ большихъ, умѣющихъ прекрасно различать намѣренія человѣка.

Конечно, исключенія бываютъ во всемъ: въ Индіи случается, что тигръ или тигрица—въ особенности, когда они стары и не могутъ уже преслѣдовать и нападать на быстроногихъ и сильныхъ животныхъ—попробовавши человѣческаго мяса, находятъ его такъ вкуснымъ, а процедуру добыванія этого рода пищи такою легкою, то начинаютъ питаться только людьми, почему и называются въ окрестности людоѣдами (Man eater).

Однако, возвращаюсь къ Акъ-Кенту. Работы свои, замѣтки и этюды масляными красками я чередовалъ съ охотою, въ особенности на фазановъ, которыхъ въ камышахъ было видимо невидимо. Часто попадались и дикія свиньи, но я не стрѣлялъ ихъ изъ боязни, какъ бы раненый кабанъ не вздумалъ попробовать крѣпость своихъ клыковъ на моихъ ногахъ—они на это мастера. Мѣстами бывали, должно быть, и тигры: послѣ выстрѣла по фазану, иногда такъ шибко ломался и склонялся камышь въ одномъ направленіи, такъ что-то рычало, сердилось, что, очевидно, какіе-то большіе звѣри утекали, изъявляя свое неудовольствіе. Въ этихъ случаяхъ я тоже обыкновенно благоразумно ретировался въ болѣе открытыя мѣста.

***

Схватившая меня сильная лихорадка не дала очень заработаться въ этихъ мѣстахъ. Наскоро окончивъ начатые этюды, я возвратился къ Борохудзиру, откуда уже располагалъ уѣхать въ Ташкентъ, какъ вдругъ разсчеты мои перевернулись и мнѣ снова пришлось направиться черезъ Акъ-Кентъ, какъ разъ по желанному пути къ Кульджѣ, черезъ Хоргосъ.

***

Три дня спустя по пріѣздѣ моемъ въ отрядъ пришла, «летучка» изъ Лепсинской станицы, расположенной къ сѣверу отъ Борохудзира, съ увѣдомленіемъ начальника полка о томъ, что, догоняя киргизъ, угнавшихъ у него табунъ лошадей, онъ перешелъ чрезъ границу, отбилъ почти всѣхъ украденныхъ коней, да еще въ возмездіе захватилъ 20,000 головъ разнаго скота; киргизъ-же Кизяевскаго рода, произведшихъ этотъ дерзкій грабежъ, побилъ и прогналъ по направленію къ озеру Лобъ-Нору. Онъ предлагалъ начальнику отряда встрѣтить бѣгущія кочевья съ юга и еще разъ поколотить, чтобы на долгое время отбить охоту барантовать въ русскихъ предѣлахъ.

Маленькій отрядецъ нашъ, скучавшій бездѣйствіемъ, встрепенулся и схватился сейчасъ-же за это извѣстіе какъ за предлогъ почесать руки, давно уже зудившіяся. И думать было нечего, конечно, идти къ Лобъ-Нору, а тѣмъ болѣе ловить тамъ какихъ-то киргизъ—хотя для вида объ этомъ и толковали, даже разсматривали карту,—за то офицеры смекнули, что теперь или никогда случай перейти границу и пощипать сосѣдей, на совѣсти которыхъ было давно уже нѣсколько дерзкихъ грабежей и даже убійствъ.

Отданъ былъ приказъ выступить въ эту-же ночь.

Хотя лихорадка не совсѣмъ еще оставила меня, я, конечно, присоединился къ экспедиціи, въ чаяніи повысмотрѣть и порисовать въ китайскихъ предѣлахъ.

Силу снарядили великую: 60 человѣкъ пѣхоты, неполную сотню казаковъ и одно орудіе. Пѣхота выступила еще ночью. Не смотря на приказъ раньше залечь спать, чтобы хорошенько подкрѣпиться сномъ, передъ набѣгомъ,—который долженъ былъ быть быстръ и слѣдовательно утомителенъ—никто въ казармахъ, какъ передъ большимъ праздникомъ, не ложился спать: одни съ шутками и прибаутками собирались, другіе съ шутками-же и смѣшками горевали, что имъ приходилось отстать отъ товарищей, остаться караулить казенную „хурду-мурду“.

Начальникъ отряда, бравый маіоръ П., съ артиллеріею и казаками выступилъ раннимъ утромъ,—къ этимъ коннымъ пристроился и я. Мы догнали нашу пѣхоту уже около втораго городка, обогнали ее и сдѣлали вмѣстѣ привалъ за Акъ-Кентомъ, въ Сассахъ, т. е. въ камышахъ—откуда возили мнѣ воду за время занятій тутъ.

* * *

Мы шли безъ шума, очень скоро и въ сумеркахъ подошли къ полуразрушенной постройкѣ на рѣкѣ Хоргосъ, гдѣ пѣхота, сдѣлавшая съ утра около 80 верстъ, остановилась отдохнуть, а мы двинулись черезъ рѣку далѣе.

Уже темнѣло. Въ этой оградѣ оставленъ былъ обозъ, подъ прикрытіемъ 30 человѣкъ солдатъ, такъ что за нами пошло пѣшей рати тоже только 30 человѣкъ.

Около рѣки была растительность, но далѣе за камышами она исчезла и къ городу Ча-панм-цзы мы вышли на совершенно гладкую мѣстность.

И стѣны, и дома города этого показались мнѣ въ темнотѣ громадными; такъ какъ, подходя, я просто спалъ въ сѣдлѣ отъ усталости [1]),

---

[1]) Мы сдѣлали въ 18 часовъ около 100 верстъ.

то естественно, что сонные глаза поражались темными массами воротъ, кумирень, театровъ и проч. На правой рукѣ у насъ была высокая стѣна крѣпости; у ея воротъ мы, т. е. казаки и артиллеристы, расположились отдохнуть, дождаться зари, когда предположено было устремиться на расположенное въ 12 верстахъ отсюда селеніе Мазаръ, со стоявшимъ тамъ, по слухамъ, отрядомъ въ 400 человѣкъ таранчей. Надобно было подойти къ нимъ не поздно, чтобы застать ихъ врасплохъ и не дать отогнать далеко стада, составлявшія главный предметъ нашихъ вожделѣній. Кстати сказать, казаки у насъ были сибирскіе, не теперешніе лихіе сыны этого войска, а только еще начинавшіе правильно формироваться, непривычные, неодѣтые, необученые. Когда я увидѣлъ ихъ собравшихся въ походъ, я просто ахнулъ: одинъ былъ въ полушубкѣ, другой въ длинной шубѣ, у третьяго шубенка мѣхомъ кверху, у четвертаго сверху до низу заплата на заплатѣ. Шапки и высокія, и куцыя, и широкія, и мохнатыя... Ружья были кремневыя, самые новые стволы 1840-хъ годовъ, нѣкоторые же носили клейма прошлаго столѣтія, словомъ, эти были ни дать ни взять казаки князя Трубецкаго 1612 г. подъ Москвою—хоть сейчасъ рисуй ихъ за такихъ.

Я побродилъ немного по крѣпости и ближнимъ улицамъ; насколько можно было различить въ темнотѣ, многія зданія хорошо сохранились; видны были живопись, барельефы, драконы, завитки и разныя затѣи.

Окрестные жители шибко ломали постройки, увозя дерево и кирпичъ, грудами сложенные во многихъ мѣстахъ.

* * *

Лишь только показался свѣтъ, мы сѣли на коней и выступили — впереди казаки, потомъ артиллерія,—сначала шагомъ, потомъ рысью и, наконецъ, во весь опоръ!

На правой сторонѣ отъ насъ, къ сторонѣ знаменитой Кульджинской долины, видно было много поселеній, но не попалось въ этотъ ранній часъ ни души изъ жителей.

Впереди показались дымки двухъ деревень, сначала Большаго, потомъ Малаго Мазара (мазаръ—гробница).

Въ головѣ отряда у насъ ѣхали два китайца, чиновникъ со слугою, служившіе проводниками. Сынъ Неба, по мѣрѣ приближенія къ тѣмъ мѣстамъ, откуда онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ едва унесъ свою башку, начиналъ видимо трусить, вѣроятно смущаясь нашею малочисленностью. «Смотрите, настойчиво твердилъ онъ, если встрѣтятся таранчи, не троньте ихъ, а то они извѣстятъ своихъ въ Кульджѣ и вамъ отрѣжутъ путь назадъ!» —Ладно, тамъ видно будетъ, кто кого отрѣжетъ, отвѣчали ему.

Версты за 2 до деревни мы понеслись маршъ-маршемъ, едва не завязли всѣмъ отрядомъ въ какомъ-то затопленномъ полѣ и вихремъ внеслись въ поселеніе!..

Батюшки мои, что за суета тамъ поднялась! Нѣсколько человѣкъ перебѣгали черезъ дорогу, спасаясь въ свои дома—казакамъ показалось невозможнымъ допустить это: «Стой, стой, раздались ихъ голоса, держи ихъ, не допущай, не допущай!».

Деревенька оказалась крохотная, всего въ нѣсколько дворовъ, въ одномъ изъ которыхъ собрался весь наличный людъ: блѣдные, буквально дрожавшіе отъ страха и видимо ожидавшіе себѣ конца. Военнаго отряда тутъ не было.

Я слѣзъ съ лошади и пошелъ къ одной саклѣ. «Смотрите, ваше высокоблагородіе, не сдѣлали-бы они вамъ худа!» предупредилъ меня казакъ; но бѣднякамъ было, очевидно, не до нападенія на насъ; они сгибались, низко кланялись и, не смѣя поворотиться спиною, пятились назадъ, отступали. Только молодыя женщины смотрѣли съ меньшимъ страхомъ, какъ-то особенно пытливо.

Всѣхъ мущинъ позвали къ начальнику отряда—они не шли; пришлось тащить—они упирались. Жены и дѣти пошли за ними слѣдомъ съ воемъ и причитаніемъ; судя о нашихъ порядкахъ и обычаяхъ по своимъ, они конечно ожидали смерти для мужчинъ и плѣна-неволи для женщинъ. Признаюсь, я бы охотно удержалъ у себя въ неволѣ одну молодую особу, должно быть дочь почетнаго человѣка, смотрителя гробницы: не много татарскій т. е. скуластый овалъ лица и прорѣзъ глазъ, но прелестныя и личико и фигура, а гнѣва никакого, только любопытство.

По разспросамъ маіора оказалось, что въ этой деревнѣ живетъ всего нѣсколько семействъ при гробницѣ святаго, а въ слѣдующей, рядомъ, дѣйствительно стоитъ отрядъ въ 100 конныхъ таранчей, наблюдающихъ за границею, какъ мы имѣли случай убѣдиться, наблюдающихъ очень плохо, такъ какъ нашъ налетъ былъ чистымъ сюрпризомъ для нихъ.

Въ эту вторую деревню, окруженную высокою стѣною, послали 10 человѣкъ казаковъ, но жители не впустили ихъ, успѣвши затворить ворота, передъ которыми маіоръ и приказалъ казакамъ стоять, сторожить, чтобы кто-нибудь изъ конныхъ не улизнулъ и не далъ знать въ Кульджу. Такъ какъ всѣхъ лошадей въ окрестности мы захватили, то конныхъ гонцевъ, для созыва воинства, жители не могли разослать.

Тѣмъ временемъ нѣсколько партій казаковъ были посланы въ разныя стороны, сбирать скотъ, по мѣрѣ подхода загонявшійся въ очень обширную ограду гробницы, гдѣ расположилось и наше орудіе.

* *
*

Я пошелъ осматривать гробницу, представляющую большую святыню не только для мѣстныхъ, но и для всѣхъ средне-азіятскихъ мусульманъ. Она построена Тамерланомъ или «Хромымъ Тимуромъ», надъ могилою Тоглукъ-Тимура, знаменитаго Джагатайскаго султана, при которомъ Тамерланъ началъ свое бурное и громкое поприще. Зданіе прекрасной постройки, но куполъ уже провалился и тучи птицъ поднялись оттуда, при моемъ входѣ.

Самая гробница, громадныхъ размѣровъ, въ очень жалкомъ видѣ, когда-то богато украшенная, теперь была лишь грязно вымазана простою глиною. За то фронтонъ зданія до сихъ поръ покрытъ глазурованными кирпичами чудной работы,—что за цвѣта и краски, что за прочная работа!

Очень хотѣлось мнѣ вынуть нѣсколько образцовъ цвѣтныхъ кирпичей и, конечно, жители охотно сдѣлали бы это, но я не рѣшился такъ распорядиться и ограничился нѣсколькими обломками, а теперь жалѣю. Сколько я знаю, ни въ одномъ изъ нашихъ музеевъ нѣтъ образцовъ цвѣтной глазури отъ этого памятника Тамерлановой эпохи.

* *
*

Стали сгонять скотъ и цѣлыя облака пыли вмѣстѣ съ нимъ; крупнаго скота, однако-же, лошадей, барановъ, верблюдовъ оказалось мало.

Вотъ прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ, что сбѣжавшійся изъ сосѣднихъ ауловъ народъ не даетъ скотину, затѣваетъ драку. Начальникъ отряда послалъ 10 человѣкъ подмоги, съ приказаніемъ не стрѣлять, чтобы не пугать окрестность, а дѣйствовать больше по мордасамъ и въ крайнихъ случаяхъ шашками. Кусочекъ, который казаки тутъ отнимали, оказался тысячи въ 4 головъ. Я не понималъ кто и какъ погонитъ къ границѣ всю эту массу овецъ, уже и здѣсь въ оградѣ заявлявшихъ о своемъ намѣреніи не покоряться участи: влѣзетъ козелъ на стѣнку, обозрѣетъ окрестность, прыгъ черезъ, да и давай утекать во всѣ лопатки, а за нимъ, конечно, спасаются десятки и сотни четвероногихъ—ловятъ ихъ, гонятъ назадъ! А что за блеяніе, что за шумъ,—трудно и передать.

Казаки поминутно таскали сначала яблоки и груши, потомъ войлоки и разную домашнюю рухлядь. Я пошелъ посмотрѣть откуда это они раздобываютъ, и къ ужасу моему нашелъ, что все въ домахъ было переломано, разбросано, разбито. Кое гдѣ бродили казаки, ища «еще чего нибудь»! при этомъ все, что нельзя было захватить съ собою, должно быть въ наказаніе, ломалось, уничтожалось: попалась связка мѣдныхъ денегъ—разбросана по сторонамъ: книги—по листамъ и по вѣтру, или въ печку. Вездѣ клочья, обломки, обрывки. Дверь въ мечеть выломана; древки съ пуками лошадиныхъ волосъ

повалены, переломаны; жертвенные рога, украшающіе обыкновенно всѣ средне-азіятскія могилы, разбросаны—что за срамъ! чисто духъ разрушенія обуялъ нашихъ воиновъ.

Я оставилъ этотъ печальный осмотръ, потому что уже трубили сборъ и отрядъ выстраивался для обратнаго выступленія. Вплоть до Борохудзира, т. е. на протяженіи 150 верстъ, приходилось теперь гнать набарантованныя нами стада, которыя, конечно, туземцы станутъ отбивать.

Какъ только казаки, сторожившіе ворота второй деревни, отошли, чтобы присоединиться къ намъ, оттуда стали одинъ за другимъ выѣзжать вооруженные всадники, продѣлывавшіе сначала разныя воинственныя эволюціи и затѣмъ правильно выстраивавшіеся; выѣхалъ бѣлый значекъ и отрядецъ открыто принялъ угрожающее положеніе.

Также со всѣхъ сторонъ сталъ собираться народъ, вооруженный копьями и шашками, въ правильныя сотенныя части; ружей у нихъ было мало. Лишь только мы тронулись назадъ, всѣ эти отряды двинулись за нами, съ очевиднымъ намѣреніемъ развлечь скуку нашего отступленія упорными атаками.

Непріятель началъ правильно облагать насъ однимъ сплошнымъ кольцомъ; уже явилось множество значковъ разныхъ цвѣтовъ и одно огромное, ярко-красное знамя, по величинѣ и по той огромной толпѣ, которая его окружала, вѣроятно, сопровождавшее начальника. Съ дикими криками и гиканьемъ они стали обскакивать насъ.

Раздалась команда: «Орудіе съ передковъ»! и затѣмъ «Первая»! Не только самый снарядъ, ядро сколь громъ выстрѣла мгновенно обратилъ въ бѣгство всю вражью силу, хотя не надолго,—они оправились, загарцовали, загикали снова, еще пуще прежняго.

* * *

Я ѣхалъ съ моимъ казакомъ поодаль отъ отряда и, признаюсь, забавлялся, подпуская непріятельскихъ джигитовъ на самое близкое разстояніе, когда они, не видя оружія, подъѣзжали въ упоръ и уже заносили копье—я направлялъ мой карманный револьверъ (Смитъ и Вессонъ) прямо въ физіономію смѣльчака, щелкалъ курокъ и.....пригнувшись къ сѣдлу, отлетали они также быстро, какъ налетали. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ захватить меня врасплохъ, они подлетали уже менѣе стремительно и держались на болѣе почтительномъ разстояніи.

Это воеванье было уморительно: «кель мунда»! (ступай сюда), кричали они, маша рукою и прибавляя крѣпкое словцо.—«Ехъ, сапъ мунда кель»! (нѣтъ, ты ступай сюда), отвѣчалъ я, каюсь, тоже добавляя соленое выраженіе.

Вотъ она первобытная борьба «одинъ на одинъ», которая въ былыя времена всегда предшествовала серьезнымъ дѣламъ,—не доставало только боговъ съ обѣихъ сторонъ, ободрявшихъ, помогавшихъ и направлявшихъ руки воюющихъ.

Туземцы, видимо, держались извѣстной повадки: всячески дразнили движеніями и словами, вызывая на выстрѣлъ, отъ котораго ловко увернувшись, уже смѣло бросались впередъ, съ шашкою наголо, или пикою на перевѣсъ—шестиствольный револьверъ, однако, сбивалъ съ толку эту ловкую тактику.

Казакъ мой, вопреки совѣту, не утерпѣлъ разъ, чтобы не выстрѣлить въ очень надоѣдавшаго ему молодца, да, не успѣвши зарядить ружье, и перетрухнулъ, ударился прочь, когда тотъ съ крикомъ налетѣлъ на него; я отвелъ нападавшаго револьверомъ и выговариваю казаку: «какъ не стыдно тебѣ бѣжать отъ такого вояки»?—Да ружье разряжено, ваше высокоблагородіе, а шашкой отъ пики гдѣ же оборониться! «Зачѣмъ тебѣ заряжать, ты сдѣлай видъ, что опустилъ пулю, хлопни по ложѣ и прицѣлься—смотри какъ побѣжитъ прочь»!

Вышло какъ по писанному: лишь только мы поѣхали пошибче, чтобы догнать отрядъ, какъ нѣсколько джигитовъ, бросились слѣдомъ; казакъ остановился, хлопнулъ по своему незаряженному ружью и прицѣлился въ передоваго—только мы ихъ и видѣли.

***

Однако, положеніе наше начало принимать серьезный характеръ: со всѣхъ сторонъ насъ обскакивали, облегали и кругъ все стѣснялся все болѣе и болѣе нажимали на насъ. Уже впереди дорога нашего отступленія была перерѣзана. Съ гикомъ, визгомъ, гамомъ кружили со всѣхъ сторонъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла тысячи коннаго народа—видно успѣли таки разослать всюду гонцовъ оповѣстить окрестность о нашей малочисленности и созвать охотниковъ душить насъ и отбивать скотъ.

Отдѣльные джигиты и цѣлыя группы ихъ подскакивали вотъ вотъ совсѣмъ близко и едва не отхватывали часть барановъ. Кабы не солдаты, присоединившіеся тутъ и расположившіеся на большихъ интервалахъ, по сторонамъ нашего шествія, казакамъ никакъ бы не уберечь добра.

Казаки, не только первый разъ бывшіе въ огнѣ, но и вообще плохо дисциплинированые, видимо чувствовали себя не ладно. Когда послали одинъ взводъ завязать перестрѣлку, то выѣхавши на небольшое разстояніе, они исполнили приказаніе вяло, неохотно и, пострѣлявши въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, воротились назадъ. Да и то сказать, воевать съ ружьями, какія были у нихъ—трудно.

Не помню, одно или два ружья только были пистонныя, остальныя всѣ кремневыя и бравый конникъ никогда не былъ увѣренъ, что его пищаль выпалитъ, скорѣе онъ долженъ былъ разсчитывать на противное: вспыхнетъ порохъ, поднимется бѣлый дымокъ, въ видѣ маленькаго фейерверка и только. За то, если ружье выпалитъ, то удивленная и довольная физіономія казака поворачивается къ товарищамъ: «накось! ишъ ты! взяло!»

Выговоривши взводу за слишкомъ вялое дѣйствіе, начальникъ отряда выслалъ другой, но съ этимъ дѣло обошлось совсѣмъ не благополучно. Ему велѣно было выѣхать подалѣе, а онъ забрался слишкомъ далеко: не слыша сигнала, призывавшаго его назадъ, онъ забирался все далѣе и, наконецъ, увидѣвши невозможность двигаться далѣе на сплошную массу непріятеля, не останавливаясь, поворотилъ назадъ, да не шагомъ, а крупною рысью, такъ что когда врагъ съ гикомъ ударилъ въ спину, до маршъ-марша было уже не далеко и казаки понеслись: «спасайся, кто можетъ»!

Не бывавшіе въ военныхъ дѣлахъ понятія не имѣютъ о томъ, какъ легко паника охватываетъ отступающихъ съ поля битвы, въ кавалеріи еще сильнѣе, чѣмъ въ пѣхотѣ, потому что, отъ выстрѣловъ и криковъ съ тыла, лошади закусываютъ удила и несутся бѣшено, неудержимо! Просто глазамъ не вѣрилось! казаки стлались, спасаясь во весь опоръ отъ летѣвшихъ за ними и лупившихъ ихъ въ догонку степняковъ. Нѣкоторые изъ нашихъ, сбитые съ лошадей пиками, утекали по пѣшему способу, въ припрыжку, какъ зайцы; нѣкоторые были уже проткнуты и порублены. Я поскакалъ на перерѣзъ: «стой, стой! такіе сякіе!» и влетѣвши въ середину взвода, очутился въ самой серединѣ погрома: одинъ раненый, проткнутый въ пазуху, ревѣлъ благимъ матомъ, продолжая утекать; другой, на бѣгу же вцѣпившись въ направленную на него пику, просто тащилъ за собою всадника... таранчи и киргизы съ визгомъ наотмахъ били бѣжавшихъ!

Первое, что я немедленно же получилъ въ награду за вмѣшательство, былъ ударъ пикою по головѣ, благодаря гладкой бобровой шапочкѣ моей счастливо скользнувшій—если бы не это случайное обстоятельство, ударъ, конечно, не только бы оглушилъ меня, но и вышибъ изъ сѣдла [1]).

Я въ упоръ выстрѣлилъ, но противникъ, ловко увернувшись, набросился съ пикою на перевѣсъ, за нимъ оказались другой, третій...

Крѣпко обозлившись на ударъ по головѣ, я намѣревался выпустить на нихъ заряды револьвера,... когда кто-то схватилъ меня сзади,

---

[1]) Этотъ ударъ долго давалъ себя потомъ чувствовать.

за руки—оборачиваюсь, добрѣйшій Ф., нашъ казачій сотникъ—«Бога ради стойте, васъ безпремѣнно прирѣжутъ».

Тутъ сигнальный рожокъ призвалъ насъ къ отряду и месть волею неволею пришлось отложить, какъ ни обидно было, съѣвши лизуна, не дать сдачи.

Казаки, остановясь, наконецъ, открыли пальбу; одни стонали отъ боли, другіе оживленно переговаривались, препирались, оправдывались одинъ передъ другимъ въ случившейся бѣдѣ—видимо безпокойство стало овладѣвать людьми, сознавшими свою малочисленность и неловкость положенія, среди густыхъ массъ непріятеля, который дѣлался все болѣе и болѣе дерзкимъ, началъ даже напирать на орудіе—того и смотри отхватитъ!

Нашей лучшей защиты, пѣхоты, было очень мало, потому что, изъ 30 человѣкъ, десять пришлось послать для занятія воротъ и стѣнъ крѣпосцы Чампандзи. Это было сдѣлано разумно, потому что займи непріятель укрѣпленіе, черезъ которое шла дорога, намъ было-бы совсѣмъ плохо; теперь же солдатики, перебѣгая по гребнямъ стѣнъ и отпаливаясь во всѣ стороны, значительно охлаждали пылъ враговъ, нѣтъ, нѣтъ, да и сбивая съ сѣдла наиболѣе зарывавшихся.

На счастье наше у противниковъ нашихъ было мало огнестрѣльнаго оружія, такъ что преградить намъ выходъ изъ города и путь къ границѣ они могли только массою, грудью, а на это у нихъ не хватало рѣшимости.

* * *

Эманъ, присоединившись къ отряду съ 20-ю солдатами, тоже привелъ порядочное стадо, тысячи въ 2 головъ, и толкотня, тѣснота у насъ увеличились, разумѣется, еще болѣе.

Дорога, особенно подъ аркою узкихъ городскихъ воротъ, до того была запружена, что все перемѣшалось: тутъ и блеяло, и ржало, и мычало, кричало, шумѣло, распоряжалось—ничего не разберешь. Вдобавокъ, надъ нами стояло такое большое, такое густое облако пыли, что невидно было ничего—будь только непріятель попредпріимчивѣе, ударь тутъ на насъ съ хорошимъ гикомъ, хоть 10 человѣкъ, все бы растерялось и перестрѣляло другъ друга.

Было отчего придти въ отчаяніе, одинъ изъ офицеровъ даже вскрикнулъ съ горя: «если выходъ занятъ—мы пропали»! Я тихонько напомнилъ ему о томъ, что казаки кругомъ насъ и слышатъ это...

Казаки большіе охотники распоряжаться, безъ толку сновали изъ стороны въ сторону и срывали сердце на нашихъ волонтерахъ, китайскихъ эмигрантовъ, испуганными взорами окидывавшихъ нашу и непріятельскую силы и, повидимому, очень сомнѣвавшихся въ благо-

получномъ исходѣ предпріятія—въ каковомъ случаѣ ихъ головы, конечно, прежде другихъ отдѣлились-бы отъ туловищъ.

Одинъ гаврилычъ, подъ шумокъ, даже наклалъ въ загривокъ какому-то маіору Небесной имперіи, да такъ быстро, что не было времени и вступиться и должно быть наложилъ солидно, потому что союзникъ забылъ зѣвать по сторонамъ и отдался всецѣло присмотру за баранами—что и требовалось доказать.

Теперь еще менѣе, чѣмъ утромъ, довелось осматривать постройки города, не до того было, такъ какъ, спасаясь отъ всей этой убійственной сумятицы, мы съ Эманомъ протискались впередъ—тамъ подъ закрытіемъ полуразрушенныхъ построекъ толпы непріятеля ожидали выхода отряда. Не долго думая, мы схватились за наше оружіе, товарищъ за шашку, я за револьверъ, и съ крикомъ ура!, подхваченнымъ бывшими съ нами 6-ю казаками, бросились въ атаку! Какъ-же перетрухнуло все воинство, намъ угрожавшее, какъ оно разсыпалось въ разныя стороны!

Тутъ насмѣшилъ меня одинъ казакъ, пресерьезно совѣтовавшій не преслѣдовать далѣе, такъ какъ «изъ-за крайнихъ сакль стрѣляютъ».

— Ну такъ что-же что стрѣляютъ?

— Да вѣдь пулями стрѣляютъ, ваше высокоблагородіе!

* * *

Безконечное стадо наше, а съ нимъ и мы уже выступили изъ города, на ровную поляну, когда пришло приказаніе отъ начальника отряда остановиться: «будемъ-де ночевать въ крѣпости». Невозможно! рѣшили мы съ Эманомъ, мыслимо-ли защищаться въ этихъ руинахъ, возможно-ли поворачивать теперь назадъ нашихъ четвероногихъ, а главное—неужели дожидаться, чтобы къ завтрашнему утру собралось вокругъ насъ все Кульджинское населеніе, которое тогда дѣйствительно задушитъ отрядъ—и не только барановъ не угнать и самимъ не уйти.

Мы рѣшили возможно поспѣшать къ рѣкѣ Харгосъ, гдѣ кромѣ воды есть еще и большой защищенный оградою дворъ, тотъ самый, въ которомъ остался нашъ обозъ, подъ прикрытіемъ 30 солдатъ.

— «Пойдемъ, чертъ побери, рѣшилъ Эманъ, пойдемъ далѣе, хоть-бы мнѣ за это попасть подъ судъ!»

Онъ увѣдомилъ начальника отряда, что поворотить стадо нѣтъ теперь никакой возможности и мы, не теряя веселаго расположенія духа, продолжали наше движеніе.

Ф. слышалъ потомъ какъ одинъ изъ бывшихъ съ нами тутъ казаковъ разсказывалъ товарищамъ: «Этотъ штатскій полковникъ просто

бѣдовый! вертятъ папироски съ ротнымъ да, въ пересмѣшку другъ передъ дружкой, и идутъ прямо на киргизъ».

Думаю, что все бы обошлось благополучно, если-бы Эманъ не былъ черезъ чуръ великодушенъ: солдатамъ своимъ онъ велѣлъ остаться и ожидать приказанія начальника отряда, т. е. лишилъ нашъ авангардъ единственной поддержки, способной внушить спасительный страхъ непріятелю, и вся многотысячная масса скота, растянувшаяся уже на 2-хъ верстахъ, не имѣла иной защиты, кромѣ нѣсколькихъ до полусмерти перепуганныхъ китайцевъ съ ихъ традиціонными луками и стрѣлами, насъ двоихъ, да немногихъ казаковъ—этихъ послѣднихъ изъ 6-ти осталось только 3, такъ какъ другіе, видя опасность, подъ разными предлогами, улетучились.

«А вѣдь на насъ сейчасъ ударятъ, говорю я товарищу».

— Можетъ-ли быть, хладнокровно отвѣчаетъ финляндецъ—онъ потерялъ на привалѣ свои очки и теперь тщетно поворачивалъ близорукіе глаза, выпуклые зрачки которыхъ ничего не видѣли далѣе нѣсколькихъ саженъ.

«Вотъ, посмотрите, сейчасъ ударятъ!»

— Да гдѣ вы ихъ видите?

«Какъ гдѣ? это-то что-же кругомъ? говорю, указывая на массы, насъ облегавшія».

— Будто все это непріятель? Представьте себѣ, вѣдь я думалъ, что это кусты?

«Неужели, однако, вы до такой степени плохо видите?»

— Да; помните мѣсто, гдѣ мы закусывали въ Сассахъ, тамъ я оставилъ мои очки и глаза вмѣстѣ съ ними.

«Ну, думаю, хорошо имѣть такого зрячаго товарища».

— А это что такое, эти высокіе предметы—это деревья?

«Нѣтъ, это знамена, смотрите, сколько ихъ тутъ?..»

— А!! какъ странно! этого я не предполагалъ?

Только что успѣлъ я послать одного изъ казаковъ къ начальнику отряда, съ извѣстіемъ объ опасности и для насъ, и для барановъ нашихъ, какъ все кругомъ дрогнуло, застонало и, потрясая шашками и копьями, понеслось на насъ! Признаюсь, минута была жуткая. Эманъ опять съ шашкою, я съ револьверомъ, но уже не гарцуя, а прижавшись одинъ къ другому, кричимъ: ура! и... ожидаемъ нападенія.

Безъ сомнѣнія, изъ насъ были бы сдѣланы отбивныя котлеты, какъ то случилось съ однимъ изъ бывшихъ около насъ двухъ казаковъ (другой успѣлъ удрать), но мы спаслись тѣмъ, что, во-первыхъ, непріятель больше зарился на нашъ скотъ, чѣмъ на насъ самихъ,

во вторыхъ, Эманъ, а за нимъ и я, свалились съ лошадей: со слѣпа мой товарищъ заѣхалъ въ ровъ и, полетѣвши черезъ голову, такъ крѣпко ударился лбомъ о землю, что остался распростертымъ. Моя лошадь споткнулась на него: я тоже слетѣлъ, но успѣлъ удержать узду и, вставши надъ лежавшимъ, не подававшимъ признака жизни, пріятелемъ, лѣвою рукою держалъ поводъ лошади, а правою—отстрѣливался отъ мигомъ налетѣвшихъ и со всѣхъ сторонъ окружившихъ насъ степняковъ: такъ и наровили, подлецы, рубнуть шашкою или уколоть пикою, но или выстрѣлъ, или взводъ курка удерживали ихъ, не подпускали слишкомъ близко. Едва успѣваю отогнать одного, другаго отъ себя, какъ заносятъ пику надъ спиною Эмана, третій тычетъ сбоку, четвертый, пятый сзади—какъ только я не посѣдѣлъ тутъ! Признаюсь, я думалъ, что товарищъ мой ловко притворился мертвымъ, но онъ мнѣ разсказывалъ послѣ, что страшно ударился при паденіи и только, какъ сквозь сонъ, слышалъ, что ходили и скакали по немъ. Счастье наше было то, что эти господа, видимо, считали револьверъ мой неистощимымъ; я выпустилъ только четыре заряда, понимая, что пропаду, если буду еще стрѣлять, и больше стращалъ: уже пики приближались со всѣхъ сторонъ и, исковерканныя злостью физіономіи скалились и ругались на самомъ близкомъ разстояніи..

Затрудняюсь сказать, сколько времени продолжалось мое неловкое положеніе—мнѣ то казалось долго, но въ сущности, вѣроятно, не болѣе одной минуты,—какъ вдругъ все отхлынуло и понеслось прочь также быстро, какъ и принеслось: это подбѣжали къ намъ на выручку солдаты—лошадь Эмана промчалась мимо нихъ, унтеръ крикнулъ: «выручай, братцы, ротнаго убили!» и они всѣ бросились, сломя голову, впередъ.

Затѣмъ прискакало орудіе, лихо снялось съ передковъ и, послѣ перваго выстрѣла, не осталось никого около насъ, а послѣ втораго и около барановъ, отогнанныхъ было, но снова теперь нами захваченныхъ. Надобно сказать, что все это случилось очень быстро, быстрѣе, чѣмъ я разсказываю, и сопровождалось сильнѣйшимъ шумомъ: съ бранью налетали киргизы, съ бранью я отстрѣливался, съ бранью стрѣляли солдаты, съ бранью же, наконецъ, взмахнулъ шашкою и Эманъ, когда, очнувшись и вскочивъ на ноги, успѣлъ еще рубнуть одного изъ всадниковъ, конечно, ускакавшаго умирать.

Очевидно, шумъ и крики входили въ систему устрашенія у нашего непріятеля, да отчасти и у насъ самихъ. Впрочемъ, и въ наиболѣе дисциплинированныхъ войскахъ, во время дѣйствія, потребность пугать непріятеля и подбодрять себя шумомъ сказывается еще въ наше время.

Съ удовольствіемъ вспоминаю я, какъ Эманъ бросился мнѣ на шею и какъ славно мы съ нимъ расцѣловались. Въ немногихъ словахъ онъ разсказалъ, какъ будто въ кошмарѣ слышалъ, что его топчутъ, но подняться не могъ. Онъ понялъ, что подвергался опасности получить нѣсколько дырочекъ на свой новый полушубокъ и что я отвелъ эту опасность.

Не теряя времени, мы бросились отбирать наши трофеи, т. е. барановъ, къ счастью, не успѣвшихъ далеко уйти. Таранчи и киргизы, не смотря на умѣнье обращаться съ ними, такъ заторопились, что запугали животныхъ, и тѣ, вмѣсто того, чтобы идти впередъ, повернули мертвымъ кругомъ, т. е. такъ, какъ обыкновенно гоняютъ барановъ по степи, когда не хотятъ, чтобы они разбродились и шибко переходили съ мѣста на мѣсто. Въ такую-то мертвую и заходилъ отхваченный у насъ косякъ и, не смотря на всѣ усилія огромной толпы, его погонявшей, онъ передвинулся всего на нѣсколько саженъ. Два снаряда, пущенные черезъ головы непріятелей, окончательно отняли у нихъ охоту препираться за добычу и они ускакали безъ оглядки.

***

Надобно замѣтить здѣсь, что именно эта атака послужила мнѣ образцомъ при исполненіи потомъ картинъ: «Нападаютъ врасплохъ» и «Окружили—преслѣдуютъ». Офицеръ, съ саблею наголо, ожидающій нападенія, въ первой изъ этихъ картинъ, передаетъ въ нѣкоторой степени мое положеніе, когда, понявши серьезность минуты, я рѣшился коли можно отстрѣляться, а коли нельзя, такъ хоть не даться легко въ руки налетѣвшей на насъ «орды». Конечно, многое въ этихъ картинахъ и измѣнено, кое-что, напримѣръ, взято изъ свѣжаго въ то время разсказа о нечаянномъ нападеніи извѣстнаго Садыка на небольшой русскій отрядъ, посланный на розыскъ его—нападенія, случившагося передъ самымъ пріѣздомъ моимъ въ Туркестанъ, на мѣстахъ, по которымъ я проѣзжалъ. Такъ какъ и этотъ фактъ я взялъ не въ цѣломъ составѣ, а заимствовалъ изъ него только нужное, наиболѣе характерное, то не мало пришлось потомъ слышать нарѣканій за то, что картины мои небывальщина, ложь, клевета на храброе туркестанское воинство и т. п. Даже разумный, добрый и хорошо ко мнѣ расположенный генералъ К. П. Кауфманъ публично укорялъ меня въ томъ, «что я «слишкомъ далъ волю своему воображенію, слишкомъ насочинялъ».

***

Не безъинтересно, что въ самую опасную минуту человѣка не покидаетъ забота о сравнительныхъ мелочахъ: когда непріятельская конница гикнула, полетѣла на насъ и мы поняли, что будемъ сей-

часъ изрублены, я, вмѣсто того, чтобы обмѣняться съ Эманомъ мыслями о защитѣ, только сказалъ ему:

«А, вѣдь, барановъ-то отобьютъ у насъ!»

— Отобьютъ, отвѣтилъ онъ,—скверно!

«Ничего, послѣ опять отнимемъ!»

И все это, и мои вопросы, и его отвѣты, перебрасывалось между криками ура! и потрясаніемъ нашимъ оружіемъ, шашкою и револьверомъ.

Казака, съ нами бывшаго, совсѣмъ порубили, буквально искололи и изсѣкли. Онъ еще дышалъ, когда его подняли и положили вмѣстѣ съ другими ранеными на лафетъ орудія, но бѣдный воинъ вскорѣ умеръ; передъ смертью онъ поднесъ ко рту изувѣченную правую руку, съ перерубленными пальцами, да такъ и застылъ. Жутко было смотрѣть на его вытянутую фигуру, державшую кольцомъ руку передъ самымъ носомъ, точно въ насмѣшку надъ кѣмъ-то.

* *
*

Непріятель опять началъ собираться вокругъ насъ густыми толпами и по нимъ распрекрасно дѣйствовало наше орудіе. Я просто любовался, какъ добрѣйшій и мирнѣйшій Р. вылеталъ на позицію, маршъ-маршемъ выскакивалъ далеко впередъ къ непріятельскимъ группамъ: «Орудіе съ передковъ! Первая!»... и прежде чѣмъ храбрые, но не дисциплинированные противники наши успѣвали разсыпаться, выстрѣлъ частенько вышибалъ нѣсколькихъ всадниковъ сразу. Сейчасъ же подхватывалъ онъ пушку, во весь опоръ подлеталъ къ другому угрожаемому пункту и тамъ «первая» снова давала знать о себѣ.

Все время крикъ и шумъ были страшные, всякій командовалъ. Покажется казаку, что тамъ, гдѣ онъ находится, опасно—сейчасъ-же онъ кричитъ благимъ матомъ: «Орудію сюда давайте! Орудію! Скорѣя!» Орудіе наше было героемъ дня. При выходѣ изъ Борохудзира, Р. мечталъ лишь о томъ, чтобы сдѣлать парочку выстрѣловъ, для реляціи; но дѣйствительность превзошла самыя смѣлыя его надежды, потому что пришлось стрѣлять не переставая и онъ выполнилъ выпавшую на его долю службу такъ, что, признаюсь, во множествѣ дѣлъ, которыхъ участникомъ мнѣ доводилось быть, ни разу я не видѣлъ болѣе блистательнаго дѣйствія орудія. Всѣ наши люди, солдаты, казаки и китайцы забывали и объ опасности, и о баранахъ, засматриваясь на «жарившую» пушку.

Одного калмыцкаго полковника я не могъ видѣть безъ улыбки: колчанъ, набитый стрѣлами, за спиною; въ рукахъ—готовый къ смертоносному дѣйствію лукъ; онъ только вздумаетъ натянуть стрѣлу,

какъ бѣсъ любопытства одолѣетъ его и, весь перевернувшись на сѣдлѣ, онъ слѣдитъ испуганнымъ и любопытнымъ взоромъ за движеніями и дѣйствіями орудія; на бѣду еще полковникъ этотъ былъ близорукъ, и на кончикѣ носа его были воздвигнуты величайшіе изъ когда либо видѣнныхъ мною очковъ—просто, умора! Казалось, онъ мечталъ: «вотъ, кабы намъ, китайцамъ, побольше такихъ орудій, мы бы съумѣли съ ними распорядиться—мигомъ оставили бы ихъ въ непріятельскихъ рукахъ!».

Впрочемъ, и у насъ дѣло едва не доходило до этого: въ короткихъ промежуткахъ, между выстрѣлами, такъ налегали на орудіе, что начальникъ отряда сталъ, вѣроятно, опасаться за исходъ нашей экспедиціи.

Мы ѣхали въ авангардѣ съ Эманомъ, который уже опять возсѣдалъ на своемъ чудесномъ иноходцѣ, чуть было не попавшемъ въ руки враговъ,—когда маіоръ, сильно смущенный, подъѣхалъ къ намъ.

— Кажется, придется бросить барановъ!

— Что вы, маіоръ, ни сотни нельзя уступать—срамъ!

— Да вѣдь орудія отнимутъ, напираютъ такъ, что стрѣлять не даютъ!

Эманъ ускакалъ съ нимъ въ аріергардъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается, а я остался распоряжаться впереди.

И пришлось же понукать и браниться! Солдатамъ достаточно было только сказать и съ ними забота была лишь о томъ, чтобы они не стрѣляли попусту, въ пространство, и не рисковали бы такимъ образомъ остаться безъ патроновъ. Но казаковъ приходилось постоянно то подгонять, то разгонять и бранить: собираются въ кучки и передаютъ другъ другу разные страхи, вмѣсто того, чтобы дѣлать дѣло, т. е. возможно поспѣшнѣе гнать впередъ стада, растянувшіяся теперь на добрыхъ четырехъ верстахъ разстоянія.

* * *

Уже смеркалось, когда мы подошли къ первымъ рукавамъ рѣки Харгосъ. Наконецъ-то!

Выстрѣловъ изъ орудій не было слышно въ тылу, но солдатики, шедшіе въ цѣпи, по сторонамъ, пострѣливали еще.

Оставшіеся въ обозѣ, за оградою, солдаты разсказывали, что киргизы подъѣзжали къ нимъ, увѣряли, что отрядъ нашъ разсѣянъ, уничтоженъ и предлагали уходить: «мы де васъ не тронемъ», но въ отвѣтъ имъ выставили ружья и посовѣтовали убираться—къ чорту подъ хвостъ.

Съ величайшимъ трудомъ и нечего говорить съ какимъ шумомъ наши трофеи были переправлены черезъ рѣку и загнаны въ ограду,

изъ которой маіоръ соорудилъ укрѣпленіе, совершенно недоступное для преслѣдовавшихъ насъ полчищъ. По стѣнамъ, внутри и снаружи, были разсыпаны стрѣлки, казаки поставлены въ боевой порядокъ, орудіе въ воротахъ.

Предосторожности эти оказались очень не лишними, потому что вслѣдъ за наступившей было передышкой вдругъ,—когда уже совсѣмъ стемнѣло—раздался со всѣхъ сторонъ адскій визгъ и гикъ толпы подступавшихъ... Выстрѣлы, хотя и направленные наугадъ, быстро отняли охоту у непріятеля повторять опытъ и мы провели ночь сравнительно спокойно.

* * *

Послѣ вчерашней закуски на привалѣ въ Сассахъ я ничего не имѣлъ во рту, если не считать пары грушъ, найденныхъ и съѣденныхъ въ Мазарѣ,—грушъ, очень вкусныхъ, но далеко не достаточныхъ для заморенія червяка, начинавшаго теперь, на сравнительномъ покоѣ, давать знать о себѣ. Я просилъ достать мнѣ хоть что нибудь поѣсть такъ настоятельно и угрожалъ въ противномъ случаѣ умереть съ голода такъ рѣшительно, что отыскался кусочекъ говядины и старая лепешка, показавшіеся мнѣ, конечно, очень вкусными.

На другой день мы готовились къ такимъ же хлопотамъ, но, сверхъ ожиданія, довелось выступить раннимъ утромъ совсѣмъ спокойно. Только часа два спустя показался въ тылу непріятель, державшійся, однако, вдали, по холмамъ, внѣ нашихъ выстрѣловъ.

Должно быть, потерявши наканунѣ не мало народа, они рѣшили не пробовать болѣе счастья и проститься съ отбитымъ скотомъ издалека.

Отдохнувши опять на томъ же мѣстѣ въ Сассахъ, гдѣ, мимоходомъ сказать, къ великой радости Эмана, нашлись его очки, мы, безъ дальнѣйшихъ приключеній, добрались до Борохудзира.

* * *

Такъ кончился нашъ набѣгъ. Прекрасная Елена была раздѣлена, разумѣю барановъ, въ данномъ случаѣ игравшихъ роль красавицы гречанки. Всѣ нижніе чины получили по два барана, урядники по пяти, офицеры по 50, начальникъ отряда—не помню сколько. Остальные—тысячъ 5—6, вмѣстѣ съ небольшою дозою рогатаго скота, были, по приказанію военнаго губернатора, проданы и вырученныя за нихъ деньги пріобщены къ какимъ-то казеннымъ суммамъ.

А пораненные казаки?—Что имъ дѣлается, поболѣли, да и выздоровѣли.

А изрубленный казакъ? — Гмъ! ну, изрубленный-то, конечно, умеръ, за то похоронили его съ честью, всею командою, съ музыкою и

залпомъ; на послѣдней демонстраціи разряжены были всѣ ружья, оставшіяся заряженными съ похода. Такъ и тащили бѣднягу съ рукою, поднесенною ко рту—даже крышку гроба пришлось изъ-за этого дѣлать выше обыкновеннаго.

Не обошлось безъ шутки: похоронный рожокъ такъ старательно выводилъ все одинъ и тотъ-же однообразный, даже не мотивъ, а какой-то окликъ, что я спросилъ Р., что это онъ наигрываетъ?

— Развѣ вы не знаете, отвѣчалъ онъ:—это спрашиваютъ мертваго: «Ты куда? Ты куда-а? Ты куда-а-а-а!»

***

Былъ и эпилогъ нашего похода «за похищеніемъ руна».

Начальникъ отряда получилъ свѣдѣнія о томъ, что таранчи собираютъ огромныя силы—40,000 человѣкъ будто бы собираются раздавить борохудзирскій отрядъ. Для подъема фуража этому войску согнано будто бы 1,000 верблюдовъ и т. д. въ томъ-же родѣ.

Правда эта была или нѣтъ, въ отрядѣ, на всякій случай, приготовились встрѣтить гостей. Прежде всего послали разъѣздъ; затѣмъ приказано было казакамъ держать лошадей осѣдланными; запаслись сухарями на случай осады и орудія стали дѣлать репетицію новой маленькой комедіи, намъ обѣщанной. Въ то-же время маіоръ П. послалъ донесеніе о случившемся и просилъ о подкрѣпленіи отряда.

Всѣ эти приготовленія и ожиданія разрѣшились очень скоро и весьма неожиданнымъ образомъ: послѣ двухъ дней, проведенныхъ въ безпрерывной тревогѣ, получено, наконецъ, извѣстіе о томъ, что идетъ сила—вò какая!

Прискакалъ казачій разъѣздъ!—лошади въ мылѣ—«скакали не останавливаясь 20 верстъ». Непріятель гнался за ними, но они успѣли спастись!.. не могутъ сказать сколько непріятеля!... они видѣли только передовыхъ.... а тамъ дальше за камышами—видимо-невидимо!...

Ударили тревогу—въ нѣсколько минутъ все встало на ноги; орудія по угламъ, стрѣлки у оконъ и амбразуръ!

— «Вотъ посмотрите какъ мы начнемъ ихъ сейчасъ валять», говорилъ мнѣ начальникъ отряда, расхаживавшій по двору и поминутно отдававшій приказанія.

Въ ожиданіи этого «валянья», которое что-то замедлилось, мы пошли съ Эманомъ допивать чай въ его комнату, куда вскорѣ хохоча и бранясь вошелъ и маіоръ П.: «Ахъ, подлецы, ахъ мошенники, ахъ, трусы негодные; представьте себѣ, что они сдѣлали!» И разсказываетъ: «Третьяго дня былъ высланъ разъѣздъ изъ 8 человѣкъ нашихъ киргизъ, съ приказаніемъ прослѣдовать до рѣки и разузнать

не собираются-ли таранчи на отместку намъ. Такъ какъ разъѣздъ долго не возвращался, то я послалъ еще 10 человѣкъ казаковъ, тоже окрестности осмотрѣть, да и киргизъ кстати розыскать. Двадцать верстъ наши воины прошли благополучно, но тутъ вдругъ увидѣли, что изъ-за камышей выѣзжаютъ вооруженные люди, одинъ, другой, третій!... Не долго думая гаврилычи назадъ! Киргизскій разъѣздъ— такъ какъ это онъ возвращался, не встрѣтя ни одной вражеской души, поскакалъ слѣдомъ за ними: стой! стой! послушайте! мы ваши, вы наши!... Не тутъ-то было, казаки еще пуще удирать—скакали, скакали до самаго отряда, который и перебуторажили извѣстіемъ о приближеніи непріятельской рати...

* * *

Всѣ участники этого набѣга были награждены орденами, но моя награда была лучшая. Узнавъ изъ донесенія военнаго губернатора Семирѣченской области генерала Колпаковскаго объ участіи, которое довелось мнѣ принять въ этомъ дѣлѣ, ген. Кауфманъ сдѣлалъ мнѣ ручкою и сказалъ: «спасибо, спасибо за Эмана»!

* * *

Два слова о драматической смерти Эмана: образцовый строевой офицеръ, исполнительный и разумный, онъ нѣсколько лѣтъ потомъ прекрасно шелъ по службѣ, будучи на самомъ лучшемъ счету у своего начальства. Связь съ дрянной женщиной втолкнула его въ проступокъ: онъ растратилъ 5000 казенныхъ денегъ и свалилъ бѣду на разбойниковъ, яко бы ограбившихъ его на эту сумму, въ дорогѣ. Когда, послѣ слѣдствія, арестовали и осудили совершенно невинныхъ людей, честная натура Эмана взбунтовалась: онъ написалъ письмо съ разъяснееніемъ дѣла, просилъ отпустить невинно осужденныхъ, если возможно, простить ему..... и застрѣлился.

В. В. Верещагинъ.

ПРОТОІЕРЕЙ ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВЪ.

Одно изъ его донесеній о непорядкахъ въ средѣ монаховъ

въ XVIII вѣкѣ.

Святѣйшаго правительствующаго синода члену, преосвященнѣйшему митрополиту московскому и калужскому и Свято-Троицкія Сергіевы лавры архимандриту Платону покорнѣйшее доношеніе.

Московскаго Архангельскаго собора отъ протоіерея Петра Алексѣева о нижеслѣдующемъ:

Находившійся прежде въ часовнѣ у Воскресенскихъ вратъ іеромонахъ Мельхиседекъ оказалъ поступки, въ православной церкви нетерпимые, а именно: принаровясь ко вкусу простонародія фарисейскимъ лицемѣріемъ, огласилъ себя въ Москвѣ нѣкіимъ чудотворцемъ и вдохновеннымъ, необыкновенно сказывая о себѣ, что ему далася благодать отъ Иверскія Пресвятыя Богородицы изгонять бѣсовъ изъ тѣлъ человѣческихъ, а особливо изъ женскихъ; исцѣлять порчи, разсылалъ онъ въ мірскіе домы наученыхъ кликушъ своихъ для нѣкоторыхъ предсказаній и угадыванія, кто кого испортилъ, кои на невѣрющихъ вздорнымъ ихъ бреднямъ грозилися, проговаривая: «Развѣ тебѣ не бывать къ намъ въ часовню, а то мы тебѣ это отсмѣемъ». Принималъ онъ къ себѣ на домъ многихъ обоего пола, паче же къ суевѣрію склонныхъ людей, которые, вознебрегши настоящихъ правильныхъ своихъ духовниковъ, пошли къ нему толпами и готовы за него, яко за праведника, въ случаѣ фанатизма души свои положить, коихъ онъ не только исповѣдывалъ по таинству христіанскому, но причащалъ самъ въ приходской одной церкви, дая чрезъ то знать, что тайны церковныя, имъ, Мельхиседекомъ, преподаемыя, суть яко бы спасительнѣе, нежели отъ женатаго священника совершаемыя. Сіе онъ чинилъ по примѣру древняго раскольника Евстафія, преданнаго на Гангрскомъ соборѣ, за суемудрое ученіе, анаѳемѣ. Онъ же, Мельхиседекъ, развратилъ нѣсколько семействъ своимъ страннымъ ученіемъ и суевѣрнымъ хан-

жествомъ, вооруживъ женъ малоумныхъ противъ законныхъ супруговъ, тако-жъ дѣтей противъ родителей. По сему поводу разгорячивъ въ своихъ ученицахъ воображеніе, сдѣлалъ ихъ сумасбродными, нѣкоторыя изъ нихъ стали носить наружѣ привѣсы, кресты и разныхъ святыхъ образа, дерзали метать въ пещь огненную просвиры церковныя проскомедисованныя, затѣмъ только что отъ мірскаго священника принесены въ жертву; осыпать свои ложа пескомъ, яко бы іерусалимскимъ, и кропить елеемъ, яко бы святымъ, для отгнанія бѣсовъ и порчи, отъ него же, Мельхиседека, даннымъ, и прочія безчисленныя творитъ нелѣпости къ великому истинныхъ христіанъ соблазну, отъ иностранныхъ разумныхъ людей зазрѣнію и къ стыду нынѣшняго просвѣщеннаго вѣка.

Тѣмъ не удовольствуясь, онъ, Мельхиседекъ, вымышлялъ ложныя чудеса, какъ-то: пришедъ въ мірской домъ, вынувъ изъ-за пазухи икону, сказывалъ, что она будто сама у него написалась за пазухою и стала новоявленная; еще ученицамъ своимъ давалъ въ руки держать посошки какіе-то святые; колпакъ надѣвалъ на голову ихъ и вдѣвалъ зипунъ, послѣ какого-то святоши солдата оставшійся; кропилъ ихъ водою іерусалимскою и прочая. Разлившееся по Москвѣ о ханжествѣ Мельхиседековомъ благочестивыхъ людей негодованіе, когда дошло до свѣдѣнія вашего преосвященства, то хотя онъ, Мельхиседекъ, и переведенъ въ Екатерининскую пустыню настоятелемъ, но и оттуда въ царствующій градъ учащаетъ непрестанно и волочится по мірскимъ домамъ, особливо у дочерей своихъ духовныхъ, и научаетъ, въ противность духовнаго регламента, несвойственной монашескому чину благопристойности, вознапутствуетъ таинствами спасительными болящихъ женъ къ вѣчности, даже взятою незнаемо откуда евхаристіею причащаетъ, тайно отъ приходскихъ священниковъ и настоящихъ ихъ духовниковъ, елеемъ освящаетъ ихъ съ монахами, не въ силу соборнаго Іаковля посланія, гдѣ сказано: «болитъ ли кто въ васъ, да призоветъ пресвитеры церковные», а не монаховъ; почему опасность есть отъ него, Мельхиседека, чтобы онъ не сталъ своихъ ученицъ постригать предъ смертію въ схиму, по примѣру еретиковъ-богомоловъ, кои утверждали, что безъ постриженія въ монашество нельзя человѣку спастися. Однако, кромѣ того нарушены имъ, Мельхиседекомъ, святыя правила, церковныя и государственныя узаконенія.

Преосвященнѣйшій владыко! жалость дому Божію снѣдаетъ мою душу, дабы таковой новый ханжа не составилъ каковаго либо церкви святой противнаго и отечеству вреднаго толку, подобнаго Андрюшкину или другихъ какихъ нибудь развратниковъ. Того ради о семъ извѣщая ваше преосвященство, покорнѣйше прошу, дабы благоволено было отвратить соблазнъ сей отъ православныя церкви, запретить какъ означенному обаяннику Мельхиседеку, такъ и другимъ монашествующимъ, единожды отрекшимся міра и безмолвную жизнь возлюбившимъ, чтобъ не входили не въ свои званія, не принимали бы

къ себѣ на исповѣдь мірскихъ людей, особливо женскаго пола, не таскались бы въ Москву по дворамъ обывательскимъ и не употребляли-бъ во зло простоты народной отбираніемъ у нихъ послѣднихъ денегъ, на пропитаніе семейства ихъ нужныхъ, не выставляли-бъ иконъ святыхъ на улицу градскую, а паче предъ часовнями, не подговаривали-бъ въ пустыни дѣтей отъ родителей и мужей отъ женъ къ постриженію. Касательно-жъ лично до суевѣрнаго старца Мельхиседека не соблаговолено ли будетъ удалить его отъ столичнаго града въ монастырь подалѣ Екатерининской пустыни [1]), поручивъ подъ начальство благоразумному настоятелю съ предписаніемъ о его неисходности оттуда и съ пресѣченіемъ всѣхъ способовъ къ произведенію въ дѣйство вышеозначенныхъ суевѣрій и ханжествъ зазорныхъ.

Сіе мое извѣщаніе произошло отъ нелицемѣрнаго усердія къ вашему преосвященству и клонится единственно къ предосторожности вашей, дабы таковой въ епархіи в. преосв—ства умножающійся безпорядокъ не дошелъ до свѣдѣнія святѣйшаго правительствующаго синода, кольми паче до высочайшаго слуха. Вашего преосвященства нижайшій послушникъ и т. д.

Сообщ. 16 янв. 1877 г. профес. **Н. С. Тихонравовъ.**

---

1) Екатерининская пустынь находилась въ бывшемъ Никитскомъ уѣздѣ Московской губерніи, въ 13 верстахъ отъ столицы. Н. Т.

РѢЧНОЙ И МОРСКОЙ ВОЕННЫЙ ПОХОДЪ В. К. ВЛАДИМІРА

от Кіева до Херсонеса и обратно

въ 988 году.

Торжественное празднованіе въ Россіи, 15 іюля прошлаго 1888 года, 900-лѣтія крещенія в. к. Владиміра и Руси породило, до и послѣ этого торжества, почти цѣлую литературу по этому предмету. Много было печатано о немъ въ нашихъ журналахъ, преимущественно духовныхъ, и говорено въ рѣчахъ на разныхъ собраніяхъ. Сверхъ всеобщаго выраженія при этомъ подобающихъ мыслей и чувствъ религіозныхъ и патріотическихъ, не мало было при этомъ ученыхъ преній о годѣ, мѣсяцѣ и числѣ крещенія Владиміра и Руси, т. е. кіевлянъ, на основаніи русскихъ, греческихъ и даже арабскихъ лѣтописей. Мнѣнія о томъ были весьма различныя, но къ окончательному соглашенію не привели. Одно изъ нихъ, кіевскаго профессора г. Соболевскаго, состояло въ томъ, что въ лѣтописи Нестора (составленной 100 лѣтъ послѣ крещенія) изложенъ цѣлый рядъ событій, какъ то: походъ на Корсунь (Херсонесъ), взятіе его, крещеніе въ немъ Владиміра, бракосочетаніе его съ греческой царевной и обратный походъ, итого пять событій. По мнѣнію г. Соболевскаго, Несторъ допустилъ ошибку въ перечисленіи этихъ пяти событій, поставивъ ихъ въ одномъ и томъ же году, такъ какъ невозможно допустить, чтобы въ такой, сравнительно короткій, промежутокъ времени могло совершиться столько событій. Поэтому г. Соболевскій полагалъ, что крещеніе кіевлянъ должно было совершиться позже и т. д.

При ближайшемъ разсмотрѣніи этого мнѣнія, какъ и многихъ другихъ, преимущественно въ духовныхъ журналахъ, нельзя не

замѣтить бо̀льшей или меньшей односторонности. Многое вовсе не принято въ необходимое соображеніе, могущее уяснить этотъ вопросъ, чего не могутъ сдѣлать сказанія современныхъ и позднѣйшихъ лѣтописцевъ и народныхъ преданій, а могутъ только осложнить и запутать вопросъ. Такъ, не приняты въ соображеніе условія времени, мѣста, соприкосновенныхъ съ ними обстоятельствъ, и особенно то, что походъ Владиміра былъ военный, какими были и предшествовавшіе ему походы Аскольда и Дира, Игоря и Олега. Если принять всѣ эти условія въ соображеніе, то окажется возможнымъ значительно упростить и уяснить означенный вопросъ и придти къ заключенію, что признанное г. Соболевскимъ за невозможное можетъ оказаться вполнѣ возможнымъ.

Приступая къ доказательству этого, прежде всего необходимо обратить вниманіе на условія времени, а именно, что въ 988 году, по христіанскому лѣтосчисленію, новый годъ начинался съ 1 марта и продолжался до 1 марта слѣдующаго года. Слѣдовательно, для совершенія рѣчнаго и морскаго похода отъ Кіева до Херсонеса и обратно, удобными могли быть только 3 весенніе и 3 лѣтніе мѣсяцы, осенніе же и зимніе были для того невозможны. Но и изъ весеннихъ мартъ также былъ неудобенъ, потому, что въ этомъ мѣсяцѣ, во второй половинѣ его, какъ и нынѣ, Днѣпръ вскрывался и разливался, а ледоходъ на немъ продолжался долѣе нынѣшняго. Днѣпръ тогда былъ гораздо многоводнѣе, чѣмъ теперь, когда онъ сильно обмелѣлъ, а теченіе его, и теперь очень быстрое, тогда было еще быстрѣе. Въ нижней же части его были, какъ и теперь, пороги, но вѣроятно болѣе опасные для тогдашнихъ судовъ, которые, поэтому, и перетаскивались «волокомъ» по берегамъ, что требовало не мало времени и трудовъ. Достаточно припомнить, что въ 972 году, лишь за 16 лѣтъ до похода Владиміра, отецъ его, Святославъ, при этихъ самыхъ порогахъ палъ въ бою съ печенѣгами, преградившими ему путь изъ засады. Приднѣпровскій же край былъ тогда, какъ и теперь, равнинный, но не степной, а лѣсистый, по крайней мѣрѣ на лѣвой сторонѣ рѣки, какъ удостовѣряютъ новѣйшія ученыя изслѣдованія. Рѣчной походъ по Днѣпру совершался и Владиміромъ точно такъ же, какъ Аскольдомъ и Диромъ, Олегомъ и Игоремъ, на гребныхъ и едва ли не плоскодонныхъ, парусныхъ судахъ, можетъ быть въ родѣ позднѣйшихъ «чаекъ»

запорожскихъ казаковъ. У Олега такихъ судовъ было, если вѣрить лѣтописямъ, 2 тысячи съ 40 воинами на каждомъ, всего 80 тысячъ человѣкъ. Сколько ихъ было у Аскольда и Дира, и у Игоря—неизвѣстно, у Владиміра же, вѣроятно, не менѣе чѣмъ у Олега. На этихъ судахъ или «ладіяхъ», подобно тому какъ въ древности у грековъ, римлянъ и другихъ народовъ, перевозились, сверхъ гребцовъ, вооруженные воины, ихъ оружіе, военные, продовольственные и иные запасы. И врядъ-ли нагруженныя такимъ образомъ суда, при сильномъ теченіи рѣки, могли проходить черезъ пороги иначе, какъ съ «переволокомъ» ихъ по-суху, что, какъ сказано, требовало не мало времени и трудовъ, и замедляло плаваніе, которое выше и ниже пороговъ, напротивъ, было ускоряемо сильнымъ и быстрымъ теченіемъ рѣки. Принимая все это въ соображеніе, можно предположить, что рѣчной походъ Владиміра, начатый не ранѣе первой половины апрѣля, могъ совершиться до моря не менѣе, какъ въ 2 недѣли, если не болѣе, слѣдовательно къ половинѣ апрѣля.

Морской походъ отъ устьевъ Днѣпра до Херсонеса представлялъ своего рода затрудненія и опасности, потому что Черное море, и тогда какъ теперь, было чрезвычайно бурно въ весеннее и осеннее равноденствіе. Бури же на немъ были очень опасны для упомянутыхъ выше судовъ: стóитъ только припомнить, какъ въ 866 году сильная буря разметала и потопила суда Аскольда и Дира подъ Константинополемъ. Благополучное же достиженіе Херсонеса судами Владиміра означаетъ, вѣроятно, что плаваніе ихъ совершилось безбурно. Времени же на это, въ такомъ случаѣ, можно предположить около недѣли, если не болѣе, во второй половинѣ апрѣля.

Съ прибытіемъ къ Херсонесу, Владиміру предстояла трудная задача—произвесть высадку на берегъ передъ самымъ городомъ и осадить его. Это былъ большой городъ, сильно укрѣпленный, по тогдашнему обычаю у грековъ, высокими и толстыми каменными стѣнами, съ бойницами, такими же башнями и широкимъ, глубокимъ рвомъ впереди и вокругъ; изъ военной же исторіи извѣстно, что у грековъ и тогда, какъ всегда прежде, процвѣтало искусство укрѣпленія, обороны и осады такихъ городовъ, и греческіе инженеры всегда въ древности славились своимъ искусствомъ, даже у римлянъ. Что же могли противопоставить этому «неустроенныя» народныя войска Владиміра,

не только неискусныя, но и невѣжественныя въ осадномъ искусствѣ и не имѣвшія никакихъ необходимыхъ осадныхъ орудій! Да и откуда было имъ имѣть все это? всѣ ихъ удачные военные подвиги дотолѣ были «полевые», противъ дикихъ народовъ, либо стоявшихъ на одинаковой съ руссами степени неустройства. Греческія же войска были отличныя «регулярныя», превосходно вооруженныя и устроенныя. Поэтому легко представить себѣ, каковы были осада и оборона Херсонеса. Уже самую высадку на берегъ и начало осады русскія войска должны были производить подъ сильною и мѣткою стрѣльбою грековъ, со стѣнъ и башенъ города, стрѣлами изъ луковъ и каменьями изъ пращей и большихъ метательныхъ орудій. Укрываться же отъ этого русскія войска могли только своими щитами и, можетъ быть, земляными окопами и подступами къ городу, для чего у нихъ не было необходимыхъ орудій, ни искусства; стрѣльба же ихъ изъ луковъ была, вѣроятно, мало дѣйствительна. Послѣ многихъ трудовъ и времени, не безъ большаго урона, приблизясь, наконецъ, къ городскому рву, они должны были завалить его землею для перехода черезъ него, подъ сильною стрѣльбою грековъ, а потомъ производить подкопы подъ городскія стѣны. Но осажденные уносили всю эту землю, по ночамъ, въ городъ и дневной трудъ осаждавшихъ пропадалъ напрасно. Неудивительно послѣ того, что осада Херсонеса должна была продолжаться очень долго, по инымъ свѣдѣніямъ, совершенно невѣроятнымъ, будто до полугода, дѣйствительно же, можетъ быть, не менѣе мѣсяца, именно всего мая. И долго еще не взяли бы Херсонеса осаждавшіе, если бы, по сказанію лѣтописей, херсонскій пресвитеръ Анастасій не пустилъ въ русскій станъ стрѣлы съ письменнымъ совѣтомъ—перерыть за городомъ водопроводъ, снабжавшій городъ водою. По исполненіи этого, жители города, томимые жаждою, наконецъ, сдали городъ. Нельзя не признать, что причиною этого успѣха была хитрость Анастасія гораздо болѣе, чѣмъ искусство осаждавшихъ, которые безъ того долго осаждали бы городъ и, можетъ быть, не взяли бы его. Вслѣдствіе того, такъ какъ продолжительность осады въ точности неизвѣстна, неопредѣленно выражаясь только словами «очень долго», то можно предположить, что она заняла весь май, и это не будетъ, кажется слишкомъ много.

По взятіи Херсонеса, въ іюнѣ, начались переговоры Владиміра съ императорами въ Константинополѣ. Для этого Владиміръ, вѣроятно, послалъ моремъ, на своихъ судахъ, своихъ пословъ, съ извѣстіемъ о взятіи имъ Херсонеса, требованіемъ прислать въ оный царевну—сестру императоровъ, для бракосочетанія съ нимъ, и даже съ угрозою, въ противномъ случаѣ, «взять Константинополь» [1])! Продолжительность плаванія пословъ Владиміра и переговоровъ ихъ, затѣмъ обратно въ Херсонесъ, съ отвѣтомъ императоровъ, что они не могутъ выдать сестру свою за язычника, вторичная посылка пословъ къ нимъ, съ отвѣтомъ Владиміра, что онъ крестится въ Херсонесѣ до бракосочетанія, и затѣмъ уже отправленіе царевны въ Херсонесъ, конечно, должны были потребовать не малаго времени, если и не весь іюнь, то во всякомъ случаѣ не менѣе двухъ или трехъ недѣль его.

Прибытіе, наконецъ, царевны, безъ сомнѣнія съ большою свитою, на императорской флотиліи, затѣмъ крещеніе Владиміра и бракосочетаніе его въ Херсонесѣ, со всѣми византійскими, придворными церемоніями и торжествами, и наконецъ приготовленіе къ обратному плаванію въ Кіевъ—все это заняло, вѣроятно, конецъ іюня и двѣ или три недѣли іюля. При этомъ слѣдуетъ еще принять въ соображеніе, что по уставу православной церкви, бракосочетаніе Владиміра должно было совершиться до 1 августа—начала успенскаго поста, въ продолженіе котораго браки воспрещены. И вѣроятно, что бракосочетаніе Владиміра совершилось еще прежде 1 августа.

Обратный путь отъ Херсонеса до Кіева долженъ былъ совершиться, какъ можно предполагать, въ началѣ августа, въ большемъ, можетъ быть вдвое, числѣ судовъ (съ присоединившимися греческими) и до устьевъ Днѣпра довольно скоро и безбурно, такъ какъ въ это время Черное море не подвержено такимъ бурямъ, какъ въ равноденствіе. Но отъ устьевъ Днѣпра, противъ теченія его и съ переволокомъ судовъ черезъ пороги

---

[1]) Такія требованія и угроза, если только вѣрить имъ, были чрезвычайно высокомѣрныя, со стороны Владиміра, еще язычника, по его языческимъ понятіямъ, и не могутъ быть оправдываемы даже тогдашнею беззащитностью Константинополя: греческія войска находились тогда на сѣверныхъ предѣлахъ имперіи (въ Болгаріи) и юго-восточныхъ (противъ турокъ), въ войнѣ съ врагами имперіи. **Кн. Н. С. Г.**

вѣроятно медленнѣе, чѣмъ отъ Кіева до моря, и въ болѣе продолжительное время, примѣрно до 15 или 20 августа. И тогда то, можетъ быть, и совершилось крещеніе сыновей Владиміра и кіевлянъ, во всякомъ случаѣ въ концѣ августа и еще до 1 сентября.

Такимъ образомъ, по вышеозначенному приблизительному разсчету времени, весь походъ Владиміра отъ Кіева до Херсонеса и обратно могъ быть, съ бо̀льшею или меньшею вѣроятностію, совершенъ въ $4^1/_2$ или 5 мѣсяцевъ, съ апрѣля до сентября 988 года, а крещеніе кіевлянъ въ Днѣпрѣ еще прежде этого послѣдняго мѣсяца. Конечно, разсчитывать такъ съ достовѣрностью трудно, но съ вѣроятностью можно, принимая въ соображеніе всѣ приведенныя выше событія и соединенныя съ ними обстоятельства, хотя событій этихъ было и болѣе исчисленныхъ г. Соболевскимъ. Означенныя же соображенія вовсе не были приняты въ разсчетъ во всемъ томъ, что было напечатано у насъ о крещеніи Владиміра и кіевлянъ въ продолженіе цѣлаго 1888 года (и даже въ 1889 году, именно въ «Страннникѣ», въ статьѣ г. Матченко). Отъ древнихъ лѣтописцевъ, греческихъ, русскихъ и даже арабскихъ, собственно и нельзя было бы ожидать такихъ соображеній; но современные писатели и историки наши не должны бы были пренебрегать ими, потому что походъ Владиміра былъ «военный», описаніе котораго требуетъ и «спеціально военныхъ» соображеній, а они могутъ быть извѣстны только знакомымъ съ военною исторіею. За непринятіемъ же въ разсчетъ такихъ необходимыхъ соображеній, все, что было печатано въ 1888 г. о крещеніи Владиміра и кіевлянъ, заключало въ себѣ лишь пренія о годѣ, мѣсяцѣ и числѣ этого событія, все таки не приведшія ни къ какому опредѣлительному заключенію.

Кн. Н. С. Голицынъ.

Примѣчаніе. Высокоуважаемый составитель настоящаго очерка, генеральнаго штаба генералъ отъ инфантеріи князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ, бывшій профессоръ военной исторіи въ императорской военной академіи (въ 1834—1848 гг.), между многими своими историческими трудами извѣстенъ какъ составитель и издатель пятнадцати частей «Всеобщей военной исторіи» и особо «Русской военной исторіи до Петра I», весьма авторитетныхъ трудовъ въ этой области исторіографіи.

Ред.

НИКОЛАЙ НИК. И ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ БАНТЫШЪ-КАМЕНСКІЕ

въ 1800—1829 гг.

Въ бытность нашу въ 1888 г. въ Троице Сергіевой обители, въ посадѣ, мы имѣли удовольствіе посѣтить 24 года тамъ жившую — старшую дочь историка Д. Н. Бантышъ-Каменскаго, Анну Дмитріевну—въ высокой степени достойную и образованную дѣвицу, скончавшуюся въ іюнѣ 1889-го года. Въ числѣ немногихъ бумагъ, сохранявшихся у Анны Дмитріевны, мы видѣли у нея большую папку, заключающую въ себѣ подлинные высочайшіе рескрипты, грамоты и дипломы на чины и ордена, письма нѣкоторыхъ именитыхъ или вообще извѣстныхъ лицъ — и все это адресованныхъ или къ ея дѣду († 1814 г.), или къ ея отцу († 1850 г.)—оба извѣстные труженики въ области изслѣдованія отечественной исторіи. Мы тогда же отмѣтили нѣкоторые изъ этихъ документовъ и затѣмъ покойная Анна Дмитріевна сообщила намъ съ нихъ копіи. Помѣщаемъ эти документы на стр. «Русской Старины», какъ дополненіе къ очерку жизни и трудовъ ея доброй памяти родителя, каковой очеркъ помѣщенъ въ «Русской Старинѣ» 1888 г., книга XI, ноябрь.

Ред.

1.

Ѳ. В. Ростопчинъ—Н. Н. Бантышъ-Каменскому.

С.-Петербургъ, мая 9-го дня 1800 г.

М. г. мой, Николай Николаевичъ! Получа письмо в. п—ства отъ 27-го апрѣля о двухъ портретахъ блаженныя памяти императора Петра Федоровича, хранящихся въ московскомъ архивѣ, я поспѣшаю васъ благодарить за сіе извѣщеніе и прошу немедленно прислать сюда тѣ портреты, хотя съ нарочнымъ, ежели то для сбереженія оныхъ нужнымъ найдете.

Пользуясь симъ случаемъ дать вамъ пріятную вѣдомость, приношу вамъ

искреннѣйшее поздравленіе съ пожалованіемъ васъ почетнымъ командоромъ Св. Іоанна Іерусалимскаго. Высочайшая сія милость въ награду достоинствъ и заслугъ вашихъ послѣдовала сего числа, и пріятно мнѣ весьма будетъ, если вы въ поспѣшности моей вамъ объ оной сообщить, найдете доводъ отличнаго почтенія, съ коимъ имѣю честь быть и проч. графъ Феодоръ Ростопчинъ.

2.

Н. Н. Бантышъ-Каменскій императору Павлу I.

21-го мая 1800 г. изъ Москвы.

Всемилостивѣйшій государь! Велико для подданнаго счастіе служить милостивѣйшему монарху, большее—пріобрѣтать его благоволеніе, но несравненно вящшее—получать отъ него знаки почести.

Все сіе, всемилостивѣйшій государь, сбылось теперь на мнѣ, всеподданнѣйшемъ, присоединеніемъ къ числу почетныхъ командоровъ державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго.

Высочайшую сію милость пріемля съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, дерзаю къ освященнымъ стопамъ вашего императорскаго величества повергнуть всего себя; приложу труды къ трудамъ въ прохожденіи ревностнѣйшей вашему императорскому величеству службы и всю мою жизнь посвящу на прославленіе имени благодѣющаго, величайшаго въ свѣтѣ монарха.

Вашего императорскаго величества всемилостивѣйшаго государя всенижайшій вѣрноподданный Бантышъ-Каменскій.

3.

Императоръ Павелъ—Н. Н. Бантышъ-Каменскому.

Гатчино, октября 20-го дня 1800 г.

Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Бантышъ-Каменскій.

Увидя изъ поднесеннаго намъ собранія выписокъ вашихъ изъ московскаго департамента иностранныхъ дѣлъ архива, колико оное достойно вниманія, изъявляемъ вамъ за сіе благоволеніе, желая, дабы вы, продолжая употреблять столько же похвально досуги ваши, и окончивъ предпріятое, содѣлали его совершеннымъ на пользу службы и въ честь вамъ. Пребываемъ вамъ благосклонны. Павелъ.

4.

Письмо Н. Н. Бантышъ-Каменскому.

От 2-го генв. 1801 г. С.-Петербургъ.

Спѣшу благодарить васъ, почтенный Николай Николаевичъ, за скорую присылку креста, у васъ хранившагося. Государь столь былъ доволенъ моимъ поднесеніемъ, что соизволилъ его помѣстить въ число образовъ, въ опочивальнѣ его всегда стоящихъ, о чемъ офиціально послѣ вамъ дамъ знать, такъ какъ и посылку часовъ съ бриліантами [1]), кои вы отъ его имп. вел. получите, но кои еще не готовы. При семъ прилагаю къ вамъ списокъ милостямъ, на департаментъ иностранныхъ дѣлъ назначеннымъ, и желая вамъ здоровья и силъ, желаю блага государева.

Прощайте, можетъ быть буду весною имѣть удовольствіе васъ сбнять и узнать лично, и если вы во мнѣ не найдете великаго министра и гордаго барина, то по крайней мѣрѣ увидите истиннаго россіянина, почитающаго лѣта, службу и дарованія ваши.

Примѣчаніе. Присланная намъ копія этого письма не имѣетъ подписи.
Ред.

5.

Въ Твери. Февраль 14-го дня, 1811 г.

Господину дѣйствительному статскому совѣтнику Бантышъ-Каменскому.

Обращая при семъ къ вашему превосходительству доставленную мнѣ книгу сочиненія иностранца Перри, пріятнымъ поставляю какъ за доставленіе оной, такъ и за сообщеніе мнѣ другихъ, до части путей сообщенія относящихся, документовъ, изъявить вамъ мою признательность. Принцъ Георгій Голштинскій, главный директоръ путей сообщенія.

6.

Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

Петербургъ, февраля 9-го дня 1814 г.

Чѣмъ начать и что сказать вамъ могу въ утѣшеніе, любезный другъ мой Дмитрій Николаевичъ! Сердечная рана моя еще не закрылась, но Богу было угодно посѣтить меня новою горестью: вотъ еще потеря, и потеря невозвратимая. Мы проливаемъ слезы, но слезы наши текутъ безъ ропота. Да будетъ

---

[1]) Вмѣсто часовъ присланъ перстень. Б.

что угодно Всевышнему. Таковыхъ людей, каковъ былъ почтеннѣйшій родитель вашъ, на свѣтѣ мало, и это потеря общая,—но я, сверхъ общаго, потерялъ друга, съ которымъ увидѣться въ будущій вѣкъ останется надежда, и здѣсь въ отрасляхъ почтеннаго корня. Прошу всѣхъ васъ вообще замѣнить мнѣ потерю мою, по возможности, собою, а мною распоряжаться безъ разбора случая, и вѣрьте, что я, доколѣ живъ, безцѣнной дружбы родителя вашего не забуду, которая безъ мала 50 лѣтъ безпрерывно продолжалась. По тому долговременному опыту, кажется, я въ правѣ настоятельно отъ васъ требовать къ себѣ любви и вѣры, что я вамъ душою и сердцемъ преданъ и пребуду по гробъ мой вѣрнымъ слугою. Графъ А. Мусинъ-Пушкинъ.

7.

Записка Д. Н. Бантышъ-Каменскаго на сборникѣ бумагъ его отца.

Москва. Генваря 1-го, 1829 г.

Любезнѣйшему сыну моему, Николаю Дмитріевичу Бантышъ-Каменскому.

Совѣтую тебѣ, другъ мой сердечный, чаще заглядывать въ сію книгу [1]) и стараться во всемъ подражать достопочтенному дѣду твоему, котораго ты имѣешь счастіе носить имя. Онъ никого не обидѣлъ въ жизни своей, благодѣтельствовалъ каждому, по возможности, былъ врагъ роскоши, гнушался гордостію, хранилъ свято вѣрность Богу и царямъ, спокойно сошелъ въ могилу, произнеся: «готовъ». Дмитрій Бантышъ-Каменскій.

Сообщ въ 1888 г. А. Д. Бантышъ-Каменская.

---

[1]) Собраніе высочайшихъ грамотъ, рескриптовъ, а также нѣкоторыхъ писемъ къ Бантышъ-Каменскимъ, которые были собраны въ одну книгу. Мы ее видѣли у покойной А. Д. Бантышъ-Каменской. Ред.

МАТЕРІАЛЫ КЪ ИСТОРІИ ЦЕНЗУРЫ [1]).

1.

Представленіе С.-Петерб. цензурн. комитета попечителю округа С. Уварову.

30 іюня 1816 г.

«Вслѣдствіе предложенія в. п—ства отъ 20 сего іюня о дозволеніи напечатать записку г. Черепова по дѣлу его, въ общемъ сената собраніи производящемуся, комитетъ, давши таковое дозволеніе, при семъ имѣетъ честь представить по требованію г. министра (нар. просвѣщенія), объясненіе цензора ст. сов. Яценкова, почему онъ ту записку не могъ одобрить, когда вносилъ ее самъ г. Череповъ. Хотя комитетъ и одобрялъ иногда подобныя со всею скромностію и приличіемъ написанныя записки, но единственно къ напечатанію самаго малаго числа экземпляровъ; а какъ въ уставѣ о цензурѣ, Высочайше утвержденномъ, не видно—принадлежатъ ли таковаго рода записки о спорныхъ дѣлахъ къ разсмотрѣнію цензурнаго комитета, то при семъ случаѣ комитетъ испрашиваетъ разрѣшенія начальственнаго, какъ поступать ему впредь, когда таковаго рода записки о спорныхъ дѣлахъ будутъ представляемы для разсмотрѣнія и одобренія цензорскаго, поелику въ оныхъ почти неизбѣжны выраженія оскорбительныя противу личности гражданина, а иногда и противу правительства и самаго высшаго правительственнаго мѣста, а особливо въ запискахъ по дѣламъ слѣдственнымъ и уголовнымъ».

Объясненіе цензора ст. сов. и кавалера Яценкова, почему онъ записку г. Черепова о производящемся въ общемъ правит. сената собраніи спорномъ дѣлѣ его одобрить къ напечатанію не могъ:

«Въ первыхъ. Въ высочайше конфирмованномъ уставѣ о цензурѣ не видно, чтобы разсмотрѣніе такого рода записокъ о спорныхъ и криминальныхъ дѣлахъ принадлежало до обязанности гражданской цензуры, ибо первою статьею онаго устава ограничивается обязанность цензуры разсматриваніемъ всякаго рода книгъ и сочиненій, назначаемыхъ къ общественному употребленію.

Во вторыхъ. Хотя комитетъ и дозволялъ иногда, только очень рѣдко, печатать подобныя записки, однако, такія только, которыя были сочинены

---

[1]) См. Русскую Старину» изд. 1889 г., томъ LXI, май, стр. 459—465.

въ самыхъ скромныхъ выраженіяхъ, безъ обидныхъ и для сопернической стороны и еще менѣе для правительства. Въ упомянутой же запискѣ г. Черепова скромности сей не соблюдено, а именно сказано: «Правительствующій сенатъ и за Высочайшею конфирмаціею, пріемля въ основаніе несправедливую справку уѣзднаго суда .... въ просьбахъ Черепова отказалъ», и далѣе: «Правит. сенатъ, оставя оное безъ разсмотрѣнія, обвиняетъ его, Черепова, несправедливо» и далѣе: «Правит. сенатъ учинилъ сіе въ отмѣну вотчинной жалованной грамоты, въ противность законовъ и въ противность Высочайше конфирмованнаго доклада».

Въ третьихъ. Наконецъ, цензоръ Яценковъ тѣмъ наипаче усомнился одобрить къ печатанію оную записку, что опредѣленіемъ правит. сената на него, г. Черепова, наложено молчаніе и запрещено ему утруждать болѣе просьбами своими правительство; послѣ же за ослушаніе его повелѣно указомъ поступить съ нимъ, Череповымъ, какъ съ ослушникомъ правительства, почему цензоръ и оставался въ опасеніи, чтобъ дозволить печатать оную записку не было причтено ему въ вину».

Отношеніе попечителя С.-Петерб. ценз. комитету отъ 6 августа 1816 г.

Съ разрѣшенія министра нар. просвѣщенія цензурный комитетъ получилъ право давать дозволеніе на печатаніе записокъ по дѣламъ спорнымъ, въ присутственныхъ мѣстахъ производящимся, съ тѣмъ только, чтобы не находилось въ сихъ запискахъ выраженій оскорбительныхъ противу правительственныхъ мѣстъ, либо частныхъ лицъ.

2.

С.-Петербургскому цензурному комитету.

22 мая 1819 г.

«Г. министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія извѣстилъ меня, что губернскій секретарь Маркіановичъ, находящійся при изданіи «Русскаго Инвалида» или «Военныхъ Вѣдомостей» на польскомъ языкѣ, проситъ, чтобы ему дозволено было, подъ наблюденіемъ установленной цензуры, издавать на польскомъ языкѣ періодическое сочиненіе, и препроводя просьбу Маркіановича вмѣстѣ съ его запискою о тѣхъ лицахъ, кои, по показанію его, обѣщались сообщать ему статьи для предполагаемаго имъ къ изданію журнала, равнымъ образомъ представляемый имъ формулярный списокъ о службѣ своей, предлагаетъ на основаніи прежняго его распоряженія о таковыхъ изданіяхъ вообще, изъясненнаго въ отношеніи отъ 29 іюня 1818 года подъ № 1379, съ коего копія сообщена комитету отъ меня 8 іюля того же года за № 346—истребовать отъ комитета сего на все сіе мнѣніе.

Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа Сергій Уваровъ».

Въ засѣданіи цензурнаго комитета 23 мая 1819 г. опредѣлено: «отвѣтить попечителю, что какъ ни одинъ изъ цензоровъ не знаетъ языка польскаго, то и разсматривать преднамѣреваемый къ изданію на семъ языкѣ журналъ на себя принять не можетъ, а также судить о способности, или неспособности г. Маркіановича къ изданію журнала на польскомъ языкѣ комитетъ находитъ себя не въ состояніи».

3.

2 ноября 1819 г.

«Г. министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ отношеніи своемъ ко мнѣ отъ 31 минувшаго октября по поводу представленной ему г. президентомъ императорской россійской академіи о неудовольствіи оной касательно напечатанія въ журналѣ «Сынъ Отечества» критики на изданную сею академіею россійскую грамматику далъ знать, что обстоятельство сіе было предложено на разсмотрѣніе главному правленію училищъ, котораго заключеніе, одобренное и имъ, г-мъ министромъ, состоитъ въ томъ, что хотя дѣлать примѣчанія на всякую вновь издаваемую книгу, а тѣмъ паче на грамматику, никакими узаконеніями не воспрещается, а потому не можетъ никому быть и возбранено и въ случаѣ неосновательности замѣчаній критикъ самъ подвергается стыду предъ публикою и удобному на нихъ опроверженію тѣмъ же способомъ, какимъ его примѣчанія доведены до всеобщаго свѣдѣнія, но оскорбительные для академіи выраженія и отзывы, каковыми наполнены упомянутыя замѣчанія издателемъ «Сына Отечества», совершенно противны уставу о цензурѣ, слѣдовательно, не могутъ быть никому дозволены, не токмо въ отношеніи къ цѣлому сословію, но и ко всякому частному лицу. Вслѣдствіе сего его сіятельство г. министръ возложилъ на меня сдѣлать выговоръ цензору, дозволившему, вопреки цензурныхъ правилъ, напечатаніе тѣхъ замѣчаній, и сверхъ того предписать комитету сему, чтобы впредь ничего оскорбительнаго ни на какое лицо печатать дозволено не было; а самому издателю журнала «Сынъ Отечества», поставивъ на видъ таковый противный законамъ поступокъ, объявить, что хотя цензурѣ и строго запрещено пропускать къ напечатанію оскорбительныя на чье либо лицо замѣчанія и изъясненія, но какъ она при многихъ ея занятіяхъ съ одной стороны будетъ всегда напрасно затрудняема исправленіемъ тѣхъ обидныхъ мѣстъ въ просматриваемыхъ ею изданіяхъ, съ другой же можетъ иногда по неосторожности и пропустить ихъ, то въ такомъ случаѣ всегда издатель подвергнетъ себя отвѣтственности и, наконецъ, самый журналъ его должно будетъ запретить. Попечитель Сергій Уваровъ».

4.

1 ноября 1823 г.

«С.-Петербургскій цензурный комитетъ вслѣдствіе полученнаго онымъ отъ департамента нар. просвѣщенія запроса требуетъ отъ меня свѣдѣнія, по какой причинѣ не одобрена мною къ напечатанію рукопись подъ названіемъ «Избранныя достопамятнѣйшія греческія и римскія пословицы и поговорки». На сіе честь имѣю изъяснить слѣдующее: въ февралѣ мѣсяцѣ 1810 года по положенію главнаго училищъ правленія циркулярно предписано цензурнымъ комитетомъ, чтобы члены оныхъ на случай значущихъ неисправностей въ слогѣ сочиненій или переводовъ, представляемыхъ для одобренія, старались внушать о томъ издателямъ, удерживая ихъ отъ напечатанія, пока все сколько можно съ большимъ вниманіемъ и усердіемъ будетъ выправлено. Впослѣдствіи времени по особеннымъ случаямъ неоднократно подтверждено было отъ высшаго начальства о наблюденіи таковаго правила. Имѣя въ виду предписанія сіи и встрѣчая на каждой страницѣ означенной рукописи многія погрѣшности противъ правила русскаго языка и несвойственные оному обороты, такъ что рукопись сію не вездѣ можно и понимать, я почелъ съ своей стороны обязанностью пріостановиться одобреніемъ оной, и указавъ разныя изъ таковыхъ погрѣшностей и оборотовъ представившему ее коллежскому ассесору Урусову, совѣтовалъ сдѣланный имъ съ видимой поспѣшностью переводъ вновь пересмотрѣть, и какъ для большаго удостовѣренія въ безчисленныхъ погрѣшностяхъ, такъ и для удобнѣйшаго исправленія оныхъ предварительно прочитать нѣсколько страницъ съ пріятелями своими, упражняющимися въ сочиненіяхъ и переводахъ.

А чтобы показать комитету справедливость моихъ замѣчаній, я развертываю рукопись г. Урусова безъ всякаго выбора неисправнѣйшихъ мѣстъ и отдаю на судъ онаго: могутъ ли быть терпимы сіи и подобные выраженія и обороты, напримѣръ, въ предисловіи находящіеся: «родомъ неславный, но препрославленный ученостью, первый тотъ, который началъ и проч., возбужденъ совѣтомъ Вильгельма Монтіои, который такимъ занятіемъ Эразма весьма увеселялся. Первое изданіе вышло при обѣщаніи отъ Эразма послѣдующее пополнить, такъ какъ къ первому не успѣлъ отыскать многихъ греческихъ книгъ, въ которыхъ предполагалъ немалое пословицъ число, что онъ и исполнилъ. Но и это непослѣдняя еще была его рука». Можно ли повѣрить, что все сіе выписано мною отъ слова до слова? Таковъ почти весь переводъ сей книги. Александръ Бируковъ».

МИХАИЛЪ ТРОФИМОВИЧЪ КАЧЕНОВСКІЙ,

профессоръ московскаго университета.

Род. въ Харьковѣ 1-го ноября 1775 г., † въ Москвѣ 19-го апрѣля 1842 г.

По просьбѣ многоуважаемаго редактора «Русской Старины», представляю хронологическій перечень событій изъ служебной жизни знаменитаго профессора московскаго университета, писателя, издателя-редактора, въ теченіи многихъ лѣтъ, «Вѣстника Европы». Этотъ перечень извлеченъ изъ «Формулярнаго списка о службѣ и достоинствѣ его»; здѣсь же привожу немногія другія свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, біографія котораго потребовала бы труда на нѣсколько книгъ. Перечень этотъ будетъ не безъинтересенъ для читателей «Русской Старины» и, полагаю, не безполезенъ для біографовъ Каченовскаго.

Михаилъ Трофимовичъ родомъ «изъ грековъ», обучался въ харьковскомъ коллегіумѣ разнымъ наукамъ и 7-го февраля 1788 года вступилъ въ службу въ Екатеринославское казачье ополченіе полковымъ урядникомъ.

19-го іюня 1793 г. переведенъ въ бывшій харьковскій губернскій магистратъ, съ переименованіемъ въ канцеляристы, и вскорѣ, именно 2-го сентября того же года, произведенъ въ провинціальные регистраторы.

24-го ноября 1794 г. произведенъ въ губернскіе регистраторы.

15-го сентября 1795 г. опредѣленъ сержантомъ въ Таврическій гренадерскій полкъ.

26-го марта 1796 г. переведенъ въ Ярославскій пѣхотный полкъ.

10-го декабря 1798 г. назначенъ полковымъ квартирмейстеромъ.

8-го октября 1801 г. отъ воинской службы, по прошенію, отставленъ.

11-го октября 1805 г. возведенъ въ степень магистра философіи московскаго университета и началъ преподаваніе «риторическихъ лекцій» въ университетѣ и русскаго языка въ бывшей при университетѣ академической гимназіи.

12-го сентября 1806 г. возведенъ въ степень доктора философіи и изящныхъ наукъ.

20-го ноября 1808 г. утвержденъ адъюнктомъ и въ то-же время

ему поручено было управленіе дѣлъ въ канцеляріи попечителя московскаго университета [1]). Отправлялъ сію должность Каченовскій по 4-е мая 1810 года.

9-го мая 1810 г. утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ и въ качествѣ визитатора обозрѣвалъ училища Калужской губерніи.

6-го декабря 1811 г. избранъ совѣтомъ университета въ ординарные профессоры теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи.

17-го февраля 1815 г. отправлялъ должность начальника университетской типографіи по 13-е марта 1816 года.

6-го декабря 1816 г. получилъ бронзовую медаль пожалованную дворянству за пожертвованія въ 1812 г., и съ 1816 г. по 1829 г. былъ членомъ училищнаго комитета.

1817—1818 гг. обозрѣвалъ училища въ Костромской, Ярославской, Владимірской и Рязанской губерніяхъ.

24-го ноября 1817 г.—кавалеръ св. Владиміра 4-й степени.

8-го марта 1819 г.—членъ россійской академіи и членъ правленія университетскаго благороднаго пансіона.

27-го ноября—коллежскій совѣтникъ.

2-го ноября 1821 г. перемѣщенъ на штатную каѳедру исторіи, статистики и географіи Россійскаго государства.

25-го іюня 1824 г.—статскій совѣтникъ.

Октябрь 1825 г., по собственному желанію, вышелъ изъ членовъ правленія университетскаго благороднаго пансіона.

25-го августа 1830 г.—директоръ педагогическаго института въ Москвѣ и въ то-же время членъ комитета, учрежденнаго при университетѣ, для охраненія отъ холеры. Въ это время ему, временно, поручена была каѳедра россійской словесности (по 24-е ноября 1831 года)

1831 г.—деканъ словеснаго отдѣленія и кавалеръ св. Анны 2-го класса.

1832 г.—членъ комитета для испытанія гражданскихъ чиновниковъ, секретарь совѣта университета, временно преподаетъ всеобщую исторію, статистику (по 1-е іюня 1833 г.).

1-го іюня 1833 г.—членъ-корреспондентъ академіи наукъ, цензоръ.

2-го марта 1834 г.—кавалеръ св. Анны 2-й степени, съ короною, и получаетъ высочайшее благоволеніе за участіе въ изданіи «Ученыхъ записокъ Московскаго университета».

15-го мая 1835 г.—заслуженный профессоръ и почетный членъ университета св. Владиміра. Временно преподаетъ всеобщую исторію студентамъ 2-го и 3-го курсовъ отдѣленія словесныхъ наукъ (съ 25-го

---

[1]) Графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, впослѣдствіи министра народнаго просвѣщенія.

сентября—6-го ноября того-же 1835 г.). При введенiи въ дѣйствiе новаго устава назначенъ для преподаванiя исторiи и литературы славянскихъ нарѣчiй (31-го декабря).

2-го апрѣля 1836 г. назначенъ членомъ комитета, учрежденнаго, по высочайшему повелѣнiю, для разсмотрѣнiя историческаго описанiя древняго Россiйскаго музея, подъ названiемъ Мастерской Оружейной Палаты, соч. Малиновскимъ.

17-го марта 1837 г.—ректоръ московскаго университета.

12-го iюля 1838 г.—кавалеръ св. Владимiра 3-й степени.

28-го октября 1839 г.—дѣйствительный членъ Одесскаго общества исторiи и древностей.

6-го сентября 1840 г.—дѣйствительный статскiй совѣтникъ.

19-го октября 1841 г. академикъ по отдѣленiю русскаго языка и словесности.

Изъ того-же формуляра мы узнаемъ, что у М. Т. Каченовскаго былъ «въ Москвѣ деревянный домъ и шесть душъ мужеска пола, къ оному приписанныхъ».

Кромѣ дѣятельности профессорской, Каченовскiй прославилъ свое имя и какъ издатель «Вѣстника Европы». Бѣлинскiй въ своихъ «Литературныхъ мечтанiяхъ», напечатанныхъ въ «Молвѣ» Надеждина (1834 г.), свидѣтельствуетъ: «Вѣстникъ Европы» пережилъ нѣсколько поколѣнiй, воспиталъ нѣсколько поколѣнiй. Онъ всегда оставался однимъ и тѣмъ же, не измѣнялся и бился до послѣднихъ силъ; это была борьба благородная и достойная всякаго уваженiя, борьба не изъ личныхъ мелочныхъ выгодъ, но изъ мнѣнiй и вѣрованiй, задушевныхъ и кровныхъ. Его убило время, а не противники, и потому его смерть была естественная, а не насильственная».

Каченовскiй скончался 19-го апрѣля, въ день Свѣтлаго Воскресенiя 1842 г., и, по свидѣтельству С. М. Соловьева, «труженическую жизнь честнаго человѣка онъ окончилъ тихою смертiю праведника». Тѣло его погребено на Мiусскомъ кладбищѣ, гдѣ онъ желалъ лечь, назначивъ это мѣсто во время своихъ прогулокъ.

Бiографiя его написана С. М. Соловьевымъ и напечатана въ 1-й части «Бiографическаго словаря профессоровъ и преподавателей императорскаго московскаго университета» (М. 1855). Свѣдѣнiя объ ученыхъ трудахъ Каченовскаго находятся въ обстоятельномъ и дѣльномъ сочиненiи профессора В. С. Иконникова «Скептическая школа въ русской исторiографiи и ея противники» (Кiевъ, 1871 г.).

Некрологъ М. Т. Каченовскаго написанъ М. П. Погодинымъ и напечатанъ въ «Москвитянинѣ» 1842 года, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: «Редакторъ «Москвитянина», съ перваго своего появ-

ленія на литературномъ поприщѣ, разошелся въ мнѣніяхъ съ своимъ учителемъ. Каченовскій отвергалъ Нестора, я признавалъ его; онъ приводилъ Русь съ юга, я съ сѣвера; онъ не принималъ Русской Правды, я былъ убѣжденъ въ ея подлинности,—но не смотря на это ученое разногласіе, я всегда чтилъ его достоинства». Обращаясь къ университетскому начальству, Погодинъ взывалъ: «Послѣ Каченовскаго осталась вдова, два сына и дочь и никакого состоянія. Благодѣтельное университетское начальство, вѣроятно, употребитъ всѣ свои старанія, чтобъ достойно успокоить семейство почтеннаго гражданина, заслуженнаго ученаго и литератора, который пятьдесятъ лѣтъ трудился изо всѣхъ своихъ силъ, сколько могъ, на поприщѣ отечественнаго просвѣщенія, и выкупалъ недостатки,—кто же не имѣетъ ихъ,—своими трудами и заслугами».

Гласъ М. П. Погодина не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и графъ С. Г. Строгановъ писалъ С. С. Уварову: «...Отдавая все должное уваженіе столь долговременной и безпорочной службѣ покойнаго профессора, его ученымъ заслугамъ и трудамъ на пользу наукъ и общественнаго воспитанія, я почитаю священною обязанностью обратиться къ вамъ съ моею усерднѣйшею просьбою объ исходатайствованіи семейству сего профессора пенсіи по новому окладу. Эта милость монарха для семейства извѣстнѣйшаго въ россійскихъ университетахъ профессора и члена академіи наукъ принята будетъ мною и московскимъ университетомъ съ вѣрноподданническимъ благоговѣніемъ».

До сихъ поръ мы не имѣли портрета Каченовскаго, въ чемъ и удостовѣряетъ насъ Д. А. Ровинскій, ибо въ его «Подробномъ словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ» (Спб., 1889 г.) отсутствуетъ почтенное имя М. Т. Каченовскаго.

Портретъ этого достойнѣйшаго ученаго не только не былъ награвированъ на мѣди, но не былъ ни литографированъ, ни вырѣзанъ на деревѣ.

Въ настоящее же время М. И. Семевскій, къ величайшему утѣшенію почитателей памяти и трудовъ М. Т. Каченовскаго, издалъ и приложилъ къ настоящей книгѣ «Русская Старина»—эту прекрасную гравюру, воспроизведенную художникомъ Г. И. Грачевымъ съ портрета, принадлежащаго сенатору М. Н. Турунову, ученику М. Т. Каченовскаго.

Ник. П. Барсуковъ.

2-го іюня 1889 г.
С.-Петербургъ.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ, ЗАМѢТКИ И НАБРОСКИ.

Поѣздка по Россіи въ 1888 г.

V [1]).

Ярославль.

I.

Съ 1-го по 5-е іюня.

Остановился, рано утромъ, въ наилучшей въ городѣ, хотя и не вполнѣ еще чистоплотной, гостинницѣ «Кокуевской». Вижу на доскѣ, въ числѣ фамилій ея обитателей, В. В. Верещагинъ. Вотъ прекрасная встрѣча! Посылаю свою карточку и въ девять часовъ имѣю истинное удовольствіе видѣть въ своей комнатѣ нашего знаменитаго художника. Впервые встрѣтилъ я Василія Васильевича, сколько помню, въ ноябрѣ 1880 года, у Ивана Сергѣев. Тургенева, въ Петербургѣ, куда онъ въ то время пріѣзжалъ и останавливался въ меблированныхъ комнатахъ по Невскому, недалеко отъ Полицейскаго моста. Какъ теперь гляжу: Иванъ Сергѣевичъ лежитъ на диванѣ и сильно жалуется на развившуюся будто бы подагру, что было, однако, вовсе не подагра, а проявленіе того ужаснаго недуга въ поясныхъ позвонкахъ, который низвелъ его въ могилу три года спустя... Вошелъ красивый среднихъ лѣтъ мужчина: черты его лица правильныя, красивый носъ съ горбинкой и умные, выразительные глаза, при длинной темнорусой бородѣ, производили пріятное впечатлѣніе. Не вставая съ дивана и охая, Иванъ Сергѣевичъ встрѣтилъ вошедшаго весьма

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1888 г., т. LIX, августъ, стр. 421—448; изд. 1889 г., томъ LXII, апрѣль, стр. 221—262; май, стр. 489—511; т. LXIII, сентябрь, стр. 683—708.

привѣтливо и познакомилъ насъ. То былъ Василій Васильевичъ Верещагинъ, картины котораго давно уже привлекали тысячи восторженныхъ зрителей, которыми и я восторгался, да восторгаться и не престану. Восторгъ, однако, этотъ въ прежнее время не всѣми раздѣлялся. Кое-гдѣ появлялись нападки на художника. Тотъ, какъ видно было изъ бесѣды его съ Тургеневымъ, довольно близко принималъ это къ сердцу и говорилъ объ этихъ нападкахъ съ раздраженіемъ, горячо отвергая обвиненія его въ какой бы то ни было тенденціозности въ его картинахъ изъ послѣдней войны 1877—1878 гг. Иванъ Сергѣевичъ успокоивалъ художника, утверждая, что тѣ, кто нападаетъ на его картины и его талантъ, сами отлично знаютъ, что ихъ нападки несправедливы и что отвѣчать на обвиненія и вообще вступать въ полемику, во всякомъ случаѣ, отнюдь не слѣдуетъ.

«А сами-то вы, Иванъ Сергѣевичъ, замѣтилъ художникъ,—небось, зачастую отвѣчали своимъ противникамъ и обвинителямъ»...

— Да вотъ, поди-жъ, чужую душу въ рай, а самъ ни ногой, добродушно засмѣялся Иванъ Сергѣевичъ.

Прошло восемь лѣтъ. Новый и длинный рядъ дивныхъ картинъ созданъ геніальною кистью славнаго русскаго художника. Онъ совершилъ за это время громадныя путешествія, которыя дали его могучему творчеству прелестныя картины природы, народнаго быта и въ высокой степени характерные типы обитателей разныхъ странъ, каковые онъ и увѣковѣчилъ на полотнѣ, въ прекрасныхъ, вѣрныхъ правдѣ, изображеніяхъ. Василій Васильевичъ потерялъ уже значительную часть своей роскошной куафюры, въ длинной шелковистой бородѣ его пробивается сѣдой волосъ, ему уже около 46 лѣтъ, онъ пополнѣлъ, но черты лица его также симпатичны, голосъ по прежнему звонокъ, рѣчь звучитъ энергіей, выразительностью и искренностію. Разсказчикъ онъ превосходный.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ отдался (1888 г.) изученію старины въ самомъ центрѣ Великороссіи: работалъ въ Москвѣ, Ростовѣ, Ярославлѣ, Костромѣ, въ Макарьевѣ на Унжѣ, опять въ Ярославлѣ. Мольбертъ его съ полотномъ и красками появлялся то въ музеяхъ, то въ храмахъ, то въ монастыряхъ, то на улицахъ, то на паперти церковной, въ виду какого либо характернаго входа... Работаетъ онъ удивительно быстро, передаетъ полотну съ поразительною вѣрностью все, что находитъ нужнымъ сохранить на немъ...

О планахъ и предположеніяхъ своихъ и вообще о своихъ трудахъ Верещагинъ говорить не любитъ; что онъ въ данное время пишетъ, то старается схоронить отъ взглядовъ любопытныхъ; нѣсколько недѣль какъ живетъ въ Ярославлѣ и ни съ кѣмъ не знакомится. Двѣ про-

сторныя комнаты, занятыя имъ на антресоляхъ Кокуевской гостинницы, представляютъ цѣлый музей: кокошники, вообще головные и всякіе другіе женскіе уборы, предметы старины самые разнообразные, тутъ и иконы, и пуговицы, и монеты, и оружіе, и рукописи—все это пріобрѣтается художникомъ съ большимъ знаніемъ дѣла и все поступаетъ въ громадное собраніе бытовыхъ предметовъ всѣхъ странъ свѣта, куда только приводитъ его любознательность. Супруга В. В., кажется, нѣмка по происхожденію, милая, нѣжно любящая его сопутница во всѣхъ его странствіяхъ по бѣлу свѣту.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ рано по утрамъ удаляется В. В. въ Іоанновскую Предтеченскую старинную церковь; мѣстный священникъ съ радостью предоставилъ ему работать въ храмѣ: двери за В. В. затворяются и вотъ цѣлые часы бѣгутъ въ быстрой работѣ. Превосходныя, конечно, произведенія выйдутъ изъ этихъ набрасываемыхъ имъ эскизовъ. «Подкрадешься къ В. В. сзади, когда онъ пишетъ что-либо съ древнихъ фресокъ, иконъ и пр.», разсказывали впослѣдствіи и священники и монахи,—«взглянешь на полотно и невольно ахнешь отъ восторга, при видѣ, съ какою правдою, съ какою вѣрностью выходитъ все изъ-подъ его кисти!»

Принявшись за изученіе родной старины въ памятникахъ живописи и зодчества, В. В. не только быстро ознакомился съ ней, но и изучилъ ее всесторонне и съ любовью.

Поѣхалъ я съ нимъ, въ первый же день нашей встрѣчи, въ церковь Іоанна Предтечи, что въ Ярославскомъ посадѣ Толчковѣ, за рѣкою Которослей. Это—храмъ, воздвигнутый болѣе двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ; цѣлая группа, именно пятнадцать, вызолоченныхъ куполовъ, служатъ ему большимъ украшеніемъ; стѣны, натуральнаго цвѣта кирпичей, обложены разноцвѣтными кафелями или изразцами, съ рельефными раскрашенными изображеніями цвѣтовъ и птицъ; съ крѣпостью и красотою этихъ изразцовъ не сравнятся кафели лучшихъ новѣйшихъ заводовъ. Кромѣ кафель, церковь весьма затѣйливо украшена полуколонками, пилястрами, арками,—все это разныхъ цвѣтовъ, гладкія, витыя, съ поясками, чешуйчатыя. Вокругъ всей церкви крытая галлерея, съ каменной кругомъ скамейкою и живописною раскраскою стѣнъ картинами изъ Ветхаго Завѣта. Внутри церкви всѣ стѣны, столпы, своды и купола покрыты древнимъ стѣннымъ письмомъ, иконостасъ шестиярусный, съ своеобразнымъ размѣщеніемъ иконъ, также весьма стариннаго, очень хорошаго письма.

Надо было послушать Василія Васильевича, съ какою живостью и одушевленіемъ говорилъ онъ, въ виду этого прекраснаго памятника стариннаго русскаго зодчества, о старинномъ искусствѣ, о даровитости

тогдашнихъ зодчихъ, созидавшихъ храмы, художниковъ, рисовавшихъ образа, украшавшихъ внутренности церквей почти безъ руководителя. почти безъ знанія какой либо теоріи или, по крайней мѣрѣ, безъ изученія ея въ школахъ, но по указаніямъ своихъ даровитыхъ предшественниковъ, да по вдохновенію врожденнаго таланта и вкуса.

— «А вотъ не подпустить ли здѣсь красненькаго, а здѣсь зелененькаго,—говоритъ художникъ XVII вѣка,—погляжу, какъ это выйдетъ», и выходитъ такъ, что и 200 лѣтъ спустя стоишь предъ росписанною стѣною, либо затѣйливымъ входомъ, либо предъ иконою и восхищаешься письмомъ. «Нѣтъ, вы посмотрите, посмотрите внимательно на этотъ весьма древній большой образъ Благовѣщенія, съ помѣщенными кругомъ миніатюрными изображеніями событій изъ жизни Божьей Матери, что это за изящная работа!»—говорилъ В. В., войдя съ нами въ церковь и остановясь предъ образомъ стариннаго письма:—«каковъ ликъ у Пресвятой Дѣвы! на немъ дѣйствительно изображено изумленіе, съ каковымъ она слушаетъ ангела, но въ то-же время какою кротостью и покорностью волѣ Господней дышатъ всѣ черты Ея прекраснаго лица! А эта ручка, какъ мастерски написана эта ручка! А фигура Архангела, какъ она благородно поставлена [1])! И какъ досадно видѣть, когда такую живопись прячутъ подъ различные привѣски и оклады. Оклады эти для меня грошъ стоятъ, изъ чего бы ихъ ни дѣлали, а живопись стоитъ тысячи; между тѣмъ ее прячутъ и гвоздями окладовъ безжалостно портятъ. Да, гдѣ эти безвѣстные русскіе художники, живописцы и зодчіе XVII, XVI вѣковъ! Мы даже именъ ихъ не знаемъ, такъ скромно творили они, и между тѣмъ творили съ неподдѣльнымъ талантомъ. Теперь же какой нибудь радѣлецъ благолѣпія въ храмахъ Господнихъ замѣнитъ характерную черепичную крышу желѣзною, поснимаетъ изразцы съ наружныхъ украшеній и замѣнитъ ихъ кирпичемъ, да замажетъ штукатуркою, отдѣлаетъ стѣны и своды подъ мраморъ—и вѣдь дался этимъ рачителямъ мраморъ, говорилъ, все одушевляясь, В. В.,—и глядишь, ужъ хлопочетъ о медали, да выставляетъ свое имя въ надписяхъ, какъ оказавшій великую заслугу, въ качествѣ украсителя храма Господняго!»..

— «Теперь все болѣе и болѣе собираютъ памятники старины въ музеи, и знаете ли, что̀ это вызываетъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ? продолжалъ В. В.,—я вотъ знаю одну почтенную игуменью, которая,

---

[1]) Замѣчательны также нѣкоторыя другія иконы древняго письма въ этомъ храмѣ, напр. икона св. апостоловъ, икона пророка Иліи и проч.

изъ боязни, что у нея отберутъ разныя украшенія съ древнихъ церковныхъ облаченій и съ пеленъ, покрывавшихъ гробницы въ усыпальницѣ ея обители, велѣла вдѣлать всѣ эти украшенія въ иконостасъ,—вотъ тутъ и говори съ ней о старинѣ и о необходимости собирать ихъ въ музеи церковной и другой древности!»..

Увлеченіе Василія Васильевича памятниками русскаго стариннаго искусства, въ особенности зодчества, до того искренно и горячо, что еще 1-го мая того-же 1888 г. онъ напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» цѣлое воззваніе къ русскимъ архитекторамъ, приглашая ихъ изучать старинное русское зодчество и всячески подражать ему въ ихъ постройкахъ. Жаль, что нѣтъ у меня подъ рукою этого нумера «Вѣдомостей», стоило бы перепечатать этотъ кличъ геніальнаго нашего художника.

Предметы, совершенно, повидимому, ненужные, отброшенные, какъ хламъ, въ ризницу или просто въ чуланы церковные, на колокольни, въ подвалы, нерѣдко останавливали на себѣ вниманіе Василія Васильевича. Такъ, и въ настоящее наше посѣщеніе Іоанновской Предтеченской церкви, онъ вытащилъ изъ угла обломокъ какой-то рамы.

— «Вотъ, посмотрите, что̀ это за рѣзьба, какая это, поистинѣ, изящная, конечно, старинная, работа,—говорилъ Василій Васильевичъ, приглашая посмотрѣть на работу дѣйствительно искуснаго рѣзчика.— Вотъ задача музеевъ нашихъ—подобрать весь этотъ хламъ; но онъ лишь здѣсь и въ разныхъ другихъ мѣстахъ хламъ,—въ музеяхъ же онъ можетъ послужить моделью художникамъ».

Увлеченіе своимъ роднымъ у Василія Васильевича Верещагина выражается, особенно въ послѣднее время, въ цѣломъ рядѣ картинъ. На выставкѣ произведеній его кисти въ Парижѣ, въ апрѣлѣ 1888 г., въ числѣ 74-хъ картинъ, сюжеты и типы для которыхъ взяты имъ въ Палестинѣ, Болгаріи, Австріи, Румыніи, Индіи и изъ послѣдней восточной войны, Верещагинъ выставилъ, въ числѣ помянутыхъ картинъ, шесть русскихъ типовъ изъ Москвы, Владиміра, Смоленска и Рязани; три картины московскаго кремля и его соборовъ, улица въ Ростовѣ при закатѣ солнца, зимою; иконостасъ древней деревянной церкви (XVI столѣтія) въ деревнѣ Ишна, близь Ростова; внутренность той-же церкви, входная дверь въ церковь; княжіе терема въ ростовскомъ кремлѣ; входная дверь въ соборъ Ипатіевскаго монастыря въ Костромѣ; усыпальница бояръ Салтыковыхъ и другихъ боярскихъ фамилій въ Богоявленскомъ женскомъ монастырѣ въ Костромѣ [1]).

---

[1]) См. Catalogue illustré de l'exposition des oeuvres nouvelles de Vassili Vereschagin, съ 1-го по 22-е апрѣля 1888 г.

Обращаясь къ показанной мнѣ столь обязательно В. В. Верещагинымъ Предтеченской церкви, должно сказать, что она, дѣйствительно, одна изъ замѣчательныхъ церквей во всей Ярославской епархіи. Она выстроена почти 220 лѣтъ тому назадъ и совершенно во вкусѣ современныхъ ей по сооруженію храмовъ Ростова Великаго, строителемъ каковыхъ былъ покойный митрополитъ Іона Сысоевичъ. Предтеченскій храмъ выстроенъ въ посадѣ Толчковѣ, прозванномъ такъ потому, что большинство его обывателей толкли дубовую кору для кожевенныхъ заводовъ; храмъ созидали въ теченіи шестнадцати лѣтъ, именно съ 1671 по 1687 г.; въ одномъ изъ множества стѣнныхъ его тайниковъ бережно сохранены, въ теченіе двухъ вѣковъ, грамоты, столбцы, книга пріемная по сбору пожертвованій и прочіе акты, относящіеся до этой церкви, что и дало возможность, въ 1881 году, мѣстному священнику составить, на основаніи ихъ и другихъ свѣдѣній, историческое описаніе этого храма. Изъ нея видно, что большой храмъ Іоанна Предтечи собранъ на пожертвованія обывателей, которыхъ собрано было въ 1658—1660 гг. 2,935 рублей, громадная по тому времени сумма. Интересенъ перечень тѣхъ пожертвованій, каковыя были «посулены» и записаны вкладами отъ разныхъ обывателей посада Толчково и прочихъ обывателей Ярославля; тутъ были: «дворовое мѣсто», «красный юхотный товаръ», слитки серебра, зернята жемчугу, лавочныя порожнія мѣста, «поллавки съ погребомъ въ сапожномъ и ветошномъ ряду», «дворъ съ огородною землею и съ хоромы», кожевенный заводъ съ дворовымъ строеніемъ... На все это жертвователи выдали «поступныя записи попу Абросиму и всѣмъ тое церкви приходскимъ людемъ»... Вотъ какими средствами созданъ былъ величественный храмъ, и до сихъ поръ привлекающій вниманіе. «Тишайшій» царь Алексѣй Михайловичъ, по челобитью жителей, дозволилъ взять кирпичъ для сооруженія этого храма съ заводовъ, выстроенныхъ на казенной землѣ; преданіе гласитъ будто бы работами руководили голландскіе зодчіе, но историкъ храма отвергаетъ это преданіе, находя болѣе вѣроятнымъ, что высшимъ руководителемъ этого превосходнаго сооруженія былъ митрополитъ ростовскій Іона, которымъ устроены были не только знаменитые храмы въ Ростовѣ, но и большая часть церквей, понынѣ существующихъ въ Ярославлѣ.

Въ Предтеченской церкви все замѣчательно хорошо сохраняется; такъ напр. цѣлъ еще бѣлый атласный антиминсъ, освященный Димитріемъ, митрополитомъ ростовскимъ, въ 1704 г.; онъ сохраняется во всей свѣжести, не смотря на 185-ти-лѣтнее употребленіе, хотя, впрочемъ, съ 1812 г. его выкладываютъ только въ храмовые праздники, а на прочіе дни выданъ другой антиминсъ. Вещей старинныхъ

изъ церковной утвари въ стѣнныхъ тайничкахъ храма имѣется нѣсколько и нѣкоторыя изъ нихъ, дѣйствительно, любопытны по старинѣ и по изящной ихъ работѣ. Таковы: потиръ (1684 г.), дискосъ (1685 г.), рѣзные деревянные вызолоченные вѣнцы брачные XVII вѣка, большое старинное изображеніе кадила, высокой старинной работы воздухи.

Придѣлъ храма, именно сѣверный, во имя Гурія и Варсонофія, имѣетъ также предметы достойные вниманія археологовъ и вообще любителей старины. Такъ, напр., здѣсь можно видѣть царскія врата, которыя вдвое старѣе церкви, какъ полагаютъ авторитетныя въ археологіи лица. Подъятыя руки, птицы, цвѣты, травянистые узоры—все это художественной рѣзьбой исполненные, украшаютъ эти двери.

Вообще Предтеченскій храмъ въ цѣломъ и во всѣхъ его подробностяхъ, дѣйствительно, весьма замѣчателенъ, а живопись его XVII вѣка до того хороша, что съ большихъ живописныхъ клеймъ паперти храма, въ 1860 г., по высочайшему повелѣнію, сдѣланы снимки для возобновлявшейся тогда московской Дворцовой церкви Спаса на Бору.

Но какъ заботливо сохраненъ этотъ прекрасный памятникъ русскаго церковнаго зодчества, такъ, напротивъ, испорченъ близь лежащій, по лѣвую сторону Которосли, храмъ Николы Мельницкаго. Церковь, современная по сооруженію Предтеченской,—она во второй половинѣ текущаго столѣтія поступила въ инженерное вѣдомство — и вотъ стѣнная живопись, по казарменному образцу, чисто на чисто замазана известью, забѣлена; паперть лишилась и живописи и каменной скамьи; изразцы кафели изъ стѣнъ повыдерганы... словомъ, рука невѣжды въ полную ширь расходилась здѣсь.

Вечеромъ въ этотъ день я засталъ В. В. Верещагина въ его комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, за воспоминаніями. Нашъ даровитый художникъ очень часто переходитъ отъ кисти къ перу и обратно. Тутъ же я получилъ отъ него экземпляръ его «Воспоминаній», изданныхъ недавно на французскомъ языкѣ. Записки Василія Васильевича вызвали не мало ему порицаній. Геніальнаго художника нашего обвиняютъ въ самовосхваленіи, въ бахвальствѣ. Намъ кажется, эти обличенія несправедливы. Верещагинъ просто и естественно разсказываетъ то, что другой передаетъ съ обходами, да всякаго рода вычурностями и ужимками; расхваливать ему себя или давать волю воображенію, говоря прямо—привирать, рѣшительно не для чего, и онъ отлично это понимаетъ: никакое самовосхваленіе не придастъ ему ничего къ той великой славѣ, какая окаймляетъ уже издавна его имя—во всемъ образованномъ мірѣ, какъ замѣчательнѣйшаго изъ русскихъ современныхъ художниковъ. Затѣмъ, онъ рѣшительно не нуждается ни въ восхваленіяхъ и порицаніяхъ, измышленныхъ по отно-

шенію къ другимъ. Онъ можетъ ошибаться и ошибается иногда, но нигдѣ не бахвалитъ и нигдѣ сознательно не говоритъ неправды, это не въ его натурѣ.

Мы долго говорили съ В. В. о его дѣятельности, какъ художника. «Сюжеты для моихъ картинокъ зарождаются у меня самобытно, прямо подъ вліяніемъ видѣннаго мною и нерѣдко испытаннаго; никакимъ внушеніямъ и заданіямъ я не слѣдовалъ и никогда не послѣдую. Пусть говорятъ, пишутъ, бранятъ—я ничего не послушаю; я исполню свой трудъ, какъ мнѣ его Богъ на душу положитъ. Разъ задумавъ картину, я ношусь съ своимъ сюжетомъ иногда долго и всегда мучительно. Мысль о немъ терзаетъ и гнететъ меня, пока я не воспроизведу его на полотнѣ красками»...

II.

Двадцать семь лѣтъ назадъ мы двукратно посѣтили Ярославль, именно лѣтомъ 1860 и 1861 годовъ. Онъ также пустыненъ намъ показался и теперь, точно населеніе его вымерло, но куда какъ пріукрасился Ярославль въ эту четверть вѣка! Вмѣсто невозможной мостовой и мирно стоящихъ болотъ, не пересыхавшихъ въ 1860—1861 гг. и въ лѣтній зной на главной и громаднѣйшей площади города, роскошно раскинулся теперь зеленѣющій садъ. Этотъ садъ—даръ Ярославлю отъ его бывшаго уважаемаго городскаго головы, нынѣ почетнаго гражданина города Ярославля И. А. Вахромѣева. Садъ этотъ охватилъ единственный памятникъ въ Ярославлѣ; еще въ 1860 и 1861 годахъ онъ до того былъ въ запущеніи, что на немъ не видно было даже надписей, при чемъ онъ сиротливо стоялъ среди булыжника какъ верстовой столбъ. Теперь онъ приведенъ въ полный порядокъ. Этотъ памятникъ, какъ гласитъ надпись, — соорудило «Ярославское дворянство — Павлу Григорьевичу Демидову», а на другой сторонѣ пьедестала читаемъ надпись: «Покровителю просвѣщенія и основателю Демидовскаго высшихъ наукъ училища 1824 г.». Памятникъ представляетъ бронзовую колонну въ 17 арш. высоты съ бронзовой на ней сферой и на ней парящій орелъ (памятникъ открытъ въ 1829 г.) и нынѣ все на немъ вычищено, выбронзировано. Прекрасный даръ городу,—въ видѣ этого сада,—напоминаетъ намъ объ И. А. Вахромѣевѣ и мы направляемся къ нему въ его домъ. Имя владѣльца этого дома, вмѣстѣ съ сотнями тысячами пудовъ отличной крупчатки муки, направляющейся водяными караванами далеко отъ

Ярославля, вѣдомо въ самыхъ дальнихъ концахъ сѣверной и восточной Россіи.

Насъ привѣтливо принялъ среднихъ лѣтъ и средняго роста мужчина, сдержанный, молчаливый, симпатичный блондинъ,—это Иванъ Александровичъ Вахромѣевъ. Онъ исконный ярославецъ; предки его упоминаются въ мѣстныхъ актахъ XVII вѣка; родился и воспитывался онъ въ Ярославлѣ (род. въ 1843 г.) и съ справедливою гордостью вспоминаетъ, что участвовалъ въ комитетѣ по возобновленію древнихъ зданій и церквей въ кремлѣ Ростовскомъ. Для тамошняго «Музея церковныхъ древностей» И. А. оказалъ много пожертвованій, что мы и видѣли при посѣщеніи музея. Для Ярославля г. Вахромѣевъ кромѣ сада, устроеннаго имъ съ затратою на этотъ предметъ крупнаго капитала, сдѣлалъ много добраго; укажемъ напр. на особый деревянный домъ—городскую народную читальню для публичныхъ въ ней чтеній человѣкъ на 700. Какъ человѣкъ, пожертвовавшій значительныя суммы на изданіе нѣсколькихъ весьма хорошихъ книгъ и сборниковъ—И. А. Вахромѣевъ несомнѣнно оказалъ услуги русской наукѣ; собственнымъ трудомъ и съ большими затратами соединилъ онъ у себя значительное собраніе «Рукописей славянскихъ и русскихъ». Отчасти надо и то сказать, что на Руси такъ ужъ повелось, что въ извѣстныхъ мѣстностяхъ между жителями преемственно переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію склонность къ чему нибудь одному и тому же въ области ли промысла, въ склонностяхъ ли высшаго порядка. Такъ и по отношенію къ собиранію рукописей въ Ярославлѣ изстари были любители и иногда знатоки оныхъ; вотъ и нынѣ,—изъ болѣе крупныхъ собирателей является мучной крупный торговецъ И. А. Вахромѣевъ. Въ городѣ мы слышали разсказы о томъ, что старикъ купчина, его батюшка, вѣдающій исключительно мучное дѣло,—неблагосклонно смотритъ на не торговыя занятія сына, называя заурядъ какъ службу его обществу, въ званіи городскаго головы, каковое мѣсто будто бы старикъ и заставилъ, наконецъ, сына покинуть, такъ въ особенности страсть его собирать, а иногда и печатать рукописи—совершеннымъ баловствомъ; но «баловень Ванюша», которому теперь уже 45 лѣтъ, увлекаясь собираніемъ рукописей, въ то же время покорно и охотно является въ громадный мучной лабазъ—и поспѣваетъ одновременно вести громадное торговое дѣло—мукой и баловаться собираніемъ рукописей. Мы видѣли Ивана Александровича за мѣшками муки и даже находимъ, что нѣсколько застѣнчивый и молчаливый, онъ чувствуетъ себя также на своемъ мѣстѣ въ лабазѣ, какъ и въ своемъ книгохранилищѣ. Помоги ему Богъ не оставлять книжное дѣло. Да и какъ бросать такое хорошее и для науки

полезное дѣло! Вотъ неутомимый А. А. Титовъ ужъ успѣлъ описать собраніе г. Вахромѣева. Одна перечневая подробная опись составила книгу въ б. 8 д. въ 225 стр., отпечатанную владѣльцемъ древлехранилища на отличной бумагѣ. Сюда вошло 281 рукопись. Всѣ онѣ помѣщаются въ строжайшемъ порядкѣ, въ хорошей работы шкапу въ кабинетѣ хозяина.

Иванъ Александровичъ вручилъ намъ экземпляръ этого описанія и далъ возможность ознакомиться съ его собраніемъ; здѣсь, дѣйствительно, мы увидѣли не мало грамотъ, автографовъ и вообще рѣдкихъ документовъ и болѣе или менѣе заслуживающихъ вниманіе рукописей. Всѣ они поступили сюда не ранѣе 1870 года, съ каковаго времени И. А. пристрастился къ этому дѣлу. Въ описаніи обозначено за какую цѣну куплена та или другая рукопись; покупки произведены преимущественно въ Москвѣ и лишь частью въ Ярославлѣ. Нѣкоторые изъ манускриптовъ пріобрѣтены у извѣстныхъ собирателей С. Большакова и П. В. Хлѣбникова. Рукописи относятся къ XVIII, XVII и даже XVI вѣкамъ; есть такія, покупная цѣна которыхъ доходитъ до 1500 руб. за штуку, большинство же книгъ куплены отъ 3 и 5 р. до 10, 15, 50 руб. и болѣе. Въ ряду книгъ св. писанія — слѣдуя описанію, — мы обозрѣли (№ 1) Библію XVI—XVII вв. съ двумя стами пятьдесятью пятью раскрашенными картинами, очень интересными, какъ образцы рисовальнаго искусства нашихъ предковъ;—Евангеліе (№ 11);—весьма изящнаго письма Апокалипсисъ (№ 14) толковый съ 75 раскрашенными картинами;—Псалтырь (№ 15), замѣчательно микроскопическими буквами написанный и съ изображеніемъ псалмопѣвца, рукопись, по объясненію каталога, чрезвычайно рѣдкая.

Въ ряду богослужебныхъ книгъ И. А. указалъ намъ на Святцы (№ 35)—XVII вѣка съ краткими данными о жизни святыхъ, между другими и ростовскихъ; Синодикъ (№ 39) XVIII вѣка, съ хорошими гравюрами, заключающій въ себѣ свѣдѣнія о многихъ родахъ боярскихъ, каковы: Волынскіе, кн. Гагарины, Голицыны; Бибиковы, Кречетниковы, также о родахъ московскихъ именитыхъ купцовъ и пр.; Святцы (№ 42) красиваго поморскаго письма XVIII вѣка, пергаментная рукопись; много житій святыхъ, между прочимъ житіе свв. Зосимы и Савватія (№ 71) съ 229 лицевыми изображеніями—отличнаго письма; эта рукопись послѣ того, какъ я посѣтилъ И. А. Вахромѣева, кажется, уже имъ издана. Рукопись эта куплена нынѣшнимъ ея владѣльцемъ у извѣстнаго С. Т. Большакова за 1,500 рублей. Житіе Іоанна Богослова, съ 161 лицевыми изображеніями, и проч. Между сочиненіями богословскаго и богословско-полемическаго характера

описатель рукописей отмѣчаетъ здѣсь два, три особенно рѣдкихъ манускрипта, напр. (№ 112) одно изъ сочиненій митрополита Кіевскаго Петра-Могилы. Имѣется нѣсколько памятниковъ древней письменности изъ области древне-русской литературы, раскола и обличеній. Въ этомъ отдѣлѣ намъ интересно было встрѣтить «Розыскъ о раскольничьей брынской вѣрѣ» (№ 108), извѣстное сочиненіе Димитрія, митрополита Ростовскаго, съ прибавленіями и значительными разночтеніями противъ печатнаго изданія. Кстати отмѣчу, что въ библіотекѣ пишущаго эти строки имѣется хорошее изданіе «Розыска», именно 1755 г., въ б. листъ, церковно-славянской печати. Въ одной изъ раскольничьей здѣсь рукописей—мы видѣли рисунокъ Мемнона, расколоучителя, съ двоеперстнымъ сложеніемъ, сожженнаго и почитаемаго раскольниками за святаго; замѣтили мы также въ собраніи г. Вахромѣева нѣсколько списковъ «Лѣтописца келейнаго святителя Димитрія, Ростовскаго митрополита», нѣкоторые съ разночтеніями и добавленіями противъ печатнаго текста (см. описаніе рукописей №№ 82, 83, 84, 85, 86, 87). Пріятно здѣсь было встрѣтить, между рукописями позднѣйшаго времени (№№ 273—277), совершенно у мѣста почтенный трудъ покойнаго протоіерея о. І. Троицкаго: «Церковно-историческое и статистическое описаніе Ярославской и Ростовской епархій». Въ 1860 и 1861 годахъ, при посѣщеніи нами Ярославля, мы имѣли удовольствіе познакомиться съ этимъ весьма уважаемымъ тогда священникомъ и преподавателемъ Закона Божьяго во всѣхъ главныхъ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Своею любовью къ мѣстной святынѣ и старинѣ и своими историческими знаніями онъ произвелъ на насъ весьма пріятное впечатлѣніе, а книга его, тогда же имъ мнѣ подаренная: «Исторія губернскаго города Ярославля. Ярославль, 1853 г.», весьма долго была почти единственною книгою для желающихъ ознакомиться съ исторіей древняго сего города и нынѣ сдѣлалась довольно рѣдкою; она заслуживала бы (не смотря на свой устарѣлый слогъ) вторичнаго тисненія, напр. для раздачи ея учащимся въ нынѣ многочисленныхъ (какъ пріятно звучитъ это слово!) учебныхъ заведеніяхъ Ярославля [1]).

Съ особымъ любопытствомъ перелистовали мы въ древле-хранилищѣ И. А. Вахромѣева, подъ №№ 258—270, дневникъ Ивана Михайловича Снегирева (род. 1793 г., ум. въ 1868 гг.). Весьма извѣстный въ свое время составитель описаній старины и древностей,

[1]) Второй экземпляръ этой книги весьма любезно подарилъ намъ, въ настоящій нашъ пріѣздъ, г. городской голова И. Н. Соболевъ, которому свидѣтельствуемъ признательность за его вниманіе къ намъ при ознакомленіи съ нѣкоторыми городскими учрежденіями, вполнѣ заслуживающими обозрѣнія: городскія богадѣльни, ремесленный пріютъ, больница, домъ умалишенныхъ и проч.

одинъ изъ первыхъ по времени обозрѣвателей лубочныхъ картинъ, изслѣдователей русскихъ пословицъ, поговорокъ, также о праздникахъ и суевѣріяхъ народныхъ, сотрудникъ «Москвитянина», біографъ митрополита московскаго Платона Левшина; между многими своими трудами Снегиревъ былъ составителемъ описанія наидрагоцѣннѣйшаго, волею и иждивеніемъ императора Николая I напечатаннаго, изданія «Древностей Россійскаго государства», рисунки каковаго изданія выполнены славнымъ профессоромъ археологической живописи Ѳ. Г. Солнцевымъ; Снегиревъ до 1836 года былъ профессоромъ Московскаго университета и былъ весьма извѣстенъ во всей грамотной Россіи; во всякомъ случаѣ, онъ не заслуживалъ ни тѣхъ рѣзкихъ нападковъ при жизни, — какіе вызвали его труды отъ людей, правда, гораздо болѣе свѣдущихъ и несравненно болѣе его даровитыхъ, но его же трудамъ много обязанныхъ, ни въ особенности той горькой доли, какая выпала ему, такъ какъ онъ умеръ въ нищетѣ въ С.-Петербургѣ, едвали ни въ домѣ умалишенныхъ, что вызвало тогда много говору въ семьѣ литераторовъ, ученыхъ и журнальныхъ дѣятелей.

Дневникъ И. М. Снегирева относится, съ нѣкоторыми перерывами, къ 1821—1864 гг.; здѣсь 13 томовъ, но онъ далеко не оправдываетъ тѣхъ надеждъ, съ какими приступаешь къ его обозрѣнію: И. М. Снегиревъ при его умѣ, даже извѣстномъ въ свое время остроуміи, при его обширныхъ знакомствахъ въ сферѣ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ—ограничивалъ свои ежедневныя записи нерѣдко такими ничего незначущими мелочами, что просто не вѣришь, что таковыя принадлежатъ извѣстному въ свое время ученому и писателю. Едвали не самыя интересныя строки изъ этого дневника приведены у Андрея Александровича Титова.

Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«1823 г. октября 2-го дня... А. Ѳ. Мерзляковъ казалъ мнѣ доконченнаго имъ Тасса, о коемъ я сказалъ ему: Тассъ, уйди вонъ!.. Условились идти подъ Новинское посмотрѣть прежній монастырь, уничтоженный митрополитомъ Платономъ. Тамъ, говорятъ, погребенъ архіепископъ Леонидъ, задушенный царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Новинскимъ названо отъ новинокъ, т. е. холстинъ, кои тамъ встарь собирали.. Догадывались, не погребенъ ли царевичъ Алексѣй Петровичъ у Константина и Елены, что въ Кремлѣ.

«1834 г. января 9-го. На слова государя (Николая I) Ермолову, что онъ теперь въ модѣ у французовъ: платье à Jermoloff тамъ носятъ,—Ермоловъ отвѣчалъ: «Я всегда былъ игрой моды: поносятъ, да и бросятъ...»

«1836 г. апрѣля 15-го. Утромъ былъ у А. С. Пушкина, который обѣщался написать разборъ моихъ пословицъ и меня приглашалъ участвовать въ «Современникѣ», съ платой 150 р. (ассигн.) за листъ; просилъ сообщить ему мои замѣчанія на Игореву пѣснь, коею онъ занимается какъ самороднымъ памятникомъ русской словесности. Со мною прочелъ онъ 3-й листъ русскихъ праздниковъ, кои просилъ для помѣщенія въ своемъ «Современникѣ».

«1843 г. 16-го декабря. Вознесенскаго монастыря дьяконъ П. П. Обуховъ... разсказывалъ, какъ сокрыты были мощи св. царевича Димитрія за иконостасомъ въ соборной церкви Вознесенскаго монастыря и какъ священникъ передъ смертью своей открылъ брату своему, куда онъ ихъ скрылъ. Другой священникъ Вознесенскаго монастыря, Петръ Ивановъ, крестилъ въ коммиссаріатѣ дитя одной полячки, у коей воспріемникомъ былъ Наполеонъ...

«1848 г. іюня 9-го. Съ графомъ А. Уваровымъ... ѣздилъ въ Новоспасскій монастырь, гдѣ осмотрѣли соборную церковь, ризницу и отыскали портретъ и надгробный камень принцессы Августы Таракановой, въ монашествѣ Досифеи, постриженной въ Ивановскомъ монастырѣ и умершей въ 1810 г., 64-хъ лѣтъ.

«20-го февраля 1855 г. . . . . ѣздилъ . . . въ Чудовъ монастырь, гдѣ читали манифестъ о вступленіи на престолъ Александра II и принимали присягу... Народу было множество... тишина царствовала въ церкви, гдѣ совершалъ молебствіе митрополитъ Филаретъ. По выходѣ изъ Чудова монастыря, упалъ съ громомъ средній колоколъ... проломилъ сводъ и полъ, задавилъ семь человѣкъ. Я думалъ, что изъ пушки стрѣляли. Это что-то знаменательно... Чудное событіе и неожиданное! Что готовитъ Промыслъ Россіи, которая лишается царя-богатыря въ такихъ обстоятельствахъ, когда ее обложили враги со всѣхъ сторонъ? Конечно, благо.

«1859 г. января 17-го... Ундольскій разсказывалъ о своемъ житьѣ у князя М. А. Оболенскаго, сколько онъ потерпѣлъ отъ его характера и какъ жестоко и грубо онъ съ нимъ обращался [1]).

«1860 г. марта 27-го... Въ трапезѣ (Ивановскаго монастыря) я осматривалъ застѣнокъ, гдѣ сидѣла Салтычиха. Это келья длиною аршинъ 9, шириною аршина 4, съ двумя окошками на югъ, за желѣзными рѣшетками...»

Къ сожалѣнію, повторяемъ, характерныхъ замѣтокъ немного въ 13 томахъ объемистыхъ дневниковъ И. М. Снегирева; изъ тѣхъ частей, которыхъ здѣсь нѣтъ, было уже сдѣлано извлеченіе покойнымъ библіотекаремъ Публ. библ. въ С.-Петербургѣ Ивановскимъ и издано имъ въ 1871 году. Помянутыя 13 частей рукописи ждутъ еще такого же внимательнаго знатока и труженика, какъ Н. П. Барсуковъ, который представилъ столь искусно выполненное и интересное извлеченіе изъ первыхъ тетрадей дневниковъ М. П. Погодина, въ двухъ вышедшихъ томахъ «Жизнь и труды М. П. Погодина»; — печатать же цѣликомъ «Дневники И. М. Снегирева» едва-ли какое-нибудь изданіе рѣшится, въ виду того, что дневникъ заключаетъ въ себѣ весьма много совершенно неинтересныхъ записей, въ родѣ того, что составитель его былъ у заутрени въ такой-то церкви, у обѣдни— въ такой-то, тамъ-то купилъ шапку, заплатилъ столько-то, а событіе такое, какъ напр. кончина Н. В. Гоголя въ 1852 году, не вызываетъ у Снегирева ничего, кромѣ лаконической отмѣтки, что де былъ въ церкви на отпѣваніи. Тѣмъ не менѣе, «Дневники»

[1]) Сравни это показаніе съ нашими замѣтками о томъ же кн. М. А. Оболенскомъ. «Русская Старина», изд. 1889 г., т. LXII, апрѣль, стр. 248.

Ред.

людей общественныхъ, знавшихъ и видѣвшихъ много, вообще говоря, не могутъ не сохранять въ себѣ интересныя черты; въ позднѣйшее время, 1860—1880 гг., таковые «Дневники» велись и ведутся многими и рано или поздно выплывутъ на свѣтъ Божій, какъ ихъ ни запрятывай. Къ слову сказать, куда и кто запряталъ дневникъ академика Петра Петровича Пекарскаго († въ 1872 г.), въ теченіе многихъ лѣтъ аккуратно вносившаго о видѣнномъ и слышанномъ имъ? Пекарскій, по уму и по положенію въ сферахъ людей науки и литературы, не могъ не слышать многаго, да и зналъ что и какъ записать, притомъ 1860-ые годы куда какъ богаты интересными и характерными подробностями въ общественной жизни русскаго общества! Надо надѣяться, что если помянутый дневникъ не вынырнетъ гдѣ либо скоро въ печати, то его, по крайней мѣрѣ, передадутъ въ какое либо столь же солидное хранилище, каково собраніе рукописей И. А. Вахромѣева; благодаря печатному его описанію и доброй готовности владѣльца, собраніе это вполнѣ доступно людямъ, интересующимся прошлымъ.

Обращаясь къ древнимъ рукописямъ собранія И. А. Вахромѣева необходимо сказать, что нѣкоторыя изъ нихъ уже были въ виду ученыхъ спеціалистовъ при ихъ трудахъ и въ виду ученыхъ обществъ; рукописями пользовались покойный Андрей Ник. Поповъ (изъ собранія котораго и куплены И. А. нѣкоторыя изъ рукописей), Ѳ. И. Буслаевъ, общество любителей древней письменности въ Спб., исторіи и древностей въ Москвѣ и археографич. комиссіи въ Спб. (см. напр. изданную ею писцовую книгу: Ростовъ, рукоп. № 169).

Въ одномъ изъ «Сборниковъ» — собран. XVIII в. (№ 224) находятся здѣсь записки Андрея Артамоновича Матвѣева, но другой редакціи, нежели тѣ, которыя были изданы въ 1841 г. Есть также списокъ XVIII в. извѣстной трагедіи Княжнина «Вадимъ Новгородскій», печатные экземпляры которой были публично сожжены по указу Екатерины II въ 1793 г.; въ библіотекѣ пишущаго эти строки есть печатный оттискъ этой трагедіи 1793 г., рѣдкость весьма большая; самый же текстъ трагедіи, съ пропускомъ лишь четырехъ строкъ, былъ цѣликомъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г.

Въ собраніи г. Вахромѣева имѣется нѣсколько интересныхъ сборниковъ старообрядческихъ въ спискахъ XVIII и начала XIX вѣковъ (см. №№ 234—239), нѣсколько сборниковъ съ стихотвореніями, шутками, сатирами начала XIX в., (напр. №№ 250—254), въ числѣ которыхъ есть и не попавшія еще на страницы нашихъ историческихъ и историко-литературныхъ журналовъ. Весьма любопытна также имѣющаяся въ собраніи «Записка расходовъ во время бытія

градскаго ярославскаго головы Желудкова съ прочими гражданами» въ 1797 г., въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, на коронованіи императора Павла I въ Москвѣ.

Однако мы совсѣмъ засидѣлись въ кабинетѣ у И. А. Вахромѣева, предъ его распахнутымъ великолѣпнымъ шкафомъ съ его рукописями; пожелаемъ дальнѣйшаго роста его древле-хранилищу и отправимся либо чрезъ городской садъ его имени на площади, либо старинным тѣнистымъ бульваромъ, въ палладіумъ высшаго образованія въ Ярославлѣ, въ Демидовскій лицей.

III.

Мы обошли сначала кругомъ зданія лицея; довольно большое оно, но по внѣшнему виду своему ничего въ архитектурномъ отношеніи замѣчательнаго или красиваго не являетъ... Мы вышли на набережную,—предъ нами тянулась красавица Волга. Да, вотъ ужъ впрямь красавица, и ея нагорный берегъ, на которомъ взмостился Ярославль, особенно красивъ. Набережная, обсаженная рядомъ деревъ, вытягивается длиннѣйшею линіею, прямымъ высокимъ зеленѣющимъ скатомъ спускается она къ рѣкѣ, обрамленной съ одной стороны рядомъ красивыхъ домовъ, а съ другой — сельскими ландшафтами, деревнями, церквами. А по рѣкѣ рѣютъ пароходы, да вѣдь какъ ихъ много по сравненію съ тѣмъ, что я видѣлъ здѣсь — всего лишь... 27 лѣтъ тому назадъ, да какіе щеголеватые, куда и дѣлись прежнія утлыя паровыя ладьи «Самолета» и парусныя суда разныхъ типовъ и кудрявыхъ наименованій. На одномъ изъ пунктовъ берега я увидалъ новинку,—это станція общества спасанія на водахъ. Захожу въ домикъ, нахожу сторожеваго и весь арсеналъ орудій и веревокъ для спасанія погибающихъ. И много доводится спасать? — «Намъ-то? да десятокъ—другой выволочишь изъ воды; особливо когда ледъ станетъ опасенъ, либо и вовсе тронется. Потому нашъ братъ, мужикъ, куда какъ озорливъ! Ему все ни почемъ, особливо какъ онъ выпивши, такъ и лѣзетъ на рѣку. А тутъ гляди —лодчонку перевернетъ льдомъ, онъ и голоситъ благимъ матомъ»...

Да вотъ поди-жъ, чего проще было подумать о такихъ станціяхъ, да организоваться такому полезному обществу: шутка-ли—въ одномъ городѣ нѣсколько жизней человѣческихъ спасается ежегодно! и почему бы не возникнуть этому учрежденію ну хоть лѣтъ 50 тому назадъ, такъ нѣтъ, только тамъ доброе и творится, гдѣ духъ живъ

общества; и вотъ встрепенулось наше общество въ 1860 годахъ, вышло изъ апатіи и якобы «охраннаго» застоя 1830—1840-хъ годовъ правительство, а тогда и возникло, между другими, и это—святаго дѣла—общество, и сколько русскихъ людей, и не однихъ лишь «выпившихъ», но и многихъ погибавшихъ трезвыхъ, сохранено для трудовой полезной жизни!

А вотъ гдѣ юноши русскіе вообще и изъ нихъ ярославцы въ особенности должны поминать добромъ одного изъ лучшихъ русскихъ людей, создавшаго себѣ дѣйствительно вѣковѣчный памятникъ. Мы говоримъ о лицеѣ и его основателѣ—Павлѣ Григорьевичѣ Демидовѣ.

Возьмите книгу секретаря лицея К. Д. Головщикова. Она вышла въ 1887-мъ году и даетъ интересный очеркъ личности Демидова и заботливо составленную, по архивнымъ источникамъ, исторію основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища (1803—1886 гг.).

Ярославскій землевладѣлецъ—Павелъ Григорьевичъ Демидовъ [1]) род. въ 1738 г. и получилъ основательное образованіе въ Ревелѣ у одного профессора (1748 — 1751 гг.). Образованіе это было превосходно довершено Демидовымъ въ Германіи, куда его отправилъ отецъ и гдѣ онъ слушалъ лекціи въ Геттингенѣ до 1755 г., затѣмъ въ Фрейбергѣ, послѣ чего Павелъ Григорьевичъ шесть лѣтъ провелъ въ путешествіи по Европѣ, обагатившемъ молодаго человѣка массою серьезныхъ знаній. Какъ шли его занятія, въ чемъ состояли его наблюденія—мы лично въ подробности узнали изъ писемъ его къ отцу. Подлинники этихъ писемъ, томъ и одна связка, были куплены нами еще въ 1870-мъ году для «Русской Старины», но до сихъ поръ мы не удосужились, частью за неимѣніемъ мѣста, напечатать эти документы въ нашемъ изданіи,—между тѣмъ, это несомнѣнно интересный историко-біографическій матеріалъ къ жизнеописанію основателя «училища высшихъ наукъ въ Ярославлѣ».

Одиннадцать лѣтъ провелъ П. Г. Демидовъ за границей и провелъ съ честью и достоинствомъ любознательнаго, умнаго русскаго человѣка... По возвращеніи въ Россію, въ началѣ 1762 г., онъ не нашелъ уже въ живыхъ своего заботливаго отца. Значительную часть

---

[1]) Къ изданной нами въ 1873 г. «Русской Родословной книгѣ»—сообщимъ, со словъ г. Головщикова (стр. 3), слѣдующую поправку. Павелъ Григорьев. Демидовъ былъ сынъ не Григорія Никитича, какъ ошибочно сказано въ помянутой книгѣ, такъ какъ у него, Григорія, былъ одинъ только сынъ Иванъ Григорьевичъ, убитый Бирономъ, послѣ чего эта вѣтвь Демидовыхъ прекратилась, но былъ сынъ Григорія Акинфіевича, женатаго на Суровцевой, а не Сурмищевой, какъ значится въ нашемъ изданіи «Родосл. книга» (стр. 381—382).

своего громаднѣйшаго наслѣдства Павелъ Григорьевичъ передалъ въ распоряженіе своихъ братьевъ, но и того, что у него осталось, было съ избыткомъ, достаточно, дабы вполнѣ отдаться частью путешествіямъ, частью любимымъ занятіямъ преимущественно въ области натуральной исторіи и минералогіи, а также принять участіе въ дѣятельности современныхъ ему ученыхъ обществъ, поддерживать постоянную переписку со многими европейскими учеными и заботиться объ увеличеніи своихъ коллекцій по естествознанію, особенно минераловъ, также медалей, монетъ, художественныхъ рѣдкостей и книгъ, которыя онъ покупалъ во множествѣ. Громадныя библіотеки его и музей, пожертвованные имъ московскому университету, погибли въ пожарѣ 1812 г. Мы, однако, не намѣрены повторять біографическія о немъ данныя, хорошо сведенныя и въ трудѣ К. Д. Головщикова; къ личности этого Демидова мы еще, вѣроятно, возвратимся на страницахъ «Русской Старины», когда будемъ печатать его неизданныя, принадлежащія намъ, подлинныя его письма... Въ библіотекѣ лицея мы видѣли живописный портретъ просвѣщеннаго его основателя. Лицо вполнѣ интеллигентнаго человѣка, глаза искрятся умомъ, открытый лобъ; лента ордена Владиміра I степени, черезъ плечо, по бархатному камзолу.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Павелъ Григорьевичъ, внукъ знаменитаго кузнеца-крестьянина изъ деревни Полщиной (Тульской губ.), Никиты Демидовича Антуфьева, возведеннаго Петромъ Великимъ въ потомственное дворянство, съ придачею фамиліи Демидова, сослужилъ великую службу отечеству основаніемъ въ Ярославлѣ высшаго учебнаго заведенія. Для его содержанія Павелъ Григорьевичъ въ 1803 году назначилъ одну изъ своихъ вотчинъ и тогда же пожертвовалъ 200,000 рублей на университетъ московскій и предназначенные къ основанію университеты кіевскій и тобольскій и 100,000 на университетъ въ Ярославлѣ. «Извѣстно мнѣ, писалъ П. Г. Демидовъ императору Александру Павловичу, сколь великое число неимущаго дворянства въ губерніи Ярославской имѣетъ нужду въ такомъ заведеніи, въ которомъ бы оно, съ малыми средствами, могло пріобрѣсть всѣ тѣ познанія, кои образуютъ разумъ и сердце»... Демидовъ просилъ государя «назначенную къ открытію въ Ярославлѣ гимназію возвысить въ такое училище, которое бы имѣло одинаковую степень съ университетами и всѣ преимущества онаго, заведя въ немъ планъ наукъ университетскихъ» [1]).

---

[1]) «Извѣстно, писалъ П. Г. Демидовъ въ мартѣ 1803 г. одному изъ лицъ м—ства нар. просвѣщенія, что я отдаю Романовскую свою вотчину въ пользу назначенной въ Ярославлѣ гимназіи. Но если бы могъ я сдѣлать предложеніе, чтобы, вмѣсто оной, завести въ помянутомъ городѣ университетъ, желалъ бы

На содержаніе всего ученаго и учебнаго персонала именно таковаго типа заведенія П. Г. Демидовъ отдалъ всего 3,570 душъ своихъ крестьянъ и 100,000 р. денегъ.

Демидовское высшихъ наукъ училище открыто въ Ярославлѣ 29-го апрѣля 1805 г. и еще при жизни основателя число въ немъ ежегодно учившихся возросло отъ 30 до 96 молодыхъ людей, по преимуществу ярославскихъ дворянъ. Въ послѣдующіе годы число это сильно видоизмѣнилось, то упадая до 35 въ 1864 г., то подымаясь, уже въ лицеѣ, до 311, въ 1881 году.

Въ библіотекѣ основаннаго имъ училища мы видѣли, кромѣ портрета Демидова, большую золотую медаль, каковая была выбита въ его честь по волѣ Александра I, за благотвореніе наукамъ 1803 г.; эта медаль (съ его изображеніемъ) была торжественно вручена Демидову въ Москвѣ, въ собраніи Правительствующаго сената [1]).

Пожертвованія Павла Григорьевича Демидовскому высшихъ наукъ училищу въ Ярославлѣ продолжались до самой кончины Демидова, въ 1821 г. деньгами, землею и книгами; при этомъ онъ постоянно лелѣялъ мысль, что его училище будетъ возведено въ университетъ; жертвуя книги въ библіотеку, онъ нерѣдко собственноручно надписывалъ: «Демидовскому университету». Въ біографіяхъ Павла Григорьевича и въ книгѣ К. Д. Головщикова перечислены громадныя пожертвованія Демидова, достойнѣйшаго русскаго дѣятеля, на пользу просвѣщенія его отечества; нельзя здѣсь не указать при этомъ на черту въ высшей степени характерную. Жертвуя десятки, сотни тысячъ рублей на дѣло общественнаго образованія, передавая основаннымъ или имъ поддерживаемымъ разсадникамъ просвѣщенія съ любовью собранныя научныя и художественныя коллекціи, П. Г. Демидовъ личныя потребности своей обыденной жизни ограничивалъ до невѣроятности: такъ, въ послѣдніе годы его жизни на его столъ выходило не болѣе 6—7 рублей въ мѣсяцъ! Онъ умеръ на 83 году отъ рожденія, 1-го іюля 1821 г., и погребенъ въ Москвѣ, въ Спасо-Андроніевскомъ монастырѣ.

я, чтобы сія вотчина осталась тогда въ пользу онаго, къ которой присоединилъ бы я и углицкія свои деревни (2,240 душъ), съ тѣмъ, чтобы доходы съ оныхъ были вѣчно въ пользу онаго, и сверхъ того—100,000 рублей на заведеніе онаго».

[1]) Въ библіотекѣ мы видѣли прекрасный—современный Ѳедору Григорьевичу Волкову—портретъ этого перваго по времени и замѣчательнаго по таланту русскаго актера, бывшаго, какъ извѣстно, родомъ изъ Ярославля. Портретъ подаренъ лицею М. С. Щепкинымъ. Волковъ, что всѣмъ извѣстно, былъ основателемъ русскаго театра, но что онъ былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ въ возведеніи Екатерины II на престолъ—это извѣстно не многимъ.

Демидовскій лицей мы нашли, по случаю вакаціоннаго лѣтняго времени, пустымъ; это не помѣшало намъ, въ сопровожденіи его трудолюбиваго исторіографа, К. Д. Головщикова (секретарь лицея), обойти все зданіе; оно настолько хорошо устроено и такъ обширно, что въ немъ съ большимъ удобствомъ возможно было бы помѣстить не 200 юношей, каковое число воспитывалось въ немъ въ 1887—1888 учебномъ году, но 350 и болѣе человѣкъ [1])! И жаль, что не увеличать числа учащихся. «Если надо помѣстить учащихся, стѣны заведенія должны раздвинуться, сказалъ при одномъ случаѣ въ Спб. гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ, а тутъ и стѣнъ не приходится раздвигать, стоитъ лишь возобновить право пріема воспитанникамъ духовныхъ семинарій, а межъ ними, да и вообще въ средѣ нашего юношества, охотниковъ на высшее образованіе цѣлая лавина; а какъ часто теперь этотъ потокъ не имѣетъ бассейновъ, гдѣ бы остановиться!

Кстати о тѣхъ молодыхъ людяхъ, для которыхъ почему либо загражденъ доступъ въ высшія заведенія, либо которые, нерѣдко выдержавъ поступные экзамены не только въ одномъ, но одновременно въ двухъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, остаются въ столицахъ за порогами этихъ заведеній,—за недостаткомъ въ нихъ помѣщеній. Поразительно грустно положеніе этихъ молодыхъ людей, не менѣе безъисходно положеніе другихъ гражданъ нашего отечества,—это молодежь іудейскаго закона. По поводу ихъ мнѣ разсказывали, что именно въ Ярославлѣ, не далѣе какъ въ 1887 году, произошелъ слѣдующій случай. Къ августу мѣсяцу, вмѣсто обычнаго контигента юношей въ нѣсколько десятковъ лицъ, вдругъ разомъ явилось отъ 200 до 300 юношей и всѣ — іудейскаго закона. Всѣ эти сыны «іерусалимскихъ дворянъ», какъ шутливо иногда называютъ евреевъ, увидѣли, что въ то время, какъ повсюду въ высшихъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ назначенъ относительно ихъ извѣстный процентъ, Ярославскій лицей — остался свободнымъ отъ таковаго ограниченія. Начинается пересмотръ документовъ; оказывается, что бо̀льшая часть прибывшихъ прекрасно кончила курсъ гимназій, при повѣрочныхъ испытаніяхъ отвѣты прекрасны; что тутъ дѣлать? Принять сотню — другую евреевъ значитъ разомъ высшихъ наукъ учебное заведеніе въ коренномъ чисто русскомъ городѣ обратить въ еврейское заведеніе, устроить разсадникъ еврейства, и гдѣ же?—въ Ярославлѣ!... дѣло серьезное! Дано знать въ Москву, въ Петербургъ и телеграфъ

---

[1]) Въ 1881 - 1882 гг. было въ лицеѣ 314, а въ 1886—1887 учебномъ году всего лишь 95 студентовъ, вслѣдствіе запрета съ 1885 г. пріема въ лицей семинаристовъ.

принесъ для евреевъ ограниченіе въ составѣ учащихся въ лицеѣ пятью процентами наличнаго числа студентовъ (въ 1887—1888 году было 16% евреевъ въ лицеѣ). Сотни молодыхъ людей іудейскаго закона—покорно выслушали отказъ въ пріемѣ, взяли свои документы обратно и направились во свояси. Да, слава Богу, Ярославль и его лицей спасены отъ еврейства, и это тѣмъ болѣе важно, что связь лицея съ мѣстнымъ обществомъ, какъ свидѣтельствуетъ С. М. Шпилевскій, очень тѣсная; студенты не только живутъ въ обществѣ, но многіе изъ нихъ являются учителями и воспитателями подростающаго поколѣнія; такимъ образомъ, въ педагогическомъ отношеніи студенты лицея имѣютъ въ Ярославлѣ очень важное общественное значеніе; но вопросъ о сліяніи евреевъ путемъ образованія съ прочими гражданами все же остается не рѣшеннымъ. Средство обезвреживанія евреевъ остается все еще не открытымъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же рѣшеніе величайшей важности задачи о томъ, какъ сдѣлать русскихъ гражданъ іудейскаго закона, общее количество которыхъ едвали не семь мильоновъ, такими граждами нашего отечества, которые, подобно всѣмъ прочимъ многочисленнымъ племенамъ, не только безвредно, но съ пользою для государственной жизни слившимся въ необъятное русское море, могли бы пользоваться, безъ вреда для другихъ, общими для всѣхъ правами, не встрѣчая, между прочимъ, предъ собою запертыхъ дверей въ учебныхъ заведеніяхъ, не видя запретныхъ для жизни и пребыванія сотенъ городовъ россійскихъ! И не смотря на то, что надъ рѣшеніемъ этой задачи едвали не цѣлое столѣтіе ломаютъ головы, а мы чуть ли не въ томъ же положеніи, въ какомъ находились въ 1742 году, когда императрица Елизавета Петровна, въ извѣстной резолюціи своей рѣшительно открещивалась отъ евреевъ, какъ отъ враговъ Христовыхъ. Но оставимте вопросы, для рѣшенія которыхъ видно все еще не настало время... Мы въ библіотекѣ Демидовскаго лицея. Она велика, до 14 т. названій въ ней, и она замѣчательно хорошо установлена, описана и вообще каталогизирована. Здѣсь, какъ и во многомъ другомъ въ Ярославлѣ, вспоминается М. Н. Капустинъ, въ теченіе тринадцати лѣтъ (1870—1883 гг.) бывшій директоромъ этого лицея и своею распорядительностью, гуманностью, своимъ прекраснымъ преподаваніемъ и воспитательнымъ тактомъ оставившій самую добрую о себѣ память.

Мы посѣтили его преемника,—нынѣшняго директора лицея, заслуженнаго профессора, извѣстнаго ученаго Сергѣя Михайловича Шпилевскаго. Имъ и его милою, весьма образованною, супругою Анной Николаевной (рожденная Мосолова) мы были приняты самымъ радушнымъ образомъ, какъ только принимаютъ въ нашей доброй,

гостепріимной Россіи... Дай Богъ, чтобы русскіе люди вообще—хотя въ отношеніи гостепріимства—не онѣмечились; между тѣмъ, увы, въ столицахъ, не говоря уже о Петербургѣ-космополитѣ, но даже въ Москвѣ—гостепріимство съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе испаряется [1]).

С. М. Шпилевскій (род. въ 1833 г.)—москвичъ по рожденію и воспитанію, питомецъ 1-й Москов. гимназіи и Московскаго университета, въ которомъ его кандидатская диссертація увѣнчана золотою медалью въ 1856 г. Въ слѣдующемъ году онъ уже примкнулъ къ одному изъ благороднѣйшихъ литературныхъ кружковъ, который когда либо у насъ существовалъ: я говорю о кружкѣ братьевъ Аксаковыхъ, причемъ С. М. является издателемъ-редакторомъ газеты «Молва». Въ 1861 г. Шпилевскій назначенъ адъюнктомъ въ Казанскій университетъ, гдѣ и прослужилъ двадцать четыре года (до 1885 года), получивъ въ то же время ученыя степени въ Московскомъ университетѣ, гдѣ въ 1870 г. онъ защитилъ свою диссертацію: «Семейная власть у древнихъ славянъ и германцевъ»,—на доктора государственнаго права. Каѳедрою Сергія Михайловича въ Казанскомъ университетѣ была исторія русскаго права.

С. М. Шпилевскій былъ однимъ изъ самыхъ неутомимыхъ тружениковъ въ Казани; онъ служилъ наукѣ, служилъ и публицистикѣ, являясь то редакторомъ, то даже и издателемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ органовъ, причемъ весьма много сдѣлано имъ въ области изученія исторіи и этнографіи инородческой Казанской области. Особенно крупными результатами таковаго изученія было нѣсколько трудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые навсегда останутся важными вкладами въ науку; къ числу таковыхъ принадлежитъ его изслѣдованіе: «Древніе города и другіе памятники булгарскіе въ Казанской губерніи», изд. 1877 г. Этотъ превосходный трудъ былъ удостоенъ отъ Императорскихъ: Академіи Наукъ—преміи графа Уварова, а отъ Археологи-

---

[1]) Какъ курьезъ приведу показаніе одного близкаго пріятеля о томъ, что въ одинъ изъ дней временнаго пребыванія въ Москвѣ посѣтилъ онъ, отъ 12 до 8 часовъ пополудни, восемь самыхъ, повидимому, добрыхъ знакомыхъ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ даже доводилось ему принимать и угощать у себя въ Спб., и ни у одного не получилъ онъ приглашенія отвѣдать запросто хлѣба-соли. Между тѣмъ, въ пятидесятыхъ гг.,—когда онъ провелъ одну зиму въ той же Москвѣ, юнымъ офицеромъ гвардіи, случалось ему чуть не на огонекъ входить въ домъ, гдѣ только надѣялся онъ встрѣтить одного изъ офицеровъ гвардіи, также гостя, то этотъ гость, нерѣдко полузнакомый съ хозяевами, рекомендовалъ вошедшаго, и москвичи того времени съ величайшимъ радушіемъ принимали гостя.

ческаго Общества—большой золотой медали. С. М. Шпилевскому принадлежитъ заслуга одного изъ главнѣйшихъ устроителей археологическихъ съѣздовъ въ Казани, а потомъ, именно въ 1887 году, въ Ярославлѣ. Въ Казани, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, С. М. былъ предсѣдателемъ мѣстнаго «Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи», въ трудахъ каковаго Общества Сергѣй Михайловичъ — принималъ большое и притомъ вполнѣ безмездное участіе. Съ 1885 г. перемѣщенный изъ Казани на постъ директора Демидовскаго Юридическаго лицея, Сергѣй Михайловичъ пріобрѣлъ себѣ, какъ мы слышали отъ многихъ лицъ въ Ярославлѣ, всеобщее уваженіе какъ отъ своихъ сотоварищей по службѣ въ лицеѣ, которые живутъ въ полнѣйшемъ содружествѣ, чуждые интригъ и пререканій, столь обычныхъ въ провинціальной глуши, такъ и отъ учащейся молодежи...

Кстати о послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ; здѣсь съ особеннымъ уваженіемъ отзываются о просвѣщенной энергіи распорядительницы бывшаго здѣсь съѣзда графини Уваровой и о ея высокихъ познаніяхъ въ наукѣ археологіи, занятія которою наполняютъ всю жизнь этой замѣчательной женщины...

Обращаясь однако къ лицею, въ стѣнахъ котораго мы теперь находимся, приведу нѣсколько, хотя совершенно отрывочныхъ, данныхъ объ этомъ заведеніи, желающихся-же ознакомиться со всѣми подробностями его исторіи и современнаго состоянія отсылаемъ къ труду о немъ секретаря лицея К. Д. Головщикова и къ «Лѣтописи» этого лицея, въ концѣ каждаго учебнаго года издаваемой съ 1875 года. Первыми студентами лицея были присланные въ него, въ 1804 году, по распоряженію начальства, пять молодыхъ людей изъ Москвы, обучавшихся тамъ въ университетской гимназіи. Чтеніе лекцій, начавшееся въ августѣ 1804 г., шло на латинскомъ языкѣ. На 5 профессоровъ было 5 слушателей. Грандіозное предпріятіе—основаніе въ Ярославлѣ высшей школы, равнявшейся университету, какъ бы оказывалось явленіемъ преждевременнымъ: воспитанниковъ для школы доводилось искать, выписывать. Любопытно, что такъ какъ существованіе заведенія обезпечивалось частью процентами съ капитала, пожертвованнаго Демидовымъ, а другая часть дохода состояла изъ получавшагося оброка (по 5 руб. ассигн. съ души) съ крестьянъ приписанныхъ къ лицею вотчинъ, то управленіе этими крестьянами ввѣрено было директору ярославскихъ училищъ, онъ же былъ директоромъ высшаго училища, такъ что въ вакаціонное время профессора ѣздили, какъ помѣщики, въ Демидовскія вотчины, для собиранія оброка и для управленія; съ 1819 г. оброкъ увеличенъ до 10 р. асс. съ души, которыхъ было по ревизіи за лицеемъ—3,620 душъ мужскаго пола.

Въ періодъ 1805—1833 годовъ въ Демидовскомъ училищѣ перебывало 729 воспитанниковъ изъ 26 губерній, большинство ихъ было изъ Ярославской. Изъ 729-ти 327 юношей окончили за это время курсъ наукъ. Съ 1 января 1834 года было введено первое существенное преобразованіе этого училища: оно переименовано въ лицей, и поставлено въ вѣдѣніе московскаго университета; существовавшій при училищѣ пансіонъ отчисленъ къ ярославской гимназіи; при преподаваніи вмѣнено было въ обязанность обращать особенное вниманіе на науки юридическія и камеральныя, прочія считать второстепенными. Въ прежнее время поступленіе въ Ярославское «высшихъ наукъ училище» не было обусловлено требованіемъ прохожденія полнаго курса средне-учебныхъ заведеній, но съ 1834 года въ него могли поступать только прошедшіе гимназію или доказавшія свои свѣдѣнія въ предметахъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ. Права выпускныхъ сравнены съ правами студентовъ университета на чинъ XIV класса или военный офицерскій чинъ; на иждивеніи лицея содержалось 40 студентовъ. Съ 1 января 1847 года лицей получилъ новый уставъ, по силѣ котораго главною цѣлью этого заведенія сдѣлалось «распространеніе основательныхъ свѣдѣній по части камеральныхъ наукъ въ связи съ отечественнымъ законовѣдѣніемъ», но преподавалось въ лицеѣ наукъ множество, такъ что при пестротѣ состава естественно-историческихъ, технологическихъ, сельско-хозяйственныхъ, юридическихъ и филологическихъ наукъ являлась, по замѣчанію историка лицея, широкая, но только мелкая полуобразованность,— тѣмъ болѣе, что всю массу наукъ, соотвѣтствовавшихъ юридическому факультету университета, да еще съ прибавкой наукъ камеральныхъ, доводилось студенту Демидовскаго лицея проходить въ 3 года, вмѣсто 4-хъ лѣтняго университетскаго курса.

Профессора получали въ тотъ періодъ бытія этого заведенія довольно скудное жалованье, всего съ небольшимъ 856 руб 78 коп. въ годъ, что, конечно, не могло служить приманкою, а потому, и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, на службу въ Ярославлѣ смотрѣли какъ на переходную ступень; было, однако, здѣсь и тогда нѣсколько хорошихъ профессоровъ, между таковыми былъ профессоръ Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій (уроженецъ Тулы, род. въ 1824 г.), впослѣдствіи прославившійся, какъ замѣчательный педагогъ, своими теоретическими сочиненіями по педагогіи и въ высшей степени полезными книгами для дѣтей и юношества въ области изученія языка отечественнаго («Родное Слово», «Дѣтскій Міръ»). Ушинскій, по выходѣ въ 1844 году изъ московскаго университета кандидатомъ, занималъ въ Ярославлѣ по 1850 годъ каѳедру энциклопедическаго

законовѣдѣнія, государственныхъ законовъ и учрежденій, законовъ казеннаго управленія и финансовъ. По свидѣтельству бывшихъ въ лицеѣ слушателей, Ушинскій превосходно и увлекательно излагалъ свои лекціи.

Въ 1863 г. лицей одесскій преобразованъ въ полный университетъ, затѣмъ нѣжинскій — въ институтъ историко-филологическій, ярославскій же гр. Д. А. Толстой, посѣтившій его въ 1866 году, рѣшилъ преобразовать въ факультетъ юридическій, что онъ и исполнилъ. Явился лицей съ 12 каѳедрами для 18 предметовъ, при четырехъ-лѣтнемъ курсѣ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 3-го іюля 1868 г. устава «Демидовскаго юридическаго лицея»; въ лицеѣ кончившіе курсъ, по одобреніи ихъ диссертацій, получаютъ званіе кандидата.

Лицей былъ открытъ на основаніи новаго устава 30-го августа 1870 г., и гр. Д. А. Толстой, открывая его лично, могъ совершенно справедливо сказать слѣдующія, между прочимъ, слова:

— «Никогда лицей, даже при жизни П. Г. Демидова, не соотвѣтствовалъ въ такой степени его намѣреніямъ, какъ это будетъ при новомъ его устройствѣ, и я скажу его словами: училище будетъ имѣть отнынѣ одинаковую степень съ университетомъ и всѣ преимущества онаго, въ немъ заведенъ классъ наукъ университетскихъ. При составленіи предположенія о преобразованіи лицея, министерство народнаго просвѣщенія имѣло постоянно въ виду волю жертвователя, и оно исполнило ее вполнѣ».

Но если лицей быстро занялъ вполнѣ подобающее ему мѣсто въ ряду лучшихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи и привлекъ къ себѣ вполнѣ хорошихъ профессоровъ, изъ которыхъ нѣкоторые составили себѣ извѣстность отличными учеными трудами, то этимъ онъ очень много обязанъ удачному назначенію на постъ его директоровъ весьма достойныхъ лицъ, каковы: ординарный профессоръ московскаго университета М. Н. Капустинъ (1870—1883 гг.) и съ 7-го іюня 1885 года,—заслуженный орд. проф. казанскаго университета С. М. Шпилевскій. На долю г. Капустина выпала задача окончательнаго устроенія лицея, въ качествѣ юридическаго факультета, и онъ выполнилъ эту задачу съ замѣчательною энергіею. Онъ съумѣлъ сгруппировать около себя молодыя ученыя силы и поставить преподаваніе въ лицеѣ на уровень современныхъ требованій. Результатъ личныхъ трудовъ его по созданію лицейской библіотеки мы видѣли: это громаднѣйшее книгохранилище размѣщено замѣчательно искусно, ни одинъ вершокъ мѣста въ шкапахъ не остался празднымъ; библіотека имѣетъ превосходно составленные каталоги, такъ что быстрое отыс-

каніе книги облегчено до чрезвычайности. О томъ, какъ рачительно заботился о библіотекѣ М. Н. Капустинъ,—и эти заботы продолжаются и понынѣ,—можно видѣть изъ того, что только въ шестнадцать лѣтъ, съ 1870 г., лицеемъ пріобрѣтено книгъ слишкомъ на 88,000 руб. Библіотека имѣетъ 14,000 названій и особенно, конечно, богатъ отдѣлъ юридическихъ книгъ, между которыми имѣются не поступившіе въ продажу законодательные проекты—большое собраніе таковыхъ книгъ и брошюръ. При лицеѣ М. Н. Капустинымъ основано попечительство о недостаточныхъ студентахъ, въ которое онъ разновременно лично внесъ 2,000 руб. и съумѣлъ привлечь прочихъ жертвователей, такъ что это попечительство уже къ 1887 году имѣло 10,000 руб. капитала и роздало пособій и ссудъ студентамъ болѣе 39,000 р.

Въ августѣ 1870 г., при открытіи Демидовскаго юридическаго лицея, въ него вступило на первый курсъ 90 студентовъ; въ маѣ 1871 г. ихъ было 107, каковое число распредѣлялось по сословіямъ такимъ образомъ: 79 изъ дѣтей духовенства, дворянъ 9, оберъ-офицерскихъ дѣтей—12, мѣщанъ—6, крестьянъ—1. Первая группа, по числу изъ поступившихъ въ лицей молодыхъ людей, были питомцы семинарій, при чемъ изъ одной Ярославской поступило—41. Возможность поступленія въ лицей изъ семинарій сдѣлала то, что число воспитывавшихся въ лицеѣ бывало ежегодно значительно, такъ напримѣръ, въ 1881 году, ихъ было 314, но съ 1885 г. таковое разомъ уменьшилось до 131. Дѣло въ томъ, что съ начала 1885—86 учебнаго года поступленіе въ студенты лицея сдѣлалось доступнымъ только имѣющимъ аттестатъ зрѣлости,—другими словами, право поступленія въ лицей семинаристовъ было отмѣнено. Нѣкоторые увѣряютъ, что это возвысило въ глазахъ общества представленіе о лицеѣ, какъ о высшемъ учебномъ заведеніи, но это едвали такъ, гораздо вѣрнѣе замѣчаніе иныхъ, что таковая мѣра вообще не должна бы имѣть мѣсто въ нашемъ отечествѣ, въ которомъ еще такъ мало лицъ съ высшимъ образованіемъ. Если въ столицахъ на каждое чиновничье мѣсто является иногда по нѣскольку кандидатовъ съ аттестатами высшихъ учебныхъ заведеній, то далеко не такъ въ провинціяхъ, гдѣ лишь въ большихъ губернскихъ городахъ, и то только въ позднѣйшіе годы, чаще стали встрѣчаться на службѣ и въ обществѣ лица съ высшимъ образованіемъ; во всѣхъ прочихъ сотняхъ городовъ Россійской имперіи, въ необъятной шири которой раскинуты селенія и помѣстья, питомцевъ университетовъ нѣтъ; городскія и земскія учрежденія—все еще переполнены недорослями, либо питомцами уѣздныхъ училищъ и низшихъ классовъ кадетскихъ корпусовъ, и на «универ-

ситетскаго» въ рядахъ членовъ управы указываютъ какъ на большое исключенiе. Не могу забыть, что въ Саратовѣ, напр., при первыхъ же распросахъ моихъ о составѣ городскаго управленiя, мнѣ разъ десять повторили разныя лица, что у нихъ замѣститель городскаго головы лицо, кончившее курсъ въ университетѣ, такъ что я даже невольно пошелъ на него посмотрѣть... и дѣйствительно встрѣтилъ образованнаго городскаго дѣятеля. А это еще въ Саратовѣ, въ главномъ городѣ всей восточной Россiи! Итакъ, казалось бы, не у насъ жаловаться на излишество молодыхъ людей съ высшимъ образованiемъ и въ этихъ видахъ искуственно уменьшать число питомцевъ такихъ заведенiй, какъ Демидовскiй юридическiй лицей; духовныя семинарiи, при хорошемъ нынѣ въ нихъ преподаванiи (по сравненiю съ прошедшимъ временемъ) и вообще хорошемъ ихъ устройствѣ, даютъ прекрасныхъ молодыхъ людей, любящихъ науку и отлично подготовленныхъ. А такъ такъ духовныя академiи могутъ принять изъ нихъ лишь весьма малую часть, мѣстъ же священническихъ оказывается также немного вакантныхъ, то казалось бы и слѣдовало молодежи идти въ университеты и другiе разсадники высшихъ знанiй. По свидѣтельству М. П. Капустина, слова котораго приведены историкомъ лицея,—молодые люди, воспитывавшiеся въ Демидовскомъ лицеѣ въ 1870-хъ годахъ, т. е. когда значительное большинство ихъ, какъ мы видѣли выше, были питомцы духовныхъ семинарiй, были «вполнѣ способные люди, съ любовью относившiеся къ своему дѣлу и хорошо приготовленные предшествовавшею школою къ труду».

Итакъ, самый существенный недостатокъ въ настоящее время Демидовскаго лицея это то, что онъ даетъ высшее образованiе едва лишь половинѣ того числа молодыхъ людей, каковое онъ могъ бы ежегодно воспитывать, на пользу и славу Россiи, въ своихъ обширныхъ, свѣтлыхъ, прекрасныхъ аудиторiяхъ и при посредствѣ профессоровъ, въ числѣ которыхъ чаще и чаще встрѣчаются люди, своими учеными трудами прiобрѣвшiе вполнѣ заслуженную извѣстность [1]). Я пересмотрѣлъ, напр., «Временникъ Демидовскаго юридическаго

---

[1]) Интересна слѣдующая справка: изъ 61 студентовъ перваго прiема Демидовскаго юридическаго лицея, окончившихъ въ немъ полный курсъ наукъ въ 1874 г., въ 1886 году состояло: товарищами прокуроровъ—10, судебн. слѣдователями—19, мировыми судьями—5, въ учебн. службѣ—2, на административной—5, присяжн. повѣреннымъ—1, iеромонахомъ—1, умерло—5, о 13 не было свѣдѣнiй. Итакъ, провинцiальное высшее учебное заведенiе съ перваго же въ него прiема дало отечеству отличную группу полезныхъ служилыхъ людей; казалось-бы, въ виду таковыхъ данныхъ, двери въ лицей должно-бы распахнуть сколь можно пошире.

лицея», повременный сборникъ, издаваемый лицеемъ съ 1872 года; его вышло уже сорокъ семь объемистыхъ томовъ—и сколько въ нихъ отличныхъ монографій, поистинѣ являющихся цѣнными вкладами въ нашу все еще не обширную область юридическихъ и историко-юридическихъ знаній; въ этомъ же сборникѣ введенъ С. М. Шпилевскимъ весьма важный отдѣлъ юридической библіографіи [1]).

Всего съ 1805 по 1886 г. окончившихъ курсъ наукъ въ этомъ высшемъ учебномъ заведеніи, созданномъ средствами и доброю волею русскаго человѣка, внука крестьянина, П. Г. Демидовымъ—было 1,370 лицъ; конечно, столько же завершили образованіе, перейдя изъ него въ другіе университеты, либо и такъ поступивъ въ практическую жизнь; эти послѣдніе вынесли изъ Демидовскаго разсадника знаній, хотя и не окончательное, но все-же такое образованіе, которое содѣлало ихъ полезными отечеству гражданами [2]).

Выйдя изъ лицея на набережную Волги и вдыхая чудный съ рѣки воздухъ, я невольно подумалъ: и что за прелесть и наслажденіе учиться здѣсь, въ виду этой красавицы рѣки, подъ тѣнью этихъ вѣтвистыхъ липъ, гуляя по этой набережной или въ этомъ чистомъ, спокойномъ городѣ... Вотъ въ какихъ городахъ должны бы быть наши высшія учебныя заведенія, а не жаться всѣ въ столицахъ, да еще въ такомъ злодѣйскомъ климатѣ, каковъ петербургскій... Только въ коренныхъ русскихъ городахъ, среди чисто-русскаго смышленаго и добраго народа, внѣ пустыхъ развлеченій столичнаго общества, въ которыя вовлекается молодежь, только бы и быть нашимъ разсадникамъ высшаго образованія, и намъ кажется, никакія бредни, никакой сумбуръ не буторажили бы здѣсь горячія молодыя головы, да и сами профессора были бы здѣсь болѣе сердечны въ ихъ отношеніяхъ

---

[1]) Сборникъ печатается въ количествѣ 200 экземпляровъ; съ особымъ интересомъ читаются въ немъ нѣкоторыя монографіи гг. Борзенко, Владимірскаго-Буданова, К. Д. Головщикова, Дитятина, Дювернуа, Исаева, Капустина, Нелидова, Суворова, Тарасова, князя Трубецкаго.

[2]) Привожу любопытную справку изъ имѣющагося у насъ отчета Демидовскаго лицея за 1887—1888-й учебный годъ о томъ, какое общественное положеніе занимаютъ его питомцы со времени перваго выпуска 1874-го года. Въ этомъ отчетѣ напечатаны списки выпускныхъ съ отмѣтками гдѣ и какое мѣсто занимаетъ бывшій питомецъ Демидовскаго лицея (1874—1888 гг.); оказывается: изъ 555 лицъ — о 147 нѣтъ свѣдѣній, — 21 умерло, торговлей занимается—1, іеромонахъ-миссіонеръ въ Китаѣ—1, чиновниковъ—49, учителей и профессоровъ—14, присяжныхъ повѣренныхъ—33, судебн. слѣдователей и секретарей судовъ и ихъ помощниковъ—216, прокуроровъ и ихъ товарищей—18, судей — 33. Въ 1888-мъ году 30 августа выпущено лицеемъ кончившихъ въ немъ курсъ—22 студента.

къ молодежи.... [1]). Да, но, помилуйте, говорятъ, развѣ возможно соединить въ провинціальныхъ городахъ необходимыя научныя пособія, имѣть музеи... А почему-же и не имѣть? Вотъ, посмотрите, никакъ на этой улицѣ, по которой мы проходимъ теперь, находится какой-то музей, или, по крайней мѣрѣ, его зародышъ; зайдемте...

IV.

Это небольшой, но не безъинтересный музей естественно-историческаго мѣстнаго общества, музей, основанный по почину и энергіею покойнаго А. С. Петровскаго († 25-го марта 1882 г. въ Ярославлѣ), профессора Демидовскаго лицея. Общество это собирается, хотя, впрочемъ, довольно рѣдко, въ частныя и весьма рѣдко въ общія засѣданія [2]); засѣданія имѣютъ, какъ видно изъ отчетовъ, характеръ бесѣдъ членовъ, которые «дѣлаютъ различныя сообщенія своихъ наблюденій по изслѣдованію мѣстной природы, а также вообще по естествовѣдѣнію». Общество заботливо поддерживаетъ свой Музей, пополняетъ его коллекціи и вообще, надо отдать ему справедливость, содержитъ его въ порядкѣ. Въ нашихъ глазахъ особенный интересъ этого музея составляетъ именно то, что онъ имѣетъ положительно, кажется, всѣхъ представителей изъ звѣрей, птицъ, рыбъ, обитающихъ въ Ярославскомъ краѣ, и большія коллекціи также мѣстныхъ насѣкомыхъ; такимъ образомъ, это не складъ даренныхъ и купленныхъ чучелъ изъ столичныхъ музеевъ—разныхъ дублетовъ, нерѣдко плохихъ, и такихъ животныхъ, которыя водятся лишь въ отдаленныхъ странахъ; конечно, и таковые необходимы, но все-таки въ мѣстныхъ естественно-историческихъ музеяхъ—мѣстные фауна, флора и минералы должны имѣть первенствующее значеніе—и это хорошо достигается Ярославскимъ музеемъ, такъ что каждый туристъ, знакомящійся съ краемъ, обязательно долженъ его посѣтить. Съ любопытствомъ видѣлъ я здѣсь чучела совъ, никакъ не предполагая, что они въ этомъ краѣ могутъ имѣть столь значительное число разновидностей

---

[1]) Достойно вниманія, что когда въ 1887 г. происходили безпорядки въ высшихъ заведеніяхъ столицъ, въ Демидовскомъ лицеѣ въ Ярославлѣ была тишина полная, молодежь училась и вела себя примѣрно. См. отчетъ лицея за 1887—1888 учебный годъ.

[2]) Такъ, въ два года, 1885 и 1886 гг., оно имѣло двѣнадцать засѣданій частныхъ и лишь четыре общихъ. Всего состоящихъ и «числящихся» въ Обществѣ членовъ въ 1887 г. было 67.

(неясыть, каменная сова и проч.); интересны экземпляры кротовъ, разныхъ гадъ земноводныхъ; отличный гербарій мѣстныхъ растеній; чучело выхухоли, пойманной на озерѣ села Великаго, Ярославскаго уѣзда; отличные экземпляры барсуковъ, рысей (Ростов. и Борисоглѣбскіе уѣзды); рыбы, раки, изъ которыхъ волжскіе имѣютъ замѣтныя отличія величиною и цвѣтомъ отъ раковъ прочихъ рѣкъ; однихъ птицъ Ярославскій край, судя по его музею, имѣетъ до 300 разновидностей; тутъ же вы можете видѣть чучело козули (дикая коза) изъ Даниловскаго уѣзда, образцы отличнаго торфа (Рыбинск. уѣзда), желѣзной руды (Ярославскаго уѣзда, коллекція Глаголева)....

Но я боюсь пересчитывать видѣнные и заинтересовавшіе меня экземпляры, такъ какъ, быть можетъ, пропущу именно то, что заслуживаетъ особеннаго вниманія, но я не имѣю указателя (онъ, кажется, и не напечатанъ).

Годовой приходъ и расходъ суммъ общества около 340 руб.; въ статьяхъ прихода пріятно видѣть ежегодное пособіе отъ губернскаго земства, впрочемъ, слишкомъ скромное, всего 150 р., а это жаль: при бо̀льшемъ пособіи могли бы производиться изысканія и изслѣдованія естественныхъ богатствъ губерніи, напр., почвы и ея содержанія; результаты таковыхъ розысканій, рано или поздно, принесли бы громадную пользу мѣстному хозяйству и вообще производительности края, а слѣдовательно, земство сторицею окупило бы свои расходы по поддержкѣ естественно-историческаго музея и ученыхъ изысканій его сочленовъ. Ну, спасибо и на маломъ, только бы не замерло совсѣмъ это общество, да не источила бы моль ея научныя коллекціи, а то вѣдь и это можетъ случиться,—чего па Руси ни бывало!

V.

Ярославль не имѣетъ еще (1888 г.) «Губернской ученой архивной комиссіи». Сосѣдство ли близкое съ Ростовомъ Великимъ, музей котораго имѣетъ въ составѣ своихъ сочленовъ многихъ ярославцевъ, только Ярославль позапоздалъ учрежденіемъ ученой архивной комиссіи. Между тѣмъ въ немъ имѣются всѣ элементы для ея основанія и прежде всего довольно много лицъ, трудящихся для науки или ею интересующихся [1]. Что касается до архивовъ, то изъ нихъ пишущій эти строки познакомился со слѣдующими:

[1] Въ 1889 г. мы прочли въ газетахъ извѣстіе, что въ Ярославлѣ, съ разрѣшенія г. министра внутр. дѣлъ, открывается ученая архивная комиссія. Въ ея составъ войдутъ всѣ поименованныя въ настоящихъ нашихъ замѣткахъ

Архивъ казенной палаты—занимаетъ обширное, прекрасное помѣщеніе въ старинномъ, едва ли не екатерининскомъ, корпусѣ казеннаго зданія, въ третьемъ этажѣ. Три палаты, занятыя архивомъ, свѣтлы, подъ сводами, съ желѣзными дверями; палаты такъ велики, что въ одной изъ нихъ 12 оконъ. Мѣста свободнаго много и при уничтоженіи ненужныхъ дѣлъ,—а здѣсь ихъ еще вовсе не разбирали и, если не ошибаемся, управляющій казенной палаты впервые прошелся со мной по архиву ввѣреннаго ему учрежденія,—могло въ архивѣ очиститься еще больше. Вотъ бы и отвести здѣсь одну палату подъ историческій архивъ долженствующей же, наконецъ, возникнуть Губернской ученой архивной комиссіи.

Что касается до внѣшняго вида архива казенной палаты, то не видно, чтобы онъ вызвалъ до сихъ поръ особенное вниманіе... А жаль, хотя дѣла въ немъ и не восходятъ выше 1770-хъ годовъ, но, конечно, найдется не мало интереснаго; есть небольшая связка столбцовъ и списковъ съ переписныхъ и иныхъ книгъ XVII вѣка.

Архивъ губернскаго правленія помѣщается въ первомъ этажѣ стариннаго каменнаго зданія XVIII вѣка. Въ немъ дѣла не восходятъ выше 1763 г.; дѣла екатерининскаго времени представляютъ лишь, такъ сказать, смѣсь, случайно, отдѣльно уцѣлѣвшія; впрочемъ, ко времени намѣстничества въ Ярославлѣ А. П. Мельгунова дѣлъ довольно много и членамъ будущей архивной комиссіи несомнѣнно найдется здѣсь матеріалъ для розысканій, по отношенію къ исторіи Ярославля. Въ этомъ архивѣ — дѣла, признанныя ненужными къ храненію, уничтожаются, такъ что еще въ прошломъ 1887 г. уничтожено до 700 пудовъ (о взысканіи недоимокъ и т. п.). Особенно сбережено здѣсь собраніе формулярныхъ о службѣ чиновниковъ списковъ, восходящихъ до 1777 года.

Архиваріусъ этихъ главныхъ архивовъ въ каждомъ губернскомъ городѣ обезпеченъ довольно плохимъ содержаніемъ: при казенной палатѣ архиваріусъ получаетъ 700 руб., а при губернскомъ правленіи—всего лишь 600 руб., при чемъ первый изъ нихъ не имѣетъ даже помощника, а второй имѣетъ таковаго при 400 руб. жалованья въ годъ. Въ этомъ отношеніи архиваріусы новыхъ архивовъ, именно «сосредоточеннаго архива при окружномъ судѣ», въ каждомъ губернскомъ городѣ поставлены въ гораздо лучшія условія: они получаютъ 1000 руб. въ годъ, что даетъ возможность на этихъ послѣднихъ мѣстахъ имѣть не инвалидовъ и калѣкъ чиновниковъ,

---

о Ростовѣ и Ярославлѣ лица, а также нѣкоторые другіе мѣстные археологи и учителя.

а людей даже съ образовательнымъ цензомъ, такъ напр. въ числѣ окончившихъ полный курсъ Демидовскаго лицея есть два—три лица, которыя занимаютъ, при нѣкоторыхъ окружныхъ судахъ, должности архиваріусовъ.

Любезнымъ сопутникомъ моимъ при обходѣ архивовъ былъ — молодой чиновникъ особыхъ порученій при начальникѣ губерній Ѳ. А. Бычковъ. Въ немъ, какъ намъ кажется, будущая губернская архивная комиссія въ Ярославлѣ получаетъ трудолюбиваго и свѣдущаго секретаря. Объ этомъ можно думать—потому, что Ѳ. А. Бычковъ весьма любитъ, да и знаетъ, старину; въ его квартирѣ уже теперь образовался небольшой музей—предметовъ старины: монеты, уборы, сундучки XVII вѣка, рукописи, столбцы и прочее; въ числѣ этого прочаго не могла намъ не броситься въ глаза чугунная звѣзда, фунтовъ въ 25 вѣсу, съ отлитымъ на ней выпуклыми буквами словомъ: за пьянство. Звѣзда виситъ на цѣпи, прикрѣпленной къ желѣзному ошейнику, который замыкался на шеѣ осужденнаго къ ношенію этой звѣзды. Найденъ этотъ характерный предметъ—въ одномъ изъ имѣній Романовскаго уѣзда и, очевидно, былъ въ употребленіи въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣковъ, какъ одно изъ средствъ бывшихъ помѣщиковъ къ исправленію нравственности ихъ крѣпостныхъ

За Ѳ. А. Бычковымъ есть немаловажная заслуга: со времени назначенія его редакторомъ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», именно съ начала 1887 года, онѣ вполнѣ обосновались и сдѣлались весьма содержательны, именно статьями по археологіи, исторіи и этнографіи Ярославскаго края. Мы пересмотрѣли нѣсколько десятковъ нумеровъ за послѣдніе мѣсяцы (1887—1888 гг.) и нашли въ нихъ основательное изслѣдованіе извѣстнаго уже ученаго А. В. Экземплярскаго: «Ростовскіе владѣтельные князья», сплошь составленное по первоначальнымъ источникамъ, лѣтописямъ и актамъ;—«Ярославль и Ростовъ въ 1666 г.» — весьма интересный документъ, сообщенный Н. Е. Бранденбургомъ, заключающій въ себѣ описаніе укрѣпленій, вооруженія и состава населенія обоихъ этихъ городовъ за 222 года тому назадъ;—«Кекинскій лѣтописецъ» (1790—1865 гг.);—«О пѣсняхъ села Иванькова, ярославскаго уѣзда», статья г. Флоридова;—«Слѣды татарскаго жительства въ Романово-Борисоглѣбскомъ уѣздѣ»—весьма обстоятельная статья свящ. А. Соколова;—«Село Краснораменье, Ростовскаго уѣзда» — этнографическій очеркъ С. А. Агриколянской; — «Секта странниковъ или бѣгуновъ въ Ярославской губерніи и открытіе этой секты въ 1850 г.»... Но мы не скоро кончимъ, если вздумаемъ пересчитывать всѣ статьи и замѣтки, явившіяся, въ послѣдніе годы, въ неофиціальной части Ярославскихъ Губернскихъ

Вѣдомостей, въ которыхъ, впрочемъ, и за прежніе годы, хотя значительно менѣе, но попадаются полезные для описанія края замѣтки и матеріалы. Что новый редакторъ неофиціальной части этихъ вѣдомостей Ѳ. А. Бычковъ смотритъ вполнѣ серьезно и весьма основательно на дѣло, ему порученное, видно, между прочимъ, изъ выработанной имъ и разосланной по губерніи программы вопросовъ, по которымъ онъ приглашаетъ присылать въ «Ярославскія Губернскія Вѣдомости» корреспонденціи и статьи. Эта программа весьма широка и въ ней нѣтъ ни одной подробности, такъ сказать, излишней, но всѣ клонятся къ ознакомленію съ бытомъ губерніи,—вотъ напр. заголовки отдѣловъ программы: А. I. Хозяйственная жизнь населенія уѣзда.—II. Подворное хозяйство.—III. Земледѣліе и огородничество.—IV. Подати и недоимки.—V. Бытъ.—VI. Помѣщичье хозяйство.—VII. Торговля.—VIII. Промышленность.—IX. Кустарная промышленность.—X. Отхожіе промыслы.—Б. Религіозная жизнь.—В. Общественная, нравственная и бытовая жизнь уѣзда.—Г. Народное образованіе.—Д. Метеорологическій отдѣлъ.—Е. Историческій отдѣлъ.

Каждая изъ этихъ рубрикъ общей программы имѣетъ свои подраздѣленія, въ которыхъ даны указанія что̀ именно проситъ редакція. Надо знать — какія скромныя средства ассигнуются на изданіе губернскихъ вѣдомостей, надо знать, что и отъ этихъ маленькихъ средствъ требуется еще сохраненіе экономіи для отнесенія на нее и вообще на остатки отъ типографскихъ суммъ нѣкоторыхъ, властью начальника губерніи разрѣшаемыхъ, выдачъ пособій служащимъ въ губернскомъ правленіи,—надо все это принять во вниманіе, чтобы оцѣнить трудъ и усердіе редактора оффиціальнаго органа и его сотрудниковъ.

VI.

При поѣздкахъ по Россіи, какъ и за границей,—всегда слѣдуетъ навѣщать хотя нѣкоторыхъ изъ лицъ, трудящихся въ области науки и литературы. Нынѣ же не то, что было четверть вѣка тому назадъ: тогда, бывало, кромѣ какого-нибудь протопопа, да пожалуй иногда смотрителя уѣзднаго училища въ какомъ нибудь городкѣ, и людей-то не найдешь, которые бы не вполнѣ увязли въ «мелочахъ», дрязгахъ и картежномъ развлеченіи мѣстной жизни, теперь же найдешь нерѣдко по нѣсколько человѣкъ не только интересующихся современною наукою, но и трудящихся для нея. О городахъ, подобныхъ Ярославлю, и говорить, конечно, нечего, это прямо—хорошій уголокъ Москвы....

Вотъ, напр., питомецъ московскаго университета, Евгеній Ивановичъ Якушкинъ. Ну какъ не зайти, да не засвидѣтельствовать ему самаго искренняго почтенія. — Едвали не четверть вѣка занималъ онъ здѣсь высокій постъ предсѣдателя, потомъ управляющаго казенной палатой, былъ однимъ изъ самыхъ искреннихъ, убѣжденныхъ дѣятелей въ духѣ реформъ незабвеннаго Государя-Освободителя; занималъ съ честью и достоинствомъ свой постъ и пріобрѣлъ всеобщее уваженіе, которое окружаетъ его понынѣ, когда онъ уже живетъ на покоѣ въ отставкѣ и отдаетъ свой досугъ на служеніе наукѣ. У него большая библіотека, въ особенности историческихъ и юридическихъ книгъ. Евгенію Ивановичу принадлежитъ большой трудъ. Первый томъ его матеріаловъ къ исторіи обычнаго права вышелъ въ свѣтъ еще въ 1875 году и былъ принятъ людьми науки съ большимъ сочувствіемъ; нынѣ (1888 г.) Е. И. Якушкинъ оканчиваетъ второй томъ своего труда, для чего пересматриваетъ множество изданій и вѣдомостей, съ губернскими включительно, черпая въ нихъ потребный ему матеріалъ.

Сынъ одного изъ умнѣйшихъ «декабристовъ», Ивана Дмитріевича Якушкина, Евгеній Ивановичъ—родился въ январѣ 1826 года, т. е. когда отецъ его томился въ заключеніи, въ Петропавловской крѣпости, и остался груднымъ младенцемъ на рукахъ матери, когда отецъ отправился въ отдаленную ссылку. Съ молокомъ матери (изъ старинной фамиліи Шереметевыхъ) всосалъ Ев. Ив. благоговѣйное уваженіе къ своему отцу и къ тѣмъ высокимъ идеаламъ (освобожденіе крестьянъ, гласный судъ, свобода печати), которые одушевляли Ивана Дмитріевича и многихъ его сотоварищей. Въ 1853 году Евгеній Ивановичъ отправился въ паломничество... его привлекалъ къ себѣ маленькій городокъ въ Сибири, Ялуторовскъ, гдѣ въ братскомъ кружку жили изгнанники, его отецъ и друзья отца—кн. Евгеній Петровичъ Оболенскій, Ив. Ив. Пущинъ, М. И. Муравьевъ-Апостолъ и др. Годъ прожилъ Евгеній Ивановичъ среди старцевъ—годами, но молодыхъ и крѣпкихъ умомъ и одушевленныхъ горячею любовью къ отечеству дѣятелей минувшей эпохи, и тотъ годъ Евгеній Ивановичъ считаетъ однимъ изъ счастливѣйшихъ въ своей жизни. Ев. Ив. Якушкину русская исторія XIX-го вѣка обязана сохраненіемъ и частью сообщеніемъ въ печать (въ сборникѣ «Девятнадцатый вѣкъ», изданномъ въ Москвѣ, въ «Русскомъ Архивѣ» и въ «Русской Старинѣ») драгоцѣннаго матеріала къ исторіи общественнаго движенія въ Россіи 1815—1825-хъ годовъ. Въ ряду этихъ матеріаловъ особенно замѣчательны превосходныя Записки его отца, Ивана Дмитріевича Якушкина, едва-ли не самые интересные и полные ума мемуары въ ряду записокъ декабристовъ.

Евгеній Ивановичъ владѣетъ многими матеріалами и для исторіи XVII-го вѣка: у него имѣется до 600 столбцовъ, которые онъ, какъ надо надѣяться, передастъ въ Историческій архивъ при ярославской губернской ученой архивной комиссіи, которая должна же возникнуть въ этомъ городѣ, имѣющемъ нѣсколько усердныхъ въ области старины тружениковъ... Да вотъ одинъ изъ нихъ схороненъ въ глубинѣ газетнаго стола ярославскаго губернскаго правленія—это почтенный Вадимъ Ивановичъ Лѣствицынъ — старѣйшій литераторъ-обыватель въ Ярославлѣ. Ему ужъ седьмой или даже восьмой десятокъ; онъ интересовался стариной и исторіей ярославскаго края тогда, когда нынѣшніе ревнители мѣстной старины гг. Вахромѣевы, Титовы и другіе бѣгали еще въ рубашонкахъ. У Лѣствицына, какъ говорятъ, издавна собрано не мало книгъ, въ числѣ которыхъ имѣются и библіографическія рѣдкости, которыя онъ и бережетъ ревнивымъ окомъ; множество замѣтокъ его разсѣяно въ мѣстномъ органѣ на пространствѣ не одного десятка лѣтъ, и любитъ онъ свой Ярославль до того, что додумался до цѣлаго изслѣдованія, которое и напечаталъ въ 1887 г. на гостепріимныхъ столбцахъ «Ярославскихъ Губ. Вѣдомостей» — это «О волжскомъ городѣ Руси». Городъ же этотъ, изволите видѣть, по мнѣнію г. Лѣствицына, непремѣнно долженъ быть никакой другой, какъ тотъ, — который послужилъ основаніемъ Ярославля, созданнаго, какъ извѣстно, мудрымъ княземъ Ярославомъ I. Итакъ, по открытію, сдѣланному В. И. Лѣствицынымъ, «народъ Русь и государство Русь имѣли столицей городъ Русь», городъ же этотъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго Ярославля [1]), отсюда, понимаете, какая честь принадлежитъ этому мѣсту: оно, и ничто другое—дало объединяющее нашему отечеству и народу, его населяющему, названіе—Русь. Ай да Ярославль, и кто бы могъ думать, что онъ такъ отличился! Заслуга немалая!—Читатель, конечно, улыбнется, читая доводы скромнаго старичка, — небольшаго чиновника губернскаго правленія, но и съ этою улыбкою, конечно, отдастъ полную справедливость человѣку, воспитавшемуся на мѣдныя деньги, далеко не избалованному фортуною (она и не заглядывала въ его скромное жилище), откладывавшему трудовую копѣйку на покупку книгъ и издавна горячо любившему свой край, свой городъ. А гдѣ имѣются люди, искренно любящіе мѣстную, родную исторію и старину, тамъ исторія отечества должна все болѣе и болѣе получать жизненные элементы къ своему развитію, какъ наука, и расширяться путемъ новыхъ изслѣдованій...

---

[1]) См. «О волжскомъ городѣ Руси», — изслѣдованіе В. Лѣствицына. Ярославль, 1887 г., въ 8 д., стр. 21.

Кромѣ ярославскихъ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостей Ярославль имѣетъ еще органъ своей земской жизни и дѣятельнымъ редакторомъ ярославскаго «Земскаго Вѣстника» состоитъ — Леонидъ Николаевичъ Трефолевъ. Уроженецъ Ярослав. губерніи (гор. Любима, род. 1839 г.), питомецъ ярославскихъ гимназіи и лицея, бывшій затѣмъ чиновникъ губернскаго правленія, онъ съ 1872-го года поступилъ на службу земству роднаго края и съ тѣхъ поръ редактируетъ «Вѣстникъ Ярославскаго Земства». Въ этомъ изданіи масса свѣдѣній о всей дѣятельности и земскомъ хозяйствѣ ярославцевъ. Л. Н. Трефолеву принадлежитъ множество сообщеній и корреспонденцій въ мѣстныхъ и столичныхъ изданіяхъ, статей, касающихся старины и современнаго состоянія края. Это литераторъ-обыватель по профессіи и призванію. Пишетъ же онъ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ. Эти послѣдніе, нѣсколько подражательные Некрасову, не лишены достоинства и нѣкоторые изъ нихъ служатъ отголосками тѣхъ гражданскихъ мотивовъ, которые нѣкогда одушевляли русское общество. Въ довольно большой библіотекѣ Л. Н. Трефолева мы, между прочимъ, видѣли весьма рѣдкую книгу:

— „Уединенный Пошехонецъ", 1786 г., ежемѣсячное сочиненіе, содержащее въ себѣ разныя извѣстія о достопамятныхъ происшествіяхъ, случившихся въ здѣшней странѣ издревли и нынѣ, благотворительныя и человѣколюбивыя дѣянія" и проч.

Таковое же изданіе и за 1787 годъ. Оба экземпляра этой весьма рѣдкой книги, изданіе нѣкоего Василія Демьяновича Санковскаго, весьма хорошо сохранились. Мы слышали, что г. Вахромѣевъ предполагаетъ переиздать эту библіографическую диковинку въ томъ самомъ видѣ, буква въ букву, какъ она выходила въ свѣтъ сто лѣтъ тому назадъ, что и будетъ, по нашему мнѣнію, весьма пріятнымъ подаркомъ для любителей старины, въ особенности же для ярославцевъ, которые справедливо могутъ гордиться, что еще при Екатеринѣ II въ ихъ городѣ выходило «ежемѣсячное сочиненіе, содержащее въ себѣ разныя извѣстія...»

Навѣстили мы одного изъ усерднѣйшихъ читателей «Русской Старины», старожила ярославскаго,—это А. М. Достоевскій, родной братъ геніальнаго русскаго писателя Ѳеодора Михайловича, вѣдомаго теперь всей читающей Европѣ, и братъ другаго Достоевскаго, почтеннаго издателя-редактора журналовъ «Время» и «Эпоха»—Михаила Михайловича Достоевскаго. Изъ трехъ братьевъ остался въ живыхъ только А. М. и мы нашли въ немъ старика дѣйствительно полнаго жизни, много читающаго, горячо отзывчиваго на все, что занимаетъ

на Руси образованнаго и любящаго отечество человѣка. Кое-что изъ интересныхъ воспоминаній А. М. объ авторѣ «Преступленіе и наказаніе» вошло въ біографію его брата Θедора Михайловича, изданную его, полной энергіи, вдовой А. Г. Достоевской. Мы застали Андрея Михайловича въ апогеѣ его счастія, выше котораго не можетъ быть для отца: его сынъ, весьма симпатичный юноша, съ которымъ я тутъ же и познакомился, въ эту весну окончилъ курсъ кандидатомъ въ университетѣ...

VII.

Пора бы, однако, и выбраться изъ Ярославля. Всего не извлечешь изъ своихъ записныхъ путевыхъ книжечекъ, хотя бы даже на страницы своего собственнаго изданія «Русская Старина» и къ величайшему удовольствію, если не читателей, то уважаемаго владѣльца типографіи Вас. Степ. Балашова, который почти уже 20 лѣтъ печатаетъ наше изданіе и которому, то есть все тому-же Василію Степановичу, чѣмъ толще наша книга, тѣмъ пріятнѣе... Мы, однако, выпишемъ сюда еще, хотя кое-что и весьма отрывочно, изъ того, что находимъ въ путевыхъ своихъ замѣткахъ подъ рубрикой «Ярославль».

Бывшій Спасо-Преображенскій монастырь въ 1788 г. упраздненъ и тогда же обращенъ въ архіерейскій домъ, по случаю перенесенія въ Ярославль архіерейской каѳедры изъ Ростова, гдѣ она была 796 лѣтъ. Въ церквахъ архіерейскаго дома древняя стѣнопись давно исчезла, самая внутренность собора совершенно заново передѣлана и этими, равно другими передѣлками и искаженіями старины—во всей епархіи особенно прославился архіепископъ Авраамъ (Шумилинъ), занимавшій ярославско-ростовскую каѳедру съ 1824 по 1836 г.; по своей ревности, не по разуму, искажать старину онъ долженъ бы быть прозванъ разрушитель; къ счастью еще, что проживъ 83 года, этотъ іерархъ былъ всего лишь 12 лѣтъ епископомъ, а то духъ разрушенія и передѣлки, всецѣло охватывавшій его, стеръ бы съ лица земли въ предѣлахъ его епархіи послѣдніе остатки старины. Изъ предметовъ старины въ церквахъ архіерейскаго дома обращаютъ на себя вниманіе иконы письма XVI и XVII вв., которыми благословляли кн. Д. М. Пожарскаго и Минина и другихъ спасителей русскаго царства, во время ихъ похода съ войсками чрезъ Ярославль въ Москву противъ поляковъ; къ этимъ же иконамъ прикладывался и юный царь Михаилъ; цѣлъ еще и фонарь, который несли въ процессіяхъ того времени. Въ архіерейскихъ покояхъ любопытна икона Богоматери,

съ живописною на ней картиною плана осады Азова и встрѣчи царя Петра патріархомъ Адріаномъ по возвращеніи государя изъ этого похода въ Москву. Не менѣе любопытна здѣсь другая картина—это первый, по времени, на Ярославской каѳедрѣ архіепископъ Арсеній (Верещагинъ), 1783—1799 гг., изображенный со всей своею братіею, т. е. со служащими при немъ духовными и свѣтскими чинами и цѣлымъ хоромъ пѣвчихъ; эти послѣдніе и секретари его изображены въ красныхъ французскихъ кафтанахъ, чулкахъ и пудреныхъ парикахъ. Этотъ Верещагинъ былъ большой любитель музъ; отъ его времени сохранилось много стихотвореній печатныхъ и рукописныхъ; писалъ онъ и самъ. Образчики его поэзіи приведены въ его біографіи:

„Голубокъ, о голубокъ, покажи свой голосокъ!
Гдѣ ты въ свѣтѣ побывалъ, сколь счастливо ты леталъ?
Я леталъ не очень близко, не высоко и не низко,
Леталъ то прямо, то кругомъ; сидѣлъ на мѣстѣ на одномъ.
Такъ судьба велѣла. 2
Голубокъ, о голубокъ, покажи свой голосокъ!
Въ разныхъ будучи странахъ, съ кѣмъ леталъ ты на поляхъ?
Съ галками и съ воробьями, съ соколами и орлами,
Однако, по склонности своей чаще къ стаду голубей
Приставалъ охотно. 2. и проч.

На памяти этого іерарха лежитъ укоризна, что онъ, какъ свидѣтельствуетъ мѣстный лѣтописецъ, съ легкимъ сердцемъ сломалъ въ Ярославлѣ двѣ церкви: «Толгскія, что была у собору, вторую Леонтія чудотворца и у прочихъ приходовъ ограды на постройку домовъ, казенныхъ и увеселительнаго зрѣлища на косокъ алтаря Срѣтенской церкви, что слыветъ «Сиротскій домъ» [1]).

Въ числѣ живописныхъ портретовъ архіерейскаго дома намъ бросился въ глаза вполнѣ хорошо исполненный портретъ митрополита Арсенія Мацѣевича, съ подъятою рукою для благословенія.

Хозяина мы не застали въ его дому: его высокопреосвященство Іоаннъ (Рудневъ), правящій ярославской епархіей (съ 1877 г.), былъ въ отъѣздѣ по своей епархіи. О немъ и его заботахъ объ упроченіи школъ и образованіи въ предѣлахъ Ярославскаго края идетъ

---

[1]) См. очеркъ архимандрита Владиміра: «Столѣтіе архіерейской каѳедры въ г. Ярославлѣ». Ярославль, 1888 г., въ 8 д., стр. 46. Въ этой статьѣ помѣщена опись зданій въ Ростовскомъ кремлѣ и имущество вообще ростовскаго и ярославскаго митрополита за время 1691 года. См. также статью А. Титова, по поводу помянутаго столѣтія и объ архіепископѣ Верещагинѣ въ газетѣ «День» 1887 г., № 15, съ снимкомъ съ картины Арсеній Верещагинъ, съ его братіею.

слава добрая; особенно его энергіи, трудамъ и пожертвованіямъ обязано своимъ существованіемъ ярославское епархіальное женское училище... Большое спасибо скажется преосвященному іерарху и за то, что онъ вполнѣ сочувствуетъ и, въ мѣрѣ его власти, содѣйствуетъ возстановленію и поддержкѣ старины и святыни, какъ напр., при реставраціи кремля Ростова Великаго. Преосвященный Іонаѳанъ всячески поддерживалъ энергичныхъ мѣстныхъ дѣятелей и устранялъ дрязги и извѣты, противъ нихъ возникавшіе.

При посѣщеніи Ярославля необходимо заглянуть въ Народную читальню. Это деревянный, особо выстроенный домъ для народныхъ чтеній съ туманными картинами,—зданіе, сооруженное заботами и иждивеніемъ почетнаго гражданина И. А. Вахромѣева и при нѣкоторомъ участіи мѣстныхъ жителей, въ средѣ которыхъ собрано 1450 р. Начало народныхъ чтеній было положено еще М. Н. Капустинымъ въ стѣнахъ Демидовскаго лицея; въ мартѣ 1883 г. былъ выстроенъ этотъ домъ, въ которомъ можетъ помѣститься до 700 человѣкъ. Домъ подаренъ, его строителемъ, городу, въ ноябрѣ того же года. До 35 лицъ, преподавателей духовныхъ и свѣтскихъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, приняли съ того же года участіе въ чтеніяхъ для народа. Входъ на чтенія безплатный; собирается народу осенью отъ 150 до 300 чел., зимою, послѣ Рождества, отъ 400 до 600. Городъ на содержаніе Читальни отпускаетъ по 300 р. въ годъ. Любопытно, какъ таковое учрежденіе все еще стоитъ выше сознанія въ его потребности: въ читальню входъ въ началѣ былъ платный, по 10 и по 3 копѣйки, и тогда едва собиралось всего на одинъ рубль народа; когда же входъ объявленъ былъ безплатнымъ и выставлена кружка для добровольныхъ пожертвованій, то въ 1888 г. оказалось въ ней всего лишь 1 руб. 68 к. Въ лѣтнее время чтеній не бываетъ. За пять лѣтъ, 1883—1888 гг., было всѣхъ чтеній 302—по 171 брошюрѣ—духовнаго, историческаго и другихъ отдѣловъ.

Разъ мы упомянули объ одномъ изъ расходовъ Ярославской городской Думы, и при томъ столь полезномъ, каково содержаніе народной читальни, заглянемъ въ Роспись городскихъ доходовъ и расходовъ на 1888 г. и остановимся на болѣе интересующихъ насъ ежегодныхъ расходахъ Ярославля.

Доходы города Ярославская Дума высчитала на 1888 г.—177,597 р.

Изъ нихъ на городское общественное управленіе расходуется 28,484 р.; изъ нихъ городскому головѣ 3,000 р., четыремъ членамъ управы по 1,200 р. каждому, городскому секретарю 2,000 руб., его помощнику—900 р.

Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ губернскихъ городахъ, полиція

поставлена въ довольно близкое и до извѣстной степени въ зависимое положеніе отъ Городскаго общественнаго управленія, что, конечно, весьма полезно для города, такъ какъ единственнымъ хозяиномъ его все-таки долженъ быть самъ городъ, въ лицѣ его представителей, гласныхъ и избранной ими Управы. Зависимость эта выражается тѣмъ, что, ассигнуя пособіе госуд. казначейству на жалованіе полицейскимъ чинамъ и на содержаніе полицейскаго управленія и частей, какъ расходъ обязательный, Дума вноситъ въ свои ежегодныя росписи расходовъ «добавочное отъ себя жалованье»—полиціймейстеру, напр. въ Ярославлѣ 1,200 р., да тремъ приставамъ—540 р. Отпускъ этихъ денегъ прямо зависитъ отъ усмотрѣнія Думы и таковыя могутъ быть, въ случаѣ недовольства полиціймейстеромъ, не разрѣшены Думою.

Расходы Ярославля на учебныя заведенія состоятъ въ пособіи казнѣ: на содержаніе параллельныхъ отдѣленій въ трехъ классахъ городскаго училища; на преподаваніе курса бухгалтеріи въ томъ же училищѣ; на наемъ учителя чистописанія и рисованія; пособіе женской гимназіи, въ которой городъ содержитъ двадцать своихъ стипендіатокъ. Начальныхъ училищъ городъ содержитъ, если не ошибаюсь, шесть, но съ нѣсколькими въ каждомъ изъ нихъ параллельными классами. За исключеніемъ одного—всѣ эти училиша помѣщаются въ городскихъ домахъ.

Я посѣтилъ одно изъ сихъ училищъ,—деревянный домъ съ большими свѣтлыми классами и всѣми удобствами. Въ училищахъ нѣсколько параллельныхъ отдѣленій; школа съ четырехъ-лѣтнимъ курсомъ. Во главѣ школы поставлена надзирательница изъ старшихъ учительницъ; жалованье при квартирѣ 240 рублей,—жалованье даже для Ярославля мизерное, но такъ какъ желающихъ поступить на мѣста учительницъ весьма много, то, разумѣется, Дума едва-ли и черезъ 20 лѣтъ додумается, что учительницу надо вознаградить за ея большой трудъ болѣе соотвѣтственнымъ нынѣшней дороговизнѣ жалованіемъ. Все таки здѣсь пріятно то явленіе, что помѣщеніе для школъ въ нарочно выстроенныхъ для того городомъ домахъ и подъ крышей одного дома соединено, такъ сказать, нѣсколько школъ, гдѣ дѣтей учится отъ 150 до 200 и болѣе въ каждомъ таковомъ начальномъ училищѣ. Не то мы видимъ въ Петербургѣ, гдѣ до сихъ поръ всѣ 260 городскихъ думскихъ училищъ (за исключеніемъ четырехъ) помѣщаются въ наемныхъ квартирахъ, вмѣщая въ себѣ не болѣе 50 дѣтей въ каждомъ, при чемъ, конечно, квартиры имѣютъ разныя неудобства, неизбѣжныя потому, что эти квартиры вовсе не предназначались подъ школы.

Изъ благотворительно-учебныхъ учрежденій въ городѣ имѣется

Александровскій пріютъ, въ которомъ призрѣвается 30 городскихъ стипендіатовъ (2,300 р. въ годъ), Ремесленное училище г-жи Соболевой (отъ Думы 1,000 р. въ годъ), Ольгинскій дѣтскій пріютъ съ сиротскимъ при немъ отдѣленіемъ (1,500 руб.). Попечительству о недостаточныхъ студентахъ Демидовскаго юридическаго лицея городъ отпускаетъ ежегодно,—сколько бы вы думали?—сто рублей,—иначе сказать, сущій грошъ мѣдный, и это городъ, въ которомъ, по давней традиціи, среди даже купечества, имѣются любители наукъ; впрочемъ, въ смѣтѣ городскихъ расходовъ имѣется еще сумма въ 200 р. ежегоднаго пособія ярославскому Обществу для вспомоществованія учащимся недостаточнаго состоянія... Городу надо бы помнить, что существованіе лицея даетъ его купечеству и мѣщанству, не говоря уже о нравственной пользѣ, большія матеріальныя выгоды, оживляя торговлю и промыслы...

По части призрѣнія престарѣлыхъ бѣдныхъ, Ярославль, какъ одинъ изъ коренныхъ русскихъ городовъ, въ которыхъ издревле распространенъ этотъ родъ благотворенія, имѣетъ очень хорошо устроенныя и довольно обширныя богадѣльни; таковыхъ въ городѣ, кажется, четыре. Мы посѣтили одну изъ нихъ, самую большую, при кладбищѣ, въ сопровожденіи городскаго головы, и были пріятно изумлены чистотою и возможными удобствами для призрѣнія старости и бѣдности. Подлѣ строится на пожертвованный капиталъ еще домъ для богадѣльни...

Позвольте, благо „Роспись ярославской городской управы“ на 1889 г. лежитъ предъ нами—отмѣтимъ одну изъ ея особенностей; въ числѣ городскихъ расходовъ значится жалованье священно-церковно-служителямъ 13 городскихъ церквей, отъ 28 руб. 60 коп. до 500 руб. въ годъ каждой. Въ числѣ основаній этого расхода имѣется ссылка на жалованную грамоту царя Михаила Ѳедоровича. Эта ссылка напоминаетъ намъ необходимость изъ области городскаго хозяйства перейти въ область исторіи, какъ болѣе близкой „Русской Старинѣ“, но мы не направимся въ нее — только потому, что нарождающаяся „Ярославская ученая архивная комиссія“, конечно, быстро увеличитъ литературу мѣстной исторіи и археологіи рядомъ новыхъ изслѣдованій. Мы даже не станемъ (въ ожиданіи трудовъ ея членовъ)—не станемъ разыскивать мѣсто, гдѣ былъ домъ герцога Бирона, хотя это насъ весьма интересуетъ. Въ самомъ дѣлѣ,—знаменитый курляндецъ-живодеръ прожилъ въ мирномъ изгнаніи съ своей семьей въ Ярославлѣ—двадцать лѣтъ (1742—1762 гг.). Какъ видно, между прочимъ, изъ письма его къ камергеру М. Л. Воронцову отъ 2 августа 1760 г., домъ, въ которомъ жилъ Биронъ, сгорѣлъ; бывшій „регентъ“ Россіи хлопоталъ о скорѣйшемъ возста-

новленіи „прежней квартиры“ на счеть города; но магистратъ Ярославля отбивался отъ расхода на этотъ предметъ, утверждая, что „строеніе это болѣе издержекъ требуетъ, нежели городъ въ состояніи исправить“ и что Биронъ и безъ того „съ фамиліею имѣетъ уже хорошую квартиру“,—„здѣсь, въ Ярославлѣ, были подрядчики, писалъ герцогъ Биронъ Воронцову, которые обязались все строеніе въ прежнее состояніе привести за 2,000 руб. Я предаю высокому вашего сіятельства разсужденію: можетъ-ли толь небольшая сумма въ тягость быть такому городу, каковъ Ярославль, наипаче, что все строеніе оному же городу остается и ему впредь пригодиться можетъ? Нынѣшняя же квартира моя, въ которой чрезъ нѣсколько лѣтъ никто не жилъ, весьма ветха и такъ сыра, что принуждены почти всякой день на воздухѣ сушить постели наши“... Биронъ, прося о возстановленіи „старой квартиры“, о чемъ уже послѣдовалъ было указъ, заявлялъ, что для таковой постройки ему не понадобится архитекторъ. „Я началъ было уже строить по нуждѣ низкой домъ,—заключаетъ свое просительное письмо нѣкогда гордый распорядитель судебъ всей Россіи,—домъ до крышки,—что здѣшнимъ президентомъ и присовѣтано, и обѣщано заплатить издержки; но по послѣднему сенатскому указу все дѣло стало, и строить не хотятъ. Всевышній да воздастъ вамъ сіе благодѣяніе“ [1])...

Письмо Бирона, написанное должно быть по нѣмецки, было въ переводѣ представлено, 22 августа 1760 г., императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, но каково было ея рѣшеніе—неизвѣстно. Вообще о пребываніи Бирона разбросаны въ разныхъ изданіяхъ отрывочныя свѣдѣнія, между прочимъ, въ «Яросл. Губ. Вѣдомостяхъ» 1880 г., № 9: «Свѣдѣнія о Биронѣ», сообщ. И. Рагозинниковъ. Будущей Ярославской ученой архивной комиссіи, въ числѣ многихъ имѣющихся для нея задачъ, слѣдовало бы собрать всѣ свѣдѣнія о пребываніи Бирона въ Ярославлѣ въ одну монографію, пріобщивъ тѣ данныя, какія найдутся еще въ архивахъ. Болѣе близкое знакомство съ личностью Бирона, во всякомъ случаѣ, было бы весьма интересно...

Богъ съ нимъ, однако, отправимтесь въ Кострому.

М. И. Семевскій.

Примѣчаніе. Отмѣтимъ здѣсь нѣсколько книгъ, относящихся до Ярославія, которыя у насъ подъ рукой и о которыхъ мы не упомянули въ текстѣ нашихъ замѣтокъ.

I. К. Д. Головщиковъ. Исторія города Ярославля. Посвящ. М. Н. Капустину. Изд. Л. Н. Пастухова. Ярославль, 1889 г., въ 8. д., стр. 279, ц. 1 р. 75 к. Хорошій, довольно полный, компилятивный трудъ по печатнымъ источникамъ.

---

[1]) Этотъ документъ напечатанъ въ «Архивѣ кн. Воронцова», книга XXXIV, стр. 212—213.

Ярославцы пріобрѣли въ немъ, между прочимъ, самую подходящую книгу для подарковъ лучшимъ ученикамъ и ученицамъ въ ихъ учебныхъ заведеніяхъ.— II. К. Д. Головщиковъ. Родъ дворянъ Демидовыхъ. Ярославль, 1881 г., въ 8 д., стр. 268+105, съ прилож. родословн. таблицы. Цѣна 2 руб. Почтенный трудъ— по печатнымъ источникамъ; составитель излагаетъ исторію этой фамиліи по колѣнамъ и останавливается на болѣе выдающихся ихъ представителяхъ.—III. К. Д. Головщиковъ. Ярославская губернія. Историко-этнографическій очеркъ. Ярославль, 1888 г., стр. 65, ц. 60 к.—IV. А. А. Титовъ. Ярославскій уѣздъ. Съ картой уѣзда. Изд. И. А. Вахромѣева. М. 1884 г., въ м. 8 д., стр. LXII+153+XX. Цѣна 1 руб.—V. Путеводитель по г. Ярославлю, А. Титова; съ планомъ города и родословной князей Ярославскихъ. М. 1883 г.; обѣ книжки, какъ все, что составляетъ г. Титовъ,—дѣльны, многое основано на данныхъ, добытыхъ имъ лично или чрезъ разспросы жителей, а также полученныхъ изъ рукописныхъ неизданныхъ источниковъ. — VI. Путеводитель по Ярославской губерніи,— Ѳ. Я. Никольскаго. Ярославль, 1859 г.—VII. Историко-статистическій обзоръ Ростовско-Ярославской епархіи, А. Крылова. Ярославль, 1861 г. — VIII. Изслѣдованіе, въ промышленномъ отношеніи, путей сообщенія отъ Вологды къ Ярославлю и Рыбинску,—А. К. Фогеля. Ярославль, 1869 г., въ 8 д., стр. 130.— IX. Домъ призрѣнія ближняго въ Ярославлѣ, 1786—1886 гг., въ 8 д., Ярославль. Состав. А. В. Скульскій, изд. С. А. Черногорова (по документамъ, собран. и разраб. В. И. Лѣствицынымъ), стр. 108.—X. Труды Ярославскаго губернскаго статистическаго комитета. Ярославль, въ 8 д. Предъ нами выпуски 2 и 3— изд. 1867 г.;—4-й—1868 г.;—5-й—1869 г. (особенно интересный, въ немъ труды: Люценко, Е. И. Якушкина, А. Н. Сабанѣева, С. Дерунова); 6-й—1871 г.; 7-й—изд. 1872 г.;—8-й—изд. 1875 г.; выпускъ 9-й—Москва, изд. 1885 г. Этотъ выпускъ—наибольшій по объему—богатъ статистическими свѣдѣніями по Ярославской губерніи (за 1883 г.): — движеніе населенія въ Ярославской губерніи съ 1872 по 1883 г.; тутъ же помѣщенъ весьма хорошо составленный указатель къ неофиціальному отдѣлу «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», 1831—1881 гг., въ 360 стр.—трудъ секретаря статистическаго комитета и ред. сборника М. А. Липинскаго, одного изъ профессоровъ Демидовскаго лицея. Въ виду крайней рѣдкости многихъ №№ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ,—было бы весьма полезно если бы И. А. Вахромѣевъ не пожалѣлъ сотни три—четыре руб. для изданія особымъ сборникомъ наиболѣе интересныхъ историческихъ и этнографическихъ матеріаловъ, въ нихъ разсѣянныхъ; судя по «Указателю»—матеріалы эти весьма немаловажны для изученія старины и быта Ярославскаго края, таковы акты, сообщенные В. И. Лѣствицынымъ, Трехлѣтовымъ, Серебрянниковымъ, І. Троицкимъ, Л. Н. Трефолевымъ и друг. Точно также было бы хорошо, если бы продолжилось въ Ярославлѣ изд. истор. матеріаловъ «Ростовская и Ярославск. Старина», два выпуска которыхъ изд. А. А. Титовымъ въ 1888 г. Кстати отмѣтимъ, что въ помѣщеніи Ярославскаго статистическаго комитета мы видѣли большое собраніе архивныхъ документовъ и книгъ XVII—XVIII столѣтій,—вотъ уже готовое собраніе бумагъ для будущаго «Историческаго архива» Ярославской ученой архивной коммисіи.— XI. Холерныя эпидеміи въ Ярославской губерніи 1830—1872 гг. Ярославль, 1885 г. М. А Липинскаго, 8 д., 66 стр.—XII. Памятн. книжка Яросл. губ. на 1862 г., Ярославль, 1863 г.—XIII. «Вѣстникъ Яросл. земства». Изд. Яросл. губ. зем. управы, г. Ярославль, 8 д., выходитъ уже 18-й годъ, ежемѣсячно, нынѣ подъ ред. Л. Н. Трефолева; здѣсь помѣщаются журн. земск. собр. и всевозможныя свѣдѣнія, относящіяся до дѣятельности земства Яросл. губ.—XIV. Матеріалы для исторіи города Углича. Л. Н. Трефолева. Ярославль, 1888 г.

Вотъ все, что у насъ подъ рукой, кромѣ книгъ указанныхъ выше въ очеркѣ нашемъ о Ярославлѣ. Вообще теперь областная литература дѣлается все богаче и богаче и пересмотрѣть ее, хотя бы на мѣстѣ, является уже не малымъ трудомъ; странно, однако, что печатныхъ трудовъ по VII-му археолог. съѣзду, бывшему въ Ярославлѣ, что-то мало видно, а все потому, что, вмѣсто одного сжатаго сборника рефератовъ, безъ чертежей и рисунковъ, редакторы трудовъ вообще по всѣмъ семи археологическимъ съѣздамъ обыкновенно стараются приготовить дорогія изданія, большихъ форматовъ, съ рисунками, а на таковые фоліанты не отыскивается ни денегъ,—ни покупателей.

М. С.

Путевыя записки по Сибири архіепископа Нила. Съ фотолитографирован. портретомъ автора. Ярославль. 8 д., въ 2 частяхъ, 497 стр. +XIV стр. алфавитнаго указателя.

Книга эта напечатана въ 1874 г., вскорѣ послѣ смерти автора ея, но, по случайнымъ обстоятельствамъ, въ теченіи 15 лѣтъ, изданіе это не поступало въ продажу и книга, такимъ образомъ, оставалась почти никому неизвѣстною. Между тѣмъ, несомнѣнно, посмертное изданіе этого труда преосв. Нила и по содержанію своему, и по имени автора его заслуживаетъ полнаго вниманія. Преосв. Нилъ (въ мірѣ Николай Исаковичъ), архіеп. Ярославскій и Ростовскій,—одинъ изъ наиболѣе выдающихся іерарховъ русской церкви. Родившись въ концѣ прошлаго столѣтія и получивъ богословское образованіе сначала въ Могилевской семинаріи, а потомъ въ спб. духовной академіи, онъ, по окончаніи курса въ академіи, постриженъ былъ въ монахи и затѣмъ занималъ высшія дух.-учебныя должности: инспектора и профессора философіи въ черниговской семинаріи, инспектора и баккалавра богосл. наукъ въ кіевской дух. академіи, ректора и профессора богословія въ яросл. духовной семинаріи (въ санѣ архимандрита); въ 1835 г. онъ рукоположенъ былъ въ санъ епископа и послѣдовательно занималъ каѳедры епархій: вятской (1835—1838 гг.), иркутской (1838—1852 гг.) и ярославской (1853—1874 гг.). 39-ти-лѣтняя его архипастырская дѣятельность ознаменовалась въ каждой изъ этихъ епархій крупными заслугами. Въ вятской епархіи онъ, въ теченіи 3-хъ лѣтъ епископскаго служенія, обратилъ въ православіе до 6,000 раскольниковъ; особенно плодотворна была его дѣятельность на каѳедрѣ иркутской епархіи, — самой обширной въ Россіи по пространству, такъ какъ въ нее входили, въ то время, кромѣ Иркутской губ., еще Забайкальская, Якутская и Приморская области, а также русскія колоніи въ Сѣв. Америкѣ; 15-ти-лѣтнее служеніе здѣсь преосв. Нила ознаменовалось миссіонерскими трудами его по обращенію въ вѣру Христову инородцевъ-язычниковъ, которыхъ считалось въ то время въ иркутской епархіи болѣе 400,000 чел.; обративъ въ христіанство до 30,000 монголъ и бурятъ, преосв. Нилъ, чтобы болѣе утвердить новообращенныхъ въ православной вѣрѣ, вознамѣрился дать имъ книги священнаго писанія на ихъ

родномъ языкѣ; изучивъ съ этою цѣлію монголо-бурятскій языкъ и составивъ для него грамматику, онъ переложилъ на этотъ языкъ Евангеліе, Апостолъ и богослужебныя книги. Этотъ громадный трудъ, начатый въ 1848 г., былъ продолжаемъ преосв. Ниломъ и послѣ перевода его (въ 1853 г.) въ ярославскую епархію и оконченъ только почти передъ самою смертію іерарха († 1874 г.). Въ ярославской епархіи преосв. Нилъ также оставилъ добрую по себѣ память своими заботами объ улучшеніи быта приходскаго духовенства. Пастырскіе труды по обращенію въ христіанство десятковъ тысячъ язычниковъ и переводъ богослужебныхъ книгъ на монголо-бурятскій языкъ сдѣлали имя преосв. Нила извѣстнымъ не только въ предѣлахъ Сибири, но и во всей Россіи. Правительство высоко цѣнило его заслуги, что видно изъ тѣхъ крупныхъ наградъ, которыми онъ былъ жалованъ въ разное время: въ 1840 г. преосв. Нилъ возведенъ въ санъ архіепископа, въ 1842 г. ему пожалованъ орденъ св. Владиміра 2-й ст., въ 1847 г.—драгоцѣнная панагія, въ 1852 г. — орденъ св. Александра Невскаго, въ 1856 г.—алмазами украшенная панагія, въ 1858 г.—алмазный крестъ для ношенія на клобукѣ, и друг. Преосв. Нилъ былъ извѣстенъ въ Россіи не только архипастырскою своею дѣятельностію, но и нѣсколькими учено-литературными трудами (между которыми особенно почетное мѣсто занимаетъ его изслѣдованіе: «Буддизмъ, разсматриваемый въ отношеніи къ послѣдователямъ его, обитающимъ въ Сибири»), а также и научными занятіями въ области естествовѣдѣнія вообще и минералогіи въ частности (собственными его трудами составленъ былъ богатый минералогическій кабинетъ, завѣщанный имъ, по смерти своей, спб. университету). Его литературные труды и научныя занятія были почтены многими учеными обществами, избравшими его въ свои дѣйствительные и почетные члены (спб. унив—тъ, имп. моск. общ. любит. естествознанія, имп. русск. археол. общ., имп. русск. геогр. общ. и друг.).

Такая извѣстность въ Россіи имени архіеп. Нила,—одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей Сибири, большаго знатока этой отдаленной окраины Россіи,—заставляетъ обратить особенное вниманіе на поступившую только нынѣ въ продажу книгу его: Путевыя записки, касающуюся той же самой Сибири. Книга эта заключаетъ въ себѣ описанія двухъ путешествій: первое изъ нихъ, отъ Вятки до Иркутска, было совершено въ 1838 г. и продолжалось около 2-хъ мѣсяцевъ. Путь лежалъ чрезъ такіе важные, по своему значенію, города, какъ: Пермь, Екатеринбургъ, Тюмень, Тобольскъ, Омскъ, Томскъ, Красноярскъ, Нижнеудинскъ и многіе другіе. Проѣзжая чрезъ всѣ эти города и всѣ попутныя селенія, преосв. Нилъ, помимо описанія соборовъ, церквей, монастырей, подробно останавливалъ свое вниманіе на геогр. положеніи населенныхъ пунктовъ, народонаселеніи ихъ, торговлѣ, промышленности, заводахъ, фабрикахъ, хлѣбопашествѣ, мѣстныхъ естественныхъ богатствахъ, описывалъ климатъ, орошеніе, геологическое строеніе почвы и проч. Второе путешествіе

совершено было изъ Иркутска въ Якутскъ и обратно, въ 1843 г.; оно продолжалось девяносто пять дней и было совершено, главнымъ образомъ, по рѣкѣ Ленѣ, на четырехъ рѣчныхъ судахъ; всего пройдено было по этой рѣкѣ около 5,000 верстъ. Здѣсь научной наблюдательности преосв. Нила открылось еще болѣе широкое поле. Медленно подвигаясь на судахъ, останавливаясь въ попутныхъ селеніяхъ, подробно осматривая и изучая все встрѣчающееся на пути, вступая въ бесѣды съ жителями-инородцами, преосвященный Нилъ заноситъ въ свой дневникъ множество весьма интересныхъ и цѣнныхъ для этнографіи края замѣтокъ и свѣдѣній. Во 2-й части своихъ «Путевыхъ записокъ», посвященныхъ обратному путешествію въ Иркутскъ, авторъ отводитъ, между прочимъ, много мѣста историко-статистическому описанію города Иркутска, сообщаетъ, на основаніи собранныхъ имъ въ мѣстныхъ архивахъ свѣдѣній, много данныхъ объ извѣстномъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтій сибирскомъ миссіонерѣ—прот. Слѣпцовѣ; въ этой же части дѣлаетъ историческій очеркъ (также на основапіи архивныхъ документовъ) покоренія и присоединенія къ Россіи полуострова Камчатки и водворенія на ней христіанства и попутно-же излагаетъ исторію Курильскихъ острововъ.

Вообще «Путевыя записки» архіепископа Нила составляютъ весьма цѣнный вкладъ въ историко-этнографическую литературу о Сибири, особенно въ виду того, что этотъ край до сихъ поръ не настолько изслѣдованъ и изученъ, какъ онъ того заслуживаетъ по своему громадному экономическому значенію для Россіи, и мы не сомнѣваемся, что книга преосвященнаго Нила найдетъ распространеніе не только среди лицъ, спеціально изучающихъ Сибирь и интересующихся ею, но также и среди духовенства нашего и, между прочимъ, во всѣхъ фундаментальныхъ библіотекахъ духовно-учебныхъ заведеній [1]).

А. С. Л—й.

---

[1]) Цѣна книги, 2 части, 497+XIV стр., съ портр. автора, — одинъ рубль съ пересылкой. Съ требованіями обращаться: въ редакцію «Русской Старины», Б. Подъяческая ул., д. № 7, и въ контору «Русской Старины»—книжный магазинъ А. Ѳ. Цинзерлинга, Невскій пр., д. № 46.

Къ студенческимъ волненіямъ въ Казани.

ЗАМѢТКА.

Въ примѣчаніи нашемъ къ стр. 124 «Русской Старины» 1889 г., т. LVI, январь, по поводу котораго написана помѣщенная въ августовской книгѣ «Русской Старины», стр. 436—437, замѣтка г. ординарнаго профессора судебной медицины Казанскаго университета Ив. Мих. Гвоздева, нѣтъ ни единаго слова, ни одного даже намека на то, что описываемый тутъ случай, касающійся одного изъ декановъ, былъ съ деканомъ медицинскаго факультета и происходилъ въ одинъ изъ тѣхъ годовъ, когда И. М. Гвоздевъ былъ деканомъ медицинскаго факультета. По этому совершенно напрасно И. М. Гвоздевъ относитъ этотъ случай именно къ себѣ. Почему «въ случаѣ моей или его смерти, все, описанное въ примѣчаніи, безъ надлежащаго разъясненія, такъ-таки цѣликомъ и падетъ» на него?

Въ Казани товарищи И. М. Гвоздева, современники описываемаго мною въ примѣчаніи факта, хорошо знаютъ, съ кѣмъ и когда случился этотъ фактъ. Ихъ, стало быть, убѣждать или переубѣждать излишне. Слѣдовательно, замѣтка имѣетъ цѣлію убѣдить непринадлежащую къ университету и иногородную публику, что описанный въ моемъ примѣчаніи случай съ однимъ изъ декановъ относится не къ автору замѣтки. Но кому же изъ постороннихъ и иногородныхъ и на какомъ основаніи вздумалось бы приписать описанный мною фактъ именно бывшему декану медицинскаго факультета И. М. Гвоздеву?

Такъ какъ наши воспоминанія о студенческихъ волненіяхъ вовсе не имѣли въ виду обличать поименно ту или другую личность, то никакія замѣтки не побудятъ насъ называть фамиліи лицъ, о которыхъ мы говорили.

По поводу замѣтки И. М. Гвоздева мы считаемъ долгомъ заявить одно, что все, что мы писали въ своихъ воспоминаніяхъ, взято изъ нашего дневника, въ который случившееся записывалось въ тотъ же день, и потому разговоръ съ однимъ изъ декановъ, помѣщенный въ примѣчаніи къ стр. 124 январской кн. «Русской Старины» 1889 г., дѣйствительно происходилъ такъ, какъ мною описанъ, чего, я увѣренъ, внутренно, предъ своею совѣстію, не станетъ отвергать и деканъ, съ которымъ я велъ разсказанную въ примѣчаніи бесѣду, но и сознаваясь самъ про себя, едва ли будетъ настолько добродушенъ, чтобы публично объявить: «Въ примѣчаніи къ стр. 124 «Русской Старины» 1889 г., т. LXI, январь, говорится про меня и говорится съ буквальною точностію».

П. Д. Шестаковъ.

АЛЕКСѢЙ ДМИТРІЕВИЧЪ БАБИЧЕВЪ

учитель II-го Коломенскаго городскаго начальнаго училища

въ с.-петербургѣ

род. 1828 г., † 1889 г.

2-го сентября 1889 г. въ Спб., въ Никольскомъ морскомъ соборѣ, въ присутствіи большаго собранія учащихъ въ начальныхъ городскихъ школахъ г. Петербурга—совершено отпѣваніе тѣла А. Д. Бабичева—старѣйшаго изъ нашихъ товарищей, скончавшагося 30-го августа 1889 года.

Въ виду заслугъ А. Д., какъ одного изъ достойнѣйшихъ наставниковъ на поприщѣ народнаго образованія, и его высокихъ нравственныхъ качествъ, долгомъ считаемъ сохранить на страницахъ «Русской Старины» свѣдѣнія о его жизни и дѣятельности.

Сынъ ремесленника, А. Д. Бабичевъ родился въ Петербургѣ, въ 1828 г., октября 4-го дня; первоначальное образованіе получилъ въ Исаакіевскомъ приходскомъ училищѣ,—обстоятельство, не лишенное интереса въ томъ отношеніи, что покойный впослѣдствіи провелъ свою педагогическую дѣятельность именно въ этомъ училищѣ, въ теченіи болѣе 25 лѣтъ; здѣсь онъ и завершилъ свою педагогическую карьеру.

По окончаніи курса въ Никольскомъ уѣздномъ училищѣ, Бабичевъ перешелъ въ общіе классы спб. педагогическаго института, закрытаго въ 1850-хъ годахъ. По окончаніи курса въ 1848 г., А. Д. получилъ мѣсто учителя уѣзднаго училища въ гор. Трубчевскѣ Орловской губ., гдѣ и прослужилъ девять лѣтъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, онъ пытался перемѣнить профессію учителя на карьеру чиновника; сухая канцелярская работа не могла однако удовлетворить его и онъ возвратился къ болѣе близкому ему учебному дѣлу, которому и прослужилъ до конца своей жизни.

До поступленія своего въ Исаакіевское приходское училище, переименованнаго впослѣдствіи во II-ое Коломенское городское начальное училище, Бабичевъ занялся преподаваніемъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ съ среднеобразовательнымъ курсомъ и въ семьяхъ частныхъ лицъ.

Въ 1863 году онъ занялъ мѣсто учителя Исаакіевскаго приходскаго училища. Какъ извѣстно, матеріальное положеніе приходскихъ училищъ въ Петербургѣ было не блестящее, что не помѣшало однако А. Д. внести въ дѣло обученія ту-же сердечность и выдержку, которыя онъ обнаруживалъ на урокахъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Насколько цѣнились его педагогическія дарованія явствуетъ изъ нижеслѣдующаго факта: въ бытность его преподавателемъ въ Сергіевской патріотической школѣ, состоящей подъ покровительствомъ е. в. великой княгини Екатерины Михаиловны, онъ былъ поставленъ въ необходимость, за дальностью разстоянія патріотической школы отъ его училища, отказаться отъ занятій въ школѣ; но великая княгиня, не однократно лично присутствовавшая на урокахъ А. Д. и не желавшая потерять для школы опытнаго педагога, распорядилась о выдачѣ ему на проѣздъ въ школу особой суммы изъ своихъ средствъ.

Въ 1877 году, съ переходомъ приходскихъ училищъ въ вѣдѣніе спб. городскаго общественнаго управленія, А. Д. въ улучшенной матеріальной обстановкѣ и сочувственномъ отношеніи членовъ училищной комиссіи (нынѣ комиссіи по народному образованію), почерпнулъ новыя силы и съ большою энергіею продолжалъ дѣло воспитанія дѣтей. Одновременно съ занятіями въ школѣ, онъ продолжалъ давать частные уроки.

Отличительною чертою его отношеній къ дѣтямъ были необычайная мягкость, доброта, безъ слабости, и любовь. Эти особенности его характера привлекали къ нему и взрослыхъ, чѣмъ объясняются, между прочимъ, и тѣ добрыя отношенія, которыя установились между нимъ и его сотоварищами.

А. Д. свободное отъ занятій время посвящалъ пріобрѣтенію знаній по исторіи русской и всеобщей литературы, (курсы которой онъ читалъ взрослымъ слушательницамъ), которыя стали ему дороги въ то еще время, когда онъ былъ студентомъ педагогическаго института: такъ, въ послѣдніе годы, чтобы ознакомиться съ поэзіею Мицкевича, Бабичевъ настолько изучилъ польскій языкъ, что свободно читалъ лучшія произведенія польскаго поэта.

Необходимо также замѣтить, что выдающіеся представители французской и нѣмецкой литературы были ему извѣстны въ подлинникахъ.

3-го ноября 1888 года, въ день двадцатипятилѣтней годовщины

его педагогической дѣятельности, какъ учителя народной школы, А. Д. Бабичевъ получилъ выраженія величайшаго къ себѣ сочувствія какъ со стороны представителей общественнаго управленія столицы, городскаго головы, покойнаго предсѣдателя комиссіи по народному образованію въ С.-Петербургѣ А. А. Краевскаго и многихъ членовъ комиссіи, а также со стороны многочисленныхъ учениковъ, ученицъ и ихъ родителей.

Товарищи А. Д. тогда же поднесли ему адресъ, въ которомъ, между прочимъ, въ глубоко прочувствованныхъ выраженіяхъ — была выражена ему признательность за тѣ добрые совѣты и полезныя указанія, которые они постоянно у него находили.

День 3-го ноября 1888 года былъ, такъ сказать, послѣднимъ праздникомъ въ труженической жизни Алексѣя Дмитріевича. Болѣзнь, зародышъ которой онъ уже давно носилъ въ себѣ (чахотка), стала быстро увеличиваться.

Въ февралѣ 1889 г. Бабичевъ вынужденъ былъ отказаться отъ занятій въ школѣ и 30-го августа онъ простился съ нею на вѣки....

«Кроткій, скромный, честный и разумный труженикъ, Алексѣй Дмитріевичъ—по выраженію духовнаго его отца Антонія Скворцова, законоучителя въ ввѣренномъ ему училищѣ,—положилъ почти сорокъ лѣтъ на дѣло воспитанія и обученія дѣтей того сословія людей, отъ нравственнаго и умственнаго подъема которыхъ зависятъ благосостояніе и ростъ дорогой отчизны!

«Хорошо одаренный способностями, обладая высшимъ образовательнымъ цензомъ и знаніемъ нѣсколькихъ языковъ, онъ, конечно, могъ бы примѣнить свои силы къ другой отрасли общественной дѣятельности и притомъ, быть можетъ, и съ бо́льшею для себя выгодою; но любовь къ дѣтямъ рано увлекла его въ школу, гдѣ удержала его до могилы... Опочившій, стоя изо-дня въ день цѣлые десятки лѣтъ, предъ сознаніемъ дѣтей, отъ которыхъ трудно скрыть движеніе сердца, былъ не только примѣрнымъ учителемъ, но, должно сказать, и отцомъ».

Ты выбралъ, скажемъ мы отъ себя, одинъ изъ скромнѣйшихъ, но наиболѣе трудныхъ путей въ жизни и прошелъ этотъ путь окруженный всеобщимъ уваженіемъ и сочувствіемъ. Миръ твоему праху!

А. Ѳ. Кузьминъ.

Артиллерійская пушка какъ отличіе

1772 г.

Въ числѣ боевыхъ генераловъ, украсившихъ своими доблестями исторію прошлыхъ дней нашей арміи, занимаетъ, безспорно, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ екатерининскій герой—Отто Адольфъ Вейсманъ фонъ-Вейссенштейнъ. Имя это, славное въ свое время и неразрывно связанное съ исторіею турецкихъ войнъ конца минувшаго вѣка, къ сожалѣнію, осталось какъ-то совсѣмъ забытымъ и дошло до нашихъ дней лишь въ описаніяхъ прославившихся имъ сраженій, гдѣ мы прямо и знакомимся съ нимъ, при громѣ орудій и всѣхъ ужасахъ военнаго времени. Лучшей оцѣнкой боевыхъ заслугъ Вейсмана остались слова Суворова, которыми донесъ онъ о смерти своего храбраго сподвижника императрицѣ: «Вейсмана не стало, я остался одинъ», писалъ онъ, раздѣляя искреннюю печаль всей арміи.

Къ этой же личности относится характерный указъ того времени: «О пожалованіи генералъ-маіора Фонвейсмана за храбрость его противъ неприятеля дела одною пушкою» [1]).

Приводимъ его цѣликомъ.

«Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской изъ государственной военной коллегіи господину генералу фелдцейхмейстеру надфортификацiями генералу директору кавалергардскаго корпуса шефу ея императорскаго величества генералъ адъютанту действителному камеръгеру лейбъгварди конного полку подполковнику канцеляріи опекунства иностранныхъ президенту и разныхъ орденовъ кавалеру графу Григорью Григорьевичу Орлову.

Въ имянномъ ея императорскаго величества высочайшемъ данномъ генералъ маиору и ковалеру фонъ-Вейсману прошлаго 1771 года декабря 15-го дня, писанномъ и подписанномъ собственною ея императорскаго величества рукою указе изображено, храбрыя дела его впрошедшеи компаніи где онъ столко разъ побеждалъ неприятеля, изътреблялъ его припасы и бралъ все къ оборону его служить могущее и наконецъ разбитье самого визиря, бывъ общему делу весма полезно при томъ и память ево прославить, вечно древность награждала воіновъ за храбрость оружиемъ, ея императорское величество желая, чтобъ потомки ево имели предъ глазами примеръ ево, жалуетъ ево одною пушкою дозволяетъ выбрать оную извзятыхъ имъ у неприятеля, и дабы онъ имелъ место где ее ставить, для того ея императорское величество повелели сенату дать ему въ венденскомъ уезде мызу Цербенъ в вечное и потомственное владение; куда пушку на казенномъ коште отвести и ея хранить в памяти делъ его генералъ маиора и ея императорскаго величества удоволствие об оныхъ другим же въ образецъ и в поощрение. Февраля 16 дня 1772 года у подлиннаго подписано тако Г. Ф. Веймарнъ, секретарь Иванъ Петуховъ регистраторъ Павелъ Казнинъ».

Сообщ. Д. Струковъ.

---

[1]) Архивъ стар. дѣлъ спб. артил. музея. Дѣла генер. пов. 1772 г. № 39.

СОБОРНЫЙ ХРАМЪ ВЪ Г. РЕВЕЛѢ

сборъ пожертвованій на его сооруженіе.

I.

Мы получили отъ комитета, учрежденнаго съ высочайшаго соизволенія для повсемѣстнаго въ имперіи сбора пожертвованій на постройку соборнаго храма въ г. Ревелѣ, нижеслѣдующее письмо:

«Государь императоръ 2 апрѣля 1888 года высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Сѵнода, отъ $^3/_{24}$ февраля 1888 года, объ открытіи повсемѣстнаго въ имперіи сбора добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе православнаго храма въ городѣ Ревелѣ, съ тѣмъ, чтобы для сбора этихъ пожертвованій и постройки соборнаго храма учрежденъ былъ, подъ предсѣдательствомъ Эстляндскаго губернатора князя Шаховскаго, особый комитетъ, съ участіемъ въ немъ членовъ отъ духовнаго вѣдомства, по усмотрѣнію мѣстнаго преосвященнаго.

Открывъ съ благословенія преосвященнаго Арсенія, епископа Рижскаго и Митавскаго, свои дѣйствія, комитетъ имѣетъ честь препроводить при семъ воззваніе православныхъ ревельцевъ, въ которомъ подробно изложены тѣ близкія сердцу русскаго человѣка причины, которыя вызываютъ необходимость нынѣ же приступить къ постройкѣ въ Ревелѣ соборнаго храма.

Обращаясь съ настоящей просьбой о братской помощи, комитетъ проситъ редакцію «Русской Старины» напечатать на страницахъ своего изданія текстъ прилагаемаго воззванія.

Собранныя деньги комитетъ покорнѣйше проситъ сдать въ ближайшее казначейство съ указаніемъ ихъ назначенія или же переслать ихъ по почтѣ въ г. Ревель на имя предсѣдателя комитета князя Сергія Владиміровича Шаховскаго. Имена жертвователей предположено вырѣзать на особыхъ металлическихъ доскахъ (по числу губерній), кои будутъ помѣщены на западной стѣнѣ соборнаго храма для сохраненія на вѣчныя времена памяти о его соз-

дателяхъ, о которыхъ за каждой литургіей будутъ возноситься горячія молитвы предъ престоломъ Всевышняго.

Предсѣдатель, эстляндскій губернаторъ кн. Шаховской.
Секретарь кн. А. Ш. Шихматовъ».

II.

Православные! братья ваши по вѣрѣ, живущіе на Балтійскомъ поморьѣ, въ городѣ Ревелѣ, шлютъ вамъ съ этой окраины земли русской свой привѣтъ и просятъ у васъ братской помощи! Помогите намъ совершить святое дѣло— построить въ г. Ревелѣ соборный храмъ во имя святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго.

Вы, православные братья, не знаете той скудости, которою отличаются наши ревельскія церкви. Во всякомъ русскомъ городѣ, и большомъ и маломъ, отведено храму Божію должное мѣсто; за нѣсколько верстъ можно узнать русскій городъ по многочисленнымъ куполамъ церквей и монастырей, увѣнчаннымъ святыми крестами; далеко вокругъ разносится торжественный благовѣстъ. Кто же создалъ эти храмы? Одни построены благочестивыми царями и боярами, другіе основаны святыми угодниками, иные—неизвѣстными храмосозидателями, и всѣ они стоятъ во славу Божію, радуютъ православное сердце, украшаются, поддерживаются и созидаются усердіемъ православнаго народа.

Не то у насъ въ Ревелѣ. Съ моря ли, съ суши ли, откуда ни подъѣдете, вы не узнаете русскаго города: стоятъ высокія башни, много островерхихъ красивыхъ колоколенъ, но это все иновѣрческія лютеранскія кирки. Не видать креста православнаго, не слыхать звона воскреснаго. Наши церкви тѣсны, бѣдны убранствомъ и такъ построены среди обывательскихъ домовъ, какъ будто существуютъ только изъ милости и мѣста для нихъ пожалѣли. Одна изъ церквей, освященная въ честь Преображенія Господня, называется соборомъ. Стоитъ это старое и убогое зданіе въ одномъ изъ узкихъ переулковъ города, стѣсненное отовсюду обывательскими домами и съ виду даже непохожее на православный храмъ.

Это зданіе, служившее прежде киркою для шведскаго гарнизона, во время взятія Ревеля русскими войсками было наскоро отведено подъ православный храмъ. И долго послѣ того нашъ соборъ носилъ на себѣ внѣшній обликъ лютеранской кирки: сверху крутая черепичная крыша, внутри — мѣсто для органа, скамейки вдоль стѣнъ и могильныя плиты на полу съ нѣмецкими надписями. Хотя съ теченіемъ времени многое было исправлено и прибрано, но иновѣрный отпечатокъ сохранился и по сіе время на нашемъ первенствующемъ здѣсь храмѣ. Средина его занята широкими столпами, заслоняющими

отъ молящихся богослуженіе; на стѣнахъ нѣтъ иконъ, или изображеній изъ священнаго писанія, какія можно найти въ любой нашей сельской церкви; нѣтъ алтаря по срединѣ, а два алтаря расположены параллельно; нѣтъ входа съ западной стороны, какъ того требуетъ нашъ церковный уставъ, ибо мѣсто это застроено другими зданіями. Неуклюже насаженный на крышу этой нѣмецкой постройки небольшой зеленый куполъ и ютящаяся близь него маленькая колокольня придаютъ нашему собору и съ наружи, чуждый православному храму, иноземный обликъ.

Отчего-же, спросятъ насъ, такъ бѣдны наши ревельскія православныя церкви, отчего нѣтъ у насъ въ городѣ подобающаго собора?

Оттого, что бѣдны мы сами, православные, да не далеко еще ушло то время, когда самая вѣра наша была здѣсь въ угнетеніи и гоненіи....

Но, начиная дѣло доброе во славу Божію и въ честь Руси Святой, не удручать намъ надлежитъ сердце православныхъ тяжелыми воспоминаніями ѳ минувшихъ страданіяхъ родной нашей церкви, а прославлять Господа за безконечное Его къ намъ милосердіе, явленное имъ чрезъ своего Помазанника, обратившаго съ высоты престола свое державное вниманіе на положеніе православной церкви въ Прибалтійскомъ краѣ и придавшаго ей рядомъ недавно изданныхъ законовъ подобающее господствующей церкви значеніе.

Возвеличившееся нынѣ, послѣ долгаго утѣсненія, положеніе здѣсь церкви православной налагаетъ на насъ обязанность озаботиться и о внѣшнемъ устроеніи дома Божія. Надо, чтобы исчезли и внѣшніе слѣды приниженія, надо, чтобы надъ городомъ Ревелемъ, какъ благодатное знаменіе торжества православія и какъ памятникъ доблестнымъ исповѣдникамъ, и съ моря, и съ суши высоко возсіялъ крестъ русскаго соборнаго храма.

Мы желали-бы, съ помощью Божіею, поставить соборъ во имя святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго, съ именемъ котораго въ здѣшнемъ краѣ соединяются дорогія для всякаго русскаго воспоминанія подвиговъ русскаго оружія въ борьбѣ съ нѣмецкими рыцарями, за вѣру православную и цѣлость государственную. Мы желали-бы, чтобы этотъ соборъ на вѣки вѣковъ служилъ нагляднымъ выраженіемъ благоговѣйнаго воспоминанія о совершившемся 17-го октября 1888 года чудесномъ избавленіи благочестиваго преемника Святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, Отца и покровителя православныхъ прибалтійскаго поморья, державною волею котораго здѣшняя окраина вступаетъ нынѣ въ тѣсное единеніе съ великимъ нашимъ отечествомъ.

Государь императоръ всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить намъ обратиться къ вамъ, русскіе братья, съ просьбою о братской помощи, и мы просимъ васъ, помогите!

Мы знаемъ, что и безъ насъ много просящихъ: много ходитъ по городамъ и селамъ нашего отечества благочестивыхъ сборщиковъ на построеніе

храмовъ; ваши жертвы стекаются и къ Святымъ пещерамъ Кіевскимъ, и къ лаврѣ Святаго угодника Божія Сергія Радонежскаго и къ далекимъ горамъ Аѳона—удѣлите же и намъ на совершеніе святаго русскаго дѣла лепту отъ достатковъ вашихъ.

Пастыри и учители церкви россійской, ежедневно возносящіе молитву къ Богу, «да освятитъ Онъ любящихъ благолѣпіе дома Его», русскіе люди на всѣхъ поприщахъ общественнаго служенія, словомъ и дѣломъ работающіе во имя укрѣпленія идеи нашего народнаго самосознанія, христолюбивое воинство россійское, стоящее на стражѣ вѣры православной, престола и отечества, люди торговые, выдвинувшіе изъ среды своей въ годину бѣдствій доблестнаго духомъ нижегородскаго гражданина Козьму Минина Сухорукова, православные христіане всей русской земли изъ конца въ конецъ — ко всѣмъ вамъ обращаемся и всѣхъ васъ просимъ, кто сколько и что можетъ пожертвуйте на построеніе соборнаго храма въ городѣ Ревелѣ во имя Святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго.

Отъ имени всѣхъ православныхъ г. Ревеля и Эстляндской губерніи высочайше учрежденный комитетъ для повсемѣстнаго въ Россіи сбора пожертвованій и сооруженія храма въ г. Ревелѣ.

Пожертвованія могутъ быть пересылаемы или непосредственно на имя предсѣдателя комитета, эстляндскаго губернатора князя Сергія Владиміровича Шаховскаго, или вносимы въ губернскія и уѣздныя казначейства для доставленія по назначенію.

ревностно заботится объ упроченіи и развитіи начальныхъ училищъ, попечителемъ каковыхъ и гимназіи онъ состоитъ и въ настоящее время.

Въ 1869 г. Н. А. напечаталъ прекрасный трудъ «Исторію альбигойцевъ и ихъ времени»; въ слѣдующемъ году въ Парижѣ собралъ богатый архивный матеріалъ для втораго тома этого труда, посвященнаго «Первой инквизиціи» (Казань, 1872 г.), каковая книга защищена была имъ на степень доктора исторіи;—ему же принадлежатъ историческіе труды «Неаполитанскіе государи XIV-го вѣка» (Казань, 1873 г.) и рядъ статей въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» и въ «Ученыхъ запискахъ казанскаго университета» — по вопросамъ средневѣковой исторіи. Послѣднія пятнадцать лѣтъ Н. А. Осокинъ сосредоточился на обработкѣ лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ; результатомъ этого усидчиваго труда является названное выше весьма объемистое и чрезвычайно богатое по содержанію сочиненіе, предназначенное уважаемымъ профессоромъ столько же въ пособіе студентамъ, сколько и для чтенія всей образованной русской публики, интересующейся историческимъ знаніемъ. Обширная начитанность автора, многолѣтнее изученіе предмета, каковой онъ пріобыкъ передавать и словомъ, и перомъ своимъ слушателямъ и читателямъ, живость изложенія, мѣстами вполнѣ увлекательнаго, — вотъ достоинства этого чисто профессорскаго, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, труда; нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ надолго останется для русскихъ читателей и учащихся обоего пола отличнымъ источникомъ знанія въ области исторіи среднихъ вѣковъ.

Богородицкая гора въ Эстляндіи. Михаила Н. Хорузина, † 25 сентября 1888 г. Москва, 1889, въ 8 д., стр. 149, съ рисункомъ. Цѣна 10 коп.

Посмертное изданіе преждевременно скончавшагося образованнаго и весьма полезнаго русскаго дѣятеля на прибалтійской окраинѣ нашего отечества. Въ этой брошюрѣ читатель найдетъ живой очеркъ прошлаго и современнаго положенія православія въ Пюхтицскомъ краѣ и вообще въ Эстляндіи, съ изложеніемъ подробностей о тѣхъ натискахъ, которые приходилось, а частью и до сихъ поръ приходится выносить православной церкви на нашемъ Балтійскомъ поморьѣ; въ приложеніи помѣщена его же статья: «Православіе на островахъ Даго и Вормсъ». М. Н. Хорузинъ былъ однимъ изъ самыхъ полезныхъ сотрудниковъ начальника Эстляндской губерніи—кн. В. С. Шаховскаго, энергическая дѣятельность котораго на пользу упроченія и развитія русскаго элемента въ краѣ вызываетъ полное сочувствіе русскихъ и эстонцевъ.

Сборникъ службъ, молитвъ и пѣснопѣній, употребляемыхъ при богослуженіяхъ въ православной церкви, съ объясненіемъ непонятныхъ словъ и оборотовъ рѣчи на русскомъ языкѣ. Руководство для училищъ, гдѣ введено церковное пѣніе, и для церковно-приходскихъ школъ. Состав. А. Н. Ушаковъ, Москва, 1890 г., въ 8 д., стр. 240, цѣна 50 коп.

Содержаніе и цѣль книги объясняется ся заглавіемъ; книга полезная особенно какъ пособіе для учащихъ при обученіи въ школахъ, составлена учителемъ городскаго приходскаго училища въ г. Ростовѣ Великомъ, каковое училище мы имѣли истинное удовольствіе посѣтить въ 1888 году.

Тверь въ XVII вѣкѣ. Историческій и археологическій путеводитель по городу Твери. Изслѣдованіе П. Н. Овсянникова, члена Тверской ученой архивной комиссіи и друг. обществъ. Тверь, 1889 г., въ 8 д., стр. 91, съ чертежами и рисунками. Цѣна 50 коп.

О фамильномъ архивѣ Тверскихъ дворянъ Милюковыхъ. Вл. А. Плетнева. Изд. Тверской ученой архивной комиссіи. Тверь, 1889 г., въ 8 д., стр. 41, съ родословными таблицами.

Обѣ брошюры, въ особенности первая, принадлежатъ къ числу особенно заботливо составленныхъ трудовъ мѣстныхъ дѣятелей архивной комиссіи въ г. Твери, которая подъ руководствомъ неутомимаго археолога А. К. Жизневскаго занимаетъ первенствующее мѣсто въ ряду губернскихъ комиссій—этихъ разсадниковъ знаній въ области изученія отечественной стороны.

М. С.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцатый. НОЯБРЬ. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1889.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1889 г.

Сочиненія В. Д. Спасовича. Т. I и II. Спб. 1889, стр. 286 и 406.

Съ именемъ Владиміра Даниловича Спасовича давно уже связывается представленіе о глубокой, разносторонней, отзывчивой на запросы жизни учености и о сильномъ, своеобразномъ, привлекательномъ въ своей оригинальности ораторскомъ талантѣ. Въ послѣдніе годы, все чаще и чаще, стала обрисовываться и другая, новая сторона дѣятельности нашего ученаго юриста. Рамки разработки права и утонченной судебно-аналитической діалектики оказываются для него тѣсными,—и, расширивъ ихъ до предѣловъ возможности, онъ выходитъ на болѣе свободное и широкое поле литературно-художественной критики, богатый знаніемъ и опытный въ изученіи разнообразнаго матеріала.

Два первые тома многотомнаго собранія его сочиненій, вышедшіе осенью 1889-го года и изданные очень изящно, посвящены всецѣло этой новой области его дѣятельности. Это рядъ критическихъ очерковъ, заключающихъ въ себѣ, по преимуществу, характеристики личности и созданій русскихъ и польскихъ поэтовъ, а также двѣ монографіи о Шекспировскомъ Гамлетѣ, о Байронѣ и его предшественникахъ. — Характеристики эти полны оригинальныхъ, самостоятельныхъ взглядовъ и написаны живымъ, образнымъ языкомъ, благодаря которому нѣкоторыя изображенія особенностей и характера поэтическаго творчества разбираемыхъ писателей пріобрѣтаютъ исключительную выпуклость и яркость. Въ каждой изъ статей, помѣщенныхъ въ двухъ первыхъ томахъ сочиненій В. Д. Спасовича, видепъ умный и любящій свое дѣло художникъ, который, долго и усидчиво изготовляя матеріалъ для письма, затѣмъ смѣлою кистью, иногда съ лихорадочною поспѣшностью, распредѣляетъ свѣтъ и тѣни, дающія жизнь полотну и приковывающія къ нему вниманіе. Больше всего мѣста отведено Байрону и его вліянію на Мицкевича, Пушкина и Лермонтова. Чрезвычайно интересенъ трудъ г. Спасовича о предшественникахъ великаго англійскаго поэта и особымъ мастерствомъ отличается краткая, но чрезвычайно сильная и мѣткая характеристика личности и произведеній Ж. Ж. Руссо, представителя того періода жизни французскаго общества, когда, по образному замѣчанію автора, «преданіе стало ненавистно все цѣликомъ и съ нимъ хотѣли порвать всякую связь, пытаясь отрубить свое время отъ исторіи». Много страницъ посвящено и Пушкину. Въ рѣчи о немъ, произнесенной 31 января 1887 г., на ряду съ попыткою автора опровергнуть теорію о «всечеловѣчности» Пушкина, провозглашенную Достоевскимъ—и освободить образъ «дивнаго, геніальнаго чародѣя, вольной и рѣзвой, неприручаемой птицы» отъ тисковъ «гражданской скорби», въ которыя силятся его заключить нѣкоторые односторонніе изслѣдователи—блестятъ несомнѣнно поэтическія сравненія и обращенія къ памяти великаго русскаго поэта. Большимъ интересомъ отличается и статья о Мартинѣ Матушевичѣ и его мемуарахъ, по которымъ, съ особо цѣннымъ въ авторѣ безпристрастіемъ, онъ воспроизводитъ «трезвую правду» о печальномъ состояніи политической жизни польскаго общества наканунѣ перваго раздѣла: «Отношеніе наше къ прошедшему нынѣ измѣнилось и требовательность стала строже, — мы сдѣлались разборчивѣе и муть въ недопитой рюмкѣ уже не принимаемъ за чистое вино», говоритъ г. Спасовичъ.

Замѣткою нашею мы хотимъ лишь отозваться на появленіе книги, составляющей цѣнный вкладъ въ нашу литературу. Подробный разборъ, коего она вполнѣ заслуживаетъ, требовалъ бы большаго труда, ибо оригинальность взглядовъ автора на нѣкоторыя историческія явленія и лица можетъ вызвать большіе споры, а спорить съ такимъ хорошо вооруженнымъ и стойкимъ противникомъ, какъ В. Д. Спасовичъ, дѣло не легкое. Особенно, думается намъ, при подробномъ разборѣ, пришлось бы поспорить о вѣрности взгляда Мицкевича на значеніе и личность Петра Великаго, въ которомъ онъ видитъ не геніальнаго выразителя историческихъ судебъ своего народа, а стихійную силу, замерзшую, какъ горный водопадъ, нависшій надъ бездною. Богатый матеріалъ для споровъ даетъ и характеристика Гамлета, къ которому авторъ подходитъ съ совсѣмъ новой точки зрѣнія, утверждая, что если бы онъ не

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 13 ОКТЯБРЯ 1889 г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ВЪ ЗАПИСКАХЪ АННЫ ИЛЬИНИШНЫ ЗОЛОТУХИНОЙ

(1812 г.).

«Помѣщая на страницахъ уважаемой «Русской Старины» довольно обширныя и весьма характерныя Записки русской женщины, свидѣтельницы событій, ознаменовавшихъ достопамятный годъ великой отечественной войны, А. И. Золотухиной, привожу о ней и родѣ ея мужа свѣдѣнія, основанныя частью на бумагахъ, частью на семейныхъ преданіяхъ.

Анна Ильинишна Золотухина родилась въ Рязанской губ., въ Михайловскомъ уѣздѣ; отецъ ея былъ капитанъ артиллеріи Илья Сергѣевъ. Въ 1799 г. она вышла замужъ по любви за Золотухина, который былъ и бѣднѣе, и моложе ея; умерла она въ 1814 году.

О фамиліи Золотухиныхъ извѣстно слѣдующее: прежде фамилія ихъ была Жемчужниковы, но при Ѳедорѣ Іоанновичѣ два брата поссорились за мѣсто при царскомъ столѣ (еще до уничтоженія мѣстничества); одинъ уѣхалъ въ деревню по указу царя и началъ называться Золотухинымъ. Всѣ его потомки пишутся Золотухиными въ шестой части дворянской книги Тульской губ.; въ архивѣ депутатскаго собранія этой губерніи находятся и всѣ бумаги о родословной этой фамиліи и прочіе о членахъ ея документы. При Петрѣ I Яковъ Золотухинъ ѣздилъ добровольно учиться за границу, за что и получалъ награды отъ императора, а Екатерина I подарила ему бокалъ, съ ея вензелемъ, который и теперь хранится въ ихъ семьѣ. Иванъ Аѳанасьевичъ Золотухинъ былъ женатъ на очень умной женщинѣ, Аннѣ Матвѣевнѣ, которая помѣстила своего сына, Василія, въ Пажескій корпусъ. Екатерина Великая отличала его своею милостью, но онъ умеръ скоропостижно. Анна Матвѣевна поѣхала въ Петербургъ беременная и много плакала; Екатерина II, видя ея горесть, лично сказала ей:

— «Если ты родишь сына, то я жалую ему чинъ премьеръ-маіора».

Это и былъ мужъ Анны Ильинишны, Матвѣй Ивановичъ Золотухинъ, который родился и умеръ премьеръ-маіоромъ въ Тульской губ., Алексинскомъ уѣздѣ, въ селѣ Кошкино.

Анна Линбергъ.

Отъ редакціи. Печатаемыя здѣсь Записки дороги намъ не только какъ сказаніе о крупныхъ историческихъ событіяхъ, которыхъ впрочемъ онѣ касаются лишь поверхностно, но онѣ дороги какъ хроника русской женщины, горячо, самоотверженно любившей мужа и свою многочисленную (изъ восьми дѣтей состоявшую, девятымъ ребенкомъ Золотухина была въ 1812 году беременна) семью; она безхитростно, съ необычайною искренностью, на память близкимъ своимъ, начертала поразительную картину тѣхъ душевныхъ мукъ и матеріальныхъ лишеній, каковыя выносили, за шпалерами и въ тылу арміи, близь театра военныхъ дѣйствій и на немъ, обыватели и обывательницы русскихъ городовъ и селъ въ эпоху народной войны, въ 1812-мъ году... Это то, что ни въ какихъ реляціяхъ, ни въ какихъ «исторіяхъ» не находитъ мѣста; это прямо жизнь, какъ она дѣйствительно текла подъ громъ пушекъ, при заревахъ пожаровъ, при всѣхъ бѣдствіяхъ, которыми сопровождается война, этотъ бичъ Божій,—война, хотя бы и побѣдоносная...

При рѣдкости вообще у насъ мемуаровъ и хроникъ русскихъ женщинъ минувшаго времени, «Русская Старина» радушно приняла на свои страницы Записки Анны Ильинишны Золотухиной, писанныя въ маленькой, въ 16 д., тетрадкѣ, на толстой синей бумагѣ. Редакція передаетъ эти Записки своимъ многочисленнымъ читателямъ во всей безъискусственности, наивности, простодушіи, а мѣстами и излишней болтливости давно опочившей сномъ смерти составительницы. Нами исправлены только грамматическія ошибки, разставлены знаки препинанія, почти отсутствующіе у автора, и Записки раздѣлены, для удобства чтенія, на главы [1]).

Ред.

---

[1]) Рукопись эта подготовлена къ печати нашею сотрудницею В. В. Тимощукъ.

I.

Бывъ нѣсколько времени на квартирѣ въ деревнѣ близь Полоцка, имѣвъ довольно времени свободнаго, я рѣшилась употребить его на то, чтобы описать все, что случилось со мною, въ то время, какъ мой Матинька [1]) опредѣлилъ себя на защиту отечества, оставя мать, сестру, которая жила съ нимъ, меня и восемь человѣкъ дѣтей и еще въ это ужасное время родившагося девятаго сына. Онъ записался въ тульское ополченіе.

Не одна я ощущала всѣ ужасы 1812 года, но и вся Россія была настолько удручена горестью, что не только мое перо, но и перо лучшихъ писателей не въ состояніи выразить всего того, что всякій русскій ощущалъ въ душѣ своей, когда враги вторглись въ предѣлы наши; но я буду только писать о себѣ все, что могу припомнить изъ случившагося со мною въ этотъ ужасный 1812-й годъ и въ 1813 году, чтобы дѣти, прочтя это иногда и узнавъ всѣ чувства мои, не подумали, что я оставляла ихъ безъ душевной горести, а при томъ, такъ какъ они еще очень малы, то чтобы, читая эти записки, они сохранили въ своей памяти воспоминаніе о всѣхъ несчастіяхъ, случившихся со всѣми нами, а также и о милосердіи Господа и о покровительствѣ Царя Небеснаго надъ всей Россіей.

Когда враги наши были уже у Смоленска, тогда былъ объявленъ манифестъ о призваніи всего благороднаго сословія для спасенія отечества. Матя мой никогда не избѣгалъ такого случая быть полезнымъ отечеству и бывъ даже въ большой нерѣшимости, готовъ былъ тотчасъ идти въ армію; 18-го іюля (1812 г.) назначенъ былъ съѣздъ всего благороднаго дворянства въ Тулу. Можно ли выразить тѣ чувства, которыя волновали меня, когда мой Матя поѣхалъ туда; бывъ уже восемь мѣсяцевъ въ тягостномъ положеніи, имѣвъ восемь человѣкъ дѣтей, я не могла слѣдовать за нимъ; съ чрезмѣрнымъ страхомъ въ сердцѣ и съ большою горестью должна была я остаться и мой Матя ни на что еще

---

[1]) То есть ея мужъ, Матвѣй Ивановичъ Золотухинъ. О немъ съ уваженіемъ упоминаетъ въ своихъ извѣстныхъ Запискахъ А. Т. Болотовъ, какъ объ одномъ изъ особенно любезныхъ ему пріятелей и земляковъ. Ред.

окончательно не рѣшился; 20-го числа человѣкъ отъ него возвращается, привозитъ мнѣ письмо, въ которомъ пишетъ Матя, что всякую минуту выходятъ перемѣны, что враги наши все входятъ внутрь Россіи, вездѣ по пути все грабятъ, жгутъ, храмы Господни истребляютъ, чтобы я ѣхала въ Москву узнать, гдѣ 20-й егерскій полкъ, въ которомъ шефомъ князь Шаховской, другъ Матинъ, съ которымъ служилъ Матинька и прежде вмѣстѣ, или, если возможно, то чтобы помѣститься чрезъ внучатаго брата моего, князя (П. М.) Волхонскаго, въ свиту е. и. в. Я была совсѣмъ готова ѣхать, съ растерзанною отъ горести душою, но получаю извѣстіе, что императоръ уже выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, а князь Волхонскій никогда не отлучается отъ него, слѣдовательно, я не могла уже просить его о помѣщеніи моего друга въ свиту; я готова уже была ѣхать въ Москву и узнавать, гдѣ находится полкъ Шаховскаго; когда я уже совсѣмъ готова была ѣхать, получаю письмо отъ Мати, чтобы я остановилась, что онъ рѣшается остаться въ ополченіи. Нашъ тульскій губернаторъ, Николай Ивановичъ Богдановъ, былъ избранъ начальникомъ надъ всѣмъ тульскимъ ополченіемъ, и такъ какъ никто не зналъ другъ друга до сего времени коротко, то всѣ считали, что тульское ополченіе всѣхъ лучше выбрало себѣ начальника. Богдановъ служилъ всегда въ артиллеріи, былъ извѣстный человѣкъ по многимъ, какъ говорятъ, храбрымъ дѣяніямъ, къ тому же настолько счастливъ, что любимъ многими, въ томъ числѣ и моимъ мужемъ, который такъ любилъ его, что хотѣлъ остаться при дежурствѣ у него, но, признаюсь, я всегда совсѣмъ иначе была расположена къ нему, не имѣвъ къ тому никакой основательной причины, кромѣ той, что мой Матя всегда разными манерами старался доказать ему свою къ нему привязанность, а онъ былъ къ нему расположенъ таковымъ же образомъ, какъ и ко многимъ другимъ, которыхъ я никогда со своимъ мужемъ не сравняю; но не только я, всѣ тѣ, кто умѣетъ цѣнить людей, въ ономъ согласятся. Я упросила Матю и онъ сдѣлалъ это для меня, что не остался въ дежурствѣ. Но и тогда начальникъ ополченія сказалъ Мати и другимъ изъ нашего уѣзда, чтобы были спокойны и были бы увѣрены, что тотъ полкъ, гдѣ будетъ Матя, пойдетъ послѣдній въ походъ и то тогда, когда онъ уже самъ пойдетъ. Въ сосѣдствѣ у насъ Матя былъ

довольно всѣми любимъ, такъ что когда онъ еще не зналъ къ кому въ полкъ опредѣлится, то уже многіе хотѣли быть у него подъ командою. Съ полковникомъ Пушкинымъ, отъ котораго мы живемъ въ 13-ти верстахъ и со всѣмъ домомъ котораго мы были всегда въ пріязненныхъ отношеніяхъ, Матя и въ прошедшую милицію былъ вмѣстѣ, но тогда только третья часть пошла, остальные были только назначены; они были оба въ оставшейся части; тутъ его выбрали полковымъ начальникомъ; Матя, по привязанности къ нему, не хотѣлъ быть въ другомъ полку, остался у него баталіоннымъ начальникомъ и чтобы быть ближе къ нему—начальникомъ перваго баталіона. Сотенными у Мати были: Викулинъ, самый ближній сосѣдъ; у него офицерами Савиньковъ и Мительковъ. Пестовъ былъ Каширскаго уѣзда и не такъ коротко тогда былъ знакомъ, но тесть его, Болотовъ, Андрей Тимофеевичъ, который зналъ хорошо Матю и любилъ насъ, рекомендовалъ своего зятя. У него офицерами были въ сотнѣ: Ивской, Степанъ Ивановичъ, и меньшой сынъ Анфорова. Въ третьей сотнѣ былъ сотеннымъ Донской, также изъ Каширскаго уѣзда, но онъ прежде служилъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ и, бывъ знакомъ съ Викулинымъ, захотѣлъ быть у Мати въ баталіонѣ; офицерами у него были: одинъ тульскій помѣщикъ, Месновъ, который также почти не зналъ лично Матю, а захотѣлъ быть у него, и другой—Чернской-Шелатовъ, а въ послѣдней сотнѣ начальникомъ былъ Николай Петр. Бѣльскій; у него офицерами были: Саблуковъ и прежде Ивской, Давыдъ Ивановичъ, когда же онъ вышелъ по болѣзни, то Болотовъ [1]). Когда Матя мой возвратился изъ Тулы, я встрѣтила его со слезами, узнавъ, что всѣ офицеры уже назначены; адъютантомъ у него былъ старшій сынъ Анфорова, а квартирмейстеромъ Бѣльскій второй. Такъ какъ всякій полкъ имѣлъ четыре баталіона, то во второмъ начальникомъ былъ Кулебякинъ, въ третьемъ Колезиковъ, въ четвертомъ Аксаковъ; одинъ Колезиковъ былъ не алексинскій, а то оба были сосѣди наши и, какъ казалось, коротко знакомые и хорошіе пріятели.

Въ это самое время вся Россія была въ трепетѣ, всѣ уѣзжали

---

[1]) Не Павелъ-ли Андреевичъ—единственный сынъ составителя извѣстныхъ Записокъ? Ред.

изъ Смоленской, Калужской и даже изъ Тульской и Московской губерній; всѣ ѣхали въ дальнія деревни или города, больше всего ѣхали въ Нижній и въ Казань. Мы все не знали, что намъ дѣлать: безпрестанно слышимъ о новыхъ успѣхахъ нашихъ враговъ, родные наши собираются уѣзжать, многіе сосѣди уже уѣхали; Матя рѣшается отправить насъ съ матушкою, сестрою и дѣтьми въ Арзамасскую деревню; я никакъ не могу рѣшиться на это; какъ возможно, любя его столько, быть отъ него въ такое ужасное время такъ далеко, не имѣть о немъ частыхъ извѣстій! это меня ужасало; къ тому же мое болѣзненное состояніе было помѣхой къ поѣздкѣ; насъ всѣхъ страшила мысль о томъ, что мнѣ придется ѣхать 500 верстъ въ такомъ положеніи, не имѣя при себѣ бабушки. Однако, всѣ уѣзжаютъ, враги наши входятъ въ Калужскую губернію,—это отъ насъ уже не болѣе 100 верстъ. Матя мой ѣдетъ въ Алексинъ для набора воиновъ; мы всѣ въ большомъ страхѣ, не зная, что намъ дѣлать съ собою; наконецъ, чтобы быть ближе къ нему, мнѣ вздумалось предложить, чтобы мы ѣхали въ Рязанскую деревню; Матя согласился, равно и матушка съ сестрою. Начали приготовляться къ отъѣзду; пріѣхала къ намъ сестра Фаина Ивановна проститься, она поѣхала въ Курскъ; потомъ Надежда Ивановна, проводя своего сына, который только что записался въ ополченіе и долженъ былъ идти на встрѣчу непріятелю; она ѣхала въ Ефремовъ, заѣхала проститься, ночевала у насъ; по утру мы были всѣ у обѣдни; я не могла вообразить, какъ я поѣду, какъ оставлю своего Матю; всю отраду находила только въ мысли быть ближе къ нему и чаще имѣть отъ него извѣстія. Такъ тяжело было собираться мнѣ къ выѣзду изъ Кошкина, что невозможно описать. Матушка, бывъ у обѣдни и видя всю тоску мою, любя меня, сжалилась надъ моимъ положеніемъ и ей пришло на мысль, взявъ всѣхъ моихъ дѣтей съ сестрою, ѣхать въ рязанскую деревню, а мнѣ тутъ остаться, покуда возможно; лучъ надежды облегчилъ мою горесть, благодарность моя къ матушкѣ неизъяснима, но опять грусть, согласится ли на это мой Матя? Однако, я послала къ нему, написавъ, какую матушка мнѣ дѣлаетъ милость, видя мою грусть; между тѣмъ опасность, часъ отъ часу, умножалась—Матинька самъ пріѣзжаетъ къ намъ изъ Алексина, соглашается оставить меня, покуда воз-

можно; думали, что полкъ нашъ будетъ стоять у Серпухова или въ Серпуховѣ, поэтому онъ предложилъ мнѣ переѣхать на это время къ Анфорову, и если опасность увеличится, то Анфоровъ, заложа своихъ лошадей въ мою карету, поѣдетъ со мною въ ту-же деревню, куда ѣхали наши; мы въ ихъ пріязни всегда были очень увѣрены и оба сына ихъ были препоручены Мати. Матушка собиралась ѣхать, Матя остался проводить ее; матушка съ сестрой, Анночка, Машинька и Лидинька сѣли въ линейку; Николаша, Володинька съ Андреемъ Андреевичемъ въ кибиткѣ; Зинаидочка, Сашенька, обѣ со своими няньками, въ коляскѣ; въ другихъ кибиткахъ дѣвки. Сборы были такъ грустны, что мы всѣ не знали что укладывать и что оставлять; всѣ платья мои и даже все, что нужно и было заготовлено для моего будущаго ребенка, все отправили, а шубы, даже матушкины и дѣтскія, всѣ остались. Какъ горестно было мнѣ отпускать милыхъ дѣтей моихъ, это одинъ Богъ знаетъ, и всякій, кто разставался съ такими милыми сердцу, съ такими, можно сказать, неосмысленными малютками своими, тотъ только и можетъ постигнуть всю горечь этой ужасной разлуки; но, по крайней мѣрѣ, я знала, что они ѣдутъ въ свою деревню, подъ покровительствомъ матушки и сестры, которыя ихъ любятъ какъ нельзя больше и дѣти къ нимъ привязаны почти столько же, какъ и ко мнѣ; разставаясь со мною, только старшіе плакали, а остальныхъ занимало то, что они ѣдутъ, и всѣ были увѣрены, что чрезъ недѣлю я пріѣду къ нимъ; когда экипажи были поданы, то слезы мѣшали намъ выразить наши чувства; они поѣхали, Матя проводилъ ихъ; нѣкоторые изъ меньшихъ какъ сѣли, такъ и заснули; казалось, когда я потеряла ихъ изъ вида, то чувства мои онѣмѣли, но Матя возвратился и, увидя его возлѣ себя, я успокоилась. Матя долженъ былъ снова ѣхать въ Алексинъ; нѣкоторые изъ сосѣдей нашихъ остались у меня, чтобы мнѣ не быть одной; мы съ Матей уже рѣшили, что покуда онъ въ Алексинѣ—мнѣ не ѣздить къ Анфорову, но жить дома, а на случай, ежели непріятель подойдетъ къ намъ ближе, а наши лошади все еще будутъ съ матушкой и дѣтьми, то въ сосѣдствѣ у насъ есть большая деревня совсѣмъ незнакомаго намъ помѣщика, но мужики которой такъ любятъ насъ, что на дворѣ у себя держали шесть лошадей, чтобы всякую минуту быть

наготовѣ запречь ихъ мнѣ въ карету, если мнѣ нужно будетъ скорѣе уѣхать отъ нашихъ враговъ. Какъ описать ту пустоту въ сердцѣ и то горестное чувство, которое я испытала, оставшись одна, по отъѣздѣ матушки съ дѣтьми и когда мой Матя поѣхалъ ъв Алексинъ; сосѣди мои также уѣхали и я осталась одна въ своемъ большомъ домѣ; всякое мѣстечко напоминало мнѣ мою разлуку съ ними; заслышавъ малѣйшій шорохъ, мнѣ казалось, что кто либо изъ моихъ малютокъ бѣжитъ ко мнѣ, тоска до того одолѣла меня, что я не знала, что мнѣ дѣлать; призываю Елизавету свою, велю ей принести совсѣмъ съ постелью своего маленькаго къ себѣ въ комнаты, думая, что хотя онъ займетъ сколько нибудь пустоту комнатъ, но я обманулась; пустота была въ душѣ и сердцѣ, кто-же могъ ее замѣнить безъ Мати и дѣтей моихъ! я не могла войти въ комнату, гдѣ дѣти жили, наконецъ, я почувствовала такую грусть, что боялась дольше оставаться одна, послала просить одну изъ ближнихъ сосѣдокъ, Широкову, къ себѣ; она пріѣхала и тѣмъ утѣшила нѣсколько мою скорбь.

Чрезъ четыре дня пріѣхалъ мой Матя и пробылъ у меня три дня; въ это время возвратились лошади отъ матушки и я получила письма, въ которыхъ она сообщала мнѣ, что они доѣхали до деревни благополучно; я отъ всей души поблагодарила Царя Небеснаго за его покровительство имъ; Матя мой опять поѣхалъ въ Алексинъ, а па другой день и я уже поѣхала къ нему; онъ видѣлъ, что тутъ мнѣ больше не достанетъ силъ жить одной; это время я безпрестанно была въ страхѣ, потому что непріятель былъ очень невдалекѣ отъ нашихъ мѣстъ и уже подходилъ къ Москвѣ; впереди же шла наша артиллерія; мародеровъ вездѣ было множество; казаки, которые также уѣзжали изъ полковъ и во многихъ мѣстахъ пугали, что французы близко, велѣли жечь селенья, а сами грабили, однимъ словомъ, ужасъ былъ со всѣхъ сторонъ, вездѣ по деревнямъ караулы, вездѣ по ночамъ перекликаются; жутко бывало по ночамъ, особенно когда сердце преисполнено грусти, къ тому же и мое болѣзненное состояніе препятствовало мнѣ спать. Уѣзжая въ Алексинъ, я оставляла домъ свой съ совершенно спокойнымъ духомъ оттого ли, что одной въ немъ очень было несносно, или оттого, что я ѣхала къ своему Мати; въ карету посадила я съ собою свою Елисавету съ ея

ребенкомъ; я боялась остаться одна, чтобы грусть не овладѣла мною; и между тѣмъ какъ вся домашняя прислуга и Широкова, оставшаяся проводить меня, прощались со мною со слезами, я поѣхала довольная и спокойная. Подъѣзжая къ Алексину, мнѣ встрѣчается Баскакова, ѣхавшая изъ Алексина, останавливается, выходитъ изъ своей коляски, подходитъ ко мнѣ блѣдная, встревоженная до крайности и первымъ долгомъ сообщаетъ мнѣ, что она ѣдетъ въ степь и что меня мой Матя не дождется, что онъ пошелъ уговаривать бабушку, чтобы она ѣхала со мною въ степную деревню, что здѣсь нѣтъ возможности оставаться, все въ опасности, Москва взята злодѣями, Тула въ опасности; губернаторъ отправляетъ все свое семейство въ Ефремовъ и она ѣдетъ уговаривать сестру свою Викулину, чтобы она также оставила мужа и ѣхала бы съ ней, что даже мужъ велѣлъ ей пріѣхать въ Алексинъ затѣмъ, чтобы уговорить ее ѣхать непремѣнно; услышавъ все это, я чрезвычайно огорчилась, думая, что завтра же мнѣ придется оставить Матю, оставить въ такое опасное время и ѣхать въ моемъ положеніи одной съ людьми за полтораста верстъ. Говорятъ, что Тула въ опасности, а мнѣ придется черезъ нее ѣхать; дѣти мои и матушка находятся въ Рязанской губерніи хотя и во ста верстахъ, но все же казалось опасно оставаться имъ тамъ, такъ какъ врагъ идетъ, какъ говорятъ, на Рязань. Пріѣзжаю въ Алексинъ, нахожу друга своего гораздо спокойнѣе, нежели воображала; онъ мнѣ говоритъ, что разсказываютъ, будто Москва взята, а достовѣрно никто не знаетъ, губернаторъ отпускаетъ жену и дѣтей, но еще не отправляетъ ихъ, что мнѣ еще нельзя ѣхать отъ него завтра, а необходимо предварительно отдохнуть и узнать куда имъ назначутъ идти; бабушка не соглашается ѣхать со мною въ степь, но это меня не безпокоило, я совсѣмъ забывала въ какомъ положеніи я нахожусь; грусть по поводу разлуки съ Матей превозмогала всю тягость и опасность моего положенія; всѣ бывшія тутъ знакомыя мнѣ дамы пришли ко мнѣ, всѣ сокрушались на счетъ моего положенія, одна я была покойна на этотъ счетъ, одинъ Матя занималъ меня, я только и думала какъ мнѣ разстаться съ нимъ, какъ перенести это, проживши двѣнадцать лѣтъ съ нимъ въ спокойное время; недѣльная разлука съ нимъ была мнѣ тяжела до крайности,

а теперь казалось, что если я оставлю его въ это опасное время, то уже болѣе никогда не увижу; эта мысль меня ужасала.

Тутъ къ намъ приходили почти всѣ тѣ, которые не только были у Мати въ баталіонѣ, но и всѣ бывшіе въ нашемъ полку; многихъ жены были тутъ и всѣ онѣ навѣщали меня; я познакомилась съ тѣми, которыхъ я не знала въ Матиномъ баталіонѣ, но такихъ было мало; изъ сотенныхъ одинъ Донской былъ мнѣ незнакомъ; увидѣвъ его и узнавъ, что жена его въ такомъ же положеніи, какъ я (т. е. беременна), отъ всей души жалѣла ее; казалось, ей было еще тяжелѣе меня, я все еще была съ Матей, а она находилась въ 40 верстахъ отъ своего друга, но на другой день онъ получилъ записку отъ сестры, которая была съ его женою, что она благополучно разрѣшилась отъ бремени; радость его была такъ велика, что всѣ, кто видѣли его, радовались вмѣстѣ съ нимъ тому, что въ его семействѣ прибавилась еще одна малютка; пришедши къ Мати, онъ подалъ ему записочку и не могъ почти ничего сказать отъ волненія.

Я пробыла въ Алексинѣ два дня; первый день никуда не выходила, но всѣ знакомые перебывали у насъ; до насъ доходили самые разнорѣчивые слухи; передъ вечеромъ не помню кто сказалъ намъ, что проѣхалъ одинъ генералъ и сказалъ, что Москва взята, но сочли, что онъ измѣнникъ, который хочетъ только потревожить всѣхъ, даже сожалѣли, что городничій не отправилъ его къ губернатору въ Тулу; въ другихъ же мѣстахъ почта и дороги были вездѣ захвачены непріятелемъ; въ это время курьеры изъ нашей арміи ѣздили всѣ черезъ Алексинъ; проѣзжали еще какіе-то люди и сказывали навѣрно, что Москва не взята, но что англичане и сербы, бывъ съ нами въ союзѣ, вступили въ нее для защиты; а между тѣмъ изъ Москвы всѣ уѣзжали, даже въ Алексинъ пріѣхало много купечества, но всѣ они выѣхали изъ Москвы 30 августа, тогда наши враги не были еще въ Москвѣ; вечеромъ часовъ въ 8 полковникъ присылаетъ къ Матѣ, чтобы онъ къ нему сейчасъ пришелъ. Матя пошелъ, а я осталась въ страхѣ, не зная что значитъ все это, но Матя скоро возвратился, сказавъ, что велѣно по Окѣ держать кордонъ, что ему съ баталіономъ приказано стоять въ Страховѣ, въ двухъ верстахъ отъ нашей деревни; узнавъ это, я просила Матиньку, чтобы и мнѣ ѣхать съ нимъ въ Страхово и пробыть тамъ сколько

возможно. На слѣдующій день велѣно было выступать изъ Алексина. По утру всѣ роты стали сбираться идти къ квартирѣ полковника; Матя повелъ весь баталіонъ, а я осталась на нѣкоторое время на квартирѣ; едва уѣхалъ Матя, пріѣхалъ ко мнѣ нашъ предводитель князь Волхонскій; входя въ комнату, говоритъ, что онъ пріѣхалъ меня успокоить, Москва не взята, а это вошли въ нее англичане и сербы и входили съ музыкою, а эти пустыя вѣсти о томъ, что въ нее вошли злодѣи, совсѣмъ несправедливы.

Мы всѣ прихрабрились, но изъ Алексина всѣ жители сбирались выѣхать и даже многіе выѣзжали, иные начинали уже говорить, что Москву жгутъ, но имъ почти не вѣрили и всѣ были въ такомъ смятеньи, что не знали чему вѣрить. Проводивъ предводителя, я сѣла въ карету и поѣхала въ квартиру полковника, но изъ нея уже всѣ вышли и направились къ тому мѣсту, гдѣ стояли два баталіона, Матинъ и Аксакова, а другіе два баталіона были въ Крапивнѣ; тамъ набирались люди, но они еще не возвратились. Когда мы подошли къ баталіонамъ, туда принесли уже образа и начали служить молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ; трудно описать, что чувствовали тогда всѣ присутствовавшіе, скажу лишь, что не только тѣ, которые шли на службу и остающіяся ихъ семейства, но и всѣ присутствовавшіе плакали. Послѣ молебна пошли завтракать къ полковнику, а я осталась тутъ; оттого, я думаю, что всѣ были очень разстроены, я не видала какъ ушла Пушкина, а она мнѣ не сказала ничего; я даже послѣ узнала, что къ нимъ ходили завтракать, а Алексинскій купецъ Масловъ поилъ всѣхъ воиновъ виномъ. Савиньковъ былъ отправленъ въ Страхово для занятія квартиръ, но едва онъ выѣхалъ, какъ встрѣтилъ жену свою, ѣхавшую къ нему на встрѣчу; она никакъ не хотѣла вѣрить, чтобы войска выступали только въ Страхово; воротясь, онъ насилу довелъ ее до насъ и она упала безъ чувствъ, на силу намъ удалось увѣрить ее, что полкъ идетъ такъ близко; Савиньковъ поѣхалъ, а мы съ его женою и Викулиной уговорились жить также съ нашими милыми друзьями въ Страховѣ и Викулина сѣла со мною въ карету съ тѣмъ, чтобы завести ее по пути къ ея свекрови. Мы поѣхали со своимъ баталіономъ, однако обогнали его, чтобы поранѣе пріѣхать въ Страхово и приготовить ужинъ къ приходу Мати съ баталіономъ.

Я пріѣхала уже въ 9 часовъ вечера; дорога была очень дурная, я же ѣхала очень тихо и даже шла пѣшкомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было очень ухабисто; это было 5 сентября 1812 г., вечеромъ, шелъ маленькій дождикъ; я пріѣхала прямо на дворъ дома покойнаго Петра Дмитріевича Еропкина, доставшагося послѣ него князю Гагарину; для насъ очищали флигель, мели, все прибирали; пыль была такая, что я принуждена была сидѣть на крыльцѣ; въ этомъ флигелѣ было двѣ комнаты безъ печей и баня, въ которой печь была вся изломана и ее нельзя было топить, да черезъ сѣни еще большая комната. Когда пыль улеглась, то я вошла въ маленькую комнату, напилась чаю съ Савиньковымъ и засѣдателемъ, который тутъ былъ; дожидалась Матю до перваго часа ночи; по приходѣ его, мы ужинали всѣ вмѣстѣ; Матя и всѣ его товарищи очень устали.

На другой день, шестаго сентября, мы расположились жить въ банѣ, послали изъ дома привезти нѣсколько мебели и желѣзную кровать, но смятенье было такъ велико, что и въ голову не пришло поставить верхъ и пологъ; окошки были перебиты, мы велѣли кое-какъ замазать стекла, послали къ матушкѣ провѣдать ихъ; всѣ наши были у насъ весь день. Матя ѣздилъ осматривать гдѣ стояли по Окѣ караульные. Пріѣхала Викулина и Савинькова; съ Викулиной была ея старшая дочь Катенька; всѣ помѣстились во флигелѣ; пріѣзжалъ сынъ Саблукова; онъ служитъ въ арміи и велъ рекрутъ въ депо; онъ также сказалъ, что слышалъ навѣрное, что Москва взята, но и ему не вѣрили, даже запрещали говорить объ этомъ, словомъ сказать, никто вѣрить не хотѣлъ, чтобы Москва была въ рукахъ злодѣевъ. 7-го числа пріѣзжала ко мнѣ Анфорова и съ нею ея племянницы, всѣ говорили одно, но все невѣрное; я чувствовала себя не очень хорошо, казалось минута моего разрѣшенія приближалась, бабушки не было; я положила твердое упованіе на Царицу Небесную и была очень спокойна; Матинька получилъ отъ Богданова письмо или, лучше сказать, записочку, наскоро написанную, въ которой онъ увѣдомлялъ его, что точно Москва взята, что и въ Тулѣ не безопасно, и что онъ жену свою съ семействомъ уже отправилъ и совѣтывалъ бы и меня скорѣе отправить. Матя приноситъ мнѣ письмо прочесть; я говорю, что я уже не въ силахъ ѣхать; сначала онъ думалъ, что я для того

это говорю, чтобы не уѣзжать отъ него, но вскорѣ дѣло выяснилось. Викулина не хотѣла тутъ ночевать и перебралась на крестьянскій дворъ; я призвала свою женщину, которой два раза удавалось уже принимать, и была такъ спокойна, точно не мнѣ предстояло родить. Мой Матя въ тысячу разъ безпокоился болѣе меня. 8-го числа Матя поѣхалъ къ обѣднѣ домой, Викулина пошла тутъ къ обѣдни, я же была не въ силахъ идти; однако у насъ обѣдали всѣ наши и чай пили; нѣкоторые остались ужинать, но я уже не выходила; въ 8 часовъ всѣ разошлись, а въ 11 я родила благополучно сына; бабушка моя очень испугалась, такъ какъ (ей показалось, что) мой Митя родился мертвымъ и такъ какъ она была еще въ этомъ дѣлѣ непривычная, то просила даже, чтобы Матя далъ понюхать малюткѣ одеколону, которымъ онъ теръ мнѣ голову и давалъ нюхать; ночь была страшно холодная, отовсюду дуло, но Господь былъ такъ милостивъ ко мнѣ, что я не простудилась; кроватъ моя стояла возлѣ самыхъ дверей, противъ окошка, но все прошло благополучно. Для маленькаго ничего не было приготовлено, и Широкова привозила мнѣ для рубашечекъ бѣлье своего мужа, а мое все было отправлено. Изъ Серпухова всѣ выѣхали, жили по деревнямъ и лѣсамъ; изъ Тарусы также всѣ переѣхали на нашу сторону, поэтому и купить негдѣ было; на другой день Матя поѣхалъ къ полковнику и онъ самъ пріѣхалъ къ намъ; тутъ опять увидѣла я какъ велико было ко мнѣ милосердіе Божіе: въ самую ту ночь, когда я родила, одинъ офицеръ Аксакова баталіона, великій шалунъ Соколовъ былъ на Окѣ у Алексина въ караулѣ; ночью плыла барка съ сухарями, онъ ее окликалъ, но на баркѣ видимо всѣ заснули и ничего ему не отвѣчали; ему приди въ голову, что это французы, закричалъ: „французы въ Алексинѣ, давайте народу!“ Это разнеслось отъ пикета къ пикету, всѣ кричатъ, бѣгутъ, дошло до полковника, онъ всталъ и на лошадь, туда же поскакалъ и перехватилъ весь свой караулъ, вотъ отчего до насъ не дошелъ этотъ шумъ и тревога; Аксакова разбудили, жена его очень встревожилась; изъ ближнихъ деревень даже мужики сбѣжались съ вилами и рогатинами, всѣ кричатъ и бѣгутъ въ Алексинъ. Поровнявшись съ баркой, полковникъ посылаетъ къ ней человѣка вплавь, чтобы остановить ее и тогда уже узнаютъ, что тутъ вмѣсто французовъ — сухари; всѣхъ успокоили, а весь нашъ

баталіонъ не зналъ этой тревоги и я не была въ самое опасное для меня время встревожена, а спала спокойно. На третій день моихъ родовъ, мы получили письмо отъ матушки и сестры, онѣ были также въ страшной тревогѣ; враги наши изъ Москвы пошли на Рязань, всѣ тамошніе сосѣди наши уѣзжали оттуда; сестра писала мнѣ, чтобы я поскорѣе пріѣзжала, чтобы ѣхать въ Елецъ; къ нимъ уже пріѣхали братъ Аѳанасій Ивановичъ съ семействомъ и сестра Татьяна Ивановна съ дочерьми; сестра писала даже, что онѣ назначили уже день отъѣзда; если бы я даже поѣхала къ нимъ изъ Алексина, то вѣроятно застала бы ихъ уже въ дорогѣ.

II.

Какъ скоро я родила, тотчасъ послали къ матушкѣ и сестрѣ; съ какимъ нетерпѣніемъ ждали мы возвращенія этого посланнаго, чтобы узнать поѣхали-ли онѣ и здоровы-ли; послѣ обѣда пріѣхалъ къ намъ Нагаевъ, онъ былъ въ Московскомъ ополченіи и сказалъ, что Москву отдали, что наши войска прошли черезъ нее, а французы вступили тотчасъ, что они грабятъ и жгутъ въ Москвѣ и въ окрестностяхъ; многіе изъ тѣхъ, кто былъ въ московскомъ ополченіи и имѣли деревни въ московской губерніи, очень роптали, какъ скоро отдали Москву и даже уѣхали по домамъ, въ томъ числѣ былъ и Нагаевъ, у котораго также потерпѣли нѣкоторыя деревни. Впрочемъ, роптали не одни только жители Москвы: всѣ говорили зачѣмъ Москва отдана, но впослѣдствіи оказалось, что этимъ спаслась вся Россія. Изъ самаго вступленія злодѣевъ въ Москву еще болѣе повсюду высказалась милость къ намъ Создателя; они начали грабить церкви, но послѣ нихъ находили въ церквахъ чудеснымъ образомъ оклады съ образовъ переломанные и брошенные на полу. Образъ, что на Спасскихъ воротахъ, они никакъ не могли снять, стрѣляли въ него, но даже стеклу ничего не сдѣлали; образъ Николая Чудотворца на Никольскихъ воротахъ остался цѣлъ, тогда какъ непріятель, выходя изъ Москвы, взорвалъ всю стѣну до самыхъ воротъ, до самаго образа. Много подобныхъ дѣлъ совершили неистовые враги наши; страшно было даже слышать обо

всемъ этомъ, но впослѣдствіи они были видимо наказаны за всѣ свои злодѣянія.

Когда мы жили въ Страховѣ, то ловили по Окѣ мародеровъ, даже со скотиною, которую они крали; квартира наша сдѣлалась ужасно холодна, вездѣ дуло, мнѣ не было возможности долѣе оставаться тутъ; Матинька мой перевелъ роту въ Кошкино и самъ переѣхалъ въ свой домъ для меня. На пятый день послѣ родовъ я переѣхала въ Кошкино, очень ослабѣла, но все таки дошла до гостиной и можно сказать, что тутъ я только въ первый разъ увидѣла своего новорожденнаго малютку, потому что на другой день послѣ рожденія его отправили съ бабушкой, которая его принимала, въ Кошкино и чтобы ему было не такъ холодно, то его помѣстили во флигелѣ въ Елизаветину комнату. Кормилица нашлась солдатка наша, но очень изрядная молодая женщина; крестили его заочно Зинаида съ Володей, на третій день его рожденія; при себѣ я перевела его въ матушкину комнату, куда помѣстила съ нимъ Елизавету съ сыномъ и ту женщину, которая его принимала, но онъ почти не спалъ и все кричалъ, потомъ пошли по немъ большіе нарывы и, наконецъ, Елизавета съ этой женщиной замѣтили, что онъ голоденъ, у кормилицы молока было мало, а она никакъ не хотѣла признаться въ этомъ, но попробовали дать ему соску и узнали, что онъ точно съ голода не спитъ по ночамъ, бывало такъ, что кормилица тихонько давала ему соску; я была вынуждена перемѣнить кормилицу, взяла дворовую женщину.

Чрезъ нѣсколько дней я поправилась; мы никогда не были одни: всѣ тѣ, кто былъ у Мати въ баталіонѣ, бывали у насъ всякій день, нѣкоторые жили у насъ въ домѣ; оба Анфоровы постоянно жили у насъ; Матя не отпускалъ и меньшаго въ роту, но они постоянно находились при немъ. Человѣкъ, посланный къ матушкѣ, возвратился; онъ догналъ матушку уже на дорогѣ, она поѣхала къ Хрипуновымъ, но писала намъ, что она тамъ больше 10 дней не пробудетъ, не желая ихъ стѣснять, и просила Матю увѣдомить ее куда ей ѣхать; въ степной деревнѣ также опасно и всѣ оттуда выѣхали; насъ съ Матей это такъ разстроило, что мы не знали на что рѣшиться; въ Кошкино имъ невозможно было пріѣхать, опасность не только не прошла, но съ каждой минутой возростала; надобно было что нибудь отвѣчать

матушкѣ, но мы не знали на что рѣшиться, такъ что Матя, сѣвъ писать, просилъ Царя Небеснаго вразумить его, а я, сидя возлѣ него, плакала; наконецъ, Матя написалъ, чтобы матушка съ сестрой Аннушкой и Машей пробыли у Хрипуновыхъ подольше; такъ какъ эта семья была не такъ велика, то по дружбѣ къ намъ Хрипуновыхъ они, навѣрно, были бы имъ не въ тягость и хотя въ маленькомъ домикѣ, но всѣ бы помѣстились. Николашу и Володеньку съ Андреемъ Андреевичемъ прислать къ намъ въ виду того, что это мальчики и слава Богу здоровые, но если опасность увеличится, они какъ нибудь со мной уѣхали бы. Зинаиду, Лидію и обѣихъ Сашенекъ съ Феклою и Яковомъ Степановичемъ съ его дѣтьми отправить въ Рязанскую деревню. Грустно было намъ обоимъ писать это, но мы не находили лучшаго средства. Какъ ни усерденъ былъ Яковъ и какъ ни любила нянька нашихъ дѣтей и хорошо за ними смотрѣла, но все же они не будутъ уже подъ матушкинымъ и сестринымъ покровительствомъ и сердце мое не могло быть спокойнымъ; однако, слабость моя проходила и я выздоравливала гораздо скорѣе, нежели ожидала, и даже удивительно было, что огорченіе не разстроивало моего здоровья,—такъ велико было милосердіе Господа ко мнѣ.

Въ это время французы грабили и оскверняли храмы Господни, сожгли почти всю нашу древнюю столицу и вышли изъ нея, пробывъ въ ней больше мѣсяца. Плѣнныхъ враговъ нашихъ безпрестанно гнали чрезъ наши деревни, а злодѣи эти, по выступленіи изъ Москвы, сдѣлались еще злѣе, истребляли огнемъ всѣ попадавшіеся имъ на пути деревни и города. Однажды, погода была прекрасная, Викулина зоветъ меня къ себѣ въ Страхово обѣдать; мы съ Матей оба отправились къ ней; туда пріѣхали и всѣ наши, Савенькова съ сестрой. Савеньковъ былъ въ караулѣ, жена его послѣ обѣда поѣхала къ нему; я не знала какъ они тамъ стоятъ и захотѣла также проѣхаться; отобѣдавъ, мы всѣ отправились туда; подъѣзжаемъ къ берегу Оки; какая ужасная сцена представляется нашимъ глазамъ: весь лугъ на противоположномъ берегу противъ Тарусы былъ установленъ телѣгами, коровами, лошадьми и народомъ съ маленькими дѣтьми; это были раззоренные изъ-подъ Москвы, которые успѣли уйти; всѣ были въ рубищахъ, лишенные почти дневнаго пропитанія

и всего имущества; нѣкоторые изъ нихъ были доведены до такой крайности, что и у маленькихъ дѣтей ихъ кромѣ одной рубашки ничего не было и покуда ее сушили, ребенка не во что одѣть было, то его голову грѣли около разложеннаго огня; скотина отъ голода ревѣла, потому что на лугу травы совсѣмъ не было; изъ Тарусы всѣ выѣзжали; вся армія наша и злодѣевъ нашихъ была не болѣе какъ въ тридцати верстахъ отъ Тарусы; тарусскій городничій получилъ уже повелѣніе, если еще опасность умножится, то жечь Тарусу: все это раздирало сердце на части отъ ужаса; пробывъ тутъ не долго, мы поѣхали назадъ: напившись чаю у Викулиной, возвратились домой. Спустя нѣсколько времени, пріѣхалъ къ намъ Пушкинъ со своимъ адъютантомъ; онъ ѣхалъ въ Липицы, тамъ стоялъ конный полкъ князя Щербатова, также изъ нашего ополченія; онъ былъ назначенъ бригаднымъ и нашъ полкъ также былъ подъ его начальствомъ. Матя мой поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ, а ко мнѣ пріѣхала Анфорова съ Нечаевымъ, а Савинькова жила у меня; послѣ обѣда мы всѣ сидѣли въ маленькой гостинной, Елисавета моя вызываетъ поя тихоньку Савинькову; та входитъ довольно встревоженная; спрашиваю ее зачѣмъ она выходила, она мнѣ говоритъ, что Елисавета ей сказала, что слышна пушечная пальба, но что она выходила слушать и ничего не слыхала; я, признаться, не повѣрила этому, а думала, что Елисаветѣ показалось отъ страха, она уже и прежде ночи не спала и дивилась какъ я рѣшаюсь тутъ жить.

Часа въ три пріѣхалъ Матинька съ Пушкинымъ, и сказали, что точно слышна пушечная пальба и что Щербатовъ съ полкомъ ѣдетъ въ армію, заѣдетъ къ намъ напиться чаю. Пушкинъ сталъ меня уговаривать уѣхать изъ этой деревни, потому что опасность была очень близка; вся армія наша находилась отъ насъ не больше, какъ въ 25 верстахъ и мѣсто сраженія было не далѣе 30 верстъ; Матинька также говорилъ, что я его успокою этимъ, что онъ отпуститъ со мною надежныхъ десять человѣкъ вооруженныхъ; пріѣхалъ и Щербатовъ со своими офицерами; какъ было тяжело смотрѣть на нихъ; люди, которые жили нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ, которые имѣли семейства, нѣкоторые изъ нихъ посѣдѣлые, ѣхали на поле сраженія. Щербатовъ имѣлъ желанія отличиться, но товарищи его шли затѣмъ, чтобы защищать дома свои, поэтому натурально, что они были

угнетены горестью. Всѣ они уговаривали меня ѣхать, также и Савинькову; я не знала что мнѣ дѣлать: ѣхать и оставить Матю —это мнѣ казалось невыносимо, ѣхать одной—вездѣ мародеры партіями, казаки, а между тѣмъ въ Серпуховѣ то наведутъ, то снимутъ мосты по Окѣ и всѣ выѣхали кромѣ одного архимандрита, онъ оставался въ Серпуховѣ; вижу, что Матиньку я успокою своимъ отъѣздомъ, поэтому рѣшилась ѣхать; зову съ собою Викулину, Савинькову, но тѣ ни одна не ѣдутъ, а между тѣмъ полковникъ получилъ секретный ордеръ, что если ближе будутъ враги наши, то идти въ Тулу; наконецъ, я рѣшаюсь ѣхать въ рязанскую деревню, считая, что уже дѣти должны быть тамъ, и взявъ ихъ съ собою ѣхать въ Елецъ къ Хрипуновымъ, туда, гдѣ матушка была съ старшими моими дѣтьми. Горесть такъ жестоко овладѣла мною при мысли, что мнѣ съ Матей разставаться должно, что я почти цѣлый день плакала. Пушечные выстрѣлы безпрестанно были слышны и даже часъ отъ часу становились слышнѣе; ужасъ все болѣе овладѣвалъ нами. Вечеромъ Матинька съ товарищами своими пошли пройтись, я осталась одна и, вообразивъ всѣ обстоятельства своей горестной разлуки съ милымъ своего сердца, съ милымъ Матей, чувства оставили меня; когда я опомнилась, Матя сидѣлъ возлѣ меня и всѣ его товарищи помогали мнѣ. Матя, видя мою невыносимую скорбь, пожалѣлъ меня, отложилъ отъѣздъ мой до 25 числа, день Сергѣя чудотворца, и меня облегчило его обѣщаніе. Въ день Сергѣя чудотворца мы получили извѣстіе, что наши бьютъ французовъ и гонятъ; тутъ я еще упрашиваю Матю, чтобъ мнѣ подождать ѣхать, онъ соглашается оставить меня съ собою; въ это время человѣкъ нашъ возвращается отъ матушки, и какъ я была рада, что не поѣхала,—Богъ меня сохранилъ; матушка со всѣми моими дѣтьми уѣхала отъ Хрипуновыхъ къ брату Афанасію Ивановичу въ Тульскую деревню; въ Тулѣ не было уже такой опасности, однако все еще въ самый городъ не пріѣзжали, даже и купцовъ почти не было, а если бы я поѣхала, то въ рязанской деревнѣ дѣтей бы не нашла, должна бы ѣхать со своимъ больнымъ Митенькой въ Елецъ къ Хрипуновымъ и тамъ бы не застала своихъ; какое бы было мое страданіе во время этой моей поѣздки; верстъ триста или четыреста проѣхать въ такой

грусти и не имѣть даже того утѣшенія, чтобы получать извѣстія о своемъ миломъ Матѣ и нигдѣ не находить свое семейство: отъ истинной души моей благодарила Царя Небеснаго, что избавилъ меня отъ этого мученья.

Мы пробыли еще нѣсколько дней въ Кошкинѣ; пріѣхалъ опять Пушкинъ къ намъ, ѣхавши къ бригадному, но бригадный, Рахмановъ, былъ уже у насъ; Матя мой уже не поѣхалъ, но вечеромъ того самаго дня пріѣхалъ къ намъ полковой адъютантъ Владычина Рославскій, для занятія квартиръ; ихъ полкъ также пришелъ изъ Тулы и нашему велѣно подвинуться къ Алексину, а Владычину занять наши квартиры. По утру пріѣхалъ нашъ полковникъ и сказалъ, что намъ приказано стоять въ Ламановѣ и чтобы въ тотъ же день очистить квартиры, потому что Владычинъ идетъ уже съ полкомъ. Матя мой на одну ночь перевелъ еще роту въ Кошкино, потому что поздно было идти въ Паново, а Страхово очистили для Владычина; Кошкино наше не было назначено подъ квартиры, но такъ какъ въ это горестное для всей Россіи время дорога чрезъ Кошкино сдѣлалась самая проѣзжая, очень много шло разныхъ командъ и вездѣ дѣлали большія притѣсненія обывателямъ; Матя поѣхалъ съ Пушкинымъ къ Владычину, чтобы предложить ему самому остановиться у насъ въ домѣ и попросить его, чтобы онъ и роту одну поставилъ въ нашемъ селѣ. Владычинъ и съ нимъ Карповъ пріѣхали къ намъ обѣдать и Владычинъ самъ не захотѣлъ у насъ въ домѣ остановиться, а роту поставилъ въ Кошкино. Нашъ батальонъ очень рано пошелъ въ Ламаново, около него занимать квартиры, мы же съ Матей, послѣ обѣда, проводя своего полковника и Владычина, поѣхали сами въ Ламаново, взявъ съ собою Митю съ кормилицей и Елисавету съ сыномъ. Ѣхавъ чрезъ нижнее Ламаново, гдѣ была квартира Пестова и Донскаго, мы заѣзжали къ Пестову, къ нему и жена пріѣхала; отъ нихъ поѣхали на свою квартиру; намъ была квартира въ домѣ, но домъ холодный, вездѣ несло, а нѣкоторыя комнаты были совсѣмъ безъ печей; съ нами въ домѣ помѣстились по обыкновенію оба Анфорова и Савиньковъ, а въ банѣ Викулинъ съ женой; его рота стояла въ этой деревнѣ, а Бѣльскова рота была въ Егнышовкѣ; тутъ и полковникъ жилъ въ своемъ домѣ; всякій день мы видались со всѣми, Пушкинъ также къ намъ почти всякій

день ѣздилъ, а живя съ Викулиной на одномъ дворѣ, мы всякую минуту были вмѣстѣ; всякій день слышны были неумолкаемые пушечные выстрѣлы; признаться, когда бывало не слыхать сихъ выстрѣловъ, то всѣ боялись не сдѣлался бы миръ и всякій разъ, какъ просыпались, то первый вопросъ былъ—не слышна ли пальба? хотя при всякомъ выстрѣлѣ сердце обливалось кровью, но всѣ были увѣрены что наши войска во всякомъ сраженіи подъ покровомъ Царя Небеснаго и подъ предводительствомъ князя Кутузова выигрываютъ, что и было точно съ самаго Бородинскаго сраженія, которое было еще до взятія врагами нашими Москвы; вездѣ ихъ били не только мужественныя наши войска, но и простые мужички; даже они начали умирать съ голода и просили мира, бывъ въ Москвѣ.

III.

Къ полковнику былъ присланъ ордеръ, по полученіи втораго повелѣнія выступать въ 6 часовъ въ походъ. Осень была прекрасная, октябрь былъ такъ хорошъ, что мы очень часто гуляли. Случилось, что всѣ наши разошлись: Матя, Викулина и еще человѣка два у насъ было, не больше; мы пошли гулять, и какъ вышли на крыльцо, то я услышала страшную пальбу; прежде я не выходила изъ комнатъ, когда слышна была эта страшная стрѣльба; по слабости своей я еще мало выходила, но тутъ, услышавъ пальбу въ первый разъ, она меня смутила; однако, бывъ близь Мати, казалось, опасность была не такъ велика; по вечерамъ были видны вдали въ той сторонѣ, гдѣ находились обѣ арміи, огромныя зарева; однако, опасность въ нашихъ мѣстахъ сдѣлалась уже не такъ велика: обѣ арміи стали отъ насъ удаляться, врагъ нашъ не тотъ уже былъ, какъ во время шествія на Москву: онъ не побѣждалъ, но его гнали; я стала просить Матю, чтобы дѣтей привезти, но онъ все еще не рѣшался; въ Тарусу жители стали собираться, также и въ Серпуховъ и въ Тулу; наконецъ, Матя согласился, а больше превозмогло его желаніе послать за Николашей и Володей съ Андреемъ Андреевичемъ,—и дней черезъ пять послали за ними лошадей. Пес-

товъ уже перешелъ со своею ротою въ Велигуше; зоветъ насъ къ себѣ чаю пить, его жена и свояченица Воронцова[1]) къ нему пріѣхали, а отъ него Донской зоветъ, чтобы заѣхали къ нему; Викулина также хотѣла къ Донскому пріѣхать; мы съ Матей на дрожкахъ поѣхали къ Пестову, отъ него уже въ сумерки заѣзжаемъ къ Донскому; онъ мнѣ говоритъ: „посмотрите, какая у меня прекрасная спальня", а гдѣ его кровать была поставлена, то тамъ была повѣшена занавѣска; думая, что онъ оттого хочетъ показать мнѣ свою спальню, чтобы пошутить, какъ онъ перегородилъ избу занавѣской, я приподнимаюсь немного, но онъ проситъ меня подойти поближе; я подошла и каково было мое удивленіе и радость, увидя на его кровати сидящаго Андрея Андреевича и Николашу съ Володей; какъ пріятно было мнѣ прижать ихъ къ своему сердцу послѣ двухмѣсячной разлуки! я не могла на нихъ наглядѣться, казалось, они совсѣмъ перемѣнились и они намъ чрезвычайно обрадовались. Когда мы поѣхали къ Пестову, они пріѣхали вскорѣ послѣ насъ; Викулина привезла ихъ съ собою къ Донскому и они мнѣ сдѣлали этотъ пріятный сюрпризъ; Володя съ Николашей не отходили отъ окошка, все смотрѣли на караулъ, который стоялъ у насъ подъ окномъ, а я все на нихъ смотрѣла; какъ мнѣ хотѣлось и другихъ дѣтей моихъ видѣть; Матя нѣсколько разъ предлагалъ мнѣ, когда я плакала, чтобы я съѣздила къ брату повидаться съ дѣтьми, но, признаюсь, что какъ я ни желала ихъ видѣть, но не рѣшалась ѣхать, потому что боялась, что матушка уже оставитъ меня съ ними и я буду разлучена съ Матей своимъ, вотъ что меня удерживало; къ тому же я знала, что по милости матушкиной и дружбѣ сестры Анны Ивановны они всѣ покойны и что за ними имѣютъ присмотръ не менѣе моего.

12-го октября (Андрей Тимофеевичъ) Болотовъ былъ имянинникъ, мы съ Матей на дрожкахъ, а на другихъ—Пушкинъ поѣхали къ нему; къ нему изъ арміи пріѣхалъ внучекъ его, Воронцовъ, и мы узнали отъ него, что тогда въ нашихъ мѣстахъ опасность часъ отъ часу уменьшалась и Болотовъ даже

---

[1]) Пестова и Воронцова были дочери Андрея Тимофеевича Болотова. Ред.

сказалъ намъ, когда мы съ нимъ совѣтовались, что можно и за матушкой съ дѣтьми послать; на другой же день мы послали за ними лошадей и къ Пушкину жена пріѣхала и онъ также рѣшился писать къ своимъ, чтобы пріѣзжали, но Наталья Николаевна съ сыномъ одна пріѣхала; разочтя дни, когда матушка должна пріѣхать, мнѣ казалось, что она къ Казанской должна быть дома; отъ большаго желанія видѣть дѣтей мнѣ казалось, что онп непремѣнно должны пріѣхать.

21-го (октября) былъ день рожденія жены Пестова; мы поѣхали съ Матей къ нему послѣ обѣда, съ тѣмъ, чтобы, посидя у него, ѣхать уже въ Кошкино, полагая навѣрно, что матушка пріѣхала и чтобы пріѣхать ко всенощной поднять въ церкви образъ; мы поѣхали на дрожкахъ; проѣзжая мимо пикета, на которомъ былъ въ караулѣ Пестовъ, мы подъѣхали къ нему; поговоря съ нимъ, хотѣли ѣхать далѣе, но только что отъѣхали нѣсколько шаговъ, дрожки наши нагнулись на сторону; мы остановились посмотрѣть отъ чего это, Пестовъ подошелъ къ намъ, осматривалъ наши дрожки и увидѣли, что дрога лопнула, подвязали кое-какъ; Матя почти шелъ пѣшкомъ до самаго Велегуша. Къ Пестову пріѣхали верхами Викулинъ, Донской и оба Анфоровы, съ тѣмъ, чтобы съ нами ѣхать въ Кошкино, отслушать всенощную и опять возвратиться въ Ламоново; наши дрожки подвязали получше и мы поѣхали, но отъѣхавъ не далѣе полъ-версты, дрожки наши совсѣмъ изломались и мы вынуждены были съ нихъ сойти; Петръ Николаевичъ поѣхалъ къ Пестову за его дрожками, а мы пошли пѣшкомъ; ночь была хоть холодна, но свѣтла; Алексѣй Николаевичъ велъ всѣхъ верховыхъ лошадей, Донскаго лошадь оторвалась и всѣ пошли ее ловить, но, поймавъ ее, Викулинъ потерялъ нагайку и поѣхалъ назадъ, не захотѣлъ ѣхать съ нами; Донской озябъ, поѣхалъ впередъ, остались мы съ Матей и меньшой Анфоровъ, но скоро дрожки Пестова пріѣхали, и мы доѣхали благополучно до Кошкина.

Подъѣзжая къ деревнѣ, казалось, что въ домѣ огонь, и я воображала, что чрезъ нѣсколько минутъ я увижу матушку, сестру и своихъ малютокъ; сердце мое трепетало отъ радости: казалось, тихо ѣдемъ; наконецъ, пріѣзжаемъ къ дому, но въ немъ темно, нѣтъ огня, наши еще не пріѣзжали; мы всѣ перезябли, чаю съ нами не

было, а тутъ безъ Елисаветы своей я не знала гдѣ его найти, но Пелагея принесла немножко чаю и нѣсколько кусковъ сахару. Послѣ всенощной Донской и Петръ Николаевичъ уѣхали, Алексѣй Николаевичъ остался съ нами, ужинали мы также деревянными ложками; на другой день послали къ Широкимъ попросить чаю, сахару и приборовъ; послѣ обѣда у насъ были Болотовы и только что поѣхали, какъ увидѣли, что наши ѣдутъ; мы выбѣжали на крыльцо, не могли ихъ дождаться и дѣти такъ обрадовались, увидя домъ свой, что насилу усидѣли въ экипажахъ; въѣзжая во дворъ и увидя меня и Матю стоящихъ на крыльцѣ, Лидя вскричала: „Ахъ, бабушка, отецъ мой и мать моя тутъ, вотъ я ихъ вижу!“ Какъ подъѣхали они, то слезы облегчили меня, и они только могли выразить ту радость, которую я ощущала, увидя дѣтей послѣ двухмѣсячной разлуки, и ту благодарность, которую я въ душѣ моей имѣла къ матушкѣ и сестрѣ за всѣ попеченія ихъ о дѣтяхъ; дѣти всѣ очень намъ обрадовались, одинъ Саша не узналъ меня, а къ Матѣ кинулся на руки, не смотря на то, что Матя усы отпустилъ; я въ это время очень похудѣла и онъ не узналъ меня. Я въ нихъ во всѣхъ нашла большую перемѣну, они выросли всѣ, безпрестанно то тотъ, то другой подходили и цѣловали меня; Матя ночевалъ тутъ, а по утру поѣхалъ въ Ламоново, но я осталась съ ними, онъ прислалъ въ каретѣ Андрея Андреевича съ Николашей и Володей, кормилицу съ Митей и Елизавету, а самъ остался тамъ; я думала, что чрезъ недѣлю, взявъ съ собою нѣкоторыхъ дѣтей, поѣду къ нему, но чрезъ три дня пріѣхалъ адъютантъ Мати и сказалъ, что Матя велѣлъ лошадей прислать, что имъ опять квартиры перемѣнять; ему опять приказано стоять въ Кошкино, чему мы очень обрадовались; между тѣмъ погода перемѣнялась и зима начиналась, рѣки становились и кордоны по Окѣ велѣли снять; переѣхалъ и Матинька и мы тутъ восемь дней прожили благополучно, въ кругу своего семейства.

Потомъ сотенный нашъ начальникъ Бѣльскій зоветъ насъ въ свою деревню къ себѣ на завтракъ; пріѣзжаемъ всѣ къ нему; у него еще былъ одинъ капитанъ Рахманова полка, но по отлучкѣ его баталіоннаго начальника онъ правилъ баталіономъ и стоялъ въ деревнѣ Бѣльскаго; какъ мы пріѣхали, то онъ по-

казалъ намъ ордеръ командира идти въ Рославль и тамъ дожидаться приказа, это насъ всѣхъ встревожило чрезвычайно; полагая, что вѣрно и нашему полку идти, и прежде были слухи, что всему ополченію назначенъ походъ, но мы не хотѣли этому вѣрить: обыкновенно, чего очень боишься, то все надѣешься, что не случится; къ тому-же полагали, что нашъ полкъ, по обѣщанію, выступитъ послѣдній; все думали, что коли и пойдутъ, то все еще не скоро, но сердце предвѣщало уже, оно начало страдать. Пріѣхавъ домой, приказа отъ полковаго командира еще не нашли; но вечеромъ мы легли спать въ одиннадцать часовъ; натурально, что, дожидаясь этой страшной бумаги, я не могла покойно спать, лежала и плакала; приходитъ дѣвка, приноситъ бумагу, адъютантъ прислалъ, чтобы черезъ два дня выступать; тутъ уже горесть овладѣла мною и я начала рыдать, просить Матю, чтобы позволилъ мнѣ проводить его до Калуги; онъ далъ мнѣ слово; въ ту же минуту велѣлъ къ сотеннымъ послать записки, чтобы они всѣ рано по утру съѣхались; мы встали раньше обыкновеннаго, можно ли спать, когда душа страдаетъ. Всѣ пріхали, всѣ были въ одинаковомъ положеніи; къ Донскому пріѣхала жена; не зная еще объ этомъ походѣ, она пріѣхала ко мнѣ; конечно, мы другъ друга не могли утѣшить, но страдали вмѣстѣ и плакали. Къ намъ пріѣхала сестра, Надежда Ивановна, со своими; она только что возвратилась, узнавъ изъ моего письма, что Мати походъ, и пріѣхала проститься; сборы были таковы, что я, укладывая все его бѣлье и платье, всякую вещь вѣрно не одинъ разъ оплакивала.

IV.

7-го ноября баталіонъ нашъ выступилъ очень рано, такъ какъ ему велѣно сбираться въ Игнешовкѣ, и мы всѣ встали въ 6 часовъ, даже дѣти старшіе пятеро проснулись проводить папеньку. Анфоровы пріѣхали проводить дѣтей и ночевали у насъ; какъ описать ту ужасную сцену, когда Матя прощался съ матушкой, съ дѣтьми и съ сестрами; сестрѣ Аннѣ Ивановнѣ сдѣлалось дурно, племянницѣ также средней, съ которой Матя всегда былъ дружнѣе; дѣти всѣ плакали, меня уже Матя поскорѣе отправилъ, посадилъ въ кибитку; онъ сѣлъ на облучокъ: впереди въ саняхъ ѣхали оба Анфорова. Всѣ дворовые провожали Матю, но, конечно, невозможно описать все то, что было при прощаньи, потому что никто не помнитъ этого хорошенько, отъ горя души у всѣхъ были мертвы. Въ Тяпкинѣ мы переѣхали черезъ рѣчку, мужикъ вышелъ проститься съ Матей; кругомъ насъ были мужики совсѣмъ посторонніе, но всѣ любили моего Матю, кто только зналъ его и его чувство,—возможно ли мнѣ не обожать его?

Проѣхавъ Ламаново, нашъ баталіонъ дожидался Матю; онъ сѣлъ верхомъ, а я проѣхала впередъ къ Пушкину; проѣзжая мимо баталіона, слезы лились изъ глазъ моихъ. Пріѣхавъ къ Пушкинымъ, нахожу у нихъ Баратова съ женою; все ихъ семейство и Петръ Николаевичъ Пушкинъ съ женою сидятъ и довольно покойно чай пьютъ; я какъ вошла, такъ никакъ не могла воздержаться и рыданья мои обнаружили всю мою скорбь; они меня старались успокоить; Екатерина Матвѣевна какъ ни скрывала тоску свою, но кто чувствовалъ такую же горесть, тотъ могъ понять ея чувства; Наталія Николаевна говорила, чтобы я не огорчалась, что они идутъ занимать кордонъ по Смоленской губерніи, что имъ не грозитъ опасности, но что если они пошли уже служить, то зачѣмъ на печи сидѣть, они за этотъ походъ получатъ ордена, и что онъ продлится не болѣе двухъ мѣсяцевъ; сердце мое не соглашалось съ этимъ, и одни слезы мои были ей отвѣтомъ; меня мучила уже одна разлука съ милымъ сердца моего, Матей, а еще меня тревожила мысль какія безпокойства и мученья ему придется испытать въ походѣ.

Пришли всѣ баталіоны и Пушкинъ поѣхалъ къ нимъ, понесли образа и тамъ служили молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, но я уже не могла туда ѣхать, чувствовала, что я не въ состояніи смотрѣть на это; они всѣ пришли завтракать, пріѣхала Викулина, она со мною вмѣстѣ ѣхала провожать своего мужа; затѣмъ всѣ баталіоны двинулись, ихъ велъ версты двѣ Пушкинъ, а потомъ воротился; Матя повелъ свой баталіонъ, и мы поѣхали, обогнали ихъ и, пріѣхавъ въ Алексинъ, искали квартиры, назначенныя нашему баталіону; насъ увидѣлъ на улицѣ Баратовъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ только что слышалъ отъ одного офицера, что проѣзжавшій курьеръ сказалъ ему, что нѣкоторыя ополченья ворочены и будто и нашему велѣно воротиться, хотя мы чувствовали, что это не совсѣмъ справедливо, но надежда возсіяла въ сердцѣ моемъ. Пріѣхавъ на квартиру, мы дожидались съ часъ своихъ милыхъ друзей; боялись, такъ какъ было очень темно и вездѣ была вода, чтобы они не промочили ногъ и не простудились; квартира наша была изрядная комната, довольно чистая и къ ней хорошенькая передняя, въ которой жили у насъ Анфоровы. Домъ этотъ принадлежалъ алексинскому купцу, другую половину дома онъ занималъ съ женою и дочерью, которая уже нѣсколько лѣтъ лежала больная, почти безъ чувствъ, ничего почти не говоритъ; если ей дадутъ ѣсть, то ѣстъ, и то очень мало, а сама не проситъ, лежитъ или сидитъ сложа руки и опустя голову.

Наши пришли и точно промочили ноги, у Матиньки ноги очень распухли; тутъ мы пробыли цѣлую недѣлю; подводъ не было и отъ теплой погоды Ока испортилась. Послали къ Богданову спросить, что намъ дѣлать; онъ велѣлъ сказать, чтобы не спѣшили идти, между тѣмъ онъ сдавалъ свою комнату генералу Миллеру, а самъ не хотѣлъ выполнить своего обѣщанія идти вмѣстѣ съ баталіономъ, остался губернаторомъ, а не начальникомъ тульскаго ополченія, но все еще были подъ его начальствомъ; нѣкоторые почувствовали, что ошиблись, но было уже поздно. Всѣ, кто тутъ были, знакомые пріѣзжали ко мнѣ; жена Семенова пріѣхала проститься съ нимъ и та пріѣхала со мною познакомиться. У Пушкиной умеръ братъ и я поѣхала по утру навѣстить ее и отъ нея принуждена была

заѣхать къ Алтуфьевой; она у меня была и очень звала; погода была такъ тепла, что снѣгъ весь стаялъ и на саняхъ ѣхать было невозможно. Меня всѣ уговаривали, чтобы я не провожала далѣе своего Матю; онъ самъ нѣсколько разъ пытался уговорить меня, но я плакала, у меня сдѣлались сильныя спазмы въ горлѣ и онъ меня болѣе не останавливалъ. Черезъ недѣлю велѣно было выступать; весь полкъ долженъ былъ собраться въ квартирѣ полковника, для слушанія молебна, и всѣ поѣхали туда, но я съ Викулиной не могла этого сдѣлать; съ нами Матя оставилъ Савинькова и мы съ ней, сѣвъ въ маленькія сани, поѣхали, а въ коляску, которую уже привезли къ намъ въ Алексинъ, посадили дѣвку; стало немного подстывать, оттого мы и сѣли въ сани; подъѣхавъ къ перевозу, думали, что мы переѣдемъ раньше полка и будемъ дожидаться на той сторонѣ, вмѣсто того намъ пришлось часовъ пять прождать на берегу, паромы были на той сторонѣ и на нихъ ставили пушки и пороховые ящики; лошади были очень измучены, поэтому чрезвычайно долго ставили на паромъ и сводили съ парома, такъ что полкъ нашъ тѣмъ временемъ пришелъ; какъ горестно было смотрѣть намъ на него; всѣ тѣ, кто оставлялъ свои семейства, были такъ удручены горестью, что она отражалась на ихъ лицахъ; протопопъ благословилъ хоругвіемъ и его несли вмѣсто знамени.

Такъ какъ нашъ баталіонъ былъ первый, то его первымъ и поставили на паромъ, и наши сани тутъ же. Семеновъ, увидя меня, старался какъ можно скорѣе меня поставить па паромъ, чтобы мнѣ не стоять на берегу. Какъ только мы переѣхали, то баталіонъ пошелъ и мы за нимъ поѣхали, Матя мой въ другихъ саняхъ возлѣ насъ; нашему баталіону назначена была квартира верстахъ въ пяти отъ Алексина. Наканунѣ поѣхалъ квартирмейстеръ Матвѣй Петровичъ Бѣльской; мы полагали, что квартира уже очищена; пріѣзжаемъ къ назначенному селенью; Матя, видя, что квартирьеровъ нѣтъ, велѣлъ адъютанту ѣхать впередъ и намъ за нимъ. Пріѣзжаемъ, но тутъ и квартирмейстера не было, и квартиры не заняты; онъ былъ человѣкъ совсѣмъ необыкновенный, никогда не служилъ и проѣхалъ впередъ верстъ десять, не спросясь ни у кого. Адъютантъ развелъ квартиры, пришелъ баталіонъ, пріѣхала наша коляска, мы всѣ пили чай и ужинали

вмѣстѣ; тутъ насъ догналъ Пестовъ, онъ ѣздилъ проститься къ своимъ, пріѣхалъ съ надеждою, что дальше Калуги не пойдемъ и многіе такъ думали, но сердце мое не чувствовало никакого облегченія.

По утру мы всѣ встали очень рано, Викулина и всѣ наши опять къ намъ пришли; адъютантъ пришелъ сказать Матѣ, что нашли въ соломѣ полумертваго француза. Матинька пошелъ къ нему и узналъ отъ него, что ихъ много гнали плѣнныхъ и что провожатые, увидя, что онъ слабъ и не можетъ идти, побили его порядочно и бросили на дорогѣ, считая мертвымъ, но онъ, опомнясь, доползъ до сарая, въ которомъ его и нашли; Матя велѣлъ его накормить и представить въ судъ. Мы также поѣхали за баталіономъ; всему полку велѣно было собраться идти вмѣстѣ. Доѣхавъ до сборнаго мѣста, мы поѣхали впередъ и Алексѣй Анфоровъ верхомъ съ нами; пріѣзжаемъ опять къ квартирамъ и тутъ квартирмейстера нѣтъ,—онъ также ошибкой проѣхалъ въ другую деревню. Алексѣй Николаевичъ отводилъ квартиры и какъ ни выбиралъ, не могъ выбрать порядочной; нашли маленькую и черную избушку, а въ другихъ вездѣ были больные. Баталіонъ пришелъ довольно поздно и мы уже ночевали съ Анфоровыми въ одной избѣ и такъ какъ другой избы не было, то всѣ караульные и наши люди тутъ же спали, такъ что вся изба была занята спящими; о, какъ тутъ въ этой тѣснотѣ, въ тяжеломъ отъ сырости воздухѣ, на полу я спала хорошо, прижавъ къ сердцу милаго неоцѣненнаго друга своего Матю; онъ всю ночь безпокоился обо мнѣ, но я лежала возлѣ него и казалось, что въ самой лучшей комнатѣ, на лучшей кровати.

По утру, пославъ занимать квартиры уже Алексѣя Николаевича, мы поѣхали впередъ; Матя съ баталіономъ остался дожидаться другихъ баталіоновъ; это было 16 ноября, день Матиныхъ имянинъ; по дорогѣ мы видѣли всюду лежавшихъ французовъ мертвыхъ, въ иныхъ мѣстахъ кучами, человѣкъ по десяти; вездѣ гнали плѣнныхъ и это были отсталые, которые не могли идти дальше отъ утомленія, другіе были замерзшіе; пріѣхали мы также довольно рано на квартиры, онѣ уже были готовы; Викулины помѣстились съ нами на одной квартирѣ, изба была пребольшая; Пушкину была назначена квартира въ этомъ же

селеніи. Наши всѣ пришли ко мнѣ; я послала звать Пушкина, дорожный пирогъ у имянинника кушать, а онъ прислалъ меня звать переѣхать къ нему на квартиру, онъ стоялъ въ господскомъ домѣ, но я не поѣхала, а онъ пріѣхалъ къ намъ и мы провели весь этотъ день вмѣстѣ; тысячу разъ благодарила я Царя Небеснаго, что я хоть въ крестьянской избѣ, но съ Матей провожу этотъ день; что-бы было со мною, если-бы я была дома безъ него!

Вечеромъ полковникъ нашъ уѣхалъ, Матя легъ полежать на постель, а я сидѣла возлѣ него; вдругъ къ намъ входитъ мужчина въ буркѣ, спрашиваетъ квартиру Пушкина; Матя спрашиваетъ у него, кто онъ такой, и узнаетъ, что онъ князь Щербатовъ, партизанъ. Матя предлагаетъ ему войти, онъ садится и начинаетъ разговаривать, покуда ему готовится провожатый. Онъ говоритъ, что наши вездѣ бьютъ и гонятъ французовъ, что они уже мрутъ отъ голода и морозовъ, и съ отчаянія отдаются въ плѣнъ цѣлыми полками; дивился, куда ведутъ ополченіе, что оно совсѣмъ не нужно и говорилъ, что вѣрно воротятъ назадъ; разсказывалъ много анекдотовъ про дружины; наконецъ, провожатаго привели и кн. Щербатовъ поѣхалъ. Матинька поѣхалъ съ нимъ къ Пушкину, но недолго былъ тамъ и скоро вернулся; по утру была сильная мятель и холодъ, а мы ѣхали въ открытыхъ саняхъ, коляску свою мы уже отправили домой и дѣвка ѣхала въ другихъ саняхъ; я надѣла теплую шинель Донскаго сверхъ шубы, а Викулина—шинель своего мужа; всему баталіону велѣно было сбираться у мельницы верстахъ въ трехъ отъ Калуги, и мы ѣхали все съ баталіономъ. Матинька мой все сидѣлъ у насъ; подъѣзжаемъ къ мельницѣ, насъ встрѣчаетъ одинъ изъ квартирмейстеровъ, офицеръ, говоритъ, что въ Калугѣ не даютъ квартиръ, вице-губернаторъ говоритъ, что всѣ заняты, а велитъ идти черезъ городъ и еще за 12 верстъ и надобно черезъ рѣку на паромѣ переѣзжать, но и тамъ сегодня переправляются баталіоны калужскаго ополченія. Матинька велѣлъ ему ѣхать къ полковнику, а мы подъѣхали къ мельницѣ и вошли въ избу погрѣться; нашли уже тутъ многихъ изъ нашихъ офицеровъ и трехъ дамъ: Шепелевскую, Ефремову и Андрееву; онѣ всѣ ѣхали съ мужьями въ Рославль. Ефремовъ былъ у Калужскаго вице-

губернатора и онъ ему сказалъ, что ни одной нѣтъ квартиры для нашего полка, а Миллеръ прежде приказывалъ сказать Пушкину, чтобы не спѣшилъ идти, то мы всѣ думали, вѣрно мы остановимся въ ближнихъ деревняхъ на нѣсколько времени; пріѣхалъ полковникъ, но онъ былъ совсѣмъ инаго мнѣнія, онъ спѣшилъ идти и не хотѣлъ останавливаться; поѣхалъ самъ въ Калугу, взявъ съ собою Семенова, а всѣмъ велѣлъ ждать; съ Матей былъ штофъ водки и сухой заяцъ. Матя и всѣ, кто тутъ былъ, выпили и закусили, я не могла куска проглотить; видя поспѣшность полковника, я воображала, что чрезъ два дня я должна буду разстаться съ милымъ другомъ сердца моего, съ моимъ Матей; мы тутъ ждали до четырехъ часовъ. Матя ушелъ къ Арсеньеву въ кибитку уснуть, а въ избѣ была страшная тѣснота; офицеры со всего полка и нѣкоторые старые урядники и воины, которые выбивались изъ силъ отъ стужи, приходили попеременно грѣться, прочіе воины всѣ стояли въ полѣ, дрожа отъ холода; погода не переставала, больные лежали на возахъ; видѣвши все это, сердце раздиралась; наконецъ, полковникъ прислалъ Семенова сказать, чтобы полкъ шелъ, что штабнымъ квартиры въ городѣ, а прочіе всѣ съ полкомъ пойдутъ въ ближнія деревни; подъѣзжаемъ къ Калугѣ, полковникъ насъ дожидался и велѣлъ всѣмъ городомъ полку идти парадомъ; снѣгъ пересталъ, но стужа была чрезвычайная; покуда полкъ строился, мы стояли, не зная своей квартиры; всѣ ѣхали при полку; какъ горестно было видѣть парадъ этотъ, сердце обливалось кровью. Матя и всѣ наши офицеры такъ перезябли, что удивительно но полковнику того хотѣлось, нечего было дѣлать, должно повиноваться; никто не видѣлъ этого парада. Въ городѣ попался намъ квартирмейстеръ. Матя велѣлъ ему сѣсть къ намъ въ сани и проводить насъ до квартиры; мы поѣхали, квартира наша была у купца, двѣ комнаты очень изрядныя; въ одной расположились мы съ Матей, въ другой Викулины и съ ними Анфоровы; полкъ прошелъ весь городъ парадомъ, Матя съ Викулинымъ и Анфоровы воротились; Пушкинъ со своимъ адъютантомъ Панютинымъ также зашли къ намъ отогрѣться и напиться чаю.

Мы въ Калугѣ пробыли также недѣлю; всякій день, просы-

паясь, первая мысль была, что это послѣдній день я съ Матей вмѣстѣ; всякій вечеръ, ложась спать, жестокое отчаяніе терзало мнѣ душу и сердце при мысли, что завтра я буду прощаться съ Матей; Матя старался утѣшить меня разными обѣщаніями: писать ко мнѣ часто, пріѣхать къ 3-му февралю (1813 г.), и если будутъ стоять въ Рославлѣ, то призвать меня, но все это мало облегчало горесть мою, казалось, я съ нимъ разстаюсь надолго. Однажды Аксаковъ и Семеновъ звали меня къ себѣ обѣдать на уху изъ налимовъ; ихъ квартира была очень близко, мы съ Матей пошли къ нимъ обѣдать, долго сидѣли, потомъ поѣхали къ Казанской Божіей Матери, заѣхали къ Баскакову; тамъ дожидалась насъ Викулина, его сестра; Баскакова просила, чтобы онъ намъ съ Матей пересылалъ письма, адресованныя на его имя; онъ взялся за это отъ доброй души. Пріѣхавъ домой довольно поздно, мы легли спать, я не могла заснуть, видѣла все, что въ другой комнатѣ огонь, и думала навѣрное присланъ приказъ о выступленіи, и адъютантъ пишетъ записки въ сотни. Могла ли я уснуть съ этими мыслями; я долго лежала, какъ вдругъ входитъ ко мнѣ моя женщина и зоветъ меня къ Викулиной; я встаю, прихожу къ нимъ и узнаю, что она больна и въ великомъ отчаяніи; велѣла разбудить хозяйку, узнать гдѣ бабушка живетъ, посылаютъ за ней, она увѣряетъ, что не выкинула, а такъ занемогла. Просидѣвъ у нея нѣсколько часовъ, я пошла въ свою комнату. На другой день Викулина стала такъ слаба, что когда захотѣла пройти въ другую комнату, то ей сдѣлалось дурно; въ это время у насъ были Пушкинъ и Аксаковъ и всѣ мы увидѣли, что не было возможности домой ѣхать въ саняхъ, но приходилось остаться на нѣкоторое время въ Калугѣ; мужа ея съ ней хотѣли оставить на это время; хотя бабушка и увѣряла, что она не выкинула, но впослѣдствіи оказалось, что выкинула, и я должна была, разставшись съ милымъ сердцу моему съ моимъ Матей, ѣхать одна домой; это было въ субботу, а полку приказано было выступить въ понедѣльникъ; вечеромъ присылаетъ ко мнѣ Аксаковъ, сказать, что жена его пріѣхала къ нему; я съ Матей пошла къ ней повидаться, она говоритъ, что не могла долѣе переносить разлуку, пріѣхала съ тѣмъ, чтобы ѣхать съ нимъ, онъ чрезвычайно ей обрадовался и также не хотѣлъ

ее отпускать домой. Какъ завидно мнѣ было ея положеніе: ей это можно было сдѣлать—у ней только было двое дѣтей и тѣ маленькія, она ихъ оставляла на рукахъ у хорошей няньки, препоручала мнѣ и другимъ сосѣдямъ, а у меня девять человѣкъ; казалось, совѣстно ихъ оставить, мои уже требовали воспитанія и нравственности; я думала, что для нихъ я должна принести эту жертву, разстаться съ моимъ Матей, думала, что они успокоютъ меня хотя немного, къ тому же у Аксаковыхъ и средства были лучше нашихъ.

А. П. Золотухина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ АЛЕКСѢЯ АЛЕКСѢЕВИЧА ОДИНЦОВА

генерала отъ инфантеріи.

Род. 1803, † 1886 г.

Алексѣй Алексѣевичъ Одинцовъ, сынъ Алексѣя Ивановича Одинцова и супруги его Ѳедосьи Александровны, рожденной Макшеевой, родился въ Кронштадтѣ, 12-го мая 1803 года. Восьми лѣтъ онъ сталъ посѣщать уѣздное училище, въ г. Кашинѣ, а 11-го августа 1817 г. былъ опредѣленъ въ Первый кадетскій корпусъ, изъ коего выпущенъ въ 1823 г. первымъ ученикомъ, въ чинѣ прапорщика, въ л.-гв. Литовскій полкъ, стоявшій въ Варшавѣ. Во время службы въ этомъ полку онъ пользовался особымъ милостивымъ къ нему расположеніемъ цесаревича Константина Павловича; принадлежа къ интеллигенціи полка, Одинцовъ посѣщалъ, въ свободное отъ служебныхъ занятій время, лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ варшавскаго университета, много читалъ и переводилъ съ иностранныхъ языковъ разныя статьи.

Состоя въ должности баталіоннаго адъютанта, Одинцовъ участвовалъ въ польской кампаніи 1830 г. и при взятіи Варшавы въ 1831 г., а по окончаніи кампаніи возвратился вмѣстѣ съ полкомъ въ Петербургъ и былъ временно прикомандированъ къ полковому штабу.

Въ іюнѣ 1832 г. Алексѣй Алексѣевичъ былъ переведенъ во фронтъ и назначенъ командиромъ 4-й фузилерной роты. Съ тѣхъ поръ онъ служилъ во фронтѣ; въ 1842 г. былъ переведенъ въ л.-гв. гренадерскій полкъ, для исправленія должности штабъ-офицера, 11-го августа того-же года произведенъ въ полковники, а въ 1843 г. назначенъ для обученія пѣшему строю въ полки 2-й гвардейской легкой дивизіи, расположенные въ бывшихъ военныхъ поселеніяхъ, въ Новгородской губерніи, порученіе,—исполненное имъ столь успѣшно,

что онъ удостоился, во время смотра, особаго одобренія цесаревича Александра Николаевича, который былъ назначенъ въ это время командующимъ 2-ю легкою кавалерійскою дивизіею.

По возвращеніи изъ этой командировки, Одинцовъ занимался обученіемъ гвардейскаго учебнаго баталіона; 9-го февраля 1844 г. назначенъ командиромъ 3-го баталіона л.-гв. гренадерскаго полка, затѣмъ с.-петербургскимъ плацъ-маіоромъ, а съ 1853 г. вторымъ комендантомъ въ С.-Петербургѣ, уже въ чинѣ генералъ-маіора, въ который онъ былъ произведенъ за два года передъ тѣмъ, съ зачисленіемъ по арміи.

Въ достопамятную эпоху освобожденія крестьянъ Алексѣй Алексѣевичъ былъ назначенъ на особенно трудный въ то время постъ начальника Нижегородской губерніи, гдѣ подъ личнымъ его руководствомъ освобожденіе и устройство крестьянъ совершилось вполнѣ успѣшно и безъ всякихъ замѣшательствъ. Самъ Алексѣй Алексѣевичъ, изъ всего долголѣтняго служебнаго своего поприща, болѣе всего цѣнилъ свою дѣятельность на посту нижегородскаго губернатора и завѣщалъ дѣтямъ вырѣзать на могильномъ памятникѣ слѣдующую надпись:

«Съ 1861-го по 1873 годъ былъ начальникомъ Нижегородской губерніи и имѣлъ счастіе ввести въ ней всѣ благія преобразованія Царя-Освободителя Александра II».

Во время службы въ Нижнемъ Новгородѣ заслуги Одинцова были награждены покойнымъ государемъ пожалованіемъ ему чина генералъ-лейтенанта и орденовъ Владиміра 2-й степени, Бѣлаго Орла и, наконецъ, при назначеніи его членомъ комитета о раненыхъ, орденомъ св. Александра Невскаго, по случаю празднованія 50-ти-лѣтія службы его въ офицерскихъ чинахъ.

Въ 1881 г., 30-го августа, А. А. Одинцовъ былъ произведенъ въ генералъ-отъ-инфантеріи и въ этомъ чинѣ и въ званіи члена Александровскаго комитета о раненыхъ скончался въ С.-Петербургѣ, на 83 году отъ рожденія, 16-го апрѣля 1886 года.

Во время своей долголѣтней жизни А. А. Одинцовъ неоднократно велъ дневникъ и набрасывалъ въ памятную книжку свои замѣтки о текущихъ общественныхъ и служебныхъ событіяхъ и, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, принялся въ 1878 г., руководствуясь этими замѣтками, за составленіе своихъ записокъ, которыя появляются нынѣ, согласно его волѣ, выраженной въ духовномъ завѣщаніи, на страницахъ «Русской Старины».

Записки эти несомнѣнно имѣютъ не маловажное историческое значеніе, какъ свидѣтельство человѣка весьма образованнаго и начитаннаго, который могъ поэтому отнестись критически къ самому себѣ и къ

событіямъ, коихъ онъ былъ очевидцемъ; къ тому же служба его въ Литовскомъ полку совпала съ эпохою весьма знаменательныхъ событій въ Польшѣ, вслѣдъ за кончиною императора Александра I, которыя завершились польской кампаніей 1831 года.

Въ этихъ запискахъ, обнимающихъ сорокалѣтній періодъ времени 1803—1844 гг., Одинцовъ описываетъ свое дѣтство, протекшее среди патріархальной обстановки помѣщичьяго быта прежнихъ временъ, воспитаніе свое въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и службу въ Литовскомъ полку, въ суровое время строгой дисциплины и военной выправки. Къ сожалѣнію, эти весьма правдиво и безпристрастно изложенныя записки не доведены ихъ авторомъ до конца и обрываются съ переходомъ, 11-го августа 1836 г., л.-гв. Литовскаго полка изъ Ораніенбаума въ Петербургъ, въ казармы на Выборгской сторонѣ. Пересматривая эти записки въ 1884 г., покойный А. А. Одинцовъ принялся было за продолженіе ихъ, но въ самомъ началѣ этой работы замѣтилъ: «Вѣроятно, мнѣ не придется ихъ окончить».

Онъ успѣлъ, однако, до своей смерти, послѣдовавшей 16-го апрѣля 1886 г., набросать нѣсколько замѣтокъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ его службы въ Литовскомъ полку и написать связный разсказъ, со времени перехода его, въ 1842 г., въ лейбъ-гренадерскій полкъ, до начала 1844 года.

Дневникъ А. А. Одинцова оканчивается 17-мъ августомъ 1837 г. Въ замѣткахъ своихъ онъ говоритъ: «Съ 1837 по 1841 г. не велъ дневника, а съ 1841 до 1845 есть дневникъ». Прекращеніе дневника объясняется замѣтками, изъ которыхъ видно, что въ послѣдніе годы его пребыванія въ Литовскомъ полку, независимо отъ службы, Одинцовъ предавался свѣтской жизни, хандрилъ и мечталъ о выгодной женитьбѣ.

Офицеръ л.-гв. Литовскаго полка Н. И. Языковъ, въ своей шуточной поэмѣ «Литовиніана», изобразилъ портретъ Алексѣя Алексѣевича Одинцова того времени такъ:

«Возлѣ Козлова Одинцовъ,
То командиръ знаменной роты,
Все знаетъ онъ,—и повороты,
Игру, завѣтный вкусъ вина,
Мораль огромнаго размѣра
И шагъ учебный въ три пріема,—
Всѣмъ голова его полна.
Онъ много слышалъ и читалъ,
Весь вѣкъ свой женщинъ изучалъ
И любитъ ихъ. Для женской ласки
Готовъ онъ карты посвящать,

Не уставая танцовать;
За то голубенькіе глазки
Такъ нѣжно на него глядятъ.
Всѣ дамы умъ его цѣнятъ,
Охотно слушаютъ его...
И только, больше ничего.
Онъ капитанъ, а не женатъ
И я готовъ хоть побожиться,
Готовъ побиться объ закладъ —
Ему страхъ хочется жениться,
Теперь особенно. Купилъ
Себѣ онъ щегольской лорнетъ,
На брюкахъ канты подновилъ,
И весело пустился въ свѣтъ,
Сталъ франтъ, всегда на вечерахъ
Glacées перчатки на рукахъ, —
Радушно смотритъ всѣмъ въ глаза
И ромомъ мочитъ волоса.
А все-таки онъ не женатъ
И кто-же въ этомъ виноватъ?

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что служба и свѣтская жизнь не поглощали Одинцова вполнѣ и что, не смотря на постоянныя занятія со своей ротою и развлеченія, онъ очень много читалъ и думалъ, какъ свидѣтельствуетъ собственноручно исписанный имъ фоліантъ, озаглавленный: «Mémoriales de mes lectures pendant treize années de 1832 à 1846».

Изъ полковыхъ происшествій этого періода А. А. упоминаетъ только что въ 1841 году командиромъ полка, вмѣсто Девина, былъ назначенъ Амонтъ, но съ 1842 года онъ ведетъ уже послѣдовательный разсказъ.

А. А. оставилъ послѣ себя въ полку прекрасную память.

27-го февраля 1883 года, когда исполнилось шестьдесятъ лѣтъ его офицерской службы, онъ получилъ слѣдующія телеграммы:

Изъ Варшавы: «Общество офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка и старшій его представитель въ Варшавѣ, бывшій вашъ сослуживецъ, имѣютъ честь поздравить ваше высокопрев—ство съ днемъ шестидесятилѣтняго юбилея службы вашей въ офицерскихъ чинахъ. Съ гордостью вспоминаемъ, что эта полезная и долговременная служба начата въ рядахъ полка. Литовцы чтятъ въ лицѣ вашемъ одного изъ старѣйшихъ представителей того поколѣнія, которое, служа честно царю и отечеству, оставило полку славныя традиціи. Генералъ-лейтенантъ графъ Разводовскій (комендантъ Варшавы), генералъ-маіоръ Водаръ (команд. полка)».

Изъ Москвы: «Какъ бывшіе офицеры л.-гв. Литовскаго полка, просимъ в. в. принять наше поздравленіе съ 60-ти-лѣтнимъ юбилеемъ вашей службы.

Генералъ-лейтенантъ Петрушевскій (команд. 4-го корпуса), полковникъ и воспитанникъ Мерчанскіе».

На эти телеграммы А. А. отвѣчалъ:

Коменданту Варшавы графу Развадовскому.

«Поздравленіе общества офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка съ исполнившимся 60-ти-лѣтіемъ моей службы меня глубоко тронуло.

Только отъ общества, въ которомъ свято сохранился духъ товарищества, можно было ожидать такого лестнаго вниманія къ столь давнишнему однополчанину.

Примите, ваше сіятельство, мою сердечную благодарность и передайте ее генералу Водару и всѣмъ дорогимъ мнѣ литовцамъ. Одинцовъ».

Командиру 4-го корпуса Петрушевскому.

«Примите, ваше превосходительство, душевную мою благодарность и передайте ее гг. Мерчанскимъ.

Искренно радуюсь, что духъ товарищества всегда и вездѣ сохраняется нами, литовцами. А. Одинцовъ».

Посмертныя записки генералъ-отъ-инфантеріи А. А. Одинцова печатаются вслѣдъ за симъ дословно и лишь для удобства чтенія разбиты нами на главы.

В. В. Тимощукъ.

На старости я сызнова живу,
Минувшее проходитъ предо мною.

А. Пушкинъ.

Историческое значеніе записокъ или мемуаровъ современниковъ никѣмъ уже не отрицается. Онѣ неоцѣненны для исторіи, какъ неложныя свидѣтельства извѣстной эпохи, какъ остатки прошлаго.

Родоначальникъ фамиліи Одинцовыхъ былъ татарской мурза Доннай или Докучай. Многіе изъ этой фамиліи служили Россіи разныя дворянскія службы и жалованы были въ 1614 и другихъ годахъ отъ государей помѣстьями. Въ Литвѣ существуетъ фамилія Одынецъ, имѣющая одинаковый гербъ съ Одинцовыми.

Дѣдъ мой, ген.-м. Иванъ Максимовичъ Одинцовъ, получилъ

изъ герольдіи родословную роспись и гербъ, значитъ, тогда уже былъ признанъ какъ древняго дворянскаго рода. Въ 1823 году отецъ мой, капитанъ-лейтенантъ Алексѣй Ивановичъ, былъ, по его просьбѣ, внесенъ въ VI часть родословной книги Тверской губерніи. Въ 1854 году я просилъ о внесеніи меня съ семействомъ въ родословную книгу С.-Петербургской губерніи. По справкѣ, сдѣланной въ Тверскомъ Депутатскомъ собраніи, оказалось, что Герольдія не утвердила внесеніе въ VI часть фамиліи Одинцовыхъ, по неимѣнію на каждое лицо доказательствъ о древности рода; поэтому я былъ внесенъ въ подлежащую родословную книгу С.-Петербургской губерніи, на основаніи формулярнаго о службѣ моей списка.

Дѣдъ мой, Иванъ Максимовичъ Одинцовъ, умеръ въ Кронштадтѣ въ чинѣ генералъ-маіора и директора Штурманскаго училища. Въ его послужномъ спискѣ замѣчательно, что онъ два раза былъ разжалованъ въ матросы и что въ Рязанскомъ намѣстничествѣ у него было 9 душъ крестьянъ, и ежели бы не былъ утраченъ документъ, что это имѣніе родовое, то тогда внесли бы въ VI книгу происходящій отъ него родъ.

Иванъ Максимовичъ имѣлъ 6 сыновей, изъ которыхъ Алексѣй, отецъ мой, родился въ 1771 г., и въ 1799 году вступилъ въ бракъ съ Өедосьей Александровной Макшеевой, которая родилась 1780 года. Вѣнчаніе происходило въ Петербургѣ, въ церкви Благовѣщенія на Васильевскомъ островѣ.

Алексѣй Ивановичъ вышелъ въ отставку 22-го октября 1809 г. капитанъ-лейтенантомъ и переселился въ имѣніе жены своей Тверской губ., Кашинскаго уѣзда, въ сельцо Бабаево, вѣроятно, въ концѣ 1803 или въ началѣ 1804 года. Имѣніе это, душъ 50, досталось Өедосьѣ Александровнѣ отъ Өедосьи Юрьевны Опочининой, урожденной Батюшковой, у которой Өедосья Александровна воспитывалась. Алексѣй Ивановичъ скончался въ 1826 году и погребенъ на кладбищѣ приходской своей церкви въ селѣ Григорково, принадлежавшемъ тогда Ивану Ильичу Волкову. Надъ его могилою въ 1863 году мною положена чугунная плита, съ его именемъ, днемъ рожденія и кончины и съ знакомъ якоря. Өедосья Александровна скончалась въ Петербургѣ и погребена въ Новой деревнѣ, на кладбищѣ церкви Благовѣщенія, 1862 г. января 20-го.

У Алексѣя Ивановича и Ѳедосьи Александровны дѣтей было 7 сыновей и 4 дочери. Кромѣ сыновей, Николая, Алексѣя и Андрея, всѣ скончались въ младенчествѣ. Николай Алексѣевичъ умеръ 15-го сентября 1875 года въ деревнѣ Кузнецова, Новгородской губерніи, Устюжскаго уѣзда, а Андрей Алексѣевичъ скончался въ Тифлисѣ, капитаномъ грузинскаго № 3-го баталіона, 1842 года.

I.

Дѣтство.

Вступленіе.—Первыя впечатлѣнія.—Записная книжка.—Любовь къ чтенію. — Поѣздки къ дѣду.—1812 годъ.—Команда школьниковъ. — Гуманное отношеніе къ крѣпостнымъ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Жизнь у родныхъ.

1803 — 1817 гг.

Родился я въ Кронштадтѣ 1803 г. мая 12-го и былъ привезенъ въ сельцо Бабаево, когда мнѣ не минуло еще года, слѣдовательно, первые взгляды на міръ, первыя впечатлѣнія возникли у меня въ глухой деревенской средѣ. Домъ, въ которомъ жили мои родители, былъ небольшой, крытый соломою, флигель, въ которомъ, вѣроятно, прежде жилъ управляющій; потомъ построили деревянный домъ въ два этажа, крытый тесомъ. Передъ домомъ—чистый дворъ, одна старая береза, обиталище грачей, огромная липа, кругомъ службы, сзади садъ изъ нѣсколькихъ кустовъ смородины, прудокъ, березовая роща—вотъ наружная обстановка мѣста, гдѣ протекло около 10-ти лѣтъ моей жизни. Лица, меня окружавшія, кромѣ родителей и двухъ братьевъ, Николая и Андрея, были—старая няня Варвара, совсѣмъ глухая, сѣнныя дѣвушки—Евлампія и Анна, мальчикъ Александръ, староста Иванъ, онъ же и кучеръ, и кухарка Ѳекла. Въ томъ же сельцѣ Бабаевѣ былъ еще господскій домъ, въ которомъ жили три старыя дѣвы Колударовы. Сосѣди помѣщики Волковы, Недовѣсковы, Сербенины, Батурины и другіе и, наконецъ, священникъ села Григоркова, Іоаннъ Введенскій.

Шести лѣтъ я выучился читать и писать и зналъ четыре правила ариѳметики, чѣмъ обязанъ своимъ родителямъ. Съ этого

времени я получилъ страсть къ чтенію и пожиралъ безъ разбора все печатное, что попадалось подъ руку, какъ дома, такъ и въ скудныхъ библіотекахъ сосѣдей. Часто силой отнимали у меня книгу, чтобъ заставить немного погулять.

Въ прежнее время, во Франціи, велись въ нѣкоторыхъ семействахъ записныя книги, называемыя livres de raison или livres de compte, служившія потомъ интересными историческими документами. Подобную книжку велъ я съ 1810 года, въ которую, съ копѣечнымъ расходомъ, количествомъ крупы, издержанной для корма голубей, вписывалъ и книги, получаемыя для чтенія отъ сосѣдей. Это даетъ возможность узнать, какія сочиненія я прочитывалъ и могъ ли я въ семилѣтнемъ возрастѣ извлечь изъ нихъ какую либо умственную пользу. Привожу ихъ названія:

Марѳа Посадница—Карамзина, Письмовникъ Курганова 1764 года, Русалка опера, Иліяда Гомера, Пріятное и полезное препровожденіе времени, Богомолки, Душенька одушевленная статуя, Славянскія древности, Приключенія маркизы Г., Нравственная философія, Старикъ вездѣ и нигдѣ, Россіяда, Приключенія Помпе, Наполеонъ Бонапарте, Должности человѣка и гражданина, Живописецъ, Телемакъ, Злосчастное замужество дѣвицы Гарви, Квинтъ Курцій, Священная исторія, Лолота и Фанфанъ, сочиненіе Дюкре Дюмениля, Дѣтскій Собесѣдникъ, Житіе Клевеманста, побочнаго сына Кромвелева, романы г-жи Радклифъ, которые очень читались въ то время въ Россіи, въ переводахъ съ французскаго (съ англійскаго тогда еще не переводили). Не трудно себѣ представить, какое сильное впечатлѣніе производили на дѣтское мое воображеніе таинственные ужасы романовъ Радклифъ, которые я читалъ съ увлеченіемъ и повторялъ всѣ ихъ перипетіи человѣчками, вырѣзанными изъ бумаги, бывшими любимыми моими игрушками. Весь этотъ хаотическій сумбуръ свѣдѣній и впечатлѣній, набившійся въ голову десятилѣтняго мальчика отъ столь разнообразнаго и безтолковаго чтенія, не произвелъ, однако, очень вреднаго вліянія на дальнѣйшее мое умственное развитіе, какъ бы это должно было полагать по правиламъ педагогики, и хотя я и впослѣдствіи всегда мало держался логической послѣдовательности въ выборѣ чтенія, но оно послужило мнѣ главнымъ средствомъ самообразованія и осталось навсегда моимъ любимымъ занятіемъ.

Я былъ самымъ любимымъ сыномъ моей матери и съ своей стороны до такой степени былъ къ ней привязанъ, что когда она отлучалась хотя на часокъ, я не переставалъ плакать, и потому мать брала меня всегда съ собою въ гости, а какъ я былъ ребенокъ серьезный, то въ этомъ не было неудобства. Жена нашего сосѣда, Ивана Ильича Волкова, Ѳаена Петровна, женщина очень образованная, также очень меня любила и, послѣ матери, я былъ наиболѣе къ ней привязанъ. Сынъ Волковыхъ, Сергѣй, годами двумя меня моложе, былъ первымъ товарищемъ моего дѣтства.

Каждую зиму семья наша отправлялась гостить къ отцу моей матери, Александру Ивановичу Макшееву, верстъ за 200, въ Устюжскій уѣздъ, сельцо Гряду. Переѣздъ совершался на своихъ лошадяхъ, въ кибиткахъ, набитыхъ перинами и подушками, съ запасомъ чаю, пироговъ и замороженныхъ щей. Дѣдъ мой, А. И. Макшеевъ, имѣлъ болѣе ста душъ крестьянъ, слѣдовательно, могъ жить пошире, нежели Одинцовы, считавшіеся мелкопомѣстными; чтобы дать понятіе о тогдашнемъ гостепріимствѣ, достаточно сказать, что у Макшеева сбиралось на семейные праздники до 50-ти особъ разнаго пола и возраста, съ челядью и лошадьми, и оставались гостить по нѣскольку дней.

Въ 1811 году отецъ мой былъ выбранъ уѣзднымъ судьею и семья переѣхала на житье въ городъ Кашинъ. Старшій мой братъ Николай поступилъ во 2-й кадетскій корпусъ, а я и Андрей начали въ Кашинѣ ходить въ уѣздное училище. Хаотическій запасъ моихъ познаній отъ посѣщенія училища не регулировался и не увеличился. Припоминаю только двухъ учителей, Савву Ивановича, маленькаго и толстаго, и Ѳедора Ивановича, высокаго и худаго, и то, что мать моя посылала имъ въ подарокъ куповинскіе жилеты; матерія эта (?) нынѣ также забыта, какъ педагоги, ею одаряемые.

Въ 1812 году мирные жители Кашина были встревожены вторженіемъ Наполеона въ Россію; все задышало войною, начали собирать ополченіе. Собралась также ватага школьниковъ и назначила меня своимъ атаманомъ. Это было первое проявленіе товарищеской любви ко мнѣ, каковою по особому счастію я не переставалъ пользоваться всю мою жизнь, въ разныхъ общественныхъ средахъ, въ которыхъ приходилось мнѣ вращаться.

Юная моя команда, вооруженная деревянными дротиками и картонными саблями, въ ожиданіи французовъ, начала дѣлать набѣги на монастырскія поля, засѣянныя горохомъ и рѣпою, и вступать въ борьбу съ охранявшими ихъ сторожами, за что, разумѣется, самъ ихъ начальникъ бывалъ заключаемъ отцомъ въ темную комнату, что было для него большимъ наказаніемъ, по невозможности предаваться чтенію какого либо имѣвшагося романа. Предпочитаемымъ въ то время педагогическимъ наказаніямъ розгами я, какъ дома, такъ и въ корпусѣ, никогда не подвергался.

Изъ памятныхъ происшествій моего дѣтства были поѣздки въ 1812 году, съ матерью и ея сосѣдками, на большую дорогу въ деревню Погорѣлку, гдѣ былъ этапъ для проводимыхъ партій плѣнныхъ французовъ. Барыни запасались всякаго рода съѣстными припасами, корпіей и бинтами, для пособія этимъ несчастнымъ жертвамъ честолюбія ихъ геніяльнаго вождя, что доказываетъ, что, не смотря на ненависть, возбужденную его нашествіемъ въ обществѣ, русская женщина не перестала быть сострадательною и къ врагамъ.

Родители мои и сосѣдніе помѣщики, по большей части, гуманно обходились съ своими крѣпостными. Бытъ помѣщиковъ того времени вѣрно изображенъ въ Запискахъ А. Т. Болотова, изданныхъ въ 1870—1873-хъ гг. редакціею историческаго журнала „Русская Старина".

Въ концѣ 1815 года родители мои отправились въ Петербургъ, для опредѣленія меня и брата Андрея въ какой нибудь изъ кадетскихъ корпусовъ. Для дворянина это былъ единственный способъ образованія и вступленія въ военную службу; другой родъ службы дворяне того времени очень рѣдко избирали для своихъ дѣтей.

По пріѣздѣ въ С.-Петербургъ родители мои наняли квартирку на Петербургской сторонѣ, въ одной изъ Колтовскихъ улицъ. Послѣ Кашина, единственнаго города, который я видѣлъ, разумѣется, Петербургъ показался мнѣ неизмѣримо громаднымъ. Самымъ интереснымъ изъ продавцовъ столицы сдѣлался для меня разнощикъ, носившій на лоткѣ куски мака съ медомъ, пряники и конфекты съ приклеенными къ оберткѣ стишками, которыхъ уже въ настоящее время не существуетъ.

За определеніе меня съ братомъ въ корпусъ взялся сосѣдъ нашъ по деревнѣ, капитанъ л.-гв. Егерскаго полка Ѳедоръ Герасимовичъ Батуринъ, убитый впослѣдствіи фельдфебелемъ своей роты. По недостатку средствъ, родители наши должны были уѣхать, оставивъ насъ въ Петербургѣ однихъ; меня приняли къ себѣ родственники моей матери Бартдинскіе, а Андрей помѣстился въ семьѣ единороднаго брата нашего отца, Павла Ивановича Одинцова, служившаго въ ластовомъ экипажѣ и квартировавшаго въ Галерной гавани.

Тяжело было мнѣ разставаться съ нѣжно любимой моею матерью, съ которой я не разлучался съ своего рожденія; но дѣлать было нечего, надо было устраивать новую жизнь и безропотно перенести это великое горе.

По счастію семейство Бартдинскихъ, состоявшее, кромѣ отца и матери, изъ двухъ сыновей и трехъ дочерей, отъ 18 до 10 лѣтъ, было весьма доброе; сама Бартдинская обходилась со мною какъ настоящая мать, а дѣти скоро очень меня полюбили, такъ что въ продолженіе почти полутора года, которые я прожилъ у нихъ, я не имѣлъ причины быть недовольнымъ.

Разлука съ матерью произвела нравственный переворотъ въ моемъ міросозерцаніи, который имѣлъ огромное вліяніе на всю мою жизнь. Потерявъ всегдашнюю свою заступницу и баловницу, я ясно увидѣлъ, что впредь долженъ разсчитывать на собственныя свои силы и стараться быть всегда разсудительнымъ, впрочемъ, разсудительность и осторожность были, такъ сказать, врожденными моими свойствами, съ самаго ранняго возраста. При бѣдности родителей, я хорошо понималъ, что только однѣ науки могутъ доставить мнѣ возможность отличиться на службѣ и горевалъ только, что поступленіе мое въ корпусъ такъ замедляется.

II.

I-й кадетскій корпусъ.

Поступленіе въ корпусъ.—Экономъ Бобровъ.—Обмундированіе кадетъ.—Лѣто.—Игра въ мячъ.—Корпусное начальство.—Система воспитанія.—Товарищество.—Преподаватель Талызинъ.—Отношеніе къ кадетамъ директора.—Производство въ унтеръ-офицеры и фельдфебеля.—Товарищи.—Свойство характера.—Исторія съ пирогами.—Духъ кадетъ.—Выпускъ.—Представленіе великому князю.

1817—1823.

Наконецъ, столь давно ожидаемое счастіе наступило и мы съ братомъ Андреемъ были приняты въ I-й кадетскій корпусъ 11-го августа 1817 года. Первый кадетскій корпусъ занималъ знаменитыя хоромы кн. А. Д. Меншикова на Васильевскомъ островѣ, по Кадетской линіи, съ обширнымъ плацомъ и садомъ. Внутри, по всей длинѣ зданія и по всѣмъ тремъ этажамъ, шли открытыя галлереи. Кадеты были раздѣлены на пять ротъ: гренадерскую, 1, 2, 3 резервную и малолѣтнее отдѣленіе, которое было подъ присмотромъ дамъ. Классовъ было шесть, а 7-й служилъ въ нѣкоторомъ отношеніи исправительнымъ для лѣнивыхъ, неспособныхъ и дурно себя ведущихъ. Я поступилъ въ резервную роту и 6-й самый младшій классъ, а братъ Андрей въ малолѣтнее отдѣленіе.

По вступленіи въ роту я, какъ новичекъ, сталъ подвергаться насмѣшкамъ и пинькамъ прежде меня вступившихъ въ корпусъ. Убѣдясь, что тутъ невозможно вести себя какъ дома и припомня рѣшеніе свое, при разлукѣ съ матерью, разсчитывать только на собственныя силы, я, уговорясь съ другими новичками, особенно съ двумя братьями Врангель, которые были высоки и сильны, рѣшили болѣе не поддаваться, что на первыхъ порахъ вводило меня въ ежедневныя драки.

Въ корпусѣ было принято правиломъ въ дракѣ бить кулаками по бокамъ и носками по ногамъ противника, никогда не задѣвая лица, потому что могущіе быть отъ удара по лицу знаки немедленно подводили подъ розги имѣющихъ оные, а указать кто ихъ сдѣлалъ было бы величайшимъ преступленіемъ противъ товарищества.

По утру кадетамъ на завтракъ давали по булкѣ, но ничего горячаго, ни чаю, ни сбитню, что было большимъ лишеніемъ привыкшимъ дома пить чай или кофе. Вообще же пища въ корпусѣ была простая, но сытная, благодаря знаменитому по своей честности эконому Андрею Петровичу Боброву, который любилъ кадетъ съ нѣжностію отца, и кадеты обожали его, хотя иногда трунили надъ его пузатой и замасленной фигурой.

„Полвѣка экономъ, наслѣдства твоего не стало, смѣхъ сказать,—и на покупку гроба“, сказалъ о немъ бывшій кадетъ М. П. Розенгеймъ. Другой кадетъ, Дружининъ, говоритъ о Бобровѣ, что никогда Диккенсъ, въ самыя теплыя минуты своего творчества, не создавалъ такого оригинальнаго, благороднаго, любящаго, юмористически-трогательнаго лица.

Корпуснымъ докторомъ былъ Зеленскій, хорошій лекарь, неусыпно ухаживавшій за больными кадетами.

Обмундированіе кадетъ было принятое при Александрѣ I-мъ: мундиры съ длинными фалдами, бѣлые штаны съ кожаными крагами и неудобные кивера съ помпонами для фузилерныхъ ротъ и палками, обвитыми бахрамою изъ конскаго волоса, именуемыми султанами, для гренадерскихъ ротъ. Въ обыкновенные дни кадеты носили фуражки безъ козырька, куртки и сѣрые штаны, но всегда съ крагами. Казенныхъ шинелей не было, но увольняемые въ отпускъ въ праздничные дни должны были имѣть собственныя шинели офицерскаго покроя.

Благодаря неудобству крагъ и секретнымъ порокамъ, весьма распространеннымъ въ то время въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, многіе кадеты дѣлались косолапыми, или имѣли ноги колесомъ. Первые подвергались насмѣшкамъ, но имѣть ноги колесомъ считалось своего рода шикомъ. Физическая сила была въ большомъ уваженіи и силачи играли всегда важную роль между кадетами.

Лѣто въ корпусѣ проходило довольно пріятно, благодаря обширному и тѣнистому саду; лагеря и отпусковъ домой на вакацію въ корпусѣ не существовало. Кадеты играли въ мячъ, свайку, лапту, но любимая игра ихъ была въ мячъ. Это былъ сшитый изъ кожи шаръ въ $^1/_4$ ар. въ діаметрѣ, куда вставляли и потомъ надували смоченный бычачій пузырь. Игра мячемъ состояла въ подбрасываніи его на воздухъ носкомъ ноги, и кто это дѣлалъ высоко и перпендикулярно считался лучшимъ игрокомъ.

На высокой кирпичной стѣнѣ, окружавшей плацъ и садъ, были еще замѣтны во время нахожденія моего въ корпусѣ многія изъ нравственныхъ сентенцій математическихъ и физическихъ фигуръ, начерченныхъ на ней, по распоряженію гр. Ангальта, бывшаго директора корпуса и извѣстныхъ подъ названіемъ говорящей стѣны (la muraille parlante).

Главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній при мнѣ былъ цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ и помощниками его были поперемѣнно: генералъ Клингеръ, гр. Петръ Петровичъ Коновницынъ, знаменитый герой 1812 года, и гр. Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ; всѣ они жили въ зданіи 1-го корпуса, почему воспитанники онаго могли часто ихъ видѣть и хорошо знать.

Клингеръ худо говорилъ по русски, писалъ нѣмецкія трагедіи, мало занимался своею должностію и всегда былъ суровъ и угрюмъ. Коновницынъ и Кутузовъ были вполнѣ добрые начальники, но педагогическихъ познаній не имѣли. Коновницынъ былъ очень ко мнѣ благосклоненъ и часто приглашалъ обѣдать; вся его семья также меня любила.

Директоромъ 1-го корпуса былъ генералъ Михаилъ Степановичъ Перской, человѣкъ весьма образованный, съ твердымъ характеромъ, но слѣдовалъ странной педагогической системѣ, какъ то будетъ объяснено дальше. Инспекторомъ классовъ былъ полковникъ Черкасовъ, онъ же училъ фортификаціи въ верхнихъ классахъ; баталіоннымъ командиромъ былъ полковникъ Шмидтъ, онъ же училъ тактикѣ и стратегіи. Кадеты его очень любили, какъ за его доброту, такъ за отличное знаніе фронтоваго ученія и прекрасный голосъ. Во 2 мъ корпусѣ баталіоннымъ командиромъ былъ полковникъ Кенигъ, и когда баталіонъ 2-го корпуса приходилъ учиться съ баталіономъ 1-го корпуса, то кадеты замѣчали, что Шмидтъ (кузнецъ) командуетъ какъ Кенигъ (король), а Кенигъ—какъ Шмидтъ.

Воспитательная система, соблюдавшаяся въ 1 корпусѣ, какъ равно и въ другихъ корпусахъ, была вполнѣ неудовлетворительная. Ротный командиръ и офицеры являлись по утру, осматривали одежду и чистоту лица и рукъ у кадетъ, производили назначенныя экзекуціи и затѣмъ, въ продолженіе всѣхъ сутокъ, кадеты были предоставлены самимъ себѣ, подъ безполез-

нымъ наблюденіемъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ изъ тѣхъ же кадетъ.

Бо́льшая часть проступковъ влекла за собою наказаніе розгами, заключеніе въ карцеръ на хлѣбъ и на воду, оставленіе безъ булки или обѣда, неувольненіе въ отпускъ. Мало кто изъ начальниковъ давалъ себѣ трудъ сближаться нравственно съ кадетами и вообще, въ суровыя времена Клингера, кадеты не любили своихъ начальниковъ и считали ихъ несправедливыми. Суровость воспитателей неизбѣжно дѣлала суровыми и нравы воспитанниковъ. Подтвержденіемъ этого можетъ служить свято сохранявшійся въ наше время обычай: на томъ столѣ, гдѣ недостаетъ посаженнаго въ карцеръ, не ѣсть пироговъ, а передавать всѣ ему, что должны были исполнять сосѣди его за столомъ по правую и по лѣвую руку. Обреченные на исполненіе этой обязанности кадеты очень хорошо понимали, что заключенный двадцати пироговъ съѣсть не можетъ и что при передачѣ пироговъ ихъ непремѣнно поймаютъ и высѣкутъ, но не смотря на это, не было примѣра, чтобы они отъ этого отказались. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію кадетъ, это служило демонстраціей противъ будто бы несправедливаго наказанія, не принимая въ соображеніе, что мнѣніе это, по большей части, было неправильно. Этотъ дикій обычай, державшійся, не смотря на самыя строгія наказанія для его искорененія, имѣлъ только ту хорошую сторону, что пріучалъ кадетъ къ самопожертвованію для своихъ товарищей, что такъ важно на военномъ поприщѣ, къ которому они себя предназначали. Это маленькое правонарушеніе служило къ созиданію великаго дѣла. Оно воспитало духъ товарищества, духъ взаимо-помощи и состраданія, который придаетъ каждой средѣ теплоту и жизненность, съ утратой коихъ люди перестаютъ быть людьми и становятся холодными эгоистами, не способными ни къ какому дѣлу, требующему самоотверженія и доблести.

Образованіе въ корпусѣ шло гораздо успѣшнѣе воспитанія. 1-й верхній классъ былъ выпускнымъ и въ немъ было нѣсколько отличныхъ преподавателей.

Матвѣй Ивановичъ Талызинъ преподавалъ логику, русскую исторію и словесность и занималъ часто воспитанниковъ переводами съ французскаго языка на русскій. Талызинъ былъ

плотный, красивый и чрезвычайно представительный мужчина. одаренный замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. Онъ написалъ русскую исторію и логику, но слогъ его былъ очень тяжелъ, что казалось весьма страннымъ при его дарѣ слова, тѣмъ болѣе, что въ то время Карамзинъ и Жуковскій въ своихъ сочиненіяхъ давали великолѣпные образцы до какого сладкозвучія можетъ быть доведенъ русскій языкъ и самъ Талызинъ часто читалъ намъ ихъ произведенія съ замѣчательнымъ искусствомъ. Такого чтеца, какъ онъ, я встрѣтилъ въ моей жизни лишь въ одномъ Осинскомъ, профессорѣ словесности въ прежнемъ Варшавскомъ университетѣ. Талызинъ не дозволялъ ничего учить наизусть, но требовалъ объясненія своими словами, что научило его воспитанниковъ хорошо говорить и писать. Съ благодарностію вспоминаю о почтенномъ Матвѣѣ Ивановичѣ, котораго такъ обожали его ученики и которому я считаю себя обязаннымъ моимъ умственнымъ развитіемъ

Коль въ обученіи французскому языку слѣдовалъ тому же методу, какъ и Талызинъ, и доказательствомъ его успѣшности для прилежнаго ученика было то, что я легко читалъ французскія сочиненія и могъ посредственно объясняться и писать по французски, что такъ трудно пріобрѣтается и нынѣ въ учебныхъ заведеніяхъ. По указанію Коля я перевелъ въ 1820 году на русскій языкъ „Eloge de Marc Aurele de Thomas“ и Талызинъ остался доволенъ этимъ переводомъ.

По предложенію Талызина я написалъ статью по случаю кончины Петра Петровича Коновницына, послѣдовавшей 22 августа 1822 года. Статья эта была напечатана, въ сентябрѣ мѣсяцѣ того-же года, въ „Благонамѣренномъ“, журналѣ Измайлова, въ № XXXVI. Появленіе моего сочиненія въ первый разъ въ печати доставило мнѣ большое удовольствіе. Семейство Коновницына нѣсколько разъ изъявляло мнѣ благодарность за статью.

Высшую математику преподавалъ Николай Фуссъ, бывшій потомъ секретаремъ академіи наукъ; Черкасовъ и Шмидтъ читали весьма удовлетворительно военныя науки.

Преподавателями закона Божія, въ верхніе классы, назначали ученыхъ архимандритовъ, которыхъ года чрезъ два посвящали въ архіереи. Каждый годъ бывалъ публичный экзаменъ закона Божьяго. На одномъ изъ нихъ я получилъ за свой от-

вѣть одобреніе отъ митрополитовъ: православнаго Михаила (Десницкаго) и католическаго Сестренцевича.

Съ удовольствіемъ вспоминаю также объ учителѣ фехтованія, знаменитомъ Сивербрикѣ, такъ какъ я страстно любилъ фехтованіе на шпагахъ и былъ лучшимъ его ученикомъ. Гавеманъ былъ достойнымъ его сотрудникомъ, обучая драться на сабляхъ.

Изъ другихъ учителей упомяну: о Вольгемутѣ, учителѣ физики; Гапателѣ, преподававшемъ или, лучше сказать, заставлявшемъ учениковъ долбить наизусть, всеобщую исторію на французскомъ языкѣ, на которомъ три четверти учениковъ ничего не понимали и читали свой урокъ какъ попугаи; Шмыгинѣ, учителѣ географіи; наконецъ, о Штемлерѣ, учителѣ нѣмецкаго языка, которому, по странному предразсудку, вкоренившемуся между русскою молодежью, никто не хотѣлъ учиться, хотя нѣмецкій языкъ, для практическихъ цѣлей, необходимѣе для русскаго всякаго другаго языка.

Это воспоминаніе объ учителяхъ 1-го корпуса можетъ дать понятіе о всей программѣ наукъ, въ немъ проходившихся.

Кадетъ верхнихъ классовъ два раза въ недѣлю водили въ манежъ, для обученія верховой ѣздѣ, что было для нихъ самымъ главнымъ удовольствіемъ. Лошадей въ корпусѣ было до 20-ти и изъ нихъ много хорошей ѣзды. Берейторами были Вороновъ и потомъ Кайзеръ.

Директоръ Перской имѣлъ обыкновеніе кадетъ прилежныхъ и по его мнѣнію даровитыхъ переводить изъ одного класса, до окончанія въ немъ курса, въ другой высшій, иногда черезъ два класса, какъ то случилось со мною; но что еще хуже, за лѣность, дурное поведеніе и особенно старокадетство онъ отсылалъ въ 7-й классъ, и лишалъ, такимъ образомъ, кадетъ, иногда дѣйствительно даровитыхъ, дальнѣйшаго образованія, такъ какъ въ 7-мъ классѣ, гдѣ преподавались только первоначальныя науки, сидѣли кадеты двадцатилѣтняго возраста и были выпускаемы офицерами въ гарнизонъ, а иногда и унтеръ-офицерами. Столь безчеловѣчное правило портило будущую карьеру многихъ изъ ожесточенныхъ, которыхъ можно бы было навести на хорошій путь болѣе гуманнымъ обращеніемъ. Старыми кадетами называли въ корпусѣ тѣхъ, которые считали правиломъ быть грубыми съ начальниками и учителями, худо учиться и имѣть ноги колесомъ.

Ѳ. Г. Батуринъ, опредѣлившій меня въ корпусъ, рекомендовалъ меня своему пріятелю, корпусному капитану Карлу Ивановичу Мердеръ, бывшему потомъ наставникомъ цесаревича, впослѣдствіи императора, Александра Николаевича; я часто бывалъ въ семействѣ Мердера, который былъ командиромъ гренадерской роты и вскорѣ былъ переведенъ въ эту роту, гдѣ въ 1820 году произведенъ въ унтеръ-офицеры. Мердеръ былъ гуманнѣе прочихъ командировъ ротъ и имѣлъ болѣе правильную педагогическую систему. Въ 1821 году я былъ назначенъ фельдфебелемъ во 2-ю роту капитана Криницкаго, въ которой и оставался до выпуска. Вообще я былъ всегда отличаемъ какъ директоромъ, такъ и другими начальниками, строго сохраняя, впрочемъ, товарищескія отношенія, почему, не смотря на видимое предпочтеніе начальства, не имѣлъ никогда непріятностей отъ товарищей. Лучшими моими пріятелями были: Колотовъ Павелъ, Татариновъ, Трубниковъ, Висковатовъ Александръ, уже умершіе, и Драчевскій 1-й, замѣчательный математикъ, убитый при взятіи Варшавы въ 1831 году.

Страсть къ наукамъ и отличная память давали мнѣ возможность быть по всѣмъ предметамъ изъ первыхъ учениковъ. Свойство моей памяти было такое, что, прочтя разъ урокъ, я могъ его повторить словесно безъ ошибки, но за то прочитанное скоро и забывалъ. Эта легкость, съ какою я могъ сдавать уроки, была для моего образованія большимъ вредомъ, потому что не дѣлало его прочнымъ и дозволяло употреблять свободное время на чтеніе, къ которому я пристрастился съ дѣтства, разныхъ книгъ безъ разбора.

Говоря о своихъ качествахъ, опредѣлившихъ до извѣстной степени дальнѣйшее теченіе моей жизни, не могу умолчать еще о двухъ, такъ сказать, наслѣдственныхъ: я наслѣдовалъ отъ своего отца веселость характера и отъ матери доброту сердца. Двѣ эти характеристическія черты не оставляли меня до глубокой старости; веселость доставляла мнѣ успѣхи въ обществѣ, какъ пріятнаго собесѣдника, доброта же хотя иногда мѣшала успѣхамъ моимъ по службѣ, но привязывала ко мнѣ подчиненныхъ.

Изъ корпуса я часто ходилъ въ отпускъ, преимущественно въ семейство Бартдинскихъ, съ тремя братьями котораго былъ весьма друженъ, и съ ними въ домъ адмирала Пустошкина,

въ дочь котораго, Александру, 25-ти лѣтъ, былъ влюбленъ. Иногда брала меня къ себѣ Анна Николаевна Батурина, вдова бригадира екатерининскихъ временъ, бывавшая сама при дворѣ покойной императрицы. Батурина возила меня иногда въ гости къ пріятелю ея извѣстному адмиралу Шишкову, патріотическіе манифесты котораго мнѣ случалось читать въ дѣтствѣ въ 1812 году. Манифесты эти я читалъ сформированной мною командѣ школьниковъ въ Кашинѣ, вѣроятно для возбужденія ихъ мужества при нападеніи на огороды Клобуковскаго монастыря, о чемъ упомянуто выше.

Къ выпуску въ 1823 году, кромѣ меня, предназначалось въ артиллерію, саперы, армію и къ статскимъ дѣламъ 65 человѣкъ. На произведенныхъ экзаменахъ, по полученнымъ балламъ по наукамъ и поведенію, я оказался первымъ ученикомъ.

Не могу не упомянуть объ одномъ происшествіи, бывшемъ передъ выпускомъ, въ которомъ демонстрація передачи пироговъ имѣла печальныя послѣдствія. Выпускные этого года позволяли себѣ разные строго запрещенные поступки, т. е., по кадетскому выраженію, очень кутили. Начальство вынуждено было примѣнить для нѣкоторыхъ самую строгую мѣру наказанія — заключеніе въ jeu de pomme [1]). По рѣшенію большинства выпускныхъ, не смотря на протесты нѣкоторыхъ и въ томъ числѣ меня, въ одинъ день послѣдовало распоряженіе всѣмъ кадетамъ передать пироги заключеннымъ въ жёдепомѣ, и потому послѣ обѣда принести ихъ въ назначенное мѣсто. Подъ вечеръ вся толпа выпускныхъ, человѣкъ до 50-ти, исключая фельдфебелей, отправилась въ садъ, перелѣзла чрезъ высокую стѣну и чрезъ рѣшетки оконъ завалила пирогами карцеры арестованныхъ. Начальство, вѣроятно, было предувѣдомлено, потому что дежурный по корпусу, полковникъ Эллерманъ, и дежурные по ротамъ офицеры, съ командою всѣхъ служителей, направились въ садъ ловить нарушителей порядка. Увидя себя, при возвращеніи въ садъ, окруженными, выпускные кадеты построились въ густую колонну и, отбиваясь отъ служителей, желавшихъ схватить

[1]) Жёдепомъ (jeu de pomme) мрачное зданіе, высящееся за восточной стѣной корпуснаго сада, гдѣ была устроена, вѣроятно, при директорѣ корпуса Ангальтѣ, зала для этой игры, имѣвшей въ то время въ Петербургѣ много охотниковъ. Назначеніе этого зданія уже измѣнено. А. А. О.

нѣкоторыхъ изъ нихъ, достигли главныхъ воротъ сада, но нашли ихъ запертыми. Не думая долго, вся колонна начала раскачивать ворота, ударяя въ нихъ, какъ таранами. Одна изъ огромныхъ половинокъ воротъ соскочила съ петлей и упала всею тяжестью на стараго швейцара, очень любимаго кадетами, который, стоя на другой сторонѣ рѣшотчатыхъ воротъ, употреблялъ все свое краснорѣчіе, чтобы ихъ остановить. Бѣдный швейцаръ получилъ опасный ушибъ и на другой день умеръ. Разсказывали, что дежурный полковникъ и одинъ офицеръ получили удары брошенными палками.

Несчастное происшествіе это навело ужасъ на весь корпусъ. На другой день потребовали всѣхъ фельдфебелей къ директору. Михаилъ Степановичъ Перской, въ ужасномъ гнѣвѣ, объявилъ имъ, что примѣрно накажетъ весь выпускъ за столь небывалое буйство. Горько упрекалъ ихъ въ томъ, что они имѣютъ такъ мало хорошаго вліянія на товарищей, что не могутъ удержать ихъ отъ подобныхъ безобразій. Перской, когда былъ разгнѣванъ, имѣлъ привычку сильно тыкать въ грудь пальцемъ того, съ кѣмъ говорилъ; въ эту минуту онъ обращался съ выговорами ко мнѣ, какъ первому по выпуску, и я, привыкшій во все время пребыванія въ корпусѣ слышать отъ директора однѣ похвалы, въ продолженіе получаса долженъ былъ переносить эти ужасные тычки, отъ которыхъ долго потомъ болѣла у меня грудь. Онъ не дождался, однако, чтобъ фельдфебеля указали ему зачинщиковъ, въ чемъ, полагаю, онъ и не нуждался, потому что, при шалостяхъ массою, онъ не затруднялся кто долженъ былъ отвѣчать.

Въ тотъ же день, при собраніи всего корпуса, были наказаны по его выбору розгами, такъ же жестоко, какъ въ то время наказывали солдатъ, нѣсколько выпускныхъ и нѣкоторые изъ нихъ выписаны изъ корпуса въ солдаты. Никому изъ выпускныхъ не дали подарковъ, которые обыкновенно раздавались на актѣ, послѣ экзаменовъ, и я лишился нѣсколькихъ томовъ прекрасныхъ книгъ и пары золотыхъ рапиръ, назначенныхъ мнѣ, какъ первому ученику и лучшему фехтовщику.

Я нарочно распространился объ этомъ происшествіи, чтобъ показать закоренѣлость убѣжденія кадетъ въ несправедливости дѣйствій ихъ начальства и безпрекословное исполненіе ими това-

рицескихъ распоряженій, въ увѣренности, что они должны быть непремѣнно правильны. Въ этомъ случаѣ распоряженіе передавать пироги было сдѣлано небольшою группою выпускныхъ, а исполняли его кадеты всего корпуса. Постараюсь выяснить причины столь ненормальнаго положенія.

Въ екатерининское время 1-й шляхетскій кадетскій корпусъ былъ однимъ изъ лучшихъ образовательныхъ учрежденій, не только въ Россіи, но въ цѣлой Европѣ; онъ доставилъ своему отечеству нѣсколько знаменитыхъ военачальниковъ и государственныхъ дѣятелей, снабжалъ армію отличными офицерами и вообще много послужилъ къ распространенію просвѣщенія въ Россіи. Двоюродный братъ Екатерины II, гр. Ангальтъ, назначенный ею директоромъ 1-го корпуса, посвящалъ ему все свое время, и корпусъ представлялъ настоящее семейство, подъ руководствомъ глубоко гуманнаго, высоко образованнаго, любящаго отца-педагога. Послѣ его кончины, при измѣненіи государственныхъ взглядовъ Екатерины, произведенномъ ужасами французской революціи, она рѣшила уничтожить либеральное направленіе, данное гр. Ангальтомъ воспитанію и образованію кадетъ 1-го корпуса. Введеніе строгой военной дисциплины въ учрежденіе, привыкшее къ отеческому обращенію гр. Ангальта, натурально возбудило сильное негодованіе между воспитанниками и внушило имъ недовѣріе къ справедливости начальства, по сравненію съ прежнимъ ихъ положеніемъ. Вновь вступавшіе въ корпусъ, разумѣется, принимали мнѣніе ихъ старшихъ товарищей, которое съ теченіемъ времени укоренилось и выработало, такъ сказать, нравственный кодексъ отношеній кадетъ къ ихъ начальникамъ. По правиламъ этого кодекса, вошедшимъ въ плоть и кровь кадетъ, должна была существовать крѣпкая, тѣсная связь между товарищами. Каждый кадетъ долженъ былъ разсчитывать на собственныя свои способности и никогда не прибѣгать къ заискиванію предъ начальствомъ—прибѣгающихъ къ этому обзывали „подъэгощиками“ и презирали—никогда не выдавать своего товарища, сдѣлавшаго подобную вещь клеймили прозвищемъ егозы или шпіона, и жизнь его между товарищами дѣлалась невыносимою.

Свято сохраняемыя правила неискательства и товарищества и по выходѣ изъ корпуса дѣлали изъ кадетъ 1-го корпуса замѣчательный типъ военныхъ людей, весьма уважаемый въ русской

арміи. Безъ свѣтскаго лоска, немного грубоватый, неискательный, готовый на самопожертвованіе для товарищества, искренній патріотъ,—вотъ главныя черты этого военнаго типа, столь полезнаго для поддержанія корпоративнаго духа въ войскѣ. Какъ бы ни различно было служебное и имущественное положеніе, въ которое становились съ теченіемъ времени питомцы 1-го кадетскаго корпуса, одного названія однокашника было достаточно, чтобъ они обходились другъ съ другомъ, какъ старые товарищи.

Императоръ Павелъ уничтожилъ все хорошее, оставшееся еще послѣ Ангальта въ корпусѣ, а Николай I назначеніемъ такихъ управляющихъ военно-учебными заведеніями, какъ Демидовъ и Сухозанетъ, много повредилъ умственному и нравственному развитію воспитанниковъ.

Желая служить вмѣстѣ съ пріятелемъ моимъ Павломъ Лукичемъ Колотовымъ, я просилъ цесаревича великаго князя Константина Павловича назначить меня въ лейбъ-гвардіи 5-ю батарейную артиллерійскую роту. Командиръ роты, полковникъ Николай Ивановичъ Корфъ, на запросъ великаго князя отвѣчалъ, что въ ротѣ не имѣется офицерской вакансіи. Тогда пріятель Колотова, подпоручикъ л.-гв. Литовскаго полка Николай Афанасьевичъ Обручевъ, просилъ назначить меня, какъ будто бы двоюроднаго его брата, для совмѣстнаго служенія съ нимъ въ л.-гв. Литовскій полкъ, на что великій князь и согласился. Считаю себя много обязаннымъ Обручеву какъ за эту просьбу, такъ и за подробное наставленіе, получаемое мною отъ него на счетъ обмундированія, дороги и жизни въ Варшавѣ. Вѣроятно, ни одинъ настоящій двоюродный братъ не сдѣлалъ бы болѣе.

Въ февралѣ 1823 г. вел. кн. Константинъ Павловичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и по его приказанію директоръ Перской повелъ меня въ Мраморный дворецъ для представленія. Едва вошли мы въ залъ, наполненный генералами, какъ вышедшій изъ кабинета великаго князя камердинеръ сказалъ, что его выс—во спрашиваетъ кадета Одинцова. Вошедши одинъ въ кабинетъ, я увидалъ великаго князя въ сюртукѣ, безъ эполетъ, л.-гв. Подольскаго кирасирскаго полка, который онъ обыкновенно носилъ у себя дома. Константинъ Павловичъ былъ въ веселомъ расположеніи духа, очень любезно благодарилъ меня за успѣхи въ наукахъ и за желаніе служить подъ его началь-

ствомъ, но какъ, по несчастью, въ 5-й батарейной ротѣ нѣтъ вакансій, то онъ будетъ просить государя произвести меня въ офицеры въ л.-гв. Литовскій полкъ. При этомъ онъ прибавилъ, что изъ меня выйдетъ славный гренадеръ, а во мнѣ росту было 2 аршина 4 вершка. Потомъ великій князь далъ мнѣ стоявшее тутъ солдатское ружье и приказалъ дѣлать пріемы и маршировать. Эта эксцентрическая выходка и тяжесть ружья, въ сравненіи съ кадетскимъ, сначала изумили меня, однако, я успѣлъ исполнить требуемое, къ удовольствію великаго князя. Потомъ Константинъ Павловичъ сказалъ, чтобъ я не дѣлалъ себѣ здѣсь никакого платья, а что онъ прикажетъ обмундировать меня по пріѣздѣ въ Варшаву, куда беретъ меня съ собою, и спросилъ еще есть ли у меня что надѣть на дорогу? Я отвѣчалъ, что у меня купленъ тулупъ. Тогда великій князь позвалъ своего камердинера Фрица и спросилъ, взялъ ли онъ съ собою его вигоневую фуфайку, и на отвѣтъ, что она здѣсь, сказалъ:

— „Фрицъ, отдай ее Одинцову, ему теплѣе будетъ ѣхать“.

Поблагодаривъ великаго князя за столь неожиданную любезность, я, съ коричневой фуфайкой въ рукахъ, вышелъ изъ кабинета и, разумѣется, былъ закиданъ вопросами генераловъ, удивленныхъ видѣть меня съ такою ношею.

На другой день, 27-го февраля 1823 г., высочайшимъ приказомъ я былъ произведенъ прапорщикомъ въ л.-гв. Литовскій полкъ, что было исключеніемъ, потому что въ то время изъ корпусовъ прямо въ гвардію рѣдко выпускали.

Послѣ опредѣленія въ корпусъ это былъ второй въ моей жизни счастливый случай, испорченный только тѣмъ, что, отправляясь съ великимъ княземъ, я не могъ повидаться съ своими родителями, что обыкновенно дозволялось выпускаемымъ изъ корпуса кадетамъ.

Привезъ меня въ Варшаву, 2-го марта 1823 г., фельдъегерь Константина Павловича Максимъ Ивановичъ Ивановъ, турокъ родомъ, замѣчательный тѣмъ, что при взятіи Измаила былъ спасенъ ребенкомъ и призрѣнъ русскими.

Примѣчаніе. Со времени Николая I-го начали входить въ обычай общественные обѣды: кавказцевъ, бывшихъ студентовъ университетовъ, лицеистовъ, севастопольцевъ, дѣятелей по освобожденію крестьянъ и бывшихъ воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній. Обѣды эти доставляли большое удовольствіе

свиданіемъ съ невстрѣчаемыми давно товарищами по школѣ и воспоминаніями юности; но въ нихъ было и много полезнаго, для утвержденія корпоративнаго или, лучше сказать, дружиннаго духа.

Въ 1877 г. одинъ изъ бывшихъ кадетъ 1-го корпуса, Петръ Владиміровичъ Жуковскій, взялъ на себя почииъ пригласить прежнихъ кадетъ этого корпуса на общій товарищескій обѣдъ, въ день учрежденія 1-го Шляхетскаго кадетскаго корпуса, 17-го февраля 1732 г.

Первый обѣдъ этотъ состоялся въ гостинницѣ Палкина, на Невскомъ проспектѣ, и соединилъ, по открытой подпискѣ по 8 рублей съ персоны, до 122 человѣкъ. Старѣйшими на ономъ по выпуску — оказались я и Кликасевъ, выпуска 1823 г. Обѣдъ отличался чрезвычайнымъ одушевленіемъ и неподдѣльною веселостью, что было и на слѣдующихъ за нимъ. Припомнивъ то время, когда государь Александръ II и братья его, Николай и Михаилъ, находились въ рядахъ 1-го корпуса, собравшіеся кадеты рѣшили написать икону Св. Александра Невскаго и Ѳеодора Тихона, чествуемаго православною церковью въ день основанія 1-го корпуса, 17-го февраля, и поднести ее государю, что и было, съ соизволенія его, исполнено.

Въ 1879 г., кромѣ бывшихъ кадетъ 1-го корпуса, были приглашены, по ихъ просьбѣ, и офицеры, выпущенные изъ юнкеровъ 1-го военнаго училища, какъ составляющаго продолженіе 1-го корпуса, помѣщающагося въ томъ же историческомъ зданіи и унаслѣдовавшаго отъ 1-го корпуса знамя, его особый наградной знакъ (hausse col), музеумъ и библіотеку.

Меню обѣдовъ писались на изображеніи красныхъ погоновъ 1-го корпуса, соображаясь съ блюдами, которыя давались въ корпусѣ, напр., щи кислые, грешневка, рыба по кадетски, бобровскій куличъ, фунтики съ пряниками, которые отпускались кадетамъ по большимъ праздникамъ. Передъ обѣдомъ били повѣстку и всѣ шли къ обѣду, подъ звуки стариннаго марша 1-го корпуса. Начинали и кончали обѣдъ молитвою, которую пѣли всѣ присутствовавшіе, какъ бывало въ корпусѣ.

На каждомъ обѣдѣ П. В. Жуковскій читалъ стихи своего сочиненія, возбуждавшіе всегда громкіе аплодисменты. Произносилось множество спичей и тостовъ. Со всѣхъ концовъ Россіи получались поздравительныя телеграммы отъ однокашниковъ, которые сейчасъ-же прочитывались. Собирали деньги для нуждающихся бывшихъ кадетъ, для чего г. Волошиновъ одинъ пожертвовалъ семь тысячъ рублей. Изъ сего сбора часть была употреблена на временныя вспоможенія, а остальная часть на учрежденіе при 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, названіе котораго было возобновлено въ 1882 г., стипендіи имени бывшихъ кадетъ первоначальнаго 1-го корпуса.

Въ 1882 году, въ полуторастолѣтнюю годовщину 1-го корпуса, былъ выбитъ жетонъ.

Въ 1883 году начали составлять альбомъ фототипическихъ портретовъ бывшихъ кадетъ.

Распорядителями собраній согласились быть Жуковскій, Лаврентьевъ и Зыковъ. Предсѣдателями обѣдовъ, по старшинству выпуска, были въ 18..? Н. П. Цѣловъ выпуска 1817 г., въ 1882 г. А. П. Гилденштуббе выпуска 1819 г., Г. Дижуби выпуска 1819 г., на прочихъ-же обѣдахъ я—выпуска 1823 г.

Въ 1884 г., когда пили за мое здоровье, какъ предсѣдательствующаго въ этотъ день, я благодарилъ собраніе слѣдующими словами:

— «Душевно благодарю любезныхъ однокашниковъ за пожеланіе мнѣ здо-

ровья, которое тѣмъ болѣе для меня дорого, что дозволяетъ мнѣ находиться на всѣхъ нашихъ дружескихъ собраніяхъ, на которыхъ, къ сожалѣнію моему, кромѣ трехъ, я оказываюсь самымъ старымъ между вами: одно мнѣ весьма пріятно, что на продолжительномъ моемъ жизненномъ пути мнѣ приходилось, по большей части, встрѣчать между старыми кадетами честную жизнь, вѣрную, не заискивающую ни чьего покровительства службу и непомѣрно теплое чувство товарищества, которое и мы, старики, вступившіе на девятый десятокъ, не перестаемъ сохранять свято и значитъ сохранимъ и до конца нашей жизни, что, твердо убѣжденъ, и будетъ со всѣми вами».

А. А. О.

III.

Служба въ гвардейскомъ отрядѣ въ Варшавѣ.

Пріѣздъ въ Варшаву. — Составъ гвардейской дивизіи. — Общество офицеровъ.—Фаворитизмъ.—Пущинъ.—Андрей и Николай Одинцовы.—Увлеченіе книгами политическаго содержанія.—Литовскій полкъ на дурномъ счету.—Умственныя занятія.—Нововведенія: школа плаванія.—Фехтованіе.

1823—1830 гг.

Служба въ Варшавѣ тѣмъ болѣе меня прельщала, что представляла уже нѣчто заграничное, которое видѣть я давно мечталъ, но увидѣлъ уже въ позднюю пору моей жизни.

2-го марта 1823 г. я прибылъ въ Варшаву и, по условію съ моимъ корпуснымъ другомъ, П. А. Колотовымъ, остановился на квартирѣ пріятеля его л.-гв. Литовскаго полка подпоручика Николая Афанасьевича Обручева, на Сенаторской улицѣ, въ домѣ, называемомъ Бланка-палацъ.

Великій князь Константинъ Павловичъ приказалъ меня обмундировать на его счетъ.

Находившійся въ то время въ Варшавѣ, подъ главнымъ начальствомъ великаго князя Константина Павловича, гвардейскій отрядъ состоялъ изъ полковъ пѣхотныхъ: Литовскаго, польскаго гренадерскаго, егерскаго Волынскаго и польскаго сапернаго баталіона, составлявшихъ гвардейскую дивизію; кавалерійскихъ: Подольскаго кирасирскаго, Уланскаго великаго князя Константина Павловича и польскаго гвардейскаго конно-егерскаго полковъ. Наконецъ, двухъ ротъ л.-гв. артиллерійской 5-й батареи и 3-й конной.

Гвардейской дивизіей командовалъ генералъ-лейтенантъ Рихтеръ, командиромъ 1-й бригады и л.-гв. польскаго гренадерскаго полка былъ генералъ-маіоръ Жемирскій, а командиромъ л.-гв. Литовскаго полка ген.-маіоръ Василій Михайловичъ Кишкинъ. Командиромъ гвардейскаго корпуса былъ графъ Винцентій Красинскій.

Общество офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка отличалось тѣснымъ товариществомъ, либеральными мнѣніями александровскихъ временъ и полнымъ сознаніемъ своего достоинства, какъ корпораціи. Изъ офицеровъ полка было много хорошо образованныхъ, прилежно читавшихъ политическія и военныя сочиненія, а такъ какъ эти офицеры имѣли большое вліяніе на все общество, то и другіе старались слѣдовать ихъ примѣру. Вообще, въ продолженіе всей моей службы, я встрѣчалъ мало гвардейскихъ полковъ, въ которомъ бы былъ такой превосходный духъ, какъ въ Литовскомъ.

Сначала скажу нѣсколько словъ объ ожидавшемъ меня родѣ службы въ Варшавѣ. Великій князь Константинъ Павловичъ имѣлъ репутацію превосходнаго инструктора, въ смыслѣ того времени. Выправка, маршировка, ружейные пріемы и различныя построенія фронта въ войскахъ, имъ командуемыхъ, были доведены до совершенства. Онъ ввелъ въ русскую армію французскую методу ружейныхъ пріемовъ, со счетомъ про себя. Въ войскахъ, расположенныхъ въ Варшавѣ, было каждый день не менѣе двухъ ученій и въ 10 часовъ утра разводъ на Саксонской площади, ежедневно въ присутствіи самаго великаго князя и всѣхъ наличныхъ офицеровъ въ полкахъ.

Всѣ войска, какъ русскія, такъ и польскія, собирались мѣсяца на три въ лагерь подъ Повонзками. Столь часто повторявшіяся механическія занятія были, кажется, достаточны, чтобъ совершенно умственно отупѣть; однако, находилось, по счастію, нѣкоторое число офицеровъ, успѣвавшихъ проглотить всего Жомини, кромѣ другаго чтенія.

Съ наступленіемъ весны Варшава, съ ея прекрасными садами и роскошными тополевыми и каштановыми аллеями, показалась мнѣ прелестною.

Жители изъ поляковъ не имѣли большаго желанія сближаться съ русскими офицерами, а они, въ свою очередь, не искали этого

сближенія, и потому довольствовались только общественными удовольствіями, театрами, концертами въ публичныхъ садикахъ, (ogródky), прогулками и своимъ обществомъ. Всѣ почти офицеры полка были холостые, великій князь не любилъ женатыхъ, что по его мнѣнію было вредно для службы. Когда я прибылъ въ Варшаву, въ полку была только одна полковая дама, жена подпоручика Тинькова, прелестная Прасковья Сергѣевна, всѣхъ насъ очаровывавшая своею добротою и любезностью.

Я былъ весьма радушно принятъ обществомъ полка. Въ непродолжительномъ времени и интеллигенція полка приняла меня въ свою среду, за мою любознательность. Старшіе офицеры побранивали меня иногда за двѣ сходившіяся во мнѣ крайности серьознаго человѣка и рѣзваго шалуна.

Разумѣется, я отдался съ полнымъ увлеченіемъ чтенію, имѣя возможность получать всякаго рода книги. П. Колотовъ прислалъ мнѣ еще въ 1821 году „Essais sur les moeurs de Voltaire", и это сочиненіе сдѣлалось моею настольною книгою. Вольтеръ, Монтескьё, Франклинъ и Вейссъ опредѣлили въ моей молодости мое міросозерцаніе. Сожитель мой Обручевъ былъ пламенный послѣдователь Руссо и можно представить, какіе споры и пререканія возникали между нами при столь различныхъ доктринахъ. Кромѣ того, Обручевъ былъ очень страннаго и необщительнаго характера. Чрезъ годъ мы разошлись и я сталъ квартировать съ поручикомъ Форсманомъ, шведомъ по рожденію, чрезвычайно образованнымъ и достойнымъ человѣкомъ, съ которымъ и былъ неразлученъ до выступленія изъ Варшавы. Форсману я обязанъ, что онъ пріучилъ меня къ порядку и далъ болѣе системы моимъ научнымъ занятіямъ.

Великій князь былъ со мною очень любезенъ и часто говорилъ своему начальнику штаба Курутѣ:

„Неправда ли, Дмитрій Дмитріевичъ, что Одинцовъ очень похожъ на своего бывшаго директора Перскаго".

— Тоцно такъ, в. выс—во, отвѣчалъ льстивый грекъ, тоцно, Михайло Степаныцъ.

Какъ представилось это сходство Константину Павловичу — не понимаю. На первомъ разводѣ, въ которомъ я участвовалъ, великій князь приказалъ поставить меня въ 1-й взводъ и я долженъ былъ парадировать тихимъ шагомъ, передъ взводомъ,

въ которомъ каждый гренадеръ былъ не менѣе 12 вершковъ, въ то время какъ во мнѣ не было и 4-хъ, что его очень забавляло.

Фаворитизмъ мой продолжался до того времени, когда я былъ заподозрѣнъ, какъ атаманъ прапорщической шайки, устроенной съ цѣлью нанесенія разныхъ непріятностей полковнику Варпаховскому, чтобъ принудить его выйти изъ полка.

Варпаховскій былъ нетерпимъ офицерами за его дурной нравъ и жестокое обращеніе съ солдатами; а въ особенности за его исторію съ любимымъ и уважаемымъ въ полку капитаномъ Николаемъ Николаевичемъ Пущинымъ, который сказалъ во фронтѣ, что „ежели его баталіонный командиръ Варпаховскій станетъ бить солдатъ его роты, то онъ сдѣлаетъ съ нимъ то-же самое“. Великій князь также очень любилъ Пущина и былъ бы готовъ ограничиться относительно легчайшимъ взысканіемъ за это нарушеніе дисциплины, ежели бы Пущинъ извинился предъ Варпаховскимъ въ присутствіи общества офицеровъ полка, а какъ Пущинъ, не смотря на всѣ увѣщанія, на это не согласился, то былъ преданъ суду и разжалованъ въ рядовые.

Въ 1826 году Пущинъ былъ прощенъ и возвратился въ полкъ прежнимъ чиномъ капитана, и съ этихъ поръ началась моя дружба съ нимъ, продолжавшаяся до его кончины.

Жена Пущина, Эмилія Антоновна, бывшая потомъ начальницею Патріотическаго института (въ Петербургѣ), безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ достойныхъ женщинъ, что могу говорить утвердительно, зная всю ея жизнь.

У сожителя моего, Форсмана, были два пріятеля швейцарца: Фавръ, воспитатель барона Винценгероде, и де-Фошъ, съ которыми я также скоро подружился и общество которыхъ имѣло самое благодѣтельное вліяніе на умственное мое развитіе. Фавръ былъ ученый педагогъ, а де-Фошъ въ полномъ смыслѣ практическій человѣкъ, жившій въ разныхъ странахъ Европы и, кромѣ того, самый веселый и любезный свѣтскій собесѣдникъ. Разумѣется, нашъ языкъ былъ французскій, что дало мнѣ возможность, чрезъ два года послѣ выпуска изъ корпуса, совершенно свободно говорить по французски.

Какой человѣкъ былъ я въ 22 года моей жизни? Трудно 75 лѣтнему Одинцову, столь измѣненному житейскимъ опытомъ, сказать вѣрное о 22-хъ лѣтнемъ Одинцовѣ, ежели бы не со-

хранился листокъ, на которомъ я въ 1825 году записалъ слѣдующія черты моего тогдашняго характера: самолюбивъ, старается сдѣлаться лучшимъ, вѣтренъ, безпеченъ, хорошій другъ, желаетъ лучше быть несчастнымъ, но оставаться всегда честнымъ, лѣнивъ, нетерпѣливъ, нехладнокровенъ къ благорасположенію высшихъ, но не способенъ достигать онаго недостойными средствами; исполненъ любви сыновней, страстенъ къ удовольствіямъ свѣта, имѣетъ цѣлью заслужить общую любовь, обязанъ занятію науками многими счастливыми минутами своей жизни, предпочитаетъ три общества: образованныхъ и опытныхъ людей, милыхъ женщинъ и дружеское военное, гдѣ душа на распашку.

На этомъ же листкѣ написано: стараться всегда вести себя въ духѣ той среды, въ которой находишься (хотя наружно), ежели это не сопряжено съ нарушеніемъ чести или нравственности. Полагаю, что это правило руководило мною въ отношеніи товарищей, которыми я былъ весьма любимъ во все время пребыванія моего въ полку. Веселость моя одушевляла общество, а разсудительность дѣлала полезнымъ совѣтникомъ для молодежи, столь часто увлекающейся. Не менѣе двадцати ссоръ было окончено моимъ вліяніемъ миролюбиво, такъ что впослѣдствіи я получилъ насмѣшливое прозвище „мирнаго секунданта".

Въ 1826 году младшій братъ мой Андрей, вышедшій послѣ меня изъ корпуса, по моей просьбѣ, былъ переведенъ изъ артиллеріи Литовскаго корпуса въ нашъ полкъ. Андрей былъ олицетворенная безпечность, всецѣло преданный кутежу, но замѣчательно добродушный и любимый товарищами. Такъ какъ онъ стоялъ съ нами на одной квартирѣ, то отъ меня и Форсмана, который въ противоположность былъ олицетвореніемъ порядка, Андрею много доставалось брани, но безъ успѣха. Старшій братъ мой, Николай, выпущенный изъ 2-го кадетскаго корпуса къ статскимъ дѣламъ, вскорѣ женился и поселился въ имѣніи жены своей, сельцѣ Кузнецовѣ, Новгородской губерніи, Устюжскаго уѣзда.

Вся его жизнь проведена въ деревнѣ; нѣсколько лѣтъ онъ управлялъ въ Ярославской губерніи селомъ Великимъ, извѣстнымъ полотнянымъ промысломъ. Братъ Николай, какъ всѣ мы, былъ характера веселаго, очень умный и начитанный. Въ 1826 году я ѣздилъ на два мѣсяца въ отпускъ, но отца уже не засталъ въ живыхъ, онъ скончался 11 августа.

Вскорѣ послѣ моего прибытія въ полкъ, общество офицеровъ онаго сдѣлалась для меня какъ родная семья. Я упоминалъ уже выше, что много офицеровъ Литовскаго полка не дозволяло себѣ глохнуть въ однихъ только чисто механическихъ фронтовыхъ занятіяхъ, но старалось теоретически знакомиться съ настоящимъ военнымъ дѣломъ и развивать свой умъ другимъ разнообразнымъ чтеніемъ, особенно политическихъ сочиненій. Всѣ вообще были пылкіе сторонники парламентаризма, хотя ни отъ одного я не слыхалъ, что прежде испытанія его въ своемъ отечествѣ необходимо освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Константинъ Павловичъ не любилъ, чтобъ офицеры занимались науками, тѣмъ болѣе политическими, и потому Литовскій полкъ былъ у него на дурномъ счету и за нимъ шпіонничали болѣе, нежели за польскими полками. Возникшія потомъ происшествія ясно доказали, что мнѣніе великаго князя было ошибочно и что литовцы никому не уступали въ патріотизмѣ. Доказательствомъ тому служитъ тотъ фактъ, что во время возмущенія въ Варшавѣ Константинъ Павловичъ назначилъ для собственнаго своего конвоя 2-й баталіонъ л.-гв. Литовскаго полка, въ которомъ я былъ баталіоннымъ адъютантомъ.

Для памяти, приведу здѣсь имена офицеровъ, составлявшихъ эту интеллигенцію полка, о которой я говорилъ выше:

Полковники: Карлъ Григорьевичъ Энгельманъ, Иванъ Аѳанасьевичъ Билленбаховъ.

Капитаны: Аполлонъ Ильичъ Бибиковъ, Михаилъ Ивановичъ Жеребцовъ, Николай Николаевичъ Пущинъ.

Штабсъ-капитаны: Иванъ Кириллловичъ Высоцкій, Валеріанъ Макаровичъ Мичуринъ, Дмитрій Андреевичъ Хвощинской, Владиміръ Петровичъ Желтухинъ.

Поручики: Карлъ Ивановичъ Фохтъ, Алексѣй Александровичъ Леванидовъ, Петръ Александровичъ Гренеръ, Андрей Ѳедоровичъ Лишинъ [1]), Александръ Осиповичъ Іолшинъ.

Подпоручики: Сергѣй Николаевичъ Тиньковъ, Николай Викторовичъ Веригинъ [1]), Николай Афанасьевичъ Обручевъ, Александръ Александровичъ Гренеръ 2-й, Иванъ Яковлевичъ Форсманъ.

Прапорщики: Николай Ѳедоровичъ Дебринкенъ, Ѳедоръ Егоровичъ Рихтеръ, Павелъ Антоновичъ Крыжановскій, Павелъ Федоровичъ Довре, Мартынъ Павловичъ Якубовской, Петръ Карповичъ Романовской, Геннадій

---

[1]) Въ архивѣ «Русской Старины» имѣются, между прочими, съ 1870 года и будутъ напечатаны записки А. Ѳ. Лишина и Н. В. Веригина. Оба они уже покойники. Ред.

Ивановичъ Кореневъ, Өедоръ Андреевичъ Катенинъ, Александръ Ивановичъ Корвино-Красинской, Іосифъ Игнатьевичъ Пузыня, Дмитрій Антоновичъ Өедоровъ, Егоръ Яковлевичъ Овандеръ, Сергѣй Петровичъ Озеровъ, Анзельмъ Амвросьевичъ Лыщинской, Александръ Александровичъ Аршеневской, Александръ Астафьевичъ Забѣлло, Фридрихъ Ивановичъ Гине, Өедоръ Петровичъ Фокъ, Николай Петровичъ Макаровъ.

Можетъ быть, по давнему времени, я ошибся въ составленіи этого списка бывшихъ моихъ товарищей, раздѣлявшихъ со мною любовь къ чтенію, но во всякомъ случаѣ я убѣжденъ, что списокъ этотъ пришлось бы только увеличить и потому прошу прощенія у тѣхъ, кого мимовольно здѣсь пропустилъ.

Что касается до меня, то я старался не отставать отъ моихъ сослуживцевъ и, по примѣру ихъ, все мое свободное время посвящалъ чтенію, дѣлалъ выписки и анализы прочитаннаго, переводилъ, выучился скоро по польски, такъ что могъ слушать нѣкоторыя лекціи въ варшавскомъ университетѣ, особенно курсъ словесности профессора Осинскаго, переводчика на польскій языкъ нѣкоторыхъ трагедій Корнеля и Расина. Осинскій былъ великолѣпный чтецъ и лекціи его привлекали все интеллигентное общество Варшавы. Цукерня (кондитерская) швейцарца Лурса доставляла намъ возможность читать европейскіе журналы, чего иначе намъ бы не удавалось, и при страсти нашей къ политикѣ было бы большимъ лишеніемъ.

Изъ французскихъ газетъ, однако, приходилось довольствоваться „Gazette de France“, потому что „Journal des Dèbats“ и другія часто задерживались цензурою. По просьбѣ одного моего хорошаго знакомаго, гр. Валеріана Корвино-Красинскаго, я написалъ по французски въ 1828 году „Apperçu sur la littérature russe pour les quatre dernières années“ для Юліана Урсина Нѣмцевича, извѣстнаго польскаго поэта и въ то время предсѣдателя общества друзей н наукъ (Towacrzistwo przjaciol nauk), для рѣчи его о славянскихъ литературахъ. Съ самимъ Нѣмцевичемъ я не былъ знакомъ, но онъ весьма меня благодарилъ чрезъ графа Красинскаго.

Тотъ же Красинскій познакомилъ меня съ однимъ итальянцемъ, аббатомъ Кіарини, который въ 1830 году издалъ въ Парижѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Théorie du Judaisme appliquée à la reforme des Israelites de tous les pays de l'Europe

et servant en même temps d'ouvrage préparatoire à la version du Talmud, par l'abbé Louis Chiarini, professeur des langues et antiquités orientales à l'université de Varsovie".

Аббату Кіарини нужно было перевести на русскій языкъ пространное предисловіе этой книги, подъ заглавіемъ: „Préface à la version du Talmud", для ознакомленія съ нимъ святѣйшаго синода, чтобъ не встрѣтить потомъ препятствія въ напечатаніи перевода двухъ частей Талмуда, Мишны и Гемары, надъ которымъ онъ уже давно трудился. Императоръ Николай I-й, въ бытность въ Варшавѣ въ 1829 году, одобрилъ это предпріятіе и назначилъ 6 тысячъ злотыхъ на изданіе „Теоріи іудейства" и 12 тыс. злотыхъ на печатаніе переложенія Талмуда въ шести томахъ.

Графъ Красинскій и Кіарини убѣдительно просили меня предпринять переводъ на русскій языкъ предисловія къ теоріи іудейства. Цѣль Кіарини была доставить правительствамъ, переводомъ Талмуда, средства къ исправленію нравственности евреевъ, такъ какъ онъ считаетъ Талмудъ главною причиною того, что евреи до сихъ поръ составляютъ во всѣхъ странахъ отдѣльный народъ.

Въ виду дѣйствительной пользы, я взялъ на себя этотъ несовсѣмъ для меня пріятный трудъ и перевелъ все предисловіе, въ которомъ болѣе всего меня затрудняло пріисканіе текстовъ въ библіи, которые въ оригиналѣ приведены, разумѣется, по французски.

Изъ частыхъ разговоровъ моихъ съ Кіарини я узналъ какія трудности представляетъ переводъ Талмуда, даже при совершенномъ знаніи еврейскаго языка. Талмудисты стараются обыкновенно давать превратный смыслъ словамъ Библіи, для чего употребляютъ разныя уловки, какъ, напримѣръ: переиначеніе выраженій, игру словъ и проч. Только такой человѣкъ, какъ Каріани, могъ предпринять этотъ гигантскій трудъ. Я не встрѣчалъ никого такъ исключительно преданнаго своему предмету, это былъ настоящій мономанъ. По несчастію, онъ умеръ въ Варшавѣ въ 1832 году, не приведя къ окончанію любимую мысль всей своей жизни.

Литературныя занятія не отвлекали меня отъ служебныхъ: напротивъ, я исполнялъ ихъ болѣе, нежели мои сотоварищи.

начальство, считая меня способнымъ офицеромъ, возлагало на меня разнообразныя должности, не входившія въ обыкновенный кругъ моихъ прямыхъ обязанностей. Такъ, я завѣдывалъ въ полку особыми командами юнкеровъ, ракетниковъ, застрѣльщиковъ, фехтовщиковъ и полковою школою.

Не смотря на пристрастіе свое къ одиночной выправкѣ и щегольской маршировкѣ, Константинъ Павловичъ первый началъ вводить въ войска обученіе, которое бы развивало силы и ловкость солдата. Имъ были выписаны изъ австрійской арміи инструкторы плаванія, подъ завѣдываніемъ австрійскаго полковника графа Поццо ди Борго, и устроена школа плаванія въ озерѣ Маримонта.

Почти половина польской арміи и русскаго гвардейскаго отряда сдѣлались отличными пловцами и часто производили ученье на Вислѣ, въ которомъ, для сдѣланія предполагаемой высадки на противуположный ея берегъ, цѣлыми баталіонами переправлялись вплавь, при этомъ тащили за собою плоты, на которыхъ помѣщались ружья и сумы съ патронами. Люди были въ купальныхъ штанахъ и въ фуражкахъ. На одномъ изъ такихъ ученій я былъ замѣченъ государемъ наслѣдникомъ, нынѣ въ Бозѣ почивающимъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ, въ 1829 году, о чемъ мнѣ государь потомъ часто припоминалъ.

Введено было въ войскахъ обученіе фехтованію на штыкахъ, сабляхъ и пикахъ, главнымъ инструкторомъ котораго былъ также австріецъ Вагнеръ, который, не знаю почему, назывался наоборотъ, т. е. Ренгау,—фанатически преданный своему искусству и величавшій себя профессоромъ фехтованія на шпагахъ, сабляхъ, штыкахъ и кинжалахъ. Самъ я, какъ страстный любитель фехтованія, разумѣется былъ ревностнымъ помощникомъ Ренгау при обученіи солдатъ, но какъ ученикъ Севербрика, знаменитаго фехтмейстера изящной французской школы, я называлъ Ренгау, по его способу биться на шпагахъ, романтикомъ фехтованія. Въ это время фехтованіе было въ модѣ, и въ Варшавѣ были два зала фехтованія у Ренгау и у француза Прево. Я усердно посѣщалъ эти залы, особенно Прево, гдѣ часто бился съ гр. Валевскимъ, бывшимъ потомъ министромъ иностранныхъ дѣлъ при Наполеонѣ III, и даже съ одной дамой, замѣчательной фехтовщицей итальянкой Багалини.

При великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ введены также въ гвардейскихъ пѣхотныхъ полкахъ ракеты, бросаемыя съ ручныхъ станковъ, носимыхъ солдатами. Ракеты эти, изобрѣтенныя генераломъ польской артиллеріи Бонтанъ, заключали въ себѣ маленькую гранату и имѣли цѣлью, ежели не наносить большаго вреда, то пугать лошадей въ случаѣ кавалерійскихъ атакъ. При пробѣ ихъ разъ одна граната, разорвавшаяся близь самаго станка, чуть не убила меня вмѣстѣ съ изобрѣтателемъ.

Надъ всѣми этими нововведеніями наблюдалъ любимецъ великаго князя генералъ Трембицкій, бывшій наполеоновскій офицеръ, человѣкъ очень способный, но большой формалистъ. Онъ написалъ уставы обученія плаванію, фехтованію, застрѣльщичьему ученью съ усиленіемъ ракетами, и я, какъ прикомандированный къ нему, долженъ былъ всѣ эти уставы перевести съ польскаго на русскій языкъ для нашего отряда и Литовскаго корпуса.

А. А. Одинцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1841 г. [1]).

Январь 11. Всѣ праздники не выдалось дня свободнаго. Много работалъ для первыхъ книжекъ «Сына Отечества» и помѣстилъ въ первомъ номерѣ свою статью о стихотвореніяхъ Лермонтова. Наконецъ, увидѣлъ, что продолжать такъ нельзя и рѣшился сложить съ себя ту часть работы, которая до сихъ поръ лежала исключительно на мнѣ одномъ, а именно (отказаться) отъ просмотра и обработки статей для журнала. Мы рѣшили съ Сенковскимъ раздѣлить редакцію между нѣсколькими лицами, а за мной оставить главный надзоръ литературный и цензурный. Я буду получать отъ сотрудниковъ предварительныя извлеченія изъ предполагаемыхъ къ напечатанію статей, а послѣднія просматривать уже во второй корректурѣ. Это сниметъ большую тяжесть съ моихъ плечъ.

15. Печальное зрѣлище представляетъ наше современное общество: въ немъ ни великодушныхъ стремленій, ни правосудія, ни простоты, ни чести въ нравахъ, словомъ—ничего свидѣтельствующаго о здравомъ, естественномъ и энергическомъ развитіи нравственныхъ силъ. Мелкія души истощаются въ мелкихъ сплетняхъ общественнаго хаоса. Нѣтъ даже правильнаго понятія о выгодахъ и твердаго къ нимъ стремленія. Все идетъ, говоря русскимъ словомъ, «нашарамыжку». Умъ и плутовство —синонимы. Слова: честный человѣкъ означаютъ у насъ простяка, близкаго къ глупцу, то же, что и добрый человѣкъ. Общественный

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60; августъ стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV; октябрь, стр. 103—122.

развратъ такъ великъ, что понятія о чести, о справедливости считаются или слабодушіемъ, или признаками романической восторженности. И понятно: вѣдь съ ними не соединяется ничего существеннаго,—это пустыя, книжныя слова. Образованность наша—одно лицемѣріе. Учимся мы безъ любви къ наукѣ, безъ сознанія достоинства и необходимости истины. Да и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ заботиться о пріобрѣтеніи познаній въ школѣ, когда наша жизнь и общество въ противоборствѣ со всѣми великими идеями и истинами, когда всякое покушеніе осуществить какую нибудь мысль о справедливости, о добрѣ, о пользѣ общей, клеймится и преслѣдуется, какъ преступленіе? Къ чему воспитывать въ себѣ благородныя стремленія: вѣдь рано или поздно, все равно, придется пристать къ массѣ, чтобы не сдѣлаться жертвою.

Февраль 13. Сегодня происходилъ во дворцѣ, въ присутствіи императрицы, экзаменъ институтокъ. Здѣсь присутствовали обѣ великія княжны, наслѣдникъ и маленькіе великіе князья. Государь выходилъ на минуту, поцѣловалъ императрицу, со всѣми раскланялся и удалился.

Государыня слаба и потому старались какъ можно больше сократить экзаменъ. Каждому учителю дано было по получасу на его предметъ, а всѣхъ ихъ было пять. Мой экзаменъ сошелъ очень хорошо. Послѣ того пошли завтракать, но я предпочелъ уѣхать домой. Путь къ выходу лежалъ по великолѣпнымъ заламъ и по небольшому зимнему садику, гдѣ въ кадкахъ ростутъ тропическія деревья, плещетъ фонтанъ и кричатъ попугаи.

Мартъ 5. Нѣкто Великопольскій, псевдонимъ (Ивельевъ), написалъ драму: «Янстерскій». Она плоха и сверхъ того безнравственна и полна сценами и выраженіями, которыя у насъ не допускаются въ печати. По непонятному недоразумѣнію, она однако, была пропущена цензоромъ Ольдекопомъ. Лишь только драма вышла изъ печати и попала въ руки министру, онъ немедлено отрѣшилъ отъ должности цензора, и велѣлъ повсюду отобрать экземпляры ея и сжечь. Сегодня въ одиннадцать часовъ утра состоялось это аутодафе, при которомъ велѣно было присутствовать мнѣ и Куторгѣ. Вотъ, однако, два хорошіе поступка: Великопольскій, узнавъ о несчастіи, постигшемъ по его милости цензора, предложилъ послѣднему 3,000 рублей, чтобы тому было на что жить, пока онъ найдетъ себѣ другое мѣсто. Ольдекопъ отказался.

Вчера былъ читанъ въ совѣтѣ университета и одобренъ мой проектъ «Постановленія о публичныхъ лекціяхъ», написанный мною по порученію министра.

11. Смирдинъ близокъ къ банкротству. Надо сказать правду, не везетъ мнѣ: вотъ опять я цѣлый годъ проработалъ даромъ. Это особенно не кстати, такъ какъ я собираюсь предложить выкупъ за мою мать и брата (изъ крѣпостнаго права). Писалъ по этому поводу графу Ш. Приближенные его меня обнадежили въ успѣхѣ, но отъ него до сихъ поръ—ни слова. Боже великій! Что за порядокъ вещей! Вотъ я уже полноправный членъ общества, пользуюсь нѣкоторой извѣстностью и вліяніемъ и не могу добиться — чего же? Независимости моей матери и брата! Полуумный вельможа имѣетъ право мнѣ отказать: это называется правомъ! Вся кровь кипитъ во мнѣ, я понимаю, какъ люди доходятъ до крайностей!... Жду съ нетерпѣніемъ пріѣзда изъ Москвы В. А. Жуковскаго: можетъ быть его вліяніе въ состояніи будетъ что нибудь сдѣлать...

17. Сегодня читалъ въ совѣтѣ мою рѣчь къ акту: «О современномъ направленіи русской литературы». Рѣчь единодушно одобрена.

23. Сегодня былъ у Жуковскаго и просилъ его содѣйствія по дѣлу о моей матери и брата. Онъ съ негодованіемъ слушалъ мой разсказъ о моихъ неудачныхъ попыткахъ по этому случаю и открыто выражалъ свое отвращеніе къ образу дѣйствій графа Ш—ва и къ обусловливающему ихъ порядку вещей. Василій Андреевичъ обѣщался пустить въ ходъ весь свой кредитъ. Я съ моей стороны не постою ни за какой суммой выкупа, если послѣдній потребуется — чего бы мнѣ ни стоило скопить ее. Боже мой, Боже мой! Лишь бы не изнемочь въ борьбѣ...

Апрѣль 3. Сегодня состоялся актъ въ университетѣ. Рѣчь моя имѣла успѣхъ, хотя я читалъ дурно. Отъ Жуковскаго еще никакихъ вѣстей.

9. Сегодня, наконецъ, спала съ моего сердца невыносимая тяжесть: наконецъ, моя мать—моя праведная, благородная, возвышенная мать—и братъ мой могутъ, за одно со мной, свободно дышать. Графъ Ш. уже подписалъ отпускную, безъ выкупа: сегодня я получилъ о томъ извѣщеніе. Кому я этимъ обязанъ: Жуковскому или, наконецъ, рѣшимости самого графа? Во всякомъ случаѣ, все прошлое забыто и прощено.

Въ обществѣ, между тѣмъ, ходятъ слухи. Говорятъ, что ко дню свадьбы Наслѣдника приготовленъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Если это правда, нынѣшнее царствованіе будетъ ознаменовано событіемъ, которое возвеличитъ его. Но многіе изъ людей образованныхъ находятъ мѣру эту еще несвоевременною. Говорятъ, что она поведетъ къ безпорядкамъ, что къ ней надо идти постепенно и т. д. Какой же моментъ, по ихъ мнѣнію, окажется своевременнымъ? И чего еще ждать? Чтобы помѣщики сами отказались отъ своихъ правъ? Или чтобы

между крестьянами побольше распространилось просвѣщеніе? Но и то и другое немыслимо при существующемъ порядкѣ вещей. Всякая постепенность на этомъ пути была бы полумѣрою, а полумѣры всегда ошибочны и часто пагубны, потому что создаютъ фальшивыя положенія вещей. Что касается безпорядковъ, они, конечно, возможны, но что они въ сравненіи со зломъ, заключающимся въ этой отвратительной системѣ рабства? Мелкіе помѣщики неизбѣжно пострадаютъ, но какое же важное и благотворное преобразованіе въ государствѣ совершается безъ жертвъ? Государю Николаю Павловичу приписываютъ слова:—«Я не хочу умереть, не совершивъ двухъ дѣлъ: изданія Свода законовъ и уничтоженія крѣпостнаго права». Если такъ, то это внесетъ прекрасную страницу въ исторію его царствованія. Но все это одни гаданія. Подождемъ до среды: это день, въ который назначена свадьба наслѣдника — и вопросъ рѣшится самъ собой. Впрочемъ, я мало надѣюсь. Хотя почему бы Николаю этого и не сдѣлать? Онъ всесиленъ: кого и чего ему бояться? И какое лучшее употребленіе можетъ онъ сдѣлать изъ своей самодержавной власти?

14. Дѣло о матери моей и братѣ кончилось такъ хорошо, только благодаря вмѣшательству Жуковскаго. Да благословитъ его Богъ! Сегодня я былъ у него и благодарилъ его.

Вчера былъ на балу въ Смольномъ монастырѣ: тамъ пѣла графиня Росси. Дивный голосъ. Но я профанъ въ музыкѣ и, вѣроятно, потому остался недоволенъ. Я не понимаю, зачѣмъ всѣ эти пѣвцы и музыканты такъ любятъ тратить свои силы на риторическія фигуры, все достоинство которыхъ въ трудности? Диллетанты восхищаются, но на меня это дѣйствуетъ обратно. Музыка—это совершеннѣйшее изъ искусствъ и власть ея надъ человѣческимъ сердцемъ безгранична. Она есть гармонія души, а изъ нея дѣлаютъ игру въ звуки.

16. Прекрасный, теплый день. Пошелъ на площадь, гдѣ выстроены балаганы. Много народу; мертвая тишина, безжизненность на лицахъ; полное отсутствіе одушевленія.

27. Непріятности въ институтѣ заставили меня опять выдвинуть тамъ вопросъ объ отставкѣ. Принцъ Ольденбургскій поручилъ начальницѣ уговорить меня остаться. Пришлось пока согласиться.

Май 5. Сегодня я глубоко счастливъ: я отправилъ увольнительные акты матушкѣ и брату.

8. Обѣдалъ сегодня съ Брюловымъ (Карломъ) въ прескверномъ трактирѣ на Васильевскомъ острову, у какой-то мадамъ Юргенсонъ. Брюловъ изрядно уписывалъ щи и говядину, которые, по моему, скорѣй способны были отбить всякую охоту обѣдать. Тѣмъ не менѣе, мы отлично провели время. Брюловъ былъ занимателенъ,

остеръ и любезенъ. Онъ слыветъ человѣкомъ безнравственнымъ—не знаю, справедливо или нѣтъ, но въ разговорѣ его не замѣчаю ни малѣйшаго цинизма. Вотъ хоть бы сегодня, онъ говорилъ не только умно и тонко, но и вполнѣ прилично, съ уваженіемъ къ добрымъ людямъ и къ честнымъ понятіямъ.

29. Въ заботахъ и хлопотахъ забылъ упомянуть о важной домашней перемѣнѣ. Съ 22-го мая я на новой квартирѣ, въ домѣ Фридерикса, противъ, или почти противъ, Владимірской церкви [1]). Квартира эта гораздо лучше прежней: чище, свѣтлѣе, удобнѣе расположена. Кабинетъ у меня прекрасный: уединенный и просторный. Но зато все это и стоитъ мнѣ дороже. За эту новую квартиру я буду платить 1,400 р. (ассигнаціями) въ годъ, а за прежнюю платилъ двумя стами меньше.

Іюль 12. Въ Кушелевкѣ обработалъ два важныя дѣла: мнѣніе о необходимости преподаванія русской словесности для студентовъ юридическаго факультета и проектъ закона о періодическихъ изданіяхъ. Первое возникло по слѣдующему поводу. Деканъ юридическаго факультета и профессора представили въ совѣтъ университета проектъ объ уничтоженіи въ этомъ факультетѣ нѣкоторыхъ вспомогательныхъ предметовъ, въ томъ числѣ и русской словесности, для облегченія студентовъ, будто бы обремененныхъ науками. Но это не вѣрно. Деканъ считалъ науки юридическія не по курсамъ, а гуртомъ и отъ того ихъ вышло много. Сверхъ того, у нихъ на юридическомъ факультетѣ исторія римскаго права и римское право; законы о полиціи вообще и предупредительная полиція считаются предметами отдѣльными. При такомъ раздробленіи наукъ, не мудрено насчитать ихъ десятка три, четыре. На этомъ основаніи деканъ положилъ исключить изъ факультета: русскую исторію, всеобщую исторію и русскую словесность. Но тутъ была другая тайная причина, а именно угодливость студентамъ изъ аристократовъ, которые предпочитаютъ юридическій факультетъ остальнымъ. Эти молодые люди занимаются наукой между прочимъ, и потому, конечно, каждый предметъ считаютъ для себя обременительнымъ. Для изслѣдованія этого дѣла, по моему настоянію, была назначена особая комиссія. Я, въ качествѣ одного изъ ея членовъ, написалъ мнѣніе и читалъ его. Оно оказало свое дѣйствіе и теперь положено отмѣнить мѣру, придуманную юридическимъ факультетомъ, и оставить все по прежнему.

Проектъ закона о періодическихъ изданіяхъ составленъ мною при

---

[1]) На этой квартирѣ А. В. Никитенко прожилъ до самаго года своей кончины, болѣе тридцати пять лѣтъ. Ред.

слѣдующихъ обстоятельствахъ. Государь строжайше запретилъ разрѣшать изданія новыхъ журналовъ. Но умъ человѣческій хитеръ и изворотливъ. Высочайшее повелѣніе объ этомъ существуетъ уже около трехъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ, кромѣ того, оно неоднократно подтверждалось. Между тѣмъ, за это время возникли: «Москвитянинъ», «Отечественныя Записки», «Русскій Вѣстникъ», — первый совершенно новый, два вторые будто бы только возобновлены, но въ нихъ нѣтъ и тѣни прежнихъ журналовъ съ этимъ именемъ. Сверхъ того литераторы умудрились издавать книги выпусками, но эти мнимыя книги—настоящія періодическія изданія. Таковы: «Маякъ», «Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ», «Репертуаръ», «Экономъ». Готовилось и еще не мало другихъ такихъ же изданій. Такимъ образомъ возникла необходимость въ законѣ, который опредѣлялъ бы, что́ считать журналомъ и что́ нѣтъ. Цензурному комитету приказано составить такой законъ, а комитетъ возложилъ это на меня. Дѣло не легкое: хотѣлось бы склонить правительство взглянуть на дѣло мягче, спасти всѣ новыя изданія и удалить препятствіе съ пути будущихъ. Предстоитъ борьба съ Гаевскимъ и Крыловымъ. Третьяго дня я прописалъ всю ночь; обдумалъ и сообразилъ какъ будто недурно. Въ слѣдующее цензурное засѣданіе проектъ мой будетъ читанъ.

19. Нѣсколько дней провелъ въ моей кушелевской избѣ. Гулялъ по полямъ и по лѣсу. Въ воскресеніе провелъ пріятный вечеръ съ Брюловымъ, а по утру былъ у меня монахъ Іоакинфъ, да не засталъ меня дома.

28. Дни сумрачные, но теплые. Читалъ, между прочимъ, «Москвитянинъ». Чудаки эти москвичи (даже Шевыревъ). Ругаютъ западъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Западъ умираетъ, уже умеръ и гніетъ. Въ Россіи только и можно жить и учиться чему нибудь. Это страна благополучія и великихъ убѣжденій. Если это искренно, то москвичи самые отчаянные систематики. Они отнимаютъ у Бога тайны его предначертаній и рѣшаютъ по своему жизнь и упадокъ царствъ. Они похожи на школьниковъ, которые считаютъ себя всемірными мудрецами, все знаютъ и все могутъ. Они, дѣйствительно, являются выраженіемъ нашей «младенчествующей самостоятельности». Въ такомъ случаѣ они, говоря ихъ словами, историческія явленія. Ну, съ Богомъ!

Гулялъ съ переводчикомъ Шлегеля Комовскимъ, который живетъ также въ Кушелевкѣ. Онъ защищалъ «Москвитянина», особенно Шевырева. Я спорилъ горячо, даже слишкомъ горячо, и хотя сбилъ его съ основаній, однако, какъ водится, не убѣдилъ, а только оста-

новилъ. Комовскій человѣкъ очень хорошій, съ душею чисто Шиллеровскаго покроя. Онъ тонокъ всѣмъ: станомъ, чувствами, умомъ: тонокъ до того, что врядъ ли можетъ удержать какую нибудь крѣпкую истину, не согнувшись. Мы съ нимъ недавно познакомились, но уже довольно сошлись.

Сегодня начались въ университетѣ пріемные экзамены. Это самая тяжкая, самая нелюбимая часть моихъ профессорскихъ обязанностей. Рыться въ мозгу около сотни мальчиковъ и часто приходить къ крайне неутѣшительнымъ выводамъ относительно научной подготовки и степени умственнаго развитія этихъ будущихъ гражданъ—неблагодарная работа и дѣйствующая на меня разслабляющимъ образомъ. Сегодня экзаменъ длился съ девяти часовъ утра и до трехъ. У меня подъ конецъ еле шевелился языкъ.

Всю послѣднюю недѣлю много думалъ о моихъ лекціяхъ въ наступающемъ учебномъ году. Намѣревался сначала кое-что измѣнить въ порядкѣ изложенія идей, но потомъ оставилъ все по старому. Главная задача моя въ самихъ идеяхъ, въ ихъ духѣ и въ словѣ, которое дѣйствовало бы на умы и пробуждало въ слушателяхъ стремленіе къ высокому, къ гуманному. У всякаго общественнаго дѣятеля свои элементы силы, посредствомъ которыхъ онъ достигаетъ желаемыхъ результатовъ. Элементами моей силы я считаю: мысль и слово, а не эрудицію. Мое естественное влеченіе обратить каѳедру въ трибуну. Я желаю больше дѣйствовать на чувство и волю людей, чѣмъ развивать передъ ними теорію науки. Мнѣ кажется, что я больше ораторъ, чѣмъ профессоръ. Познанія у меня средство, а не цѣль. Я не «науковой» (зри «Москвитянина») человѣкъ, а человѣкъ мысли и чувства. Потому мнѣ всего больше нужно для каѳедры: 1) ясность, стройность и діалектическая гибкость мысли и 2) мощь слова. Я долженъ дѣлать доступными моимъ слушателямъ такія истины, которыя содѣйствуютъ прямо и непосредственно ихъ внутренней гармоніи и ставятъ ихъ въ гармоническія отношенія съ человѣчествомъ. Это — добро и такому добру я долженъ и хочу содѣйствовать. Если бы я былъ дѣятель политическій, я старался бы, чтобы люди были довольны своимъ внѣшнимъ положеніемъ. Но такъ какъ мнѣ это не дано, я долженъ содѣйствовать ихъ внутреннему благоустройству.

Прежде всего надо стремиться къ образованію въ нихъ внутренней законодательной силы. Въ рукахъ моихъ важное для этого орудіе—изящное. Какъ! Изящное—только орудіе? Да! Искусство должно служить человѣчеству, а не человѣчество искусству. Человѣкъ созидаетъ исторію столько же для себя, сколько и для удовлетворенія внѣшнимъ законамъ своего назначенія.

Нынѣ въ модѣ толковать о судьбѣ цѣлаго, о «міровомъ» и т. д. Правда, мы видимъ, что сама судьба недѣлимое приноситъ въ жертву цѣлому. Но это ея неисповѣдимая тайна. Для насъ же, что это какъ не соблазнъ и не камень преткновенія? Цѣлое есть отвлеченная идея. Не цѣлое живетъ, а живутъ недѣлимые, которые одни могутъ страдать или не страдать. Заботьтесь же о недѣлимыхъ, а цѣлое всегда будетъ, такъ или иначе хорошо, независимо отъ вашей воли.

Людямъ нужно какое нибудь убѣжденіе, какая нибудь нравственная точка опоры. Но невѣжество не обдумываетъ своего убѣжденія: ему только надо надъ чѣмъ нибудь остановиться, за что нибудь держаться, и оно охотно подчиняется вліянію первой силы, которая смѣло съумѣетъ наложить на него иго, или вліянію первой мысли, какая испугаетъ, изумитъ или очаруетъ его минутнымъ блескомъ. Время и властолюбцы укрѣпятъ эту мысль—и вотъ вамъ священныя преданія; вотъ вамъ законъ обычая, или, по новому, великая историческая идея.

Люди просвѣщенные не хотятъ быть управляемы ни произволомъ, ни случаемъ: они требуютъ законовъ и правосудія. Всѣ общественныя волненія проистекаютъ изъ сокрытой борьбы права съ властью, которая не хочетъ знать никакого права или которая дурно примѣняетъ его.

Августъ 18. Жилъ большею частью въ моей избѣ, въ Кушелевкѣ. Главнымъ предметомъ моихъ думъ былъ нынѣ курсъ публичныхъ лекцій, который мнѣ хочется открыть нынѣшнею зимой. Еслибъ мнѣ удалось прочесть ихъ такъ, какъ иногда удается читать въ университетѣ, то есть, съ жаромъ и одушевленіемъ, я полагаю, онѣ не остались бы совсѣмъ безплодными. Не скрою, однако, что мысль выступить передъ публикою нѣсколько страшитъ меня, тѣмъ болѣе, что я хочу, какъ Гречъ, читать по тетради.

Пока я неутомимо собираю матеріалы, то есть обдумываю и соображаю начала, главныя положенія, факты и прочее. Мнѣ хочется утвердить основы литературной идеи и опредѣлить ходъ нашей литературы въ главныхъ ея дѣятеляхъ. Впрочемъ, что такое литературная идея? Главное—возбудить въ сердцахъ уваженіе къ подвигамъ ума и просвѣщенія. Пусть бы по туманному и безжизненному полю нашего общества пронеслось хоть нѣсколько свѣтлыхъ, благородныхъ идей.

Сентябрь 7. Есть два ряда либерализма въ политикѣ и въ искусствѣ: одинъ требуетъ свободы и закона, другой—свободы и произвола.

Составленныя мною постановленія о публичныхъ лекціяхъ напечатаны уже въ журналѣ «Министерства Народнаго Просвѣщенія» и въ другихъ журналахъ. Многіе недовольны, не столько сутью поста-

новленій, сколько появленіемъ ихъ на свѣтъ, и даже не оставляютъ безъ укора и меня. Но при томъ забываютъ или не хотятъ помнить. что идея закона не моя, а я, призванный осуществить ее, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, руководствовался однимъ, а именно: сдѣлать законъ наименѣе обременительнымъ, полагая, что если онъ попадетъ въ другія руки, о которыхъ шла рѣчь, то будетъ хуже для всѣхъ. Пусть упрекаютъ меня въ самонадѣянности, но во всякомъ случаѣ я дѣйствовалъ одушевленный благимъ намѣреніемъ и правиломъ: не отказываться ни отъ какого дѣла, если это обѣщаетъ хотя отрицательную, если не положительную пользу просвѣщенію.

15. Я окончательно сложилъ съ себя званіе редактора «Сына Отечества» и напечаталъ мое отреченіе въ журналахъ. Я былъ вынужденъ къ этой рѣшительной мѣрѣ непослѣдовательностью Смирдина и своекорыстіемъ Сенковскаго. Нынѣшній годъ я имѣлъ дѣло съ послѣднимъ, ибо онъ купилъ у Смирдина право изданія. Такъ, по крайней мѣрѣ, было объявлено мнѣ. Вдругъ, въ половинѣ года, Сенковскій отказывается отъ журнала и снова передаетъ его Смирдину, который никому не можетъ платить. Видя, что такимъ образомъ мнѣ навязывается исключительная отвѣтственность за всѣ неблагопристойности, чтобъ не сказать больше, совершаемыя «Сыномъ Отечества», я принужденъ былъ, ради чести моего имени, наконецъ бросить это негодное и потерянное дѣло.

Смирдинъ хотѣлъ передать редакцію Краевскому. Но я воспротивился этому: соединить въ однѣхъ рукахъ нѣсколько журналовъ значитъ допустить пагубную монополію въ нашей литературѣ и предать ее на произволъ одной партіи.

16. Былъ у графа Клейнмихеля, который, по случаю отъѣзда генерала Рерберга куда-то надолго, захотѣлъ поручить мнѣ полное завѣдываніе Аудиторскою школою, гдѣ я состою инспекторомъ только по части преподаванія русской словесности. Онъ, между прочимъ, замѣтилъ мнѣ, что я рѣдко бываю въ училищѣ. Ему о томъ донесли, но это совершенная правда, и я, конечно, не отрицалъ ее. Впрочемъ, графъ не сердится на меня за то и, по обыкновенію, обошелся со мною ласково.

24. Вчера обѣдалъ у Дмитрія Максимовича Княжевича, недавно пріѣхавшаго изъ-заграницы. Съ нимъ ѣздилъ и Надеждинъ, который также вернулся. Разговоръ шелъ о славянахъ Австріи. Я не ошибся: я всегда думалъ, что славянскій патріотизмъ, мечтающій о централизаціи славянскаго міра, существуетъ только въ головахъ нѣкоторыхъ фанатиковъ, какъ Шафарикъ, Ганка, Погодинъ и проч., но что народы славянскіе вообще живутъ себѣ преспокойно

подъ австрійскимъ владычествомъ, ни мало не думая о какой-либо политической самобытности. Исключеніе составляютъ только венгерскіе славяне и русины, которые очень угнетены магнатами. Все это подтвердилъ Надеждинъ, который однако самъ не изъ послѣднихъ славянофиловъ.

Тону въ бумагахъ и корректурныхъ листахъ: сочиненія студентовъ, лекціи, цензура, сочиненія литераторовъ, присылаемыя на судъ— Боже мой, какая пестрота, а подъ часъ и какое убійство времени! Я ложусь спать въ три часа ночи, встаю въ семь и все еще не могу справиться со всѣмъ. Утро до четырехъ часовъ, кромѣ того, обыкновенно уходитъ на службу, то есть на занятія учебныя, на экзамены и на цензурныя дѣла. Сверхъ того, графъ Клейнмихель поручилъ мнѣ временное завѣдываніе аудиторскою школою. А что изъ всего этого? Возможность жить, то есть скромно ѣсть, одѣваться и имѣть надъ головою крышу.

Октябрь 8. Получены письма отъ Чижова изъ-заграницы: ко мнѣ онъ писалъ изъ Дрездена, къ Гебгарту изъ Бельгіи. Онъ видѣлся съ Печеринымъ. Не далеко отъ Литтиха есть іезуитскій монастырь св. Витта: въ него удалился Печеринъ и принялъ монашество. Итакъ, два прозелитизма разомъ: политическій и религіозный. Странный поворотъ и какія потрясенія должны произойти въ душѣ человѣка, чтобы привести его къ такимъ результатамъ. Чижовъ говоритъ съ негодованіемъ о нравственномъ упадкѣ, въ какомъ засталъ нашего Печерина: онъ принялъ не только идеи своего званія, но и всѣ предразсудки его. Чижовъ полагаетъ, что его увлекли бѣдность и обольщенія іезуитовъ, которымъ онъ можетъ быть полезенъ своими обширными свѣдѣніями, особенно по части филологіи. Изъ этого выходитъ, что поступокъ Печерина не есть слѣдствіе смѣлой, обдуманной рѣшимости и твердаго убѣжденія, а только случайный выходъ изъ затруднительнаго положенія, подъ давленіемъ обстоятельствъ—плодъ незрѣлой мысли. Онъ укорялъ Чижова и всѣхъ товарищей, въ особенности меня, за то, что мы потворствовали его самолюбію, внушая ему слишкомъ высокое мнѣніе о его дарованіяхъ. Но это, помимо всего другаго, еще и несправедливо. По возвращеніи его изъ-заграницы я сильно возставалъ противъ его эгоизма и полуфилософіи, слѣдствіемъ чего даже было наше взаимное охлажденіе. Когда онъ уѣхалъ въ Москву, занять тамъ профессорскую каѳедру, отношенія наши были уже далеко не прежнія. И все таки я не могу придти въ себя отъ изумленія и не нахожу объясненія столь странному моральному явленію. Печеринъ—католическій монахъ! Это просто непостижимо! Поистинѣ, горе человѣку, одаренному сильными

чувствами и широкою мыслью, безъ равносильной имъ силы воли и характера.

26. Заваленъ цензурою. Разсматриваю: Исторію Петра Великаго Н. Полеваго, Всеобщую исторію профессора Лоренца, Исторію философіи Телемака (?), огромную политическую экономію, нѣсколько повѣстей и т. д., и т. д. Журналы «Отечественныя Записки» и «Русскій Вѣстникъ». Спустишь съ рукъ одно — онѣ уже полны другимъ. Такъ и жизнь уходитъ. Началъ было и довольно успѣшно подвигать свой курсъ словесности: пришлось опять пріостановить его.

27. Ходилъ во дворецъ и смотрѣлъ картину Бруни: «Воздвиженіе змія въ пустынѣ». Я ожидалъ отъ нея бо̀льшаго. Это—картина разныхъ смертей, а гдѣ же поэтическая идея Моисея съ его чудомъ? Моисей мелькаетъ вдали неясною тѣнью, а вы видите только кучи умирающихъ, изображенныхъ съ ужасающею истиной. Художникъ очевидно заботился не о художественной, а объ анатомической правдѣ фигуръ.

28. Для насъ, въ Россіи, еще не настал періодъ нравственныхъ потребностей. Общественное устройство подавляетъ всякое развитіе нравственныхъ силъ и горе тому, кто поставленъ въ необходимость дѣйствовать въ этомъ направленіи. Это самое тяжелое положеніе, потому что самое ложное. Не того намъ надо. Быть солдатомъ, или человѣкомъ—вотъ наше единственное назначеніе. Возвѣщать науку?— гдѣ потребность въ ней? Она не имѣетъ поддержки въ жизни и потому является только школьнымъ плетеніемъ понятій. Тутъ поневолѣ становишься въ ряды шарлатановъ.

Особенно моя наука — сущая нелѣпость и противорѣчіе. Я долженъ преподавать русскую литературу—а гдѣ она? Развѣ литература у насъ получается правами гражданства? Остается одно убѣжище— мертвая область теоріи. Я обманываю и обманываюсь произнося слова: развитіе, направленіе мыслей, основныя идеи искусства. Все это что-нибудь, и даже много, значитъ тамъ, гдѣ существуютъ общественное мнѣніе, интересы умственные и эстетическіе, а здѣсь просто швырянье словъ въ воздухъ. Слова, слова и слова! Жить въ словахъ и для словъ, съ душою, жаждущею истины, съ умомъ, стремящимся къ вѣрнымъ и существеннымъ результатамъ — это дѣйствительное, глубокое злополучіе. Часто, очень часто, какъ напримѣръ, сегодня, я бываю пораженъ глубокимъ мрачнымъ сознаніемъ моего ничтожества. Если бы я жилъ среди дикихъ, я ходилъ бы на звѣриную и рыбную ловлю, я дѣлалъ бы дѣло,—а теперь, я, какъ ребенокъ, какъ дуракъ, играю въ мечты и призраки! О, кровію сердца написалъ бы я исторію моей внутренней жизни! Проклято

время, гдѣ существуетъ выдуманная, оффиціальная необходимость моральной дѣятельности, безъ дѣйствительной въ ней нужды — гдѣ общество возлагаетъ на васъ обязанности, которыя само презираетъ... Вотъ уже два часа ночи, а я все еще думаю о томъ же. Засну, завтра выйду изъ этого душевнаго хаоса, буду опять стараться обманывать себя и другихъ, чтобы не умереть отъ физическаго и духовнаго голода, пока дѣйствительно не умру и не унесу съ собой въ могилу горькаго сознанія безплодно растраченныхъ силъ...

Ноябрь 25. Весь мѣсяцъ прекращено сообщеніе съ Васильевскимъ островомъ и въ университетѣ нѣтъ лекцій. Сначала Нева становилась, мосты были разведены. Вдругъ оттепель: мосты нельзя наводить. Кой-какъ еще перебирались по шаткимъ мосткамъ, да и то полиція часто запрещала. Наконецъ, оттепель дошла до того, что ледъ на Невѣ сломало и рѣка прошла, какъ весною. Третьяго дня мостъ было навели, но сильный ледоходъ заставилъ опять развести его. Вчера—день моихъ лекцій въ университетѣ. Я отважился пойти къ Невѣ, но въ заключеніе только полюбовался глыбами льда на ней и вернулся домой. Трудно будетъ потомъ соблюсти полноту и порядокъ въ лекціяхъ.

Сегодня тоже день, назначенный для засѣданія цензурнаго комитета, но и оно не состоялось: Нева не допустила.

Декабрь 31. Конецъ 1841 года. Мало радостей и никакого удовлетворенія онъ не принесъ мнѣ. Провожаю его безъ сожалѣній и смѣло иду на встрѣчу 1842 г.: умереть вѣдь надо же когда нибудь.

А. В. Никитенко.

Сообщ. С. А. Никитенко.

ДВѢ ЧУХЛОМСКИХЪ ДРАМЫ

основа „Горькой Судьбины“ А. Ф. Писемскаго.

I.

Въ Чухломскомъ уѣздѣ Костромской губерніи въ усадьбѣ С. розыгрались двѣ драмы, одна назадъ тому лѣтъ сорокъ съ небольшимъ, другая чрезъ десять лѣтъ послѣ первой. Обѣ драмы имѣли слѣдствіемъ судебное разслѣдованіе совершенныхъ дворовыми людьми преступленій. Дѣла объ обоихъ преступленіяхъ хранятся въ «сосредоточенномъ архивѣ костромскаго окружнаго суда». Они служатъ живымъ изображеніемъ быта крестьянъ въ страдное время крѣпостнаго права. Въ мѣстномъ обществѣ существуетъ мнѣніе, что дѣла эти были извѣстны Писемскому и что онъ именно ихъ взялъ за основу для своей бытовой драмы «Горькая судьбина». Занимаясь разборомъ архивныхъ дѣлъ, имѣющихъ интересъ для мѣстной бытовой исторіи, мы съ особеннымъ интересомъ отнеслись къ упомянутымъ двумъ дѣламъ, какъ имѣющимъ важное значеніе для изученія и объясненія генезиса драмы «Горькая судьбина» незабвеннаго А. Ф. Писемскаго.

Ознакомившись съ содержаніемъ этихъ дѣлъ, мы пришли къ тому заключенію, что фактическая сторона ихъ въ существенныхъ чертахъ совпадаетъ съ фактами, приводимыми въ «Горькой судьбинѣ», и характеристическія черты для обрисовки, по крайней мѣрѣ, главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ «Горькой судьбинѣ», можно думать взяты Писемскимъ изъ этихъ дѣлъ. Отвлекши эти черты отъ нѣсколькихъ лицъ, фигурирующихъ въ двухъ процессахъ, авторъ «Горькой судьбины» скомбинировалъ ихъ

въ однихъ лицахъ. Такимъ образомъ, главныя дѣйствующія лица въ драмѣ хотя выводятся въ иной обстановкѣ, чѣмъ въ разобранныхъ нами процессахъ, очевидно, придуманной самимъ авторомъ, но въ существенныхъ своихъ чертахъ они совершенно живыя лица, взятыя авторомъ изъ жизни во время крѣпостнаго права. Мы не въ правѣ требовать отъ художника, чтобы онъ безъ всякаго видоизмѣненія и съ протокольною точностью излагалъ въ литературномъ произведеніи извѣстные ему факты. Художникъ, рисуя бытъ какого либо класса народа въ извѣстную эпоху, можетъ дѣйствительные факты обставить подробностями, созданными его воображеніемъ, отвѣчающими, впрочемъ, характеру эпохи, но произведеніе его всетаки будетъ реальнымъ, а не фантастическимъ, если въ основу его положена быль, если приводимые въ немъ факты, очищенные отъ субъективныхъ измышленій, по изслѣдованію, оказываются дѣйствительностію. Такое реальное значеніе имѣетъ и драма Писемскаго «Горькая судьбина». Въ основу ея положены факты дѣйствительные, взятые, какъ можно думать, изъ разобранныхъ нами двухъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ костромскаго окружнаго суда.

Не желая затруднять читателей подробнымъ изложеніемъ всей юридической процедуры дѣла, что умѣстно въ архивной работѣ, въ настоящей статьѣ мы изложимъ факты, по поводу которыхъ возникли судебные процессы, и въ сжатой формѣ изложимъ существенное содержаніе ихъ.

II.

Мирно, повидимому, текла жизнь поселянъ, полъ-вѣка тому назадъ, въ глухомъ Чухломскомъ углу въ имѣніи помѣщика Ермолаева. Съ тяжелой барщиной и оброками искони свыклись крестьяне и ничто выходящее изъ ряду вонъ не возмущало этой подневольной однообразной жизни чухломскихъ обитателей. Работаютъ крестьяне на своихъ владѣльцевъ, работаютъ и на себя. Придетъ праздничекъ, особенно мѣстный престольный, сварятъ крестьяне пивца и бражки и повеселятся какъ умѣютъ. Въ зимнее время, напр. на масляницѣ, соберутся они на бесѣду и отведутъ душу пѣснями. Заѣдетъ при случаѣ на

бесѣду и самъ баринъ, послушаетъ пѣсенъ, а потомъ и угоститъ пѣсенниковъ винцомъ да пивцомъ, позаглядится на дѣвицъ и молодухъ и какая изъ нихъ очень приглянется ему, ту чрезъ старосту или чрезъ кого нибудь изъ дворовыхъ позоветъ и въ усадьбу къ себѣ и приласкаетъ. Староста, въ этихъ случаяхъ, для барина орудуетъ съ полнымъ усердіемъ; нарядитъ на работу близь усадьбы какую нибудь покрасивѣе бабенку или дѣвицу; сейчасъ и баринъ къ нимъ явится, какъ изъ земли выростетъ. Терпѣли это крестьяне до поры до времени; кто изъ нихъ подобрѣе и поснисливѣе, тѣ помалчивали да руками помахивали на творившееся въ усадьбѣ беззаконіе. Но пришло таки время, нашлись люди, которые и перенести обидъ и беззаконій не смогли и сами натворили такихъ дѣлъ, что чуть было въ Сибирь на поселеніе за нихъ не угодили, а иные всетаки подъ кнутъ и на работы въ крѣпостяхъ попали.

1845 г., 15 іюля, дворовый человѣкъ сельца Селиванова, лѣтъ за 40, Владиміръ Михайловъ, женился на дворовой-же женщинѣ вдовѣ Елизаветѣ Алексѣевой [1]. Несчастлива была ихъ жизнь съ первыхъ же дней супружества; брань и ссоры, а иногда и побои терпѣла жена отъ мужа. Какія причины вызывали на это обращеніе Михайлова съ своей женой—о нихъ нельзя сказать опредѣленно. Надо полагать, что, какъ свидѣтельствуетъ помѣщикъ, Михайловъ былъ ревнивъ и, узнавши грѣшки, водившіеся за его женой до замужества, ревновалъ ее ко всякому, кто съ ней пошутитъ. Чрезъ годъ послѣ сватьбы Михайловъ былъ уволенъ помѣщикомъ по билету для промысла и около года занимался въ разныхъ мѣстахъ Костромской губерніи церковною рѣзною работою. Въ свой домъ онъ возвратился въ началѣ іюня 1847 г. Близкіе къ нимъ люди уже не замѣчали теперь прежнихъ отношеній Михайлова къ женѣ. Но оказалось, что эта тишина между супругами водворилась предъ бурей. Михайловъ втайнѣ продолжалъ подозрѣвать жену свою въ дурной жизни и, какъ видно изъ дѣла, не признавалъ своимъ ея ребенка сына Льва, которому теперь было двадцать недѣль.

---

[1] Замѣтимъ здѣсь совпаденіе въ именахъ въ «Горькой Судьбинѣ»: имя жены Ананія Яковлева также Елизавета. М.

Онъ подозрѣвалъ жену свою въ связи со старостой, но не былъ положительно убѣжденъ, отъ него ли жена его имѣетъ дитя. По крайней мѣрѣ, въ показаніи онъ говоритъ, что ребенокъ прижитъ его женой незаконно, но неизвѣстно ему съ кѣмъ. Наступилъ праздникъ иконѣ Казанской Божіей Матери 8 іюля. Въ сосѣдней деревнѣ Дураковой было особое празднованіе иконѣ и на этотъ случай, какъ водится въ крестьянскомъ быту, тамъ варили пиво. На другой день подъ вечеръ жена Владиміра Михайлова просила мужа сходить за пивомъ въ Дураково. Мужъ исполнилъ ея просьбу и принесенное пиво было роспито Михайловымъ съ женой и еще съ одной женщиной. Вскорѣ послѣ этого жена Михайлова вышла изъ избы, по ея словамъ для того, чтобы убрать харчи и посуду послѣ ужина людей. Встрѣтившаяся ей въ сѣняхъ дворовая женщина велѣла ей сейчасъ же позвать къ барину старосту Поликарпа Алексѣева, который тогда спалъ на сушилѣ. Елизавета тотчасъ пошла на сушило, и «разбудивъ старосту», велѣла ему идти къ барину, а сама пошла въ свою избу. Въ это время баринъ изъ окна спросилъ ее: разбудила ли она старосту? Не дослышавъ вопроса, Елизавета пошла на крыльцо барскаго дома съ отвѣтомъ къ барину, что она исполнила его приказаніе. Владиміръ Михайловъ, спустя минутъ десять послѣ ухода жены изъ избы, вышелъ на улицу посмотрѣть гдѣ она и, увидавъ, что она идетъ изъ сушила въ господскій домъ, спросилъ ее: откуда и куда она идетъ? Елизавета отвѣчала ему: что тебѣ за дѣло куда я пошла? Михайловъ требовалъ, чтобы она не ходила въ господскій домъ, а вернулась къ нему. Елизавета не послушалась. Михайловъ зналъ, что на сушилѣ спалъ староста и, подозрѣвая жену свою въ связи съ нимъ, подумалъ, что она идетъ отъ него. Сильно огорчась ея непослушаніемъ и этимъ случаемъ, Михайловъ, какъ самъ онъ показывалъ, пошелъ въ свою избу. Предварительно выславъ оттуда находившуюся тамъ женщину, онъ взялъ изъ зыбки на руки сошнаго ребенка Льва и, перекрестивъ и поцѣловавъ, бросилъ его спиною на полъ, съ намѣреніемъ убить его до смерти. Но младенецъ остался живъ и заплакалъ. Тогда Михайловъ взялъ его съ полу, поцѣловалъ и положилъ опять въ зыбку, потомъ вышелъ изъ избы съ крикомъ: «согрѣшилъ!» и увидавъ въ сѣняхъ жену свою, шедшую съ подволоки, сказалъ ей: «поди, посмотри: живъ ли сынъ твой!

Я убилъ его». Самъ же опять вернулся въ избу, вынулъ ребенка изъ зыбки и положилъ его на полъ вверхъ лицомъ. Въ избу тотчасъ съ воплемъ и крикомъ вбѣжала жена его съ нѣкоторыми женщинами и они увидѣли, что Михайловъ стоитъ предъ ребенкомъ на колѣняхъ, плачетъ и говоритъ: «прости меня, ты безвинный». Одна женщина, оттолкнувъ его отъ ребенка, взяла послѣдняго на руки и начала его откачивать. Тогда въ младенцѣ показалась жизнь. На шумъ и вопль пришелъ вскорѣ въ людской флигель помѣщикъ. Владиміръ Михайловъ тотчасъ заявилъ ему, что онъ убилъ ребенка сына Льва. На вопросъ помѣщика: за что и какимъ образомъ онъ убилъ его? Михайловъ отвѣчалъ въ запальчивости: «туда ему и дорога!» Потомъ, придя въ себя отъ усовѣщеванiй помѣщика, онъ сказалъ, что убилъ сына съ досады отъ худой жизни съ нимъ жены его и при этомъ прибавилъ, что если бы тогда попалась ему и жена, то онъ и ее убилъ бы. Когда въ младенцѣ замѣчена была жизнь, помѣщикъ приказалъ положить его въ колыбель и натереть виномъ съ уксусомъ. Михайлова же онъ велѣлъ дворовымъ людямъ за буйство, дерзости и самовольную отлучку въ деревню Дуракову высѣчь, потомъ связаннаго привязать на ночь къ столбу въ скотной избѣ изъ предосторожности, чтобы онъ не исполнилъ своего намѣренія убить жену и сына ребенка, который былъ еще живъ. Въ показаніи своемъ, Михайловъ говоритъ, что онъ рѣшился убить сына и намѣревался убить и жену свою не за что иное, какъ за дурную жизнь съ нимъ послѣдней, такъ какъ она въ продолженіе супружества оказывала ему грубости и непокорность, при томъ же онъ подозрѣвалъ ее въ распутной жизни, потому что по ночамъ она часто уходила отъ него неизвѣстно куда. Жена же его при допросѣ ни въ чемъ этомъ не призналась. Помѣщикъ объяснилъ причину преступленія Михайлова тѣмъ, что онъ, какъ человѣкъ дурнаго поведенія, растратившій свое здоровье отъ распутства, конечно, сомнѣвался въ любви къ себѣ жены, постоянно ревновалъ ее ко всякому, кто бы ни пошутилъ съ нею и, будучи пьянъ и озлобленъ на жену, изъ мести ей рѣшился убить сына. Послѣ того, какъ младенецъ Левъ, скорѣ умеръ отъ сильнаго ушиба, помѣщикъ пошелъ къ Михайлову объявить ему, что онъ сдѣлалъ преступленіе. Михайловъ согласился съ этимъ, сказавъ, что онъ

съ тѣмъ намѣреніемъ и выбросилъ сына изъ колыбели, чтобы убить его, и что убилъ бы и жену свою, если бы она ему тогда попалась. Помѣщикъ, видя, что Михайловъ подлежитъ суду, какъ преступникъ, велѣлъ отвязать его и отвести въ другую избу, не развязывая ему рукъ, и строжайше наблюдать, чтобы онъ не убѣжалъ. Между тѣмъ было дано знать объ этомъ происшествіи становому приставу, который вскорѣ и прибылъ въ усадьбу для производства слѣдствія. При освидѣтельствованіи убитаго ребенка оказалось, что затылочекъ головы его вдавленъ внутрь и образовался совершенно плоскимъ. При освидѣтельствованіи въ числѣ понятыхъ, находились крестьяне деревни Дураковой, принадлежавшіе г-жѣ Золотиловой [1]).

О преступленіи Владиміра Михайлова началось уголовное дѣло, производившееся сначала въ чухломскомъ уѣздномъ судѣ.

Рѣшеніе суда было слѣдующее: «такъ какъ дворовый человѣкъ, Владиміръ Михайловъ, самъ признался въ убійствѣ двадцатинедѣльнаго сына своего Льва, то его за такое преступленіе, принимая во вниманіе статьи уложенія, которыми уменьшается вина и строгость наказанія, и за прочіе поступки противъ своего помѣщика, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать публично чрезъ палача плетьми по первой степени и сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. Жену же его Елизавету Алексѣеву, старосту Поликарпа Алексѣева, по недоказанности ихъ любовной связи и по непризнанію въ томъ ихъ самихъ, учинить отъ суда свободными. Что же касается помѣщика этой усадьбы, который наказывалъ Михайлова за нанесенныя ему послѣднимъ дерзости, буйство, пьянство и самовольную отлучку, а не за убійство младенца, который тогда былъ еще живъ и только по смерти младенца помѣщикъ донесъ о сдѣланномъ Михайловымъ преступлленіи становому приставу, то его, помѣщика, также отъ суда освободить съ подтвержденіемъ на будущее время быть въ такихъ случаяхъ осторожнѣе. Не приводя этого рѣшенія въ исполненіе, подлинное дѣло отправить на ревизію въ костромскую палату уголовнаго суда». Послѣдняя рѣшила дѣло такъ: «прини-

---

[1]) Для насъ имѣетъ важное значеніе упоминаемая въ этомъ дѣлѣ фамилія Золотиловой, потому что точно такую же фамилію помѣщика зятя Чеглова-Соковина мы находимъ и въ драмѣ «Горькая судьбина».

мая въ соображеніе, что подсудимый Михайловъ впалъ въ преступленіе отъ сильнаго раздраженія и, по совершеніи его, почувствовалъ раскаяніе съ сожалѣніемъ объ убитомъ сынѣ и въ преступленіи сдѣлалъ признаніе добровольно прежде слѣдствія, что уменьшаетъ вину и строгость наказанія, уголовная палата опредѣляетъ: подсудимаго Владиміра Михайлова, лишивъ всѣхъ правъ состоянія и наказавъ чрезъ палача въ г. Чухломѣ плетьми шестидесятью ударами, по наложеніи узаконенныхъ клеймъ, отослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ. Рѣшеніе уѣзднаго суда въ прочихъ частяхъ утвердить».

Изъ этого дѣла мы опредѣленно узнаемъ объ ужасномъ преступленіи, совершенномъ дворовымъ человѣкомъ усадьбы С. чухломскаго уѣзда Владиміромъ Михайловымъ, и о тѣхъ мотивахъ, которые вызвали его на такое преступное дѣяніе. Остается неуясненнымъ то, имѣла ли жена Михайлова преступную связь со старостой, какъ подозрѣвалъ ее въ этомъ мужъ, и отъ кого именно она имѣла ребенка, такъ какъ Михайловъ въ показаніи говоритъ, что ему неизвѣстно, съ кѣмъ прижитъ женой его сынъ Левъ. Между тѣмъ укрѣпившееся у Михайлова убѣжденіе въ незаконномъ происхожденіи этого ребенка вмѣстѣ съ подозрѣніями въ дурномъ поведеніи жены его послужили для Михайлова неудержимыми мотивами рѣшиться на убійство младенца Льва.

Точно такой же фактъ преступленія совершаетъ и главное дѣйствующее лицо въ драмѣ «Горькая судьбина». Оброчный крестьянинъ помѣщика Чеглова-Соковина, Ананій Яковлевъ, и по мотивамъ сходнымъ съ тѣми, какіе приводитъ въ своемъ показаніи и Владиміръ Михайловъ. Разница здѣсь только въ томъ, что Ананій Яковлевъ узнаетъ предварительно отъ другихъ, а потомъ отъ самой жены своей Елизаветы, что ребенка сына она имѣетъ отъ своего помѣщика, склонившаго ее разными угрозами и застращиваніями къ любовной связи съ собою при посредствѣ бурмистра Каллистрата, какъ говоритъ о томъ женщина Спиридоньевна. Обстоятельство любовной связи жены Ананія съ помѣщикомъ, по невыясненности его въ этомъ дѣлѣ, очевидно, взято Писемскимъ изъ другаго дѣла, которое также хранится въ архивѣ костромскаго окружнаго суда. Факты изъ

этого дѣла мы изложимъ дальше. Здѣсь же, чтобы видѣть сходство основнаго содержанія «Горькой судьбины» съ дѣломъ о преступленіи Владиміра Михайлова, мы приведемъ изъ этой драмы то мѣсто, гдѣ изложенъ фактъ преступленія Ананія Яковлева. Послѣ того, какъ жена его отвергла всѣ его увѣщанія ѣхать съ нимъ въ Петербургъ и высказала при старостѣ и другихъ крестьянахъ свое рѣшительное намѣреніе уйти съ младенцемъ своимъ въ господскій домъ и быть при баринѣ, Ананій Яковлевъ, придя въ азартъ и вбѣжавъ за ней за перегородку, закричалъ: не дамъ я тебѣ младенца, Елизавета, подай младенца, подай, а то ослѣплю тебя!

Ананій Яковлевъ: Ахъ ты, бестія, смѣла еще руку свою поднять на меня. На, вотъ тебѣ твое поганое отродіе! *(Бросаетъ ребенка на полъ. Раздается страшный ударъ и пронзительный крикъ ребенка).*

Елизавета: Батюшки, убилъ младенца то! Батюшки, совсѣмъ уже не дышетъ, вся головка раскроена!

Ананій Яковлевъ, такъ же какъ и Владиміръ Михайловъ, сознается въ содѣянномъ имъ преступленіи и послѣ слѣдствія отправляется въ тюрьму. Тѣмъ и кончается драма. Мы видимъ, что способъ совершенія преступленія убійства ребенка удержанъ Писемскимъ тотъ же, который былъ употребленъ и Владиміромъ Михайловымъ въ приведенномъ дѣлѣ, именно посредствомъ бросанія младенца на полъ.

III.

Послѣ этой драмы наступила опять, повидимому, мирная и тихая жизнь въ усадьбѣ С. Но тишина эта водворилась, какъ оказалось, предъ новой грозой, разразившейся въ этой усадьбѣ ровно чрезъ десять лѣтъ послѣ первой. Помѣщикъ, какъ видно, не вразумившійся такимъ страшнымъ случаемъ, бывшимъ въ его имѣніи, не оставлялъ въ покоѣ своихъ крѣпостныхъ дѣвицъ и молодыхъ женщинъ. Терпѣли это крестьяне до поры до времени, покуда среди нихъ не нашелся человѣкъ, какъ говорится, видавшій виды, и съ характеромъ рѣшительнымъ. Этотъ человѣкъ былъ лакей помѣщика, котораго послѣдній, вѣроятно, не подо-

зрѣвая въ немъ мстителя себѣ, посылалъ за разными крѣпостными женщинами для извѣстныхъ цѣлей, какъ тотъ заявилъ послѣ на слѣдствіи. Подтвержденіемъ этого заявленія служитъ такой случай, упоминаемый на слѣдствіи свидѣтелемъ крестьяниномъ Харламомъ Ивановымъ, бывшій незадолго до преступленія, совершеннаго дворовымъ человѣкомъ, Г. Г—вымъ, о которомъ будетъ рѣчь впереди: помѣщикъ Ермолаевъ чрезъ Г. Г. позвалъ къ себѣ въ задѣлья жену Харлама Аграфену, но та одна не пошла и, расплакавшись, просила мужа идти вмѣстѣ съ нею въ горницы. «Я, говоритъ Харламъ, исполнилъ ея просьбу. Баринъ, увидавъ насъ обоихъ, осердился и сталъ бить насъ, выговаривая мнѣ, зачѣмъ я пришелъ, и потомъ приказалъ высѣчь насъ обоихъ». Жена Аграфена дополнила показаніе мужа тѣмъ, что на другой день послѣ этого случая баринъ опять прислалъ за ней лакея Г. Г—ва. «Я не смѣла ослушаться и пришла въ горницы. Баринъ, уведя меня въ кабинетъ, принудилъ меня къ любовному съ нимъ дѣлу безъ моего согласія на это. Объ этомъ я ни мужу и ни кому другому не сказывала до сихъ поръ, и послѣ у меня любовной связи съ бариномъ не было». Самъ помѣщикъ на слѣдствіи въ любовныхъ похожденіяхъ своихъ, конечно, не признался и утвердилъ только фактъ наказанія Харлама Иванова и жены его, выставивши ту причину, что Харламъ былъ наказанъ за дурно сложенную имъ трубу на барскомъ домѣ, отчего едва было не случился пожаръ, а жена его Аграфена была высѣчена за то, что лѣниво возила навозъ. Бывали и такіе случаи, когда помѣщикъ дѣйствовалъ, для привлеченія дѣвицъ и женщинъ для извѣстныхъ цѣлей чрезъ старосту, какъ это выяснилось на слѣдствіи. Одинъ такой случай разсказала на слѣдствіи жена подсудимаго Г. Г—ва и его подтвердили и ея родственники. Помѣщикъ и староста не отвергли этого факта совершенно, придавъ ему иную окраску. Вотъ этотъ случай: въ то время, когда жена Г. Г—ва была еще дѣвицей, назадъ тому два года, помѣщикъ пріѣзжалъ въ ихъ деревню на масляницѣ, въ домъ старосты. Тамъ была тогда бесѣда, на которую сошлось много крестьянъ, но не было въ числѣ ихъ крестьянина, отца жены подсудимаго, Устина Васильева съ семействомъ. Помѣщикъ посылалъ за ними три раза, но они не шли. Въ четвертый разъ пошелъ за ними староста,

но отецъ Устинъ Васильевъ, зная, что помѣщикъ требуетъ его дочерей для любовныхъ цѣлей, отказалъ старостѣ отпустить ихъ. Тогда между Васильевымъ и старостой завязалась драка, въ которой приняли участіе жена Устина и ихъ дочери. Староста говоритъ, что онъ едва могъ вырваться отъ нихъ. Онъ явился въ свой домъ окровавленный и съ вырванною мѣстами бородою. Тогда самъ помѣщикъ съ людьми отправился въ домъ Устина. Услыхавъ, что идетъ баринъ, Устинъ и его семейные разбѣжались. Помѣщикъ нашелъ въ домѣ одну старуху, — мать Устина, и та была сейчасъ же высѣчена слегка, какъ то показали помѣщикъ со старостой. На другой или на третій день помѣщикъ вновь пріѣхалъ въ деревню и, заставъ въ домѣ Устина все его семейство, за буйство и ослушаніе приказалъ пересѣчь всѣхъ, не исключая дочерей дѣвицъ, и потомъ сказалъ, что имъ, какъ бѣглымъ, слѣдовало бы отстричь косы. Староста, принявъ эту угрозу за приказаніе, привелъ ее въ исполненіе, какъ объяснило этотъ его поступокъ депутатское собраніе дворянъ, по особо произведенному предводителемъ дворянства слѣдствію объ обращеніи этого помѣщика съ своими людьми. Помѣщикъ и староста на слѣдствіи объяснили этотъ случай такъ, что они звали Устина съ семействомъ, на бесѣду попѣть пѣсенъ, для чего сошлись и другіе крестьяне, но не для иныхъ какихъ-нибудь цѣлей. Послѣ, какъ показываетъ жена подсудимаго, «въ великій постъ, когда я мыла полы въ господскомъ домѣ, помѣщикъ, уведя меня въ кабинетъ, лишилъ меня дѣвства безъ моего согласія. Изъ боязни наказанія я объ этомъ никому тогда не сказывала; только по выходѣ въ замужство я сказала объ этомъ мужу».

Всѣ эти случаи, обнаружившіеся послѣ, были только прецедентами той кровавой драмы, которая вскорѣ разыгралась въ усадьбѣ С. между помѣщикомъ и его дворовымъ человѣкомъ Г. Г—вымъ. Въ тайнѣ крестьяне, конечно, негодовали на помѣщика за его поступки, но терпѣли, потому что не находилось пока среди нихъ человѣка, рѣшившагося отомстить ему за все. Наконецъ, такой человѣкъ, нашелся. Это былъ тотъ самый дворовый человѣкъ Г. Г—въ, котораго, какъ мы видѣли, помѣщикъ, какъ слугу своего, посылалъ за разными крѣпостными женщинами. Тогда Г. Г—въ былъ еще холостъ. Онъ, какъ говорится, былъ человѣкъ бывалый и видавшій виды. Сначала въ ученьи, потомъ

по билету онъ живалъ въ Петербургѣ. Онъ женился на той самой дѣвицѣ — дочери крестьянина Устина Васильева, за которой помѣщикъ, пріѣхавъ въ деревню, посылалъ старосту и которую потомъ лишилъ дѣвства, какъ она заявила на слѣдствіи. Неизвѣстно изъ дѣла, по какимъ побужденіямъ состоялся этотъ бракъ, но изъ одного показанія жены Г. Г—ва видно, что она вышла замужъ безъ желанія съ ея стороны. Впрочемъ, какъ видно, между супругами не было ссоръ и недолюбья подобно тому, какъ между Владиміромъ Михайловымъ и Елизаветой въ первомъ дѣлѣ. Напротивъ, можно заключать изъ обстоятельствъ дѣла и показаній подсудимыхъ, что между супругами были любовь и согласіе. Счастливая ихъ жизнь была вскорѣ отравлена прискорбнымъ случаемъ, повлекшимъ за собой уголовное преступленіе, на которое рѣшился оскорбленный за жену мужъ. Помѣщикъ и староста на слѣдствіи придали этому случаю, конечно, благовидную окраску.

Вотъ этотъ случай и, какъ мы называемъ, та вторая драма, которая разыгралась въ усадьбѣ С. 1857 г. 7 іюня.

Помѣщикъ говоритъ въ своемъ показаніи, что онъ нашелъ нужнымъ въ своемъ имѣніи, вмѣсто 12 десятинъ въ каждомъ полѣ, нарѣзать по 14. У него была принята девятипольная система, поэтому приглашенный землемѣръ ко всѣмъ полямъ прирѣзалъ 18 десятинъ, изъ которыхъ нѣкоторыя вблизи усадьбы оказались заросшими небольшимъ кустарникомъ. Считая удобнымъ временемъ подвести подъ пашню эти десятины до сѣнокоса, помѣщикъ приказалъ старостѣ отрядить для расчистки одной десятины женщину изъ дворовыхъ, возившихъ удобреніе, по его усмотрѣнію, а на освобожденной такимъ образомъ лошади послать въ Чухлому на почту двороваго человѣка Г. Г—ва. Жена послѣдняго, З. Устинова, старостой была наряжена на работу, какъ болѣе способная къ работѣ, по словамъ помѣщика, а Г. Г—въ былъ посланъ въ Чухлому на почту. Сами подсудимые Г. Г—въ и жена его далѣе разсказываютъ слѣдующее: когда З. въ отсутствіе мужа вырубала кусты въ полѣ близь усадьбы, туда пришелъ къ ней помѣщикъ и сталъ звать ее въ рощу, склоняя къ любовной связи. З. не соглашалась. Тогда помѣщикъ сталъ бить ее и потомъ насильственно принудилъ къ любовному дѣлу. Послѣ этого онъ ушелъ въ усадьбу и вскорѣ на ту

же работу была прислана сестра З., дѣвица Ненила, а вслѣдъ затѣмъ помѣщикъ опять пришелъ къ нимъ, на мѣсто работы, и, приказавъ З. отойти, началъ склонять къ любовной связи сестру ея. Когда и та не соглашалась на это, помѣщикъ сталъ бить ее и потомъ, уведя въ рощу, насильственно лишилъ ее тамъ дѣвства. Послѣ этого онѣ обѣ продолжали работу до вечера. Возвратясь домой, З. сказала обо всемъ свекрови своей Натальѣ Борисовой, а потомъ на другой день и мужу своему Г. Г—ву, возвратившемуся изъ Чухломы. Г. Г—въ обѣщалъ ей поговорить объ этомъ съ бариномъ, когда тотъ встанетъ, но не высказалъ намѣренія сдѣлать какой нибудь вредъ барину. Г. Г—въ сначала пошелъ посовѣтоваться съ кучеромъ Петромъ и поваромъ Павломъ о томъ, какъ ему поступить. Тѣ совѣтовали ему поговорить съ бариномъ, а онъ просилъ ихъ, въ случаѣ, если баринъ прикажетъ имъ сѣчь его, не выдавать его, а поговорить барину, что не хорошо онъ дѣлаетъ, склоняя жену его безъ ея согласія къ любовной связи. Намѣренія же сдѣлать вредъ барину онъ не высказывалъ и тогда. Когда помѣщикъ всталъ, Г—въ отправился въ горницы. Подавши барину умыться и одѣться, «такъ какъ я свою жену люблю, говоритъ Г—въ, и терпѣлъ много отъ барина въ теченіи $2^1/_2$ лѣтъ, я началъ такъ говорить ему: позвольте вамъ доложить, за что вы изволили бить мою жену и для чего принуждали ее къ любовной связи, когда она была на это не согласна? Я буду просить начальство и подамъ на васъ прошеніе за ваше беззаконіе. Помѣщикъ разсердился на меня за это и закричалъ: я тебя запорю до смерти! Какъ ты осмѣлился говорить мнѣ это? и тотчасъ приказалъ мнѣ позвать къ нему жену мою и старосту».

Далѣе староста разсказываетъ слѣдующее: «когда я съ женой Г. Г—ва пришелъ въ горницы, баринъ спросилъ ее: скажи З—ія, съ чего мужъ твой взялъ, что я билъ тебя? Когда это было? Та отвѣчала, что вчера вы били меня, ударивъ два раза. Баринъ назвалъ ее пустой бабенкой и сплетницей и сказалъ, что онъ ее и пальцемъ не трогалъ, и не за что было бить. Она отвѣчала: «вы сами знаете, за что били меня». Тогда Г—въ началъ подступать къ барину, вышелъ отъ злости изъ себя и грубо кричалъ, что имѣетъ свидѣтельницу, которая видѣла, какъ онъ билъ жену его. За невѣж-

ливость баринъ ударилъ Г—ва по щекѣ и потомъ, какъ говоритъ Г—въ, баринъ со старостой стали бить меня и жену мою. Г—въ, по свидѣтельству старосты, оттолкнувъ барина въ грудь, схватилъ его за воротъ. Тогда помѣщикъ приказалъ старостѣ вести его въ людскую и приготовить розги. Г—въ въ это время убѣжалъ изъ комнатъ въ людскую одинъ и, какъ замѣтили бывшіе тамъ люди, былъ очень разстроенъ. Въ людской онъ сказалъ, что его хотятъ сѣчь, и просилъ ребятъ не выдавать его, но тѣ промолчали. Вскорѣ въ людскую пришелъ помѣщикъ и приказалъ старостѣ и дворовымъ отвести Г—ва въ другую избу для наказанія розгами. Въ избу была позвана та женщина, на которую ссылался Г—въ, какъ на свидѣтельницу, видѣвшую, когда баринъ билъ его жену. Та сказала, что она видѣла изъ молочной избы, какъ баринъ, стоя близь З—іи, только размахивалъ руками, но билъ ли онъ ее, этого не видала. Тогда помѣщикъ велѣлъ Г—ву раздѣваться, но тотъ грубо закричалъ: «за что вы будете наказывать меня безъ причины? Это незаконно», и не соглашался раздѣваться. Помѣщикъ приказалъ дворовымъ раздѣвать его, но Г—въ вырвался отъ нихъ, выбѣжалъ въ сѣни и, схвативъ водоносъ, потомъ доску и колъ на улицѣ, отмахивался ими, угрожая убить всякаго, кто подойдетъ къ нему. Помѣщикъ приказалъ старостѣ оставить Г—ва безъ наказанія и, желая скорѣе кончить эту сцену, гдѣ явно было, по его наблюденію, сочувствіе Г—ву со стороны кучера Петра и повара Павла, онъ приказалъ позвать жену и мать Г—ва, чтобъ объявить имъ, что они ему болѣе не нужны и, какъ принадлежавшіе отцу его, отправлялись бы къ нему. Между тѣмъ Г—въ въ это время, какъ показали нѣкоторые свидѣтели, подбѣжалъ къ своему флигелю и въ окно, у котораго давно были выбиты стекла, просилъ подать ему ножъ. Изъ флигеля ему ножа никто не подалъ, какъ говорили тѣ-же свидѣтели, но, какъ оказалось по слѣдствію, столъ стоялъ близь окна и въ разбитую раму легко было со двора взять ножъ со стола, если бы тотъ лежалъ на немъ. Неизвѣстно какимъ образомъ ножъ, которымъ рѣзали хлѣбъ, очутился въ рукахъ Г—ва.—Далѣе помѣщикъ о самомъ случаѣ съ нимъ разсказываетъ такъ: «въ ожиданіи жены и матери Г—ва я остановился у передняго крыльца сѣней. Вдругъ я увидѣлъ, что Г—въ вбѣжалъ въ противоположныя двери сѣней

блѣдный. Сдѣлавши поклонъ мнѣ до земли, онъ сказалъ громко: «простите меня, я не буду». Я имѣлъ намѣреніе удалить его отъ себя и потому, не внимая его раскаянію, повторилъ нѣсколько разъ: «убирайся отъ меня прочь на всѣ четыре стороны, ты болѣе мнѣ не слуга», и сталъ приближаться къ нему, онъ продолжалъ кланяться, повторяя: простите. Когда мы сошлись близко, я еще разъ слышалъ, какъ онъ съ досадой и какъ бы укоромъ проговорилъ: «да простите же», и въ этотъ моментъ я почувствовалъ сильный ударъ въ бокъ. Я вскрикнулъ и, схватившись за бокъ, увидалъ, что рука моя смочена въ крови, брызнувшей изъ груди. Я не видалъ, какъ скрылся отъ меня злодѣй, не помню, кто тутъ былъ, какъ я пошелъ и остановился противъ кухни, гдѣ опомнился, когда подбѣжали ко мнѣ староста съ другими дворовыми людьми. Они говорили, что нужно унять кровь, иначе изойдете ею, и всѣ кричали: „ахъ злодѣй! Что надѣлалъ!“ Я началъ обвивать себя полотенцами и, увидавъ на крыльцѣ вокругъ себя дворовыхъ людей, сказалъ имъ: „спасибо, ребята, выдали меня злодѣю среди бѣлаго дня. Я скоро умру, но не знаю, что сдѣлалъ худое“. Тѣ стали меня утѣшать, чтобъ я не отчаявался. Сейчасъ же отправили людей за священникомъ, исправникомъ и за докторомъ». Въ соучастіи съ Г—вымъ помѣщикъ ни на кого не высказалъ подозрѣнія и въ злыхъ умыслахъ до сихъ поръ онъ его не подозрѣвалъ, тѣмъ не менѣе говоритъ, что Г—въ былъ характера злаго, и къ приказаніямъ его часто не внимателенъ. Причиной преступленія Г—ва помѣщикъ считаетъ только страхъ предъ наказаніемъ.

Очевидно, по простому соображенію, что причина эта была недостаточна.

Ясно, что Г—въ рѣшился на преступленіе, будучи вызванъ на него болѣе серьезными причинами, о которыхъ и было произведено, независимо отъ слѣдствія о фактѣ преступленія, особое разслѣдованіе предводителемъ дворянства съ жандармскимъ полковникомъ. Результатомъ этого разслѣдованія было то, что помѣщикъ, какъ преслѣдовавшій, по показаніямъ его крестьянъ, своихъ крѣпостныхъ женщинъ съ любовными цѣлями, что, по заключенію министра внутреннихъ дѣлъ, и было, вѣроятно, причиной случившагося съ нимъ несчастія, по распоряженію послѣдняго былъ удаленъ изъ своей усадьбы по выздоровленіи въ г. Кострому для водворенія

тамъ до окончанія дѣла, а на имѣніе его была наложена опека. Совершившій преступленіе Г—въ съ женой своей тотчасъ скрылись.

Между тѣмъ, въ усадьбу прибыли изъ Чухломы непремѣнный засѣдатель Перфильевъ для производства дознанія о совершенномъ Г—вымъ преступленіи и лѣкарскій ученикъ Окуловъ, для поданія помощи раненому помѣщику. Окуловъ зашилъ рану и употребилъ средство для ея заживленія. Здоровье раненаго помѣщика стало поправляться. Для разслѣдованія же случившагося въ усадьбѣ, Перфильевымъ было составлено, по важности факта преступленія, временное отдѣленіе суда изъ становаго и стряпчаго. Были привлечены къ допросу родственники Г—ва и жены его, дворовые люди и крестьяне другихъ деревень, которые были спрошены о поведеніи Г—ва и его характерѣ. Многіе отозвались о немъ, что хотя раньше въ дурныхъ поступкахъ они его не замѣчали, но знали, что характера онъ былъ вспыльчиваго, дерзкаго, способный доходить до азарта и вообще злой, какъ назвалъ его и самъ помѣщикъ. Розыски бѣжавшаго преступника съ женой въ ближнихъ мѣстахъ оказались напрасными. Помѣщикъ, спустя нѣсколько времени послѣ случившагося съ нимъ, въ своемъ показаніи высказалъ предположеніе, что Г—въ, по всей вѣроятности, теперь находится въ Петербургѣ, гдѣ онъ и раньше жилъ въ ученьи и по билету и гдѣ имѣетъ родную тетку. Предположеніе помѣщика вскорѣ оправдалось.

Остановимся на нѣкоторыхъ эпизодахъ изложеннаго процесса.

IV.

Мы могли замѣтить, что нѣкоторые эпизоды этого дѣла имѣютъ сходство съ нѣкоторыми мѣстами драмы «Горькая судьбина» и поэтому полагаемъ, что нѣкоторыя черты для обрисовки героевъ своей драмы Писемскій заимствовалъ и изъ этого втораго дѣла. Прежде всего остановимся на характеристикѣ главнаго дѣйствующаго лица драмы «Горькая судьбина» Ананія Яковлева. Характеръ и нѣкоторыя обстоятельства его жизни сходны съ характеромъ и обстоятельствами холостой жизни Г. Г—ва. Г. Г—въ, по отзыву помѣщика, человѣкъ злой и неуважительный,

по показаніямъ одноботчинныхъ крестьянъ—характера дерзкаго, азартнаго, неспокойнаго. Онъ живалъ въ Петербургѣ сначала въ ученьи, потомъ по билету; тѣми же чертами характеризуется въ «Горькой судьбинѣ» и Ананій Яковлевъ. Матрена, его свекровь, такъ характеризуетъ его своей сосѣдкѣ Спиридоньевнѣ: человѣкъ онъ этакой изъ души гордый, своеобышный. Сама вѣдаешь родителю своему и тому, что ни есть, покориться не захотѣлъ. Спиридоньевна дополняетъ: сказывали тоже наши мужички, какъ онъ блюдетъ себя въ Питерѣ, изъ званья своего пикого, почесть, себѣ равнаго не находитъ. (Дѣйствіе I-е, явл. I-е).

Въ лѣтахъ между Ананіемъ Яковлевымъ и Г. Г—вымъ, также есть совпаденіе, оба они по 37 году.

Характеристика отношеній помѣщика къ крѣпостнымъ его женщинамъ также, по нашему мнѣнію, взята Писемскимъ по преимуществу изъ этого дѣла. Припомнимъ, что помѣщикъ героя второй Чухломской драмы Г. Г—ва, какъ слугу своего, посылалъ нерѣдко за разными крѣпостными женщинами для любовныхъ цѣлей. Писемскій въ «Горькой судьбинѣ» выводитъ въ этомъ случаѣ другое дѣйствующее лицо, но съ чертой одинаковой съ указанной. Въ «Горькой судьбинѣ» такимъ лицомъ, служившимъ помѣщику орудіемъ для привлеченія женщинъ къ любовнымъ связямъ, выводится дядя Никонъ, который на вопросъ чиновника-слѣдователя: имѣлъ-ли господинъ вашъ связь съ женой Ананія? говоритъ: было, ваше высокородіе, совершенно такъ, что происходило это; баринъ у насъ, помилуйте, молодой, ловкій. А баба наша, что она и вся-то значитъ, тьфу! того же куричьяго званія; взялъ ее сейчасъ теперь подъ папоротки, вся ея и сила въ томъ; баринъ мнѣ, теперича, приказываетъ: «Никашка, говоритъ, на какую ты мнѣ, братецъ, бабу поукажешь»? Помилуйте, говорю, сударь, на какую только мановеніемъ руки нашей сдѣлаемъ, та и будетъ наша. (Дѣйствіе IV, явленіе IV).

Отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ женщинамъ, подобныя тѣмъ, какія приведены въ излагаемомъ процессѣ, въ общихъ чертахъ указаны въ «Горькой судьбинѣ». Такъ, въ III дѣйствіи, явл. VI, бурмистръ говоритъ крестьянамъ: «за то ты, старичекъ почтенный (Ѳедоръ Петровъ), приведенъ сюда, что мы вотъ, теперича, съ тобой третьимъ господамъ слу-

жимъ, всего тоже видали на своемъ вѣку: у покойнаго, царство небесное, Алексѣя Григорьевича, хоть бы на счетъ того же женскаго полу, всего бывало.... и въ твоемъ семействѣ не мало происходило этого. Не забылъ еще можетъ, чай, того? Вотъ тоже и Давыдъ Ивановъ. Онъ тутъ, при немъ скажу: давно бы, можетъ-ка, ему свою бабу наказать бы слѣдовало за всѣ ея художества, такъ онъ и тутъ, по смиренству своему, все терпитъ».

Такъ терпѣли покуда и крестьяне нашего помѣщика, напр. Устинъ Васильевъ, Харламъ Ивановъ, о которыхъ сказано раньше. Помѣщикъ же продолжалъ свои любовныя похожденія, употребляя въ этихъ случаяхъ главнымъ орудіемъ старосту своего Михаила Тимоѳеева. Отъ этого-то старосты, фигурирующаго во второмъ процессѣ, вѣроятно и взяты Писемскимъ черты для обрисовки бурмиста Калистрата Григорьева въ «Горькой судьбинѣ». Калистратъ Григорьевъ творитъ то же, что и Михаилъ Тимоѳеевъ. Послѣдній, какъ мы видѣли, сводитъ помѣщика съ женой Г. Г—ва З—іей, той самой, за которой до ея замужества и за сестрой ея онъ и раньше, въ пріѣздъ помѣщика въ ихъ деревню, ходилъ къ нимъ въ домъ звать ихъ къ себѣ на бесѣду, но безуспѣшно. Теперь, уславши мужа ея Г. Г—ва въ Чухлому на почту, онъ отряжаетъ З—ію на работу чистить кусты близь усадьбы, куда вскорѣ приходитъ къ ней помѣщикъ и совершаетъ надъ ней насиліе, потомъ присылается сюда же на работу сестра ея дѣвица Непила, съ которой помѣщикъ поступаетъ такъ же, какъ и съ З—іей. Въ «Горькой судьбинѣ» бурмистръ Калистратъ Григорьевъ охарактеризованъ такими же чертами, какъ и Михаилъ Тимоѳеевъ. На слова Матрены о связи Елизаветы съ помѣщикомъ: «подвели можетъ, да подстроили», Спиридоньевна говоритъ: «одинъ у насъ, голубонька, добрый человѣкъ, злодѣй нашъ бурмистръ Калистратъ Григорьевъ. Вся деревня голоситъ теперь о томъ, не зажмешь рты-то. Кому теперь окромя его наускать господина на женщину замужнюю, а теперь ну-ка, экими своими услугами да послугами такую надъ нимъ силу взялъ, что на удивленіе» и т. д. (Дѣйствіе I-е, явл. I-е).

Какъ видно изъ втораго дѣла, помѣщикъ настойчиво добивался связи съ женой Г—ва и, употребивъ надъ ней насиліе,

достигъ желаемой цѣли. На это отношеніе помѣщика къ З—ій есть намеки очень ясные въ «Горькой судьбинѣ». Такъ, въ дѣйствіи I-мъ, явл. I-мъ, Матрена, мать Елизаветы, разсказываетъ, какъ однажды пришелъ къ нимъ въ домъ баринъ и, «поздоровавшись со мной, обратился прямо къ дочери моей Елизаветѣ, которая возилась у печки: «твоими бы руками, Елизавета, надо золотомъ шить, а не кочергами ворочать. Ишь, говоритъ, какая ты расхорошая». Спиридоньевна на это отвѣчаетъ ей: «Много у нихъ мѣста-то, батенька, и безъ твоей избы было. Въ позапрошлую жатву барская помочь была. Баринъ цѣлый день деньской у Елизаветы съ полосы не сошелъ, все съ ней разговаривалъ. Да и тутъ какъ пошабашили, народъ тоже подпилъ, дѣвки да бабы помоложе стали пѣсни пѣть и въ горѣлки играть. Глядь и баринъ къ нимъ присталъ, прыгаетъ какъ козелъ и все становится съ твоей Елизаветой въ парѣ и никакъ ладитъ, чтобъ ее никто не поймалъ». Послѣ Елизавета на укоризны своего мужа Ананія Яковлева за связь ея съ помѣщикомъ такъ объясняетъ побужденія къ ней: «не по своей-то волѣ было, тогда тоже стали повелѣнья и приказанья эти дѣлать; какъ было ослушаться»? Ананій Яковлевъ говоритъ ей на это: «Какія же это могли быть повелѣнья и приказанья? Ежели теперича силой васъ къ тому склоняли, что мать ваша смотрѣла? Вы бы ей сейчасъ должны были объявленіе сдѣлать о томъ.... Коли бы онъ теперича какія притѣсненія сталъ дѣлать, я, можетъ, и до начальства дорогу нашелъ. Что жъ ты мнѣ, бестія, на страхъ-то свой сворачиваешь?»

Елизавета: «Ни на что я не сворачиваю, а что здѣсь тоже живучи, что мы знаемъ? Стали стращать да пужать, что все семейство наше чрезъ то погибнуть должно; на поселенье тамъ сошлютъ, а либо васъ, экаго человѣка, въ рекруты сдадутъ. Думала, чѣмъ собой другихъ подводить, лучше на себѣ одной все перенесть». (Дѣйствіе I-е, явл. IV-е).

Такъ же, какъ и Г. Г—въ въ объясненіи съ помѣщикомъ, Ананій Яковлевъ въ приведенномъ мѣстѣ изъ драмы и въ разговорѣ съ бурмистромъ о своемъ положеніи, а потомъ опять съ женою своею надежду на защиту возлагаетъ на начальство. Такъ, на слова бурмистра, который хочетъ быть судьей между нимъ и женой его, коли въ начальство имъ поставленъ, Ананій

отвѣчаетъ ему: «начальство есть и повыше васъ, мы и до того дорогу знаемъ». (Дѣйствіе II-е, явл. V-е).

Или въ III-мъ дѣйствіи, явл. IV-мъ, Ананій такъ убѣждаетъ свою жену ѣхать съ нимъ въ Петербургъ:

— «Грѣхъ теперь бѣжавши, завтра же поѣдемъ со мною въ Питеръ, а ежели на счетъ паспорта какое притѣсненіе выйдетъ, такъ я и такъ увезу, прямо начальству объясню, почему и для чего это было сдѣлано».

Г. Г—въ, какъ мы видѣли, въ объясненіи съ помѣщикомъ о насиліи, сдѣланномъ послѣднимъ надъ его женою, высказываетъ угрозу жаловаться на него начальству и подать на него прошеніе за его беззаконіе. Вслѣдъ за этимъ крупнымъ объясненіемъ съ помѣщикомъ, Г. Г—въ, какъ мы видѣли, совершаетъ преступленіе, впрочемъ, не такое, какое въ «Горькой судьбинѣ» совершаетъ Ананій Яковлевъ.

Мы уже имѣли случай говорить, что фактъ преступленія для «Горькой судьбины» взятъ Писемскимъ изъ перваго нашего процесса объ убійствѣ ребенка дворовымъ человѣкомъ Владиміромъ Михайловымъ. Но и на преступленіе Г. Г—ва, послѣ котораго помѣщикъ былъ опасно боленъ, есть косвенный намекъ въ «Горькой судьбинѣ». Послѣ крупнаго объясненія помѣщика Чеглова-Соковина съ Ананіемъ Яковлевымъ, съ первымъ также случилась грудная болѣзнь, сопровождавшаяся потерею крови. Спиридоньевна въ 3-мъ дѣйствіи, явл. 1-мъ, говоритъ Матренѣ: «бурмистръ али дворовые барина очень жалѣютъ. На Ананья-то тѣмъ разомъ разсердившись, баринъ вышелъ словно мертвецъ, прислонился къ косяку, позвалъ человѣка: «дайте, говоритъ, мнѣ поскорѣй тазъ», и почесть что полнехонекъ его отхаркнулъ кровью. Вотъ, говоритъ, это жизнь моя выходитъ по милости Ананія Яковлевича. Недолго вамъ мнѣ послужить. Скоро у васъ будутъ другіе господа, такъ и жалѣютъ его очённо». Этотъ эпизодъ, нѣсколько видоизмѣненный авторомъ, въ сущности сходенъ съ тѣмъ моментомъ изъ втораго процесса, когда помѣщикъ Ермолаевъ, послѣ нанесенной ему раны очнувшись, обратился къ окружавшимъ его дворовымъ людямъ съ подобными-же словами: «я скоро умру» и т. д. Къ тому же эпизоду близко подходитъ мѣсто и изъ IV дѣйствія, явл. I-го, «Горькой судьбины». Бурмистръ говоритъ чиновнику слѣдователю: «баринъ очённо не-

здоровы! Горячка, сказываютъ. Какъ тогда встревожились, слегли, все хуже и хуже, не знаемъ и живъ останется ли; подлецъ и разбойникъ, что надѣлалъ». Послѣднія слова тождественны съ тѣми, которыя говорили окружавшіе раненаго Г—вымъ помѣщика дворовые люди: «ахъ, злодѣй! что надѣлалъ»!

Позволимъ себѣ здѣсь высказать предположеніе, что А. Ѳ. Писемскій не взялъ для «Горькой судьбины» факта преступленія изъ втораго процесса въ томъ видѣ, какъ онъ объясненъ былъ впослѣдствіи показаніями помѣщика и его дворовыхъ людей, потому что, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго хода дѣла, когда преступникъ нашелся, фактъ этотъ остался не вполнѣ доказаннымъ и выясненнымъ, такъ какъ Г. Г—въ въ преступленіи, имъ содѣянномъ, не сознался и дѣло это вообще осталось запутаннымъ. Желая оставаться на почвѣ совершенно реальной, А. Ѳ. Писемскій заимствовалъ изъ втораго процесса черты для обрисовки личныхъ отношеній помѣщика къ крѣпостнымъ женщинамъ, послужившихъ мотивами къ преступленію оскорбленнаго мужа, фактъ преступленія взялъ изъ перваго процесса, какъ вполнѣ доказанный и удостовѣренный сознаніемъ самого преступника Владиміра Михайлова. Такимъ образомъ Писемскій въ основу своей драмы положилъ вполнѣ удостовѣренную горькую дѣйствительность. Соединивъ въ Ананіи Яковлевѣ существенныя черты, взятыя отъ двухъ лицъ: Владиміра Михайлова и Г. Г—ва, людей, кстати скажемъ, не дворовыхъ только, но и бывшихъ на промыслахъ, какъ и Ананій Яковлевъ, и присоединивъ къ нимъ еще другія черты, можетъ быть, взятыя отъ другихъ наблюдаемыхъ лицъ, Писемскій точно также поступилъ и при обрисовкѣ героини своей драмы Елизаветы. Въ ней также сгруппированы существенныя черты, взятыя отъ З—іи втораго процесса и Елизаветы перваго. Отъ послѣдней, какъ мы уже замѣтили, взято и имя героини драмы «Горькая судьбина», жены Ананія Яковлева, Елизаветы же. Нѣкоторыя же второстепенныя черты характера Елизаветы «Горькой судьбины» Писемскимъ взяты, вѣроятно, и отъ другихъ наблюдаемыхъ имъ крѣпостныхъ женщинъ, такъ, напр., той черты ея, о которой она сама говоритъ барину, что когда онъ былъ еще молоденькимъ, такъ она заглядывалась на него (дѣйствіе 2-е, явл. 2-е), каковой черты въ изложенныхъ процессахъ мы не находимъ и Писемскій взялъ

ее, вѣроятно, еще отъ какой нибудь крѣпостной женщины, бывшей въ связи съ помѣщикомъ.

Мы, впрочемъ, говоримъ объ основномъ сюжетѣ драмы, а не о всѣхъ деталяхъ ея и сторонахъ характеровъ ея дѣйствующихъ лицъ. Многія стороны могли быть даже и придуманы самимъ авторомъ, не будучи въ то-же время въ противорѣчіи съ дѣйствительностію, такъ какъ подобныхъ фактовъ на Руси въ то время было, конечно, не мало.

Любовную связь Елизаветы «Горькой судьбины» съ помѣщикомъ Чегловымъ, вынужденную, по ея признанію мужу своему Ананію,—повелѣньями, приказаніями, запугиваньями и застращиваньями помѣщика, Писемскій взялъ изъ втораго процесса. Изъ него мы видѣли, что помѣщикъ, придя на работу къ З—іи, чрезъ побои принудилъ ее къ любовному дѣлу и, какъ выяснилось на слѣдствіи, онъ подобнымъ же образомъ поступалъ и съ другими крѣпостными женщинами и дѣвицами. Появленіе же незаконнаго ребенка у Елизаветы «Горькой судьбины» и потомъ охлажденіе и даже презрѣніе ея къ мужу, оказываніе непокорности ему, эти факты равно какъ и слѣдовавшій затѣмъ фактъ преступленія, совершаемый оскорбленнымъ мужемъ взяты Писемскимъ изъ перваго процесса, гдѣ героиня первой чухломской драмы, Елизавета, жена Владиміра Михайлова, обрисовывается чертами, сходными съ тѣми, которыя усвоены авторомъ Елизаветѣ «Горькой судьбины». Какъ показалъ Владиміръ Михайловъ, онъ рѣшился на преступленіе потому, что жена его оказывала ему грубость и непокорность и вела дурную жизнь, по его наблюденіямъ. Героиня второй чухломской драмы, жена Г. Г—ва З—ія, напротивъ, послѣ совершеннаго надъ ней насилія со стороны помѣщика, остается вѣрной своему мужу, жалуется ему на помѣщика и вмѣстѣ съ мужемъ скрывается изъ усадьбы послѣ того, какъ Г. Г—въ, въ отмщеніе за оскорбленіе ея и свое, нанесъ помѣщику рану ножемъ въ грудь.

V.

Куда же скрывается Г—въ съ женою послѣ преступленія? Мы говорили уже, что потерпѣвшій помѣщикъ, нѣсколько времени спустя послѣ случившагося съ нимъ несчастія, въ своемъ показаніи высказалъ предположеніе, что Г. Г—въ по всей вѣроятности теперь въ Петербургѣ, куда онъ отправился изъ усадьбы, конечно, безъ паспорта. Изъ «Горькой судьбины» мы можемъ привести подходящее сюда мѣсто изъ IV-го дѣйствія, явл. I-го, гдѣ на вопросъ исправника: «гдѣ онъ (Ананій), каналья, можетъ скрываться»? бурмистръ отвѣчаетъ: «по близости ему, ваше благородіе, тутъ быть негдѣ; онъ бы давно ужъ себя заявилъ. Навѣрнякъ надо полагать, что въ Питеръ махнулъ. Мало тамъ развѣ безпашпортныхъ-то проживаетъ. Старуха теща его сказывала, что у него тысяча цѣлковыхъ въ карманѣ было. Съ этакими деньгами вездѣ спокойно проживетъ».

Г. Г—въ, совершивъ преступленіе, бѣжалъ изъ усадьбы и, нагнавъ на пути жену свою З—ію, дѣйствительно махнулъ въ Питеръ. Вотъ какъ о дальнѣйшихъ похожденіяхъ этихъ горемычныхъ супруговъ излагается въ дѣлѣ по ихъ показаніямъ, когда они были найдены. Жена Г. Г—ва З—ія показала, что послѣ объясненія съ помѣщикомъ, когда баринъ велѣлъ приготовить розги, она, не сказавшись мужу, ушла изъ усадьбы въ деревню Протасову и, дойдя до рѣки, поворотила по направленію къ усадьбѣ исправника, чтобы принести ему жалобу на помѣщика. Что въ это время происходило въ усадьбѣ она не знаетъ. Верстахъ въ трехъ нагналъ ее мужъ и сказалъ, что когда приготовляли розги, онъ тоже ушелъ изъ усадьбы, но что нанесъ рану барину, объ этомъ онъ не сказалъ ей и намѣренія этого прежде не высказывалъ. Съ жалобой на помѣщика къ исправнику они пошли теперь оба, но не доходя до усадьбы, они узнали отъ встрѣчнаго, что исправника въ усадьбѣ нѣтъ. Поэтому они пошли въ Авраамієвъ монастырь, гдѣ и переночевали. На слѣдствіи нѣкоторые свидѣтели показали, что вечеромъ въ усадьбу С. изъ деревни Протасовой приходила одна женщина къ матери Г—ва за деньгами и нѣкоторыми вещами Г—ва и его жены, которыя мать и отдала ей, но при этомъ не спро-

сила ее, гдѣ сынъ ея съ женой находятся и о приходѣ этой женщины къ ней никому не говорила, жалѣя сына.

При допросѣ эта женщина изъ деревни Протасовой ни въ чемъ не созналась, сказавши, что ея въ то время и дома не было и въ усадьбу С. она не ходила. Переночевавши въ Авраміевомъ монастырѣ, Г. Г—въ съ женой уговорились отправиться въ Петербургъ подавать начальству жалобу на помѣщика. Минуя г. Чухлому, скитальцы-супруги шли разными деревнями, питаясь мірскими подаяніями. Путешествіе ихъ до Петербурга продолжалось пять недѣль. По дорогѣ въ одной деревнѣ встрѣтившемуся имъ человѣку въ нѣмецкомъ платьѣ они разсказали о своемъ дѣлѣ и тотъ, по ихъ просьбѣ, написалъ имъ прошеніе с.-петербургскому митрополиту съ жалобою на помѣщика. Прибывши въ Петербургъ, никуда не заходя, они тотчасъ отправились къ митрополиту и подали ему отъ имени З—и, прошеніе, въ которомъ она жаловалась на своего помѣщика зато, что онъ изнасиловалъ ее, билъ, мучилъ и не только ее, но билъ и отца ея, мать и мужа, растлилъ шестнадцатилѣтнюю сестру ея и растлѣваетъ всѣхъ своихъ крѣпостныхъ дѣвицъ. Митрополитъ препроводилъ это прошеніе съ жалобщиками къ шефу жандармовъ. Здѣсь обнаружилось, что супруги пришли въ Петербургъ безъ видовъ. Поэтому они были переданы въ распоряженіе оберъ-полиціймейстера. Прошеніе же ихъ было препровождено къ костромскому губернатору съ тою цѣлью, чтобы настоящему дѣлу былъ данъ ходъ. По увѣдомленію костромскаго губернатора, что Г—въ совершилъ преступленіе, о которомъ въ чухломскомъ уѣздномъ судѣ производится слѣдствіе, челобитчики-супруги были препровождены изъ Петербурга посредствомъ внутренней стражи въ чухломскій уѣздный судъ, гдѣ, по прибытіи ихъ, и начался второй актъ процесса, уже съ главными дѣйствующими лицами этой второй чухломской драмы.

Г. Г—въ на допросы въ уѣздномъ судѣ изложилъ только свои извѣты на помѣщика, начиная съ того, какъ онъ приводилъ къ барину разныхъ крѣпостныхъ женщинъ, что жену свою при вступленіи въ бракъ онъ нашелъ растлѣнною и та сказала ему, что ее лишилъ дѣвства помѣщикъ, и кончая послѣднимъ случаемъ насилія со стороны помѣщика надъ его женой, по поводу котораго Г—въ и имѣлъ крупное объясненіе съ нимъ;

но факты дерзкаго отношенія своего къ помѣщику, сопротивленія распоряженію послѣдняго о наказаніи его розгами, при употребленіи разныхъ предметовъ для своей защиты, и тѣмъ болѣе фактъ нанесенія помѣщику раны ножемъ въ грудь Г—въ совершенно отвергъ, сказавъ, что это ложные извѣты на него какъ со стороны помѣщика, такъ и дворовыхъ людей его, показывавшихъ такъ, вѣроятно, по приказанію барина и изъ-за страха. Жена Г—ва на слѣдствіи показала сходно съ мужемъ, изложивъ подробнѣе только факты насилія помѣщика надъ нею и ея сестрой во время работы близь усадьбы и случаи изъ времени до ея замужества, изложенные нами въ началѣ этого процесса. О преступленіи же, совершенномъ мужемъ ея, она ограничилась такимъ показаніемъ, что ничего этого не знаетъ и отъ самого мужа объ этомъ не слыхала. Въ прошеніи, поданномъ Г—вымъ жандармскому полковнику, онъ, между причимъ, говоритъ, что помѣщикъ выдалъ замужъ сестру его жены, лишенную имъ дѣвства для избѣжанія улики. Между тѣмъ, мужъ послѣдней, спрошенный на слѣдствіи, показалъ, что онъ нашелъ жену свою совершенно честною. Самъ потерпѣвшій помѣщикъ, всѣ взводимые на него извѣты въ разныхъ насиліяхъ и жестокостяхъ по отношенію къ крѣпостнымъ его женщинамъ для достиженія любовныхъ цѣлей, или отвергъ, или нѣкоторымъ признаннымъ фактамъ придалъ совершенно благовидную окраску, напр., фактъ наказанія Устинова семейства объясненъ имъ былъ такъ, что они были наказаны за буйство и ослушаніе, что дѣвица Ненила была прислана на работу въ помощь къ сестрѣ, не надѣявшейся кончить работу къ вечеру, и что онъ второй разъ не заходилъ къ нимъ на мѣсто работы. Что всѣ вообще эти извѣты на него ложные, придуманные самими подсудимыми въ свое оправданіе, или родственниками ихъ въ защиту и для облегченія участи преступниковъ. Вообще въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣло это является очень запутаннымъ, и въ такомъ видѣ оно поступило на разсмотрѣніе чухломскаго уѣзднаго суда, который, тѣмъ не менѣе, фактъ преступленія Г—ва, не смотря на запирательство въ немъ послѣдняго и на невыясненность его на слѣдствіи, призналъ совершившимся и Г. Г—ва изобличеннымъ въ преступленіи. Жену его З—ію судъ призналъ участницей въ преступленіи мужа. Поэтому чухломскій

уѣздный судъ рѣшилъ: Г. Г—ва и жену его З—ію, лишивъ правъ состоянія, наказать плетьми чрезъ палача и сослать ихъ въ Сибирь на поселеніе. Мать подсудимаго и нѣкоторыхъ привлеченныхъ къ слѣдствію женщинъ судъ рѣшилъ: оставить въ подозрѣніи, а помѣщика, старосту и нѣкоторыхъ дворовыхъ людей, привлекаемыхъ къ слѣдствію, отъ суда освободить. Рѣшеніе это не было приведено въ исполненіе и дѣло было препровождено на ревизію въ костромскую уголовную палату. Палата представила краткую записку, съ извлеченіемъ изъ дѣла, начальнику Костромской губерніи, который и представилъ ее вмѣстѣ съ дѣломъ въ правительствующій сенатъ. При этомъ палата рѣшила: жену Г—ва З—ію, за побѣгъ изъ вотчины и сборъ милостыни, наказать розгами, пятнадцатью ударами, а по предмету участія ея съ мужемъ въ преступленіи ее, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ привлеченныхъ къ слѣдствію женщинъ, отъ суда освободить. Правительствующій сенатъ, разсмотрѣвъ это дѣло, нашелъ, что приведенныя улики противъ подсудимаго Г. Г—ва къ полному изобличенію его въ нанесеніи раны ножемъ въ грудь сыну своего помѣщика хотя и недостаточны, тѣмъ не менѣе навлекаютъ на него сильнѣйшее подозрѣніе въ учиненіи этого преступленія. Поэтому правительствующій сенатъ рѣшилъ: двороваго человѣка Г. Г—ва, 37 лѣтъ отъ роду, по этому дѣлу оставить въ сильнѣйшемъ подозрѣніи, а за самовольную отлучку безъ надлежащаго вида и разрѣшенія помѣщика наказать его десятью ударами розогъ.

Такъ легко для подсудимыхъ кончилась эта вторая чухломская драма и, конечно, потому такъ, а не гораздо хуже кончилась эта драма, что какъ разъ въ то время державною волею Царя-Освободителя надъ двадцатью мильонами безправнаго русскаго народа, изнемогавшаго подъ игомъ крѣпостнаго рабства, уже пронеслась вѣсть о предстоявшемъ ихъ освобожденіи изъ подъ вѣковаго гнета и о томъ, что близокъ былъ часъ, когда насилію душевладѣльцевъ надъ ихъ рабами и рабынями—долженъ былъ быть положенъ конецъ на вѣки вѣковъ.

Подвергнутые наказанію только розгами за побѣгъ изъ вотчины безъ видовъ и сборъ милостыни Г—вы были затѣмъ, посредствомъ внутренней стражи, препровождены въ Симбирскую губернію, въ Курмышскій уѣздъ, въ имѣніе отца ихъ помѣщика,

владѣльца усадьбы С. Тѣмъ и кончились странствованія этихъ горемычныхъ супруговъ, такъ горячо отстаивавшихъ свою честь, понятіе о которой, какъ видно, не было изглажено изъ сознанія ихъ разными жестокостями и насиліями надъ ними ихъ владѣльцевъ и управителей.

Изъ сопоставленія эпизодовъ изложенныхъ двухъ дѣлъ съ нѣкоторыми мѣстами драмы Писемскаго «Горькая судьбина», мы видимъ, что изъ этихъ дѣлъ Писемскій взялъ только основу для своей драмы, но не все содержаніе ея. Содержаніе ея шире и во многомъ можетъ быть заимствовано авторомъ еще и изъ другихъ случаевъ изъ быта крѣпостныхъ людей. По крайней мѣрѣ, нѣкоторыя черты характеровъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и нѣкоторыхъ лицъ второстепенныхъ драмы въ изложенныхъ дѣлахъ мы не находимъ. Существенныя же черты главныхъ дѣйствующихъ лицъ драмы, отвлеченныя отъ нѣсколькихъ лицъ изъ изложенныхъ дѣлъ, сгруппированы авторомъ въ однихъ лицахъ. Такимъ образомъ, авторъ въ «Горькой судьбинѣ» создалъ типы какъ крѣпостныхъ людей, такъ и помѣщиковъ такого сорта, какъ фигурирующій въ нашихъ дѣлахъ помѣщикъ.

Основная мысль драмы «Горькая судьбина», что сознаніе чести и долга не заглохло въ простомъ русскомъ народѣ, при всей угнетенности его въ страдную пору крѣпостнаго права, только выразилось оно въ грубыхъ формахъ и проявленіяхъ, вслѣдствіе грубаго и глубоко потрясавшаго все существо простолюдиновъ отношенія къ нимъ ихъ владѣльцевъ, имѣетъ фактическое подтвержденіе въ изложенныхъ нами двухъ процессахъ. Мы приходимъ къ тому окончательному выводу, что драма высоко даровитаго нашего писателя А. Ф. Писемскаго «Горькая судьбина» не фантастическое произведеніе, но вполнѣ бытовая драма. Корни и первоначальные ростки свои она имѣетъ въ почвѣ чухломской, вѣтви же ея объемлютъ область болѣе обширную.

Ив. Миловидовъ,

членъ костромской архивной комиссіи.

КЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА

1807—1849 гг.

Незадолго до кончины своей покойный генералъ-лейтенантъ Петръ Кононовичъ Менковъ сообщилъ намъ, между прочими матеріалами для отечественной исторіи и исторіи русскаго общества, выдержки для насъ неизвѣстнаго лица изъ циркулярныхъ различныхъ правительственныхъ лицъ распоряженій, послѣдовавшихъ, главнымъ образомъ, по Петербургской губерніи. Выписки эти, очевидно, были дѣланы кѣмъ-то, какъ памятныя записи для могущихъ быть справокъ. Свѣдѣнія, въ ней сообщаемыя, главнымъ образомъ касаются различныхъ лицъ, а также нѣкоторыхъ событій и учрежденій. Приводимъ сжатую выдержку изъ этой довольно обширной записки.

1807 года, декабря 30. Министръ внутреннихъ дѣлъ, князь Алексѣй Куракинъ письмомъ на имя петербургскаго губернатора увѣдомилъ о томъ, что въ 1808 году имѣетъ продолжаться изданіе «С.-Петербургскаго Журнала». «По вниманію, каковое обращаемо было на сіе изданіе въ теченіе 4-хъ прошедшихъ лѣтъ, — пишетъ князь Алексѣй Куракинъ, и по тому убѣжденію, что содержаніе его дѣйствительно быть можетъ полезнымъ, я не излишнимъ счелъ предварить васъ, милостивый государь мой, о семъ намѣреніи издателей, полагая, что по любви вашей къ просвѣщенію не поставите вы себѣ въ тягость содѣйствовать его распространенію, подобно тому, какъ и въ предшедшихъ годахъ сіе было сдѣлано и съ полною благодарностью отъ издателей принято». Изъ приложеннаго печатнаго объявленія видно, что «С.-Петербургскій Журналъ» издавался въ 1804-мъ и 1805-мъ годахъ. Цѣна ему была въ Петербургѣ 12 рублей, а въ другихъ городахъ 15 рублей за весь годъ, конечно, ассигнаціями. Въ изданіе входили: «Акты М. В. Д.», въ порядкѣ и нѣкоторой системѣ расположенные; далѣе помѣщались «переводы и извлеченія изъ лучшихъ авторовъ, объ экономіи политической, государственномъ управленіи вообще и исторіи писавшихъ; отрывки изъ исторіи россійской, блистательнѣйшія черты мужества, любви къ отечеству и великихъ дѣяній, коими лѣтописи наши столь обильны». Книжки выходили въ концѣ каждаго мѣсяца.

1809 г., августа 20. Министерство внутреннихъ дѣлъ печатными циркулярами сообщило губернаторамъ о послѣдовавшемъ высочайшемъ рескриптѣ, отъ 5-го августа того года на имя министра данномъ, объ изданіи при министерствѣ Вѣдомостей подъ названіемъ «Сѣверная Почта или Новая Петербургская Газета», ближайшее руководство которой ввѣрено было товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, тайному совѣтнику Козодавлеву. Начальники губерній, почтъ-директора и губернскіе почтмейстера приглашались, по силѣ помянутаго рескрипта, къ немедленному доставленію извѣстій о всемъ томъ, что къ внесенію въ газету признано будетъ приличнымъ. Козодавлевъ съ своей стороны 1-го сентября 1809 г., въ развитіи помянутаго высочайшаго повелѣнія, увѣдомилъ петербургскаго губернатора М. М. Бакунина о томъ, что въ «Сѣверной Почтѣ» помѣщаемы будутъ «извѣстія о происшествіяхъ, достойныхъ свѣдѣнія публики: необыкновенное происшествіе въ натурѣ съ подробнымъ онаго описаніемъ, открытіе какого нибудь полезнаго заведенія, устроеніе фабрики, распространеніе хлѣбопашества или какого другаго хозяйственнаго предмета, извѣщеніе о ярмаркахъ и о случившихся на оныхъ происшествіяхъ и сему подобныя свѣдѣнія, паче до народной промышленности и нравственности касающіяся, равно о хлѣбныхъ урожаяхъ».

1811 г., ноября 15. Министръ полиціи А. Д. Балашовъ разослалъ начальникамъ губерній печатный циркуляръ, въ которомъ объясняетъ: «по случаю многихъ пожаровъ, происшедшихъ нынѣшнимъ лѣтомъ (1811 г.), въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ поручено генералъ-лейтенанту Эртелю, по высочайшей волѣ, изыскать причину сихъ пожаровъ и открыть виновныхъ въ томъ. Генералъ Эртель увѣдомляетъ меня, что тамъ переловлено уже нѣсколько злодѣевъ, чинившихъ поджоги, что, по показанію нѣкоторыхъ, они составили шайку, простиравшуюся до 40 человѣкъ, что изъ числа ихъ по нѣскольку разосланы были партіями для зажигательства въ разныя губерніи, что начальникомъ сей шайки Новаковскій, именующій себя генераломъ, а начальники другихъ партій называются Доминикъ и Феликсъ». Въ циркулярѣ сообщаются примѣты этихъ лицъ, при чемъ о Новаковскомъ отмѣчено, что онъ говоритъ на польскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, ѣздитъ въ русской повозкѣ не окованной, на парѣ буланыхъ лошадей, изъ коихъ одна съ длиннымъ хвостомъ, а другая на подобіе англизированной (слѣдуетъ описаніе ихъ одеждъ). Далѣе циркуляръ продолжаетъ: «Злоумышленники, шайку сію составляющіе, узнаютъ другъ друга по знакамъ, пришитымъ у нихъ на шляпахъ и на платьѣ: тотъ, кто имѣетъ круглую шляпу, носитъ на ней по краямъ темнозеленаго сукна по 4 пучка вродѣ кисти, а кто шляпы не имѣетъ, то на платьѣ подъ мышками имѣетъ пришитые таковаго цвѣта по одному пучку. Пашковскій и партіонные начальники ѣздятъ иногда подъ именемъ ксендзовъ». Министръ приглашалъ губернаторовъ принять строгія мѣры къ поимкѣ этихъ злодѣевъ.

1816 г., февраля 19. Генералъ-фельдмаршалъ М. Б. Барклай-де-Толли обратился къ главнокомандующему въ Петербургѣ, генералу отъ инфантеріи С. К. Вязмитинову изъ Могилева бѣлорусскаго съ письмомъ, въ которомъ извѣщаетъ: «для незабвеннаго воспоминанія именъ тѣхъ храбрыхъ офицеровъ, кои въ продолженіе послѣдней войны съ французами послѣ бывшихъ сраженій подъ Дрезденомъ и Кульмомъ въ августѣ 1813 года скончались отъ ранъ, полученныхъ въ сихъ сраженіяхъ, его величеству благоугодно было повелѣть соорудить въ Прагѣ, что въ Богеміи, памятникъ съ приличными надписями по проекту, предварительно утвержденному».

«Дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Л. Л. Бюлеръ, на коего возложено было порученіе по исполненію онаго, доставилъ мнѣ печатный экземпляръ описанія и изображенія памятника». Барклай-де-Толли препроводилъ Вязмитинову 5 экземпляровъ этой брошюры. Она отпечатана въ $^1/_4$ долю въ въ Вѣнѣ, въ 1815 году, на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ, съ гравированнымъ изображеніемъ памятника и съ виньеткою, изображающею видъ той мѣстности, гдѣ помѣщенъ этотъ памятникъ. Вотъ заглавіе брошюры: «Изображеніе и описаніе памятника въ городѣ Прагѣ, что въ Богеміи, на военномъ кладбищѣ, въ честь скончавшихся тамъ россійскихъ офицеровъ, въ 1815 году воздвигнутаго и освященнаго». На памятникѣ надпись: «Памятникъ храбрымъ россійскимъ офицерамъ, которые отъ полученныхъ ими ранъ въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ и Кульмомъ въ августѣ мѣсяцѣ 1813 года въ городѣ Прагѣ померли».

«Да пребудетъ священъ вашъ прахъ сей земли! Незабвенны останетесь вы своему отечеству».

Какъ видно изъ этой брошюры, на памятникѣ начертаны имена 45 русскихъ офицеровъ. Изъ нихъ старшій по чину подполковникъ Турчаниновъ; между прапорщиками значатся Кременчутскаго полка графъ Толстой, корнетъ Жерве и пр.

1829 г., октября 21. Смотритель Калинкинской больницы рапортомъ донесъ петербургскому гражданскому губернатору И. С. Храповицкому о томъ, что въ сей день больницу посѣтилъ императоръ Николай Павловичъ въ сопровожденіи великаго князя Михаила Павловича.

1830 г., декабря 21. Шефъ жандармовъ А. Х. Бенкендорфъ печатнымъ циркуляромъ губернаторамъ увѣдомилъ, что государь императоръ, «предполагая, что по случаю возникшихъ въ Царствѣ Польскомъ безпорядковъ злонамѣренные, помогающіе возмущенію и безначалію, могутъ содѣйствовать къ распространенію преступныхъ своихъ правилъ между жителями и внутреннихъ губерній Россіи, высочайше повелѣть мнѣ изволилъ обратить на сіе должное вниманіе (начальниковъ губерній) съ тѣмъ, чтобы на случай, когда въ губерніи появятся какія либо воззванія къ народу или сочиненія, клонящіяся къ внушенію мирнымъ жителямъ мнѣній, противныхъ государственнымъ постановленіямъ или граждан-

скому порядку (губернаторъ), немедленно препроводивъ оныя, принялъ надлежащія мѣры къ открытію сочинителей и распространителей таковыхъ разглашеній».

1833 г., іюня 27. Петербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ П. К. Эссенъ просилъ петербургскаго гражданскаго губернатора о разъисканіи утерянной, 25 іюня вечеромъ, при перевозѣ гардеробныхъ вещей государя-императора изъ петергофскаго большаго дворца на дачу Александрію, собственной его величества большой печати съ изображеніемъ государственнаго герба изъ бѣлаго топаза, отдѣланной внизу золотомъ.

1836 г., марта 18. Министръ внутреннихъ дѣлъ ст.-секретарь Д. Н. Блудовъ обратился съ циркуляромъ къ господамъ гражданскимъ губернаторамъ, о высочайшемъ соизволеніи, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, «когда раскольнику по суду назначена будетъ очистительная присяга, то, приводя таковаго къ присягѣ въ православной церкви, стараться по возможности употреблять при семъ случаѣ старопечатное евангеліе и стариннаго устроенія крестъ, коимъ раскольники оказываютъ больше благоговѣнія».

1837 г., іюля 25. Статсъ-секретарь Блудовъ увѣдомилъ начальниковъ губерній, что «дошло до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, будто евреи тайно распространяютъ между субботниками или послѣдователями іудействующей ереси выписки изъ книги «Хизыкъ-амина» (укрѣпленіе вѣры), которыя по содержанію своему не только весьма оскорбительны для христіанства, но и могутъ быть весьма вредны, ибо въ оныхъ съ хитростью и для незнающихъ обольстительно наводится сомнѣніе какъ на отношеніе ветхозавѣтныхъ пророчествъ къ христіанству, такъ и на достоинство священныхъ книгъ Новаго Завѣта, и сочинитель означенной книги пользуется не только старыми уже толкованіями раввиновъ, дабы ослабить свидѣтельство Ветхаго Завѣта въ пользу христіанства, но и новыми перетолкованіями нѣмецкихъ неологовъ (sic), покусившихся орудіемъ критики подкопать основаніе христіанскихъ догматовъ».

Министръ внутреннихъ дѣлъ приглашалъ начальниковъ губерній тѣхъ, въ средѣ раскольниковъ которыхъ находились субботники или іудействующіе, имѣть за ними тайное, но бдительное наблюденіе, дабы между субботниками не были распространяемы означенныя рукописи, могущія служить къ большему утвержденію ихъ въ своемъ заблужденіи, и принять мѣры къ прекращенію подобныхъ вредныхъ дѣйствій враговъ христіанства.

1838 г., мая 10. Статсъ-секретарь Блудовъ передалъ начальникамъ губерній циркулярно о сообщеніи ему генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа о томъ, что какъ по свойству и цѣли учрежденія корпуса жандармовъ необходимо имена жандармскихъ чиновъ, дѣлающихъ какія либо донесенія, оставлять сокрытыми, то нужно, чтобы мѣстныя начальства въ губерніяхъ въ сношеніяхъ о секретныхъ донесеніяхъ жандармовъ удостовѣрялись, если признаютъ то нужнымъ, собственными разысканіями въ справедливости полученныхъ донесеній, отнюдь не обнаруживая именъ жандармскихъ офицеровъ, сообщающихъ оному какія либо свѣдѣнія.

«Хотя я не сомнѣваюсь, пишетъ ст.-секретарь Блудовъ, что вообще губернскія начальства по полученіи отъ пребывающихъ въ губерніяхъ офицеровъ корпуса жандармовъ секретныхъ записокъ и донесеній о какихъ-либо открываемыхъ ими безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ стараются удостовѣриться въ существованіи оныхъ собственными своими разысканіями, не открывая именъ помянутыхъ офицеровъ, но тѣмъ не менѣе и по желанію начальника корпуса жандармовъ и для предупрежденія всякихъ недоразумѣній» Д. Н. Блудовъ призналъ необходимымъ сообщить помянутое желаніе А. Х. Бенкендорфа «для зависящаго со стороны начальниковъ губерній наблюденія».

1839 г., августа 6-го. С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ сообщилъ петербургскому гражданскому губернатору Жемчужникову высочайшую волю «дабы никому изъ иностранцевъ не было выдаваемо паспортовъ на проѣздъ изъ С.-Петербургской губерніи въ село Бородино, безъ предварительнаго о томъ сношенія съ генералъ-адъютантомъ, графомъ Бенкендорфомъ».

1841 г., мая 18. Графъ Эссенъ сообщилъ петербургскому гражданскому губернатору о томъ, что императоръ, снисходя къ просьбѣ «находящагося Владимірской губерніи, въ Юрьевскомъ уѣздѣ, подъ надзоромъ полиціи отставнаго генералъ-маіора, князя Андрея Голицына, между прочимъ высочайше повелѣть соизволилъ дозволить ему проживать, гдѣ пожелаетъ, кромѣ С.-Петербургской и Московской губерній».

Въ 1844 году князю Андрею Голицыну было, съ высочайшаго соизволенія, разрѣшено прибытіе въ Петербургъ на три недѣли, для свиданія съ сыномъ [1]).

1842 г., февраля 19. Согласно положенію Комитета министровъ послѣдовало высочайшее повелѣніе о томъ, «чтобы свѣдѣнія о свойствахъ ищущихъ крещенія евреевъ собирать и испытанія производить какъ можно безгласнѣе, освободивъ ихъ отъ представленія свидѣтельства думъ, ратушъ и вообще тѣхъ мѣстъ, гдѣ члены—евреи, а вмѣсто того довольствоваться свидѣтельствами частныхъ, болѣе извѣстныхъ лицъ изъ общества христіанъ, удостовѣреніемъ мѣстнаго полицiймейстера или городничаго и, гдѣ можно, благочиннаго надъ православнымъ духовенствомъ».

1842 г., апрѣля 23. Петербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ Эссенъ объявилъ высочайшее повелѣніе: «уволеннаго отъ службы высочайшимъ приказомъ 3-го апрѣля по домашнимъ обстоятельствамъ изъ капитановъ грузинскаго линейнаго батальона № 14 маіора Малютина, прикосновеннаго происшествію 14 декабря 1825 года, который по отставкѣ обязался имѣть жительство въ Новгородѣ, подвергнуть секретному надзору и воспретить ему въѣздъ въ обѣ столицы».

---

[1]) Объ этомъ князѣ Андреѣ Голицынѣ упоминаетъ де-Сангленъ въ своихъ интересныхъ запискахъ. См. «Русскую Старину» изд. 1883 г., томъ XXXVII, стр. 571, 573—576. Ред.

1843 г., января 29. «Уволенныхъ отъ службы высочайшимъ приказомъ 17-го января 1843 года, находившагося при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ, состоявшаго по кавалеріи поручика Толстаго (декабристъ), изъ государственныхъ преступниковъ, подвергнуть секретному надзору, дозволивъ ему жить, гдѣ пожелаетъ, за исключеніемъ обѣихъ столицъ и города Одессы».

1843 года, марта 1. «Уволенному отъ службы высочайшимъ приказомъ 13 февраля 1843 года, изъ подпоручиковъ Кавказскаго сапернаго батальона, поручикомъ—Игельстрома (декабристъ), — изъ государственныхъ преступниковъ, воспретить въѣздъ въ обѣ столицы».

1843 г., марта 19. «Уволенному отъ службы высочайшимъ приказомъ 26-го февраля помощнику начальника продовольственнаго отдѣленія штаба отдѣльнаго сибирскаго корпуса, состоящему по арміи прапорщику Чижу, изъ государственныхъ преступниковъ, не дозволять жить въ столицахъ».

1843 г., апрѣля 13. Распоряженіемъ графа Бенкендорфа учреждено «секретное наблюденіе за находившимся въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ Женевѣ княземъ Александромъ Голицынымъ, женатымъ на графинѣ Х—вой, который состоялъ въ тѣсныхъ связяхъ съ пребывающими тамъ польскими выходцами, поддерживалъ преступные ихъ замыслы и имѣетъ намѣреніе возвратиться въ Россію».

Петербургскій военный генералъ-губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе въ случаѣ прибытія означеннаго князя Голицына въ Петербургскую губернію, «учредить за нимъ секретное наблюденіе».

1843 г., мая 27. Министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій, печатнымъ циркуляромъ начальникамъ губерній, сообщаетъ: «до свѣдѣнія моего дошло, что во многихъ мѣстахъ дворяне явно уклоняются отъ службы по выборамъ, основываясь на сводѣ законовъ — т. III, уставъ о службѣ по выборамъ—на статьяхъ 88 и 89, дозволяющихъ отказываться отъ назначенія на должности, если кто не желаетъ быть выбраннымъ, и черезъ то мѣста, отъ выборовъ зависящія, наполняются большею частью лицами, не вполнѣ соотвѣтствующими своему призванію. Желая имѣть вѣрнѣйшія по возможности свѣдѣнія о настоящихъ побудительныхъ причинахъ такого уклоненія отъ исполненія одной изъ главнѣйшихъ обязанностей каждаго благомыслящаго дворянина, министръ поручилъ губернаторамъ, по внимательномъ наблюденіи и изслѣдованіи сихъ причинъ, доставить ему, совершенно конфиденціальнымъ образомъ, надлежащее по сему предмету донесеніе съ присовокупленіемъ мнѣнія, какія слѣдуетъ принять удобнѣйшія мѣры къ пресѣченію на будущее время сказаннаго зла и привлеченію дворянъ занимать по выборамъ должности, силамъ и способностямъ каждаго соотвѣтственныя, для споспѣшествованія пользамъ службы его императорскаго величества».

1845 г., февраля 2. «Уволенному высочайшимъ приказомъ 25-го минувшаго января изъ подпоручиковъ грузинскаго линейнаго баталіона № 12

поручику Васильчикову, за сдѣланный имъ въ 1841-мъ году противузаконный поступокъ, воспретить въѣздъ въ С.-Петербургъ». Передавая это, генералъ-губернаторъ прибавилъ, что Васильчиковъ обязался имѣть жительство въ отставкѣ въ С.-Петербургской губ., Лужскаго уѣзда, въ селѣ Туршинѣ.

1845 г., іюля 30. Министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій поставилъ въ извѣстность печатнымъ циркуляромъ начальникамъ губерній, что 22 числа іюля мѣсяца скрылся изъ дому проживающаго въ С.-Петербургѣ ротмистра Николая Полеваго 20 лѣтній сынъ его Никтополеонъ Полевой. Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ принять надлежащія мѣры, къ отысканію означеннаго Полеваго, по отысканіи же его доставить, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, въ III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи».

1846 г., апрѣля 25. Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго начальникамъ губерній: «По дошедшимъ до государя-императора свѣдѣніямъ, что лучшіе по способностямъ и благонадежности дворяне уклоняются отъ принятія по выборамъ должностей, въ особенности полицейскихъ, собственно по неприличному и оскорбительному обращенію нѣкоторыхъ господъ губернаторовъ, что сіи послѣдніе иногда заставляютъ исправниковъ и становыхъ приставовъ сидѣть по цѣлымъ днямъ въ передней, бранятъ ихъ, въ случаѣ неисправностей, неприличными словами, нерѣдко даже въ присутствіи народа и посторонних людей, что заставляютъ ихъ во время объѣзда губерніи встрѣчать и провожать себя и ожидать по цѣлымъ днямъ своего пріѣзда, посылаютъ ихъ передовыми для заготовленія лошадей и проч., его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ: объявить господамъ начальникамъ губерній, что его величество изволитъ быть крайне этимъ недоволенъ и, строжайше воспрещая подобныя обращенія съ подчиненными, поставляетъ господамъ губернаторамъ на видъ, что имъ предоставлено удалять отъ должностей чиновниковъ, неспособныхъ или недостаточныхъ, но что всякій чиновникъ, покуда онъ состоитъ въ должности и носитъ принадлежащій ему мундиръ, есть представитель возложенной на него правительственной власти и потому долженъ пользоваться извѣстною степенью уваженія со стороны всякаго, даже и самаго высшаго лица. При семъ государю императору благоугодно было замѣтить, что исправникамъ и становымъ приставамъ, какъ извѣстно губернаторамъ, запрещено даже встрѣчать и провожать его величество при проѣздѣ черезъ губерніи».

1846 года, іюня 19. Печатными циркулярами, за подписью министра внутреннихъ дѣлъ графа Перовскаго, дано было знать подлежащимъ лицамъ и учрежденіямъ, что по особому повелѣнію «напечатанныя сочиненія: Шевченко — «Кобзарь», Кулеша: «Повѣсть объ украинскомъ народѣ», — «Украйна» и «Михайло Чернышенко», — Костомарова — «Украинскіе баллады» и «Вѣтка» — запрещены и изъяты изъ продажи. Министромъ Народнаго

Просвѣщенія тогда же было предписано цензурному вѣдомству не дозволять впредь перепечатывать означенныя сочиненія новымъ изданіемъ».

Примѣчаніе. Ред. Десять лѣтъ спустя всѣ эти сочиненія съ подлежащаго разрѣшенія явились въ новыхъ изданіяхъ, при чемъ «Кобзарь» на малороссійскомъ языкѣ и въ русскихъ переводахъ выдержалъ множество изданій.

1846 г., іюля 11. «Государь императоръ по ходатайству главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, высочайшимъ приказомъ 23-го минувшаго іюня, дозволилъ подпоручика грузинскаго линейнаго № 9 батальона Михаила Назимова, прикосновеннаго къ происшествію 14-го декабря 1825 года, уволить отъ службы, за болѣзнью, поручикомъ, съ дозволеніемъ проживать во время отставки въ городѣ Псковѣ, и съ учрежденіемъ за нимъ секретнаго полицейскаго надзора, воспретивъ ему въѣздъ въ столицы имперіи».

Примѣчаніе. Ред. Михаилъ Александровичъ Назимовъ скончался въ Псковѣ, въ 1888-мъ году, въ маститой старости, окруженный всеобщимъ уваженіемъ послѣ многолѣтней службы, по крестьянскому дѣлу, и освобожденный еще въ 1856 году отъ всякаго за нимъ надзора.

1846 г., іюля 23. По всеподданнѣйшему докладу просьбы жены жительствующаго въ Смоленскѣ, прикосновеннаго къ происшествію 14-го декабря 1825 года, отставнаго поручика Голицына, о дозволеніи ему свободнаго жительства въ Россіи, исключая столицы, государемъ изъявлено на сіе высочайшее соизволеніе.

1847 года, марта 24. Начальникъ Петербургской губерніи далъ знать подлежащимъ лицамъ и учрежденіямъ, что: «Въ 1846 году отправились за границу: а) помѣщикъ Полтавской губерніи, Гадячскаго уѣзда, Николай Ивановичъ Савичъ; б) служащій въ с.-петербургскомъ учебномъ округѣ Пантелеймонъ Александровичъ Кулешъ, посланный за границу министерствомъ народнаго просвѣщенія для изученія славянскихъ нарѣчій, и в) дворянинъ Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ, который въ бытность свою въ Бреславлѣ разсказывалъ, что онъ намѣренъ отправиться въ Римъ, а оттуда въ Сербію, Албанію, Далмацію и Кроацію. Нынѣ, въ мартѣ 1847 года, по встрѣтившейся чрезвычайной надобности—состоялось особое повелѣніе, при возвращеніи означенныхъ Савича, Кулеша и Чижова въ Россію, задержать ихъ на самой границѣ, опечатать, не разсматривая на мѣстѣ, всѣ ихъ бумаги и вещи, и тотчасъ, вмѣстѣ съ оными, отправить въ С.-Петербургъ въ III-е отдѣленіе, въ сопровожденіи самаго благонадежнаго и вѣрнаго чиновника и подъ строжайшимъ надзоромъ».

Примѣчаніе. Ред. Всѣ поименованныя здѣсь лица не много лѣтъ спустя, въ царствованіе Александра II, прославились какъ знаменитые ученый (Савичъ), писатель-издатель (Кулишъ) и публицистъ-экономистъ (Чижовъ) и всѣ заняли видное и почетное мѣсто въ ряду образованныхъ и полезныхъ своему отечеству и государю русскихъ общественныхъ дѣятелей.

1847 г., ноября 27. Служащій въ С.-Петербургскомъ надворномъ уголовномъ судѣ канцеляристъ Ермолаевъ подвергнутъ былъ «по одному очень важному дѣлу» разспросу въ III отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи. Увѣдомляя объ этомъ, генералъ-адъютантъ графъ Орловъ, сообщилъ военному генералъ-губернатору Д. И. Шульгину, что онъ приказывалъ доктору освидѣтельствовать канцеляриста Ермолаева и приглашалъ священника увѣщевать его, не есть ли объявленіе его о существованіи въ здѣшней столицѣ какого-то тайнаго общества одна выдумка или игра напряженнаго воображенія, но докторъ нашелъ, что Ермолаевъ обладаетъ здравымъ разсудкомъ и при священническомъ увѣщеваніи означенный молодой человѣкъ слово въ слово подтвердилъ тѣ показанія, которыя были сдѣланы имъ сначала генералъ-губернатору, потомъ въ III-е отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи и, наконецъ, лично ему, графу Орлову; увѣщевавшій же Ермолаева протоіерей Маловъ, какъ оказалось, есть духовный отецъ этого молодаго человѣка. Онъ удостовѣрилъ, что Ермолаевъ былъ всегда примѣрной нравственности, въ высшей степени скроменъ и правдивъ. При докладѣ о семъ государю Николаю Павловичу, генералъ-адъютантъ графъ Орловъ присовокупилъ свое мнѣніе, что хотя въ показаніи Ермолаева не подозрѣвается вымысла, но какъ оно можетъ быть послѣдствіемъ заблужденія разсудка, то было бы справедливо освободить его для продолженія службы съ тѣмъ, чтобы надъ нимъ имѣлось наблюденіе со стороны его начальства, а III отдѣленіе, вмѣстѣ съ мѣстною полиціей, не престанетъ употреблять всѣ средства къ обнаруженію обстоятельствъ, о коихъ доноситъ Ермолаевъ. Его императорское величество удостоилъ изъявить на сіе высочайшее соизволеніе. Къ сему графъ Орловъ присовокупилъ, «чтобы случай этотъ отнюдь не препятствовалъ будущей службѣ Ермолаева», которому и приказано явиться къ мѣсту его служенія.

1848 г., іюля 26. «Высланной въ 1837-мъ году изъ Петербурга, въ Кашинскій женскій монастырь, за составленіе особой раскольницкой секты и находящейся нынѣ (1848 г.) подъ секретнымъ полицейскимъ надзоромъ въ городѣ Кашинѣ вдовѣ статскаго совѣтника Татариновой разрѣшено жительство въ Москвѣ съ воспрещеніемъ ей въѣзда въ С.-Петербургъ.

1848 г., декабря 9. «Государь Николай Павловичъ по просьбѣ находящагося въ Дрезденѣ бывшаго правителя Сербіи князя Милоша Обреновича всемилостивѣйше соизволилъ на пріѣздъ его въ С.-Петербургъ».

1849 г., мая 14. Начальникъ III отдѣленія Л. В. Дубельтъ извѣстилъ петербургскаго губернатора Н. В. Жуковскаго, что «служащій въ С.-Петербургской общей городской думѣ дворянинъ Николай Барчъ, по повелѣнію государя наслѣдника цесаревича, объявленнаго ему, Дубельту, военнымъ министромъ, былъ приглашенъ въ III отдѣленіе, и при этомъ взяты были его всѣ бумаги и книги, но какъ по разсмотрѣніи означенныхъ бумагъ и по спросамъ

Барча не представилось никакихъ обстоятельствъ къ его обвиненію, то онъ и отпущенъ изъ III-го отдѣленія съ возвращеніемъ ему бумагъ, гдѣ Дубельтъ высказалъ желаніе, дабы упомянутый случай не составлялъ для Барча препятствія къ продолженію службы».

1849 г., мая 15. Ямбургскій городничій донесъ Петербургскому гражданскому губернатору о томъ, что смотритель мѣстнаго провіантскаго магазина, титулярный совѣтникъ Яздовскій, препроводилъ къ нему полученное изъ города Вильна отъ неизвѣстнаго ему лица письмо на польскомъ языкѣ, «а какъ Яздовскій не свѣдущъ въ этомъ языкѣ, да и самое содержаніе письма легко можетъ быть неблагонамѣренное», то онъ и представилъ письмо вмѣстѣ съ конвертомъ городничему. Тотъ, «опасаясь показать письмо сіе кому либо изъ поляковъ, проживающихъ въ г. Ямбургѣ для сдѣланія перевода и разузнанія о лицѣ, въ немъ подписанномъ, которое, какъ должно полагать, проживаетъ въ Петербургѣ», препроводилъ этотъ документъ къ начальнику губерніи. Л. В. Дубельтъ потребовалъ помянутое письмо въ подлинникѣ отъ начальника Петербургской губерніи Н. В. Жуковскаго.

1849 г., іюня 13 дня. Оберъ-полицімейстеръ свиты его величества генералъ-маіоръ Галаховъ увѣдомилъ петербургскаго гражданскаго губернатора, что «находящійся въ буфетѣ на станціи желѣзной дороги въ Царскомъ селѣ получившій отъ меня видъ на проѣздъ туда 26 мая 1848 года за № 859, французскій подданный Огюстъ Кинорь, бывъ въ С.-Петербургѣ въ гостинницѣ Парижъ, дозволилъ себѣ выражать неумѣстныя мнѣнія касательно предпринятыхъ государемъ императоромъ военныхъ дѣйствій».

«Вслѣдствіе этого Кинорь былъ вызванъ въ III отдѣленіе и ему сдѣлано строгое внушеніе, дабы на будущее время не входилъ ни въ какія не относящіяся до него сужденія». Генералъ Галаховъ сообщилъ о воспослѣдовавшемъ распоряженіи управляющаго сказаннымъ отдѣленіемъ, что установлено за дѣйствіями иностранца Кинора со стороны мѣстной полиціи строгое наблюденіе.

1849 г., іюля 8. Л. В. Дубельтъ довелъ до свѣдѣнія Н. В. Жуковскаго, что имъ, Дубельтомъ, полученъ безъимянный доносъ, что «въ ночи съ 29 на 30 іюня въ Старой деревнѣ подлѣ дома крестьянина Сергѣя Иванова было такое происшествіе, которое привело въ смущеніе большую часть жителей. Происшествіе это состояло въ томъ, что нѣсколько человѣкъ, весьма прилично одѣтыхъ, произвели въ деревнѣ страшный шумъ, заставляли крестьянскихъ мальчиковъ дѣлать воинскіе пріемы, разсуждали о войнѣ и о такихъ предметахъ, которые на людей необразованныхъ могли бы имѣть вредное вліяніе и даже возбудить ихъ къ нарушенію спокойствія. Доноситель присовокупляетъ, что означенныя лица выѣхали изъ деревни уже около 3 хъ часовъ ночи въ собственныхъ экипажахъ, въ одной коляскѣ и на двухъ дрожкахъ». Л. В. Дубельтъ просилъ сдѣлать распоряженія немедленно удостовѣриться, въ чемъ именно состояло означенное происшествіе.

1849 г., іюля 12. Л. В. Дубельтъ обратился къ Н. В. Жуковскому, съ отношеніемъ о томъ, что «состоявшій подъ судомъ въ надворномъ уголовномъ судѣ за разспросы нижнихъ чиновъ въ казармахъ гвардейской артиллеріи о числѣ и расположеніи ихъ Алексѣй Фефеловъ въ маѣ 1848 года, бывъ отданъ на поруки мѣщанину Опасову, скрылся изъ Петербурга и бродяжничалъ вначалѣ по Ладожскому уѣзду, а потомъ близь Петергофа, тамъ былъ задержанъ по тому подозрѣнію, что называлъ себя разными именами, издерживалъ довольно значительныя суммы денегъ на себя и на жившую съ нимъ бѣглую крѣпостную дѣвку, предлагалъ придворнымъ служителямъ въ займы одному 4.000 рублей ассигнаціями и двумъ по одной тысячѣ серебромъ и разспрашивалъ ихъ о выѣздахъ императорской фамиліи». Фефеловъ былъ арестованъ и въ III отдѣленіи лживо объяснилъ о тѣхъ деньгахъ, которыя онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, что навело подозрѣніе, «не былъ ли онъ къ означеннымъ дѣйствіямъ своимъ побуждаемъ людьми вредными для правительства». Л. В. Дубельтъ сдѣлалъ распоряженіе о произведеніи въ поспѣшнѣйшемъ времени наистрожайшаго слѣдствія въ Ладожскомъ уѣздѣ объ этомъ Фефеловѣ.

ІЕРОМОНАХЪ АНТОНІЙ БОЧКОВЪ

† 1872 г.

Въ «Руской Старинѣ», октябрь 1888 г., февраль и іюль 1889 г., я съ особеннымъ любопытствомъ прочелъ замѣтки и статьи А. А. Чумикова объ «Алексѣѣ Поликарповичѣ Бочковѣ (бывшемъ впослѣдствіи іеромонахѣ о. Антоніи), съ свѣдѣніями о немъ за первую половину жизни его въ мірѣ, причемъ въ одной замѣткѣ приведенъ отзывъ о немъ: «лицо оригинальное и малоизвѣстное». Эти свѣдѣнія о немъ были дотолѣ неизвѣстны мнѣ, но очень любопытны для меня, потому что я сблизился съ о. Антоніемъ лишь въ 1850—1860 годахъ, въ Петербургѣ. А сблизясь съ нимъ, оцѣнивъ достоинства его и глубоко чтя память его, желаю и могу сообщить извѣстныя мнѣ свѣдѣнія о немъ за вторую половину жизни его—въ монашествѣ, до смерти его около 1872 года.

Когда и гдѣ именно полагалъ онъ начало своего иночества — мнѣ неизвѣстно, равно и то, въ какихъ монастыряхъ онъ бывалъ. Знаю только, что онъ былъ въ Оптиной пустыни, позже въ Николаевскомъ Староладожскомъ (1859), Череменецкомъ (Лужскаго уѣзда, Петерб. губ., 1862) и, наконецъ, въ Николо-Угрѣшскомъ (Моск. губ.) монастыряхъ. Знаю, что онъ былъ два раза (въ 1854—55 и 1862—63) годахъ въ Св. Землѣ и Іерусалимѣ, имѣю у себя нѣсколько духовныхъ стихотвореній его, писанныхъ имъ въ эти годы собственноручно, красивымъ почеркомъ, и слышалъ отъ него любопытные разсказы о Св. Землѣ, Іерусалимѣ и храмѣ Воскресенія Христова въ немъ. Въ 1859 г., въ 1-ю недѣлю великаго поста, я прожилъ, говѣя, въ Николаевскомъ Староладожскомъ монастырѣ на р. Волховѣ, гдѣ о. Антоній, въ санѣ іеромонаха, былъ духовникомъ, и моимъ также. Позже, въ началѣ 1860-хъ годовъ, я посѣтилъ его въ Череменецкомъ Іоанно-Богословскомъ монастырѣ, въ которомъ онъ былъ игуменомъ (этотъ монастырь находится въ Лужскомъ

уѣздѣ, Петерб. губерніи, верстахъ въ 20 отъ г. Луги). Сблизясь съ о. Антоніемъ, я нашелъ въ немъ весьма умнаго и какъ свѣтски, такъ и духовно высокообразованнаго человѣка, по своему, нѣсколько восторженному, характеру имѣвшаго свои личныя, особенныя, идеальныя понятія объ истинномъ иночествѣ, которымъ не соотвѣтствовали его понятія о состояніи его у насъ. Его идеаломъ была созерцательная иноческая жизнь и онъ не сочувствовалъ, вообще говоря, кромѣ исключеній, внутренней жизни нашихъ монастырей, сопряженной съ разнообразными административными (канцелярскими) и сельско-хозяйственными заботами. Это особенно я имѣлъ возможность замѣтить при посѣщеніи его въ Черемецкомъ монастырѣ, гдѣ онъ былъ игуменомъ; это же разъяснило мнѣ и послѣдовавшее вскорѣ перечисленіе его на покой въ Николо-Угрѣшскій монастырь, въ 17 верстахъ отъ Москвы, на берегу р. Москвы, по приглашенію настоятеля этого монастыря, о. архимандрита Пимена. Въ этомъ монастырѣ о. Антоній уединился въ его скитѣ, но скончался не въ немъ, а въ Москвѣ и замѣчательною смертію, по слѣдующему случаю. Въ годъ его смерти (кажется, 1872) лѣтомъ, въ Москвѣ, въ городскихъ больницахъ, особенно въ большой Екатерининской для чернорабочихъ, на Страстномъ бульварѣ, распространился злокачественный, заразительный тифъ. Духовныя требы надъ больными и умиравшими въ больницахъ, въ большомъ числѣ, совершало приходское духовенство ближайшихъ приходскихъ церквей, но никакъ не успѣвало совершать ихъ ежедневно и еженощно. Поэтому московскій митрополитъ Филаретъ издалъ воззваніе ко всѣмъ мужскимъ монастырямъ Московской епархіи, съ приглашеніемъ изъ нихъ іеремонаховъ къ добровольному служенію больнымъ и умиравшимъ въ московскихъ больницахъ. По полученіи этого воззванія въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ, однимъ изъ первыхъ отозвался на призывъ о. іеромонахъ Антоній Бочковъ. Дружественно расположенный къ нему архимандритъ Пименъ, изъ участія къ нему, представлялъ ему, что идти на призывъ въ Москву — значило идти почти на смерть. Но о. Антоній, въ порывѣ христіанскаго милосердія къ ближнимъ, съ мужествомъ и твердостью настоялъ на своемъ рѣшеніи идти въ Москву—и пошелъ. Едва прибывъ туда, въ Екатерининскую больницу, онъ сразу же приступилъ къ исправленію духовныхъ требъ для всѣхъ больныхъ и умиравшихъ отъ тифа, исправлялъ ихъ ежедневно, еженощно, почти ежечасно, не имѣя при этомъ почти ни минуты покоя, отчего, конечно, истомился, ослабѣлъ, получилъ расположеніе къ заразѣ, заразился и слегъ въ постель. Болѣзнь быстро развилась и вела къ смерти, но умиравшій не лишился сознанія, диктовалъ келейнику свою послѣднюю волю, и напутствованный св. тайнами, мирно скончался

истинно-христіанскою смертію. Тѣло его было перевезено въ Николо-Угрѣшскій монастырь и погребено въ его скитѣ, по лѣвую сторону скитской церкви, послѣ соборнаго отпѣванія, съ архимандритомъ Пименомъ во главѣ.

Глубоко чтя память почившаго, я въ іюлѣ 1879 года посѣтилъ могилу его и за панихидой по немъ горячо помолился объ упокоеніи души того, который, ради Христа, столь доблестно пожертвовалъ собою и своею жизнію на благо страдавшей и умиравшей меньшой братіи своей.

Кн. Н. С. Голицынъ.

17 іюля 1889 г.

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ БЕСТУЖЕВЪ.

I.

(Письмо въ Парижъ къ неизвѣстному намъ лицу).

С.-Петербургъ, 3 марта 1824 г., ночь.

Долго, любезнѣйшій Яковъ Николаевичъ, не видались мы съ вами, а это время еще долѣе намъ казалось отъ того, что рѣдко имѣли о васъ вѣсти—а отъ васъ? Ну да правда и я хорошъ—забудемъ старое и поговоримъ о настоящемъ.... о которомъ можно сказать и много и мало: я скажу, что припомню.

Лѣтомъ я выдержалъ карантинъ отъ полугорячки; въ іюнѣ вступилъ въ должность къ герцогу Виртембергскому; сентябрь и октябрь проѣздилъ съ нимъ по сѣверному краю Россіи—по пріѣздѣ стрѣлялся съ ком. Рингеромъ, который волей Божію промахнулся, а я подарилъ ему патронъ. Ноябрь присѣлъ за «Звѣзду» и въ декабрѣ ее съ Рылѣевымъ спекли. При этомъ ее прилагаю: не осудите, чѣмъ были богаты, тѣмъ и рады [1]), а теперь принимаюсь отбраниваться на безсмысленныя, площадныя выходки нашихъ журналистовъ. Это превосходитъ всякое вѣроятіе.

За моими новостями слѣдуютъ новости моихъ друзей и я скажу вамъ, что Рылѣевъ десять дней тому назадъ дрался на дуели съ княземъ Ш., офицеромъ финл. гвардіи; кн. Ш. свелъ связь съ побочною сестрою Рылѣева, у него воспитанною, и что всего хуже, осмѣлился надписывать къ ней письма на имя Рылѣевой. Сначала онъ было отказался, но когда Р. плюнулъ ему въ лицо—онъ рѣшился. Стрѣ-

---

[1]) Посылаю безъ переплета, чтобы вы могли по своему вкусу связать ее.

А. Б.

лялись безъ барьера. Съ перваго выстрѣла Рылѣеву пробило (не разобрать одного слова, залито чернилами) навылетъ—но онъ хотѣлъ драться до повалу—и повѣрите ли, что на трехъ шагахъ оба раза пули встрѣчали пистолетъ противника, мы развели ихъ. Теперь онъ не опасенъ и рана его идетъ очень хорошо.

Жуковскій пудрится, Воейковъ (вампиръ во всемъ смыслѣ слова) лежитъ на одрѣ недуга, разбитый лошадьми. Крыловъ написалъ 27 прелестнѣйшихъ басенъ. Пушкина Фонтанъ-Слезъ—превосходенъ; онъ пишетъ еще поэтическій романъ: Онѣгинъ,—который, говорятъ, лучше его самого. Карамзинъ печатаетъ два послѣдніе тома. Наконецъ, Кюхельбекеръ издаетъ Альманахъ въ 4 томахъ подъ заглавіемъ Мнемозина, онъ еще не показался, а г-нъ Сленинъ и Дельвигъ издаютъ на 25 годъ «Сѣверные Цвѣты», точно то-же, что и наша «Звѣзда»: это спекуляція промышленности. Имъ завидно, что въ три недѣли мы продали всѣ 1,500 экземпляровъ—посмотримъ удачи!.....

Теперь политика: Дибичъ силенъ, а Волконскій сталъ дворецкимъ безъ околичностей. Поговариваютъ о присоединеніи министерствъ къ сенату; власть Аракчеева растетъ, какъ грибъ, и тверда какъ пирамида. Государь ввелъ новую форму одежды: ходить въ брюкахъ. Михаилъ влюбился въ свою жену. Герцогиня виртембергская вчера умерла на моемъ дежурствѣ и я видѣлъ какое дѣйствіе произвело это на людей, которыя считаютъ себя богами..... Это была поучительная картина. Въ Петербургѣ ужасная скука.

Театры несносны и одинъ только Freushoutz плѣнялъ нашу ребяческую публику. Его давали 17 разъ сряду и всегда театръ былъ полонъ.

Шаховской терзаетъ Вальтеръ-Скотта — но объ этомъ вы подробнѣй узнаете отъ Всеволожскаго.

За мой винегретъ прошу заплатить въ свой чередъ политикой и словесностью. Эти два пункта меня очень занимаютъ. Теперь закидываю вопросный крючекъ—почему гг. журналисты отказались помѣщать вашу статью объ антологіи [1]). Уже не въ отмѣстку ли за проказы Поццо-ди-Борго? Что дѣлаютъ либералы и каковъ ихъ характеръ; каковъ духъ большей части французовъ? доволенъ ли народъ? Пожалуйста бросьте при вѣрномъ случаѣ нѣсколько строчекъ объ этомъ. Вы одолжите тѣмъ всѣхъ благомыслящихъ. Здѣсь же солдатство и

[1]) Здѣсь ее рвутъ изъ рукъ въ руки. Она очень любопытна и вамъ предстоитъ еще побранить самого С. Мор. (окончаніе слова закрыто чернильными пятнами) за гадость его и вопреки Journal des debats. А. Б.

ползанье слились въ одну черту и офицеры пустѣютъ и низются день ото дня.

Много меня одолжите, почтеннѣйшій, если пришлете, когда можно будетъ, изданіе Парни, это желаніе Рылѣева, который здѣсь не могъ достать его ни за какія деньги. Еще, если вамъ не хочется издавать Пушкина—то продайте его намъ, мы немедля вышлемъ деньги. Онъ говоритъ, что Гнѣдичъ на сей разъ распустилъ ложные слухи. Ждемъ отвѣта.

Будьте здоровы, а объ удовольствіи вашемъ мы не сомнѣваемся, а произведеній вашихъ надѣемся и васъ любимъ по прежнему. Весь вашъ Александръ Бестужевъ.

Примѣчаніе. Подлинникъ на 4 стр. въ 8 д. л. мелкоисписанныхъ, бумага очень плохая, тонкая и чернила сильно расплылись. Съ подлиннымъ дословно вѣрно.

Сообщ. 2 іюля 1881 г. Н. К. Богушевскій.

II.

А. А. Бестужевъ—М. В. Дмитревскому.

30 мая 1837 г. (Кавказъ, берегъ Чернаго моря).

Загадочное письмо ваше, любезнѣйшій Михаилъ Васильевичъ, очень меня отуманило. Вопросъ: отъ кого оно, къ кому оно? что въ немъ? Совсѣмъ меня поставило въ тупикъ. Что бы вамъ подробно писнуть, что врутъ въ городѣ! Развѣ я или вы отвѣтчикъ за все, что вздумается праздности выдумать? Все это меня тѣмъ болѣе огорчило, что со 2-го мая изъ Тифлиса не имѣю съ почты ни одного письма. Говорятъ, что два какихъ-то ко мнѣ, видно въ Кутаисъ пересланныхъ, письма утоплено въ Кадорѣ, вмѣстѣ съ денежной почтою. Сумки по счастію пойманы какъ форели у самаго устья и, оказалось, что это было сочинено, должно быть редутскимъ почтмейстеромъ, вообще съ казаками, ибо денежныя письма вырѣзаны и деньги взяты—хотѣли спрятать концы въ воду. Скажите это инспектору, кланяясь отъ меня. Да, ради Бога, остановите отсылку моихъ писемъ изъ Россіи въ Кутаисъ; съ чего они взяли слать туда—въ противность моего отношенія? Если увидите Кузмина, попросите его прислать вакштафу; онъ мѣсяцъ мнѣ не пишетъ и не шлетъ ничего. Садимся на корабли—некогда болѣе. Будьте успѣшны во всемъ и помните вашего Алек. Бестужева.

Письмо ваше безъ числа; лучше бы вашихъ писемъ безъ числа.

На адресѣ написано еще:

P. S. Такъ какъ Илья Кузмичъ такъ занятъ, что не имѣетъ время писать мнѣ изъ Россіи письма, то возьмите у него сколько осталось моихъ денегъ и пришлите 2 ф. вакштафу поскорѣе. Да освѣдомляйтесь о письмахъ изъ Россіи.

Приписка 31 іюня:

Милостивому государю, Михаилу Васильевичу Дмитревскому.

Въ Тифлисъ.

Подлинникъ на листѣ въ 4 долю, на 2 стр. Съ подлиннымъ дословно вѣрно. Н. К. Богушевскій.

Примѣчаніе. Письмо относится къ 1837 г.; семь дней спустя Бестужевъ былъ убитъ на мысѣ Адлеръ, 7-го іюля 1837 г.; трупъ этого даровитаго, славнаго въ свое время, писателя Марлинскаго, изрубленный черкесами въ лѣсу, не былъ найденъ.

Оба приведенныя письма сообщены намъ въ 1881 году, въ копіи, Николаемъ Казиміровичемъ Богушевскимъ. Замѣтимъ кстати, что г. Богушевскому, нашему почтенному земляку по Псковской губерніи, гдѣ онъ владѣетъ имѣніями, принадлежало весьма обширное собраніе автографовъ. Николай Казиміровичъ собралъ его въ теченіе многихъ лѣтъ съ большимъ знаніемъ дѣла и на различныхъ языкахъ. Питомецъ Оксфордскаго университета, г. Богушевскій часто и подолгу живалъ за границей, завелъ обширныя знакомства съ любителями и продавцами автографовъ и, не щадя средствъ, составилъ поистинѣ драгоцѣнное собраніе, стоившее до 40 т. рублей. Довольно сказать, что тутъ были автографы верховныхъ державныхъ вождей обоего пола—Англіи, Франціи и Германіи восходя до IX и X вѣковъ включительно и безчисленное множество собственноручныхъ писемъ разныхъ государственныхъ людей, ученыхъ и писателей всѣхъ странъ и временъ. Значительная часть этого собранія сгорѣла въ домѣ г. Богушевскаго въ 1884 году, въ псковскомъ его имѣніи. Глубоко пораженный горемъ, даже захворавъ отъ него, Н. К. тѣмъ не менѣе въ послѣднее время—вновь, съ замѣчательною энергіею, сталъ собирать коллекцію автографовъ и она у него уже довольно значительна.

Ред.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ЕВДОКИМОВЪ

1804—1873.

VIII [1]).

17-го сентября 1861 года, въ самый день выѣзда государя изъ лагеря Верхне-Абадзехскаго отряда, войска отряда этого, не теряя времени, приступили къ окончанію просѣки на правомъ берегу Фарса, отъ верхнихъ частей этой рѣки къ станицѣ Нижне-Фарсской; на встрѣчу имъ, направляясь отъ названной станицы, рубили просѣку войска отряда Нижне-Абадзехскаго.

Графъ Евдокимовъ, неизмѣнно являвшійся на тѣ пункты, гдѣ считалъ свое личное наблюденіе необходимымъ и гдѣ работамъ войскъ онъ придавалъ особенно важное значеніе, 12-го октября снова прибылъ въ лагерь Верхне-Абадзехскаго отряда. Такъ какъ просѣка оказалась уже оконченною, то, произведя рекогносцировку праваго берега Фарса и выбравъ мѣста для новыхъ станицъ, онъ оставилъ на этой рѣкѣ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Тихоцкаго, 9 баталіоновъ, для уширенія и расчистки проложеннаго пути, а остальныя войска отряда направилъ въ укрѣпленіе Майкопъ.

Въ продолженіе всего времени производства работъ, мѣстное населеніе держалось совершенно спокойно; а потому, чтобы

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., томъ LVIII, апрѣль, стр. 143—162; т. LX, октябрь, стр. 169—202; изд. 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 479—506; т. LXII, май, стр. 357—387; іюнь, стр. 641—660; томъ LXIII, іюль стр. 81—100; августъ, стр. 387—420.

не нарушить столь удобнаго для насъ положенія дѣлъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдержать данное абадзехскимъ старшинамъ обѣщаніе: впредь до окончанія переговоровъ, не переходить на лѣвый берегъ Фарса, — гр. Евдокимовъ приказалъ генералу Тихоцкому заниматься указанными работами исключительно на правой сторонѣ рѣки.

По прибытіи, 14-го октября 1861 г., въ Майкопъ, Николай Ивановичъ собралъ тамъ отрядъ силою въ 12 баталіоновъ и на другой же день, съ частію этихъ войскъ, произвелъ рекогносцировку внизъ по Бѣлой. Тутъ же, въ Майкопѣ, явились къ нему старшины туземныхъ обществъ, жившихъ по названной рѣкѣ, и просили его высказаться окончательно относительно рѣшенія ихъ участи. Отвѣтъ графа былъ ясенъ и категориченъ: онъ объявилъ старшинамъ, что, согласно волѣ государя императора, будетъ въ ихъ странѣ прокладывать дороги, просѣки и строить станицы, гдѣ укажетъ надобность; но что при этомъ—тоже согласно высочайшей волѣ — онъ не будетъ трогать ни ихъ жилищъ, ни ихъ имущества, если только они будутъ оставаться спокойными и терпѣливо ожидать распоряженій начальства относительно устройства ихъ быта; въ противномъ же случаѣ, онъ вынужденъ будетъ дѣйствовать оружіемъ, — отъ чего они ничего хорошаго для себя не могутъ ожидать.

Еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ, депутаты отъ абадзехскаго, шапсугскаго и убыхскаго племенъ, собиравшіеся то на р. Псекупсѣ, то на р. Курджипсѣ, заявляли гр. Евдокимову желаніе повидаться съ нимъ, для переговоровъ о готовящейся ихъ народу участи; но затѣмъ, подъ предлогомъ, что къ нимъ пріѣхало какое-то вліятельное лицо изъ убыхской земли, они стали просить, чтобы имъ было дано время для новыхъ совѣщаній и чтобы, до окончанія оныхъ, русскія войска не предпринимали наступательныхъ движеній изъ Майкопа. Такъ какъ очевидно было, что депутаты хлопочатъ лишь о выигрышѣ времени, то графъ отвѣчалъ имъ, что переговоры могутъ идти своимъ чередомъ, а военныя дѣйствія своимъ, и что онъ будетъ ожидать депутатовъ только до 17-го числа, а затѣмъ уѣдетъ въ Ставрополь.

Наканунѣ этого дня (т. е. 16-го числа), гр. Евдокимовъ, со всѣми войсками Нижне-Абадзехскаго отряда, предпринялъ дви-

женіе вверхъ по Бѣлой, для рекогносцировки Майкопскаго ущелья. Этою рекогносцировкою были опредѣлены мѣста для постовъ и пикетовъ новой Бѣлорѣченской линіи, избрано направленіе дороги по правому берегу рѣки и назначено мѣсто для одной станицы.

По возвращеніи графа въ Майкопъ, явились туда, наконецъ, и черкесскіе депутаты. Они услышали то же, что наканунѣ было сказано абадзехскимъ старшинамъ; при этомъ, Николай Ивановичъ далъ имъ совѣтъ, оказывать послушаніе русскому начальству и согласовать свое поведеніе съ его требованіями; въ заключеніе, онъ объявилъ, что на какое-либо измѣненіе въ планѣ подчиненія ихъ нашей власти они разсчитывать не должны, потому что въ теченіи 70-ти лѣтъ сами научили насъ не довѣрять ихъ словамъ и сами указали на необходимость принять иныя мѣры для упроченія ихъ покорности.

Депутатамъ ничего не оставалось болѣе, какъ проглотить эту горькую пилюлю и сознаться въ правильности сдѣланныхъ имъ упрековъ. Завѣряя, что постараются удержать свои племена отъ какихъ-либо опрометчивыхъ дѣйствій, они, однако, уклонились отъ какихъ-либо положительныхъ обѣщаній, подъ предлогомъ, что не имѣютъ на то полномочія и что поэтому не могутъ ручаться за мнѣніе народа.

Въ заключеніе аудіенціи, абадзехскіе депутаты просили, какъ милости, возвратить взятыхъ отъ ихъ народа, въ 1859 году, аманатовъ. На эту просьбу ихъ Николай Ивановичъ изъявилъ согласіе, зная по опыту, что аманаты причиняли, вообще, только излишній расходъ казнѣ, ничуть не обезпечивая покорности тѣхъ племенъ, которыя ихъ выдавали. При этомъ онъ, однако, не преминулъ сдѣлать абадзехамъ внушеніе, какъ высоко должны они цѣнить довѣріе, оказываемое имъ.

Такимъ образомъ, до глубокой осени 1861 года, въ отношеніяхъ нашихъ съ абадзехами продолжала господствовать прежняя неопредѣленность. Нижне-абадзехскія (сѣверныя) общества, находившіяся подъ непосредственною угрозою нашихъ ударовъ, показывали, конечно, болѣе склонности къ миролюбивымъ сдѣлкамъ; напротивъ того, общества верхне-абадзехскія (южныя) соприкасавшіяся къ убыхамъ и жившія въ мѣстахъ малодоступныхъ, проникнуты были воинственнымъ настроеніемъ. Такое

положеніе дѣлъ не могло долго тянуться. Горцы все болѣе и болѣе должны были проникаться сознаніемъ, что участь ихъ рѣшена безповоротно, что переговоры не ведутъ ни къ чему; а потому слѣдовало ожидать, что они рѣшатся на послѣднюю попытку, отстоять свою землю и свою независимость оружіемъ — а что, какъ мы знаемъ, не было недостатка и въ подстрекательствахъ извнѣ.

Вскорѣ, симптомы этой рѣшимости дѣйствительно стали обнаруживаться. Уже около середины ноября, противъ войскъ Нижне-Абадзехскаго отряда, рубившихъ лѣсъ на берегу рѣки Фюнфтъ, горцы начали враждебныя дѣйствія, — сначала, впрочемъ, не въ очень значительныхъ размѣрахъ; но, по получаемымъ отъ лазутчиковъ свѣдѣніямъ, вооруженные сборы абадзеховъ постепенно увеличивались, и они окончательно рѣшились поднять противъ насъ оружіе одновременно съ разныхъ сторонъ.

„Такимъ образомъ—писалъ гр. Евдокимовъ — старанія мои удержать абадзеховъ въ мирныхъ къ намъ отношеніяхъ не повели къ желаннымъ результатамъ. Въ послѣднее время я нѣсколько разъ писалъ къ старшинамъ народа, убѣждая ихъ принять дѣятельныя мѣры къ прекращенію слишкомъ часто происходящихъ хищничествъ около нашихъ передовыхъ станицъ и даже между Лабою и Кубанью, и хотя старшины, въ отвѣтахъ на мои воззванія и выражали полную готовность преслѣдовать нарушителей спокойствія и всячески укрощать буйныхъ людей между ними, но, какъ видно, молодежь успѣла заглушить совѣты стариковъ, примирившихся съ пребываніемъ въ ихъ землѣ нашихъ войскъ и съ производимыми тамъ нами работами, и составила значительную партію, для дѣйствія противъ насъ оружіемъ“ [1]).

Враждебныя предпріятія абадзеховъ постепенно стали принимать все болѣе и болѣе крупные размѣры. 24-го ноября, скопище непріятельское, силою до 1,000 чел., предприняло нападеніе на Нижне-Лабинскую станицу, и повела свою атаку съ замѣчательною отвагою. Бой, въ теченіи котораго горцы три раза лѣзли на штурмъ станичной ограды, продолжался съ 6-ти часовъ утра до полудня и прекратился лишь съ прибытіемъ под-

[1]) Военно-ученый архивъ, отд. II, № 6615.

крѣпленій съ сосѣднихъ постовъ, заставившимъ противника обратиться въ бѣгство.

Съ этихъ поръ, враждебныя попытки какъ противъ Нижне-Абадзехскаго, такъ и противъ Верхне-Абадзехскаго отрядовъ стали повторяться почти непрерывно. Отношенія къ намъ абадзеховъ окончательно опредѣлились. Политика уступила мѣсто оружію.

Вѣсти о начавшихся съ этимъ племенемъ столкновеніяхъ сейчасъ же донеслись—неофиціальными путями—до Тифлиса и, какъ водится, возбудили тамъ много толковъ и кривотолковъ. По этому поводу, начальникъ штаба кавказской арміи писалъ гр. Евдокимову:

„Слухи о начавшихся у васъ военныхъ дѣйствіяхъ прилетѣли сюда за нѣсколько дней до полученія военнаго журнала, и публика теперь тѣшится изобрѣтеніемъ всякаго рода подробностей и варіацій на эту тему. Я ожидаю только слѣдующаго журнала, который, вѣроятно, болѣе разъяснитъ настоящее положеніе дѣлъ, чтобы напечатать въ газетѣ „Кавказъ“ статью, которая успокоила-бы толки. Признаюсь, я не ожидалъ, чтобы абадзехи теперь начали войну. Я все думалъ, что они выдержатъ до весны. Теперь же, если только начальники вашихъ отрядовъ не упустятъ случая, можно будетъ дать имъ почувствовать, что война имѣетъ свои непріятности. — Я отчасти доволенъ, что война эта началась, и теперь уже нельзя повернуть дѣло иначе, какъ оно было задумано вами. Вы не повѣрите, сколько здѣсь, и даже въ Петербургѣ, нашлось философовъ, которые, даже послѣ рѣшенія государя, старались доказывать какую-то пользу, если-бы предложенія депутатовъ были приняты. По временамъ мнѣ даже становилось страшно, что эта мысль можетъ взять верхъ и испортить все дѣло“ [1]).

Передъ самымъ концомъ 1861-го года, а именно 15-го декабря, гр. Евдокимовъ прибылъ къ войскамъ Нижне-Абадзехскаго отряда, расположеннымъ на Бѣлой, около такъ называемаго Ханскаго брода, гдѣ и убѣдился, что возложенныя на нихъ работы (по устройству станичной ограды, приготовленію мостовыхъ сооруженій, вырубкѣ лѣса) уже достаточно подвинулись впередъ.

---

[1]) Арх. гр. Евдокимова, № 54. Изъ письма ген.-лейт. А. П. Карцова, отъ 15-го декабря 1861 г.

Имѣя въ виду необходимость скорѣйшаго устройства сообщенія укрѣпленія Хамкеты съ мѣстомъ расположенія Верхне-Абадзехскаго отряда, на устьѣ р. Фюнфтъ (а чрезъ это—и съ Майкопомъ), онъ направилъ къ этой рѣкѣ значительнѣйшую часть Нижне-Абадзехскаго отряда, оставивъ у Ханскаго брода лишь небольшое количество войскъ, для довершенія начатыхъ работъ. Самъ графъ тоже отправился на р. Фюнфтъ, а оттуда, съ частью войскъ Верхне-Абадзехскаго отряда, двинулся черезъ р. Фарсъ, въ Хамкеты. Переходъ этотъ совершался войсками въ снѣгу по колѣно, при морозѣ около 25° [1]).

Результатомъ дѣйствій и работъ нашихъ войскъ въ Закубаньѣ, въ теченіи 1861 г., было водвореніе одиннадцати новыхъ станицъ [2]), число переселенцевъ въ которыхъ доходило почти до 1,930 человѣкъ. Лѣтомъ того же года, изъ станицъ Кужорской и Нижне-Фарсской и постовъ, устроенныхъ на прямомъ сообщеніи Лабинской станицы съ Майкопомъ, образована новая Абадзехская кордонная линія, для занятія коей назначено 6 казачьихъ сотенъ, кромѣ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ резервовъ, располагавшихся на линіи по мѣрѣ дѣйствительной въ томъ надобности. Затѣмъ, въ теченіи осени, въ районѣ Натухайскаго округа и на пространствѣ между Бѣлою и Лабою возведены ограды для нѣсколькихъ предположенныхъ станицъ и промежуточные между ними посты. Наконецъ, въ разныхъ занятыхъ нами мѣстахъ Закубанья устроены болѣе или менѣе удобныя дороги [3]).

Къ началу 1862 года мы уже довольно прочно утвердились на Бѣлой и пріобрѣли надежное основаніе для дальнѣйшихъ операцій въ западномъ направленіи. Ближайшимъ изъ намѣченныхъ для колонизаціи участковъ являлась лѣсистая полоса земли между рѣками: Бѣлою и Пшехою. Движеніемъ туда слѣдовало торопиться пока деревья еще не одѣлись зеленью. Въ виду сего, гр. Евдокимовъ, уже къ 20-му февраля, собралъ около Ханскаго

---

[1]) Кавказскій Сборникъ, т. V, стр. 363.

[2]) Усть-Джегутинская, Верхне-Николаевская, Калоджинская, Ахметовская, Псеменская, Андрюкская, Переправная, Губская, Промежуточная, Нижне-Фарсская и Кужорская.—Воен. Уч. Архивъ, отд. II, № 6615.

[3]) Арх. гр. Евдокимова, № 25.—Воен.-уч. архивъ, отд. II, № 6615.

брода отрядъ въ 17 баталіоновъ, 10 эскадроновъ драгунъ и 12 казачьихъ сотенъ, при 20-ти орудіяхъ. Для отвлеченія вниманія абадзеховъ отъ избраннаго нами пункта переправы, распускаемы были ложные слухи, а за-лабинскій отрядъ производилъ демонстративныя движенія по разнымъ направленіямъ [1]).

Съ подобною же цѣлью, т. е. для развлеченія вниманія противника, былъ еще за мѣсяцъ до того (10-го января) собранъ другой отрядъ у поста Константиновскаго, на Кубани. Отрядъ этотъ, состоявшій изъ 11-ти ротъ и 2-хъ казачьихъ сотенъ, при 4-хъ орудіяхъ, ввѣренъ былъ начальству полковника Левашева и, кромѣ вышеупомянутой цѣли, имѣлъ назначеніемъ прикрывать участокъ нашей линіи по Кубани, между Екатеринодаромъ и Усть-Лабою, на который хищническія партіи все еще продолжали дѣлать набѣги.

Въ присутствіи самого гр. Евдокимова и согласно отданной имъ диспозиціи, собранныя у Ханскаго брода войска, въ ночь

[1]) Интересенъ разсказъ одного изъ молодыхъ офицеровъ о командировкѣ, данной ему графомъ передъ занятіемъ Ханскаго брода. Зоветъ его однажды графъ Евдокимовъ вечеромъ и говоритъ: «пріѣзжайте, почтеннѣйшій, завтра ко мнѣ на курьерской тройкѣ въ 6 часовъ утра». Пріѣхалъ на курьерскихъ юный воинъ. Николай Ивановичъ уже сидитъ за своимъ столомъ и работаетъ. Привѣтливо встрѣтивъ офицера и посадивъ его противъ себя, онъ повелъ такую рѣчь: «Вы, почтеннѣйшій, учились и хорошо знаете, что успѣхъ военныхъ операцій много зависитъ отъ тайны задуманнаго предпріятія и отъ быстроты исполненія. Я нахожу своевременнымъ начать операціи за Бѣлою, съ форсированіемъ переправы у Ханскаго брода. Вы посылаетесь мною передать словесно начальникамъ отрядовъ приказанія и отвести назадъ нѣкоторыя части войскъ, показывая тѣмъ мое намѣреніе начать подготовку занятія даховскаго общества. Объ этомъ моемъ намѣреніи идти въ Дахо разсказывайте всѣмъ, своимъ и мирнымъ горцамъ, вашимъ пріятелямъ, предупреждая, что это большой секретъ; объ истинномъ же моемъ намѣреніи, идти на Ханскій бродъ, не говорите рѣшительно никому, даже начальнику Лабинскаго округа, нянчившаго васъ, когда вы были ребенкомъ. По прибытіи въ Майкопъ, отправьтесь немедленно въ отрядъ полковника Горшкова, передайте ему мое истинное намѣреніе и скажите, чтобы перевелъ часть отряда въ Майкопъ, (откуда недалеко до Ханскаго брода), какъ бы для обмундировки, а сами, съ тремя баталіонами его отряда, перейдите отъ Каменнаго моста, по р. Фюнфту, на урочище Унакасъ, въ отрядъ полковника Геймана, какъ усиленіе для экспедиціи въ Дахо. Скажите ему, чтобы началъ рубить просѣку на это общество, и что я пріѣду къ нему для вступленія въ Даховскую долину». Такая маскировка дала поразительные результаты, ибо въ то время, когда главныя непріятельскія силы сторожили проходы къ Дахо, Ханскій бродъ занятъ былъ безъ выстрѣла. (Изъ воспоминаній офицера генеральнаго штаба, состоявшаго при гр. Евдокимовѣ).

И. О.

на 26-е февраля 1862-го г., переправились чрезъ Бѣлую и двинулись къ Пшехѣ, рубя просѣки и устраивая дороги [1]). Хотя туземцы держались при этомъ далеко не пассивно, а войскамъ пришлось имѣть иногда довольно серьезныя съ ними схватки [2]), тѣмъ не менѣе, по прошествіи двухъ недѣль, свободный доступъ къ Пшехѣ, т. е. въ самый центръ нижне-абадзехскаго населе-

---

1) Еще до форсированія переправы у Ханскаго брода, за время условнаго мира съ абадзехами, намъ удалось перекинуть въ томъ мѣстѣ мостъ на сваяхъ, оберегавшійся карауломъ. Описываемая переправа происходила зимою; Бѣлая была покрыта льдомъ; но не успѣли еще всѣ войска переправиться, какъ въ горахъ полилъ дождь; рѣка вспучилась и, нанося льдины на мостъ, срѣзала его какъ бритвою. Переправившіяся части остались совершенно изолированными и, главное, безъ продовольствія. Положеніе казалось критическимъ; всѣ поникли головами. Графъ стоялъ на правомъ берегу, всматриваясь въ несущійся бѣшенный потокъ, а на противоположной сторонѣ стоялъ полковникъ Іогель (инженеръ путей сообщенія, завѣдывавшій военными дорогами и постройками въ Кубанской области) и что-то кричалъ графу, отчаянно жестикулируя руками. Долго не замѣчалъ Николай Ивановичъ этого симпатичнаго, всѣми любимаго инженера-воина; когда же замѣтилъ его жестикулирующую безпомощность, расхохотался и сталъ ходить вдоль берега, насвистывая какую-то народную пѣсенку. Около двухъ часовъ спустя послѣ катастрофы съ мостомъ, потребовалъ онъ состоявшаго при немъ молодаго офицера генеральнаго штаба и говоритъ ему: «выручайте насъ теперь, почтеннѣйшій, по вашимъ фортификаціоннымъ правиламъ, стройте намъ на бушующемъ горномъ потокѣ мосты, которые пригожи для Невы-рѣки». Поговоривъ такимъ шутливымъ тономъ, графъ продолжалъ: «сходите вы, почтеннѣйшій, къ мосту; тамъ есть землянка и въ ней найдете вы русскихъ мужичковъ-плотниковъ; подержите съ ними совѣтъ, какъ устроить намъ новую переправу, а между тѣмъ напишите въ Майкопъ и на Лабу, чтобы немедленно были собраны всѣ каюки (лодки) и доставлены сюда». Приступили плотники къ муравьиной работѣ, и къ вечеру уже оказалась возможность перевозить черезъ рѣку, на устроенныхъ ими маленькихъ паромчикахъ, по 5—10 четвертей сухарей. Перевозка была далеко не легкая, такъ какъ приходилось бороться съ несущимися на рѣкѣ льдинами и карчами. Ночью, тѣми же работниками, при помощи солдатъ, свалены были дѣвственныя деревья, составлены изъ нихъ гигантскія козлы, а еще черезъ сутки на козлахъ лежала настилка и по новому мосту возстановилось правильное и безъостановочное сообщеніе. (Изъ воспоминаній офицера генеральнаго штаба, состоявшаго при гр. Евдокимовѣ).

2) Замѣтимъ здѣсь, мимоходомъ, что во все продолженіе военныхъ операцій въ Кубанской области, различные отряды наши имѣли множество схватокъ и серьезныхъ дѣлъ, въ которыхъ высокія достоинства кавказскихъ войскъ выказывались въ своемъ стародавнемъ блескѣ; но описаніе всѣхъ подобныхъ дѣлъ вывело бы насъ слишкомъ далеко изъ рамокъ біографіи. Поэтому мы ограничиваемся болѣе подробнымъ разсказомъ лишь о тѣхъ боевыхъ трудахъ и подвигахъ нашихъ закубанскихъ героевъ, въ которыхъ гр. Евдокимовъ принималъ личное, непосредственное участіе. **И. О.**

нія, былъ открытъ и дорога туда устроена настолько удобная, что допускала движеніе по ней во всякое время года.

Чтобы лучше обезпечить спокойное водвореніе ожидаемыхъ къ веснѣ переселенцевъ, гр. Евдокимовъ, одновременно съ движеніемъ войскъ на Пшеху, послалъ приказаніе оставшимся еще между Бѣлою и Лабою туземцамъ немедленно оставить свои жилища и перебраться на при-кубанскую плоскость, въ указанныя имъ для поселенія мѣста. Такъ какъ черкесы приказанія этого не послушались и не оставляли своихъ ауловъ, то пришлось выживать ихъ силою. Войска, покончившія съ проложеніемъ пути къ Пшехѣ, теперь употреблены были для очищенія всего пространства между обѣими вышеназванными рѣками. Дѣло это было завершено въ теченіи 20-ти дней (съ 8-го по 29-е марта), частью безъ выстрѣла, частью при кровавыхъ схваткахъ. Уничтожено было болѣе 90 ауловъ, жители коихъ большею частію ушли за Бѣлую.

Около этого времени, гр. Евдокимовъ захворалъ и повидимому довольно серьезно, такъ что просилъ даже объ отпускѣ въ Пятигорскъ, для лѣченія. Въ причинахъ къ разстройству здоровья недостатка не было: безпрерывные труды по сложной администраціи края (гдѣ многое и многое приходилось создавать за-ново) перемежались не менѣе утомительными для 58-ми лѣтняго, изнуреннаго прежнею непрерывною боевою дѣятельностью, человѣка, походами въ глубь первобытной страны, гдѣ приходилось отказываться отъ самыхъ обыкновенныхъ удобствъ въ жизни. Все это усугублялось сознаніемъ лежащей на плечахъ его отвѣтственности и не могло не отражаться на организмѣ разрушительнымъ образомъ. Кромѣ того, недомоганію графа, вѣроятно, способствовали и всякаго рода нравственныя причины, какъ напр. противодѣйствія его планамъ и соображеніямъ, нерѣдко исходившія изъ такихъ сферъ, съ которыми нельзя было не считаться. Недоброжелателей и завистниковъ у него, какъ мы знаемъ, было достаточно, и они, конечно, старались выставлять всѣ его дѣйствія въ невыгодномъ свѣтѣ; но были люди изъ высшихъ сановниковъ, которые, не питая личной вражды къ Николаю Ивановичу, просто расходились съ нимъ во мнѣніяхъ и совершенно искренне сомнѣвались въ осуществимости его плановъ. Со всѣми ими приходилось вступать въ пререканія;

а этимъ тормозился ходъ великаго дѣла, скорымъ окончаніемъ коего такъ дорожили всѣ люди, сердцу которыхъ были близки государственные интересы Россіи.

Къ числу подобныхъ, возбуждавшихъ пререканія, вопросовъ принадлежало, напр., дѣло о заселеніи восточнаго берега Чернаго моря азовскими казаками, встрѣтившее оппозицію со стороны новороссійскаго генералъ-губернатора, графа Строгонова, и вызвавшее особое письмо къ военному министру отъ генеральнаго штаба генералъ-маіора Карлгофа, повидимому считавшагося знатокомъ кавказскихъ дѣлъ. Письмо это, посланное затѣмъ начальнику штаба Кавказской арміи, отправлено было имъ для соображеній гр. Евдокимову. Послѣдній не замедлилъ отвѣтить на него и отвѣтить довольно рѣзкимъ тономъ, выказывающимъ, до какой степени раздражали его всѣ подобныя противорѣчія [1]).

Лица, стоявшія близко къ дѣлу, князь Орбеліани и генер.-лейтенантъ Карцовъ, должно полагать, лучше понимали, что вопросъ о прочномъ водвореніи русской власти на западномъ Кавказѣ никому лучше не извѣстенъ, какъ Николаю Ивановичу, и никѣмъ удовлетворительнѣе не можетъ быть разрѣшенъ, какъ имъ самимъ. Понятно, что болѣзнь графа, въ такой серьезный моментъ его дѣятельности, не могла не встревожить ихъ. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ ген.-лейт. Карцовъ въ письмѣ своемъ графу отъ 4-го апрѣля 1862-го г.

„Извѣстіе о вашей болѣзни очень огорчило командующаго арміею, особенно когда онъ узналъ, что вы даже не встаете съ постели. Надѣюсь, однако же, что болѣзнь ваша не имѣетъ опаснаго направленія и не будетъ продолжительна. Вашему сіятельству уже извѣстна переписка командующаго арміею съ графомъ Строгоновымъ по поводу переселенія азовскихъ казаковъ. Теперь командующій арміею получилъ отъ военнаго министра отношеніе, копію съ котораго считаю обязанностію препроводить вамъ. Изъ всего этого видно, что гр. Строгоновъ очень встревожилъ Петербургъ. Вмѣсто того, чтобы прислать къ вамъ кого либо изъ довѣренныхъ лицъ и узнать все дѣло обстоятельно,

[1]) См. прилож. № 1: письмо ген. Карлгофа, отъ 13-го марта, и отвѣтъ гр. Евдокимова, отъ 14-го апрѣля.

онъ отправилъ состоящаго при немъ полковника Домбровскаго объявлять казакамъ льготы, которыхъ самъ не зналъ. Казаки насказали Домбровскому, что на Кавказѣ только камень и хлѣба не родитъ, а тотъ этому повѣрилъ. Все это подтверждаетъ необходимость допустить казаковъ осмотрѣть ту мѣстность, которую ваше с—во предназначаете для ихъ водворенія въ 1863-мъ году. Если начальство ихъ вѣритъ сказкамъ объ опасностяхъ и безплодіи Кавказа, то казаки еще болѣе должны бояться этого» [1]).

Затѣмъ, въ письмѣ гр. Евдокимову, отъ 17-го апрѣля, ген.-лейтен. Карцовъ пишетъ слѣдующее:

„Письмо ваше отъ 11-го числа я докладывалъ командующему арміею: князь Григорій Дмитріевичъ не находитъ никакого препятствія къ тому, чтобы ваше с—во пользовались отъ болѣзни въ Пятигорскѣ и предоставляетъ совершенно вашему усмотрѣнію какъ время для начатія лѣченія, такъ и продолжительность его, надѣясь, однако же, что вы не откажетесь и во время пользованія вашего наблюдать и руководить, по крайней мѣрѣ, важнѣйшими дѣлами въ Кубанской области, и что все въ ней будетъ дѣлаться отъ вашего имени и по вашему указанію; однимъ словомъ, князю было бы очень тяжело, если бы вы потребовали офиціальнаго отпуска....“.

„Съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ ожидаю я результата предпріятія вашего с—ва противъ даховцевъ—этихъ таинственныхъ и нетронутыхъ грабителей, о которыхъ столько противоположныхъ разсказовъ ходитъ здѣсь. Тайну Каменнаго моста [2]) вы уже разоблачили; авось и это исполнится такъ же успѣшно. Хотѣлось бы, въ отчетѣ, который приказано представить вмѣстѣ съ предположеніемъ, показать правый берегъ Бѣлой нашимъ, отъ самаго истока ея“ [3]).

Упоминаемое въ этомъ письмѣ предпріятіе противъ даховцевъ, т. е. обывателей котловины Дахо, лежащей въ крайнихъ

---

[1]) Арх. гр. Евдокимова, № 54, изъ письма ген.-лейт. Карцова, отъ 4-го апрѣля 1862 г.

[2]) Такъ называлось мѣсто въ ущельѣ верховья р. Бѣлой, гдѣ обрамляющіе ее утесы сходятся между собою настолько, что образуютъ естественный мостъ.

[3]) Арх. гр. Евдокимова, № 54.

верховьяхъ Бѣлой, между главными хребтами и грядою Черныхъ горъ [1]), предпріятіе это играло чрезвычайно важную роль въ дальнѣйшихъ планахъ гр. Евдокимова, такъ что онъ рѣшился, едва нѣсколько оправившись отъ болѣзни, принять въ задуманной экспедиціи личное участіе.

Покореніе долины Дахо представляло намъ слѣдующія выгоды:

1) Заканчивалась подготовка колонизаціи по р.р. Псефиру, Фарсу, Бѣлой, и крайніе предѣлы этой колонизаціи, равно какъ и вновь устраиваемыя линіи: Фарсская и Бѣлорѣченская, такъ сказать, упирались въ горы.

2) Даховская долина, прочно замыкая съ фланга Бѣлорѣченскую линію, владѣла всѣми горными проходами по Большой и Малой Лабѣ, черезъ которые постоянно пробирались къ намъ хищническія партіи.

3) Занятіе Даховской долины доставляло намъ готовый базисъ для дѣйствій противъ горныхъ котловинъ, лежащихъ за Бѣлою, и устраняло необходимость пробиваться съ сѣвера черезъ горные хребты, прикрывавшіе другія, враждебныя намъ, общества.

Наконецъ, самымъ существеннымъ результатомъ успѣшнаго выполненія своего плана гр. Евдокимовъ считалъ то, что съ упроченіемъ линіи Бѣлорѣченской открывалась бы намъ возможность уменьшить резервы въ заднихъ станицахъ Лабинскаго округа и сосредоточить главную оборону занятаго края на одной линіи.

Въ виду важности задуманнаго предпріятія, собранъ былъ для его выполненія сильный отрядъ, въ составѣ $16^1/_2$ баталіоновъ, 2 эскадроновъ драгунъ, 5 сотенъ казаковъ и 10 орудій.

25-го апрѣля 1862 г., войска эти сосредоточились въ станицѣ Царской, а вечеромъ того же дня самъ графъ прибылъ къ нимъ.

---

[1]) Вотъ что пишетъ въ своихъ замѣткахъ одинъ изъ состоявшихъ при графѣ офицеровъ генер. штаба: «Даховская котловина это былъ безусловно стратегическій ключъ восточной (Абадзехской) половины закубанскаго пространства, могучая крѣпость-лагерь страны, плацдармъ крупныхъ черкесскихъ сборищъ, условливавшихся о массовыхъ нападеніяхъ. Съ паденіемъ Дахо дѣла потекли какъ по маслу, на сѣверномъ склонѣ, и подготовилось паденіе склона южнаго, достигнутое пустыми сравнительно жертвами, если сопоставить для сравненія время покоренія съ временемъ тяжелой жизни и пассивной, безплодной и безцѣльной работы бывшей Черноморской береговой линіи.

И. О.

Согласно обычной своей тактикѣ, онъ принялъ мѣры для развлеченія вниманія непріятеля и для сего приказалъ полковнику Горшкову, съ отрядомъ въ 4 баталіона и 2 сотни, при 2-хъ орудіяхъ, перейти на правый берегъ Бѣлой и демонстрировать по направленію къ р. Курджипсъ.

26-го апрѣля, главный отрядъ, подъ личнымъ начальствомъ гр. Евдокимова, двинулся по дорогѣ, еще въ мартѣ разработанной отрядомъ полк. Геймана, и, прибывъ, къ урочищу Унакасъ, расположился тамъ лагеремъ. Движеніе это скоро привлекло на себя вниманіе горцевъ, партіи которыхъ стали собираться вокругъ нашего лагернаго расположенія и занимать лежавшія впереди ущелья и высоты.

Три пути открывались отъ урочища Унакасъ въ котловину Дахо: 1) средній, самый удобный—по ущелью рѣчки Жешуко, 2) восточный, черезъ лѣсистый гребень Черныхъ горъ, и 3) западный, черезъ скалистый хребетъ тѣхъ же горъ, тоже покрытый вѣковымъ лѣсомъ. Этотъ послѣдній путь представлялъ столько естественныхъ препятствій, что непріятель, убѣжденный въ его недоступности, не озаботился надлежащимъ занятіемъ онаго [1]). По этой причинѣ гр. Евдокимовъ на немъ и остановилъ свой выборъ для предстоявшаго наступленія. Онъ рѣшился воспользоваться этимъ путемъ, дабы затѣмъ, избѣгнувъ большихъ потерь, спуститься въ тылъ лѣсистаго ущелья Жешуко и проложить тамъ удобную повозочную дорогу.

Не раскрывая сразу своего намѣренія, графъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ наступать въ долину Дахо восточнымъ путемъ и, въ самый день прибытія на урочище Унакасъ, двинулъ по сказанному направленію 6 баталіоновъ, подъ начальствомъ полковника Геймана, который безъ выстрѣла, одними штыками, выбилъ горцевъ изъ лѣса, дошелъ по ихъ пятамъ до самаго спуска въ Даховскую котловину и тогда только открылъ огонь. Николай Ивановичъ немедленно прибылъ на занятую Гейманомъ позицію, но, осмотрѣвъ спуски оттуда, пришелъ къ убѣжденію, что они представляютъ непріятелю слишкомъ много шансовъ нанести

---

[1]) „Пути эти и мѣстность, по которымъ они проходили (говоритъ въ своихъ замѣткахъ вышепомянутый офицеръ генеральнаго штаба), такъ серьезны, такъ грозны, что передъ ними блѣднѣли даже лѣсистыя твердыни Аргунскаго ущелья“.

намъ чувствительный урокъ и что движеніе по нимъ не приведетъ къ рѣшительнымъ результатамъ. Вслѣдствіе сего, оставшись при прежнемъ рѣшеніи, онъ, на слѣдующій же день (27-го), еще до разсвѣта, направилъ изъ главнаго лагеря 4 баталіона на вышепомянутый западный гребень. Колонна эта, предводимая полк. Гейманомъ, безъ выстрѣла заняла покрывавшую высоты полосу лѣса, въ 3 версты шириною; головная же часть колонны добралась до одной изъ горныхъ тропъ, спускавшихся по скалистымъ уступамъ въ котловину Дахо.

Хотя на всемъ протяженіи занятаго нами, по скалистому гребню, пространства немедленно началась рубка лѣса, однако, непріятель, убѣжденный въ невозможности спуститься оттуда и, очевидно, считавшій наши движенія тамъ лишь за демонстрацію, сначала не трогался съ занимаемыхъ имъ позицій въ ущельѣ Жешуко и на восточномъ пути, который даже преградилъ завалами. Только около полудня, партіи горцевъ стали перебираться на западный хребетъ и завязали перестрѣлку; но уже къ 3-мъ часамъ, понеся значительныя потери отъ мѣткаго огня нашихъ стрѣлковъ, онѣ прекратили дѣло. Колонна же Геймана, вырубивъ просѣку въ 3 в. длины и шаговъ 200 – 300 ширины, къ вечеру возвратилась въ главный лагерь.

Слѣдующій день назначенъ былъ для расширенія начатой просѣки и подготовки спуска въ Дахо. Для выполненія этого предпріятія послана была колонна силою въ 8½ баталіоновъ при 4-хъ горныхъ орудіяхъ, ввѣренная опять начальству полк. Геймана, въ энергіи и распорядительности коего гр. Евдокимовъ неоднократно имѣлъ случай убѣдиться.

Въ этотъ день дѣло обошлось не такъ просто, какъ наканунѣ. Лѣсъ оказался занятымъ многочисленными толпами горцевъ, пришедшими изъ-за Бѣлой на помощь даховцамъ. Не довольствуясь горячею перестрѣлкою, непріятель отваживался иногда и на атаки холоднымъ оружіемъ; но, наконецъ, опрокинутый на всѣхъ пунктахъ, онъ былъ вытѣсненъ изъ лѣса и сброшенъ въ кручу.

Гр. Евдокимовъ, съ утра прибывшій къ колоннѣ Геймана, попалъ въ самый жаркій огонь и, сидя на огромномъ сваленномъ деревѣ, спокойно наблюдалъ за ходомъ боя, не обращая вниманія на свиставшія вокругъ него пули. По удаленіи непрія-

теля, онъ успѣлъ осмотрѣть весь скалистый гребень, съ сѣвера опоясывающій Даховскую котловину, и для спуска въ нее выбралъ среднюю изъ ведущихъ туда тропъ. Эта тропа, шедшая по расщелинѣ одного изъ утесовъ, представлялась столь недоступною для движенія войскъ, что оставлена была противникомъ почти безъ всякаго наблюденія.

29-го апрѣля, графъ, оставивъ небольшой отрядъ для охраны укрѣпленнаго лагеря на Унакосѣ, самъ съ остальными войсками двинулся, по проложенной просѣкѣ, къ перевалу черезъ скалистый гребень. Авангардъ, прибывъ туда двумя часами ранѣе главныхъ силъ, приступилъ къ огражденію избранной тропы засѣками, по обѣимъ ея сторонамъ. Въ то же время вниманіе противника было отвлекаемо демонстраціями на другомъ, отдаленномъ оттуда спускѣ, у котораго еще наканунѣ, при снятіи войскъ съ рубки лѣса, оставлено было два баталіона въ особомъ, устроенномъ тамъ, редутѣ.

Въ 4 часа пополудни засѣки были окончены и заняты однимъ баталіономъ, съ двумя орудіями. Затѣмъ начался спускъ, представлявшій единственную въ своемъ родѣ картину. Впереди всѣхъ, съ крестомъ въ рукахъ, шелъ престарѣлый священникъ Севастопольскаго полка, отецъ Василій; за нимъ тянулись гуськомъ офицеры и солдаты [1]. Не смотря на страшную крутизну и другія неудобства, войска авангарда, предводимыя Гейманомъ, спустились въ долину такъ быстро и такъ неожиданно для противника, что застали нѣкоторыхъ жителей за полевыми работами. Немедленно затѣмъ авангардъ занялъ позицію на рѣчкѣ Дахо, не обмѣнявшись ни однимъ выстрѣломъ съ ошеломленнымъ противникомъ. Вооруженныя скопища горцевъ, сторожившія другіе проходы, замѣтили наше движеніе лишь тогда, когда головныя части спустились уже до половины горы. Главныя силы ихъ, сосредоточенныя въ ущельѣ Жешуко, оказались обойденными съ тыла, и другаго исхода имъ не оставалось, какъ разбрестись въ разныя стороны.

На другой день по занятіи долины, произведена была графомъ рекогносцировка къ устью р. Дахо и избрано мѣсто для будущей станицы, на правомъ берегу Бѣлой, въ 7-ми верстахъ

---

[1]) Изъ замѣтокъ офицера генер. штаба, состоявшаго при гр. Евдокимовѣ.

выше Каменнаго моста, а 1-го и 2-го мая всѣ свободныя войска ужъ работали надъ проложеніемъ дороги по долинѣ Дахо и ущелью Жешуко къ станицѣ Царской.

Занятіемъ одной изъ самыхъ грозныхъ твердынь западнаго Кавказа снова и блистательно оправдалась давно усвоенная гр. Евдокимовымъ тактика. Снова и блистательно проявились тутъ его предусмотрительность, искусство маневрировать и управлять боемъ на крайне трудной и совершенно неизвѣданной мѣстности, быстрота соображеній и умѣнье достигать важнѣйшихъ цѣлей цѣною ничтожныхъ, сравнительно, потерь [1]).

Овладѣніемъ долины Дахо заканчивалось трудное дѣло подготовки колонизаціи всего горнаго пространства между Лабою и Бѣлою. Въ разрѣзъ укоренившемуся мнѣнію, будто выше Каменнаго моста уже болѣе нѣтъ удобныхъ для поселенія мѣстъ, оказалось, что Даховская долина есть одна изъ самыхъ роскошныхъ и плодородныхъ въ предгоріяхъ западнаго Кавказа. Здѣсь найдено было нами многочисленное населеніе, разбросанное по 20-ти или 30-ти ауламъ, въ которыхъ считалось отъ 800 до 1,000 сакель. Недостатокъ въ подножномъ кормѣ, ощущавшійся войсками во все время движенія отъ станицы Царской, былъ вполнѣ вознагражденъ обиліемъ фуража, найденнаго на завоеванной землѣ. „Смѣло можно сказать, писалъ Николай Ивановичъ въ своемъ донесеніи,—что станица Даховская будетъ одною изъ богатѣйшихъ на западномъ Кавказѣ".

Убѣдившись въ окончательномъ утвержденіи русской власти на занятомъ важномъ пунктѣ, графъ, 8-го мая, уѣхалъ изъ отряда, предварительно разъяснивъ полк. Гейману подробности тѣхъ работъ, которыя еще слѣдовало выполнить [2]).

Высшее кавказское начальство тоже придавало весьма крупное значеніе успѣшному окончанію задуманнаго гр. Евдокимовымъ дѣла; кн. Орбеліани по этому случаю писалъ ему:

«Ваша экспедиція въ Дахо восхищаетъ насъ. Одна изъ трудныхъ задачъ рѣшена со славою и вліяніе ея не замедлитъ отразиться на общества южнаго прибрежья. Но при этомъ глубоко сожалѣю, что военные труды разстраиваютъ ваше здоровье;

[1]) Съ 27-го по 30-е апрѣля, мы потеряли убитыми 9 чел. нижн. чиновъ, ранеными 4-хъ об.-офиц. и 75 нижн. чин.

[2]) Воен.-уч. архивъ, отд. II, № 6,620.

крѣпитесь, пока послѣдній ударъ не нанесенъ вами западному Кавказу» [1]).

Николай Ивановичъ, дѣйствительно, «крѣпился» и не считалъ позволительнымъ увлекаться заботами о возстановленіи своего надорваннаго здоровья, пока дѣло не будетъ сдѣлано окончательно. Встрѣчаемыя препятствія и затрудненія служили какъ бы новымъ возбуждающимъ средствомъ для его энергіи и настойчивости. Впрочемъ, не малымъ утѣшеніемъ должно было являться для него то обстоятельство, что плоды его заботъ и трудовъ уже начали обнаруживаться въ довольно широкихъ размѣрахъ: все пространство, отвоеванное состоявшими подъ его начальствомъ войсками, стало принимать видъ дѣйствительно русской страны. Съ половины апрѣля 1862 г. опять стали появляться цѣлые таборы разнаго рода переселенцевъ, для водворенія въ новыхъ станицахъ, какъ на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря, въ Адагумскомъ округѣ, такъ и на пространствѣ между Бѣлою и Лабою. Къ концу мая, уже почти всѣ переселенцы прибыли въ указанныя имъ мѣста и приступили къ устройству своихъ жилищъ [2]).

Послѣдніе успѣхи нашего оружія въ верховьяхъ Бѣлой возбудили сильную тревогу среди горскихъ обществъ, обитавшихъ по южному склону главнаго хребта. Для подкрѣпленія боровшихся съ нами абадзеховъ составились многочисленныя партіи въ нѣсколько тысячъ конныхъ и пѣшихъ бойцовъ, которые уже во второй половинѣ мая перешли на сѣверный склонъ. Присутствіе этихъ партій среди абадзеховъ стало обнаруживаться болѣе упорнымъ сопротивленіемъ въ дѣлахъ противъ нашихъ войскъ и рядомъ дерзкихъ покушеній противъ нашихъ передовыхъ укрѣпленій и станицъ. Убѣдившись въ невозмож-

---

[1]) Арх. гр. Евдокимова, № 83. Изъ письма кн. Орбеліани, отъ 15-го мая 1862 года.

[2]) Всего, въ 1862 г., въ районѣ Кубанской области возведены были слѣдующія 24 станицы, съ водвореніемъ въ нихъ 3,904 семей: Варениковская, Гастолаевская, Раевская, Натухайская, Анапская, Анапскій поселокъ (въ самомъ бывшемъ укрѣпленіи Анапѣ), Новороссійская, Благовѣщенская, Верхне- и Нижне-Баканскія, Неберджайская, Крымская, Бѣлорѣченская, Ханская, Егерукаевская, Абадзехская, Мохошевская (9 в. выше Нижн. Фарсской), Царская, Севастопольская, Даховская, Боговская, Псефирская, Хамкетинская, Тсебайская.

ности серьезно повредить дѣйствующимъ отрядамъ или остановить ихъ движенiе, горцы прибѣгли къ другой тактикѣ и рѣшились дѣйствовать въ тылу нашихъ сообщенiй и постоянно тревожить новыхъ поселенцевъ и войска, оставленныя для ихъ охраненiя.

Кромѣ непрерывныхъ набѣговъ и хищничества мелкихъ партiй, непрiятель предпринималъ покушенiя довольно серьезнаго свойства; такъ, 25-го мая, онъ атаковалъ, хотя и неудачно, — укрѣпленiе Григорьевское; 14-го iюня, скопище около 5,000 человѣкъ произвело нападенiе на Хамкеты, гдѣ гарнизонъ состоялъ всего изъ 3-хъ съ небольшимъ ротъ. Къ счастью, начальникъ этого укрѣпленнаго пункта, полк. Гоцъ, заблаговременно предувѣдомленный о намѣренiяхъ противника, успѣлъ принять всѣ мѣры къ оборонѣ и отбилъ нѣсколько ожесточенныхъ приступовъ, пока не появились изъ ближайшихъ пунктовъ подкрѣпленiя, съ прибытiемъ коихъ горцы хотя и ушли, но на слѣдующiй же день повторили нападенiе, которое, однако, тоже кончилось для нихъ неудачно.

Нѣсколько бо́льшимъ успѣхомъ съ ихъ стороны сопровождалось внезапное нападенiе на станицу Псеменскую, предпринятое въ ночь на 26-е iюня. Подъ покровомъ ночной темноты, непрiятель незамѣтно приблизился къ станицѣ и успѣлъ ворваться въ ея ограду, но, къ счастiю, не довершилъ своего успѣха, а увлекся грабежемъ. Это дало возможность малочисленному гарнизону устроиться и, въ свою очередь, выбить изъ станицы безпорядочную толпу противника, который успѣлъ, однако, захватить въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ поселенцевъ и угнать не мало скота и лошадей. Разлакомившись этою добычею, горцы вздумали было, 8-го iюля, повторить нападенiе на ту же станицу; но на этотъ разъ гарнизонъ, съ подоспѣвшими изъ другихъ пунктовъ подкрѣпленiями, заставилъ непрiятеля поспѣшно убраться [1]).

---

[1]) Въ это время Николай Ивановичъ пользовался минеральными водами въ Есентукахъ. Получивъ донесенiе о дерзкихъ предпрiятiяхъ горцевъ, онъ послалъ внушительное замѣчанiе войсковымъ начальникамъ, въ раiонахъ управленiя коихъ случились эти событiя; упрекалъ ихъ за то, что они держатъ себя во вновь занятой странѣ какъ гости, а не какъ хозяева, и что только благо-

Подобныя сему предпріятія, хотя и являлись не болѣе, какъ послѣднимъ взрывомъ воинственнаго настроенія горцовъ, но держали пройденный войсками и еще отчасти колонизованный край въ постоянной тревогѣ. Это дѣлало еще болѣе очевидною необходимость, во что бы то ни стало, поскорѣе очистить все Закубанье отъ гнѣздившихся тамъ по разнымъ трущобамъ абадзехскихъ ауловъ, служившихъ притонами и этапами для блуждавшихъ по краю враждебныхъ скопищъ. Согласно этой цѣли и продолжалось веденіе дѣйствій нашими отрядами какъ съ восточной, такъ и съ западной стороны.

Между тѣмъ, трудное само по себѣ дѣло колонизаціи края и очищенія его отъ туземцевъ стало еще болѣе усложняться, вслѣдствіе новыхъ затрудненій, возникшихъ по вопросу о переселеніи горцевъ въ Турцію,—вопросу, который еще въ 1859 г. сдѣлался предметомъ довольно щекотливыхъ дипломатическихъ переговоровъ въ Константинополѣ. Съ другой стороны, доходившіе въ Тифлисъ слухи о распоряженіяхъ, дѣлаемыхъ гр. Евдокимовымъ по распредѣленію и надѣлу землями остававшихся въ краѣ туземцевъ, то-же, повидимому, были не совсѣмъ согласны съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Вслѣдствіе этого, опять возникла крайне непріятная для Николая Ивановича переписка. Привыкшій къ безусловному довѣрію со стороны бывшаго главнокомандующаго, во время послѣднихъ дѣйствій и распоряженій въ Чечнѣ, а, можетъ быть, отчасти и избалованный этимъ довѣріемъ, графъ, съ большою раздражительностію (понятнымъ послѣдствіемъ напряженія нервовъ отъ непомѣрныхъ трудовъ), сталъ относиться ко всякому противорѣчію его взглядамъ. Не безъ основанія, конечно, могъ онъ предполагать, что тутъ играли роль и интрига.

Изъ помянутой переписки приводимъ здѣсь сохранившіеся въ архивѣ гр. Евдокимова нѣкоторые интересные документы.

даря такой фальшивой роли, могли совершиться подобныя событія на нашихъ передовыхъ линіяхъ. Затѣмъ графъ послалъ войсковымъ начальникамъ строжайшее предписаніе: наводнить всю страну разъѣздами, стать въ ней хозяевами, а не быть гостями. Съ первыхъ же дней точнаго и широко развитаго исполненія этого приказанія, страна утихла, и все пошло своимъ прежнимъ, опредѣленнымъ порядкомъ. (Изъ замѣтокъ офицера генер. штаба, служившаго при гр. Евдокимовѣ). И. О.

3-го августа 1862 г. (въ письмѣ за № 27) кн. Орбеліани писалъ ему:

«По докладѣ отношенія в. с—ва къ начальнику главнаго штаба, за № 40, я приказалъ сообщить вамъ о разрѣшеніи моемъ теперь же приступить къ предварительнымъ распоряженіямъ относительно зафрахтованія судовъ для безденежной перевозки горцевъ въ Турцію.

«Считая эту мѣру вообще полезною, я долженъ, однако, обратить вниманіе в. с—ва на слѣдующее обстоятельство:

«Переселеніе горцевъ въ усиленныхъ размѣрахъ въ Турцію, облегчая временно наши дѣйствія въ Кубанской области, можетъ представить въ будущемъ для насъ большія затрудненія. Часть этихъ затрудненій мы теперь уже испытываемъ: *каждое лѣто по нѣскольку тысячъ душъ переселенцевъ возвращаются въ наши предѣлы* [1]) и вовлекаютъ насъ въ значительныя издержки, но это обстоятельство, конечно, не имѣетъ еще большой важности. Гораздо важнѣе то, что мы не можемъ обязать Турцію селить горцевъ на томъ или другомъ мѣстѣ. При большемъ числѣ выходцевъ, турецкое правительство по необходимости начнетъ селить ихъ въ пашалыкахъ, *пограничныхъ къ Закавказскимъ нашимъ владѣніямъ, и тогда на южной границѣ нашей явится новый непріятель* [2]), съ которымъ намъ придется начать здѣсь ту-же самую войну, которую мы стараемся кончить на сѣверномъ Кавказѣ. Это соображеніе и было отчасти причиною, по которой главнокомандующій *не согласился на пропускъ переселенцевъ Терской области черезъ Закавказскій край* [3]). Поэтому я полагаю, что на переселеніе горцевъ въ Турцію должны мы смотрѣть, какъ на мѣру вспомогательную, а отнюдь не какъ на главную *нашу цѣль* [4]).

---

[1]) Противъ подчеркнутыхъ въ этомъ письмѣ мѣстъ графомъ сдѣланы слѣдующія собственноручныя замѣтки:

«Вѣрно не въ Кубанскую область, ибо вообще не возвратилось въ Ставропольскую губернію и одной тысячи».

[2]) «Это можетъ быть только при войнѣ съ турками, да и тогда, поставленныя въ другія условія, племена эти не составятъ грозной силы».

[3]) Мнѣ казалось, что совсѣмъ по другой причинѣ. Такъ говорилъ мнѣ и фельдмаршалъ.

[4]) «Такъ это и смотрѣлось».

«В. с—во упоминаете, что натухайцы въ нынѣшнемъ году не косятъ сѣна, и изъявляете надежду, что они первые, можетъ быть, тронутся въ путь. Я полагаю, что натухайцы не косятъ сѣна по причинѣ весьма естественной, — большая часть ихъ земель занята казаками, и они такъ стѣснены, что имъ дѣйствительно трудно существовать на оставшейся въ ихъ владѣніи землѣ [1]. Народъ этотъ, какъ в. с—во сами выразились въ представленномъ отчетѣ, утратилъ уже воинственность и расположенъ къ торговлѣ: со времени изъявленія покорности, онъ ничѣмъ ея не нарушилъ [2], а потому и выгоды наши, да и долгъ, наложенный на насъ объявленною нами прокламаціею [3], заставляютъ насъ заботиться не объ изгнаніи его изъ нашихъ предѣловъ, а объ устройствѣ его быта. Для насъ было бы гораздо выгоднѣе, чтобы натухайцы подали другимъ горцамъ примѣръ не переселенія въ Турцію, а повиновенія, и поселились бы на указанныхъ имъ новыхъ мѣстахъ [4], что они теперь, видя прежнія мѣста занятыми, вѣроятно, исполнятъ.

«Основываясь на вышеизложенномъ, я убѣдительно прошу в. с—во, если вы признаете возможнымъ, приказать начальнику Натухайскаго округа отвести теперь же для натухайцевъ земли по лѣвому берегу Кубани въ такомъ количествѣ, чтобы они могли существовать безъ особаго стѣсненія, и для этого, если окажется нужнымъ, селить ихъ на плоскости, отнятой отъ шапсуговъ. Однимъ словомъ, я прошу васъ употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы не представить непокорнымъ горцамъ доказательствъ, какъ мало они могутъ разсчитывать на наши обѣщанія [5]. Къ этому побуждаетъ меня и то соображеніе, что натухайцы, вѣроятно, съ удовольствіемъ поселятся на

---

[1] «Ближайшее мѣстное начальство не свело еще счета натухайцевъ; почему же знаютъ это въ Тифлисѣ—не понимаю. Безъ этого же вѣдь нельзя знать, тѣсно ли или просторно натухайцамъ. Странно также, почему тамъ лучше знаютъ—почему не косятъ натухайцы, чѣмъ мы здѣсь?»

[2] «Не исполнилъ ни одного изъ условій покорности».

[3] «Странно, что это пишутъ изъ Тифлиса».

[4] «Сколько разъ это требовалось! Но зачѣмъ же выше написано, что ничѣмъ не нарушили условій покорности?»

[5] «Не понимаю, къ кому и къ чему это относится!»

равнинахъ, смежныхъ съ ихъ землею [1]) и нѣкогда имъ принадлежавшихъ, тогда какъ ни приморскіе шапсуги, ни убыхи никакъ не подчинятся этому условію, и намъ волей или неволей придется не одну тысячу семействъ вынудить къ переселенію.

«Излагая эти соображенія мои, я желалъ бы, чтобы вы, в. с—во, съ ними согласились, но никакъ не обязываю слѣдовать имъ буквально, ибо ни въ чемъ не желаю стѣснять вашихъ дѣйствій» [2]).

Отвѣтъ гр. Евдокимова, къ сожалѣнію, нами не найденный, составленъ былъ, какъ полагать должно, въ духѣ тѣхъ замѣтокъ его, которыя выше приведены нами въ выноскѣ. Отвѣтъ этотъ, повидимому, былъ адресованъ на имя ген.-лейтенанта Карцова и вызвалъ слѣдующее письмо послѣдняго (отъ 10-го сентября 1862 г.):

«Позвольте принести в. с—ву искреннюю благодарность за откровенность, съ которою вы выразили чувства, возбужденныя въ васъ письмомъ князя Григорія Дмитріевича, за № 27.

«Письмо князя в. с—во принимаете за выраженіе недовѣрчивости и находите въ немъ разныя укоризны. Будучи отвѣтственнымъ лицомъ за все, что подписываетъ командующій арміею и просматривая редакцію всѣхъ бумагъ, представляемыхъ къ его подписи, я крайне огорченъ тѣмъ, что письмо это произвело на васъ такое впечатлѣніе, котораго кн. Григорій Дмитріевичъ никакъ не могъ ожидать. Много разъ, и про себя и вслухъ, прочиталъ я письмо это и, признаюсь вамъ, не нашелъ въ немъ ни обвиненій противъ в. с—ва, ни укоризны въ чемъ бы то ни было. Есть возраженія противъ вашихъ предположеній, есть доводы, подкрѣпляющіе эти возраженія, но никакъ не укоризны и не замѣчанія. Послѣднія строки письма могли бы служить вамъ укоромъ, если бы прокламація, объявленная натухайцамъ, была составлена и объявлена в. с—вомъ; но князю извѣстно, что не вы виновны въ объявленіи этой прокламаціи, которую буквально исполнить мы не могли. Во всякомъ случаѣ, долгомъ считаю увѣрить в. с—во, что въ командующемъ арміею не было и признака недовѣрія къ вамъ, когда

---

[1]) «Давнымъ давно приказано; остановка только за натухайцами».

[2]) Арх. гр. Евдокимова, № 83.

онъ приказывалъ написать помянутое письмо. Онъ не совершенно согласенъ съ вами во взглядѣ на дѣло; опасается послѣдствій переселенія въ большихъ размѣрахъ и приказалъ сообщить вамъ еще новыя подробности, относящіяся до этого предмета; но разность взглядовъ не есть знакъ недовѣрія. Я даже убѣжденъ, что если бы в. с—во прочитали всю переписку, которая происходила между нашимъ посланникомъ и Портою, то непремѣнно во многомъ оправдали бы образъ воззрѣній кн. Григорія Дмитріевича. Я совершенно понимаю, что письмо князя, какъ стѣсняющее планъ вашъ, должно было подѣйствовать на васъ непріятно; но потрудитесь взглянуть безпристрастно, не съ точки зрѣнія распорядителя дѣйствій въ Кубанской области, а со стороны лица, отвѣтственнаго за цѣлый край и за всѣ послѣдствія предложенной мѣры, и тогда в. с—во, вѣроятно, иначе взглянете и на самое письмо...

«Еще разъ принося вамъ благодарность мою за откровенность, прошу васъ дозволить и мнѣ попрежнему писать вамъ обо всемъ откровенно и съ неизмѣннымъ уваженіемъ имѣю честь быть»... и проч. [1])

Переписываясь и отписываясь, такимъ образомъ, гр. Евдокимовъ продолжалъ неуклонно идти по намѣченному имъ пути для завоеванія края.

25-го сентября, пока войска, работавшія на Пшехѣ и Пшишѣ, отвлекали къ этимъ рѣкамъ вниманіе непріятеля, на лѣвомъ берегу Бѣлой, у станицы Абадзехской, собранъ былъ, подъ начальствомъ полк. Геймана, отрядъ силою въ 8 баталіоновъ, 3 эскадрона драгунъ и 8 сотенъ казаковъ, при 11 орудіяхъ. Такъ какъ войскамъ этимъ предстояло вступать въ новый районъ дѣйствій, на р. Курджипсѣ, то Николай Ивановичъ, 26-го числа, самъ повелъ ихъ туда и расположилъ лагеремъ около устья рѣчки Хокадзь. Въ теченіи слѣдующихъ двухъ дней производились рекогносцировки вверхъ и внизъ по долинѣ Курджипса и уничтожались близь лежавшіе непріятельскіе аулы; а 29-го сентября графъ передвинулъ отрядъ на новую позицію (въ 16-ти верстахъ отъ Майкопа) и тамъ приказалъ устраивать окопъ

---

[1]) Арх. гр. Евдокимова, № 54. Изъ письма ген.-лейт. Карцова, отъ 10-го сентября 1862 г.

для будущей станицы. Этотъ окопъ, на первое время, долженъ былъ служить складочнымъ мѣстомъ всякаго рода запасовъ, необходимыхъ при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ между верховьями Бѣлой и Пшехи. Одновременно съ симъ, отряду Геймана (Даховскому) отдано было приказаніе разработывать дорогу вверхъ по Курджипсу, а также и на Майкопъ, куда самъ графъ, 30-го числа, возвратился.

Намѣреваясь отсюда пробраться далѣе, на западъ, для направленія, согласно общему плану, дѣйствій Пшехскаго и Шапсугскаго отрядовъ, графъ Евдокимовъ, 31-го сентября, выѣхалъ изъ Майкопа подъ прикрытіемъ дивизіона Переяславскихъ драгунъ и сотни казаковъ, при 2-хъ орудіяхъ. Переправившись у Ханскаго брода, онъ прибылъ въ Пшехскую станицу, гдѣ уже нашелъ 12 стрѣлковыхъ ротъ и 2 эскад. драгунъ, при 6 орудіяхъ, назначенныхъ для конвоированія его до мѣста расположенія Пшехскаго отряда. Осмотрѣвъ произведенныя въ станицѣ работы и присоединивъ съ собравшимся тамъ войскамъ приведенную имъ съ собою конницу, графъ, 2-го октября, двинулся къ отрядному лагерю по вновь проложенной дорогѣ на лѣвомъ берегу Пшехи. Горцы, слѣдившіе за этимъ движеніемъ, сначала ничего не предпринимали и только изрѣдка завязывали незначительную перестрѣлку; но когда колонна наша стала приближаться къ занимаемой Пшехскимъ отрядомъ позиціи, то въ разстояніи около 4-хъ верстъ отъ нея, при переходѣ черезъ оврагъ Даго, значительная партія ихъ, занявъ опушку прилегавшаго къ дорогѣ лѣса, открыла сильный огонь, при чемъ нѣсколько пуль попало въ экипажъ командующаго войсками. Послѣ нѣсколькихъ залповъ, непріятельскія толпы выдвинулись изъ лѣса, съ явнымъ намѣреніемъ ударить въ шашки. Тогда гр. Евдокимовъ, тотчасъ же пересѣвъ изъ экипажа на коня, сталъ лично распоряжаться дѣйствіями войскъ. Нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ скоро охладило пылъ противника, а развертываніе драгунъ, готовыхъ понестись въ атаку, заставило горцевъ опять скрыться подъ защиту лѣса. Колонна наша, поплатившись за это дѣло 12-ю ранеными, затѣмъ уже безъ выстрѣла дошла до мѣста расположенія Пшехскаго отряда.

Осмотрѣвъ пройденное пространство и сдѣлавъ въ тотъ же день рекогносцировку вверхъ по Пшехѣ, гр. Евдокимовъ при-

зналъ нужнымъ, прежде начатія работъ для прочнаго занятія верхняго теченія этой рѣки, связать дѣйствія Пшехскаго отряда съ занятіями Шапсугскаго. На сей конецъ онъ рѣшилъ проложить сообщеніе отъ Пшехской станицы къ Пшишу и устроить кордонную линію между обѣими рѣками. Линія эта должна была служить основаніемъ для дальнѣйшихъ дѣйствій въ нагорномъ пространствѣ, между верховьями Курджипса и Пшиша, и надежнымъ образомъ прикрыть сзади ее лежащее пространство.

Слѣдующіе затѣмъ дни гр. Евдокимовъ посвятилъ осмотру лѣваго берега Пшехи, прошелъ до низовьевъ этой рѣки и тамъ оставилъ войска въ лагерномъ расположеніи, а самъ переѣхалъ къ Шапсугскому отряду, стоявшему тогда на рѣчкѣ Псечетинѣ. Ознакомившись съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ этой части края, онъ призналъ нужнымъ, для единства въ распоряженіяхъ, соединить оба дѣйствовавшіе тамъ отряда въ одинъ, подъ общимъ названіемъ „Пшехскаго"; начальство надъ этимъ отрядомъ ввѣрено было имъ ген.-маіору Преображенскому. Вслѣдъ затѣмъ, графъ, подъ прикрытіемъ всей конницы отряда, проѣхалъ внизъ по Пшишу, до станицы Старо-Корсунской, осмотрѣлъ тамъ работы и, 9-го октября, возвратился въ Ставрополь [1]).

Между тѣмъ, не смотря на постоянно возраставшій успѣхъ нашихъ работъ, не смотря на плодотворную дѣятельность главнаго въ краѣ начальника, умѣвшаго при этомъ строго соблюдать интересы казны [2]), интрига, съ своей стороны, тоже не дремала. Недоброжелатели гр. Евдокимова стали распускать слухъ, что онъ скоро будетъ замѣненъ другимъ генераломъ, и что объ этомъ уже пошло представленіе [3]).

Должно полагать, что распространенію подобныхъ слуховъ не мало содѣйствовали тѣ личности, которымъ солона приходилась кипучая дѣятельность графа, не щадившаго ни своего ни своихъ подчиненныхъ здоровья и спокойствія тамъ, гдѣ дѣло шло о достиженіи великой государственной цѣли. Но трудно сомнѣ-

---

[1]) Воен.-уч. архивъ, отд. II, № 6620.

[2]) Такъ, напр., постройка капитальныхъ мостовъ черезъ Пшеху и Бѣлую, которые строились русскими артелями, обошлась втрое дешевле противъ предварительно исчисленныхъ смѣтъ.

[3]) Кавк. сборникъ, т. V, стр. 403.

ваться и въ томъ, что масса людей благоразумныхъ и добросовѣстныхъ понимала, что только съ подобнымъ начальникомъ трудное дѣло покоренія сѣверо-западнаго Кавказа можетъ быть быстро доведено до вожделѣннаго и блистательнаго конца. На нихъ вышепомянутые толки дѣйствовали удручающимъ образомъ.

Всѣ эти сплетни, а равно и слухи о впечатлѣніи, производимомъ ими на войска, дошли до Николая Ивановича. Онъ весьма огорчился, и почелъ нужнымъ написать о томъ начальнику штаба Кавказской арміи. Самаго письма въ бумагахъ графа не отыскалось, но о содержаніи онаго можно судить по отвѣту генералъ-лейтенанта Карцова, отъ 14-го октября:

„Въ письмѣ отъ 10-го октября—такъ писалъ Карцовъ—ваше с—во изволите упоминать, что въ войскахъ замѣтно уныніе, происходящее будто бы отъ неудовольствія противъ васъ высшаго начальства, и просите объ удаленіи причинъ, колеблющихъ довѣріе къ вамъ войскъ. Обстоятельства такой важности я не могъ не доложить командующему арміею. Князь Григорій Дмитріевичъ рѣшительно не можетъ понять, на чемъ основано такое мнѣніе войскъ. Всѣ награды, о которыхъ вы ходатайствовали, разрѣшены командующимъ арміей и представленія отправлены въ военное министерство. О тѣхъ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ представленія ваши были измѣнены, я каждый разъ извѣщалъ ваше с—во и вамъ извѣстно, какъ эти случаи рѣдки. Не въ нашей власти ускорить, затѣмъ, разсмотрѣніе представленій въ министерствѣ. Сколько мнѣ извѣстно, и прежде такъ бывало. Награды за Дагестанскую экспедицію 1859 года вышли только въ концѣ 1861 года. Впрочемъ, командующій арміею, вполнѣ оцѣнивая труды ввѣренныхъ вамъ войскъ, приказалъ мнѣ доложить объ этомъ предметѣ генералъ-фельдмаршалу, въ увѣренности, что его с—во изыщетъ средство устранить медленность въ разрѣшеніи наградъ.

Что касается слуховъ, распространившихся въ войскахъ о мнимомъ неудовольствіи начальства противъ вашего с—ва, то не постигая причины ихъ и не видя ни малѣйшаго къ нимъ повода, командующій арміей полагаетъ, что слухи эти, какъ и всякія ложныя выдумки, сами собою должны прекратиться, не оставивъ никакого слѣда“ [3]).

[3]) Арх. гр. Евдокимова, № 54.

Въ тотъ же самый день и кн. Орбеліани написалъ Николаю Ивановичу собственноручное письмо, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

... „Позвольте теперь высказать нѣсколько словъ собственно о моихъ личныхъ отношеніяхъ къ вамъ. Какъ вамъ не грѣшно думать, что я мало внимателенъ къ славнымъ заслугамъ вашихъ войскъ? Чѣмъ я заслужилъ такой упрекъ? Двадцатилѣтнія дружелюбныя наши отношенія чѣмъ могли измѣниться? Повѣрьте графъ, никто болѣе меня не радуется тѣмъ подвигамъ, которые вами совершаются во славу нашего оружія.

„Прошу васъ, графъ, отбросить всякое сомнѣніе въ отношеніи ко мнѣ и искренне вѣрить въ чувство моей къ вамъ искренней преданности“ [1]).

Подрывающіе авторитетъ гр. Евдокимова слухи, дѣйствительно, скоро прекратились, и онъ, уже не смущаясь ими, могъ продолжать свою трудную работу. Результаты его дѣйствій вдоль Пшехи и Пшиша, по землямъ, гдѣ гнѣздилась главная масса нижне-абадзехскаго населенія, выразились на первое время тѣмъ, что серьезныя покушенія противъ нашей Бѣлорѣченской линіи прекратились. Вообще стало замѣтнымъ, что абадзехи утомились борьбою и стали терять надежду на успѣшность своего сопротивленія; нѣсколько сотъ туземныхъ семействъ вышло къ намъ и было отправлено для поселенія на Нижнюю Лабу. Лазутчики доносили, что число выходцевъ должно вскорѣ значительно увеличиться, но что горцы выжидаютъ лишь результатовъ депутаціи, отправленной ими въ Англію, и все еще не хотятъ окончательно разстаться съ надеждою на вмѣшательство въ ихъ пользу западныхъ державъ [2]).

Обезпечивъ безопасность передовыхъ линій и подготовивъ успѣхъ будущихъ военныхъ предпріятій нашихъ, гр. Евдокимовъ рѣшился къ концу года вновь открыть наступательныя дѣйствія. Главный ударъ непріятелю предполагалось, въ этотъ разъ, нанести со стороны Курджипса, для чего Даховскій отрядъ былъ усиленъ до состава $10^1/_2$ баталіоновъ, 4 эскадроновъ

---

[1]) Арх. гр. Евдокимова, № 83.

[2]) Воен.-уч. архивъ, отд. II, № 6620. Отношеніе кн. Орбеліани воен. министру, отъ 28-го окт. 1862 г., за № 59.

драгунъ и 7 сотенъ казаковъ, при 14 орудіяхъ. Для отвлеченія вниманія горцевъ въ другую сторону, предписано было Пшехскому отряду наступать вверхъ по лѣвому берегу Пшехи, гдѣ мѣстность была уже хорошо извѣстна намъ.

Самъ графъ прибылъ къ Даховскому отряду въ первыхъ числахъ ноября. Почти одновременно съ нимъ (3-го числа того же мѣсяца) пріѣхалъ туда же принцъ Альбертъ Прусскій, которому высочайше разрѣшено было посѣтить Кубанскую область.

Такъ какъ самъ Николай Ивановичъ, вслѣдствіе ушиба при паденіи съ лошади, долженъ былъ отказаться отъ личнаго руководства дѣйствіями войскъ, то предоставилъ эту честь своему высокому гостю, жаждавшему поближе взглянуть на кавказскую войну. Само собою разумѣется, что командованіе принца было лишь почетное, такъ какъ и самъ онъ, безъ сомнѣнія, понималъ, что не можетъ быть распорядителемъ въ дѣлѣ, ему вовсе незнакомомъ [1]). Главную роль въ предпринятой экспедиціи играли предварительныя общія указанія самого Николая Ивановича и частныя распоряженія его опытнаго и отважнаго сподвижника, полк. Геймана.

Экспедиція продолжалась съ 4-го по 9-е ноября; мѣстность между Курджипсомъ и верховьями Пшехи была подробно изслѣдована, и долины обѣихъ рѣкъ соединены новою дорогою. Всѣ враждебныя покушенія горцевъ противъ нашихъ войскъ не имѣли никакого успѣха; нравственное же впечатлѣніе, произведенное на непріятеля вторженіемъ Даховскаго отряда въ та-

---

[1]) Довольно любопытны внушенія, сдѣланныя гр. Евдокимову изъ Тифлиса, по случаю ожидаемаго прибытія принца Альберта въ Закубанье. Еще 25-го сентября, ген.-лейт. Карцовъ писалъ Николаю Ивановичу:

«Во всякомъ случаѣ, его (принца) слѣдуетъ принимать какъ очень почетнаго гостя, но не какъ лицо официальное, и никакой команды, во избѣжаніе могущаго случиться грѣха, ему поручать не слѣдуетъ. Таково мнѣніе командующаго арміей, и оно кажется тѣмъ справедливѣе, что принцъ путешествуетъ инкогнито. Кн. Григорій Дмитріевичъ полагаетъ показать ему какое либо движеніе въ горной мѣстности, гдѣ бы и ему и его свитѣ ясно были видны тѣ мѣстныя затрудненія, съ которыми приходится бороться войскамъ; бой же на мѣстѣ ровномъ онъ видѣлъ въ размѣрахъ гораздо значительнѣйшихъ, чѣмъ представляетъ здѣшняя война. Рубка лѣса, переходъ черезъ оврагъ представляетъ ему больше новаго, чѣмъ самая горячая перестрѣлка. Затѣмъ, кн. Григорій Дмитріевичъ не считаетъ возможнымъ давать вашему с—ву какія бы ни было инструкціи». (Арх. гр. Евдокимова, № 54). И. О.

кія мѣста, куда дотолѣ ни разу еще не проникало русское оружіе, конечно было очень велико. Непріязненные намъ обыватели спѣшили оставить нагорную полосу между верховьями Пшехи и Бѣлой; число же выходцевъ оттуда, заявлявшихъ готовность селиться на указанныхъ нашимъ начальствомъ мѣстахъ, стало съ каждымъ днемъ увеличиваться [1]).

Изъ заключительныхъ военныхъ операцій 1862 года особую важность имѣло овладѣніе землями Хамышейскаго общества, лежавшими въ самой вершинѣ р. Бѣлой. 15-го декабря мѣстность эта была занята съ боя войсками Даховскаго отряда и тѣмъ завершился рядъ предпріятій, имѣвшихъ цѣлью прочное обезпеченіе за нами всего пространства между теченіями Лабы и Бѣлой и удаленіе туземнаго населенія изъ нагорной полосы этого края.

«Важность занятія общества Хамышей—писалъ гр. Евдокимовъ въ своемъ донесеніи—равносильно было занятію Даховскаго общества. Если занятіе послѣдняго было началомъ нашего прочнаго утвержденія въ пространствѣ между Лабою и Бѣлою, то овладѣніе первымъ окончательно упрочило это завоеваніе.

«Хамышейское общество лежало на высотѣ около 4-хъ тыс. футовъ надъ поверхностью моря, гдѣ далѣе нѣтъ населенія, надъ хребтомъ, откуда идетъ лѣтняя дорога въ землю убыховъ и куда выходятъ горныя дороги съ верховьевъ Курджипса и Пшехи и съ главнѣйшихъ переваловъ Кавказскаго хребта. Цѣлое лѣто 1862-го г. непріятельскія скопища южнаго склона направлялись на этотъ переходъ и, обходя по горнымъ тропамъ Бѣлорѣченскую кордонную линію, тревожили станицы Нагорнаго военнаго округа, расположеннаго въ предгорьяхъ между р.р. Ходзь и Бѣлою. Трудно-доступная мѣстность, многочисленность и свѣжесть силъ непріятеля не позволяли намъ минувшимъ лѣтомъ занять Хамышейское общество безъ значительной потери людей; нужно было ожидать зимы, когда непріятель, истощившись въ своихъ безплодныхъ усиліяхъ, можетъ оказать наименьшее сопротивленіе. Полковникъ Гейманъ воспользовался удобною минутою и съ небольшою потерею не только завладѣлъ

---

[1]) Воен. уч.-архивъ, отд. II, № 6620.

важнымъ пунктомъ, но и открылъ возможно удобное сообщеніе съ нимъ черезъ прорубленіе просѣки, и наскоро разработалъ вьючную дорогу» [1]).

И. О.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Приложеніе I.

Письмо генерала Карлгофа воен. министру Д. А. Милютину.

Милостивый государь, Дмитрій Алексѣевичъ. По резолюціи вашего превосходительства на донесеніи графа Строганова о маломъ успѣхѣ вызова азовскихъ казаковъ для переселенія на Кавказъ, я представляю вмѣстѣ съ симъ докладъ управленія иррегулярныхъ войскъ; но какъ управленіе можетъ принимать въ основаніе докладовъ только факты, заключающіеся въ его дѣлахъ, то я съ своей стороны долгомъ считаю представить вамъ по этому дѣлу личное мое мнѣніе.

Изъ предположенія кавказскаго начальства, поступившаго въ департаментъ генеральнаго штаба и извѣстнаго мнѣ по копіямъ исполнительныхъ бумагъ, доставленныхъ въ управленіе иррегулярныхъ войскъ, я увидѣлъ, что графу Евдокимову совершенно неизвѣстенъ восточный берегъ Чернаго моря и что онъ вовсе не справлялся съ дѣлами Черноморской береговой линіи. И дѣйствительно, я съ удивленіемъ узналъ, что онъ полагаетъ поселить въ будущемъ и послѣдующихъ годахъ станицы по 100 дворовъ на такихъ мѣстахъ, на которыхъ, въ прежнее время, укрѣпленія, вооруженныя каждое 22-мя крѣпостными орудіями и имѣвшія по 500 человѣкъ гарнизона, подвергались, иногда съ успѣхомъ, открытымъ нападеніямъ горцевъ. Или горцы того края совершенно выродились, въ послѣднее время, изъ волковъ въ овецъ, или графъ Евдокимовъ не договорилъ въ своемъ предположеніи, что кромѣ означенныхъ станицъ изъ азовскихъ казаковъ онъ полагаетъ поселить въ тѣхъ же мѣстахъ и въ то же самое время большое число станицъ изъ поселенцевъ и другаго рода, чтобы азовскія станицы не оставить тамъ одинокими, безъ поддержки, и чтобы новыми поселеніями въ большемъ размѣрѣ вытѣснить оттуда горцевъ. Но вытѣснить горцевъ изъ ущелій восточнаго прибрежья Чернаго моря дѣло весьма не легкое и требующее не одного года выполненія. Часть населенія живетъ въ горныхъ котловинахъ между главнымъ и параллельными ему пониженными гребнями Кавказскаго хребта, на мѣстности, весьма удобной для

[1]) Воен.-уч. арх., отд. II, № 6623

жизни только горца. Въ числѣ этихъ жителей есть особое племя гуаіе, отъ набѣговъ котораго даже сами черкесы не знали какъ укрыться и называли это племя дикимъ и язычниками. Чтобы проникнуть въ нѣдра горъ для изгнанія населенія, надобно имѣть значительный отрядъ и преодолѣть большія препятствія мѣстной природы, представленныя крупнымъ и утесистымъ скатомъ южной покатости Кавказскаго хребта. Положимъ, однако, что отряды наши пройдутъ съ успѣхомъ тѣ ущелья, противъ которыхъ на берегу моря будутъ построены казачьи станицы, и раззорятъ въ этихъ ущельяхъ всѣ жилища, но тогда край всетаки не будетъ еще очищенъ отъ жителей. Въ параллельныхъ между собой ущельяхъ, выходящихъ отъ главнаго гребня къ берегу моря, на всѣхъ промежуточныхъ пространствахъ между береговыми станицами останутся жители нетронутыми по невозможности направить отряды во всѣ эти ущелья, для чего не достало бы у насъ и войскъ. Эти жители не будутъ нисколько стѣснены поселеніемъ на берегу моря станицъ, также какъ они не стѣснялись нашими укрѣпленіями. Они примутъ къ себѣ жителей раззоренныхъ ущелій и не дадутъ покоя не только маленькимъ прибрежнымъ станицамъ, но и поселеніямъ болѣе обширнымъ, которыхъ жители не привыкли къ неутомимой горной войнѣ. Жители раззоренныхъ ущелій даже вернутся на прежнія свои мѣста, если мы не будемъ безпрерывно двигаться по этимъ мѣстамъ отрядами.

Вообще заселеніе восточнаго берега Чернаго моря кажется мнѣ совершенно гадательнымъ до тѣхъ поръ, пока край этотъ не будетъ предварительно очищенъ отъ горцевъ. Я столько разъ выдвигалъ впередъ мою спеціальность по береговой линіи въ особыхъ запискахъ, оставленныхъ при дѣлахъ главнаго штаба Кавказской арміи, и съ такимъ малымъ успѣхомъ, судя по послѣднимъ предположеніямъ кавказскаго начальства, что рѣшился воздержаться здѣсь отъ всякихъ возраженій и потому не изложилъ моего мнѣнія по этому предмету въ общемъ присутствіи управленія иррегулярныхъ войскъ, при разсмотрѣніи проекта о заселеніи западной части Кавказа. Я молчалъ въ томъ предположеніи, что рано или поздно само кавказское начальство увидитъ неудобоисполнимость этого предположенія, когда примется за исполненіе его и тщательнѣе разспроситъ людей, коротко знакомыхъ съ мѣстностію, которыхъ еще много осталось на восточномъ берегу Чернаго моря. Что касается до поселеній нынѣшняго года, то я оставался спокоенъ за нихъ только потому, что они будутъ устроены подъ самыми укрѣпленіями: Анапою и Константиновскимъ гарнизономъ, которымъ будетъ предстоять большая забота охранять поселенцевъ на полевыхъ работахъ.

Азовскія казачьи станицы не могутъ держаться на берегу моря безъ прикрытія ихъ другими станицами въ значительномъ числѣ, которыхъ предназначеніе состояло бы въ томъ, чтобы вести истребительную войну противъ горцевъ. Но тогда представится вопросъ: въ состояніи ли будутъ эти станицы

содержать сами себя земледѣліемъ и будетъ ли для нихъ достаточно земли на мѣстности каменистой и покрытой горами и лѣсомъ? Азовскіе казаки не безъ основанія замѣтили, что правительство вынуждено будетъ отпускать имъ навсегда провіантъ.

Все это я полагалъ лично доложить вашему превосходительству, но не имѣлъ случая. Теперь же выполняя мой долгъ, я полагалъ бы нелишнимъ отправить это письмо для соображенія Александру Петровичу Карцову [1]).

Ев. Карлгофъ.

12 марта 1862 года.

Приложеніе II.

Письмо гр. Евдокимова ген.-лейт. А. П. Карцову. (Отъ 14 апр. 1862 г., за № 1005.—Конфиденціально).

Милостивый государь, Александръ Петровичъ! Я прочелъ съ большимъ вниманіемъ письмо генералъ-лейтенанта Карлгофа, сообщенное мнѣ въ копіи при отношеніи вашемъ отъ 6 апрѣля № 471; сначала я хотѣлъ оставить его безъ возраженія, но потомъ рѣшился не измѣнять принятому правилу: сообщать вашему превосходительству всѣ мои мысли какъ въ оффиціальной, такъ и въ конфинденціальной перепискѣ, относящейся къ столь важному для насъ вопросу колонизаціи Закубанскаго края.

Чтеніе этого письма убѣдило меня еще болѣе, что всѣ недоразумѣнія, какія являлись въ настоящее время, по вопросу о колонизаціи Закубанскаго края, возникаютъ отъ односторонняго взгляда на этотъ предметъ и отъ малаго знакомства съ страною, гдѣ идетъ водвореніе казачьяго поселенія

Генералъ-лейтенантъ Карлгофъ, какъ мнѣ кажется, не можетъ отозваться (неблагопріятно) относительно войны съ горцами, какая велась на Кавказѣ до пріѣзда сюда г. генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго, а потому выводитъ заключеніе о храбрости и предпріимчивости горцевъ и о характерѣ страны, ими занимаемой, съ той точки зрѣнія, какъ представлялось то и другое во время кратковременныхъ движеній или, лучше сказать, набѣговъ, производимыхъ отрядами бывшей Черноморской береговой линіи. Набѣги эти, дѣлаемые безъ системы, приносили горцамъ ничтожныя по результатамъ потери и, раздражая ихъ, служили болѣе къ развитію ихъ воинственности, чѣмъ къ ихъ обезсиленію. Горцы здѣшняго края,—въ чемъ я твердо убѣжденъ,—всегда были овцами; несмотря на всѣ старанія прежняго времени сдѣлать ихъ волками, эти заботы, слава Богу, не увѣнчались успѣхомъ. Весь трудъ въ покореніи Западнаго Кавказа состоитъ не въ битвахъ съ непрія-

---

[1]) Архивъ гр. Евдокимова, № 50.

телемъ, а въ проложеніи дорогъ и въ средствахъ, какія будутъ даны для колонизаціи Закубанскаго края; горцы безъ большаго кровопролитія принуждены будутъ исполнить тѣ условія, какія имъ укажутъ. Я полагаю, что противорѣчіе въ мысляхъ генералъ-лейтенанта Карлгофа и моихъ, о возможности заселенія южнаго склона Кавказскаго хребта, заключается главное въ томъ, что онъ смотритъ на этотъ край съ той недоступности, въ какой представлялась ему страна, по удачному выраженію вашего превосходительства, съ брустверовъ укрѣпленій Черноморской береговой линіи, или съ кавказскихъ проходовъ; я же гляжу на южныя покатости Кавказскихъ горъ съ той доступности, съ какою онѣ являются намъ съ сѣверной стороны этихъ горъ.

Признаться сказать, я очень радъ, что дѣла бывшей Черноморской береговой линіи погибли во время минувшей войны и что теперь нѣтъ возможности наводить по нимъ справки. Эти справки могли бы привести совершенно къ другому результату и остановить развитіе новой системы, избранной для покоренія Западнаго Кавказа. Система, которая, если бы и имѣла много недостатковъ, всетаки будетъ лучше той неподвижности, въ какой вращалась Черноморская береговая линія.

Изъ рапорта моего г. военному министру отъ 5 апрѣля № 941, сообщеннаго къ вамъ въ копіи, ваше превосходительство изволите усмотрѣть объясненія мои, какъ я гляжу на дѣло о заселеніи восточнаго берега Чернаго моря, о водвореніи азовскихъ казаковъ на Кавказѣ и вообще о водвореніи новыхъ станицъ въ Закубанскомъ краѣ. До сего времени я полагалъ, что не только высшее начальство, довѣрившее моему управленію обширный край, но и другія лица допускали во мнѣ столько разсудительности, чтобы не дѣйствовать наобумъ, въ дѣлѣ водворенія въ непріятельской странѣ гражданскаго нашего поселенія, безъ надлежащаго указанія средствъ къ его существованію. Я отчасти ошибся въ своемъ заключеніи, усмотрѣвъ изъ письма генералъ-лейтенанта Карлгофа, что во мнѣ не признаетъ онъ даже и самыхъ ограниченныхъ способностей и той основательности въ дѣйствіяхъ, какая должна вырабатываться у всякаго человѣка моихъ лѣтъ, проведшаго всю свою жизнь въ кавказской войнѣ [1]).

Сообщ. **И. О.**

---

[1]) Архивъ гр. Евдокимова, № 51.

ГУМБОЛЬДТЪ ВЪ СИБИРИ

въ 1829 г.

Въ газетѣ «Glasgow Weekly Herald, Glasgow, 1874, № 490, помѣщено нижеслѣдующее, не лишенное комизма, извѣстіе о пребываніи одного изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ нашего вѣка, Гумбольдта, въ Сибири, заимствованное изъ польской газеты «Gazeta Narodowa».

Гумбольдтъ прибылъ въ Ишимъ (Тобольской губ.) для астрономическихъ наблюденій и отъ ишимскаго городничаго г. Стотчена (Stozin [1]) тогдашній сибирскій генералъ-губернаторъ получилъ слѣдующее донесеніе:

«Нѣсколько дней тому назадъ прибылъ сюда нѣмецъ, по имени Гумбольдтъ, худой, невысокаго роста, на видъ ничего не значущій, но важный и при этомъ онъ былъ снабженъ письмомъ ко мнѣ отъ вашего высокопре—ства, въ которомъ вы приказываете мнѣ обращаться съ нимъ вѣжливо и съ воздержаніемъ. Я же хотя и принялъ его съ достодолжнымъ уваженіемъ, но все-таки долженъ замѣтить, что личность эта кажется мнѣ подозрительною и весьма опасною. Съ самаго начала онъ мнѣ не понравился. Слишкомъ много болтаетъ и пренебрегъ моимъ гостепріимствомъ, не смотря на то, что поваръ мой Ферлизъ (Ferlisa [2]) печетъ такіе великолѣпные пироги, что я даже имѣлъ счастіе пирогами моими угощать в. п—ство,—онъ, повидимому, пренебрегъ и мною и моимъ угощеніемъ. При всемъ томъ, явно не почтивъ своимъ вниманіемъ высшія офиціальныя лица въ городѣ, вступилъ въ разговоры съ поляками и другими политическими преступниками, находящимися у меня подъ надзоромъ.

Осмѣливаюсь донести в. высокопр—ству, что подобные разговоры съ политическими преступниками не ускользаютъ отъ моего вниманія, особливо съ той поры, какъ послѣ продолжительныхъ съ ними переговоровъ, ночью, ушелъ онъ съ ними же на вершину одного холма, господствующаго надъ городомъ. Туда притащили они какой-то ящикъ и вынули изъ ящика инструментъ, имѣющій видъ длинной трубы, которая и мнѣ и всему обществу кажется пушкой. Утвердивши трубу эту на трехъ ножкахъ, онъ направилъ оную прямо на городъ и каждый изъ нихъ сталъ къ ней подходить и смотрѣть вѣрно ли она прицѣлилась.

Видя во всемъ этомъ великую опасность для города (такъ какъ весь онъ деревянный), я немедленно приказалъ гарнизону, состоящему изъ одного подпрапорщика и шести нижнихъ чиновъ, идти къ тому же мѣсту съ заряженными ружьями, глазъ не спускать съ нѣмца и слѣдить за его штуками.

Если измѣнническія продѣлки этого человѣка оправдаютъ мои подозрѣнія, то мы положимъ животы наши за царя и святую Русь.

Посылая къ вашему высокопр—ству донесеніе это съ экстреннымъ курьеромъ, испрашиваю дальнѣйшихъ вашихъ распоряженій и пользуюсь случаемъ увѣрить васъ въ моей готовности повиноваться и въ моей преданности царю и отечеству, какъ честный русскій офицеръ, который уже 20 лѣтъ какъ состоитъ на службѣ».

Такъ кончается статейка или выписка изъ статейки. Въ какомъ году писано донесеніе—не сказано. Языкъ письма, подвергнувшійся тройному переводу, на польскій, англійскій и съ англійскаго опять на русскій, конечно, далеко не языкъ подлинника, можетъ быть, случайно найденнаго въ одномъ изъ сибирскихъ архивовъ и посланнаго въ переводѣ въ редакцію «Gazeta Narodowa». Выдумано это донесеніе или не выдумано, во всякомъ случаѣ оно правдоподобно. Мы помѣщаемъ его, какъ образчикъ того недовѣрія, какимъ невѣжество, въ особенности невѣжество лицъ официальныхъ, встрѣчаетъ все то, что выходитъ изъ круга его понятій или изъ границъ ему привычной ежедневности.

8-го мая 1874 г. Сообщ. Я. П. Полонскій.

---

[1]) Очень можетъ быть, что фамилія переврана, какъ это часто случается въ англійскихъ журналахъ.

[2]) Можетъ быть—Фетисъ или Федька. Я. П.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПРЖЕВАЛЬСКІЙ.

Вскорѣ послѣ кончины Н. М. Пржевальскаго, товарищи и друзья покойнаго обратились ко мнѣ съ просьбою написать біографическій очеркъ его жизни, и, пользуясь воспоминаніями лицъ, близко его знавшихъ, сохранить тѣ черты и особенности его характера, которыя съ теченіемъ времени легко могутъ утратиться изъ памяти его современниковъ. Будучи вдвойнѣ товарищемъ Николая Михайловича и по императорской академіи наукъ и по военно-ученому комитету главнаго штаба, я не счелъ себя вправѣ отказаться отъ такой просьбы. Дѣло собранія матеріаловъ къ настоящему очерку жизни и дѣятельности Н. М. Пржевальскаго принадлежитъ одному изъ ближайшихъ его друзей Ф. А. Фельдману; при неутомимой его дѣятельности и въ сравнительно короткій промежутокъ времени собранъ весьма значительный матеріалъ и продолжаетъ пополняться.

Помѣщая на страницахъ «Русской Старины» двѣ первыя главы біографическаго очерка, я долженъ сказать, что Н. М. Пржевальскій еще такъ недавно жилъ среди насъ, что полная его біографія пока невозможна и о нѣкоторыхъ эпизодахъ его жизни можно будетъ сказать только впослѣдствіи.

Н. Дубровинъ.

I.

Рожденіе и юность. — Семейная обстановка. — Первые уроки. — Пребываніе въ Смоленской гимназіи.

1841—1855 гг.

Въ 40 верстахъ отъ Смоленска, по линіи нынѣшней Орловско-Витебской желѣзной дороги, находится село Кимборово, купленное въ тридцатыхъ годахъ (около 1832 г.) отставнымъ таможеннымъ чиновникомъ Алексѣемъ Степановичемъ Каретниковымъ. Въ 1838 г. младшая дочь Каретникова, Елена Алексѣевна, вышла замужъ за Михаила Кузьмича Пржевальскаго, человѣка очень бѣднаго, и молодые поселились въ с. Кимборовѣ. Тамъ, 31-го марта 1839 года, родился у нихъ первый сынъ

Николай — впослѣдствіи знаменитый путешественникъ, а черезъ два года (въ 1841 г.) родился и второй сынъ, Владиміръ.

Вскорѣ послѣ рожденія послѣдняго, Каретниковъ выдѣлилъ для дочери изъ Кимбровскаго имѣнія хуторъ съ деревнями Малинино и Раковичи. Хуторомъ, а чаще фольваркомъ, называлась одинокая хижина, стоявшая посреди лѣса и находившаяся въ полутора верстахъ отъ с. Кимборова. Жить въ такой хатѣ съ малолѣтними дѣтьми не было возможности, а о постройкѣ новаго дома, за неимѣніемъ денегъ, и думать было нечего. Положеніе молодыхъ Пржевальскихъ было крайне тяжелое, пока Елена Алексѣевна не получила, по завѣщанію умершей сестры [1]), 2,500 руб. На эти деньги была построена усадьба, которая и названа Отрадною. Сюда переселились въ 1843 году Пржевальскіе и здѣсь Николай Михайловичъ провелъ годы самой ранней молодости.

Отъ мамки-крестьянки Марьи, изъ деревни Старинокъ [2]), онъ поступилъ на попеченіе горничной Ольги, извѣстной впослѣдствіи подъ именемъ няни Макарьевны. Небольшаго роста, полная и некрасивая, Макарьевна принадлежала къ тому своеобразному типу стараго крѣпостнаго времени, какой теперь встрѣчается очень рѣдко и почти выродился. Крутость ея нрава, доходившаго иногда до полной жестокости, страннымъ образомъ уживалась съ добротою и баловствомъ дѣтей. Сверхъ обязанностей няни, Макарьевна исполняла должность ключницы, экономки и главной помощницы по хозяйству. Замужъ она никогда не выходила и потому всю жизнь строго относилась ко всѣмъ романамъ, происходившимъ въ передней и дѣвичьей: вся дворня отъ нея страдала, въ особенности дѣвушки, имѣвшія любовныя приключенія. На такихъ она доносила Еленѣ Алексѣевнѣ и обыкновенно виновную отдавали замужъ за перваго попавшагося парня. Въ Кимборовѣ и до сихъ поръ живутъ еще старушки, потерпѣвшія отъ Макарьевны и не добромъ вспоминающія ее.

Нянькою она была прекрасною и заслужила самую нѣжную и слѣпую любовь Николая Михайловича. Онъ не замѣчалъ недостатковъ Макарьевны и былъ всегда внимателенъ къ ней, какъ

[1]) Бывшей замужемъ за Завадовскимъ.

[2]) Николай Михайловичъ всегда съ уваженіемъ относился къ бывшей мамкѣ и платилъ ей пенсію по 25 руб. въ годъ. Н. Д.

къ самой близкой родственницѣ, но старушка злоупотребляла его довѣріемъ: она отравляла жизнь управляющему и всей дворнѣ. Конечно, Николай Михайловичъ не зналъ этого, но онъ былъ такъ ослѣпленъ привязанностію къ бывшей нянѣ, что не повѣрилъ-бы, если-бы ему сказали какова Макарьевна для его окружающихъ.

Отъ природы она была женщина умная, умѣвшая вести свои дѣла и потому пользовавшаяся большимъ вліяніемъ въ домѣ. Елена Алексѣевна любила Макарьевну, не могла жить безъ нея, но между ними бывали частыя стычки, такъ какъ и та и другая отличались настойчивостью характера. По свидѣтельству еще живыхъ современниковъ, Елена Алексѣевна была женщина умная, красивая брюнетка, высокаго роста и нѣсколько полная. Характера твердаго и настойчиваго, она была строга ко всѣмъ вообще, не исключая и своихъ дѣтей.

12-го апрѣля 1842 года она лишилась отца, Алексѣя Степановича Каретникова. Передъ кончиною онъ раздѣлилъ Кимброво на равныя части между женою и дѣтьми, причемъ каждому досталось по 35 душъ. Елена Алексѣевна заложила свое Отрадное за 15 тыс. руб. и на эти деньги прикупила части матери и брата Александра. Братья-же Гавріилъ и Павелъ не согласились продать своихъ частей, хотя имъ и предложена была хорошая цѣна. Они вели разгульную жизнь, предоставивъ приказчикамъ распоряжаться хозяйствомъ по своему произволу. При такихъ условіяхъ доходы съ имѣнія съ каждымъ годомъ уменьшались, дѣла запутывались и, пользуясь этимъ, сосѣдній помѣщикъ Повало-Швейковскій купилъ Кимборово за безцѣнокъ, съ обязательствомъ, впрочемъ, содержать обоихъ братьевъ на свой счетъ до ихъ смерти. Обязательство это, конечно, не было исполнено и Каретниковы скоро остались безъ крова и пристанища. Старшій, Гавріилъ Алексѣевичъ, пріютился у богатаго смоленскаго помѣщика Аничкова, а Павелъ Алексѣевичъ поселился у сестры въ Отрадномъ.

Онъ былъ страстный охотникъ и цѣлые дни проводилъ въ полѣ. Эта страсть передалась потомъ и Николаю Михайловичу Пржевальскому. Живя у сестры, Павелъ Алексѣевичъ училъ всѣхъ ея сыновей читать, писать, а потомъ и стрѣлять. Дядя гордился своими учениками и говаривалъ не разъ, что изъ нихъ

вышли умные и дѣльные люди потому, что мать ихъ не баловала, а онъ былъ первымъ ихъ учителемъ.

Съ мужемъ Елена Алексѣевна прожила всего восемь лѣтъ и Михаилъ Кузмичъ скончался 27 октября 1846 г. [1]), на 42 году жизни, когда Николаю Михайловичу было всего семь лѣтъ. Дѣти не помнятъ отца, но чтятъ его память какъ человѣка, пользовавшагося уваженіемъ, и характера рѣшительнаго.

Оставшись вдовою въ молодые годы, Елена Алексѣевна принялась сама за воспитаніе дѣтей и за хозяйство. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ она вела дѣло отлично и была извѣстна своею справедливостью. Домъ свой и хозяйство она содержала въ порядкѣ и, не имѣя другихъ средствъ, кромѣ доходовъ съ имѣнія, жила очень тихо и скромно. Въ семьѣ имѣла рѣшающій голосъ, любила очень дѣтей, но за шалость иногда наказывала розгами. Тѣмъ не менѣе первое время Николаю Михайловичу и его брату Владиміру была предоставлена полная свобода: въ одной рубашкѣ они выбѣгали на улицу, подъ проливной дождь, бѣгали по снѣгу и проч. „Росъ я въ деревнѣ дикаремъ, говоритъ Н. М.; воспитаніе было самое спартанское; я могъ выходить изъ дому во всякую погоду“. Лѣтомъ любимымъ ихъ занятіемъ была ловля бабочекъ и гулянье въ лѣсу, въ которомъ водились и медвѣди.

Товарищей—сверстниковъ у братьевъ Пржевальскихъ никого не было [2]), а изъ дворни Николай Михайловичъ особенно любилъ Ваську, шалуна, никого не боявшагося и не признававшаго никакихъ властей и препятствій. Мальчику шаловливому и непокорному, какимъ былъ самъ Николай Михайловичъ, Васька былъ подъ пару и они вдвоемъ лазили по деревьямъ, придумывали разныя шалости и были за то часто наказываемы.

Съ раннихъ лѣтъ дѣтей стали учить грамотѣ: Николаю Михайловичу было 4—5 лѣтъ, когда 1-го декабря посадили его за первый урокъ. Въ этотъ день чтится память св. пророка Наума и ребенка начали учить для того, чтобы, какъ говорили, наука

---

[1]) Письмо Н. М. Пржевальскаго брату Владиміру « » сентября 1878 г.

[2]) По сосѣдству былъ только одинъ сверстникъ—Петя Семичевъ, но мальчикъ слабаго здоровья и вовсе не подходилъ братьямъ Пржевальскимъ; они видѣлись рѣдко.

шла на умъ. Братъ Владиміръ приглядывался и прислушивался къ урокамъ Николая и четырехъ лѣтъ уже выучился читать; тогда рѣшили учить ихъ вмѣстѣ и оба брата не разлучались до окончанія гимназическаго курса.

Дядя Павелъ Алексѣевичъ занимался съ племянниками два года: училъ ихъ грамотѣ и французскому языку, а затѣмъ стали нанимать учителей изъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ наукъ въ духовной семинаріи. Всѣ они оказывались плохими педагогами и ихъ часто мѣняли. Одинъ изъ семинаристовъ, Дмитрій Прохоровичъ Зезюлинскій, прожилъ въ семействѣ 3—4 года, оказался лучшимъ и приготовилъ дѣтей для поступленія въ гимназію.

Въ 1840-хъ годахъ дворянство считало обязанностію отдавать своихъ дѣтей въ кадетскіе корпуса. Мать Николая Михайловича также хлопотала объ опредѣленіи своихъ сыновей въ Павловскій кадетскій корпусъ, но когда это ей не удалось [1]), тогда она рѣшилась отдать ихъ въ Смоленскую гражданскую гимназію.

Во второй половинѣ 1849 года, дворовый человѣкъ Игнатъ, отецъ Васьки, любимца Николая Михайловича, повезъ Николая и Владиміра Пржевальскихъ въ Смоленскъ, гдѣ они отлично выдержали экзаменъ и были приняты во 2-й классъ. По случаю исправленія и передѣлки гимназическаго зданія ихъ отпустили недѣли на двѣ опять въ Отрадное, но ремонтъ такъ затянулся, что дѣтей раза четыре возили въ Смоленскъ и привозили обратно, пока, наконецъ, 7-го ноября не начался курсъ. Этотъ промежутокъ времени братья Пржевальскіе провели въ полной свободѣ. Игнатъ часто жаловался матери, что съ „паничами“ сладу нѣтъ, что они очень шалятъ, но, несмотря на то, дѣти вовсе его не боялись и любили какъ человѣка добраго и сердечнаго.

Въ Смоленскѣ Пржевальскіе жили въ очень небольшой квартирѣ, нанятой для нихъ за два рубля съ половиною во флигелѣ дома Шаршавицкаго, противъ церкви Смоленской Божьей Матери. При нихъ находился Игнатъ и кухарка Анна, сестра няни Макарьевны. Каждый день дядька водилъ ихъ въ гимназію и провожалъ обратно домой, носилъ имъ завтракъ, а иногда

[1]) Ей посчастливилось только относительно третьяго сына, Евгенія, который и воспитывался въ Александровскомъ московскомъ корпусѣ.

замѣнялъ его выдачею 2—3 коп. на покупку булки или хлѣба. Столъ и одежда были самыя скромныя и улучшались только когда пріѣзжала мать, привозившая сыновьямъ запасы деревенской провизіи.

По своимъ лѣтамъ Николай Михайловичъ былъ моложе всѣхъ своихъ одноклассниковъ, но по физическому развитію и нравственнымъ свойствамъ стоялъ гораздо выше ихъ. Имѣя твердый характеръ и сосредоточенный въ себѣ самомъ, онъ не охотно сближался съ товарищами и не имѣлъ близкихъ друзей, но пользовался уваженіемъ товарищей. Никто кромѣ Николая Михайловича не заступался за новичковъ, когда къ нимъ приставали, и никто имъ не покровительствовалъ, кромѣ его. Прекрасный товарищъ, вѣрный данному слову, Николай Михайловичъ былъ вожакомъ своего класса и всегда стоялъ во главѣ его.

Блестящія способности и феноменальная память скоро сдѣлали его первымъ ученикомъ: ему достаточно было прочитать одинъ разъ заданные уроки, чтобы всегда имѣть отличныя отмѣтки. Братъ его Владиміръ обладалъ также хорошею памятью и они не имѣли никогда отдѣльныхъ руководствъ, а всегда учились по одному.

Объ огромной памяти Николая Михайловича сохранилось много разсказовъ и изъ позднѣйшей его жизни. По словамъ І. Л. Фатѣева, его друга, товарища по академіи генеральнаго штаба и по варшавскому юнкерскому училищу, Пржевальскій часто предлагалъ раскрыть знакомую ему книгу на любой страницѣ и прочитать для него вслухъ одну—двѣ строки, а затѣмъ онъ уже продолжалъ говорить наизусть цѣлыя страницы, нисколько не отступая отъ текста сочиненія.

„Такія испытанія, говоритъ І. Л. Фатѣевъ, сколько помню, производились ему, въ присутствіи другихъ лицъ, на сочиненіи Костомарова: „Сѣверно-русскія народоправства“; на физической географіи моря—Мори; на небесныхъ свѣтилахъ—Митчеля. Ни одна изъ этихъ книгъ, какъ это мнѣ было достовѣрно извѣстно, не была взята Н. М. въ Сибирь. Поэтому, когда онъ, почти черезъ три года пріѣхавъ изъ Сибири, навѣстилъ насъ въ Варшавѣ, я по этимъ-же сочиненіямъ провѣрялъ насколько текстъ удержался въ его памяти и былъ пораженъ ея „силою и свѣжестью. Но тогда же Н. М. замѣтилъ мнѣ, "что, къ сожалѣнію,

избытокъ памяти и живаго яснаго представленія всегда ему мѣшали въ занятіяхъ математикой. Не то, чтобы усвоеніе математическихъ наукъ было для него затруднительно; при усиленіи вниманія понималось все легко, но бѣда въ томъ, что при обиліи памяти никакихъ усилій не требовалось. Память и даръ представленія при отвѣтахъ всегда его выручали, — ему всегда ясно представлялись и страница книги, гдѣ былъ отвѣтъ на заданный вопросъ, и какимъ шрифтомъ онъ напечатанъ, и какія буквы на геометрическомъ чертежѣ, и самыя формулы со всѣми ихъ буквами и знаками".

— Если-бы, говорилъ впослѣдствіи Пржевальскій, преподаватели въ гимназіи или академіи, догадавшись, перемѣнили во время отвѣта буквы на чертежѣ, я навѣрняка все-бы спуталъ и провалился самымъ пошлымъ образомъ. Но моя счастливая звѣзда всегда, во всѣхъ случаяхъ жизни, съ самаго дѣтства, меня вывозила и я вѣрю въ свое счастье — оно не дастъ мнѣ погибнуть, не совершивъ всего мнѣ предназначеннаго.

Во все время пребыванія въ гимназіи братья Пржевальскіе находились подъ строгимъ контролемъ и безъ дядьки ихъ никуда не выпускали. Въ гости они также не ходили и встрѣча съ товарищами по гимназіи происходила только на Смоленской стѣнкѣ, куда они иногда ходили съ дядькою поиграть и ловить воробьевъ.

Отсутствіе частаго общенія съ товарищами-гимназистами имѣло весьма хорошую сторону, такъ какъ большинство ихъ не могли служить имъ примѣромъ, достойнымъ подражанія. Составъ гимназистовъ былъ крайне разнообразный: рядомъ съ 10-лѣтними мальчиками сидѣли 20-лѣтніе лѣнтяи, оказывавшіе дурной примѣръ на остальныхъ. Въ воспоминаніяхъ обучавшихся въ гимназіи сохранился слѣдующій случай: одинъ изъ такихъ лѣнтяевъ, кое-какъ добравшійся до 4-го класса, выражалъ неудовольствіе учителю, имѣвшему взрослую дочь, слѣдующими словами: „я на твоей Катькѣ не женюсь".

Преподаваніе въ гимназіи было самое примитивное: заставляли заучивать наизусть отъ такой-то до такой-то страницы и рѣдкій изъ учителей пытался выйти изъ рамокъ учебника. По словамъ Владиміра Михайловича, умственное развитіе его и покойнаго брата началось послѣ окончанія курса въ гимназіи. „Хотя я, записалъ Н. М., и отлично кончилъ курсъ въ Смо-

ленской гимназіи, но скажу, поистинѣ, слишкомъ мало вынесъ оттуда. Значительное число предметовъ и дурной методъ преподаванія дѣлали рѣшительно невозможнымъ, даже и при сильномъ желаніи, изучить что-либо положительно [1]). Подборъ учителей, за немногими исключеніями, былъ невозможный: они пьяные приходили въ классъ, бранились съ учениками, позволяли себѣ таскать ихъ за волосы. Изъ педагоговъ особенно выдавался въ этомъ отношеніи Ѳедотовъ, какъ говорили, бывшій вольно-отпущенный, который, не взирая на вѣроисповѣданіе учениковъ, всѣхъ обращалъ въ православіе. Во время его класса постоянно человѣкъ 15 было на колѣняхъ" [2]).

Николай Михайловичъ сохранилъ добрую память о директорѣ гимназіи Лыкошинѣ (помѣщикѣ Вяземскаго уѣзда), какъ о человѣкѣ очень мягкомъ, но мало занимавшемся гимназіею; о законоучителѣ священникѣ Доронинѣ, человѣкѣ разумномъ и добромъ, умѣвшемъ какъ-то мягко обращаться съ воспитанниками. Учитель исторіи, Домбровскій, былъ человѣкъ нервный, очень строгій, но способный и привлекавшій вниманіе учениковъ интереснымъ изложеніемъ своего предмета. Учителю естественной исторіи Пржевальскіе не обязаны ничѣмъ—это былъ человѣкъ взбалмошный и мало знающій. Самое тяжелое воспоминаніе сохранилось о Соколовѣ—извергѣ, усиленно сѣкшемъ воспитанниковъ по субботамъ, „для собственнаго удовольствія", какъ не разъ выражался Николай Михайловичъ. Вообще въ гимназіи „науки было мало, а свободы много и гимназисты не выглядывали такими стариками, какъ нынѣшніе, не ходили въ pince-nez или очкахъ и долго оставались дѣтьми часто шумными и драчливыми". Къ числу сорванцовъ принадлежалъ и Николай Михайловичъ, подвергавшійся часто наказаніямъ дома и въ гимназіи. „Вообще, вспоминалъ онъ въ своей автобіографіи [3]), розогъ не мало мнѣ досталось въ ранней юности, потому что я былъ препорядочный сорванецъ, такъ что бывавшіе въ гостяхъ дере-

---

[1]) Собственноручная черновая записка, оставшаяся въ бумагахъ Н. М., отъ 6-го февраля 1862 года.

[2]) Автобіографическія записки Н. М. Пржевальскаго. «Русская Старина» 1888 года, № 11, стр. 529.

[3]) «Русская Старина» изд. 1888 г., № 11, стр. 530.

венскіе сосѣди обыкновенно совѣтывали моей матери отправить меня современемъ на Кавказъ, на службу".

Въ гимназіи онъ, по возможности, увертывался отъ наказаній и только одинъ разъ, будучи уже въ 6 классѣ, подвергся строгому взысканію. Однажды учитель чѣмъ-то не угодилъ его одноклассникамъ и рѣшено было уничтожить списокъ, въ которомъ ставились отмѣтки. Бросили жребій и онъ выпалъ на долю старшаго Пржевальскаго, который стащилъ списокъ и бросилъ его въ Днѣпръ. Всѣхъ подозрѣваемыхъ, въ томъ числѣ и Пржевальскаго, посадили въ карцеръ, пока не признается виновный Послѣ нѣсколькихъ дней сидѣнья онъ признался въ своей винѣ и начальство постановило исключить его изъ гимназіи. Мать просила не исключать сына, а хорошенько его высѣчь за сдѣланную шалость. Ей отвѣчали, что учениковъ 6-го класса сѣчь нельзя, но на этотъ разъ сдѣлали исключеніе и виновный былъ высѣченъ и оставленъ въ гимназіи. Случай этотъ остался навсегда въ памяти наказаннаго и впослѣдствіи онъ сильно возставалъ противъ отмѣны розогъ въ гимназіяхъ [1]).

— Что бы было со мною, говорилъ Николай Михайловичъ въ товарищескихъ бесѣдахъ, если-бы меня не отодрали, а исключили-бы изъ гимназіи,—навѣрно вышелъ-бы изъ меня повѣса изъ повѣсъ.

Скучный и тяжелый зимній періодъ гимназическаго курса проходилъ среди ожиданій праздниковъ Рождества, масляницы, Пасхи и каникулъ, когда Пржевальскіе получали разрѣшеніе отправиться въ свое Отрадное. Особенно ожидали они каникулъ, обыкновенно начинавшихся съ мая и продолжавшихся до октября, а иногда и до ноября. Подъ предлогомъ ремонта или перестройки зданія начальство само старалось протянуть каникулы, что, несомнѣнно, имѣло хорошую сторону для мальчиковъ, долѣе остававшихся въ домѣ родителей и не портившихся городскою жизнію. Послѣдняя была не по сердцу Николаю Михайловичу и съ наступленіемъ весны онъ чувствовалъ тоску и рвался на свободу. По словамъ доктора Сердечнаго, товарища по гимназіи, Пржевальскій употреблялъ всѣ средства и разные

---

[1]) Письмо Денисова Ф. А. Фельдману 21-го января 1889 г.

предлоги, чтобы убѣжать въ окрестности Смоленска побродить по лѣсамъ и полямъ. Онъ любовался природою, увлекался ею, жилъ ея жизнію и наслаждался ею. „Да, пусть говорятъ что хотятъ, писалъ онъ позже [1]), но то вѣрно, что въ сочувствіи природѣ есть что-то особенное, что-то безконечно глубокое".

Съ наступленіемъ каникулъ и съ возвращеніемъ въ Отрадное, оба брата помѣщались съ дядею Павломъ Алексѣевичемъ въ отдѣльномъ флигелѣ или, правильнѣе сказать, въ избѣ, въ которой стояли три кровати и находился незатѣйливый ихъ охотничій скарбъ. Сюда приходили они только ночевать, проводя весь день или на рыбной ловлѣ или на охотѣ.

Библіотеки въ Отрадномъ почти не было и читать было нечего. Въ то время помѣщики пріобрѣтали книги большею частію у разнощиковъ-коробейниковъ, ходившихъ по селамъ съ разнымъ мелочнымъ товаромъ и книгами. Онѣ состояли изъ сказокъ, житій св. отцовъ, разрозненныхъ журналовъ и проч. Всѣ купленныя книги прочитывались дѣтьми съ увлеченіемъ, но о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Гоголѣ и другихъ новѣйшихъ писателяхъ знали тогда развѣ только въ городахъ, а братья Пржевальскіе, за все время своей жизни въ Отрадномъ, о нихъ и не слыхивали. Первыми книгами, прочитанными ими, была какая-то иллюстрація, а потомъ басни Крылова. За неимѣніемъ книгъ они проводили все время въ лѣсу вмѣстѣ съ дядею, страстнымъ охотникомъ. Николай Михайловичъ пристрастился къ охотѣ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, слушая сказку Макарьевны объ „Иванѣ великомъ охотникѣ". Сначала онъ стрѣлялъ жолудями изъ игрушечнаго ружья, потомъ сдѣлалъ себѣ лукъ и, наконецъ, когда ему было лѣтъ 12, то получилъ оставшееся отъ отца ружье тульской работы [2]), изъ котораго и учился стрѣлять. Такъ какъ ружье было только одно, то братьямъ приходилось ходить на охоту по очереди или выпрашивать кремневыя ружья у кого-либо изъ дворни. Дядя снабжалъ племянниковъ порохомъ и дробью, а дѣти увеличивали свои боевые запасы тѣмъ, что выбирали дробинки изъ заборовъ и собирали постоянно свинцовую

---

[1]) Воспоминанія охотника. «Журналъ Коннозаводства и Охоты» 1862 г., № 6.

[2]) У этого ружья какъ-то расплющился конецъ ствола, его обрѣзали и въ такомъ видѣ употребляли въ дѣло.

бумагу, въ которую заворачиваютъ чай, топили ее на свѣчкѣ и отливали пули.

Въ Отрадномъ была такая богатая охота, что, не уходя далеко, мальчики почти ежедневно доставляли дичь къ столу [1]. На двѣнадцатомъ году отъ роду Николай Михайловичъ убилъ первую лисицу и, полный восторга, принесъ ее матери. Окровавленное платье сначала испугало ее, но потомъ, оправившись, она строго запретила сыну таскать такимъ образомъ дичь, но не лишила его возможности охотиться и бродить по лѣсамъ, окружавшимъ Отрадное.

Лѣса выработали въ немъ человѣка здороваго душою и тѣломъ, нравственно-чистаго, тонко-наблюдательнаго, неутомимаго и энергичнаго въ борьбѣ съ физическими и нравственными препятствіями и страстнаго охотника, не останавливавшагося ни передъ какими препятствіями. Онъ настолько увлекался охотою, что, замѣтивъ добычу, въ раннюю весну раздѣвался до нога, переходилъ черезъ ручьи и въ костюмѣ Адама продолжалъ дальнѣйшіе поиски [2]. Въ такихъ случаяхъ онъ забывался совершенно и не обращалъ никакого вниманія на происходившее кругомъ его.

Во время послѣднихъ смутъ въ Польшѣ онъ находился въ отрядѣ генерала Ченгеры, преслѣдовавшемъ шайку Тачановскаго. Посланный съ однимъ казакомъ развѣдать о противникѣ, Николай Михайловичъ взялъ, конечно, съ собою ружье и собаку, которая скоро наткнулась на слѣдъ дичи. Онъ соскочилъ съ лошади, бросился вслѣдъ за собакою и въ пылу охоты не замѣтилъ появленія повстанцевъ, собиравшихся уже захватить его въ плѣнъ. Къ счастію, подоспѣлъ казакъ съ лошадью и Пржевальскій едва успѣлъ ускакать отъ преслѣдователей.

Онъ родился охотникомъ. Твердость его руки и вѣрность глаза поражали всѣхъ, кто бывалъ съ нимъ на охотѣ. „Иногда рѣшительно являлся онъ виртуозомъ: бьетъ дробью волка, а изъ другаго ствола пулей кладетъ въ лётъ мелкую пичужку [3].

---

[1]) Въ одинъ сезонъ, по словамъ Владиміра Михайловича, они настрѣляли 540 штукъ разной дичи.

[2]) Воспоминанія охотника. «Журналъ Коннозаводства и Охоты» 1862 г., № 7, 114.

[3]) Немира. Воспоминанія о Н. М. Пржевальскомъ.

Однажды, находясь на опушкѣ лѣса, заросшаго лиственнымъ кустарникомъ, онъ убилъ двухъ тетеревей двумя выстрѣлами. Птицъ онъ сначала подманилъ ближе, а затѣмъ стрѣлялъ на шорохъ, не видя ихъ [1]). Всегда лѣнивый, съ тяжелою и медленною походкою въ развалку, Николай Михайловичъ совершенно измѣнялся на охотѣ, былъ чутокъ ко всякому шороху и могъ ходить много и долго.

II.

Поступленіе въ военную службу.—Служба въ званіи вольноопредѣляющагося.—Производство въ офицеры. — Поступленіе въ академію генеральнаго штаба. — Возвращеніе въ полкъ.—Назначеніе полковымъ адъютантомъ.—Служба въ варшавскомъ юнкерскомъ училищѣ. — Жизнь въ Варшавѣ.—Причисленіе къ генеральному штабу, съ переводомъ въ Восточно-Сибирскій округъ.

1855—1866 гг.

Въ ранней молодости Николай Михайловичъ не увлекался литературою, но случайно прочитанная имъ книга „Воинъ безъ страха“ произвела на него сильное впечатлѣніе и рѣшила его судьбу. Написанная прекраснымъ языкомъ, книга эта убѣдила читавшаго юношу, что только слѣдуя описанному примѣру можно сдѣлаться добродѣтельнымъ, и Николай Михайловичъ рѣшился поступить въ военную службу. Онъ пересталъ готовить себя къ поступленію въ университетъ и по заявленіи объ этомъ гимназическому начальству былъ освобожденъ отъ изученія латинскаго языка. Имѣя всего 16 лѣтъ отъ роду, онъ окончилъ курсъ въ гимназіи съ правомъ на первый гражданскій чинъ [2]) и былъ выпущенъ въ 1855 году, когда геройская защита Севастополя не сходила съ устъ и вызывала удивленіе всей Россіи.

Человѣкъ впечатлительный и энергичный, Николай Михайловичъ рвался на войну. „Геройскіе подвиги защитниковъ Севастополя, писалъ онъ нѣсколько лѣтъ спустя [3]), постоянно раз-

---

[1]) Замѣтки І. Л. Фатѣева.

[2]) Что соотвѣтствовало медали.

[3]) Воспоминанія охотника. «Журналъ Коннозаводства и Охоты» 1862 г., №№ 6—8.

горячали воображеніе 16-лѣтняго мальчика, какимъ я былъ тогда. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о дѣйствительной обстановкѣ этой (военной) службы, читая постоянно увлекательные разсказы о подвигахъ разныхъ героевъ, я не иначе представлялъ себѣ каждаго, какъ Баярдомъ съ его знаменитымъ девизомъ: „sans peur et sans reproche“ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ той минуты, когда на дѣлѣ могъ видѣть все, о чемъ зналъ только по книгамъ“.

Обстоятельства сложились, однако-же, такъ, что пришлось ждать до сентября, когда мать могла отвезти его и брата Владиміра въ Москву, для опредѣленія одного въ университетъ, а другаго—въ военную службу. Въ ожиданіи назначеннаго срока отъѣзда, Николай Михайловичъ проводилъ цѣлые дни на охотѣ, и впослѣдствіи называлъ это время нескончаемымъ рядомъ удовольствій и счастливѣйшимъ періодомъ всей его жизни. Охоту смѣняла верховая ѣзда и рыболовство, которому Николай Михайловичъ предавался точно также съ большимъ увлеченіемъ. „Въ небольшой рѣчкѣ, пишетъ онъ [1]), протекавшей не много далѣе версты отъ нашего дома, было довольно рыбы, и я бывало, въ жаркій день, взявъ нѣсколько человѣкъ дворовыхъ, отправлялся на ловлю. Усердно всегда хлопоталъ я около заставленной сѣти съ одной стороны и натянувшагося бредня съ другой. Радостно билось сердце когда его подтягивали къ берегу, и серебристая плотва и окуни уже трепетали на мели. Впрочемъ, и самъ я не былъ только простымъ зрителемъ: раздѣвшись, я помогалъ или тянуть неводъ или болталъ около заставленной сѣти, и эта работа продолжалась до тѣхъ поръ, пока я не могъ попасть, какъ говорится, зубъ на зубъ“.

Въ такихъ занятіяхъ время проходило очень быстро и Николай Михайловичъ не замѣтилъ какъ наступилъ сентябрь, а съ нимъ и время отъѣзда изъ роднаго, любимаго гнѣздышка. Сборы въ далекій путь начались еще въ концѣ августа: исправляли коляску, приготовляли все необходимое и мать нѣсколько разъ ѣздила въ Смоленскъ для разныхъ закупокъ.

Наступило 4-е сентября 1855 года—день отъѣзда. Какъ ни

---

[1]) Воспоминанія охотника. «Журналъ Коннозаводства и Охоты» 1862 г., №№ 6—8.

рвался Николай Михайловичъ поступить въ военную службу, какъ ни казалась она ему привлекательною, но когда подходилъ часъ разлуки, когда приходилось оторваться отъ того, что съ самыхъ раннихъ лѣтъ было свято, мило и дорого, тогда онъ невольно чувствовалъ тоску и неизвѣстное будущее его безпокоило. Въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Отрадномъ 16-ти лѣтній юноша находился въ мрачномъ расположеніи духа и чувствовалъ себя какъ-то неловко. Всѣ окружающіе предметы, на которые обыкновенно не обращалось вниманія, пріобрѣли теперь въ его глазахъ особенную цѣну, стали какъ-бы ближе и роднѣе. Онъ обошелъ на прощаньи всѣ любимыя мѣста, побывалъ и на болотѣ, гдѣ билъ много дичи, и, поднявшись на гору, посмотрѣлъ еще разъ на болото, далъ прощальный выстрѣлъ—салютъ и отправился домой. Наступившая ночь была проведена подъ впечатлѣніемъ близкаго отъѣзда и Николай Михайловичъ спалъ очень дурно. Утромъ всѣ встали рано и отправлявшіеся въ путь братья бродили безсознательно изъ угла въ уголъ. Повсюду они видѣли заплаканныя молчаливыя лица и чувствовали необходимость выйти изъ тяжелаго положенія и быстрымъ отъѣздомъ порвать натянутыя струны.

„Наконецъ, говоритъ Николай Михайловичъ, наступила роковая минута. Меня позвали къ матери; я вошелъ въ залъ. У большаго образа теплилась лампада, а на колѣняхъ передъ нимъ, съ горячими слезами, молилась мать моя. Въ углу стояла няня, нѣсколько дворовыхъ и всѣ плакали. „Станьте здѣсь и молитесь“, обратилась ко мнѣ и брату мать. Мы молча исполнили ея приказаніе. Глубокая тишина водворилась въ комнатѣ, изрѣдка прерываемая тяжкими вздохами. Наконецъ, мать встала и взяла образъ; я подошелъ къ ней.—„Да сохранитъ тебя Господь Богъ во всей твоей жизни“, сказала она и начала благословлять. Этой минуты не вынесла моя переполненная душа. Долго сдерживаемыя слезы разомъ брызнули изъ глазъ и я зарыдалъ какъ ребенокъ. Братъ тоже сильно плакалъ...

„Прощай, мой голубчикъ“, сказала, поцѣловавъ меня, старуха няня.—„Прощайте баринъ, прощайте, дай Богъ вамъ счастья“, слышалось со всѣхъ сторонъ. Да, это была минута тяжкаго испытанія, я не забуду ее никогда“.

Тяжелыя минуты разставанія окончились. Мать и два ея

сына сѣли въ коляску и отправились въ Москву. Тамъ Николай Михайловичъ, 11-го сентября 1855 года, поступилъ унтеръ-офицеромъ въ сводно-запасный Рязанскій пѣхотный полкъ 18-й сводной дивизіи, и, спустя нѣсколько дней, выступилъ въ походъ. Послѣ двѣнадцати-дневнаго перехода полкъ прибылъ въ Калугу. Молодому унтеръ-офицеру пришлось сразу испытать всѣ невзгоды походной жизни, дѣлать въ день по 30 и болѣе верстъ пѣшкомъ и питаться самою простою пищею. „Кормили насъ такими кушаньями, писалъ онъ въ первомъ письмѣ матери [1]), что просто объѣденіе, вездѣ почти намъ давали щи, цвѣтомъ они были похожи на самыя грязныя помои, да и вкусомъ-то не много отличались отъ помой; но съ голодухи намъ и такія щи были хороши; на нѣкоторыхъ станціяхъ я покупалъ себѣ молоко и яйца; но иныя деревни были такъ хороши, что нельзя было достать и этого и тогда я долженъ былъ довольствоваться только этими щами“.

Въ Калугѣ Николай Михайловичъ простоялъ нѣсколько дней, успѣлъ купить и послать въ подарокъ матери калужскаго тѣста. „Тѣсто это бываетъ, писалъ онъ, сахарное и медовое; сахарное по 20 коп. фунтъ, а медовое по 10 коп. Я вамъ посылаю сахарное“.

Изъ Калуги полкъ двинулся въ Бѣлевъ, гдѣ всѣ юнкера и вольноопредѣляющіеся были собраны въ городѣ и изъ нихъ составлена особая юнкерская команда. Пржевальскому отвели квартиру въ кухнѣ, въ которой, по его словамъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ было такъ холодно, что даже и въ то время, когда топилась печь, было 5 градусовъ морозу. Единственнымъ спасеніемъ были палати, на которыя забирались всѣ желавшіе отогрѣться.

Ежедневно отъ 10 часовъ утра до часу пополудни юнкера должны были собираться въ манежъ на строевыя занятія. Подъ именемъ манежа былъ извѣстенъ длинный погребъ, выкопанный въ землѣ и настолько темный, что въ 20 шагахъ едва можно было различить человѣка. Сюда сходились юнкера въ самыхъ разнообразныхъ костюмамъ: кто безъ сапогъ, кто въ изорванномъ халатѣ, а кто и въ сюртукѣ безъ рукавовъ. Это былъ, можно сказать, сбродъ порочныхъ людей, картежниковъ и пьяницъ, занимавшихся кражею вещей и пропиваніемъ ихъ въ кабакѣ.

---

[1]) Отъ 27-го сентября 1855 г., изъ Калуги.

„Всѣхъ насъ человѣкъ 60, писалъ Николай Михайловичъ матери [1]), но большая часть изъ нихъ негодяи, пьяницы, картежники. Видя себя между такими сотоварищами, невольно вспомнишь слова, что я буду алмазъ, но въ кучѣ навоза. Впрочемъ, есть и хорошіе, но число ихъ весьма ограничено... Кормятъ меня здѣсь постоянно одними щами; но я покупаю гречневую крупу и варю изъ нея кашу, также иногда покупаю говядину на жареное; но чѣмъ я здѣсь объѣдаюсь—это сушеными дулями, которыя я покупаю по 10 коп. ассигнаціями за фунтъ. Чай я пью не всегда, потому что или иногда негдѣ нагрѣть его или такъ, не хочется. Чайникъ мѣдный я не купилъ себѣ, потому что здѣсь нѣтъ, а воду кипятитъ мнѣ хозяйка въ горшкѣ, изъ котораго я потомъ наливаю въ чайникъ; чаю у меня еще довольно, болѣе чѣмъ полъ-фунта — его мнѣ хватитъ до самаго производства въ офицеры“.

Служба въ полку велась очень плохо, никто и ничего не дѣлалъ. На юнкеровъ не обращали вниманія, но съ солдатами обращались жестоко. Офицеры вели жизнь разгульную и проводили время среди картъ и пьянства. Поступившему къ полкъ новичку трудно было не поддаться общему теченію, но если ему это удавалось, то онъ заслуживалъ общее уваженіе среди товарищей-пьяницъ. Такъ Н. М. разсказываетъ объ одномъ изъ своихъ ротныхъ командировъ, который заставлялъ его пить, но, получивъ отказъ, говорилъ:

— „Изъ тебя, братъ, прокъ будетъ“.

Полковая обстановка не особенно нравилась молодому и энергичному вольноопредѣляющемуся. Онъ ходилъ въ лѣсъ на охоту и часто тамъ плакалъ. Тогда онъ былъ еще такъ молодъ, что походилъ скорѣе на ребенка, чѣмъ на воина.

— „За что это тебя, спрашивали часто крестьяне,—такого молодаго въ солдаты отдали?“

Прелесть военной службы, почерпнутая изъ книгъ, сразу рушилась и Николай Михайловичъ, переносясь мыслью къ родному Отрадному, просилъ мать взять его на праздники домой, чтобы хотя на нѣсколько дней забыть суровую и скучную обстановку военной жизни. Удалось ли ему исполнить свое желаніе,

---

[1]) Въ письмѣ отъ 3-го декабря 1855 г., изъ Бѣлева.

мы не знаемъ, но въ январѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1856 г. онъ находился въ той же, если не худшей, обстановкѣ, потому что финансовыя средства его совершенно истощились. Жилъ онъ на той же квартирѣ, питался такою же пищею, но ходилъ на ученье въ Бѣлевскій полкъ, къ которому былъ прикомандированъ. Полкъ готовился въ февралѣ къ походу въ Финляндію и предстояли смотры старшихъ начальниковъ, начиная съ бригаднаго командира. Все чистилось и охорашивалось и нижнимъ чинамъ выдавали полушубки и лапти [1]). Походъ предстоялъ черезъ Москву и Петербургъ. Николай Михайловичъ ласкалъ себя надеждою повидаться съ братомъ и матерью.

Одиночество и жизнь среди не симпатичнаго общества еще болѣе привязали его къ семьѣ и онъ поддерживалъ постоянную переписку съ матерью, которой сообщалъ о всѣхъ мелочахъ полковой жизни, не исключая описанія новыхъ системъ ружей и патроновъ, выданныхъ нѣсколькимъ нижнимъ чинамъ.

Походъ въ Финляндію былъ, однако-же, отмѣненъ и, вмѣсто того, лѣтомъ 1856 г. полкъ двинулся въ г. Козловъ, Тамбовской губерніи. Этотъ походъ полка Николай Михайловичъ называетъ передвиженіемъ шайки грабителей, „потому что обыкновенно ничего не покупалось какъ людямъ, такъ и лошадямъ—все бралось даромъ. Въ этомъ соблюдалась очередь и разъ, когда пришелъ мой чередъ, я, между прочимъ, закололъ штыкомъ индюка, котораго потомъ съѣли на станціи“ [2]). Все это было въ обычаяхъ тогдашняго времени и Бѣлевскій полкъ не былъ исключеніемъ. Воровство на продовольствіе офицеровъ продолжалось и впослѣдствіи, такъ что, по словамъ Пржевальскаго, его человѣкъ, Иванъ Марковъ, постоянно кормилъ даромъ и офицеровъ и лошадей [3]).

Стоянка въ Козловѣ не отличалась ничѣмъ отъ предъидущихъ: та же разгульная жизнь и то же отсутствіе порядочнаго общества. Николай Михайловичъ обыкновенно или уходилъ на охоту, или проводилъ время съ однимъ изъ товарищей, съ которымъ читалъ книги историческія, путешествія, романы и, получивъ въ гимназіи свѣдѣнія изъ зоологіи и ботаники, пристрас-

---

[1]) Письмо Н. М. матери, отъ 30-го января 1856 г.
[2]) «Русская Старина» 1888 г., № 11, стр. 532.
[3]) Тамъ-же.

тился къ собиранію растеній. „Это, говоритъ онъ, навело меня на мысль, что я долженъ непремѣнно отправиться путешествовать". Храня эту завѣтную мечту, онъ оставался, однако-же, въ военной службѣ и по окончаніи установленнаго срока, въ ноябрѣ (24-го) 1856 г., былъ произведенъ въ прапорщики въ Полоцкій пѣхотный полкъ, стоявшій въ родной ему Смоленской губерніи.

Измѣнилось мѣсто стоянки, измѣнилось названіе полка, но не измѣнилась служебная обстановка, тяготившая молодаго офицера своимъ однообразіемъ и полною бездѣятельностію.

Въ началѣ 1860 г. Полоцкій полкъ былъ переведенъ въ г. Кременецъ, Волынской губерніи, и Николай Михайловичъ сталъ подумывать о томъ, какъ бы выйти изъ того безотраднаго положенія, въ которомъ онъ находился.

„Прослуживъ пять лѣтъ въ арміи, пишетъ онъ [1]), потаскавшись въ караулъ и по всевозможнымъ гауптвахтамъ и на стрѣльбу со взводомъ, я, наконецъ, ясно созналъ необходимость измѣнить подобный образъ жизни и избрать болѣе обширное поприще дѣятельности, гдѣ бы можно было тратить трудъ и время для разумной цѣли. Однако, эти пять лѣтъ не пропали для меня даромъ. Не говоря уже о томъ, что они измѣнили мой возрастъ съ 17 на 22 года и что въ продолженіе этого періода въ моихъ понятіяхъ и взглядѣ на жизнь произошла огромная перемѣна,— я хорошо понялъ и изучилъ то общество, въ которомъ находился".

Сознавая, что, оставаясь въ полку, неизбѣжно придется слѣдовать общему теченію, Николай Михайловичъ написалъ по начальству письмо, въ которомъ просилъ о переводѣ на Амуръ, но, вмѣсто отвѣта, его посадили подъ арестъ на трое сутокъ. Тогда онъ рѣшилъ избрать другой путь, болѣе правильный, и поступить въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Онъ сталъ усиленно готовиться къ экзамену, тѣмъ болѣе, что военныя науки ему были вовсе неизвѣстны и онъ долженъ былъ пройти ихъ самъ, не разсчитывая на чью либо помощь. Онъ просиживалъ за книгою часовъ по 16 въ сутки, а затѣмъ, не желая лишить себя самаго высокаго удовольствія, отправлялся на охоту, проводя все свободное время въ окрестностяхъ Кременца.

---

[1]) Въ собственноручной черновой запискѣ, оставшейся въ его бумагахъ и помѣченной 6-го февраля 1862 г.

Кременецъ бѣденъ и грязенъ, какъ и всѣ еврейскіе города западной Россіи, но зато окрестности его поражаютъ своею красотою. Отрасль Карпатскихъ горъ — Авратынскій хребетъ — идетъ здѣсь по направленію съ запада на востокъ и образуетъ прелестные ландшафты, которыми невольно любуется каждый. Къ сѣверу отъ горъ, покрытыхъ большею частью лиственнымъ лѣсомъ, тянется обширная равнина, сливающаяся съ широкимъ горизонтомъ. На этой равнинѣ, верстахъ въ 5—6-ти отъ города, протекаетъ рѣчка, извиваясь прихотливыми изгибами и образуя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болота и поемные луга.

„Великолѣпная панорама, говоритъ Николай Михайловичъ [1]), представлялась съ вершины этихъ горъ, когда весною, во время разлива, всѣ низменности около рѣки были покрыты водою. Я никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня въ первый разъ этимъ видомъ. Когда я отправился на горы полюбоваться оттуда на весенній разливъ и когда предо мною, какъ широкое зеркало, открылась затопленная версты на двѣ въ ширину долина, теряющаяся въ безконечной дали, тогда невольный трепетъ пробѣжалъ по моимъ нервамъ и это былъ трепетъ безотчетнаго восторга. Великолѣпіе картины еще болѣе дополняло заходившее солнце, блѣдные лучи котораго отражались на свѣтлой поверхности водъ. Самая рѣка во многихъ мѣстахъ не замерзаетъ зимою, такъ что въ это время на ней постоянно держатся утки“.

Онѣ-то и привлекали къ себѣ страстнаго охотника, приходившаго сюда отдохнуть отъ усиленныхъ умственныхъ занятій. Всю весну 1861 г. однополчане почти не видѣли его, называли ученымъ, но въ общемъ были внимательны и Николай Михайловичъ съ удовольствіемъ вспоминалъ время, проведенное съ ними [2]).

Не имѣя понятія о тѣхъ требованіяхъ, которыя встрѣтитъ въ академіи, онъ думалъ, что на экзаменъ можно явиться не иначе, какъ изучивши глубоко каждый предметъ, и потому занимался усиленно почти въ продолженіе цѣлаго года. Всѣ предметы, кромѣ математики, къ которой, говоритъ онъ, „я питалъ

---

[1]) Воспоминанія охотника. «Журналъ Коннозаводства и Охоты», 1862 г., № 6, стр. 129—131.

[2]) «Русская Старина» 1888 г., № 11, стр. 538.

рѣшительное отвращеніе", и уставовъ, онъ зналъ очень хорошо, а нѣкоторые даже отлично.

Послѣ предварительнаго испытанія въ корпусномъ штабѣ, Пржевальскій отправился въ Петербургъ безъ гроша денегъ. Одна знакомая ссудила его 170 р. съ тѣмъ, чтобы онъ отдалъ потомъ 270 р. Пріѣхавъ въ столицу въ первый разъ, онъ остановился въ гостинницѣ около Варшавскаго вокзала и платилъ по 30 к. въ день за номеръ. Явившись въ военную академію, онъ съ ужасомъ узналъ, что всѣхъ желающихъ поступить пріѣхало 180 человѣкъ.

— „Ну, думалъ я, говорилъ онъ,—вѣрно между ними найдется много такихъ, предъ которыми мои знанія будутъ какъ муха передъ слономъ, и былъ вполнѣ увѣренъ, что придется ѣхать обратно во-свояси".

Но вышло наоборотъ—и Николай Михайловичъ поступилъ однимъ изъ первыхъ, такъ какъ половина явилась на экзаменъ совершенно неподготовленными и изъ 180 человѣкъ экзаменовавшихся было принято не болѣе 90 чел.

При первоначальномъ знакомствѣ поступившихъ между собою, Пржевальскій обращалъ на себя вниманіе. Онъ былъ высокаго роста, хорошо сложенъ, но худощавъ, симпатиченъ по наружности и нѣсколько нервенъ. Прядь бѣлыхъ волосъ надъ лѣвымъ теменемъ, при общей смуглости лица и черныхъ волосахъ, привлекала на себя невольное вниманіе [1]).

Первое время онъ сильно бѣдствовалъ въ Петербургѣ и часто оставался совсѣмъ безъ обѣда. Безденежье было отчасти причиною, что Николай Михайловичъ сторонился товарищей, держалъ себя особнякомъ и ни къ какому кружку, на которые обыкновенно разбиваются слушатели академіи, не принадлежалъ. Лекціи онъ посѣщалъ аккуратно и въ свободное время много читалъ, преимущественно сочиненія историческія и по естественнымъ наукамъ, а военными предметами вовсе не занимался, не чувствуя къ нимъ ни малѣйшаго влеченія. Обладая громадною памятью, онъ былъ увѣренъ, что для экзамена ему не трудно будетъ усвоить военныя науки по литографированнымъ запискамъ

---

[1]) Воспоминанія М. Лауница, товарища Пржевальскаго по академіи.

профессоровъ и что экзаменъ, во всякомъ случаѣ, онъ выдержитъ удовлетворительно. Такъ и было въ дѣйствительности.

Съ наступленіемъ лѣта, когда обучающіеся офицеры обыкновенно посылаются на съемку, Пржевальскій попалъ въ Боровичскій уѣздъ и все время охотился; съемка его оказалась плохою, планшетъ былъ грязный и перевернутый вверхъ ногами. Ему поставили 4 балла и едва не пришлось возвратиться въ полкъ; только благодаря прекрасному устному отвѣту изъ геодезіи и по другимъ предметамъ, онъ удержался въ академіи. Перебравшись въ старшій курсъ, онъ взялъ темой для своего сочиненія „Военно-статистическое обозрѣніе Приамурскаго края". При тщательномъ и добросовѣстномъ изученіи источниковъ, онъ скоро написалъ свое сочиненіе и вполнѣ удовлетворительно. Оно было вторымъ опытомъ его авторскаго пера, такъ какъ будучи еще въ младшемъ классѣ академіи и крайне нуждаясь въ деньгахъ, онъ написалъ „Воспоминанія охотника" и снесъ статью въ редакцію журнала „Коннозаводства и Охоты". Статья была принята [1]), но редакторъ объявилъ, что гонораръ не будетъ выданъ, такъ какъ это первое произведеніе начинающаго автора. „Тѣмъ не менѣе, говоритъ Николай Михайловичъ, я былъ безконечно радъ, что статья явится въ печати [2]).

Въ маѣ 1863 года, съ началомъ польскаго возстанія, всѣмъ офицерамъ старшаго курса въ академіи было предложено, что если кто изъ нихъ желаетъ, не ѣздивши на съемку, отправиться въ Польшу, тотъ будетъ выпущенъ изъ академіи на льготныхъ основаніяхъ, съ правами втораго разряда. Въ числѣ первыхъ желающихъ былъ и Н. М. Пржевальскій, рѣшившійся возвратиться въ свой полкъ. Въ іюлѣ 1863 г. онъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ полковымъ адъютантомъ. Бывшій командиръ Полоцкаго полка, нынѣ генералъ-лейтенантъ Нильсонъ, былъ тогда самъ человѣкъ новый и мало знавшій своихъ офицеровъ. Онъ встрѣчалъ большое затрудненіе въ выборѣ адъютанта, на мѣсто выбывшаго, когда ему доложили, что прибывшій изъ академіи въ полкъ офицеръ желаетъ ему явиться. Офицеръ этотъ былъ Николай Михайловичъ Пржевальскій. Пріятное

---

[1]) Напечатана 1862 г. въ №№ 6—8.

[2]) «Русская Старина» 1888 г., № 11, стр. 534.

впечатлѣніе первой встрѣчи, а также и то обстоятельство, что онъ окончилъ академическій курсъ, побудили генерала Нильсона предложить ему мѣсто полковаго адъютанта. Принявъ эту должность почти съ перваго дня прибытія въ полкъ, Николай Михайловичъ былъ встрѣченъ радушно прежними товарищами и скоро заслужилъ общее уваженіе и любовь. Всѣмъ извѣстно, что полковой адъютантъ, какъ ближайшій докладчикъ командира, имѣетъ возможность пользоваться вліяніемъ въ полку. Вліяніе это зависитъ, конечно, отъ характера, способностей и бо́льшаго или меньшаго довѣрія командира полка къ своему адъютанту. При полной самостоятельности характера, устраненіи себя отъ всякихъ партійныхъ интригъ и при выдающихся способностяхъ, Пржевальскому не трудно было стать во главѣ общества офицеровъ и быть незамѣтнымъ для нихъ руководителемъ. Полковаго адъютанта уважали и прислушивались къ его мнѣнію, всегда прямому и откровенному; всѣ видѣли въ немъ человѣка честнаго, искренняго и съ теплымъ сердцемъ, всегда готовымъ на доброе дѣло.

Вотъ одинъ изъ образчиковъ того положенія, которое онъ занималъ среди офицеровъ.

Въ началѣ 1864 г. обнаружилось, что полковой квартирмистръ растратилъ значительную сумму казенныхъ денегъ и, конечно, подлежалъ суду и наказанію по всей строгости законовъ. Какъ только растрата сдѣлалась извѣстною, Николай Михайловичъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на офицеровъ, рѣшился придти на помощь несчастному, спасти его и честь полка. Онъ разослалъ офицерамъ циркулярное письмо, въ которомъ высказалась вся теплота его сердца.

„Милостивые государи! писалъ Николай Михайловичъ. Товарищъ нашъ, поручикъ К., при сдачѣ должности полковаго квартирмистра, оказался виновнымъ въ растратѣ 5,823 р. казенныхъ денегъ, изъ которыхъ 1,700 р. выданы имъ на вексель штабсъ-капитану Л., остальныя дѣлись неизвѣстно куда.

„Хотя, конечно, всякому изъ насъ извѣстно, что эта растрата произошла только вслѣдствіе безпечности и слабости характера, но законъ не принимаетъ подобныхъ оправданій и поручикъ К. долженъ поплатиться своею службою за опрометчиво имъ принятое отъ насъ же предложеніе—быть полковымъ квартирмистромъ.

„Но дѣло это еще не безвозвратно, еще отъ насъ зависитъ спасти или погубить его. Подумаемъ же, какъ сдѣлать первое.

„Изъ недостающихъ денегъ, 900 рублей соглашается заплатить командиръ нашего полка, полковникъ Нильсонъ, 523 руб. принимаетъ на себя поручикъ Юскевичъ, такъ что затѣмъ остается 4,400 р. (въ томъ числѣ вексель Л., по которому деньги будутъ современемъ взысканы и раздѣлены между заплатившими за поручика К., пропорціонально взносу каждаго), раздѣливъ которые на 36 состоящихъ на лицо въ полку офицеровъ, подписавшихъ выборъ поручика К., придется по 123 руб. на каждаго. Но эта цифра значительно уменьшится, если мы всѣ согласимся участвовать въ подпискѣ за поручика К., видя въ немъ только несчастнаго товарища, а не лицо, отвѣтственное передъ закономъ, тѣмъ болѣе, что во всякомъ случаѣ, даже если онъ будетъ отданъ подъ судъ, большей части изъ насъ придется заплатить не менѣе, какъ по 100 руб.

„Но неужели одни эгоистическіе разсчеты могутъ руководить нами? Неужели мы будемъ хладнокровно смотрѣть, когда товарищъ нашъ надѣнетъ солдатскую шинель и съ горькими упреками и проклятіемъ будетъ вспоминать ту минуту, когда мы сдѣлали его квартирмистромъ? Нѣтъ, мы не допустимъ этого, мы покажемъ, что общество нашего полка руководствуется иными болѣе широкими принципами. Мы выручимъ К.

„Тогда каждый изъ насъ, съ полнымъ сознаніемъ величія благородства своего поступка, можетъ съ гордостью сказать я спасъ своего товарища; я сдѣлалъ святое, честное дѣло“.

Это письмо-воззваніе спасло офицера, спасло его семью и честь полка. Къ сожалѣнію, въ должности полковаго адъютанта Николай Михайловичъ оставался менѣе года. Все свободное отъ службы время онъ употреблялъ на чтеніе, охоту въ окрестностяхъ Петрокова и въ средѣ офицеровъ бывалъ очень рѣдко, а отъ женскаго общества положительно бѣгалъ.

Не любя пересудъ о достоинствахъ и недостаткахъ какъ знакомыхъ, такъ и общественныхъ дѣятелей, онъ говорилъ, что женщины исключительно занимаются этимъ. Называя ихъ вообще фантазерками и судашницами, онъ мало цѣнилъ ихъ сужденія, относился къ нимъ съ недовѣріемъ и бѣжалъ отъ ихъ общества, часто назойливаго и для него крайне непріятнаго [1]).

---

[1]) І. Л. Фатѣевъ. Воспоминанія о Н. М. Пржевальскомъ.

„Всего болѣе радъ я тому, писалъ онъ впослѣдствіи одному изъ своихъ спутниковъ по путешествію [1]), что ты не хочешь жениться и не искушаешься выбранными для тебя невѣстами. Ихъ всегда будетъ довольно, да и время твое не уйдетъ, хотя бы ты пробылъ еще нѣсколько лѣтъ холостымъ. Вѣдь женитьба важнѣйшій шагъ въ жизни, на него нужно рѣшиться очень осмотрительно и не лѣзть добровольно въ петлю“.

Когда родные говорили ему, что надо жениться, что подъ старость онъ почувствуетъ свое одиночество и некому будетъ за нимъ ходить, Н. М. отвѣчалъ всегда отказомъ [2]).

— „Моя профессія не позволяетъ жениться, отвѣчалъ онъ обыкновенно.—Я уйду въ экспедицію, а жена будетъ плакать; брать же съ собою бабье я не могу. Когда кончу послѣднюю экспедицію—буду жить въ деревнѣ, охотиться, ловить рыбу и разрабатывать мои коллекціи. Со мною будутъ жить мои старые солдаты, которые мнѣ преданы не менѣе, чѣмъ была бы законная жена“.

Въ карты Н. М. игралъ очень рѣдко и притомъ всегда въ азартныя игры [3]). Самымъ любимымъ занятіемъ его было чтеніе сочиненій по естественнымъ наукамъ, по исторіи и описанію путешествій. Обѣдая постоянно у своего холостаго командира полка и проводя съ нимъ цѣлые вечера въ бесѣдѣ, онъ мечталъ о жизни, подобной Левингстону въ Африкѣ.

Такъ прошло десять мѣсяцевъ и единственнымъ измѣненіемъ въ общественномъ положеніи Пржевальскаго было избраніе его дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго русскаго географическаго общества за доставленную имъ рукопись „Военно-статистическое обозрѣніе Приамурскаго края“. Хотя сочиненіе это было написано на заданную тему въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, но оно имѣло такія достоинства и было настолько выдающимся въ литературѣ того края, что обратило на себя вниманіе членовъ географическаго общества. Трое

---

[1]) Казаку Телешову, въ письмѣ отъ 5-го іюля 1887 года.

[2]) Воспоминанія племянника В. В. Пржевальскаго.

[3]) Впрочемъ, по свидѣтельству генерала Нильсона, за время пребыванія въ Полоцкомъ полку, Пржевальскій игралъ всего два раза, о чемъ каждый разъ говорилъ своему полковому командиру.

изъ нихъ: В. П. Безобразовъ [1]), А. Г. Баркманъ и А. О. Штакельбергъ внесли предложеніе объ избраніи Пржевальскаго членомъ общества, какъ человѣка весьма много занимающагося и путешествовавшаго по Россіи. Изъ числа 56 человѣкъ, присутствовавшихъ въ засѣданіи, Николай Михайловичъ получилъ 46 избирательныхъ голосовъ и съ 5-го февраля 1864 года состоялъ дѣйствительнымъ членомъ географическаго общества.

Между тѣмъ начальникъ 7-й пѣхотной дивизіи скоро обратилъ вниманіе на адъютанта Полоцкаго полка и, не спрашивая согласія ни его, ни командира полка, назначилъ поручика Пржевальскаго старшимъ адъютантомъ своего штаба [2]). Тяжелый и капризный характеръ начальника дивизіи былъ причиною того, что, черезъ два мѣсяца послѣ назначенія, Николай Михайловичъ подалъ прошеніе объ увольненіи въ 4-хъ-мѣсячный отпускъ, и 23-го іюля 1864 года былъ отчисленъ обратно въ полкъ.

Отправившись въ Отрадное, онъ проводилъ все время отпуска среди любимой имъ охоты и серьезнаго изученія зоологіи и ботаники. Чѣмъ болѣе онъ углублялся въ свои занятія, тѣмъ сильнѣе назрѣвала мысль объ осуществленіи завѣтнаго желанія отправиться въ отдаленныя, невѣдомыя страны и проникнуть туда, гдѣ не ступала еще нога европейца. Онъ мечталъ сначала идти по слѣдамъ Беккера для открытія истоковъ Бѣлаго Нила; но при этомъ часто вздыхалъ, говоря, что недостатокъ средствъ [3]) препятствуетъ исполненію этой мечты. Это послѣднее обстоятельство заставило его отказаться отъ странствованій по Африкѣ и обратить вниманіе на изученіе Азіи, путешествіе по которой казалось возможнымъ и при его служебномъ положеніи. Даже и тѣ части Азіи, въ которыхъ находились русскія войска, были мало или вовсе не изслѣдованы. Въ этомъ Николай Михайловичъ имѣлъ возможность убѣдиться, какъ только принялся за серьезное изученіе этой части свѣта. Пріобрѣтаемыя на скудные остатки оберъ-офицерскаго жалованія книги не удовлетворяли его; ихъ было слишкомъ недостаточно для того, чтобы удовлетворить той научной

---

[1]) Академикъ, скончавшійся въ 1889 г.

[2]) Записка генерала Нильсона, бывшаго командира Полоцкаго полка.

[3]) М. Лауницъ. Бѣглыя замѣтки изъ воспоминаній моихъ о покойномъ товарищѣ Н. М. Пржевальскомъ.

подготовкѣ, которую онъ считалъ необходимою для путешественника. Жажда знаній могла быть удовлетворена только въ какомънибудь научномъ центрѣ, гдѣ имѣлась обширная общественная библіотека, и Николай Михайловичъ рѣшился съѣздить въ Варшаву, чтобы похлопотать о поступленіи въ только что открытое тогда юнкерское училище. Въ Варшавѣ онъ встрѣтилъ своихъ бывшихъ товарищей по академіи генеральнаго штаба: М. Лауница и Желтухина. При содѣйствіи ихъ, при посредствѣ начальника училища подполковника Акимова[1]) и помощника начальника штаба Варшавскаго округа генерала Черницкаго, онъ, въ декабрѣ 1864 года, былъ назначенъ взводнымъ офицеромъ въ училище и вмѣстѣ съ тѣмъ преподавателемъ исторіи и географіи.

Пребываніе въ Варшавѣ или, иначе говоря, варшавскій періодъ службы былъ однимъ изъ счастливѣйшихъ для Пржевальскаго и мнѣ не разъ приходилось отъ него слышать, что Варшава окончательно сформировала его и оставила по себѣ самыя пріятныя воспоминанія. Изъ скучной и безотрадной стоянки, изъ полуневѣжественнаго общества, погруженнаго въ самые мелочные интересы, онъ очутился въ европейскомъ городѣ, обладающемъ научными средствами, среди товарищей по академіи, людей образованныхъ. Все это, конечно, въ самомъ корнѣ измѣняло положеніе Пржевальскаго и онъ могъ всецѣло предаться своимъ любимымъ занятіямъ.

Предъидущая служба и стремленіе не затеряться въ толпѣ и не поддаться общему теченію выработали въ немъ самостоятельность и твердость характера; недостатокъ средствъ въ юные годы службы ограничилъ его потребности и заставилъ довольствоваться самымъ необходимымъ, не допускать въ себѣ никакихъ привычекъ и существовать тѣмъ, что есть. Его живой, впечатлительный и пытливый умъ привыкъ сравнивать и обобщать все окружающее, давать всему должную цѣну и не увлекаться первыми впечатлѣніями. Всегда веселый и шутливый, онъ привлекалъ къ себѣ вниманіе и былъ одинаково любимъ, какъ товарищами, такъ и юнкерами. Послѣдніе его боготворили за то,

---

[1]) Василій Петровичъ Акимовъ, впослѣдствіи былъ начальникомъ Павловскаго военнаго училища и умеръ въ этой должности въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

что онъ всегда внимательно и любовно относился къ нимъ и ихъ трудамъ. Въ теченіи короткаго пребыванія въ училищѣ, Николай Михайловичъ успѣлъ сформировать прекрасную библіотеку и внимательно руководилъ чтеніемъ юнкеровъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на своихъ дѣтей, примѣнялся къ ихъ возрасту, подготовкѣ и стремился къ ихъ развитію. Исполняя должность дѣлопроизводителя, завѣдуя библіотекой и читая лекціи по двумъ предметамъ, Николай Михайловичъ былъ въ училищѣ почти постоянно: его можно было видѣть тамъ ежедневно, и утромъ, и вечеромъ.

Вставалъ онъ всегда рано, часа въ четыре, и въ нижнемъ бѣльѣ садился заниматься. Кромѣ чтенія разныхъ сочиненій по исторіи и географіи, онъ спеціально изучалъ зоологію и ботанику, составлялъ записки географіи для юнкеровъ, которыя потомъ литографировались. Къ 8-ми часамъ утра онъ являлся въ училище и шелъ прямо въ классъ, гдѣ знаніемъ своего предмета и даромъ слова привлекалъ къ себѣ многочисленныхъ слушателей. Говорилъ онъ громко, ясно и увлекалъ юнкеровъ цитированіемъ на память обширныхъ выдержекъ изъ самыхъ блестящихъ представителей науки. Дѣлалъ это онъ не съ цѣлью блеснуть своею памятью или краснорѣчіемъ, а для того, чтобы вызвать у своихъ учениковъ охоту къ изученію предмета, такъ сказать, подогрѣть ихъ и направить къ самостоятельной работѣ. Только такими побужденіями и можно объяснить его снаровку во̀-время и кстати продекламировать на лекціяхъ подходящія страницы изъ извѣстныхъ авторовъ, чтобы побудить слушателей прочитать эти книги (а онѣ были въ библіотекѣ училища) въ надеждѣ, что такое чтеніе еще успѣшнѣе подстрекнетъ ихъ къ серьезному труду.

„Я утверждаю, говоритъ человѣкъ, близкій къ Николаю Михайловичу [1]), что не простое увлеченіе и трескотня фразами были въ методѣ Н. М., но извѣстный способъ воздѣйствія на учащихся и извѣстная цѣль, направленная къ развитію въ нихъ характера и пробужденія дремлющихъ умственныхъ силъ. Объ этомъ не мало было разговоровъ между дѣятелями училища, но Н. М. и по положенію въ средѣ преподавателей, и по таланту,

[1]) І. Л. Фатѣевъ, въ письмѣ Ф. А. Фельдману, отъ 7-го марта 1889 г.

и по разносторонности знаній, и по убѣжденности былъ полезнѣе другихъ, и за нимъ юноши шли безъ оглядки на то, что изъ всего этого выйдетъ“.

Если бы въ рукахъ Николая Михайловича былъ другой матеріалъ, то, нѣтъ сомнѣнія, онъ и дѣйствовалъ бы иначе. Но на юношей мало учившихся, бѣжавшихъ изъ другихъ школъ отъ книжной премудрости и имѣвшихъ не менѣе 20-ти лѣтъ отъ роду, только и можно было подѣйствовать увлекательнымъ, а не сухимъ чтеніемъ. Впослѣдствіи составъ юнкерскихъ училищъ значительно измѣнился и по подготовкѣ и по возрасту учащихся; имъ можно было предъявить болѣе строгія требованія въ знаніяхъ, но въ первое время существованія этихъ училищъ только увлекательный примѣръ, кстати разсказанный анекдотъ или блестящая страница изъ путешествія могли разбудить дремлющія научныя силы.

Тѣмъ важнѣе заслуга того лектора, который умѣлъ вести дѣло такъ, что на его чтенія собирались юнкера изъ сосѣднихъ отдѣленій класса. Это обстоятельство возбуждало зависть и неудовольствіе другихъ преподавателей, жаловавшихся начальнику училища, въ самыхъ комическихъ формахъ, что Пржевальскій отбиваетъ у нихъ слушателей. Послѣдній не обращалъ на эти жалобы никакого вниманія и съ полнымъ жаромъ и энергіею предавался дѣлу воспитанія юношества. Онъ составилъ краткія, но весьма интересныя записки по общей географіи, никогда не пропускалъ лекцій и сверхъ того въ теченіе масляницы 1866 г. прочелъ четыре публичныхъ лекціи по исторіи географическихъ открытій, привлекшихъ массу постороннихъ слушателей, въ числѣ которыхъ были и профессора варшавскаго университета. Лекціи эти всегда читались съ благотворительною цѣлью и сборъ съ нихъ поступалъ въ пользу русскихъ семействъ, члены которыхъ погибли въ польскомъ повстаніи, или въ пользу недостаточныхъ студентовъ варшавскаго университета русскаго происхожденія.

Николай Михайловичъ былъ прекрасный лекторъ и справедливый въ оцѣнкѣ познаній своихъ учениковъ; система поблажки любимчиковъ находилась у него въ полномъ отсутствіи. Онъ былъ вполнѣ безпристрастенъ и зачастую ставилъ 1 и 0 самымъ любимымъ юнкерамъ.

„Посѣщавшему его часто, говоритъ одинъ изъ его учениковъ [1]), и довольно близко къ нему стоявшему юнкеру К. пришлось остаться на второй годъ въ классѣ за невыдержаніемъ экзамена именно по исторіи и географіи. Самъ Николай Михайловичъ настоялъ на этомъ. Ни слезы матери, ни увѣренія самого К., что онъ будетъ учиться, ни просьбы за него товарищей и начальниковъ—ни что не тронуло справедливаго рѣшенія Николая Михайловича.

На всѣ докучливыя моленія онъ отвѣчалъ намъ: „не буду ли я вамъ, юноши, смѣшонъ и жалокъ послѣ такой уступки? Гдѣ же справедливость? Переправивъ К. двойку на тройку, во имя той же справедливости необходимо сдѣлать и для А., для Р. и другихъ. Вспомните прекрасныя слова: я знаю одинъ народъ—человѣчество, одинъ законъ—справедливость“.

Юношество вообще отзывчиво на все справедливое и легко подчиняется силѣ и таланту,—оно легко подчинялось и Николаю Михайловичу, выходившему изъ ряда обыкновенныхъ людей. Своимъ вліяніемъ и стараніемъ развить природныя наклонности своихъ учениковъ, Пржевальскій достигъ того, что многіе изъ его питомцевъ, по окончаніи курса въ юнкерскомъ училищѣ, поступали потомъ, для дальнѣйшаго образованія, на естественный факультетъ въ университетъ, или въ земледѣльческую академію и проч. Воспитательныя задачи Николая Михайловича достигались вполнѣ и не разъ приносили ему нравственное наслажденіе.

Посвящая всецѣло училищу время отъ 8 до 12 часовъ и затѣмъ позавтракавъ гдѣ-нибудь на дорогѣ, Пржевальскій отправлялся въ зоологическій музей при варшавскомъ университетѣ или въ ботаническій садъ, гдѣ въ бесѣдахъ съ консерваторомъ музея В. К. Тачановскимъ, или съ директоромъ ботаническаго сада Александровичемъ, закрѣплялъ пріобрѣтенныя изъ книгъ свѣдѣнія [2]).

Къ 3-мъ часамъ онъ снова приходилъ въ училище и, пообѣдавъ у В. П. Акимова, тогда холостаго, занимался текущею перепискою какъ правитель дѣлъ и библіотекою. Вечернихъ лекцій

---

[1]) Немира. Воспоминанія о Н. М. Пржевальскомъ.
[2]) I. Л. Фатѣевъ. «Воспоминанія о Н. М. Пржевальскомъ».

онъ не имѣлъ и большую часть вечеровъ проводилъ дома. Никакихъ общественныхъ увеселеній онъ не посѣщалъ, а театровъ положительно не любилъ. „Какъ человѣкъ вполнѣ цѣльный и послѣдовательный, онъ не терпѣлъ самообмана. Этимъ и слѣдуетъ объяснить его нелюбовь къ театру и подобнымъ увеселеніямъ“ [1]).

Погруженный въ свои занятія, онъ рѣдко ходилъ въ гости и то только къ товарищамъ и сослуживцамъ. Небольшой и довольно тѣсный кружокъ его близкихъ составляли офицеры генеральнаго штаба: М. Лауницъ, Желтухинъ, начальникъ юнкерскаго училища Акимовъ, инженеръ-капитанъ Энгель, І. Л. Фатѣевъ и немногіе другіе. Собираясь то у одного, то у другаго, часто поигрывали въ карты, „преимущественно въ азартныя игры, гдѣ, говоритъ одинъ изъ его товарищей [2]), Николай Михайловичъ исключительно металъ банкъ, собирая съ насъ иногда почтенную дань, которая совмѣстно съ деньгами, вырученными по изданію учебника географіи, и послужила основаніемъ скромнаго фонда при поѣздкѣ его въ Сибирь“ [3]). Кромѣ этого общества онъ нигдѣ не показывался и если удавалась свободная минута, то уходилъ на охоту въ окрестности Варшавы.

Удовлетворяя природной страсти, охота была для него и необходимостью, такъ какъ бывали случаи, что не имѣя возможности побывать на охотѣ, онъ затѣмъ слѣдующую недѣлю страдалъ головными болями и подвергался даже обморокамъ. Къ сожалѣнію, при тогдашнемъ политическомъ положеніи Царства Польскаго, охота была сопряжена съ нѣкоторыми затрудненіями и однажды ему, одѣтому въ охотничье платье, пришлось довольно долгое время отсидѣть въ циркулѣ (полицейской части), пока не разъяснились обстоятельства и его личность [4])

Такая строгость заставляла отказаться отъ частой охоты и Николай Михайловичъ проводилъ большую часть времени среди

---

[1]) І. Л. Фатѣевъ. «Воспом. о Н. М. Пржевальскомъ».

[2]) М. Лауницъ. «Бѣглыя замѣтки изъ воспоминаній моихъ о покойномъ товарищѣ Н. М. Пржевальскомъ».

[3]) При отправленіи въ Иркутскъ у него было 1,000 рублей.

[4]) М. Лауницъ. «Бѣглыя замѣтки изъ воспоминаній моихъ о покойномъ товарищѣ Н. М. Пржевальскомъ».

молодежи въ юнкерскомъ училищѣ или у себя дома. Онъ былъ всегда окруженъ юношествомъ, что соотвѣтствовало его природнымъ наклонностямъ и стремленію вліять на другихъ и служило поддержкою живаго и веселаго настроенія духа. „Это обстоятельство, говоритъ І. Л. Фатѣевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, при громадной впечатлительности Николая Михайловича, было необходимымъ условіемъ его житейской обстановки; иная обстановка— и онъ становился мнительнымъ, раздражительнымъ и неспособнымъ къ умственной работѣ. Любовь и преданность къ нему молодежи, живое и горячее ихъ отношеніе къ дѣлу подогрѣвало и его самого и держало всегда въ дѣятельномъ и живомъ напряженіи силъ. Онъ сознавалъ это и, съ своей стороны, ласками и заботами о молодежи проявлялъ свойственную ему нѣжность“.

Онъ заботился объ юнкерахъ, какъ отецъ о дѣтяхъ; два раза въ недѣлю раздавалъ имъ книги изъ сформированной имъ же библіотеки и затѣмъ около 7 часовъ вечера, забравъ съ собою помощниковъ въ этомъ дѣлѣ, юнкеровъ: Пыльцова [1]), Хотинскаго, а иногда пригласивъ и другихъ, отправлялся съ ними домой [2]).

Квартира его состояла изъ трехъ небольшихъ комнатъ съ самою обыкновенною оберъ-офицерскою обстановкою. Нѣсколько буковыхъ стульевъ, простой столъ, такая же кровать и ружья составляли все ея убранство. Но самыми дорогими для него предметами были: гербарій, составленный изъ флоры Смоленской, Радомской и Варшавской губерній, въ которыхъ онъ успѣлъ побывать, и полки, на которыхъ стояли книги научнаго содержанія. Беллетристику Николай Михайловичъ не особенно любилъ и ею мало интересовался, но газеты читалъ всегда и на нѣкоторыя изъ нихъ подписывался. Изъ поэтовъ онъ особенно любилъ Байрона и Лермонтова; „Демона“ зналъ наизусть и часто его декламировалъ. Изъ иностранныхъ авторовъ онъ сочувственно отзывался

---

[1]) Сопровождавшаго впослѣдствіи своего учителя при путешествіи послѣдняго въ Монголію.

[2]) Приглашеніе юнкеровъ дѣлалось съ разборомъ и преимущественно тѣхъ, въ которыхъ онъ подмѣчалъ выдающіяся способности, живой наблюдательный глазъ, любовь къ природѣ, страсть къ охотѣ и путешествіямъ.

о Викторѣ Гюго, изъ сочиненій котораго онъ помнилъ цѣлыя страницы. Его настольными книгами были „Картины природы“ Гумбольдта, „Азія“ Риттера и другія. На пріобрѣтеніе научныхъ сочиненій по своей спеціальности онъ затрачивалъ почти всѣ свободныя деньги; постоянно выписывалъ „Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ и когда не хватало средствъ, то бралъ книги въ долгъ въ магазинѣ Кожанчикова, куда ходилъ почти ежедневно справляться о вновь вышедшихъ сочиненіяхъ. Знакомый со всѣми новостями, онъ дѣлился пріобрѣтенными познаніями съ своими учениками при помощи бесѣдъ въ училищѣ, во время дежурства, или у себя на квартирѣ.

Въ послѣднемъ случаѣ, онъ заготовлялъ для своихъ гостей-юнкеровъ обильное угощеніе и тратилъ на это много денегъ. Преданный ему вполнѣ слуга Заикинъ былъ мастеръ приготовлять разнаго рода водянки: грушевую, яблочную и другія. Николай Михайловичъ самъ любилъ ихъ очень, всегда имѣлъ въ запасѣ цѣлые боченки и угощалъ ими своихъ гостей. Въ кругу знакомыхъ и близкихъ онъ былъ извѣстенъ за человѣка въ высшей степени добраго, довѣрчиваго, радушнаго и гостепріимнаго. Приглашая гостей, онъ всегда придерживался русской пословицы: „что есть въ печи, все на столъ мечи“. Онъ былъ самъ большой охотникъ много и сладко покушать; ѣлъ онъ всегда скоро, любилъ, чтобы гости слѣдовали его примѣру, не копались, но насыщались, какъ говорится, „вплотную“ [1]). Страсть эта съ годами все усиливалась, способствовала ожиренію, что, впрочемъ, его крайне раздражало и, въ концѣ концовъ, отчасти была причиною его eго ранувременной кончины.

---

[1]) «Николаю Михайловичу подали большую миску супу, говоритъ одинъ изъ присутствовавшихъ во время обѣда. По размѣру посуды я думалъ, что, вѣроятно, онъ ожидаетъ кого нибудь изъ гостей; но каково было мое удивленіе, когда, между разговорами, онъ уничтожилъ все содержимое въ мискѣ, затѣмъ налилъ полъ-стакана краснаго вина, залпомъ выпилъ его, потомъ стаканъ сельтерской воды и приказалъ подавать второе блюдо, которое заключалось въ подобной же мискѣ, но меньшихъ размѣровъ. Въ этой мискѣ находилось три куска бифштекса, которые были уничтожены одинъ за другимъ, при этомъ повторилось запиваніе ихъ краснымъ виномъ пополамъ съ сельтерской водой». (Воспоминанія Валентина Большева).

По словамъ одного изъ частыхъ посѣтителей Николая Михайловича [1]), „за чаемъ, вмѣстѣ съ хлѣбомъ, вареньемъ, конфектами, подавались колбаса, сыръ, сардины, яблоки, фиги, финики и апельсины, а затѣмъ передъ уходомъ—сельди, семга и лососина, вмѣсто ужина. Горячихъ ужиновъ не приготовлялось, такъ какъ Николай Михайловичъ стола дома не держалъ. Виномъ насъ не угощалъ и самъ не пилъ.

„Мы никогда не стѣсняли его и не мѣшали ему, да онъ и не принадлежалъ къ числу такихъ лицъ, которыя церемонятся. Чутьемъ мы знали, когда онъ намѣревался заниматься; тогда никто изъ насъ не дерзалъ войти въ ту комнату, гдѣ онъ сидѣлъ. Въ такихъ случаяхъ брали мы съ завѣтныхъ полокъ книги и просиживали цѣлый вечеръ за чтеніемъ. Случалось, бывали и такіе дни, когда мы уходили не видавъ его, пробывши въ квартирѣ его 6—7 часовъ. Заикинъ въ такіе вечера, подавая чай и всевозможныя закуски, грозилъ намъ пальцемъ и говорилъ безпрерывно шопотомъ: „Тише, тише, господа юнкаря, Николай Михайловичъ не уважаютъ шуму, когда въ книжку читаютъ". Затѣмъ онъ наливалъ чай, клалъ на тарелку яства и на цыпочкахъ входилъ безмолвно къ своему господину".

Около 9-ти часовъ вечера юнкера уходили и Николай Михайловичъ обыкновенно ложился спать. Исключеніе составляли тѣ немногіе вечера, когда собирались у него товарищи, офицеры генеральнаго штаба, офицеры юнкерскаго училища, студенты естественнаго факультета варшавскаго университета, консерваторъ зоологическаго музея Тачановскій [2]) и вольнопрактикующій препараторъ Робертъ Кёхеръ, ополячившійся нѣмецъ. Въ такомъ обществѣ хозяинъ любилъ побесѣдовать и часто не отпускалъ своихъ гостей до глубокой ночи. Любимыми темами для разговоровъ, конечно, были естественныя науки и исторія, причемъ лучшимъ историкомъ Пржевальскій считалъ Іоганна Шерра.

— Вотъ это я понимаю, говорилъ онъ,—вотъ это исторія.

---

[1]) В. Немира. «Воспоминанія о Н. М. Пржевальскомъ».

[2]) Услугами котораго Николай Михайловичъ пользовался впослѣдствіи, когда послѣ перваго путешествія пріѣзжалъ въ Варшаву для опредѣленія вида новыхъ птицъ.

На исторію надо смотрѣть, какъ на зеркало, въ которомъ отражаются всѣ глупости человѣческія.

Пользы современной цивилизаціи для человѣчества онъ не признавалъ и говорилъ, что статистическія данныя доказываютъ, что прогрессъ не можетъ возмѣстить человѣчеству его нравственныхъ утратъ за послѣдній вѣкъ.

Возникавшіе вопросы и обмѣнъ мыслей по естественной исторіи оживляли Николая Михайловича; онъ всегда старался захватить иниціативу разговора и стать во главѣ бесѣдующихъ. Здѣсь онъ обнаруживалъ громадную начитанность, умѣнье обобщать и подмѣчать характерныя особенности. Онъ увлекался и своею рѣчью увлекалъ другихъ. „Ваше письмо, писалъ ему одинъ изъ таварищей много лѣтъ спустя [1]), какъ нѣкогда ваше присутствіе, имѣетъ что-то такое, что будитъ душу, требуетъ оглядки. Вы были мнѣ близки, какъ человѣкъ, возлѣ котораго всегда глубже чувствовалось, шире думалось. Помню хорошо какъ вы умѣли и любили дѣлиться вашею любовью къ прекрасному „Божьему міру“. Природа, съ ея безчисленными красотами, увлекала Н. М. Пржевальскаго, манила къ себѣ и его постоянно преслѣдовала мысль о путешествіи, о розысканіяхъ въ странахъ неизслѣдованныхъ, но для осуществленія этой мечты пока не предвидѣлось никакихъ средствъ. Онъ былъ не болѣе какъ штабсъ-капитанъ Полоцкаго пѣхотнаго полка и первыя попытки его перейти въ генеральный штабъ не удавались, главнымъ образомъ, потому, что фамилія его казалась польскою. Только участіе помощника начальника штаба варшавскаго округа, генералъ-маіора Черницкаго, помогло дѣлу и оказало громадную услугу наукѣ.

Въ мартѣ 1866 года, генералъ Черницкій отправилъ докладную записку начальнику военно-учебныхъ заведеній, генералъ-адъютанту Н. В. Исакову, въ которой просилъ о командированіи штабсъ-капитана Пржевальскаго на службу въ Туркестанскій край, для перевода впослѣдствіи въ генеральный штабъ.

„Офицеръ этотъ, прибавлялъ Черницкій [2]), при обширныхъ

---

[1]) Аркадій Беневскій, въ письмѣ отъ 25 января 1874 г.

[2]) Въ докладной запискѣ отъ 12-го марта 1866 г. Арх. главн. штаба, дѣло канцеляріи, № 82.

познаніяхъ въ географіи, исторіи и статистикѣ, будетъ весьма полезенъ для составленія статистическаго обозрѣнія нашихъ областей въ Средней Азіи, до сихъ поръ еще мало изслѣдованныхъ".

Ходатайство Черницкаго было передано начальнику главнаго штаба графу Гейдену, при слѣдующей запискѣ генералъ-адъютанта Н. В. Исакова [1]):

„Вотъ, любезный графъ Ѳедоръ Логгиновичъ, просьба Черницкаго изъ Варшавы о Пржевальскомъ. Я его видѣлъ въ преподаваніи; онъ, кажется, очень способный и бойкій офицеръ; онъ желаетъ дѣятельности и не можетъ ея тамъ удовлетворить".

Прошло восемь мѣсяцевъ и Николай Михайловичъ, не получая никакого отвѣта, рѣшился возобновить свою просьбу. Въ октябрѣ, начальникъ штаба варшавскаго округа, генералъ-лейтенантъ Минквицъ, просилъ о причисленіи штабсъ-капитана Пржевальскаго къ генеральному штабу и о назначеніи его, если не въ туркестанскій округъ, то въ войска, расположенныя въ Восточной Сибири [2]). При этомъ, два дня спустя, генералъ Черницкій писалъ Г. В. Мещеринову [3]): „Зная лично этого офицера съ весьма хорошей стороны, я независимо сдѣланнаго представленія, считаю долгомъ и съ своей стороны покорнѣйше просить ваше превосходительство о причисленіи названнаго офицера, тѣмъ болѣе, что онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ условіямъ службы въ генеральномъ штабѣ».

Такъ какъ Пржевальскій былъ выпущенъ изъ академіи на льготныхъ правахъ, по второму разряду, и не держалъ выпускнаго экзамена, поэтому въ главномъ штабѣ являлся вопросъ, будетъ ли онъ соотвѣтствовать всѣмъ условіямъ службы въ генеральномъ штабѣ? Сомнѣнія разсѣялись, когда начальникъ академіи генералъ Леонтьевъ заявилъ, что, въ теченіи двухъ-лѣтняго пребыванія въ академіи, Пржевальскій былъ извѣстенъ какъ способный и усердный офицеръ [4]). Тогда 17-го ноября 1866 года

---

[1]) Отъ 7-го мая 1866 г. Арх. главн. шт., дѣло канцеляріи, № 82.

[2]) Отношеніе генерала Минквица въ главный штабъ, 20-го октября, № 6532.

[3]) Помощнику начальника главнаго штаба, въ письмѣ отъ 22-го октября, за № 6,502.

[4]) Письмо генерала Леонтьева генералу Мещеринову 7-го ноября 1866 г.

послѣдовалъ приказъ [1]) о причисленіи его къ генеральному штабу, съ назначеніемъ для занятій въ восточно-сибирскій округъ.

Ученики и товарищи съ грустью узнали о такомъ перемѣщеніи, но самъ Николай Михайловичъ былъ въ восторгѣ и торопился уѣхать къ новому мѣсту служенія.

Н. Ѳ. Дубровинъ.

---

[1]) По генеральному штабу отъ 17-го ноября 1866 г.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ РИСОВАЛЬНАЯ ШКОЛА

въ воспоминаніяхъ одной изъ ея ученицъ

1862 — 1876.

31-го октября 1889 г. минуло полъ-вѣка со времени учрежденія С.-Петербургской рисовальной школы для вольно-приходящихъ учениковъ и ученицъ,—одного изъ полезнѣйшихъ учрежденій столицы.

«Русская Старина» находитъ совершенно своевременнымъ представить на своихъ страницахъ воспоминанія одной изъ ученицъ этого учебнаго заведенія, художницы въ области рисованія и гравированія на деревѣ и въ то же время извѣстной писательницы, съ 1873 г. сотрудницы почти всѣхъ лучшихъ русскихъ періодическихъ изданій для дѣтей [1]—Софьи Ивановны Лаврентьевой.

Ред.

I.

Я поступила въ школу въ январѣ 1862 года. Школа находилась тогда на Васильевскомъ островѣ, у Дворцоваго моста, въ зданіи, принадлежащемъ биржѣ. Тамъ-же помѣщалась и постоянная выставка—«Общества поощренія художествъ».

Директоръ школы, Михаилъ Васильевичъ Дьяконовъ [2], былъ высокаго роста, худощавый старикъ, съ серьезнымъ нѣсколько суровымъ взглядомъ пристальныхъ свѣтло-голубыхъ глазъ, съ роскошной гривой совсѣмъ бѣлыхъ волосъ и такой-же густой бородой и усами. Онъ

---

[1] «Дѣтское Чтеніе», «Воспитаніе и Обученіе»—нынѣ «Родникъ», «Игрушечка» (съ 1881 г.). Кромѣ того С. И. Лаврентьева писала въ журналахъ—«Наблюдатель» и «Русская Мысль». Ред.

[2] Умеръ въ 1886 году, уже оставивъ «Рисовальную школу».

смѣялся рѣдко; но когда смѣялся, то смѣялось все его лицо, всѣ его черты и въ особенности глаза, которые тогда какъ-то свѣтились и становились до крайности добрыми. Ходилъ онъ всегда въ черномъ бархатномъ сюртучкѣ и какихъ-то беззвучно мягкихъ сапогахъ, такъ что незамѣтно подкрадывался къ вамъ, и часто ловилъ врасплохъ за болтовней, которую не любилъ. Это былъ, несмотря на свою наружную суровость, добрѣйшій человѣкъ, всегда готовый послѣднимъ грошемъ помочь нуждавшемуся, выведшій въ люди не одного бобыля и страстно преданный своему дѣлу.

Онъ жилъ совершеннымъ аскетомъ, въ крошечной комнаткѣ, раздѣленной перегородкой. Въ одной части была его спальня, въ другой,—нѣсколько бо́льшихъ размѣровъ,—соединялось все: и салонъ, и кабинетъ, и мастерская. Трудно было вообразить что-либо болѣе загроможденное! Вы едва повертывались, безпрестанно натыкаясь то на круглый столъ передъ скромнымъ диваномъ, съ наваленными на немъ фоліантами; то на громадные портфели, виднѣвшіеся всюду на полу, приставленные къ стѣнамъ или къ огромной этажеркѣ, съ полками, заваленными всякой всячиной. У единственнаго окна стоялъ большой столъ, оставляя только узкій проходъ между собой и вышеупомянутымъ столомъ передъ диваномъ. Чего-чего только не было на этомъ столѣ, гдѣ хозяинъ комнаты и работалъ, все еще продолжая заниматься рисованьемъ, преимущественно акварелью, такъ какъ, помимо званія директора, онъ преподавалъ въ школѣ и акварельную живопись. Внѣ школы у него было нѣсколько уроковъ масляной живописи. И вотъ на этомъ-то рабочемъ столѣ, между разными вещицами художественнаго достоинства, были навалены кисти, палитры, всевозможныхъ сортовъ краски: въ плиткахъ, пузырькахъ, оловянныхъ сосудахъ и пр. Но сколько интереснаго и высоко художественнаго заключали въ себѣ всѣ портфели и фоліанты этой комнаты!

Была у Дьяконова еще крошечная комнатка; но тамъ онъ помѣстилъ бѣднаго молодаго художника, вполнѣ обязаннаго ему своей карьерой. Это былъ Маляренко, способный, простой мальчикъ, подъ крылышкомъ Дьяконова оперившійся, развившій свои способности, нѣкоторое время преподававшій въ младшихъ классахъ школы и получившій затѣмъ мѣсто учителя рисованія въ симферопольской гимназіи. Къ чести г. Маляренко должно прибавить, что онъ никогда не забывалъ благодѣяній своего патрона.

Ходилъ Дьяконовъ, какъ я уже сказала, въ черномъ бархатномъ сюртучкѣ, который я застала еще свѣжимъ, который состарѣлся на моихъ глазахъ, но новымъ такъ и не замѣнился, уступивъ въ позднѣйшія времена мѣсто суконному. Не знаю въ какой верхней одеждѣ

ходилъ онъ зимой, такъ какъ зимой его на улицѣ я не встрѣчала; но не разъ встрѣчала въ теплую пору, торопливо возвращавшагося съ частныхъ уроковъ, въ широкомъ плащѣ и мягкой черной шляпѣ à la Рубенсъ,—то и другое весьма уже пожившее. Изъ его частныхъ уроковъ особенно былъ оригиналенъ одинъ, гдѣ онъ съ двумя старушками, своими сверстницами, малевалъ образа для сельской церкви одной изъ нихъ. По разсчету, обѣимъ ученицамъ съ учителемъ хватало сверхъ полутораста лѣтъ.

Миръ праху твоему, честнѣйшій труженикъ, съ скромными способностями, узкимъ карманомъ и широкимъ сердцемъ!..

Была у насъ въ школѣ еще надзирательница при женскихъ классахъ, Елизавета Ивановна Вернеръ, бывшая ученица школы,—женщина очень образованная, съ мягкимъ голосомъ и пріятнымъ румянымъ лицомъ. Ходила она постоянно въ черномъ, держала себя съ большимъ достоинствомъ и чрезвычайно мило и деликатно относилась къ ученицамъ. Она, какъ и Дьяконовъ, обожала школу и принимала горячо къ сердцу все, до нее касавшееся, смотря и на ученицъ какъ на что-то близкое, родное. Елизавета Ивановна квартиры въ школѣ не имѣла, а жила отдѣльно. Какъ она, такъ и Дьяконовъ получали тогда по двадцати-пяти рублей въ мѣсяцъ жалованья

II.

Въ день моего поступленія въ школу Дьяконовъ повелъ меня, черезъ небольшой корридоръ, въ комнату налѣво, стоявшую совсѣмъ особнякомъ и заключавшую младшій или первый классъ. Комната была очень невзрачная, съ голыми стѣнами, выкрашенными казенной желтой краской, съ длинными черными покатыми столами, поставленными чинно, рядами, и соломенными стульями.

Учителя еще не было и Дьяконовъ самъ поставилъ передомной, на отдѣльномъ высокомъ столикѣ, сложную фигуру изъ разновидныхъ частей папье-маше. Я должна была рисовать итальянскимъ карандашемъ. Вскорѣ пришелъ учитель, маленькій, черный человѣкъ, съ полнымъ румянымъ лицомъ,—безъ всякой растительности,—въ сущности очень добродушнымъ, но которому онъ старался придать серьезное и даже строгое выраженіе. Это былъ Нотбекъ. Метода его была тушевка самая тщательная, съ конопаткою, т. е. задѣлываніемъ всѣхъ неровностей между штрихами въ косую клѣтку. Любимыми его выраженіями было: «это надо прочувствовать» и: «надо, чтобы тушевка играла». Такими «прочуствованными» рисунками съ «играющей

тушевкой» онъ любовался съ умиленіемъ, озарявшимъ, будто сіяніемъ, все его широкое лицо и особенно игравшимъ въ улыбкѣ.

Мы съ нимъ сразу поладили. Испортивъ свою руку прежнимъ мелкимъ штрихомъ, много рисуя миніатюрныхъ копій карандашемъ, мнѣ было крайне трудно справляться со штрихомъ широкимъ, съ рисованьемъ «планами»; — «конопатка» же Нотбека пришлась мнѣ съ руки, и я не переставала плѣнять его какъ чистотою и легкостью контура,—что было тоже его слабостью,—такъ и тщательной, «играющей» конопаткой, и онъ съ перваго же рисунка сталъ пророчески предсказывать мнѣ, что я буду: «хорошо, славно рисовать»! Предсказаніе это, увы, сбылось только въ тѣсномъ «нотбековскомъ» смыслѣ, такъ какъ, выработавъ еще болѣе тщательности и чистоты, вмѣстѣ съ развитіемъ правильности рисунка и его пониманія, я никакъ не могла пріобрѣсти размашистость и ширину штриха.

Нотбекъ былъ очень внимателенъ къ своимъ ученицамъ, хотя весьма неровенъ: то строго придирался къ каждой черточкѣ, заставляя безпрестанно передѣлывать, то безъ всякихъ разговоровъ усаживаясь поправлять и увлекшись, готовъ былъ самъ отдѣлать весь рисунокъ. Поправляя, онъ любилъ поговорить и въ особенности про себя, про свой грандіозный талантъ,—образцовъ котораго никто изъ насъ, однако, не видалъ,—про прежнихъ профессоровъ академіи и ихъ занятія, впадая въ паѳосъ, и принимая тогда особенный, юпитеровскій видъ. Академіей же собственно онъ не восхищался и разсказывалъ разные курьезы объ ея безпорядкахъ. Такъ, напр., разсказалъ онъ, какъ въ академической кладовой хранилась огромная мозаичная картина работы Ломоносова, которая стояла на двухъ деревянныхъ подпоркахъ. Одна изъ подпорокъ подгнила и упала, причемъ картина покосилась на одну сторону и, отъ собственной тяжести, стала входить въ земляной полъ кладовой. Когда бдительные стражи спохватились, то уже порядочный клинъ картины былъ въ землѣ, а выгруженный оттуда оказался лишеннымъ мозаики, выпавшей изъ картины вслѣдствіе сырости.

Отъ него же узнала я прошлое нашей рисовальной школы, состоявшей прежде подъ вѣдѣніемъ министерства финансовъ, очень о ней заботившагося и щедро снабжавшаго ее всѣмъ необходимымъ. Эти благотворныя для нея времена продолжались до тѣхъ поръ, пока, по протекціи Чернышева, не сдѣланъ былъ попечителемъ школы нѣкто Рейсихъ, ни аза не понимавшій въ искусствѣ, состоя до того, чѣмъ-то, если не ошибаюсь, при дворцовыхъ конюшняхъ. Весьма понятно, что́ за порядки завелъ въ храмѣ искусствъ этотъ жрецъ, имѣвшій до того дѣло съ лошадьми и конюхами! Все стало прихо-

дить въ упадокъ; пошли неурядицы и жалобы министру (Броку); тому это надоѣло и онъ просилъ, чтобы избавили министерство отъ завѣдыванія школой, которая и отошла къ академіи художествъ. Рейсихъ съумѣлъ вооружить противъ школы и академію, съ которой задумалъ состязаться и даже перещеголять ее. Академія игнорировала свое новое дѣтище, не заботилась о ея нуждахъ, такъ что то, что послѣ долгаго попечительства Рейсиха съумѣло сохранить и нѣсколько подновить позднѣйшее начальство школы, было еще остаткомъ прежнихъ цвѣтущихъ временъ.

Когда я поступила въ школу, Нотбекъ занимался въ двухъ классахъ: въ первомъ, который я только что описала, и во-второмъ, гдѣ рисовали съ черныхъ оригиналовъ. Этотъ классъ, однако, вскорѣ совсѣмъ уничтожили. Въ первомъ классѣ, послѣ различныхъ геометрическихъ фигуръ изъ папье-маше, рисовали гипсовыя арки, ворота, лѣстницы и пр., а также части человѣческаго тѣла. По уничтоженіи оригинальнаго класса, вторымъ сталъ классъ рисовки съ гипсовыхъ масокъ (орнаментовъ тогда еще не рисовали въ женскихъ классахъ), гдѣ преподавала бывшая ученица школы—Хилкова. Въ третьемъ классѣ рисовали съ цѣлыхъ бюстовъ и даже статуй, иногда при вечернемъ освѣщеніи,—тамъ тогда училъ Чистяковъ. Послѣднимъ или четвертымъ классомъ былъ классъ натурный, гдѣ практиковалась уже масляная живопись. Натура допускалась только «одѣтая», и цѣлыхъ фигуръ не писали, а или поясныя, или поколѣнныя. Тамъ училъ тогда Бейдеманъ. Кромѣ этихъ «обязательныхъ» классовъ, былъ еще, по пятницамъ [1]) классъ акварельный, гдѣ было два преподавателя: для старшаго класса — Премацци, а для остальныхъ (младшій совсѣмъ къ акварели не допускался) — самъ Дьяконовъ. Премацци, однако, почти тотчасъ-же по вступленіи моемъ въ школу, оставилъ преподаваніе и его замѣнилъ Келлеръ.

Всѣ эти классы для меня, новичка, были тогда чѣмъ-то священнымъ, недосягаемымъ; тѣмъ болѣе, что въ нашихъ билетахъ (гдѣ были расписаны всѣ классные дни и правила), стояло между прочимъ: «тишину въ классѣ не нарушать разговорами со своими соученицами и изъ класса въ классъ, безъ особенной необходимости, не переходить». Поэтому мои первые классные дни я строго держалась въ предѣлахъ нашей невзрачной комнаты и только, когда приходилось относить свой портфель въ особо назначенную для того темноватую комнату, — съ нѣкоторымъ почтеніемъ проходила черезъ двѣ обширныя свѣтлыя комнаты, съ рисунками и гипсами по стѣнамъ. Но еще

[1]) Обязательные классы были по вторникамъ и четвергамъ, съ 12 часовъ до 3-хъ.

бо̀льшее почтеніе и даже нѣкоторое благоговѣніе возбуждала во мнѣ третья, дальнѣйшая комната, въ сторонѣ, въ которой виднѣлись мольберты для картинъ масляной живописи. Войти туда, не имѣя надобности, я считала преступленіемъ и только любовалась стоявшими, для просушки, въ темноватой комнатѣ съ портфелями, —этюдами счастливицъ старшаго класса, не безъ нѣкоторой важности пробѣгавшихъ мимо младшихъ ученицъ, иногда съ палитрами и кистями и въ каленкоровыхъ передникахъ, перепачканныхъ масляными красками.

Всѣхъ ученицъ въ тотъ годъ было въ школѣ всего 65-ть; по замѣчанію г-жи Вернеръ, между ученицами было очень много способныхъ и занимались всѣ съ большимъ прилежаніемъ, не отъ нечего дѣлать, а вполнѣ отдаваясь своему призванію.

III.

Еще въ началѣ года, въ школѣ стали ходить слухи о предполагаемыхъ, по воскресеньямъ, вечерахъ, на манеръ «пятницъ» художниковъ. Наконецъ, 4-го марта, состоялся первый такой вечеръ.

Я пріѣхала въ школу довольно рано: было всего двѣ — три ученицы. Дьяконовъ, съ озабоченнымъ видомъ, мягко косился мимо. Елизавета Ивановна одѣвала натурщицъ. Наши классныя комнаты совершенно преобразились. Въ большой комнатѣ втораго класса рисовальные столы всѣ были убраны; вмѣсто нихъ посреди тянулся длинный столъ, съ набросанными на немъ альбомами, полными превосходныхъ рисунковъ, присланныхъ изъ дворца в. к. Маріи Николаевны и отъ нѣкоторыхъ любителей и художниковъ, а по концамъ стола: стереоскопы съ фотографіями и различные журналы. Въ этой же комнатѣ стоялъ рояль. Въ слѣдующемъ барельефномъ классѣ былъ посаженъ манекенъ въ костюмѣ «Свѣтланы», гадающей передъ зеркаломъ, — для желающихъ заняться рисованьемъ. Далѣе, въ масляномъ классѣ, стояла натурщица, хорошенькая дѣвочка, въ легкой розовой одеждѣ, въ серебряной діадемѣ, съ бѣлыми крыльями за плечами, изображавшая генія, вѣнчавшаго лаврами бюстъ кого-то изъ великихъ художниковъ. Въ этой же комнатѣ находился столъ съ чайными принадлежностями. Постоянная выставка, соединенная со школой дверью изъ третьяго класса, была теперь тоже открыта для посѣтителей и прилично освѣщена.

Ученицъ явилось довольно много. Всѣ наши преподаватели были тоже въ сборѣ. Былъ и Чистяковъ, съ русой бородкой, и Бейдеманъ, съ быстрыми глазками и восторженной рѣчью, и степенный Нотбекъ

и сладко-улыбавшаяся Хилкова, съ неизмѣнными янтарями на шеѣ. Дьяконовъ, какъ духъ, тихими шагами, скользилъ взадъ и впередъ по комнатамъ. Изъ постороннихъ художниковъ этотъ разъ никто не явился. Плохо клеилась и музыка. Двѣ барышни играли на фортепіано; моя сестра, имѣвшая очень хорошій голосъ и пріѣхавшая со мной гостьей,—довольно много пѣла. У насъ составилось знакомое общество, усѣвшееся прилежно рисовать и весело болтать, не боясь нарушенія классной тишины.

Черезъ недѣлю послѣ этого перваго вечера, ученицы старшихъ классовъ, преимущественно четвертаго, чуть не учинили бунтъ, найдя, вѣроятно съ умысломъ оставленную въ ихъ классѣ, бумагу, съ отчетомъ Дьяконова объ этомъ вечерѣ, который писалъ, что онъ замѣтилъ, какъ дамы небрежно, будто съ лубочными картинками, обращались съ альбомами, и что онъ вообще замѣчаетъ, что, не смотря на образованіе и любовь къ искусству, мы еще не дозрѣли!... Это, конечно, всѣхъ взорвало и онѣ рѣшили послѣ класса идти съ нимъ объясняться, а бумагу взяли къ себѣ.

Не будучи въ числѣ «посвященныхъ», не знаю подробностей объясненія; знаю только, что дѣло покончилось миролюбиво, а послѣ втораго вечера отчетъ былъ болѣе благосклоннымъ и гласилъ, что порядка на вечерѣ было больше, больше было рисующихъ и вообще онъ надѣется, что мы, съ Божьей помощью, пойдемъ впередъ на пользу искусства и пр.

Этотъ второй вечеръ былъ и точно болѣе оживленнымъ и болѣе многолюднымъ. Изъ постороннихъ художниковъ явились Боголюбовъ, симпатичная личность, съ открытымъ русскимъ лицомъ и большой темной бородой, и Лагоріо, живой, веселый, съ смѣющимися бойкими глазами и крошечной бѣлокурой бородкой и усами. Для рисованья, вмѣсто «Свѣтланы»—«Шла дѣвица за водой» съ перекинутымъ черезъ плечо коромысломъ съ ведрами; геній парилъ по прежнему, а кромѣ того согласилась позировать, спокойно усѣвшись въ кресло, одна изъ очень красивыхъ ученицъ школы.

Вечера эти продолжались, однако, не долгое время, а затѣмъ совсѣмъ прекратились, какъ-то не привившись.

Въ концѣ марта я перешла во второй классъ, къ немалому огорченію Нотбека, и принялась за гипсовыя маски, сначала плохо справляясь съ углемъ, которымъ нужно было набрасывать контуръ. Хилкова занималась съ нами довольно небрежно, никогда ничего порядкомъ не растолковывая. Вмѣстѣ съ тѣмъ Дьяконовъ позволилъ мнѣ заниматься у него, по пятницамъ, акварелью. Метода его была очень странна. Вначалѣ онъ заставлялъ пейзажъ нарисовать карандашемъ,

а потомъ его, по карандашу, разрисовывать или сепіей, или цвѣтными красками. Когда же переходили къ чистой акварели, то онъ практиковалъ не рисунокъ «планами», а «пунктирами», заставляя мелкими штришками оттушевывать даже фонъ картины, какъ бы онъ ни былъ великъ.

Въ концѣ мая, передъ каникулами, былъ у насъ годовой экзаменъ [1]). Происходилъ онъ, собственно, при закрытыхъ дверяхъ и безъ нашего личнаго присутствія. Участниками были: все школьное начальство и всѣ преподаватели. Назначались медали (только серебряныя, малая и большая), денежныя награды, въ весьма скромныхъ размѣрахъ; письменныя одобренія на самыхъ рисункахъ, въ формѣ: «объявляется похвала», а на остальныхъ ставились нумера, т. е. лучшій рисунокъ получалъ № 1 и т. д.

Каникулы продолжались два мѣсяца: іюнь и іюль. Классы начинались съ первыхъ чиселъ августа. Позже это было измѣнено и перенесено на сентябрь, что было лучше, такъ какъ въ августѣ учениць приходило очень мало.

Помню, какъ явясь, со всѣмъ усердіемъ, первый же классъ послѣ каникулъ своего перваго года, я нашла въ школѣ всего шесть учениць, чѣмъ и ограничилось; да и эти шесть бродили какими-то сонными мухами, не рѣшаясь приняться за дѣло. Самые гипсы со стѣнъ смотрѣли такъ кисло, будто хотѣли сказать: «И охота же вамъ приходить такъ рано! Идите себѣ, гуляйте!» Въ открытое окно залеталъ легкій вѣтерокъ съ Невы, что сверкала голубой гладью, облитая горячимъ солнцемъ. Громады Зимняго дворца и адмиралтейства, съ его сіяющимъ шпицемъ, казались насквозь раскаленными. Изъ преподавателей явились только Хилкова, букль д'амуры которой, не смотря на жару, держались на лбу очень исправно, и всегда преданный своему дѣлу Бейдеманъ.

Послѣ каникулъ произошла перемѣна и въ преподавателяхъ, такъ какъ Чистяковъ оставилъ школу и въ третьемъ классѣ сталъ учить Нотбекъ, къ немалому огорченію учениць, пришедшихъ въ негодованіе отъ его манеры заставлять до крайности конопатить. Недовольна была и я,—въ концѣ года переведенная въ третій классъ, снова попавъ къ нему, уже начиная привыкать къ болѣе широкому штриху Хилковой, у которой получила даже № 1-ый.

---

[1]) Другой бывалъ передъ Рождествомъ.

VI.

Третій классъ былъ тогда самый оживленный и говорливый. Совсѣмъ въ сторонѣ, не проходной, по немъ рѣже другихъ скользила неслышная тѣнь Дьяконова, одинъ видъ котораго невольно клалъ печать молчанія на уста. Къ тому же тутъ, въ то время, находилось нѣсколько личностей чрезвычайно оригинальныхъ, которыя и были заводчиками безконечныхъ разсужденій и даже, нерѣдко, споровъ.

Особенно отличались трое, сидѣвшія большею частью, рядомъ Одна изъ нихъ К., съ горбатымъ носомъ и быстро мигавшими глазами, подъ синими очками, съ совершенно мужскимъ лицомъ (даже маленькими усиками) и манерами, проповѣдывала громко, увѣренно, педантическимъ тономъ, слегка заикаясь и все опровергая. Она занималась чѣмъ-то въ родѣ адвокатуры, что не мѣшало ей безпрестанно торчать за кулисами итальянской оперы. Ея прототипомъ была С., маленькая, худенькая, немного кривобокая, съ чрезвычайно подвижнымъ лицомъ и бойко прыгавшими глазками. Она тараторила безъ умолку, безпрестанно задѣвая К. и вызывая ее на споръ. Между ними садилась Д., малороссіянка, уже не молодая, съ некрасивымъ, но чрезвычайно добрымъ лицомъ, черными, какъ уголь, глазами и черными же огромными бандо волосъ. Она была срединой между педантическими разглагольствованіями К. и бойкой болтовней С., довольно медленно, смѣшнымъ малороссійскимъ говоромъ разсказывая нескончаемые анекдоты и новости, никому еще не извѣстныя и которыя, по большей части, оказывались ложными. Иногда къ нимъ присоединялась еще четвертая барышня В., бѣленькая блондинка, съ горячими голубыми глазами, любившая потолковать объ отвлеченныхъ предметахъ, по временамъ впадая въ экзальтацію и тогда нѣсколько завиравшаяся.

О чемъ только не заводили онѣ разговоръ! Музыка смѣняла литературу; политическіе вопросы—живопись, философія—театральныя новости. Затѣмъ шли исчисленіе любимыхъ яствій каждаго (это больше передъ концемъ класса, когда желудокъ начиналъ напоминать о себѣ), воспоминанія дѣтства, городскія сплетни и нескончаемые анекдоты Д. Не говорили только о модахъ: этимъ вопросомъ у насъ какъ-то совсѣмъ не интересовались. Иногда, если затронутый вопросъ былъ очень интересенъ, тогда и другія вступали въ разговоръ и мало по малу онъ дѣлался общимъ, охватывая всѣхъ какъ волною. Иногда возникавшій споръ разростался до размѣровъ, разбивавшихъ въ прахъ

пунктъ школьныхъ постановленій о тишинѣ, и тогда широкое розовое лицо Нотбека принимало озабоченное выраженіе, робко обращаясь къ дверямъ, въ боязни увидѣть въ ней тѣнь Банко...

— Базаровъ [1]) это вполнѣ интелектъ... Начинала К. педантическимъ тономъ, заикаясь и быстро мигая мышиными глазками, подъ синими очками.

— Тамберликъ?.. Да онъ совсѣмъ съ голоса спалъ! Вотъ Кальцолари!.. Споритъ съ кѣмъ нибудь, громко тараторя, С.

— Нѣтъ, нѣтъ, что ни говорите, «Мученики» Флавцкаго [2]) это такая прелесть!.. Восклицаетъ съ экстазомъ В.

Итакъ далѣе. А кругомъ молчаливо смотрятъ на насъ всѣ эти Апполоны, Германики, Ніобеи, Лаокооны и Геркулесы во всей ихъ классической красотѣ и вѣковомъ величіи...

Въ третьемъ классѣ я пробыла цѣлое полугодіе, почти не мѣняя мѣста, сидя на возвышеніи у окна, рисуя, сначала съ чудесной огромной головы Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, а затѣмъ со статуи во весь ростъ «Полимніи», граціозно закутанной въ прозрачную ткань. Когда я окончила ее, — приведя въ умиленіе Нотбека, — мнѣ не дожидаясь предканикулярныхъ экзаменовъ, чтобы не терять свѣтлаго времени, разрѣшено было начать масляными красками съ гипса. Я выбрала опять-таки ту же голову Спасителя, такъ какъ, кромѣ ея красоты, она была удобна еще тѣмъ, что ее никто другой въ то время не рисовалъ и она оставалась неподвижной.

Въ это время Бейдеманъ, (котораго въ старшемъ классѣ замѣнилъ Келлеръ, оставившій акварель, всецѣло перешедшую въ руки Дьяконова), занялся исключительно композиціями, обязательными только для старшаго класса. Но онъ предложилъ и нашему классу заняться тѣмъ же, задавъ для перваго раза эскизъ «Молочницы», за что взялась и я.

Бейдеманъ сначала приходилъ по пятницамъ, а потомъ по вторникамъ, отъ 10 часовъ до 12. Тутъ я впервые познакомилась съ нимъ. Это была прекрасная личность, честная, прямая, поэтичная, вполнѣ художникъ-энтузіастъ, говорившій объ искусствѣ съ экстазомъ и поклонявшійся ему съ благоговѣніемъ весталки, поддерживавшей недремотно священный огонь своей богини. Когда онъ съ жаромъ и блескомъ въ глазахъ говорилъ объ искусствѣ, онъ вполнѣ наэлектризовывалъ и тогда казалось, что еще больше начинаешь любить это

---

[1]) Герой романа И. С. Тургенева: «Отцы и дѣти».

[2]) «Мученики въ Колизеѣ»—картина, явившаяся на выставку въ 1863 г.

искусство, еще ощутительнѣе чувствуешь на себѣ его святое вліяніе, и еще ревностнѣе хотѣлось ему отдаться!....

Всего болѣе придавая значеніе фантазіи, онъ иногда увлекался болѣе, чѣмъ того заслуживалъ рисунокъ, интересный по композиціи, но грѣшившій противъ правильности; но, охладивъ нѣсколько свой первоначальный жаръ, онъ набрасывался и на технику, строго относясь къ ошибкамъ, совѣтуя все окончательно вырисовывать съ натуры, и, для развитія вѣрности взгляда и памяти, совѣтывалъ даже рисовать на память не только видѣнныхъ нами людей, но и фигуры изъ прежде видѣнныхъ картинъ и рисованныхъ нами гипсовъ.

Сюжеты для сочиненій онъ выбиралъ иногда довольно странные, какъ напр. «Домби и сынъ» (изъ романа Диккенса),—«Невѣста, ожидающая жениха»,—«Наталья Долгорукая» (изъ поэмы Козлова), что для простыхъ эскизовъ было слишкомъ замысловато, по исключительной обстановкѣ того времени; а разъ даже увлекся библейскимъ сюжетомъ, задавъ «Избіеніе младенцевъ», но, увидя полнѣйшее, всеобщее несочувствіе, больше такихъ сюжетовъ не касался

V.

Съ осени этаго года (1863) я перешла въ натурный классъ масляной живописи, гдѣ тогда преподавалъ Келлеръ [1]). Хотя еще не достигнувъ въ то время до того совершенства въ портретной живописи, которымъ отличается нынѣ, — Келлеръ все же и тогда былъ уже большимъ мастеромъ и понималъ свое дѣло; но я поступила къ нему въ неблагопріятное время, когда, начавъ давать уроки рисованія великой княжнѣ Маріи Александровнѣ [2]), куда онъ и уходилъ изъ школы, — онъ являлся къ намъ во фракѣ, озабоченный; слегка обѣгалъ всѣхъ и въ половинѣ урока исчезалъ, спѣша во дворецъ....

Для меня, только что принявшейся за живопись и натуру, было очень трудно справляться почти безъ указаній и я мазала съ плеча, какъ въ потемкахъ, пользуясь только совѣтами своихъ соучемицъ. Классъ у насъ былъ тогда превосходный. Во главѣ всѣхъ стояли семь звѣздъ: Воронова, Стефанъ, Гаугеръ, Кочетова, Гаврилова, Михальцева и Павлова. Это все были дѣвушки образованныя, художественно-развитыя, съ страстной любовью къ искусству и энергіей.

---

[1]) Нынѣ профессоръ.
[2]) Нынѣ герцогиня Эдинбургская.

Любо было смотрѣть, какъ бывало, въ своихъ передникахъ, вооружась палитрой и кистями, онѣ принимались писать, такъ и подзадоривая другихъ и въ то же время, не угрюмо-молчаливыя, а весело переговариваясь. Всѣхъ серьезнѣе были Воронова и Стефанъ, всѣхъ озабоченнѣе — Гаугеръ, всѣхъ веселѣй Кочетова, которая, смѣясь и болтая, набрасывала хорошенькій рисунокъ и затѣмъ, также весело, стирала его—сдѣлавъ уже вполовину,—если не была имъ вполнѣ довольна, и начинала снова. Эта смѣлость приводила въ изумленіе такого неумѣлаго новичка, какимъ была я. Гаврилова,—красивая дѣвушка, чрезвычайно скромная и тихая,—отличалась мягкостью и изяществомъ рисунка; много женственной мягкости было и у Павловой, менѣе, впрочемъ, всѣхъ талантливой. Михальцева, съ сильно развитымъ воображеніемъ, казалось, вся состояла изъ нервъ и, отдаваясь искусству, вкладывала въ него всю душу. Она была, какъ Бейдеманъ, весталкой искусства. Но самыми серьезными художницами тогда были Воронова, Стефанъ и Гаугеръ.

Къ выдающимся художницамъ того времени можно присоединить и Эндаурову [1]), хотя она и мало занималась масляною живописью, больше рисуя съ натуры растушкой и акварелью. Это была очень красивая дѣвушка, съ величавымъ типомъ Діаны, очень изящная, какъ все, что она рисовала, всегда серьезно занятая и сосредоточенная. Она держалась нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ ученицъ и, вскорѣ послѣ моего перехода въ натурный классъ, оставила школу, уѣхавъ въ деревню, откуда присылала рисунки, заслужившіе ей на экзаменахъ всѣ медали, какъ большія, такъ и малыя.

Съ осени этого года началось цвѣтущее время школы. Во-первыхъ, къ классу композиціи, которая все болѣе и болѣе расширялась, присоединился классъ перспективы, читавшійся Марковымъ.

Въ первый разъ Марковъ появился въ школѣ вмѣстѣ съ Бейдеманомъ, который, осмотрѣвъ всѣ поданные ему эскизы композицій и сдѣлавъ свои замѣчанія, передавалъ ихъ Маркову, для отысканія въ нихъ ошибокъ по перспективѣ. Слѣдующій разъ онъ уже пришелъ одинъ въ пятницу, до 12 часовъ,—что и дѣлалъ впослѣдствіи, — въ полной формѣ, во фракѣ, и началъ читать, такъ сильно конфузясь, что даже дрожалъ и чертилъ на доскѣ кривыя линіи. Но и дальнѣйшія его лекціи мало приносили намъ пользы. Самъ,—какъ было извѣстно,—хорошій знатокъ своего дѣла, онъ, однако, яснымъ изложеніемъ его не отличался. Толкованія его были такъ запутаны, что

---

[1]) Нынѣ Е. М. Бёмъ, наша извѣстная, талантливая художница, прославившаяся своими граціозными силуэтами.

тѣ, кто до того перспективой не занимались, выходили изъ класса съ сумбуромъ въ головѣ, находя потомъ единственную опору въ нашихъ первоклассницахъ, проходившихъ перспективу ранѣе, на дому. Въ классѣ же, мы только, ничего не понимая, слѣпо копировали его чертежи, стараясь улизнуть отъ него, чтобы не выдать своего абсолютнаго непониманія той тарабарской грамоты, которою было для насъ его изложеніе.

Но главнымъ событіемъ, ознаменовавшимъ этотъ сезонъ и внесшимъ въ школу новый свѣтъ,—было появленіе Крамскаго преподавателемъ рисовки съ натуры растушкой, съ толкованіемъ анатоміи. Онъ сталъ приходить по пятницамъ, съ 12 часовъ, только для старшаго класса, совсѣмъ оставившаго акварель съ оригиналовъ.

Первая натурщица, которую рисовали у него при мнѣ, была баба, въ старомъ шушунѣ, съ платкомъ на головѣ. Рисовали растушками, сухимъ соусомъ [1]). Съ перваго же урока я вполнѣ раздѣлила восторгъ всѣхъ учениць, уже имѣвшихъ понятіе объ его занятіяхъ; съ перваго же раза можно было оцѣнить все совершенство его преподаванія! Онъ былъ неутомимъ, всѣ часы своихъ занятій переходя отъ одной ученицы къ другой, не переставая дѣлать замѣчанія, поразительныя по вѣрности взгляда и простотѣ изложенія, для всѣхъ понятнаго. Онъ былъ необыкновенно краснорѣчивъ и въ то же время такъ ясенъ, что вы сразу понимали что̀ отъ васъ требовалось. Знаніе его анатоміи человѣческаго тѣла было такъ превосходно, что ни одна, самомалѣйшая ошибка не проскользала мимо его внимательнаго взора; ни одной ошибки онъ не дарилъ вамъ, тотчасъ же ее карая, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все это высказывалось просто, съ замѣчательнымъ тактомъ и деликатностью. Указывая ошибки, онъ въ то же время читалъ цѣлыя лекціи пластической анатоміи, на память набрасывая скелеты, или одѣвающіе ихъ мускулы и мышцы, владѣющіе тѣми или другими движеніями и сокращеніями.

Съ февраля мѣсяца слѣдующаго 1864 года онъ сталъ учить и въ третьемъ классѣ, такъ какъ Нотбекъ былъ переведенъ во второй на мѣсто Хилковой, которой отказали. (Вскорѣ Нотбекъ совсѣмъ оставилъ школу и былъ замѣненъ Корзухинымъ).

Третій классъ встрѣтилъ Крамскаго съ ликованьемъ. Да и не одинъ третій классъ: ликовали всѣ, такъ какъ при этомъ онъ сталъ приходить въ школу всѣ три классные дня: вторникъ и четвергъ для третьяго класса и пятницу для нашего,—и открывалась

---

[1]) Мягкій черный порошокъ. Онъ же, смоченнный водой называется мокрымъ соусомъ и тогда рисуютъ уже не растушками, а мягкими кистями.

возможность прибѣгать къ его помощи и совѣтамъ всѣмъ и каждому, и никому не было въ томъ запрета. Онъ приходилъ въ классъ раньше всѣхъ другихъ преподавателей и къ нему стремились: и съ композиціями, не дождавшись Бейдемана, и съ этюдами масляной живописи, до прихода Келлера, и съ принесенными изъ дома набросками, и съ анатомическими чертежами. И для всѣхъ у него былъ радушный пріемъ, дѣльный совѣтъ, мѣткое замѣчаніе и все это облеченное въ спокойно-деликатную форму вполнѣ развитаго человѣка. Нѣкоторыя изъ нашего класса, до прихода Келлера, располагались въ третьемъ классѣ рисовать съ анатомической гипсовой фигуры; я же зачастую переселялась туда и во время класса, оставляя живопись послѣ ранняго исчезновенія Келлера.

Уроки Крамскаго были для насъ какимъ-то откровеніемъ и мы смотрѣли на него, какъ на апостола, впервые возвѣстившаго намъ ту истину, о которой мы дотого инстинктивно мечтали....

VI.

Въ осень 1863 г. появилась на академической выставкѣ картина Ге «Тайная вечеря».

Дьяконовъ водилъ насъ въ академію смотрѣть ее еще до открытія выставки для публики,—что онъ не разъ дѣлалъ и съ другими выставками. Оригинальность композиціи, выраженіе всѣхъ лицъ, особенно лица Спасителя, смѣлое освѣщеніе и широкая размашистость кисти— все это привело насъ въ восторгъ! Партія поклонниковъ академической рутины, привыкнувшихъ къ симетрическому расположенію фигуръ за вытянутымъ столомъ, возмущалась отступленію отъ пріемовъ, освященныхъ еще со временъ древнихъ мастеровъ, съ Леонардо да Винчи во главѣ; возмущалась, яко-бы, слишкомъ разгорѣвшимися лицами апостоловъ и особенно Христа, пустивъ даже въ ходъ каламбуръ, что картина Ге «est trop gai [1])»!..

Мы принадлежали къ партіи восторженныхъ новаторовъ, возмущаясь, напротивъ, всѣмъ рутиннымъ, сжимавшимъ въ тискахъ, мертвящимъ и сушащимъ. Нашъ восторгъ раздѣляли и наши преподаватели, или тѣ изъ нихъ, на которыхъ уже пахнуло струей, прорвавшеюся въ затхлый воздухъ академической рутины.

---

[1]) «Очень весела». Рутинный академическій ареопагъ такъ былъ возмущенъ новизной картины, что не хотѣлъ даже сначала пускать ее въ залы академіи, и ему было очень не по-нутру, когда государь купилъ ее—за 10,000 р.— для той же академіи, гдѣ она и находится.

Помню восторгъ Бейдемана, когда мы стали передавать ему наши впечатлѣнія. Онъ восхищался тѣмъ, что Ге, въ изображеніи Христа отступилъ отъ обще-принятаго доселѣ, представилъ его энтузіастомъ, мученикомъ идеи, готовымъ за правоту своихъ убѣжденій идти на костеръ или Голгоѳу! Восхищался онъ тѣмъ, что на картинѣ видно и то, что до этого было, какъ и то, что затѣмъ послѣдуетъ, о чемъ долженъ заботиться художникъ начиная картину. Замѣчаніе это было глубоко правдиво, и на картинѣ Ге, именно во всѣхъ лицахъ, особенно въ лицахъ Христа и Іуды, выражается это значеніе!

Замѣчанія Бейдемана были вообще очень мѣтки. Помню, какъ онъ разъ назвалъ «безголовымъ» одного пейзажиста,—имѣвшаго цѣлую плеяду поклонниковъ,—«слѣпо копирующаго каждый камешекъ, не думая о содержаніи и интересѣ картины, тогда какъ все вниманіе должно быть сосредоточено на фокусѣ картины, на главномъ ея сюжетѣ, остальное же, служащее дополненіемъ, не можетъ такъ заинтересовать художника, чтобы быть такъ же тщательно отдѣлано› какъ первое». Другой разъ, разсматривая одинъ изъ моихъ эскизовъ по композиціи, онъ сказалъ, что я такъ много уже тутъ сдѣлала, что онъ видитъ, что я могу сдѣлать еще больше и потому нѣкоторое велѣлъ измѣнить. Или, другой разъ: «всего важнѣе то, что я вижу въ васъ душу, а руки придутъ потомъ»!

Да, это было хорошее время! Электризуемыя энтузіазмомъ Бейдемана, руководимыя, какъ бы путеводной звѣздой, Крамскимъ, на твердое знаніе котораго и его всегдашнюю готовность быть намъ полезнымъ мы опирались, какъ на каменную стѣну,—мы работали съ неослабѣваемымъ увлеченіемъ, раньше прежняго являясь въ школу, гдѣ всецѣло отдавались любимому искусству. Придешь, усядешься за анатомію, или начнешь набрасывать съ которой-нибудь изъ подругъ. Слышишь, уже въ пріемной раздается твердый, спокойный голосъ Крамскаго, котораго уже успѣла подхватить которая-нибудь изъ учницъ со своимъ рисункомъ, тащишь ему и свой или поведешь его за собой въ классъ, и онъ такія всегда сдѣлаетъ вѣрныя замѣчанія, такъ славно растолкуетъ и распечетъ такъ хорошо, что не унываешь, а напротивъ начнешь больше стараться.

Даже самъ Дьяконовъ пересталъ быть прежнимъ мрачнымъ блюстителемъ порядка, а какъ-то размякъ и даже послѣ классовъ пускался съ нами въ длинныя бесѣды, преимущественно, конечно, объ искусствѣ; совѣтуя рисовать какъ можно болѣе, и съ натуры и съ манекена, ободрялъ, но между тѣмъ совѣтовалъ намъ не мечтать о «талантѣ», такъ какъ, по разсчету академіи, на тысячу художниковъ приходится одинъ талантъ. Совѣтовалъ, наконецъ, начать

рисовать на продажу, говоря, что если-бы мы копировали акварельные пейзажи и продавали ихъ по небольшой цѣнѣ, то ихъ охотнѣе-бы покупали, чѣмъ литографированные оригиналы. Иногда къ серьезнымъ совѣтамъ примѣшаетъ какой-нибудь анекдотъ, или черточку изъ жизни бѣдняка-художника, какъ напр. фактъ про одного субъекта, который, имѣя надобность въ шкафѣ для платья, купилъ вмѣсто того гробъ, наколотивъ въ немъ гвоздей и поставивъ его стоймя съ тѣмъ, чтобы при жизни онъ ему служилъ шкафомъ, а по смерти послужилъ готовымъ гробомъ.

Разъ, въ послѣдній классъ передъ каникулами, разговорившись о томъ, о семъ, онъ вступилъ въ споръ съ Михальцевой по женскому вопросу, нападая на женщинъ и даже начавъ подпускать шпильки самой Михальцевой. Слыша то, Кочетова замѣтила, что хотя-бы для послѣдняго раза онъ былъ поснисходительнѣй. Но онъ отвѣчалъ, что, напротивъ, онъ всегда радъ поссориться съ тѣмъ, съ кѣмъ ему жаль разставаться, и потому онъ хотѣлъ-бы перессориться со всѣми нами. А то Бейдеманъ начнетъ разсказывать про свое ученье въ академіи, про это ложное, рутинное ученье, не развивавшее, а губившее талантъ въ самомъ его зародышѣ. Какъ, «голодные и полуоборванные бѣдняки, со страхомъ и трепетомъ, являлись передъ ареопагомъ откормленныхъ профессоровъ—проповѣдниковъ леденящей рутины, — и получивъ задачу на какую-нибудь нелѣпую тему, отправлялись, подъ присмотромъ сторожей, въ отдѣльныя комнаты, гдѣ ихъ запирали до тѣхъ поръ, пока они не кончали задачъ. А какъ потомъ искажались эти задачи! Какъ преслѣдовался всякій свѣтлый лучъ оригинальности, подгоняясь подъ узкія рамки заплѣсневѣлой рутины! Случалось, что подъ конецъ ученикъ не могъ узнать своего перваго рисунка»...

Я уже говорила о нашихъ походахъ съ Дьяконовымъ въ академію; очень интересенъ былъ тоже обзоръ древней скульптуры эрмитажа, подъ предводительствомъ Григоровича [1]). Зайдя, въ концѣ мая, въ школу, онъ предложилъ ученицамъ собраться, на другой день послѣ экзамена, въ Эрмитажѣ. Собралось всего 12 человѣкъ и мы начали обзоръ съ нижнихъ галлерей древней скульптуры. Осматривали все очень внимательно. Григоровичъ объяснялъ чрезвычайно толково, съ знаніемъ дѣла, ясно, просто и краснорѣчиво, обращая вниманіе на многое, прежде нами уже видѣнное, но пропускавшееся

---

[1]) Нашъ извѣстный писатель, большой знатокъ всего, касающагося изящныхъ искусствъ, ставшій въ то время секретаремъ комитета „Общества поощренія художествъ“.

безъ вниманія. Перейдя затѣмъ во второй этажъ, мы и тамъ останавливались только передъ статуями, рѣшившись этотъ разъ посвятить исключительно скульптурѣ. Особенно заинтересовались мы всѣ единственной статуей въ Эрмитажѣ работы Микель-Анджело, изображающей совсѣмъ согбеннаго человѣка, такъ что въ глаза бросается прежде всего его спина, — чудо анатоміи по жизненности всѣхъ мускуловъ, а также согнутыхъ колѣнъ. Про эту статую Григоровичъ разсказалъ намъ слѣдующее:

Разъ Микель-Анджело заходитъ въ студію одного молодаго скульптора и находитъ его въ сильномъ огорченіи. На вопросъ о причинѣ, тотъ отвѣчалъ, что онъ купилъ для одной статуи кусокъ бѣлаго мрамора, но при перевозкѣ мраморъ раскололся на четыре безобразныхъ куска, изъ которыхъ ничего нельзя сдѣлать. — «Пустяки! проговорилъ Микель-Анджело; ты, напротивъ, долженъ радоваться, что—это дало тебѣ случай вмѣсто одной статуи сдѣлать четыре!» — «Что-же можно сдѣлать изъ такихъ безобразныхъ кусковъ?»—замѣтилъ, съ досадой, скульпторъ, показывая на неровные куски мрамора. Микель-Анджело, не сказавъ ни слова, схватилъ молотокъ, подошелъ къ одному изъ самыхъ безобразныхъ кусковъ и, безъ рисунка и оригинала, сталъ рубить. Брызги мрамора дождемъ летѣли кругомъ. Въ самое короткое время изъ неуклюжей массы вышла эта, не вполнѣ законченная имъ, фигура, эта сила и мощь, смотря на которую повѣришь словамъ самого Микель-Анджело: «что мраморъ дрожалъ отъ страха, когда онъ къ нему приближался съ молоткомъ».

Слѣдующіе раза предполагался осмотръ картинныхъ галлерей Эрмитажа, но, къ сожалѣнію, это такъ и не осуществилось...

VII.

Съ начала осени 1864 года мы начали у Крамскаго рисовать съ манекеновъ, въ разныхъ костюмахъ и положеніяхъ, для изученія драпировокъ, и рисовали больше простымъ графитомъ, заканчивая въ одинъ урокъ. Тутъ передъ нами являлась то русская дѣвушка, въ пляскѣ, то египтянка, граціозно поддерживавшая на головѣ кувшинъ, то Сафо съ лирой, то колѣнопреклоненная жрица съ вѣнкомъ и пр. и пр.

Затѣмъ снова принялись за натуру растушкой, сначала при вечернемъ освѣщеніи. Это практиковалось въ комнатѣ третьяго класса, единственное окно которой плотно занавѣсили, зажгли лампы и мы принялись чертить съ натурщика, очень веселаго, но чрезвычайно подвижнаго старичка. Для натуры полагалось два класса.

Съ января 1865 г. Келлеръ оставилъ школу и вмѣсто него поступилъ Горавскій [1]). Горавскій былъ въ высшей степени добросовѣстнымъ преподавателемъ: всегда аккуратный, не манкировавшій уроками, оставаясь до звонка, внимательно обходившій всѣхъ учениць, очень привѣтливый и деликатный. Одно, что можно было поставить ему въ упрекъ, это его страсть самому много поправлять рисунки.

Въ концѣ января прибавился въ школѣ новый классъ: ксилографіи [2]), преподавателемъ котораго явился Сѣряковъ [3]). Заниматься гравированіемъ позволили только ученицамъ старшаго класса и потому вначалѣ этимъ занялись всѣ наши первокласницы, за исключеніемъ Вороновой. Въ половинѣ февраля начала гравировать и я. Сѣряковъ былъ превосходнымъ учителемъ, дѣльнымъ, толковымъ; столь же хорошимъ теоретикомъ, какъ былъ практикомъ, умѣвшій отлично растолковать, что́ собственно нужно сдѣлать, внимательный до педантизма ко всѣмъ ошибкамъ, очень строгій, но притомъ, увы, при строгости не имѣвшій деликатности Крамскаго и потому иногда позволявшій себѣ очень рѣзкія выраженія. Вообще это былъ талантливый самородокъ, отшлифованный пяти-лѣтнимъ пребываніемъ въ Парижѣ, но не успѣвшій развить себя настолько, чтобы сгладить всю шероховатость прежняго воспитанія, прорывавшуюся сквозь наружный лоскъ. Это очень вредило ему въ глазахъ учениць, не переносившихъ его грубыхъ иногда замѣчаній и возмущавшихся настолько, что нѣкоторыя изъ нихъ исключительно изъ-за того бросили гравированіе. Я часто успокоивала ихъ, говоря, что скорѣе можно простить такія выходки человѣку, не имѣвшему случая образовать себя смолоду и затѣмъ только нахватавшемуся чѣмъ пришлось случайно. Самъ же онъ разсказывалъ намъ свое жалкое прошлое, свою нужду, когда онъ, чтобъ не умереть съ голоду, не имѣя понятія о гравированіи, взялъ на заказъ 15 рисунковъ и, безъ инструментовъ, вырѣзалъ ихъ перочиннымъ ножемъ. Какъ потомъ онъ бѣдствовалъ въ Парижѣ, питаясь въ день одной селедкой, ни слова не зная по французски и проч. и проч.

Школа его была очень строгая; онъ главное напиралъ на «тона» и долго держалъ насъ на нихъ, сначала пріучая насъ къ тому, чтобы насъ «слушался инструментъ», а затѣмъ, «чтобы умѣть рисовать

---

[1]) Нынѣ академикъ, равно талантливый и въ портретной и въ пейзажной живописи.

[2]) Гравированія на деревѣ.

[3]) Академикъ, умеръ въ Ниццѣ въ 1881 году. С. Л.

инструментомъ, понимая рисунокъ». Новизна занятія стала заманивать и другихъ заняться гравированіемъ, такъ что скоро образовалось два стола. Занимались сначала по пятницамъ, а затѣмъ по вторникамъ, отъ 10 до 12 часовъ. Нашъ столъ былъ очень веселый. Я сидѣла постоянно около Михальцевой и мы много бывало болтали. Такъ какъ мы были передовыя, то на насъ Сѣряковъ болѣе обращалъ и вниманія, да мы и держались дольше другихъ. Большинство, попробовавъ, находило работу или трудной, или скучной, а Сѣрякова или очень строгимъ, или мало деликатнымъ, и бросали ее. Были и такія, которыя боялись испортить ручки натирая инструментомъ мозоли, особенно при первоначальной неумѣлости, слишкомъ крѣпко напирая инструментомъ. Нашъ столъ еще держался. Но затѣмъ и изъ нашей семерки выбыли: Павлова, Гаугеръ и Михальцева.

Кочетова, Гаврилова и Стефанъ, какъ хорошія рисовальщицы, дѣлали въ гравированіи большіе успѣхи. Особенно успѣвала Гаврилова. Къ концу перваго полугодія, мы отъ тоновъ перешли уже къ небольшимъ рисуночкамъ. Бейдеманъ эту осень вернулся поздно изъ Крыма, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ Маляренко, расписывалъ церковь въ Ливадіи. Композиціи наши были очень интересны; стала нѣсколько успѣвать и я, особенно заслуживая одобреніе Бейдемана за оригинальность мысли, причемъ про нѣкоторыя онъ выражался, что у меня «дѣйствуетъ духъ противорѣчія». Наши первокласницы другъ передъ другомъ отличались прехорошенькими рисуночками, иногда даже масляными красками, и Михальцева, на экзаменѣ передъ каникулами, получила большую медаль за свою «Невѣсту».

У Крамскаго рисовали, въ два класса, съ натуры во весь ростъ, въ разныхъ движеніяхъ. То это былъ охотникъ, прицѣливавшійся ружьемъ, то рыбакъ съ удочкой, то деревенскій мальчикъ, готовый бросить бабку. Осенью этого же 1865 года, послѣ каникулъ, Крамской въ школу не вернулся, уѣхавъ въ Москву расписывать плафонъ въ храмѣ Спасителя. Бейдеманъ долго оставался въ Крыму, такъ что на мѣсто его поступилъ Клодтъ [1]).

Въ первой же свой урокъ (онъ приходилъ по пятницамъ послѣ 12 часовъ, когда прежде были уроки Крамскаго), насъ всѣхъ спросили,—кто чѣмъ хочетъ заниматься: композиціей или рисованьемъ съ гипсовыхъ фигурокъ? Намъ, сочинительницамъ, Клодтъ задалъ сцену на дачѣ или въ деревнѣ, первый набросокъ которой мы должны были

[1]) Михаилъ Петровичъ, академикъ, нынѣ членъ „Общества передвижныхъ выставокъ“,—талантливый жанристъ, получившій особенную извѣстность послѣ своей прелестной картины: „Послѣдняя весна“, бывшей на выставкѣ въ 1861 году. С. Л.

сдѣлать тутъ-же въ классѣ, и, показавъ учителю, выслушать его замѣчанія на счетъ композиціи и рисунка и къ слѣдующему разу, уже дома, отдѣлать его окончательно. Клодтъ съ перваго же раза произвелъ на насъ очень пріятное впечатлѣніе своими дѣльными замѣчаніями и большою наблюдательностью. Онъ, однако, не долго оставался вполнѣ самостоятельнымъ: въ октябрѣ вернулся Бейдеманъ и тогда, вмѣсто одного, являлось двое учителей: Бейдеманъ руководилъ собственно композиціей, а Клодтъ—техникой рисунка. Иногда же они оба задавали различныя сочиненія. Снова появился Марковъ, со своей туманной перспективой. Стефанъ сдѣлали преподавательницей въ младшемъ классѣ, (передъ тѣмъ тамъ училъ Маляренко, оставшійся только въ мужскихъ классахъ); это не мѣшало ей, однако, въ свободные часы, заниматься композиціей и гравюрой. У Сѣрякова мы продолжали двигаться впередъ, особенно Гаврилова, получившая, на экзаменѣ передъ Рождествомъ, малую медаль за гравюру. Позже получили Кочетова и Стефанъ.

VIII.

Съ января 1866 года началась въ школѣ перетасовка, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась какъ бы эпидемической. Оправдывали ее якобы тѣмъ, чтобы «ученицы не привыкали очень къ манерѣ одного и того же учителя». Вѣрно-ли это или нѣтъ—предоставляется судить всякому...

Такимъ образомъ Горавскаго перевели въ третій классъ, а къ намъ, въ четвертый—Клодта, находя, что имѣть для композиціи двухъ учителей было уже, въ нѣкоторомъ родѣ, излишнею роскошью!.. Клодтъ учитель былъ прекрасный. Въ противоположность Горавскому, онъ почти не бралъ кисти въ руку, дѣлая указанія только на словахъ. Указанія эти были, по большей части, довольно короткія, спокойнымъ ровнымъ голосомъ, безъ всякихъ выносокъ и отвлеченій, но всегда очень дѣльныя и мѣткія. У него писали съ натуры и съ манекена, иногда въ одинъ классъ.

Сѣряковъ продолжалъ быть все тѣмъ же толковымъ преподавателемъ, все также дѣльно съ нами занимаясь и все также, по временамъ, заставлялъ коробиться отъ своихъ, весьма неделикатныхъ, замѣчаній и выраженій. Передъ каникулами этого лѣта онъ задалъ намъ нарисовать, въ продолженіе лѣта, композицію на стихи котораго нибудь изъ нашихъ поэтовъ, изъ деревенской жизни, съ тѣмъ, чтобы потомъ, зимой, эту композицію и награвировать. Я выбрала на стихи

Никитина «Соха». Возни съ этими композиціями было очень много. Требовалось, чтобы все было нарисовано съ натуры, чтобы размѣрами примѣнено къ размѣру доски, наконецъ, на доскѣ нарисовано со всевозможною тщательностью. Нарисовали композиціи только Кочетова, Стефанъ, Михальцева и я. Гаврилова не рисовала, а взяла гравировать рисунокъ Михальцевой, такъ какъ та гравированіе оставила. Сначала предполагалось, что эти гравюры будутъ началомъ иллюстрированнаго изданія стихотвореній нашихъ поэтовъ, преимущественно народныхъ; но это осталось только въ проектѣ и закончилось исключительно этими первыми, такъ и оставшимися у насъ на рукахъ. Также рушилось первоначальное намѣреніе Сѣрякова устроить изъ насъ своихъ помощницъ, принимая работы и раздавая ихъ намъ. Четверо изъ насъ, т. е. Гаврилова, Кочетова, Стефанъ и я, оставшіяся вѣрными гравюрѣ, вскорѣ затѣмъ сами достали себѣ работу и приходили съ ней въ школу, чтобы заканчивать ее подъ присмотромъ Сѣрякова. Я получила малую медаль за ботаническіе рисунки, дѣланные мною по заказу профессора Бекетова, заслужившіе полное одобреніе какъ самаго заказчика, такъ и всѣхъ на экзаменѣ. Даже Дьяконовъ наговорилъ мнѣ насчетъ ихъ много похвалъ, и Сѣряковъ пришелъ въ восторгъ, говоря, что радуется моимъ успѣхамъ будто своимъ собственнымъ и даже, намекая на свои рѣзкія намъ замѣчанія и припоминая, какъ я терпѣливо ихъ сносила, не бросая работы, какъ другія, прибавилъ: «вотъ на васъ оправдывается поговорка: терпи казакъ, атаманомъ будешь!»

Изъ старыхъ ученицъ въ это время оставались только я и Гаврилова. Между тѣмъ, еще въ концѣ января 1866 года, вернувшись изъ Москвы, Крамской навѣстилъ школу раза два—три, ко всеобщей радости, а съ октября того же года, къ еще бо́льшей радости, сталъ снова учить въ старшемъ классѣ съ натуры, растушкой или карандашемъ. Въ третій классъ, вмѣсто Горавскаго, былъ назначенъ Бейдеманъ, классы композиціи котораго прекратились, а Горавскій оставилъ школу, но не надолго, такъ какъ въ слѣдующемъ году онъ опять поступилъ въ старшій же классъ на мѣсто Клодта. Стефанъ тоже болѣе въ школѣ не учила.

Бейдеманъ оставался въ школѣ не долго, очень занятый посторонними работами. Въ 1869 году произошла его грустная преждевременная кончина. Совершенно здоровый, полный жизни, энергіи, когда судьба настолько улыбнулась ему, что онъ могъ, не стѣсняясь средствами, вполнѣ отдаться любимому искусству, онъ, войдя въ свою мастерскую, очень сильно захлопнулъ за собою дверь, отъ сотрясенія которой висѣвшая надъ дверью тяжелая гипсовая маска упала и

ударила его прямо въ голову. Ударъ былъ настолько силенъ и опасенъ, что и былъ причиной его смерти, вскорѣ затѣмъ послѣдовавшей. Такъ погибъ этотъ свѣтлый энтузіастъ, такъ честно, по дѣтски, увлекавшійся!

Спеціально посвятивъ себя гравюрѣ, я, между тѣмъ, если и ходила въ школу, то только на классы Сѣрякова, отрываясь отъ нихъ для того, чтобы немного порисовать у Крамскаго; живопись же совсѣмъ оставила. Всѣ наши прежнія звѣзды покинули школу, отдавшись тому или другому занятію внѣ ея; было какъ-то пусто и скучно. Въ 1869 году я тоже совсѣмъ прекратила свои посѣщенія классовъ, имѣя много работы, которую только иногда показывала Сѣрякову, если нуждалась въ его совѣтахъ, для чего заходила къ нему на домъ, такъ какъ онъ, передъ тѣмъ женившись на нашей товаркѣ и его ученицѣ—Гавриловой, устроилъ, не оставляя школы, классы у себя на дому. Мнѣ это было тѣмъ удобнѣе, что онъ жилъ несравненно ко мнѣ ближе, чѣмъ была школа.

Школу я навѣщала изрѣдка, только по привычкѣ, чтобы поболтать или съ Дьяконовымъ, который очень любилъ, чтобы его навѣщали старыя ученицы, или съ Елизаветой Ивановной, неудовлетворенной молодежью, хотя и болѣе многочисленною, чѣмъ въ наше время, но не столь преданною дѣлу и часто мѣнявшеюся, уступая мѣсто все новымъ и новымъ. Преподаватели тоже почти всѣ были новые. Оставилъ школу и Крамской, все болѣе и болѣе пріобрѣтая славу своими портретами, которые онъ, послѣ рисовки соусомъ, сталъ сначала писать одноцвѣтными масляными красками, бывшими на выставкѣ 1871 года, вмѣстѣ съ его картиной «Майская ночь», дышавшей таинственной поэзіей. Изъ портретовъ живописью цвѣтными красками, изъ первыхъ обратилъ всеобщее вниманіе портретъ Шишкина (среди поля), на выставкѣ 1874 года, и затѣмъ начался тотъ рядъ совершенствъ, которымъ дарилъ насъ въ своихъ портретахъ этотъ превосходный художникъ и человѣкъ,—въ полномъ значеніи этого великаго слова,—надъ свѣжей могилой котораго мы стоимъ съ благодарностью и слезами....

Его «Спаситель», бывшій на выставкѣ 1872 года, произвелъ сильное впечатлѣніе. Сколько правды и скорби было въ его лицѣ! Истомился онъ, испостился; много ходили эти окрававленныя, босыя ноги; истрепался подолъ одежды, полиняла она; отъ душевной муки обострились черты кроткаго лица; судорожно сжаты на колѣняхъ худыя руки; а сколько выраженія въ глазахъ, такъ много плакавшихъ о грѣхахъ его народа! Тутъ художникъ тоже умѣлъ разрѣшить ту задачу, о которой говорилъ намъ Бейдеманъ по поводу «Тайной вечери»

Ге;—тутъ вы тоже видите «что до того было и что затѣмъ послѣдуетъ». На лицѣ этого «мученика идеи», готоваго на все, чтобы спасти другихъ, вы читаете то ужасное будущее, которое онъ провидитъ заранѣе; вамъ кажется, что онъ долженъ уже слышать тотъ возмутительный смѣхъ, который преслѣдовалъ художника во время задачи его другой, недоконченной имъ, картины: «Христосъ передъ народомъ»... А кругомъ, что за унылое, каменистое пространство! Ни травки кругомъ, ни кустика: все камни, да камни, надъ которыми нависли тяжелыя багровыя тучи; такія же багровыя, какъ та святая кровь, что должна скоро пролиться...

IX.

Съ 1873 года въ школѣ открылся еще новый классъ—лѣпки, преподавателемъ которой явился Крейтанъ [1]).

Съ марта мѣсяца этого же года, я снова начала ходить въ школу, разъ въ недѣлю, исключительно для лѣпки. Лѣпили изъ глины, начиная съ самыхъ простѣйшихъ орнаментовъ. Крейтанъ преподавалъ отлично; такъ просто, понятно, съ знаніемъ дѣла, каждый разъ открывая что либо новое и притомъ былъ очень симпатичный, образованный человѣкъ, деликатный, внимательный и никогда не раздражавшійся. Изъ моихъ прежнихъ товарокъ, въ школѣ, въ то время, уже не было никого; да изъ преподавателей знакомыми были только Сѣряковъ, да опять учившій въ старшемъ классѣ—Клодтъ.

Лѣпили довольно многія. Только классъ у насъ былъ очень тѣсный; ну и мерзли же мы, зимою, порядкомъ, такъ какъ комнату мало топили, чтобы не слишкомъ скоро высыхали наши начатые орнаменты, подъ своими грубыми смоченными покрывалами. Скульптурный классъ былъ порученъ сторожу Ивану, маленькому, черненькому человѣку, съ немного строго-меланхолической физіономіей, занимавшемуся своимъ дѣломъ съ любовью и такимъ стараніемъ, что нерѣдко въ углубленіяхъ нашихъ орнаментовъ стояли цѣлыя лужицы воды. Лѣпили мы и дома разныя мелкія вещицы, принося показать Крейтану.

Моя лѣпка шла такъ удачно, что черезъ годъ Крейтанъ мнѣ позволилъ одинъ орнаментъ отлить изъ гипса. Господи, что у насъ въ классѣ пошла за возня! Чуть ни всѣ ученицы школы сбѣжались смотрѣть на этотъ, невиданный дотолѣ, процессъ. Быстро сбиваемый алебастръ летѣлъ кругомъ брызгами, отъ которыхъ отскаки-

---

[1]) Нынѣ академикъ—творецъ памятника В. А. Жуковскаго, поставленнаго въ Александровскомъ скверѣ (противъ Адмиралтейства) 5 іюня 1887 года.
С. Л.

вали любопытныя зрительницы. Наконецъ, орнаментъ весь залитъ, раззастылъ, глина изъ первой формы выброшена и только звонокъ разгоняетъ толпу, для того, чтобы собраться вновь въ слѣдующій разъ на отлитіе чистой формы и рубку прежней. Тутъ возни было еще больше; особенно когда пришлось рубить форму! Нечего и говорить, что, оставаясь въ школѣ до пяти часовъ, я устала до невозможности; что во многихъ мѣстахъ прорубила даже чистую форму, въ слѣдующій разъ задѣлывая всѣ погрѣшности, — но все же первый опытъ былъ сдѣланъ и заслужилъ одобреніе нашего маэстро.

Очень заинтересованная лѣпкой и довольная уроками Крейтана, я все продолжала ходить въ школу, принявшись уже лѣпить съ масокъ. Кромѣ того, съ февраля 1875 года, я начала ходить въ воскресные безплатные классы общества художниковъ, открытые въ залахъ художественнаго клуба, обрадовавшись случаю пройти строгую школу пейзажей, что совсѣмъ въ нашей школѣ не практиковалось. И пришлось на мое счастіе, что уроки эти преподавалъ Мещерскій [1]), по прекрасной методѣ Калама, ученикомъ котораго онъ и былъ. Хотя задавшись цѣлью воскресить свои воспоминанія только о школѣ «Общества поощренія художествъ», я была бы не вправѣ касаться другой, но желая въ то же время упомянуть о всѣхъ своихъ преподавателяхъ по искусству, не могу не остановиться на одномъ изъ превосходнѣйшихъ, какимъ былъ Мещерскій,—и на той превосходной школѣ, которая излагалась имъ такъ просто и понятно, что послѣ его словъ даже казалось какъ-то странно, что сама раньше о томъ не догадалась! Сколько мягкости и свѣжести древесной листвѣ придавалъ тотъ «тупой штрихъ» карандаша, которымъ онъ заставлялъ рисовать; сколько наблюдательности было въ его взглядѣ на «граціозныя и гармоническія—какъ все въ природѣ,—прицѣпки древесныхъ вѣтвей», на что такъ мало обращаютъ вниманіе многіе, какъ ни попало, острымъ угломъ, приставляя къ вѣткамъ молодыя вѣтви, не заботясь о той граціи, которая разлита повсюду въ природѣ! Онъ сильно стоялъ за карандашъ, говоря, что «научившись хорошо владѣть и карандашемъ, легко владѣть красками». У него мы должны были пройти школу Калама, начиная съ очертаній травы и голыхъ вѣтвей и стволовъ. Какъ онъ слѣдилъ за нѣжностью контура; какимъ былъ противникомъ слѣпаго копированія листвы, держась только общаго ея характера! Лѣтомъ онъ совѣтовалъ рисовать съ натуры, не задаваясь сразу чѣмъ нибудь широкимъ, не торопясь переходить къ краскамъ.

[1]) Нынѣ профессоръ, —талантливѣйшій изъ современныхъ пейзажистовъ, слава котораго прогремѣла съ появленія на выставкѣ 1872 г. его картины: «У источника Ріона». С. Л.

Въ началѣ же 1875 года, именно въ апрѣлѣ, придя въ школу на классъ лѣпки, я узнала, что въ этотъ день Крамской придетъ въ школу писать съ Дьяконова портретъ, который предназначали повѣсить въ школѣ же. Крамской изъявилъ желаніе написать портретъ безплатно. Нечего и говорить, что это было событіемъ, на которое сбѣжались смотрѣть всѣ ученицы школы. Дьяконовъ усѣлся на возвышеніи, въ старшемъ крассѣ, предложивъ себя натурщикомъ и для ученицъ. Но всѣ были такъ заинтересованы живописью Крамскаго, что желающихъ рисовать нашлось очень мало. Мы всѣ были поражены тою смѣлостью, съ которою, не набросивъ даже контура, онъ прямо краской намѣтилъ свѣтъ, подмазалъ фонъ и обозначилъ главныя черты, сразу заговорившія о разительномъ сходствѣ. Въ полтора часа онъ подмалевалъ весь портретъ и живое лицо, съ рѣдкой вѣрностью колорита, взглянуло на насъ съ полотна, какъ бы посмѣиваясь надъ нашимъ благоговѣйнымъ удивленіемъ и шепча, сквозь бѣлые усы: «А ну-ка, барышни, что скажете? Видѣли теперь, какъ большіе мастера пишутъ?»

Взявъ затѣмъ портретъ домой, Крамской написалъ его превосходно, такъ что его можно отнести къ лучшимъ изъ его произведеній. Между тѣмъ ученицы школы задумали, въ память дѣятельности Дьяконова, придать водворенію этого портрета въ большой залѣ (старшаго класса) видъ торжества. На деньги, вырученныя изъ общей складчины, была заказана изящная рѣзная орѣховая рама къ портрету и хлѣбъ-соль съ серебряной массивной солонкой, на подносѣ, вмѣщавшемъ въ себѣ завтракъ для приглашенныхъ на торжество преподавателей школы. Кромѣ того купили серебряную стопу, для поднесенія Крамскому, за его безкорыстный трудъ.

Въ назначенное для того утро, именно 16 мая, въ школу собрались всѣ ученицы, многія и изъ прежнихъ, и преподаватели, а также Д. В. Григоровичъ. Всѣ расположились въ классѣ, на стѣнѣ которой уже висѣлъ портретъ, завѣшанный полотномъ. Григоровичъ привелъ взволнованнаго Дьяконова, поставилъ его посрединѣ и сталъ говорить рѣчь, очень увлекательную и краснорѣчивую, которую Дьяконовъ слушалъ стоя, какъ агнецъ, приведенный на закланіе... По окончаніи рѣчи, Григоровичъ ловко сдернулъ съ портрета полотно и, при заглушевныхъ возгласахъ всей толпы, ученица Б., бывшая главной зачинщицой складчины, возложила на верхъ портрета лавровый вѣнокъ.

Старикъ былъ глубоко тронутъ, Крамской взволнованъ поднесеніемъ ему стопы, всѣ воодушевлены и веселы...

За этимъ событіемъ мнѣ остается только упомянуть о событіи, касающемся лично меня одной, т. е. о полученіи мною большой сере-

бряной медали за гравюру. Давно уже Сѣряковъ, а потомъ и Дьяконовъ пилили меня тѣмъ, что я не возьму вырѣзать что-либо серьезное, чтобы представить въ школу на большую медаль. Занятая заказной работой, а свободное время желая болѣе посвящать рисованью и лѣпкѣ, я все отдѣлывалась, но, наконецъ, намѣреваясь оставить лѣпные классы, а значитъ почти порвать со школой, я согласилась и, по выбору Дьяконова и Сѣрякова, взяла большой рисунокъ изъ «Оберона» Виландта, очень мелкій и мѣшкатный, который однако сдѣлала довольно скоро, и передъ каникулами 1876 года представила его на экзаменъ, гдѣ, по словамъ Дьяконова, онъ возбудилъ всеобщее одобреніе и заслужилъ мнѣ большую медаль [1]). При этомъ я получила свидѣтельство, въ которомъ, между прочимъ, гласилось, что медаль эта выдана ученицѣ, «кончившей курсъ».

Этимъ я и закончу свои школьныя воспоминанія. Хотя спустя нѣсколько лѣтъ, когда наша школа уже была переведена на набережную Мойки, въ домъ, подаренный покойнымъ государемъ «Обществу поощренія художниковъ», я опять вздумала было посѣщать школу, чтобы продолжать лѣпить уже изъ воска [2]) и слушать лекціи «Исторіи искуствъ», читавшіяся Сабанѣевымъ [3]), но эти посѣщенія были очень отрывочными, не поглащая всецѣло, какъ бывало. Самая школа была и обширнѣе и наряднѣе той, прежней; множество новыхъ оригиналовъ украшали ея стѣны, множество ученицъ переполняли классы, разросшіеся въ новые, какъ напр.: живопись на фарфорѣ, рѣзьба изъ дерева, декоративные и пр., но не было чего-то того, что тогда вѣяло надъ нами, что заставляло и насъ идти въ школу, какъ въ храмъ...

С. И. Лаврентьева.

---

[1] Эта гравюра была у меня куплена для журнала «Пчела», гдѣ и была помѣщена въ томъ-же году.

Въ школѣ тогда училъ уже не Крейтанъ, а художникъ Бахъ.

[3]) Нынѣ директоръ «Рисовальной школы». С. Л.

ВОСПОМИНАНІЯ И ЗАМѢТКИ ХУДОЖНИКА В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Изъ опыта походовъ [1].

За время Русско-Турецкой войны много было замѣчено такого, что, по приговору свѣдущихъ людей, слѣдовало исправить, передѣлать или и вовсе пересоздать. А такъ какъ война—хотя ея никто не желаетъ—можетъ быть не за горами; поэтому всякій голосъ, возвышенный съ цѣлью обратить вниманіе на правильное разрѣшеніе вопросовъ организаціи военныхъ силъ, не лишній теперь. Не откликнуться—скажутъ, что все и безъ того въ порядкѣ — пусть будетъ такъ...

* *
*

Я сдѣлаю обзоръ различныхъ родовъ оружія и начну съ кавалеріи.

Не будучи кавалеристомъ по профессіи, я имѣлъ случай наблюдать дѣятельность конницы на разныхъ окраинахъ нашего отечества и наблюдать преимущественно въ военное время, когда достоинства и недостатки организаціи сказываются особенно рельефно, когда ихъ трудно преувеличить или уменьшить.

Конечно, я не имѣю претензіи учить спеціалистовъ дѣла, а желаю лишь обратить ихъ вниманіе на кое-что, упускаемое ими

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. XL, ноябрь, стр. 4.5—468, декабрь, стр. 671—688; изд. 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 587—630; т. LXII; май, стр. 389—310, іюнь, стр. 661—681; т. LXIV, октябрь, стр. 157—181.

изъ вида, а провѣркѣ общественнаго мнѣнія, по существу дѣла, недоступное [1]).

Я имѣлъ случай видѣть нашу кавалерію кромѣ Европейской Россіи еще на Кавказѣ, когда въ западной части его замирало послѣднее эхо долгихъ кровопролитныхъ войнъ. Видѣлъ ее на Уралѣ, въ Сибири, на китайской границѣ и въ Туркестанѣ. Наконецъ, видѣлъ въ минувшую турецкую войну въ отрядахъ Гурко, Скобелева и болѣе всего подъ начальствомъ генерала Струкова, въ набѣгѣ на Адріанополь—набѣгѣ, признанномъ теперь и у насъ и многими авторитетами за границею образцовымъ подвигомъ кавалеріи.

Мнѣ приходилось участвовать въ дѣйствіяхъ кавалеріи почти во всѣхъ поименованныхъ мѣстахъ и надобно сказать, что если случалось бывать въ набѣгахъ болѣе дерзкихъ и опасныхъ, чѣмъ помянутый Адріанопольскій, то болѣе правильнаго и разумно веденнаго, болѣе обильнаго результатами—я не помню.

* *
*

Передъ тѣмъ какъ перейдти къ нѣкоторымъ техническимъ вопросамъ организаціи кавалеріи, я брошу общій взглядъ на адріанопольскій набѣгъ и отмѣчу нѣкоторыя характерныя черты, обусловившія успѣхъ его.

Движеніе конницы къ Константинополю рѣшено было послѣ Шейновской побѣды. Спустясь съ Балканъ, великій князь главнокомандующій спросилъ генерала Радецкаго: „почему кавалерія еще не впереди?“ — Немедленно же былъ посланъ за Малые Балканы генералъ Дохтуровъ, у котораго Струковъ начальствовалъ передовою частью; съ нею онъ и занялъ мостъ черезъ Марицу, т. е. одержалъ первый важный успѣхъ. Драгуны потушили этотъ зажженный непріятелемъ мостъ и тѣмъ обезпечили для арміи переправу черезъ рѣку, по которой шелъ ледъ; турецкій таборъ, охранявшій переправу, заклепалъ орудія и убѣжалъ, не проявивши серьезнаго сопротивленія [2]).

---

[1]) Извѣстно, что военные всѣхъ родовъ оружія очень не любятъ вмѣшательства «штатскихъ», а такъ какъ дисциплина обязываетъ «сора изъ избы не выносить», то выходитъ, что они и сами обо многомъ помалчиваютъ и другимъ не дозволяютъ говорить. В. В.

[2]) Такимъ образомъ мостъ этотъ былъ занятъ кавалеріею а не пѣхотою, какъ недавно утверждалъ безспорно бравый генералъ. В. В.

Назначенный вслѣдъ затѣмъ командиромъ авангарда Скобелевскаго отряда, Струковъ пошелъ на Адріанополь, занялъ его безъ боя и, конечно, занялъ бы и Константинополь, если бы не было заключено перемиріе, остановившее насъ въ Чаталджѣ.

Такъ какъ серьезное сопротивленіе турокъ было сломлено сначала генераломъ Гурко подъ Филиппополемъ, а потомъ Радецкимъ, Скобелевымъ и Святополкъ-Мирскимъ подъ Шейновымъ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что нашъ отрядъ конницы изъ трехъ полковъ, съ конною батареею, дошелъ бы благополучно до Босфора. Многіе улыбнутся, если я признаюсь, что мы со Струковымъ были настолько увѣрены въ этомъ, что уже составили планъ временной организаціи управленія турецкой столицы, снабженія войскъ провіантомъ и фуражемъ, обезоруженія жителей и т. п. [1]).

Необходимое условіе всякаго набѣга: быстрота движенія, умѣнье поддержать духъ солдатъ, сберечь лошадей и умѣнье организовать продовольствіе отряда, безъ грабежа.

Особенной быстроты въ нашемъ случаѣ не было проявлено, такъ какъ очень налегать на отступавшихъ турокъ не было разсчета: какъ прижатый къ стѣнѣ заяцъ, они могли показать зубы и безъ нужды перепортить намъ много народа — подъ Чорлу это отчасти такъ и случилось.

Мы дѣлали среднимъ числомъ отъ 35 до 45 верстъ въ сутки и Скобелевъ не только не требовалъ бо́льшей скорости, совершенно одобрилъ эту,—а онъ былъ порядочно нетерпѣливъ и требователенъ относительно быстроты движенія войскъ, особенно кавалеріи.

Надобно сказать, что передовая дивизія была свѣжая, нетронутая, офицеры и солдаты не утомленные, лошади хорошія—не мало было малороссійскихъ лошадей. Уходъ за лошадьми былъ внимательный, такъ что ряды сохранились до конца похода.

Ячменя и сѣна было достаточно, особенно перваго, и все даромъ, такъ что весь походъ былъ сдѣланъ на свой счетъ,

---

[1]) Правду сказать, перспектива обезоруженія, лежавшая на моей обязанности, особенно улыбалась намъ, такъ какъ я сбиралъ коллекцію восточнаго оружія, да и Струковъ обѣщалъ нѣкоторымъ петербургскимъ друзьямъ по боевому сувениру—«мечты, мечты, гдѣ ваша сладость»! В. В.

т. е. ничего не стоилъ казнѣ—настоящій кавалерійскій набѣгъ. Денегъ полковые командиры не только не получали своевременно, но вовсе не получили, такъ что они жили остатками стараго, пробавлялись какъ кому Богъ на душу положилъ, пробавлялись не дурно, благо не было возни съ интендантскими чиновниками, всегда все обѣщающими и никогда ничего во-время не заготовляющими.

Я далекъ отъ того, чтобы возвести въ идеалъ такое кормленіе на шаромыжку; напротивъ, имѣть довѣріе къ начальнику отряда, открыть ему кредитъ—мнѣ кажется необходимо, особенно на востокѣ, гдѣ напр. „бакшиши“ играютъ большую роль.

Организація движенія была до-нельзя проста, не было относительно его никакихъ споровъ или препирательствъ.

Скобелевъ велѣлъ наступать—и мы наступали.

Мы дѣлали по два перехода въ день и каждый третій день былъ дневка-роздыхъ.

Отрядъ шелъ очень весело: по утрамъ обыкновенно играли вальсы, а въ продолженіе дня пѣлись пѣсни, разумѣется, по погодѣ глядя, съ большимъ или меньшимъ увлеченіемъ.

Начальника штаба авангарда, наступавшаго къ Константинополю, вовсе не было—часть обязанностей по этой должности я взялъ на себя изъ дружбы къ Струкову, ни днемъ, ни ночью не знавшему отдыха; письменность велъ драгунскій офицеръ Востросаблинъ и велъ толково, исправно.

Добываніе свѣдѣній отъ туземцевъ велось правильно и регулярно, благодаря хорошему переводчику Христо, сообщавшему мнѣ всѣ слухи какъ о большихъ турецкихъ силахъ, такъ и мелкихъ шайкахъ черкесовъ и башибузуковъ.

Хлѣбъ былъ, хотя, пожалуй, этой статьи могло бы быть и больше, зато мяса имѣлось до отвала, такъ какъ турки, ограбивъ болгаръ волами и перевозочными средствами, побросали огромныя стада барановъ, оказавшихся совсѣмъ не непріятельскими на солдатскихъ зубахъ.

Попадалось вездѣ мѣстное вино и ракія, т. е. водка, также табакъ. Не только кавалерія промышляла про себя, но даже заготовляла кое-что и для пѣхоты. Скобелевъ изъявилъ потомъ благодарность за это.

Конечно, телеграфное сообщеніе вездѣ немедленно прерыва-

лось, т. е. снимались замки; рубить же столбы или обрывать проволоки Струковъ строго запрещалъ, такъ что черезъ два дня по прiѣздѣ уполномоченныхъ для мирныхъ переговоровъ, телеграфное сообщенiе могло быть возстановлено.

Желѣзно-дорожная линiя была все время подъ строгимъ контролемъ и ужъ, конечно, никто изъ турокъ или какихъ либо подозрительныхъ лицъ не проскочилъ по ней.

Поползновенiя къ грабежу со стороны солдатъ, а въ особенности казаковъ, были, но они строго обрѣзались въ самомъ началѣ; напр. вторая столица Турцiи, богатый и многолюдный Адрiанополь, не потерпѣлъ ни въ какомъ отношенiи, не было даже дракъ и ссоръ съ жителями.

Попытка генеральнаго консула одной изъ великихъ державъ вмѣшаться въ управленiе занятымъ нами городомъ и его застращиванiя возстанiемъ не имѣли успѣха—помянутый чиновникъ, разодѣтый жаръ-птицею, потратилъ напрасно свое краснорѣчiе и ушелъ, „не солоно похлебавши“.

Надобно замѣтить, что больныхъ въ походѣ у насъ не было и что, не смотря на множество рыскавшихъ по странѣ тамъ и сямъ черкесовъ и башибузуковъ, только два пикета были вырѣзаны.

Конечно, и офицеры и полковые командиры не дремали, но въ особенности я дивился энергiи тщедушнаго на видъ Струкова, хорошо понимавшаго громадную отвѣтственность, на немъ лежавшую, — отвѣтственность начальника кавалерiйскаго отряда, шедшаго на 100 верстъ впереди своей пѣхоты, и положительно не знавшаго покоя [1]).

Словомъ, если Скобелевъ быстро и умно направлялъ движенiе кавалерiи, то она толково и успѣшно исполняла его. Результатъ не заставилъ себя ждать.

Вотъ, въ немногихъ словахъ, какъ наша конница въ минувшую войну прошла отъ Казанлыка почти до воротъ Константинополя, гоня арiергардъ турецкихъ войскъ. Теперь я перейду

---

[1]) Когда я буквально сваливался съ ногъ и, напр., ночью, въ день занятiя Адрiанополя, не будучи въ состоянiи болѣе двинуться, заснулъ какъ убитый, Струковъ отправился еще одинъ удостовѣряться все ли вездѣ благополучно, накрылъ какiя-то 30 орудiй, приготовленныхъ турками къ отправкѣ, осмотрѣлъ посты и т. д. Повѣрка постовъ, почти ежедневная, была въ особенности тяжела.

В. В.

къ нѣкоторымъ техническимъ сторонамъ, въ которыхъ кое что кажется мнѣ непрактичнымъ, требующимъ пересмотра.

* * *

Кавалерія при императорѣ Николаѣ I была образцовая, идеальная, съ казовой парадной стороны — старые служаки говорятъ, что „нынче только во снѣ можно видѣть такую“.

Безспорно, и офицеры и солдаты были тогда менѣе развиты, но выучка, муштровка была очень строга, а лошади были хороши—высокаго роста, сильныя, что при большомъ вѣсѣ всадника и вооруженія много значитъ.

Однако, кавалерія была хороша, какъ сказано, лишь на парадахъ, лагерныхъ переходахъ и маневрахъ—въ кампаніи же оказывалась несостоятельною: боевыя потери конями были обыкновенно не велики, а солдаты возвращались съ похода съ сѣдлами за плечами! Солдаты хорошо ѣздили манежною старо-нѣмецкою системою, а на первыхъ же тяжелыхъ переходахъ сдирали спины лошадямъ.

Кто не знаетъ, что въ забалканскомъ походѣ Дибича кавалерія „легла костьми“ не противъ внѣшняго непріятеля—турки, а внутренняго—вѣса всадника съ снаряженіемъ, порчи и ломки спинъ, дурной ковки и, главное, казнокрадства, воровства повсемѣстнаго, колоссальнаго! Извѣстно, что въ тѣ времена сплошь и рядомъ полки давались для поправленія состояній, а когда же было и поправлять состоянія, какъ не во время войны — ну и поправляли къ выгодѣ непріятеля.

Въ послѣднемъ турецкомъ походѣ также не было большихъ боевыхъ потерь лошадьми, но уже при проходѣ Румыніею выбыло множество лошадей, а въ концѣ похода лейбъ-гусары напр. вступили въ Адріанополь въ числѣ 60 коней въ эскадронѣ. Конечно, это нѣкоторый успѣхъ противъ 1829 года, но всетаки досадно, что часть войска, содержаніе которой обходится ужасно дорого, такъ печально оканчиваетъ походы.

Конечно, нельзя ставить казаковъ въ примѣръ регулярной кавалеріи, но нельзя не задаться вопросомъ: почему у казаковъ потери лошадьми менѣе?

Никто не скажетъ, что лошади у казаковъ лучше—скорѣе наоборотъ.

Никто не скажетъ, что казаки несутъ меньшую службу—скорѣе наоборотъ.

Можетъ быть подумаютъ — „что твое—мое, а что мое—не твое“ практикуется у казаковъ въ меньшей степени — ничуть, скорѣе наоборотъ!

Надобно сказать, что въ общихъ чертахъ казакъ болѣе конникъ на русскій ладъ, а кавалерійскій солдатъ — на нѣмецкій ладъ. У казака и самъ онъ и лошадь больше приспособлены къ существеннымъ условіямъ службы, къ климату, почвѣ, пищѣ. У кавалериста-солдата все налажено въ подражаніе нѣмцамъ и ихъ климату, къ показу на ученіи, параду.

Въ нашу суровую зиму, напр., и самъ кавалеристъ и его лошадь совершенно не закрыты отъ холода и вьюги и солдату не полагается ни полушубка, ни рукавицъ! Не принятъ во вниманіе фактъ, что мы по преимуществу воины холоднаго климата, въ Италію ходить воевать больше не будемъ—баста!—и всѣ серьезныя кампаніи оканчивали и будемъ оканчивать зимою.

Каково солдату въ 30°-ный морозъ безъ полушубка и теплыхъ рукавицъ, которыя онъ можетъ надѣвать лишь явно нарушая дисциплину? Каково лошади, имѣющей лишь небольшую попону?

Казакъ вообще меньше замуштрованъ и относительно одежды меньше стѣсненъ, чѣмъ солдатъ; онъ ловчѣе, хитрѣе, находчивѣе въ походѣ—въ этомъ нѣтъ сомнѣнья; онъ больше любитъ лошадь, какъ за собственностью больше за нею ухаживаетъ, старательнѣе добываетъ пищу, лучше пригоняетъ сѣдло — словомъ больше любитъ и бережетъ свою лошадь.

Солдатамъ часто мѣняютъ лошадей для уравненія, для подбора по эскадронамъ, что слѣдовало бы дѣлать лишь въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ. Разсылается кавалеристъ съ конвертами и разными порученіями обыкновенно пѣшкомъ, а лошадь въ это время стоитъ на конюшнѣ; когда эти посылки дальны и утомительны, они озлобляютъ солдата на лошадь: „ходи, дескать, за нею какъ за барыней и любуйся на нее,—только отъ нея и пользы!“

Въ кавалеріи нѣкоторыхъ государствъ лошадь не только носитъ своего всадника всюду, при разноскѣ приказаній и исполненіи порученій, но и дается унтеръ-офицерамъ для прогулокъ, что весьма разумно, въ виду цѣли сближенія конника съ его конемъ [1]).

---

[1]) Кавказскіе казаки у насъ, безспорно, лучшіе конники, покамѣстъ, зато же кромѣ свѣжихъ еще традицій между людьми, и лошади у нихъ очень хороши—

Можно сказать, что необходимо у насъ больше привязать солдата къ лошади.

* *
*

Прежде было много малороссійскихъ лошадей въ кавалеріи; многіе помѣщики имѣли такіе большіе табуны, что съ одного завода поступали въ ремонтъ отъ 50 до 80 мериновъ, а теперь у помѣщиковъ собираютъ по одной, по двѣ лошади, отъ владѣльца. Это сильныя рослыя лошади, гораздо больше способныя къ манежной выучкѣ, чѣмъ донскія. Лошади задонскихъ степей недурны. Зимовниковы владѣльцы производятъ хорошихъ лошадей; у нихъ жеребцы, англійскіе, арабскіе и государственнаго коннозаводства, хотя надобно сказать, что, къ сожалѣнію, лучшія лошади не попадаютъ къ намъ, а идутъ въ Австрію, Румынію, Турцію.

Въ станичныхъ табунахъ лошади слабыя, не соотвѣтствующія вѣсу всадника съ снаряженіемъ. Лошадь въ нашей кавалеріи должна нести отъ $7^1/_2$ до $8^1/_2$ пудовъ, т. е. почти то же, что и въ царствованіе Николая I, когда одни кирасиры развѣ были тяжелѣе, да теперь еще прибавилась винтовка съ патронами, пулями и сѣдельный вьюкъ—а лошадь-то много слабѣе прежней!

Впрочемъ, такъ какъ исполняются всѣ вещи снаряженія легче, то въ концѣ концовъ ружье не много увеличиваетъ противъ прежняго общій вѣсъ.

Вообще строевая лошадь требуетъ сбора, а донская, при ея достоинствахъ, не можетъ собраться, у нея оленья шея, она задираетъ голову, и задираетъ съ упрямствомъ, ее характеризующимъ.

Удивительно, что темпераментъ лошади до сихъ поръ не принимается во вниманіе: степная свободная лошадь, болѣе другихъ злопамятная, настойчивая, капризная, муштруется точно также, какъ меланхолическій конь, взросшій въ конюшнѣ. Донская лошадь очень свободолюбива, чего не хотятъ знать; до чего она свободолюбива видно изъ того, что были случаи, когда кони, срывавшіеся изъ частей, стоявшихъ на разстояніи около ста

одни кабардинскіе скакуны чего стоятъ. Но, все таки, какъ ни хороши кавказскіе казаки, они горцы, ихъ прототипы черкесы и они не могутъ служить образцами для регулярной конницы, дѣйствующей преимущественно на равнинахъ. В. В.

верстъ отъ ихъ прежнихъ пастбищъ, возвращались къ себѣ въ зимовники, въ табуны—можно ли не обращать вниманія на такіе факты и мучить такую лошадь мундштукомъ и шпорами, т. е. совершенно портить ея характеръ!

Прежде при Николаѣ I полки ремонтировались по мастямъ; потомъ при Александрѣ II группировались по мастямъ только эскадроны. Теперь нашли возможнымъ снова подбирать одномастные полки. Мнѣ кажется, что подборъ подъ одинъ типъ лошадей изъ степи, изъ конюшни и изъ-подъ упряжи не цѣлесообразенъ и выгоды такого подбора не выкупаютъ невыгодъ.

Одно, что необходимо по части подбора мастей, это помѣщеніе въ хвостахъ эскадроновъ бѣлыхъ коней на случай темныхъ ночей. Я живо помню отчаяніе генерала Т., получившаго отъ Скобелева приказаніе „выступить слѣдомъ за кавалеріею" и, за темнотою ночи, потерявшаго эту кавалерію, имѣвшую въ аріергардѣ гнѣдыхъ коней. Не далеко ходить и за другимъ примѣромъ: ночью при выступленіи изъ Адріанополя, когда зги не видно было, мы тоже потеряли аріергардъ, шедшій передъ нами всего въ нѣсколькихъ шагахъ, и нашли его только на утро,—хорошо, что не наскочили на крупную партію черкесовъ, рыскавшихъ по окрестностямъ!

Если бы лошадей, пригодныхъ къ мундштуку, отдавать въ одну часть, а непокорнѣйшихъ изъ степняковъ въ другую, гдѣ не было бы мундштука, то дѣло выучки лошадей много бы выиграло. Тогда и вопросъ о годности или непригодности мундштука для нашей кавалеріи могъ бы быть рѣшенъ на да или нѣтъ, теперь же онъ такъ и остается вопросомъ.

Въ высшихъ сферахъ управленія кавалеріею не допускается и сомнѣнія относительно мундштука и только нѣкоторые отдѣльные начальники, люди иниціативы, пробовали обходиться безъ нихъ.

Генералъ Струковъ, одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе компетентныхъ молодыхъ кавалерійскихъ генераловъ, дѣлалъ на свой страхъ опыты съ лошадьми носившими въ строю, на мундштукѣ; онъ снималъ съ нихъ мундштукъ и надѣвалъ уздечку—результатъ выходилъ поразительный—бо́льшая часть лошадей успокаивалась, дѣлалась послушнѣе, характеръ ихъ улучшался.

Струковъ дѣлалъ пробу водить весь эскадронъ на уздечкѣ—тянутъ, лежатъ на рукѣ, но, коли навыкъ есть, слушаются, рав-

няются и есть полная надежда, что если работать въ этомъ направленіи правильно, настойчиво, каждый день, то носить не будутъ.

Можно, значитъ, еще сказать, что желательно, чтобы лошади подбирались не столько по мастямъ, сколько по темпераментамъ.

* *
*

Другое горе строевыхъ лошадей—подкова: она вѣситъ болѣе фунта, т. е. свыше 4-хъ фунтовъ на 4 ноги. Въ обыкновенное время куютъ только на передъ и лишь въ походѣ на всѣ 4 ноги, въ зимнее время даже на винты. Но тутъ-то и бѣда: винты эти совсѣмъ особенные, солдатъ долженъ возить ихъ съ собою и винтовъ этихъ не напастись, потому что иногда они держатся не болѣе нѣсколькихъ часовъ [1]).

Очевидно, это должно быть упрощено, винты должны быть проще, чтобы ихъ можно было чаще мѣнять и солдатъ былъ бы въ состояніи перековать свою лошадь въ каждой встрѣчной деревенской кузницѣ.

Генералъ Струковъ дѣлалъ опытъ, въ виду особеннаго свойства копыта донской лошади, вовсе не ковать—результатъ опыта тотъ, что добрая часть лошадей можетъ оставаться некованною. Разумѣется, желательно, чтобы такого рода опыты были расширены и чтобы они дѣлались не тайкомъ, „на свой страхъ", а по оффиціальному дозволенію и приказанію.

Надобно замѣтить, что еще затрудняютъ движеніе лошади сумы, до нѣкоторой степени и переднія, но въ особенности заднія, просто бьющія по брюху и по ногамъ животнаго.

* *
*

Нѣсколько словъ о вооруженіи.

Обращеніе большей части кавалерійскихъ полковъ въ драгунскіе можно признать мѣрою разумною, хотя, не надо себя обманывать, не мало традицій лихой легкой кавалеріи уничтожено этою перемѣною.

---

[1]) Какъ трудно отрѣшиться отъ замысловатаго и непрактичнаго—видно изъ того, что до сихъ поръ полковыя повозки не только грузны и неуклюжи но и до того хитро устроены, что разъ она сломается, немыслимо ее починить въ обыкновенной кузницѣ—въ одномъ колесѣ чуть не десятокъ разныхъ винтовъ, которые тоже всѣ надобно возить съ собою въ огромномъ запасѣ.

В. В.

Ружье сильно стѣсняетъ кавалериста во всѣхъ движеніяхъ и особенно при атакѣ, но, правда, съ другой стороны, оно даетъ ему нѣкоторую увѣренность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и силу, такъ что въ кое-какихъ мелочахъ, лучше пригнанное и принаровленное, оно, въ концѣ концовъ, будетъ надежнымъ помощникомъ кавалеристу.

Уменьшить вѣсъ ружья, однако, положительно необходимо: оно вѣситъ теперь до 20 фунтовъ, да шашка 12 фунтовъ, да патроны около 10—не перечесть всѣхъ фунтовъ, которые приходится носить сравнительно слабой донской лошади, несравненно менѣе нагруженной подъ казакомъ.

Кстати здѣсь замѣтить, что пробовать достоинство ружья нужно не единично, а цѣлыми эскадронами и даже полками — только полкъ, прошедшій всѣ маневры съ новымъ ружьемъ, въ состояніи сказать хорошо оно или нѣтъ.

На пику казакъ жалуется: она легко ломается и изъ-за раза, что онъ пойдетъ съ нею въ атаку, доставляетъ слишкомъ много возни съ нею. Съ другой стороны, если нѣмцы вооружатъ своихъ гусаръ и уланъ пиками, то, безъ сомнѣнія, нашимъ драгунамъ атаковать ихъ кавалерію будетъ трудно.

По моему личному опыту въ дѣлахъ съ среднеазіатцами, казакъ нашъ, какой бы онъ ни былъ, уралецъ, оренбурецъ или сибирякъ, не боящійся шашки туземцевъ, крѣпко остерегается пики ихъ: „Шашкой отъ пики гдѣ-же оборониться“, говоритъ онъ.

По крайнему нашему разумѣнію, уничтожить пику, какъ объ этомъ говорилось, рисковано; лучше, напротивъ, вооружить гусаръ и уланъ легкими желѣзными пиками, въ родѣ тѣхъ, что приняты легкою индійскою конницею—я вывезъ изъ Индіи нѣсколько такихъ пикъ, они, съ одной стороны, несравненно менѣе тяжелы и громоздки, чѣмъ наши деревянныя, а съ другой—менѣе ломки.

* *
*

Взглянемъ на одежду драгунъ.

Шапка—только до мобилизаціи; въ походѣ носятъ фуражку, которая при морозахъ, на дождѣ и солнцѣ ссыхается. При быстрыхъ аллюрахъ она легко слетаетъ съ головы и множество фуражекъ теряется.

Натурально, что съ такимъ головнымъ покровомъ, при атакѣ,

приходится защищать голову естественнымъ движеніемъ руки — вотъ уже первое неудобство.

Такъ какъ каски тяжелы, жестки, винтами рѣжутъ головы, а при нашемъ климатѣ и холодны, то необходимо озаботиться, чтобы головной уборъ былъ мягкій, стеганый, хоть мерлушачій, въ родѣ малороссійской шапки. Говорю это по убѣжденію, потому что до сихъ поръ помню ударъ пикою по головѣ, полученный въ схваткѣ на китайской границѣ,—ударъ, который, безъ сомнѣнія, оглушилъ бы и сшибъ бы меня съ сѣдла, если бы не защитила мою голову мягкая мѣховая шапочка, заставившая пику скользнуть.

Затѣмъ, къ шапкѣ необходима цѣпочка, которая и удерживала бы шапку на головѣ и отводила бы при случаѣ сабельный ударъ,—мало ли было примѣровъ того, что какой нибудь образокъ, даже крестикъ отводили удары и спасали отъ смерти. Наконецъ, пусть только подведутъ счетъ шапкамъ, растеряннымъ въ походѣ, тогда увидятъ, что дать мягкій, крѣпко сидящій и придерживаемый цѣпочкою головной уборъ — необходимо.

Сапоги должны быть не очень высокіе, до колѣнъ, и, по возможности, безъ складокъ, т. е. безъ искусственныхъ, такъ какъ въ нихъ набивается всегда масса грязи.

Шпоры, одно изъ наказаній не только для лошадей, но и для людей, въ походѣ обыкновенно снимаются—конечно, объ нихъ не горюютъ—хлыстъ или нагайка совершенно достаточны. Если ужъ вообще быть шпорамъ, то лучше на ремняхъ, а не на винтахъ.

Больше же всего я настаиваю на томъ, чтобы солдаты имѣли на зиму полушубки и теплыя рукавицы, имѣли не контрабандно, какъ теперь, а оффиціально — полушубокъ долженъ быть формою нашихъ солдатъ отъ ноября до марта.

Еще пѣхотинецъ скорѣе можетъ обойтись безъ него, потому что онъ ходитъ, грѣется, тогда какъ кавалеристъ не можетъ двинуться и въ походѣ при 30° холода мерзнетъ въ шинелишкѣ, буквально подбитой вѣтромъ.

И теперь хорошіе начальники, жалѣя людей, заводятъ полушубки на экономическія суммы, если таковыя есть, но все это дѣлается негласно, какъ я сказалъ, контрабандою отъ началь-

ства, которое пришло бы въ ужасъ, если бы полкъ былъ выведенъ зимою на смотръ въ полушубкахъ даже подъ шинелями. Можно только представить себѣ что было бы, если бы нашелся такой дерзкій полковой командиръ,—какъ онъ скандализировалъ бы начальство: „Почему люди такъ толсты, неуклюжи? Шинели долой!" О, ужасъ!

Шинели, конечно, должны остаться на остальное время, но зимою непремѣнно форменный полушубокъ, длинный, до колѣнъ, какъ обыкновенно русскій, или короткій, закрывающій лишь животъ, какъ у румынъ.

Крестьянинъ нашъ почти цѣлый годъ носитъ полушубокъ, онъ снимаетъ его лишь на три лѣтнихъ мѣсяца, а солдатъ — тотъ же крестьянинъ—никогда его не носитъ: невольно спрашивается—почему?

Подъ шинелью полушубокъ, дѣйствительно, былъ бы неуклюжъ, но, вмѣсто сюртука, перетянутый, онъ можетъ быть очень представителенъ; и говорить нечего, что это была бы чисто русская форма, не нѣмецкая.

Достаточно видѣть какой-нибудь смотръ зимою, чтобы замѣтить, съ какимъ состраданіемъ относится народъ къ шинелишкамъ солдатъ. Три или пять тысячъ солдатъ стоятъ во фронтѣ хоть при 10° мороза, въ шинеляхъ, т. е. въ легкой суконной одеждѣ; толпа, тоже въ нѣсколько тысячъ, смотритъ на нихъ, вся одѣтая въ мѣхъ. Если эти послѣдніе такъ одѣты изъ боязни простуды, то почему же простуда не страшна для первыхъ? Не надобно забывать, что солдатамъ сплошь и рядомъ приходится въ походѣ проводить ночи на морозѣ, тутъ ужъ полушубокъ и теплыя рукавицы положительно необходимы, потому что отдыхать на снѣгу, часто при вѣтрѣ, снѣжномъ вихрѣ, въ шинели чистое мученье.

Помню, что при переходѣ черезъ Балканы, я пробовалъ ночью забываться сномъ, около костра, въ полушубкѣ, подъ буркою и одѣяломъ—не тутъ-то было; почувствовавши, что начинаю, просто на просто, коченѣть, я всталъ, присѣлъ къ огню и, закуря сигару, дожидался часа выступленія. Каково было въ эту ночь солдатамъ въ легкихъ шинеляхъ и что было бы съ отрядомъ, если бы случился вихрь или если бы вообще Скобелевъ и Куропаткинъ были менѣе заботливы, не запасли бы набрюшниковъ, просаленныхъ портянокъ и т. п.?

Кто не знаетъ, не слышалъ о Шипкинскомъ сидѣньѣ, что было бы тамъ съ солдатами безъ полушубковъ, не признаваемыхъ начальствомъ, но, по его же просьбѣ, доставленныхъ туда сердобольными людьми?

Пока полушубокъ не получитъ права гражданства въ нашихъ войскахъ, будетъ какою-то непризнанною, побочною частью туалета, онъ всегда, въ случаѣ надобности, не будетъ поспѣвать вовремя, будетъ доставляться въ апрѣлѣ, вмѣсто октября, какъ то было съ войсками, переходившими Балканы по поясъ въ снѣгу, при морозахъ и вихряхъ въ холодныхъ шинеляхъ—„свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“

Офицеры, конечно, тоже не прочь были бы отъ полушубка, который, грѣя болѣе, не былъ бы тяжелѣе — офицерское теплое пальто изъ штиглицкаго драпа вѣситъ вѣдь отъ 25 до 30 фунтовъ,—тяжеленько въ немъ дѣйствовать!

Солдатское сукно плохое, на дождѣ намокаетъ, отъ вѣтра не защищаетъ—онъ пронизываетъ его, на морозѣ оно никуда не годится!

Вспомнить, напр., кампанію 1812 года, сколько приходилось солдатамъ ночевать въ лѣсахъ, въ снѣгахъ—мыслимо ли это безъ полушубковъ?

Теперь, съ обращеніемъ большей части регулярныхъ кавалерійскихъ полковъ въ драгунскіе, надобно помнить, что назначеніе драгуна не то, что казака или гусара—гдѣ нибудь ударить во флангъ, пробраться незамѣтно между городомъ и крѣпостью, крѣпостью и фортами, ночуя въ случаѣ нужды въ лѣсу, въ степи безъ огней,—мыслимо ли все это зимою безъ форменныхъ полушубковъ?

Съ другой стороны, въ провинціи лошади стоятъ въ небольшихъ конюшняхъ, по 2—3 лошади въ каждой; примѣрно, на каждыя 3 конюшни нуженъ конюхъ, который не можетъ быть такъ одѣтъ, какъ въ казармѣ. Вообще люди тамъ цѣлый день на дворѣ или въ сквозномъ сараѣ—возможно ли имъ быть въ холодныхъ шинеляхъ?

А необходимость работать зимою безъ теплыхъ рукавицъ?—хоть теплыя варешки должны быть при формѣ. Взглянуть на чухонца или на нашего крестьянина, почему онъ не боится

мороза—потому что онъ хорошо защищенъ отъ мороза, морозъ ему ни почемъ.

Лошадей слѣдуетъ также лучше покрыть, хоть попону сдѣлать больше. Въ послѣдній турецкій походъ лошади сильно простуживались, потому что вовсе не имѣли закрытія—люди снимали попоны и клали себѣ на ноги, чтобы хоть сколько нибудь согрѣться.

Словомъ, еще разъ, необходимо ввести въ войскахъ зимнее платье, т. е. полушубки; въ кавалеріи нужда въ этомъ еще настоятельнѣе, чѣмъ въ пѣхотѣ.

* * *

Вопросъ о казармахъ и бивуакахъ очень важенъ. Огромныя казармы, на которыя теперь мода, врядъ ли такъ необходимы, какъ то думаютъ.

Во-первыхъ, они страшно дорого стоятъ: каменная казарма на полкъ не можетъ обойтись менѣе полумилліона и между ними и грошовыми деревенскими хатами и сараями можно взять среднее: выстроить небольшія эскадронныя казармы, болѣе удобныя не только въ строевомъ, но и въ гигіеническомъ отношеніи.

Въ образцовой 4-й кавалерійской дивизіи Струкова сдѣланы опыты постройки такихъ казармъ хозяйственнымъ способомъ, въ помѣщичьемъ имѣніи: онѣ деревянныя, бревенчатыя и обходятся каждая въ 8,000 съ небольшимъ; значитъ, постройка такихъ казармъ на цѣлый полкъ будетъ стоить 50—60,000 р., —сумма, далекая отъ полумилліона! Большихъ каменныхъ казармъ и солдаты не долюбливаютъ, послѣ деревни; небольшая постройка, конечно, менѣе тосклива, менѣе отдѣляетъ людей отъ существенныхъ элементовъ боевой жизни: воздуха, степи, лѣса.

Не только люди, но и лошади, привыкшія къ жизни большой казармы, мало способны къ бивуачной жизни зимою, а непривычка къ зимнему бивуаку вредно отзывается на всей кампаніи: люди не умѣютъ ни постели себѣ приспособить въ снѣгу, ни вбить коновязи, не умѣютъ ни лошадь отъ мороза укрыть, ни сами оборониться—поморозятся, полезутъ отогрѣваться къ огню и пропали.

* * *

Маневры необходимо производить болѣе серьезно, т. е. не лѣтомъ только, а непремѣнно и зимою.

Всѣ понятія и знанія не только солдатъ, но и начальства переворачиваются, когда приходится зимою примѣнять опытъ, добытый лѣтомъ, сказать прямо—и солдаты и офицеры часто теряютъ голову въ этихъ случаяхъ.

Сдѣлать переходъ по глубокому снѣгу, заночевать на морозѣ, въ лѣсу, въ дебряхъ, не поморозивъ ни людей, ни лошадей, кажется въ мирное время для маневрирующихъ полковъ такою же далекою, неприглядною и необыкновенною случайностью, какъ оно обыденно и неизбѣжно въ военное.

Необходимы частыя поѣздки на возможно бо̀льшія дистанціи, поѣздки хоть и не тактическія, но толковыя и практичныя. Не брезгать переправою черезъ ручьи и рѣчки, что обыкновенно не нравится и офицерамъ, и солдатамъ.

Бесѣдовать офицерамъ съ людьми, развивать ихъ, въ положенные часы читать избранныя сочиненія необходимо какъ можно чаще, надобно поощрять наградами тѣхъ офицеровъ, которые охотно и старательно исполняютъ это.

Въ концѣ концовъ, можно сказать: необходимо, чтобы солдатъ нашъ съ одной стороны возможно развился нравственно и физически, съ другой—сбросилъ бы съ себя нѣмецкій обликъ, который онъ еще имѣетъ и, одѣтый въ полушубокъ, съ теплыми рукавицами и носками, наловчился бы во всѣхъ маневрахъ, изворотахъ и движеніяхъ зимою—зимою ему придется сводить окончательные счеты съ непріятелями Россіи, зима его не разъ уже выручала—пусть не стыдятся того, что зима у насъ длиннѣе лѣта—она и впредь не дастъ насъ въ обиду.

Одна увѣренность иностранцевъ въ томъ, что войска наши, тепло одѣтыя, обучены устраиваться по домашнему въ снѣгу, на большихъ морозахъ, отобьетъ охоту у ближнихъ и дальнихъ сосѣдей постоянно собираться къ намъ въ гости, стращать, что вотъ, вотъ придутъ. Милости просимъ—поиграемъ въ снѣжки!

В. В. Верещагинъ.

Мих. Дмитр. Скобелевъ—А. П. Струкову

ПИСЬМО.

Надѣюсь, А. П. Струковъ не посѣтуетъ на меня за то, что я приведу здѣсь письмо къ нему покойнаго М. Д. Скобелева, какъ документъ, касающійся кавалеріи. Фразы нѣсколько напыщенны, обороты кудрявы, но въ общемъ сквозятъ знаніе и любовь къ военному дѣлу и конницѣ.

В. В.

Бивуакъ у Караманли. 20-го мая 1878 г.

Дорогой Александръ Петровичъ. Спасибо тебѣ, тысячу разъ спасибо за твое доброе, сердечное письмо. Оно меня не удивило, но глубоко обрадовало, какъ отъ человѣка, котораго я за минувшую войну привыкъ сердцемъ считать своимъ отъ Парапана и Чаталджи и въ военную будущность котораго я лично, для пользы нашей бѣдной кавалеріи, глубоко вѣрю. Я сказалъ «бѣдной» съ чувствомъ глубокаго уваженія и любви къ нашему регулярному кавалерійскому матеріалу. Это чувство возбудилъ во мнѣ ты, доказавъ наглядно съ незабвенными полками 1-й кавалерійской дивизіи, чего можно достигнуть съ русскою регулярною кавалеріею! Но дѣло мастера боится, а таковыхъ я не видалъ въ настоящую войну. Вѣрь мнѣ, дорогой Александръ Петровичъ, что вопросъ о созданіи, безотлагательномъ созданіи, хорошихъ боевыхъ кавалерійскихъ начальниковъ для русской арміи болѣе настоятеленъ, чѣмъ всякій другой. Что было бы съ нами въ Турціи, еслибы въ прошлое лѣто воскресла бы хотя кавалерія султана Магмуда?.. Въ войнѣ съ Австріей и даже съ Англіей неумѣлость употреблять кавалерію можетъ просто повести къ проигрышу кампаніи. Въ наши дни роль кавалеріи, болѣе чѣмъ при Зейдлицѣ и Мюратѣ, пылко наступательная. Ружье имъ (кавалеристамъ) дано именно потому, а не для скромнаго спѣшиванія, въ виду своей пѣхоты, какъ то слишкомъ часто бывало.

Постоянно находясь въ соприкосновеніи по возможности съ массами непріятеля, хорошая кавалерія неустанно ищетъ случая охватить одинъ изъ операціонныхъ фланговъ непріятельской арміи или даже тылъ, и нанести, при случаѣ, рѣшительный вредъ, en y laissant le moins possible de ses propres plumes, parceque nulpart l'experience n'est aussi precieuse que dans la cavalerie. Еще въ началѣ этого столѣтія назвали кавалерію «l'arme des surprises et des mouvements debondants?..» Что же сказать про нее теперь? Дѣйствительно, наша кавалерія должна подготовить себя къ громадной роли на случай

европейской кампаніи. Она, по необходимости, должна вліять своимъ качествомъ и на стратегическія и на тактическія рѣшенія главнокомандующаго, скажу—на логику всей кампаніи. Генералы, которые будутъ призваны управлять кавалерійскими массами, должны, кромѣ опытнаго взгляда на военное дѣло во всемъ его объемѣ, обладать и военнымъ глазомѣромъ, и способностью умозаключать при всякой обстановкѣ, и безпредѣльною дѣятельностію, и, наконецъ, главное, характеромъ, способностію самостоятельно рѣшаться нести отвѣтственность!!! Все это качества недюжинныя, скажу, не манежныя и не плацпарадныя; вотъ почему арміи должны быть дороги тѣ, которые удовлетворили вышесказанному, да еще и въ суровую зимнюю пору, за 100 верстъ отъ своей пѣхоты, въ тѣ дни, когда для нихъ дѣло шло о чести ввѣренныхъ имъ штандартовъ, о жизни сотней молодцевъ и, наконецъ, о безвозвратномъ быть или не быть ихъ собственной боевой репутаціи. Такихъ людей можетъ забыть развѣ только зависть.

Поздравляю тебя съ алмазною шпагою — это будетъ для тебя пріятнымъ воспоминаніемъ и служитъ для меня доказательствомъ, что Государь Императоръ тебя понялъ и оцѣнилъ. Напиши мнѣ, пожалуйста, поподробнѣе о себѣ и вообще о многомъ.

Генералу Веревкину я сдалъ корпусъ въ исправности. Ты знаешь, я люблю службу и никакихъ претензій себѣ не позволяю имѣть. Исполняю приказанія—вотъ и все. Крѣпко жму руку. Твой любящій Михаилъ Скобелевъ.

Сообщ. В. В. Верещагинъ.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ИСАКОВЪ

1839 $\frac{\text{августа}}{8}$ 1889.

Директоръ педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній, генералъ-лейтенантъ В. П. Коховскій, — сообщилъ всѣмъ сотрудникамъ Педагогическаго музея нижеприведенный, воспослѣдовавшій 8-го августа 1889 г. высочайшій на имя генералъ-отъ-инфантеріи Н. В. Исакова рескриптъ по случаю юбилея полувѣковой службы и государственной дѣятельности Николая Васильевича.

Генералъ Исаковъ, ближайшій сотрудникъ бывшаго военнаго министра гр. Д. А. Милютина въ его высоко просвѣщенной руководительной дѣятельности по образованію военной молодежи, каковая дѣятельность была осуществленіемъ предначертаній незабвеннаго Государя-Освободителя,—принадлежитъ къ наиболѣе свѣтлымъ личностямъ эпохи минувшаго царствованія. Труды и заботы Н. В. Исакова—о ввѣренныхъ его ближайшему вѣдѣнію военно-учебныхъ заведеній, его гуманные взгляды и постоянная готовность поддержать все доброе—пріобрѣли ему чувства общей любви и уваженія со стороны всѣхъ, кто имѣлъ удовольствіе служить въ его обширномъ вѣдомствѣ. Эти чувства не застыли и въ тотъ рядъ годовъ, въ теченіе которыхъ Н. В. Исаковъ—не занималъ уже прежняго поста, что съ особенною силою сказалось во время празднованія въ 1889-мъ году юбилея его полувѣковой государственной службы. Въ день этого юбилея Н. В. Исаковъ получилъ—8-го августа 1889 г.—множество самыхъ сердечныхъ привѣтствій и поздравленій. По случаю дорогаго для него дня юбиляръ былъ осчастливленъ высочайшимъ рескриптомъ. Хотя этотъ актъ былъ своевременно напечатанъ во всѣхъ газетахъ, но мы вносимъ его на страницы «Русской Старины» какъ потому, что онъ относится къ особо выдающемуся государственному и общественному дѣятелю минувшей, славной въ лѣтописяхъ Россіи, эпохи великихъ преобразованій, такъ и потому, что въ этомъ рескриптѣ съ высоты Трона указывается на высокое образовательное значеніе основаннаго при самомъ дѣятельномъ участіи Н. В. Исакова Педагогическаго музея въ С.-Петербургѣ.

Ред.

«Николай Васильевичъ. Полувѣковое служеніе ваше престолу и отечеству всегда отличалось успѣшнымъ и неуклоннымъ исполненіемъ возлагаемыхъ на васъ обязанностей. Посвятивъ боевому поприщу первые годы вашей служебной дѣятельности, вы ознаменовали ихъ, въ дѣлахъ съ горцами на Кавказѣ и во время венгерской и крымской кампаній, подвигами личной храбрости, неоднократно стяжавшими вамъ благоволеніе въ Бозѣ почившаго дѣда моего, императора Николая 1. Незабвенный родитель мой также оцѣнилъ ваши особенныя дарованія, назначивъ васъ попечителемъ московскаго учебнаго округа, а затѣмъ главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній. Занимая сіи должности, вы, при непрестанномъ личномъ надзорѣ и руководствѣ, съ примѣрнымъ рвеніемъ заботились о правильной постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ духѣ вѣры и нравственнаго долга. Попеченія ваши, направленныя къ развитію на прочныхъ началахъ учебной системы, равно какъ настойчивые труды по учрежденію весьма важнаго по образовательному значенію педагогическаго музея, доставили вамъ заслуженную извѣстность. Тѣмъ же неизмѣннымъ усердіемъ и рвеніемъ отмѣчено опытное содѣйствіе, оказываемое вами совѣту императорскаго человѣколюбиваго общества и главному управленію россійскаго общества «Краснаго Креста», по званію члена сихъ благотворительныхъ учрежденій. Въ послѣднее время будучи призваны мною къ присутствованію въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, вы приносите существенную пользу просвѣщеннымъ участіемъ вашимъ въ разработкѣ финансовыхъ и экономическихъ вопросовъ.

Желая выразить вамъ особое благоволеніе за вашу многолѣтнюю и обильную трудами дѣятельность, Я, въ сей знаменательный для васъ день, жалую васъ кавалеромъ императорскаго ордена святаго апостола Андрея Первозваннаго, знаки коего при семъ препровождаются.

Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный».

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: «Александръ».

«8 августа 1889 г. Петергофъ».

Учебно-воспитательный комитетъ Педагогическаго музея и всѣ его спеціальные отдѣлы, глубоко цѣня заслуги основателя музея, признали необходимымъ ходатайствовать о разрѣшеніи поставить въ помѣщеніи учрежденія бюстъ генералъ-адъютанта Исакова.

На это ходатайство, представленное въ установленномъ порядкѣ, послѣдовало высочайшее разрѣшеніе: «поставить въ помѣщеніи Педагогическаго музея бюстъ члена государственнаго совѣта, генералъ

адъютанта Исакова, какъ лица, подъ руководствомъ котораго образовался и развился Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній».

Въ день юбилея Педагогическій музей привѣтствовалъ своего основателя слѣдующей телеграммой:

«Шпола. Генералъ-адъютанту Исакову.

«Приношу вашему высокопревосходительству вмѣстѣ со всѣми служащими и добровольно трудящимися въ Педагогическомъ музеѣ наши искреннѣйшія поздравленія съ днемъ вашего юбилея. Мы всѣ безконечно радуемся полученному нами высочайшему разрѣшенію поставить въ помѣщеніи музея бюстъ вашъ, какъ лица, подъ руководствомъ котораго образовался и развился Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній. Да живетъ вѣчно память о вами содѣянномъ и да поможетъ вамъ Богъ совершить еще много полезнаго для нашего отечества и для всего культурнаго міра».

Директоръ музея, генералъ-маіоръ Коховскій».

На эту телеграмму былъ полученъ отвѣтъ:

«Петербургъ. Соляной Городокъ. Генералу Коховскому.

Сердечно благодаренъ за доброе привѣтствіе и испрошенную честь.

Исаковъ».

Педагогическій музей отнынѣ обязанъ Николаю Васильевичу Исакову не только какъ своему основателю, но и какъ лицу, почтенному за выдающіяся заслуги высочайшимъ рескриптомъ, въ которомъ въ первый разъ, съ высоты Престола, выражена всемилостивѣйшая оцѣнка образовательнаго значенія Педагогическаго музея. Этотъ радостнѣйшій для насъ знакъ монаршаго вниманія къ учрежденію, явленный его учредителю, да будетъ неизмѣнно руководителемъ въ нашихъ общихъ дальнѣйшихъ трудахъ — поддержать учрежденіе на высочайше указанной ему высотѣ.

Генералъ-лейтенантъ Коховскій.

ВОЙНЫ РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ.

От Ред. «Русской Старины».

Подписчики «Русской Старины» на 1890 г., желающіе выписать историческіе труды генеральнаго штаба генералъ-маіора Андрея Николаевича Петрова о русско-турецкихъ войнахъ и подписавшіеся на эти сочиненія до 1-го января 1890 г., получаютъ ихъ съ слѣдующею уступкою:

I. «Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами, 1769—1774 годовъ», пять томовъ, съ планами и картой. Цѣна вмѣсто 7 р. 50 к.—**ТРИ** р.

II. «Вторая война съ Турціей, 1787—1791 гг.», два тома, съ планами и картой. Удостоено отъ Императорской Академіи наукъ Уваровской преміи. Цѣна вмѣсто 3 р.—**ОДИНЪ** р. **50** к.

III. «Третья война съ Турціей, 1806—1812 гг.», три тома, съ планами и картой. Удостоено отъ Императорской Академіи наукъ высшей Макаріевской преміи. Цѣна вмѣсто 5 р. 75 к.—**ТРИ** руб.

Всѣ три историческіе труда за 7 руб. 50 коп. съ пересылкою (вмѣсто объявленной цѣны 16 руб.)

Примѣчаніе. Удостоеніе помянутыхъ историческихъ трудовъ генерала А. Н. Петрова преміями отъ Императорской Академіи наукъ представляетъ свидѣтельство высокихъ достоинствъ этихъ изслѣдованій. Составленныя, главнымъ образомъ, по неизданнымъ архивнымъ матеріаламъ, сочиненія Андрея Николаевича Петрова отличаются живостью и образностью изложенія, строго критическою оцѣнкою дѣятелей и событій и вообще представляютъ собою столь замѣчательные труды, которые безспорно принадлежатъ къ группѣ лучшаго, что произвела русская историческая литература новѣйшаго времени.

М. С.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА.

Въ 1887-мъ году, къ исполнившейся семидесятипяти-лѣтней годовщинѣ отечественной войны, художникъ-фотографъ I. К. Гоффертъ выпустилъ въ свѣтъ въ Петербургѣ большой альбомъ, состоящій изъ двѣнадцати свѣто-печатныхъ оттисковъ - фотогравюръ (въ большой полулистъ каждая), на превосходной бумагѣ, напечатанныхъ у Шерера, Набгольца и К° въ Москвѣ. Это—снимки съ картинъ нѣкогда славнаго нѣмецкаго живописца П. Гессе, каковыя картины находятся въ Императорскомъ Зимнемъ дворцѣ.—Фотогравюры сопровождаются сжатымъ, но вполнѣ точнымъ и обстоятельнымъ изложеніемъ событій, на картинахъ изображенныхъ, каковой текстъ пересмотрѣнъ и исправленъ академикомъ генералъ-лейтенантомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ.

Снимки исполнены по фотографіямъ I. К. Гofферта, съ Высочайшаго соизволенія.

Мысль сдѣлать доступными любителямъ художествъ и исторіи— художественныя сокровища, украшающія Зимній дворецъ, заслуживаетъ полнаго сочувствія, тѣмъ болѣе — когда, какъ въ данномъ случаѣ, является воспроизведеніе картинъ, такъ сказать, иллюстрирующихъ воспоминанія о величайшихъ событіяхъ въ новѣйшей исторіи нашего отечества. Альбомъ г. Гофферта составляетъ хорошій подарокъ для всѣхъ любителей художественныхъ произведеній, въ особенности полезенъ для учебныхъ заведеній, гдѣ картины эти могутъ быть вставлены въ рамы, а текстъ, напечатанный на одной сторонѣ листа, наклеенъ на картоны и все изданіе можетъ, такимъ образомъ, служить прекраснымъ нагляднымъ пособіемъ при чтеніяхъ и разсказахъ о великой эпопеѣ въ жизни русскаго народа, объ отечественной войнѣ.

Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній признало уже пользу и значеніе въ этомъ смыслѣ изданія г. Гофферта; оно рекомендовало его альбомъ «военно-учебнымъ заведеніямъ, какъ изданіе, по содержанію своему и по исполненію заслуживающее широкаго распространенія въ этихъ заведеніяхъ» (подлинныя выраженія офиціальнаго отзыва нач. воен. уч.-завед. отъ 30 сент. 1888 г. за № 11,714).

Предметами картинъ этого альбома послужили слѣдующія событія: I. Сраженіе при Клястицахъ 19-го іюля 1812 г.—II. Подвигъ генерала Невѣровскаго подъ Краснымъ 2-го августа 1812 г.—

III. Сраженіе подъ Смоленскомъ 4-го и 5-го августа 1812 г.— IV. Сраженіе при Лубинѣ или при Валутиной горѣ 7-го августа 1812 г.—V. Бородинская битва 26-го августа 1812 г.—VI. Сраженіе подъ Тарутинымъ 6-го октября 1812 г.—VII. Сраженіе при Полоцкѣ 6-го и 7-го октября 1812 г.—VIII. Сраженіе при Малоярославцѣ 12-го октября 1812 г.—IX. Сраженіе при городѣ Вязьмѣ 22-го октября 1812 г.—X. Сраженіе подъ Краснымъ 5-го ноября 1812 г.—XI. Сраженіе при рѣкѣ Лосминѣ 6-го ноября 1812 г.— XII. Переходъ черезъ рѣку Березину 16-го ноября 1812 года.

Всѣ снимки картинъ П. Гесса, вошедшіе въ альбомъ І. К. Гofферта, по справедливому отзыву спеціальнаго русскаго художественнаго органа («Художественныя Новости» 1888 г., № 20, стр. 482—484, кстати скажемъ, органа весьма хорошо издающагося А. И. Сомовымъ): «въ отношеніи отчетливости, тонкости и изящества исполненія могутъ выдержать сравненіе съ подобными эстампами, производимыми за границей».

Цѣна альбома І. К. Гofферта, въ картонномъ портфелѣ, пятнадцать рублей. Для подписчиковъ «Русской Старины» І. К. Гoffертъ дѣлаетъ уступку, а именно: альбомъ продается за двѣнадцать рублей въ портфелѣ, а въ хорошемъ переплетѣ по 14 руб. за экземпляръ. Деньги благоволятъ высылать къ издателю альбома: въ С.-Петербургъ, Іосифу Казиміровичу Гofферту, Петербургская сторона, Большой проспектъ, д. № 80, кв. 3. Ред.

Князь А. А. Шаховской: „1812 годъ“,

КЪ ЕГО ЗАПИСКАМЪ.

Въ «Русской Старинѣ», изд. 1889 г., т. LXIV, книга октябрь, стр. 31—65, напечатаны интересныя воспоминанія извѣстнаго драматическаго писателя кн. А. А. Шаховскаго о первыхъ дняхъ въ сожженной Москвѣ въ 1812 году, послѣ удаленія изъ нея французовъ.

Воспоминанія эти, какъ оказывается, были уже напечатаны въ «Военномъ Сборникѣ» 1864 г., книга V-я, каковое обстоятельство нами упущено изъ виду, почему и не оговорено своевременно. Тѣмъ не менѣе, однако, читатели наши, конечно, не посѣтовали за воспроизведеніе по рукописи, исправленной рукою самого автора и имъ подписанной, этого интереснаго разсказа, уже потому, что при сличеніи текста, явившагося въ «Русской Старинѣ», съ текстомъ «Военнаго Сборника»—въ семъ послѣднемъ оказались сокращенія, а въ одномъ мѣстѣ, именно въ концѣ «Воспоминаній», мы нашли большой пропускъ, воспроизведенный у насъ и состоящій въ трехъ страницахъ нашего журнала (см. стр. 60—63).

Такъ или иначе, но будучи всегда признательными за указаніе нашихъ недосмотровъ, мы повторяемъ и въ данномъ случаѣ постоянную нашу просьбу: всѣ таковыя указанія направлять въ «Русскую Старину», такъ какъ помѣщенныя въ другихъ изданіяхъ, въ особенности въ газетахъ, они случайно могутъ не дойти ни до насъ, ни до читателей нашего историческаго журнала.

Ред.

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВСКІЙ

† 17-го октября 1889 г.

Внезапная кончина въ г. Саратовѣ извѣстнаго писателя, публициста, экономиста и переводчика Н. Г. Чернышевскаго—вызвала въ печати некрологи и воспоминанія о немъ. Въ архивѣ «Русской Старины» находится разсказъ изъ первой юности этого писателя, принадлежащій его товарищу по воспитанію въ саратовской семинаріи, нынѣ благочинному въ Маріинской колоніи, саратовской епархіи,—о. Александру Ивановичу Розанову.

Приводимъ этотъ разсказъ, какъ матеріалъ, не лишенный интереса для біографіи покойнаго Н. Г. Чернышевскаго. Ред.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій—сынъ саратовскаго протоіерея, градскаго благочиннаго и члена консисторіи Гавріила Ивановича Чернышевскаго, человѣка весьма умнаго, добраго и всѣми любимаго. Мало встрѣчается въ жизни людей, которые пользовались-бы такимъ всеобщимъ уваженіемъ, какъ отецъ Николая Гавриловича. Мать Николая Гавриловича была родною теткою извѣстнаго уважаемаго писателя и ученаго А. Н. Пыпина; поэтому Чернышевскій и А. Н. Пыпинъ двоюродные братья.

Николай Гавриловичъ родился въ 1826 году и былъ единственнымъ сыномъ у своихъ родителей. До 16-ти-лѣтняго возраста его готовили учителя гимназіи и семинаріи; въ 1842 году, 16-ти лѣтъ, онъ поступилъ въ семинарію; въ томъ-же году и въ этотъ-же классъ поступилъ и я. Такимъ образомъ Николай Гавриловичъ сдѣлался моимъ товарищемъ по семинаріи.

Въ это время онъ былъ нѣсколько болѣе средняго росту, съ необыкновенно нѣжнымъ, женственнымъ лицомъ; волоса свѣтложелтые, но волнистые, мягкіе и красивые; голосъ его былъ тихій, рѣчь пріятная, вообще это былъ юноша какъ самая скромная, симпатичная и невольно располагающая къ себѣ дѣвушка. Къ его несчастію, онъ былъ крайне близорукъ: книгу или тетрадь онъ держалъ всегда у самыхъ глазъ, а писалъ всегда наклонившись къ самому столу.

Научныя свѣдѣнія его были необыкновенно велики: онъ зналъ языки латинскій, греческій, еврейскій, французскій, нѣмецкій,

польскій и англійскій. Начитанность была необыкновенная. Между нашими преподавателями былъ нѣкто Гавріилъ Степановичъ Воскресенскій, здравствующій, кажется, и теперь еще (1880 г.). Это былъ человѣкъ жестокій до звѣрства, но, какъ преподаватель — лучшій въ семинаріи. Какъ знатоку своего дѣла, ему кличку дали: Зотка. Иначе его, конечно, за глаза, никто не звалъ, какъ Зотка. Заговоритъ бывало о чемъ-нибудь Гавріилъ Степановичъ и спроситъ: не читалъ-ли кто-нибудь объ этомъ?—всѣ или молчатъ, или отвѣтятъ, что не читали. «Ну, а вы, Чернышевскій, читали?» спроситъ онъ. Въ то время, какъ Воскресенскій говорилъ и спрашивалъ, Чернышевскій, по обыкновенію, писалъ что-нибудь. Во время класса, при наставникахъ, онъ всегда дѣлалъ выписки изъ лексиконовъ, это было его обыкновенное и непремѣнное занятіе. Пишетъ Чернышевскій, учитель спроситъ его и не повторяетъ вопроса; тотъ встаетъ и начинаетъ: «германскій писатель N. N. говоритъ объ этомъ... французскій... англійскій»... Слушаешь, бывало, и не можешь понять: откуда человѣкъ набралъ столько свѣдѣній! И такъ всегда: коль скоро о чемъ-нибудь не знаетъ никто, то и берутся за Чернышевскаго, а тотъ знаетъ уже непремѣнно. Многосторонностію знаній и обширностію свѣдѣній по св. писанію, всеобщей гражданской исторіи, логикѣ, психологіи, литературѣ, исторіи, философіи и пр. онъ поражалъ всѣхъ насъ. Наставники наши считали удовольствіемъ поговорить съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, вполнѣ уже развитымъ.

Воскресенскій преподавалъ, между прочимъ, св. писаніе и латинскій языкъ. Въ классѣ латинскаго языка онъ доходилъ, положительно, до бѣшенства: тутъ онъ кричалъ, метался, ругался и билъ чѣмъ ни попало и гдѣ ни попало. Библіи и лексиконы онъ избивалъ о головы учениковъ въ лохмотья. Изобьетъ лексиконъ, схватитъ въ кулакъ листа три, и начнетъ бить въ рыло: «на, жри, жри, песъ, жри, песъ!» Поэтому, предъ латинскимъ классомъ мы всѣ дрожали. Въ этомъ состояніи единственнымъ и неутомимымъ помощникомъ, по крайней мѣрѣ, для половины класса учениковъ, былъ Николай Гавриловичъ. Классы раздѣлялись на дообѣденные и послѣобѣденные. Латинскій языкъ былъ послѣ обѣда. Николай Гавриловичъ приходилъ въ классъ раньше нарочито, чѣмъ было то нужно, и съ товарищами зани-

мался переводомъ. Подойдетъ группа, человѣкъ въ 5—10, онъ переведетъ трудныя мѣста и объяснитъ; только что отойдетъ эта, — подходитъ другая, тамъ третья и т. д., а тамъ: то изъ одного угла кричатъ: «Чернышевскій! Почему здѣсь стоитъ supinum», или что-нибудь въ этомъ родѣ, то изъ другаго: «какое значеніе дать здѣсь слову?»... И не было случая, чтобы Чернышевскій выразилъ, хоть-бы полусловомъ, свое неудовольствіе, что ему надоѣли, хотя надоѣсть было кому, — въ классѣ было болѣе 100 человѣкъ и половина класса, навѣрное, обращалась къ его помощи.

Классныя комнаты у насъ, по зимамъ, не топились, оконныя рамы были однѣ, двери разбиты,—и холодъ въ классѣ невыносимый [1]). Единственнымъ средствомъ отогрѣться было повозиться, побороться, подраться въ кулачки. Комнаты были огромныя, народу пропасть, всѣ возятся, — а Чернышевскій засядетъ въ уголъ, смотритъ и улыбается. Вытащатъ и его,—начнетъ и онъ бороться. Нерѣдко случалось, что когда онъ уставалъ, то борцы возьмутъ его на руки и, съ почетомъ, отнесутъ его опять на свое мѣсто. При наставникахъ-же онъ всегда садился первымъ за передней партой.

Курсы въ семинаріяхъ были двухгодичные. Н. Г. Чернышевскій пробылъ одинъ курсъ въ низшемъ отдѣленіи — два года, одинъ годъ въ среднемъ отдѣленіи, вышелъ изъ семинаріи и поступилъ въ университетъ. Въ семинаріи былъ онъ всего три года.

Раза три или четыре онъ присылалъ изъ Петербурга письма всѣмъ бывшимъ своимъ товарищамъ. Въ одномъ большомъ пакетѣ онъ присылалъ небольшія записочки каждому особо по именно, и непремѣнно скажетъ каждому какую нибудь особенность, характеризующую его: одного спроситъ: много ли выпилъ водки за послѣдніе мѣсяцы, другаго—сколько разъ «Синайскій» побилъ, третьему, готовящемуся въ университетъ, укажетъ на какія нибудь книги. Нѣсколько писемъ присылалъ и общихъ всему классу. Тутъ онъ писалъ о себѣ и о томъ, на что особенно должны обращать вниманіе готовящіеся въ университетъ или медико-хирургическую академію. Университетскіе каникулы начинались раньше, чѣмъ въ семинаріяхъ, поэтому Н. Г. Чернышевскій,

---

[1]) Нынѣ это зданіе въ Саратовѣ совершенно брошено; семинарія переведена въ новое превосходное зданіе. Мы посѣтили его въ 1888-мъ году. Ред.

пріѣзжая на каникулы домой, заставалъ насъ еще въ Саратовѣ. На другой же день онъ приходилъ въ семинарію и дружески цѣловался со всѣми; разспрашивалъ и разсказывалъ какъ родной братъ, и непремѣнно всѣхъ, человѣкъ по 6—10, водилъ къ себѣ въ домъ напоить чаемъ и побесѣдовать. Нѣкоторыхъ приглашалъ онъ раза по три и больше.

Въ то время, когда Н. Г. Чернышевскій былъ потомъ учителемъ въ саратовской гимназіи, въ Саратовѣ проживалъ Н. И. Костомаровъ. Чернышевскій былъ съ нимъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. А такъ какъ достоуважаемый всей Россіей историкъ Н. И. Костомаровъ слылъ въ нашемъ Саратовѣ, Богъ вѣсть чего ради, за человѣка крайнихъ политическихъ убѣжденій, то дружба съ нимъ много повредила Н. Г. Чернышевскому въ глазахъ гимназическаго начальства.

Въ то время, какъ Н. Г. Чернышевскій былъ учителемъ гимназіи въ Саратовѣ, его матушка скончалась.

По отъѣздѣ въ Петербургъ отецъ Ник. Гавр. остался одинъ и вскорѣ переведенъ былъ отъ приходской своей церкви (Сергіевской) намѣсто каѳедральнаго протоіерея.

Въ одномъ домѣ, однажды, за многолюднымъ обѣдомъ, ректоръ семинаріи спросилъ достопочтеннаго о. Гавріила на весь народъ: «правда ли, отецъ протоіерей, что Николай Гавриловичъ посаженъ въ крѣпость и приговоренъ уже къ казни»? Гавріилъ Ивановичъ едва могъ проговорить: «не знаю», но тотчасъ же уѣхалъ домой и на другой день — померъ. Гавріилъ Ивановичъ былъ мужчина полный и умеръ отъ удара. Николай Гавриловичъ былъ въ это время, дѣйствительно, арестованъ.

Говоря о Н. Г. Чернышевскомъ, мнѣ нѣтъ дѣла ни до его личныхъ политическихъ убѣжденій, ни до «глубокаго внутренняго убѣжденія» Сената (1864 г.) и ни до чьего бы то ни было убѣжденія.

Я говорю о Николаѣ Гавриловичѣ только, какъ о товарищѣ моей юности, и говорю, что это былъ умный, кроткій, добрый, любящій и всѣми любимый товарищъ.

А. И. Розановъ.

1881 г.

Стихотворенія К. Р. Второе изданіе, 1879—1885. Спб. 1889, въ м. 8 д., стр. 231 + V. Цѣна 2 руб.

Новыя стихотворенія К. Р. 1886—1888. Спб., 1889, въ м. 8 д., стр. 167 + III. Цѣна 1 руб. Обѣ книги въ переплетахъ.

Въ 1886-мъ году въ Петербургѣ вышла изящно изданная книжечка—первое собраніе стихотвореній поэта молодаго, но уже успѣвшаго обратить на себя вниманіе прелестными лирическими произведеніями, появившимися въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ.

Сборникъ этотъ, соединившій въ себѣ до семидесяти семи произведеній музы К. Р., за время съ 1879-го по 1886-й годъ,—не былъ, къ сожалѣнію, назначенъ для публики и быстро разошелся лишь въ тѣсномъ кругу почитателей молодаго, сильнаго дарованія.

Тѣмъ не менѣе и въ печати книжечка была весьма замѣчена и, между прочими отзывами, наше изданіе «Русская Старина» такъ привѣтствовало этотъ сборникъ:

«Прекрасный, пѣвучій стихъ К. Р., задушевность многихъ произведеній его молодой изящной музы, тщательная выработка стиха, льющагося вполнѣ свободно, — выдвигаютъ его изъ ряда молодыхъ русскихъ поэтовъ послѣдняго десятилѣтія». («Русск. Стар.» 1887 г., т. LV, авг., стр. 466—473).

Тогда же мы привели изъ этого собранія нѣсколько стихотвореній и не могли отказать себѣ въ удовольствіи—продолжали извлекать изъ него и въ послѣдующихъ выпускахъ «Русской Старины» (1887 и 1888 годовъ)—всего до тридцати произведеній музы К. Р., чѣмъ и вызвали признательность многихъ нашихъ читателей и заявленія отъ нихъ о желаніи пріобрѣсти собраніе стихотвореній К. Р. [1]).

---

[1]) Въ «Русской Старинѣ» были напечатаны слѣдующія изъ стихотвореній К. Р.: «Псалмопѣвецъ Давидъ», «Серенада», «Письмо», «Надпись въ Евангеліе», «Я баловень судьбы...», «Распустилась черемуха въ нашемъ саду...», «Христосъ съ тобой». («Русская Старина» 1887 г., т. LV, августъ, стр. 468—472). «Умеръ» («Русск. Стар.» 1887 г., окт., стр. 240—242). «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!», «Земля пробудилась отъ долгаго сна...», «Письмо», «Я засыпаю...»

Желанія эти только теперь могутъ исполниться, такъ какъ помянутое собраніе вышло нынѣ вторымъ тисненіемъ, первымъ для публики; въ него вошло 78 стихотвореній К. Р. за время съ 1879 по 1885 г. включительно, и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Но кромѣ этого сборника одновременно поступилъ въ продажу названный выше выпускъ «Новыхъ стихотвореній К. Р.» писанныхъ имъ въ 1886—1889 гг, всего 54 произведенія. Сгрупированы они въ нѣсколько отдѣловъ: лирическія стихотворенія, гекзаметры, посланія, строфы (Севастіанъ мученикъ), посланія и изъ полковой жизни.

Къ прежнимъ достоинствамъ поэта—именно къ изящной прелести его стиха, живости и образности поэтическихъ образовъ и картинъ природы «Новыя стихотворенія» присоединяютъ нѣкоторыя новыя достоинства музы К. Р.: серьезность и возвышенность темъ, каковыя избираетъ иногда поэтъ, какъ напр. «Севастіанъ мученикъ», веселость и остроуміе въ очеркахъ военной полковой жизни—куда поэтъ видимо вноситъ много свѣту и много самой задушевной любви къ бравымъ и добрымъ товарищамъ и къ русскому вообще солдату, наконецъ въ тѣхъ же «Новыхъ стихотвореніяхъ» читатель съ величайшимъ удовольствіемъ прочтетъ посланія къ главарямъ современныхъ отечественныхъ поэтовъ А. Н. Майкову, Я. П. Полонскому и А. А. Фету, а также къ старшинѣ отечественныхъ писателей, могучему по его дарованію—И. А. Гончарову.

Отношенія К. Р. къ этимъ лицамъ, полныя уваженія и признанія высокаго ихъ значенія въ отечественной словесности, служатъ залогомъ дальнѣйшаго преуспѣянія молодаго поэта на нивѣ нашей словесности. Слѣдуя прекраснымъ образцамъ, муза К. Р. все болѣе и болѣе будетъ дарить истинные перлы въ сокровищницу русской поэзіи.

Что мы не увлекаемся какимъ либо пристрастіемъ, пусть судятъ и провѣрятъ насъ многочисленные читатели «Русской Старины». Сожалѣя, что, за недостаткомъ мѣста, мы не можемъ перепечатать бо́льшей части прекрасной книжечки (изящной и по внѣшности, она

«Ужъ слабѣя и блѣднѣя...», «Повѣяло черемухой...», «Смерклось, мы въ саду сидѣли...», «Царь Саулъ», «Тебя преслѣдуетъ людская злоба...» («Русск. Стар.» 1887 г., т. LVI, ноябрь, стр. 519—524).

«Блаженъ, кто улыбается...», «Въ Венеціи», «Умолкли рыданія бури кипучей...», «Надпись къ картинѣ», «Отдохни», «Отцвѣтаетъ сирень у меня подъ окномъ...», «Вчера мы ландышей нарвали...», «Изъ Апокалипсиса», «На порогѣ жизни», «Съ нѣмецкаго», «Поймете-ль вы тѣ чудныя мгновенья...» («Русская Старина» изд. 1888 г., т. LVII, стр. 168, 320, 354, 384, 518, 566, 694).

«Жениху и невѣстѣ», «Ужъ гасли въ комнатахъ огни...» («Русск. Стар.» 1888 г., т. LVIII, стр. 606).

напечатана въ Государственной типографіи),—мы приводимъ на выдержку нѣсколько стихотвореній К. Р., именно изъ позднѣйшихъ по времени ихъ написанія.

Ред.

Розы [1]).

Во дни надежды молодой,
Во дни безоблачной лазури
Намъ незнакомы были бури,—
Безпечны были мы съ тобой.
Для насъ цвѣты благоухали,
Луна сіяла только намъ,
Лишь мнѣ съ тобою по ночамъ
Пѣлъ соловей свои печали.
— Въ тѣ беззаботные года
Не знали мы житейской прозы;
Какъ хороши тогда,
Какъ свѣжи были розы!

То время минуло давно....
— Извѣдавъ бѣды и печали,
Мы много скорби повстрѣчали;
Но унывать, мой другъ, грѣшно:
Взгляни какъ Божій міръ прекрасенъ;
Небесный сводъ глубокъ и чистъ,
Нашъ садъ такъ зеленъ и душистъ,
И теплый день, и тихъ, и ясенъ,
Пахнулъ въ растворенную дверь;
Въ цвѣтахъ росы сіяютъ слезы....
Какъ хороши теперь,
Какъ свѣжи эти розы!

За все, что выстрадали мы,
Повѣрь, воздастся намъ сторицей.
Дни пронесутся вереницей,
И послѣ сумрачной зимы
Опять въ расцвѣтшія долины
Слетитъ счастливая весна;
Засвѣтитъ кроткая луна;
Польется рокотъ соловьиный —

---

[1]) Написано къ состязанію «Измайловскихъ Досуговъ» на тему изъ Стихотвореній въ прозѣ И. С. Тургенева: «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!».

И отдохнемъ мы отъ труда,
Вернутся радости и грезы:
Какъ хороши тогда,
Какъ свѣжи будутъ розы!

С.-Петербургъ
9 Декабря 1886 г.

Колокола.

Несется благовѣстъ... — Какъ грустно и уныло
На сторонѣ чужой звучатъ колокола.
Опять припомнился мнѣ край отчизны милой,
И прежняя тоска на сердце налегла.

Я вижу сѣверъ мой съ его равниной снѣжной,
И словно слышится мнѣ нашего села
Знакомый благовѣстъ.... И ласково, и нѣжно
Съ далекой родины гудятъ колокола.

Штутгартъ.
20 Октября 1887 г.

* * *

Не говори, что къ небесамъ
Твоя молитва недоходна:
Вѣрь, какъ душистый ѳиміамъ,
Она Создателю угодна.

Когда ты молишься, не трать
Излишнихъ словъ; но всей душою
Старайся съ вѣрой сознавать,
Что слышитъ Онъ, что Онъ съ тобою.

Что для Него слова?—О чемъ,
Счастливый сердцемъ иль скорбящій
Ты не помыслилъ-бы,—о томъ
Ужель не вѣдаетъ Всезрящій?

Любовь къ Творцу въ душѣ твоей
Горѣла-бъ только неизмѣнно,
Какъ предъ иконою священной
Лампады теплится елей.

С.-Петербургъ.
25 Января 1888 г.

Поэту[1]).

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.
Пушкинъ.

Пусть гордый умъ вѣщаетъ міру,
Что все незримое—лишь сонъ,
Пусть знанья молится кумиру
И лишь науки чтитъ законъ.

Но ты, поэтъ! вѣрь въ жизнь иную,—
Тебѣ небесъ открыта дверь;
Вѣрь въ силу творчества живую,
Во все несбыточное вѣрь!

Лишь тѣмъ, что свято, безупречно,
Что полно чистой красоты,
Лишь тѣмъ, что свѣтитъ правдой вѣчной,
Пѣвецъ, плѣняться долженъ ты.

Любовь—твое да будетъ знанье:
Проникнись ей—и пѣснь твоя
Въ себѣ включитъ и все страданье,
И все блаженство бытія.

С.-Петербургъ.
5-го Мая 1888 г.

*
* *

Вчера соловьи голосистые
Запѣли порою ночной,
И тополя листья душистые
Шептались во снѣ межъ собой.

Съ зарею встрѣчаясь малиновой,
Другая заря занялась....
Съ тобою за рощей осиновой
Въ полночный мы встрѣтились часъ.

Напрасно тропинкой знакомою
Ты шла на свиданье со мной:
Я сладкой объятый истомою
Не могъ любоваться тобой.

---

[1]) Написано къ состязанію «Измайловскихъ Досуговъ».

Любуясь той ночью единою,
Я молча и млѣлъ, и дрожалъ;
За пѣснью слѣдя соловьиною,
Я тополей запахъ вдыхалъ.

— О вешняя ночь благовонная!
Я понялъ волшебный твой свѣтъ:
Земля, въ это небо влюбленная,
Ему свой являла расцвѣтъ.

Красное Село.
8-го Іюня 1888 г.

Счастье-жъ твоимъ голубямъ! ты снова въ дверяхъ показалась
Съ пестрой корзиной въ рукахъ, зерномъ наполненной крупнымъ.
Всѣ встрепенулись они, всѣ вдругъ надъ тобой закружились,
Близко усѣлись къ тебѣ и, нѣжно ласкаясь, воркуютъ.
Голуби всюду: въ самой корзинѣ надъ лакомымъ кормомъ,
Тѣ на плечахъ у тебя довѣрчиво такъ пріютились,
Эти у ногъ и клюютъ на порогѣ упавшія зерна.
— О, не спѣшите вспорхнуть! Побудьте здѣсь, кроткія птицы!
Дайте завидовать мнѣ вашей близости къ дѣвѣ прекрасной,
Дайте хоть издали мнѣ на нее любоваться подолѣ!

Красное Село.
22-го Іюня 1888 г.

А. А. Фету

Отважно пройдена дорога
И цѣль достигнута тобой:
Ты вѣря въ доброе и въ Бога
Свершилъ высокій подвигъ свой.

И нынѣ, слѣдомъ за тобою
Пуститься въ путь дерзаю я;
Пусть путеводною звѣздою
Сіяетъ вѣра мнѣ твоя.

А ты, испытанный годами,
Неунывающій боецъ,
Ты, убѣленный сѣдинами,
Вѣнчанный славою пѣвецъ—

Меня, взрощеннаго судьбою
Въ цвѣтахъ, и въ счастьѣ, и любви—
Своей дряхлѣющей рукою
На трудный путь благослови.

С.-Петербургъ.
29-го Марта 1887 г.

И. А. Гончарову.

Вѣнчанный славою нетлѣнной,
Безсмертныхъ образовъ творецъ!
Къ тебѣ приблизиться смиренно
Дерзалъ неопытный пѣвецъ.

Ты на него взглянулъ безъ гнѣва,
Своимъ величьемъ не гордясь,
И звукамъ робкаго напѣва
Внималъ задумчиво не разъ.

Когда-жъ бывали пѣсни спѣты,
Его ты кротко поучалъ;
Ему художества завѣты
И тайны вѣчныя вѣщалъ.

— И объ одномъ лишь въ умиленьѣ
Онъ нынѣ проситъ у тебя:
Прими его благодаренье,
Благословляя и любя.

Гатчина.
31 Декабря 1887 г.

Снова дежурю я въ этой палаткѣ;
Ходитъ, какъ въ прежніе дни часовой
Взадъ и впередъ по песчаной площадкѣ...
Стелется зелень луговъ предо мной.
Здѣсь далеки мы отъ шумнаго свѣта,
Здѣсь мы не знаемъ тревожныхъ заботъ:
Жизнь наша рвеньемъ горячимъ согрѣта,
Каждый здѣсь царскую службу несетъ.

Вотъ отчего мнѣ такъ милы и любы
Эти стоянки подъ Краснымъ Селомъ,

Голосъ солдатскій веселый и грубый,
Шопотъ кудрявыхъ березокъ кругомъ,
Эта укромная наша палатка,
Этотъ широкій просторъ луговой....
Въ лагерной жизни труда и порядка
Я молодѣю и крѣпну душой!

Красное Село.
31-го Мая 1888 г.

*
* *

Помнишь-ли ты, какъ бродили мы по полю
Въ жаркій, безоблачный день?
Къ стройному сѣли съ тобою мы тополю
Рядомъ, въ душистую тѣнь.

Помнишь, смѣясь, я твои слушалъ жалобы
На утомленье и зной;
Ты говорила, что вѣкъ отдыхала-бы
Здѣсь, въ этой травкѣ густой.

Строгими я отвѣчалъ наставленьями:
— По полю праздно бродить
Легче, чѣмъ съ горемъ, съ бѣдой, съ огорченьями
Жизнь трудовую прожить.

Годы промчались съ тѣхъ поръ вереницею —
Намъ ихъ вернуть не дано!
Поле теперь колосится пшеницею,
Тополь нашъ срубленъ давно.

Солнце тебя не пугаетъ горючее,
Ты не устанешь въ пути:
Ты терпѣливо глубокое, жгучее
Горе умѣешь нести.

И ни одной не проронишь ты жалобы
На злополучье свое,
Передъ которымъ давно задрожало-бы
Слабое сердце мое.

— О, подѣлись этой волею гордою,
Мужествомъ этимъ со мной,
Чтобы пройти я могъ поступью твердою
Поприще жизни земной.

Если-жь смутятъ меня міра бездушнаг
Горе, бѣда и напасть —
То пристыди ты меня малодушнаго,
Духомъ готоваго пасть.

Павловскъ.
Сентября 1886 г.

* * *

Садикъ запущенный, садикъ заглохшій, —
Старенькій, сѣренькій домъ;
Дворикъ заросшій, прудокъ пересохшій —
Ветхія службы кругомъ.

Нѣсколько шаткихъ ступеней крылечка,
Стекла цвѣтныя въ дверяхъ;
Лавки вдоль стѣнъ, изразцовая печка
Въ низенькихъ, темныхъ сѣняхъ.

Въ комнатѣ стулья съ обивкой сафьянной,
Образъ съ лампадкой въ углу,
Книги на полкахъ, каминъ, фортепьяно,
Мягкій коверъ на полу.....

Въ комнатѣ этой и зиму, и лѣто
Столько цвѣтовъ на окнѣ.....
— Какъ мнѣ знакомо и мило все это,
Какъ это дорого мнѣ!

— Юныя грезы! счастливыя встрѣчи
Въ полѣ и въ мракѣ лѣсномъ....
Подъ вечеръ долгія, тихія рѣчи
Рядомъ, за чайнымъ столомъ....

Годы минувшіе, лучшіе годы,
Чуждые смутъ и тревогъ!
Ясные дни тишины и свободы!
Мирный, родной уголокъ!

— Нынѣ-жь одно только на сердцѣ бремя
Незамѣнимыхъ потерь....
Гдѣ это доброе старое время?
Гдѣ это счастье теперь?

Павловскъ.
13-го Сентября 1886 г.

*
* *

Когда съ зарей надъ сонною землею
Забрежжитъ лучъ небеснаго огня,
Я начинаю новый день мольбою:
Благословляй меня!

Лишь только вечеръ, тихо догорая,
Подернетъ сумракомъ сіянье дня,
Я говорю тебѣ, о дорогая:
Благословляй меня!

И если знаешь ты, мой ангелъ милый,
Какъ дорога молитва мнѣ твоя,
То и всегда, всю жизнь и до могилы
Благословляй меня!

Павловскъ.
4-го Сентября 1886 г.

Молитва.

Научи меня, Боже, любить
Всѣмъ умомъ Тебя, всѣмъ помышленьемъ,
Чтобъ и душу Тебѣ посвятить
И всю жизнь съ каждымъ сердца біеньемъ.

Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердую волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.

Всѣхъ, которыхъ пришелъ искупить
Ты своею Пречистою Кровью —
Безкорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить!

Павловскъ.
4-го Сентября 1886 г.

L

АНТОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

РУБИНШТЕЙНЪ

род. 16-го ноября 1829 г.

Юбилей его полувѣковой музыкально-артистической дѣятельности.

I. Отъ Ред. „Русской Старины". — II. Воспоминанія А. Г. Рубинштейна, 1829—1889 гг. — III. Замѣтки къ его біографіи, докт. М. Б. Р.—IV. Лѣтопись событій въ жизни и дѣятельности А. Г. Рубинштейна, съ указаніемъ на статьи и отзывы о немъ и его произведеніяхъ въ русской печати съ 1839 по 1889 г. Составилъ Н. М. Лисовскій.—V. А. Г. Рубинштейнъ въ воспоминаніяхъ бывш. профессора Г. А. Лароша.—VI. А. Г. Рубинштейнъ — стихотвореніе А. Н. Яхонтова. — VII. Портреты: А. Г. и Н. Г. Рубинштейны въ 1844 г., снимокъ съ акварели П. Ѳ. Соколова. — VIII. А. Г. Рубинштейнъ въ 1889 г., гравюра на мѣди, исполнилъ художникъ Ѳ. А. Мѣркинъ.

1839 $\frac{\text{ноября}}{18.}$ 1889.

18-го ноября 1889-го г. предстоитъ торжество празднованія полувѣковаго юбилея въ С.-Петербургѣ музыкально-артистическаго служенія Россіи величайшаго изъ современныхъ во всемъ мірѣ музыкальныхъ художниковъ и піанистовъ Антона Григорьевича Рубинштейна.

«Русская Старина» съ самаго своего основанія, въ теченіи двадцати лѣтъ, всегда являвшая отзывчивость къ признанію заслугъ наиболѣе выдающихся отечественныхъ дѣятелей,—отошли ли они въ иной міръ, или продолжаютъ трудиться и въ наши дни на пользу и славу нашего отечества, — не можетъ остаться безучастною къ предстоящему торжеству, истинному празднику для всѣхъ, кто умѣетъ цѣнить все высокое значеніе заслугъ А. Г. Рубинштейна въ великомъ дѣлѣ развитія нравственныхъ силъ всего цивилизованнаго міра...

Въ виду сказаннаго мы посвятили значительную часть настоящей, ноябрьской, книги «Русской Старины» изложенію жизни и обзору дѣятельности — великаго русскаго композитора и артиста А. Г. Рубинштейна.

Обративъ при этомъ вниманіе на обширнѣйшую литературу всего, что было въ печати о немъ и о его многочисленныхъ музыкальныхъ произведеніяхъ, мы съ удивленіемъ замѣтили чрезвычайную скудость біографическихъ данныхъ объ этой высоко-плодотворной жизни; кромѣ скудости, повторяемъ, біографическихъ фактовъ, бо́льшая часть и того немногаго, что мы съ нашимъ уважаемымъ сотрудникомъ Н. М. Лисовскимъ нашли въ печати по отношенію къ жизнеописанію нашего художника, нерѣдко отличается сбивчивостью показаній и весьма многими невѣрностями... Напротивъ того, въ области музыкальной критики и болѣе или менѣе правильной оцѣнки творчества А. Г. Рубинштейна, въ массѣ статей и отзывовъ, трактующихъ о его произведеніяхъ, имѣется въ отечественной печати много весьма дѣльныхъ статей и отзывовъ, написанныхъ съ большимъ знаніемъ дѣла.

По самой программѣ «Русской Старины», преслѣдующей задачи чисто историческія и историко-біографическія по отношенію къ отечественной исторіи и къ жизни русскихъ дѣятелей, мы обратили въ настоящей книгѣ главное вниманіе на біографію Антона Григорьевича...

Въ этомъ отношеніи мы признали необходимымъ дать русскому обществу и будущимъ біографамъ великаго музыканта-художника возможно точный и подробный матеріалъ, а потому рѣшились обратиться за нимъ къ самому Рубинштейну...

Антонъ Григорьевичъ, какъ извѣстно всѣмъ многочисленнымъ его знакомымъ, не любитъ говорить о себѣ и своей дѣятельности; не любитъ даже о себѣ читать и, смѣло можно сказать, громадная часть того, что о немъ въ теченіи пятидесяти лѣтъ писалось и печаталось на всѣхъ языкахъ, ему вовсе неизвѣстно; тѣмъ не менѣе мы были такъ счастливы, что вызвали его, въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ, на изустное изложеніе многихъ событій изъ его артистической жизни...

Этотъ живой, искренній и увлекательный разсказъ А. Г. Рубинштейна, вызванный нашими личными распросами, былъ въ нашемъ присутствіи записанъ стенографомъ «Русской Старины», затѣмъ прочитанъ нами автору и, по исправленіи, согласно его замѣчаніямъ, напечатанъ въ настоящей книгѣ нашего историческаго изданія.

Какъ интересное дополненіе къ автобіографическимъ воспоминаніямъ А. Г. Рубинштейна, мы помѣстили вслѣдъ за ними небольшіе, но сердечно написанные о немъ разсказы доктора М. Б. Р—га, одного изъ его самыхъ давнихъ и близкихъ друзей, и Г. А. Лароша, одного изъ питомцевъ втораго выпуска с.-петербургской консерваторіи (1866 г.), бывшаго профс. въ Петерб. и Московской консерваторіяхъ и даровитѣйшаго изъ современныхъ русскихъ музыкальныхъ критиковъ...

Независимо отъ этихъ разсказовъ, также вслѣдъ за автобіографіей А. Г. Рубинштейна, мы помѣстили «Лѣтопись его жизни и дѣятельности, съ указаніемъ статей и отзывовъ въ русской печати объ А. Г. Рубинштейнѣ, за время съ 1839 по 1889 годъ». Этотъ обширный трудъ исполненъ, по нашему приглашенію, для «Русской Старины», изд.-ред. журнала «Библіографъ»—Николаемъ Михайловичемъ Лисовскимъ.

Важность и значеніе этого весьма усидчиваго и кропотливаго труда, полагаемъ, вполнѣ оцѣнятъ всѣ, кому доведется изучать или и самому писать о жизни и творчествѣ нашего геніальнаго артиста-композитора. «Лѣтопись» сопровождается въ приложеніи нѣсколькими

документами, которые полезно сохранить на страницахъ «Русской Старины», которая, какъ пантеонъ всѣхъ выдающихся отечественныхъ дѣятелей, представляетъ для современниковъ и потомства громадный сборникъ всѣхъ необходимыхъ данныхъ для жизнеописаній этихъ людей, составляющихъ, какъ въ данномъ случаѣ, вполнѣ гордость и славу Россіи....

Основатель перваго «Русскаго Музыкальнаго Общества», нынѣ «императорскаго»,—учредитель и первый, по времени, директоръ созданной его энергіей консерваторіи, — Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ явилъ отечеству громадныя услуги—призваніемъ къ жизни цѣлаго слоя новыхъ дѣятелей, именно музыкальныхъ-художниковъ, до него не имѣвшихъ, такъ сказать, права гражданства въ русскомъ обществѣ; онъ первымъ положилъ прочный, краеугольный камень въ основу правильнаго, серьезнаго на Руси музыкальнаго образованія, столь важнаго и необходимаго въ общемъ дѣлѣ развитія народа и въ особенности его молодыхъ поколѣній....

Множество произведеній А. Г. Рубинштейна во всѣхъ видахъ музыкальнаго творчества, какъ на русскія, такъ и на европейскія, едва-ли ни всѣхъ народовъ, темы и мелодіи, разнесли по всему земному шару славу его имени, какъ величайшаго современнаго русскаго музыкальнаго художника.... Безъ преувеличенія можно сказать, что теперь нѣтъ дня, въ который гдѣ-бы то ни было, въ Старомъ-ли или въ Новомъ свѣтѣ, въ каждомъ изъ пяти материковъ земнаго шара ни выполнялось-бы что либо изъ произведеній Рубинштейна!..

Мы, современники и соотечественники Антона Григорьевича, знаемъ какое высокое наслажденіе приноситъ слушателямъ его высокохудожественное личное исполненіе всего, что только выполняетъ онъ изъ своего необъятнаго музыкальнаго репертуара....

Да, этотъ русскій человѣкъ—колоссъ по его мощному дарованію, и имя его и плоды его творчества прейдутъ изъ вѣка въ вѣкъ къ отдаленнѣйшимъ поколѣніямъ человѣчества, доколѣ человѣкъ будетъ находить наслажденіе въ мірѣ звуковъ....

Михаилъ Семевскій.

25-го октября 1889 г.
Спб.

ВОСПОМИНАНІЯ АНТОНА ГРИГОРЬЕВИЧА РУБИНШТЕЙНА

1829—1889.

I.

Время рожденія.—Мать, первая моя наставница.—Отецъ и наша семья.—Водвореніе въ Москвѣ.—Уроки музыки.—В. Б. Грюнбергъ и ея дочь Юлія Львовна.—А. И. Виллуанъ.—Первый концертъ.—Отъѣздъ заграницу.

1829 — 1840.

Родился я въ 1829-мъ году, ноября 16-го, въ деревнѣ Вихватинецъ, на границѣ Подольской губерніи и Бессарабіи, на берегу рѣки Днѣстра. Деревня Вихватинецъ находится верстахъ въ тридцати отъ города Дубосаръ и верстахъ въ пятидесяти отъ Балты.

До сихъ поръ въ точности я не зналъ не только дня, но и года моего рожденія; въ этомъ погрѣшили показанія моей престарѣлой матушки, которая забыла время моего рожденія; но по послѣднимъ документальнымъ справкамъ — кажется несомнѣнно, что 16-е ноября 1829-го года суть день и годъ моего рожденія, но такъ какъ я всю жизнь праздновалъ день рожденія 18-го числа, то уже на седьмомъ десяткѣ—свой семейный праздникъ передвигать не приходится, пусть онъ уже и остается на 18-е ноября.

Матушка моя, Калерія Христофоровна, рожденная Левенштейнъ, была по происхожденію изъ прусской Силезіи, гдѣ получила порядочное образованіе, а главное—въ музыкѣ, что и дало ей возможность впослѣдствіи начать обученіе своихъ дѣтей этому

искусству, и я ей весьма много обязанъ, такъ какъ въ ней я имѣлъ первую по времени наставницу въ музыкѣ.

Отецъ мой, Григорій Романовичъ, русскій подданный, родомъ изъ города Бердичева, арендовалъ въ деревнѣ Вихватинецъ участокъ земли. Насъ было у него много: старшимъ сыномъ былъ Николай—довольно рано умершій, вторымъ Яковъ, впослѣдствіи докторъ, скончавшійся въ 1863 году, третьимъ былъ я,—Антонъ, четвертымъ опять Николай, впослѣдствіи директоръ консерваторіи въ Москвѣ, родившійся въ 1835 году; сестеръ было двѣ: Любовь—въ замужествѣ за присяжнымъ повѣреннымъ Вейнбергомъ, въ Одессѣ, и дѣвица Софія, живущая съ матерью тамъ же, въ Одессѣ.

Средства къ жизни отца состояли въ томъ небольшомъ доходѣ, который онъ получалъ, совмѣстно съ своимъ братомъ и зятемъ, т. е. женатымъ на его сестрѣ, съ земли деревни Вихватинецъ.

Самыя раннія мои воспоминанія соединяются съ переѣздомъ всѣхъ трехъ нашихъ семействъ, т. е. моего отца, его брата и зятя—со всѣми ихъ дѣтьми и домочадцами, значитъ цѣлымъ родомъ, въ громаднѣйшей фурѣ, въ Москву. Въѣхавъ въ нее, мы направились за Покровской мостъ, за Яузу-рѣку, и наняли большой домъ какой-то госпожи Позняковой, близь пруда, обсаженнаго, какъ теперь его помню, деревьями. То было въ 1834 или 1835 году.

Въ Москвѣ мы устроились, на первое время, хорошо. Въ началѣ былъ нѣкоторый матеріальный достатокъ. Всѣ три семьи жили и работали вмѣстѣ, но это продолжалось недолго. Отецъ отдѣлился отъ брата и зятя и переѣхалъ съ дѣтьми и моею матерью на Ордынку, на Замоскворѣчье, гдѣ и устроилъ довольно большую фабрику карандашнаго и булавочнаго производства.

Какъ ни скромна была наша обстановка, но въ ней всегда былъ музыкальный, по тому времени не дурной, инструментъ, фортепіано четыреугольной формы, въ родѣ стола, какъ тогда ихъ дѣлали. На шестомъ году моего возраста матушка стала обучать меня музыкѣ, а затѣмъ и прочихъ моихъ братьевъ; со мною занималась она болѣе, быть можетъ потому, что скоро замѣтила во мнѣ склонность къ музыкѣ или, по крайней мѣрѣ, легкость ея пониманія и усвоенія. Занималась она со мной серьезно, даже очень

строго относясь къ дѣлу, какъ тогда это было въ обыкновеніи, но, какъ потомъ разсказывала, безъ какой-либо предвзятой мысли, а просто потому стала обучать меня музыкѣ, что сама ее знала. Репертуаръ нашъ были — Гумель, Герцъ, Мошелесъ, Калькбренеръ, Черни, Дьябели, Клементи и другія тогдашнія музыкальныя свѣтила; ихъ я и началъ совершеннымъ еще ребенкомъ штудировать. Между тѣмъ въ Москву пріѣхала наша знакомая Варвара Богдановна Грюнбергъ († 1869 г.), жена доктора, и привезла дочь Юлію, лѣтъ десяти, которая настолько уже была сильна въ музыкѣ, что стала давать въ Москвѣ концерты. (Юлія Львовна Грюнбергъ вышла впослѣдствіи замужъ за сенатора Тюрина и живетъ въ Петербургѣ, близко отъ меня, въ Троицкомъ переулкѣ, д. № 6). В. Б. Грюнбергъ, по пріѣздѣ въ Москву, посѣщала съ дочерью нашу семью и успѣхи Юліи дали моей матушкѣ мысль еще серьезнѣе взглянуть на мое музыкальное образованіе. Она однако почувствовала себя недостаточно уже свѣдущей для того музыкальнаго образованія, которое, по ея мнѣнію, я долженъ былъ, по моимъ способностямъ, получить, и стала разспрашивать кто въ Москвѣ лучшій преподаватель музыки? В. Б. Грюнбергъ указала ей на Александра Ивановича Виллуана (Villoing), пользовавшагося въ то время въ Москвѣ большою извѣстностью лучшаго педагога-музыканта [1]). Пригласили его къ намъ. Онъ, кажется, былъ знакомъ съ нашей семьей еще тогда, когда мы жили за Покровскимъ

[1]) Въ «Journal de St. Pétersbourg», 1889 г. № 192, іюня 21-го, помѣщено письмо Ю. Л. Тюриной, рожденной Грюнбергъ, объ этомъ моментѣ въ жизни нашего великаго композитора и піаниста: «Antoine Rubinstein était déjà élève de sa mère, lorsque à Moscou nous le vîmes pour la première fois.

Il était agé de huit ans et c'était un enfant charmant, qui étonnait tout le monde par la précocité de son talent. — M-me Rubinstein avait tout lieu d'être fière de son fils; mais ayant plusieurs enfants, elle ne pouvait se consacrer toute entière à l'éducation musicale du jeune Antoine. Ma mère le lui fit observer et elle insista pour que l'enfant fût confié à Villoing, ce qui arriva en effet»...

Ю. Л. Тюрина, рожденная Грюнбергъ, ученица извѣстнаго Henselt'а и сына Mozart'а, во все время пользовалась славой замѣчательной піанистки. Она давала концерты при дворахъ петербургскомъ и вѣнскомъ и вообще участвовала въ концертахъ, имѣвшихъ всегда значительный успѣхъ. Ея покойная сестра Іза Грюнбергъ, въ замужествѣ Ласкосъ, ученица М. И. Глинки, была прекрасная пѣвица и не безъизвѣстна въ русской литературѣ, какъ романистка; одна изъ ея пьесъ для театра была играна въ Петербургѣ, при участіи В. В. Самойлова. Ред.

мостомъ; какъ бы то ни было, но онъ пріѣхалъ и весьма внимательно прослушалъ мою игру. Матушка тогда-же сказала ему, что весьма желала-бы видѣть въ немъ преподавателя музыки для меня, но, при недостаточности своихъ средствъ, не можетъ дорого платить за уроки.

Виллуанъ поспѣшилъ отвѣчать, что онъ не нуждается въ деньгахъ и весьма охотно возьмется руководить моимъ музыкальнымъ образованіемъ — совершенно безплатно.

И вотъ сталъ онъ пріѣзжать къ намъ и давать мнѣ уроки. Онъ былъ затѣмъ моимъ единственнымъ учителемъ; болѣе его — во всю мою жизнь учителей музыки (за исключеніемъ, впрочемъ, какъ скажу далѣе, теоріи музыки) никого у меня не было.

Восьми лѣтъ началъ я заниматься подъ руководствомъ Виллуана и тринадцати лѣтъ музыкальное мое обученіе кончилось; повторяю,—кромѣ Виллуана у меня уже не было другаго учителя.

Прежде всего Виллуанъ употребилъ много труда и заботъ, вполнѣ впрочемъ успѣшныхъ, къ правильной постановкѣ моихъ рукъ; объ этомъ, да о хорошемъ звукѣ, онъ весьма заботился. Его музыкальная школа хорошо извѣстна,—это былъ въ то время, безспорно, одинъ изъ лучшихъ, если не самый лучшій, профессоръ музыки, но самъ онъ игралъ мало. Ему, и никому другому, я обязанъ тѣмъ прочнымъ фундаментомъ въ музыкальномъ искусствѣ, съ каковаго фундамента мнѣ уже было невозможно упасть. И, надо сказать, что во всю мою послѣдующую жизнь я не встрѣчалъ лучшаго руководителя при обученіи музыки; впрочемъ, въ послѣдніе годы жизни Виллуанъ дошелъ въ своихъ педагогическихъ требованіяхъ при обученіи музыки до крайности, впалъ въ каррикатуру, но въ то время, когда я у него учился— это былъ, повторяю, замѣчательный, положительно лучшій въ своемъ родѣ учитель. Онъ установилъ извѣстныя требованія и примѣнилъ ихъ ко мнѣ и они оказались самыми лучшими изъ тѣхъ, какія могли быть при преподаваніи игры на фортепіано. Человѣкъ терпѣливый, хотя и строгій въ своихъ требованіяхъ,— что вообще вовсе не дурно,—Виллуанъ скоро такъ сблизился со мной, что былъ для меня болѣе чѣмъ наставникъ,—онъ былъ для меня другомъ, вторымъ отцомъ [1]). Съ того времени, какъ мы

---

[1]) Много лѣтъ спустя, уже пожилымъ человѣкомъ—Виллуанъ женился на сестрѣ извѣстнаго Бахметева, бывшаго директора придворной капеллы и былъ

переѣхали на Ордынку, Виллуанъ бывалъ у насъ уже почти ежедневно и въ занятіяхъ со мной былъ неутомимъ; онъ, видимо, находилъ въ этомъ не только для себя отдыхъ, но наслажденіе; то не были уроки—было истинно музыкальное воспитаніе.

11-го іюля 1839 года, на десятомъ году жизни, я далъ, по желанію Виллуана, первый публичный концертъ; то было въ Москвѣ, въ Петровскомъ паркѣ [1]). Затѣмъ три года—на одинадцатомъ, двѣнадцатомъ и тринадцатомъ моего возраста — я объѣхалъ съ моимъ наставникомъ всю Европу... Прежде, однако, чѣмъ отправиться изъ Москвы, скажу, что торговыя дѣла моего отца шли довольно плохо, но я не помню, чтобы отецъ отъ того былъ въ тревогѣ; дѣти, впрочемъ, мало замѣчали, да и мало понимали дѣла и занятія отца. Что до матушки, то во все время моихъ занятій съ Вилуаномъ она обыкновенно внимательно за ними слѣдила и потомъ, въ его отсутствіе, наблюдала за моими репетиціями и подготовкой музыкальныхъ уроковъ. Я уже говорилъ, что по обыкновенію того времени—дѣло учебное шло сурово, съ большою строгостью — въ ходу были линейки, толчки и даже пощечины... Теперь и понятія себѣ не могутъ составить, какъ тогда было строго — и при общественномъ, и при домашнемъ воспитаніи... Я не скажу, чтобы лично былъ-бы за строгость, но я врагъ и распущенности, дисциплина воли должна быть непремѣнно... и прежде была дѣйствительно дисциплина, теперь-же ея немного, а то и вовсе нѣтъ...

Весь поглощенный музыкой, я не помню когда и какъ обучился грамотѣ. На 11-мъ году я уже путешествую по Европѣ. Являлся я на эстрадахъ всюду и всегда въ тотъ возрастъ—безъ

весьма несчастливъ въ бракѣ.—Онъ скончался лѣтъ 70-ти, не такъ давно, въ Лѣсномъ, и послѣ его кончины, кромѣ нѣсколькихъ скрипокъ и сущей бездѣлицы денегъ, ничего не осталось; умеръ какъ артистъ—бѣднякомъ. **А. Р.**

[1]) Изъ статьи, тогда же въ 1839 г. помѣщенной въ московскомъ журналѣ «Галатея», видно, что въ этомъ первомъ своемъ публичномъ концертѣ А. Г. Рубинштейнъ исполнилъ: аллегро изъ концерта Гуммеля, съ акомпаниментомъ оркестра г. Теплова, анданте Тальберга и четыре маленькія пьесы: Фильда Листа, Гензельта... См «Русскую Старину», изд. 1888 г., т. LVII, мартъ, стр. 812. Въ той же «Галатеѣ» 1839 г., ранѣе отзыва объ А. Г. Рубинштейнѣ, перепечатаннаго въ «Русской Старинѣ», былъ помѣщенъ еще отзывъ объ этомъ «мальчикѣ-артистѣ»; мы его перепечатали далѣе, въ этой книгѣ, въ приложеніи № I. Ред.

малѣйшей робости; я просто смотрѣлъ на мои концерты какъ на игрушку, какъ на забаву, т. е. относился къ нимъ какъ ребенокъ, которымъ и былъ. Впрочемъ, и на меня такъ смотрѣли. Какъ теперь помню, когда въ 1843 году я привезенъ былъ Виллуаномъ прямо изъ-заграницы въ С.-Петербургъ, то послѣ одного съ благотворительною цѣлью даннаго концерта — обласканный императрицею Александрою Өеодоровною, я, по ея желанію, былъ поставленъ на столъ.

II.

Въ Парижѣ. — Листъ, Шопенъ и друг. знаменитости.—Въ Голландіи. — Дѣти-артисты.—Въ Лондонѣ.—Музыкальная память.—Раздробленная и единая Германія. — Въ Зимнемъ дворцѣ. — Императоръ Николай и его августѣйшая семья.

1840—1843.

Поѣздка моя заграницу, кажется въ декабрѣ 1840 г., состоялась такимъ образомъ. Матушка, все болѣе и болѣе озабочиваясь созданіемъ изъ меня возможно лучшаго піаниста, выразила Виллуану желаніе опредѣлить меня непремѣнно въ Парижѣ въ тамошнюю консерваторію. Виллуанъ одобрилъ это и вызвался лично меня туда доставить. Выѣхали изъ Москвы въ дилижансѣ, чрезъ Петербургъ. Въ Парижѣ однако опредѣленіе мое въ консерваторію не состоялось—то находили меня слишкомъ малымъ по возрасту, то слишкомъ далеко ушедшимъ въ музыкальномъ искусствѣ, а я думаю, что просто Вилуанъ, смотрѣвшій на меня, какъ на собственное созданіе, не желалъ со мной разстаться и уступить мое дальнѣйшее музыкальное воспитаніе кому-бы то ни было, хотя-бы консерваторіи парижской... Такъ или иначе, но меня туда не сдали... Надо замѣтить и то, что тогда въ Европѣ была точно какая полоса на „чудесныхъ дѣтей“, т. е. на 10-ти—12-ти лѣтнихъ ребятъ обоего пола, одаренныхъ тѣми или другими дарованіями, и ихъ показывали, игрѣ ихъ дивились какъ феноменальной... Такъ дивились и мнѣ... Цѣлый годъ оставался я въ Парижѣ, но никакихъ другихъ уроковъ, кромѣ занятій музыкой съ Виллуаномъ, не имѣлъ; мой наставникъ точно ревниво оберегалъ меня отъ другихъ: этого-де ученика никто не трогай! Давалъ я нѣсколько разъ концерты, обыкновенно въ залахъ той или другой знаменитѣй-

шей фортепіанной фабрики, напр. у Эрара и другихъ. На одномъ изъ такихъ концертовъ присутствовали Листъ, Шопенъ, Леопольдъ фонъ-Майеръ и другія музыкальныя знаменитости. Концертъ этотъ данъ былъ въ 1841 году, въ концѣ года, при большомъ стеченіи публики, и не съ благотворительною цѣлью, а прямо въ мою пользу. Игралъ впрочемъ не я одинъ, весь вечеръ играли и пѣли... Я уже въ то время игралъ съ скрипачемъ, бельгійцемъ Вьетаномъ... Не припомню программы концерта... Одна изъ программъ дѣтскихъ моихъ концертовъ 1841 г. сохранилась до сихъ поръ и мнѣ ее показывали еще въ недавнее время въ бытность мою въ Голландіи.—Успѣхами моими Виллуанъ былъ очень доволенъ; что до меня, то я, повторяю, смотрѣлъ на все это, какъ на забаву и игрушку для себя. Надо при этомъ сказать, что не смотря на то, что мой наставникъ былъ человѣкъ строгій, я былъ ужасный шалунъ, сорви-голова. И сколько людей я перевидѣлъ тогда, и какихъ замѣчательныхъ людей! Знакомствъ сдѣлалъ массу, приглашали меня изъ семьи въ семью, но вслѣдствіе ранняго моего возраста многое не сохранилось въ моей памяти; помню, впрочемъ, ясно мой первый визитъ къ Шопену; я объ этомъ еще недавно разсказывалъ на моихъ историческихъ лекціяхъ... Лѣтъ девять спустя послѣ того, какъ я видѣлъ Шопена, онъ умеръ.

Годъ пребыванія въ Парижѣ пролетѣлъ для меня какъ мигъ, и для развитія моего не принесъ мнѣ рѣшительно ничего...

Голландскій дворъ былъ первымъ, по времени, изъ дворовъ коронованныхъ лицъ, при которомъ я явился. Королева нидерландская Анна Павловна — тогда еще не была глуха, — любила и знала музыку и, по ея приглашенію, я игралъ у нея во дворцѣ. Это совпало какъ разъ съ бытностью у королевы въ гостяхъ — ея августѣйшаго племянника, великаго князя Константина Николаевича, который, въ сопровожденіи своего наставника Литке, впервые путешествовалъ тогда (13-ти или 14-ти лѣтнимъ юношею) по Европѣ и уже обращалъ на себя вниманіе умомъ, любезностью и находчивостью. Великій князь обошелся со мной чрезвычайно любезно и предупредительно....

Черезъ Голландію везъ меня Виллуанъ въ Германію—по совѣту Листа. Этотъ піанистъ былъ тогда въ апогеѣ его славы и величія; въ области музыки это былъ царь, богъ, — его при-

говоры и указанія были—святы и непреложны. Именно онъ и указалъ Виллуану везти меня, для довершенія музыкальнаго моего образованія, въ Германію. И вотъ мы совершили поѣздку чрезъ Голландію, Англію, Норвегію, Швецію въ Германію, и всюду, куда только являлись, давали концерты. Въ то время, какъ я уже говорилъ, была мода на дѣтей-виртуозовъ, ихъ было тогда довольно много, такая ужъ видно подошла на нихъ полоса. Между прочими припоминаю Софію Бореръ; романическая и даже трагическая судьба связана съ ея жизнью; я не знаю умерла ли она или, какъ говорятъ нѣкоторые, она еще жива; тогда же были мальчики-піанисты Фильчъ, англичанинъ Пальмеръ, дѣвочки — двѣ сестры — Марія и Тереза Миланоло, скрипачки, и другія. Успѣху ихъ содѣйствовало и то, что тогда, именно до 1848 года, была какая-то манія на виртуозность. Листъ стоялъ во главѣ этого направленія—требовалась именно виртуозность, необыкновенная щеголеватость и блескъ въ выполненіи; революція 1848 г., много измѣнивъ въ политикѣ государствъ, внесла совершенно новое направленіе и въ музыкѣ: явилось требованіе на самую суть искусства, и вотъ дошли до чертиковъ—до Вагнера!...

Въ Лондонѣ я былъ весьма привѣтливо принятъ молодою и красивою тогда королевой Викторіей, а вслѣдъ за нею и всѣмъ высшимъ обществомъ... 12-ти лѣтній мальчикъ, я не смущался и среди чопорныхъ миссъ, лэди и напыщенныхъ лордовъ—робости у меня вовсе не было. Музыкальная память моя дѣйствительно и тогда, и значительно послѣ, до пятидесятилѣтняго возраста, была—громадна, но съ 50 лѣтъ я чувствую, что она не то, что начинаетъ слабѣть, а появилась какая-то мнительность, что-то вызываетъ то чувство боязни, которое охватываетъ меня нерѣдко въ тѣхъ случаяхъ, когда я нахожусь на эстрадѣ, за роялемъ, предъ многочисленною публикою.... Трудно представить себѣ, какое тяжелое это чувство боязни, что вотъ-вотъ, въ тотъ или другой моментъ, память мнѣ измѣнитъ и я забуду или перевру то или другое мѣсто въ исполняемой пьесѣ; играть же по нотамъ — дѣло для меня непривычное, да и публика не привыкла видѣть меня за нотами. Думать, что если я забуду нѣкоторыя мѣста въ выполняемой пьесѣ, то могу ихъ возмѣстить отъ себя — нельзя, такъ какъ въ эту минуту является сознаніе, что въ средѣ слушателей, конечно, множество лицъ,

которые отлично знаютъ выполняемую пьесу и всякую неточность въ передачѣ ея легко замѣтятъ. Все это, повторяю, весьма болѣзненно дѣйствуетъ на меня и зачастую испытываешь за роялемъ такія муки, какія лишь инквизиція могла бы выдумать, и это въ то время, когда публика, слушая, полагаетъ, что я совершенно покоенъ! Да, но эта боязнь за измѣну памяти, и эта тревога являются у меня лишь съ пятидесятилѣтняго возраста; до того, а тѣмъ болѣе въ тотъ ранній періодъ, о которомъ я разсказываю, ничего подобнаго со мною не было...

Я былъ, между прочимъ, весь въ распоряженіи покойнаго Вилуана; имъ составлялись программы концертовъ, и онъ меня держалъ въ большой дисциплинѣ; его велѣнія исполнялись мною безпрекословно. Впрочемъ, я былъ самый шаловливый и здоровый мальчикъ....

Въ Германіи мы посѣтили Пруссію, Австрію, Саксонію, были при самыхъ разнообразныхъ дворахъ владѣльцевъ тогдашней Германіи.... И надо признать тотъ непреложный фактъ, что тогдашняя раздробленность Германіи—сослужила ей величайшую службу въ наукѣ, въ литературѣ и въ искусствахъ. Теперь Германія—едина, политически сильна, но она уже не идетъ съ такими громадными успѣхами въ области литературы, искусства и науки, какъ шла и развивалась въ то время!

Въ 1843 году изъ четырехъ-лѣтней заграничной поѣздки явились мы въ С.-Петербургъ. Меня не замедляли призвать въ Зимній дворецъ и представили августѣйшей фамиліи. Императоръ Николай Павловичъ съ первой же встрѣчи отнесся ко мнѣ съ тою привѣтливостью, которая въ немъ, когда онъ того желалъ, была такъ невыразимо очаровательна. Онъ обнялъ меня и шутливо сказалъ:

— „А, здравствуйте—ваше превосходительство!“

При игрѣ въ то время я всецѣло подражалъ Листу; я усвоилъ съ поразительною точностью всѣ его манеры, движеніе тѣла, рукъ, откидываніе волосъ, всѣ тѣ фантастическіе пріемы, какими сопровождалась его игра; это вызывало, конечно, улыбку у тѣхъ, кто видѣлъ и слышалъ Листа, а быть можетъ усиливало и интересъ къ мальчику-виртуозу. Концерты для публики были даны мною въ домѣ Энгельгардта, у Казанскаго моста. Сопровождались они успѣхомъ. Меня осыпали отъ двора подарками,—под-

ношенія отъ публики тогда еще не были въ модѣ; изъ Германіи я вывезъ также много подарковъ, но, конечно, щедрѣе и роскошнѣе петербургскихъ — я нигдѣ не видѣлъ; въ особенности, если что дарилось тутъ-же, послѣ концерта, во дворцѣ—то было вполнѣ изящно и нерѣдко весьма цѣнно; то, что получалось позже, на дому, чрезъ канцелярію, уже не представляло такой цѣнности.....

Я упомянулъ о тогдашней подражательности моей Листу. Слышалъ я его предъ тѣмъ въ Парижѣ очень часто; былъ онъ тогда—въ 1839—1848 гг., какъ я уже сказалъ, въ апогеѣ своего величія и славы, и могу прямо сказать, что его игра уже въ то время на меня, мальчугана, произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Въ другомъ родѣ, но не менѣе также сильное, въ музыкальномъ смыслѣ, впечатлѣніе произвелъ на меня въ то время — Рубини. Невозможно нынѣ представить себѣ до чего очарователенъ былъ голосъ этого пѣвца и вся его манера выполненія самыхъ трудныхъ для артиста пьесъ. Онъ рѣшительно овладѣвалъ восторженными слушателями... Довольно сказать, что когда лучшія силы итальянской оперы приглашены были изъ Парижа въ Петербургъ, то пѣніе Рубини нерѣдко вызывало слезы умиленія и восторга—у кого-бы вы думали—у самого императора Николая Павловича! Представьте себѣ Николая Павловича плачущимъ! Рубини произвелъ такое на меня впечатлѣніе, что я въ игрѣ своей на фортепіано старался даже подражать его пѣнію...

Съ чувствомъ глубокой признательности вспоминаю я о тѣхъ ласкахъ, какими осыпали меня тогда въ августѣйшемъ семействѣ государя Николая Павловича. Вел. князь Константинъ Николаевичъ уже предварилъ императрицу-мать, сестеръ и братьевъ о встрѣчѣ и знакомствѣ со мной въ Голландіи, много сказалъ обо мнѣ хорошаго и, начиная съ августѣйшей его матушки и до всѣхъ его сестеръ, всѣ ко мнѣ были весьма благосклонны. И что это была за прекрасная семья! Юноши-князья всѣ какъ на подборъ молодцы, сестры ихъ одна другой краше... Императрица Александра Ѳедоровна любила музыку. Императоръ Николай, какъ извѣстно, самъ былъ въ своемъ родѣ музыкантъ и художникъ, любилъ вообще искусства, оттого и искренно имъ покровительствовалъ. Въ немъ была музыкальная жилка и способность усвоенія слышаннаго: однажды, напр., я самъ слышалъ, какъ онъ выполнилъ

у себя цѣлую оперу—Фенелу, насвистывая ее изъ ноты въ ноту; музыку балета Катарина или дочь разбойника (такъ кажется?) онъ зналъ всю наизусть... Но о немъ я еще скажу далѣе...

III.

Возвращеніе въ Москву.—Отъѣздъ съ матерью въ Берлинъ.—Контрапунктистъ Денъ.—Мендельсонъ и Мейерберъ.—Кончина отца.—Братъ Николай.—Первое мое произведеніе въ печати.—Отзывъ о немъ Роберта Шумана.—Переѣздъ въ Вѣну.

1843—1846.

Наконецъ, я опять въ Москвѣ у родителей. Денегъ я къ нимъ не привезъ: деньги, добытыя во время путешествія съ концертовъ, пошли на покрытіе издержекъ и вообще на мой съ Виллуаномъ прожитокъ; но привезъ я нѣсколько драгоцѣнныхъ подарковъ. Различныя вещи, осыпанныя брильянтами и алмазами такой цѣнности, какой нынѣ, конечно, не дарятъ уже артистамъ. Время тогдашнихъ подарковъ прошло. Подарки эти были отъ особъ августѣйшихъ фамилій, русской и иностранныхъ, а также отъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ; отъ публики же подношеній, какъ я уже сказалъ, не было. Не было моды и на лавровые вѣнки, за то теперь кому, кому только ихъ ни подносятъ! Нужды семьи были велики. Подарки—отправлены въ залогъ, въ ломбардъ; взятыя подъ нихъ деньги прожиты; вещи, конечно, никогда не были выкуплены.

Матушка, между тѣмъ, была не вполнѣ довольна музыкальными моими успѣхами: умная и заботливая моя наставница, она справедливо замѣтила, что въ смыслѣ музыкальнаго усовершенствованія, въ смыслѣ серьезности образованія мною сдѣлано было не много; что если я буду продолжать давать концерты, то далеко не уйду, и что мнѣ необходимо весьма серьезно поучиться. И вотъ она немедля рѣшается ѣхать въ Берлинъ и везетъ туда меня, сестру Любу и брата, Николая Григорьевича, который, кромѣ хорошей музыкальной техники, весьма рано проявилъ себя какъ композиторъ: пяти лѣтъ отъ роду братъ Николай уже сочинялъ.

Въ 1844 году мы водворились въ Берлинѣ. Съ Виллуаномъ

было, такимъ образомъ, все кончено и съ 13-ти лѣтъ отъ рожденія я былъ уже самъ своимъ учителемъ. Пробылъ я въ Берлинѣ до 1846 года. Во все это время я бралъ уроки теоріи музыки у знаменитаго контрапунктиста Дена; тамъ же, въ Берлинѣ, учился я языкамъ, которые мнѣ дались безъ особаго труда, даже весьма легко; русскому языку, т. е. грамматикѣ, а также закону Божіему учился я въ то же время у священника православной церкви о. Дормидонта Соколова [1]); дочь его, въ замужествѣ А. Д. Кочетова, подъ псевдонимомъ Александрова, сдѣлалась впослѣдствіи довольно извѣстной пѣвицей; она была потомъ профессоромъ въ московской консерваторіи; для другихъ предметовъ общеобразовательнаго курса были у меня тогда и другіе учителя.

Въ Берлинѣ, по концертамъ, какіе я давалъ тамъ ребенкомъ, меня многіе знали, но въ это время (1844—1846 гг.) я концертовъ тамъ не давалъ, а просто игралъ иногда въ обществѣ и въ клубахъ. Когда въ тѣ же годы императрица Александра Ѳеодоровна посѣтила Берлинъ, тогда я съ братомъ были приглашены играть въ ея присутствіи и встрѣтили со стороны государыни обычную ласку и привѣтливость. Данныя намъ драгоцѣнные подарки были тогда-же проданы и послужили подспорьемъ въ нашей жизни въ Берлинѣ.

Что касается до моего наставника въ теоріи музыки Дена, у котораго, между прочимъ, бралъ впослѣдствіи уроки и М. И. Глинка (Денъ нѣсколько его пережилъ, онъ умеръ въ началѣ 1860-хъ годовъ), то это былъ, несомнѣнно, лучшій контрапунктистъ въ Европѣ; другой былъ Марксъ, но тотъ уступалъ Дену.

Я сталъ у него брать уроки теоріи музыки по совѣту Мендельсона и Мейербера. Оба эти свѣтила музыки были хорошими знакомыми матушки, которая посѣщала ихъ въ Берлинѣ и спрашивала у нихъ указаній относительно моего музыкальнаго образованія. Каждое воскресенье я съ братомъ Николаемъ акуратно посѣщали Мендельсона и Мейербера. Денъ былъ въ высокой степени свѣдущъ по своей части; онъ умѣлъ передавать свои обширныя знанія и имѣлъ въ этомъ отношеніи много такту.

---

[1]) Сынъ его, извѣстный нынѣ профессоръ и директоръ «Училища гражданскихъ инженеровъ» въ С.-Петербургѣ, гласный Думы, Д. Д. Соколовъ.
Ред.

Съ аквар. П. Ѳ. Соколова, изъ альбома гр. М. Ю. Вьельгорскаго

НИКОЛАЙ И АНТОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧИ РУБИНШТЕЙНЫ

въ 1844 г.

Приложеніе къ «Русской Старинѣ», ноябрь 1889 г., т. LXIV.

Кромѣ Глинки у Дена было много знаменитыхъ учениковъ, напр. Фридрихъ-Киль и друг. Въ общемъ Денъ былъ большой оригиналъ. Я впрочемъ взялъ у него уроковъ не много, такъ какъ въ 1846 году уѣхалъ уже въ Вѣну одинъ, шестнадцатилѣтнимъ юношей. Съ этого времени начинается моя вполнѣ самостоятельная жизнь, въ которой горе и радость, довольство съ самыми тяжкими лишеніями, просто даже съ голодовкою, перемежались точно такъ, какъ это было, да нерѣдко и будетъ въ жизни другихъ общественныхъ дѣятелей.

Въ томъ же, 1846 году, отецъ мой умеръ; матушка уѣхала съ Любой и Николаемъ въ Москву, гдѣ Николай поступилъ въ университетъ; но музыкальные уроки, которые онъ давалъ во множествѣ, и участіе въ безчисленныхъ концертахъ не давали ему ни досугу, ни возможности учиться такъ, какъ бы то слѣдовало студенту университета. Къ нему, впрочемъ, всѣ профессора относились въ высшей степени добродушно и снисходительно; братъ Николай, такъ либо иначе, но кончилъ курсъ университетскій дѣйств. студентомъ или кандидатомъ, не помню.

Ко времени пребыванія моего въ Берлинѣ относится первое появленіе въ печати музыкальнаго моего сочиненія; оно было издано Шлезингеромъ, однимъ изъ мѣстныхъ издателей музыкальныхъ произведеній, въ 1843 году: то былъ маленькій этюдъ, написанный мною еще въ 1842 году, для фортепіано,—пьеска на поэтическую сказку „Ундина“, одна изъ водяныхъ богинь; пьеска, вѣроятно, была еще одобрена Виллуаномъ, но въ сущности ничего собой не представляла,—такъ, переливанье изъ пустаго въ порожнее [1]). Тогда-же въ Кельнѣ изданы были двѣ музыкальныя мои вещицы, одна даже съ моимъ портретомъ.

Едвали надо говорить, что какъ тогда, такъ и въ ближайшіе послѣдующіе годы—произведенія мои либо ничего не давали мнѣ и я считалъ себя счастливымъ, если находилъ издателя, какъ то обыкновенно бываетъ съ начинающимися композиторами, либо—давали такіе гроши, что о нихъ не стоитъ и упоминать.

---

[1]) Пьеса эта, о которой такъ строго отзывается А. Г. Рубинштейнъ, была, однако, тогда же, въ 1842 году, замѣчена знаменитымъ Робертомъ Шуманомъ и онъ далъ о ней въ печати весьма добрый отзывъ. См. его «Gesammelte Schriften über Musik und Musiker», Leipzig.—Далѣе, въ приложеніяхъ, мы помѣстили выписку этого отзыва и переводъ съ него, весьма обязательно сообщенные намъ г-жею М. П. Давыдовой. Ред.

IV.

Въ Вѣнѣ. —Листъ. —Рекомендательныя обо мнѣ письма. —Голодовка и творчество.—Визитъ ко мнѣ Листа.—Уроки.—Переѣздъ въ Берлинъ.

1846—1848.

Въ Вѣну я отправился въ 1846 году потому, что этотъ городъ былъ однимъ изъ главныхъ тогда музыкальныхъ центровъ въ Европѣ, притомъ тамъ былъ царь музыки Листъ и я расчитывалъ на его сильную поддержку и протекцію. Надежды эти, однако, на первый разъ были сильно умалены сухимъ, сдержаннымъ пріемомъ Листа. Онъ мнѣ сказалъ, что человѣкъ способный долженъ достигать всего самъ, не расчитывая ни на какую поддержку. Это меня отъ него на время отшатнуло. Я сдѣлалъ нѣсколько визитовъ. Со мной было десятокъ или полтора рекомендательныхъ писемъ отъ N. N., тогдашняго русскаго посланника въ Берлинѣ, и его жены. Дѣлая визиты, я оставлялъ эти письма... Жду по нимъ отвѣтовъ или приглашеній — мнѣ одинъ отвѣтъ молчаніе. Такъ было на первое, второе, третье, четвертое письмо, мною оставленныя. Что за оказія! Это меня поразило. Дай, думаю, посмотрю, что обо мнѣ писано въ тѣхъ рекомендательныхъ письмахъ, которыхъ порядочная еще кучка лежала предо мною: вскрываю одно, и что же оказывается! Посланникъ или его любезная супруга рекомендуютъ меня въ такихъ выраженіяхъ, что де „Милѣйшая графиня такая-то! Съ тѣмъ званіемъ и положеніемъ, каковыя мы, посланникъ и его жена, занимаемъ, соединена прескучная обязанность оказывать протекцію и рекомендовать разныхъ лицъ изъ нашихъ соотечественниковъ, въ удовлетвореніе ихъ по сему предмету, нерѣдко настоятельныхъ, просьбъ; а потому де рекомендуется вамъ податель сего нѣкій Рубинштейнъ". Вотъ тебѣ и разъ! для меня тогда стало понятнымъ то молчаніе, какимъ отвѣчали мнѣ на эти письма, и вотъ всѣ остальныя грамотки—немедленно полетѣли у меня въ печку.

Въ Вѣнѣ имѣлъ я уроки; большинство были грошовые; я жилъ на самой вышкѣ громаднаго дома, чуть не на чердакѣ; нерѣдко случалось, что дня по два, по три я не имѣлъ чѣмъ заплатить за обѣдъ въ ближайшемъ ресторанѣ и потому оставался безъ обѣда; обстановки въ квартирѣ почти не было ника-

кой, за то всѣ углы и полъ комнаты усѣяны были моими сочиненіями! И какъ много тогда я писалъ, и чего—чего только я не писалъ! Такъ и ложилось все изъ-подъ пера на бумагу, когда жилось буквально впроголодь! Тутъ были всевозможныя пьесы: ораторіи, симфоніи, оперы, романсы; при этомъ не одни лишь музыкальныя произведенія—тутъ были и литературныя, критическія, чуть ли даже не философскія статьи; я даже составлялъ въ своей мансардѣ нѣчто въ родѣ газеты для единаго читателя—самого себя... А голодъ подчасъ такъ и прохватывалъ. Такое житье продолжалось года полтора... Бѣдствовалъ я иногда, повторяю, именно въ это время, въ сильнѣйшей степени. Словомъ, со мной повторилось все то же, что было до меня, да вѣроятно будетъ и послѣ меня для людей, пробивающихъ себѣ дорогу безъ поддержки... Къ Листу я такъ уже и не заглядывалъ—мѣсяца два сряду.

Продолжительное мое отсутствіе напомнило, однако, обо мнѣ Листу. Онъ вдругъ надумался сдѣлать мнѣ визитъ и поднялся ко мнѣ съ обычною свитою. То были его приближенные, его дворъ, безъ котораго онъ никуда не показывался: какой-то князь, графъ, какой-то докторъ, артистъ,—все его восторженные поклонники и исполнители его велѣній. Когда Листъ и его свита вошли ко мнѣ—всѣ они, и болѣе всѣхъ самъ маэстро, были, видимо, поражены тою обстановкою, среди которой я жилъ: видимо—она была для него совершенно неожиданная! Онъ тѣмъ болѣе полагалъ, что я живу совершенно обезпеченнымъ, что въ бытность свою въ Москвѣ посѣтилъ моихъ родителей и видѣлъ какъ живетъ все наше семейство. И вдругъ предъ нимъ кромѣшная бѣдность! Надо отдать полную справедливость его такту и добродушію: Листъ обошелся со мной самымъ дружескимъ образомъ и прежде всего поспѣшилъ меня пригласить въ тотъ-же день къ себѣ обѣдать, что было какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ голодъ давалъ уже мнѣ себя чувствовать.

Съ тѣхъ поръ я болѣе и болѣе сближался съ Листомъ и впослѣдствіи былъ въ искренно дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ до самой его кончины... Что до моего композиторства въ Вѣнѣ, то изъ тогдашнихъ моихъ твореній мало явилось въ печати; издателей въ Вѣнѣ всегда было много, но въ тѣ годы, 1846—1847 гг., моихъ сочиненій было напечатано лишь до десяти опусовъ (выпусковъ), при чемъ нѣкоторые были весьма

маленькія пьесы. Если за нѣкоторые изъ нихъ я получилъ по нѣсколько гульденовъ, то это было уже много, такъ какъ музыканты, по крайней мѣрѣ, въ началѣ своего творчества, получаютъ обыкновенно весьма мало за свои произведенія.

V.

Пребываніе въ Берлинѣ.—Вѣянія революціи.—На улицахъ Берлина.—Денъ.—Фантастич. затѣя.—Флейтистъ Гейндель и баронъ Фуль.

1848.

1848-й годъ засталъ меня въ Берлинѣ. Я туда переѣхалъ (въ 1847 г.) изъ Вѣны для той-же цѣли, для какой и тамъ жилъ, а именно быть въ средѣ музыкальнаго міра, давать уроки, играть и писать въ области музыки.

Попалъ я въ Берлинъ въ самый потокъ революціонныхъ идей. Все было взволновано, все и вся были въ какомъ-то напряженномъ, нервномъ состояніи... У меня была масса знакомыхъ среди литераторовъ, журналистовъ, газетчиковъ, артистовъ и вообще людей свободныхъ профессій... Все это волновалось, все это было возбуждено, точно всѣ было охвачены лихорадкой; ждали сигнала для взрыва... Толчокъ былъ данъ изъ Вѣны и онъ, съ быстротою молніи, отразился въ Берлинѣ. Вспыхнула революція... Меня потянуло на улицу, и не мудрено,—мнѣ шелъ всего лишь девятнадцатый годъ... Я совершенно не сознавалъ, что мнѣ вполнѣ глупо соваться не въ свое дѣло; всѣ ихъ вожделѣнія должны были быть мнѣ совершенно чужды. Добродушнѣйшія мои хозяйки однако оберегали меня: онѣ не выпустили своего жильца-артиста въ день самой горячей свалки. Онѣ меня просто заперли. Я видѣлъ лишь изъ оконъ своей квартиры, на Bernstrasz—е, какъ созидались баррикады; но на другой день, когда народъ сталъ сносить ко дворцу и укладывать предъ нимъ трупы убитыхъ гражданъ, я уже былъ въ толпѣ на площади и видѣлъ затѣмъ всѣ сцены народной революціи... Видѣлъ я тогда и своего профессора Дена... Пожилой мужчина, извѣстный контрапунктистъ, съ ружьемъ въ рукахъ, расхаживалъ, въ качествѣ солдата народной гвардіи, часовымъ предъ какимъ-то казеннымъ зданіемъ...

И не думалъ я тогда, какой великій переломъ совершается

съ революціоннымъ движеніемъ 1848 года—не только въ политикѣ государствъ и народовъ, но и въ искусствѣ!.. Моя жизнь такимъ образомъ совмѣщаетъ въ себѣ двѣ эпохи: до и послѣ 1848 года—двѣ эпохи совершенно разныя; вотъ почему она и можетъ представить впослѣдствіи нѣкоторый интересъ...

Я упомянулъ о Денѣ. Тогда-же, въ Берлинѣ, онъ спасъ меня отъ совершенія фантастической затѣи, которая могла кончиться для меня довольно печально. Въ бытность еще въ Вѣнѣ, въ 1847 году, познакомился я съ однимъ довольно хорошимъ музыкантомъ-флейтистомъ Гейнделемъ, съ которымъ я тогда-же сдѣлалъ концертную поѣздку по Венгріи. И вотъ мы оба, молодые еще люди, да нѣкій также нашъ знакомецъ баронъ Фуль, сговорились ѣхать искать счастья въ Америку. Путь лежалъ на Берлинъ, затѣмъ въ Бременъ или Гамбургъ—и на корабль, въ Новый Свѣтъ! Сказано—сдѣлано. Я—къ Дену, разсказываю ему: такъ, молъ, и такъ, ѣду искать счастья въ Америку.

— „Что вы, съ ума сошли, что-ли? восклицаетъ Денъ:—неужели въ Европѣ вы не найдете что дѣлать; да вы еще такъ молоды, вы въ ней ничего еще не видѣли и вдругъ бросаетесь, очертя голову, въ Америку,—на всевозможныя бѣды и случайности!“

Ну, словомъ, Денъ такъ горячо и настойчиво меня уговаривалъ отказаться отъ моей затѣи, что я, наконецъ, увидѣлъ ея нелѣпость и измѣнилъ своимъ спутникамъ, не поѣхалъ съ ними. Тѣ, понятно, вознегодовали на меня. Гейндель, флейтистъ, вскорѣ затѣмъ былъ помолвленъ и однажды, когда ѣхалъ къ своей невѣстѣ, попалъ на мѣсто стрѣльбища, вздумалъ его переѣхать и палъ жертвою роковой случайности: его поразила пуля какого-то стрѣлка и онъ умеръ; что же касается до барона Фуля, то тотъ отправился таки въ Америку и, что бы вы думали! составилъ себѣ хорошее положеніе и крупное состояніе; но началъ онъ, какъ самъ мнѣ потомъ разсказывалъ, положительно съ того, что, какъ простой рабочій, разбивалъ въ щебенку камень для шоссе. Я его видѣлъ въ Америкѣ, въ 1872 году, во время моего тамъ артистическаго объѣзда; онъ былъ женатъ, имѣлъ дочерей и выглядывалъ человѣкомъ вполнѣ довольнымъ и счастливымъ.

Оставшись, по совѣту Дена, въ Берлинѣ, я продолжалъ

давать уроки и посѣщалъ Мендельсона, Мейербера... Нѣкоторые уроки были весьма хорошіе, т. е. платили очень изрядно, но какъ тогда въ Берлинѣ, такъ и позже въ Петербургѣ, жилъ я, какъ артистъ, довольно безалаберно: есть деньги — пиръ горой, нѣтъ денегъ—живу впроголодь. Иной разъ, бывало, безденежье до того сожметъ, что возвращаешь билеты-квитанціи за уроки и пишешь, что такъ какъ „по множеству занятій не могу продолжать уроковъ въ этомъ семействѣ, то и прошу уплатить до срока или до условнаго количества билетовъ по тѣмъ, которые при семъ-де возвращаю“. Присылаютъ деньги и иногда случается настолько разсердятся, что разстаются, не берутъ уже больше у меня уроковъ и не приглашаютъ ихъ продолжать.

Ну, конечно, когда загорѣлась революція, тутъ ужъ было не до музыки! Уроки прекратились, концертовъ никто не давалъ, вообще музыкѣ и музыкантамъ довелось положить зубы на полку и мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ поскорѣй убираться восвояси... Я и отправился въ Петербургъ.

VI.

На границѣ отечества.—Пріѣздъ въ С.-Петербургъ.—Три исторіи.

1849.

То было, кажется, уже въ 1849 году или-же въ концѣ 1848-го года, не помню. Уложилъ я свой скудный багажъ, набилъ большой сундукъ нотами, то была масса моихъ непечатныхъ еще произведеній—плоды трудовъ юнаго композитора, и съ полнымъ простодушіемъ человѣка, ни въ чемъ неповиннаго, отправился въ Россію.

На границѣ останавливаютъ:—„Пожалуйте паспортъ“, спрашиваетъ соотечественникъ.

— Какой паспортъ?

— Какъ какой? извѣстно, какой; неужели вы не знаете, что каждый, кто въѣзжаетъ къ намъ, въ Россію, долженъ имѣть паспортъ?

А я и впрямь совершенно забылъ объ этомъ, вѣрнѣе, даже вовсе этого не зналъ. Дѣло въ томъ, что когда въ Берлинъ при-

везла меня матушка, я былъ тогда еще ребенкомъ (въ 1844 г.); я, братъ и сестра—всѣ мы значились въ общемъ съ матушкою паспортѣ. Затѣмъ я уѣхалъ въ Вѣну, матушка съ моими сестрой и братомъ и съ своимъ общимъ паспортомъ въ Москву, а я такъ и остался „безъ всякаго вида", въ каковомъ во всѣ три года, 1847—1848—1849, и не оказалось надобности ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ, ни въ другихъ городахъ Германіи. Но какъ только ступилъ я на родную землю (сколько помню, то было въ Масловицахъ), меня и огорошили требованіемъ:

— „Паспортъ, паспортъ, пожалуйте паспортъ!!"

Я объясняюсь. Съ трудомъ вѣрятъ моей наивности. „Пожалуйте вашъ багажъ, это у васъ съ чѣмъ сундукъ? Ноты? что за ноты, это какія-то рукописи. Мы это запечатаемъ, тамъ разберутъ. Вотъ вамъ квитанція. Вы куда ѣдете? въ Петербургъ, но на Варшаву; предъявите тамъ квитанцію, сундукъ вамъ выдадутъ".

Какъ ужъ меня затѣмъ пропустили, не помню, но въ Варшавѣ я своего сундука не получилъ, мнѣ было сказано явиться въ Петербургъ къ какому-то Фревилю, „тамъ-де онъ вамъ выдастъ ваши вещи".

Наконецъ, я въ С.-Петербургѣ послѣ шестилѣтняго изъ него отсутствія; но въ 1843 г. я былъ въ немъ балованнымъ ребенкомъ, а теперь въѣхалъ въ него самымъ простодушнымъ, вовсе не знакомымъ съ родными порядками молодымъ человѣкомъ! Ну и довелось же мнѣ испытать на первыхъ порахъ всю прелесть этихъ порядковъ, довелось испить самую горькую чашу! Слушайте.

Остановился я въ Петербургѣ въ гостинницѣ. На первыхъ порахъ не припомнилъ—кто у меня знакомые. Одинъ—какъ въ лѣсу—20-ти лѣтній юноша. Ранехонько—ко мнѣ входятъ.

— „Пожалуйте паспортъ".

— Какой паспортъ, у меня его нѣтъ.

— Какъ нѣтъ! мы васъ держать не можемъ, извольте убираться!

Вотъ она шутка-то плохая! Вспоминаю я про знакомаго, почти моего товарища съ дѣтства, Шарля Леви—любителя-музыканта, маленькаго по росту человѣчка (онъ умеръ лѣтъ пять тому назадъ). Бѣгу, разыскиваю его гдѣ-то въ Графскомъ переулкѣ. Такъ и такъ—не хотятъ держать въ гостинницѣ, гонятъ, требуютъ паспортъ. „Переночуй у меня,—говоритъ,—тамъ подумаемъ, что

дѣлать". На утро дворникъ.— „Пожалуйте паспортъ!" Ну чортъ знаетъ что такое—дался имъ этотъ паспортъ! Я пойду, говорю, къ оберъ-полиціймейстеру. Былъ тогда имъ нѣкій генералъ Галаховъ. Прихожу и говорю какому-то чиновнику въ пріемной—что вотъ-де пріѣхалъ я изъ заграницы, знать ничего не знаю о паспортѣ, съ меня его требуютъ... Тотъ оглядѣлъ меня съ величайшимъ недоумѣніемъ. „Подождите", говоритъ. Пріѣзжаетъ Галаховъ. Чиновникъ докладываетъ: „Пришелъ какой-то Рубинштейнъ, пріѣхалъ изъ заграницы и никакого у него паспорта нѣтъ, вотъ онъ!" — „Какъ, что, что такое!" заревѣлъ на меня Галаховъ и налетѣлъ: „гдѣ, гдѣ онъ живетъ, гдѣ былъ, откуда?! узнать, послать, сейчасъ узнать! въ чьемъ домѣ, у кого? какъ смѣлъ! оштрафовать!"...

Да что-же это такое, думаю я,—дался имъ этотъ паспортъ. Да вѣдь знаютъ же меня здѣсь многіе — знаютъ князь Львовъ, графъ Строгановъ, графъ Віельгорскій... пойду къ нимъ, что же это со мной здѣсь дѣлаютъ! Не знаю, какъ Галаховъ меня выпустилъ, спѣшу къ графу Матвѣю Віельгорскому. Такъ, молъ, и такъ. У того лицо даже вытянулось. Вѣдь, не забудьте, какое было тогда время—1849-й годъ!

— Это дѣло серьезное, говоритъ графъ,—дайте я напишу письмо къ Галахову, что знаю васъ, а между тѣмъ, пишите скорѣе къ матушкѣ, хлопочите о паспортѣ.

Написалъ я къ матери; ей довелось писать въ Бердичевъ, чтобы тамъ отъ ратуши выдали мнѣ особый видъ на жительство; пока это идетъ переписка — отправляюсь опять къ Галахову. Представляю ему письмо графа Віельгорскаго. Прочелъ.....

— „Никуда и ни къ чему это не годится, говоритъ, — это ровно ничего не значитъ письмо,—какъ безъ паспорта смѣть сюда показаться!!!" и все это на меня окрикомъ: „Чтобы въ двѣ недѣли былъ у тебя паспортъ!! Слышишь!"

Слышу и думаю: да что-же ты такъ горячишься, вѣдь тутъ есть начальство и повыше тебя. Иду къ генералъ-губернатору, былъ тогда имъ Шульгинъ. Прихожу, только что я разинулъ передъ его превосходительствомъ ротъ, а онъ какъ гаркнетъ:

— „Въ кандалы! въ кандалы тебя закую! Въ Сибирь, по этапу сошлю!" (тогда у насъ, въ Россіи, генералы людямъ въ моемъ положеніи всегда говорили ты).

Я такъ и обомлѣлъ. Двадцати-лѣтній молодой человѣкъ, прямо

изъ европейскихъ центровъ цивилизаціи, изъ міра искусствъ, художествъ и науки—является на родину и вотъ что его здѣсь встрѣчаетъ!

Не помню, какъ я вышелъ отъ Шульгина; какъ и почему онъ не привелъ въ исполненіе своей угрозы—не знаю... Но что могъ исполнить, это понятно само собой... Я помню только, что мнѣ ужасно было тяжело на душѣ.

Дни проходили—паспорта нѣтъ; я у знакомыхъ, таковые оказались, гдѣ день, гдѣ ночь. Всюду разсказываю о томъ, что случилось со мной. Между тѣмъ былъ при дворѣ балъ или концертъ, не знаю, но было собраніе, съѣздъ. Всѣ мои баре, кому только я разсказалъ о Шульгинѣ и Галаховѣ, всѣ на нихъ напустились. „Что вы дѣлаете съ Рубинштейномъ? мы его всѣ знаемъ, онъ былъ принятъ при дворѣ, давалъ концерты въ царскомъ семействѣ, какъ же вы съ нимъ поступаете“ — ну, словомъ, приперли ихъ... Прихожу на другой день къ Галахову. Жду въ пріемной часъ, два, три... и все вѣдь это стоя, сѣсть не имѣю права, да и не я одинъ, всѣ, кто ждали его превосходительство, тогда обыкновенно стояли! Да, нечего сказать, было времячко! Наконецъ, зовутъ въ кабинетъ.

— „Ну, братецъ, о тебѣ мнѣ говорили тамъ, во дворцѣ, разсказывали, что ты такой, да этакой музыкантъ, — не больно я этому вѣрю; такъ поди сейчасъ къ начальнику моей канцеляріи Чеснокову (такъ кажется?), и сыграй ему что-нибудь, чтобъ мы знали, что ты и впрямь музыкантъ! А онъ, Чесноковъ, у меня понимаетъ музыку!“—и все это было сказано г. оберъ-полицiймейстеромъ въ невыразимо презрительномъ тонѣ.

Привели меня къ Чеснокову (боюсь, не путаю-ли я эту фамилію). Нашлось у него какое-то мизерное фортепіано. Сѣлъ онъ, сѣлъ и я, и все, что было у меня на сердцѣ горькаго, вся злоба и негодованіе на все, что со мною происходитъ, я излилъ въ томъ, что сталъ отбивать на клавишахъ этого инструмента! Я до того гремѣлъ, что фортепіано чуть не плясало подъ моими ударами и, казалось, что оно вотъ-вотъ развалится на двадцать-четыре куска; инструментъ былъ, впрочемъ, самый подлый и бѣшенству моему не было предѣловъ. Чесноковъ однако терпѣливо прослушалъ—и отправился со мной къ оберъ-полицiймейстеру.

— „Точно такъ, ваше превосходительство, доложилъ началь-

никъ его канцеляріи,—Рубинштейнъ дѣйствительно музыкантъ, потому играетъ“...

„Ну, дай ему отсрочку на три недѣли!“ проревѣлъ Галаховъ.

Я вышелъ съ отсрочкой...

Да, повторяю, было у насъ времячко, и въ особенности въ 1849-мъ году!

Паспортъ однако въ эти недѣли изъ Бердичева прислали; я былъ, наконецъ, человѣкъ „съ видомъ“...

Это первая со мной исторія въ родной сторонѣ; ну, вторая была не менѣе курьезна.

Иду я за своимъ музыкальнымъ единымъ сокровищемъ, за сундукомъ съ нотами... Какъ я уже сказалъ, то были рукописныя мои музыкальныя сочиненія, ими набитъ былъ цѣлый сундукъ,—то были мои труды за-трехъ-лѣтнее пребываніе въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Не могу припомнить—почему я пошелъ къ какому-то Фревилю и что такое былъ этотъ человѣкъ? Былъ-ли онъ въ таможнѣ, въ цензурѣ, въ тайной или явной полиціи... Только сундука моего онъ мнѣ не выдалъ.

— „Извольте видѣть, объяснилъ мнѣ онъ, хотя всѣ эти рукописи—ноты, но правительству извѣстно, что анархисты и революціонеры пишутъ свои воззванія и прочія ихъ бумаги условными значками, похожими и на ноты... Быть можетъ это какой нибудь политическій шрифтъ?! обождите мѣсяцевъ пять, шесть: можетъ быть, вамъ и выдадутъ обратно ваши ноты“...

Нечего дѣлать, я долженъ былъ уйдти, а потомъ я сталъ писать по памяти то, что хотѣлъ возстановить изъ моихъ композиторскихъ произведеній, а о злополучномъ сундукѣ и забылъ.

Чтобы покончить съ нимъ, однако, доскажу его судьбу. Прошло нѣсколько лѣтъ. Прихожу я какъ-то въ музыкальный магазинъ Бернарда. Тамъ мнѣ говорятъ: „а мы на дняхъ купили ваши автографы, нѣкоторые отрывки изъ музыкальныхъ пьесъ—вашего сочиненія, собственноручно вами написанныя“.

— Гдѣ-же вы это ихъ купили?

— „А мы купили съ аукціона, продавалась какъ ненужная бумага—большая куча нотъ“.

— Пошлите, пожалуйста, говорю,—купите и для меня.

— „Нѣтъ, ужъ поздно, всю кучу разобрали на потребу—хорошая нотная бумага“.

Что же оказалось? Таможня-ли, цензура, право не помню, видя, что никто за сундукомъ не является—вызывала, вѣроятно, чрезъ публикацію въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ" владѣльца сундука; владѣлецъ сундука, т. е. я, этихъ вѣдомостей не читалъ, за сундукомъ не явился и все его содержимое было продано съ аукціона на вѣсъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда я въ канцеляріи оберъ-полицеймейстера бралъ заграничный паспортъ—чиновникъ-паспортистъ тоже мнѣ похвасталъ, что и онъ у какого-то продавца старой бумаги купилъ нѣсколько отрывковъ изъ моихъ рукописныхъ сочиненій. Это было все изъ того же моего заграничнаго сундука.

А вотъ и еще исторія изъ того же злополучнаго 1849 года.

Пріѣхала въ Петербургъ Софія Бореръ (Sophie Bohrer), та самая знаменитая піанистка, которая еще въ дѣтскомъ возрастѣ давала съ успѣхомъ концерты. Давно съ ней знакомый, я сталъ ее посѣщать и въ первый же визитъ встрѣтилъ у нея въ студенческомъ костюмѣ какого-то господина. Не назову его фамиліи, быть можетъ онъ еще живъ и, въ такомъ случаѣ, конечно, давно генералъ, а быть можетъ—и умеръ. Онъ поспѣшилъ со мной познакомиться; отнесся ко мнѣ съ большимъ вниманіемъ, разыскалъ мою квартиру и, видимо, сталъ втираться въ мое знакомство. Рѣчи онъ велъ въ такомъ родѣ, что вотъ-де „вы пріѣхали изъ самыхъ интеллигентныхъ странъ, пріѣхали въ Россію, гдѣ ничего отраднаго не найдешь даже въ интеллигенціи; изъ странъ движенія и прогресса—прибыли вы прямо въ глушь, но что, впрочемъ, и здѣсь, если вамъ то желательно, я готовъ васъ ввести въ такой кружокъ, гдѣ вы отведете душу въ бесѣдахъ о предметахъ, васъ интересующихъ"...

Я, ничего не подозрѣвая, отвѣчаю, что очень буду радъ познакомиться съ образованными людьми. — „Ну и прекрасно, ѣдемте въ эту субботу". — Пріѣзжаетъ онъ въ назначенное время, везетъ меня куда-то на конецъ Большой Садовой улицы, за церковь Покрова; вводитъ въ какую-то квартиру и тамъ мы находимъ большое собраніе мужчинъ, молодыхъ и пожилыхъ, военныхъ и статскихъ; изъ военныхъ помню одного, то былъ Пальмъ, но я все не вижу хозяина. Спрашиваю о немъ, мнѣ отвѣчаютъ: „подождите, увидите, насъ всѣхъ позовутъ". Наконецъ, раздается звонокъ, распахиваются двери и мы входимъ въ

большую комнату, гдѣ предъ эстрадою стоитъ рядъ стульевъ, какъ въ концертѣ. На эстраду входитъ красивый мужчина съ бородой и начинаетъ читать что-то въ родѣ соціалистическаго и коммунистическаго трактата,—сколько помню печатное. Все это меня чрезвычайно удивило и я не скрылъ своего удивленія отъ сосѣдей.—„Вотъ не ожидалъ, говорю я, встрѣтить что либо подобное здѣсь, въ Россіи! Я понимаю, что такія чтенія и такіе мысли и принципы высказываются за границей, тамъ есть для этого почва, условія быта и строй общественный совершенно другіе; но у насъ, въ Россіи, всѣмъ этимъ принципамъ не можетъ быть мѣста! И строй нашей жизни и наши учрежденія ни мало не подходятъ къ тому, чтобы у насъ развивались идеи, подобныя тѣмъ, какія намъ здѣсь читаютъ"!

Высказалъ я это не обинуясь всѣмъ, кто хотѣлъ меня слушать на этомъ вечерѣ — у Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевскаго,—то былъ онъ,—и, можете представить, это только обстоятельство меня, какъ надо полагать, и спасло впослѣдствіи! Впрочемъ, Петрашевскій бывалъ у меня потомъ, на квартирѣ Лури, на Большой Морской, на каковой квартирѣ давалъ мнѣ читать разныя либеральныя на иностранныхъ языкахъ книги, мы съ нимъ толковали о конституціи, о парламентахъ и проч.

Я вскорѣ уѣхалъ въ Москву и здѣсь матушка однажды говоритъ мнѣ: „Слышалъ ты, что дѣлается въ Петербургѣ? Арестованъ какой-то Петрашевскій и съ нимъ много разныхъ лицъ, его посѣщавшихъ. Эти господа составили какое-то тайное общество и вотъ засажены въ крѣпость".—Можете представить себѣ, какъ встряхнуло меня это извѣстіе! Не безъ робости возвратился я тогда изъ Москвы и съ тревогою ждалъ, что вотъ-вотъ меня арестуютъ. Встрѣчаю своего знакомца, того самаго студента, который возилъ меня къ Петрашевскому; вижу онъ гуляетъ по Невскому, не арестованъ, также ко мнѣ внимателенъ, но я уже былъ съ нимъ осторожнѣе... Видимо, что меня спасъ мой отзывъ о слышанномъ чтеніи, и III-ое отдѣленіе, имѣвшее тогда въ Россіи ужасное значеніе,—меня не тронуло.

VII.

Въ Петербургѣ.—Симфоническіе концерты въ университетѣ.—А. И. Фицтумъ.—К. Б. Шубертъ.—Русская опера.—Великая княгиня Елена Павловна.—Государь Николай Павловичъ и его отношенія къ музыкантамъ и художникамъ.—Лаблашъ.—Оперы «Дмитрій Донской» и «Ѳомка дурачекъ»—Алекс. Мих. Гедеоновъ и пѣвецъ Булаховъ.—Мои три одноактныя оперы.

1849—1854.

Сталъ я жить въ Петербургѣ какъ жилъ въ Берлинѣ... Давалъ уроки... Бывали уроки и въ рубль, бывали и въ двадцать пять рублей... Писалъ оперы, писалъ по итальянски, писалъ по нѣмецки, такъ какъ русскихъ композиторовъ, за исключеніемъ М. И. Глинки, не было... Были лишь любители музыки,—но были все это дилетанты-помѣщики, дилетанты-чиновники; артистовъ-музыкантовъ, смотрѣвшихъ на искусство, какъ на всю суть своей жизни, вовсе не было... Наиболѣе пылкіе любители музыки сходились лишь на симфоническихъ концертахъ въ университетѣ, подъ эгидою извѣстнаго инспектора студентовъ, Александра Ивановича Фицтума. Студенты составили тамъ изъ своей среды оркестръ, къ нимъ примкнули нѣкоторые любители, напр. докторъ Берсъ, примкнулъ я—и вотъ безъ всякихъ репетицій играли мы по воскресеньямъ, брали за входъ по рублю и публика ломилась въ актовую залу университета.... Теперь, какъ вспомню, не могу не надивиться—какъ это шли на эти концерты, и вѣдь шли, нерѣдко буквально пѣшкомъ, по мосткамъ, чрезъ Неву—цѣлыя толпы. Мѣста брали на перебой. Дирижировалъ на этихъ концертахъ Карлъ Богдановичъ Шубертъ, а нѣсколько разъ, за его отсутствіемъ, дирижировалъ я. И вѣрите-ли, не смотря на то, что игралъ нашъ оркестръ безъ репетицій, дѣло какъ-то шло само собой: ужъ много любви и усердія клали любители въ эти симфоническіе концерты въ С.-Петербургѣ! Надо припомнить, что до этихъ университетскихъ концертовъ крайне рѣдко бывали симфоническія собранія: бывало три или четыре концерта въ годъ въ залѣ Пѣвческой придворной капеллы,—вотъ и все.

При капеллѣ существовалъ давно, съ разрѣшенія правительства, кружокъ любителей музыки. Были въ этомъ кружкѣ все

генералы-любители, и статскіе, и военные; играли въ немъ и великіе князья, напр. великій князь Константинъ Николаевичъ хорошо игралъ на віолончели... Русская опера почти не существовала: я говорю о труппѣ. Въ ней былъ славенъ одинъ только О. А. Петровъ, прочіе пѣвцы и пѣвицы были плохи, напр. про тогдашнюю примадонну NN*** гр. В. А. Соллогубъ, не безъ основанія, съострилъ, „что у нея не голосъ, а сквозной вѣтеръ!..“ И вотъ, при такомъ-то печальномъ состояніи музыки и пѣнія, зарождается новая эра для искусства въ стѣнахъ Михайловскаго дворца—у великой княгини Елены Павловны.

Замѣчательная была эта женщина! Другой, равной ей, я ни прежде, ни послѣ, въ ея положеніи не знавалъ. Съ представительностью, чисто великокняжескою, она соединяла бездну такта и умѣнья войти въ положеніе, въ мысль рѣшительно каждаго, кто къ ней приближался. Съ ученымъ, военнымъ, артистомъ, государственнымъ дѣятелемъ, писателемъ, поэтомъ, романистомъ—съ каждымъ она умѣла говорить, на каждаго умѣла произвести самое пріятное впечатлѣніе. Императоръ Николай Павловичъ являлъ къ ней искренно дружеское расположеніе, весьма ее цѣнилъ и видимо глубоко уважалъ... Это у великой княгини Елены Павловны, на одномъ изъ раутовъ, зародилась Крымская война. У нея, близь камина, произошелъ между императоромъ Николаемъ и Гамильтономъ, представителемъ Англіи, тотъ историческій разговоръ о „больномъ человѣкѣ“—о Турціи, который вызвалъ русско-турецкую войну 1853—1855 гг. Въ салонахъ великой княгини зародилась эра реформъ Александра II: здѣсь между государственными людьми новаго царствованія и просвѣщенною хозяйкою обсуждалось великое дѣло освобожденія крестьянъ. Да, это была замѣчательная, прямо сказать, необыкновенная женщина и не безъ вліянія на направленіе внутренней и внѣшней политики Россіи... Надо и то сказать, что обставлена была она превосходно; при великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ была баронесса Раденъ, одна изъ умнѣйшихъ женщинъ нашего времени, и ей весьма много обязана великая княгиня.

Я бывалъ приглашаемъ въ салоны вел. кн. Елены Павловны еще при жизни великаго князя Михаила Павловича; это въ бытность мою въ салонѣ великой княгини, однажды вечеромъ, великій князь вошелъ въ зало съ сигарою во рту и съ громадною соба-

кою; по обыкновенію, Михаилъ Павловичъ много шутилъ и острилъ, простился съ женой и со всѣми ея гостями и отправился въ Варшаву: то былъ его предсмертный отъѣздъ, его привезли обратно въ Петербургъ уже въ гробу.

Послѣ кончины великаго князя, дворецъ Елены Павловны сдѣлался средоточіемъ всего интеллигентнаго общества; государыня Александра Ѳеодоровна была въ то время больна и все именитое и что выдѣлялось въ обществѣ съѣзжалось, главнымъ образомъ, къ Еленѣ Павловнѣ.

Съ 1852 г. великая княгиня пригласила меня состоять у нея постояннымъ акомпаніаторомъ тѣхъ пѣвицъ, которыхъ нѣсколько всегда у нея жило во дворцѣ [1]); вообще я былъ постояннымъ „подогрѣвателемъ“, „истопникомъ“ музыки при дворѣ вел. кн. Елены Павловны, какъ я самъ себя называлъ... Повторяю, это была высоко интеллигентная, прямо сказать, необыкновенная женщина, другой таковой я не зналъ и не знаю. Указываютъ на императрицу Августу, также весьма просвѣщенную личность, но наша великая княгиня Елена Павловна, по уму и образованію, стояла выше. Бывало, спросишь о ней Ауэрбаха или другую какую-нибудь европейскую знаменитость—и всегда услышишь самые восторженные о ней отзывы. Пріѣзжаетъ, бывало, великая княгиня за границу и приглашаетъ къ себѣ на недѣлю, мѣсяцъ, ту или другую знаменитость: писателя или артиста... и тотъ живетъ при ней, видитъ княгиню каждый день, бесѣдуетъ съ ней постоянно и остается рѣшительно очарованъ ея необыкновеннымъ умомъ, самымъ разностороннимъ образованіемъ, тактомъ и любезностью...

Музыкально-артистическіе вечера у великой княгини Елены Павловны были чрезвычайно интересны: здѣсь собирались положительно самые лучшіе артисты, которые оказывались въ Петербургѣ. Часто среди гостей являлась величественная фигура императора Николая Павловича. Ко мнѣ государь былъ всегда благосклоненъ; благосклонность эта выражалась вниманіемъ, нѣсколькими ласковыми словами, но однажды у великой княгини государь Николай Павловичъ просидѣлъ со мною у рояля очень долго и съ замѣчательнымъ искусстомъ насвистывалъ цѣлую

---

[1]) Между прочими здѣсь были г-жи А. К. Лешетицкая-Фридебургъ, Ю. Ѳ. Штуббе, въ замужествѣ Абаза, и другія.

оперу. Августѣйшая семья чрезвычайно его любила, но также и боялась, въ особенности когда Николай Павловичъ бывалъ не въ духѣ.. Тѣмъ не менѣе, сыновья и дочери обожали отца... Какъ теперь помню два вечера. У великой княгини Маріи Николаевны ставились живыя картины. Государыня Александра Ѳедоровна лежала полубольная на кушеткѣ; великіе князья, княжны, фрейлины—рѣзвились... Бѣготня и шумъ были чрезвычайные; веселость, смѣхъ... Я, конечно, сидѣлъ у рояля, разыгрывая тѣ пьесы, какими должны были сопровождаться тѣ или другія живыя картины, шла репетиція этихъ картинъ. Вдругъ на порогѣ залы появляется мраморная фигура гиганта, то былъ Николай Павловичъ... Все оледенѣло. Гробовое молчаніе смѣнило величайшій шумъ... Государь былъ чѣмъ-то озабоченъ и сильно не въ духѣ (то была година восточной войны). Вдругъ Николай Павловичъ обратился съ величайшимъ гнѣвомъ къ декоратору Роллеру и сильнѣйшимъ образомъ его распекъ за неладно поставленную или имъ выбранную декорацію. Ну, то есть, мало сказать распекъ, — просто разнесъ несчастнаго декоратора, можно было подумать, что отъ него не останется и былинки!

Порывы гнѣва государя, какъ раскаты грома, оглушили всѣхъ... Можете представить себѣ положеніе молодаго фортепіаниста... На меня, конечно, гнѣвный государь не обратилъ ни малѣйшаго вниманія... Перепуганные и смущенные, собрались на другой день на спектакль и живыя картины всѣ участники; усѣлся скромненько и я, акомпаніаторъ этихъ картинъ. Всѣ со страхомъ ждали государя—помня взрывы его гнѣва наканунѣ, и что-же? онъ явился и внесъ столько ласки, доброты, вниманія, столько очаровательной простоты въ обращеніи со всѣми, не исключая и Роллера, что не только всѣхъ оживилъ и розлилъ вокругъ себя самую неподдѣльную веселость, такъ что про этотъ вечеръ многіе мѣсяцы спустя вспоминали потомъ при дворѣ, какъ про самый удачный и веселый.... Между прочимъ, въ теченіе этого вечера, государь усѣлся сзади меня, предъ роялемъ сидѣвшаго, и въ антрактахъ шутя и балагуря, спрашивалъ меня—помню-ли я ту или другую арію, и тотчасъ мнѣ ее преискусно насвистывалъ.

Эти вечера — то у вел. княгини Елены Павловны, то у вел. княгини Маріи Николаевны—были въ 1853—1854 годахъ...

Изъ эпизодовъ той-же зимы — вспоминаю я другой случай, доказывающій какое сильное впечатлѣніе производили на каждаго—голосъ, фигура, все обращеніе Николая Павловича. Было вечернее музыкальное собраніе у великой княгини Елены Павловны. Пріѣзжаетъ въ Петербургъ, послѣ долгаго ожиданія, знаменитый Лаблашъ. Этотъ добродушнѣйшій и превосходный артистъ былъ, какъ извѣстно, весьма толстъ. По своему веселому характеру и остроумію онъ былъ общій любимецъ и держался рѣшительно предъ всѣми и со всѣми весьма свободно при дворахъ принцессъ, княгинь, королевъ; сама императрица Александра Ѳедоровна не позволяла Лаблашу стоять предъ собою; наша государыня бывало обѣ руки положитъ на плечи этого толстяка и заставитъ его сѣсть предъ нею .. И чтожъ вы думаете? Какъ разъ въ этотъ вечеръ пріѣзжаетъ императоръ Николай Павловичъ; вошелъ,— Лаблашъ, конечно, вытянулся, это ужь само собой разумѣется, что о сидѣньи не могло быть и рѣчи, а когда государь подошелъ къ нему, взялъ его обѣими руками за руку и сказалъ нѣсколько самыхъ привѣтливыхъ словъ—артистъ, обыкновенно чрезвычайно находчивый и остроумный, шутившій напр. съ англійской королевой Викторіей, какъ съ малымъ ребенкомъ, до того смутился предъ Николаемъ Павловичемъ, что не только не нашелся что отвѣтить, но и голосъ, и губы его задрожали... И это былъ, замѣтьте, Лаблашъ—человѣкъ, дотолѣ никого не боявшійся, вполнѣ независимый,—самъ, такъ сказать, король... Государь его, однако, тогда-же ободрилъ и обласкалъ такъ, какъ только одинъ Николай Павловичъ умѣлъ говорить и обходиться съ артистами и художниками. Разсказывалъ мнѣ какъ-то архитекторъ Кузьминъ: была у него, у Кузьмина, привычка говорить: „понимаете, понимаете", вотъ однажды онъ и докладываетъ государю Николаю Павловичу о какой-то постройкѣ и такъ и сыплетъ „понимаете" да „понимаете"... „Ну да понимаю, братецъ, Господи Боже мой, понимаю, какъ этого не понять"—сказалъ, наконецъ, императоръ оторопѣвшему архитектору.

Припоминаю еще одинъ оригинальный случай: шелъ въ большомъ театрѣ, на сценѣ итальянской оперы, въ первый разъ, „Пророкъ" Мейербера. Послѣ четвертаго акта Николай Павловичъ приходитъ на сцену, приближается къ Маріо, говоритъ ему нѣсколько похвалъ за выполненіе и въ разговорѣ проситъ того снять

корону... Маріо снимаетъ и подаетъ; государь, продолжая разговоръ, отламываетъ съ короны крестъ и возвращаетъ вѣнецъ артисту...

Жилъ я въ Петербургѣ въ 1852 — 1854 годы обычною жизнью: давалъ уроки и дорогіе, и дешевые, зачастую бывалъ въ безденежьѣ такомъ, что отправляешься на уроки съ Каменнаго острова, гдѣ проживалъ лѣтомъ во дворцѣ, по приглашенію великой княгини Елены Павловны, и идешь нерѣдко въ городъ пѣшкомъ, такъ какъ заплатить за извощика было не чѣмъ... Но въ эти же годы совершилось въ моей жизни не маловажное для меня дѣло: я выступилъ предъ публикою въ качествѣ композитора. Сюжетомъ для первой своей оперы я взялъ „Дмитрій Донской“. Два акта либретто написалъ мнѣ графъ Сологубъ, одинъ актъ Зотовъ, Владиміръ Рафаиловичъ; ему принадлежитъ второе дѣйствіе—именно сцены у татаръ, востокъ. Директоромъ театра былъ тогда Александръ Михайловичъ Гедеоновъ. Опера была имъ принята и поставлена на сцену...

Русская опера была тогда, да и значительное время послѣ, въ рѣшительномъ загонѣ; я и писалъ потомъ оперы по-итальянски и по-нѣмецки именно оттого, что на русскомъ театрѣ не благоволили къ русской оперѣ... Ей нѣсколько лишь сочувствовали—Павелъ Степановичъ Ѳедоровъ, а впослѣдствіи г. Лукашевичъ... Одинъ изъ преемниковъ А. М. Гедеонова—Степанъ Александровичъ Гедеоновъ, бывшій также директоромъ театровъ, не обинуясь говаривалъ, что „онъ не можетъ понять, какъ это рѣшаются писать русскія оперы; русская-де опера не можетъ и не должна существовать“... Какъ-бы то ни было однако, но опера „Дмитрій Донской“ или „Куликова битва“—была мною написана, на сцену принята, сшиты дирекціей новые костюмы... и вотъ въ 1852-мъ году (18-го апрѣля) шло первое ея представленіе...

Помню репетиціи этой оперы; я дирижировалъ оркестромъ; помню грубое обращеніе А. М. Гедеонова съ артистами: онъ всѣмъ, въ томъ числѣ и мнѣ, говорилъ не иначе, какъ ты... На представленіе собралась публика самая отборная; я уже былъ извѣстенъ, у меня было много знакомыхъ, всѣ они были на лицо... Музыка, сколько помню, не понравилась, ну да и пѣнье было прегадостное; что единственно имѣло успѣхъ, такъ это арія

дервиша, которую прекрасно выполнилъ молодой артистъ Булаховъ, первый дебютъ котораго былъ именно въ этой моей оперѣ... Его вызывали, ему апплодировали, заставили повторить... Занавѣсъ упалъ; я спѣшу на сцену, ищу Булахова, чтобъ его поблагодарить, и съ трудомъ нахожу молодаго человѣка гдѣ-то за кулисами, забившимся въ углу... Онъ дрожитъ, смущенъ,—плачетъ... „Что съ вами"?—„Только что меня разругалъ директоръ Гедеоновъ, и разругалъ такъ, какъ не ругается послѣдній пьяный извощикъ"!!—„За что"?—„Зачѣмъ на вызовъ публики я снялъ колпакъ дервиша, кланяться-де дервишъ не долженъ, да и шапка-то новая—могу-де ее испортить! такъ какъ смѣлъ кланяться!! Вотъ тутъ и трудись"!—И ругательства самыя площадныя обрушились на молодаго артиста, который выступилъ на сцену съ задатками таланта и съ хорошимъ голосомъ... Оборванный, обруганный директоромъ на первомъ же дебютѣ—Булаховъ совершенно упалъ духомъ, сталъ зашибать водочкой и не выдѣлялся уже во всю жизнь изъ ряда второстепенныхъ, хотя и полезныхъ, артистовъ..

Кой-какой успѣхъ, однако, „Дмитрій Донской" имѣлъ. По крайней мѣрѣ—послѣ представленія именно этой оперы—великая княгиня Елена Павловна пригласила меня быть у нея акомпаніаторомъ пѣвицъ на ея музыкальныхъ собраніяхъ; а въ одной изъ бесѣдъ со мной—великая княгиня предложила мнѣ написать рядъ маленькихъ одноактныхъ оперъ, въ которыхъ послѣдовательно выведены бы были всѣ народности, населяющія наше необъятное отечество. Я и принялся за осуществленіе этой задачи и написалъ три таковыхъ одноактныхъ оперы: одну Кавказскую, на текстъ стихотворенія Лермонтова: „Хаджи Абрекъ"; другую Сибирскую — „Сибирскіе охотники", либрето написалъ Андрей Жеребцовъ, женатый на сестрѣ графини Адлербергъ (Полтавцевой), братъ Михаила Жеребцова, женатаго на княгинѣ Гагариной; третья опера этой серіи была „Ѳомка дурачекъ", текстъ написанъ былъ извѣстнымъ поэтомъ М. Л. Михайловымъ, впослѣдствіи (1861 г.) сосланнымъ въ Сибирь и тамъ вскорѣ умершимъ. Эта послѣдняя опера была изъ великороссійской жизни; она шла (въ 1853 г.) на сценѣ, но до того скверно,—да и голоса были до того отвратительны, — что я буквально бѣжалъ изъ театра, а на другой день явился въ контору театровъ и настоятельно потребовалъ возвращенія мнѣ партитуры

этой оперы... Впрочемъ, какъ говорили мнѣ потомъ, публика отнеслась къ „Ѳомкѣ дурачку" весьма снисходительно.... Нѣкто Семеновъ, который былъ тогда въ театральной конторѣ небольшимъ чиновникомъ, на мои требованія возвратить партитуру оперы,—сталъ меня успокоивать и урезонивать.... Онъ былъ тогда едва ли ни одинъ изъ театральной дирекціи, который нѣсколько интересовался русской оперой, но я и слышать не хотѣлъ его утѣшеній.

Вскорѣ потомъ, именно въ 1854-мъ году, я уѣхалъ за границу....

VIII.

Пребываніе заграницей.—Въ Москвѣ на коронаціи императора Александра II.—Въ Ниццѣ въ свитѣ великой княгини Елены Павловны.—Мысль объ основаніи «Русскаго музыкальнаго общества».

1854—1858.

Четыре года, именно съ 1854 по 1858 годъ, я провелъ за границей; совершилъ артистическое путешествіе по Германіи, Франціи и Англіи, причемъ я побывалъ во всѣхъ главнѣйшихъ музыкальныхъ центрахъ этихъ странъ... Изъ этого путешествія я лишь на короткое время возвращался въ Россію, именно на коронацію императора Александра Николаевича, вызванный въ Москву великою княгинею Еленою Павловною;—но къ самому дню коронаціи не поспѣлъ, а прибылъ въ Москву на другой день торжества.

Въ бытность мою за границей въ 1854 г. я провелъ мѣсяцевъ пять-шесть въ Веймарѣ... Прежде всего скажу, что въ годину Крымской войны вся Европа была противъ Россіи или, лучше свазать, противъ ея внѣшней и внутренней политики. Къ русскому и Россіи оказывали полную холодность, даже явное нерасположеніе; Пруссія не была исключеніемъ; нѣсколько офицеровъ, генераловъ, украшенныхъ русскими орденами,—вотъ все, что хотя нѣсколько являло симпатію къ нашему отечеству, прочіе всѣ были настроены далеко не привѣтливо... Въ область, однако, музыки это нерасположеніе не распространялось... хотя, впрочемъ, въ Россіи меня считали за нѣмца, а въ Германіи за рус-

скаго... Что до Веймара, то тамъ было царство художествъ, литературы и искусствъ... Листъ жилъ тамъ и царствовалъ... Къ нему стекались на поклонъ... Поэты, писатели, артисты, музыканты—все это съѣзжалось туда и подолгу гостило при дворѣ герцога Веймарскаго, брата вдовствующей нынѣ императрицы германской Августы... Самъ герцогъ, весьма чопорный, разыгрывалъ роль какъ бы большаго монарха съ своей маленькой юнкерской высоты, а потому немножко и былъ смѣшонъ; но это былъ, во всякомъ случаѣ, человѣкъ, искренно расположенный къ искусствамъ, театру и литературѣ, но въ особенности къ музыкѣ. То, что нѣкогда было въ Веймарѣ по отношенію къ Гете, когда про тамошняго герцога можно было сказать: „Мы, милостью Гете, герцогъ такой-то“... то теперь герцогу весьма желалось установить по отношенію къ Листу... И онъ, виртуозъ-артистъ, былъ богомъ... Тогда-же въ Веймарѣ жила княгиня Витгенштейнъ, жена русскаго флигель-адъютанта, мать нынѣшней княгини Гогенлоэ, урожденная полька Ивановская, женщина умная, образованная до чертиковъ, до тошноты, такъ что разговоръ съ нею былъ просто пытка... Это не былъ синій чулокъ, это было нѣчто гораздо болѣе синяго чулка... Она не была хороша собой, но вліяніе ея на Листа было громадное... Это она отвлекла его отъ излишней виртуозности, отъ внѣшняго щегольства въ искусствѣ, она его направила на болѣе серьезное отношеніе къ музыкѣ, въ областъ композиторства, и вотъ они оба, углубляясь въ самую его суть, дошли до изобрѣтенія музыки будущаго, до Вагнера (M-me Вагнеръ и M-me Оливье, дочери Листа). Это изъ Веймара пошла „музыка будущаго“ [1]... Я провелъ мѣсяцевъ пять-шесть въ Веймарѣ, все это время жилъ у Листа и обѣдалъ у княгини Витгенштейнъ... Листъ былъ, дѣйствительно, въ высшей степени замѣчательная личность. Собственно виртуозную карьеру свою онъ окончилъ лѣтъ сорока; затѣмъ лѣтъ 70-ти онъ опять принялся за виртуозность, но уже тутъ производили впечатлѣніе болѣе его духовный санъ, ниспадающія пряди

[1] Настоящій родональникъ „музыки будущаго“ былъ Бехеръ въ Вѣнѣ, весьма извѣстный въ свое время музыкальный критикъ, но такой композиторъ что про него думали, что онъ сочиняетъ въ припадкахъ сумашествія; тамъ же, въ Вѣнѣ, онъ и погибъ: Бехеръ былъ разстрѣлянъ во время революціи 1849-го года.

А. Р.

сѣдыхъ волосъ, его старость... Кажется, въ 1871 году, Листъ, по приглашенію, прибылъ въ Вѣну. Я былъ тамъ и дирижировалъ въ одномъ изъ концертовъ, данныхъ по случаю его пріѣзда. Мы встрѣтились какъ самые старые друзья, искренно другъ къ другу расположенные. Я зналъ въ немъ недостатки, нѣкоторую напыщенность, но всегда въ немъ цѣнилъ величайшаго исполнителя,—да, виртуоза-исполнителя, не творца, не сочинителя... Меня, впрочемъ, съѣдятъ за это мнѣніе....

Пріѣхалъ я тогда въ Европу, дабы проявить себя, какъ сочинитель, какъ композиторъ... Въ Германіи, въ то время, при ея безъ малаго четырехъ десяткахъ дворовъ, было хорошо для развитія интеллигенціи... Каждый дворъ соперничалъ другъ съ другомъ въ покровительствѣ наукамъ, художествамъ и искусствамъ... Университеты разныхъ германскихъ государствъ соревновали въ привлеченіи къ себѣ свѣтилъ въ области науки. Вообще интеллигенція, ея упроченіе и развитіе несравненно выше стояли въ раздробленной Германіи, нежели какъ это стоитъ въ ней теперь, когда Германія стянута желѣзнымъ кольцомъ—въ одно большое государство.... И насколько смѣшна была раздробленная до 1871-го года политически Германія, съ ея высокопарными мечтами, настолько высоко стояла она въ области развитія духа, и развитіе идетъ вообще несравненно сильнѣе въ государствахъ маленькихъ. Чтò была Италія до объединенія и чтò она нынѣ? И что, впрочемъ, подготовило политическую силу Германіи и ея теперешнее единство, которое, однако, уже тяжело придавило дальнѣйшій ростъ ея интеллигенціи.

За-границей, въ 1854 — 1855 гг., я посѣтилъ не только Германію, но и Лондонъ, и Парижъ; вездѣ концертировалъ...

Въ бытность въ Вѣнѣ, въ 1855 г., я написалъ въ одномъ музыкальномъ журналѣ статью о положеніи музыки въ Россіи; въ этой статьѣ я съ благоговѣніемъ говорилъ о М. И. Глинкѣ, превознесъ его до небесъ, сравнивалъ его съ Бетховеномъ и проч., но другимъ отъ меня досталось, досталось этому невѣжественному диллетантизму, помѣщичьему и чиновничьему, который тогда только и царилъ въ русской музыкѣ, за исключеніемъ великаго творца русской оперы М. И. Глинки.. Написаніе статьи этой, впрочемъ, съ моей стороны была порядочная глупость, хотя я въ этомъ не раскаиваюсь, какъ вообще не имѣю привычки раскаиваться въ тѣхъ глупостяхъ, которыя, случалось, дѣлалъ... И досталось же мнѣ за эту статью

въ отечествѣ. Цѣлыя лавины обрушились на меня брани; всѣ эти русскіе непризнанные мною (за исключеніемъ Глинки) диллетанты-сочинители и любители до того озлобились на меня, что хотѣли меня преслѣдовать чуть ли даже ни судебнымъ или полицейскимъ порядкомъ. Ужъ не помню, кто меня тогда спасъ; кажется, великая княгиня Елена Павловна за меня вступилась... Но что было для меня удивительно, это то, что на меня разсердился М. И. Глинка. Я былъ знакомъ съ нимъ въ Петербургѣ, всегда его высоко почиталъ и онъ ко мнѣ относился весьма любезно... Но на этотъ разъ онъ былъ въ Берлинѣ, больной, раздражительный; я его посѣтилъ тамъ... Принялъ онъ меня сухо и осыпалъ укоризнами и наставленіями за ту именно статью, въ которой о его творчествѣ и дарованіи я говорилъ не только съ большимъ уваженіемъ, но восторженно... Такъ я его и оставилъ въ нерасположеніи ко мнѣ, сказавъ предъ уходомъ, что „я всего менѣе ожидалъ отъ него укоризнъ, такъ какъ его я всегда почиталъ и почитаю, и его творчеству отдаю полную справедливость".

Впослѣдствіи мнѣ удалось доказать мое сочувствіе къ творцу „Жизни за Царя"—не на словахъ, а на дѣлѣ: по моему почину начата была подписка на памятникъ ему: я далъ въ пользу этого прекраснаго дѣла концертъ и сборъ съ него легъ въ основаніе подписки; могу безъ похвальбы сказать, что безъ меня Богъ вѣсть когда бы и исполнилось это дѣло [1]). Это не помѣшало, впрочемъ, распорядителямъ, при открытіи памятника, пригласить меня общею лишь повѣсткою.

Въ Москвѣ, въ 1856 г., въ августѣ и сентябрѣ, пробылъ я недѣли три. Въ ряду общихъ празднествъ, по случаю коронованія императора Александра II, было нѣсколько концертовъ у великой княгини Елены Павловны... На нихъ бывалъ императоръ Александръ II... Покойный государь не являлъ, впрочемъ, большаго расположенія къ музыкѣ; на домашнихъ, такъ сказать, концертахъ во дворцѣ или у великихъ княгинь Елены Павловны или Маріи Николаевны Александръ Николаевичъ обыкновенно въ сосѣдней комнатѣ игралъ свою обычную партію въ карты и появленіе его въ концертной комнатѣ, чрезъ которую онъ обыкновенно проходилъ, почти всегда обозначало время окончанія концерта... Весьма рѣдко

[1]) См. объ этомъ концертѣ нашу замѣтку въ «Русской Старинѣ», изд. 1883 г., т. XXXVIII, 484. Ред.

скажетъ онъ нѣсколько похвалъ тому или другому исполнителю музыкальному или сценическому артисту... Надо и то сказать, что покойный государь былъ озабоченъ вопросами величайшей важности для блага всего нашего дорогаго отечества, ему было не до музыки; тѣмъ не менѣе, и по отношенію къ ней, его царствованіе было блестящею эрою: общій режимъ его управленія— вызвать къ самодѣятельности русское общество, вдохнуть въ него жизнь освобожденіемъ его отъ крѣпостныхъ и всякихъ иныхъ путъ, дотолѣ его связывавшихъ, сдѣлало то, что и для музыкальнаго искусства въ Россіи царствованіе Александра II было вполнѣ свѣтлою эпохою...

Послѣ коронаціонныхъ дней вдовствовавшая императрица Александра Ѳедоровна и великая княгиня Елена Павловна отправились въ Ниццу. Я получилъ также приглашеніе отъ великой княгини провести тамъ нѣкоторое время съ ея дворомъ. Былъ я по прежнему при ней, какъ самъ себя шутя называлъ, ея „музыкантомъ-истопникомъ..."

Прелестное это было время зима 1856—1857 гг., проведенная въ Ниццѣ! Императрица Александра Ѳедоровна, сокрушенная потерею мужа и всею тягостью исхода Крымской войны, тѣмъ не менѣе любила, чтобы вокругъ нея молодежь веселилась, и навѣщали ее многіе изъ членовъ августѣйшей семьи: въ Ниццу пріѣзжалъ в. к. Константинъ Николаевичъ; здѣсь проводили недѣли вел. кн. Николай и Михаилъ Николаевичи, была большая свита, припоминаю въ ея составѣ гр. Матвѣя Віельгорскаго, адъютанта Апраксина и другихъ. Шуткамъ и веселью не было конца... Однажды, напр., вздумали устроить шутливую серенаду, дабы позабавить императрицу. Всѣ облачились въ маски и явились съ тѣми музыкальными инструментами, на которыхъ именно не играли; напр. Віельгорскій съ контрбасомъ, я съ литаврами, великіе князья также разобрали почуднѣй инструменты—и таковой оркестръ, всѣ въ маскахъ, явился въ комнаты государыни... При первыхъ звукахъ дикой музыки императрица нѣсколько испугалась, но потомъ много смѣялась и шутила по поводу этой затѣи... Государыня Александра Ѳедоровна была вообще очень добрая и въ обхожденіи очаровательная... Денегъ въ Ниццѣ дворъ не жалѣлъ; самъ король сардинскій, Викторъ Эмануилъ, пріѣзжалъ сюда неоднократно и дѣлалъ всевозможное, чтобы его августѣйшія гости не скучали; участникъ Крымской войны, въ союзѣ

съ врагами Россіи, онъ теперь, по окончаніи войны, всячески старался изгладить о себѣ дурныя воспоминанія въ сердцѣ августѣйшей вдовы императора Николая Павловича... Тогда же довелось мнѣ увидѣть и познакомиться съ Кавуромъ, создателемъ единой Италіи... Вообще пребываніе наше въ сезонъ 1856—1857 гг. въ Ниццѣ было чрезвычайно пріятно. Посѣтители изъ Россіи такъ и не переводились здѣсь; великая княгиня Елена Павловна даже купила виллу... Много играли, пѣли, музыки вообще было болѣе, чѣмъ достаточно; много и часто бесѣдовали о ея положеніи въ нашемъ отечествѣ. Великая княгиня Елена Павловна, съ обычною ей отзывчивостью, живо интересовалась этимъ вопросомъ; участникомъ этихъ бесѣдъ были гр. Матвѣй Віельгорскій, я и другіе, принадлежавшіе тогда къ ея обществу... Толковали много. Всѣ мы признавали, что положеніе музыкальнаго искусства въ Россіи весьма печально; всѣ мы, и прежде всѣхъ великая княгиня Елена Павловна, единодушно полагали, что надо что нибудь сдѣлать, по возвращеніи въ Петербургъ, для музыкальнаго образованія русскаго общества, и вотъ тогда, подъ чуднымъ небомъ Италіи, въ Ниццѣ, назрѣла мысль объ основаніи въ Петербургѣ Русскаго Музыкальнаго Общества... Въ 1857 году великая княгиня возвратилась въ Петербургъ; я, посѣтивъ Парижъ и Лондонъ, также возвратился въ Россію.

IX.

Вас. Алексѣевичъ Кологривовъ.—Основаніе въ С.-Петербургѣ «Русскаго Музыкальнаго общества», нынѣ «Императорскаго». — Что навело меня на мысль объ установленіи званія «свободнаго художника» въ области музыки.—Сторонники и противники Русскаго Музыкальнаго общества.—А. Н. Сѣровъ.—Первые концерты Русскаго музыкальнаго общества.—Новое направленіе музыкальнаго образованія въ Россіи.

1858 — 1859.

Въ Петербургѣ энергическимъ дѣятелемъ при осуществленіи нашей мысли объ учрежденіи Музыкальнаго общества явился Кологривовъ, хорошо мнѣ извѣстный еще съ 1852 года; тульскій помѣщикъ, нѣкоторое время въ какомъ-то вѣдомствѣ гражданскій чиновникъ, затѣмъ жившій въ отставкѣ, Вас. Алексѣев. Кологривовъ хорошо игралъ на віолончели и былъ страстный поклонникъ искусства въ области музыки... Первоначально онъ было

попытался призвать къ жизни русскую оперную труппу. Примкнулъ какъ-то къ театру, но Павелъ Степановичъ Өедоровъ однажды оборвалъ его при всѣхъ и Кологривовъ махнулъ рукой на театръ и оставилъ свою попытку... Прекрасная, во всѣхъ отношеніяхъ благородная, личность Кологривова мало освѣщена въ нашей печати, мало извѣстна и теперь почти вовсе забыта. Скажу болѣе: Кологривовъ и при жизни мало былъ оцѣненъ... Полный несокрушимой энергіи, человѣкъ почина, иниціативы, онъ предался дѣлу учрежденія и организаціи музыкальнаго общества со всѣмъ пыломъ своей души, съ фанатизмомъ, доходившимъ до грубости... Онъ вербовалъ въ Общество все и всѣхъ; онъ захватывалъ чуть не на улицахъ; толковалъ, объяснялъ, привлекалъ; изыскивалъ средства,—словомъ, работалъ для Общества какъ при его основаніи, такъ и въ первые годы по его учрежденіи для его упроченія и развитія. Кологривовъ трудился съ полнымъ самоотверженіемъ, забывая личные интересы, жертвуя матеріальными своими средствами; уложилъ въ это дѣло все и умеръ совершеннымъ бѣднякомъ. Его вдова, вполнѣ достойная женщина, нынѣ еще трудомъ заработываетъ кусокъ хлѣба, служа музыкальною дамою въ институтѣ въ Кіевѣ... [1]). Вообще, повторяю, память Кологривова заслуживаетъ глубокой признательности за труды, положенные имъ при основаніи и упроченіи Музыкальнаго Общества и затѣмъ Консерваторіи, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ въ Москвѣ и въ Кіевѣ... Враговъ возникающаго дѣла, какъ это ни странно, но было множество: враги попадались чуть не на каждой улицѣ столицы; вооружались

[1]) «Мужъ мой, пишетъ намъ изъ Кіева г-жа Кологривова, отъ 10-го октября 1889 г., выносилъ въ теченіи своей дѣятельности множество непріятностей и борьбы; эти непріятности были какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ... Удачи доставались тяжело и надо было имѣть его добрый и всепрощающій характеръ, чтобы вынести все то, что онъ вынесъ. По крайней мѣрѣ, онъ имѣлъ подъ конецъ жизни утѣшеніе, что дѣтище его петербургское стоитъ твердо, а кіевское училище, которое положительно не могло болѣе существовать за неимѣніемъ средствъ, онъ поднялъ его и также поставилъ на твердую почву... Матеріалы къ біографіи моего мужа имѣются у Андроника Михайловича Климченко, который очень любилъ мужа и зналъ все касающееся его дѣятельности".

Съ своей стороны замѣтимъ, что «Русская Старина» съ особымъ удовольствіемъ готова будетъ помѣстить все, что послужитъ къ характеристикѣ личности и дѣятельности покойнаго В. А. Кологривова, сослужившаго добрую службу къ укрѣпленію и развитію музыкальнаго образованія въ Россіи и столь справедливо оцѣненнаго А. Г. Рубинштейномъ. Ред.

противъ музыкальнаго общества, говорили, кричали, писали и печатали. Нападали въ новомъ дѣлѣ на все, нападали даже на дерзость нашу: какъ-де смѣть именовать „Музыкальное общество“ — русскимъ... И не будь просвѣщенной защиты великой княгини Елены Павловны и энергіи Кологривова, дѣло не могло бы стать такъ быстро и прочно... Надо, впрочемъ, сказать, что мы дѣйствовали осторожно. Такъ, напримѣръ, хорошо зная, какая волокита по всевозможнымъ канцеляріямъ предстояла бы, если бы вздумали мы сунуться за разрѣшеніемъ и добиваться утвержденія новаго устава Общества, — такъ какъ въ воздухѣ еще живы были вѣянія Николаевской эпохи, когда основаніе какихъ либо обществъ было до крайности затруднено, мы вспомнили, что при Придворной пѣвческой капеллѣ, съ 1840-хъ годовъ, существовалъ разрѣшенный правительствомъ кружокъ любителей музыки и давались симфоническіе концерты; тамъ въ старые годы бывалъ порядочный оркестръ, которымъ дирижировалъ старикъ Луи Маурерь. Дѣятельность этого кружка уже нѣсколько лѣтъ какъ совершенно прекратилась. И вотъ мы вздумали кружокъ воскресить и воспользоваться готовымъ его уставомъ... Итакъ, мы просили не болѣе, какъ продолжать дѣло, нѣкогда уже разрѣшенное: пѣть и играть и для этого собираться...— „Ну, что-жъ, хотите пѣть и играть—пойте и играйте, на это уже дано вамъ было разрѣшеніе“,—такъ отвѣчали намъ; такъ и возникло на старыхъ какъ будто основаніяхъ и подъ видомъ будто бы возродившагося лишь кружка любителей-симфонистовъ совершенно новое „Русское Музыкальное Общество“, нынѣ носящее титулъ „Императорскаго“.

Въ стѣнахъ Михайловскаго дворца возникли музыкальные классы, которые и были предтечею явившейся въ 1862-мъ году с.-петербургской консерваторіи. Въ томъ-же дворцѣ быстро составился вполнѣ хорошій хоръ изъ любителей и любительницъ... Въ музыкальныхъ классахъ читались лекціи: Лешетицкій былъ профессоръ игры на фортепіано, Ниссенъ-Саломонъ — пѣнію, Венявскій—скрипкѣ и проч.; я себя назначилъ директоромъ возникавшей консерваторіи; концерты давались безпрерывно, чуть не ежедневно и все для собиранія средствъ на это учрежденіе; одушевленіе и соревнованіе были всеобщія...

Но роды новыхъ музыкальныхъ учрежденій были туги, весьма

туги.... Музыкальное искусство—было у насъ въ печальномъ состояніи: русскихъ артистовъ-музыкантовъ, такъ сказать артистовъ цеховыхъ, вовсе не было; были, какъ я уже говорилъ, любители, были меценаты музыки, — была масса любителей итальянской оперы, были помѣщики и чиновники-меломаны, но музыкантовъ-артистовъ, повторяю, цеховаго въ этомъ отношеніи народа—вовсе не было... И вотъ мы—первые зачинщики и заводчики Кологривовъ и вашъ покорнѣйшій слуга—остановились на мысли непремѣнно создать такое на Руси учрежденіе, изъ котораго выходили бы музыканты съ дипломомъ свободнаго художника музыканта, подобно тому, какъ академія художествъ выпускаетъ изъ своихъ нѣдръ „свободныхъ художниковъ"—живописцевъ, скульпторовъ, архитекторовъ и проч.

Кстати, разскажу вамъ по этому поводу какой, совершенно, повидимому, ничтожный случай заронилъ мнѣ впервые мысль вызвать къ жизни и дать положеніе въ русскомъ обществѣ званію музыкальнаго-художника, артиста, именно, чтобы это званіе само по себѣ, безъ придачи званія помѣщика, чиновника, купца и т. п., давало положеніе въ обществѣ и могло бы наполнять всю суть жизни художника-музыканта.

Вотъ что со мною случилось.

Какъ-то (въ 1850-хъ годахъ) я говѣлъ и пошелъ исповѣдываться въ Казанскій соборъ. Послѣ исповѣди подхожу къ столу для записи своей фамиліи въ исповѣдную книгу. Дьяконъ меня спрашиваетъ:

— „Фамилія ваша, чинъ и званіе?"

„Рубинштейнъ—артистъ".

— „Что-же это вы въ театрѣ служите?"

Я говорю—нѣтъ.

— „А! можетъ быть вы въ какомъ институтѣ обучаете?"

Я говорю—нѣтъ.

Дьяконъ въ недоумѣніи, да и я въ недоумѣніи, помолчали оба.—„Да я артистъ-музыкантъ".

— „Такъ, понимаю; да вы на службѣ?" допытывается дьяконъ.

„Я повторяю вамъ, что нѣтъ, не служу".

— „Да кто же вы такой? какъ записать-то васъ?" И этотъ допросъ продолжался нѣсколько минутъ. Не знаю чѣмъ бы онъ кончился, только дьякону пришла мысль спросить меня: „да кто

же, позвольте узнать, будетъ вашъ родитель, родитель кто будетъ?“

Я говорю: купецъ второй гильдіи.

— „Ну вотъ теперь и знаемъ кто вы, обрадовался отецъ дьяконъ: вы, стало быть, сынъ купца второй гильдіи, такъ это мы и запишемъ“.

Этотъ пытливый допросъ и это опредѣленіе моего общественнаго положенія произвели на меня сильное и неизгладимое впечатлѣніе: было очевидно, что въ Россіи не существовало художника-музыканта, артиста,—какъ званіе, всѣми признанное, опредѣляющее его профессію, все положеніе въ обществѣ человѣка, трудящагося и нерѣдко всю жизнь посвятившаго своему искусству, музыкѣ, и ею поддерживающаго и себя и свою семью... Были архитекторы, живописцы, актеры-артисты, скульпторы, но не было артистовъ-музыкантовъ... И въ самомъ дѣлѣ: кто былъ тогда на Руси М. И. Глинка?—помѣщикъ, дворянинъ Смоленской губерніи; А. Н. Сѣровъ—чиновникъ почтамтскаго вѣдомства..., словомъ всѣ занимавшіеся музыкой, не только какъ исполнители музыканты, но и тѣ, которые являлись творцами въ этомъ искусствѣ—были или дворяне, или чиновники на службѣ, при театрѣ-ли, на педагогическомъ-ли поприщѣ, въ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и т. п.

Неужели же на Руси невозможно самобытное положеніе музыканта-артиста, художника-музыканта—какъ званіе человѣка?

Дьяконъ Казанскаго собора вызвалъ во мнѣ мысль по этому поводу, задалъ мнѣ задачу и вотъ нѣсколько лѣтъ спустя Кологривовъ и я—мы рѣшили эту задачу. Консерваторіи въ Россіи создали изъ своихъ воспитанниковъ и воспитанницъ—цѣлый новый слой русскихъ гражданъ и гражданокъ—носящихъ званіе „свободныхъ художниковъ“ (въ области музыки)... То, что болѣе ста лѣтъ тому назадъ было сдѣлано для художниковъ-живописцевъ и друг., а еще ранѣе, по мысли и почину Сумарокова, основателя русскаго театра, сдѣлано для русскихъ актеровъ и актрисъ, то явилось въ 1860-хъ гг. для русскихъ артистовъ-музыкантовъ—обоего пола...

Да, Вас. Алексѣев. Кологривовъ была крупная, исключительная въ своемъ родѣ личность и по энергіи, и по той страсти почина и любви къ музыкальному дѣлу, которая его одушевляла... Такихъ людей вообще мало въ русскомъ обществѣ, именно людей

съ почином, иниціаторовъ, которые толкаютъ все и вся къ единой, ими намѣченной цѣли—теперь я ихъ и вовсе не вижу... Отличный музыкантъ, человѣкъ весьма образованный, прекрасно знавшій Европу и ея музыкальныя сферы—Кологривовъ, между прочимъ, выдвинулъ и поддержалъ И. Х. Пиколя и I. А. Вейкмана—этихъ нынѣ славныхъ стариковъ,—являющихся столпами оркестра... Эти всѣ, равно какъ и Карлъ Богдановичъ Шубертъ, незабвенный А. И. Фицтумъ (инспекторъ студентовъ въ университетѣ), Лавоніусъ, Скордули (его дочь—извѣстная въ свое время пѣвица), Шустовъ, сынъ архитектора,—были всѣ кружка Кологривова... Весь этотъ кружокъ состоялъ изъ людей, которые дышали музыкой, она для нихъ была альфой и омегой ихъ существованія... Теперь такихъ людей нѣтъ!

Настоящее время, конечно, во многомъ лучше (я говорю о музыкальномъ мірѣ) времени 1859—1860-хъ годовъ; искусство разлилось весьма широко въ обществѣ, освѣтило и вовлекло въ свою область множество лицъ, но той теплой любви къ искусству, какая проникала насъ,—увы, теперь нѣтъ...

Выше я уже говорилъ о томъ всеобщемъ одушевленіи, какое охватило всѣхъ, принимавшихъ, подъ покровительствомъ великой княгини Елены Павловны, горячее участіе въ основаніи русскаго музыкальнаго общества и первыхъ музыкальныхъ классовъ въ ея дворцѣ... Лучшія музыкальныя силы того времени, бывшія въ Петербургѣ, отдали тогда свой трудъ и время почти даромъ, только-бы положить основаніе прекрасному дѣлу: Ник. Ив. Заремба, Лешетицкій, Ниссенъ-Саломонъ, Венявскій и друг. брали бывало (въ 1858—1860 гг.), въ нашихъ музыкальныхъ классахъ въ Михайловскомъ дворцѣ, по рублю лишь за урокъ. Просто невѣроятное дѣло! Толпы учениковъ и ученицъ всѣхъ положеній, средствъ и возрастовъ быстро наполнили эти классы... Все это жаждало музыки, музыкальнаго высшаго образованія... Составились оркестры, хоры... Великая княгиня интересовалась дѣломъ живѣйшимъ образомъ, посѣщала классы, давала необходимыя средства, словомъ являла покровительство не одною ласкою и платоническимъ вниманіемъ, но и вещественно, матеріально... Да, послѣ того времени — меценатство уже не простирается до поддержки дѣла деньгами, а деньги, увы, — главный нервъ всего дѣла...

Во главѣ музыкальнаго общества явились я, гр. Матвѣй Віельгорскій, В. А. Кологривовъ, Дм. Вас. Стасовъ, Д. В. Каншинъ... Послѣдній собирался составить какое-то особое общество любителей музыки въ Петербургѣ, но мы, чтобы не дробились силы, въ видахъ единенія въ дѣйствіяхъ, пригласили его въ наше общество; онъ вошелъ въ него, обѣщая привлечь до сотни лицъ со средствами; это сдѣлать ему не удалось, но онъ лично былъ все-таки вполнѣ полезнымъ нашимъ сочленомъ...

Всѣ мы, вожаки и наши сторонники, посѣтили нѣсколькихъ богатыхъ людей въ Петербургѣ, приглашая ихъ помочь нашему дѣлу, и въ первый-же годъ было собрано не Богъ вѣсть что, но все же нѣсколько тысячъ руб. Мы точно славили Христа, разъѣзжая по домамъ и собирая деньги; были у кн. Юсупова, Бенардаки, Василія Ѳедуловича Громова и нѣсколькихъ другихъ; кто давалъ—100, 300, даже по 500 руб. Нѣкоторыя изъ дамъ высшаго общества особенно горячо потрудились при основаніи нашей консерваторіи. Софія Яковлевна Веригина (супруга члена государственнаго совѣта А. И. Веригина) собрала однажды по подписному листу до 3,000 руб.; Юлія Ѳедоровна Абаза, рожденная Штуббе, завѣдывала скромною кассой нашихъ музыкальныхъ классовъ; княгиня Елизавета Витгенштейнъ, рожденная Эйлеръ, по рублямъ бывало собирала на наше дѣло деньги. Словомъ, одушевленія и энергіи было много, но не мало было и сопротивленія... Оно гнѣздилось во многихъ оффиціальныхъ сферахъ. Напр., разсказывали, что директоръ капеллы Алексѣй Ѳедоровичъ Л*** грозилъ подчиненнымъ ему пѣвчимъ отставкой, если кто изъ нихъ дерзнетъ въ посту участвовать въ нашихъ концертахъ; возникла „безплатная школа“, также въ видахъ протеста противъ насъ, въ видахъ противодѣйствія: у васъ-де—берутъ за обученіе деньги, милости просимъ къ намъ, мы это же дѣлаемъ безплатно! А. Н. Сѣровъ громилъ насъ всюду, на всѣхъ перекресткахъ и въ печати... не стѣсняясь ничѣмъ.—„Это-де цѣховой педантизмъ, это-де все нѣмцы“!—декламировалъ онъ всюду, гдѣ только могъ, —и все это изъ-за того, что его не пригласили въ русское музыкальное общество быть директоромъ и вообще не дали никакого положенія... Ѳеофилъ Толстой (писавшій подъ псевдонимомъ—Ростиславъ) также былъ въ величайшемъ гнѣвѣ; всѣ хотѣли играть роли, но откуда ихъ было взять

для нихъ? Впослѣдствіи, когда мы поняли подкладку ихъ нападокъ, мы стали создавать для противниковъ нашего дѣла роли; учреждали въ русскомъ музыкальномъ обществѣ разные комитеты, напр. по разсмотрѣнію музыкальныхъ сочиненій,—по составленію программъ и т. п. Крикуновъ приглашали въ члены этихъ комитетовъ и такъ постепенно умиротворяли страсти и личныя самолюбія...

Кстати о Сѣровѣ. Это была, несомнѣнно, даровитая личность, въ особенности въ немъ было очень много пониманія сцены и всѣхъ сценическихъ условій; было какое-то чутье, и въ дѣлѣ созданія оперъ онъ могъ-бы пойти весьма далеко; но, къ сожалѣнію, недостатокъ эстетическаго образованія сказывался въ немъ весьма замѣтно; въ немъ мало было чувства изящнаго, въ его твореніяхъ было много грубаго... Не знаю, какихъ цѣлей онъ добивался въ искусствѣ, по крайней мѣрѣ, въ молодости, но вѣрно то, что онъ былъ съѣдаемъ вполнѣ болѣзненнымъ самолюбіемъ и честолюбіемъ... Ему хотѣлось всюду первенствовать— и подъ гнетомъ этого чувства Богъ вѣсть чего только онъ ни писалъ въ своихъ статьяхъ о музыкѣ, до чего только ни договаривался онъ на своихъ лекціяхъ объ искусствѣ. Доходило до того, что онъ возставалъ противъ музыкальныхъ школъ... Изъ громадной массы его писаній я весьма мало что читалъ, но и это не многое поражало меня своими абсурдами... Этотъ замѣчательный человѣкъ не рѣдко просто доходилъ до крайности, онъ рѣшительно не зналъ иногда, что дѣлаетъ—договариваясь Богъ вѣсть до чего, отрицая напр. пользу консерваторій и вообще музыкальнаго образованія въ школахъ...

Концерты въ первые три года существованія Русскаго Мукальнаго общества были даваемы въ домѣ Елисѣева, у Полицейскаго моста, гдѣ нынѣ Благородное собраніе. Публики собиралось много, т. е. около 900 челов., зала не вмѣщала болѣе. Концерты имѣли полный успѣхъ. Одну изъ ихъ особенностей составляли программы, печатавшіяся съ біографическими подробностями о тѣхъ композиторахъ, произведенія которыхъ выполнялись на нашихъ концертахъ...

Все пошло хорошо, но все это было ничтожно противъ чрезвычайно важныхъ послѣдствій: явилось постепенно, подъ вліяніемъ дѣятельности русскаго музыкальнаго общества, полное

преобразованіе въ обученіи музыкѣ во всемъ русскомъ обществѣ, во всѣхъ институтахъ, общественныхъ учрежденіяхъ, въ семействахъ... Дотолѣ музыка, въ большинствѣ случаевъ для молодежи ограничивавшаяся бряцаніемъ на фортепіано для поздравленія мамаши съ папашей или въ честь какой либо начальницы, уступила мѣсто серьезному отношенію къ дѣлу музыкальнаго образованія... Теперь, какъ извѣстно, во всѣхъ школахъ и институтахъ — совершенно серьезно смотрятъ на это весьма важное дѣло въ общемъ ходѣ развитія учащихся; питомцы петербургской консерваторіи и по образцу ея явившихся учрежденій въ нѣсколькихъ городахъ нашего отечества свершили полный переворотъ въ дѣлѣ музыкальнаго образованія въ Россіи... Много сдѣлано въ Москвѣ, подъ руководствомъ покойнаго Николая Григорьевича и его достойныхъ преемниковъ. Тамъ при началѣ дѣла держались моего совѣта, который я далъ Н. Г.: „скорѣе, скорѣе собери какъ можно болѣе членовъ, организуй отдѣленіе музыкальнаго общества и дѣйствуй бодро и энергично". И онъ дѣйствовалъ тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что въ Москвѣ не было конкуренціи и многіе были весьма отзывчивы на его призывъ къ дѣлу упроченія музыкальнаго образованія.

X.

Музыкальные классы въ Михайловскомъ дворцѣ.—Учащіе и учащіеся.—Музыкальная школа.—Консерваторія.—Первые ея, по времени, профессора и первые выпуски ея учениковъ и ученицъ. — Отношенія къ консерваторіи общества и его требованія.—Заслуги консерваторіи предъ Россіей.

1859 — 1868.

Между тѣмъ въ Петербургѣ „музыкальные классы" Михайловскаго дворца стали перерождаться въ консерваторію... Явился уставъ, явилось учрежденіе... Тутъ произошелъ одинъ смѣшной случай... Время было кваснаго патріотизма... Пишемъ уставъ, надо избѣгать иностранныхъ словъ, ну какъ консерваторію назвать консерваторіей! Никакъ невозможно! Слово совершенно иностранное. Назвали Музыкальной школой. Профессора опять слово иностранное, назовемъ—преподавателями. Назвали. Уставъ представленъ, уставъ утвержденъ (1862 г.) Чтоже вышло?

Профессоръ на Руси — это своего рода чинъ, положеніе довольно высокое, значительное; преподаватель—это уже гораздо мельче. Итакъ мы сами себя поурѣзали, гоняясь за выраженіями русскими. Уже гораздо позже, послѣ кончины великой княгини Елены Павловны († 1873), когда дѣло консерваторіи и музыкальнаго общества принялъ подъ свое покровительство великій князь Константинъ Николаевичъ—пересмотрѣнъ былъ уставъ „Музыкальной школы"—она сдѣлалась и по имени консерваторіею, съ профессорами.

Я былъ ея первымъ директоромъ (съ 1862 по 1 сентября 1867 г.); А. А. Герке, Ѳ. О. Лешетицкій, Дрейшокъ, К. Ю. Давыдовъ, г-жа Генріета Ниссенъ-Саломонъ, Г. Ѳ. Венявскій, К. Б. Шубертъ, П. Л. Петерсенъ, І. А. Вейкманъ, Альбертъ Цабель, Чіарди, Н. И. Заремба, А. И. Виллуанъ, Луфтъ, Мецдорфъ, И. К. Воячекъ, Кавалини, Фереро, Репетто, К. К. фанъ-Аркъ, Г. Г. Кроссъ (съ 1867 г.), Зейфертъ, А. И. Рубецъ (съ 1867 г.), Іогансенъ (тоже), Черни и друг. славные дѣятели въ области музыкальнаго искусства въ Россіи вошли въ первую по времени въ Россіи консерваторію какъ профессора, а нѣкоторые изъ нихъ какъ адъюнкты.

И что̀ за превосходные, что̀ за даровитые артисты-музыканты и знатоки музыкальнаго искусства явились въ первыхъ выпускахъ нашей консерваторіи: П. И. Чайковскій, Ив. Осип. Рыбасовъ (†), Ларошъ (1866), Е. А. Лавровская, А. Н. Есипова, М. В. Терминская, С. А. Малоземова (нынѣ преподавательница въ консерваторіи), Н. А. Ирицкая, О. Ѳ. Минквицъ, В. А. Тиманова (хотя короткое время, но она также была въ петербургской консерваторіи и изъ нея переѣхала въ Берлинъ), Луи Альбрехтъ, А. Л. Спасская (основательница музыкальной школы въ Вильнѣ, хорошая также музыкантша), Конст. Пушиловъ, Василій Салинъ (скрипки), Луи Гомеліусъ (органистъ), Ив. Макаровъ, Г. Г. Кроссъ (†)—(Кроссъ и Чайковскій—перваго выпуска 1865 г., получили медали); К. К. Зики, Н. А. Губертъ, г-жа Щетинина, г. Альтани, г-жи Логинова, Тарновская, Клеммъ, А. А. Хвостова, Соколовская, Турчанинова, Скордули, А. И. Рубецъ, Соловьевъ, И. Дм. Пановъ и многіе другіе (выпуски 1865—1868 гг.). Конечно, это обиліе талантовъ въ рядахъ первыхъ выпусковъ объясняется и

тѣмъ, что русское общество выслало, въ началѣ 1860-хъ гг., изъ своей среды лучшія назрѣвшія силы въ число учениковъ и ученицъ консерваторіи, каковое учрежденіе такъ долго оно ждало... А число учащихся въ консерваторіи, дѣйствительно, все росло, да росло... Къ концу моего перваго въ ней директорства учениковъ и ученицъ насчитывалось до 200; позднѣе — оно дошло до 700 лицъ обоего пола, и это, по моему мнѣнію, было уже большою ошибкою! Консерваторія должна была, такъ сказать, вырости въ вышину, а она раздалась въ ширь и стала музыкальной фабрикой. И теперь, когда я, послѣ длиннаго ряда годовъ, вновь опять директоромъ—я всѣ силы употребляю, чтобы ее изъ фабрики обратить въ художественную мастерскую, и я не теряю надежды на успѣхъ...

Обращаясь ко времени основанія въ Петербургѣ консерваторіи, передамъ нѣсколько чертъ, характеризующихъ отношенія тогдашняго общества къ небывалому на Руси учрежденію. Многія изъ нашихъ барынь поражены были прежде всего тѣмъ, что это заведеніе для музыкальнаго образованія является вполнѣ русскимъ... „M-r Рубинштейнъ, говоритъ мнѣ бывало великосвѣтская дама,— представляя свою юницу дочь, и говоритъ, разумѣется, по французски:—я вамъ привела мою дочь, надѣюсь, что она здѣсь усвоитъ себѣ музыкальное образованіе и не забудетъ иностранныхъ языковъ“...

— Да вѣдь у насъ все преподаваніе идетъ на языкѣ русскомъ.

— „Какъ, недоумѣваетъ барыня, — музыка на языкѣ русскомъ... Вотъ это оригинально“!

И дѣйствительно, напр., являлось оригинальнымъ, что у насъ въ консерваторіи впервые въ Россіи началось преподаваніе теоріи музыки на языкѣ русскомъ. Профессоръ Н. И. Заремба, протестантъ, отчасти фанатикъ въ дѣлѣ религіозномъ, но отличный профессоръ теоріи музыки, преподавалъ ее на языкѣ русскомъ. До него, кто желалъ ознакомиться съ теоріей музыки, долженъ былъ обращаться къ иностранцамъ, либо ѣхать въ Германію... Заремба былъ золотой человѣкъ для консерваторіи и прекрасно зналъ свое дѣло...

Многіе въ публикѣ смотрѣли на возникшее наше учрежденіе, какъ на мѣсто удобное въ особенности для слабоумныхъ дѣтей. — „Господинъ директоръ, — говорили мнѣ нѣкоторыя сердо-

больныя маменьки, приводя своихъ полуидіотовъ сыновей: „этого мальчика уволили изъ такого-то и такого-то заведенія по слабости здоровья (разумѣлось, нерѣдко, по неспособности и малоуспѣшности); куда мнѣ его дѣть? я и придумала отдать его къ вамъ, въ консерваторію; у васъ и полегче ему будетъ, и наукамъ онъ обучится, да и къ музыкѣ, можетъ быть, окажется способнымъ“!

Ну вотъ, что̀ бывало прикажете дѣлать съ такими барынями! Насилу бывало втолкуешь имъ, что и въ консерваторіи нужны ученики и ученицы способные, прилежные, здоровые физически и душевно...

Введеніе у насъ преподаванія научныхъ предметовъ, въ паралель съ музыкой, также подавало поводъ нѣкоторымъ расчетливымъ родителямъ опредѣлять къ намъ своихъ птенцовъ только потому, что они одновременно обучатся и тому и другому,—что-де это и обойдется гораздо дешевле... Впослѣдствіи, когда консерваторіи дали льготу перваго разряда по отношенію къ воинской повинности, подобно тому, какъ то дано академіи художествъ, бывали молодые люди, которые вовсе не по призванію къ искусству, а единственно дабы выхватить съ дипломомъ льготу перваго разряда (служба въ такихъ случаяхъ была всего одно-лѣтняя — вмѣсто четырехъ-лѣтней), укрывались подъ гостепріимную сѣнь консерваторіи. Конечно, это были случаи не частые, но бывали... и во всемъ этомъ весьма мало было музыкальнаго! Быстрый ростъ числа учащихся обоего пола въ консерваторіи имѣлъ также свои существенные недостатки; консерваторія раздалась въ ширину, въ особенности во время моего отсутствія изъ этого учрежденія... При Н. И. Зарембѣ, Мих. Пав. Азанчевскомъ и друг. сдѣлано было весьма много хорошаго, но и было не мало промаховъ... хотя бы, напр., относительная легкость полученія дипломовъ учащимися, изъ которыхъ,—говорю про мужчинъ, — нѣкоторые не были одушевлены любовью къ искусству, да и не имѣли къ нему призванія, а просто добивались диплома въ видахъ освобожденія или облегченія для себя отбыванія воинской повинности... Повторяю, во всемъ этомъ было мало м у з ы к а л ь н а г о... Введеніе преподаванія научныхъ предметовъ въ консерваторіи было также, можно сказать, ошибкою: консерваторія—должна быть вполнѣ м у з ы к а л ь н ы м ъ у н и в е р с и т е т о м ъ,

сюда должны поступать лица съ надлежащею научною подготовкою, здѣсь не должно быть приготовительныхъ классовъ...

Во всякомъ случаѣ, консерваторіи въ нашемъ отечествѣ сослужили превосходную службу: онѣ разлили по всему лицу Россіи свѣтъ музыкальнаго образованія; при этомъ одна уже петербургская консерваторія, не говоря о московской и о музыкальныхъ школахъ Кіева, Харькова, Саратова, Тифлиса, Одессы,—нынѣ даже въ Омскѣ таковая имѣется, — одна петербургская консерваторія дала Россіи цѣлый рядъ чрезвычайно сильныхъ талантовъ въ области музыкальнаго искусства; назову хотя слѣдующихъ: бывшаго правовѣда Чайковскаго—по музыкальнымъ сочиненіямъ геніальнаго художника, дошедшаго до своего апогея и сдѣлавшагося, какъ художникъ-писатель въ области музыки, достояніемъ всей Европы, между тѣмъ какъ ему едвали еще есть 50 лѣтъ [1]); г-жу Лавровскую—по пѣнію, г-жу Есипову — піанистку, покойнаго Губерта—по теоріи музыки (онъ былъ преемникъ Николая Григорьевича Рубинштейна—въ званіи директора московской консерваторіи), Кросса—піаниста и бывшаго профессоромъ въ спб. консерваторіи; Германъ Августовичъ Ларошъ, человѣкъ весьма образованный, прекрасно владѣющій перомъ какъ музыкальный критикъ и знающій теорію музыки въ такомъ совершенствѣ, какъ весьма не многіе профессора ее знаютъ, при томъ отличный преподаватель—онъ былъ профессоромъ въ московской консерваторіи; г. Альтани—замѣчательный капельмейстеръ, и мног. другіе; отличныхъ преподавателей и преподавательницъ, выпущенныхъ консерваторіей, можно насчитывать, за 25 лѣтъ ея существованія, нѣсколько десятковъ... Впрочемъ, относительно пѣнія, кто лучше, кто хуже учитель пѣнія — сказать трудно: это какъ доктора: самый лучшій можетъ уморить, такъ точно и въ пѣніи — самая лучшая преподавательница или профессоръ могутъ испортить, а не усовершенствовать свою ученицу...

---

[1]) Петръ Ильичъ Чайковскій род. 25-го апрѣля 1840 г., кончилъ курсъ въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія въ Спб., въ 1859 г., и нѣкоторое время состоялъ на службѣ въ департаментѣ Мин. Юстиціи. Ред.

XI.

Оставленіе консерваторіи. — Мои концерты. — Артистическое путешествіе по Америкѣ.—Венявскій.—Степень музыкальности у различныхъ народовъ.

1867 — 1872.

Въ сентябрѣ 1867 года я оставилъ консерваторію, такъ какъ разошелся во взглядахъ съ нѣкоторыми ея профессорами на самую суть и цѣль преподаванія; притомъ я, дѣйствительно, человѣкъ темперамента пылкаго, да и крутъ; я горячо все беру къ сердцу, потому что горячо люблю самое дѣло....

Какъ въ бытность въ консерваторіи, такъ и послѣ во всю жизнь я продолжалъ давать частые концерты. Давалъ ихъ повсюду въ Европѣ, во всѣхъ главнѣйшихъ центрахъ цивилизаціи; не довелось быть только въ Румыніи, да въ Греціи и, конечно, въ Турціи... Относительно благотворительныхъ концертовъ довелось давать ихъ также не мало [1]); но тутъ замѣчу одну особенность нашего русскаго общества. Здѣсь, т. е. въ Россіи, вообще часто доводилось мнѣ давать концерты въ пользу учащихся и притомъ всевозможныхъ высшихъ, спеціальныхъ, даже среднихъ учебныхъ заведеній, между тѣмъ ни одного разу не довелось этого дѣлать за предѣлами Россіи, и не пришлось потому, что съ таковыми просьбами не обращались ко мнѣ... Тамъ, заграницей, когда давалъ я концерты съ благотворительною цѣлью, то это обыкновенно было въ пользу бѣдныхъ обывателей того или другаго города, либо по случаю какого либо мѣстнаго бѣдствія, въ пользу пострадавшихъ отъ него, либо въ пользу фонда артистовъ и т. п., но въ пользу учащихся ни въ Германіи, ни въ другихъ странахъ, кромѣ Россіи, нигдѣ меня никогда не просили играть. Это

---

[1]) Нѣкоторые изъ друзей А. Г. Рубинштейна намъ сообщили интересную справку: по приблизительному, но довольно вѣрному расчету, Антономъ Григорьевичемъ собрано только въ Россіи, и лишь со времени основанія консерваторіи, т. е. менѣе чѣмъ въ 28 лѣтъ — 300,000 руб. съ благотворительныхъ его концертовъ и отдано имъ на добрыя цѣли и учрежденія или въ пользу бѣдныхъ. Также много потрудился для добраго дѣла и братъ его Николай Григорьевичъ († 1881 г.): въ теченіе, напр., одной зимы 1877 — 1878 гг., его субботними и воскресными концертами въ Москвѣ и окрестныхъ городахъ выручена Н. Г. сумма въ 32,000 руб. въ пользу «Краснаго Креста». Ред.

тѣмъ болѣе удивительно, что напр. университетское образованіе заграницей обходится весьма дорого... Этого отсутствія заграницей концертовъ въ пользу учащихся я себѣ никакъ не могу объяснить, между тѣмъ у насъ въ отечествѣ мнѣ доводилось часто участвовать въ концертахъ или даже давать ихъ именно съ этою доброю цѣлью...

Въ 1872 году я вмѣстѣ съ скрипачемъ покойнымъ Генрихомъ Венявскимъ принялъ приглашеніе одного антрепренера сдѣлать артистическое путешествіе по Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки [1]). До меня въ Америкѣ изъ русскихъ музыкантовъ были только кн. Юрій Голицынъ и Славянскій-Агреневъ. Договоръ американца со мною былъ заключенъ въ Вѣнѣ, при посредствѣ адвоката Жака. Въ мою пользу было выговорено 200,000 франковъ вознагражденія, половина суммы была тогда же положена антрепренеромъ въ банкъ...

По договору антрепенеръ не имѣлъ меня право везти въ южные штаты, вообще весь маршрутъ былъ въ точности обусловленъ договоромъ, юридически вполнѣ оформленнымъ. На извѣстное время я поступилъ въ полное распоряженіе антрепренера... Ну ужъ и не дай Богъ никогда поступать въ такую кабалу! Здѣсь уже нѣтъ мѣста искусству,—это чисто фабричная работа, обращаешься въ какой-то автоматическій инструментъ; артистъ теряетъ свое достоинство, онъ пропадаетъ...

Въ теченіи восьми мѣсяцевъ пребыванія моего въ Америкѣ, причемъ мы объѣхали Соединенные Штаты вплоть до Новаго Орлеана, дальше не были, я 215 разъ выходилъ на эстраду... Случалось, да и не рѣдко, два-три раза въ день давали мы концерты, и все въ разныхъ городахъ... Успѣхъ и сборы были всегда полны, но все это настолько тяжело, что я просто сталъ презирать и себя и искусство; все время былъ собой недоволенъ, такъ что когда, нѣсколько лѣтъ спустя, мнѣ было сдѣлано предложеніе повторить мой объѣздъ Америки, причемъ предлагали гонораръ въ

---

[1]) Генрихъ Венявскій былъ, безспорно, первый въ тѣ годы скрипачъ,—ничего подобнаго нигдѣ не было; его игра производила громадный эфектъ; человѣкъ онъ былъ остроумный, забавный, но болѣзненный.... Въ Америкѣ однако вовсе не хворалъ; за свой артистическій вояжъ въ Новый свѣтъ онъ получилъ 100 т. франковъ. Умеръ отъ водяной, въ Москвѣ. **А. Р.**

полмилліона марокъ за это музыкальное путешествіе, я на отрѣзъ отказался... Какъ курьезъ отмѣчу: контрактъ выполнялся такъ строго и точно, что покойный Венявскій, человѣкъ вообще нервный и въ бытность свою въ оркестрѣ Большаго театра въ Петербургѣ, да и въ консерваторіи профессоромъ, часто не являвшійся по слабости здоровья, тутъ, въ Америкѣ, волей-неволей нашелъ въ себѣ настолько силы, что ни единаго раза не проманкировалъ и постоянно являлся съ своею волшебною скрипкою на эстраду, да и немудрено: за неявку, по контракту, на него падалъ штрафъ въ 1,000 франковъ!

Заработокъ въ Америкѣ положилъ основаніе моему матеріальному обезпеченію. До тѣхъ поръ его не было; только послѣ Америки я поспѣшилъ пріобрѣсти недвижимость-собственность—дачу въ Петергофѣ... Съ 1865-го года я женатъ, но дѣлалъ свои путешествія всегда одинъ.

Во время моихъ путешествій—весь досугъ, какой выдавался, посвящалъ я либо на чтеніе, либо на композиторскую дѣятельность; часто писалъ по-нѣмецки, либо по-французски (оп. «Неронъ»), но потому на иностранныхъ языкахъ, что съ трудомъ добывалъ русскаго либреттиста, да и постановка на отечественной сценѣ новыхъ оперъ вообще бываетъ значительно позднѣе, чѣмъ на иностр. сценахъ; для либретто „Демона" я обратился къ профессору Дерптскаго университета П. А. Висковатову... либретто для оперы „Горюша" написалъ мнѣ Дмитрій Вас. Аверкіевъ...

Кстати, относительно музыкальности тѣхъ или другихъ народовъ скажу, что хотя повсюду въ Германіи преобладаетъ въ настоящее время особаго рода патріотизмъ, что-де и чортъ не братъ нѣмцу, а вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ въ нихъ какой-то не то піэтизмъ, не то мистицизмъ, да и вся мощь и сила германцевъ нынѣ, увы, въ штыкахъ и единствѣ, что для культуры ножъ острый, тѣмъ не менѣе Германія, все-таки, по моему мнѣнію, остается самою „музыкальною" въ свѣтѣ націею. Да вотъ какъ: если взять счетъ понимающихъ музыку процентами на 100, то число нѣмцевъ равняется 50%, французовъ—16%, англичане (самая немузыкальная часть всего человѣческаго рода)—2%. Даже американцы гораздо болѣе англичанъ понимаютъ и любятъ музыку... Говорю это съ полнымъ безпристрастіемъ, ибо въ Англіи я всегда находилъ лично для себя самый радушный пріемъ... При всемъ ихъ ко

мнѣ радушіи, долженъ откровенно сказать, что въ музыкѣ они ничего не чувствуютъ и ничего въ ней не понимаютъ... Этого, однако, не пишите, а то сыны Альбіона на меня весьма разгнѣваются... Въ Америкѣ все-таки чуть-чуть больше музыки, чѣмъ въ Англіи... Собственно же музыка существуетъ только въ Германіи—именно музыка высокая; во Франціи есть одинъ лишь отдѣлъ въ области музыки, который идетъ превосходно и весьма цѣнится, но это все не то, что въ Германіи,—какъ можно! Истинное пониманіе высшихъ музыкальныхъ произведеній нигдѣ, кромѣ Германіи. Русскіе съ своими прекрасными народными мелодіями стоятъ особнякомъ... Русская мелодія, дѣйствительно, чудная! Только Швеція и Норвегія имѣютъ еще такія очаровательныя мелодіи; впрочемъ я не распространяюсь о музыкальности русскаго народа, такъ какъ меня, какъ русскаго, заподозрятъ въ невольномъ пристрастіи къ своему отечеству.

Въ общемъ же, при нынѣшнемъ въ Европѣ преобладаніи бисмарковщины съ одной стороны, вагнеровщины съ другой, когда всѣ идеалы стали верхъ ногами,—для музыки—я говорю о музыкальномъ творчествѣ—положительно насталъ критическій моментъ! Знаніе техники сдѣлало гигантскіе шаги, но собственно музыкальное творчество, повторяю, кончилось... Съ послѣдними дивными звуками Шопена оно умерло или обмерло,—на долго-ли, не знаю! Въ данное время, въ области музыкальнаго творчества, по моему мнѣнію, повторяется то же явленіе, что было въ искусствѣ живописи: въ XV, XVI, даже въ XVII-мъ столѣтіяхъ—оно стояло чрезвычайно высоко; въ XVIII-мъ живопись стала падать, дошла до ничтожества и вотъ лишь только теперь начинаетъ возрождаться... Этотъ временный застой явился и для музыкальнаго творчества... Когда оно выйдетъ изъ него и въ какомъ видѣ выйдетъ—этого никто не знаетъ, но вѣрно то, что все, чѣмъ мы въ ней восторгались, что любили, уважали, предъ чѣмъ преклонялись и чему удивлялись—это съ Шопеномъ кончилось...

XII.

Мои статьи о музыкѣ и музыкальныя, въ различныхъ родахъ, произведенія.— Историческіе концерты въ столицахъ главныхъ городовъ Европы. — Вторичное вступленіе директоромъ въ консерваторію.—Записки и проекты.—Вопросъ о реформахъ въ организаціи музыкальнаго дѣла въ Россіи, какъ одного изъ сильныхъ средствъ для образованія народа.

1852 — 1889.

Обращаясь къ моей дѣятельности, какъ писателя въ области музыки, вспоминаю, что въ № 1-мъ газеты „Вѣкъ"—предпринятой въ 1860 г. покойными В. П. Безобразовымъ, А. В. Дружининымъ и К. Д. Кавелинымъ, а также нынѣ здравствующимъ П. И. Вейнбергомъ, я помѣстилъ статью о „Музыкѣ въ Россіи",—именно о диллетантизмѣ въ музыкѣ; при этомъ я рѣзко возставалъ противъ этихъ любителей-диллетантовъ, отъ которыхъ кромѣ вреда для музыкальнаго дѣла въ Россіи ничего не видѣлъ... Статья вновь вызвала бурю противъ меня, новая лавина нападокъ на меня обрушилась, но и теперь, 30 лѣтъ спустя, остаюсь при тѣхъ-же взглядахъ, какіе высказалъ въ той статьѣ. Надо впрочемъ сказать, что тотъ диллетантизмъ, противъ котораго я выступилъ до учрежденія консерваторіи, уже теперь не имѣетъ прежняго вреднаго значенія въ русскомъ обществѣ, но тогда онъ былъ на первомъ планѣ. Во всякомъ случаѣ, статья 1860 г. теперь уже не имѣетъ никакого значенія.

За перо, однако, я брался для написанія статей объ искусствѣ весьма рѣдко: такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, написалъ по-нѣмецки статью (она имѣется и въ русскомъ переводѣ) относительно духовныхъ оперъ или ораторій [1]), а другую (въ лейпцигскомъ журналѣ „Signal") по поводу сдѣланнаго мнѣ предложенія взять на себя редакцію изданія музыкальныхъ классиковъ; таковое изданіе весьма важно уже потому, что оно легло-бы основою въ дѣлѣ общаго усвоенія тѣхъ или другихъ музыкальныхъ терминовъ и понятій... Въ послѣдніе годы мнѣ принадлежатъ проектъ новаго устава консерваторіи и всѣ тѣ записки, къ

---

[1]) Письмо А. Г. Рубинштейна о «духовной оперѣ»: («Geistliche Oper»). Сборникъ Левинскаго, изданный въ Берлинѣ, подъ названіемъ: «Vor den Kulissen» (Изъ-за кулисъ). Ред.

ней и къ музыкальному въ России искусству относящіяся, изъ которыхъ одна, я надѣюсь, получитъ установленный ходъ... Вотъ то немногое, что я писалъ; будущій мой біографъ не получитъ и моей корреспонденціи, такъ какъ ея почти не было: переписываться терпѣть не могу, такъ какъ врагъ всякаго письма.

Времени написанія тѣхъ или другихъ моихъ оперъ—вполнѣ точно я не помню, судить же о времени написанія по тѣмъ годамъ, когда онѣ ставились на сцену, нельзя, такъ какъ нерѣдко представленіе шло значительно позже времени написанія ихъ. Тѣмъ не менѣе, я помню, что оперы: „Ѳомка дурачекъ"—была написана мною въ 1852 г., „Демонъ" въ 1871 году; нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта послѣдняя опера перешла уже за сотое представленіе, но съ тѣхъ поръ шла-ли пять разъ—не знаю; съ своей стороны, я къ дирекціи никогда не обращался, да и не обращаюсь съ просьбами или хотя напоминаніями о постановкѣ того или другаго изъ моихъ сочиненій. Пусть дѣлаютъ какъ хотятъ. Почему, напр., снимали съ репертуара мою оперу „Купецъ Калашниковъ"—я рѣшительно не знаю; для меня весьма пріятно, что эта опера весьма понравилась и была одобрена свыше и, по желанію высшей власти, вновь была поставлена на сцену; но почему, вопреки этого одобренія, послѣ двухъ-трехъ представленій, опять снята—рѣшительно недоумѣваю; между тѣмъ какъ сборы эта опера давала полные, слѣдовательно публикѣ очевидно опера весьма нравилась...

Опера „Маккавеи"—писана мною въ 1873—1875 гг., шла же она на сценѣ въ Петербургѣ впервые только въ 1877-мъ году... Гораздо ранѣе былъ поставленъ мой „Неронъ" въ Гамбургѣ.— Далѣе идутъ мои комическія оперы: „У Разбойниковъ", „Попугай" — 1885-го года....

Не могу похвалиться, чтобы оперы мои встрѣчали со стороны дирекціи отечественнаго театра радушіе; бывало довольно часто, что дирекція вовсе игнорировала мои произведенія, между тѣмъ за рубежемъ родной земли пріемъ былъ очень, очень радушенъ... Да и въ послѣдніе годы у насъ „Демона" даютъ весьма рѣдко; „Маккавеи"—не даютъ [1]); „Калашникова" вовсе

[1]) Любопытный фактъ—когда нѣкогда, по представленію г. Лукашевича, покойный гр. А—гъ согласился, наконецъ, разрѣшить постановку «Маккавеи», то его сіятельство положилъ такую резолюцію: «дать можно, но отнюдь на новыя декораціи и костюмы ничего не тратить».

сняли... Если оказывается самое доброе вниманіе къ моимъ произведеніямъ въ офиціальномъ мірѣ, такъ это только свыше... Быть можетъ, я ошибаюсь, но въ основѣ нерасположенія дирекціи къ моимъ операмъ лежитъ нерасположеніе не ко мнѣ лично, а къ консерваторіи... Впрочемъ, я никогда не имѣлъ объясненій съ директорами театровъ, такъ какъ эти лица все же смѣняющіеся; въ личныхъ сношеніяхъ они весьма любезны.... Надо и то сказать, что положеніе директора театровъ не только въ Россіи, но и повсюду очень, очень трудное и если меня спросятъ: какой постъ, по моему мнѣнію, труднѣе—министра иностранныхъ дѣлъ или директора театровъ, я скажу—послѣдній постъ несравненно труднѣе...

Ораторіи или духовныя оперы „Потерянный Рай" и „Вавилонская башня" написаны весьма давно, а именно первая изъ этихъ ораторій уже въ 1854-мъ году была готова, а вторая, по времени написанія, относится къ 1870-му году. Къ этому роду произведеній принадлежитъ «Моисей»—четыре картины.

Большая часть моихъ симфоній безъ названій, наиболѣе изъ нихъ извѣстны—„Океанъ", „Драматическая", № 5—„Русская", всего кажется до шести симфоній. Музыкальныя картины: „Іоаннъ Грозный",—„Донъ-Кихотъ" и „Фаустъ"; баллада „Леонора".... „Эроика" посвящена памяти М. Д. Скобелева, рукопись подарена мною въ музей Боголюбова, въ Саратовъ... Къ раннимъ произведеніямъ моимъ относятся музыкальныя иллюстраціи къ баснямъ Крылова: „Оселъ и Соловей",—„Кукушка и Орелъ",—Стрекоза и Муравей",—„Ворона и Лисица",—„Парнасъ"—„Квартетъ"... и друг. Къ послѣднимъ, по времени написанія, принадлежатъ оперы „Суламиѳъ", да вотъ теперь—„Горюша"... Романсовъ на текстъ лучшихъ нашихъ поэтовъ написано много, а сколько и какіе—не помню, всѣ они переименованы въ каталогахъ... [1]).

Въ сезонъ 1885—1886 гг. я привелъ въ исполненіе мысль, которую давно лелѣялъ: мнѣ хотѣлось, какъ окончаніе моей виртуозной карьеры, представить въ рядѣ концертовъ въ главнѣйшихъ центрахъ Европы, такъ сказать, наглядную исторію посте-

---

[1]) См. въ этой книгѣ «Русской Старины» «Лѣтопись», въ которой перечислены многія произведенія А. Г. Рубинштейна и указано время появленія ихъ въ печати или на сценѣ. Ред.

пеннаго развитія фортепіанной музыки. И мнѣ удалось цѣликомъ осуществить эту мысль; до меня бывали лекціи по исторіи музыки, но историческихъ концертовъ, въ такихъ, по крайней мѣрѣ, размѣрахъ, какъ я предпринялъ, дѣйствительно не было.

Я далъ по семи историческихъ концертовъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Парижѣ и Лейпцигѣ; по три таковыхъ же концертовъ въ Дрезденѣ и Брюсселѣ; при этомъ въ первыхъ семи городахъ каждый историческій концертъ давалъ я вдвойнѣ, т. е. каждый концертный вечеръ повторялъ именно одинъ для публики, и на другой день тотъ же концертъ для учащихся въ области музыкальнаго искусства; на тѣ и другіе концерты слушателей набиралась масса... Дѣло казалось, дѣйствительно, невѣроятнымъ: напр., два вечера я играю въ Петербургѣ, затѣмъ сряду же два вечера въ Москвѣ, возвращаюсь въ Петербургъ и вновь даю сряду два концертныхъ вечера, и т. д., итого по 14 концертовъ въ каждомъ изъ этихъ городовъ. Пріемомъ публики и вообще успѣхомъ повсюду я вполнѣ былъ доволенъ; на физическое утомленіе я никакъ не могу жаловаться, я его не испытывалъ [1]); не могу жаловаться и на мою память—многое изъ того, что я игралъ на этихъ концертахъ, изучалъ я съ самаго моего дѣтства... На изученіе остальнаго, что я игралъ впервые, и довольно много, мнѣ оказалось достаточно одного лѣта... Никакого на концертахъ моихъ суфлера не было, не бываетъ, да таковой едвали и возможенъ... Что касается до матеріальной стороны дѣла, то все устройство этихъ концертовъ было взято на себя особымъ агентомъ изъ Берлина г. Вольфомъ, за опредѣленный % изъ чистаго сбора. Я, такъ сказать, пріѣзжалъ прямо на эстраду, не зная никакихъ заботъ и хлопотъ... Это чрезвычайно удобно. Въ Россіи у насъ только теперь для музыкальнаго дѣла устраиваются агентства. Въ Петербургѣ Павелъ Леонтьевичъ Петерсенъ, въ Москвѣ г. Юргенсонъ берутъ нынѣ на себя всѣ хлопоты для освобожденія отъ нихъ артистовъ при устройствѣ ими концертовъ... ... Кстати замѣчу: Павлу

---

[1]) Великій нашъ піанистъ и композиторъ, — скажемъ мы отъ себя, — не обнаружилъ при этомъ гигантскомъ дѣлѣ, имъ совершенномъ, ни малѣйшаго утомленія или ослабленія музыкальной памяти, а потому и сѣтованіе его на якобы обнаруживающееся у него съ 50-ти лѣтъ ослабленіе музыкальной памяти, слава Богу, совершенно преждевременно. См. выше въ этой книгѣ стр. 524.

Ред.

Леонтьевичу исключительно принадлежитъ превосходная фортепіанная фабрика Беккера. Всѣ толки о томъ, будто я вложилъ въ это дѣло свои сбереженія, совершенно неосновательны....

Въ началѣ 1887 года я опять сталъ во главѣ Петербургской консерваторіи и тогда же, въ мартѣ, внесъ въ Русское Музыкальное Общество записку объ устройствѣ общедоступныхъ спектаклей и концертовъ, дабы дать возможность, съ одной стороны, творческимъ силамъ новыхъ русскихъ художниковъ выступать съ своими произведеніями, а съ другой—публикѣ пользоваться и наслаждаться тѣми музыкальными дарованіями, которыя выдвигаются изъ нашихъ русскихъ консерваторій [1])... Къ тому же 1887 году относится мой проектъ новаго устава консерваторіи... Онъ получилъ надлежащее движеніе...

Положеніе музыкальнаго искуства въ Россіи и возможно лучшее устройство музыкальнаго въ ней воспитанія —меня весьма озабочиваютъ. По этому поводу мною составлена довольно обширная записка....

Совершенно необходимо, чтобы наши консерваторіи были приняты въ непосредственное вѣдѣніе правительства. Подобно тому, какъ университеты, разныя спеціальныя академіи (напр. художествъ), и вообще всѣ высшія учебныя заведенія вѣдаются правительствомъ, такъ и консерваторіи должны войти въ разрядъ прямо правительственныхъ учрежденій... Для ихъ учрежденія и организаціи былъ весьма полезенъ починъ и энергія частныхъ обществъ; но послѣ тридцати-лѣтняго существованія консерваторій — нѣтъ основанія, чтобы эти высшіе разсадники музыкальнаго образованія оставались бы внѣ непосредственнаго вѣдѣнія правительства. Отъ таковаго перехода изъ частныхъ рукъ, хотя бы и изъ обществъ, въ завѣдываніе правительства — можно ждать только лучшаго для упроченія и для развитія консерваторій... Затѣмъ всѣ музыкальныя школы, безъ изъятія, должны быть, въ силу закона, поставлены въ тѣсную связь и подчиненность къ консерваторіямъ, онѣ должны подготовлять для нихъ контингентъ учащихся. Консерваторіи желательны во всѣхъ главнѣйшихъ центрахъ Россіи, — каковы Петербургъ, Москва, Тифлисъ, Рига, Варшава, Кіевъ, Одесса, даже Омскъ, — чѣмъ ихъ будетъ больше, тѣмъ будетъ лучше,

[1]) Записку эту смотри далѣе въ приложеніи къ «Лѣтописи». Ред.

но крайне желательно, дабы правительство непремѣнно содержало, въ ряду государственныхъ учрежденій,—не менѣе двухъ консерваторій—одну на сѣверѣ, другую на югѣ; на сѣверѣ для музыки, на югѣ для пѣнія; надо же пользоваться и климатическими условіями нашего юга для высшаго обученія пѣвцовъ и пѣвицъ...

Правительство, принявъ въ непосредственное свое вѣдѣніе развитіе музыкальнаго искусства въ Россіи,—дѣло въ высшей степени важное въ общемъ развитіи народа,—какъ мнѣ кажется, должно озаботиться, дабы, по возможности, въ каждомъ губернскомъ городѣ была бы опера. При матеріальной и нравственной поддержкѣ правительства чрезъ посредство, напр., начальника въ губерніи, и вообще какъ мѣстной, такъ и высшей центральной власти, это далеко не такъ трудно, какъ представляется съ перваго взгляда; что же касается до музыкальныхъ исполнителей, то въ теченіи болѣе четверти вѣка консерваторіи въ столицахъ и музыкальныя школы въ нѣкоторыхъ изъ губернскихъ городовъ (Харьковъ, Кіевъ, Саратовъ, Тифлисъ и др.) подготовили ихъ настолько въ значительномъ числѣ, что уже теперь имъ негдѣ примѣнить то искусство, которое усвоили себѣ питомцы этихъ музыкальныхъ учрежденій—нерѣдко долголѣтнимъ и усерднымъ трудомъ; а при развитіи консерваторій, подъ эгидою правительства, число музыкальныхъ исполнителей быстро станетъ увеличиваться.... Итакъ, артистическихъ силъ для нѣсколькихъ десятковъ оперныхъ провинціальныхъ труппъ будетъ вполнѣ достаточно....

Наше провинціальное общество, какъ всѣмъ извѣстно, утопаетъ въ картежной игрѣ, низшій классъ погрязъ въ пьянствѣ, всѣ слои населенія—въ невѣжествѣ; не надо, однако, быть пророкомъ, чтобы предвидѣть въ высокой степени благодѣтельное вліяніе, каковое произведутъ оперные спектакли, заботливо, разъ навсегда прочно, поставленные въ провинціи... Какой, съ теченіемъ времени, проявится значительный подъемъ нравственныхъ силъ всего русскаго общества, а затѣмъ и народныхъ массъ, чего правительство не можетъ не желать, ибо всѣми своими мѣропріятіями ведетъ или должно вести къ той же цѣли.... Съ другой стороны, существованіе въ провинціи оперныхъ театровъ дастъ исходъ и примѣненіе тѣмъ артистически-музыкальнымъ силамъ страны, каковыя подготовляютъ и будутъ подготовлять наши консерваторіи (правительственныя) и музыкальныя (част-

ныя) школы.... Мы выйдемъ, наконецъ, изъ жалкаго настоящаго, когда на всю Россію имѣются лишь двѣ оперы—въ Петербургѣ, да въ Москвѣ, если же появляются частныя, оперныя антрепризы въ провинціи, то таковыя обыкновенно весьма скоро лопаются,— несомнѣнно выйдемъ, если правительство возьметъ все это дѣло въ свои руки.

Удивительное дѣло, даже въ столицахъ хотя и имѣются у насъ оперные театры, но всего лишь по одному. Мыслимо-ли при одномъ театрѣ удовлетворять и справедливыя требованія отечественнаго искусства, т. е. ставить оперы русскаго творчества, и въ то же время, въ угоду публикѣ, повторять однѣ и тѣ же иностранны оперы, да ставить еще балеты! Да и для иностранныхъ оперъ—но первоклассныхъ старинныхъ мастеровъ—при одномъ театрѣ тоже почти никогда не сыщется ни мѣста, ни времени... И вотъ, Моцартъ, Мейерберъ и друг. великіе композиторы остаются у насъ цѣлыми годами внѣ репертуара...

Все это, очевидно, явленіе не нормальное...

Обращаясь къ провинціи, скажу, что въ число обязанностей начальниковъ губерній и областей должны быть непремѣнно включены заботы объ устройствѣ мѣстныхъ театровъ, объ упроченіи и развитіи оперныхъ спектаклей, общедоступныхъ концертовъ, о музыкальномъ развитіи массъ.... И я вѣрую, обрати правительство на это вниманіе, преподай надлежащія указанія губернаторамъ, предводителямъ дворянства, городскимъ головамъ, поощри ихъ усердіе—дѣло пойдетъ, непремѣнно пойдетъ.... Въ государствѣ монархическомъ, гдѣ режимъ и авторитетъ власти, какъ у насъ, весьма сильны, гдѣ на правительствѣ лежитъ не только право, но и святой долгъ, въ дѣлѣ развитія культуры массъ, идти впереди народа,—правительство не можетъ не обратить самаго серьезнаго вниманія на упроченіе и развитіе музыкальныхъ учрежденій и музыкальнаго въ Россіи образованія.

Далѣе. Во всей массѣ у насъ, на Руси, учебныхъ заведеній высшихъ, среднихъ, низшихъ,—какого бы типа и вѣдомства они ни были, должны быть непремѣнно введены музыкальные классы, и не то, чтобы ребятишки или взрослые юноши и дѣвицы умѣли бы распѣвать свѣтскія или духовныя мелодіи, но чтобы знали они основныя правила музыкальнаго искусства, знали бы какъ предметъ обязательный, что чрезвычайно важно... Пусть посмотрятъ, какъ это идетъ въ Германіи, либо въ Америкѣ... Я не требую лиш-

нихъ затѣй, не нахожу напр. нужнымъ, чтобы изъ школьниковъ малолѣтокъ составлялись бы цѣлые оркестры, какъ напр. я это видѣлъ въ одномъ изъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ; участіе въ такихъ оркестрахъ требуетъ отъ ребятъ много времени, но пусть обучаютъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ,—въ ряду обязательныхъ предметовъ, — элементарной теоріи музыки, чтобы каждый и каждая изъ учащихся совершенно изучили, еще въ стѣнахъ учебнаго заведенія, такъ сказать, азбуку музыкальнаго дѣла. Повѣрьте, это дастъ самые благотворные плоды. Консерваторіи должны стоять высоко, и только симъ послѣднимъ должно принадлежать право, — послѣ производства строгихъ, серьезныхъ испытаній, выдавать надлежащіе дипломы, подобно тому, какъ это дѣлаютъ университеты и различныя высшія спеціальныя учебныя заведенія... Вотъ это будетъ правильная постановка дѣла! да и весь кадръ преподавателей и преподавательницъ музыки (во всѣхъ разнообразныхъ ея отрасляхъ) долженъ будетъ имѣть отъ консерваторій надлежащіе аттестаты на право обученія музыки въ учебныхъ заведеніяхъ и въ семействахъ, подобно тому, какъ отъ учителей общеобразовательныхъ предметовъ, какъ въ общественныхъ школахъ, такъ и отъ домашнихъ наставниковъ и наставницъ—требуются надлежащіе дипломы.

Обращаясь къ театрамъ, къ сюжетамъ оперъ,—я вовсе не раздѣляю мнѣнія тѣхъ, которые требуютъ, чтобы то и другое были народными и берутъ это понятіе въ самомъ узкомъ смыслѣ.— Вмѣсто сказокъ, да глупыхъ фарсовъ — давайте въ народномъ театрѣ пьесы Пушкина, Гоголя, Гете, Шекспира и другихъ великихъ писателей, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ! Пусть театръ идетъ не въ хвостѣ невѣжества и глупой забавы;—что за охота мужику платить хотя-бы и 15 коп., чтобы идти смотрѣть того-же пьяницу въ зипунѣ, котораго онъ видитъ въ кабакѣ, но пусть театръ стоитъ выше народа и ведетъ его за собой. На первыхъ порахъ народъ, можетъ быть, найдетъ таковыя пьесы для себя скучными, непонятными, но, будьте увѣрены, скоро оцѣнитъ ихъ достоинства, устремится въ театры и тогда театръ станетъ дѣйствительно высокимъ образовательнымъ средствомъ народныхъ массъ... У насъ охотно говорятъ и пишутъ обо всемъ этомъ, но не многіе хотятъ искренно уразумѣть важность этого предмета, а тѣмъ болѣе способствовать осуществленію сказаннаго.

Дѣятели 1860-хъ годовъ свершили многое для музыкальнаго образованія въ Россіи. До нихъ—почти ничего не было для музыки; опера русская,—несмотря на созданія геніальнаго Глинки,—была въ полномъ загонѣ; со времени учрежденія „Русскаго музыкальнаго общества" въ столицѣ нашего отечества и основанія тамъ-же консерваторіи, по Россіи раскинулась сѣть, по крайней мѣрѣ до двадцати отдѣленій музыкальнаго общества, равно музыкальныхъ школъ... Итакъ правительство имѣетъ уже предъ собой большія музыкальныя силы и разсадники для ихъ образованія; ему остается только придти къ нимъ серьезно на помощь и взять музыкальное дѣло въ Россіи въ число своихъ государственныхъ заботъ, а консерваторіи и музыкальныя школы поставить въ тѣ же условія, въ какія поставлены относительно министерства народнаго просвѣщенія университеты и гимназіи...

Впрочемъ, обо всемъ вышеизложенномъ я говорю здѣсь лишь мелькомъ; всѣ свои мысли о правильной постановкѣ музыкальныхъ учрежденій и вообще музыкальнаго образованія въ Россіи,—обо всемъ, что необходимо для этого сдѣлать,—я подробно и систематически излагаю въ особой, мною составленной и представленной, запискѣ...

Я твердо вѣрую, что при томъ живомъ интересѣ, каковой въ настоящее время являютъ въ высшихъ правящихъ сферахъ къ высокой задачѣ правительства отвлекать народъ отъ невѣжества и пороковъ, въ которыхъ онъ погрязъ, и вести его путемъ нравственнаго развитія при содѣйствіи искусствъ, между прочимъ,—музыки, возвышающей нравственныя силы массъ, — многія изъ предположеній моихъ будутъ приняты и будутъ даны силы и средства къ проведенію ихъ въ жизнь на благо нашего Отечества и для всеобщаго преуспѣянія многомильоннаго русскаго народа!

Дай-то Богъ! Я, по крайней мѣрѣ, по совѣсти сказалъ по сему предмету свое слово, вынесенное изъ многолѣтняго опыта, изъ изученія дѣла и изъ чистаго желанія сослужить дорогому нашему Отечеству, въ мѣрѣ моихъ силъ и знанія, вполнѣ добрую службу.

А. Г. Рубинштейнъ.

Спб. $\frac{\text{сентябрь}}{\text{октябрь}}$ 1880 г.

АНТОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РУБИНШТЕЙНЪ.

Замѣтки къ его біографіи, доктора М. Б. Р—га.

I.

Мнѣ было шестнадцать лѣтъ, когда я, весьма рано потерявшій отца своего, бывшаго врачемъ въ Малороссіи, переѣхалъ въ Москву и въ 1839 году поступилъ въ бывшую тогда имп. медико-хирург. академію, впослѣдствіи слившуюся съ университетомъ. Здѣсь я нашелъ въ средѣ студентовъ двухъ братьевъ Рубинштейнъ; то были родные дяди нынѣ великаго нашего художника-музыканта. Я познакомился съ моими товарищами, а чрезъ нихъ и съ родителями Антона Григорьевича, его братьями и сестрами.

Скажу прежде всего о моихъ товарищахъ по факультету: Эммануилъ Романовичъ Рубинштейнъ былъ замѣчательно умный и образованный человѣкъ; отличный латинистъ, онъ получилъ весьма солидное образованіе, такъ какъ первые университетскіе курсы прошелъ въ Дерптѣ, каковой университетъ, и именно по медицинскому факультету, что видно изъ напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» Записокъ Н. И. Пирогова, стоялъ въ то время чрезвычайно высоко. Сводный братъ Эммануила, отъ другой матери, Константинъ Рубинштейнъ, мало на него походилъ. Отца ихъ, т. е. дѣда Антона Григорьевича, я не зналъ вовсе; но за то хорошо познакомился съ отцомъ его, Григоріемъ Романовичемъ, негоціантомъ, имѣвшимъ въ то время, когда я сталъ у него бывать, карандашную и булавочную мастерскую. Мастерская эта была довольно значительная, въ ней работало до 70 лицъ, подъ руководствомъ нѣкоего, весьма свѣдущаго, нѣмца Трея.

Григорій Романовичъ Рубинштейнъ былъ человѣкъ съ необыкновенно пріятнымъ характеромъ и счастливою наружностью, привѣтливый, открытый, въ высокой степени гостепріимный; любилъ однако

поиграть въ картишки, для чего частенько отправлялся въ клубъ; эта любовь къ картамъ перешла и къ его сыновьямъ, но А. Г., сколько мнѣ извѣстно, никогда ими не увлекался и далѣе преферанса «по маленькой» — не шелъ. Хлѣбосольство въ этой семьѣ было издавна замѣчательное и эта черта также полностью перешла въ характеръ Антона Григорьевича. Григорій Романовичъ былъ человѣкъ вполнѣ образованный, отлично говорилъ по нѣмецки; предки его были, вѣроятно, евреи, самъ онъ, впрочемъ, равно какъ и вся его семья, были исповѣданія православнаго. Отлично владѣя языкомъ нѣмецкимъ, Григорій Романовичъ говорилъ и по французски, хотя значительно хуже.

Супруга его, Калерія Христофоровна, доселѣ здравствующая и живущая въ Одессѣ, была высокая, стройная, красивая женщина; она очень хорошо владѣла языками нѣмецкимъ и французскимъ; въ ней виденъ былъ еще немного еврейскій типъ; на языкѣ нѣмецкомъ она и до сихъ поръ ведетъ переписку съ сыномъ. Отличительное свойство ея характера—любовь къ правдѣ: это ходячая истина и это качество она цѣликомъ передала своимъ дѣтямъ. Всѣмъ извѣстна правдивость Антона Григорьевича... Калерія Христофоровна вела дѣтей строго, требовала во всемъ правды, трудилась сама въ дѣлѣ ихъ воспитанія и отличалась замѣчательною выдержкою; эта женщина была сама систематичность...

Никогда не забуду одного изъ эпизодовъ, гдѣ предо мною особенно ярко проявилась и строгость, и выдержанность ея слова. Нѣсколько лѣтъ, до самаго окончанія мною курса (1844 годъ), я всегда бывалъ у нихъ по воскресеньямъ; къ обѣду собиралось иногда отъ 20 до 30 знакомыхъ, разныхъ негоціантовъ, студентовъ (помню напр. одного изъ нихъ—юриста Виноградскаго).

Вечеромъ, бывало, заложатъ намъ, по распоряженію хозяина дома, бывшую при его фабрикѣ лошадь въ безрессорную телѣжку, наберется въ нее человѣкъ пять молодежи и мы направляемся съ Ордынки, гдѣ жили Рубинштейны, въ Большой Театръ... Между мальчиками былъ Яковъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, преумный, лѣтъ 14, юноша, братъ Антона Григорьевича, преизрядный шалунъ. За какую-то шалость мамаша пригрозила его посѣчь. Мы всѣ, и онъ съ нами, съѣздили въ театръ, вернулись—легли спать, думали угроза забыта! Не тутъ-то было: въ часъ ночи приходитъ мамаша, беретъ шалуна, уводитъ въ другую комнату и даетъ ему десять розогъ... «Слово должно быть исполнено», говоритъ она при этомъ: «ты нашалилъ, тебѣ сказано—наказаніе, и получай его!» При всемъ томъ, ея безусловная справедливость и нѣж-

ныя заботы о дѣтяхъ дѣлали то, что они безпредѣльно ее любили, обожаютъ и до сихъ поръ... Ежегодно, въ праздникъ Пасхи, Антонъ Григорьевичъ ѣздитъ къ своей матушкѣ и проводитъ съ нею дни Свѣтлаго Христова Воскресенья.

Достойно вниманія, что когда въ 1846 году Григорій Романовичъ Рубинштейнъ скончался, оставивъ дѣла въ разстроенномъ положеніи, его вдова ни мало не упала духомъ: она приняла на себя уплату его долговъ, отъ которыхъ могла бы и отказаться, такъ какъ мужъ велъ дѣла на свое имя;—продала для этого все, что только можно было продать, а сама опредѣлилась музыкальною дамою въ одинъ извѣстный въ Москвѣ пансіонъ, дабы воспитать въ немъ свою дочь Софію (старшая ея дочь—Любовь уже была замужемъ) и получавшимся заработкомъ, да при помощи одного добраго знакомаго, продолжала платить мужнины долги; она не желала ни на минуту допустить, чтобы на память ея честнаго мужа пала бы какая-либо тѣнь!

Еще черта для характеристики этой женщины. Пока Антонъ Григорьевичъ былъ холостой, онъ жилъ вмѣстѣ съ матерью въ Петербургѣ. Въ 1865 году онъ женился и ѣдетъ съ женой за границу. Калерія Христофоровна, ко времени ихъ возвращенія, приготовляетъ молодымъ новобрачнымъ ихъ квартиру, ставитъ на столъ все, что нужно, къ часу пріѣзда является даже кипящій самоваръ и все, что необходимо для чая, и затѣмъ мать удаляется на особо нанятую ею для себя квартиру, гдѣ-то въ Дмитровскомъ переулкѣ, и поселяется тамъ, отдѣльно отъ сына.

— «Гдѣ сынъ женатый, тамъ при немъ не должна быть теща», говоритъ Калерія Христофоровна, всю жизнь отличавшаяся большимъ тактомъ.

Антонъ Григорьевичъ, какъ я помню, и въ дѣтствѣ былъ мальчикъ вполнѣ серьезный. Мать занималась съ нимъ музыкой чрезвычайно усидчиво; она работала съ нимъ ежедневно, отнюдь не менѣе двухъ часовъ, и это съ самаго ранняго дѣтства! Каждая фальшивая нота или малѣйшее невниманіе дорого обходилось Антону Григорьевичу,—тотчасъ слѣдовало взысканіе линейкою, да по чемъ ни попало! Такое ужъ было время! Педагогика безъ затрещинъ или розогъ тогда была немыслима.

Его наставникъ, Александръ Ивановичъ Виллуанъ, былъ человѣкъ благороднѣйшихъ правилъ; обрусѣлый, обмосковившійся французъ, онъ и говорилъ по русски, какъ чистый москвичъ; прекрасно, конечно, владѣлъ и своимъ роднымъ языкомъ; это былъ человѣкъ образованный и необыкновенно живаго, вспыльчиваго темперамента... Своихъ учениковъ, оказывавшихъ дарованіе къ музыкѣ, какъ напр. братья

Рубинштейны, онъ истинно любилъ, какъ своихъ дѣтей, просто обожалъ, что не мѣшало, однако, Виллуану, при его вспышкахъ, поколачивать своего геніальнаго ученика [1]).

Я даже слышалъ по этому поводу отъ извѣстнаго профессора Бруни, а тотъ, въ свою очередь, отъ профессора-живописи Алексѣя Тарасовича Маркова, слѣдующее: довелось какъ-то Маркову, гдѣ-то за границей, въ началѣ 1840-хъ годовъ, ѣхать на пароходѣ съ Виллуаномъ и его воспитанникомъ Антономъ Рубинштейномъ, и вотъ онъ, Марковъ, былъ однажды свидѣтелемъ, какъ вспыльчивый менторъ высѣкъ своего одиннадцатилѣтняго ученика за какую-то дѣтскую провинность. И это было какъ разъ въ тѣ годы, когда нашъ „чудо-виртуозъ" приводилъ въ восторгъ тысячи посѣтителей его концертовъ, даваемыхъ имъ во всѣхъ центрахъ Европы....

Старшій братъ его, Яковъ Григорьевичъ, былъ превосходный по характеру человѣкъ; замѣчательно умный, отличный врачъ, — въ каковомъ званіи онъ служилъ послѣдовательно въ полкахъ лейбъ-гвардіи — Семеновскомъ, Измайловскомъ и Московскомъ, Яковъ Григорьевичъ отличался замѣчательною гуманностью.... Умеръ онъ, къ сожалѣнію, слишкомъ рано, — въ 1863-мъ году, — въ С.-Петербургѣ.

Николая Григорьевича я зналъ съ трехъ-четырехъ лѣтняго возраста, когда тотъ бѣгалъ еще въ рубашенкѣ. Музыкальныя способности его были положительно феноменальны: это несомнѣнный фактъ, что пяти лѣтъ онъ уже сочинялъ пьесы, напр. я помню его кадриль того времени, помню и то, какъ малютка показывалъ своей матери тѣ ошибки въ печатныхъ нотахъ, какія иногда ему попадались! Антонъ Григорьевичъ мнѣ разсказывалъ напр., что братъ его Николай, пятилѣтній малютка, подалъ однажды свое сочиненіе матери; — „что это ты, Коля, написалъ?" спрашиваетъ мать. — „Это Meine Laune, мое настроеніе!" отвѣчалъ мальчуганъ, который едва еще поднимался съ земли!

Первая, кто указала Калеріи Христофоровнѣ на необходимость взять для ея геніальнаго въ музыкѣ мальчика Антона вполнѣ опытнаго наставника, была родная сестра моя Варвара Богдановна Грюнбергъ, когда она пріѣхала въ Москву съ своею дочерью, а моею племянницею, Юліей Львовной, тогда одиннадцати-лѣтнею дѣвочкою, но уже хорошею піанисткою... А, въ свою очередь, это я сказалъ моей сестрѣ — объ А. И. Виллуанѣ, съ которымъ былъ уже тогда знакомъ и бывалъ у него,

---

[1]) Мы имѣли удовольствіе видѣть у Авг. Антонов. Герке четыре фотографическихъ снимка съ портретовъ А. Г. Рубинштейна начала 1840-хъ годовъ: голова мальчика въ высшей степени характерна, выразительна и симпатична. Ред.

познакомившись съ нимъ чрезъ посредство богатаго негоціанта Іосмана, женатаго на родной сестрѣ Виллуана...

Такимъ образомъ, хотя косвенно, но родная сестра моя В. Б. Грюнбергъ († 1869 г.), отрекомендовавъ славнаго учителя, какимъ былъ Виллуанъ, семейству Рубинштейнъ, способствовала быстрому развитію нашего славнаго художника-музыканта...

На первомъ публичномъ концертѣ Антона Григорьевича, 11-го іюля 1839 года, въ театрѣ или въ какомъ-то вокзалѣ (не помню что́ это было за зданіе), въ Петровскомъ паркѣ, подъ Москвою, — я былъ... Я думаю уже не многіе остались въ живыхъ изъ тѣхъ, которые были на этомъ, вполнѣ достопамятномъ, концертѣ.... Какія именно піесы выполнялъ нашъ десятилѣтній артистъ, не помню; но положительно помню, что слезы брызнули у меня, когда я увидалъ тотъ восторгъ, тѣ оваціи, какими сопровождала публика, наполнявшая зало, игру этого ребенка. Зрѣлище было, дѣйствительно, восхитительное... торжество полное; родители Антона Григорьевича тоже очень были обрадованы его столь раннимъ успѣхомъ.

Сестра нашего композитора, Любовь Григорьевна, въ то время была необыкновенная красавица, настоящая Рафаелевская Мадонна, блондинка; она рано вышла замужъ за Якова Исаевича Вейнберга, человѣка съ солиднымъ юридическимъ образованіемъ, роднаго брата извѣстнаго нашего писателя и поэта Петра Исаевича Вейнберга; а младшая сестра, Софія Григорьевна,—получившая отличное образованіе, подобно своимъ братьямъ, вполнѣ причастна музыкѣ: хорошая піанистка, она прекрасно пѣла...

II.

Съ тѣхъ поръ, какъ Виллуанъ увезъ за границу своего ученика (1840—1843 гг.), я на многіе годы потерялъ изъ виду Антона Григорьевича, такъ какъ, по окончаніи курса въ университетѣ (1844 г.), я поступилъ врачомъ въ провинцію, къ одному весьма богатому помѣщику Хлюстину, (Курской губ., Грайворонскаго уѣзда), а затѣмъ въ 1845 году перешелъ къ вдовѣ знаменитаго кавказскаго генерала Н. Н. Раевскаго, сыну героя 1812 года. При этомъ семействѣ и двухъ сыновьяхъ (одинъ изъ нихъ въ 1876 году палъ смертью героя на поляхъ Сербіи, а другой, женатый на княжнѣ М. Г. Гагариной, служитъ въ чинѣ генералъ-маіора), я пробылъ пять лѣтъ за границей... Только въ 1850 году, уже въ С.-Петербургѣ, я нашелъ нашего милаго, дорогаго Антона Григорьевича—въ скромной

квартирѣ артиста холостяка; кажется у него было четыре комнаты, на Вознесенскомъ проспектѣ, чуть-ли ни въ томъ домѣ, гдѣ теперь книжный магазинъ Эриксона, не далеко отъ Вознесенскаго моста. Къ Антону Григорьевичу собирались каждую субботу—артисты, литераторы, любители музыки; въ числѣ обычныхъ его посѣтителей можно было видѣть—Карла Богд. Шуберта, Пикель, графа Матвѣя Віельгорскаго, Шарля Леви, Генриха Венявскаго, Фицтума и многихъ другихъ; шла всегда весьма оживленная бесѣда, играли, пѣли, и вечеръ кончался обычнымъ угощеніемъ—громаднымъ кускомъ ростбифа и пивомъ.

Не смотря на свою молодость, Антонъ Григорьевичъ уже пользовался тогда въ Петербургѣ, въ кругахъ интеллигенціи, во всѣхъ вопросахъ, до музыкальнаго искусства относящихся, большимъ авторитетомъ: обо всемъ, что касалось до музыки, тогдашніе любители и знатоки обращались къ нему—за совѣтомъ, указаніемъ, рѣшеніемъ...

Средства къ жизни у Антона Григорьевича въ 1850-хъ годахъ не были еще регулярны: отъ довольства, получаемаго большимъ трудомъ, массою уроковъ,—онъ частенько переходилъ къ совершенному безденежью... Приглашенный великою княгинею Еленою Павловной къ ея двору, Антонъ Григорьевичъ быстро занялъ то высокое положеніе въ области рѣшенія вопросовъ, съ музыкальнымъ дѣломъ связанныхъ, каковое положеніе прямо вызывалось и его обширнымъ, серьезнымъ музыкальнымъ образованіемъ и его мощнымъ дарованіемъ художника-музыканта. Великая княгиня, сама женщина высоко просвѣщенная и по-истинѣ необыкновенная, чрезвычайно цѣнила и уважала Антона Григорьевича... Ни на минуту не можетъ быть сомнѣнія, что авторитету, вліянію и энергическому почину Рубинштейна—какъ Русское музыкальное общество съ его развѣтвленіями по Россіи, такъ и Петербургская консерваторія всецѣло обязаны своимъ основаніемъ и быстрымъ упроченіемъ ихъ положенія...

Осенью 1867-го года это учрежденіе, давшее уже, кажется, къ тому времени три выпуска даровитыхъ исполнителей, теорстиковъ и преподавателей въ области музыкальнаго искусства, стояло уже весьма высоко... Какъ теперь помню, въ прекраснѣйшій осенній день, какіе дни весьма рѣдки въ Петербургѣ, торжество встрѣчи столицею августѣйшей невѣсты наслѣдника престола—принцессы Дагмары... Торжественный поѣздъ слѣдовалъ, между прочимъ, по Загородному проспекту; здѣсь, предъ однимъ изъ скромныхъ по наружности домовъ,—то былъ домъ консерваторіи, выхлопотанный для нея изъ казны заботами высокоуважаемаго К. К. Грота,—была устроена платформа, роскошно декорированная; на ней и на балконѣ стояли оркестръ и хоры, съ балкона дирижировалъ—нашъ славный композиторъ... То

былъ Рубинштейнъ и созданная имъ первая въ Россіи консерваторія... Исполнена была великолѣпная музыкальная пьеса его неистощимаго таланта, въ которой мелодіи датскія и русскія съ обычнымъ искусствомъ нашего маэстро были слиты въ одно стройное, гармоническое цѣлое... Весь блестящій поѣздъ августѣйшей фамиліи остановился предъ консерваторіей и съ величайшимъ удовольствіемъ прослушалъ пьесу. Зрѣлище, повторяю, было восхитительное... А грандіозный народный концертъ, устроенный Антономъ Григорьевичемъ въ 1866-мъ году, въ Михайловскомъ манежѣ, для нѣсколькихъ тысячъ слушателей, наполнившихъ манежъ... То было послѣ злодѣйскаго покушенія Каракозова. Была всеобщая радость о чудесномъ спасеніи Государя-Освободителя... Онъ самъ и весь дворъ присутствовали на концертѣ, особая ложа была для Комисарова-Костромскаго. Дирижировалъ — Рубинштейнъ и участниками было много лицъ изъ консерваторіи... А сколько затѣмъ было прекрасныхъ дней въ жизни Петербургской консерваторіи,—этого молодого еще учрежденія, сколько пользы и самаго высокаго наслажденія доставило русскому обществу это излюбленное дитя нашего великаго музыкальнаго художника!

Въ 1865-мъ году Антонъ Григорьевичъ женился на Вѣрѣ Александровнѣ Чикуановой, дочери русскаго помѣщика-дворянина, бывшаго гвардейскаго офицера. Достойная супруга своимъ тактомъ, образованіемъ, заботливостью о семьѣ и любовью къ ней и къ мужу, а также отзывчивостью и сочувствіемъ къ его постояннымъ и многочисленнымъ трудамъ, принесла покой и счастье своему мужу. Она дала ему дочь—нынѣ замужемъ (Антонъ Григорьевичъ уже дѣдушка) и двухъ милыхъ юношей-сыновей, изъ которыхъ первый—Яковъ Григорьевичъ—наружностью и нравственными качествами весьма напоминаетъ своего прекраснаго дядю, покойнаго Якова Григорьевича Рубинштейна.

Въ 1867 г. Антонъ Григорьевичъ оставилъ постъ директора въ консерваторіи. Все и вся, кому только были близки интересы этого учрежденія, умоляли его тогда не покидать ее; великая княгиня Елена Павловна также приняла въ этомъ дѣлѣ горячее участіе и съ своей стороны просила Антона Григорьевича не выходить въ отставку. Онъ было согласился остаться. Какъ теперь помню этотъ день: весь дворъ дома, въ которомъ онъ жилъ, лѣстница,—все было засыпано цвѣтами, присланными признательными учениками и ученицами... Антонъ Григорьевичъ не долго однако побылъ на своемъ посту и оставилъ тогда-же консерваторію; поводомъ къ тому было то, сколько мнѣ извѣстно, что онъ не выносилъ необходимости совѣщаться о дѣлахъ консерваторіи съ такими сочленами по совѣту общества или комитета,

которые не были спеціалистами въ вопросахъ, относящихся до музыки, да и вообще онъ полагалъ, что въ этихъ дѣлахъ и при тогдашнемъ еще положеніи новаго учрежденія, какова была консерваторія, коллегіальное вершеніе дѣлъ было едвали полезно. Дѣло шло быстрѣе и цѣлесообразнѣе при единствѣ и силѣ власти; въ особенности онъ не выносилъ вмѣшательства въ его распорядки — чиновничьяго элемента, обычной у насъ страсти все регламентировать, подводить подъ пункты устава, словомъ вести дѣло не жизненно, а мертво, формальнымъ образомъ.

Впрочемъ, быть можетъ, я и ошибаюсь въ объясненіи причинъ оставленія имъ консерваторіи. Вѣрно только то, что самое учрежденіе, какъ свое дѣтище, онъ продолжалъ любить и во всѣ годы (1868—1886), когда не былъ уже ея директоромъ, но если бывалъ въ Петербургѣ, то часто посѣщалъ консерваторію и въ судьбахъ ея принималъ сердечное участіе... [1]).

Извѣстна истинно-феноменальная память Антона Григорьевича относительно музыки... По этому поводу вспоминаю я случай, о которомъ мнѣ разсказывалъ покойный Венявскій, и каковой случай былъ при немъ, въ одномъ обществѣ, за границей; одинъ заѣзжій піанистъ выполнялъ какую-то не дурную пьесу; она всѣмъ понравилась и всѣ стали осыпать похвалами піаниста, который, на вопросъ: кому принадлежитъ композиція этой пьесы, приписалъ ее себѣ.—«Позвольте, замѣтилъ бывшій въ числѣ присутствовавшихъ Рубинштейнъ,—я эту пьесу слышалъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ Прагѣ,—ее выполнялъ при мнѣ самъ авторъ, такой-то». Самозванецъ долженъ былъ сознаться, что, приписавъ себѣ чужое произведеніе, онъ пошутилъ.

Однимъ изъ лучшихъ помощниковъ Антона Григорьевича при учрежденіи Русскаго музыкальнаго общества — былъ Василій Алексѣевичъ Кологривовъ,—человѣкъ несомнѣнно энергичный, горячо любившій искусство, знавшій его хорошо и пребеззаботная голова о собственныхъ интересахъ... Онъ не выходилъ изъ долговъ, и Антонъ Григорьевичъ частенько его выручалъ изъ критическаго положенія съ тою добротою, какая присуща Рубинштейну; ну, да не одному Кологривову—были открыты всегда дружеское сердце и карманъ Антона Григорьевича... Не любилъ только онъ, да и не любитъ, когда напо-

---

[1]) Ближайшимъ поводомъ оставленія Рубинштейномъ въ 1867 г. консерваторіи было его разномысліе по поводу выпуска нѣкоторыхъ учениковъ и учениць изъ консерваторіи: онъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ Совѣта, полагалъ, что, въ виду молодости этихъ учениковъ, слѣдовало бы ихъ оставить еще на нѣкоторое время въ консерваторіи.

Ред.

минаютъ ему объ его услугахъ и одолженіяхъ,—остающихся, какъ мнѣ извѣстно, очень часто безвозвратными... Говорить ли о его щедрыхъ вкладахъ на доброе дѣло и добрыя благотворительныя учрежденія? Всѣмъ извѣстна, и особенно въ Петербургѣ, отзывчивость его въ этомъ отношеніи: множество благотворительныхъ учрежденій, фондовъ, вспомогательно-благотворительныхъ кассъ и особенно молодежь учащаяся—тысячами обоего пола—собирали обильную жатву съ концертовъ Антона Григорьевича!

Какъ ни много и ни усердно трудился Антонъ Григорьевичъ, а все таки основу матеріальнаго его достатка (не превышающаго, какъ я слышалъ, капитала въ 200 тыс. рублей) положила лишь поѣздка его въ Америку, въ 1872-мъ году. Отечество, кромѣ массы заботъ и трудовъ, да многихъ непріятностей, ну, если хотите, пожалуй, и славы—ничего ему не дало. За то сохранитъ оно изъ вѣка въ вѣкъ его чистое и славное имя на страницахъ Отечественной исторіи въ ряду лучшихъ сыновъ Русскаго народа.

М. Б. Р—гъ.

Октябрь 1889 г.
Спб.

ПОРТРЕТЫ А. Г. РУБИНШТЕЙНА.

Къ настоящей книгѣ «Русской Старины» мы, не останавливаясь предъ значительностью издержекъ,—приложили два портрета нашего великаго музыкальнаго художника: одинъ вполнѣ точный снимокъ, въ лучшемъ фотографическомъ заведеніи Москвы г. Мая (бывшемъ Набгольца, Шерера и К°) исполненный съ превосходной акварели П. Ѳ. Соколова 1844 года. А. Г. Рубинштейнъ изображенъ на 15-мъ году отъ рожденія, подлѣ него его младшій братъ, впослѣдствіи столь же знаменитый, Николай Григорьевичъ († 1881 г.).

Подлинная акварель П. Ѳ. Соколова († 1848 г.), знаменитѣйшаго въ свое время художника-акварелиста, признаваемаго первоначальникомъ русской акварели [1]), — портретъ его кисти Рубин-

---

[1]) Интересный очеркъ жизни П. Ѳ. Соколова, составленный его сыномъ А. П. Соколовымъ, напечатанъ въ «Русской Старинѣ», изд. 1882 г., томъ XXXIII, стр. 639—646.—Мы имѣемъ отпечатанный снимокъ съ живописнаго его портрета, исполненнаго однимъ изъ братьевъ Брюловыхъ, каковой снимокъ будетъ приложенъ къ «Русской Старинѣ». Ред.

штейна (1844 г.) находится въ художественномъ альбомѣ гр. Віельгорскаго, нынѣ принадлежащемъ его племяннику Михаилу Алексѣевичу Веневитинову [1]), которому и приносимъ глубочайшую благодарность за сообщеніе помянутой акварели и наблюденіе за производствомъ и отпечатаніемъ съ нея для «Русской Старины» снимковъ, приложенныхъ къ стр. 520 настоящей книги.

Другой портретъ, помѣщенный при этой же книгѣ (стр. 257), — фотогравюра на мѣди художника Ѳ. А. Мѣркина,—исполнена съ фотографіи 1889 г. Фотографія эта принадлежитъ одной изъ лучшихъ мастерскихъ въ С.-Петербургѣ г. Ясвойна, но, къ величайшему сожалѣнію, она исполнена имъ въ іюнѣ 1889-го года, послѣ того, какъ Антонъ Григорьевичъ два мѣсяца усиленно занимался, съ утра до вечера, экзаменами въ консерваторіи и былъ чрезвычайно утомленъ.

Это утомленіе сказалось на его портретѣ, который въ точности передалъ на мѣди мастерской рѣзецъ художника Ѳ. А. Мѣркина.

Въ дѣйствительности и въ другое время дорогой всѣмъ намъ подлинникъ—Антонъ Григорьевичъ—выглядитъ гораздо моложавѣе и бодрѣе.

Ну что дѣлать,—«Русская Старина» авось увидитъ и LX-ти-лѣтній юбилей Рубинштейна и тогда воспроизведетъ для своихъ многочисленныхъ читателей и безчисленныхъ почитателей нашего славнаго художника-музыканта — другой, болѣе удачный, портретъ. Хотя и настоящій портретъ г. Мѣркина, въ ряду тѣхъ, какія въ 1889 г. появились и появляются изображенія нашего юбиляра, безспорно одинъ изъ самыхъ лучшихъ.

Ред.

Къ исторіи «Императорскаго Русскаго Музыкальнаго общества».

По случаю исполнившейся четверти вѣка со времени основанія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго общества—составленъ и будетъ выпущенъ въ свѣтъ сборникъ относящихся до него свѣдѣній, и, такимъ образомъ, исторія дѣятельности общества и его отдѣленій — будетъ подробно изложена. Трудъ этотъ принадлежитъ А. М. Климченко.

А. Р.

---

[1]) См. объ этомъ альбомѣ въ моихъ замѣткахъ «Русск. Стар.» 1889 г. т. LXII апрѣль, стр. 243—244.

АНТОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РУБИНШТЕЙНЪ

въ воспоминаніяхъ быв. ученика Спб. консерваторіи

1862—1866.

I.

18-го ноября 1889 года Антону Григорьевичу минетъ шестьдесятъ лѣтъ. Если не примѣнять къ возрасту наше россійское мѣрило, по которому «маститый писатель», «маститый художникъ» и «маститый дѣятель» начинается чуть-ли не съ тридцатипяти лѣтъ и всѣ сферы умственной и общественной дѣятельности оказываются какими-то богадѣльнями для стариковъ, то шестьдесятъ лѣтъ совсѣмъ не такъ ужь много. Во Франціи шестидесятилѣтняго дѣятеля причисляютъ почти-что къ молодому поколѣнію, что въ свою очередь тоже нѣсколько странно. Между своими ровесниками Антонъ Григорьевичъ вдвойнѣ производитъ впечатлѣніе молодости: онъ молодъ не только по своему пылкому характеру, но и по своей кипучей дѣятельности, которая у него скорѣе ростетъ, чѣмъ уменьшается съ годами. Можно ли о такомъ, въ лучшемъ смыслѣ слова молодомъ, человѣкѣ писать какія-то «воспоминанія», превращать его уже теперь въ объектъ исторіи? Отвѣчаю: вполнѣ можно и прибавлю, что Рубинштейну не привыкать стать къ историческимъ о себѣ разсказамъ. Объектомъ исторіи онъ, точно также какъ и теперь, былъ и тридцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ занялъ почетную страницу въ популярной и авторитетной въ то время «Geschichte der Musik» Франца Бренделя. Онъ могъ бы занять ее и десятью годами раньше.

Имѣя отъ роду шестьдесятъ лѣтъ, Антонъ Григорьевичъ, какъ извѣстно, 11-го іюля 1889 г. праздновалъ пятидесятилѣтнюю годовщину своего перваго появленія на концертной эстрадѣ.

Онъ имѣетъ за собою полстолѣтія неутомимой, всегда блестящей и почти всегда счастливой дѣятельности. Вокругъ него начинаетъ уже возникать третье поколѣніе съ тѣхъ поръ, какъ онъ кудластымъ и красивымъ мальчикомъ дебютировалъ въ московскомъ Петровскомъ паркѣ.

Итакъ писать о немъ воспоминанія не только вполнѣ законно, но даже весьма и весьма пора, ибо число людей, помнящихъ конецъ тридцатыхъ и начало сороковыхъ годовъ, уменьшается съ каждымъ днемъ. Пишущій эти строки въ данномъ случаѣ не особенно пригоденъ и совсѣмъ не авторитетъ: его знакомство съ Антономъ Григорьевичемъ началось въ сентябрѣ 1862 года, почти съ самаго дня открытія петербургской консерваторіи. Часто видѣлъ онъ Антона Григорьевича только пока былъ ученикомъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя такимъ мемуаристомъ, не могутъ не быть отрывочны и случайны. Не задаваясь честолюбивой цѣлью и оставаясь въ предѣлахъ возможнаго, я попытаюсь разсказать кое что изъ видѣннаго и слышаннаго мною въ тогдашней консерваторіи. Черты, хотя и разбросанныя, не вѣрно отпечатавшіяся въ моей памяти, быть можетъ, послужатъ нѣкоторымъ пособіемъ для характеристики Рубинштейна, какъ человѣка.

II.

Нельзя представить себѣ ничего подобнаго обожанію, которое мы, молодежь, питали къ Антону Григорьевичу. Нахлынувъ на юное учрежденіе изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества и отчасти изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ Россіи, мы представляли пеструю толпу. Былъ тутъ и отставной чиновникъ таможеннаго вѣдомства Кроссъ, и сынъ придворнаго пѣвчаго Рыбасовъ, и бывшій помощникъ судебнаго слѣдователя при черниговской уголовной палатѣ Рубецъ, и старшій столоначальникъ департамента министерства юстиціи Чайковскій (изъ правовѣдовъ), и дерптскій студентъ Тиронъ, и грузинъ Саванелли, и военный инженеръ Мирецкій, и адвокатъ (впослѣдствіи присяжный повѣренный) Баранецкій, и поручикъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка фонъ-Цуръ-Милленъ, и пріѣхавшій изъ Нюкастля контористъ пароходнаго общества, петербургскій англичанинъ Люджеръ, и сынъ младшаго преподавателя французскаго языка при третьей петербургской гимназіи Ларошъ. Даже былъ одинъ магометанинъ, конвойный офицеръ; излишне прибавлять, что онъ носилъ княжескій титулъ. Разнообразные по происхожденію, мы представляли нѣкоторую пестроту и по возрасту. Мнѣ было семнадцать лѣтъ, Люджеру—шестнадцать, и такихъ, конечно, было большинство,

но были и гораздо старше: Кроссу, напримѣръ, было лѣтъ тридцать; были и постарше Кросса; былъ и крошечный, лѣтъ двѣнадцати, полякъ, хорошенькій Амбражевичъ, имѣвшій симпатичное обыкновеніе тузить обоими кулаками въ грудь взрослыхъ товарищей, когда ихъ шутки ему не нравились. Сверхъ всего этого мы и «направленія» были самаго различнаго. Рихардъ Мецдорфъ мнилъ себя вагнеристомъ; Старцевъ и Фредериксъ однажды при мнѣ затѣяли большой споръ, утверждая первый—что «Русланъ и Людмила» гораздо выше «Вильгельма Теля», второй — что «Вильгельмъ Тель» гораздо выше «Руслана и Людмилы»; Славинскій былъ очарованъ вѣяніями новѣйшими, преимущественно шумановскими, а впослѣдствіи нашелъ пристань въ сѣровизмѣ; я (къ величайшему негодованію Фанъ-Арка) былъ берліозіанецъ и, кажется, въ тайнѣ гордился тѣмъ, что другаго берліозіанца въ консерваторіи не было; Чайковскій исповѣдывалъ культъ Моцарта и отчасти Глинки. Но всѣ мы, военные и штатскіе, большіе и малые, бѣлые и красные, растрепанные и прилизанные боготворили Антона Григорьевича.

Тогдашняя консерваторія была маленькая и помѣщалась во флигелѣ элегантнаго барскаго дома Демидова, нынѣ уже не существующаго, на углу Демидова переулка и Мойки; на мѣстѣ его выстроена пятиэтажная громада, принадлежащая г. Корпусу. Главное зданіе дома съ важностью, по московски, стояло во дворѣ, отдѣленнымъ рѣшеткой отъ набережной, а съ насъ довольно было и флигеля, да и тотъ мы раздѣляли съ такъ-называемымъ нѣмецкимъ клубомъ. Но организація училища была полная съ первыхъ дней его существованія; были классы и курсы всѣхъ видовъ, исключая конечно трехъ старшихъ, такъ какъ первый выпускъ состоялся лишь три года спустя (1865 г.). Совершенная новизна дѣла видимо оживляла и подзадаривала учениковъ: господствовало какое-то бодрое, радостное настроеніе, и этотъ общій духъ видимо отражался на молодомъ основателѣ консерваторіи, видимо радовалъ и бодрилъ и его. Въ нѣкоторой степени, конечно, все это мнѣ теперь только кажется такимъ свѣтлымъ и поэтичнымъ, ибо всякому человѣку, прожившему полстолѣтія или около того, свойственно идеализировать свои студенческіе годы. Но я могу указать и на факты, свидѣтельствующіе о господствовавшемъ среди учениковъ оживленіи. Рихардъ Мецдорфъ, уже упомянутый мною [1]), затѣялъ устроить ученическое общество на самыхъ широкихъ

---

[1]) Онъ вскорѣ оставилъ консерваторію и навсегда переселился въ Германію, гдѣ пріобрѣлъ почетную извѣстность какъ композиторъ и капельмейстеръ. Г. Л.

основаніяхъ: мы по его плану должны были и пѣть, и играть, и лекціи читать, и знакомиться съ текущей музыкой, и знакомить другъ друга съ собственными произведеніями. Какъ это всегда бываетъ у мальчишекъ, мы принялись за дѣло горячо и отправились къ Антону Григорьевичу депутаціей просить его разрѣшенія на открытіе нашихъ дѣйствій. Онъ принялъ насъ степенно и ласково, внимательно выслушалъ наши желанія, но съ доводами нашими не согласился. Между прочимъ, какъ я помню, онъ сказалъ, что въ консерваторіи въ скоромъ времени начнутся ученическіе вечера, цѣль которыхъ сходна съ цѣлью нашего предполагавшагося общества. Излишне прибавлять, что общество такъ и не состоялось: оно распалось само собою, безъ всякаго давленія, а тѣмъ паче запрещенія со стороны начальства.

Вообще свободы намъ давали много. Болѣе строптивые на лекціяхъ предлагали вопросы или возражали профессорамъ, и какъ Н. И. Заремба, такъ и самъ Антонъ Григорьевичъ допускали возраженія и входили въ разборъ ихъ. Бывали между нами препорядочные лѣнтяи, въ отношеніи которыхъ начальство выказывало долготерпѣніе изумительное,—не потому ли, что само начальство было молодо и смотрѣло на свое юное созданіе глазами, полными оптимизма? О малѣйшемъ между нами талантѣ оно имѣло представленіе самое лестное, возбуждало, поощряло и баловало насъ на всѣ лады. Пишущему эти строки стоило выказать любовь къ Себастіану Баху—и сейчасъ же для него была учреждена органная стипендія, то есть онъ сталъ два раза въ недѣлю ходить въ лютеранскую Петропавловскую церковь и брать уроки у превосходнаго виртуоза Генриха Штиля, тогдашняго органиста. А такъ какъ казенныхъ денегъ на эту роскошь не было, то Антонъ Григорьевичъ платилъ изъ собственныхъ, какъ платилъ онъ за множество импровизованныхъ флейтистовъ, кларнетистовъ, валторнистовъ и контрабасистовъ, долженствовавшихъ составить новоиспеченный «ученическій оркестръ». Боже, что это былъ за оркестръ! Играли мы вещи довольно трудныя: Юпитера Моцарта, большую D-дурную симфонію Гайдна (которая съ финаломъ въ деревенскомъ родѣ), бетховенскаго Коріолана и тому подобное. Но фальшивили мы немилосердно. Хорошихъ скрипачей у насъ было сколько угодно, были два-три віолончелиста, а остальныхъ никого не было, такъ что играть намъ было просто не въ моготу. Мягкій и снисходительный въ своихъ теоретическихъ классахъ (инструментовки и свободной композиціи), Антонъ Григорьевичъ въ оркестровомъ классѣ сердился и кричалъ; доставалось то тому, то другому, но настоящаго страха всетаки не было. Слишкомъ была из-

вѣстна его доброта. Наставникъ бурливый, но отходчивый далеко не такъ грозенъ, какъ наставникъ ядовитый и безпощадный, всегда сохраняющій полное равновѣсіе духа. Возились мы съ этою классическою музыкою точно съ возомъ, попавшимъ въ непролазную трясину, «изъ кожи лѣзли вонъ», а толку не было, пока въ одно прекрасное утро внезапно не повѣяло новымъ воздухомъ. Почти одновременно появились флейтистъ Пуни, гобой Порошинъ, кларнетъ Квасниковъ, фаготъ Барышовъ и контрбасъ Макаровъ. И сдѣлался оркестръ какъ оркестръ; даже литавры стали сносны съ того дня, какъ я былъ изгнанъ съ этого отвѣтственнаго поста. Пока игралъ я, не могло быть ладу, такъ какъ вслѣдствіе нервности и трусости я барабанилъ хотя громко, по большею частью не въ тактъ. Однажды Антонъ Григорьевичъ, прикрикнувъ на меня, иронически назвалъ меня «композиторомъ», при чемъ половина оркестра фыркнула отъ смѣха: хотя я и находился въ композиторскомъ классѣ, но сочинять уже тогда не сочинялъ и задача, приносимая мною, принадлежала къ самымъ рѣдкимъ и страннымъ явленіямъ на нашемъ курсѣ. Болѣе солидный, замѣнившій меня литавристъ, умѣвшій не терять присутствія духа, былъ Чайковскій.

Литавры были не единственнымъ огорченіемъ, которое я причинилъ Антону Григорьевичу. Въ теченіи одного сезона я былъ аккомпаніяторомъ на спѣвкахъ хора Русскаго музыкальнаго общества. Спѣвки эти происходили въ залѣ консерваторіи; дирижировалъ Антонъ Григорьевичъ. Въ отроческіе годы я на фортепіано учился прилежно, такъ что отъ обязательнаго фортепіаннаго класса меня, послѣ четырехъ мѣсяцевъ у Герке, освободили. Разбиралъ я бойко и дома у себя игралъ піесы трудныя, хотя съ грѣхомъ пополамъ. Но потому ли, что я робѣлъ отъ излишней влюбленности въ Антона Григорьевича, потому ли, что я, стараясь глядѣть въ клавираусцугъ и не терять нити гармоніи, въ то же время запускалъ глазенапа то въ сторону сопрановъ, гдѣ сидѣла крупная юнонистая нѣмка, то въ сторону контральтовъ, гдѣ имѣлась маленькая и вертлявая русская, но только я игралъ какъ послѣдній сапожникъ. Помню, что на этихъ спѣвкахъ Антонъ Григорьевичъ, занятый несовершенствами хора, какъ-то не успѣвалъ бранить и меня и только отъ времени до времени бросалъ мнѣ взоры, исполненные негодованія. Разумѣется, что пѣть подъ мой аккомпаниментъ всетаки было возможно, такъ какъ большею частью попадались вещи съ аккомпаниментомъ легкимъ.

Первый годъ (въ классѣ гармоніи) я учился очень прилежно и пріобрѣлъ репутацію отличную, а на второй годъ съ самаго начала сезона началъ лѣниться и манкировать. Начальство молчало: про-

ходился строгій контрапунктъ и я по этому предмету былъ недурно подготовленъ раньше консерваторіи. Но лѣнь моя все увеличивалась и начала обращать на себя вниманіе. Въ одинъ ясный февральскій день, встрѣтивъ меня на подъѣздѣ Придворной Пѣвческой капеллы, послѣ одного изъ квартетныхъ утръ, Антонъ Григорьевичъ остановилъ меня и необыкновенно ласково сказалъ мнѣ: «Отчего вы, милостивый государь, не ходите въ консерваторію?» Было еще нѣсколько словъ, но я ихъ совершенно забылъ; зато какъ теперь помню необыкновенную кротость голоса и почувствованное мною смущеніе. Я остановился какъ вкопанный; Антонъ Григорьевичъ прошелъ мимо. Странно сказать, но съ этой встрѣчи, приведшей меня въ лирическій экстазъ, я сталъ заниматься хуже и хуже, а послѣдніе два года, можно сказать, только числился въ консерваторіи. Дошло до того, что я однажды получилъ оффиціальный запросъ, за подписью секретаря Прокоповича-Антонскаго, съ требованіемъ объяснить на какомъ основаніи я не посѣщаю классовъ. Могу сказать, что я уцѣлѣлъ чудомъ; вѣроятно, ни въ какой другой консерваторіи не оказали бы такого снисхожденія ученику, совершенно отбившемуся отъ ученія.

Изъ всѣхъ моихъ консерваторскихъ воспоминаній самый глубокій во мнѣ слѣдъ оставилъ одинъ случай, въ высшей степени характерный для личности Антона Григорьевича, хотя его участіе въ дѣлѣ ограничилось появленіемъ въ самомъ концѣ его, въ качествѣ deus ex machina. Разсказывая это происшествіе, я, къ крайнему своему сожалѣнію, буду имѣть тщеславный видъ человѣка, обѣщавшаго говорить о Рубинштейнѣ и вмѣсто того болтающаго о самомъ себѣ. Но Антонъ Григорьевичъ, хотя, повторяю, появляется только въ послѣдней сценѣ, тѣмъ не менѣе такъ высоко въ ней стоитъ надъ всѣми остальными участниками, что все таки играетъ первую роль.

III.

Неисправимая лѣность во мнѣ не охлаждала моего безумнаго обожанія къ директору консерваторіи, профессору композиціи и учредителю стипендій, не послужившихъ мнѣ въ прокъ. Какъ я уже говорилъ, въ этой моей страсти не было ничего оригинальнаго; не знаю даже, превосходилъ ли я другихъ интенсивностью чувства. Но знаю, что однажды это чувство, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ легкомысліемъ и недостаткомъ нравственнаго мужества, привело меня къ поступку довольно предосудительному. Между учениками, одинъ изъ самыхъ ярыхъ обожателей Рубинштейна былъ другъ и пріятель мой, упомянутый уже Люджеръ, англійскій католикъ, по языку скорѣе нѣмецъ,

чѣмъ англичанинъ, и петербуржецъ по рожденію. Свободно говорившій на четырехъ языкахъ, страстный любитель чтенія и бесѣдъ о прочитанномъ, нервный, раздражительный и восторженный, онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова «талантливая натура» [1]), между прочимъ, онъ обладалъ чутьемъ къ гармоническимъ красотамъ и вмѣстѣ со мною восхищался Бахомъ, Шуманомъ и Рихардомъ Вагнеромъ.

На такія горячія головы, какъ наши, не могла не подѣйствовать Юдиѳь Сѣрова, въ которой также, не смотря на возрастъ автора, чувствовалось нѣчто юношески-восторженное. Имя автора, конечно, было намъ извѣстно и до Юдиѳи; мы его уважали за критическій талантъ, но ненавидѣли за его нападки на Антона Григорьевича. Ученіе, что консерваторіи сами по себѣ вредны, казалось намъ похвалой диллетантизму; сверхъ того, мы сомнѣвались въ искренности Сѣрова, думая, что онъ безусловно отрицалъ пользу отъ консерваторіи только до той поры, пока самъ не получитъ приглашенія въ профессоры. Юдиѳь показала намъ его въ совершенно новомъ свѣтѣ и мы, повторяю, чрезвычайно увлекались ею. Другой товарищъ мой, Славинскій, познакомилъ меня съ Сѣровымъ, жившимъ тогда на углу Демидова переулка и Мойки, въ новоотстроенномъ домѣ Липина, противъ консерваторіи, какъ острилъ «Гудокъ». По вторникамъ, вечеромъ, у него собирались знакомые; изъ своихъ товарищей, я засталъ Рихарда Мецдорфа, остальные гости были все больше литераторы, преимущественно редакція только что запрещеннаго «Времени». Какъ радушный хозяинъ дома, какъ краснорѣчивый и остроумный проповѣдникъ (слово «собесѣдникъ» было бы тутъ не у мѣста), Сѣровъ очень понравился мнѣ и я сталъ часто посѣщать его вторники. Увлекаясь его умомъ, образованіемъ, живостью и любезностью, я въ то же время продолжалъ злиться на него за открытый имъ походъ на консерваторію и однажды откровенно высказалъ ему, что раньше полнаго окончанія курса, ни за что изъ нея не выйду. Какъ было бы хорошо, еслибъ я съумѣлъ сохранить то же нравственное мужество и во все продолженіе моего съ нимъ знакомства!

Весною 1864 года, Сѣровъ прочелъ три публичныя лекціи въ залѣ А. Г. Контскаго (въ домѣ Руадзе на Мойкѣ), въ которыхъ вкратцѣ очертилъ исторію оперы въ Россіи до «Русалки» Даргомыж-

[1]) Читая корректуру моихъ «воспоминаній», я получилъ нумеръ парижской газеты La Paix съ некрологомъ (весьма тепло написаннымъ) о моемъ старомъ товарищѣ. Возвращаясь въ Парижъ съ загородной экскурсіи, онъ, съ высоты огромнаго, цугомъ запряженнаго, омнибуса (tapissière), соскочилъ на полномъ ходу и упалъ. Его раздавило колесами и, послѣ семичасовыхъ страданій, онъ умеръ одинокій въ больницѣ. Люджеръ давно уже жилъ въ Парижѣ, гдѣ завѣдывалъ иностраннымъ отдѣломъ въ нѣсколькихъ газетахъ. Л.

скаго, а въ концѣ прицѣпилъ вылазку противъ консерваторій вообще, имѣя въ виду, конечно, петербургскую. И Люджеръ, и я кипѣли негодованіемъ; въ длинныхъ и пламенныхъ бесѣдахъ, длившихся до 2 — 3 часовъ ночи, мы съ нимъ вдвоемъ бранили Сѣрова и укрѣпляли другъ друга въ рѣшимости бороться съ диллетантизмомъ до послѣдней капли крови. Мы съ Люджеромъ договорились до того, что рѣшили поступить такимъ образомъ: я долженъ былъ написать полемическую замѣтку по поводу сѣровскихъ лекцій, а Люджеръ, подъ своимъ именемъ, отдать ее въ редакцію «Сѣверной Пчелы». Замѣтка была составлена и подписана «ученикъ консерваторіи». Редакція ее приняла и напечатала, а такъ какъ я, съ девятнадцатилѣтнимъ макіавеллизмомъ, принялся покупать экземпляры «Сѣверной Пчелы», разносить ихъ товарищамъ и восхвалять автора статьи, яко бы мнѣ неизвѣстнаго, то вскорѣ не стало сомнѣнія, что авторомъ былъ именно я. Девятнадцатилѣтнему юношѣ, писавшему отъ имени многихъ, не состоявшему присяжнымъ музыкальнымъ критикомъ и не собиравшемуся имъ сдѣлаться, не было никакой надобности подписываться собственной фамиліей; но скрыться также и отъ редакціи и спрятаться за Люджера было дѣломъ труса. Сѣрова, кажется, во время выхода моей замѣтки, уже не было въ Петербургѣ, но осенью, по возвращеніи, онъ обошелся со мною очень ласково, упомянулъ и о статьѣ, сказалъ, что прочелъ ее и нашелъ ее настолько глупою, что не рѣшается приписать ее мнѣ. Я же ни единымъ словомъ не вывелъ его изъ заблужденія.

Сколько разъ впослѣдствіи я съ жгучимъ стыдомъ вспоминалъ объ этомъ эпизодѣ въ моей жизни! Мнѣ нравился Сѣровъ и у меня не хватало духу отказать себѣ въ удовольствіи слушать его рѣчи, какъ не хватило духу отвѣтить на его колкую дипломатическую фразу откровеннымъ признаніемъ и предоставить ему самому продолжать или прекратить личныя со мною сношенія. Вмѣсто этого я избралъ такой образъ дѣйствія, что вышло «ни Богу свѣча, ни чорту кочерга». Однажды вступивъ на ложную дорогу, я сталъ запутываться все хуже и хуже. Когда вышелъ фельетонъ г. Кюи о Юдиѳи, по моему мнѣнію весьма несправедливый къ автору, я опять вознегодовалъ, но такъ какъ въ этотъ разъ я оказался на сторонѣ Сѣрова и кромѣ того во мнѣ уже проснулось литературное честолюбіе, то я написалъ листа два печатныхъ въ защиту Юдиѳи, снесъ ихъ Сѣрову и попросилъ его, чтобы онъ оказалъ мнѣ содѣйствіе къ напечатанію ихъ въ «Эпохѣ», бывшей, какъ извѣстно, продолженіемъ «Времени» и находившейся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Сѣрову. Я тутъ-же прочелъ ему свою рукопись; онъ ее расхвалилъ и мѣстахъ въ двухъ посовѣтовалъ смягчить выраженія, что я немедленно исполнилъ. Я снесъ свое произ-

веденіе въ редакцію, гдѣ оно пролежало мѣсяца два, а затѣмъ было мнѣ возвращено: въ этотъ промежутокъ времени «Эпоха», какъ нѣкогда Атеней, успѣла «погибнуть въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики».

На вторникахъ этого и предъидущаго сезоновъ (1863—1865) я прослушалъ значительную часть нумеровъ Рогнѣды въ исполненіи самого автора, пѣвшаго, какъ всѣ композиторы, то за хоръ, то за солиста, и аккомпанировавшаго себѣ на фортепіано. Думаю, что я если и восхищался вслухъ, то въ слишкомъ малой мѣрѣ и не такъ или не тамъ, гдѣ этого наиболѣе хотѣлось автору. Повидимому, Сѣровъ догадался, что Рогнѣда нравится мнѣ безконечно менѣе Юдиѳи, хотя я только разъ, по поводу пѣсни дурака («За моремъ за синимъ») имѣлъ дерзость высказать ему свое мнѣніе. Какъ бы то ни было, но, вскорѣ послѣ перваго представленія Рогнѣды, въ «Русской Сценѣ» г. Михно появилась ругательная статейка на Рогнѣду, безсодержательная и нисколько для композитора не обидная, подписанная «ученикъ консерваторіи», такъ же какъ и моя замѣтка въ «Сѣверной Пчелѣ», причемъ неизвѣстный авторъ ссылался на мою замѣтку и приписывалъ ее себѣ. Статейка «Русской Сцены» обратила на себя мое вниманіе массою словъ, поставленныхъ въ ковычки, что было всегдашнею манерою Сѣрова. Вглядываясь ближе, я нашелъ, что и самый языкъ ея близко напоминалъ языкъ сѣровскихъ статей, да и по содержанію она представляла какъ бы сѣровскую пародію на рѣчи музыкальныхъ консерваторовъ. Не имѣя прямыхъ доказательствъ, я про себя рѣшилъ, что понялъ загадку. По совокупности уликъ было ясно, что статья лжеученика была написана самимъ Сѣровымъ и съ намѣреніемъ написана глупо, съ тѣмъ, чтобы, сославшись на мою статью какъ на свое произведеніе, подкинуть мнѣ и эту и такимъ образомъ выставить меня молодымъ человѣкомъ, говорящимъ пустяки. Обстоятельства сложились такъ, что я былъ принужденъ выйти изъ ретраншемента въ открытое поле. Я написалъ и подписалъ полною фамиліей письмо въ редакцію «Русской Сцены», въ которомъ назвалъ себя авторомъ статьи «Сѣверной Пчелы» и совершенно отрицалъ всякое участіе въ составленіи второй, а также отозвался незнаніемъ относительно того, кто былъ ея авторъ. Такъ какъ статейка лжеученика, повторяю, блистала преднамѣренною и сознательною глупостью, то я въ огражденіе себя долженъ былъ войти въ разсмотрѣніе дѣла по существу и высказалъ нѣсколько критическихъ мнѣній. Письмо мое было напечатано въ слѣдующемъ нумерѣ «Русской Сцены», конечно съ подписью фамиліи, и вызвало послѣдствія, совершенно мною неожиданныя.

Черезъ день или два по выходѣ моего письма въ печати прихожу я на репетицію концерта Русскаго Музыкальнаго Общества и, вѣ-

роятно, съ очень виноватымъ выраженіемъ лица, подхожу здороваться къ Антону Григорьевичу. Это было уже время моей полной и неисправной лѣни; Антонъ Григорьевичъ давно не удостоивалъ меня ни выговора, ни упрека и при встрѣчѣ со мною небрежно и сумрачно кивалъ мнѣ головой. Но виноватый видъ у меня былъ не отъ того, что у меня была совѣсть лѣнтяя, а оттого, что ученикъ стоялъ передъ любимымъ профессоромъ, сознавая, что онъ этого же профессора сдѣлалъ объектомъ своего сужденія въ газетной статьѣ. Нѣчто подобное дѣлалось со мною и гораздо позже, когда мнѣ приходилось высказывать сужденіе объ Антонѣ Григорьевичѣ и въ то же время чувствовать его невидимое присутствіе, его продолжающееся на меня давленіе. Я высказывался откровенно, порою можетъ быть даже рѣзко, но въ самой рѣзкости собственнаго тона я ощущалъ ноту пойманнаго школьника; мнѣ было совѣстно изрекать приговоръ надъ геніальнымъ учителемъ, которому я былъ обязанъ значительною частью своего собственнаго *я*. Но тогда дѣло было вновѣ и, повторяю, физіономія у меня была, вѣроятно, самая несчастная. Привѣтъ Антона Григорьевича ни мало меня не ободрилъ.

«Милостивый государь», загремѣлъ онъ, «вы осмѣлились напечатать статью, въ которой вы разсуждали обо мнѣ, своемъ начальникѣ. Вы, какъ ученикъ, не имѣете никакого права писать и печатать статьи. Знаете ли вы, милостивый государь, что у насъ въ совѣтѣ возбужденъ вопросъ о вашемъ исключеніи? Я, вѣроятно, буду защищать васъ и, можетъ быть, васъ и не исключатъ; но»... Остальную, весьма недлинную часть его рѣчи я совершенно забылъ. Вѣроятно, онъ мнѣ посовѣтовалъ отправиться домой и не показываться въ консерваторіи, пока мнѣ не станетъ извѣстнымъ рѣшеніе совѣта профессоровъ.

Что произошло на совѣтѣ—извѣстно мнѣ оффиціальнымъ путемъ лишь въ окончательномъ результатѣ. Я узналъ, что не былъ исключенъ и что, такимъ образомъ, могъ еще цѣлый годъ ходить или не ходить въ консерваторію и затѣмъ представить сочиненіе на полученіе диплома. Частнымъ же образомъ (между прочимъ, нѣсколько лѣтъ спустя, отъ покойнаго К. Ю. Давыдова), я узналъ вотъ что. Всѣ профессора были противъ меня: и Вѣнявскій, и Лешетицкій, и Дрейшокъ, и Н. И. Заремба, столь кроткій и терпѣливый со мной и столь (какъ мнѣ казалось и теперь кажется) меня любившій, и самъ Карлъ Юліевичъ, передавшій мнѣ о засѣданіи и нисколько не скрывавшій своей въ немъ роли. Горой стоялъ за меня одинъ лишь Антонъ Григорьевичъ, если не считать В. А. Кологривова, не имѣвшаго, какъ мнѣ кажется, права голоса въ совѣтѣ. Не смотря на то, что онъ сначала былъ въ меньшинствѣ, энергическій благожелатель мой, въ концѣ концовъ, успѣлъ убѣдить своихъ коллегъ и спасти меня.

Я съ удовольствіемъ вспоминаю объ этомъ случаѣ въ своей жизни, съ удовольствіемъ пока представляю себѣ въ немъ Антона Григорьевича, гордость котораго столько же запрещала ему обращать вниманіе на то, что брешитъ про него тотъ или другой рецензентъ, будь онъ даже изъ учениковъ консерваторіи, сколько благодушіе его не допускало и мысли о томъ, чтобы изъ-за необдуманной горячей выходки сдѣлать зло бѣдному молодому человѣку и, быть можетъ, навсегда испортить его карьеру.

Но для меня урокъ былъ рѣшительный и благодѣтельный. Ни разу въ жизни я съ тѣхъ поръ (за исключеніемъ небольшой газетной хроники о спектаклѣ или концертѣ) не писалъ музыкальной статьи иначе, какъ подписываясь полною фамиліей. Ходить съ поднятымъ забраломъ, открыто идти на встрѣчу непріятностямъ и столкновеніямъ всякаго рода сдѣлалось для меня какъ-бы постояннымъ нравственнымъ удовлетвореніемъ. Но то, за что меня хотѣлъ наказать (и едва-ли законно наказать) совѣтъ профессоровъ, то-есть, что я открыто написалъ и подписалъ статью въ газетѣ (вѣдь если-бъ статья была анонимная, то не было-бы и состава преступленія), именно и составляло единственную свѣтлую точку въ этой столь мало для меня лестной исторіи. Я думалъ поступить по убѣжденію, облегчить душу задорной полемической статейкой и въ то же время продолжать черпать наслажденіе въ личныхъ бесѣдахъ съ человѣкомъ, котораго я ударилъ изъ-за угла. Какое горькое, но заслуженное униженіе! Александръ Николаевичъ Сѣровъ, котораго никто не считалъ особеннымъ столпомъ добродѣтели, который въ своихъ нападеніяхъ, отступленіяхъ и перемѣнахъ фронта довольно явно подчинялся вліяніямъ личныхъ счетовъ и неудовлетвореннаго самолюбія, могъ глядѣть на меня съ высоты своего презрѣнія, могъ перестать мнѣ кланяться за мое предательство!

Но не лестная для меня исторія эта еще разъ обрисовываетъ рыцарскую честность, незлобивость и великодушіе Антона Григорьевича. Что онъ не разсердился на газетную статью, въ которой девятнадцатилѣтній критикъ говорилъ о немъ тономъ хотя сочувственнымъ, но самоувѣреннымъ—въ этомъ я особеннаго геройства не вижу. Онъ былъ вполнѣ обстрѣленъ: умныя и глупыя статьи по его адресу, почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ, писались въ теченіи двадцатипяти лѣтъ до моего дебюта въ «Русской Сценѣ». Но повести за меня горячую и успѣшную борьбу, отстоять меня противъ единогласнаго требованія всѣхъ остальныхъ членовъ совѣта—это уже не гордое пренебреженіе, это дѣятельная теплота сердца.

И эту теплоту сердца Антонъ Григорьевичъ всегда вносилъ въ свои отношенія къ ученикамъ консерваторіи.

О теперешней его дѣятельности во вторичномъ его директорствѣ, столь сходномъ по духу и направленію съ тогдашнимъ, я и тогда, если имѣлъ-бы о ней точныя свѣдѣнія, намѣренно избѣгнулъ-бы говорить, такъ какъ событія слишкомъ близки настоящей минутѣ... Вѣроятно, и теперь на класныхъ скамьяхъ консерваторіи сидятъ молодые люди, глядящіе на Рубинштейна восторженными, полными вѣры, глазами, и тотъ изъ нихъ, который лѣтъ черезъ двадцать будетъ, какъ я, разсказывать о гуманности и добродушіи Антона Григорьевича, не знаетъ теперь, что именно ему выпадетъ эта доля. Но, обращаясь опять къ консерваторіи шестидесятыхъ годовъ, я скажу что̀ главнымъ образомъ характеризуетъ отношенія Антона Григорьевича къ ученикамъ. Онъ былъ, несмотря на свою молодость, несмотря также на массу занятій и цѣлей, совершенно посторонних консерваторіи, настоящимъ отцомъ учениковъ. Семейныя отношенія, какъ извѣстно, не исключаютъ ни размолвокъ, ни недоразумѣній, ни бурныхъ сценъ. Всего этого было достаточно и у Рубинштейна съ учениками, а бурныхъ сценъ, по его впечатлительному характеру, было пожалуй даже больше, чѣмъ нужно. Въ семьѣ случаются дѣти непослушныя и строптивыя, какъ-бы родившіяся на свѣтъ съ готовымъ протестомъ противъ авторитета, и такихъ пришлось пѣстовать и Рубинштейну. Изъ бывшаго у него въ рукахъ человѣческаго матеріала вышла впослѣдствіи и оппозиція ему. Скажу болѣе: нѣтъ ни одного его ученика, котораго можно было-бы назвать прямымъ подражателемъ ему, что̀ по-моему служитъ свидѣтельствомъ его уваженія къ свободѣ ученика, къ личности музыкальнаго таланта. Какъ-бы ни расходилось направленіе, усвоенное бывшимъ ученикомъ Антона Григорьевича, съ тѣмъ, которое такъ выпукло и энергично отпечатлѣлось въ творцѣ «Океана», онъ никогда, пока хоть сколько-нибудь находитъ или надѣется найти въ человѣкѣ серьезный трудъ и честное стремленіе, не прекращаетъ и не измѣняетъ къ нему своихъ личныхъ отношеній. Вся Европа знаетъ о необыкновенной денежной щедрости Антона Григорьевича, о его страсти благотворить на самую широкую ногу, но едва-ли въ равной мѣрѣ извѣстна эта, если можно такъ выразиться, щедрость духа, въ силу которой онъ ни зла не помнитъ, ни къ несовершенствамъ не придирается, ни на разногласіяхъ не останавливается, а напротивъ пользуется малѣйшимъ поводомъ къ сочувствію, малѣйшимъ правомъ любить и поддерживать. Если мы, ученики, были ему такъ дороги, то это происходитъ оттого, что Антону Григорьевичу дорого человѣчество и что самыя высокія, самыя идеальныя стремленія человѣчества нашли въ немъ глубоко-вѣрующаго поклонника, подобно тому, какъ они въ немъ-же нашли могучаго, вдохновеннаго представителя.

Ларошъ.

ЛѢТОПИСЬ СОБЫТІЙ

ВЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

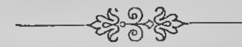
А. Г. РУБИНШТЕЙНА

съ указаніемъ на отзывы и статьи о немъ и его произведеніяхъ
въ русской печати

1829—1889.

Составилъ для журнала «Русская Старина» редакторъ-издатель журн. «Библіографъ»

Н. М. Лисовскій.



Лѣтопись событій въ жизни и дѣятельности А. Г. Рубинштейна

съ указаніемъ на отзывы и статьи о немъ и его произведеніяхъ въ русской печати

1829—1889.

Составилъ для журнала «Русская Старина» редакторъ-издатель журнала «Библіографъ»

Николай Михайловичъ Лисовскій.

Въ русской печати крайне мало біографическихъ очерковъ жизни и дѣятельности А. Г. Рубинштейна. Кромѣ довольно обстоятельной брошюры В. С. Баскина, изданной въ 1886 году [1]), можно назвать не болѣе двухъ десятковъ біографическихъ очерковъ и замѣтокъ, разбросанныхъ въ разныхъ музыкальныхъ періодическихъ изданіяхъ послѣднихъ 25—30 лѣтъ, но всѣ онѣ даютъ матеріалъ скудный, въ большинствѣ случаевъ повторяютъ одинъ другаго и положительно всѣ имѣютъ ошибки и неточности. Въ виду этого помѣщенныя выше обширныя автобіографическія воспоминанія, лично сообщенныя А. Г. Рубинштейномъ редактору «Русской Старины» М. И. Семевскому, имѣютъ особый интересъ и, прямо сказать, громадное значеніе.

Нельзя не замѣтить, что мы крайне небогаты и органами музыкальной періодической печати. Въ отношеніи долголѣтія выдаются только два журнала: «Музыкальный Свѣтъ», послѣдовательно издававшійся Брандусомъ, Дюфуромъ, Іотти, Меллье и Карцовымъ въ теченіи 32 лѣтъ (съ 1846 по 1878 г.), и «Нувеллистъ», издаваемый Н. Бернардомъ и вступившій нынѣ въ 50-й годъ своего существованія; главное содержаніе этихъ журналовъ заключается однако въ тетрадяхъ музыки, что же касается текста, то онъ не всегда при нихъ издавался. Изъ прочихъ журналовъ дольше другихъ существовали «Театральный и Музык. Вѣстникъ» (1856—1860 гг.), «Музыкальный Листокъ» ($187^2/_3$—$187^7/_8$ гг.) и «Музыкальное Обозрѣніе» (1885—1888 гг.); остальные возникали

[1]) Статья эта ранѣе была напечатана въ «Русской Мысли» за 1885 г., №№ 1 и 9.

на короткій срокъ и быстро смѣняли другъ друга, какъ это было, напр., въ первой половинѣ 1880-хъ годовъ. Въ настоящее время въ Россіи кромѣ «Нувеллиста» издается только одинъ музыкальный журналъ «Баянъ».

Во всѣхъ поименованныхъ журналахъ, если мы и не встрѣчаемъ крупныхъ біографическихъ очерковъ, посвященныхъ А. Г. Рубинштейну, то все же находимъ много критическихъ статей о его произведеніяхъ и еще болѣе мелкихъ замѣтокъ, иногда и біографическаго характера.

Кромѣ того, наши лучшіе музыкальные критики почти всегда участвовали въ ежедневныхъ большихъ газетахъ и, слѣдовательно, здѣсь можно также найти немалое число статей, относящихся къ А. Г. Рубинштейну. Собрать все это во едино и систематизировать было бы крайне полезнымъ пособіемъ для послѣдующаго біографа нашего маэстро; только критика первой половины его дѣятельности не представляетъ особой цѣны, такъ какъ въ то время въ газетахъ нерѣдко писали диллетанты въ родѣ, напр., Ѳ. М. Толстаго, онъ же Ростиславъ, мало понимавшіе въ искусствѣ, хотя и пріобрѣвшіе себѣ нѣкоторые довѣріе въ глазахъ современнаго имъ общества. О такихъ критикахъ М. И. Глинка, въ письмѣ къ Н. В. Кукольнику прямо писалъ, что имъ «слѣдовало бы еще посидѣть съ указкой въ рукахъ, да хоть нѣсколько познакомиться съ таинствами искусства».

Чтобы облегчить трудъ собиранія и обработки матеріала для будущей серьезной біографіи А. Г. Рубинштейна (которой, кстати сказать, уже давно настала пора появиться въ печати), мы и предлагаемъ составленную нами «Лѣтопись событій» въ его жизни и дѣятельности, съ библіографическими къ ней указаніями. Въ этой «Лѣтописи» отмѣчены, въ большинствѣ случаевъ, только крупнѣйшія событія въ жизни А. Г. Рубинштейна, время написанія или перваго исполненія нѣкоторыхъ крупныхъ его произведеній передъ публикой, свѣдѣнія о болѣе выдающихся случаяхъ его концертной дѣятельности и т. п. Не претендуя на безусловную полноту нашей «Лѣтописи», мы заботились лишь о томъ, чтобы указать факты, имѣющіе серьезное значеніе для біографа нашего геніальнаго художника-музыканта. Но и эта работа, скажемъ необинуясь, потребовала у насъ много времени и труда. Для составленія ея мы пересмотрѣли болѣе шестидесяти періодическихъ изданій, выходившихъ въ свѣтъ въ теченіи послѣдняго пятидесятилѣтія съ 1839 г. Вотъ въ алфавитномъ порядкѣ списокъ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ намъ преимущественно приходилось находить необходимыя статьи, замѣтки или отрывочныя свѣдѣнія: «Антрактъ», «Баянъ», «Всемірн Иллюстр.», «Вѣкъ», «Вѣстникъ Европы», «Галатея», «Голосъ», «Зритель», «Искусство»

(1860 г.), «Journal de St.-Pétersbourg», «Искусство» (1883—84 гг.), «Историческій Вѣстникъ», «Молва», «Московскія Вѣдомости», «Музыка и Театръ», «Музыкальное Обозрѣніе», «Музыкальный Вѣстникъ», «Музыкальный и Театральный Вѣстникъ» (1883 г.), «Музыкальный Листокъ», «Музыкальный Міръ», «Музыкальный Свѣтъ», «Музыкальный Сезонъ», «Народный Голосъ», «Недѣля», «Нива», «Новое Время», «Новости», «Нувеллистъ», «Правительственный Вѣстникъ», «Пчела», «Русская Старина», «Русскій Вѣстникъ», «Русскій Міръ», «Русскій Музыкальный Вѣстникъ», «Русскія Вѣдомости», «Современная Лѣтопись», «Современныя Извѣстія», «Сѣверн. Пчела», «Сѣверный Вѣстникъ», «Театральный и Музыкальный Вѣстникъ» (1856—60 гг.), наконецъ «Театръ». Мы не перечислили тѣхъ изданій, въ которыхъ не нашли желаемыхъ свѣдѣній, а такихъ изданій пришлось пересмотрѣть тоже немалое число; кромѣ періодическихъ изданій намъ пришлось заглянуть и въ отдѣльныя сочиненія, а также прослѣдить всѣ отчеты с.-петербургскаго и московскаго отдѣленій императорскаго русскаго музыкальнаго общества и нѣкоторыхъ провинціальныхъ. Къ сожалѣнію, отчетовъ харьковскаго, кіевскаго и одесскаго отдѣленій мы не могли достать, хотя и обращались въ мѣстныя дирекціи.

Прослѣдить отчеты с.-петербургскаго и московскаго отдѣленій имп. русск. муз. общ. представлялось необходимымъ потому, что эти учрежденія, возникшія по идеѣ, почином и энергіей А. Г. Рубинштейна, составляли вездѣ центръ, около котораго преимущественно сосредоточивалась его дѣятельность въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, такъ какъ въ симфоническихъ собраніяхъ общества получалась возможность слышать большія оркестровыя сочиненія А. Г. Рубинштейна; къ тому же онъ былъ учредителемъ Общества и первымъ директоромъ с.-петербургской консерваторіи и, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, теперь снова руководитъ этимъ созданнымъ имъ учрежденіемъ.

Повторяемъ, что въ нашей «Лѣтописи» приведены далеко не всѣ факты громадной дѣятельности А. Г. Рубинштейна, но болѣе подробный перечень ихъ выходилъ бы за предѣлы намѣченной нами программы, придерживаясь которой мы хотѣли прослѣдить только главнѣйшіе моменты дѣятельности А. Г. Рубинштейна, на основаніи данныхъ русской печати; наши свѣдѣнія мы иногда дополняли по афишамъ, полной коллекціи которыхъ, къ сожалѣнію, мы нигдѣ не нашли.

Для облегченія пользованія нашею «Лѣтописью», мы, пронумеровавъ ее по статьямъ, снабдили особымъ алфавитнымъ указателемъ. Библіографическій матеріалъ распредѣленъ обыкновенно подъ соотвѣтственными хронологическими датами; статьи же, разсматривающія дѣя-

тельность А. Г. Рубинштейна на болѣе продолжительномъ промежуткѣ времени, подведены подъ тѣ года «Лѣтописи», въ которые онѣ появились въ свѣтъ. Сюда же включены и нѣкоторыя статьи о русскомъ музыкальн. обществѣ и с.-петерб. консерваторіи, какъ имѣющія близкое отношеніе къ А. Г. Рубинштейну. Нашу «Лѣтопись» мы снабдили приложеніями, какъ, напр., нѣкоторыми поздравительными телеграммами и письмами къ А. Г. Рубинштейну, его запискою объ устройствѣ общедоступной оперы и концертовъ и т. п.; все это имѣетъ большой біографическій интересъ.

Печатая настоящую «Лѣтопись», редакція «Русской Старины» не сомнѣвается, что трудъ этотъ послужитъ хорошимъ подспорьемъ послѣдующимъ біографамъ А. Г. Рубинштейна. Было бы, разумѣется, любопытно прослѣдить отзывы о немъ иностранной печати, но это вовлекло бы въ такую работу, которая не по силамъ одному человѣку. Во всякомъ случаѣ, работа болѣе обширная, по своей спеціальности, была бы умѣстна на страницахъ какого либо музыкальнаго журнала.

Въ заключеніе просимъ всѣхъ учениковъ А. Г. Рубинштейна и его почитателей сообщить дополненія къ этой «Лѣтописи», если они найдутъ существенные пропуски, и указать на замѣченныя погрѣшности. Это, во всякомъ случаѣ, въ интересахъ послѣдующихъ біографовъ.

Считаемъ своимъ долгомъ принесть благодарность г. библіотекарю русскаго отдѣленія императорской публичной библіотеки Вл. Петр. Ламбину, безъ обязательнаго содѣйствія котораго работа эта не могла бы окончиться своевременно. Также мы весьма признательны директору с.-петербург. отдѣленія императорскаго русскаго музыкальнаго общества Авг. Ант. Герке, директору московской консерваторіи Вас. Ил. Сафонову, директору тифлисскаго музыкальнаго училища Мих. Мих. Ипполитову-Иванову и директору саратовскаго отдѣленія общества и завѣдывающему его музыкальными классами Стан. Касп. Эксперу за обязательную присылку намъ отчетовъ мѣстныхъ отдѣленій общества и сообщеніе необходимыхъ намъ свѣдѣній.

Н. М. Лисовскій.

Лѣтопись событій въ жизни и дѣятельности А. Г. Рубинштейна,

съ указаніемъ на отзывы и статьи о немъ и его произведеніяхъ въ русской печати.

1829 — 1889.

1829.

1) Ноября 18. У Григорія Романовича Рубинштейна и жены его Калеріи Христофоровны, рожденной Левенштейнъ, род. сынъ Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, въ сел. Вихватинецъ, близь г. Дубосаръ.

Первоначально А. Г. Рубинштейнъ полагалъ, что онъ родился въ 1830 г., о чемъ и помѣчено имъ собственноручно въ книгѣ «Знакомые». Альбомъ М. И. Семевскаго. Спб., 1888, стр. 183.—Царь колоколъ, иллюстриров. календарь. Альманахъ на 1889 г. Изд. Э. Э. Гиппіуса въ Москвѣ. Стр. 94—97. (Предстоящій 50 лѣтній юбилей артистической дѣятельности А. Г. Р-на).—Никол. Григ. Рубинштейнъ. М. 1881, стр. 5.—«Галатея», журналъ наукъ, искусствъ, литературы, новостей и модъ, изд. Раичемъ. 1839, ч. 1, № 6, стр. 486—487; ч. IV, № 29, стр. 205—206. [Въ первомъ извѣстіи А. Р-на называли девятилѣтнимъ ребенкомъ, а во второмъ (болѣе позднемъ)—осьмилѣтнимъ].

1835.

2) Начало музыкальныхъ занятій А. Рубинштейна подъ руководствомъ его матери. Рожденіе брата Николая Григорьевича въ Москвѣ.

1837.

3) Начало занятій въ Москвѣ съ Виллуаномъ (Villoing), подъ руководствомъ котораго А. Рубинштейнъ занимался до 13-лѣтняго возраста (т. е. до 1843 г.). [Занятія съ Виллуаномъ начались по совѣту г-жи Грюнбергъ].

«Journal de St.-Pétersbourg» 1889, № 192. (V. P.).

1839.

4) Февраль. Первое печатное заявленіе о Рубинштейнѣ въ московскомъ журналѣ «Галатея» (1839, ч. II, № 6, стр. 486—487).

5) Іюля 11. Первый концертъ А. Рубинштейна (въ театрѣ Петровскаго парка въ Москвѣ). Послѣ этого концерта Рубинштейнъ съ учителемъ своимъ Виллуаномъ предпринимаетъ въ концѣ 1840 г. путешествіе въ Парижъ и затѣмъ концертируетъ по Европѣ. Въ это время онъ впервые игралъ передъ Листомъ, который предсказалъ молодому артисту блестящую будущность.

Концертъ, данный А. Р-номъ въ Москвѣ, отмѣченъ въ журналѣ «Галатея» (1839, ч. IV, № 29, стр. 205—206). Отзывъ этотъ перепечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1888 г., томъ LVII, мартъ, стр. 811—812.

6) Августъ и сентябрь. Встрѣча съ Антономъ Григорьевичемъ Рубинштейномъ въ 1839 году І. В. Лохвицкаго (сперва въ Можайскѣ, а потомъ въ Москвѣ).

«Русская Старина» 1886, т. L, № 5, стр. 440—441. Здѣсь же напечатана автобіографическая замѣтка Рубинштейна, вписанная имъ въ альбомъ редактора «Русской Старины».

1843.

7) А. Рубинштейнъ съ Виллуаномъ пріѣзжаетъ изъ-заграницы въ С.-Петербургъ. Здѣсь онъ давалъ концертъ. Участвовалъ 20-го марта въ концертѣ Спб. филармоническаго общества и исполнилъ форт. концертъ C—moll Виллуана (Villoing).

Въ афишахъ 1843 г. о Рубинштейнѣ читаемъ: «русскій піанистъ (12-лѣтняго возраста), почетный членъ берлинскаго филармоническаго общества».

1844.

8) Увезенъ матерью въ Берлинъ вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ. Здѣсь онъ занимался у Дена, извѣстнаго теоретика, у котораго впослѣдствіи учился М. И. Глинка. Къ этому-же времени относится вліяніе Мендельсона и Мейербера на А. Рубинштейна.

1846.

9) Посѣщеніе Вѣны. Первый печатный отзывъ д-ра Бехера о Рубинштейнѣ.

Примѣчаніе. Бехеръ разстрѣлянъ въ 1848 г., какъ участникъ революціи. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ былъ первымъ провозвѣстникомъ «музыки будущаго»—произведшей потомъ Вагнера.

10) Въ Москвѣ умираетъ отецъ А. Рубинштейна. Его мать вмѣстѣ съ сыномъ Николаемъ возвращается въ Москву. Вскорѣ послѣ этого А. Рубинштейнъ, проживавшій въ Вѣнѣ, предпринимаетъ съ флейтистомъ Гейнделемъ концертное путешествіе по Венгріи.

1849.

11) Возвращеніе Рубинштейна въ С.-Петербургъ изъ заграничнаго путешествія.

12) Марта 14. Участвовалъ въ концертѣ с.-петерб. филармоническаго общества; исполнялъ свой фортепіанный концертъ D—moll, (не существуетъ въ печати).

1850.

13) Написалъ оперу: «Дмитрій Донской» или «Куликовская битва».

14) Февраля 26. Участвовалъ въ концертѣ с.-петерб. филармоническаго общества.

1851.

15) Басни Крылова, положенныя на музыку А. Рубинштейномъ. Статья М. Бернарда. «Лит. приб. къ Нувеллисту» 1851, № 12.

1852.

16) Апрѣля 18. Первое представленіе оперы Рубинштейна «Куликовская битва» въ С.-Петербургѣ.

«Театр. и муз. Вѣстн.» 1858, № 46, стр. 538. (Дм. Исаевъ). — Историч. очеркъ русской оперы. В. Морковъ. Спб. 1862, стр. 100.

1853.

17) Первое представленіе оперы А. Рубинштейна «Ѳомка-дурачекъ» въ С.-Петербургѣ.

Историч. очеркъ русской оперы. В. Морковъ. Спб. 1862, стр. 100.

1854 — 1858.

18) Артистическое путешествіе Рубинштейна за-границей. Концерты во всѣхъ главнѣйшихъ музыкальныхъ центрахъ Германіи, Франціи и Англіи.

А. Р-нъ въ Германіи (изъ «Спб. Вѣд.» и «Neue Berl. Mus. Zeit.»). «Лит. приб. къ Нувел.» 1855, № 3.—Р-нъ въ Германіи (изъ статьи Бертольда Дамке)

(изъ «Спб. Вѣд».) «Лит. приб. къ Нувеллисту» 1855, № 10.—«Муз. Свѣтъ» 1854, № 11; о постановкѣ оп. «Сибирскіе охотники» въ Веймарѣ на придвор. театрѣ.

1855.

19) Двѣ статьи Рубинштейна въ нѣмецкихъ музыкальныхъ журналахъ, въ одномъ вѣнскомъ (Wiener Zeitschrift für Musik) и другомъ берлинскомъ (Berliner Musikzeitung «Echo»), о положеніи музыки въ Россіи.

«Вѣстникъ Европы» 1885, № 4, стр. 568. (Въ статьѣ В. Стасова «Тормазы русскаго искусства»).—«Историч. Вѣстн.» 1886, № 11, стр. 353. (Въ статьѣ В. Стасова «50-лѣтіе оперы «Жизнь за царя»).—«Новое Время» 1888 (7 марта), № 4319; по поводу лекціи г. Арнольда (М. Ивановъ).—Напраслина на г. Рубинштейна. «Муз. Обозр.» 1888, № 12, стр. 92.—Письмо въ редакцію. Юрій Арнольдъ. «Баянъ» 1888, № 17, стр. 158.—Записки М. И. Глинки. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1887, стр. 368. (Въ письмѣ М. И. Глинки къ В. П. Энгельгардту).

1857.

20) Апрѣль. Рубинштейнъ концертируетъ въ Парижѣ.

«Муз. Свѣтъ» 1857, № 5.—А. Р-нъ въ Парижѣ. «Муз. Свѣтъ» 1857, № 6.

1858.

21) Рубинштейнъ концертируетъ въ Вѣнѣ, въ Пештѣ и въ Парижѣ. Въ Веймарѣ идетъ его ораторія «Потерянный рай» — въ первомъ наброскѣ.

«Муз. Свѣтъ» 1858, № 3.—Концертъ Р-на въ Парижѣ. (Мартъ, 1858). «Муз. Свѣтъ» 1858, № 5.—Второй и послѣдній концертъ Генриха Венявскаго въ Парижѣ съ участіемъ Р-на. «Муз. Свѣтъ» 1858, № 6. — «Театр. и муз. Вѣстн.» 1858, № 1, стр. 9; тамъ же № 3, стр. 35; тамъ же № 11, стр. 131.

22) Рубинштейнъ возвращается изъ своего заграничнаго путешествія въ С.-Петербургъ.

«Муз. Свѣтъ» 1859, № 4.

1859.

23) Января 27. Собраніе у графа М. Ю. Віельгорскаго, на которомъ состоялось постановленіе возобновить дѣйствіе симфоническаго общества, возникшаго въ Спб. еще въ 1840 году и въ 1851 году на время прекратившаго свою дѣятельность.

24) Марта 11. Концертъ Рубинштейна въ С.-Петербургѣ въ Большомъ театрѣ. Исп. его вторая симфонія C—dur, «Океанъ», соч. 42-ѳ.

«Театр. и муз. Вѣстн.» 1859, № 11, стр. 96—97. (А. Сѣровъ).—«Муз. Свѣтъ» 1859, № 4.

25) Мая 1. Высочайше утвержденъ уставъ «Русскаго музыкальнаго общества». [Директорами общества, кромѣ А. Г. Ру-

бинштейна, были графъ М. Ю. Віельгорскій, В. А. Кологривовъ, Д. В. Стасовъ и Д. В. Каншинъ].

Письмо въ ред. Конст. Вильбоа. «Театр. и муз. Вѣстн.» 1859, № 48, стр. 480.—Письмо въ ред. (отвѣтъ). «Театр. и муз. Вѣст. 1859, № 50, стр. 502—503.—Нѣсколько словъ по случаю открытія «Русск. муз. общ.» въ С.-Петербургѣ. Владиміровъ. «Сѣв. Цвѣтокъ» 1859, № 28; дополненіе, тамъ же № 29.

26) Ноября 23. Первое симфон. собр. русск. муз. общ. въ Спб. [Этимъ собраніемъ, какъ и большинствомъ послѣдующихъ до сезона 1866—1867 г. включительно, управлялъ Рубинштейнъ. Въ 1-мъ собр. 23 ноября 1859 г. онъ игралъ свой концертъ для фортепіано № 3, G—dur, соч. 45-е (оркестръ подъ упр. К. Шуберта)].

«Театр. и муз. Вѣстн.» 1859, № 47, стр. 463—465. (А. Сѣровъ).—«Театр. и муз. Вѣстн.» 1859, № 48, стр. 475—477; о 2-мъ симф. собр. 30 ноября. (А. Сѣровъ).—«Театр. и муз. Вѣстн.» 1859, № 50, стр. 498—500; о 3 и 4-мъ симф. собр. 7 и 14 декабря. (А. Сѣровъ).—Три послѣдніе вечера рус. муз. общ. А. Сѣровъ). «Театр. и муз. Вѣстн.» 1860, № 7, стр. 54—59.

1860.

27) Февраля 22. Концертъ Рубинштейна въ Спб. въ Большомъ театрѣ.

«Театр и музык. Вѣстн.» 1860, № 9, стр. 75—76. (А. Сѣровъ и М. Р. тамъ же № 10, стр. 80; тамъ же № 12, стр. 98.

28) Два концерта Рубинштейна въ Москвѣ. [Въ 1-мъ концертѣ исп. его вторая симфонія С—dur, «Океанъ», соч. 42-е; во 2 концертѣ третья симфонія, А—dur, соч. 56-е].

«Театр. и муз. Вѣстн.» 1860, № 14, стр. 113. (А. Баженовъ). Тоже см. въ книгѣ: «Соч. и пер. А. Н. Баженова. М. 1869, т. I, стр. 39 (о симфон. «Океанъ»).

29) Ноября 14. Рубинштейнъ исполн. концертъ G—dur, соч. 58-е, Бетховена, въ 1-мъ симф собр. въ Спб.

---

30) Артисты-музыканты нашей эпохи: Антонъ Рубинштейнъ. «Музыкальный Свѣтъ» 1860, № 4 и 5.

1861.

31) Января 4. Появилась въ свѣтъ статья Рубинштейна «О музыкѣ въ Россіи» (въ журналѣ «Вѣкъ» 1861, № 1, стр. 33—37).

«Сѣв. Пчела» 1861, № 45 (замѣчанія на ст. А. Р-на).—Степной отголосокъ на статью г. Р-на «О музыкѣ въ Россіи». Арк. Р-х-м-н-въ. «Русскій Міръ» 1861, № 56.—«Вѣстникъ Европы» 1885, № 4, стр. 568. (Въ статьѣ В. Стасова «Тормазы русскаго искусства»).

32) Первое предст. оперы А. Рубинштейна «Дѣти степей» въ Вѣнѣ въ театрѣ Кертнерторъ.

«Муз. Свѣтъ» 1861, № 4.

33) Октября 17. Высочайше утвержденъ уставъ музыкальнаго училища (консерваторіи). Директоръ консерваторіи былъ Рубинштейнъ, какъ главный организаторъ этого новаго дѣла.

34) Ноября 5. «Русалка» пѣснь для альта, съ хоромъ, соч. 63-е А. Рубинштейна; соло исполняла г-жа Надежда Зубинская (потомъ вышедшая замужъ за г. Анчутина) въ 1-мъ симф. собраніи въ Спб.; тамъ же Рубинштейнъ исп. концертъ для форт., D—moll, Моцарта.

1862.

35) Октября 30. Рубинштейнъ исп. концертъ для форт., D—moll, I. С. Баха, въ 1-мъ симф. собр. въ Спб.

36) Декабря 18. Концертъ для форт. № 3, G—dur, соч. 45-е А. Рубинштейна, исп. авторъ въ 7-мъ симф. собр. въ Спб.

1863.

37) Января 29. А. Рубинштейнъ и Дрейшокъ исп. дуэтъ для двухъ фортепіано, Шумана, въ экстр. симф. собр. въ Спб.

---

38) Антонъ Рубинштейнъ. «Музык. Свѣтъ» 1863, № 11 (съ портретомъ Р—на in 4° на отдѣльномъ листѣ; рис. Борель съ фотографіи Деньера; изд. Мюнстеръ).

1864.

39) Октября 29. Концертъ для фортепіано № 1, E—moll, соч. 25-е А. Рубинштейна, исп. авторъ въ 3-мъ симф. собраніи въ Спб. «Голосъ» 1864, № 301.

---

40) Русское музык. общество и состоящее при немъ музыкальное училище (консерваторія). А. Э. «Музык. Свѣтъ» 1864, № 5, стр. 35—38.

41) С.-Петербургская музык. консерваторія. А. Сасъ. «Голосъ» 1864, № 205.

42) Rubinstein Antoine. «Biographie universelle des musiciens» par F. J. Fétis. T. VII, стр. 344—346. Paris, 1864.

1865.

43) Февраля 28. Концертъ Рубинштейна въ С.-Петербургѣ. «Голосъ» 1865, №№ 68 и 86.

44) Іюня 30. Повѣнчанъ (имѣя отъ роду 35 лѣтъ) съ дочерью д. с. с. Вѣрою Александровною Чикуановою въ Баденъ-Баденѣ.

45) Декабрь. Первые выпускные экзамены въ с.-петербургской консерваторіи. [Окончили полный курсъ занятій въ консерваторіи и удостоены диплома на званіе свободнаго художника: Лудвигъ Альбрехтъ (віолончель, у проф. Давыдова), Василій Бессель (альтъ,

у проф. Вейкмана), Лудвигъ Гоммиліусъ и Густавъ Кроссъ (форт. у проф. Рубинштейна), Петръ Чайковскій (муз. сочин., у проф. Заремба), Иванъ Рыбасовъ, (форт , у проф. Герке) и Александръ Рейхардъ (форт., у проф. Дрейшокъ). Окончили курсъ по своему спеціальному инструменту: г.-жа Софья Александр. Малоземова (форт., у проф. Лешетицкаго), гг. Дмитрій Пановъ, Константинъ Пушиловъ и Василій Салинъ (скрипка, у проф. Венявскаго) и Иванъ Макаровъ (контрабасъ, у проф. Фererро). Гг. Кроссъ и Чайковскій удостоены, кромѣ диплома, награжденія медалями. Окончившіе экзаменъ только по своему спеціальному инструменту остались, по своему желанію, въ консерваторіи, для окончанія полнаго курса. Великая княгиня Елена Павловна, узнавъ объ успѣшныхъ экзаменахъ 1-го вып., выразила свое удовольствіе и признательность профессорамъ и ученикамъ и въ особенности директору консерваторіи А. Рубинштейну, какъ главному двигателю всего дѣла рус. муз. общ. и консерваторіи.

46) Октября 28. Рубинштейнъ испол. концертъ для форт., A-moll, Шумана во 2-мъ симф. собр. въ Спб.

---

47) Краткій обзоръ пятилѣтней дѣятельности русск. музык. общ. Ростиславъ. «Голосъ» 1865, № 47, 48.

1866.

48) Октября 23. Концертъ для форт. № 2, F-dur, соч. 35-е А. Рубинштейна, испол. авторъ во 2-мъ симф. собр. въ Спб.

49) Декабрь. Вторые выпускные экзамены въ с.-петербургской консерваторіи. [Окончили полный курсъ и удостоены диплома на званіе свободнаго художника г-жи: Альтани, Логинова, Смирягина, Тарновская и Терминская (форт., у проф. Рубинштейна), Добжанская, Малоземова, Спекторская и Щетинина (форт., у проф. Лешетицкаго), Еремѣева (форт., у проф. Герке), Клеммъ и Хвостова (пѣніе, у проф. Ниссенъ-Саломанъ); гг. Альтани и Ларошъ (теорія композиціи, у проф. Заремба) и Эвертсъ (форт., у проф. Дрейшокъ). Окончили курсъ по своему спеціальному инструменту: г-жи Лейброкъ, Скордули и Турчанинова (пѣніе, у проф. Репетто), Ушакова, Шмидтъ, Шульцъ и Экхардтъ (форт., у проф. Дрейшокъ), Соколовская (форт., у проф. Рубинштейна), гг. Бронниковъ (пѣніе, у проф. Репетто), Кузнецовъ и Тейхъ (віолонч., у проф. Давыдова), Козелъ I (контраб., у проф. Фererро), Порошинъ (гобой, у проф. Луфта), Пуни I (флейта, у проф. Чіарди), Брянскій и Рубецъ (музык. сочин., у проф. Заремба)].

По поводу выпускныхъ экзаменовъ, происходившихъ въ декабрѣ 1866 г. въ с.-петербургской консерваторіи. «Голосъ» 1867, № 25.

50) Постановка оперы Рубинштейна «Дѣти степей» въ Москвѣ.

---

51) Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ. «Воскресный Досугъ» 1866, № 162.

1867.

52) Февраля 18. А. Рубинштейнъ, Герке и Кроссъ исп. концертъ для 3-хъ форт. Баха въ 10-мъ симфон. собр. въ Спб.

53) Начало марта. Поднесеніе Рубинштейну двухъ адресовъ въ с.-петерб. консерваторіи отъ профессоровъ и отъ воспитанниковъ, по поводу разнесшагося слуха, что онъ, по возникшимъ между нимъ и нѣкоторыми его сотрудниками разногласію, слагаетъ съ себя обязанности директора и оставляетъ консерваторію.

«С.-Петерб. Вѣд.» 1867, № 66; письмо г. Солодовникова съ приложеніемъ двухъ адресовъ А. Р-ну.—«Музыка и театръ» 1867, № 1, стр. 14. (А. С.).

54) Марта 12. Концертъ Рубинштейна въ залѣ дворянскаго собранія въ Спб.

«Голосъ» 1867, № 72.

55) Марта 29. Рубинштейнъ въ концертѣ Литольфа въ Спб. дирижировалъ первою его увертюрою.

«Музыка и Театръ» 1867, № 2, стр. 32.—Литольфъ въ Петербургѣ. «Голосъ» 1867, № 94.

56) Апрѣля 17. Историческій концертъ, данный въ Спб въ залѣ дворянск. собр. хоромъ русской оперы. Первою частью концерта дирижировалъ Рубинштейнъ; въ послѣднемъ номерѣ концерта былъ исполненъ финалъ 2-го акта изъ его оперы «Дѣти степей».

«Музыка и Театръ» 1867, № 3, стр. 45, 46, 47.—«Голосъ» 1867, № 109.

57) Весна. Послѣ окончанія сезона Рубинштейнъ покидаетъ Россію, слагая съ себя обязанности по консерваторіи и отправляется въ концертное путешествіе за-границу. На его мѣсто завѣдывать консерваторіей назначенъ Заремба. Симф. собр. въ теченіи сезона 1867—1868 и 1868—1869 г. дирижировалъ М. А. Балакиревъ. Съ сезона 1869—70 г. управленіе симфон. собран. переходитъ къ Э. Ф. Направнику, затѣмъ къ Л. С. Ауэру и др. лицамъ.

«Голосъ» 1867, № 88, фельетонъ. — «Музыка и Театръ» 1867, № 12, стр. 187—192; первый конц. рус. муз. общ. 19 окт. 1867 г. (А. Сѣровъ).—«Музыка и Театръ» 1867, № 14, стр. 220—221; второй и третій конц. рус. муз. общ. 26 окт. и 9 ноября 1867 г. (А. Сѣровъ).—Нѣсколько словъ о междоусобицахъ, происходящихъ въ нашемъ музыкальномъ мірѣ. «Голосъ» 1869, № 324.—«Совр. Лѣтопись» 1869, № 16 (П. Чайковскій).—«Историч. Вѣстн.» 1887, № 3, стр. 612. (Въ статьѣ В. Стасова: «25-лѣтіе безплатной музык. школы»).

---

58) О настоящемъ состоянiи с.-петербургской консерваторiи. А. Фаминцынъ. «Голосъ» 1867, № 269.

59) Нѣсколько словъ о нашей консерваторiи. «Народовой Голосъ» 1867, № 81.

60) Антонъ Рубинштейнъ. «Муз. Свѣтъ» 1868, № 4 (извѣстiя изъ Парижа).

61) Нѣсколько словъ объ Антонѣ Рубинштейнѣ. Ларошъ. «Современная Лѣтопись» 1868, № 34.

1869.

62) Января 25. Вторая симфонiя C—dur, «Океанъ», для оркестра въ 4-хъ частяхъ, соч. 42-е А. Рубинштейна, исп. въ 5-мъ симф. собр. въ Спб. Орк. подъ управл. Ник. Гр. Рубинштейна.

«Спб. Вѣд.» 1869, № 39 [Б(ородинъ)]. Тоже см. въ книгѣ: «А. П. Бородинъ. Его жизнь, переписка и муз. статьи». Изд. А. Суворина (Спб. 1889). Стр. 287—300.

63) Мая 19. Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Владимiра 4 ст. за заслуги, оказанныя с.-петербургской консерваторiи русск. муз. общества.

64) Октябрь и ноябрь. Рубинштейнъ далъ 4 концерта въ Ригѣ, съ благотв. цѣлью, затѣмъ онъ далъ 3 концерта въ Варшавѣ, откуда уѣхалъ въ Вильно съ тѣмъ, чтобы черезъ Витебскъ, Смоленскъ, Москву, Кiевъ и др. города проѣхать въ Одессу.

«Муз. Сезонъ» 1869—1870, №№ 1, 2, 3. (А. Фаминцынъ).

65) Ноября 1. «Фаустъ» музык. характеристич. картина для оркестра, соч. 68-е А. Рубинштйена, исп. въ 1-мъ симф. собр. въ Спб. Орк. подъ упр. Э. Ф. Направника.

«Голосъ» 1869, № 308.

66) Ноября 2. «Iоаннъ Грозный». Музык.-характеристич. картина для оркестра, соч. 79-е А. Рубинштейна, исп. въ безплатной мызык. школѣ въ Спб. (въ 1-й разъ) подъ управ. М. А. Балакирева. [Въ предшеств. концертѣ безплатной школы 26 октября была исп. музык. картина М. А. Балакирева «1000 лѣтъ»].

«Муз. Сезонъ» 1869—1870, № 2 (А. Фаминцынъ).—По поводу исполн. двухъ музык. картинъ («Iоаннъ Грозный» А. Р—на и «1000 лѣтъ» М. Балакирева). А. Фаминцынъ. «Муз. Сез.» 1869—1870, № 3.

67) Конецъ ноября. Концерты Рубинштейна въ Кiевѣ. Это было первое посѣщенiе имъ Кiева. Прiѣхавъ 24 ноября, онъ въ тотъ же день давалъ концертъ въ залѣ дворянскаго собранiя, и затѣмъ два концерта (26 и 29 ноября) въ городскомъ театрѣ; 30 ноября участвовалъ въ 3-мъ симф. собр. рус. муз. общ. въ Кiевѣ (передъ выѣздомъ).

«Муз. Сезонъ» 1869 — 1870 №№ 6, 7, 12. Очеркъ дѣйств. кiевск. отд. имп. рус. муз. общ. 1863—1888. Кiевъ, 1888, стр. 18—19.

68) Декабря 7. Концертъ Рубинштейна въ Москвѣ.

«Муз. Сезонъ» 1869—1870, № 8 (А. Размадзе).

69) Декабря 14 и 21. Два концерта Рубинштейна въ Спб. въ залѣ дворянскаго собранія. Въ 1-мъ концертѣ исп. его «Іоаннъ Грозный» музык.-характеристич. картина для оркестра, соч. 79-е.

«Муз. Сез.» 1869—1870, № 7, 9 (А. Фаминцынъ).—«Голосъ», 1869, № 350.

70) Декабря 22. Отъѣздъ Рубинштейна заграницу.

71) Декабря 26. Рубинштейнъ даетъ концертъ въ Дрезденѣ.

1869—1870.

72) Симф. собр. русск. муз. общ. въ Москвѣ.

Собраніе 3-е. Конц. для форт., G—dur, соч. 58 Бетховена. Исполн. А. Рубинштейнъ.

1870.

73) Февраля 9. Ораторія Рубинштейна «Вавилонское столпотвореніе» (Der Thurm zu Babel). Исп. въ 1-й разъ въ Кенигсбергѣ, въ концертѣ тамошней музыкальной академіи, подъ упр. автора. Эта опера въ томъ же мѣсяцѣ исполнялась въ Берлинѣ и Вѣнѣ, также подъ личнымъ упр. автора.

Письма изъ Германіи. А. Р—зе. «Литерат. приб. къ Муз. Вѣстн.» 1870, № 8.—Соч. А. Г. Р—на. Der Thurm zu Babel. Geistliche Oper in einem Aufzuge. Ларошъ. «Муз. Лист.» 1873—74, № 3, 4; стр. 33—36, 49—56.

74) Февраль. Концерты А. Рубинштейна въ Берлинѣ.

«Муз. Сез.» 1869—70, № 17 (Н. Соловьевъ).

75) Мартъ и апрѣль. Концерты Рубинштейна въ Парижѣ, въ залѣ Генриха Герца, извѣст. артиста и фортепьяннаго мастера. Первый концертъ состоялся 20 марта (1 апрѣля). Послѣ Парижа Рубинштейнъ концертировалъ въ Тулузѣ, Бордо и Марселѣ.

76) Апрѣль (?). Концертъ Рубинштейна въ Москвѣ.

«Литер. приб. къ Муз. Вѣстн.» 1870, № 5.

77) Ноябрь. Два концерта Рубинштейна въ Харьковѣ. Послѣ того два концерта его въ Одессѣ.

«Музык. Сезонъ» 1870—71, № 9 (—нъ). Тамъ-же № 9. (Е. К.).

78) Декабря 22. А. Рубинштейнъ возвращается въ С.-Петербургъ изъ своего концертнаго путешествія по Россіи.

---

79) Антонъ Рубинштейнъ (съ портретомъ). «Нива» 1870, № 32.

80) Антонъ Рубинштейнъ. Біографическій очеркъ. Н. С. «Всемірная Иллюстрація» 1870, № 55.

1870—1871.

81) Симф. собр. русск. муз. общ. въ Москвѣ.

Собраніе 1. (Октября 23). Концертъ для форт. A—moll соч.

54-е, Шумана; «Variations sérieuses» Мендельсона; три этюда Шопена и «Erlkönig» въ арранжировкѣ Листа; исп. А. Рубинштейнъ.

«Муз. Сезонъ», 1870—71, №№ 3, 4. (А. Размадзе).

Собраніе 7. «Донъ Кихотъ», музыкально-характеристич. картина для оркестра, соч. 87-е Рубинштейна.

«Муз. Сезонъ» 1870—71, № 12. — Литер. приб. къ «Музык. Вѣстн.» 1871, № 2, о «Донъ-Кихотѣ» (Р.).—Современная Лѣтопись, 1871, № 4 (Ларошъ).

1871.

82) Января 3. Рубинштейнъ участвуетъ въ 4-мъ симф. собр. въ Спб. и исполнилъ концертъ G—dur (соч. 58) Бетховена и симфонич. этюдъ Шумана.

«Муз. Сез.» 1870—71, № 12 (А. Фаминцынъ). — «Голосъ» 1871, № 3, (А. Сѣровъ).

83) Великій постъ (?). Два концерта Рубинштейна въ Спб. съ участіемъ его брата Ник. Гр. (во 2-мъ конц.). Въ одномъ изъ концертовъ исп. «Донъ Кихотъ» музык.-характер. карт. для оркестра, соч. 87. А. Рубинштейна. Кромѣ того исполнялось: тріо № 4, А—moll, соч. 85-е, «Andante» для скрипки съ форт., соч. 86-е, и соната для форт. въ 4 руки,—соч. 89-е.

«Муз. Сез.», 1870—71, № 18 (А. Фаминцынъ), — «Голосъ» 1871, № 61 (Ростиславъ).—«Муз. Листокъ» 1872—73, № 10, стр. 152—154 (Ларошъ).

84) Марта 8. Концертъ Рубинштейна въ Москвѣ.

«Муз. Сез.» 1870—1871, № 20 (Г.).

---

85) «Баянъ», 1889, № 3, стр. 17. (Въ автобіографической запискѣ А. Н. Сѣрова. † 20 января 1871 г.).

86) С.-петербургская консерваторія и г. Заремба. Александръ Фаминцынъ. «Голосъ» 1871, № 272. [Полемика съ г. *** (Ц. Кюи)].

1871—1872.

87) А. Рубинштейнъ дирижируетъ весь сезонъ въ большихъ концертахъ музыкальнаго общества въ Вѣнѣ. [На слѣдующій сезонъ его замѣнилъ І. Брамсъ]

1872.

88) Мартъ. Постановка оперы Рубинштейна «Фераморсъ» на сценѣ вѣнскаго придворнаго театра.

89) Мая 7 и 9 (19 и 21). Рубинштейнъ управляетъ 49-мъ нижнерейнскимъ музыкальнымъ фестивалемъ въ Дюссельдорфѣ. Кромѣ симфоній Бетховена и Шумана, исп. ораторія Рубинштейна «Вавилонское столпотвореніе».

90) Лѣто. Рубинштейнъ проводилъ это лѣто съ семействомъ въ Зальцбургѣ и написалъ музыку къ стихотвореніямъ и реквіемъ Миньоны по Гете; кромѣ того, большую сцену для пѣнія, подъ названіемъ «Агарь».

Миньона Антона Рубинштейна. «Муз. Свѣтъ» 1873, № 7.—Новое произведеніе А. Р—на (Миньона) «Муз. Свѣтъ» 1873, № 9.

91) Августа 9. Выѣхалъ изъ Зальцбурга и предпринялъ большое путешествіе черезъ Вѣну, Берлинъ, Лейпцигъ, Веймаръ, Парижъ и Лондонъ, въ Ливерпуль.

1872—1873.

92) Артистическое путешествіе Рубинштейна въ Америкѣ вмѣстѣ съ Генрихомъ Венявскимъ. Концертанты отправились изъ Ливерпуля 19 (31) августа 1872 г. 1-й концертъ состоялся 11 (23) сентября въ Нью-Іоркѣ въ Steinway—Hall. Во время своей поѣздки по Соединеннымъ Штатамъ они дали 215 конц., общій сборъ съ которыхъ простирается до 351,000 долларовъ. Изъ этой суммы антрепренеръ уплатилъ Венявскому 100 т. франковъ, Рубинштейну 200 т. фр.

Рубинштейнъ и Венявскій въ Америкѣ. «Музык. Свѣтъ» 1872, № 11.—Рубинштейнъ въ Нью-Іоркѣ. «Муз. Свѣтъ» 1873, № 8.

---

93) Сочиненія А. Г. Рубинштейна. I. «Иванъ Грозный». Музык. характеристическая картина для оркестра, соч. 79. Перелож. для форт. въ 4 руки П. Чайковскаго—«Донъ-Кихотъ». Музык. юмористич. картина для оркестра, соч. 87. Перелож. для форт. въ 4 руки П. Чайковскаго. (Изданія В. В. Бесселя). Ларошъ. «Муз. Листокъ», 1872—73, № 10, стр. 152—154.

94) Сочиненія А. Г. Рубинштейна. II. Романсы и пѣсни (изданіе В. В. Бесселя). Ларошъ. «Муз. Листокъ» 1872—73, №№ 15, 17, стр. 225 — 228, 257—260.

95) Сочиненія А. Г. Рубинштейна. III. «Утро». Мужской хоръ съ оркестромъ на стихотвореніе Полонскаго. Соч. 74. Клавираусцугъ. Изд. В. В. Бесселя. Ларошъ. «Муз. Листокъ» 1872—73, № 19, стр. 289—292.

1873.

96) Января 9. Кончина вел. кн. Елены Павловны, покровительницы русск. муз. общ. съ первыхъ дней его учрежденія.

97) Января 26. Президентомъ и покровителемъ русск. музык. общ. высочайше утвержденъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ.

98) Апрѣля 6. Высочайше пожалованъ русск. муз. общ. титулъ «императорскаго».

99) Іюля 4 (16). Высочайше утвержденъ новый уставъ имп. русск. муз. общ.

100) Декабря 12. Концертъ Рубинштейна въ Миланѣ въ Società del Quartetto. (Отсюда онъ отправился въ Римъ, въ Парижъ и въ С.-Петербургъ).

1873—1874.

101) Симф. собр. имп. русск. муз. общ. въ Москвѣ.

Собраніе 8-е. Вторая симфонія, C—dur, «Океанъ», соч. 42-е А. Рубинштейна, подъ упр. автора.

1874.

102) Февраль. Два концерта А. Рубинштейна въ Спб. 20 и 25 февраля. Въ 1-мъ конц. исп. тему съ варіац. собств. соч. (соч. 88) и восемь пьесъ изъ Miscellanies (соч. 93).

«Муз. Листокъ» 1873 — 74, № 17, 18, стр. 267, 279. (А. Фаминцынъ). — Miscellanies. Собраніе разныхъ піесъ для фортепіано Антона Рубинштейна. Спб., у В. Бесселя и К°. соч. 93, № 9. Мелочи (Miniatures). Двѣнадцать піесокъ для фортепіано. Ларошъ. «Музык. Листокъ» 1873—74, № 11, стр. 164—166.—Музыкальныя замѣтки. «Miscelanious». Собраніе разныхъ пьесъ для фортепіано А. Рубинштейна. Соч. 93. Статья *** (Ц. Кюи). — «Спб. Вѣдом.» 1875, № 10. Сочиненія для фортепіано Ан. Гр. Рубинштейна. Тема съ варіаціями (посвящается г. Ю. Беренсу). Соч. 88. Спб., у Бесселя. Ларошъ. «Муз. Лист.» 1873—74, № 17, стр. 257—261.

103) Весна. Постановка оперы Рубинштейна «Ферамрсъ» на Миланской сценѣ.

104) Апрѣля 20. Рубинштейнъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Берлинъ и Дрезденъ, съ цѣлью постановки своей оперы «Маккавеи» на сценѣ одного изъ театровъ этихъ столицъ.

---

105) Театръ и Музыка. Русское музыкальное общество. Статья ***. (Ц. Кюи). «Спб. Вѣд.» 1874, № 291, 306, 319, 326, 333.

1875.

106) Января 11. Драматическая симфонія (№ 4), D—moll, соч. 95-е А. Рубинштейна, исп. въ 4-мъ симф. собр. въ Спб. подъ управленіемъ автора.

«Голосъ» 1875, № 22. (М.—ій).—«Спб. Вѣд.» 1875, № 17 *** (Ц. Кюи).

107) Января 13. Первое представленіе оперы А. Рубинштейна «Демонъ» въ Спб., въ бенефисъ И. А. Мельникова.

«Демонъ», фант. оп. А. Р—на. М*. «Муз. Лист.» 1874—75, №№ 9, 10, стр. 129—133, 115—120.—«Голосъ» 1874, № 22 (М.—ій).—«Спб. Вѣд.» 1875, № 21 *** (Ц. Кюи).—«Пчела» 1875, № 5 (Александръ Фаминцынъ). — «Новое Время» 1875, № 12.—«Нов. Время» 1875, № 19 (Соловьевъ).—«Всемірная Иллюстрація» 1875, т. XIII, № 7.—«Баянъ» 1888, № 18, стр. 169 (отзывъ «Berliner Tageblatt» объ оперѣ А. Р—на «Демонъ»).

108) Февраль. Концерты Рубинштейна въ Берлинѣ и въ Лейпцигѣ.

109) Апрѣля 5 (17). Первое предст. оперы Рубинштейна «Маккавеи» въ Берлинѣ.

Маккавеи, опера А. Г. Р—на. «Муз. Лист.» 1874—75, № 19, стр. 265—268 (извлеченіе изъ отзыва, помѣщеннаго въ «Neue Berliner Musikzeitung»).—Маккавеи (Die Massabäer), оп. А. Р—на. Ларошъ. «Муз. Листокъ» 1875—76, № 15, 16, 17, 18; стр. 225—229, 241—248, 257—260, 273—278. — «Всемірная Иллюстр.» 1875, т. XIII, № 21 (корресп. изъ Берлина).

110) Май. Концертъ Рубинштейна въ Парижѣ. (13-го мая онъ возвращается въ С.-Петербургъ и приступаетъ къ сочиненію оп. «Неронъ».

«Муз. Лист.» 1874—75, № 23, стр. 336—337.

111) Октября 10. Первое представленіе оперы Рубинштейна «Маккавеи» въ Прагѣ.

112) Ноябрь. Постановка оперы «Маккавеи» въ Стокгольмѣ.

113) Ноября 23. Варіаціи на бетховенскую тему для двухъ роялей, Сенъ-Санса. Исп. Рубинштейнъ и авторъ въ утреннемъ экстренномъ музыкальномъ собр. въ Спб.

«Голосъ» 1875, № 327 (Ларошъ).

114) Декабря 21. Концертъ Рубинштейна въ Москвѣ (былъ и еще одинъ концертъ (?).

---

115) Рубинштейнъ Антонъ Григорьевичъ *** (Ц. Кюи). «Русск. энциклопед. словарь», изд. проф. И. Н. Березинымъ. Отд. IV, т. I (Спб. 1875) стр. 318—319.

116) Тріо № 4, ор. 85, А. Рубинштейна. Статья ***. (Ц. Кюи). «Спб. Вѣд.» 1875, № 82.

117) Дѣятельность русск. музык. общества въ началѣ текущаго сезона М. И(вановъ). «Пчела» 1875, № 45, стр. 547.

1875—1876.

118) Симф. собр. импер. русск. муз. общ. въ Москвѣ.

Собраніе 6-е. Концертъ для форт. № 5, Es—dur, соч. 94-е А. Рубинштейна, исп. авторъ. Фантазія для двухъ форт. соч. 73-е А. Рубинштейна, исп. авторъ и Ник. Гр. Рубинштейнъ.

1876.

119) Января 4 и 11. Два концерта Рубинштейна въ С.-Петербургѣ.

«Муз. Лист.» 1875—76, № 15, стр. 233—234.

120) Ноября 26. Первое предст. оперы А. Рубинштейна «Маккавеи» на сценѣ придворнаго театра въ Мюнхенѣ.

121) Начало декабря. Исполненіе ораторіи «Потерянный рай» въ Дрезденѣ.

122) Декабря 5. «Потерянный рай», ораторія, соч. 54-е А. Рубинштейна, исп. въ спб. филармон. общ. въ залѣ дворян. собранія подъ

управленіемъ автора. (Повтореніе ораторіи въ спб. филармоническомъ обществѣ состоялось 5-го января 1877 г.).

«Голосъ» 1877, № 7.—«Новое Время», 1876, № 286 (М. Ивановъ). —«Муз. Лист.» 1876—77, № 7, стр. 102—103; тамъ же № 9, стр. 138—139.

1877.

123) Января 22. Первое представленіе оперы А. Рубинштейна «Маккавеи» въ Спб.

«Пчела» 1877, № 6, стр. 91—95 (М. Ивановъ).—«Новое Время» 1877, (31 янв.), № 333 (М. Ивановъ).—«Спб. Вѣд.» 1877, № 25, фельет. *** (Ц. Кюи).

124) Май. Пять утреннихъ и два вечернихъ концертовъ Рубинштейна въ Лондонѣ, въ St.-James-Hall. (Отсюда онъ отправился въ С.-Петербургъ).

125) Іюня 16 (28). Высочайше даровано свободному художнику Антону Рубинштейну потомственное Россійской имперіи дворянское достоинство, по ордену св. Владиміра 4-й ст., полученному въ 1869 г.

126) Октября 15. Экстрен. симф. собр. въ пользу вспомог. кассы музык. художн. подъ управл. и съ участіемъ А. Рубинштейна. Исполнялась вторая симфонія для оркестра, C—dur, «Океанъ», соч. 42-е А. Рубинштейна. Кромѣ того онъ сыгралъ первый концертъ для форт. съ оркестр., Es—dur, Ф. Листа; «Melancolie» и «Скерцо» своего сочиненія; «этюды» и «полонезъ» Шопена.

«Нов. Время» 1877 (19 окт.), № 590 (М. Ивановъ).

---

127) Rubinstein, Anton Gregor.—Musikalisches Conversations-Lexikon von Hermann Mendel. T. VIII, стр. 454—457. Berlin, 1877.

1878.

128) Октября 14. Экстренное симфонич. собр. въ пользу вспомог. кассы музык. художн. подъ управл. и съ участіемъ Рубинштейна. Имъ исполнены: свои сочиненія: фантазія для форт. съ оркестр., C—dur, соч. 84-е, а также «романсъ» и «этюдъ». Кромѣ того онъ исполнилъ «баркароллу» Шопена; «этюдъ» и «Au bord d'une source» Листа.

«Спб. Вѣд.» 1878, № 290 (Н. Соловьевъ).

129) Октября 22. Первое представленіе оперы А. Рубинштейна «Демонъ» въ Москвѣ.

«Русск. Вѣд.» 1879, № 269 (О. Л—нъ). — «Совр. Изв.» 1879, № 291. Тамъ же № 297 (***).

1879.

130) Ноября 1. Первое представл. оперы А. Рубинштейна «Неронъ» въ Гамбургѣ, подъ упр. автора.

«Всемірн. Иллюстр.» 1880, т. XXIII, № 2.—«Нувеллистъ» (газета) 1880 № 1. (Отзывы иностр. печати объ оперѣ А. Р—на «Неронъ»).

---

131) Антонъ Рубинштейнъ. Статья Эрлиха. — «Еженедѣльное Новое Время» 1879, т. II, стр. 519—538.

132) Рубинштейнъ, А. Г.—Біографическій лексиконъ русскихъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей. Сост. А. И. Рубцомъ. Спб. 1879 (на стр. 45—46).

1879—1880.

133) Симф. собр. и концерты имп. русск. муз. общ. въ Москвѣ. Экстренное собраніе въ пользу фонда для вспомоществованія вдовамъ и сиротамъ артистовъ. «Донъ Кихотъ», муз.-характ. картина для оркестра, соч. 88-е. А. Рубинштейна подъ упр. автора. Кромѣ того онъ исполнилъ: 1) концертъ для форт. A—moll Шумана, 2) Варіаціи для двухъ форт. своего сочиненія, 3) a) «Романсы», б) Ballade», b) «Melodie» и г) балетъ изъ оп. «Демонъ»—также своего сочиненія.

1880.

134. Февраля 22. Первое предст. оперы А. Рубинштейна «Купецъ Калашниковъ» въ Спб. [Второе предст. было 25 февр.]

«Русск. Музык. Вѣстн.» 1880, №№ 2, 4.—«Русск. Муз. Вѣстн.» 1880, №№ 9—10, 11, 12 (П. С. М — въ). — «Голосъ» 1880, № 55. — «Голосъ» 1880 № 61, фельетонъ.—«Новое Время» 1880 (25 февр.), № 1435, (М. Ивановъ).—«Молва» 1880, № 57 (К. Галлеръ). — «Спб. Вѣд.» 1880, № 63 (Н. Соловьевъ).—«Нувеллистъ» (газета) 1880, № 3.

135) Мартъ. 1) Концертъ Рубинштейна въ Москвѣ 21 и 26 марта. 2) Экстр. симф. собр. 23 марта съ его же участіемъ. Исп. муз. карт. «Донъ-Кихотъ», соч. 87-е Рубинштейна подъ упр. автора.

«Русск. Вѣд.» 1880, № 74 (О. Л—нъ).—«Молва» 1880, № 85. — «Новости» 1880, № 54 (К. Галлеръ).

136) Марта 16 и апрѣля 10. Концерты Рубинштейна въ Спб.

«Русск. Муз. Вѣстн.» 1880, № 1.—«Голосъ» 1880, № 104. — «Нов. Время» 1880, (14 апр.), № 1483.—«Молва» 1880, № 79 (К. Г.).—«Спб. Вѣд.» 1880, № 89 (Н. Соловьевъ).

137) Сентября 20. Первое экстр. собр. с.-петерб. общ. камерной музыки съ участ. А. Рубинштейна.

«Русск. Муз. Вѣстн.», 1880, № 22.

138) Октября 2. Экстр. симф. собр. въ пользу вспомогат. кассы му-

зык. художн. подъ упр. и съ участ. А. Рубинштейна. Программа была сост. изъ его сочиненій; исполнялись: пятая симфонія G—moll, соч. 107-е (въ 1-й разъ, по рукописи); концертъ для віолончели съ оркестр., № 2, D—dur (исп. г. Вержбиловичъ); «Caprice russe» для форт. и оркестра, соч. 102-е (исп. авторъ).

«Русск. Муз. Вѣстн.» 1880, № 23. — «Голосъ» 1880, № 275. — «Молва» 1880, № 275 (К. Галлеръ).

139) Ноября 20. Исполненіе «Миньоны» А. Рубинштейна въ частномъ собраніи по случаю дня рожденія автора (18-го ноября).

«Спб. Вѣд.» 1880, № 322 (Н. Соловьевъ). — «Молва» 1880, № 325.

140) Декабря 3. Первое предст. оперы А. Рубинштейна «Неронъ» въ Берлинѣ.

«Русск. Муз. Вѣстн.» 1880, № 32.—«Нувеллистъ» (газета) 1881, № 1 (отзывы иностранной печати объ оперѣ А. Р—на «Неронъ»).

141) Декабря 30. Первое предст. оперы А. Рубинштейна «Фераморсъ» въ Данцигѣ.

1881.

142) Ноября 28. Экстр. симф. собр. въ Спб. подъ управл. А. Рубинштейна въ пользу учрежд. дешевыхъ квартиръ для ученицъ консерваторіи. Исп. вторая симф., C—dur, «Океанъ», соч. 42-е А. Рубинштейна.

«Нувеллистъ» (газета), 1882, № 1.

---

143) О сочиненіяхъ А. Г. Рубинштейна:—Въ концертной залѣ (музыкальные фельетоны) О. Я. Левенсона. Вып. I. 1878—1880. Москва. 1880. Вып. II. 1880—1881. Москва. 1881. [Фортепіанный квартетъ, I, 6. «Донъ-Кихотъ», I, 44 и 333. «Демонъ», I, 143. «Купецъ Калашниковъ», I, 145. Драматическая симфонія, I, 175, 186. Caprice Russe, I, 187. Баллада Ленора, I, 336. G-moll-ная симфонія, II, 54, 59. A-moll-ная скрипичная соната, II, 70. G-moll-ное фортеп. тріо, II, 88. Концерты Ан. Рубинштейна 21 и 25 марта, I, 339].

1881 — 1882.

144) Симф. собр. имп. русск. муз. общ. въ Москвѣ.

Собраніе 3-е. Подъ управленіемъ А. Рубинштейна.

«Спб. Вѣд.» 1881, № 298 (Н. Соловьевъ).

1882.

145) Марта 7. Концертъ Рубинштейна въ Спб. (первый).

«Голосъ» 1882, № 62.—«Голосъ» 1882, № 64. *** (Ц. Кюи).

146) Марта 30. «Костюмированный балъ», характеристическая пьеса для форт. въ 4 руки, соч. 103-е А. Рубинштейна, исп. въ кон-

цертѣ Спб. филарм. общ. въ Большомъ театрѣ авторомъ и г-жею Есиповою (пьеса посвящена Е. И. и Евд. П. Карновичамъ); орк. подъ управл. г. Направника.

«Голосъ» 1882, № 90. *** (Ц. Кюи).

147) Апрѣля 3. Концертъ Рубинштейна въ Спб. (второй).

«Голосъ» 1882, № 87.—«Голосъ» 1882, № 90. *** (Ц. Кюи).

148) Мая 21, 23 и 30. Три симф. концерта на промышленно-художественной выставкѣ въ Москвѣ подъ управл. А. Р—на.

Концертъ 1-й. «Россія», муз. сочин. для большаго оркестра, написанное Рубинштейномъ для открытія выставки (исп. въ 1-й разъ). Кромѣ того исп. пятая симфонія, G—moll, соч. 107-е Рубинштейна.

«Русск. Вѣд.» 1882, № 141; о 1-мъ и 2-мъ конц. (О. Л—нъ). — «Русск. Вѣд.» 1882, № 159; о 3-мъ и 4-мъ конц. (О. Л—нъ).—«Русск. Вѣд.» 1882, № 166; о 5-мъ конц. (О. Л—нъ).—«Современ. Извѣстія» 1882, № 143, 146, 153 (Старый музыкантъ).

149) Іюня 9. Первое представл. оперы А. Рубинштейна «Демонъ» въ Лондонѣ.

150) Октября 22. Первое предст. оперы А. Рубинштейна «Маккавеи» въ Лейпцигѣ.

«Музык. Міръ» 1882, № 15.

151) Ноября 6. «Россія», сочин. для оркестра съ хоромъ А. Рубинштейна. Исп. въ 1-мъ симф. собр. въ Спб. подъ упр. автора.

«Нов. Время» 1882 (15 ноября), № 2413 (М. Ивановъ).—«Спб. Вѣд.» 1882, № 304 (Н. Соловьевъ).—«Голосъ» 1882, № 304. — «Голосъ» 1882, № 306. *** (Ц. Кюи).—«Музык. Міръ» 1882, № 15. Тамъ же № 16 (Б. Б.).

---

152) А. Рубинштейнъ и духовная опера. (Письмо А. Р—на къ издателю сборника «Vor den Coulissen» г. Левинскому). П. Зиновьевъ. «Музык. Міръ» 1882, № 1.

153) А. Г. Рубинштейнъ (Біографическій очеркъ къ портрету). П. З(иновьевъ). «Музык. Міръ» 1882, № 5 [портретъ приложенъ при № 7].

154) Краткій историческій обзоръ дѣятельности русск. муз. общ. Статья П. М—ва. «Русскій Музык. Вѣстникъ» 1882, № 31, 33—35.

155) Императорское русское музык. общество и русская опера въ провинціи. Б. Р—т—нъ (Н. М. Лисовскій). «Музык. Міръ», 1882, № 4, 5, 6, 7.

Примѣчаніе. Послѣ краткаго обзора дѣятельности имп. русск. муз. общ. и положенія русской оперы въ провинціи, авторъ статьи предлагаетъ проектъ организаціи опернаго дѣла на общинномъ началѣ при содѣйствіи импер. русск. муз. общ. Въ виду проекта А. Г. Рубинштейна, внесеннаго имъ въ 1887 г. въ дирекцію спб. отд. муз. общ. объ устройствѣ общедоступныхъ оперныхъ спектаклей и концертовъ въ Спб. подъ вѣдѣніемъ спб. отд. общества, можно надѣяться, что Ан. Гр., осуществивъ свои намѣренія въ столицѣ, не оставитъ безъ вниманія и провинціальную оперу, для лучшаго устройства которой онъ-же въ особой запискѣ предложилъ весьма серьезныя мѣры въ 1889 году. Его авторитетъ и вліяніе помогутъ упрочиться этому благому дѣлу.

1882—1883.

156) Въ теченіи этого зимняго сезона симф. собр. въ Спб. дирижировалъ А. Г. Рубинштейнъ.

«Спб. Вѣд.» 1882, № 348 (Н. Соловьевъ). — «Голосъ» 1882, № 306 *** (Ц. Кюи).—«Нов. Время» 1883 (28 марта), № 2543 (М. Ивановъ). Здѣсь приведены адресы Р—ну.—«Муз. и Театр. Вѣстн.» 1883, № 14.—«Театръ» 1883, № 4 (Л. Баторинъ). Тамъ-же № 9.—«Музык. Міръ» 1883, № 11.

---

157) Rubinstein, Anton.—Musik-Lexikon von Dr Hugo Riemann. Leipzig. 1882, стр. 787—789.

1883.

158) Января 16. Первое представленіе оперы Рубинштейна «Маккавеи» въ Дрезденѣ.

159) Января 23. Концертъ патріотическаго общества въ Спб. подъ управленіемъ Рубинштейна.

«Зритель» 1883, № 20 (Л. Б.)

160) Января 30. Концертъ въ пользу слушательницъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ въ Спб. подъ управл. Рубинштейна.

161) Февраля 23. Первое предст. оперы Рубинштейна «Маккавеи» въ Москвѣ.

«Русск. Вѣд.» 1883, № 63 (О. Л—нъ).—«Соврем. Извѣстія» 1883, № 56, 62 (Молодой музыкантъ).—«Музык. Міръ» 1883, № 10 (Сергѣй Казанскій).—«Музык. и Театр. Вѣстн.» 1883, № 10.

162) Марта 7. Этимъ числомъ помѣчено письмо Рубинштейна изъ Спб. къ г. Зенфу, издателю лейпцигскаго музык. журнала «Signale für die Musikalische Welt» по поводу предложенія редактировать новое изданіе классиковъ.

«Signale für die Musikalische Welt» 1883, № 32 (напечатанъ текстъ письма).—«Нувеллистъ» (газета) 1883, № 5 (напечатанъ текстъ письма въ переводѣ на русскій языкъ).

163) Марта 23. Экстр. симф. собр. въ Спб. въ пользу вспомог. кассы музык. художниковъ подъ управл. Рубинштейна.

164) Марта (?). Первое предст. оперы А. Рубинштейна «Демонъ» въ Лейпцигѣ.

165) Апрѣля 6. Экстр. концертъ подъ упр. Рубинштейна въ Спб. Исп.ораторія Генделя «Израиль въ Египтѣ».

«Музык. и Театр. Вѣстн.» 1883, № 15.

166) Апрѣля 7. Концертъ, данный Рубинштейномъ въ Спб. въ залѣ двор. собр. (съ обращеніемъ 5000 руб. что состав. часть сбора въ пользу памятника М. И. Глинки).

О памятникѣ М. И. Глинки въ Спб. «Русск. Стар.» 1883, т. XXXVII, № 2, стр. 479—480.—М. И. Глинка и А. Р—нъ (Замѣтка о концертѣ въ пользу памятника М. И. Глинки). «Русская Стар.» 1883, т. XXXVIII, № 5, стр. 484.

167) Апрѣля (?). Собственноручная запись А. Рубинштейна въ альбомъ редактора «Русской Старины» М. И. Семевскаго «Знакомые», [Альбомъ этотъ въ 1888 г. изданъ отдѣльною книгою].

168) Мая 15. Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст. «за особенныя заслуги на пользу музыкальнаго образованія въ Россіи».

169) Ноября 19. Въ 3-мъ симф. собр. въ Спб., по случаю дня рожденія Рубинштейна (16 ноября), составленномъ исключительно изъ его сочинен. и сочин. русск. композиторовъ, исп. муз. картина «Іоаннъ Грозный», соч. 79-е А. Рубинштейна.

«Нов. Время» 1883 (28 ноября), № 2785 (М. Ивановъ).—«Спб. Вѣд.» 1883, № 316 (Н. Соловьевъ).

170) Декабря 28. Соната для форт. и скрипки H — moll, соч. А. Рубинштейна, исп. авторъ и Л. С. Ауэръ (въ 1-й разъ) въ экстр. концертѣ въ пользу общ. для вспомоществ. учащимся въ Спб. консерваторіи. Кромѣ того Рубинштейнъ исп. свои «Barcarolle», «Menuet» и «Valse».

---

171) Новый балетъ А. Рубинштейна «Виноградная лоза» (изъ «Signale»). «Музык. Міръ» 1883, № 7.

1884.

172) Января 29. Первое предст. оперы А. Рубинштейна «Неронъ» въ Спб. (на итальянской сценѣ).

«Нувеллистъ» (газета) 1884, № 3 (М. Ивановъ).—«Спб. Вѣд.» 1884, № 33, Фланеръ (Ильпшъ).—«Спб. Вѣд.» 1884, № 36 (Н. Соловьевъ).—«Искусство» 1884, № 56 (В. Чечоттъ).—«Новое Время» 1884 (30 января), № 2846.—«Новое Время» 1884 (6 февр.), № 2853 (М. Ивановъ). — «Всемірн. Иллюстрація» 1884, т. XXXI, № 13.

173) Января 30. Отъѣздъ Рубинштейна въ Вѣну, гдѣ онъ далъ рядъ концертовъ. Послѣ того онъ концертировалъ въ Парижѣ.

«Новое Время» 1884, (14 и 22 февр.), №№ 2861 и 2868; корресподенція изъ Вѣны (И. В.)—«Нувеллистъ» (газета) 1884, № 3 (изъ «Нов. Времени»).

174) Апрѣль. Постановка оперы Рубинштейна «Фераморсъ» на сценѣ спб. муз.-драм. кружка. Двѣ генеральныя репетиціи (въ видѣ спектаклей) для членовъ кружка 14 и 22 апрѣля и четыре спектакля съ благотворительною цѣлью 24, 25, 27 и 29 апрѣля.

«Спб. Вѣд.» 1884, № 116 (Н. Соловьевъ). — «Всемірн. Иллюстр.» 1884, т. XXXI, № 24 (Левинъ).—«Новости» 1884, № 106 (К. Галлеръ).

175) Октября 1. Сотое предст. оперы А. Рубинштейна «Демонъ» въ Спб. (въ 35-лѣтній юбилей декоратора г. Шишкова).

«Нувеллистъ» (газета) 1884, № 7 (М. Ивановъ). — «Спб. Вѣд.» 1884, № 272 (Г—ъ).—«Спб. Вѣд.» 1884, № 276 (К. Галлеръ). — «Нов. Время» 1884 (3 октября), № 3089 (И.).—«Нов. Время» 1884 (15 октября), № 3101 (М. Ивановъ).

176) Октября 6. Рубинштейнъ управл. 1-мъ симфон. собр. въ Спб. Исполнена его «Эроика», фантазія для оркестра въ 1-й разъ (по рукописи).

«Нувеллистъ» (газета) 1885, № 1 (М. Ивановъ).—«Недѣля» 1884, № 48 *** (Ц. Кюи).—«Нов. Время» 1884 (15 октября), № 3101 (М. Ивановъ).

---

177) Рубинштейнъ, Антонъ Григорьевичъ.—Музыкальный Словарь. Энциклопедическій справочный сборникъ. Сост. П. Перепелицынъ. Спб., 1884 (на стр. 306—307).

1884—1885.

178) Симф. собр. имп. русск. муз. общ. въ Москвѣ.

Собраніе 8. 1) «Eroica» фантазія для оркестра (въ 1-й разъ) соч. 110-е А. Рубинштейна, подъ упр. автора. 2) Фантазія для форт. и оркестра (въ 1-й разъ) соч. 84-е А. Рубинштейна; партію форт. исп. авторъ.

1885.

179) Января 19. Рубинштейнъ управлялъ 6-мъ симфоническимъ собраніемъ въ Спб.

180) Января 26. Рубинштейнъ управл. 7-мъ симф. собр. въ Спб.

181) Іюля 14. Концертъ Рубинштейна въ Петергофѣ въ пользу гродненскихъ погорѣльцевъ.

«Нувеллистъ» (газета) 1885, № 5.

182) Августа 9. Высочайше утверждены измѣненія и дополненія нѣкоторыхъ статей устава Имп. Рус. музыкальн. общ.

183) Октябрь. Историческіе концерты Рубинштейна въ Берлинѣ. (Первый концертъ состоялся 8 октября).

«Муз. Обозр.» 1885—86, № 5. «Нувеллистъ» (газета) 1885, № 7, 8.

---

184) Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ. Композиторъ. А. Л. «Радуга». 1885, № 3 (съ портретомъ).

185) Театръ и музыка. «Русск. Вѣдом.» 1885, № 23. (Ш. Рубинштейнъ и Гансъ фонъ-Бюловъ).

186) Музыкальные наброски. Новости музыкальной литературы, издан. г. Юргенсономъ. М. Ивановъ. «Нов. Время» 1885 (4 марта), № 3238.

Примѣчаніе. Изъ сочиненій А. Г. Рубинштейна разбираются симфоніи: «Eroica» (соч. 110) и «Soirées musicales».

1886.

187) Январь и февраль. Историч. концерты Рубинштейна въ Спб. (4, 11, 18, 25 января и 1, 8, 15 февраля) и въ Москвѣ (7, 14, 21, 28 января и 4, 11, 18 февраля).

Примѣчаніе. Каждый изъ этихъ концертовъ исполнялся дважды: одинъ разъ для публики, а другой разъ безплатно для учащихся. Сборъ съ этихъ концертовъ въ С.-Петербургѣ 51,174 р., въ Москвѣ 43,465 р.; за вычетомъ расходовъ чистый остатокъ составляетъ 80,463 руб.

Программы концертовъ А. Р—на съ примѣчаніями и поясненіями. Спб. 1886, 8°, 55 стр. съ рисун. и портретомъ.—Программа историч. концертовъ. «Муз. Обозр.» 1885—86, № 2.—«Новое Время» 1886 (10, 17 и 27 февраля), №№ 3576, 3583 и 3562 (М. Ивановъ).—«Нувеллистъ» (газета) 1886, № 2 (М. Ивановъ).—«Новь» 1886, т. VII, № 4, стр. 617; т. VIII, № 6, стр. 257; № 8, стр. 488—490. (М. Ивановъ).—«Музык. Обозр.»: концертъ 1-й, 1885—86, № 15. (В. Бессель); концерты 2—7, 1885—86, № 15—18, 20 ***(Ц. Кюи).—«Недѣля» 1886, № 9, 10, стр. 323—327, 360—363 (Ц. Кюи).—«Новости» 1886, № 6, 13, 28, 49, (Н. Соловьевъ). — «Спб. Вѣдом.» 1886, [№ 13 (К. Галлеръ). — «Всемірная Иллюстрація» 1886, т. XXXV, №№ 3, 4, 5, 7, 8 и 9; стр. 58, 75, 98, 135, 155 и 174.—«Москов. Вѣд.» 1886, № 18. (Ignotus).—«Руск. Вѣдом.» 1886, № 18 (Б).

188) Февраля 10 и 14. Чествованіе Рубинштейна въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ (по поводу его историческихъ концертовъ).

«Новое Время» 1886 (14 февраля) № 3580, мал. хрон. (Петербуржецъ).—Праздникъ А. Г. Р—на. «Новое Время» 1886 (15 и 16 февраля) № 3581, 3582.—«Всемірная Иллюстрація» 1886, т. XXXV, № 9, стр. 174; № 10, стр. 198.—«Музык. Обозр.» 1885—86, № 22, изъ Москвы (К.).—Чествованіе А. Г. Рубинштейна. Н. Соловьевъ. «Новости» 1886, № 46.—«Нувеллистъ» (газета) 1886, № 3.—Программа празднества въ честь А. Р—на, 14 февраля 1886. Спб. 1886, 8°, 16 нен. стр.—Письмо А. Р—на (къ москвичамъ) послѣ торжества по случаю историческихъ концертовъ. «Моск. Вѣд.» 1886, № 44 (13 февр.) Перепеч. въ «Новостяхъ» 1886, № 46 (15 февр.) и въ «Нувеллистѣ» 1886, № 3.—Письмо А. Р—на (къ петербуржцамъ) послѣ торжества по случаю историч. концертовъ «Нов. Время» 1886 (18 февр.), № 3584.—Стих. А. Майкова: А. Г. Рубинштейну въ альбомъ, поднесенный ему 14 февраля Спб. консерваторіею. «Моск. Вѣд.» 1886, № 45. Перепеч. въ «Новомъ Времени» 1886 (16 февр.), № 3582.

189) Марта 15. Русская симфонія (№ 5), G—moll, соч. 107-е А. Рубинштейна, исп. въ 7-мъ симф. собр. въ подъ управл. Ганса фо ъ-Бюлова.

«Муз. Обозр.», 1885—86, № 23. ***(Ц. Кюи).

190) Мартъ—май. Историческіе концерты Рубинштейна въ Лейпцигѣ (12, 14, 16, 19, 21, 27 и 29 марта), въ Парижѣ (5, 8, 12, 15, 19, 22, и 27 апрѣля), въ Дрезденѣ, въ Брюсселѣ и въ Лондонѣ (май).

---

191) Чѣмъ плѣняетъ насъ А. Рубинштейнъ. А. Буховцевъ. «Русск. Вѣд.» 1886, № 59. [О Рубинштейнѣ-піанистѣ].

192) Русскіе композиторы. I. А. Г. Рубинштейнъ (очеркъ музыкальной

дѣятельности). В. С. Баскинъ. Изд. П. Юргенсонъ. М. 1886, 8°, 108 стр. Ц. 75 к. Статья эта первоначально была напечатана въ «Русск. Мысли», 1885. № 1 и 9. Къ брошюрѣ приложенъ подробный списокъ произведеній А. Г. Рубинштейна по opus'амъ.

1886—1887.

193) Въ этотъ сезонъ симф. собр. въ Спб. управлялъ Рубинштейнъ.

1887.

194) Января 12. Рубинштейнъ вступилъ въ отправленіе обязанностей директора С.-Петерб. Консерваторіи (послѣ отставки К. Ю. Давыдова).

«Нувеллистъ» (газета) 1887, № 2.—«Спб. Вѣд.» 1887, № 11 (К. Галлеръ).—«Новости» 1887, № 9, 12. (Н. Соловьевъ).—«Муз. Обозр.», 1886—87, № 17 (2), стр. 133, 134, (В. Бессель). — «Музык. Обозр.», 1886—87, № 21 (6). — «Новое Время» 1887 (12 января) № 3905.

195) Января 31. Шестая симфонія, C—dur, соч. 111-е Рубинштейна, исп. въ 10-мъ симф. собр. въ Спб. подъ управл. автора.

«Муз. Обозр.» 1886—87, № 20 (5) ***(Ц. Кюи).

196) Марта 8. Открытіе выставки подношеній и подарковъ, полученныхъ Рубинштейномъ во время его артистической дѣятельности.

Примѣчаніе. Выставка устроена въ залѣ Шредера и продолжалось до 29 марта. Всѣхъ предметовъ выставлено было 143. Сборъ съ выставки обращенъ въ пользу общества сценическихъ дѣятелей и вспомогательной кассы музык. художниковъ.

«Муз. Обозр.» 1886—87, № 23 (8) (В. Б.).

197) Марта 22. Въ дирекціи Спб. отд. имп. русск. муз. общ. обсуждалась записка Рубинштейна объ устройствѣ общедоступныхъ оперныхъ спектаклей и концертовъ подъ вѣдѣніемъ спб. отд. имп. русск. муз. общ. [Проектъ принятъ значительнымъ большинствомъ членовъ общаго собранія].

Проектъ А. Р — на общедоступныхъ оперныхъ спектаклей и концертовъ. «Новости» 1887, № 77. — Еще о проектѣ общедоступной оперы и концертовъ. Н. Соловьевъ. «Новости» 1887, № 82.—По поводу общ. собр. спб. отд. имп. рус. муз. общ., 22 марта ***(Ц. Кюи). «Муз. Обозр.», 1886—87, № 25 (10).—«Нувеллистъ» (газета) 1887, № 4; напечатанъ также текстъ записки.—«Спб. Вѣдомости», 1887, № 83 (К. Галлеръ).—Рубинштейнъ и новая опера, «Петербуржецъ». «Нов. Время» 1887 (28 марта), № 3979.

198) Сентября 8. Празднованіе 25-лѣтія со времени открытія классовъ (въ Михайловскомъ дворцѣ) при Русск. муз. общ. въ С.-Петерб. Получена отъ В. Кн. Константина Николаевича поздравительная телеграмма на имя Антона Григ. Рубинштейна.

«Спб. Вѣд.» 1887, № 248. — «Новости» 1887, № 247.—«Муз. Обозр.» 1887, № 16, 17. — «Правит. Вѣст.» 1887, № 201, 202. — «Нувеллистъ» (газета) 1887 № 6.—«Нов. Время» 1887 (14, 21 и 28 сент.) № 4146, 4153 и 4160 (М. Ивановъ),

199) Сентября 23. Открытіе въ С.-Петерб. Консерваторіи курса литературы фортеп. произведеній. (Курсы продолжались по 2 апрѣля 1888 г.).

1888.

200) Января 1. Всемилостивѣйше пожалованъ «потомственному дворянину А. Г. Рубинштейну чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника за полезные труды его по развитію музыкальнаго образованія въ Россіи».

201) Февраля 4. Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица посѣтили С.-Петерб. консерваторію.

«Нувеллистъ» (газета), 1888, № 3.—«Новости» 1888, № 37.—«Муз. Обозр.» 1888, № 6.—«Нов. Время» 1888 (5 февр.) № 4288 (хроника).

202) Апрѣля 22. Исполненіе ораторіи Рубинштейна «Суламиѳь» въ концертѣ берлинскаго симфонич. общества.

203) Сентября 16. Начались лекціи Рубинштейна въ с.-петерб. консерваторіи по литературѣ фортепіанной игры съ XVI по XIX ст. [Курсъ продолжался до 28 апрѣля 1889 г. Всѣхъ лекцій было 32].

«Новости» 1888, № 258. — «Новости» 1888, № 265.—«Муз. Обозр.» 1888, № 20—26, 28—30 (Ц. Кюи).—«Баянъ» 1888, № 18, стр. 168, хроника.—«Нувеллистъ» (газета) 1888, № 6.—«Баянъ» 1888, № 27, 29—40; 1889, №№ 4—11, 13, 15, 16, 19.

---

204) Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ (съ портретомъ). Исторія музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. П. Д. Перепелицынъ. Спб. и М. изд. тов. М. О. Вольфъ, 1888 (на стр. 187—191).

205) Anton Rubinstein. Biographischer Abriss nebst Charakteristik seiner Werke. Fon Bernhard Fogel. Mit dem Porträt Rubinsteins (Musikheroen der Neuzeit. V). Leipzig. Max. Hesse's Ferlag. 1888. 8°. VI+82 стр.

206) «Нувеллистъ» (газета), 1888, № 7 (ноябрь). Отзывъ хроникера «Figaro», Альб. Вольфа, о Рубинштейнѣ.

207) «Баянъ», 1888, № 12, стр. 111. Отзывъ газеты «Times» о Рубинштейнѣ.

208) Обзоръ дѣятельности Имп. Русск. муз. общ. за сезонъ 1886—87 г. Вас. Бессель. «Муз. Обозр.» 1888, № 24—26, 30.

1889.

209) Января 1. Съ Высочайшаго соизволенія зданіе Большаго театра передано с.-петербургской консерваторіи.

210) Января 10. Исполненіе на сценѣ Маріинскаго театра въ Спб. оперы Рубинштейна «Купецъ Калашниковъ» (въ 1-й разъ по возобновленіи).

«Нувеллистъ» (газета) 1889, № 2.—«Нов. Время» 1889, (11 января), № 4623.— «Нов. Время» 1889, (16 января), № 4628 (М. Ивановъ).—«Спб. Вѣдом.» 1889, № 12 (Я. Д.).—«Новости» 1889, № 11.—«Новости» 1889, № 13. (Н. Соловьевъ).

211) Января 11. Концертъ учащихся въ спб. консерваторіи въ пользу недостаточныхъ учениковъ, подъ управленіемъ Рубинштейна.

212) Марта 26. Концертъ учащихся въ спб. консерваторіи въ пользу фонда на сооруженіе зданія спб. консерваторіи, подъ управленіемъ Рубинштейна.

213. Іюня 15. Высочайше утверждено положеніе о международномъ конкурсѣ на музыкальныя преміи изъ капитала въ 25,000 руб., пожертвованнаго директоромъ спб. консерваторіи, д. с. с. Ант. Григорьевичемъ Рубинштейномъ.

Собр. узак. и распор. правительства 1889, № 90, ст. 761.

214) Іюля 8. Письмо А. Рубинштейна въ редакцію «Новаго Времени» въ защиту консерваторіи отъ нападокъ одного изъ сотрудниковъ этой газеты.

Наши консерваторіи. «Нов. Время» 1889 (7 іюля) № 4796 [этой статьей вызвано письмо А. Р—на].- Еще о консерваторіяхъ (письмо въ редакцію). А. Г. Рубинштейна. «Нов. Время» 1888 (11 іюля), № 4800. [Письмо это возражаетъ на предыдущую статью].—О консерваторіяхъ. «Нов. Врем» 1889 (12 іюля), № 4801. [Отвѣтъ на письмо А. Г. Рубинштейна].—Курьезная полемика. «Нувеллистъ» (газета) 1889, № 5. [По поводу полемики одного изъ сотрудниковъ «Нов. Времени» съ А. Р—номъ о консерваторіи. [Здѣсь приведено письмо Рубинштейна, напечатанное въ «Нов. Врем.» 1889, № 4800].

215) Іюля 11. Исполнилось пятидесятилѣтіе артистической дѣятельности А. Г. Рубинштейна. [Празднов. юбилея отложено до 18 ноября, въ каковой день А. Г. празднуетъ день своего рожденія.

«Правит. Вѣстн.» 1889, № 158. (Поздравит. телеграммы А. Р—ну, отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы отъ Его Имп. Высоч. Наслѣдника Цесаревича и отъ Ихъ Имп. Высоч. Вел. Кн. Александры Іосифовны и Вел. Кн. Константина Константиновича). Тоже перепеч. въ «Нувеллистѣ» (газета) 1889, № 5; въ «Нов. Врем.» 1889 (22 іюля), № 4811 и въ другихъ періодич. изданіяхъ.

216) Ноября 18. Празднованіе 50-лѣтія артистической дѣятельности А. Г. Рубинштейна.

---

217) Предстоящій 50-лѣтній юбилей артистической дѣятельности Антона Григорьевича Рубинштейна. (Сотрудникъ «Царь Колокола»).—«Царь Колоколъ», иллюстрированный календарь-альманахъ на 1889 г. Изд. насл. бр. Салаевыхъ. Стр. 94—97.—Съ двумя портретами Рубинштейна (въ дѣтскіе годы и въ настоящее время) и рисункомъ (музыкальный салонъ А. Г. Рубинштейна въ Петербургѣ).—Перепеч. въ сокращ. въ «Нувеллистѣ» (газета) 1888, № 6 (октябрь).

218) Antoine Rubinstein. Jubilé artistique. 1839—1889. V. P. «Journal de St.-Pétersbourg» 1889, № 182 (11 іюля).—Дополненія: тамъ-же, № 192,—21 іюля. (V. P).

219) «Сѣверный Вѣстникъ» 1889, № 8, стр. 97 (отзывы Листа о Рубинштейна, въ статьѣ В. Стасова: Листъ, Шуманъ и Берліозъ въ Россіи»).

220) А. Г. Рубинштейнъ.—«Новое Время» 1889 (11 іюля), № 4800.

221) «Новое Время» 1889 (13 октября), № 4894. (А. Суворинъ: «Маленькія письма». XI).

222) «Нувеллистъ» (газета), 1889, № 5 (сентябрь).

223) Къ юбилею А. Г. Рубинштейна. «Баянъ» 1889, № 21.

224) «Русская Старина» 1889, т. LXIV, № 11, стр. 513—642. [—L.— Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ. Род. 16-го ноября 1829 г. Юбилей его полувѣковой музыкально-артистической дѣятельности.—1) Отъ Ред. «Русской Старины». Предисловіе М. И. Семевскаго. 2) Воспоминанія А. Г. Рубинштейна, 1829—1889 гг. (его автобіографія). 3) Замѣтки къ его біографіи докт. М. Б. Розенберга. 4) А. Г. Рубинштейнъ въ воспоминаніяхъ бывш. профес. Г. А. Лароша. 5) Лѣтопись событій въ жизни и дѣятельности А. Г. Рубинштейна, съ указаніемъ на статьи и отзывы о немъ и его произведеніяхъ въ русской печати съ 1829 по 1889 г. Сост. Н. М. Лисовскій. 6) А. Г. Рубинштейнъ—стихотв. А. Н. Яхонтова. 7) Портреты: А. Г. и Н. Г. Рубинштейны въ 1844 г., снимокъ съ акварели П. Θ. Соколова. 8) А. Г. Рубинштейнъ въ 1839 г., гравюра на мѣди, испол. художникъ Θ. А. Мѣркинъ. — 1839 $\frac{\text{ноября}}{18}$ 1889 —].

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ, встрѣчающихся въ „Лѣтописи“, и крупнѣйшихъ произведеній А. Г. Рубинштейна.

26-го октября 1889 г.
Спб.

Н. М. Лисовскій.

Приложенія къ Лѣтописи событій въ жизни и дѣятельности А. Г. Рубинштейна.

I.

Первый, по времени, отзывъ объ А. Г. Рубинштейнѣ.

«Галатея» изд. 1839 г.

«Кстати упомянемъ еще объ этомъ monstre musical (дай Богъ побольше такихъ monstres!), родившемся и развившемся не подъ небомъ Италіи, а подъ снѣжнымъ небомъ нашей бѣлокаменной матушки Москвы: этотъ замѣчательный талантъ, извѣстный въ немногихъ только домахъ, гдѣ его слышали, слушаютъ да и заслушиваются, есть девятилѣтній сынъ здѣшняго фабриканта, г-на Рубинштейна, употребляющаго на усовершенствованіе блистательнаго дарованія своего ребенка-артиста бо́льшую часть своихъ незначительныхъ доходовъ — пожертвованіе, достойное похвалы и поощренія. Нѣкоторые любители музыки просили родителей, чтобы милый крошечный артистъ далъ имъ хоть одинъ концертъ, но скромные родители отклонили этотъ лестный вызовъ. Хотя мы очень сожалѣемъ о томъ, что у насъ будетъ меньше однимъ (относительно прекраснымъ) концертомъ, но мы не эгоисты и скажемъ, что скромность родителей очень похвальна и полезна для ихъ юнаго артиста! развивайте его талантъ въ тишинѣ: сцена для него всегда открыта и онъ никогда не опоздаетъ».

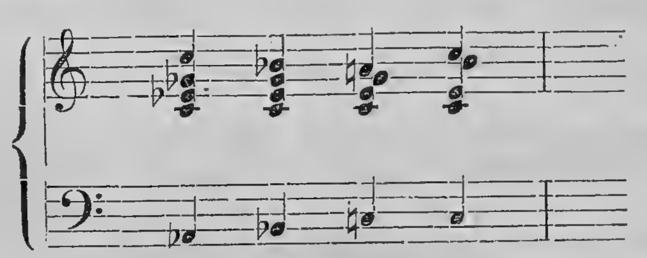
II.

Отзывъ Роберта Шумана о первомъ въ печати произведеніи А. Г. Рубинштейна.

А. Рубинштейнъ. «Ундина», этюдъ для фортепіано. 1843 г. Op. I.

«Первая работа даровитаго мальчика—піаниста-виртуоза, уже покрытаго громкой славой. Обладаетъ-ли онъ и выдающимся творческимъ дарованіемъ — рѣшить по лежащему передъ нами первому произведенію ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ

невозможно. Но уже преобладаніе въ небольшой вещицѣ мелодическаго элемента — хотя мелодія и не являетъ собой какой нибудь новизны прекраснаго — подаетъ надежду, что авторъ уже началъ постигать самую сущность музыки и будетъ чѣмъ дальше, тѣмъ удачнѣй развиваться въ этомъ направленіи. Названіе эпизода основано, главнымъ образомъ, на волнообразномъ движеніи фигуры аккомпанимента; чего-либо болѣе оригинальнаго, вполнѣ совершеннаго по законченности нельзя было и ждать отъ такого юнаго возраста. Но ни въ какомъ случаѣ не должны быть допустимы нечистыя гармоніи въ родѣ:



Всякій мало-мальски опытный музыкантъ могъ бы исправить ему это мѣсто».

Kürzere Stücke für Pianoforte.

A. Rubinstein. «Undine», Etude für das Pianoforte. (1843).

Werk I.

Die erste Arbeit des talentvollen Knaben, der sich als Spieler einen schon grossen Ruhm gemacht. Ob er auch bedeutendes productives Talent habe, lässt sich nach dieser vorliegenden ersten Leistung weder behaupten, noch verneinen. Doch in dem kleinen Stücke das Melodische vorwiegt, ohne gerade eine schöne neue Melodie zu bieten, lässt hoffen, dass er das wahre Wesen der Musik zu begreifen angefangen und sich in diesem Sinne immer glücklicher entwickeln werde. Der Titel der Etude findet seinen Grund zumeist in der wellenförmigen Art der Begleitungsfigur; etwas Originelleres, durch und durch Gelungenes konnten wir von jungen Jahren nicht erwarten. In keinem Falle dürften aber unreine Harmonien stehen bleiben, wie

. . . .

jeder irgend leidlich gewandte Musiker hätte ihm die Stelle verbessern können.

Gesammelte Schriften über Musik und Musiker von Robert Schumann (4 Band). Leipzig, Georg Wigands Verlag, 1854.—(1843 г.). Т. IV.

Мел ія фортепіанныя вещи.

III.

Записка А. Г. Рубинштейна въ дирекцію Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества.

22-го марта 1887 г.

Въ теченіи болѣе чѣмъ 25-лѣтняго своего существованія Императорское русское музыкальное общество выполнило успѣшно одну изъ главныхъ своихъ задачъ—распространеніемъ музыкальнаго образованія въ Россіи, учрежденіемъ консерваторій въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, музыкальныхъ школъ: въ Кіевѣ, Харьковѣ, Тифлисѣ и другихъ городахъ, устройствомъ симфоническихъ концертовъ и т. д. Остается выполнить еще великую задачу, а именно дать возможность отечественнымъ сочинителямъ ознакомить публику съ своими произведеніями, а отечественнымъ исполнителямъ открыть поприще для выказанія передъ публикой своихъ знаній.

Въ программахъ десяти симфоническихъ и столькихъ-же камерныхъ концертахъ, въ которыхъ требуется ознакомлять публику съ классическими произведеніями всѣхъ странъ и всѣхъ школъ и дать возможность публикѣ слышать таковыя въ возможно лучшемъ исполненіи и, кромѣ того, приглашать знаменитыхъ исполнителей иностранцевъ, остается слишкомъ мало мѣста для выполненія справедливыхъ требованій отечественныхъ сочинителей и исполнителей.

То же самое можно сказать и про театры дирекціи Императорскихъ театровъ, коихъ существуетъ всего два въ Имперіи (кромѣ трехъ или четырехъ частныхъ провинціальныхъ, которые зиждятся на весьма шаткихъ основаніяхъ); разъ составъ труппы полонъ, исполнителямъ (пѣвцамъ и пѣвицамъ и оркестровымъ музыкантамъ) некуда дѣваться и они бо́льшею частію обязаны поступать въ опереточные и садовые театры,—карьера совсѣмъ не соотвѣтствующая ни стремленіямъ, ни честолюбію потратившихъ столько силъ и рвенія на высшее музыкальное образованіе въ консерваторіяхъ.

Еще хуже положеніе сочинителей оперъ; передъ ними дирекція всегда отговаривается репертуаромъ, и не безъ основанія: она обязана отдѣлять бо́льшую часть представленій излюбленнымъ публикою операмъ, кромѣ того, операмъ заграничнаго репертуара, такъ что для молодыхъ отечественныхъ сочинителей нѣтъ ни мѣста, ни времени для разучиванія ихъ сочиненій.—Для выхода изъ этого грустнаго положенія, я предлагаю слѣдующее:

1) Русское музыкальное общество въ С.-Петербургѣ арендуетъ театръ на четыре вечера въ недѣлю (впослѣдствіи можетъ быть и

больше) и устраиваетъ въ немъ оперные представленія и концерты, а именно (кромѣ обычныхъ десяти симфоническихъ концертовъ), три оперныя представленія и одинъ концертъ въ недѣлю, при чемъ за мѣста назначается общедоступная плата.

2) Какъ оперныя представленія, такъ и концерты состоятъ исключительно только изъ сочиненій русскихъ подданныхъ прошедшаго и настоящаго времени.

3) Оперная труппа, хоръ изъ 60 человѣкъ и оркестръ изъ 40 человѣкъ, составляются изъ нынѣ неангажированныхъ артистовъ Императорскихъ театровъ и дополняются бывшими консерватористами и оканчивающими ежегодно курсъ въ консерваторіяхъ.

4) Оперные представленія и концерты имѣютъ быть круглый годъ (зиму и лѣто), за исключеніемъ времени и дней, по коимъ спектакли вообще воспрещаются.

5) Во время великаго поста, при запрещеніи оперныхъ представленій, имѣютъ быть концерты четыре раза въ недѣлю, и въ этихъ концертахъ велико-постнаго времени исполняются также и классическія и новѣйшія сочиненія другихъ странъ.

6) Оперы поются только на русскомъ языкѣ, въ концертахъ-же вокальные нумера могутъ быть исполняемы на всѣхъ языкахъ народностей, входящихъ въ составъ Россійской имперіи.

7) Всѣ представляемыя сочиненія какъ вокальныя, такъ и инструментальныя исполняются по мѣрѣ возможности, если они только удобоисполнимы и не написаны противъ правилъ теоріи музыки.

Въ случаѣ неодобренія распорядителями оперныхъ представленій и концертовъ упомянутыхъ произведеній, они передаются на судъ музыкальнаго комитета, составъ котораго заблаговременно избирается дирекціей с.-петербургскаго отдѣленія. Комитетъ окончательно рѣшаетъ подлежатъ-ли исполненію эти произведенія.

8) Въ программу входятъ всѣ отрасли музыки вокальной и инструментальной, т. е. народныя пѣсни (хоромъ или соло), танцовальная музыка, военная музыка, симфоническая, камерная, оперная и т. п. за исключеніемъ церковной музыки, но не исключая музыки духовнаго содержанія.

9) Цѣны за мѣста должны быть доступны всѣмъ, также и простонародью, т. е. съ 15 коп. за мѣсто и выше, но не превышая 3 рублей за мѣсто.

10) За исключеніемъ бель-этажа и 1-го яруса ложъ, весь театръ устраивается на одиночныя мѣста, безъ ложъ (или въ ложахъ другихъ ярусовъ, отдѣльныя мѣста нумеруются).

Ложи бель-этажа и 1-го яруса предлагаются публикѣ въ абонементъ.

Средняя и боковая ложи бель-этажа предлагаются Высочайшему двору и вмѣстѣ съ тѣмъ испрашивается за нихъ высшая плата въ видѣ субсидіи.

Боковая ложа бель-этажа съ правой стороны есть собственность покровителя на тѣхъ-же условіяхъ, а боковая ложа 1-го яруса съ правой стороны есть собственность дирекціи русскаго музыкальнаго общества.

Для окончательнаго выполненія изложенной выше великой задачи русскаго музыкальнаго общества, дирекція С.-Петербургскаго отдѣленія будетъ имѣть постоянную заботу о пріобрѣтеніи или постройкѣ собственнаго зданія для театра, въ которомъ будутъ предложены публикѣ мѣста (ложи и кресла) въ пожизненную собственность.

А. Г. Рубинштейнъ.

Примѣчаніе. На собраніи членовъ музыкальнаго общества, о которомъ идетъ рѣчь, записка А. Г. Рубинштейна въ принципѣ была принята 19 голосами противъ одного. Предложеніе-же «Русскаго музыкальнаго общества» внести на осуществленіе предпріятія 50 тысячъ изъ своего капитала принято 13 голосами противъ семи. **И.**

IV.

Отъ его имп. выс. в. к. Константина Николаевича.

(8 сент. 1887 г. А. Г. Рубинштейну, по случаю 15-лѣтія спб. консерваторіи).

Отъ души поздравляю тебя съ двадцати-пятилѣтіемъ созданной тобою консерваторіи, которая принесла уже столько пользы Россіи; прошу тебя передать мое сердечное поздравленіе всѣмъ членамъ консерваторіи, и учащимъ, и учащимся; желаю ей продолжать процвѣтать; они знаютъ, что я ихъ всѣхъ сердечно люблю. **Константинъ.**

V.

А. Г. Рубинштейнъ, по случаю исполнившагося 11-го іюля 1889 г. 50-лѣтія своей музыкальной дѣятельности, удостоился получить слѣдующія поздравительныя телеграммы: отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы, отъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и отъ Ихъ

Императорскихъ Высочествъ Великой Княгини Александры Іосифовны и Великаго Князя Константина Константиновича:

1.

Отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ:

«Императрица и Я искренно привѣтствуемъ Васъ съ днемъ Вашего юбилея, желаемъ Вамъ отъ души еще много лѣтъ поработать на пользу музыкальнаго развитія нашей молодежи и композиторской вашей неутомимой дѣятельности». «Александръ».

2.

Отъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича.

«Сердечно поздравляю Васъ, Антонъ Григорьевичъ, съ исполнившимся 50-лѣтіемъ вашей ревностной музыкальной дѣятельности. Дай Богъ вамъ силъ продолжать ее еще на многіе, многіе годы». «Николай».

3.

Отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Іосифовны.

Gedenke inmitten meiner grossen Sorge um meinen lieben Grossfürsten des Juwels unter den Künstlern, dem ich heute mehr als je das Allerbeste wünsche; dieser grosse Tag ist Allen theuer, die Sie kennen und verehren wie Jch.

«Alexandra».

4.

Отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича.

«Примите отъ Жены и Меня Наше искреннѣйшее привѣтствіе и пожеланія еще многихъ лѣтъ здоровья и силъ на пользу и славу нашего дорогаго искусства и на радость всѣмъ вашимъ поклонникамъ. Константинъ».

VI.

Пятидесятилѣтній юбилей А. Г. Рубинштейна.

Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ Его Высочества Герцога Георгія Георгіевича Мекленбургъ-Стрелицкаго, Распорядительный Комитетъ для чествованія, въ субботу, 18-го (30-го) ноября 1889 года, въ С.-Петербургѣ, пятидесятилѣтія музыкально-художественной дѣятельности знаменитаго нашего соотечественника, композитора и піаниста, Антона Григорьевича Рубинштейна.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше разрѣшено: 1) устроить торжественный актъ и соотвѣтствующія музыкальныя празднества, 2) выбить въ честь А. Г. Рубинштейна медаль и 3) открыть въ средѣ Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества и между почитателями А. Г. Рубинштейна подписку на составленіе фонда для предоставленія въ распоряженіе юбиляра.

Открывъ свои дѣйствія, Комитетъ, публикаціями и циркулярами, довелъ о вышеизложенномъ до свѣдѣнія почитателей А. Г. Рубинштейна, прося учрежденія, общества и лицъ, желающихъ присоединиться къ чествованію, увѣдомить комитетъ, для соображеній при составленіи программы празднества,—какое именно участіе полагаютъ принять въ этомъ торжествѣ.

Въ Комитетъ уже поступаютъ заявленія объ адресахъ, депутаціяхъ, равно объ устраиваемыхъ въ разныхъ городахъ музыкальныхъ празднествахъ и т. п.; поступаютъ и суммы для фонда.

Всѣ заявленія и подписныя суммы на составленіе фонда слѣдуетъ адресовать на имя предсѣдателя комитета, Его Высочества Герцога Георгія Георгіевича Мекленбургъ-Стрелицкаго, въ Михайловскій дворецъ въ С.-Петербургѣ; денежныя суммы могутъ быть присылаемы и вносимы и въ с.-петербургскій Учетный и Ссудный банкъ (Невскій, 28), а также въ редакціи газетъ и въ равныя столичныя и губернскія установленія, публиковавшія о пріемѣ ихъ.

Предсѣдатель, Его Высочество Герцогъ Георгій Георгіевичъ Мекленбургскій, сверхъ членовъ главной дирекціи и дирекціи спб. Отдѣленія Императорскаго русско-музыкальнаго Общества, пригласилъ къ участію въ Комитетъ многихъ представителей творческой дѣятельности по музыкѣ, художествамъ и литературѣ, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Программа торжествъ еще окончательно не была утверждена къ 16-му октября 1889 г., но предположенія о ней напечатаны уже въ газетахъ.

А. Г.

А. Г. Рубинштейну.

Художникъ звука! творческая сила
Подъ гнетомъ лѣтъ въ тебѣ не умерла,
Нѣтъ! музыка всего тебя взяла,
Всего тебя, какъ сѣтью, охватила.

Не властенъ ты, какъ смертный рядовой,
Забыть искусства высшее значенье:
Въ тебѣ—небесъ съ землею примиренье,
Звукъ—идеалъ живетъ въ тебѣ святой.

Ты всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ звуки
Въ душѣ своей вмѣщаешь, чародѣй!
Въ нихъ повѣсть бѣдъ, волненій и страстей,
Гимнъ радости и пѣснь любви и муки....

Все принялъ ты любовно и постигъ;
Ты въ звукахъ всю людскую эпопею
Прочувствовалъ, душой сроднился съ нею
И съ свѣточемъ во глубь ея проникъ.

О, свѣтелъ міръ мелодій и созвучій—
Міръ внутренній души твоей! Одинъ
Ты въ немъ царишь, маститый властелинъ,
Самодержавный и могучій!

А. Н. Яхонтовъ.

Псковъ.

Общество пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Отчетъ комитета Общества за іюнь, іюль и августъ мѣсяцы 1889 г.

Въ теченіе іюня, іюля и августа мѣсяцевъ 1889 года Комитетъ общества имѣлъ 5 обыкновенныхъ и 2 экстренныхъ засѣданія.

Безсрочныхъ ссудъ выдано 475 руб. (1 лицу—25 р., 1—50 р., 1—100 р. и 1—300 р.).

Единовременныхъ пособій выдано 23 лицамъ 783 р. (1—10 р., 1—13 руб.; 1—15 р., 2 по 20 р., 9 по 25 р., 1—30 р., 1—40 р., 5 по 50 руб., 1—60 руб., 1—100 р.).

На похороны жены одного писателя выдано 25 руб., на похороны одного ученаго 100 р. и на похороны одной писательницы 100 р.

Кромѣ того, въ теченіе 3-хъ названныхъ мѣсяцевъ, выдано пенсій на сумму 1,295 р., продолжительныхъ пособій на 295 р., стипендій и на воспитаніе дѣтей писателей 270 р.

Комитетъ, по просьбѣ одного писателя, входилъ въ отношеніе съ редакціею одного изданія относительно высылки гонорара и обращался къ императорскому человѣколюбивому Обществу съ просьбою о присылкѣ къ одному престарѣлому и больному писателю врача и о доставленіи ему лекарствъ безплатно. Въ обоихъ случаяхъ обращенія комитета увѣнчались успѣхомъ.

Отклонены: 14 просьбъ о пособіи (въ томъ числѣ двухъ лицъ 2 раза), 4 просьбы о безсрочной ссудѣ (въ томъ числѣ 1 лица 2 раза); два раза отклонена просьба одного лица о назначеніи пособія на обученіе его дочери, наконецъ, отклонены 2 просьбы о краткосрочныхъ ссудахъ, въ виду истощенія той части расходнаго капитала, которая назначена на краткосрочныя ссуды,

Получены пожертвованія въ капиталъ имени Салтыкова: изъ кружка литераторовъ 455 р., чрезъ г-жу Татищеву 88 руб., отъ студентовъ рижскаго политехникума 25 р., чрезъ г. Павлова-Сильванскаго изъ Елизаветполя 19 р., изъ Кіева чрезъ Синявскаго 15 р., чрезъ присяжнаго повѣреннаго Н. П. Фролова—30 р., изъ Орлова, Вятской губ.—39 р., изъ Сарапула, Вятской губ.-чрезъ Зеленина—30 руб., изъ Рязани, чрезъ В. Г. Шульгина—199 руб. и отъ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей»—23 р., чрезъ г. Астырева изъ Иркутска—48 р., а всего, въ теченіе названныхъ трехъ мѣсяцевъ, въ капиталъ имени Салтыкова поступило пожертвованій 962 р.

Пожертвованій разныхъ лицъ въ капиталъ Общества поступило 82 руб. 42 к., въ томъ числѣ, въ видѣ Дружининской копѣйки, отъ Н. Г. Мартынова 2 р. 42 к. и Я. Г. Гуревича—24 р.

Отъ великихъ князей Владиміра Александровича и Александра Александровича пожаловано 300 р.

Затѣмъ поступило: ежегоднаго пособія отъ министерства народнаго просвѣщенія 1,000 р., процентовъ съ капиталовъ общества 498 р., членскихъ взносовъ 50 р. и въ возвратъ срочныхъ ссудъ 473 р.

Комитетъ считаетъ необходимымъ объявить, что въ гимназіи А. Гуревича имѣются 2 безплатныхъ вакансіи и въ реальномъ училищѣ его-же одна вакансія, замѣщеніе которыхъ предоставлено директоромъ гимназіи и училища комитету Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Приглашая желающихъ помѣстить своихъ дѣтей на эти безплатныя вакансіи, комитетъ долженъ предупредить, что одна изъ этихъ вакансій въ гимназіи и одна въ реальномъ училищѣ предназначены директоромъ для дѣтей педагоговъ-писателей.

Предсѣдатель общества, К. К. Арсеньевъ, принимаетъ лицъ, имѣющихъ до него дѣло по дѣламъ Общества, по воскресеньямъ отъ 10½ до 12 часовъ (адресъ: Васильевск. островъ, 14 линія, д. № 23), казначей Общества А. Г. Гуревичъ принимаетъ для уплаты членскихъ взносовъ и другихъ надобностей по воскресеньямъ отъ 11 до 12 час. (уголъ Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича), секретарь В. И. Семевскій принимаетъ ежедневно отъ 5 до 6 часовъ пополудни (Васильевск. остр., 2-я линія, д. № 13, кв. 16).

былъ убитъ Лаертомъ, то «царствованіе этого короля-поэта представило бы весьма курьезное зрѣлище, которое заставило бы многихъ вспомнить съ сожалѣніемъ о временахъ короля Клавдія».— Но, не смотря на возможныя разногласія, будущій критикъ, безъ сомнѣнія, всегда отдастъ заслуженную дань уваженія живому труду г. Спасовича, его громадной эрудиціи и его рельефному языку. Будущій критикъ признаетъ, что и въ области художественнаго анализа В. Д. Спасовичъ остается такимъ же большимъ мастеромъ и выдающимся талантомъ, какъ и въ области судебнаго краснорѣчія и что къ нему самому очень часто примѣнимо то, что онъ говоритъ о Матушевичѣ, т. е., что «ему удается полусловомъ вызвать предъ нами не выписанный портретъ, но живой типъ, съ его движеніями и игрой тѣхъ нравственныхъ пружинъ, которыя побуждали его дѣйствія».

А. Ѳ. Кони.

Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова. Подъ редакціей приватъ-доцента спб. университ. И. А. Шляпкина. Въ двухъ томахъ. Изданіе И. П. Варгунина. Спб. 1889. 8º. Т. I. Прозаическія статьи и переписка. XLVIII + 472 + IV стр., съ приложеніемъ двухъ портретовъ Грибоѣдова и факсимиле его почерка. Т. II. Поэзія. 356 + II + IV стр., съ приложеніемъ портрета Грибоѣдова и нотъ. Цѣна за два тома 5 руб.

Сравнительно съ предшествовавшими, это наиболѣе полное изданіе сочиненій Грибоѣдова, но г. Шляпкинъ, назвавъ его «полнымъ собраніемъ», допустилъ это условно, такъ какъ нѣкоторыя сочиненія Грибоѣдова или утрачены вовсе, или еще не разысканы. Вмѣсто біографіи писателя, г. Шляпкинъ даетъ «хронологическую канву», составленную изъ старательно собранныхъ всевозможныхъ мелочей, относящихся до произведеній Грибоѣдова и его личности. Въ суммѣ этотъ богатый матеріалъ біографическаго и библіографическаго характера представляетъ собою ключъ къ научному изученію и оцѣнкѣ Грибоѣдова и имѣетъ большое значеніе для послѣдующаго біографа писателя. Прозаическія статьи и письма Грибоѣдова расположены въ строго хронологическомъ порядкѣ и снабжены примѣчаніями; здѣсь встрѣчаются даже оффиціальныя бумаги Грибоѣдова, написанныя имъ по разнымъ служебнымъ поводамъ. Во второмъ томѣ, кромѣ геніальной комедіи «Горе отъ ума», въ двухъ текстахъ — окончательномъ и первоначальномъ, находимъ нѣсколько стихотвореній и комедій, изъ которыхъ комедія «Студентъ», написанная совмѣстно съ П. Катенинымъ, напечатана впервые. Г. Шляпкинъ воспользовался рѣшительно всѣмъ печатнымъ матеріаломъ и въ этомъ случаѣ ему много помогло все помѣщавшееся на страницахъ «Русскаго Слова» и въ особенности «Русской Старины», давшей о Грибоѣдовѣ богатѣйшій матеріалъ въ статьяхъ покойнаго Ад. П. Берже, въ бумагахъ Ѳ. В. Булгарина и въ сообщеніяхъ различныхъ лицъ. Кромѣ того, г. Шляпкинымъ пересмотрѣны и рукописи изъ собранія Имп. публич. библіот., въ которыхъ также нашлось нѣсколько отрывковъ, принадлежащихъ перу Грибоѣдова и не бывшихъ ранѣе въ печати. Г. Шляпкинъ озаботился также очистить текстъ «Горе отъ ума» отъ произвольныхъ измѣненій издателей, хотя бы и орѳографическихъ, если же измѣненія сдѣланы самимъ авторомъ, то г. Шляпкинъ приводитъ обыкновенно и первоначальный текстъ. Вообще все это изданіе, заботливо и съ знаніемъ дѣла выполненное, весьма полезно для научнаго изученія писателя. Съ этою же цѣлью для тѣхъ, кто захотѣлъ бы спеціально изучать Грибоѣдова и заняться его біографіей, приложенъ къ первому тому очень хорошо составленный Н. М. Лисовскимъ библіографическій указатель произведеній Грибоѣдова и литературы о немъ за время съ 1814 по 1889 г.

Памятники древняго православія въ городѣ Владимірѣ-Волынскомъ. Состав. и изд. Е. Н. Дверницкій, съ рисунками. Кіевъ, 1889 г., въ 8 д., стр. 66.

Дѣльное описаніе по печатнымъ и частью по архивнымъ матеріаламъ церковной старины въ одномъ изъ самыхъ нынѣ захудалыхъ уѣздныхъ городовъ юго-западной Россіи, нѣкогда бывшемъ такимъ градомъ, котораго, по словамъ лѣтописи: «не изобрѣтахъ ни въ Нѣмеческихъ странахъ». Книга издана въ пользу Свято-Владимірскаго братства.

Ред.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцатый. ДЕКАБРЬ. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1889.

XII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го декабря 1889 г.

Сборникъ Импер. Русскаго историческаго общества. Томъ LXVI, 681 стр.; т. LXVII, 578 стр.; т. LXVIII, 741 стр., Спб. 1889. Ц. 3 р. за томъ.

Первый изъ этихъ томовъ составляетъ продолженіе серіи донесеній и другихъ бумагъ англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ (томъ VI-й) и обнимаетъ періодъ 1728—1733 гг., заключая въ себѣ донесенія Томаса Уарда, а главнымъ образомъ Клавдія Рондо. Какъ вообще дипломатическія донесенія, настоящій матеріалъ почти весь сосредоточивается на политическихъ и придворныхъ отношеніяхъ; но зато здѣсь можно найти подробныя сообщенія по извѣстному дѣлу верховниковъ, переговоры о торговлѣ съ Англіей, характеристики Бирона и русскихъ вельможъ (сюда вошла отчасти и извѣстная записка Рондо) и т. п.

Томъ LXVII составляетъ IV-ю часть политической переписки Екатерины II, а именно: за 1766 и 1767 гг., которая издается подъ наблюденіемъ барона Ѳ. А. Бюлера, при содѣйствіи В. А. Уляницкаго. Въ ряду множества политическихъ вопросовъ, затрогиваемыхъ этими матеріалами, рѣзко выдѣляются отношенія Екатерины II къ Польшѣ, на дѣлахъ которой сосредоточивается главное ея вниманіе; любопытны значительные переводы суммъ, отправленныхъ въ распоряженіе кн. Репнина; не менѣе любопытны и нѣкоторыя частности, какъ отзывъ Екатерины II по поводу переписки съ г-жею Меоренъ, письма Н. И. Панина о соч. Вольтера въ пользу диссидентовъ и т. п.

Т. LXVIII — посвященъ Екатерининской комиссіи, а именно дворянскимъ наказамъ отъ губерній: Казанской, Эстляндской, Лифляндской, Выборгской, Нижегородской, Малороссійской, Слободско-Украинской, Воронежской и Бѣлгородской. Кстати замѣтимъ, что въ «Кіевской Старинѣ» за 1888 годъ печатались наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. и акты о выборахъ депутатовъ въ комиссію сочиненія Уложенія», по рукописному сборнику Судіенко.

Кунгурскіе акты XVII вѣка (1668—1699). Изданіе А. Г. Кузнецова. Редакт. А. А. Титовъ. Спб., 1888, XXVI+292. Ц. 1 р. 50 к.

Означенное изданіе (о немъ уже былъ одинъ отзывъ ред. «Русск. Стар.») представляетъ несомнѣнный интересъ, какъ собраніе оффиціальныхъ документовъ, относящихся къ извѣстному району. Такимъ образомъ за тридцатилѣтіе мы имѣемъ приблизительно до 80 актовъ. Еще въ 1837 г. они были доставлены изъ Кунгурскаго уѣзднаго суда въ археографич. комиссію и затѣмъ описаны П. А. Мулловымъ (Лѣт. занятій арх. ком. I, 1861). Въ настоящемъ изданіи почти всѣ акты являются впервые. Послѣдніе весьма обстоятельно знакомятъ съ мѣстною администраціею, съ характеромъ управленія, съ судебными порядками, производствомъ пытокъ и т. п., съ преслѣдованіями по дѣлу о держаніи табаку (1690), состояніемъ города, взаимными отношеніями разныхъ классовъ общества, русскихъ и иностранцевъ, нравами и обычаями — вообще даютъ довольно полную картину провинціальной жизни въ одномъ изъ отдаленныхъ угловъ Россіи, насколько возможна эта полнота при однообразіи житейскихъ отношеній и потребностей. Прибавимъ къ этому, что «переписныя, дозорныя и окладныя книги г. Кунгура XVII и XVIII столѣтій» были недавно изданы на средства того же А. Г. Кузнецова П. А. Найденовымъ (Кунгуръ, матеріалы для исторіи города XVII и XVIII столѣтій, Москва, 1886).

Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси, изданный комиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевск., Подольск. и Волынск. ген.-губ. Кіевъ, 1888, LIX+322, ц. 1 р. 50 к.

Редакція настоящаго сборника принадлежитъ В. Б. Антоновичу, а по своему составу сборн. чрезвычайно разнообразенъ и въ высшей степени любопытенъ. Большая часть матеріаловъ, помѣщенныхъ въ немъ, извлечены изъ богатаго собранія рукописей библ. Оссолинскихъ во Львовѣ, заключающей въ себѣ весьма много документовъ по исторіи взаимныхъ отношеній Польши и Россіи. Изъ числа напечатанныхъ въ указанномъ изданіи особеннаго вниманія заслуживаетъ сборникъ, въ который вошли: Кіевская лѣтопись 1241—1621 гг. и Межигорская лѣтопись 1608—1700 гг. (издатель пользовался списками б. Оссолин-

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ СЕСЛАВИНЪ

ПАРТИЗАНЪ.

Приложеніе къ журналу «РУССКАЯ СТАРИНА».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 мая 1888 г. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

въ Запискахъ графа Ѳ. В. Ростопчина.

Переводъ съ французской подлинной его рукописи.

Военно-ученый архивъ главнаго штаба въ С.-Петербургѣ представляетъ богатѣйшее собраніе самыхъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ къ исторіи войнъ Россіи въ теченіе XVIII и XIX столѣтій. Весьма богатъ отдѣлъ матеріаловъ къ исторіи отечественной войны; этими матеріалами пользовались многіе изъ писавшихъ о 1812 г. и нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. покойный А. Н. Поповъ, познакомилъ читателей своихъ замѣчательныхъ монографій объ этой великой народной войнѣ, съ записками извѣстнаго главнокомандовавшаго Москвы гр. Ѳ. В. Ростопчина. Извлеченіе, сдѣланное изъ этихъ записокъ А. Н. Поповымъ, пересыпанное его критическими замѣтками, — не устраняетъ однако пользы имѣть на страницахъ нашего историческаго журнала Записки гр. Ростопчина цѣликомъ, въ сплошномъ его собственномъ разсказѣ... Имѣя благосклонное разрѣшеніе начальства главнаго штаба къ пользованію, на общемъ основаніи, историческими матеріалами названнаго архива, мы прочли помянутыя Записки гр. Ростопчина во французскомъ ихъ подлинникѣ... Это тетрадь in folio, въ 84 стр., чрезвычайно связнаго и мало-разборчиваго письма. Ив. Ив. Ореусъ, по нашей просьбѣ, озаботился переводомъ этой въ высшей степени интересной рукописи, каковой переводъ, весьма точный, мы и представляемъ нынѣ на страницахъ «Русской Старины». Копію съ подлинной рукописи мы не нашли необходимымъ снимать, такъ какъ она уже снята годъ или два тому назадъ гр. Андр. Ѳед. сыномъ гр. Ѳ. В. Ростопчина, который, безъ сомнѣнія, и озаботился уже ея изданіемъ.

Военно-ученый архивъ главнаго штаба, отд. 2, № 4525 (а), шк. 9, полка 2. Рукопись передана сюда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъ архива канцеляріи военнаго министра, вмѣстѣ съ письмами главнокомандовавшаго въ Москвѣ гр. Ростопчина о разныхъ предметахъ, относящихся до военныхъ обстоя-

тельствъ 1812 г., занятія Москвы французами и оставленія ея: всеподданнѣйшія двадцать шесть писемъ гр. Ростопчина съ 7 мая по 2 декабря 1812 г. и два письма 1813 г. Кромѣ того, два письма Ростопчина къ князю Багратіону—2 августа 1812 г., въ копіяхъ, очень характерны, но были уже въ печати, и семь писемъ его-же къ графу П. А. Толстому съ 31 іюля по 2 октября 1812 г., наконецъ, одно письмо къ гр. Н. И. Салтыкову отъ 30 іюня 1812 г.

Тутъ-же въ дѣлѣ и помянутое сочиненіе, писанное рукою гр. Ростопчина, о войнѣ 1812 г.,—рукопись на французскомъ языкѣ, писана на 42 полулистахъ (84 стр.) бѣлой толстой бумаги, съ большими полями, испещрена вставками и поправками руки графа Ѳедора Васильевича. — Всего въ дѣлѣ 127 стр. Письма всѣ были уже напечатаны покойнымъ А. Н. Поповымъ въ его извѣстныхъ очеркахъ Отечественной войны. Одинъ изъ этихъ обширныхъ и превосходнѣйшихъ очерковъ покойнаго писателя былъ напечатанъ имъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томы XVIII, XIX и XX

Гр. Ѳ. В. Ростопчинъ род. 1763 г. скончался въ Москвѣ 18-го янв. 1826 г.

Ред.

Четыре года, протекшіе со времени Тильзитскаго мира, совершенно изгладили тѣ прискорбныя впечатлѣнія, которыми поражены были умы послѣ послѣдней войны. Перестали уже бояться и вѣрить въ возможность новыхъ наступательныхъ дѣйствій со стороны Наполеона. Публика, принявъ на вѣру все, что могло льстить ея самолюбію, успокоивалась надеждами на силу имперіи, на отвагу войскъ и, въ особенности, на отдаленность и климатъ Россіи—двѣ преграды, черезъ которыя Наполеонъ никогда не осмѣлится перешагнуть. Каждое отдѣльное лицо обладало своею системою обороны, своимъ планомъ охраненія безопасности; въ каждой семьѣ имѣлся собственный герой, созданный чванствомъ, враньемъ, легковѣріемъ и пристрастіемъ къ чудесному. Немного было людей, признававшихъ, что всѣ выгоды Тильзитскаго мира были на сторонѣ Наполеона, такъ какъ онъ вынудилъ признать себя императоромъ, предписывалъ законы Европѣ, возводилъ въ званіе королей, оставилъ прусскому королю одинъ титулъ и, восторжествовавъ надъ второю коалиціею, съ двойнымъ ореоломъ славы возвратился во Францію (еще болѣе могущественнымъ, нежели ее оставилъ), питая враждебные замыслы противъ Россіи, силу которой онъ испыталъ. Счастливая звѣзда спасла его. Онъ заключилъ Тильзитскій миръ въ моментъ истощенія своихъ ресурсовъ, когда стоялъ во главѣ арміи силою, всего, въ 70 т.

человѣкъ, и когда вся Европа подстерегала лишь минуту для довершенія его гибели. Между тѣмъ, Россія, полагая конецъ войнѣ, имѣла подкрѣпленія, которыя, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, довели бы силу ея войскъ до 150 т. чел. Фридландское сраженіе разрушило всѣ предположенія русскихъ. Императоръ россійскій хотѣлъ мира, во чтобы то ни стало. Генералы, недовольные своимъ начальникомъ, утратили довѣріе къ нему; а солдаты, утомленные нерѣшительною и несчастною войною, дрались не охотно. Самъ Бенигсенъ, истомленный усталостью, вздыхалъ по отдыхѣ, для того, чтобы изготовить исторію своихъ подвиговъ и приказать выбить медаль съ собственнымъ изображеніемъ на одной сторонѣ ея, а на другой — съ надписью: «побѣдитель непобѣдимаго».

Наполеонъ, заключивъ миръ въ Тильзитѣ, предоставилъ Россіи нести бремя двухъ войнъ: со Швеціею и съ Турціею. Черезъ годъ послѣ этого, онъ вызвалъ разрывъ съ Англіею. Шведская война, къ большому неудовольствію Наполеона, закончилась миромъ въ Або, отдавшимъ Россіи всю Финляндію съ Аландскими островами и важною крѣпостью Свеаборгъ. Война съ турками все продолжалась; при каждой кампаніи назначали новаго главнокомандующаго, но результатовъ никакихъ не достигали. Турецкія арміи были разбиваемы всякій разъ, когда онѣ рисковали на бой въ открытомъ полѣ; но, по приближеніи зимы, наши опять уходили за Дунай. Каждый новый главнокомандующій составлялъ новый планъ кампаніи, цѣлью которой являлось заключеніе мира; а между тѣмъ въ Россіи, при концѣ каждаго лѣта, изумлялись не видя еще нашихъ знаменъ въ Константинополѣ, — потому что мы любили преувеличивать числительность войскъ и увѣрять себя въ томъ, что каждый генералъ равенъ Суворову. Война съ Англіею не стоила намъ ничего въ отношеніи потери людей, но она уничтожила торговлю и на 270 процентовъ понизила цѣну ассигнацій. Произошло только одно морское сраженіе, близъ Аландскихъ острововъ, въ которомъ, благодаря ошибкѣ русскаго адмирала, потерянъ былъ одинъ корабль. Онъ былъ отрѣзанъ отъ эскадры, ни за что не хотѣлъ сдаться и дрался отчаянно. Англичане, забравъ въ плѣнъ немногихъ, оставшихся на немъ людей, отослали ихъ къ русскому вице-адмиралу, а корабль зажгли.

Между тѣмъ, обширныя передвиженія наполеоновскихъ войскъ и слухи, возвѣщавшіе близкую войну, снова подняли (у насъ) ту тревогу, которую Тильзитскій миръ передалъ было государствамъ сосѣднимъ съ Франціею. Сознаніе безопасности уступило мѣсто безпокойству. Обращались другъ къ другу съ разспросами, требовали извѣстій; говорили: «что-же Наполеонъ съ ума, что-ли, сошелъ? Покорить Россію, что-ли, онъ хочетъ»? Публика волновалась, старалась проникнуть въ будущность. Каждый день ложились спать утомленными, чтобы проснуться въ безпокойствѣ.

Въ то-же время, правительство распространяло о нашихъ арміяхъ преувеличенныя свѣдѣнія, судя по коимъ, онѣ должны были, съ самаго начала войны, не только дать отпоръ намѣреніямъ противника, но и легко восторжествовать надъ нимъ. Старыя бабы возопили и стали высказывать опасеніе (раздѣляемое и людьми разумными) относительно необезпеченности пребыванія въ Москвѣ, въ виду могущихъ возникнуть безпорядковъ, мятежа и рѣзни дворянъ. Мотивы этихъ опасеній (нѣсколько преждевременныхъ) указывали на недостатокъ довѣрія къ правителю города, фельдмаршалу Гудовичу. То былъ честнѣйшій въ мірѣ человѣкъ, достигшій фельдмаршальскаго званія благодаря тому, что всю жизнь провелъ на службѣ, не имѣвшій за собою никакой военной репутаціи, необразованный, ограниченнаго ума, кичившійся своимъ чиномъ и мѣстомъ, вполнѣ состоявшій подъ властью и вліяніемъ своего брата и своего врача — двухъ безстыдныхъ плутовъ, которые думали лишь объ извлеченіи всевозможныхъ выгодъ изъ того вліянія, которое они имѣли на престарѣлаго фельдмаршала.

При такомъ состояніи Россіи, наканунѣ войны, долженствовавшей либо обезпечить за нею торжество, либо сковать ей цѣпи, я рѣшился поѣхать въ Петербургъ, чтобы предложить свои услуги государю,— не указывая и не выбирая какого либо мѣста, или какой нибудь должности, а съ тѣмъ лишь, чтобы онъ дозволилъ мнѣ состоять при его особѣ. Единственному сыну моему только что исполнилось 17 лѣтъ. Государь, пріѣзжая въ 1809 г. въ Москву, былъ столь милостивъ, что назначилъ его камеръ-пажемъ. Я не хотѣлъ лишать его счастія служить, защищать свое отечество и гордиться этимъ весь остатокъ дней своихъ, если бы мы остались побѣдителями,—или же погибнуть вмѣстѣ, если-бъ мы были побѣждены и покорены.

Государь принялъ меня очень хорошо. При первомъ свиданіи, онъ мнѣ долго говорилъ о томъ, что рѣшился на-смерть воевать съ Наполеономъ,—что онъ полагается на отвагу своихъ войскъ и на вѣрность своихъ подданныхъ. Онъ принялъ предложеніе мое состоять при его особѣ. Сынъ мой произведенъ поручикомъ въ гусары, и я оставался четыре недѣли въ Петербургѣ, часто видя государя, или за его обѣденнымъ столомъ, или въ его кабинетѣ.

Черезъ пять дней послѣ моего прибытія, г. Сперанскій, къ великому изумленію всего общества, былъ высланъ (изъ столицы). Такъ какъ онъ палъ жертвою темной интриги, никогда порядкомъ не разъясненной, то исчезновеніе его подавало право предполагать, что открыта измѣна. Этотъ Сперанскій былъ сыномъ сельскаго священника и учился въ семинаріи. Одаренный большимъ умомъ и легкостью письменнаго изложенія, онъ выработалъ себѣ такой слогъ, который обратилъ на него вниманіе. Состоя въ званіи секретаря, послѣдовательно, при нѣсколькихъ министрахъ юстиціи, онъ, при восшествіи на престолъ императора Александра, былъ возведенъ въ статсъ-секретари и удостоенъ высочайшаго довѣрія; ему поручено было редактировать новый кодексъ, равно какъ всѣ акты, указы и рескрипты, исходившіе изъ кабинета государя. Когда его сослали въ Нижній Новгородъ, онъ былъ уже тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. Общество, которымъ онъ себя окружилъ, и явное покровительство, оказываемое имъ лицамъ своего сословія, навлекли на него ненависть дворянства, съ удовольствіемъ узнавшаго о его паденіи. Низверженіе его приписывали В. К. К. и кн. О.,—да и меня заставили играть роль въ этой исторіи—меня, который былъ однимъ изъ наиболѣе изумленныхъ, когда узналъ на другой день о его высылкѣ. Я полагаю до сихъ поръ, что Сперанскій былъ удаленъ по наговорамъ гг. Балашова и Армфельда, пожертвовавшихъ имъ въ удовлетвореніе мнимаго общественнаго мнѣнія [1]). Оба названные господина, пользовавшіеся въ эту эпоху большимъ довѣріемъ, хотѣли утвердиться еще болѣе въ своемъ положеніи, удаливъ

[1]) См. по этому поводу весьма интересныя «Записки де-Санглена» въ «Русской Старинѣ», изд. 1882 г., томъ XXXVI, стр. 443 — 498; изд. 1883 г., т. XXXVII, стр. 1—46, 375—394, 539—578; т. XL, стр. 137—150. Ред.

соперника, опаснаго для нихъ по своимъ способностямъ и по привычкѣ государя къ его работамъ. Между тѣмъ, фактическое послѣдствіе злоязычія было, къ несчастію, таково, что Сперанскій прослылъ за преступника, за предателя своего царя и отечества, и что люди простаго сословія замѣняли его именемъ имя Мазепы, которое есть эпитетъ измѣнника.

По прошествіи двухъ недѣль со времени моего прибытія въ Петербургъ, который я долженъ былъ оставить черезъ недѣлю, для отъѣзда въ Москву, а оттуда въ Вильну, въ главную квартиру его величества, государь, послѣ обѣда, позвалъ меня въ свой кабинетъ и, сказавъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, предложилъ мнѣ мѣсто московскаго генералъ-губернатора, при чемъ особенно напиралъ на важность этого поста при настоящихъ обстоятельствахъ и на пользу, доставляемую моею службою. Такъ какъ я вовсе не ожидалъ такого предложенія, то сталъ говорить о трудностяхъ, соединенныхъ съ этимъ мѣстомъ, и, наконецъ, попросилъ, передъ тѣмъ, чтобы рѣшиться, дать мнѣ одинъ день на размышленіе. Государь согласился на это.

Въ тотъ же день я видѣлъ В. К. К. [1]) и кн. О., который сказалъ мнѣ, что государь наканунѣ пріѣзжалъ провести съ ними вечеръ и выражалъ, что затрудняется въ выборѣ преемника фельдмаршалу Гудовичу, котораго не хотѣлъ оставлять (на занимаемомъ мѣстѣ), по причинѣ его старости и слабости. В. К., относившаяся ко мнѣ всегда весьма добродушно и дружелюбно, назвала ему меня, и государь тотчасъ же рѣшился и благодарилъ ее за эту мысль, котсрую назвалъ счастливою. Узнавъ, что я отказываюсь отъ этого поста, В. К. и кн. О. начали настаивать на принятіи мною мѣста, становящагося самымъ важнымъ въ Россіи во время войны. В. К., будучи живаго характера, даже немножко разсердилась, когда я заявилъ, что предпочелъ бы сопровождать императора въ моментъ, когда всѣмъ благороднымъ и честнымъ людямъ слѣдуетъ быть около его особы. На другой день я отправился къ государю, чтобы извиниться передъ нимъ и просить о принятіи во вниманіе причинъ, по которымъ я отказываюсь отъ мѣста московскаго генералъ-губернатора. Государь сталъ настаивать, наговорилъ мнѣ кучу комплиментовъ, прибѣгнулъ къ ласкательству,

[1]) Великая княгиня Екатерина Павловна? Ред.

какъ то дѣлаютъ всѣ люди, когда они нуждаются въ комъ нибудь или желаютъ чего либо, а наконецъ, видя, что я плохо поддаюсь его желанію, прямо сказалъ: „Я того хочу". — Это уже было приказаніемъ, и я, повинуясь ему, уступилъ. Такъ какъ лица, которыхъ считали нужными, въ большинствѣ случаевъ, ломались и, ничего еще не сдѣлавъ, желали оцѣнки ихъ будущихъ трудовъ, просили денежныхъ наградъ, лентъ, чиновъ и т. п.,—то я взялъ на себя смѣлость потребовать отъ государя, чтобы мнѣ лично ничего не было дано, такъ какъ я желалъ еще заслужить тѣ милости, которыми августѣйшій его родитель, въ свое царствованіе, осыпалъ меня; но, съ другой стороны, (просилъ) принимать во вниманіе мои представленія въ пользу служащихъ подъ моимъ начальствомъ чиновниковъ. Нѣтъ надобности говорить, что на просьбу эту послѣдовало милостивое согласіе,—такъ легко ничего не давать и не ломать головы надъ придумываніемъ, чѣмъ бы можно было удовлетворить того или другаго человѣка, часто для того, чтобы сдѣлать его неблагодарнымъ.

Въ теченіи послѣднихъ дней, проведенныхъ мною въ Петербургѣ, я два раза приходилъ работать съ государемъ. Я представилъ ему на воззрѣніе нѣсколько имѣвшихся въ виду перемѣнъ и проектовъ. Онъ все одобрилъ и ни за что не хотѣлъ давать мнѣ особой инструкціи. Мѣсто генералъ-губернатора Москвы почти независимо. Въ руководство онъ долженъ принимать лишь правила управленія, установленныя въ царствованіе императрицы Екатерины, гдѣ его обязанности, обстановка и власть приравнены были къ таковымъ же у всѣхъ прочихъ генералъ-губернаторовъ. Одинъ лишь кн. Волконскій, занимавшій это мѣсто въ эпоху Пугачевскаго бунта, имѣлъ неограниченныя полномочія, дарованныя ему въ силу обстоятельствъ; но, при назначеніи ему преемника, привиллегія эта была отнята. Во время моего управленія Москвою, многія лица думали, и до сихъ поръ думаютъ, что у меня были подписанные (государемъ) бланки; но они ошибаются, такъ какъ государь никогда и никому таковыхъ не давалъ. И это въ немъ заслуживаетъ похвалы; потому что сколько людей было, которые злоупотребляли своею властью, не имѣя на то предварительнаго согласія, черезъ подпись государя. Между государемъ и мною условлено было, что

назначеніе мое останется подъ секретомъ, до смѣны фельдмаршала (Гудовича), хотя объ этомъ ему уже намекали. Министръ полиціи Балашовъ, съ разрѣшенія государя, былъ объ этомъ поставленъ въ извѣстность. Мнѣ надо было условиться съ нимъ относительно формы сношеній.

Передъ отъѣздомъ своимъ, государь издалъ указъ, которымъ, на время его отсутствія, опредѣлялся образъ управленія имперіею. Онъ ввѣрялъ оное комитету министровъ, а дѣла особой важности—другому, верховному комитету, гдѣ должны были засѣдать: фельдмаршалъ гр. Салтыковъ, кн. Лопухинъ и генер. Вязьмитиновъ, главнокомандующій петербургскій, которому было поручено и министерство полиціи, на время отсутствія Балашова, обязаннаго сопровождать государя въ армію.

Набросаю портреты этихъ лицъ, которыя, по мѣсту, ими занимаемому, должны были управлять Россіею въ продолженіе готовой начаться войны, исхода коей никто не могъ предвидѣть. Непріятель былъ грозенъ, силы у него исполинскія, планы колоссальные; но Россія, предоставленная собственнымъ средствамъ, обладала, для борьбы съ Наполеономъ, тремя весьма вѣрными союзниками, то были: разстоянія, обширность (территоріи) и климатъ.

Фельдмаршалъ гр. Салтыковъ, старый, болѣзненный, существующій лишь при помощи аптечныхъ средствъ — пользовался нѣкотораго рода фаворомъ въ продолженіе трехъ царствованій сряду. При Екатеринѣ онъ былъ вице-президентомъ (военной коллегіи) и военнымъ министромъ, и она ввѣрила ему воспитаніе обоихъ своихъ внуковъ: Александра и Константина. При Павлѣ онъ оставался военнымъ министромъ. Онъ сопровождалъ его во время заграничнаго путешествія, въ 1781 и 1782 гг., и былъ произведенъ въ фельдмаршалы въ день восшествія его на престолъ. При Александрѣ онъ продолжалъ сохранять свои воспитательскія права и хотя хорошо былъ извѣстенъ своему воспитаннику, но постоянно поддерживалъ свое положеніе при помощи мелкихъ интригъ, изъ которыхъ умѣлъ извлекать пользу. Человѣкъ этотъ, будучи очень умнымъ, обладая большими познаніями и привычкою къ дѣламъ, оказывался совершенно безполезнымъ, вслѣдствіе своего малодушія и фальшивости. Ни разу въ жизни своей онъ не сказалъ „да“ или „нѣтъ“, и мнѣніе его въ дѣлахъ

равнялось нулю, такъ какъ онъ никогда онаго не высказывалъ, а выработалъ себѣ непонятный образъ выраженій. Жадный къ деньгамъ и скупой, онъ составилъ бы себѣ громадное состояніе, если бы имѣлъ немного той энергіи, которая нужна какъ великимъ героямъ, такъ и великимъ разбойникамъ.

Кн. Лопухинъ, дворянинъ стариннаго рода, очень бѣдный, оставилъ службу съ чиномъ полковника и женился гдѣ-то въ провинціи на довольно богатой наслѣдницѣ. Императрица Екатерина осталась весьма довольна оберъ-полиціймейстеромъ Архаровымъ, во время своего пребыванія въ Москвѣ, куда она прибыла въ 1775 г., для празднованія (Кучукъ-) Кайнарджійскаго мира, и просила Архарова доставить ей кого-либо, кто походилъ бы на него въ смыслѣ усердія и дѣятельности. Лопухинъ, другъ Архарова, указанный имъ императрицѣ, тотчасъ же былъ опять взятъ на службу и назначенъ оберъ-полиціймейстеромъ въ Петербургъ. По производствѣ въ генералъ-маіоры, онъ назначенъ былъ гражданскимъ губернаторомъ въ Москву, а когда достигъ генералъ-лейтенантскаго чина, получилъ мѣсто генералъ-губернатора ярославскаго и вологодскаго, на которомъ и оставался до восшествія на престолъ Павла. Должность генералъ-губернаторовъ была упразднена. Кн. Безбородко, сдѣлавшійся помимо своей воли, любовникомъ г-жи Лопухиной, устроилъ назначеніе ея мужа сенаторомъ въ московскіе департаменты и испросилъ ему, во время коронаціи, орденъ св. Александра Невскаго. Императоръ Павелъ, замѣтивъ одну изъ дочерей Лопухина, которая кокетничала съ нимъ, вообразилъ себя влюбленнымъ въ нее и, чтобы имѣть дочь около себя, вызвалъ отца въ Петербургъ, назначилъ его генералъ-прокуроромъ, пожаловалъ ему голубую ленту, а когда прибыла остальная семья его, онъ подарилъ ему отличный домъ, великолѣпный сервизъ, имѣніе, приносящее 200,000 дохода, возвелъ его въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости, украсилъ его своимъ портретомъ,—все это въ теченіи 9-ти мѣсяцевъ. Но когда Лопухинъ замыслилъ смѣнить лицъ, окружающихъ Павла, креатурами собственнаго выбора, то сломалъ себѣ шею, подалъ въ отставку и, испытавъ равнодушіе со стороны собственной дочери, сталъ проживать въ Москвѣ. Въ началѣ царствованія императора Александра, онъ поѣхалъ за границу, откуда его вызвали, чтобы

снова быть министромъ юстиціи. Это мѣсто онъ занималъ въ продолженіе пяти лѣтъ и окончилъ назначеніемъ въ предсѣдатели государственнаго совѣта. Трудно быть болѣе способнымъ, нежели этотъ человѣкъ. Съ обширнымъ умомъ въ немъ соединяется глубокая прозорливость и умѣнье легко работать. Онъ вкрадчивъ, льстивъ, притворно простодушенъ, большой любитель прекраснаго пола (который пользуется у него крупнымъ вліяніемъ), лѣнивъ и фальшивъ до крайности. Умъ, пороки и терпѣніе этого человѣка поддерживали его кредитъ и доставили ему средства привязать къ себѣ множество лицъ, которымъ онъ оказывалъ услуги и на поведеніе которыхъ глядѣлъ равнодушно.

Вязьмитиновъ, сынъ солдата, пробился въ канцелярію фельдмаршала Чернышева, имѣвшаго важную способность находить и формировать талантливыхъ людей. Онъ сдѣлался его адъютантомъ, а потомъ служилъ въ арміи. Служба была не блестящая, но почтенная. При восшествіи на престолъ императора Павла, онъ былъ губернаторомъ въ Пензѣ; но государь помѣстилъ его въ военную коллегію, во главѣ комиссіи, которой поручена была экипировка арміи. При императорѣ Александрѣ I онъ былъ военнымъ министромъ, а потомъ, во время войны, главнокомандующимъ въ Петербургѣ, что доставило ему голубую ленту, а наконецъ и графскій титулъ, начавшійся и окончившійся въ его лицѣ, такъ какъ онъ не оставилъ послѣ себя дѣтей. Вязьмитиновъ былъ человѣкъ весьма умный, любитель изящныхъ искусствъ, пріятный музыкальный композиторъ, хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ, весьма усидчиво и легко работалъ, былъ честенъ и имѣлъ многія качества для того, чтобы оказаться выдающимся государственнымъ человѣкомъ; но у него недоставало твердости; манеры и обхожденіе его отзывались его происхожденіемъ. Ему слишкомъ долго приходилось употреблять усилія, чтобы поставить себя на высоту тѣхъ важныхъ должностей, которыя выпали на его долю тогда, когда онъ уже состарѣлся.

Составъ министерства былъ слѣдующій:

Графъ Николай Румянцевъ, министръ иностранныхъ дѣлъ. Онъ былъ вторымъ сыномъ знаменитаго фельдмаршала, получилъ весьма тщательное воспитаніе, путешествовалъ въ сопровожденіи Гримма—литератора и довѣреннаго человѣка императрицы Екатерины; онъ былъ ея посланникомъ во Франкфуртѣ, аккредито-

ваннымъ при находившихся въ Кобленцѣ французскихъ принцахъ [1]). При Павлѣ онъ былъ оберъ-мундшенкомъ и имѣлъ голубую ленту. Императоръ Александръ назначилъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ и канцлеромъ за Абосскій миръ. Онъ находился въ Парижѣ, послѣ Эрфуртскихъ конференцій; сопровождалъ государя въ Вильну, былъ тамъ пораженъ параличемъ и возвратился въ Петербургъ. Румянцевъ былъ человѣкъ свѣтскій, съ манерами вельможи. Политика его въ отношеніи Наполеона сводилась къ двумъ пунктамъ: 1) выигрывать время; 2) избѣгать войны. Публика, постоянно пребывающая покорнѣйшимъ слугою клеветы и послушнымъ эхомъ глупости, глядѣла на него какъ на человѣка, преданнаго Наполеону и жертвующаго ему интересами Россіи; но для отраженія этой клеветы достаточно вспомнить имя, которое онъ носитъ, его привязанность къ государю и возвышенность его души.

Гурьевъ, министръ финансовъ. Человѣкъ умный, весьма любезный въ тѣсномъ кружкѣ, не имѣющій другаго образованія, кромѣ умѣнья свободно объясняться по-французски, интриганъ и честолюбецъ въ высшей степени; относитъ все къ самому себѣ; обремененъ дѣлами, которыми занимается въ полу-дремотѣ; столь-же грузенъ тѣломъ, сколько тяжелъ на работу; великій охотникъ до лакомыхъ блюдъ и до новостей въ административномъ мірѣ; легко поддается на проекты; всѣмъ жертвуетъ своему желанію удержаться въ милости и увеличить свое состояніе.

Графъ А. Р. (графъ Алексѣй Кирилловичъ Розумовскій), министръ народнаго просвѣщенія. Человѣкъ обширныхъ ума и познаній; эгоистъ и лѣнивъ до крайности; дѣла его разстроены, не смотря на громадное богатство. Онъ оставилъ службу еще при императрицѣ Екатеринѣ, и опять вступилъ въ нее въ 1811-мъ г., чтобы получить чинъ и нѣсколько орденовъ, которыхъ недоставало его честолюбію.

Маркизъ де-Траверсе, родомъ изъ Сенъ-Доминго; былъ офицеромъ во время французской революціи; въ русскую службу

---

[1]) См. въ «Русской Старинѣ» обзоръ переписки Гримма съ гр. Николаемъ и Сергѣемъ Румянцевыми, сообщенной въ наше изданіе покойнымъ гр. Д. А. Толстымъ. «Русск. Старина», изд. 1889 г., т. LXI, стр. 435—458. Ред.

поступилъ въ царствованіе Екатерины, съ чиномъ капитана, и дошелъ до вице-адмиральскаго чина. Онъ былъ министромъ послѣ Чичагова. Человѣкъ былъ ничтожный, не имѣвшій ни собственной воли, ни собственнаго мнѣнія; занятый сколачиваніемъ себѣ состоянія, посредствомъ подрядовъ; ненавидимый морскими офицерами и терпящій побои отъ своей жены.

Дмитріевъ, гвардейскій офицеръ, уволенный въ отставку во времена императрицы Екатерины; въ началѣ царствованія Павла былъ обвиненъ какъ заговорщикъ, но, признанный невиновнымъ, опредѣленъ въ гражданскую службу, съ большими преимуществами. Изъ московскихъ сенаторовъ онъ, въ 1810 г., былъ назначенъ министромъ юстиціи. Человѣкъ этотъ могъ-бы быть существомъ болѣе полезнымъ, нежели былъ на самомъ дѣлѣ; но — онъ поэтъ и состоитъ подъ властью своего воображенія; весьма щекотливъ; въ обществѣ тяжелъ, и весьма ревниво относится къ значенію своего сана. Онъ оставилъ службу съ пенсіею въ 10 тыс. руб. и принялъ на себя, въ Москвѣ, обязанности директора тайной полиціи.

Ген.-лейтенантъ кн. Горчаковъ, назначенъ былъ временно исправляющимъ должность военнаго министра, за отсутствіемъ ген. Барклая-де-Толли, который долженъ былъ принять главное начальство надъ арміями. Этотъ кн. Горчаковъ, по матери своей, племянникъ великаго Суворова, а по женѣ—фельдмаршала Салтыкова — былъ человѣкомъ ничтожнымъ, воображалъ себя красавчикомъ, важничалъ, предоставлялъ всѣ дѣла своему секретарю, проводилъ время въ интригахъ, для того, чтобы снискать благоволеніе при дворѣ и подцѣпить какую-нибудь награду. Онъ притворялся подражателемъ своего дяди, генералиссимуса Суворова, держа рѣчи солдатамъ, рекрутамъ и больнымъ въ госпиталяхъ.

* * *

Въ концѣ марта, я вернулся въ Москву, а въ началѣ апрѣля, государь оставилъ Петербургъ, чтобы ѣхать въ Вильну. Гвардія уже находилась тамъ, и теперь ожидали результата обширныхъ приготовленій, слухи о коихъ еще преувеличивали, для того, чтобы успокоить народъ и наиболѣе робкихъ изъ дворянства. Мнѣ передали записку, въ которой наши силы, подъ начальствомъ Барклая и Багратіона, доводились до 380 тыс. чел.;

между тѣмъ какъ во время перехода Наполеона черезъ Нѣманъ, у перваго (т. е. у Барклая) было только 104 тыс., а у втораго (кн. Багратіона) 73 тыс. чел. — Не смотря на всеобщее безпокойство, всѣ старались заглушать въ себѣ это чувство, какъ могли, и бахвальствомъ подавляли размышленіе. Всего хуже было, что недовольные и трусы обвиняли государя въ томъ, что онъ причиною близкой гибели Россіи, потому что не хотѣлъ предупредить или избѣжать третьей войны съ противникомъ, который уже дважды побѣждалъ его. Я слышалъ странныя выходки; нѣкоторые господа доходили до такой степени возбужденія, что превозносили до небесъ добродѣтели императора Павла и сожалѣли о времени его царствованія. Фельдмаршалъ Гудовичъ не принималъ противъ этого никакихъ мѣръ и воображалъ себѣ, что успокоиваетъ общество, обнадеживая, что, если-бы государь поручилъ ему (Гудовичу) начальство надъ войсками, то армія Наполеона была-бы уничтожена въ одинъ мѣсяцъ. По его словамъ, онъ имѣлъ на то средства; но, къ сожалѣнію, онъ унесъ свой секретъ съ собою въ могилу и во все продолженіе войны проживалъ въ своихъ украинскихъ помѣстьяхъ. Въ городѣ знали, что фельдмаршалъ просилъ объ увольненіи, а такъ какъ мое назначеніе было не извѣстно, то каждый указывалъ генералъ-губернатора по своимъ соображеніямъ и желаніямъ. Наконецъ, 6-го іюня, прибылъ курьеромъ нѣкій г. Брокаръ, сопровождавшій сына моего до Вильны. Онъ привезъ мнѣ извѣстіе о приказѣ, которымъ я переводился въ военную службу съ чиномъ генерала отъ инфантеріи и назначался военнымъ губернаторомъ въ Москву. Фельдмаршалъ Гудовичъ призывался къ засѣданію въ государственный совѣтъ и получилъ, въ знакъ благоволенія, портретъ государя.

Городъ, повидимому, былъ доволенъ моимъ назначеніемъ. Мнѣ было 47 лѣтъ, я пользовался отличнымъ здоровьемъ и высказалъ, съ самаго начала, большую дѣятельность, — что было новостью; потому что всѣ предшественники мои были старцы. Я сразу сдѣлался популярнымъ, благодаря доступности ко мнѣ. Я сдѣлалъ объявленіе, что каждый день, отъ 11 час. до полудня, принимаю всѣхъ и каждаго, и что тѣ, кто имѣетъ мнѣ сообщить нѣчто важное, могутъ являться ко мнѣ во всякій часъ.

Въ день моего водворенія (въ новой должности) я приказалъ

отслужить молебны передъ всѣми иконами, которыя считаются чудотворными и пользуются большимъ уваженіемъ у народа. Я выказывалъ большую учтивость къ тѣмъ лицамъ, которымъ приходилось имѣть дѣло со мною. Я снискалъ благоволеніе старыхъ сплетницъ и ханжей, приказавъ убрать гробы, служившіе вывѣсками магазинамъ, ихъ поставлявшимъ. Также приказалъ я снять афишки и объявленія, наклеенныя на стѣнахъ церквей. Два утра были для меня достаточны для того, чтобы пустить пыль въ глаза и убѣдить большинство московскихъ обывателей въ томъ, что я неутомимъ и что меня видятъ повсюду. Мнѣ удалось внушить такое мнѣніе о моей дѣятельности тѣмъ, что я въ одно и то же утро появлялся въ самыхъ отдаленныхъ (другъ отъ друга) кварталахъ и оставлялъ тамъ слѣды моей справедливости или моей строгости. Въ этотъ-же первый день я приказалъ посадить подъ арестъ офицера, приставленнаго къ раздачѣ пищи въ военномъ госпиталѣ, за то, что не нашелъ его въ кухнѣ въ часъ завтрака. Я возстановилъ права одного крестьянина, которому вмѣсто 30-ти ф. соли отпустили только 25; я отправилъ въ тюрьму чиновника, завѣдывавшаго постройкою моста на судахъ; я входилъ повсюду, говорилъ со всякимъ; я узналъ много такого, чѣмъ потомъ воспользовался. Переодѣтый въ гражданское платье, я загонялъ двѣ пары лошадей, а въ 8 час. утра появлялся у себя, въ мундирѣ, и готовымъ приняться за работу.

Главныя изъ состоявшихъ подъ моимъ начальствомъ лица были слѣдующія:

Тайный совѣтникъ Обрѣзковъ, гражданскій губернаторъ; человѣкъ очень умный, тонкій и хорошо знающій общество. Службу оставилъ еще при императорѣ Павлѣ, и снова вступилъ въ нее, чтобы подвинуться впередъ. Хотя онъ еще былъ довольно молодъ, но здоровье его было разстроено безсонными ночами, проведенными за карточною игрою, въ которой ему очень везло. Онъ былъ чрезвычайно лѣнивъ; но критическое положеніе, въ которомъ мы находились, вырвало его изъ апатіи, и онъ, въ теченіи 1812-го и 1813-го годовъ, выказалъ дѣятельность, принесшую большую пользу.

Вице-губернаторъ Арсеньевъ, не лишенъ былъ способностей, но отупѣлъ отъ злоупотребленія крѣпкими напитками, и я, въ концѣ 1813-го года, принужденъ былъ смѣнить его.

Гессе, военный комендантъ города, нѣмецъ темнаго происхожденія. Онъ поступилъ унтеръ-офицеромъ въ морскіе баталіоны, которые императоръ Павелъ, будучи еще великимъ княземъ, формировалъ въ Гатчинѣ; а потомъ, подвигаясь впередъ по службѣ, дошелъ до чина генералъ-лейтенанта и исправлялъ должность московскаго коменданта въ продолженіе 20 лѣтъ. Это былъ человѣкъ прекраснѣйшій, честный, безпристрастный и заботившійся, главнымъ образомъ, о соблюденіи внѣшнихъ формъ; но онъ былъ годенъ для дѣла лишь до 6-ти час. вечера, послѣ чего всецѣло поглощался трубкою и пуншемъ.

Начальникъ московскаго гарнизоннаго полка, Брозинъ—человѣкъ ничтожный, съ которымъ я имѣлъ постоянныя столкновенія вслѣдствіе его грабительствъ и его весьма опредѣленной наклонности брать съ полка что только могъ.

Начальникъ полиціи, генералъ-маіоръ Ивашкинъ,—человѣкъ честный, но слишкомъ кроткій, состоявшій подъ вліяніемъ жены, боязливый и плохаго здоровья, но точный въ исполненіи приказаній.

Архіепископъ Августинъ,—человѣкъ, имѣвшій большія познанія въ греческомъ и латинскомъ языкахъ. Онъ обладалъ крупнымъ ораторскимъ талантомъ и одаренъ былъ краснорѣчіемъ кроткимъ и пріятнымъ. Благочестія у него было немного. Въ обществѣ онъ выказывался человѣкомъ свѣтскимъ, а духовенство уничижалъ своею грубостью. Онъ не былъ равнодушенъ . . . . и обладалъ большимъ числомъ племянницъ, которыя видались съ нимъ за-просто, во всякіе часы.

Предводитель дворянства, Арсеньевъ—толстый, сластолюбивый человѣкъ и покорнѣйшій слуга генералъ-губернатора.

1-й полиціймейстеръ, полковникъ Волковъ—слишкомъ умный для своего мѣста и соскучившійся занятіями; состоялъ на замѣчаніи, какъ членъ тайныхъ обществъ; жизнь велъ безпорядочную и очень развратную, все разсчитывалъ въ свою выгоду и не стѣснялся относительно средствъ.

2-мъ полиціймейстеромъ былъ Дурасовъ, гвардіи полковникъ, —болѣзненный, ограниченный, но очень честный человѣкъ.

3-мъ полиціймейстеромъ былъ полковникъ Брокаръ, которому я далъ это мѣсто, чтобы имѣть кого либо надежнаго. Онъ имѣлъ рѣшительное отвращеніе ко всякимъ интригамъ, обманамъ и

мошенникамъ. Онъ обладалъ особенною способностію въ изысканіи средствъ для того, чтобы открыть или распутать какое либо дѣло. Неоднократно доказывалъ онъ свое безкорыстіе и, въ теченіи нѣкотораго времени, считался вѣрнымъ и усерднымъ слугою.

Директоромъ канцеляріи моей былъ молодой человѣкъ, сынъ сенатора Рунича. Онъ былъ уменъ, образованъ и имѣлъ привычку къ дѣламъ; но любилъ проводить вечера за картами и виномъ. Я удержалъ его (при себѣ), какъ и всѣхъ прочихъ, которыхъ нашелъ въ управленіи; ибо мое правило было таково, что перемѣнить всегда успѣешь, что бываютъ (люди) и похуже, и что можно извлекать пользу изъ человѣка хотя порочнаго, но умнаго, который примѣняетъ поведеніе свое къ поведенію начальника и нерѣдко измѣняетъ оное изъ страха, раскаянія или разсчета.

Къ себѣ лично я взялъ, въ качествѣ секретарей, гг. Булгакова и Ильина. Первый получилъ отличное воспитаніе и хорошо учился. Онъ служилъ въ званіи секретаря посольства при нѣскольких дворахъ. Я оказывалъ ему сначала довѣріе, а потомъ и дружбу. Онъ былъ сыномъ человѣка высокихъ достоинствъ, бывшаго при Екатеринѣ посланникомъ въ Константинополѣ и посломъ въ Варшавѣ.

Ильинъ былъ поэтъ и драматическій писатель. У него было больше воображенія, нежели ума и здраваго смысла; но онъ прилагалъ большое усердіе къ исполненію своихъ обязанностей и былъ особенно ко мнѣ привязанъ.

* * *

Самая Москва, съ теченіемъ времени, сдѣлалась городомъ священнымъ для русскихъ. Всѣ важнѣйшіе вельможи, за старостію дѣлавшіеся неспособными къ работѣ, или разочарованные, или уволенные отъ службы, пріѣзжали мирно доканчивать свое существованіе въ этомъ городѣ, къ которому всякаго тянуло или по его рожденію, или по его воспитанію, или по воспоминаніямъ молодости, играющимъ столь сильную роль на склонѣ жизни. Каждое семейство имѣло свой домъ, а наиболѣе зажиточные—имѣніе подъ Москвою. Часть дворянства проводила зиму въ Москвѣ, а лѣто въ ея окрестностяхъ. Туда пріѣзжали, чтобы веселиться, чтобы жить со своими близкими, съ родственниками и современниками. Дѣтямъ давали тамъ приличное вос-

питаніе и пользовались преимуществами (жизни), которыя только и представлялись въ столицѣ; потому что въ губернскихъ городахъ проживали только чиновники да купцы, а слѣдовательно и не представляли они никакой приманки для профессоровъ и учителей. Весною, въ концѣ февраля, бѣднѣйшіе дворяне, какъ и самые богатые, оставляли городъ для деревни—частію, по привычкѣ, частію по наклонности, а всего чаще изъ экономіи. Эта эмиграція дворянства оставляла за собою сильную пустоту въ городѣ и уменьшала на одну треть его населеніе, доходившее зимою до 300 т. Ничего не могло быть великолѣпнѣе баловъ въ домѣ дворянскаго собранія, гдѣ можно было видѣть до 2,000 персонъ, богато или нарядно одѣтыхъ, — но все это окончилось вмѣстѣ съ царствованіемъ Екатерины.

Роскошь, которою окружало себя дворянство, представляло нѣчто особенное: тутъ являлось великолѣпіе рядомъ съ нищетою. Такъ напр., встрѣчались огромные дворцы, одна часть которыхъ блистала богатымъ убранствомъ, а въ другой недоставало мебели;—громадныя залы, множество гостиныхъ и отсутствіе внутреннихъ покоевъ для хозяина и хозяйки дома. Численность домашней прислуги почти всегда не соотвѣтствовала имущественнымъ средствамъ владѣльца. Всѣ эти служители помѣщались въ домѣ съ ихъ женами и дѣтьми, и представляли собою видъ колоніи. Послѣ смерти гр. Алексѣя Орлова, въ палатахъ его оказалось 370 чел. [1]). При всемъ этомъ, услуженіе было весьма плохое; часть этихъ людей была довольно порядочно одѣта, другая ходила оборванною; бездѣлье располагало ихъ къ безпорядочности и, разсчитывая одинъ на другаго, никто изъ нихъ не хотѣлъ заниматься работою. Единственными обязанностями своими они считали: пить, ѣсть и спать. Лакеи, камердинеры, кучера, конюхи, музыканты, пѣвчіе, горничныя и прачки — всѣ имѣли свой обѣдъ и ужинъ дома. Жили они, приблизительно, какъ на кораблѣ, переполненномъ войсками. Естественнымъ послѣдствіемъ такого столпленія людей былъ развратъ, и барскій домъ

[1]) Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, побѣдитель при Чесьмѣ, ближайшій другъ императрицы Екатерины II, скончался въ 1807 г. Дочь его, графиня Анна Алексѣевна, извѣстна своимъ ханженствомъ и покровительствомъ архимандриту Фотію (Спасскому). Ред.

изображалъ собою, одновременно, подобіе тюрьмы, воспитательнаго дома, кануры и харчевни. Число лошадей соотвѣтствовало числу прислуги; дворянинъ, имѣвшій не болѣе 20 т. дохода, держалъ на конюшнѣ около 20-ти лошадей, которыхъ плохо кормили, плохо чистили и которыя назначались для того, чтобы возить хозяевъ проживавшихъ у нихъ пріятелей, гувернеровъ и гувернантокъ, состоящихъ при дѣтяхъ. При отъѣздѣ въ деревню, конюшня эта подкрѣплялась еще лошадьми, которыхъ приказывали приводить изъ своего помѣстья. Штукъ 20, 30 и даже до 50-ти лошадей увозили за московскія заставы эти караваны, состоявшіе изъ господъ и прислуги; причемъ первые попрекали себя за то, что въ четыре мѣсяца промотали весь годовой доходъ.

Между тѣмъ, эта же Москва, — таковая, какъ я только что ее описалъ,—всегда внушала нѣкоторую къ себѣ отчужденность со стороны своихъ государей. Петръ I-й, желая преобразовать націю, удалился изъ своей древней столицы, дабы не встрѣчать сильной оппозиціи въ исполненіи своихъ предначертаній. Справедливость требуетъ сказать, что событія, происходившія во времена его дѣтства и несовершеннолѣтія, неизбѣжно должны были внушить ему отвращеніе къ городу, гдѣ жизнь его нѣсколько разъ подвергалась опасности и откуда стрѣльцы принудили его искать спасенія въ бѣгствѣ. Но при каждомъ вступленіи на престолъ, новый государь пріѣзжалъ короноваться въ московскій соборъ, при пышной обстановкѣ, и тутъ изливалъ милости на своихъ новыхъ подданныхъ. Царица Анна, вызванная изъ Курляндіи царить надъ Россіею, обнаружила явныя доказательства своего нерасположенія къ Москвѣ. Елисавета пріѣзжала туда иногда, но долго тамъ не оставалась. Петръ III не успѣлъ даже короноваться, такъ какъ царствованіе его продолжалось всего шесть мѣсяцевъ. Екатерина вѣнчалась тамъ на царство; затѣмъ пріѣхала туда въ 1765 г., чтобы совершить путешествіе водою до Казани; въ 1775 г. она оставалась нѣсколько времени въ Москвѣ, чтобы отпраздновать торжество заключенія мира съ Отоманскою Портою; въ 1785 г. по совершеніи водной прогулки до Новгорода, она явилась въ Москву и 4 дня прожила въ загородномъ, такъ называемомъ, Петровскомъ дворцѣ, находящемся въ разстояніи одного льё отъ заставы; въ 1787 г., возвращаясь изъ своего путешествія въ Крымъ, она останавливалась тутъ

на десять дней. Императоръ Павелъ очень любилъ Москву по причинѣ находящихся въ ней историческихъ воспоминаній и памятниковъ. Кремль былъ его любимымъ мѣстомъ. Онъ короновался тамъ въ 1797 г., и на слѣдующій годъ опять пріѣхалъ туда. Императоръ Александръ, послѣ коронованія своего, пріѣзжалъ туда изъ Твери, въ 1809 г., вмѣстѣ съ великою княгинею Екатериною, и давалъ великолѣпныя празднества.

Не смотря на жившее въ государяхъ чувство отчужденія къ ихъ древней столицѣ, они, изъ политическихъ видовъ, относились къ ней самымъ внимательнымъ образомъ. Генералъ-губернаторомъ Москвы былъ всегда кто нибудь изъ прежнихъ главнокомандующихъ, а часто и фельдмаршалъ. Онъ имѣлъ право сноситься непосредственно съ государемъ; домъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ лучшимъ въ городѣ; для домашняго употребленія онъ имѣлъ великолѣпную посуду отъ двора. Въ военное время, каждый разъ, когда надо было извѣщать о побѣдѣ, отправлялся изъ Петербурга курьеръ съ рескриптомъ генералъ-губернатору, заключавшимъ въ себѣ лестныя для Москвы выраженія. При каждомъ восшествіи на престолъ, посылался туда кто либо изъ выдающихся офицеровъ, чтобы возвѣстить объ этомъ событіи. Управленіе городомъ и губерніею требовало не много труда и еще менѣе бдительности. Изобиліе господствовало безъ малѣйшаго вмѣшательства администраціи. Причиною тому—запасы всякаго рода хлѣба, которымъ страна изобилуетъ и который привозятъ (въ увѣренности, что выиграютъ на его цѣнѣ) въ количествѣ бо̀льшемъ, чѣмъ нужно для потребленія. Народъ велъ себя смирно; дворянство было покорно, хотя иногда предавалось болтливости и фрондерству.

* * *

Но Москва, въ 12 лѣтъ, совершенно перемѣнилась. Жили тамъ и думали уже по другому. Войны, которыя велись въ Италіи и Германіи, нарушили старинныя привычки и ввели новые обычаи. Гостепріимство—одна изъ русскихъ добродѣтелей—начало исчезать, подъ предлогомъ бережливости, а въ сущности вслѣдствіе эгоизма. Расплодились трактиры и гостинницы, и число ихъ увеличивалось по мѣрѣ увеличенія трудности являться къ обѣду незваннымъ, проживать у родственниковъ или пріятелей. Эта перемѣна повліяла и на многочисленность слугъ, которыхъ

удерживали (еще) изъ чванства, или изъ-за привычки видѣть ихъ. Важныхъ баръ, подобныхъ Долгорукимъ, Голицынымъ, Волконскимъ, Еропкинымъ, Панинымъ, Орловымъ, Чернышевымъ и Шереметевымъ, больше уже не было. Съ ними исчезъ и тотъ вельможескій бытъ, который они сохраняли съ начала царствованія Екатерины. Она (императрица) имѣла много причинъ, чтобы бережно обращаться съ этими господами, которые играли роль въ государствѣ, или по заслугамъ своимъ, или по богатству, или по авторитету надъ всѣми членами своей семьи, — что доставляло имъ множество приверженцевъ и великій почетъ.

Когда, въ 1812 г., я получилъ свое назначеніе, важнѣйшими особами изъ проживавшихъ въ Москвѣ были:

Генералъ кн. Г. Долгорукій, — человѣкъ, занятый увеличеніемъ своего состоянія всякаго рода средствами: онъ былъ откупщикомъ отъ казны по продажѣ хлѣбнаго вина; содержалъ, пополамъ съ женою одного русскаго актера, общественныя бани и пробовалъ даже производить уплаты фальшивыми наполеоновскими ассигнаціями,—чему я, однако, тотчасъ-же положилъ предѣлъ. Онъ жилъ домосѣдомъ и оказывалъ протекцію развратнымъ людямъ, которыхъ часто ссужалъ деньгами. Домъ его обратился въ игорный вертепъ, содержимый его дочкою, кн. Горчаковою— женщиною съ потерянною репутаціею. Его щадили отчасти изъ-за преклонныхъ лѣтъ и изъ-за фельдмаршала Салтыкова, которому онъ приходился своякомъ.

Ген. Архаровъ, великій болтунъ, подленькій и низкопоклонный, но человѣкъ добродушный и довольно любимый, за ласковый пріемъ, который оказывалъ всѣмъ безъ разбора. Онъ не имѣлъ собственнаго мнѣнія и передъ властью держался не иначе, какъ на четвереренькахъ.

Ген. Апраксинъ, сынъ фельдмаршала, командовавшаго, въ продолженіе одного года, русскою арміею во время 7-ми-лѣтней войны. Молодость его была блестящая; онъ имѣлъ успѣхъ у женщинъ и пользовался преимуществами, доставляемыми ему его наружностію, его богатствомъ и быстрымъ служебнымъ повышеніемъ, такъ какъ онъ произведенъ въ полковники 23-хъ лѣтъ отъ роду, будучи записанъ гвардіи сержантомъ при самомъ своемъ рожденіи. Онъ обѣщалъ много, но не сдержалъ обѣщанія. Хвастунъ, фрондеръ, характера низкаго и трусливаго— онъ

служилъ при трехъ правительствахъ и всегда велъ себя дурно. Оставивъ службу, онъ пустился въ разныя предпріятія, для приведенія дѣлъ своихъ въ порядокъ. Онъ женился на кн. Голицыной, мать коей, благодаря своей назойливости, нахальству и притязательности, добилась того, что внушила почтеніе всей публикѣ, заставила себя бояться и даже сдѣлать кавалерственною дамою, хотя была лишь женою бригадира. Дочь ея (г-жа Апраксина) охотно подражала своей матери и добивалась своего права на преемство. Ген. Апраксинъ основался въ Москвѣ, имѣлъ тамъ большой домъ, скудно обставленный; онъ много интриговалъ на всѣхъ выборахъ, откуда, кромѣ стыда, ничего не выносилъ. Онъ являлся постояннымъ врагомъ и хулителемъ всякаго московскаго генералъ-губернатора, потому что льстилъ себя надеждою замѣнить его.

Г. Обольяниновъ, который при Павлѣ дошелъ до голубой ленты и до званія генералъ-прокурора. Человѣкъ безъ воспитанія, безъ познаній, горланъ, имѣвшій смѣшную жену и державшій свой домъ открытымъ для мелкаго дворянства.

Гр. Марковъ, поселившійся въ Москвѣ за окончаніемъ своего посланничества въ Парижѣ. Онъ никогда не живалъ въ этомъ городѣ и являлся тамъ какъ бы иностранцемъ, желающимъ натурализироваться.

Гр. Кутайсовъ, родомъ турокъ; при Павлѣ достигъ изъ камердинеровъ до званія оберъ-шталмейстера и до голубой ленты. Основавшись въ Москвѣ, онъ велъ тамъ жизнь мѣщанина во дворянствѣ, никакъ не справляясь съ приведеніемъ въ порядокъ своего состоянія, которое его пугало, и укрываясь подъ тѣнью своей связи съ кн. Лопухинымъ, дочь коего была замужемъ за его сыномъ.

Г. Валуевъ, главный директоръ Кремлевской экспедиціи— самый низкопоклонный изъ всѣхъ льстецовъ, погрязшій въ долгахъ, занимающійся шпіонствомъ и прибѣгающій къ обманамъ и шарлатанству для того, чтобы заставить вѣрить въ значеніе, коимъ онъ пользуется. Онъ съ покорностію переносилъ униженія, которымъ подвергался; льстиво ползалъ передъ генералъ-губернаторомъ, пока тотъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, и становился его заклятымъ врагомъ, когда тотъ сходилъ съ занимаемаго имъ поста.

Кн. Юсуповъ, тогда уже бывшій въ отставкѣ, — человѣкъ умный, любитель искусствъ, женщинъ и шутовъ. Онъ только и дѣлалъ, что бѣгалъ, чтобы ускользнуть отъ скуки; обладалъ большимъ богатствомъ, имѣлъ множество слугъ, ненужныхъ любовницъ, попугаевъ и обезьянъ.

За исключеніемъ кн. Долгорукова и ген. Апраксина, я жилъ въ добромъ согласіи съ остальными. Я нашелъ, что кн. Долгоруковъ заслуживаетъ слишкомъ большаго презрѣнія и пересталъ бывать у него. Что касается ген. Апраксина, то, послѣ долголѣтнихъ пріятельскихъ отношеній, мы съ нимъ ссорились нѣсколько разъ. Я нисколько не стѣснялся въ своей манерѣ держать себя. Я зналъ, что не подамъ никакого повода къ жалобамъ, и къ тому же я разсчитывалъ на трехъ благонадежныхъ помощниковъ, т. е. на гордость, на глупость и на низость. Небольшая награда, данная или обѣщанная,—угроза или отличіе всегда зажимали ротъ у недовольныхъ. Когда ожидали государя, тогда и тонъ перемѣнялся. Начинали спозаранку добиваться какой-либо награды, выставляли па видъ свои права дѣйствительныя или выдуманныя, настаивали на поддержаніи ихъ. Всѣ (эти лица) стремились утолить свою жажду въ источникѣ милостей. Въ этомъ они держались искошнаго правила, говоря: царь милостивъ; все только отъ его воли зависитъ. Но такъ какъ нельзя оказывать милостей всѣмъ, то избранныхъ оказывалось мало, а это, послѣ каждаго пребыванія государя (въ Москвѣ), подавало поводъ къ новымъ неудовольствіямъ и безконечнымъ жалобамъ, прекращавшимся лишь при извѣстіи о его возвращеніи.

* * *

Я очень хорошо видѣлъ, что Москва подаетъ примѣръ всей Россіи и старался всѣми силами пріобрѣсти и довѣріе и любовь ея жителей. Ей подобало служить регуляторомъ, маякомъ, источникомъ электрическаго тока. Дабы лучше обезпечить общественное спокойствіе, я твердою рукою взялся за исполненіе правилъ относительно гостинницъ, трактировъ и ресторановъ, гдѣ люди праздные, развратные и множество лицъ темнаго свойства проводили цѣлыя ночи за игрою, попойками, надувательствами, погрязали въ развратѣ и пропадали окончательно. Дворянству и буржуазіи очень нравились эти мѣры, служившія препятствіемъ противъ соблазна прислуги, прикащиковъ и купеческихъ сын-

ковъ. Исключивъ изъ службы одного квартальнаго надзирателя, заставлявшаго мясниковъ ежедневно поставлять ему 60 ф. говядины, я на цѣлую треть понизилъ цѣны на мясо. Я объявилъ полицейскимъ офицерамъ, которыхъ было 300 человѣкъ, что я ничего не спущу имъ даромъ, и что они не должны надѣяться скрыть отъ меня свои плутни, такъ какъ знаютъ, что я говорю со всякимъ городскимъ обывателемъ и что всякому открытъ свободный доступъ ко мнѣ. Только три раза пришлось мнѣ употребить крутыя мѣры—и это было еще очень счастливо, потому что корпусъ полицейскихъ офицеровъ состоялъ почти цѣликомъ изъ людей испорченныхъ и негодяевъ, дурно оплачиваемыхъ, презираемыхъ и съ малою надеждою на повышеніе по службѣ. Было лишь 20 квартальныхъ надзирателей, должность коихъ состояла больше на виду. Но къ этой должности понапрасну стремились мелкіе чиновники, такъ какъ генералъ-губернаторы помѣщали на нее лишь людей, которымъ хотѣли оказать протекцію.

Въ третью ночь послѣ вступленія моего въ должность я былъ очень пріятно пробужденъ курьеромъ, присланнымъ изъ Вильны. То былъ адъютантъ министра полиціи. Государь сообщалъ мнѣ о заключеніи мира съ турками, приказывалъ объявить объ этомъ по городу, отслужить благодарственные молебны, но празднества, обыкновенно бывающіе при такихъ случаяхъ, до времени отложить. Извѣстіе это приняли тѣмъ съ большею радостію, что дунайская армія дѣлалась свободною для дѣйствій противъ Наполеона. Должно полагать, что Порта доведена была до послѣдней крайности, если заключила миръ, по которому уступала Россіи лѣвый берегъ Дуная, съ Измаиломъ, Киліею, Акерманомъ, Бендерами и Хотиномъ. Новая граница находилась въ разстояніи всего 24-хъ в. (6 лье) отъ Яссъ, главнаго города Молдавіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что миръ могъ-бы быть заключенъ гораздо ранѣе между визиремъ и ген. Кутузовымъ, но послѣдній, будучи убѣжденъ въ томъ, что ему не дадутъ ничѣмъ командовать, и, пренебрегая посылаемыми ему настоятельными приказаніями, счелъ за лучшее — затягивать переговоры; но когда узналъ, что на смѣну его назначенъ адмиралъ Чичаговъ, онъ не захотѣлъ предоставить ему чести окончанія войны и, въ теченіи трехъ дней, заключилъ миръ.

Народъ, повсюду невѣжественный и болѣе или менѣе суе-

вѣрный, счелъ назначеніе мое добрымъ предзнаменованіемъ и прозвалъ меня счастливцемъ. Три недѣли уже стояли жары, заставлявшія опасаться неурожая, подобнаго прошлогоднему; но въ тотъ самый день, когда вѣсть о моемъ назначеніи достигла Москвы, выпалъ дождь и оживилъ раскаленную солнцемъ землю. Къ дождю присоединилось (теперь) извѣстіе о заключеніи мира съ турками. Благодаря этимъ двумъ событіямъ, на меня очень благопріятно начали смотрѣть всѣ тѣ, которые вѣрятъ, что звѣзда одного человѣка можетъ вліять даже на атмосферическія явленія.

Наконецъ, 7-го іюня, прибылъ курьеръ со всѣми воззваніями, манифестами и т. п., относящимися до войны, имѣвшей начаться. Такъ какъ мы пошли на встрѣчу ей и стояли противъ непріятеля, то отступать уже было нельзя. Государь требовалъ отъ московскихъ дворянства и купечества субсидіи въ милліонъ рублей на покупку воловъ, и сумма эта внесена была немедленно и вполнѣ охотно. Черезъ три дня послѣ этого, нѣсколько полковниковъ, отправленныхъ изъ главной квартиры въ Малороссію, для сформированія тамъ уланскихъ полковъ, распустили слухъ, будто послѣ перехода черезъ Нѣманъ, Наполеонъ тотчасъ же занялъ Вильну и что главную квартиру нашу чуть было не захватили тамъ врасплохъ. Такое начало было дурно. Извѣстіе, къ несчастію, оказывалось справедливымъ, и такъ какъ я ничѣмъ не могъ его опровергнуть, то прибѣгнулъ къ средству, котораго держался и во все продолженіе этой войны. Средство состояло въ томъ, чтобы, при каждомъ дурномъ извѣстіи, возбуждать сомнѣнія относительно его достовѣрности. Этимъ ослаблялось (дурное) впечатлѣніе; а прежде чѣмъ успѣвали собрать доказательства, вниманіе опять поражалось какимъ нибудь (новымъ) событіемъ, и снова публика начинала бѣгать за справками.

Я прекратилъ дѣятельность полу-дюжины шпіоновъ, стоившихъ довольно дорого, такъ какъ признавалъ ее безполезною при такихъ обстоятельствахъ, когда всѣ выражали страхъ и все общество пребывало въ недоумѣніи. Но мнѣ важно было знать, какое впечатлѣніе производилось военными событіями на умы. Въ этомъ отношеніи мнѣ хорошо прислуживали три мелкіе агента. Переодѣвшись, они постоянно таскались по улицамъ, примѣши-

ваясь къ толпѣ, въ изобиліи собиравшейся по гостинницамъ и трактирамъ. Затѣмъ они приходили отдавать мнѣ отчетъ и получали кой-какія наставленія, чтобы распространять тотъ или другой слухъ по городу, или чтобы подбодрять народъ и ослаблять впечатлѣніе, произведенное какимъ нибудь недобрымъ извѣстіемъ.

Въ числѣ непріятныхъ занятій я долженъ поставить на первое мѣсто тотъ несчастный аэростатъ, съ которымъ было столько возни и который игралъ большую роль въ историческихъ романахъ, трактовавшихъ о заговорѣ для сожженія Москвы. Вотъ въ чемъ состояла исторія этого воздушнаго шара, оставшагося на землѣ, и его негодяя-автора. Русскій дипломатическій агентъ, Алопеусъ, доложилъ государю, по прибытіи его въ Вильну, что одинъ офицеръ виртембергской службы сообщилъ ему, Алопеусу, объ открытіи тайны управленія полетомъ аэростата, и что тотъ шаръ, который онъ предполагаетъ устроить, будетъ поднимать 50 человѣкъ въ своей гондолѣ, подъ которой (можно будетъ) привѣсить большой ящикъ, наполненный порохомъ и горючими веществами; ящикъ этотъ можно будетъ сбросить на избранное для этого мѣсто и произвести страшные взрывы и истребленіе. Офицеръ этотъ требовалъ безусловнаго соблюденія тайны и предлагалъ свои услуги имп. Александру, изъ ненависти (какъ онъ говорилъ) къ Наполеону и для того, чтобы уничтожить этого завоевателя. Предложеніе его было принято, и онъ, подъ именемъ Шмидта, направленъ былъ къ гражданскому губернатору Обрѣзкову, который помѣстилъ его въ одномъ деревенскомъ домѣ, въ двухъ лье отъ Москвы, пустивъ слухъ, что тутъ будетъ фабрика для приготовленія новыхъ пушечныхъ лафетовъ. Этотъ Шмидтъ привелъ съ собою многихъ нѣмецкихъ рабочихъ и просилъ меня дать ему еще нѣсколько человѣкъ, которые бы работали подъ его начальствомъ. Къ дому этому пришлось поставить сильный караулъ, не столько для поддержанія въ немъ порядка, сколько для того, чтобы прекратить всякое сообщеніе съ городомъ и препятствовать множеству любопытныхъ праздношатающихся ходить туда. Этотъ Шмидтъ увѣрялъ меня, что дѣлалъ опытъ надъ маленькимъ аэростатомъ, что опытъ этотъ отлично удался и что это гарантируетъ несомнѣнный успѣхъ большому шару. Когда онъ объяснилъ мнѣ

теорію (конструкціи) этого удивительнаго шара, то я возразилъ ему, что тяжесть груза сломаетъ пружины, — и я не ошибся; потому что при двукратныхъ опытахъ съ маленькими привязными аэростатами, пружины не выдержали и сломались при первомъ движеніи весла. Онъ приписалъ это дурному качеству стали,—я досталъ ему лучшаго сорта, англійскую, которая тоже сломалась. Наконецъ, онъ потребовалъ такую сталь, изъ какой дѣлаются математическіе инструменты. Купили все, что могли найдти, а опытъ не имѣлъ успѣха. За сутки до вступленія французовъ въ Москву, я отправилъ этого Шмидта въ Петербургъ, вмѣстѣ съ его рабочими и съ его огромнымъ тафтянымъ аэростатомъ. Тамъ хотѣли было возобновить его затѣю, дѣлали опыты въ Ораніенбаумѣ, – но успѣха никогда не было. Мнѣ разсказывали, что онъ вернулся въ Германію, гдѣ нѣкоторые купцы сдѣлались жертвами его обмана, повѣривъ, что аэростатъ станетъ переносить товары. Этотъ Шмидтъ стоилъ (намъ) 320 т. рублей, а зажигательные матеріалы, которые найдены (французами) въ занимаемомъ имъ домѣ, были съ жадностью захвачены, какъ точное доказательство того, что тутъ была лабораторія, гдѣ изготовлялись ракеты для сожженія Москвы.

Наиболѣе занимались въ городѣ извѣстіями объ укрѣпленномъ лагерѣ при Дриссѣ. Одни видѣли въ немъ преграду, которая остановитъ Наполеона; другіе занимались соображеніями, какъ обезпечить существованіе запертой въ немъ 300-тысячной арміи. Люди, понимавшіе дѣло, ничего въ этомъ не могли постигнуть. Что касается меня, то я не находилъ никакихъ причинъ къ тому, чтобы, при самомъ началѣ войны, обречь всю армію на бездѣйствіе, запереться и предоставить всю страну непріятелю, который могъ направляться куда ему вздумается. Вскорѣ затѣмъ узнали, что Дрисса была оставлена, и что мысль о томъ, чтобы у ней укрѣпиться, принадлежала нѣкоему Пфулю, пруссаку, бывшему офицеромъ еще при Фридрихѣ Великомъ, а затѣмъ генералъ-лейтенантомъ русской арміи и дававшему уроки тактики императору Александру. Такъ какъ московское общество очень склонно къ подозрительности и щедро на эпитеты, то бѣдный Пфуль былъ первымъ, котораго объявили предателемъ. Въ то же время я узналъ отъ одного изъ служившихъ подъ начальствомъ Багратіона, что, при началѣ военныхъ дѣйствій, въ

его арміи было подъ ружьемъ всего 68 т. чел., а въ арміи Барклая 104 т. Зная геніальность Наполеона при дѣйствіяхъ большими массами, и (зная) что мы можемъ противопоставить ему лишь половину его силъ, я льстилъ себя надеждою, что Смоленскъ можетъ остановить его и что онъ первую кампанію остановитъ на берегахъ Днѣпра. Я чувствовалъ потребность дѣйствовать на умы народа, возбуждать въ немъ негодованіе и подготовлять его ко всѣмъ жертвамъ для спасенія отечества. Съ этой-то поры я началъ обнародовать афиши, чтобы держать городъ въ курсѣ событій и военныхъ дѣйствій. Я прекратилъ выпускъ ежедневно появлявшихся разсказовъ и картинокъ, гдѣ французовъ изображали какими-то карликами, оборванными, дурно вооруженными и позволяющими женщинамъ и дѣтямъ убивать себя.

Мною получено было, по эстафетѣ, письмо отъ генерала Вязьмитинова, которому государь повелѣлъ сообщить мнѣ свою высочайшую волю, чтобы высланъ былъ изъ Москвы въ Пермь, подъ надзоръ властей, докторъ фельдмаршала Гудовича, по фамиліи Сальваторъ — бывшій брадобреемъ въ Римѣ, шарлатаномъ въ Константинополѣ, эмпирикомъ въ Персіи (въ свитѣ генерала Гарданова), и справедливо подозрѣваемый въ шпіонствѣ. Докторъ этотъ испросилъ и уже получилъ свой паспортъ для выѣзда изъ страны. Черезъ нѣсколько дней онъ уже долженъ былъ уѣхать. Арестовали его ночью, на его же квартирѣ, увезли (изъ города) и захватили его бумаги, доказывавшія, что съ нимъ поступили слишкомъ снисходительно, ограничившись ссылкою.

* * *

Жена моя только что вернулась изъ Петербурга, куда ѣздила для свиданія съ родственниками. Мы поселились на моей дачѣ, вблизи одной изъ заставъ, гдѣ, по наружности, вели жизнь довольно спокойную. Такъ продолжалось до 7-го іюля. Вечеромъ, садясь въ карету, я увидѣлъ скачущаго во весь опоръ оберъ-полиціймейстера, съ генералъ-адъютантомъ кн. Трубецкимъ, который былъ присланъ курьеромъ. Онъ передалъ мнѣ пакетъ отъ государя, заключавшій воззваніе его къ Москвѣ и извѣстіе о скоромъ его прибытіи въ стѣны ея. Долго разспрашивалъ я посланца, дабы убѣдиться, что наши арміи не въ конецъ разбиты. Онъ увѣрялъ меня, что даже и сраженія не было, но что Багра-

тіонъ, будучи отдѣленъ отъ Барклая, маневрируетъ для соединенія съ нимъ, и что это (соединеніе) послѣдуетъ, вѣроятно, подъ Смоленскомъ. Онъ (Трубецкой) посланъ былъ изъ Великихъ-Лукъ, а государь намѣревался выѣхать оттуда на другой день, съ небольшою лишь свитою, и остановиться только на день въ Смоленскѣ, чтобы организовать тамъ сборъ ополченія. Засѣлъ я за работу, провелъ ночь безъ сна, повидалъ и призывалъ къ себѣ множество лицъ; приказалъ напечатать воззваніе (государя), а вмѣстѣ съ тѣмъ и афишу для народа, въ моемъ вкусѣ, и на другой день обыватели Москвы узнали, что государь пріѣзжаетъ туда. Слогъ воззванія былъ хорошо принаровленъ къ обстоятельствамъ; секретарь царскій Шишковъ удачно придумалъ, сообразилъ и выразилъ побужденія, цѣль и надежды государя, отправляющагося въ древнюю столицу своей страны для совѣщанія со своими подданными и изысканія средствъ къ тому, чтобы остановить и побѣдить грознаго врага. Дворянство было польщено такою довѣренностью и воспламенилось усердіемъ; купеческое сословіе изъявило готовность къ пожертвованіямъ; простой же народъ казался равнодушнымъ, потому что не допускалъ и мысли о томъ, что Наполеону можно будетъ войдти въ Москву. Причиною такой неразумной увѣренности было то, что въ теченіи 100 лѣтъ непріятельская нога не попирала русской почвы, и что (по его мнѣнію) Наполеону придется кончить тѣмъже, чѣмъ и Карлу XII, подъ Полтавою. Бородачи постоянно повторяли однѣ и тѣ же слова: «Ему (Наполеону) насъ не покорить, потому что для этого пришлось-бы всѣхъ насъ перебить».

На слѣдующій день пріѣхали ко мнѣ два курьера: одинъ отъ государя, съ предложеніемъ мнѣ встрѣтить его на первой станціи по Смоленской дорогѣ, куда онъ разсчитывалъ прибыть въ 3 ч. пополудни. Другой курьеръ, адъютантъ гр. Аракчеева, привезъ мнѣ ратификацію мирнаго трактата съ Портою. Я приказалъ предупредить кн. Трубецкаго, что ѣду встрѣчать государя; онъ прибылъ ко мнѣ и мы отправились вмѣстѣ, послѣ завтрака. Въ этотъ день стояла прекрасная погода, и мы видѣли множество народа, шедшаго на встрѣчу его величества. Я ожидалъ его прибытія на станцію до 5 час. вечера. Въ одномъ изъ домовъ приготовлена была закуска. Онъ пробылъ со мною цѣлый часъ, съ глазу на глазъ, и очень хвалилъ меня за тѣ пріемы, кото-

рыхъ я держался, чтобы внушить довѣріе всѣмъ московскимъ обывателямъ. Онъ говорилъ о войнѣ, не обвинялъ никого въ дурныхъ дѣйствіяхъ, казался увѣреннымъ въ соединеніи армій Барклая и Багратіона и нисколько не казался унылымъ, но былъ спокоенъ и въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ освѣдомлялся о расположеніи умовъ и сообщилъ мнѣ свою мысль относительно обращенія къ дворянству, для набора людей (въ ополченіе). Сначала онъ хотѣлъ поселиться въ Слободскомъ дворцѣ, находящемся на одной изъ окраинъ города; но потомъ, вслѣдствіе замѣчанія моего, что болѣе подобало бы ему быть въ Кремлѣ, во дворцѣ своихъ предковъ и въ центрѣ Москвы, онъ изъявилъ согласіе на это. Онъ поглядѣлъ на мои эполеты и сказалъ, что на нихъ недостаетъ чего-то, а именно, его вензеля, — то было отличіемъ, особенно выдающимся, дарованнымъ лишь обоимъ главнокомандующимъ. Къ этому онъ еще прибавилъ: «мнѣ любо быть у васъ на плечахъ».

Съ нимъ (государемъ) пріѣхали: гр. Аракчеевъ, оберъ-гофмейстеръ гр. Толстой, министръ полиціи Балашовъ, секретарь Шишковъ, флигель-адъютанты: кн. Волконскій, Трубецкой и Комаровскій. Узнавъ, что въ свитѣ его находится и баронъ Штейнъ, я распорядился такъ, чтобы послѣдній, подъ предлогомъ недостатка въ лошадяхъ, прибылъ въ Москву нѣсколькими часами позже. Сдѣлалъ я это во вниманіе къ сильно укоренившемуся мнѣнію, что всѣ иностранцы—наши враги и шпіоны. Государь повелѣлъ мнѣ быть (въ Москвѣ) за часъ ранѣе его прибытія, и хотѣлъ пріѣхать туда около полуночи, чтобы избѣжать толпы любопытныхъ, ожидавшихъ его у дороги, намѣревавшихся отпречь лошадей и везти на себѣ его карету въ кремль. Мысль эта перешла отъ народа и къ болѣе высокимъ классамъ, и я зналъ, что нѣкоторыя лица, украшенныя орденами, намѣревались отправиться къ заставѣ и—по усердію ли, по глупости-ли—обратиться въ четвероногихъ.

На разстояніи двухъ лье отъ города, дорога была усѣяна съ обѣихъ сторонъ группами мужчинъ и женщинъ, вышедшихъ изъ города встрѣчать царя и отдыхавшихъ, сидя и лежа, на берегу канавъ. Я ѣхалъ въ дрожкахъ (открытый экипажъ), и дорога эта, постоянно мнѣ памятная, произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Ночь была чудная, небо ясное, въ воздухѣ никакого

колебанія, тишина величественная. Луна проливала свой свѣтъ на страну многолюдную, богатую и счастливую. Въ каждомъ селѣ, находившемся на дорогѣ, священники въ церковныхъ одѣяніяхъ, съ крестомъ въ рукѣ и въ сопровожденіи людей, несшихъ зажженныя свѣчи, выходили изъ храмовъ, чтобы благословить царя на его пути. Эти свѣчи, эти священники, ихъ появленіе — все это поражало воображеніе, волновало чувства и порождало множество мыслей, которыя, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, покрывались (какъ бы) черною дымкой. На сердцѣ была тяжесть, въ душѣ смятеніе, умъ въ тревогѣ. Эти процессіи напоминали собою похороны; при видѣ ихъ, невольно хотѣлось поднимать глаза къ небу, чтобы прочесть тамъ будущность и грядущую судьбу своего отечества.

Государь, около полуночи, прибылъ въ Кремль, гдѣ всѣхъ уже нашелъ спящими, такъ какъ, по недоразумѣнію, его ожидали въ другомъ дворцѣ. На другой день, съ самаго разсвѣта, большая площадь до такой степени переполнилась любопытными, что сверху видны были однѣ головы. Московскій народъ рѣдко наслаждался присутствіемъ своихъ государей и очень жаждалъ ихъ видѣть. Въ этотъ день, въ главномъ соборѣ должно было, послѣ литургіи, совершаться благодарственное молебствіе по случаю заключенія мира съ Отоманскою Портою. Государь отправился въ церковь, и встрѣченъ былъ на паперти епископомъ Августиномъ, викаріемъ митрополита Платона. Послѣдній удалился въ небольшой монастырь, построенный имъ въ 60-ти верстахъ (15 лье) отъ Москвы; онъ имѣлъ уже нѣсколько параличныхъ припадковъ, такъ что даже очень плохо владѣлъ языкомъ. Болѣзненное состояніе это не помѣшало ему прислать, изъ своего уединенія, икону св. Сергія, съ приложеніемъ прекраснаго посланія, въ которомъ онъ предсказывалъ государю славное окончаніе войны, сравнивая его съ пастыремъ Давидомъ, а Наполеона—съ Голіафомъ. Но то были другія времена. Наполеонъ не принялъ бы (подобнаго) вызова и не такой былъ человѣкъ, чтобы дать убить себя изъ пращи. При выходѣ изъ собора народъ до такой степени столпился и стѣснилъ государя, что онъ долженъ былъ остановиться, чтобы дать толпѣ возможность отодвинуться и очистить ему мѣсто. Такое неудобство было устранено посредствомъ мостковъ, которые я приказалъ

устроить нѣсколькими футами выше мостовой и которые соединяли дворцовое крыльце съ соборною папертью. Государь сдѣлалъ пріемъ епископу Августину и украсилъ его орденомъ св. Александра Невскаго. При дворѣ былъ большой обѣдъ, къ которому приглашены знатнѣйшія въ городѣ лица, высшее духовенство и сенаторы.

Государь учредилъ, подъ предсѣдательствомъ моимъ, комитетъ, членами коего были: Аракчеевъ, Балашовъ и Шишковъ, для установленія правилъ организаціи московской милиціи, которой дали наименованіе московскаго ополченія. Она должна была быть составлена изъ людей, которыхъ владѣльцы и помѣщики представятъ добровольно. Офицеры, уволенные изъ службы, могли вступать въ ополченіе съ прежнимъ чиномъ и носить военный мундиръ. Гражданскіе чиновники, имѣвшіе классные чины, соотвѣтствующіе военнымъ, теряли одинъ изъ нихъ, надѣвая мундиръ. Начальникъ этого ополченія долженъ былъ быть избранъ московскимъ дворянствомъ. Комитетовъ должно было составиться два: въ одномъ записывались и выдавались квитанціи тѣмъ, которые представляли ополченцевъ; въ другомъ же записывались и выдавались квитанціи жертвующимъ деньги, съѣстные припасы или одежду. Государь одобрилъ нашу работу; назначилъ членами 1-го комитета генераловъ: Архарова, Апраксина и Обольянинова—какъ наиболѣе выдающихся, и придалъ имъ, кромѣ того, московскаго гражданскаго губернатора Обрѣзкова и предводителя дворянства Арсеньева. 2-й комитетъ составленъ былъ изъ князей: Юсупова, Долгорукова, Голицына. Я, въ качествѣ генералъ-губернатора, былъ предсѣдателемъ обоихъ комитетовъ.

Слѣдующій день былъ назначенъ государемъ для сообщенія своихъ намѣреній дворянству и купечеству, которыя собраны были къ полудню въ залахъ Слободскаго дворца. Ночью я узналъ (и это было подтверждено мнѣ и на другой день утромъ), что нѣкоторыя лица, принадлежавшія къ обществу мартинистовъ, сговорились между собою, чтобы, когда государь предложитъ собранію наборъ ратниковъ,—поставить ему (государю) вопросы: каковы силы нашей арміи?—какъ сильна армія непріятельская? какія имѣются средства для защиты? и т. п. Намѣреніе было дерзкое, неумѣстное и опасное при (тогдашнихъ) обстоятельствахъ;

но на счетъ исполненія его я вовсе не испугался, зная, что (указанные) господа столь же храбры у себя дома, сколько трусливы внѣ его. Я преднамѣренно и неоднократно говорилъ при всѣхъ, что надѣюсь представить (государю) зрѣлище собранія дворянства вѣрнаго, и что я буду въ отчаяніи, если кто либо изъ неблагонамѣренныхъ людей нарушитъ спокойствіе и забудется въ присутствіи своего государя,—потому что такой человѣкъ, прежде окончанія того, что̀ захотѣлъ бы сказать, начнетъ весьма далекое путешествіе. Дабы сообщить болѣе вѣроятія такимъ (моимъ) рѣчамъ, я приказалъ поставить невдалекѣ отъ дворца двѣ повозки, запряженныя почтовыми лошадьми, и подлѣ нихъ прохаживаться двумъ полицейскимъ офицерамъ, одѣтымъ по курьерски. Если кто либо изъ любопытныхъ освѣдомлялся: для кого назначены эти повозки? они отвѣчали: «а для тѣхъ, кому прикажутъ ѣхать». Эти отвѣты и вѣсть о появленіи повозокъ дошли до собранія, и фанфароны, во все продолженіе онаго, не промолвили слова и вели себя, какъ подобаетъ благонравнымъ дѣтямъ.

До прибытія государя, я, въ сопровожденіи Шишкова, пошелъ сначала въ ту галлерею, гдѣ собралось дворянство, а потомъ въ ту, гдѣ находилось купечество. Къ 1-й галлереѣ было около 1,000 человѣкъ, поспѣшившихъ со всѣхъ сторонъ, при извѣстіи о прибытіи государя. Тамъ все происходило въ порядкѣ и спокойствіи. Но во 2-й галлереѣ, гдѣ собрались купцы, я былъ пораженъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвело чтеніе манифеста. Сначала обнаружился гнѣвъ; но когда Шишковъ дошелъ до того мѣста, гдѣ говорится, что врагъ идетъ съ лестью на устахъ, но съ цѣпями въ рукѣ—тогда негодованіе прорвалось наружу и достигло своего апогея: присутствующіе ударяли себя по головѣ, рвали на себѣ волосы, ломали руки; видно было какъ слезы ярости текли по этимъ лицамъ, напоминающимъ лица древнихъ. Я видѣлъ человѣка, скрежетавшаго зубами. За шумомъ не слышно было что̀ говорили (эти люди), но то были угрозы, крики ярости, стоны. Это было единственное, въ своемъ родѣ, зрѣлище, потому что русскій человѣкъ выражалъ свои чувства свободно и, забывая, что онъ рабъ, приходилъ въ негодованіе, когда ему угрожали цѣпями, которыя готовилъ чужеземецъ, и предпочиталъ смерть позору быть побѣжденнымъ. При

подобныхъ-то обстоятельствахъ вновь выказывали себя прежніе русскіе. Они (купцы) сохранили ихъ одѣяніе, ихъ характеръ; бороды придавали имъ видъ почтенный и внушительный. Подобно предкамъ своимъ, они не имѣли другихъ указаній, другихъ правилъ, кромѣ 4-хъ пословицъ, въ которыхъ заключались побужденія къ ихъ хорошимъ и дурнымъ дѣламъ:

Великъ русскій Богъ.

Служи царю вѣрой и правдой.

Двумъ смертямъ не бывать — одной не миновать.

Чему быть, того не миновать.

Вотъ что дѣлаетъ настоящаго русскаго человѣка надѣющимся на Бога, вѣрнымъ своему государю, равнодушнымъ къ смерти и безгранично предпріимчивымъ. Его усердіе, мужество и вѣрность обнаружились во всемъ блескѣ въ продолженіе 1812 года. Онъ дѣйствовалъ по собственному побужденію, руководясь собственнымъ инстинктомъ. Древняя исторія представляетъ мало примѣровъ подобной преданности и подобныхъ жертвъ; а исторія нашего времени вовсе ихъ не представляетъ.

Государь, по прибытіи (въ Слободской дворецъ), оставался нѣсколько минутъ въ своихъ апартаментахъ, куда и я пришелъ, чтобы доложить ему обо всемъ, что происходило. Мы говорили объ ополченіи; но между тѣмъ, какъ онъ разсчитывалъ только на 10,000 чел., я былъ вполнѣ увѣренъ, что наберется больше. Послѣ этого, государь пошелъ въ дворцовую церковь, гдѣ служили молебствіе, а по выходѣ оттуда направился въ залу дворянства. При входѣ туда, онъ имѣлъ видъ озабоченный, (такъ какъ) шагъ, который ему приходилось дѣлать, долженъ быть тяжелъ для всякаго властителя. Онъ милостиво поклонился присутствующимъ, а затѣмъ, собравшись съ духомъ, съ лицомъ воодушевленнымъ, произнесъ прекрасную рѣчь, полную благородства, величія и откровенности. Дѣйствіе, ею произведенное, было подобно дѣйствію электричества и расположило всѣхъ къ пожертвованію части своего имущества, чтобы спасти все. Фельдм. Гудовичъ, какъ старѣйшій по своему званію, заговорилъ первый, и тономъ стараго, вѣрнаго слуги отвѣчалъ, что государь отнюдь не долженъ отчаяваться въ успѣхѣ своего дѣла священнаго для всей Россіи; что всѣ они (дворяне) готовы пожертвовать всѣмъ имуществомъ, пролить послѣднюю каплю

крови, и въ концѣ предложилъ государю одного человѣка съ 25-ти, снабженнаго одеждою и мѣсячнымъ продовольствіемъ. Только что успѣлъ фельдмаршалъ окончить свою рѣчь, какъ нѣсколько голосовъ закричало: «нѣтъ, не съ 25-ти, а съ 10-ти по одному человѣку, одѣтому и снабженному провіантомъ на три мѣсяца». Крикъ этотъ подхваченъ былъ большею частью собранія, которое государь благодарилъ въ весьма лестныхъ выраженіяхъ, восхваляя щедрость дворянства, а затѣмъ, обратясь ко мнѣ, приказалъ прочесть положеніе объ организаціи ополченія. Я замѣтилъ его вел—ву, что помянутое положеніе составлено было при иныхъ условіяхъ,—что тамъ шла рѣчь о сформированіи отряда лишь изъ людей, добровольно представленныхъ; но что теперь, когда дворянство само опредѣлило численность ратниковъ, которыхъ оно поставитъ, прежнее положеніе являлось уже неподходящимъ. Государь согласился съ моимъ замѣчаніемъ, раскланялся съ собравшимися дворянами и, пройдя въ залу, гдѣ находились купцы, сказалъ имъ нѣсколько лестныхъ словъ, сообщилъ имъ о предложеніи дворянства и, приказавъ мнѣ прочитать имъ правила, выработашныя 2-ю коммиссіею, сѣлъ въ карету и уѣхалъ въ Кремль. Я не далъ купечеству времени остынуть. Бумага, чернила, перья были на столѣ, подписка началась и, менѣе чѣмъ въ полчаса времени, дала 2.400,000 руб. Городской голова, имѣвшій всего 100,000 капитала, первый подписался на 50,000 руб., при чемъ перекрестился и сказалъ: «получилъ я ихъ (деньги) отъ Бога, а отдаю родинѣ».

Я возвратился въ кремль, съ извѣстіемъ (о сборѣ) 2.400,000 р. и засталъ государя въ его кабинетѣ, съ гр. Аракчеевымъ и съ Балашовымъ. Десятый человѣкъ съ населенія представлялъ итогъ въ 32,000 чел., снабженныхъ продовольствіемъ на 3 мѣсяца; да сверхъ того сумма, пожертвованная купцами. Государь заявилъ мнѣ, что онъ весьма счастливъ, что онъ поздравляетъ себя съ тѣмъ, что посѣтилъ Москву и что назначилъ меня ген.-губернаторомъ. Затѣмъ, когда я уже уходилъ, онъ ласково поцѣловалъ меня въ обѣ щеки.

По выходѣ въ другую комнату, Аракчеевъ поздравилъ меня съ полученіемъ высшаго знака благоволенія, т. е. поцѣлуя отъ государя. «Я, прибавилъ онъ,—я, который служу ему съ тѣхъ поръ, какъ онъ царствуетъ,—никогда этого не получалъ».

Балашовъ просилъ меня быть увѣреннымъ, что гр. Аракчеевъ никогда не забудетъ и не проститъ мнѣ этого поцѣлуя. Тогда я посмѣялся этому, но впослѣдствіи получилъ вѣрное доказательство тому, что министръ полиціи говорилъ правду и что онъ лучше меня зналъ гр. Аракчеева.

Теперь надо объяснить, почему собраніе явилось столь щедрымъ и столь благороднымъ. Предложеніе фельдмаршала было правильнымъ и разумнымъ; но два первые голоса, усилившіе это предложеніе до десятаго человѣка, исходили изъ двухъ головъ, весьма одна отъ другой отличныхъ. Одинъ изъ этихъ господъ, человѣкъ чрезвычайно умный, предлагалъ такую мѣру, которая ему ничего не стоила, потому что онъ не имѣлъ помѣстій въ Московской губерніи,—и пустилъ въ ходъ свое предложеніе, какъ пускаютъ какую нибудь шутку. Другой же господинъ, обладавшій сильными легкими, былъ человѣкъ низкій, глупый, па дурномъ счету при дворѣ; онъ предложилъ мнѣ свой голосъ изъ-за чести быть приглашеннымъ къ высочайшему столу. И вотъ, чѣмъ столь часто руководятся собранія,—вотъ какъ дѣйствуютъ они, подавая голоса по увлеченію и необдуманно! Газетчики, біографы, сочинители историческихъ романовъ превозносили иного человѣка до небесъ, за какой-либо его поступокъ или за слово; а между тѣмъ онъ, можетъ быть, совершивъ этотъ поступокъ или сказавъ это слово, тотчасъ же въ томъ раскаялся.

Государь пробылъ еще четыре дня въ Москвѣ. Донесенія изъ арміи постоянно сообщали объ отступленіи къ Смоленску, (потомъ) о прибытіи въ этотъ городъ и о соединеніи Багратіона съ Барклаемъ. Непріятель уже занялъ Минскъ, Могилевъ и Витебскъ. Страхъ распространился по Москвѣ; но присутствіе государя занимало умы. Пріѣхавшій изъ Петербурга курьеръ привезъ извѣстіе, что наслѣдный принцъ шведскій (Бернадотъ) готовится пріѣхать въ Або, чтобы имѣть тамъ совѣщаніе съ государемъ, и что новый англійскій посолъ, лордъ Каткартъ, тоже прибудетъ туда. Вел. кн. Константинъ пріѣхалъ изъ арміи Барклая. Послѣдній, находя его присутствіе въ главной квартирѣ безполезнымъ и стѣснительнымъ, послалъ его курьеромъ къ государю, въ Москву, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы онъ далъ словесный отчетъ о положеніи нашихъ войскъ и о планахъ главнокомандующаго. Государь хотѣлъ было оставить вел. князя

въ Москвѣ, для сформированія тамъ коннаго полка,—что великій князь считалъ возможнымъ исполнить въ двѣ недѣли, забирая подходящихъ ему людей и лошадей повсюду, гдѣ бы такіе ни встрѣтились. Предвидя неудобства его пребыванія въ Москвѣ и дурное впечатлѣніе, которое произведетъ эта манера формированія полка, я просилъ государя, не благоугодно ли ему будетъ дать другое назначеніе вел. князю, во избѣжаніе непріятностей, такъ какъ я вынужденъ былъ бы нести отвѣтственность за поступки послѣдняго, въ такой моментъ, когда мнѣ необходимо было посвящать свое время на безчисленныя и первостатейной важности занятія. Государь согласился со мною, хотѣлъ поручить своему брату формированіе нижегородскаго ополченія, но, за отказомъ его и вслѣдствіе его просьбы, согласился отпустить его въ армію.

Я горячо желалъ отъѣзда и удаленія отъ Москвы великаго князя Константина. Партія мартинистовъ, дѣйствовавшая тайно и настойчиво, посѣвала въ умахъ фрондеровъ и трусовъ такую мысль, что императоръ Александръ есть причина тѣхъ опасностей, которымъ страна подверглась,—что царствованіе его не могло быть инымъ, какъ несчастливымъ, и что надо бы поставить на его мѣсто брата его Константина. Планъ этотъ, столь-же безумный, сколько ужасный, никогда не могъ осуществиться, потому что это значило бы прислуживаться Наполеону и губить государство, возбуждая революцію въ такую эпоху, когда нельзя было достаточно сообщать устойчивости и силы правительству, посредствомъ пожертвованій, единодушія и спокойствія, и, конечно, не подрываніемъ основаній можно было предохранить зданіе отъ разрушенія. Ни въ то время, ни потомъ, я ни слова не говорилъ объ этомъ государю, чтобы не дать ему новыхъ безпокойствъ и не посѣять въ немъ сѣмя подозрительности къ его брату, который былъ совершенно чуждъ коварныхъ происковъ злыхъ людей, и который, при своемъ живомъ и лояльномъ характерѣ, съ отвращеніемъ отвергъ бы всякое преступное предложеніе. Низость тоже примѣшалась къ скрытому предательству; такимъ образомъ, въ то время, когда вел. князь торопился приготовленіемъ къ отъѣзду, Валуевъ сталъ говорить ему: «Ваше выс—во, оставайтесь здѣсь, не удаляйтесь отъ собора,

это ваше мѣсто». На это вел. князь, не понявшій смысла его словъ, отвѣчалъ:

— «Предоставляю вамъ молиться тамъ Богу, я же ѣду въ армію, сражаться,—тамъ мое мѣсто».

Это мартинистское общество образовалось въ (17)80-мъ году. Нѣкто Щварцъ, профессоръ нѣмецкаго происхожденія, положилъ первыя ему основанія и не замедлилъ пріобрѣсти многихъ прозелитовъ. Послѣ его смерти, нѣкій г. Новиковъ, ген.-маіоръ въ отставкѣ, человѣкъ умный, образованный, но совершенно разстроенный въ своихъ дѣлахъ, сдѣлался главою секты. Онъ увеличилъ число посвященныхъ, расширилъ свои связи, купилъ большой домъ, гдѣ помѣстилъ типографію для печатанія книгъ мистическаго содержанія, написанныхъ на русскомъ языкѣ, или переводныхъ. Онъ избралъ нѣсколькихъ студентовъ университета, чтобы сдѣлать ихъ прозелитами, и послалъ ихъ на счетъ общества кончать образованіе въ чужихъ краяхъ. Исторіографъ Карамзинъ, бывшій тогда еще очень молодымъ человѣкомъ, находился въ ихъ числѣ; но по возвращеніи оттуда, онъ по благоразумію и вслѣдствіе своихъ романическихъ наклонностей, отрѣшился отъ этого общества, гдѣ очень на него зато негодовали. На общество мартинистовъ не обращали большаго вниманія, такъ какъ они отличались отъ другихъ лишь раздачею милостыни и дѣлами милосердія, что̀ вмѣсто подозрѣнія навлекало на нихъ благословеніе и уваженіе. Но одно изъ писемъ извѣстнаго Вейсгаупта, не знаю какимъ случаемъ, дошло до императрицы Екатерины. Оно адресовано было на имя Новикова и заключало въ себѣ нѣсколько фразъ, смыслъ коихъ былъ скрытъ. Такъ какъ планы и цѣли иллюмината Вейсгаупта стали уже въ то время извѣстны, то письмо это возбудило тревогу и заставило прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. Послали приказъ тогдашнему (1790 г.) московскому ген.-губернатору кн. Прозоровскому. Согласно смыслу этого приказа, одинъ изъ совѣтниковъ правленія отправленъ былъ, при конвоѣ, въ деревню Новикова для того, чтобы арестовать его, привезти въ Москву и забрать всѣ его бумаги. Совѣтнику не стоило никакого труда исполнить данное ему порученіе. (Пріѣхавъ) въ полночь, онъ нашелъ Новикова въ кругу нѣсколькихъ молодыхъ людей, съ почтеніемъ слушавшихъ его слова. Передъ отъѣздомъ своимъ онъ

давалъ имъ наставленія, какъ вести себя, и оставилъ ихъ обливаясь слезами. Такъ какъ онъ не хотѣлъ давать кн. Прозоровскому никакихъ объясненій, то былъ отправленъ въ Петербургъ и заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ оставался до восшествія на престолъ Павла I-го. Главные члены этой секты: кн. Трубецкой и Лопухинъ были высланы изъ столицы. Секту эту подвергли осмѣянію; даже выставляли ее на театральной сценѣ. Она нѣсколько разстроилась, была обречена на молчаніе, но не уничтожилась. Агентомъ ея при Павлѣ, тогда еще вел. князѣ, былъ Плещеевъ, человѣкъ умный и интересный во многихъ отношеніяхъ, который подъ личиною искренняго благочестія, былъ, въ глубинѣ души, мартинистомъ. По воцареніи имп. Павла, секта заявила о своемъ возобновленіи гоненіемъ, которое возбуждено было ею противъ Прозоровскаго. Плещеевъ тотчасъ же вызвалъ изъ Москвы Лопухина, намѣреваясь провести его въ статсъ-секретари, и еще одного приходскаго священника, хорошаго проповѣдника и тоже мартиниста, чтобы сдѣлать его духовникомъ государя. Но это не удалось; Павелъ охладѣлъ къ сектѣ и, повидимому, не обращалъ на нее вниманія; но, допустивъ ея существованіе, онъ далъ ей время, въ продолженіе его царствованія, распространиться и расширить свои вѣтви. При воцареніи Александра I-го, въ 1801 г., секта начала дѣлаться весьма внушительною, пользуясь покровительствомъ нѣкоего Кошелева—человѣка упрямаго, ограниченнаго, тщеславнаго, достигшаго преклонныхъ лѣтъ и мучимаго честолюбивою мечтою: быть при жизни своей государственнымъ человѣкомъ, а послѣ смерти маленькимъ святымъ. Онъ совершенно овладѣлъ умомъ одного кн. Голицына, человѣка свѣтскаго, весельчака и шутника; а когда послѣдній сдѣлался министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, то мартинизмъ, опираясь на этихъ двухъ апостоловъ, открыто поднялъ голову и, подъ рукою, сталъ преслѣдовать всѣхъ тѣхъ, которые глядѣли на это духовное общество, какъ на оперную труппу (sic) и на толпу одураченныхъ людей. Въ числѣ членовъ своихъ, въ Москвѣ, они имѣли нѣсколькихъ сенаторовъ; но самыми дѣятельными и вліятельными (между ними) были: г. Ключаревъ и г. (?)—Первый изъ нихъ, человѣкъ низкаго происхожденія, разъ уже исключенный изъ службы за воровство, съумѣлъ дойти до

мѣста московскаго почтъ-директора и состоялъ на очень хорошемъ счету у государя. Это былъ человѣкъ умный, но безъ всякихъ нравственныхъ правилъ, тщеславный, грубый и корыстолюбивый. Подчиненные смертельно его ненавидѣли.

При самомъ началѣ войны, меня увѣдомили о прокламаціи Наполеона, которая ходила по рукамъ въ Москвѣ и была написана по русски. Черезъ 24 часа добрались до источника и открыли, что авторомъ этой бумаги былъ сынъ одного довольно зажиточнаго купца В. (Верещагина). Его арестовали, но онъ никогда не хотѣлъ сознаться, отъ кого получилъ этотъ манускриптъ, который не могъ быть сочиненъ имъ. Онъ говорилъ, что перевелъ его изъ одной польской газеты, а самъ не зналъ польскаго языка. Я приказалъ свести его, при сопровожденіи одного изъ полиціймейстеровъ, въ почтовую контору, чтобы видѣть, какое впечатлѣніе произведено будетъ тамъ появленіемъ этого молодаго человѣка. Къ великому удивленію полиціймейстера, г. Ключаревъ увелъ юношу въ свой кабинетъ и, выйдя оттуда черезъ четверть часа, весьма расхваливалъ его, признавая за нимъ большую легкость въ письменномъ изложеніи и, въ доказательство сего, просилъ полиціймейстера передать мнѣ (исписанную) бумагу, увѣряя что это сочиненіе, импровизированное Верещагинымъ на заданную имъ (Ключаревымъ) тему. Тема эта была: торжество Россіи. Когда полиція отправилась въ домъ Верещагина отца, чтобы забрать бумаги сына, то послѣдній, при выходѣ оттуда, приблизился къ своей мачихѣ и сказалъ ей (что-то) на ухо. Женщина эта, допрошенная оберъ-полиціймейстеромъ, объявила, что молодой Верещагинъ сказалъ ей, чтобы она на его счетъ не безпокоилась, такъ какъ г. Ключаревъ беретъ его подъ свое покровительство. Изъ бумагъ же его открылось, что онъ былъ воспитанъ какимъ то силезскимъ уроженцемъ, придерживавшимся мистицизма. По прошествіи нѣкотораго времени, мнѣ принесли нѣсколько листковъ, которые были разсылаемы по почтѣ во всѣ города, находящіеся на большой дорогѣ. Манера ихъ изложенія вовсе не соотвѣтствовала видамъ правительства. Ополченіе называлось (въ нихъ) насильственною рекрутчиною; Москва выставлялась унылою и впавшею въ отчаяніе; говорилось, что сопротивляться непріятелю есть безразсудство, потому что при геніальности Наполеона и при силахъ,

какія онъ велъ за собою, нужно божественное чудо для того, чтобы восторжествовать надъ нимъ, а что всякія человѣческія попытки будутъ безполезны. Открылось, что листки эти были продиктованы довѣреннымъ секретаремъ Ключарева, котораго я немедленно отослалъ въ Петербургъ къ министру полиціи. За самимъ Ключаревымъ я учредилъ надзоръ и воспретилъ ему имѣть у себя собранія; но такъ какъ онъ вздумалъ бравировать меня и не слушаться, то я, однажды вечеромъ, пріѣхалъ къ нему и, опечатавъ бумаги, самого его отправилъ, съ полицейскимъ офицеромъ, въ Воронежъ, за 500 верстъ отъ Москвы, подъ надзоръ (полиціи).

Другой глава мартинистовъ, г. (?) тоже имѣлъ у себя собранія въ опредѣленные дни; но онъ былъ покорнѣе Ключарева и заперъ свои двери (для гостей). Къ счастію, вопреки множества прозелитовъ, которыхъ онъ имѣлъ даже между купечествомъ,—слухи, распускаемые имъ, не имѣли тѣхъ результатовъ, на какіе онъ льстился. Общество было слишкомъ занято, слишкомъ озабочено для того, чтобы хоть на одну минуту увлекаться легковѣріемъ и обманами, такъ что всякій слухъ, который пытались распространить, встрѣчался съ недовѣріемъ. Самымъ ядовитымъ (изъ этихъ слуховъ) былъ, будто Наполеонъ есть сынъ императрицы Екатерины, котораго она приказала воспитывать въ чужихъ краяхъ, и будто на одрѣ своей смерти она потребовала отъ имп. Павла клятвы, что онъ уступитъ половину Россійской имперіи своему брату Наполеону, если тотъ когда нибудь придетъ туда.

Дворянству пришлось собраться еще въ другой разъ, для выбора начальника московскаго ополченія. Наибольшее число голосовъ получилъ ген. Кутузовъ, который, уступивъ начальство надъ Дунайскою арміею адмиралу Чичагову, долженъ былъ отправиться въ Петербургъ. Послѣ него, честь выбора оказали мнѣ, хотя и совершенно напрасно, такъ какъ, будучи ген.-губернаторомъ московскимъ, я не могъ отлучаться изъ города. Третьимъ былъ отставной ген.-лейтенантъ гр. Морковъ, проживавшій въ своихъ подольскихъ помѣстьяхъ. Его выборъ и былъ утвержденъ государемъ. Къ нему послали курьера съ приглашеніемъ явиться.

Въ собраніи этомъ произошла вещь довольно забавная. Ген.

Апраксинъ, который никогда не можетъ оставаться покойнымъ и убѣдиться въ томъ, что никто его не желаетъ, помѣстилъ себя въ списокъ для выбора въ начальники московскаго ополченія; но не смотря на всѣ интриги, на всѣ хлопоты, получилъ при баллотировкѣ 490 голосами всего 13 бѣлыхъ шаровъ. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы, государь поручилъ ген.-лейтенанту гр. Толстому (тому самому, который выказалъ столько благородства и твердости во время своего посольства въ Парижъ, къ Наполеону) формировать ополченіе въ приволжскихъ губерніяхъ. Онъ долженъ былъ отправиться въ Нижній-Новгородъ и повести тамъ дѣло такъ же, какъ въ Москвѣ, съ тою разницею, что уже напередъ было опредѣлено количество людей, которое каждая губернія должна была поставить, соотвѣтственно своему населенію. Это самое ополченіе отправилось къ арміи въ 1813 г. и участвовало въ блокадѣ Данцига и осадѣ Гамбурга.

День отъѣзда государя весь прошелъ у меня въ занятіяхъ. Я пришелъ проститься съ нимъ около полуночи и онъ предложилъ мнѣ стать во главѣ ополченія шести, пограничныхъ съ Московскою, губерній. Я просилъ избавить меня отъ этого, и онъ, повидимому, на то согласился. Я испрашивалъ у него повелѣній и инструкцій относительно того, что долженъ дѣлать при такихъ или иныхъ обстоятельствахъ, но не получалъ другаго отвѣта, кромѣ слѣдующаго: «Предоставляю вамъ полное право дѣлать то, что сочтете нужнымъ. Кто можетъ предвидѣть событія? и я совершенно полагаюсь на васъ».—Онъ сообщилъ мнѣ только, что оставилъ генер.-адъютанта Кутузова при арміи, чтобы тотъ, въ случаѣ потеряннаго сраженія, пріѣхалъ донести ему объ этомъ. Онъ не захотѣлъ, чтобы я проводилъ его до заставы, сѣлъ въ свою коляску и уѣхалъ, оставивъ меня полновластнымъ и облеченнымъ его довѣріемъ, но въ самомъ критическомъ положеніи, какъ покинутаго на произволъ судьбы импровизатора, которому поставили темой: Наполеонъ и Москва.

* * *

На другой день послѣ отъѣзда государя, я занимался разсылкою орденовъ и объявленіемъ (разныхъ) милостей, которыя его величество даровалъ, по моему ходатайству. Когда министръ полиціи представлялъ составленный мною наградный списокъ, то предложилъ государю дать мнѣ орденъ св. Владиміра 1-й ст.;

на это государь сообщилъ ему о нашемъ петербургскомъ условіи, т. е. чтобы меня лично ничѣмъ не награждать; но для придачи мнѣ большей власти, я былъ наименованъ «главнокомандующимъ» въ городѣ Москвѣ и его губерніи,—титулъ, которымъ пользовался лишь генералъ, начальствующій арміею.

Въ тотъ же день я помѣстилъ оба комитета въ ген.-губернаторскомъ домѣ, и хотя первый изъ нихъ сдѣлался совершенно безполезнымъ послѣ предложенія дворянства дать десятаго человѣка, однако, государь повелѣлъ мнѣ предоставить назначеннымъ имъ лицамъ собираться въ засѣданіе. Они ничѣмъ не занимались, а только спорили и противорѣчили ген. Апраксину, который безпрестанно хотѣлъ вмѣшиваться въ дѣла, его не касающіяся, предлагалъ мѣры, которыхъ не принимали, и разсылалъ приказанія, которымъ не повиновались.

Чтобы свободно располагать послѣобѣденнымъ временемъ, я каждое утро, въ 8 ч., пріѣзжалъ въ генералъ-губернаторскій домъ. Тамъ былъ мой рабочій кабинетъ, гдѣ я принималъ донесенія, просьбы и тѣхъ лицъ, которымъ нужно было говорить со мною. Это было удобнѣе для всѣхъ, такъ какъ помянутый домъ находится въ центрѣ города. Съ іюля до 29-го августа не было ни одного утра, чтобы я не пріѣзжалъ туда. Оставался я тамъ до 2-хъ часовъ пополудни, и возвращался къ себѣ на дачу къ обѣду, послѣ котораго все время посвящалъ занятіямъ. Около 7-ми час. я оставлялъ домъ, чтобы объѣздить нѣкоторые городскіе кварталы. Часто прогуливался я въ кремлѣ, куда присутствіе мое привлекало многихъ лицъ изъ купечества и простаго народа, съ которыми я разговаривалъ запросто, сообщая имъ какія нибудь добрыя вѣсти, которыя они потомъ шли распространять по городу. Однако, надо было быть весьма осторожнымъ съ этими людьми, потому что никто не обладаетъ большимъ запасомъ здраваго смысла, какъ русскій человѣкъ, и они часто дѣлали такіе замѣчанія и вопросы, которые затруднили бы и дипломата, наиболѣе искусившагося въ словопреніяхъ.

Вечера я проводилъ всегда у кн. Хованскаго, который принималъ у себя много народа; тамъ происходилъ обмѣнъ новостей, сопровождаемый долгими разсужденіями о военныхъ дѣйствіяхъ, о движеніяхъ армій, ихъ успѣхахъ и т. п. Я возвращался къ

себѣ домой около полуночи и, прежде чѣмъ лечь, писалъ и посылалъ по эстафетѣ донесенія государю.

Утреннія собранія въ генералъ-губернаторскомъ домѣ представляли зрѣлище очень любопытное: тутъ сходились лица всѣхъ возрастовъ и чиновъ, всѣ люди праздные и привлекаемые любопытствомъ, узнать что-либо положительное; то было подобіе биржи, почтовой конторы, морского порта; для всѣхъ этихъ любопытствующихъ я былъ предметомъ общаго наблюденія, и когда я появлялся послѣ прибытія курьера, то всѣ глаза устремлялись на меня, стараясь прочесть на лицѣ моемъ, какого рода извѣстіе мною получено. (Съ наблюденій этихъ) часто возвращались, находя, что выраженіе мое было веселымъ и спокойнымъ, а между тѣмъ у меня была смертельная скорбь на душѣ. Большая часть этихъ случайныхъ Лафатеровъ не знала, что я былъ очень силенъ по части пантомимы и въ молодости своей отличался актерскимъ искусствомъ.

Усердіемъ и любовью къ родинѣ внушены были весьма благородныя и возвышенныя намѣренія четыремъ лицамъ: молодые графы Мамоновъ и Салтыковъ, обладатели большихъ имѣній, предложили сформировать на свой счетъ по одному конному полку, которыхъ начальниками назначены были они сами. Немедленно приступили они къ дѣлу и израсходовали суммы громадныя для частнаго человѣка. Кн. Николай Гагаринъ и г. Демидовъ взяли на себя расходы, каждый отдѣльно, по обмундированію одной дружины московскаго ополченія. Такъ какъ всѣ молодые люди гражданскаго вѣдомства хотѣли служить въ арміи, то присутственныя мѣста запустѣли и сенатъ остался безъ прокуроровъ.

На другой день по отъѣздѣ государя изъ Москвы, пришли вечеромъ извѣстить меня о прибытіи изъ Смоленска ген.-адъютанта Кутузова. Это былъ тотъ самый, о которомъ государь сообщилъ мнѣ, что онъ долженъ привезти извѣстіе въ случаѣ пораженія нашей арміи. Какъ ни увѣрялъ онъ меня, что сраженія не было, что Наполеонъ находился въ Минскѣ, а наши войска въ Смоленскѣ,—я настаивалъ на томъ, чтобы онъ сознался въ проигранномъ сраженіи, и передалъ ему то, что государь (мнѣ) на счетъ его говорилъ. Наконецъ, удостовѣренный его честнымъ словомъ, я далъ ему уѣхать, проведя съ нимъ цѣлый часъ

въ сомнѣніяхъ и тревогѣ. Потомъ уже я узналъ, что Кутузову было поручено многими выдающимися генералами просить государя о замѣнѣ Барклая кн. Багратіономъ, по причинѣ несогласій, господствовавшихъ между ними, и недостатка дѣятельности въ нашей арміи. Источникъ этихъ ссоръ заключался въ томъ, что кн. Багратіонъ былъ старше Барклая въ чинѣ, но послѣдній опирался на свое званіе военнаго министра и тотчасъ же, послѣ соединенія его арміи съ арміею кн. Багратіона, взялъ надъ нею начальство. Такъ какъ оба они очень дорожили мнѣніемъ Москвы, то часто писали мнѣ письма, полныя жалобъ другъ на друга. Но Барклай, будучи болѣе благоразумнымъ, сохранялъ и болѣе достоинства; между тѣмъ какъ кн. Багратіонъ говорилъ глупости о своемъ товарищѣ и хотѣлъ выставить его то человѣкомъ бездарнымъ, то измѣнникомъ. Барклай былъ человѣкъ благородный, но осмотрительный и методичный; онъ сдѣлалъ карьеру, благодаря своимъ личнымъ достоинствамъ, всегда служилъ отлично, былъ покрытъ ранами. Забота его состояла лишь въ томъ, чтобы сохранить армію, вести свое отступленіе въ полномъ порядкѣ. Храбрости онъ былъ испытанной и часто изумлялъ своимъ хладнокровіемъ (въ опасности). Багратіонъ же, одаренный многими качествами, присущими хорошему генералу, былъ слишкомъ необразованъ для того, чтобы имѣть главное начальство надъ арміею. Онъ очень тщеславился тѣмъ, что былъ ученикомъ и любимцемъ великаго Суворова. Онъ все хотѣлъ сражаться, потому что Барклай избѣгалъ сраженія, и если бы онъ командовалъ арміею, то подвергъ бы ее опасности, а можетъ быть, и погубилъ, упорствуя въ оборонѣ Смоленска.

Во время занятій, не оставлявшихъ мнѣ ни минуты покоя, злая судьба моя привела въ Москву г-жу Сталь. Надо было видаться съ нею, приглашать ее къ обѣду и успокоивать насколько возможно. Она прибыла изъ Швейцаріи и проѣзжала черезъ Россію, чтобы укрыться въ Швеціи, у наслѣднаго принца (Бернадота), который, по ея словамъ, былъ ей близкимъ другомъ. Въ Москвѣ она остановилась на недѣлю, по случаю болѣзни ея сына. Спутниками ея были: ея корректоръ, ученый Шлегель, и нѣкій г. Ру, котораго она выдавала и мнѣ представила подъ именемъ барона Лефора, думая, можетъ быть, придать ему болѣе важности. Этотъ Ру—длинный, истощенный и страдающій одыш-

кою господинъ—захворалъ, увлекшись русскимъ напиткомъ, называемымъ кислые щи. Г-жа Сталь все жаловалась и страшно боялась, какъ бы Наполеонъ, занятый единственно ея преслѣдованіемъ и бѣсясь на то, что она ушла, не послалъ бы отряда кавалеріи, чтобы похитить ее изъ Москвы. Чтобы болѣе убѣдить меня въ томъ, она всегда прибавляла: «Вы не знаете этого человѣка, онъ на все способенъ!» Такъ какъ въ то время, когда она опасалась быть похищенною по приказу Наполеона, послѣдній находился еще на разстояніи 800 верстъ (200 лье) отъ Москвы, то я и не принималъ никакихъ мѣръ для воспрепятствованія этому похищенію.

Государь, остановясь на нѣсколько часовъ въ Твери, у сестры своей, великой княгини Екатерины, повелѣлъ написать приказъ, которымъ ставилъ меня во главѣ организаціи ополченій въ 6-ти губерніяхъ. Тверская и Ярославская должны были выставить по 12,000, а Владимірская, Рязанская, Калужская и Тульская по 15,000, что составляло 84,000 чел., а съ московскимъ ополченіемъ 116,000. Приказъ этотъ еще подбавилъ мнѣ работы. Я отправилъ курьеровъ къ гражданскимъ губернаторамъ названныхъ губерній, съ указаніями правилъ, которыхъ они должны были придерживаться. Я назначилъ сборные пункты и въ 24 дня ополченіе это было собрано, раздѣлено по дружинамъ и одѣто; но такъ какъ недостаточно было ружей, то ихъ (ополченцевъ) вооружили пиками—безполезными и безвредными. Еслибъ осуществили мою мысль, заявленную въ 1811 г., то имѣли бы 640,000 чел. (взявъ одного человѣка изъ 25-ти), было бы время для ихъ распредѣленія, формированія, а также для того, чтобы обучать ихъ во время переходовъ на указанные пункты; они были бы прилично и удобно одѣты; слѣдовало бы взять всѣ ружья изъ арсеналовъ и усилить дѣятельность (оружейныхъ) заводовъ; въ пушкахъ и порохѣ не было бы недостатка. Ихъ (ополченцевъ) раздѣлили бы на нѣсколько корпусовъ, немедленно двинули бы въ походъ; изъ самыхъ отдаленныхъ губерній они въ 6 мѣсяцевъ пришли бы на границу, гдѣ слѣдовало бы быть театру войны. Предполагая, что четвертая часть ихъ осталась бы позади и не оказалась на лицо, все-таки было-бы полъ-милліона отличныхъ солдатъ для подкрѣпленія арміи, въ которой считалось около 300,000 бойцовъ. Повсюду имѣлись бы резервы и

непріятелю можно бы было противопоставить двойное, относительно его, число сражающихся. А такъ какъ война эта сводилась (главнымъ образомъ) къ истребленію людей, то кто въ сраженіи имѣлъ бы ихъ большее число, тотъ и одержалъ бы побѣду, и я не знаю, рѣшился ли бы Наполеонъ, свѣдавъ объ этомъ, предпринять походъ въ Россію. Европа была бы спокойнѣе, а онъ остался бы императоромъ въ Тюльери. Около этого времени прибылъ ко мнѣ французскій бригадный генералъ Сенъ-Женье (St. Geniest), взятый въ плѣнъ въ какомъ-то дѣлѣ, происходившемъ послѣ занятія Вильны. Это былъ красивый и очень сдержанный человѣкъ. Онъ обѣдалъ у меня, а нанималъ маленькую квартиру, гдѣ и оставался до вступленія непріятеля.

Москва была спокойна, пока наши арміи, соединившіяся подъ Смоленскомъ, пребывали въ бездѣйствіи; (обыватели) льстили себя надеждою, что кампанія окончена. Городъ, между тѣмъ, наполнялся эмигрантами и бѣглецами изъ Бѣлорусскихъ провинцій, покидавшими свои помѣстья, въ виду приближенія непріятеля и стремившимися въ столицу, которую считали мѣстомъ, обезпеченнымъ отъ опасности. Они разсказывали о злодѣйствахъ и святотатствахъ, совершаемыхъ наполеоновскими солдатами. Одинъ изъ ихъ отрядовъ прибылъ въ какую-то деревню и засталъ тамъ помѣщика съ его семействомъ. Солдаты эти предались всякаго рода насиліямъ и не пощадили ни дочери, ни племянницы владѣльца. Первая, вслѣдствіе этого умерла, на другой день, а вторую, при смерти, привезли въ Москву. Одновременно съ распространеніемъ этого извѣстія, узнали, что кавалерія непріятельская обращаетъ церкви въ конюшни. Я поторопился, какъ можно скорѣе, обнародовать оба эти извѣстія. Первое изъ нихъ доказало дворянству, что плохо было бы ожидать прибытія противника, и приготовило всѣхъ къ мысли объ отъѣздѣ, который и былъ единодушно рѣшенъ во всѣхъ семействахъ. Второе извѣстіе относительно оскверненія церквей возбудило чувство мести и гнѣва въ узнавшемъ о томъ народѣ и было первою причиною умерщвленія солдатъ крестьянами.

Главнокомандующій адресовался ко мнѣ, чтобы получать отъ Москвы множество разныхъ предметовъ, нужныхъ для арміи. Онъ испрашивалъ, между прочимъ, большое количество хлѣбнаго вина, и такъ какъ губернскіе магазины были наполнены запа-

сами онаго, то я организовалъ транспорты, отправлявшіеся каждые три дня на наемныхъ подводахъ. Эти транспортировки продолжались до половины августа, когда подрядчики отказались продолжать оныя, вслѣдствіе необезпеченнаго своего положенія среди войскъ, которыя забирали ихъ лошадей. Впрочемъ, при отступленіи отъ Смоленска, армія проходила черезъ многіе мелкіе города, оставляемые во власти непріятеля, какъ напр. Дорогобужъ, Вязьма, Гжатскъ, Можайскъ, гдѣ находились значительные склады водки, которая и забиралась съ собою.

* * *

Время отъ времени, полиція забирала кой-какихъ появлявшихся болтуновъ, но такъ какъ я не желалъ оглашать подобныя исторіи, то вмѣсто того, чтобы предавать суду этихъ людей, которые сами по себѣ не имѣли значенія, я отсылалъ ихъ въ домъ умалишенныхъ, гдѣ ихъ подвергали послѣдовательному лѣченію, т. е. всякій день дѣлали имъ холодныя души, а по субботамъ заставляли глотать микстуру. При вступленіи непріятеля въ Москву, тамъ находилось изъ такого сорта лицъ — 3 женщины и 10 чел. мужчинъ.

Страхъ, подозрительность къ иностранцамъ и похвальное усердіе обращали каждаго человѣка въ правительственнаго агента. Такъ какъ опасались шпіонства и могли обвинять въ немъ иностранцевъ, то я приказалъ объявить, чтобы тѣхъ лицъ, которыя по какимъ либо примѣтамъ были заподозрѣваемы и забираемы, приводили ко мнѣ для допроса. Скоро мнѣ пришлось поздравить самого себя съ принятіемъ этой мѣры, потому что каждый день стали приводить ко мнѣ людей, вовсе не занимавшихся шпіонствомъ. Я вразумлялъ народную толпу, ихъ приводившую; ошибка выяснялась и тогда заподозрѣнное лицо тотчасъ же отпускалось на свободу. Однажды ко мнѣ привели русскаго поваренка, заику и дурачка; такъ какъ онъ не могъ довольно быстро отвѣтить на вопросъ, изъ какой онъ земли, то его и забрали. Въ другой разъ, мой сапожникъ-нѣмецъ, узнавшій между арестантами нѣкоторыхъ своихъ земляковъ, купилъ имъ бѣлаго хлѣба и вслѣдствіе сего былъ приведенъ предъ мое судилище. Но народъ самъ никого не истязалъ. Къ захвату этихъ мнимыхъ шпіоновъ поощрилъ (между прочимъ) слѣдующій случай: одинъ нѣмецкій лекарь вздумалъ проповѣдывать прислугѣ того дома, гдѣ онъ

жилъ, и рисовалъ ей картину счастья, какимъ бы она пользовалась подъ властью Наполеона. Одинъ изъ этихъ людей призвалъ на помощь другихъ, и всѣ они донесли на помянутаго народнаго оратора. Я вызвалъ служителя, вѣрнаго своей присягѣ, и при всѣхъ вручилъ ему награду въ 1,000 рублей, лекарь же былъ посаженъ въ тюрьму.

(Другой случай): я взялъ къ себѣ вторично француза-повара, который былъ у меня въ услуженіи въ Петербургѣ. Ученики его, работавшіе съ нимъ, донесли, что онъ сманиваетъ ихъ къ Наполеону. Я поручилъ двумъ полиціймейстерамъ удостовѣриться въ истинѣ этихъ показаній, и такъ какъ поваръ оказался сильно увлекающимся въ пользу непріятеля, то я приказалъ арестовать его, предать въ руки правосудія и сослать въ Пермь.

Но пока въ Москвѣ усматривали шпіоновъ тамъ, гдѣ ихъ не было, въ главной квартирѣ открыта была измѣна; но измѣнника не нашли. Когда генер. Барклай произвелъ наступательное движеніе отъ Смоленска, одинъ изъ (нашихъ) конныхъ отрядовъ захватилъ коляску генер. Монбрёна, и въ бумагахъ его найдена была записка, сообщавшая ему о планѣ атаки, которую Барклай намѣревался произвести. Подозрѣнія пали на находившихся въ нашей службѣ польскихъ офицеровъ, которые, будучи адъютантами государя, слѣдовали при нашей главной квартирѣ. За разслѣдованіе взялись неумѣло и не открыли ничего; но съ этой минуты, Барклай усвоилъ себѣ обычай отсылать въ Москву тѣхъ лицъ изъ арміи, которыя казались ему подозрительными. Первымъ прибылъ полковникъ Влодекъ. Я принялъ его хорошо, часто съ нимъ видѣлся и никогда не считалъ его способнымъ на измѣну. Вторымъ былъ баронъ Левенштернъ, который полагалъ, что присланъ (въ Москву) курьеромъ, и даже выражалъ нетерпѣніе при его долгой неотсылкѣ назадъ, въ армію; но когда я показалъ ему письмо Барклая, въ которомъ тотъ просилъ задержать означеннаго офицера въ Москвѣ, потому что его заподозрили въ посѣщеніи ночью французскихъ аванпостовъ, то онъ (Левенштернъ) поблагодарилъ меня за то, что я такъ деликатно съ нимъ поступилъ, но сообщилъ мнѣ, что теперь пуститъ себѣ пулю въ лобъ, не будучи въ состояніи пережить столь позорящаго подозрѣнія. Я объявилъ ему, что онъ властенъ лишить себя жизни, но что самоубійствомъ этимъ только

подтвердитъ подозрѣніе, вмѣсто того, чтобы его уничтожить. Онъ былъ пораженъ моимъ разсужденіемъ, успокоился и я, на свой страхъ, отослалъ его обратно въ армію. Въ бородинской битвѣ онъ дрался отчаянно и былъ раненъ двумя пулями.

Согласно желанію ген. Барклая, я имѣлъ въ главной квартирѣ одного чиновника, доставлявшаго мнѣ извѣстія о томъ, что тамъ происходило. 8-го августа, въ 6 час. утра, я былъ разбуженъ курьеромъ, привезшимъ мнѣ извѣстіе о взятіи Смоленска, со всѣми подробностями (дѣла). Не теряя ни минуты, я разослалъ четырехъ курьеровъ. Одного къ ген. Милорадовичу, находившемуся въ Калугѣ, гдѣ былъ сборный пунктъ 24-хъ тысячнаго корпуса, сформированнаго имъ въ Малороссіи. Онъ имѣлъ приказаніе идти съ этимъ корпусомъ къ Смоленску. Я ему совѣтовалъ выступить безотлагательно, съ тѣмъ числомъ войскъ, какое имѣлось подъ рукою, и двинуться на Вязьму. Прочіе курьеры, съ подобнымъ же предложеніемъ, посланы были: 1) къ генералу, командовавшему резервною артиллеріею, расположенною по квартирамъ въ разныхъ городахъ Московской и Тульской губерній, 2) къ кн. Лобанову, сформировавшему 16-ти-тысячный пѣхотный корпусъ, во Владимірѣ, и 3) къ генералу, который тоже сформировалъ два полка въ Клину. Послѣдніе должны были сблизиться къ Москвѣ, слѣдуя по большой петербургской дорогѣ.

По отъѣздѣ всѣхъ курьеровъ, надо было изготовить мой бюллетень и объявить о взятіи Смоленска, который, въ общественномъ мнѣніи, возведенъ былъ въ оплотъ Москвы. Я (въ объявленіи своемъ) превозносилъ до небесъ героизмъ одного корпуса (по моимъ словамъ)—который защищалъ Смоленскъ въ продолженіе 3-хъ дней и который перешелъ за Днѣпръ лишь для того, чтобы присоединиться къ главной арміи и снова остановить врага. Я воспользовался словами бюллетеня Наполеона, гдѣ говорилось, что его потери въ людяхъ были неисчислимы. — Когда, въ часъ завтрака, я спустился внизъ, къ моей женѣ, она спросила что̀ со мною? — и когда я объявилъ ей о взятіи Смоленска, то увидѣлъ какъ губы ея затряслись и конвульсивное движеніе пробѣжало по ея чертамъ. Я пробовалъ ее утѣшить, не зная, что̀ произвело въ ней такое потрясеніе,—потому что потеря Смоленска ее не удивила. На силу произнося слова,

она спросила у меня: „а Сергѣй? — онъ, значитъ, убитъ?“ Она спрашивала о сынѣ, а я не имѣлъ возможности прекратить ея опасеній, потому что и самъ ничего не зналъ о судьбѣ нашего сына (служившаго адъютантомъ при Барклаѣ). Къ счастію, оказалось, что курьеръ, котораго я къ себѣ призвалъ, видѣлъ его и предупредилъ, что онъ будетъ писать при первой оказіи. Безпокойство наше прекратилось; но я былъ такъ озабоченъ съ 6-ти часовъ до 10-ти, что мысли мои не слѣдили за моимъ единственнымъ сыномъ. Я думалъ лишь о спасеніи Россіи и о погибели ея врага. Внѣ этого мнѣ все казалось почти безразличнымъ.

* * *

Сѣвъ въ карету, я отправился въ ген. губернаторскій домъ, и дорогою старался придать лицу своему подобающее выраженіе и обдумывалъ, что̀ надо будетъ говорить. Около полудня, залы (дома) наполнились народомъ, и тутъ, впервые, безпокойство уступило мѣсто страху, который былъ написанъ на всѣхъ физіономіяхъ. Какъ ни старался я исчислять подкрѣпленія, которыя двинулись впередъ и которыя черезъ недѣлю сдѣлаютъ армію нашу многочисленнѣе непріятельской, — доводы эти мало успокоивали, а чувства обезпеченности вселяли еще меньше. Самъ я, до слѣдующаго утра, мучился лишь одною мыслью, — что Наполеонъ остановится въ Смоленскѣ до слѣдующей весны; а не надо было имѣть много прозорливости, чтобы видѣть въ подобной мѣрѣ великія несчастія для Россіи. Но Наполеонъ не остановился и сдѣлалъ первый шагъ къ своей гибели.

Безпокойство мое прекратилось на слѣдующій день, когда я получилъ извѣстіе о дѣлѣ при Заболотьѣ, которое французы называли: при Валутинѣ. Въ этотъ же день прибыли въ Москву изъ арміи первые раненые и больные: то были пострадавшіе во время дѣлъ около Витебска и при отступленіи къ Смоленску. Все было приготовлено для ихъ пріема, и я отвелъ подъ госпиталь Головинскій дворецъ, обращенный, при Павлѣ, въ казармы. За офицерами былъ особый уходъ. Я организовалъ отдѣльный корпусъ врачей и фельдшеровъ, подъ управленіемъ г. Лодера, и рѣдко проходилъ день, чтобы я не посѣщалъ больныхъ. Поправлялись они быстро, благодаря спокойствію и хорошей пищѣ. Позднѣе, пришлось учредить особый надзоръ затѣмъ, чтобы имъ не давали кушанья нездороваго, или въ слишкомъ большомъ ко-

личествѣ. Купцы, при этомъ случаѣ, слѣдовали принципамъ человѣколюбія и обращались по братски со своими военными земляками. Часто не знали что и дѣлать съ припасами, приносимыми каждое утро: тутъ была и говядина, и баранина, и телятина, повозки съ бѣлымъ хлѣбомъ и настойками. Помѣщенія больныхъ и раненыхъ офицеровъ были наполнены сахаромъ, чаемъ, кофе, табакомъ для куренья, — такъ что они не знали что со всѣмъ этимъ дѣлать и посылали излишекъ солдатамъ. Городскія дамы присылали ящики, полные корпіи. Многія семейства приняли на свое попеченіе раненыхъ офицеровъ, помѣстили ихъ у себя и ухаживали за ними съ самымъ нѣжнымъ вниманіемъ. Вновь ожившее московское гостепріимство вступило въ свои права, и великодушіе находило свою награду въ благодарности тѣхъ, которые имъ пользовались.

Послѣ взятія Смоленска разладъ между обоими главнокомандующими еще усилился. Багратіонъ писалъ мнѣ письмо, съ жалобами на Барклая, увѣряя меня, что въ томъ-то и въ томъ-то случаѣ онъ (Барклай) помѣшалъ ему побить Наполеона и что, постоянно отступая передъ Наполеономъ, онъ приведетъ его въ Москву—чего, по словамъ Багратіона, никогда бы не случилось, если бы онъ начальствовалъ арміею. Барклай, съ каждаго мѣста, гдѣ онъ останавливался (хотя) на сутки, писалъ мнѣ, что рѣшился дать сраженіе; а на другой день я узнавалъ, что онъ сдѣлалъ еще переходъ къ сторонѣ Москвы. Не знаю, чѣмъ кончилась бы эта вражда Багратіона съ Барклаемъ, если бы они не получили извѣстія о назначеніи ген. Кутузова главнокомандующимъ всѣхъ армій, т. е. Барклая, Багратіона, Чичагова и Тормасова. Въ приказѣ о томъ было сказано, что это дѣлалось для того, чтобы подчинить арміи старѣйшему и опытнѣйшему генералу и чтобы положить конецъ недостатку согласія между (разными) предводителями. Тѣ же слова сказаны были въ собственноручномъ письмѣ государя, доставленномъ мнѣ съ курьеромъ. Барклай — образецъ субординаціи — молча перенесъ уничиженіе, скрылъ свою скорбь и продолжалъ служить съ прежнимъ усердіемъ, Багратіонъ, напротивъ того, вышелъ изъ всякихъ мѣръ приличія и, сообщая мнѣ письмомъ о прибытіи Кутузова, называлъ его мошенникомъ, способнымъ измѣнить за деньги.

Межеу тѣмъ, новый Фабій уже былъ на пути (къ арміи) и Москва, по этому случаю, дала (новое) доказательство недостатка въ благоразуміи. При вѣсти о его назначеніи, всѣ опьянѣли отъ радости, цѣловались, поздравляли другъ друга; мужчины, женщины—всѣ были въ восхищеніи. Можно было подумать, что одно присутствіе Кутузова обратитъ въ бѣгство армію Наполеона или поразитъ ее, какъ появленіе головы Медузы.

Государь хорошо зналъ ген. Кутузова. По возвращеніи изъ Або въ Петербургъ, онъ нашелъ его тамъ, и цѣлыхъ десять дней не принималъ его къ себѣ, однако наименовалъ его княземъ, съ титуломъ свѣтлѣйшаго, въ награду за миръ, заключенный съ Портою. Въ это же время московское общество, менѣе удивленное, нежели испуганное отступленіемъ нашихъ войскъ, и начавшее вѣрить въ возможность занятія Москвы непріятелемъ, рѣшилось, для своего утѣшенія, обозвать бѣднаго Барклая измѣнникомъ. Эти толки дошли до Петербурга, и государь—главнымъ образомъ для того, чтобы подчинить все одной власти и придать ей болѣе авторитета—назначилъ Кутузова; Москва же приписала это уваженію государя передъ общественнымъ мнѣніемъ.

Этотъ ген. Кутузовъ, тѣло котораго похоронено въ петербургской соборной церкви, которому полагается воздвигнуть памятникъ, котораго рискнули называть спасителемъ Россіи,—имѣлъ въ 1812 году 68 лѣтъ отъ роду. Въ турецкую войну, когда онъ былъ еще маіоромъ, (непріятельская) пуля пробила его черепъ, позади глазъ;—рана эта, названная безпримѣрною, потому что онъ вылѣчился и сохранилъ зрѣніе, сдѣлала его извѣстнымъ съ благопріятной стороны. Этотъ человѣкъ былъ большой краснобай, постоянный дамскій угодникъ, дерзкій лгунъ и низкопоклонникъ. Изъ-за фавора (высшихъ) онъ все переносилъ, всѣмъ жертвовалъ, никогда не жаловался и, благодаря интригамъ и ухаживанью, всегда добивался того, что его снова употребляли въ дѣло, въ ту самую минуту, когда онъ считался навсегда забытымъ.

Онъ прибылъ въ главную квартиру, въ деревню, называемую Царево-Займище, приказалъ стать войскамъ подъ ружье, проѣхалъ передъ ихъ строемъ, нѣсколько разъ повторялъ солдатамъ, что: „съ такими храбрыми воинами, каковы они, стыдно все

отступать передъ непріятелемъ"; (потомъ) ушелъ къ себѣ и отдалъ приказаніе арміи идти къ Вязьмѣ, на 7 лье назадъ.

Тогда самые усердствовавшіе увидѣли, что Суворовъ цѣликомъ ушелъ въ могилу.

По Москвѣ распространили слухъ, что во время осмотра войскъ, два орла постоянно парили надъ головою Кутузова, но когда оказалось, что онъ все приближается къ Москвѣ, подобно своему предмѣстнику, то выдумка объ орлахъ была отброшена и предвѣстіе побѣды обратилось въ ничто.

Я послалъ къ нему курьера, который, пріѣхавъ, отдалъ ему мое письмо, гдѣ я ничего лучшаго не нашелъ сказать, какъ то, что московскіе обыватели будутъ очень счастливы, если имъ представится возможность поднести ему лавровый вѣнецъ и титулъ ихъ избавителя. Я сообщилъ ему о положеніи, въ какомъ находится Москва, объ имѣющихся въ ней средствахъ, объ оружіи, находящемся въ арсеналѣ, и т. д.; къ донесенію этому я приложилъ 13 картъ губерніи Московской и каждаго ея уѣзда отдѣльно. Надъ картами этими я заставлялъ работать день и ночь, съ самаго начала войны, и работа была окончена.

Онъ отвѣчалъ мнѣ множествомъ комплиментовъ, просилъ (о присылкѣ) московскаго ополченія и продовольственныхъ припасовъ, такъ какъ армія терпѣла недостатокъ въ оныхъ, и говорилъ, что возлагая всю свою надежду на Бога, готовъ дѣлать то, что его честь, усердіе и любовь къ отчизнѣ предписываютъ на томъ высокомъ посту, куда его поставили.

* * *

Съ той минуты, какъ взятіе Смоленска сдѣлалось извѣстнымъ въ Москвѣ, многія лица рѣшились уѣхать оттуда; другіе же удовольствовались тѣмъ, что держали на готовѣ своихъ лошадей и экипажи. Благодаря заблаговременно принятымъ мѣрамъ и точному исполненію отданныхъ мною приказаній, я не взялъ ни одной лошади у частныхъ людей и не говорилъ кому бы то ни было, что надо уѣзжать; но я напустилъ не мало страху, давая понять, что опасно оставаться еще долѣе, и указывая на возможность такого стеченія обстоятельствъ и событій, которое заставитъ меня реквизировать для арміи всѣхъ лошадей, находящихся въ Москвѣ. Иностранцу покажется невѣроятнымъ, что 9 уѣздовъ Московской губерніи, которыхъ непріятель не занималъ,

доставили съ 15-го по 30-е августа 52 т. лошадей, съ такимъ же количествомъ подводъ, изъ которыхъ, конечно, и половина не возвратилась къ ихъ владѣльцамъ. Когда зажиточное населеніе стало выѣзжать черезъ заставы: ярославскую, владимірскую, рязанскую и тульскую, то безпокойство и волненіе взбудоражили всѣ головы и наполнили ихъ химерами. На этотъ разъ волненіе было гораздо посильнѣе, чѣмъ въ 1807 г., когда безпокойство (жителей) выражалось подобнымъ же образомъ. Городъ наполнился слухами о чудесныхъ явленіяхъ и о голосахъ (слышанныхъ) на кладбищѣ, а также пророчествами, которыя пускали въ ходъ, сопоставляя нѣкоторыя выраженія или нѣкоторыя слова изъ священнаго писанія. Отыскали въ Апокалипсисѣ пророчество о паденіи Наполеона и о томъ, что сѣверная страна, которую страна южная придетъ покорять, будетъ избавлена избранникомъ Божіимъ, имя коему Михаилъ. На утѣшеніе вѣрующимъ, и Барклай, и Кутузовъ, и Милорадовичъ были Михаилы. По этому поводу происходили и споры, такъ какъ народъ, за несостоятельностію Кутузова, желалъ видѣть избавителя въ великомъ князѣ Михаилѣ. Каждый день въ часы моего пріема являлось нѣсколько человѣкъ съ библіями подъ мышкою; они съ таинственнымъ видомъ объясняли мнѣ разные тексты, подносили мнѣ молитвы собственнаго сочиненія, просили объ учрежденіи крестныхъ ходовъ, и архіерей совершилъ одинъ такой ходъ,— что занимало народъ въ теченіи цѣлыхъ сутокъ. Подозрѣнія относительно иностранцевъ внезапно обратились въ ненависть къ нимъ, и уже двукратно составлялся планъ истребить ихъ; но для осуществленія этого плана ничего не было сдѣлано, потому что иностранцы проживали по разнымъ частямъ города, а тѣ, которые злобствовали на нихъ, сдерживались полиціею, бывшею днемъ и ночью на ногахъ, а слѣдовательно и готовою разсѣять малѣйшія сборища. Иностранцы, особенно французы: комерсанты, артисты и другія лица, проживавшія въ Москвѣ, держали себя очень осторожно, такъ какъ я, съ самаго начала войны, далъ имъ предупрежденіе, черезъ посредство ихъ священниковъ, которымъ я, по этому предмету, разослалъ циркуляръ. Но русскій народъ всегда глядѣлъ на нихъ косо, вслѣдствіе преимуществъ, доставляемыхъ имъ званіемъ иностранца, и обвинялъ ихъ въ томъ, что они отнимаютъ у него барыши отъ торговли

и работы. Однажды утромъ, гражданскій губернаторъ Обрѣзковъ пришелъ ко мнѣ съ заявленіемъ, что имѣетъ сообщить объ открытіи чрезвычайной важности, и при этомъ привелъ ко мнѣ своего русскаго портнаго, человѣка отличнаго поведенія, очень зажиточнаго и (уже) довольно стараго. Человѣкъ этотъ, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ г. Обрѣзкова, пораженнаго, при свиданіи съ нимъ, его разстроеннымъ лицемъ, признался, что потерялъ сонъ и аппетитъ,—что многіе изъ рабочихъ такъ же больны, какъ и онъ, и что они хотятъ французской крови. Обрѣзковъ притворился одобряющимъ такое средство и заставилъ помянутаго человѣка такъ разболтаться, что тотъ открылъ ему, что имѣетъ уже на готовѣ 300 чел. портныхъ, и что надѣется на другой день завербовать еще нѣсколько сотенъ добровольцевъ, чтобы ночью перебить всѣхъ французовъ, проживавшихъ на Кузнецкомъ мосту (улица, гдѣ находятся иностранные магазины). Этотъ портной и передо мною повторилъ то же признаніе и тѣ же подробности. Тогда я арестовалъ его, приставилъ къ нему полицейскаго офицера, который не долженъ былъ выпускать его на улицу, и объявилъ портному, что онъ будетъ въ отвѣтѣ за всякое нарушеніе безопасности иностранцевъ; затѣмъ я послалъ фельдшера, который пустилъ ему кровь,—и онъ успокоился. Люди, завербованные этимъ портнымъ, видя своего предводителя въ заключеніи, уже не думали предпринимать этой ночной экспедиціи, которая кончилась бы страшною рѣзнею и мятежомъ. Получивъ подобное доказательство тому, до какой степени народъ былъ взволнованъ, я —для того, чтобы успокоить его и усыпить его ярость—приказалъ полиціи представить мнѣ списокъ тѣхъ 40 чел. иностранцевъ, которые были замѣчены по своимъ (неумѣстнымъ) рѣчамъ и по дурному поведенію. Я приказалъ арестовать ихъ, и они, среди бѣлаго дня, были посажены на барку, отвезшую ихъ въ Нижній-Новгородъ, подъ надзоръ полиціи. По Москвѣ я объявилъ, что то были иностранцы подозрительнаго свойства, которые удаляются (мною) согласно просьбѣ ихъ соотечественниковъ—людей честныхъ. Мѣра эта, вынужденная обстоятельствами, спасла жизнь помянутымъ 40 плѣнцамъ; потому что, вѣроятно, они ушли бы вслѣдъ за арміею Наполеона и погибли бы во время ея отступленія.

Два купца, бесѣдовавшіе ночью у открытаго окна нижняго

этажа, услышали на улицѣ споръ между собою (какихъ-то) двухъ людей. Одинъ изъ спорящихъ заявлялъ, что пора поджечь нѣкоторые московскіе кварталы, ударить въ набатъ и начать грабежъ. Другой возражалъ, что надо обождать извѣстій о сраженіи, которое должно произойти, и что къ тому же теперь полная луна. Купцы, услыхавъ такія рѣчи, выскочили изъ окна, бросились за заговорщиками и успѣли схватить одного изъ нихъ. Его привели ко мнѣ въ полночь; то былъ мелкій московскій мѣщанинъ, торговавшій по деревнямъ въ разносъ. Сначала онъ заперся во всемъ, и даже жаловался на произведенное надъ нимъ насиліе. Тогда я ввелъ его въ мой кабинетъ, и тамъ, безъ свидѣтелей, отсчитавъ 500 руб. ассигнаціями, положилъ ихъ на столъ. Потомъ я поклялся этому человѣку передъ образомъ, что ничего дурнаго ему не сдѣлаю, кромѣ развѣ высылки изъ города, и что онъ получитъ эти 500 р., если откроетъ мнѣ заговоръ и назоветъ соучастниковъ. Онъ (арестованный) держалъ меня въ недоумѣніи битыхъ два часа. Онъ хотѣлъ сознаться, но не довѣрялъ мнѣ, постоянно повторяя: „хорошо, я-то скажу, да вы мнѣ денегъ этихъ не дадите, и я тогда пропалъ". Наконецъ, я объявилъ ему, что если онъ не хочетъ быть спасеннымъ и получить обѣщанную сумму, то я предамъ его въ руки полиціи, и что черезъ четверть часа его подвергнутъ пыткѣ. Онъ сдался и объявилъ, что ихъ всѣхъ съ дюжину человѣкъ (все мерзавцевъ); что они намѣревались сдѣлать поджогъ, ударить въ набатъ и, во время общаго переполоха и суматохи, пойдти грабить самые богатые магазины. Товарищъ, говорившій съ нимъ на улицѣ, былъ вольноотпущенный дворовый человѣкъ. Напали и на его слѣды и успѣли его поймать на нѣкоторомъ разстояніи отъ города; но онъ успѣлъ предупредить другихъ своихъ товарищей, которые и убѣжали. Успѣли захватить лишь троихъ. Они были посажены въ острогъ, а затѣмъ усланы вмѣстѣ съ (другими) преступниками. Что касается того человѣка, который открылъ заговоръ, то онъ получилъ 500 р. и уѣхалъ въ Оренбургъ, гдѣ, однако, былъ оставленъ подъ наблюденіемъ. Такъ какъ въ замыслахъ о поджогѣ игралъ роль и набатъ, то надо было лишить злонамѣренныхъ людей такого средства распространять тревогу. Раннимъ утромъ отправился я къ архіерею, для совѣщанія о принятіи необходимыхъ мѣръ. Онъ послалъ строгое приказаніе священникамъ:

хранить ключи отъ колоколенъ у себя и снять веревки, протянутыя къ ихъ домамъ отъ колокольни, чтобы звонить къ утренѣ и вечернѣ; но такъ какъ двери у многихъ колоколенъ были въ плохомъ состояніи, то я и поручилъ это дѣло всѣмъ моимъ квартальнымъ надзирателямъ и, въ теченіи дня, 93 такія двери были исправлены и снабжены запорами. Я былъ доволенъ, а городъ остался спокоенъ, потому что не зналъ о заговорѣ поджигателей и не понималъ причинъ моей заботливости о дверяхъ и запорахъ московскихъ колоколенъ.

За три дня до вступленія непріятеля въ Москву мнѣ дали знать, что нѣкій Наумовъ, изъ мелкихъ дворянъ, занимавшійся хожденіемъ по дѣламъ и справедливо пользовавшійся дурною репутаціею, подговаривалъ дворовыхъ людей и указывалъ имъ куда слѣдуетъ собираться, когда настанетъ время грабить. Онъ записалъ уже болѣе 600 человѣкъ. Когда я приступилъ къ разслѣдованію (этого) дѣла, мнѣ, между прочимъ, сообщили, что онъ хвалился, что самъ убьетъ меня. Этотъ господинъ былъ дурно ко мнѣ расположенъ, потому что я не хотѣлъ дать ему мѣста при директорѣ моей канцеляріи. Я послалъ арестовать его, но онъ бѣжалъ, оставивъ меня въ живыхъ и обладателемъ списка негодяевъ, которые должны были грабить городъ подъ его начальствомъ.

Былъ, однако, одинъ случай, который, уже подъ самый конецъ, чуть было не испортилъ всего, что было мною сдѣлано для поддержанія спокойствія въ Москвѣ. Два нѣмецкіе ремесленника, очень плохо говорившіе порусски, заспорили съ однимъ мѣнялой и имѣли глупость сказать ему: „полно торговаться! черезъ нѣсколько дней мы у васъ заберемъ эти деньги даромъ". Отъ ругательствъ дѣло перешло къ дракѣ, и оба нѣмца поплатились бы жизнью за свои неосторожныя слова, но, на ихъ счастіе, нашелся тамъ полицейскій офицеръ, который взялъ этихъ иностранцевъ подъ свою защиту. Онъ остановилъ наиболѣе озлившихся изъ черни и хотѣлъ вести обоихъ нѣмцевъ ко мнѣ, но народная толпа противилась этому и кричала: „нашъ графъ (такъ они звали меня) оправдаетъ ихъ и они не будутъ наказаны; пусть лучше намъ дадутъ расправиться со шпіонами"! Полицейскій далъ знать объ этомъ событіи оберъ-полиціймейстеру, который счелъ за болѣе вѣрное и болѣе для себя удобное доложить объ

этомъ мнѣ. Я былъ дома и тотчасъ же рѣшился отправиться на мѣсто безпорядка. Я держался правила никогда не поблажать толпѣ, иначе она мгновенно теряетъ къ вамъ уваженіе. Въ ея глазахъ добродушіе есть слабость, а потому (при поблажкѣ) дѣлаешься рабомъ такого господина, который самъ никогда не знаетъ что̀ дѣлаетъ, и очень рѣдко понимаетъ что̀ требуетъ. Прибывъ къ въѣзду въ улицу, ведшую къ лавкамъ, гдѣ происходила помянутая сцена, я нашелъ ее наполненною народомъ. Я остановился, а (затѣмъ) пошелъ впередъ одинъ, приказавъ полиціймейстеру и обоимъ ординарцамъ оставаться на мѣстѣ. Мнѣ очистили дорогу и я свободно дошелъ до мѣста (свалки), гдѣ увидѣлъ обоихъ нѣмцевъ, сидящихъ на тротуарѣ, передъ лавками и, повидимому, сильно помятыхъ. Полицейскій офицеръ стоялъ впереди, заграждая ихъ собственнымъ тѣломъ. Крикъ былъ сильный. Но по данному мною знаку толпа замолкла. Я принялъ строгій видъ и, обратясь къ народу, спросилъ по какому праву они творятъ самосудъ и убиваютъ людей, которые порусски объясняться не умѣютъ? Никто не отвѣчалъ; всѣ стояли снявъ шапки. Какъ вдругъ, какой-то молодой человѣкъ, по костюму судя—мелкій торгашъ, сталъ очень рѣзко говорить мнѣ: „да пора ужъ народу самому расправляться, такъ какъ вы отдаете его на жертву мошенникамъ-иностранцамъ".—Такъ какъ онъ стоялъ очень близко отъ меня, то отвѣтомъ моимъ была здоровенная зуботычина. Онъ зашатался, а я крикнулъ: „живѣй привести ко мнѣ штукатура съ известкою, чтобы онъ замазалъ этотъ богохульный ротъ"! Толпа раздвинулась, и человѣкъ, ко мнѣ обращавшійся, поспѣшно ушелъ. Тогда я приказалъ полицейскому отвезти обоихъ нѣмцевъ, на извощикѣ, въ больницу,—что и было исполнено безъ малѣйшей помѣхи. Оставшись господиномъ поля битвы, я прочелъ внушительное наставленіе народной толпѣ, которая сознавалась, что виновата, (прибавляя) что не знаетъ, кто такъ разбуянился, и прося меня помиловать того парня, котораго я ударилъ. Я простилъ его, но самъ, при этомъ, превозносилъ мое великодушіе, и прекратилъ все дѣло, оставшись весьма довольнымъ, что оно разрѣшилось такимъ образомъ.

* * *

Такъ какъ государь императоръ, при отъѣздѣ своемъ, говорилъ мнѣ, а потомъ и писалъ, что не замедлитъ возвратиться

въ Москву, то я осмѣлился отсовѣтывать ему предпринимать это путешествіе, поставляя ему на видъ, что только выигранное сраженіе, которое заставило-бы непріятеля отступить, можетъ спасти Москву отъ (вражескаго) нашествія, —что кн. Кутузовъ приближается къ ней съ каждымъ днемъ и вскорѣ не будетъ въ состояніи защитить ее, — и что въ этомъ случаѣ, присутствіе государя было-бы въ ней неумѣстнымъ и обрекло-бы его на то, чтобы быть свидѣтелемъ занятія (своей) столицы, не имѣя средствъ воспрепятствовать этому. Совѣта моего послушались. Я считалъ, и продолжаю считать, что поступилъ какъ подобаетъ вѣрному слугѣ; ибо надо признаться откровенно, что, съ самаго начала этой войны, чѣмъ болѣе непріятель занималъ областей тѣмъ сильнѣе возрастали мои опасенія, на счетъ того—какъ-бы не согласились заключить миръ и съ однимъ почеркомъ пера утратить довѣріе Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самую Россію. Можно предполагать, что, если-бы государь находился при арміи, то послѣ Бородинскаго сраженія, желая спасти столицу, онъ оказался-бы склоннымъ къ выслушиванію предложеній врага, замышлявшаго его гибель. (Потому что врагъ этотъ) отнялъ-бы у него значеніе въ Европѣ, сначала предписаніемъ постыднаго мира, а потомъ возбужденіемъ смутъ и раздоровъ въ странѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, (тотъ же врагъ) пришелъ бы довершить свое дѣло и раздѣлить остатки Россіи, подвергнувъ ее той-же позорной участи, какая постигла Польшу. При томъ (Наполеонъ) можетъ быть возстановилъ-бы удѣльныхъ князей, или-же подѣлилъ-бы провинціи между своими генералами, или какими-нибудь знатными лицами русскаго происхожденія, въ видѣ награды за ихъ предательство и подлость. Хотя нарушеніе присяги на вѣрность своему государю, переходъ въ ряды противника и содѣйствіе его интересамъ считаются верхомъ гнусности, но — тотъ-же человѣкъ, который станетъ рѣзаться съ другимъ, за обозваніе его лжецомъ, оказывается (часто) глухимъ къ голосу чести и нарушаетъ свои священнѣйшія обязанности, какъ только гнусная приманка матеріальныхъ интересовъ ослѣпитъ его. Однако, предполагая даже возможность всѣхъ такихъ событій, я убѣжденъ, что и въ лоскутьяхъ русской имперіи Наполеонъ встрѣтилъ-бы не одну Испанію. Дворянство притворялось-бы передъ нимъ, духовенство ненавидѣло-бы его, а народъ

посвятилъ-бы себя смерти и уничтоженію своихъ враговъ. Народъ этотъ — лучшій и отважнѣйшій въ мірѣ — нашелъ-бы безконечные ресурсы въ обширности страны, имъ обитаемой, въ ея климатѣ и даже въ ея бѣдности. Удалось-бы покорить часть страны, но никогда не удалось-бы укротить ее, и, въ концѣ-концовъ, эта разрушительная борьба опрокинула-бы могущество Наполеона, и Россія вышла-бы цѣльною изъ своихъ развалинъ.

Кн. Кутузовъ, прибывъ въ Гжатскъ, потребовалъ у меня продовольствія для арміи, которая теперь находилась въ странѣ, гдѣ не было заготовленныхъ магазиновъ и гдѣ даже лучшій урожай не можетъ прокормить жителей въ теченіи полу-года. Хлѣбъ уже созрѣлъ, но какая-же была возможность заниматься его уборкою въ присутствіи двухъ армій, которыя все опустошали: одна, для того, чтобы существовать, другая — для того чтобы отнять у противника средства къ существованію. Однако, въ губернскихъ магазинахъ была мука. Я скупилъ все, что̀ имѣлось въ Москвѣ, и учредилъ коммисію, которая, на другой же день, начала свою дѣятельность. Хлѣбопеки пекли хлѣба, другіе разрѣзали его на кусочки, высушиваемые въ печахъ, нанятыхъ и употреблявшихся исключительно для этого дѣла безпрерывно, въ теченіи дня и ночи. Каждое утро, обозъ въ 600 телѣгъ отвозилъ сухари и крупу въ армію, и такого рода продовольствованіе 116 тыс. человѣкъ продолжалось до дня, предшествовавшаго вступленію непріятеля въ Москву.

Мною было рѣшено, что прибытіе нашей отступающей арміи въ Гжатскъ должно служить сигналомъ къ вывозу изъ Москвы всего, что̀ должно было быть оттуда увезено. Не понимаю до сихъ поръ, какимъ образомъ все это дошло въ указанныя мѣста и какъ не встрѣтилось препятствій въ недостаткѣ перемѣнныхъ лошадей! Кромѣ дѣлъ судебныхъ, сенатскихъ, военныхъ комиссій и архива министерства иностранныхъ дѣлъ (пришлось увозить) заведенія вѣдомства императрицы-матери, государственную казну, патріаршую ризницу, сокровища соборовъ, Троицкаго и Воскресенскаго монастырей, да еще 96 пушекъ 6-ти фунтоваго калибра. Все это вывезено въ теченіи двухъ дней и направлено въ Нижній, Казань и Вологду.

Приходилось глядѣть сквозь пальцы на совершавшіяся (при этомъ) злоупотребленія. Чиновники требовали тройное число ло-

шадей и повозокъ. Я встрѣтилъ нѣсколько такихъ обозовъ при ихъ выѣздѣ изъ города и видѣлъ телѣги, нагруженныя дрянною мебелью, неизвѣстно кому принадлежавшею, но которую хотѣли спасти. Открыто было, что многіе изъ мелкихъ чиновниковъ отдавали въ наймы повозки, назначенныя для ихъ собственнаго употребленія. Каждое утро я поднималъ шумъ и достигъ - таки того, что уменьшилъ на половину число требуемыхъ повозокъ. Необходимо было, чтобы все совершалось правильно, потому что по окончаніи распредѣленія (подводъ) и назначенія дней отъѣзда, давалось о томъ сообщеніе нижегородскому и владимірскому гражданскимъ губернаторамъ, дабы они своевременно распорядились выставленіемъ на границѣ своихъ губерній достаточнаго для каждаго транспорта числа лошадей. Независимо отъ лошадей, я велѣлъ приготовить въ Коломнѣ (городъ на Окѣ, въ 94-хъ в. отъ Москвы) такое количество большихъ судовъ, какое только можно было собрать, для перевозки водою, въ Нижній-Новгородъ, государственнаго казначейства и суммъ приказа общественнаго призрѣнія, принадлежавшихъ воспитательному дому. Изъ числа этихъ большихъ судовъ, 10 были мною оставлены для перевозки раненыхъ, находившихся въ трехъ большихъ московскихъ госпиталяхъ. Все прибыло въ порядкѣ, ничего не потерялось. Только военная комиссія и главная аптека ничего не спасли, по глупости ген.-лейт. Татищева, который, теряя время и предоставляя распоряжаться чиновникамъ, дождался того, что нѣсколько барокъ съ холстомъ были захвачены непріятелемъ; а потомъ онъ послалъ въ военную коллегію рапортъ, куда вписали на 2 милліона вещей, которыя даже не были еще сданы и которыхъ обозначили попавшими въ руки непріятеля, по причинѣ спада водъ.

По мѣрѣ приближенія кризиса, т. е. сраженія, о которомъ Кутузовъ продолжалъ возвѣщать, эмиграція дворянства все усиливалась. Я велѣлъ представить себѣ списокъ экипажей, выѣзжавшихъ черезъ заставы: ярославскую, петербургскую, владимірскую и рязанскую, и оказалось, что число берлинъ, каретъ, бричекъ, колясокъ доходило до 1,320 въ одинъ день, при чемъ въ исчисленіе это не входили туземныя повозки, называемыя кибитками и запрягаемыя тремя лошадьми въ рядъ. Купцы еще держались, и имъ болѣе тяжело было покидать городъ, гдѣ

находились ихъ дома, имущество и торговля. Тѣ, у которыхъ товаръ былъ небольшаго вѣса, платили до 8-ми рублей съ пуда, при перевозкѣ въ Ярославль или въ Муромъ—два города, отстоящіе на 240 в. (отъ Москвы). Но торговцы желѣзомъ и мѣдью принуждены были оставлять весь свой товаръ въ лавкахъ, такъ какъ стоимость его была ниже стоимости перевозки. Многіе изъ знакомыхъ мнѣ богатыхъ купцовъ пріѣзжали ко мнѣ на дачу, чтобы справиться тамъ ли еще моя жена и мои дѣти, и присутствіе оныхъ успокоивало этихъ купцовъ относительно приближенія опасности. Въ послѣдніе четыре дня передъ занятіемъ Москвы, платили до 800 р., вмѣсто 30—40, за переѣздъ на 250 в. во внутренность страны. Цѣна непомѣрная!—но ее приходилось платить, чтобы избавиться отъ позора и спасти жизнь цѣною имущества.

* * *

Проснувшись утромъ 24-го августа, я получилъ увѣдомленіе, что атаманъ Платовъ остановился у меня. Отъ него я узналъ, что онъ прибылъ въ Москву, дабы имѣть болѣе средствъ для посылки приказаній казакамъ, отъ которыхъ требовалось поголовное вооруженіе. Онъ принималъ и отправлялъ многихъ курьеровъ, а послѣ обѣда представился купцамъ и мѣщанамъ, которые, въ числѣ около 1,000 чел., пришли посмотрѣть на него. Онъ имъ наболталъ съ три короба; объявилъ, что, по своимъ знаніямъ астрологіи, увѣренъ въ побѣдѣ, что пріѣхалъ помолиться московскимъ угодникамъ, но что вечеромъ опять уѣдетъ въ армію. Эти люди считали его знахаремъ и имѣли высокое понятіе о его способностяхъ и отвагѣ. Они называли его настоящимъ „патріотическимъ патріотомъ“. Вечеромъ, когда я сошелъ внизъ, къ чаю, прибылъ ко мнѣ нашей службы подполковникъ баронъ, или графъ, Лезеръ, вручившій мнѣ письмо отъ генерала Барклая. Это тоже былъ господинъ изъ числа подозрительныхъ, котораго меня просили услать куда нибудь подальше въ глубь страны. Пока я писалъ письмо гражд. губернатору Оренбурга, куда отправлялъ этого г. Лезера, онъ, находясь въ сосѣдней комнатѣ, завязалъ ссору съ атаманомъ Платовымъ. Послѣдній упрекалъ его за поведеніе и спрашивалъ, извѣстно ли ему приказаніе, которое онъ (Платовъ) отдалъ на его счетъ по казачьимъ аванпостамъ, гдѣ, если бы онъ показался, его велѣно убить. Я

положилъ конецъ этой скандальной сценѣ, объявивъ г. Лезеру, что онъ долженъ сію же минуту ѣхать въ Пермь, въ сопровожденіи полицейскаго драгуна. Онъ разгорячился и сталъ меня спрашивать, по какому праву я его отсылаю. Тогда я далъ ему прочесть письмо ген. Барклая, а чтобы убѣдить его въ томъ, что его путешествіе не есть шутка и что онъ напрасно передо мною забывается, я приказалъ моему адъютанту взять у него шпагу, и черезъ пять минутъ послѣ этого онъ уже скакалъ по большой дорогѣ.

Прибывъ къ Колоцкому монастырю, Кутузовъ оставался тамъ два дня и избралъ позицію позади села Бородина, чтобы тамъ дать сраженіе Наполеону. Онъ вступилъ уже въ предѣлы Московской губерніи и находился отъ столицы въ разстояніи всего 112 в. (28 лье). Онъ уступилъ настояніямъ генераловъ и раздраженію солдатъ, которые въ разговорахъ своихъ обвиняли его въ томъ, что онъ хочетъ отдать непріятелю Москву безъ боя.

Не стану распространяться объ этомъ сраженіи, гдѣ (обѣ стороны) дрались съ одинаковымъ ожесточеніемъ: русскіе, чтобы защитить свою столицу, а солдаты Наполеона, чтобы овладѣть ею. Не берусь рѣшать, былъ ли Наполеонъ въ этотъ день великимъ или малымъ, или непохожимъ на самого себя, но — оба главнокомандующіе могли бы избавить родъ человѣческій отъ этой бойни и сохранить въ своихъ рядахъ болѣе 90,000 чел., выбывшихъ изъ строя. Наполеонъ, слѣдуя по старой Калужской дорогѣ, вступилъ бы въ Москву недѣлею позже, но съ арміею болѣе сильною на 52,000 чел., которые были убиты или переранены подъ Бородинымъ; а Кутузовъ, съ 116,000 (изъ коихъ потерялъ 30—40 тыс.), сталъ бы на новой Калужской дорогѣ и не подвергся бы три или четыре раза опасности быть раздавленнымъ. Единственными двумя выгодами, которыя Россія извлекла изъ этого сраженія, были: 1) почти окончательное уничтоженіе французской кавалеріи, сильно уже разстроенной походомъ и недостатками въ фуражѣ, и 2) впечатлѣніе, произведенное прибытіемъ и разсказами раненыхъ офицеровъ, разъѣхавшихся по всѣмъ губерніямъ, гдѣ у нихъ были имѣнія или родственники. Это примирило съ военными народъ, зараженный столичными сплетнями, которыя приписывали измѣнѣ отступленіе нашихъ войскъ и обвиняли ихъ въ трусости.

Люди, раненые при взятіи Смоленска, ежедневно прибывали ко мнѣ тысячами. Уходъ за ними былъ хорошій. Однажды утромъ, когда я посѣтилъ главный госпиталь, одинъ изъ хирурговъ просилъ меня уговорить какого-то гренадера, раненаго въ ногу такъ, что только ампутація могла спасти его. Этотъ гренадеръ—человѣкъ 36 лѣтъ, съ мужественною и благородною наружностію—не хотѣлъ слушать моихъ совѣтовъ и увѣщаній. Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Зачѣмъ вы хотите, чтобы я жилъ? Мнѣ надо умереть, потому что мы не могли отстоять Смоленска“. Онъ такъ твердо рѣшился умереть, что мои настоянія не имѣли удачи; но я поручилъ одному весьма краснорѣчивому священнику поговорить съ нимъ,—и тому удалось уговорить его. Ему отрѣзали ногу; я его видѣлъ потомъ два или тра раза и онъ поправлялся.

Во время сраженія при Бородинѣ, Кутузовъ прислалъ мнѣ курьера (отправленнаго въ 4 ч. пополудни) съ письмомъ по которому казалось, что онъ доволенъ успѣхами нашего оружія. Курьеръ сообщилъ мнѣ, что король неаполитанскій (Мюратъ) взятъ въ плѣнъ, что очень порадовало московскихъ обывателей. Впослѣдствіи оказалось, что то былъ генералъ Лами, который назвалъ себя Мюратомъ, когда его брали въ плѣнъ. Самъ Кутузовъ находился въ заблужденіи до тѣхъ поръ, пока Лами, приведенный къ нему съ почетомъ, подобающимъ плѣнному величеству, не сознался въ истинѣ. На другой день, въ 8 час. утра, я получилъ отъ Кутузова второе письмо, гдѣ слегка упомянувъ о сраженіи, (будто бы) выиграниомъ наканунѣ, онъ говорилъ о своей рѣшимости возобновить бой и умолялъ меня прислать какъ можно болѣе повозокъ для перевозки раненыхъ, а также сколь возможно болѣе пушечныхъ зарядовъ и ружейныхъ патроновъ. Все это было отправлено къ нему въ продолженіе двухъ часовъ времени. Я написалъ краткую записку министру полиціи, (въ которой говорилъ), что ничего не постигаю въ этой побѣдѣ, такъ какъ армія наша была на пути въ Можайскъ. Я узналъ объ этомъ отъ курьера, который, торопя меня отпустить его, имѣлъ неосторожность сболтнуть, что наши войска находятся въ Можайскѣ, (т. е.) въ 10-ти верстахъ позади поля сраженія. Кутузовъ разсчитывалъ, что курьеръ, при быстромъ переѣздѣ, прибудетъ въ Петербургъ 30-го августа (ст. ст.), т. е.

въ день тезоименитства государя, и реляція его (Кутузова) поднесется въ видѣ букета. Въ этой реляціи, напечатанной и обнародованной, онъ говорилъ, что позиціи наши были атакованы безуспѣшно, что непріятель былъ отброшенъ и преслѣдуемъ атаманомъ Платовымъ съ его казаками, на разстояніи 11 верстъ, до Колоцкаго монастыря, и что съ разсвѣтомъ онъ снова двинется въ атаку со всею арміею. Обманъ этотъ такъ хорошо удался ему, что онъ былъ произведенъ въ фельдмаршалы; всѣмъ родственникамъ его оказаны (высочайшія) милости, а солдаты получили по 5 рублей на человѣка. Я увѣренъ, что не такъ сильно радовались бы этой побѣдѣ, еслибъ государь тотчасъ-же узналъ о запискѣ моей къ министру полиціи; но курьеръ, подъ предлогомъ, что его долго задержали во дворцѣ, передалъ мою записку (по назначенію) уже гораздо позже полудня, и я имѣю основаніе думать, что онъ на этотъ предметъ имѣлъ маленькую инструкцію отъ кн. Кутузова. Дѣлая его (Кутузова) фельдмаршаломъ, думали этимъ наградить храбрость арміи, потому что онъ, самъ по себѣ, даже не имѣлъ возможности видѣть того, что совершалось, такъ какъ находился за холмомъ, на разстояніи одного лье отъ поля сраженія. Онъ полагалъ, можетъ статься, что отъ сохраненія его персоны зависитъ спасеніе Россіи.

День сраженія, 26-го августа ст. ст., проведенъ былъ Москвою въ сильномъ безпокойствѣ. У городскихъ заставъ можно было слышать пушечный громъ, а въ окрестностяхъ, съ подвѣтрянной стороны, громъ этотъ разносился на разстояніе 30-ти льё.

На другой день послѣ сраженія я получилъ множество извѣстій и могъ теперь вполнѣ знать въ чемъ дѣло. Эта важная побѣда надъ Наполеономъ сводилась къ одной изъ самыхъ геройскихъ оборонъ. Генералы, офицеры и солдаты дрались какъ львы. Но непріятель, имѣвшій значительное превосходство въ числѣ войскъ и сильные резервы у Колоцкаго монастыря, къ вечеру занялъ нѣкоторыя изъ нашихъ батарей на крайнемъ лѣвомъ крылѣ и удержался на нихъ... Армія наша, ослабленная на одну треть, съ разсвѣтомъ другаго дня стала отступать, оставивъ на полѣ сраженія своихъ убитыхъ и раненыхъ.

Я узналъ имена убитыхъ и раненыхъ генераловъ. Болѣе всѣхъ интересовалъ меня ген.-маіоръ гр. В. (Воронцовъ); пуля пробила ему ляшку и, если бы не сила и здоровье его организма, онъ умеръ бы

вслѣдствіе своей раны. Дѣятельность и способности его, какъ въ военное, такъ и въ мирное время, хорошо доказали впослѣдствіи, что Россія много потеряла бы въ этомъ молодомъ человѣкѣ, единственномъ сынѣ почтеннаго отца, который игралъ важную роль въ военной службѣ и въ дипломатіи, оказывалъ выдающіяся услуги своимъ государямъ и часто преподавалъ имъ уроки [1]). Я съ молодыхъ лѣтъ привязанъ былъ къ нему чувствомъ глубокой благодарности,—а смерть сына свела бы и отца въ могилу. Своякъ мой, ген.-маіоръ Васильчиковъ, вышелъ счастливо изъ этого боя. Три лошади подъ нимъ было убито, одна ранена пятью пулями, картечь попала въ его одежду, но самъ онъ получилъ лишь легкую контузію въ ногу. Мой сынъ,—одинъ изъ трехъ адъютантовъ ген. Барклая, не выбывшихъ изъ строя—былъ довольно сильно контуженъ ядромъ въ руку. Девять его товарищей были убиты или ранены.

Многіе изъ моихъ знакомыхъ являлись ко мнѣ просить каретъ, для перевозки въ Москву ихъ близкихъ родственниковъ, раненыхъ (въ сраженіи). Часть ихъ прибыла на 3-й день, и въ томъ числѣ кн. Багратіонъ. Я поспѣшилъ къ нему; онъ былъ въ полномъ сознаніи, страдалъ ужасно, но судьба Москвы не давала ему ни минуты покоя. Кость его ноги была разбита повыше щиколки; но сдѣлать ему немедленную ампутацію не рискнули, такъ какъ ему было уже около 50 лѣтъ и кровь у него была испорченная Когда, утромъ того дня, въ который Москва впала во власть непріятеля, я приказалъ объявить ему, что надо уѣзжать, онъ написалъ мнѣ слѣдующую записку: „Прощай, мой почтенный другъ. Я больше не увижу тебя. Я умру не отъ раны моей, а отъ Москвы“.

Однажды утромъ мнѣ доложили, что подполковникъ нашей службы, принцъ Гессенъ-Филипстальскій, который былъ раненъ подъ Можайскомъ и которому отрѣзали ногу, находится у меня на дворѣ. Онъ лежалъ въ коляскѣ и не хотѣлъ, чтобы его перенесли въ комнату. На другой день, согласно его желанію, онъ отправился въ Ярославль, чтобы воспользоваться заботливостію находившагося тамъ принца Георгія Ольденбургскаго.

---

[1]) Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ—русскій посолъ въ Англіи
Ред.

Кутузовъ умолялъ меня добыть ему 500 лошадей для перевозки артиллеріи. Приказано было привести всѣхъ лошадей съ извощичьихъ дворовъ и отъ барышниковъ и, въ присутствіи экспертовъ изъ ихъ же числа и изъ купцевъ, выбрано было 500 лошадей, за которыхъ требуемая цѣна тотчасъ же была уплочена. Лошади эти обошлись въ 132 т. р., а по прибытіи въ главную квартиру—болѣе половины ихъ сдѣлалась добычею тѣхъ, кому онѣ были нужны.

Въ это же самое время случилось одно происшествіе, доказывавшее, что надежда никогда не покидаетъ человѣка и располагаетъ народъ къ легковѣрію. Пришли мнѣ доложить о большомъ столпленіи людей около одной, очень высокой, колокольни, находившейся на краю города, и что повиснувшій на крестѣ оной соколъ привлекаетъ вниманіе всего народа. Я отправился туда, не столько изъ любопытства, сколько для того, чтобы разогнать народъ, который всегда склоненъ выкинуть какую нибудь глупость, когда соберется толпою. Я засталъ сборище человѣкъ въ 1,000, глазѣвшее на несчастнаго сокола, который, имѣя путы на ногахъ (какъ всѣ соколы, которыхъ дрессируютъ для охоты), опустился на крестъ и не могъ отъ него отцѣпиться. Какой-то прохожій его замѣтилъ, обратилъ на него вниманіе другихъ,—и вотъ тысяча зѣвакъ остановилась тутъ, чтобы насладиться зрѣлищемъ, которое, по объясненію самыхъ ученыхъ между ними, предрекало торжество надъ непріятелемъ; потому что—говорили они—соколъ преобразуетъ Наполеона, погибающаго на крестѣ. Я сталъ поддакивать этой бѣдной толпѣ и, такимъ образомъ, соколъ явился лучемъ надежды для дураковатыхъ людей, которые никогда не обрѣтаются въ меньшинствѣ.

Послѣ Бородинскаго боя я уже пересталъ прибѣгать къ разнымъ маленькимъ средствамъ для занятія и развлеченія умовъ въ народѣ; да и надо признаться, что всѣ средства уже были истощены. Тяжелая работа для ума придумывать чѣмъ бы можно произвести впечатлѣніе на массы, тѣмъ болѣе, что и успѣхъ сомнителенъ. Тончайшія соображенія часто оставались безплодными, между тѣмъ какъ самыя пошлыя выдумки оказывали дѣйствіе необычайное. Наиболѣе распространилась по Россіи, среди простаго народа, сказочка въ моемъ вкусѣ, которой въ одно утро я приказалъ напечатать 5 т. экземпляровъ и про-

давать по грошу штуку. Въ ней я описывалъ встрѣчу митрополита Платона съ престарѣлымъ инокомъ, который почтительно приблизился къ нему за благословеніемъ и, сказавъ, что возвратился сражаться въ русскихъ рядахъ, исчезъ въ глазахъ всѣхъ присутствовавшихъ, оставивъ по себѣ сіяющій слѣдъ. А надо замѣтить, что св. Сергій, бывшій монахомъ въ Троицкомъ монастырѣ, гдѣ и покоятся его мощи, сражался въ войскахъ Дмитрія Донскаго [1]) противъ орды татарина Мамая и остался побѣдителемъ.

Курьеры съ письмами отъ кн. Кутузова пріѣзжали ко мнѣ по нѣсколько разъ въ день. Онъ всякій разъ чего-нибудь требовалъ, и требуемое посылалось ему безъ потери времени. Онъ желалъ (между прочимъ), чтобы я употребилъ мой единственный и плохой гарнизонный полкъ, для захвата мародеровъ и дезертировъ и для воспрепятствованія имъ входа въ городъ, забывая, что городъ этотъ былъ безъ рвовъ, безъ стѣнъ и имѣлъ въ окружности 42 версты ($10^1/_2$ лье). Сдѣланъ былъ еще опытъ съ небольшимъ пробнымъ аэростатомъ; но у него тоже пружины не выдержали. Тогда я велѣлъ шарлатану Шмидту убрать (свой) большой тафтяной шаръ и отправить его, вмѣстѣ съ рабочими, въ Нижн.-Новгородъ; самъ-же онъ остался еще въ Москвѣ [2]).

* * *

29-го числа (августа) Москва была поражена ужасомъ, когда ночью увидѣла отблескъ нашихъ бивачныхъ огней въ разстояніи 40 в. отъ города. Этотъ свѣтъ открылъ и остальнымъ жителямъ глаза на ту участь, которая ихъ ожидала. Простонародье собралось въ путь, оставляло городъ, куда вскорѣ готовились вступить враги. Проявилось тутъ и нѣсколько комичныхъ патріотическихъ выходокъ: одна дама явилась ко мнѣ съ предложеніемъ составить эскадронъ амазонокъ; актеры русской труппы хотѣли соб-

---

[1]) Авторъ спуталъ здѣсь св. Сергія съ Пересвѣтомъ и Ослябомъ, двумя иноками Троице-Сергіевой лавры, посланными къ вел. князю Дмитрію Донскому и павшими въ бою на Куликовомъ полѣ.

[2]) Упоминаемый здѣсь Шмидтъ есть тотъ самый Францъ Леппихъ, свѣдѣнія о которомъ помѣщены въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., т. XX, декабрь, стр. 717—720. Шмидтомъ (докторомъ) онъ назвался уже по пріѣздѣ въ Россію. Въ той же декабрьской книгѣ «Русск. Стар.» изд. 1877 г. помѣщенъ снимокъ интереснаго геліографическій подлиннаго письма Александра I, 24-го мая 1812 г., по поводу изобрѣтеннаго Леппихомъ воздушнаго шара.

Ред.

ственными силами защищать столицу и пришли къ ген. Апраксину, отдавая въ его распоряженіе силу своихъ мышцъ и свое доброе намѣреніе. Однако онъ отказался отъ этого почетнаго поста и не пожелалъ обезсмертить себя съ 20-ю театральными героями въ римскихъ костюмахъ.

Однажды, вставъ отъ обѣда, мы наткнулись въ одной изъ (нашихъ) гостинныхъ на зрѣлище, котораго никто не ожидалъ. Тамъ собралось человѣкъ 20 раненыхъ при Бородинѣ офицеровъ, пришедшихъ ко мнѣ за полученіемъ денегъ. Они намѣревались отправиться въ разныя мѣста, довольно отдаленныя, чтобы тамъ лѣчиться. Большая часть ихъ не могла держаться на ногахъ; одежда ихъ была испещрена кровавыми пятнами; одни опирались на костыли, у другихъ рука была подвязана. Одинъ молодой поручикъ привлекъ на себя общее вниманіе: воротникъ его былъ измятъ; онъ былъ контуженъ такъ сильно, что ежеминутно харкалъ кровью. Я снабдилъ ихъ необходимыми для путешествія деньгами и отъ души пожелалъ имъ выздоровленія. Я замѣтилъ и далъ замѣтить другимъ, что, не смотря на страданія, всѣ они держали себя съ полнымъ достоинствомъ и жалѣли лишь о необходимости оставить армію.

30-го числа (августа) я приказалъ закрыть судебныя учрежденія и чиновникамъ отправиться въ Нижній-Новгородъ. Оставался еще сенатъ, гдѣ продолжались засѣданія сенаторовъ, бывшихъ на лицо. Трое изъ сенаторовъ принадлежали къ обществу мартинистовъ: 1) Лопухинъ, тотъ самый, который былъ сосланъ при императрицѣ Екатеринѣ, въ эпоху разсѣянія названной секты. Этотъ Лопухинъ, человѣкъ малоспособный, но образованный, сдѣлался пьяницею; онъ задолжалъ всѣмъ и никому не платилъ, а въ то же время всѣ доходы свои употреблялъ на раздачу милостыни—не изъ любви къ ближнимъ, а изъ тщеславія; 2) Руничъ, весьма сильно увлеченный мартинизмомъ, и человѣкъ умный; 3) Кутузовъ, племянникъ фельдмаршала,—личность крайне пошлая, стихотворецъ, пьяница, погрязшій въ долгахъ, доносчикъ и склонный, по личнымъ вкусамъ, быть шпіономъ и говоруномъ своей секты. Эти три господина сговорились между собою послать депутацію въ главную квартиру арміи, чтобы узнать отъ главнокомандующаго не находится-ли Москва въ опасности, а также, чтобы пригласить въ сенатъ меня, для полученія свѣдѣній

относительно средствъ обороны и относительно тѣхъ мѣръ, которыя я полагаю предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ. Все это было игрою самолюбія, при которой московскій сенатъ претендовалъ на присвоеніе себѣ верховныхъ правъ. О планахъ ихъ я узналъ въ тотъ-же день, а также и о томъ, что помянутые три сенатора-мартиниста намѣревались уговорить своихъ товарищей не покидать Москвы, окрашивая такой поступокъ въ чувство долга и въ самопожертвованіе для отечества, по примѣру римскихъ сенаторовъ, во время вступленія галловъ въ Римъ. Но намѣреніе ихъ состояло въ томъ, чтобы, оставшись, играть роль при Наполеонѣ, который воспользовался-бы ими (для своихъ цѣлей). А къ несчастію, сенатъ, который есть не болѣе какъ верховное судилище, играетъ важную роль въ умахъ народа, какъ по древности, такъ и по названію „правительствующій“, — хотя составъ его далекъ отъ того, чѣмъ былъ прежде, вслѣдствіе слишкомъ большаго числа сенаторовъ, а также выбора ихъ; потому что назначаютъ (въ ихъ число) или плохихъ генераловъ, или людей, съ которыми не знаютъ что̀ дѣлать; такъ что сенаторское кресло служитъ переходнымъ мѣстомъ отъ дѣйствительной службы къ чистой отставкѣ. Я считалъ очень важнымъ не оставлять въ городѣ ни одного сенатора, дабы лишить Наполеона возможности дѣйствовать на внутренность страны посредствомъ указовъ или прокламацій, исходящихъ отъ сената. Я рѣшился (поэтому) на мѣру, которую въ то время, да и потомъ, находили поступкомъ самовластнымъ.— 30-го числа, когда сенаторы, — какъ честные, такъ и мартинисты, — совѣщались, ничего не рѣшая, относительно сообщеній, которыя слѣдуетъ послать мнѣ, и о депутаціи, предполагаемой къ отправленію въ главную квартиру, — одинъ изъ моихъ адъютантовъ принесъ имъ отъ меня посланіе, въ которомъ я, именемъ государя, предлагалъ имъ прекратить засѣданіе, избрать который либо изъ губернскихъ городовъ, куда имъ отправиться, и уѣзжать безотлагательно. Приходилось повиноваться, такъ какъ не оставалось выбора между послушаніемъ и мятежемъ. Бо̀льшая часть сенаторовъ была довольна такимъ распоряженіемъ, такъ какъ оно открывало свободный выѣздъ и полагало конецъ ихъ затруднительному положенію. Такъ какъ мои три мартиниста не имѣли въ себѣ ничего (древне-)римскаго, то и

они повиновались, и на другой день послѣдній изъ нихъ выѣхалъ за московскую заставу. Такимъ-то образомъ, я отнималъ у Наполеона страшное орудіе, которое въ его рукахъ могло-бы возбудить нерѣшительность и парализировать энергію во внутреннихъ областяхъ имперіи, поставить ихъ въ такое положеніе, что онѣ не знали-бы кого слушаться. Изъ предосторожности относительно сенаторовъ-мартинистовъ, я говорилъ нѣсколькимъ лицамъ—съ тѣмъ, чтобы это дошло и до нихъ,—что, въ случаѣ неповиновенія, я отошлю въ Петербургъ, подъ надежнымъ конвоемъ, того изъ сенаторовъ, который будетъ упорствовать и оставаться въ Москвѣ.

Въ тѣ-же сутки я былъ разбуженъ ночью гонцомъ отъ Кутузова, съ которымъ сообщалось мнѣ, что Наполеонъ выслалъ отъ своей арміи отрядъ, который направился къ Звенигороду; при этомъ онъ выражалъ въ своемъ письмѣ надежду, что однихъ обывателей Москвы будетъ достаточно, чтобы наказать непріятеля, въ случаѣ, если-бы тотъ захотѣлъ забраться въ столицу. Это походило на дурную шутку, такъ какъ Кутузовъ очень хорошо зналъ, что Москва почти пуста и что въ стѣнахъ ея оставалось не болѣе 50 т. человѣкъ. Я ничего не отвѣчалъ ему и, въ первый еще разъ, озаботился о спасеніи своего семейства. Я велѣлъ все приготовить для отъѣзда и, при пробужденіи моей семьи, кареты уже были запряжены. а въ 11 час. моя жена и три дочери уѣхали въ Ярославль. Прощаніе наше было страшно тягостно; мы разставались, можетъ быть, навсегда; а представлявшаяся (намъ) страшная будущность отравляла даже самую мысль о счастіи вновь соединиться.

Призвавъ къ себѣ поутру главнаго управляющаго винными магазинами откупа, я объявилъ ему, чтобы онъ прекратилъ отпускъ водки по кабакамъ, и что если я, на другой день, найду хоть одинъ стаканъ (водки), то повѣшу его у дверей (кабака). Приказаніе это было въ точности выполнено, такъ какъ управляющій былъ болѣе чѣмъ кто нибудь заинтересованъ въ томъ. Полиціи я приказалъ запереть вечеромъ всѣ кабаки и выгнать цѣловальниковъ. Къ мѣрѣ этой я долженъ былъ прибѣгнуть вслѣдствіе (появленія) огромнаго числа мародеровъ, дезертировъ и мнимо-раненыхъ, которые со всѣхъ сторонъ прибывали въ городъ; а одна уже приманка выпивки привлекла-бы часть арміи, которая

и безъ того уже была слишкомъ дезорганизована, и тысячи солдатъ, которыхъ нельзя было сдержать силою, начали-бы грабить городъ и, можетъ быть, даже зажгли-бы его, прежде прохода нашей арміи.

Въ эту ночь, какъ и въ предшествовавшую, можно было очень хорошо видѣть отблескъ бивачныхъ огней, какъ нашихъ, такъ и непріятельскихъ. Огни эти наполняли смущеніемъ сердца тѣхъ, которые оставались въ Москвѣ, и освѣщали безмолвное шествіе выходившихъ оттуда людей.

Послѣ отъѣзда моей семьи, я перебрался въ свой городской домъ. На другой день я выѣхалъ изъ Москвы въ 6 час. утра, чтобы повидаться съ кн. Кутузовымъ и посовѣщаться съ нимъ. Для меня важно было знать что̀ хочетъ дѣлать этотъ человѣкъ; потому что въ письмахъ своихъ онъ мнѣ говорилъ лишь о томъ, что ген. Бенигсенъ объѣзжаетъ мѣстность, для избранія выгодной позиціи, на которой можно было-бы дать еще одно генеральное сраженіе. Я проѣхалъ двѣ улицы и, на протяженіе ½ лье, мнѣ пришлось пробираться промежъ двухъ рядовъ повозокъ, переполненныхъ ранеными, и еще огромная толпа таковыхъ-же шла пѣшкомъ, направляясь къ главному госпиталю. Это было чрезмѣрное пріумноженіе раненыхъ, потому что, въ этотъ-же самый день, по рапорту коменданта, число ихъ превышало 36 т.

Наша армія только что прибыла на гору, называемую Поклонною, и остановилась на большой смоленской дорогѣ, въ разстояніи одного лье отъ заставы. Съ перваго-же взгляда я замѣтилъ большое смятеніе. Я нашелъ кн. Кутузова сидящимъ и грѣющимся около костра; онъ былъ окруженъ генералами, офицерами генеральнаго штаба и адъютантами, прибывшими со всѣхъ сторонъ и испрашивавшими приказаній. Онъ отсылалъ тѣхъ и другихъ то къ ген. Барклаю, то къ Бенигсену, а иногда къ квартирмейстеру, полк. Толлю, бывшему его фаворитомъ и достойнымъ его покровительства. Кутузовъ встрѣтилъ меня чрезвычайно вѣжливо, и отвелъ въ сторону, такъ что мы оставались наединѣ, по крайней мѣрѣ, съ полъ-часа. Тутъ-то мнѣ впервые случилось бесѣдовать съ этимъ человѣкомъ. Бесѣда оказалась весьма любопытная, въ отношеніи низости, нерѣшительности и трусливости начальника нашихъ армій, который долженъ былъ быть спасителемъ отечества, никогда ничего не сдѣлалъ и, не смотря на то, былъ почтенъ этимъ славнымъ прозвищемъ.

Онъ объявилъ мнѣ, что рѣшился на этомъ самомъ мѣстѣ дать сраженіе Наполеону. Я замѣтилъ ему, что мѣстность позади позиціи представляетъ довольно крутой спускъ къ городу,—что если нѣсколько потѣснятъ линію нашихъ войскъ, то они, въ перемежку съ непріятелемъ, войдутъ въ улицы Москвы,—что вывести оттуда нашу армію не будетъ никакихъ средствъ, и что онъ рискуетъ потерять ее всю цѣликомъ. Онъ все продолжалъ увѣрять меня, что его не заставятъ сойдти съ этой позиціи, но что если-бы, по какому либо случаю, долженъ былъ отступить, то направится на Тверь. На замѣчаніе мое, что тамъ не хватитъ продовольствія, и что найдти его можно лишь въ Бѣлой (пристань въ ? верстахъ отъ Москвы, отъ которой отправляютъ хлѣбъ въ Петербургъ), у Кутузова вырвались слова: «но вѣдь надо прежде всего позаботиться о сѣверѣ и прикрыть его». Онъ имѣлъ въ виду резиденцію императора и не обращалъ вниманія на двѣ вещи: 1) что если-бы гр. Витгенштейнъ былъ разбитъ, то Сенъ-Сиръ достигъ-бы Петербурга ранѣе, чѣмъ Кутузовъ, и 2) что Наполеонъ не могъ имѣть намѣренія, занявъ Москву, предпринимать въ сентябрѣ шести-недѣльный походъ, для того, чтобы овладѣть Петербургомъ въ концѣ октября, и что, слѣдуя по тверской дорогѣ, Кутузовъ оставлялъ-бы всѣ подкрѣпленія позади и дѣлалъ-бы непріятеля хозяиномъ всей страны, до самаго Чернаго моря. Я спросилъ, не думаетъ-ли онъ стать на калужской дорогѣ, по которой направляются всѣ подвозы изъ внутреннихъ губерній? Онъ отвѣчалъ мнѣ уклончиво, и причиною тому было, что корпусъ неаполитанскаго короля, послѣ бородинскаго боя, двинулся въ означенномъ направленіи, а онъ избѣгалъ встрѣчи съ нимъ. Онъ сталъ разговаривать о битвѣ, которую готовится дать, прося, чтобы я, черезъ день, пріѣхалъ къ нему съ архіереемъ и обѣими чудотворными иконами Богоматери, которыя онъ хотѣлъ пронести передъ строемъ (войскъ); впереди должны были идти священники, читать молитвы и кропить воиновъ святою водою. Затѣмъ онъ просилъ меня прислать ему нѣсколько дюжинъ бутылокъ вина, и предупредилъ, что завтра еще ничего не будетъ; «потому что,— прибавилъ онъ, — я знаю методу Наполеона: сегодня вечеромъ онъ остановится, дастъ своимъ войскамъ день для отдыха, послѣ завтра произведетъ рекогносцировку, а на слѣдующій день начнетъ противъ меня атаку».

Мы вернулись съ нимъ къ костру, гдѣ собравшіеся генералы спорили между собою. Дохтуровъ, который долженъ былъ командовать лѣвымъ крыломъ, пришелъ объявить, что нѣтъ возможности провезти артиллерію, по причинѣ обрывистыхъ рѣчныхъ береговъ и крутой горы. Я заговорилъ съ Барклаемъ, и онъ сказалъ мнѣ: „вы видите, что хотятъ дѣлать; единственное, чего я желаю, это — быть убитымъ, если сотворятъ такое безуміе и станутъ драться тамъ, гдѣ мы теперь стоимъ". Бенигсенъ, котораго я не видалъ со дня смерти императора Павла, тоже подошелъ, чтобы поговорить со мною. Я преодолѣлъ отвращеніе, внушаемое мнѣ (Бенигсеномъ), и узналъ отъ него, что онъ не вѣритъ въ сраженіе, возвѣщаемое Кутузовымъ, что они сами не знаютъ сколько у нихъ людей подъ ружьемъ и что за отступленіемъ, которое являлось необходимымъ, послѣдуетъ занятіе Москвы непріятелемъ. Солдаты глядѣли угрюмо, офицеры—уныло; безтолковщина была повсюду, всякій совался съ своимъ мнѣніемъ или спорилъ со всѣми.

Наканунѣ вечеромъ, Кутузовъ просилъ у меня присылки шанцеваго инструмента; я послалъ ему полныя 10 телѣгъ, но офицеръ, имѣвшій порученіе сдать ихъ, пришелъ доложить мнѣ, что никто не хочетъ ихъ принимать. Черезъ полъ-часа онъ опять явился испрашивать моихъ приказаній, такъ какъ нашелъ телѣги безъ лошадей, отобранныхъ силою. Не зная, къ кому обратиться, чтобы просить о возвращеніи лошадей, я приказалъ офицеру бросить и телѣги и инструменты и вернуться со своими людьми въ Москву, пѣшкомъ.

Я просилъ у Барклая позволить моему сыну проводить меня въ городъ. Я надѣялся доставить ему одинъ день отдыха. Онъ страдалъ отъ контузіи, полученной въ руку и, повидимому, былъ однимъ изъ числа тѣхъ, которые тоже не вѣрили въ сраженіе.

Я отправился къ архіерею, чтобы сообщить ему о желаніи Кутузова, т. е. чтобы онъ отправился (къ войскамъ) крестнымъ ходомъ, съ образами Богоматери, чтобы священники пѣли молитвы и кропили войска святою водою передъ сраженіемъ. Сообщеніе это пришлось не по вкусу владыкѣ.

— „Но куда же я пойду послѣ молебна?" спросилъ онъ меня.

— Къ вашему экипажу, отвѣчалъ я, — въ которомъ вы отъѣдете отъ города, ожидая исхода битвы.

— „А если она начнется прежде, нежели я кончу? Я, вѣдь, могу попасть въ эту сумятицу и меня могутъ убить“.

Чтобы его успокоить, я ему высказалъ мое убѣжденіе, что сраженія не будетъ; но совѣтовалъ быть готовымъ на всякій случай.

Когда я сѣлъ за столъ, то замѣтилъ, что у меня одного былъ кусокъ бѣлаго хлѣба. Причиною тому было то, что всѣ булочники оставили Москву. Въ 4 ч., кн. Кутузовъ прислалъ мнѣ письмо, которымъ предписывалъ послать къ нему на соединеніе, кратчайшею дорогою, оба вновь сформированные пѣхотные полка, которые, въ ожиданіи своего назначенія, прибыли въ одну изъ деревень, лежащую въ 7 в. отъ Москвы, на петербургской дорогѣ.

Въ этотъ же день, Кутузовъ, пообѣдавъ и отдохнувъ по обыкновенію, собралъ военный совѣтъ, на который пригласилъ (своихъ) генераловъ, для совѣщанія о томъ, какое рѣшеніе принять, т. е. защищать ли Москву или оставить ее непріятелю? Изъ 8-ми или 9-ти генераловъ, присутствовавшихъ на совѣтѣ, только одинъ предложилъ немедленно идти впередъ и атаковать Наполеона, котораго полагалъ ослабленнымъ наполовину, вслѣдствіе отдѣленія двухъ корпусовъ: Мюрата на Калужскую дорогу, а принца Евгенія на Звенигородъ. Прочіе генералы поставили на видъ настоящее печальное состояніе нашей арміи и подали голосъ за отступленіе. Кутузовъ былъ того же мнѣнія и объявилъ, что пройдетъ черезъ городъ ночью и направится на Рязанскую дорогу. При этомъ случаѣ онъ оказалъ мнѣ большую услугу, не пригласивъ меня на неожиданный военный совѣтъ; потому что я тоже высказался бы за отступленіе, а онъ сталъ бы впослѣдствіи ссылаться на мое мнѣніе, для оправданія себя отъ нареканій за отдачу Москвы (непріятелю). Онъ написалъ мнѣ письмо, которое одинъ изъ его адъютантовъ, по фамиліи Монтрезоръ, привезъ мнѣ около 8-ми ч. вечера.

Я тотчасъ призвалъ оберъ-полиціймейстера, чтобы приказать ему отправить къ кн. Кутузову всѣхъ свободныхъ полицейскихъ офицеровъ, такъ какъ тотъ просилъ провожатыхъ, для направленія войскъ кратчайшимъ путемъ на Рязанскую дорогу; самому же оберъ-полиціймейстеру велѣлъ, собравъ всѣхъ находившихся подъ его начальствомъ людей, на самомъ разсвѣтѣ выйти изъ Москвы,

увозя съ собою всѣ 64 пожарныя трубы, съ ихъ принадлежностями, и отправиться во Владиміръ. Коменданту и начальнику Московскаго гарнизоннаго полка я тоже отдалъ приказаніе уходить. Адъютанта моего я послалъ къ архіерею, съ повелѣніемъ отъ имени государя: уѣхать въ ту-же ночь и увезти съ собою обѣ иконы Богоматери. Онъ сталъ безпокоиться какимъ образомъ ихъ взять. Одна (икона), называемая Владимірскою, находилась въ каѳедральномъ соборѣ; другая, Иверская, въ часовнѣ, носившей ея имя. Онъ справедливо опасался, какъ бы остававшаяся въ Москвѣ чернь не вздумала препятствовать отъѣзду двухъ покровительницъ Москвы и какъ-бы самъ онъ не подвергся опасности. Опасеніе это внушалось ему мѣрою, принятою самимъ народомъ въ послѣдніе три,—четыре дня. Мѣра эта состояла въ высыланіи ночныхъ дозоровъ для удостовѣренія въ томъ, что не хочетъ ли кто нибудь унести (помянутыя) иконы. Къ счастію, однако, никто не явился; отъѣздъ совершился быстро и безъ шума; но эта же подозрительность народа была причиною тому, что никакъ не могли снять и уложить большую серебряную люстру, висѣвшую въ соборѣ, такъ какъ для сего потребовалось бы, по крайней мѣрѣ, дня три.

Но болѣе всего озабочивалъ меня увозъ раненыхъ и больныхъ. Еще за пять дней, я приказалъ выставить у одной изъ городскихъ заставъ около 5,000 повозокъ, съ ихъ упряжкою, и при нихъ довольно сильный караулъ, для того, чтобы крестьяне ночью не убѣжали. Начальнику транспорта было предписано не отпускать ни одной подводы безъ приказанія, подписаннаго моею рукою. Послѣ письма Кутузова, сообщавшаго мнѣ объ отступленіи, я тотчасъ же отправилъ туда (къ транспорту) надежнаго человѣка, который немедленно приказалъ запрягать телѣги и направилъ ихъ къ госпиталю. Тамъ уже отданы были мои приказанія: положить на телѣги постольку больныхъ, поскольку могло помѣститься, и обьявить остальнымъ, что непріятель скоро вступаетъ въ Москву и что они должны потихоньку идти за транспортомъ, везущимъ самыхъ слабыхъ въ Коломну, за 90 в. ($22^1/_2$ лье) отъ Москвы, гдѣ уже ожидаютъ ихъ рѣчныя суда и (медицинская) помощь. Болѣе 20,000 чел. успѣло помѣститься на подводы, хотя и не безъ суматохи и споровъ; прочіе послѣдовали за ними пѣшкомъ. Весь транспортъ двинулся съ

мѣста около 6-ти час. утра; но около 2,000 больныхъ и тяжело раненыхъ остались на своихъ кроватяхъ, въ ожиданіи непріятеля и смерти. Изъ нихъ, по возвращеніи моемъ, я только 300 чел. засталъ въ живыхъ.

Этотъ караванъ, безпримѣрный въ исторіи чрезвычайныхъ событій, прибылъ въ Коломну на четвертые сутки. Больныхъ перемѣстили на суда и спустили по Окѣ, до губернскаго города Рязани, гдѣ они были размѣщены, накормлены и пользовались хорошимъ уходомъ, благодаря заботливости и дѣятельности профессора Лодера, котораго я назначилъ начальникомъ всѣхъ госпиталей и которому его просвѣщенное и человѣколюбивое рвеніе доставило лучшую изъ всѣхъ наградъ: возможность сказать, что «изъ такого-то числа больныхъ и раненыхъ я спасъ столькихъ-то и столькихъ-то».

Хотя Наполеонъ, въ одномъ изъ своихъ бюллетеней, укоряетъ меня за то, что я обрекъ вѣрной смерти нѣсколько тысячъ раненыхъ и больныхъ солдатъ, покинутыхъ въ госпиталяхъ, но если бы онъ захотѣлъ быть справедливымъ, то поблагодарилъ бы меня за то, что я выпроводилъ 25,000 чел., которые всѣ погибли бы отъ голода и лишеній, (если бы остались) въ Москвѣ. Исторія и человѣчество обвинили бы самого Наполеона въ смерти этихъ несчастныхъ, впавшихъ въ его власть, какъ военноплѣнные.

* * *

Около полуночи я отправилъ къ государю курьера съ печальнымъ извѣстіемъ, что непріятель готовится стать господиномъ его столицы. Въ то же время я выслалъ шарлатана Шмидта, и они отправились по ярославской дорогѣ. Когда нѣсколько строкъ моего донесенія было уже написано, я замѣтилъ, что листъ (на которомъ я писалъ) разорванъ; я взялъ другой, а первый остался на моемъ бюро, и это подало поводъ къ тому, что въ одномъ изъ бюллетеней (Наполеона) говорится, будто, при смятеніи, въ какомъ я находился, я даже забылъ окончить мое письмо государю.

Въ 11 час. вечера мнѣ доложили о прибытіи принца Виртембергскаго и герцога Ольденбургскаго. Одинъ былъ генералъ-аншефомъ, другой — генералъ-лейтенантомъ, состоявшимъ по арміи. Оба они пріѣхали приглашать меня отправиться къ кн. Кутузову и уговорить его не оставлять Москвы и дать

сраженіе. Объясненіе мое было непродолжительно. Когда на вопросъ мой: настаивали ли они въ военномъ совѣтѣ на необходимости драться? они отвѣчали, что даже и не были на немъ,— то я замѣтилъ ихъ высочествамъ, что одинъ изъ нихъ приходится дядей, а другой двоюроднымъ братомъ государю и что потому они гораздо болѣе меня имѣютъ правъ совѣтами своими заставить кн. Кутузова перемѣнить свое мнѣніе, и что, къ тому же, у меня еще столько дѣла остается до утра, что я не хочу пожертвовать 4-мя или 5-ю часами на поѣздку, безполезность которой предвижу. Принцы сообщили мнѣ, что они ходили къ кн. Кутузову, но что онъ спалъ и ихъ не впустили. Послѣ многихъ сожалѣній и строгихъ осужденій кн. Кутузова, они ушли, оставивъ меня проникнутаго горестью и пораженнаго оставленіемъ Москвы.

Сейчасъ же послѣ нихъ явилось ко мнѣ пять или шесть молодыхъ людей изъ хорошихъ фамилій, пришедшихъ въ отчаяніе при видѣ отступленія арміи и считавшихъ себя опозоренными, такъ какъ Москва отдавалась непріятелю. Они умоляли меня, со слезами на глазахъ, ѣхать къ кн. Кутузову и понудить его къ отмѣнѣ приказа объ отступленіи (которое уже совершалось, такъ какъ артиллерія слѣдовала по внѣшнимъ бульварамъ). Я, на сколько могъ, успокоилъ эту похвальную ревность юношей, которые ушли отъ меня настолько же недовольные мною за то, что я не воспрепятствовалъ кн. Кутузову отступить, насколько послѣдній долженъ былъ быть доволенъ, что могъ уйти, не давъ Наполеону доканать себя.

Я послалъ камердинера на свою дачу, чтобы взять тамъ два портрета, которыми я очень дорожилъ: одинъ, жены моей, а другой— императора Павла. Надо тутъ замѣтить, что въ обоихъ домахъ моихъ оставлена была мною полная обстановка: картины, книги, мраморныя вещи, бронза, фарфоръ, всѣ экипажи и погребъ съ винами. Хотя я и напередъ былъ увѣренъ, что все это будетъ разграблено, но хотѣлъ понести тѣ же потери, какія понесены были другими, и стать на одинъ уровень съ жителями, имѣвшими въ Москвѣ свои дома. Какихъ нибудь двадцать телѣгъ могли бы увезти всю эту обстановку, стоившую полъ-милліона; въ распоряженіи моемъ находились тысячи лошадей, да кромѣ того еще лошадей 500 могли бы быть доставлены изъ помѣстья моего Во-

ронова,—но таковы уже были побудительныя причины моего пожертвованія. На него въ то время не обратили вниманія, впослѣдствіи надъ нимъ издѣвались и со мною повторилось то же, что часто бываетъ, т. е. что благородные, необдуманные порывы приписываются или глупости, или корыстному разсчету.

Въ то время, какъ я укладывалъ въ мою шкатулку тѣ бумаги, которыя хотѣлъ взять съ собою, я услышалъ рядомъ съ моимъ кабинетомъ вопли и рыданія. Я вышелъ и увидѣлъ трехъ грузинъ, которые бросились къ моимъ ногамъ, объявляя мнѣ,—что обѣ царевны, обѣ княжны и экзархъ Грузіи забыты въ Москвѣ г. Валуевымъ, попеченію котораго они были поручены. Не знаю ужъ, какъ и гдѣ, но имъ достали штукъ 15 лошадей, и всѣ эти потомки грузинскихъ царей отправились въ путь,—царевны въ каретахъ, а ихъ дворня пѣшкомъ.

Я не имѣлъ ни минуты свободной. Безпрестанно приходили ко мнѣ люди всякихъ сословій; одни просили повозку, другіе—денегъ, такъ какъ не имѣли средствъ выбраться изъ города; одинъ извѣстный мнѣ полицейскій офицеръ пришелъ весь въ слезахъ, ведя за собою своего 3-хъ лѣтняго ребенка, о которомъ мать, при отъѣздѣ, забыла. Я дѣлалъ все, что могъ для удовлетворенія просьбъ этихъ несчастныхъ. Что касается денегъ, я роздалъ ихъ столько, что выѣхалъ изъ Москвы человѣкомъ одновременно самымъ богатымъ и самымъ бѣднымъ; такъ какъ увозилъ съ собою 130 т. руб., оставшіеся у меня изъ экстраординарныхъ суммъ, и 630 р., собственно мнѣ принадлежавшихъ. Мысль о томъ, откуда добыть денегъ впослѣдствіи, не приходила мнѣ въ голову.

Я приказалъ спросить у полицейскихъ офицеровъ, не найдется ли между ними желающихъ остаться въ городѣ, переодѣтыми, и доставлять мнѣ донесенія въ главную квартиру, посредствомъ казачьихъ аванпостовъ, до которыхъ они могли пробираться черезъ Сокольницкій лѣсъ. Такихъ надо было мнѣ шесть человѣкъ; но явилось (охотниками) только пять, а одного я назначилъ по собственному выбору. Порученіе мое они исполняли разумно, усердно и съ большою сметливостію. По счастію, присутствія ихъ (въ Москвѣ) даже и не подозрѣвали. По возвращеніи моемъ, я всѣхъ ихъ тамъ встрѣтилъ, и они были щедро награждены государемъ.

Подъ утро явился ко мнѣ нѣкій Загряжскій, состоявшій въ должности шталмейстера при имп. Павлѣ. Это былъ человѣкъ очень пошлый, враль и барышникъ. Онъ заявилъ мнѣ, что такъ какъ жена его не прислала ему лошадей изъ деревни и такъ какъ все имущество свое онъ зарылъ въ своемъ саду, то хочетъ остаться въ Москвѣ, чтобы оберегать оное. Я далъ ему почувствовать, что онъ рискуетъ подвергнуться многимъ непріятностямъ, но что мнѣ не приходится давать ему ни приказаній, ни дозволеній. У человѣка этого уже былъ готовъ свой планъ. Онъ остался (въ Москвѣ) и представился герцогу Виченцскому (Коленкуру), который зналъ его, потому что покупалъ у него лошадей во время своего посланничества въ Россіи. Онъ озаботился устройствомъ конюшни Наполеона и фабрики для починки сѣделъ французской кавалеріи.

Наконецъ, въ 10 ч. утра, все было готово для моего отъѣзда. Я послалъ за моимъ сыномъ, который спокойно проспалъ до 6-ти часовъ и только проснувшись узналъ о судьбѣ Москвы. Такъ какъ онъ не являлся, то я самъ отправился его искать. Я встрѣтилъ его выходящимъ, со слезами на глазахъ, изъ спальни моей жены, и онъ сказалъ мнѣ, что ходилъ прощаться и взглянуть въ послѣдній разъ на мать и сестеръ. Въ этой комнатѣ находились ихъ изображенія и прочіе фамильные портреты. Я понималъ горесть сына моего. Онъ покидалъ отеческій домъ и, въ этотъ разъ, можетъ быть съ тѣмъ, чтобы ужъ туда болѣе не возвращаться; онъ прощался съ своею матерью, служившею ему и учителемъ, и воспитателемъ, и совѣтникомъ; не заставъ ее въ Москвѣ, онъ обращался съ прощальнымъ привѣтомъ къ портрету ея;—онъ собирался прибыть въ армію, на которую не слѣдовало много разсчитывать, и вслѣдствіе послѣднихъ событій, имѣя всего 17 лѣтъ отъ роду, поставленъ былъ въ положеніе человѣка, желающаго встрѣтить смерть, дабы избѣгнуть позора быть покореннымъ.

* * *

Я спустился на дворъ, чтобы сѣсть на лошадь, и нашелъ тамъ съ десятокъ людей, уѣзжавшихъ со мною. Улица передъ моимъ домомъ была полна людьми простаго званія, желавшихъ присутствовать при моемъ отъѣздѣ. Всѣ они, при моемъ появленіи, обнажили головы. Я приказалъ вывести изъ тюрьмы и

привести ко мнѣ купеческаго сына Верещагина, автора наполеоновскихъ прокламацій, и еще одного французскаго фехтовальнаго учителя, по фамиліи Мутона, который за свои революціонныя рѣчи былъ преданъ суду и, уже болѣе 3-хъ недѣль тому назадъ, приговоренъ уголовною палатою къ тѣлесному наказанію и къ ссылкѣ въ Сибирь; но я отсрочилъ исполненіе этого приговора. Оба они содержались въ тюрьмѣ для неисправныхъ должниковъ и ихъ забыли отправить съ 730-ю преступниками, какъ Московской губерніи, такъ и всѣхъ тѣхъ, которыя были заняты непріятелемъ. Преступники эти, которыми наполнили главную московскую тюрьму, ушли три дня тому назадъ, подъ конвоемъ одного баталіона гарнизоннаго полка, и направились къ Нижнему-Новгороду. Человѣкъ 20 заключенныхъ за долги, въ особой тюрьмѣ, были, по моему приказанію, объявлены свободными и имъ растворили двери; кредиторовъ ихъ въ городѣ не было и обстоятельства не благопріятствовали уплатѣ долговъ. Какъ же былъ я удивленъ, когда впервые узналъ, что эти должники превратились—въ одномъ изъ наполеоновскихъ бюллетеней—въ легіонъ изъ 500 человѣкъ, исполнившихъ мой планъ сожженія Москвы.

Приказавъ привести ко мнѣ Верещагина и Мутона и обратившись къ первому изъ нихъ, я сталъ укорять его за преступленіе, тѣмъ болѣе гнусное, что онъ одинъ изъ всего московскаго населенія захотѣлъ предать свое отечество; я объявилъ ему, что онъ приговоренъ сенатомъ къ смертной казни и долженъ понести ее,—и приказалъ двумъ унтеръ-офицерамъ моего конвоя рубить его саблями. Онъ упалъ, не произнеся ни одного слова.

Тогда, обратившись къ Мутону, который, ожидая той же участи, читалъ молитвы, я сказалъ ему: „дарую вамъ жизнь; ступайте къ своимъ и скажите имъ, что негодяй, котораго я только что наказалъ, былъ единственнымъ русскимъ, измѣнившимъ своему отечеству“. Я провелъ его къ воротамъ и подалъ знакъ народу, чтобы пропустили его. Толпа раздвинулась, и Мутонъ пустился опрометью бѣжать, не обращая на себя ничьего вниманія,—хотя замѣтить его было бы можно: онъ бѣжалъ въ поношенномъ своемъ сюртучишкѣ, испачканномъ бѣлою краскою, простоволосый и съ молитвенникомъ въ рукахъ.

Я сѣлъ на лошадь и выѣхалъ со двора и съ улицы, на которой стоялъ мой домъ. Я не оглядывался, чтобы не смущаться тѣмъ, что прошло. Глаза закрывались, чтобы не видѣть ужасной дѣйствительности, и приходилось отступать назадъ передъ страшною будущностью.

* * *

Я остановился на одномъ изъ бульваровъ, выжидая когда одинъ изъ ординарцевъ моихъ пріѣдетъ съ донесеніемъ, что непріятель уже въ городѣ. Я былъ пораженъ пустотою, господствовавшею повсюду: на протяженіи одного льё увидѣлъ я только одну женщину съ ребенкомъ, стоявшую у окна, да еще толстаго старика, сидѣвшаго въ халатѣ передъ своимъ домомъ. На мой вопросъ: развѣ не можешь ты уйдти?—онъ отвѣчалъ: „да зачѣмъ же, сударь?—въ мои года не стоитъ уходить въ другое мѣсто. Я остаюсь и не тревожусь о томъ, что̀ меня ожидаетъ. Пусть будетъ, что будетъ“.—Разставаясь съ этимъ человѣкомъ, я (внутренно) сознавалъ, что онъ былъ правъ и являлся настоящимъ философомъ, самъ того не сознавая.

Ординарецъ мой возвратился съ донесеніемъ, что Милорадовичъ, съ нашимъ аріергардомъ, уже прошелъ черезъ Арбатскую улицу и что непріятельскій авангардъ непосредственно за нимъ слѣдуетъ. Я направилъ мою лошадь къ Рязанской заставѣ, и у моста черезъ Яузу, думая обогнать одинъ изъ нашихъ конныхъ отрядовъ, увидѣлъ, что это кн. Кутузовъ съ своимъ конвоемъ. Я поклонился ему, но не хотѣлъ говорить съ нимъ; однако онъ самъ, пожелавъ мнѣ добраго дня (что можно было бы принять за сарказмъ), сказалъ: „могу васъ увѣрить, что я не удалюсь отъ Москвы, не давъ сраженія“. Я ничего не отвѣтилъ ему, такъ какъ отвѣтомъ на нелѣпость можетъ быть только какая нибудь глупость.

Не доѣзжая до моста, я былъ остановленъ кучкою раненыхъ офицеровъ, человѣкъ въ десять, идущихъ пѣшкомъ. Они уходили изъ города, и остановили меня, чтобы попросить денегъ, такъ какъ у нихъ ничего не было. Я опорожнилъ свои карманы; но пожертвованіе мое не соотвѣтствовало моему желанію дать имъ побольше. Они благодарили меня со слезами на глазахъ; да и у меня текли слезы состраданія и горести при видѣ искалѣченныхъ офицеровъ, доведенныхъ до испрашиванія милостыни, чтобы не умереть съ голоду.

По прибытіи къ заставѣ, мнѣ съ трудомъ лишь удалось пробраться черезъ нее, по причинѣ множества войскъ и повозокъ, торопившихся выходомъ изъ города. Въ ту минуту, когда я очутился по ту сторону заставы, раздались три пушечныхъ выстрѣла въ Кремлѣ: то разгоняли народъ, тамъ собравшійся. Выстрѣлы эти возвѣщали о занятіи столицы и говорили мнѣ, что я уже пересталъ быть ея начальникомъ. Поворотивъ лошадь, я почтительно поклонился первому городу Россійской имперіи, въ которомъ я родился, котораго былъ блюстителемъ и гдѣ схоронилъ двухъ изъ дѣтей моихъ. Долгъ свой я исполнилъ; совѣсть моя безмолствовала, такъ какъ мнѣ не въ чемъ было укорять себя, и ничто не тяготило моего сердца; но я былъ подавленъ горестью и вынужденъ завидовать русскимъ, погибшимъ на поляхъ Бородина. Они умерли защищая свое отечество, съ оружіемъ въ рукахъ, и не были свидѣтелями торжества Наполеона.

Гр. Ѳ. В. Ростопчинъ.

Перев. съ франц. подлинной рукописи **И. И. Ореусъ**.

Примѣчаніе. Покойный Александръ Николаевичъ Поповъ въ исторической своей монографіи: «Москва въ 1812 году» («Р. А.» 1875 г., книги 2 и 3) привелъ большія выдержки, въ своемъ переводѣ, изъ «Записокъ гр. Ѳ. В. Ростопчина о 1812 г.». Можно сказать, что въ ряду многихъ источниковъ, цитируемыхъ А. Н. Поповымъ, помянутыя записки являются однимъ изъ главнѣйшихъ. Время написанія «Записокъ Ростопчина» Поповъ относитъ къ 1823-му году, при чемъ указываетъ на с. Вороново, какъ на мѣсто, въ которомъ графъ Ѳедоръ Васильевичъ написалъ эти воспоминанія.

Какъ ни обширны выдержки А. Н. Попова изъ этого драгоцѣннаго источника, но, — какъ мы уже замѣтили въ предисловіи, — эти выдержки, въ перемежку съ разными подробностями, взятыми либо изъ писемъ Ростопчина, либо изъ показаній современниковъ и сказаній историковъ о событіяхъ того времени, отнюдь не устраняютъ ни потребности, ни громаднаго интереса для читателей—въ ознакомленіи съ полнымъ, дословнымъ и непрерывнымъ изложеніемъ всего этого историческаго памятника, оставленнаго для потомства бывшимъ главнокомандующимъ города Москвы, графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ, каковой потребности мы и удовлетворили, напечатавъ выше (съ пропускомъ лишь 1½ строки) «Записки Ростопчина о 1812 годѣ» въ весьма точномъ и заботливо исполненномъ переводѣ ген.-м. И. И. Ореуса.

Ред.

Памятникъ на могилѣ павшихъ воиновъ

Селенгинскаго и Волынскаго полковъ

24-го октября 1854 года.

Въ Крыму, на берегу Черной рѣчки, на противоположной сторонѣ отъ Инкерманскаго монастыря, въ 1854 г. октября 24-го, происходила битва Волынскаго и Селенгинскаго полковъ, стоившая весьма многихъ жертвъ; воины погребены близь мѣста своей кончины; могилы ихъ обнесены оградою трудами одного изъ уцѣлѣвшихъ севастопольцевъ унтеръ-офицеромъ—Никитою Андреевымъ; этотъ Андреевъ пожелалъ въ 1868 г. поставить надъ воинами памятникъ; мысль эта одобрена была епископомъ таврическимъ Алексѣемъ, и онъ же благословилъ производить сборъ на памятникъ Инкерманскому монастырю. Въ началѣ сборъ былъ удовлетворительный, но со смертію Никиты Андреева пожертвованія остановились, и только благодаря редакціи «Русской Старины», помѣстившей по сему предмету въ 1885 году мою замѣтку, вопросъ о памятникѣ обновился; явились средства, до 1,000 съ чѣмъ-то рублей, начали его строить, но дѣло пошло затѣмъ вяло и лишь въ 1887 г. памятникъ былъ оконченъ, но до сихъ поръ не открытъ и не освященъ съ тою торжественностью, каковая подобаетъ таковому событію.

Между тѣмъ въ газетахъ читаемъ мы объ открытіи памятниковъ французами и другими надъ своими усопшими подъ Севастополемъ, объ открытіи съ торжественными обстановками; неужели же волынцы и селенгинцы этого не заслуживаютъ? Въ виду этого, я вновь, чрезъ любезное посредство «Русской Старины», довожу о томъ до свѣдѣнія, главнымъ образомъ, оставшихся въ живыхъ героевъ Севастополя и лицъ, власть имѣющихъ, не признаютъ ли они возможнымъ посодѣйствовать скорѣйшему освященію и открытію памятника на могилѣ героевъ Волынскаго и Селенгинскаго полка: 24-го октября 1889 г. уже минуло 34 года со дня ихъ смерти.

Д. Струковъ.

Москва.
9-го октября 1889 г.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1842 г. [1]).

Январь 3. Въ Новый годъ, на балу въ Смольномъ монастырѣ, встрѣтился и познакомился съ генералъ-адъютантомъ Шиповомъ. Онъ, между прочимъ, много говорилъ о системѣ народнаго образованія, которую намѣревался ввести въ Польшѣ, гдѣ завѣдывалъ этою частью. Онъ противникъ такъ называемаго классическаго образованія и сторонникъ реальнаго. Не поладивъ съ Паскевичемъ, онъ принужденъ былъ оставить свой постъ и возвратился въ Петербургъ. Теперь онъ назначенъ казанскимъ генералъ-губернаторомъ.

7. У меня просидѣлъ вечеръ И. И. Давыдовъ, профессоръ московскаго университета. Обширный умъ, бездна познаній, знаніе жизни — все это есть у него, — а дальше что? Пока не знаю. Его упрекаютъ въ уклончивости, или, вѣрнѣе, слишкомъ большой склонности характера. Но всѣ, знавшіе его прежде, давно, какъ напримѣръ Н. А. Полевой, утверждаютъ, что онъ сдѣлался такимъ послѣ несчастной исторіи, когда ему запретили читать философію въ Москвѣ и начали смотрѣть на него, какъ на врага вѣры, престола и т. д. Но Полевому не слѣдовало бы упрекать его за сближеніе съ властями: онъ самъ пережилъ нѣчто подобное послѣ запрещенія «Телеграфа».

8. Графъ Клейнмихель всесиленъ при дворѣ! онъ можетъ сыпать милостями, крестами, деньгами и чинами. Вотъ работа для страстей! Аудиторское училище въ данную минуту превратилось

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV; октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334.

въ арену для недостойной погони за всѣми этими благами. Послѣ предстоящаго выпуска ожидаютъ массу наградъ. Большинство моихъ сослуживцевъ плашмя лежатъ, простирая руки кто къ Станиславу, кто къ Аннѣ, къ перстню, къ табакеркѣ. Можно, конечно, желать общественныхъ выгодъ: это натурально. Но пусть бы эти выгоды, по крайней мѣрѣ, покупались цѣною настоящаго дѣла, а не составляли исключительную добычу тѣхъ, кто всѣхъ искуснѣе въ происках и сплетняхъ.

11. Былъ у графа Віельгорскаго. Онъ просилъ меня о романѣ Миклашевичевой: нельзя-ли пропустить? Нельзя. Много дѣйствующихъ лицъ изъ духовныхъ, есть на сценѣ архіерей, разбойникъ-помѣщикъ, плутъ-губернаторъ и прочее. Но главное препятствіе въ духовныхъ лицахъ.

Графъ сообщилъ мнѣ, что государь ему недавно говорилъ съ негодованіемъ о враждебномъ направленіи нашей литературы, о нападкахъ ея на высшіе классы, въ примѣръ чего приводилъ: «Сказку за сказкой». Въ одной изъ нихъ съ невыгодной стороны выставлено наше дворянство, и цензору Очкину былъ сдѣланъ строгій выговоръ.

16. Профессоръ Давыдовъ въ большой милости у Уварова. Онъ добился этого грубою лестью, которую министръ всегда принимаетъ съ простодушіемъ ребенка, чему нельзя не удивляться, ибо у него нельзя отнять ума, если не глубокаго, то, во всякомъ случаѣ, сметливаго. Давыдовъ особенно завоевалъ его сердце статьею «о Порѣчьѣ», деревнѣ Уварова, — статьею, до того льстивою, что она насмѣшила всѣхъ въ Петербургѣ, гдѣ нравы не такъ уже наивны, какъ въ Москвѣ. Уваровъ теперь принялъ здѣсь Давыдова съ распростертыми объятіями. Недавно онъ заставилъ его прочитать по одной лекціи въ Екатерининскомъ институтѣ и Смольномъ монастырѣ, объявивъ предварительно дѣвицамъ этихъ заведеній, что онѣ услышатъ «русскаго Вильмена». Давыдовъ явился и не произвелъ ожидаемаго эффекта. Особенно не по вкусу пришелся онъ въ Смольномъ монастырѣ. Дѣлая тамъ обзоръ русской литературѣ, онъ отказалъ въ поэтическомъ дарѣ Державину и вовсе не упомянулъ о Пушкинѣ—разумѣется изъ желанія угодить Уварову, который никакъ не можетъ забыть «Лукулла». Въ заключеніе Давыдовъ сказалъ, что всему въ Россіи даетъ жизнь и направленіе министерство народнаго просвѣщенія. И все это въ присутствіи Уварова, который не покраснѣлъ и тогда даже, когда Давыдовъ торжественно объявилъ, что «если онъ сказалъ что нибудь хорошее, то обязанъ этимъ не себѣ, а присутствію его высокопревосходительства: самъ онъ (Давыдовъ) только Мемнонова статуя, возбужденная лучезарнымъ солнцемъ».

Послѣ лекціи Уваровъ подошелъ къ начальницѣ, М. П. Леонтьевой, и сказалъ ей: — «Вѣдь вы напишете государю о моемъ посѣщеніи?» Затѣмъ онъ уѣхалъ и увезъ съ собой оратора. А вѣдь и тотъ и другой слывутъ за умныхъ людей!

22. Новая тревога въ цензурѣ. Башуцкій издаетъ тетрадями книгу: «Наши», гдѣ помѣщаются разныя отдѣльныя статьи. Одна изъ нихъ, «Водовозъ», надѣлала много шуму. Дѣйствительно, демократическое направленіе ея не подлежитъ сомнѣнію. Въ ней, между прочимъ, сказано, что «народъ нашъ терпитъ притѣсненія и добродѣтель его состоитъ въ томъ, что онъ не шевелится». Государь очень недоволенъ. Къ общему удивленію, дѣло, однако, обошлось тихо. Цензору даже не сдѣлали оффиціальнаго выговора, а автора призывалъ къ себѣ Бенкендорфъ и сдѣлалъ ему лишь умѣренное увѣщаніе. Цензоровалъ статью Корсаковъ: литераторы часто употребляютъ его, какъ свое орудіе, особенно Гречъ и Булгаринъ. Ему многое сходитъ съ рукъ, отъ чего не поздоровилось бы другимъ. Хорошо имѣть начальникомъ брата! Вонъ Очкину, за сказку Кукольника, на-дняхъ сдѣлали строжайшій выговоръ. Аристократы сильно взволнованы этими литературными дрязгами. Недавно одинъ князь, членъ государственнаго совѣта, съ великимъ гнѣвомъ говорилъ мнѣ о демократическомъ направленіи нашей литературы. Значитъ, они начинаютъ читать русскія книги: бѣда же книгамъ и цензурѣ!

Оно, впрочемъ, и правда, что стремленіе нашей литературы къ такъ называемой народности и вообще усилія ея пробудить народное самосознаніе мало благопріятны для высшаго сословія. У всѣхъ писателей, пишущихъ въ народномъ духѣ, начиная съ Полеваго и такъ далѣе, тайная мысль та, чтобы возбуждать массу. Наше высшее сословіе не имѣетъ (1842 г.) никакихъ нравственныхъ опоръ и, естественно, должно падать съ развитіемъ образованія въ среднемъ и низшемъ классахъ. Но не само ли высшее сословіе въ томъ виновато? Оно вовсе не заботится о пріобрѣтеніи моральнаго перевѣса, — вѣдь кто, напримѣръ, учится въ университетахъ? Плебеи, а аристократы только «проходятъ курсъ», для аттестата. Мнѣ памятенъ Пажескій корпусъ, изъ котораго я, не смотря на ласки начальства, ушелъ, потому что не видѣлъ въ аристократическомъ юношествѣ ни малѣйшаго сочувствія ни къ наукѣ, ни къ ея представителямъ [1]).

---

[1]) Необходимо замѣтить, что 19 лѣтъ спустя, реформа военно-учебныхъ заведеній, произведенная незабвеннымъ военнымъ министромъ гр. Д. А. Милютинымъ, во всемъ объемѣ ея, и во исполненіе воли императора Александра II, коснулась и Пажескаго корпуса, который съ тѣхъ поръ занялъ видное и вполнѣ достойное мѣсто въ ряду прочихъ военно-учебныхъ заведеній.

Ред.

27. Императорскій экзаменъ въ Смольномъ монастырѣ. Въ половинѣ экзамена пріѣхалъ наслѣдникъ съ женою, а спустя нѣсколько времени и самъ государь. Онъ хотѣлъ послушать только пѣніе. Пропѣли концертъ, «Боже, Царя храни», многая лѣта, и онъ уѣхалъ.

Февраль 12. Музыкальная и танцовальная репетиція въ Смольномъ монастырѣ. Есть прекрасные голоса; особенно отличилась пѣніемъ калмычка Капчукова. Хороши были также и танцы. Неистощимая Дидло къ каждому выпуску припасаетъ новыя группы и фигуры.

Итакъ, вотъ воспитаніе этихъ дѣвушекъ кончено. Онѣ выходятъ въ жизнь—съ чѣмъ же? Съ пѣніемъ, съ плясками, съ легкимъ, очень легкимъ запасомъ познаній, съ привычками къ роскоши, съ жаждою къ наслажденіямъ и съ совершеннымъ непониманіемъ жизни, незнаніемъ ея темныхъ сторонъ и своихъ обязанностей. Между тѣмъ каждой изъ нихъ уже лѣтъ восемнадцать, двадцать. Въ этихъ заведеніяхъ вообще слишкомъ много жертвуется для блеска. Они какъ бы составляютъ часть двора и потому въ нихъ все, главнымъ образомъ, обращено на внѣшность [1]).

13. Въ аудиторской школѣ происходятъ ужасныя сплетни и мерзости. Р—гъ уже открыто идетъ противъ меня и окружаетъ меня шпіонами. Въ добрый часъ!

Университетъ опять возложилъ на меня произнести рѣчь на актѣ. Хочу написать что нибудь о критикѣ.

24. Встрѣтился съ княгиней Щербатовой, которая завела со мной рѣчь объ (драмѣ) «Еленѣ Глинской». Она была недавно на представленіи ея. Да, наши аристократы начинаютъ не только читать русскія книги, но и посѣщать русскій театръ. Вотъ все, что они вынесли хоть бы изъ представленія «Елены Глинской»: «Зачѣмъ выводить на сцену русскій дворъ въ такомъ непристойномъ видѣ?» Я не читалъ и не видалъ пьесы и потому ничего не могъ на это отвѣчать; замѣтилъ только, что русская исторія вообще бѣдна драматическими эффектами и писателю трудно выбирать: онъ радъ, когда нападаетъ на что-нибудь живое.

Мартъ 1. Вчера былъ въ театральномъ маскарадѣ. Тамъ, по обыкновенію, присутствовалъ государь. Онъ былъ очень веселъ, его постоянно затрогивали маски и самъ онъ многихъ останавливалъ.

---

[1]) Со времени конца 1850-хъ и начала 1860-хъ годовъ все это измѣнилось къ лучшему. По волѣ императрицы Маріи Александровны, К. Д. Ушинскій произвелъ значительныя преобразованія во всемъ строѣ институтскаго образованія. Ред.

Великій князь Михаилъ Павловичъ оставался еще послѣ меня, а я уѣхалъ въ три часа ночи.

4. Въ Смольномъ монастырѣ раздача шифровъ, медалей и проч. Дѣвица, удостоенная награды первой степени, выходитъ изъ ряда остальныхъ, дѣлаетъ два реверанса и опускается на подушку, на колѣни, передъ государыней. Та прикалываетъ ей шифръ къ платью, на плечѣ. Награжденная цѣлуетъ императрицѣ руку, а послѣдняя возвращаетъ ей поцѣлуй въ щеку или въ голову. Первые три шифра получили: Арсеньева, Каховская 2-я и Буссе. Государь былъ не долго и уѣхалъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ. Наслѣдникъ оставался до конца церемоніи. Затѣмъ государыня подошла къ учителямъ, кивнула головой и проговорила: «благодарю».

Въ послѣднемъ маскарадѣ въ Дворянскомъ собраніи, говорятъ, случилось слѣдующее: государь съ трудомъ пробирался въ толпѣ. Въ этотъ день собраніе было особенно многочисленное. Въ одномъ мѣстѣ его окружили маски-патріотки и, желая насладиться лицезрѣніемъ монарха, до того стѣснили его, что онъ принужденъ былъ остановиться и ожидать. Наконецъ, терпѣніе его не выдержало, онъ топнулъ ногой и грозно крикнулъ по французски. . . . . Волны народа, какъ волны Чермнаго моря передъ жезломъ Моисея, мгновенно разступились отъ этого слова. И по дѣломъ! Надо быть умѣренными и въ выраженіи патріотическаго чувства . . . .

7. День выпуска въ Смольномъ монастырѣ. Около двухъ часовъ пополудни состоялся обѣдъ для дѣвицъ и ученой братіи. Императрица кушала со всѣми. Ее окружали дѣвицы, получившія шифръ. Въ началѣ обѣда пріѣхалъ государь. Мнѣ досталось сидѣть прямо противъ него. Столъ былъ постный. Государь былъ веселъ и любезенъ, разговаривалъ все время съ дѣвицами, ни одной не оставилъ безъ вниманія, пилъ за ихъ здоровье. Обходя столы, онъ вдругъ сказалъ Тимаеву (инспектору):

— «Вы зачѣмъ здѣсь?»

— Я и всѣ прочіе приглашены, ваше величество.

— «Я не о томъ спрашиваю, возразилъ государь,—почему вы присутствуете на обѣдѣ, а о томъ, зачѣмъ вы помѣстились именно возлѣ этихъ милыхъ дѣвицъ? Вѣрно фаворитки?»

— Наши фаворитки, ваше величество, отвѣчалъ Тимаевъ, — не здѣсь: онѣ всѣ около императрицы.

— «Т. е. шиферныя, хотите вы сказать, продолжалъ государь,— да, знаю, знаю»!

Государь и государыня вообще были очень ласковы, просты, безъ

этикета. Былъ провозглашенъ тостъ за императрицу, при чемъ всѣ встали. Государь приказалъ опять садиться и скомандовалъ:

— Разъ, два, три!

Послѣ обѣда пошли въ церковь. Многія изъ дѣвицъ, прощаясь' рыдали. Мои ученицы окружили меня тѣсной толпой и благодарили «за тѣ высокія чувства, которыя я вложилъ въ ихъ душу» и проч. Я былъ тронутъ не меньше ихъ самихъ.

Здѣсь, между прочимъ, видѣлъ я г-жу Нелидову. Она не красавица, но въ лицѣ ея много прелести и во всей особѣ что-то въ высшей степени привлекательное. Къ пяти часамъ всѣ разъѣхались.

25. Публичный актъ въ университетѣ. Я произнесъ рѣчь «о критикѣ». Публика приняла ее съ большимъ одобреніемъ. Многіе подходили благодарить меня. Были въ публикѣ лица, пріѣхавшія нарочно только для моего чтенія и уѣхавшія тотчасъ послѣ него. Вообще я въ настоящее время пользуюсь расположеніемъ публики; говорятъ что лекціи мои производятъ эффектъ: прекрасно, но на долго ли все это?.. Плетневъ прочелъ свой отлично составленный отчетъ за истекшій годъ. Вообще весь актъ прошелъ прилично и торжественно, какъ это рѣдко удается.

29. Былъ у Клейнмихеля, чтобы какъ-нибудь выяснить, наконецъ, мои отношенія къ аудиторской школѣ. Графъ сказалъ:

— Прошу васъ, не оставляйте только насъ. Вы настоящій начальникъ всей учебной части въ аудиторской школѣ. Она вся на вашей исключительной отвѣтственности. Во всемъ относитесь прямо ко мнѣ, а я васъ ужъ поддержу.

Послѣднія слова онъ особенно подчеркнулъ. Итакъ, пока дѣло уладилось, кажется.

Апрѣль 9. Вчера выпущенныя монастырки собрались ко мнѣ провести ввчеръ. Ихъ было до двадцати. Между ними особенно сіяли красотой царевна Гурійская и Галенкина. Вечеръ прошелъ оживленно и очень пріятно.

16. Множество толковъ по поводу указа о крестьянахъ. Мое мнѣніе, что указъ этотъ не есть окончательная мѣра: онъ слишкомъ страненъ и противенъ политикѣ. Одно изъ двухъ: или это первый шагъ, за которымъ послѣдуютъ другіе, или существуютъ секретныя дополнительныя предписанія мѣстнымъ властямъ, чтобы они склонили дворянство понять волю государя и приступить къ добровольной сдѣлкѣ съ крестьянами. Это можетъ повести къ тому, что народъ подумаетъ, будто все сдѣлано по желанію самого дворянства и послѣднее, такимъ образомъ, не будетъ компрометировано.

24. Былъ, между прочимъ, у дѣвицъ Бурнашевыхъ, съ которыми познакомилъ меня Гросъ-Гейнрихъ, учитель дѣвицы Кульманъ. Это двѣ бѣдныя дѣвушки, съ отличными дарованіями. Отца ихъ какъ-то притѣснили по службѣ; онъ живетъ ничтожнымъ пенсіономъ или жалованьемъ и не могъ дать образованія своимъ дочерямъ. Къ нимъ на помощь явился Гросъ-Гейнрихъ. Онъ замѣтилъ ихъ способности и принялся за ихъ образованіе, подобно тому, какъ уже это сдѣлалъ съ Елисаветою Кульманъ. И вотъ теперь эти дѣвушки отлично знаютъ языки: французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій и, кромѣ того, занимаются древними: латинскимъ и греческимъ. Я засталъ ихъ за переводомъ Матѳеева Евангелія съ греческаго языка на русскій. Я пробылъ у нихъ часа полтора и, уходя, обѣщался посѣщать ихъ и съ своей стороны руководить ихъ занятіями по русской словесности. Онѣ съ удовольствіемъ приняли мое предложеніе.

26. Сегодня я въ первый разъ слышалъ Листа. Принцъ Ольденбургскій пригласилъ его въ Смольный монастырь, а начальница пригласила меня послушать знаменитаго артиста. Это настоящій геній. Какая сила, какой огонь въ его игрѣ! Инструментъ подъ его пальцами исчезаетъ. Онъ переноситъ васъ всецѣло въ міръ звуковъ, гдѣ онъ безграничный властелинъ. Каждый звукъ, который онъ извлекаетъ изъ инструмента—или мысль, или чувство. Нѣтъ, я никогда не слыхалъ ничего подобнаго! Далѣе въ музыкѣ, кажется, нельзя идти.

Наружность Листа очень оригинальна. У него тонкія черты лица; онъ худъ и блѣденъ; длинные свѣтлорусые волосы стелются у него по плечамъ. Когда онъ играетъ, физіономія его оживляется и буквально дѣлается говорящею. Всѣ пріемы его показываютъ человѣка европейски образованнаго. Его приняли, какъ царя. Всѣ встали, когда онъ вошелъ; принцъ Ольденбургскій, министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ, начальница Смольнаго монастыря—встрѣтили его у эстрады, гдѣ ожидали его два флигеля. Листа сопровождалъ и неотлучно при немъ находился, какъ камергеръ при царѣ, графъ Віельгорскій, самъ превосходный музыкантъ. Я и до сихъ поръ еще нахожусь подъ вліяніемъ дивной, непостижимой игры Листа.

Май 16. У насъ новый попечитель. Ужъ съ годъ, какъ князь Дондуковъ-Корсаковъ подалъ въ отставку. На его мѣсто долго никого не назначали. Но вотъ пріѣхалъ изъ заграницы князь Григорій Петровичъ Волконскій и его сдѣлали попечителемъ. Онъ былъ уже года два помощникомъ попечителя и потому намъ знакомъ. Онъ человѣкъ, какъ говорится нынѣ, съ европейскимъ образованіемъ, со свѣжей головой и честными стремленіями, еще не остывшій къ добру — только очень молодъ. Ему лѣтъ за тридцать, не болѣе.

хватитъ ли у него твердой воли и выдержки въ добрѣ? Много есть людей, которые, начавъ свою дѣятельность съ хорошими намѣреніями, скоро измѣняютъ имъ: общество и жизнь такъ переворачиваютъ ихъ, что они начинаютъ дѣйствовать въ смыслѣ, обратномъ своимъ первоначальнымъ цѣлямъ. У насъ люди удивительно скоро подвергаются порчѣ.

22. Сегодня университетъ давалъ обѣдъ бывшему своему попечителю, князю М. А. Дондукову-Корсакову. Обѣдающихъ было до восьмидесяти человѣкъ. Присутствовали, между прочимъ, и министръ народнаго просвѣщенія, и графъ Протасовъ, и новый попечитель, князь Волконскій, съ братомъ. Все сошло очень хорошо. Плетневъ, отъ имени университета, прочелъ князю благодарственное слово за его управленіе. Это, видимо, тронуло его и онъ, въ свою очередь, отвѣчалъ просто, съ чувствомъ. За обѣдомъ и послѣ обѣда играла музыка.

31. Князь Дондуковъ-Корсаковъ давалъ университету отвѣтный прощальный обѣдъ на своей дачѣ въ Ораніенбаумѣ. Поутру, въ двѣнадцать часовъ, профессора собрались на Англійской набережной, на пароходѣ, который нарочно для нихъ былъ приготовленъ. Погода стояла ясная, хотя немного холодная. Когда мы выѣхали на взморье, грянула музыка и играла все время плаванія. Пароходъ остановился на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега: къ нему причалило три катера и мы быстро очутились у пристани, гдѣ ожидали насъ экипажи. Въ три часа мы были на дачѣ и встрѣчены хозяйкой въ саду, у террасы. Обѣдъ прошелъ живо и весело. Вечеромъ привелось быть зрителемъ интереснаго зрѣлища. Кто-то изъ властей (говорятъ, принцъ Оранскій) приближался на пароходѣ къ Кронштадту. Вдругъ на крѣпости и на корабляхъ, стоящихъ на рейдѣ, мелькнули огоньки, раздался громъ пушекъ: это былъ салютъ высокому гостю.

Вечеромъ тѣмъ же порядкомъ совершился нашъ обратный путь въ Петербургъ. Дулъ попутный, но сильный вѣтеръ и пароходъ покачивало. Многіе изъ нашихъ забрались въ каюту и, въ воспоминаніе своего минувшаго студенчества, затянули бурсскія пѣсни; на палубѣ, тѣмъ временемъ, играла музыка и все это, вмѣстѣ съ шумомъ пѣнящихся подъ колесомъ парохода волнъ, составляло какой-то дикій, оригинальный концертъ.

Ноябрь 1. Я подалъ Позену, для представленія военному министру, записку объ аудиторскомъ училищѣ. Оно день ото дня падаетъ и если не дать ему средствъ поправиться, наконецъ, совсѣмъ упадетъ. Позенъ обѣщалъ похлопотать.

Четыре бѣдствія постигли Россію въ продолженіе послѣдней чет-

верти года: пожаръ въ Казани, пожаръ въ Перми, крушеніе корабля Ингерманландія и—приказы Клейнмихеля. Не знаешь, чему больше удивляться въ этихъ приказахъ: цинизму-ли тона и выраженій, или слѣпотѣ произвола, который идетъ на проломъ, не признавая ни причинъ, ни обстоятельствъ, ни закона. Говорить съ насмѣшкою о великомъ государственномъ злѣ, профанировать казни, плевать въ глаза обществу, издѣваясь надъ тѣмъ, что́ оно терпитъ — это уже черезъ чуръ гнусно.

Величайшее зло для властителя, когда онъ (не имѣетъ) около себя людей просвѣщенныхъ и благодушныхъ. На всѣхъ дѣлахъ его тогда печать неудачи и лучшія намѣренія его искажаются въ исполненіи.

Люди осуждены дѣлать глупости, терпѣть и умирать. Но природа не назначила намъ ни количества зла, какое мы должны вытерпѣть, ни минуты смерти—слѣдовательно, можно заботиться объ уменьшеніи первыхъ такъ же, какъ объ отдаленіи послѣдней.

25. Этотъ мѣсяцъ ознаменовался слѣдующей цензурной тревогой. Нѣкто Машковъ вздумалъ издавать листки, подъ названіемъ «Сплетни», въ которыхъ, соотвѣтственно ихъ названію, собирался разсказывать разные городскіе слухи, скандалы, осмѣивать извѣстныя лица и т. д. Это не было періодическое изданіе по названію, но сильно на него походило. Цензоръ Очкинъ поддался обману и пропустилъ уже четыре номера. Въ одномъ изъ нихъ сильно досталось генералъ-губернатору Эссену, подъ именемъ «Недремлющаго ока». Это разошлось по городу, дошло до государя, который приказалъ изданіе запретить и сдѣлать выговоръ цензору.

Бенкендорфъ писалъ нашему министру, что литераторы опять начали непристойно браниться. Въ примѣръ онъ привелъ «Комаровъ» Булгарина, которые, по его словамъ, заключаютъ въ себѣ непростительныя ругательства на разныхъ лицъ. Цензорамъ отданъ приказъ впередъ строже относиться къ такого рода литературнымъ сплетнямъ.

Получилъ приглашеніе занять мѣсто профессора во вновь учреждающейся Римско-Католической духовной академіи. Въ ней полагаютъ воспитывать до сорока поляковъ, съ цѣлью внушать имъ, что папа не долженъ считаться ихъ господиномъ и что, кромѣ императора, не существуетъ другаго главы церкви. Моя роль скромная — преподаваніе русской словесности. Я видѣлся уже съ этой цѣлью съ княземъ Волконскимъ, съ вице-директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій Ребиндеромъ и съ самимъ Скрыпицинымъ.

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, между прочимъ, представилъ проектъ о преобразованіи аудиторской школы. Это черезъ Позена пошло къ военному министру. Позенъ сообщилъ мнѣ, что министръ очень доволенъ

ленъ проектомъ и хочетъ привести его въ исполненіе. Но носятся слухи, что онъ не останется министромъ и ему въ преемники прочатъ князя Меншикова.

Декабрь 10. Военный министръ вполнѣ одобрилъ мою записку объ аудиторскомъ училищѣ и велѣлъ назначить комитетъ для выработки правилъ преобразованія сего заведенія. Комитетъ состоитъ изъ директора канцеляріи военнаго министра, генерала Анненкова, изъ директора военныхъ поселеній Корфа и меня. Сегодня было первое засѣданіе. Дѣла будетъ много, но я не жалѣю: это пріятное дѣло, такъ какъ оно обѣщаетъ пользу. Анненковъ человѣкъ образованный, мыслящій и благонамѣренный, но еще не знаю до какой степени хорошій администраторъ. Генералъ Корфъ добрый старикъ, но, бѣдный, кажется, тяготится бременемъ, которое, нечаянно кинули ему на плечи. Онъ управлялъ дивизіей, а теперь его заставили управлять огромною и многосложною машиною — департаментомъ военныхъ поселеній.

12. Неожиданное и нелѣпое приключеніе, которое заслуживаетъ подробнаго описанія. Вчера утромъ, около двѣнадцати часовъ, я вернулся съ лекціи изъ Екатерининскаго института и, ничего не подозрѣвая, преспокойно занимался у себя въ кабинетѣ. Вдругъ является жандармскій офицеръ и въ отборныхъ выраженіяхъ проситъ пожаловать къ Леонтію Васильевичу Дубельту. «Вѣроятно, что нибудь по цензурѣ», подумалъ я и немедленно отправился въ III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи.

Дорогою я обдумывалъ всѣ мои цензурныя дѣла и ни на одномъ не могъ остановиться. Въ теченіи десяти лѣтъ я успѣлъ пріобрѣсти нѣкоторую опытность и теперь тщетно терялся въ догадкахъ.

Пріѣхавшій за мною офицеръ справлялся у меня о квартирѣ Куторги, котораго также требуютъ къ Дубельту. Это значитъ намъ предстоитъ гроза за «Отечественныя Записки».

Я пріѣхалъ въ канцелярію раньше Куторги; черезъ полчаса явился и онъ. Насъ ввели къ Дубельту.

— «Ахъ, мои милые», сказалъ онъ, взявъ насъ за руки,—«какъ мнѣ грустно встрѣтиться съ вами по такому непріятному случаю. Но думайте сколько хотите», продолжалъ онъ,—«вы никакъ не догадаетесь, почему государь недоволенъ вами».

Съ этими словами онъ открылъ восьмой номеръ «Сына Отечества» и указалъ на два мѣста, отмѣченныя карандашемъ. Вотъ эти мѣста. Статья Ефибовскаго, подъ заглавіемъ: «Гувернантка, повѣсть». Описывается балъ у одного чиновника на Пескахъ. «Я васъ спрашиваю, чѣмъ дурна фигура вотъ хоть бы этого фельдъегеря, съ блестя-

щимъ, совсѣмъ новымъ, эксельбантомъ? Считая себя военнымъ и, что еще лучше, кавалеристомъ, господинъ фельдъегерь имѣетъ полное право думать, что онъ интересенъ, когда побрякиваетъ шпорами и крутитъ усы, намазанные фиксатуаромъ, котораго розовый запахъ пріятно обдаетъ и его самого и танцующую съ нимъ даму».... «Затѣмъ прапорщикъ строительнаго отряда путей сообщенія, съ огромными эполетами, высокимъ воротникомъ и еще высшимъ галстукомъ».

— «Такъ это-то?» спросилъ я у Дубельта.

— «Да», отвѣчалъ онъ: «графъ Клейнмихель жаловался государю, что его офицеры оскорблены этимъ».

Я до того успокоился, что Владиславлевъ замѣтилъ:—«Да вы, кажется, очень довольны!»

— «Дѣйствительно, доволенъ», отвѣчалъ я. «Я безпокоился пока не зналъ въ чемъ насъ обвиняютъ. По сложности и трудности цензурнаго дѣла, мы легко могли бы что нибудь просмотрѣть и подать поводъ къ взысканію. Но теперь я вижу, что настоящій случай равняется кому снѣга съ крыши, который на васъ валится, когда вы идете по тротуару. Противъ такихъ взысканій нѣтъ ни заслугъ, ихъ предупреждающихъ, ни предосторожностей, потому что они выходятъ изъ ряда дѣлъ разумныхъ, изъ круга человѣческой логики».

Дубельтъ повелъ насъ къ Бенкендорфу.

Бенкендорфъ, почтеннаго вида старикъ, котораго я видѣлъ въ первый разъ, встрѣтилъ насъ съ лицомъ важнымъ и печальнымъ.

— «Господа», сказалъ онъ кроткимъ и тихимъ голосомъ: — «мнѣ крайне прискорбно вамъ объявить непріятную вѣсть. Государь очень огорченъ мѣстами журнала, которыя вамъ уже показали. Онъ считаетъ неприличнымъ нападать на лица, принадлежащія къ его двору (фельдъегерь) и на офицеровъ. Я представилъ ему самое лучшее свидѣтельство о васъ, говорилъ о вашей репутаціи въ обществѣ — однимъ словомъ, сдѣлалъ все, что могъ въ вашу пользу. Не смотря на это, онъ приказалъ арестовать васъ на одну ночь».

Изъявивъ прискорбіе, что мы навлекли на себя гнѣвъ государя, я сказалъ:

— «Будьте, ваше сіятельство, нашимъ предстателемъ у государя императора. Представьте его величеству въ какомъ тяжкомъ затрудненіи находится цензура. Мы рѣшительно не знаемъ—чего отъ насъ требуютъ и какого направленія намъ держаться и мы часто страдаемъ только потому, что постороннему лицу вздумается вмѣшаться въ наши дѣла. Такимъ образомъ, мы никогда не безопасны, взысканіямъ не будетъ конца и мы окажемся въ невозможности исполнять наши обязанности».

Бенкендорфъ взялъ насъ обоихъ за руки и увѣрялъ, что все это доложитъ государю. Мы вышли. Владиславлевъ приготовилъ бумагу къ коменданту и вручилъ намъ ее. Было уже около четырехъ часовъ. Насъ отпустили домой пообѣдать съ тѣмъ, чтобы быть у коменданта непремѣнно въ девять часовъ. Въ восемь я заѣхалъ за Куторгой, который былъ въ большихъ хлопотахъ, не зная какъ объявить о своемъ арестѣ больной женѣ. Наконецъ, мы отправились къ коменданту въ Зимній дворецъ. Его не было дома и мы отдали нашу депешу его плацъ-адъютанту.

Онъ ввелъ насъ въ какую-то каморку, гдѣ сидѣлъ писарь за бумагами, поставилъ у дверей часоваго, а самъ поѣхалъ за приказаніями къ коменданту. Черезъ полчаса онъ вернулся и объявилъ, что мѣстомъ моего заточенія назначена Петровская или Сенатская гауптвахта, а Куторгу велѣно отвезти на Сѣнную.

Сначала онъ меня отвезъ. Я очутился въ огромной комнатѣ со сводами—въ подвалѣ, вмѣстѣ съ караульнымъ офицеромъ. Плацъ-адъютантъ былъ съ нами все время очень учтивъ. Онъ и Куторга уѣхали, я остался одинъ съ офицеромъ. Это былъ молодой человѣкъ изъ Образцоваго полка, повидимому очень добрый. Онъ съ участіемъ на меня смотрѣлъ, распорядился, чтобы мнѣ достали кровать, далъ покрыться на ночь свою шинель, однимъ словомъ, окружилъ меня вниманіемъ и заботливостью.

На другой день явился тотъ же плацъ-адъютантъ объявить мнѣ, что я свободенъ. Опять поѣхали мы вмѣстѣ, на Сѣнную, освободить Куторгу. Распростившись съ плацъ-адъютантомъ и поблагодаривъ его за вѣжливость, мы отправились къ князю Г. П. Волконскому, нашему попечителю.

Онъ принялъ насъ не только любезно, но даже тепло. Я высказалъ князю все, что у меня накипѣло на душѣ. Съ цензорами обращаются какъ съ мальчишками или безбородыми прапорщиками, сажаютъ ихъ подъ арестъ за пустяки, не стоющія вниманія, а между тѣмъ возлагаютъ на нихъ обязанность охранять умы и нравы отъ всего, что можетъ совратить ихъ съ пути, охранять общественный духъ, законы, наконецъ, самое правительство. Какой же логической дѣятельности можно отъ насъ требовать тамъ. . . . .

Отъ князя мы поѣхали къ министру. То-же сожалѣніе, тѣ-же ласки.

— На кого тутъ жаловаться и сѣтовать? сказалъ министръ.—Случай этотъ выходитъ изъ общаго порядка вещей. Я тутъ ничего не могъ сдѣлать: я обо всемъ узналъ когда уже все кончилось. Я тотчасъ-же поѣхалъ бы къ государю, но не могъ, потому что у меня

въ домѣ корь. Въ моей власти было только написать письмо и просить Бенкендорфа представить его государю.

Графъ читалъ намъ это письмо. Оно написано умно и сильно. Свидѣтельствуя о насъ, т. е. о Куторгѣ и обо мнѣ, какъ о лучшихъ цензорахъ и профессорахъ, министръ заявлялъ, что находится нынѣ въ большомъ затрудненіи относительно цензуры. Люди благонадежные не хотятъ брать на себя этой несчастной должности и если мы съ Куторгою еще остаемся въ ней, то единственно по просьбѣ его, министра. Онъ боится, что цензурное дѣло вскорѣ сдѣлается всѣмъ ненавистно.

Говорятъ, государь прочелъ это письмо и ни слова не сказалъ.

Куторга выразилъ опасеніе, что такой случай можетъ и впередъ повториться.

— Могу васъ увѣрить,—отвѣчалъ министръ, — что при первомъ такомъ случаѣ я подаю въ отставку. То, что теперь съ вами случилось, болѣе для меня пятно — если тутъ есть какое нибудь пятно, чѣмъ для васъ.

14. Новое затрудненіе! Студенты вздумали выказать свое участіе ко мнѣ, по случаю постигшей меня бѣды. Я читалъ въ первомъ курсѣ лекцію: «объ отношеніи искусства къ природѣ и о началѣ подражанія природѣ». Правду сказать, я прочелъ ее съ большимъ одушевленіемъ: предметъ богатый. Я кончилъ уже и сдѣлалъ шагъ съ каѳедры, какъ вдругъ раздались громкія рукоплесканія и крики: «браво!» Студенты сплошной массой бросились ко мнѣ. Я на минуту смутился, но быстро оправился:

— Тише, господа, тише, сказалъ я студентамъ, — что вы! Остановитесь!»

Мнѣ удалось, наконецъ, выйти изъ аудиторіи, а ихъ удержать въ ней.

Что изъ этого будетъ? Не знаю. Можетъ быть, новая гроза!

16. До меня дошли слухи, что студенты замышляютъ устроить мнѣ еще что-то въ родѣ бывшаго въ понедѣльникъ. Я колебался: ѣхать ли мнѣ въ университетъ? Наконецъ, рѣшился ѣхать, чтобы не подать вида, что придаю важность подобнымъ вещамъ. Читалъ въ двухъ курсахъ—въ первомъ и во второмъ. Слава Богу, все обошлось спокойно!

19. Суббота. Въ прошедшій понедѣльникъ, вечеромъ, князь Волконскій былъ во дворцѣ. Онъ не говорилъ ничего государю о происшествіи въ университетѣ, но разсказалъ о томъ великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, которая отозвалась, что меня знаетъ.

Между тѣмъ, исторія моя возбуждаетъ много толковъ въ городѣ.

Общественное мнѣніе за меня; всѣ клеймятъ Клейнмихеля. Говорятъ, на балѣ во дворцѣ многіе изъ знати выговаривали ему. Онъ извинялся передъ Уваровымъ.

22. Государь спросилъ у Бенкендорфа: знаетъ ли онъ что произошло въ университетѣ на лекціи у профессора Никитенко?

Бенкендорфъ отвѣчалъ, что знаетъ, но что считаетъ это мелочью, которая не заслуживаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что профессоръ Никитенко самъ постарался возстановить на одно мгновеніе нарушенный порядокъ.

— «Однако-жъ, министръ (Уваровъ) дурно сдѣлалъ, что тотчасъ не увѣдомилъ меня объ этомъ, продолжалъ государь:—сказать ему это. А между тѣмъ подать мнѣ списокъ студентовъ, которые были на лекціи въ этотъ день».

Князь Волконскій, которому все это передалъ его тесть, тотчасъ написалъ заднимъ числомъ донесеніе министру о происшествіи въ университетѣ, вслѣдствіе котораго будто бы, въ тотъ же день, онъ и министръ, сообща, положили не доносить объ этомъ государю, какъ о пустякахъ, которыми не стоитъ его утруждать.

Все это Бенкендорфъ передалъ императору, вмѣстѣ со спискомъ студентовъ.

Государь сказалъ: — «Если всѣ находятъ это дѣло неважнымъ, то и мнѣ остается то-же дѣлать. Посмотримъ списокъ!» Онъ пробѣжалъ его глазами и только замѣтилъ:

— Какъ мало извѣстныхъ именъ!

Тѣмъ все и кончилось.

Между тѣмъ толки о моемъ арестѣ не умолкаютъ. О Клейнмихелѣ говорятъ, что онъ охмѣлѣлъ отъ . . . . . . милостей и впереди не ждутъ отъ него ничего другаго, послѣ знаменитыхъ приказовъ, еще такъ недавно произведшихъ удручающее впечатлѣніе на общество смѣсью произвола съ грубымъ цинизмомъ....

24. Говорятъ, государь очень недоволенъ всѣмъ случившимся въ цензурѣ. Онъ видитъ, что надѣлана чепуха. Этотъ, повидимому, ничтожный случай дѣйствительно оставилъ глубокій слѣдъ въ умахъ. Въ цензурѣ теперь какое-то оцѣпенѣніе. Никто не знаетъ какого направленія держаться. Цензорà боятся погибнуть за самую ничтожную строчку, вышедшую въ печать за ихъ подписью. Я разсматривалъ новое изданіе сочиненій Гоголя, гдѣ между старыми его вещами помѣщено нѣсколько новыхъ, напр. «Шинель, повѣсть»; «Женитьба, драма» (sic); «Разъѣздъ изъ театра» и прочее. Піесы эти я представлялъ комитету и рѣшено было ихъ напечатать. Онѣ напечатаны, оставалось только выдать билетъ на выпускъ ихъ изъ типографіи.

Это совпало съ моимъ арестомъ и комитетъ остановилъ не только новое изданіе Гоголя, но и напечатанный уже также романъ Даля: «Вакхъ Сидоровичъ Чайкинъ».

Гоголь и Даль пишутъ повѣсти, а первый и комедіи, въ которыхъ нападаютъ на современныя гадости. Разумѣется, тутъ дѣйствуютъ разные люди: помѣщики, чиновники, офицеры, такъ же точно, какъ и въ «Горе отъ ума», въ «Ревизорѣ» и во многихъ другихъ пьесахъ, напечатанныхъ, игранныхъ на театрѣ, пропущенныхъ самимъ государемъ:—теперь все это сдѣлалось преступнымъ и запретнымъ. Комитетъ поручилъ мнѣ составить представленіе министру о затрудненіяхъ, въ какихъ онъ находится: онъ проситъ наставленій и руководства.

29. Всѣ дни занимался сочиненіемъ представленія министру. Комитетъ одобрилъ его, князь (Волконскій) тоже. Оно теперь переписывается. Актъ этотъ очень любопытенъ. Я сохраню копію съ него въ моихъ бумагахъ. Можетъ быть онъ будетъ не безполезенъ будущему историку нашего просвѣщенія и литературы. Нельзя не питать глубокаго (недовольства) къ такому порядку вещей; но надо помнить, что жизнь возвышается только жертвами.

31. Вотъ и конецъ 1842 года. Итогъ благъ, имъ дарованныхъ, очень не великъ. Провожать его приходится тѣмъ же, чѣмъ встрѣтили: сѣтованіями за прошлое, несбыточными надеждами на будущее.

1843 г.

Январь 2. Дѣлалъ мало визитовъ, желая по возможности избѣжать толковъ о моемъ арестѣ и о выраженномъ мнѣ сочувствіи студентовъ—но не избѣжалъ даже въ институтѣ и въ Смольномъ монастырѣ. Въ послѣднемъ я съ трудомъ уклонился отъ разспросовъ начальницы и отъ взрыва негодованія за мой арестъ со стороны старшихъ воспитанницъ.

До смерти надоѣли мнѣ всѣ эти толки и утомили меня всѣ эти сочувствія! Развѣ отъ того лучше пойдутъ дѣла и менѣе (тягостно) сдѣлается положеніе нашей литературы!

3. Министръ назначилъ сегодняшній день для принятія поздравленій съ Новымъ годомъ. Пестрая толпа чиновниковъ въ мундирахъ наполняла до тѣсноты узкую, длинную залу. Многіе являются сюда для того только, чтобы побывать въ этой залѣ: министръ видитъ только тѣхъ, которые въ первомъ ряду. Съ одними онъ поговорилъ,

другимъ кивнулъ головой, на большинство даже не взглянулъ. Вотъ и все.

10. Сильно подумываю объ отставкѣ изъ цензурнаго вѣдомства. Нельзя служить: при такихъ условіяхъ, никакое добро не мыслимо. Совѣтывался объ этомъ кое съ кѣмъ, между прочимъ съ Врончевко. Всѣ одобряютъ мои мотивы, но не одобряютъ моего намѣренія, находя его пагубнымъ для литературы. Особенно сильно говорилъ мнѣ въ этомъ смыслѣ Врончевко. Положимъ, все это преувеличенія: никакое дѣло не держится однимъ человѣкомъ. Тѣмъ не менѣе, надо подумать.

19. Я назначенъ членомъ комитета, который устроиваетъ литературное чтеніе въ пользу погорѣвшихъ студентовъ Казанскаго университета. Комитетъ долженъ собраться сегодня у генерала Скобелева, главнаго члена.

20. Пробылъ у Скобелева до двѣнадцати часовъ. Тамъ были: Гречъ, Шульгинъ, Булгаринъ, Кукольникъ. Ждали Полеваго, но онъ не пріѣхалъ. Читаны были піесы, предназначаемыя для литературнаго вечера. Статьи большею частью посредственныя. Лучшая — отрывокъ изъ піесы Кукольника: «Построеніе Петербурга». Духъ времени и нравы прекрасно выражены въ нѣкоторыхъ лицахъ. «Отрывокъ изъ жизни Державина», писанный самимъ поэтомъ, любопытенъ по характеристическимъ чертамъ, но написанъ варварски. Мнѣ поручаютъ читать его. Разсказъ Даля о какомъ-то французскомъ учителѣ ужъ черезъ чуръ пошлъ и всѣ со мной согласились, что его лучше исключить. Вечеръ заключился, какъ и всѣ такіе вечера, ужиномъ.

Здѣсь, между прочимъ, видѣлъ я замѣчательнаго человѣка, полковника Непейцына [1]), безъ ноги, которую онъ потерялъ подъ Очаковымъ. Ему семьдесятъ лѣтъ, но онъ бодръ и свѣжъ, какъ будто ему было всего сорокъ. На головѣ ни сѣдинки.

Скобелевъ, съ обычной своей солдатской размашкою, сказалъ мнѣ:—«вы были арестованы, вотъ и я вмѣстѣ съ другими прочими,— а ихъ было не мало: весь городъ,—принялся жалѣть о васъ. Но въ заключеніе кончилъ тѣмъ, что пересталъ жалѣть, сказавъ самому себѣ: тьфу ты, къ чорту! Да этакимъ несчастливцемъ и я хотѣлъ бы быть — несчастливцемъ, за котораго весь крещеный міръ стоитъ въ одинъ голосъ. Право, вышло, что вамъ сдѣлали больше добра, чѣмъ хотѣли сдѣлать зла».

---

[1]) Помѣщикъ Великолуцкаго уѣзда, Псковской губерніи, села Ступина. Давно уже умеръ. Ред.

26. Былъ у Скрипицына. Дѣло о профессорствѣ моемъ въ католической академіи, кажется, кончено: меня опредѣляютъ. Каѳедру исторіи займетъ Куторга. На философію никого не находятъ. Да гдѣ-жъ у насъ не только философы, но и сама философія? Я совѣтывалъ обратиться къ Карпову, переводчику Платона и автору: «Введенія въ философію», о которомъ я писалъ въ «Сынѣ Отечества»; Галича не хотятъ: онъ шеллингистъ, старъ и ему не достаетъ практической смышленности, а въ польской католической академіи, особенно философу, необходимо быть мудрымъ, не только по книжному, но и по житейскому. Фишеръ, нашъ университетскій профессоръ, не любъ, потому что самъ католикъ. Больше никого нѣтъ. На дняхъ долженъ буду представиться министру внутреннихъ дѣлъ, Перовскому.

28. Получилъ оффиціальную бумагу объ утвержденіи меня профессоромъ римско-католической академіи.

Прибѣгалъ ко мнѣ Рейсихъ увѣдомить меня, что на меня возстали всѣ генералы, прикосновенные къ аудиторской школѣ (ихъ четверо), за мой проектъ преобразованія ея. Въ самомъ дѣлѣ, ужасное дѣло! Всякій изъ нихъ рветъ изъ нея кусочекъ власти, а я стремлюсь установить единство и возвысить учебную часть, соединивъ ее съ нравственною. Вообще проектъ мой имѣлъ добрые виды, да и всѣ были согласны съ тѣмъ, что школу нельзя оставить въ ея настоящемъ видѣ. Назначеніе ея важное: она должна возвысить и, если можно, такъ сказать, оправосудить военно-судную часть въ арміи. Идея моя принята въ соображеніе военнымъ министромъ; составленъ комитетъ изъ Анненкова (директоръ министерской канцеляріи), генерала Корфа и меня, для разработки этого дѣла. Но, кажется, доброму дѣлу не бывать, ибо сюда вмѣшались частные интересы, а у меня нѣтъ времени, да наконецъ и охоты, бить прутомъ по водѣ. Я и то ужъ много времени и труда отдалъ этой школѣ, а сдѣлать удалось очень мало.

31. Литературное чтеніе въ пользу Казанскаго университета. Посѣтителей было не особенно много. И правду сказать, чтенія эти скучны-таки. Приходится слушать все отрывки. Булгаринъ прочелъ, и очень дурно, отрывокъ изъ своего полуромана, полуисторіи о Суворовѣ: написано гладко, холодно; ни одной выдающейся мысли, ни одного слова, которое запало бы въ душу. Полевой прочелъ отрывокъ изъ своей драмы: «Ломоносовъ». Я прочелъ отрывокъ изъ мемуаръ Державина, любопытный по чертамъ времени, но написаный ужаснымъ языкомъ, и еще отрывокъ изъ поэмы Гребенки: «Богданъ Хмѣльницкій». Послѣдняя піеса хороша, но изъ нея опять-таки

былъ вырванъ только отрывокъ. Кукольникъ прочелъ отрывокъ изъ драмы или поэмы: «Построеніе Петербурга»: это былъ перлъ нашего чтенія. Бенедиктовъ бросилъ горсть своихъ блестокъ изъ піесы «Туча». Въ итогѣ—одинъ Кукольникъ дѣйствительно занялъ публику. Къ счастью, не явился Мятлевъ, съ своей безконечною «Курдюковой»: пришлось бы выслушать еще отрывокъ. Чтеніе продолжалось два съ половиною часа.

Мнѣ сообщили слѣдующее: государыня сдѣлала сильный выговоръ Клейнмихелю за меня и, въ наказаніе, не пригласила его къ обѣду, къ которому были приглашены всѣ лица, близкія ко двору. Поводомъ къ принятію во мнѣ такого участія было мое отсутствіе изъ Смольнаго монастыря, въ теченіи цѣлой недѣли. Случилось это вовсе не преднамѣренно и помимо моей воли. Государынѣ донесли о томъ, объясняя мое отсутствіе сильнымъ огорченіемъ и т. д. За меня сильно говорили по этому случаю начальница, принцъ Ольденбургскій и статсъ-секретарь Гофманъ.

Февраль 6. Первое засѣданіе въ римско-католической академіи. Присутствовали: ректоръ, двѣ духовныя особы—какіе-то каноники, Куторга и я. Положено, между прочимъ, что я буду преподавать русскую словесность по понедѣльникамъ и вторникамъ, отъ 10-ти часовъ до половины 12-го, и въ пятницу отъ двухъ до четырехъ. Эти послѣдніе часы я предполагаю отдать практическимъ занятіямъ.

7. Былъ у директора канцеляріи военнаго министра, генерала Анненкова. Мнѣ хотѣлось съ нимъ поговорить о возстаніи на меня генераловъ за мой проектъ преобразованій въ Аудиторскомъ училищѣ. Онъ меня увѣрилъ, что никто, начиная съ него самого, не раздѣляетъ генеральскаго негодованія, а напротивъ, всѣ порядочные люди ожидаютъ отъ меня обновленія и усовершенствованія школы.

Нѣкто Машковъ еще въ прошедшемъ году началъ было издавать нѣчто въ родѣ журнала, подъ названіемъ: «Сплетни». За это досталось цензору Очкину, а «Сплетни» запретили издавать. Надо еще замѣтить, что авторъ или издатель принялъ псевдонимъ: «Кукуреку». Немного спустя, онъ вздумалъ издавать повѣсти, одну за другую. Въ нихъ уже не было ничего общаго со «Сплетнями» и я пропустилъ ихъ. Между тѣмъ, въ «Пчелѣ» напечатали объявленіе, что выходятъ новыя сочиненія Кукуреку и въ скобкахъ: автора «Сплетней». Къ этому прибавлено, что самыя «Сплетни», остающіяся въ небольшомъ количествѣ, можно покупать тамъ-то.

И вотъ изъ-за этихъ «Сплетней» новыя сплетни. Министръ сдѣлалъ мнѣ выговоръ, зачѣмъ я позволилъ Машкову называться Кукареку, а Корсакову и Очкину за то, что они пропустили объявле-

ніе въ «Пчелѣ». Странное дѣло, какъ будто существуетъ законъ, налагающій запрещеніе на то или другое имя. Еслибъ Машковъ назвался собственнымъ именемъ въ «Сплетняхъ», я долженъ былъ бы, оказывается, запретить ему называться Машковымъ въ другихъ, самыхъ невинныхъ сочиненіяхъ, какія ему вздумалось бы еще напечатать. Можно ли оставаться цензоромъ при такихъ понятіяхъ нашихъ властей?

Я былъ сегодня у князя (Волконскаго), горячо объяснялся съ нимъ и просилъ уволить меня отъ цензуры. Что остается дѣлать въ этомъ званіи честному человѣку? Цензора теперь хуже квартальныхъ надзирателей. Князь во всемъ согласенъ со мной, но крайне огорченъ моимъ намѣреніемъ подать въ отставку.

На дняхъ я представлялся министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому. Принятъ былъ весьма вѣжливо. Онъ одобрилъ мои идеи о преподаваніи русской словесности въ римско-католической академіи. Обращеніе его вообще привлекательно: просто, изящно, благородно. Онъ какъ будто и въ самомъ дѣлѣ уважаетъ человѣка, съ которымъ говоритъ по службѣ.

8. Литературный вечеръ въ пользу казанскихъ студентовъ доставилъ 2,718 руб. 15 коп. ассигнаціями. Изъ нихъ употреблено на расходы (на освѣщеніе залы 126 р., за 35 дюжинъ стульевъ 210 р., жандармамъ и полицейскимъ 15 р., университетскимъ служителямъ 28 р., за объявленіе въ афишахъ 95 р., за напечатаніе билетовъ и программъ 70 р.) 546 р. 50 к. Слѣдовательно, очистилось 2,171 р. 65 к. ассигнаціями,—не особенно много. Но и тутъ еще помогло то, что за многіе билеты заплачено свыше ихъ настоящей цѣны. Государь и государыня прислали за два билета 350 р., наслѣдникъ за два билета—50 р., великія княжны за два билета—50 р., Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичи за три билета 150 рублей. Штиглицъ взялъ два билета и заплатилъ за нихъ 350 руб., и Демидовъ, Анатолій, одинъ билетъ за 250 руб.

9. Первая лекція въ римско-католической академіи. Безъ большаго эффекта,—не то, что въ университетѣ или въ Смольномъ,—но въ надлежащемъ порядкѣ.

Перовскій составилъ себѣ прекрасную репутацію въ публикѣ тѣмъ, что смотритъ строго за вѣсами, за мѣрами, за тѣмъ, чтобы русскіе купцы не мошенничали, безъ чего они, впрочемъ, какъ безъ воздуха, не могутъ жить. Вотъ первый министръ, обращающій свою дѣятельность туда, куда надо, то есть, на настоящія народныя нужды—и это привело всѣхъ въ восторгъ. А кажется, тутъ нѣтъ ничего необычайнаго: это только простое выполненіе своего долга,

Однако, это величайшая рѣдкость у насъ. Всѣ прочіе смотрятъ, какъ говоритъ Пушкинъ, въ Наполеоны, приготовляютъ себѣ страницы въ исторіи «великими идеями, глубокими теоріями, обширными, безконечными видами»; всѣ метятъ поверхъ Россіи—и никто не заботится о томъ, что бѣдной Россіи ѣсть нечего, что воры-чиновники грабятъ послѣднее достояніе народа, что правды въ ней нѣтъ и проч., и проч. [1]).

10. Былъ въ концертѣ. Блезъ игралъ на кларнетѣ. Удивительный талантъ! Удивительное искусство! Не знаю, изъ сердца-ли беретъ онъ прекрасные свои звуки, или они только торжество техники, во всякомъ случаѣ—эффектъ поразительный.

14. Князь (Волконскій) не объявилъ въ комитетѣ предписанія министра о глупомъ «Кукуреку». Сегодня у меня съ нимъ былъ продолжительный разговоръ, въ заключеніе котораго я долженъ былъ дать ему слово повременить еще съ отставкой. На прощанье мы горячо обнялись.

16. Былъ въ маскарадѣ, въ такъ называемомъ соединенномъ обществѣ, куда поѣхалъ изъ любопытства. Толпа страшная. Тутъ собираются люди средняго общества. Правда, сюда не ѣздятъ люди высокопоставленные и отъ того здѣсь, говорятъ, свободнѣе, а потому будто бы и веселѣе. Пѣли цыгане: между ними два-три хорошіе голоса. Но мнѣ пѣніе ихъ скоро надоѣло. Меня пригласили въ комнату старшинъ, гдѣ происходилъ судъ и расправа. Одного господина обвиняли въ томъ, что онъ, вмѣстѣ съ другими, танцовалъ неблагопристойный танецъ. Онъ оправдывался очень забавно. Обвинитель тогда перешелъ къ личностямъ и сталъ увѣрять, что обвиняемый называлъ его бранными словами... Нѣтъ, не весело!

21. Получилъ письмо отъ (Ѳед. Вас.) Чижова изъ Рима. Счастливецъ, онъ пьетъ жизнь изъ большой чаши. Но что-же? Черпая средства для обогащенія своей внутренней жизни изъ такого богатаго хранилища, онъ недоволенъ собой, боится нравственной бѣдности и пустоты! Странное противорѣчіе!

Мартъ 7. Въ пятницу годичный праздникъ въ память выхода нашего изъ университета. Явилось двѣнадцать человѣкъ. Это пятнад-

---

[1]) Не надо забывать, что все это относится до крѣпостной еще Россіи, до той Россіи, къ которой обращалъ свой горечью облитый стихъ А. С. Хомяковъ,—стихъ гораздо болѣе сильный, нежели настоящія сѣтованія А. В. Никитенко. Та Россія отстоитъ отъ нашего времени на полвѣка назадъ,—то было до обновленія всего внутренняго строя нашего отечества преобразованіями Александра II Освободителя.

Ред.

цатый годъ. Еще между нами есть нѣкоторая сердечная связь: и это хорошо для пятнадцати лѣтъ.

14. Былъ у статсъ-секретаря Гофмана, съ просьбою объ отставкѣ меня изъ Екатерининскаго института. Около тринадцати лѣтъ прослужилъ я тамъ—дальше не подъ силу. Статсъ-секретарь сѣтовалъ, хотѣлъ доложить государынѣ и такъ далѣе. Отъ него пошелъ къ начальницѣ, г-жѣ Родзянко, съ тою же цѣлью. Ужасныя сожалѣнія. Завтра она поѣдетъ къ императрицѣ съ просьбою, чтобы та приказала мнѣ остаться хоть до выпуска. И все это пустяки! Никто не думаетъ, что тутъ замѣшаны пользы воспитанія. Нуженъ только экзаменный блескъ.

15. Вотъ какъ директоръ 1-й гимназіи, Калмыковъ, разсказываетъ о посѣщеніи государемъ этой гимназіи и объ опалѣ, которой онъ подвергся.

Государь пріѣхалъ сердитый, вездѣ ходилъ, обо всемъ спрашивалъ...... Ему не понравилось лицо одного изъ воспитанниковъ.— «Это что за чухонская рожи?» воскликнулъ онъ, гнѣвно глядя на него. Въ заключеніе онъ сказалъ директору:

— «Да, у васъ все хорошо по наружности, но что за р... у вашихъ воспитанниковъ! Первая гимназія должна быть первая по всему: у нихъ нѣтъ этой живости, этой полноты, этого благородства, какими, напримѣръ, отличаются воспитанники 4-й гимназіи!»

16. Лекція по утру въ римско-католической академіи. Мои занятія тамъ идутъ успѣшно, лекціи производятъ эффектъ. Затѣмъ поѣхалъ въ засѣданіе цензурнаго комитета. Тамъ Бурачекъ, издатель «Маяка», христіанинъ, православный и патріотъ, пойманъ въ плутовствѣ. Онъ хотѣлъ перепечатать въ своемъ журналѣ запрещенный романъ Миклашевской: уличили и не дозволили ему этого.

21. Сегодня, по повѣсткѣ товарища нашего министра, князя Ширинскаго-Шахматова, собрались всѣ служащіе въ министерствѣ къ Уварову, поздравить его съ десятилѣтіемъ его управленія народнымъ образованіемъ. Князь Ширинскій-Шахматовъ привѣтствовалъ Уварова рѣчью, въ которой выражалъ всеобщую радость по случаю того, что онъ со славою прошелъ весь этотъ періодъ времени, и говорилъ о желаніи всѣмъ подобной-же будущности впереди—однимъ словомъ, все, какъ слѣдуетъ, по риторикѣ Кошанскаго.

Министръ отвѣчалъ сначала хорошо, но потомъ вдался въ повторенія и самовосхваленія. Исчисляя свои заслуги, онъ, между прочимъ, не совсѣмъ осторожно упомянулъ «о свободѣ мыслей, о движеніи умовъ». Говорилъ также о «твердыхъ началахъ, имъ созданныхъ, о вѣрности этихъ началъ, о томъ, что все это не есть минутная

воля государя, но твердая и прочная система». Нѣсколько разъ у него неловко вырывались слова: «я и государь», или «государь и я». «Даже враги министерства», объявилъ онъ,—«и тѣ сознаются, что мы знаемъ свое дѣло». Упомянулъ онъ также и о возможности съ своей стороны выйти изъ министерства.

Если весь этотъ церемоніалъ дѣйствительно имѣлъ цѣлью, какъ говорятъ, привлечь на себя благосклонное вниманіе двора, который, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ непріязненно относится къ Уварову—врядъ ли этотъ маневръ поможетъ ему. Призывая къ себѣ въ защиту общественное мнѣніе, онъ скорѣй можетъ повредить себѣ.

. . . .

Жаль Уварова: онъ самъ себѣ портитъ дѣло. А между тѣмъ онъ лучшій изъ министровъ, когда либо управлявшихъ нашимъ министерствомъ. Исчисляя свои заслуги, онъ не упомянулъ или не могъ упомянуть о важнѣйшей: «что въ десять лѣтъ ни одинъ человѣкъ не былъ, по его волѣ, преслѣдуемъ за идеи». Даже ограниченный князь Ливенъ—и тотъ не обошелся безъ того, чтобы не лягнуть наше образованіе: онъ, вмѣстѣ съ Адеркасомъ, растерзалъ Нѣжинскій лицей. Уваровъ, дѣйствительно, неповиненъ въ этомъ отношеніи, а это въ настоящее время много значитъ. Какъ бы то ни было, если мы потеряемъ его, Богъ знаетъ еще какой солдатъ будетъ командовать у насъ умами и распоряжаться воспитаніемъ гражданъ и идей.

Вечеромъ концертъ въ университетѣ. Дѣвица Фрейгангъ пѣла прелестно. У нея удивительно чистый и свѣжій голосъ. Это настоящій голосъ пѣвчей птички. Зашелъ послѣ къ Плетневу. Тамъ были: и нашъ попечитель князь Волконскій, князь Одоевскій и Арсеньевъ. Говорили объ Уваровѣ. Всѣ того мнѣнія, что нынѣшнее утро онъ сдѣлалъ большую ошибку. Между прочимъ, разсказали о немъ еще слѣдующую странность. Великая княгиня Елена Павловна, по смерти его дочери, изъявила ему письменное свое участіе. Вмѣсто отвѣта, онъ послалъ ей только что напечатанный по французски томъ своихъ сочиненій.

Апрѣль 1. Получилъ отношеніе отъ статсъ-секретаря Гофмана съ изъявленіемъ желанія императрицы, чтобы я остался въ Екатерининскомъ институтѣ еще, по крайней мѣрѣ, на годъ — до конца нынѣшняго выпуска. Отношеніе написано въ очень учтивыхъ выраженіяхъ. Останемся на годъ.

3. Отправилъ по утру проектъ преобразованія аудиторской школы къ директору военнаго министерства. Я много поработалъ надъ нимъ, но, если мнѣ удастся провести мой проектъ, я буду думать, что не даромъ трудился.

17. Вотъ чѣмъ кончились и мои труды и мои мечты по преобразованію аудиторской школы: свой планъ преобразованія я представилъ въ военное министерство: оттуда никакой вѣсти. Между тѣмъ преобразованіе поручено производить Ноинскому и Корфу. Что же мнѣ опять остается, какъ не уйти въ сторону?

26. Былъ у генерала Корфа съ просьбой объ отставкѣ. Онъ не принялъ ее и долго упрашивалъ меня остаться. Я, наконецъ, согласился, съ оговоркой, однако, что уйду лишь только замѣчу перемѣну въ направленіи преобразованій. Забавно, право, мое служебное положеніе. Мнѣ поручаютъ дѣло и на каждомъ шагу по пути къ предназначенной цѣли воздвигаютъ препятствія. Я уступаю враждебному натиску и подаю въ отставку—не тутъ-то было, меня чуть не за полы платья удерживаютъ. Зачѣмъ? Вѣдь въ заключеніе все-таки все кончится ничѣмъ.

27. Боже мой, да неужели же нельзя и мысли допустить, чтобы человѣкъ кому-нибудь и чему-нибудь желалъ добра, безъ подкладки личныхъ расчетовъ? Оказывается, что я съ своимъ планомъ преобразованія аудиторскаго училища мечу въ директора его!! Ѣздилъ къ барону Зедлеру и объяснялся съ нимъ по этому поводу. Кажется, на этотъ разъ успокоилъ и убѣдилъ его—до завтра, можетъ быть?

Гнусно, холодно въ природѣ, но чуть-ли не еще гнуснѣе среди этой нравственной пустыни, которая называется современнымъ обществомъ.

Май 5. Провелъ часа два въ публичной библіотекѣ. Читалъ и дѣлалъ выписки изъ Ѳеофана. Это человѣкъ съ большими дарованіями. Меня очень заняла его рѣчь на Ништадтскій миръ: умное діалектическое краснорѣчіе.

Въ библіотекѣ очень удобно заниматься. Никто не мѣшаетъ — да и кому мѣшать? Всего было человѣкъ семь посѣтителей. Порядокъ хорошъ. Книги выдаются безпрепятственно.

10. Былъ въ оперѣ Доницетти: «Ламермурская Невѣста». Игралъ и пѣлъ знаменитый Рубини. Музыка оперы прелестна, легка, нѣжна, граціозна. Рубини великій мастеръ. Главное въ его исполненіи: ясность, непринужденность и страсть.

Жуковскій прислалъ мнѣ на цензуру свою новую піесу: «Наль и Дамаянти», эпизодъ изъ индѣйской поэмы «Магабараты». Что сказать о ней? Гекзаметры прекрасны: свѣжій, стройный, роскошно-благоухающій языкъ. Но фантастическое зданіе поэмы не съ разу можетъ прійтись по вкусу нашимъ европейскимъ требованіямъ.

Опять работалъ въ библіотекѣ. Перебиралъ журналъ: «Ежемѣсячныя сочиненія» за 1756 годъ и далѣе. Журналы умно составлены,

но безъ критики и современности. Много дѣльныхъ статей по части наукъ и промышленности. Языкъ довольно ясенъ и чистъ.

Прочелъ у Мармье слѣдующія замѣтки о Россіи: — «Всѣ дома въ русскихъ деревняхъ сѣрые, вытянутые въ одну линію, построенные по одному образцу, кажутся вышедшими изъ земли по повелѣнію русскаго офицера». Очень вѣрно!

Далѣе: «я сидѣлъ въ почтовой коляскѣ возлѣ русскаго купца, скупаго, занятаго только своими расчетами, и вонючаго.... Онъ ѣлъ тутъ же, на подушкѣ, чтобы не платить въ гостинницѣ, и запахъ его пищи и платья былъ несносный».

.... «Помѣщичьимъ крестьянамъ въ Россіи лучше, чѣмъ казеннымъ. Первыхъ защищаетъ помѣщикъ, какъ свою собственность, а вторыхъ грабятъ чиновники».

«Во время голода, государь велѣлъ раздать пособіе казеннымъ крестьянамъ: проходя множество рукъ, оно не дошло до нихъ».

Мармье очень удивило восклицаніе нашихъ нищихъ (которыхъ онъ множество видѣлъ по пути отъ Петербурга до Москвы): «Красное Солнышко!» Онъ называетъ это восточнымъ привѣтствіемъ.

Вообще замѣчанія Мармье вѣрны. Очевидно, онъ писалъ со словъ кого нибудь хорошо знающаго Россію.

20. Вчера былъ министръ на экзаменѣ русской словесности у Плетнева. Онъ много говорилъ. Нельзя было не признать въ немъ настоящаго министра народнаго просвѣщенія. Всѣ его замѣчанія были умны, вѣрны, богаты знаніемъ и хорошо сказаны. Какъ жаль, что этому человѣку не дано одной силы—силы нравственной воли. Добиваясь вліянія и милостей при дворѣ, онъ связалъ себя по рукамъ и ногамъ и лишился одновременно уваженія и двора и общества. Онъ хотѣлъ пожертвовать послѣднимъ первому—и жестоко ошибся.

. . . .

Слѣдовательно, онъ знаетъ ему силу. Правду говорятъ французы, что нѣтъ ничего хитрѣе безупречнаго поведенія. Перовскій является живымъ примѣромъ этого. Его хитрость состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать правдиво и зато онъ никого не боится. Уваровъ же постоянно запутывается въ тонкостяхъ своего ума. Онъ думаетъ ловить мухъ въ паутинѣ и прилежно сучитъ нити ея, не замѣчая, что онѣ служатъ только къ тому, чтобы указывать путь врагамъ къ его гнѣзду.

Нынѣшнее (время) очень важно: оно полагаетъ конецъ патріархальному быту. . . . . Такъ и должно быть. Что за несообразность семейство, состоящее изъ пятнадцати милліоновъ дѣтей? Гдѣ тутъ семейное право? . . . .

21. На дняхъ у меня былъ Бѣлинскій. Онъ уменъ. Замѣчанія его часто вѣрны, умны и остроумны, но проникнуты горечью.

25. Важную роль въ русской жизни играютъ государственное воровство и такъ называемыя злоупотребленія: это наша оппозиція, нашъ протестъ . . . . Власть думаетъ, что для нея нѣтъ невозможнаго, что ея воля нигдѣ не встрѣчаетъ сопротивленія;—между тѣмъ ни одно ея предписаніе не исполняется такъ, какъ она хочетъ. Исполнители притворяются въ раболѣпной готовности все сдѣлать, что отъ нихъ потребуютъ, а на самомъ дѣлѣ ничего не дѣлаютъ такъ, какъ отъ нихъ требуютъ.

Іюнь 11. Экзаменъ въ Римско-Католической академіи. Хотѣлъ быть Перовскій, но его отозвали въ Петергофъ. Зато былъ Скрипицынъ, директоръ департамента иностранныхъ вѣроисповѣданій, человѣкъ довольно ловкій, но самъ себя считающимъ глубокимъ политикомъ. Это, вѣроятно, отъ того, что онъ однажды былъ посланъ для усмиренія какихъ-то раскольничьихъ волненій и совершилъ это удачно, урезонивъ недовольныхъ краснорѣчивымъ обѣщаніемъ кнута. Съ тѣхъ поръ его начали считать способнымъ къ государственнымъ дѣламъ, а онъ самъ себя произвелъ въ Талейраны.

Былъ на экзаменѣ еще малъ-человѣчекъ, нѣчто въ родѣ чиновнаго котенка, воспитанникъ іезуитовъ, поборникъ православія, дающаго кресты и большіе оклады, фанатикъ и другъ карамзинскаго періода, гладенькій, чистенькій, аккуратненькій, любящій старинный порядокъ, за исключеніемъ, однако, кнута, и потому чиновникъ новой генераціи, почти либералъ, всякую новую мысль называющій неправославною, а всякій новый оборотъ въ языкѣ, отступающій отъ карамзинской стрижки, непонятнымъ,—однимъ словомъ Константинъ Степановичъ Сербиновичъ.

Говорятъ, экзаменъ былъ хорошъ. Главное, онъ былъ непродолжителенъ.

Сентябрь 5. Ѣздилъ къ Сергію, съ семействомъ Левиной. День прекрасный, какихъ и лѣтомъ бываетъ мало въ Петербургѣ. Сергій славится своимъ архимандритомъ и монахами. Архимандрита я не видалъ, но монахи дѣйствительно аристократически благообразны и благолѣпны осанкой, лицемъ, одеждой и службой. Они очень хорошо поютъ. Но простота ихъ пѣнія до того утонченна, что перестаетъ быть простотою и отзываетъ изысканностью.

Вчера государыня была въ Смольномъ монастырѣ. Она пріѣхала во время классовъ, но не посѣтила ихъ. Дѣвицъ позвали въ садъ заставили пѣть и плясать, а учителямъ велѣли идти съ миромъ во свояси.

14. Слухи о покушеніи на жизнь государя. Объ этомъ говорятъ еще шопотомъ.

15. Наконецъ, открыто говорятъ о покушеніи на жизнь государя. Въ придворной церкви былъ благодарственный молебенъ, также и въ церквахъ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній. Вечеромъ былъ у меня сынъ лейбъ-медика Маркуса и говорилъ, что государыня показывала отцу его письмо государя, гдѣ онъ извѣщаетъ ее о злоумышленіи. Государь проѣзжалъ мостъ въ Познани, въ Пруссіи, и не желая встрѣтиться съ какими-то похоронами, вышелъ изъ своей кареты и пересѣлъ въ другую. Когда экипажи поѣхали по мосту, раздалось семь выстрѣловъ и семь пуль полетѣло въ ту карету, въ какой обыкновенно ѣздитъ государь. Но его тамъ, на этотъ разъ, не было и злое дѣло кончилось ничѣмъ. Оконтузили только какого-то писаря [1]).

17. Вчера былъ на балѣ у Позена на дачѣ. Великолѣпное освѣщеніе китайскими фонарями, роскошное угощеніе, толпа военныхъ и гражданскихъ ничтожествъ, разливное море кахетинскаго вина и шампанскаго, скука и разъѣздъ въ два часа ночи. Кукольникъ, Струговщиковъ и я были неразлучны.

Человѣку нужна не столько истина, сколько убѣжденіе. Сколько поколѣній жило, считая за истину нелѣпыя суевѣрія и предразсудки, но они жили хорошо, когда слѣдовали имъ съ сердечною вѣрою и опирались на нихъ всѣми своими нравственными силами. Да и не въ томъ-ли состоитъ истина, чтобы вѣрить и дѣйствовать по вѣрѣ? Истина есть то, что есть.

Октябрь 23. Бѣднаго М. Сорокина, по высочайшему повелѣнію, посадили на гауптвахту, и вотъ за что. Въ прошедшую среду объявлено было въ афишахъ, что Гарсія въ первый разъ явится на сцену въ «Севильскомъ цирульникѣ». Краевскій, редакторъ литературнаго отдѣла въ «Русскомъ Инвалидѣ», заказалъ Сорокину статью для фельетона, попросивъ его написать ее заранѣе. Онъ полагалъ, что «Севильскій цирульникъ» непремѣнно будетъ сыгранъ въ среду, что Гарсія произведетъ всеобщій восторгъ, а статья о ней будетъ готова по утру въ четвергъ и появится раньше, чѣмъ въ другихъ журналахъ и газетахъ. М. Сорокинъ написалъ статью, въ которой превознесъ до небесъ пѣніе и игру знаменитой артистки. Публика, по его словамъ, была въ неистовомъ восторгѣ, на сцену было брошено два вѣнка и т. д.

---

[1]) Объ этомъ покушеніи см. разсказъ тайнаго совѣтника Андрея Николаевича Кирилина, въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г., томъ XXVIII, стр. 137—138. Ред.

Между тѣмъ спектакль въ среду не состоялся по болѣзни Рубини. Можно вообразить себѣ всеобщее удивленіе и смѣхъ, когда въ четвергъ прочли въ «Инвалидѣ» восторженныя похвалы блестящему спектаклю, котораго не было — и особенно царицѣ его Гарсіи.

Государь велѣлъ автора статьи, Сорокина, немедленно посадить на гауптвахту, а «Инвалиду» запретилъ писать статьи о театрѣ.

Но вотъ другое событіе, уже не театральное и вызвавшее не смѣхъ. . . . . Въ корпусѣ путей сообщенія мальчики освистали какого-то учителя-офицера, обращавшагося съ ними нестерпимо грубо, и грозили выгнать его изъ класса, если онъ не перемѣнитъ съ ними обращенія. Дерзкая шалость, которая заслуживала школьнаго взысканія. Но какъ же поступили съ этими бѣдными, неразумными дѣтьми? Сначала ихъ, числомъ шесть, бросили въ какой-то подвалъ — пока послѣдуетъ особое распоряженіе. Потомъ ихъ сѣкли передъ всѣмъ заведеніемъ и такъ, что докторъ, при этомъ присутствовавшій, пересталъ отвѣчать за жизнь нѣкоторыхъ изъ нихъ, — затѣмъ лишили дворянства, разжаловали въ солдаты и, по этапамъ, какъ обыкновенныхъ колодниковъ, отправили на Кавказъ. Ужасъ, ужасъ и ужасъ! Генералъ-лейтенантъ Готманъ, директоръ заведенія, устраненъ отъ должности. Это (наказаніе) дѣтей, какъ будто они были уже полноправными гражданами и настоящими преступниками, потрясло всѣ умы. Нѣсколько матерей, говорятъ, на другой же день взяли изъ корпуса своихъ сыновей. Нѣтъ! говоря словами Талейрана, это болѣе, чѣмъ..... это ошибка. Тотъ, кто присовѣтовалъ подобную мѣру, измѣнникъ и врагъ существующаго порядка [1]).

30. Подалъ просьбу объ увольненіи меня изъ Смольнаго монастыря. Мнѣ надо время, время, время!

31. Переговоры съ начальницей Смольнаго монастыря. Нѣтъ, я окончательно рѣшился оставить это заведеніе. Мечты мои о пользѣ и здѣсь — однѣ мечты! Мои лекціи производили эффектъ и нерѣдко возбуждали въ моихъ слушательницахъ энтузіазмъ. Я ихъ любилъ, а онѣ любили меня, но что все это значитъ тамъ, гдѣ вся система фальшива? Вообще въ нашихъ женскихъ заведеніяхъ такъ мало обращаютъ вниманія на учебную и на нравственную часть воспитанія, что у честнаго человѣка руки опускаются и онъ, наконецъ, чувствуетъ, что ему здѣсь нечего дѣлать. Тутъ думаютъ только о пляскахъ, о пѣньѣ и о реверансахъ. Головы дѣвицъ кружатъ красными ливреями,

[1]) Объ этой жестокой ошибкѣ графа П. А. Клейнмихеля подробно разсказано въ «Русской Старинѣ». Ред.

галунами и т. д. Въ нихъ не развиваютъ ни моральной силы, ни сознанія своихъ семейныхъ и общественныхъ обязанностей. А между тѣмъ это матери будущаго поколѣнія. Итакъ въ результатѣ выходитъ, что русское дворянство роститъ своихъ сыновей для розогъ, а дочерей . . . . Не всѣ, конечно, будутъ..... не всѣ понесутъ въ свои семьи безнравственность и чадъ пышнаго высшаго круга. И много времени понадобится, чтобы изъ этихъ выточенныхъ куколъ сдѣлать хорошихъ женъ и матерей.

Ноябрь 9. Какой-то офицеръ, сеидъ Клейнмихеля, вздумалъ прославить его, напечатать его портретъ и пришелъ къ нему просить на то позволенія.

— «Вы хотите пустить портретъ въ продажу?» спросилъ Клейнмихель.

«Да, ваше сіятельство».

— «Ну, такъ ручаюсь вамъ, что за мой портретъ никто гроша не дастъ вамъ и вы останетесь въ убыткѣ».

Выходитъ, что и онъ самъ о себѣ раздѣляетъ мнѣніе о немъ многихъ. Еще на дняхъ, начальница Смольнаго монастыря, М. П. Леонтьева, говорила мнѣ: — «Будьте увѣрены, что сила Клейнмихеля будетъ рости по мѣрѣ усиленія къ нему ненависти и презрѣнія въ обществѣ».

. . . .

Говорятъ, Киселевъ въ опалѣ по случаю какого-то обнаруженія въ его управленіи либерализма.

15. Начальница Смольнаго монастыря пригласила меня сегодня къ обѣднѣ въ свою церковь, гдѣ долженъ служить митрополитъ. Я былъ. Давно не видалъ я архіерейской службы. Первое впечатлѣнія поразительно: въ ней родъ какого-то драматическаго величія. Потомъ становится монотонно . . . .

Митрополитъ Антоній—бодрый старикъ. Въ выговорѣ его малороссійское произношеніе, а въ физіогноміи его что-то добродушно пошлое. Это добрый сельскій священникъ, повидимому готовый побалагурить и повеселиться. Протодьяконъ – гигантъ, геркулесъ, ѣдунъ. Впрочемъ, завтракали очень умѣренно. Вѣроятно, экономъ положилъ половину завтрака себѣ въ карманъ. Потомъ дѣвицы тѣшили преосвященнаго игрою на фортепіано и въ заключеніе поднесли ему коверъ своей работы. Меня мои ученицы засыпали упреками и сожалѣніями что я ихъ покидаю.

16. Нѣкто увидѣлъ въ Варшавѣ, на сценѣ пѣвицу Ассандри, которая очень красива, и захотѣлъ, чтобы она была въ Петербургѣ. Ее пригласили участвовать въ итальянской оперѣ за большія деньги. На бѣду Ассандри настолько же худо поетъ, насколько она прекрасна.

Наглость-ли или нажда на высокое покровительство воодушевили ее, только она рѣшилась выступить на сцену, послѣ величайшей пѣвицы нашего времени — Гарсіи Віардо. Ее жестоко ошикали.

. . . .

Между тѣмъ въ 256 номерѣ «Пчелы» сказано о первомъ представленіи «Нормы», гдѣ явилась прелестная и трикраты счастливая Ассандри, слѣдующее:

«Мы не скажемъ объ этомъ представленіи ни словечка, по латинской пословицѣ: aut bene, aut nihil.... Гораздо болѣе имѣли мы наслажденія въ звѣринцѣ г-на Зама» и пр.

Изъ-за этой фразы надъ цензурой разразилась страшная гроза. Князь Волконскій (министръ двора) требуетъ отвѣта для доклада «на какомъ основаніи осмѣлились пропустить сію неприличную фразу (сравненіе оперы со звѣринцемъ) и кто ея сочинитель?» Мы до пяти часовъ пробыли въ цензурномъ комитетѣ, изготовляя отвѣтъ на сей мудрый запросъ. Отвѣтили, что цензура не находитъ въ этой статьѣ ничего ни для кого обиднаго, а «въ простомъ сближеніи двухъ разнородныхъ предметовъ — оперы и звѣринца — она видитъ только дурной вкусъ автора статьи, противъ чего нѣтъ никакихъ цензурнымъ правилъ, а напротивъ цензурный уставъ требуетъ, чтобы цензора не вмѣшивались въ дѣла личнаго вкуса». (Приведены параграфы устава).

Повѣритъ-ли потомство такой тяжбѣ?.. Цензора «Сѣверной Пчелы» Очкинъ и Корсаковъ приготовляются уже къ гауптвахтѣ. Посмотримъ что изъ этого выйдетъ.

Декабрь 1. Публичный экзаменъ въ аудиторской школѣ. Много было знати, между прочимъ: военный министръ, графъ Блудовъ, статсъ-секретарь Корфъ. Позже пріѣхалъ принцъ Ольденбургскій, Позенъ и т. д. Ученики отвѣчали хорошо. Генералъ Корфъ объявилъ мнѣ и прочимъ, что министръ очень доволенъ экзаменомъ, что онъ велѣлъ всѣхъ представить къ наградамъ. Анненковъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, но также сказалъ, что экзаменъ былъ хорошъ, что всѣ такого мнѣнія. Корфъ (Модестъ Андреевичъ) объявилъ, что онъ гораздо довольнѣе этимъ экзаменомъ, чѣмъ экзаменомъ въ школѣ правовѣдѣнія.

3. Вотъ неожиданная перемѣна вѣтра: вчера еще экзаменъ въ аудиторской школѣ заслуживалъ всеобщаго одобренія, сегодня ходитъ сплетня, что онъ былъ плохъ, что военный министръ недоволенъ и т. д. Я пишу длинное и серьезное объясненіе Анненкову, съ просьбою доложить министру и спросить у него окончательнаго рѣшенія: «угодно-ли, чтобы я оставался въ школѣ?»

7. Отослалъ письмо къ Анненкову.

— Булгаринъ подалъ доносъ на цензуру, на попечителя, князя Волконскаго, и на самого министра. Вотъ въ чемъ дѣло: въ прошедшій вторникъ, въ засѣданіи цензурнаго комитета, положено озаботиться прекращеніемъ ругательствъ, которыми осыпаютъ другъ друга журналисты, особенно Булгаринъ и Краевскій. Въ самомъ дѣлѣ, это, такъ называемая, полемика часто доходитъ до отвратительнаго цинизма. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Сѣверной Пчелы» Булгаринъ объявляетъ, что Краевскій унижаетъ Жуковскаго, не смотря на то, что Жуковскій авторъ нашего народнаго гимна: «Боже царя храни». Что это, какъ не полицейскій доносъ? Князь Волконскій велѣлъ рѣшеніе комитета сообщить Булгарину не оффиціально, а въ видѣ предостереженія, чтобы тотъ больше не трудился писать такихъ мерзостей, ибо цензура будетъ безжалостно вымарывать ихъ. Впрочемъ, это распоряженіе касается всѣхъ журналистовъ-ругателей. По этому-то поводу Булгаринъ написалъ князю Волконскому дерзкое и нелѣпое письмо. Онъ, между прочимъ, пишетъ, что: «существуетъ партія мартинистовъ, положившихъ себѣ цѣлью ниспровергнуть существующій порядокъ вещей, и что представителемъ этой партіи являются «Отечественныя Записки»; цензура явно имъ потворствуетъ». Къ этому присоединилъ нѣсколько и весьма неудачныхъ выписокъ изъ «Отечественныхъ Записокъ» — совершенно невинныхъ. Въ заключеніе онъ говоритъ князю: «но съ того времени, какъ вы предсѣдательствуете въ комитетѣ, пропускаются вещи посильнѣе и почище этихъ».

Далѣе онъ упрекаетъ министра въ томъ, что тотъ не видитъ что дѣлается у него подъ носомъ, давая понять, что онъ или простякъ, или покровитель либерализма; требуетъ слѣдственной комиссіи, передъ которой предстанетъ, какъ «доноситель», для обличенія партіи, колеблющей вѣру и престолъ; будетъ просить государя разобрать это дѣло, а если государь не вникнетъ въ это, или до него не дойдутъ его, Булгарина, извѣты, то онъ будетъ просить прусскаго короля довести до свѣдѣнія государя императора все, что угодно будетъ ему, Булгарину, сказать въ огражденіе его священной особы и его царства. Все это заключается многозначительною и сильною фразой: — «Я не позволю, чтобы на меня, какъ на собаку, надѣвала цензура намордникъ».

Такъ какъ это письмо заключаетъ въ себѣ формальный доносъ о важномъ государственномъ дѣлѣ — царево слово и дѣло — то князь Волконскій препроводилъ его къ министру, а министръ, при своемъ отношеніи, оффиціально препроводилъ къ Бенкендорфу. Ожидаемъ послѣдствій.

10. Отъ Анненкова нѣтъ никакого отвѣта. Кажется, придется разстаться съ военнымъ министромъ, какъ я разстался съ женскими заведеніями. Жаль только потеряннаго времени.

10. Видѣлся съ Юзефовичемъ, однимъ изъ первыхъ друзей моей юности, съ которымъ давно не встрѣчался. Оба мы очень обрадовались этому свиданью. Онъ теперь помощникъ попечителя кіевскаго учебнаго округа и пріѣхалъ сюда на время.

12. Былъ у (Ник. Ник.) Анненкова. Военный министръ согласился на напечатаніе моей статьи объ экзаменѣ аудиторской школы въ «Русскомъ Инвалидѣ». Это хорошій знакъ, потому что статья намекаетъ на необходимость поднять это заведеніе. О моемъ письмѣ Анненковъ — ни слова. Но это все равно: оно подѣйствовало, а мнѣ только того и надо было.

13. Отъ экзаменовъ отбою нѣтъ. Кромѣ аудиторскихъ, Корфъ просилъ меня заняться еще и экзаменами кантонистовъ въ баталіонѣ.

16. Князь Григорій Петровичъ (Волконскій) вчера въ цензурномъ комитетѣ говорилъ слѣдующее по поводу дѣла Булгарина. Министръ сдѣлалъ представленіе государю о необходимости дополнить и измѣнить цензурный уставъ. Въ немъ будто дано мало средствъ для обуздыванія литераторовъ, особенно журналистовъ. Онъ ссылался на попечителя, который будто бы требуетъ его помощи, а министръ самъ имѣетъ мало возможности дѣлать что нибудь рѣшительное. Очевидно, Уваровъ хотѣлъ расширить свою власть. Говорятъ, онъ просилъ, чтобы ему было предоставлено право немедленно прекращать журналы, какъ скоро въ нихъ найдется что-нибудь бранное.

Государь отвѣчалъ, что цензурный уставъ достаточенъ и что, слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности дополнять его, а еще менѣе измѣнять. «У цензоровъ довольно власти», сказалъ онъ: — «у нихъ есть карандаши: это ихъ скипетры». За испрашиваніе же помощи велѣлъ сдѣлать строгій выговоръ князю Волконскому, потому что эту помощь онъ долженъ бы найти въ своихъ правахъ.

Тутъ что-то много темнаго. Кажется, князь заранѣе условился съ государемъ дать дѣлу такой оборотъ. . . . . Что хорошаго въ этомъ—то, что цензурный уставъ остается неприкосновеннымъ. Въ противномъ случаѣ, Богъ знаетъ, къ какимъ еще стѣсненіямъ могъ бы повести пересмотръ его въ настоящее время.

Въ заключеніе, что выигралъ, или проигралъ Булгаринъ своимъ доносомъ—не извѣстно. Князь сказалъ, что тутъ есть подробности, которыхъ онъ не можетъ объявить.

Я просилъ, чтобы «Отечественныя Записки» были поручены другому цензору, вмѣсто меня, ибо Булгаринъ подозрѣваетъ, что я и

Куторга, мы особенно покровительствуемъ ихъ либерализму, или, какъ онъ выражается, ихъ мартинистскому духу. Князь отвѣчалъ, что теперь-то именно и надлежитъ журналу остаться въ прежнихъ рукахъ. Итакъ на слѣдующій годъ у меня опять повисъ на шеѣ этотъ толстѣйшій журналъ. Къ нему присоединилась еще «Библіотека для Чтенія».

20. Выбрали въ ректоры опять Плетнева. Онъ получилъ девятнадцать одобрительныхъ шаровъ, противъ четырехъ отрицательныхъ.

Былъ у князя (Волконскаго) для объясненій по цензурнымъ дѣламъ. Какой хаосъ и безтолковщина. Кажется, хотятъ гасить послѣднія искры мысли. У меня въ карманѣ, неотлучно при мнѣ, просьба объ отставкѣ.

21. Неожиданная, нелѣпая мѣра министра народнаго просвѣщенія. Въ цензурномъ комитетѣ получена отъ него бумага, въ которой онъ объявляетъ, что «дѣйствительно нашелъ въ журналахъ статьи, гдѣ подъ видомъ философскихъ и литературныхъ изслѣдованій, распространяются вредныя идеи» и потому онъ предписываетъ цензорамъ «быть, какъ можно, строже». Повторяется также приказаніе бдительнѣе смотрѣть за переводами французскихъ повѣстей и романовъ.

Я былъ у князя по этому поводу. Онъ очень сердитъ на министра за всѣ эти распоряженія. Министръ Уваровъ сказалъ ему, что «хочетъ, чтобы, наконецъ, русская литература прекратилась. Тогда, по крайней мѣрѣ, будетъ что нибудь опредѣленное, а главное», говорилъ онъ, «я буду спать спокойно».

Министръ объявилъ также, что онъ будетъ карать цензоровъ безпощадно. Пріятная перспектива!

Самое интересное въ этихъ новыхъ распоряженіяхъ министра то, что они какъ бы совершенно оправдываютъ доносъ Булгарина на него самого, на князя Волконскаго и на всѣхъ насъ.

Говорятъ, что государь, прочитавъ письмо Булгарина, отдалъ его Бенкендорфу со словами: «сдѣлай такъ, чтобы я, какъ будто, объ этомъ ничего не зналъ и не знаю».

А. В. Никитенко.

ПОДЪ ТЕЛИШЕМЪ въ 1877 году.

Изъ дневника офицера.

О взятіи укрѣпленнаго турецкаго лагеря подъ Телишемъ, 16-го октября 1877 г., гвардейскимъ отрядомъ, подъ начальствомъ доблестнаго генералъ-адъютанта Гурко, мало извѣстно не только публикѣ вообще, но и военной въ частности. Объ этомъ дѣлѣ, насколько помнится, кромѣ коротенькой реляціи, да еще болѣе краткихъ замѣтокъ разныхъ авторовъ воспоминаній о минувшей войнѣ нашей съ турками, подробностей нигдѣ напечатано не было. Конечно, дѣло подъ Телишемъ на западномъ театрѣ военныхъ дѣйствій въ сѣверной Болгаріи, слѣдовавшее непосредственно за кровопролитнымъ боемъ подъ Горнымъ Дубнякомъ, нельзя назвать даже жаркимъ: въ немъ не было ни отчаянныхъ атакъ, ни контръ-атакъ, войскамъ не представлялось надобности проявлять чудесъ храбрости; но тѣмъ не менѣе, взятіе Телиша имѣло громадное стратегическое значеніе, такъ какъ только съ паденіемъ этого укрѣпленнаго пункта армія Османа-паши, занимавшая Плевну, окончательно лишилась своей коммуникаціонной линіи, а наши войска по западную сторону Плевны получили возможность сомкнуться и тѣснѣе обложить турокъ въ ихъ укрѣпленномъ лагерѣ, атаки противъ котораго въ іюлѣ и августѣ стоили намъ такихъ громадныхъ жертвъ.

Такимъ образомъ взятіе Горнаго Дубняка, а затѣмъ и Телиша, было какъ бы началомъ послѣдней главы исторіи дѣйствій нашихъ войскъ подъ Плевной, послѣднюю страницу которой, т. е. главы, составляетъ знаменитый день 28-го ноября 1877 года, когда армія Османа-паши, пытаясь прорвать стиснувшее ее могучее кольцо, вынуждена была положить оружіе въ высочайшемъ присутствіи покойнаго государя императора Александра Николаевича, что дало нашимъ войскамъ возможность приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ

турокъ на Балканахъ и за Балканами. Дѣйствія войскъ генералъ-адъютанта Гурко въ Балканахъ начались гораздо раньше 28-го ноября, именно вскорѣ послѣ паденія Горнаго Дубняка и Телиша, такъ какъ западный отрядъ генералъ-адъютанта Гурко выступилъ изъ-подъ Плевны, по направленію на Орханіе, 3-го ноября 1877 г., но дѣйствія эти, въ концѣ концовъ, пока не пала Плевна, хотя и должны были принять характеръ чисто пассивный, но имѣли весьма важное значеніе, такъ какъ не дали туркамъ прорваться на софійское шоссе и подать какую-нибудь помощь войскамъ плевненскаго укрѣпленнаго лагеря.

I.

Горный Дубнякъ, послѣ блистательной атаки гвардейцевъ, палъ 12-го октября 1877 года и войска наши заняли плевно-софійское шоссе. Но съ паденіемъ Горнаго Дубняка еще нельзя было приступить къ тѣсному обложенію арміи Османа-паши въ плевненскомъ укрѣпленномъ лагерѣ: между Плевной и Горнымъ Дубнякомъ находилась укрѣпленная позиція у Дольняго Дубняка, а за Горнымъ Дубнякомъ на плевно-софійскомъ шоссе, по направленію къ Орханіе— рядъ укрѣпленныхъ позицій, между которыми самая главная и самая ближайшая къ намъ была у Телиша, до котораго отъ Горнаго Дубняка было, что называется, рукой подать, одинъ маленькій переходъ. Поэтому, прогнать турокъ изъ Дольняго Дубняка, взять Телишъ и вообще оттѣснить турецкія войска возможно дальше на западъ являлось существенною необходимостью.

Въ виду громадныхъ потерь, которыя понесла 2-я гвардейская пѣхотная дивизія подъ Горнымъ Дубнякомъ, на усиленіе отряда генералъ-адъютанта Гурко, 13-го октября, изъ Раліева была направлена къ Горному Дубняку 1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ тремя батареями 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады, которая въ тотъ же день прибыла въ Чириково. По дорогѣ въ Чириково мы встрѣтили первый транспортъ раненыхъ, который произвелъ на насъ весьма грустное впечатлѣніе. Съ нѣкоторыми изъ офицеровъ мы вступали въ разговоръ, желая узнать отъ нихъ подробности дѣла 12-го октября, которыя еще не дошли до насъ. Къ Чирикову бригада подошла поздно вечеромъ и стала бивакомъ. Въ этой деревнѣ былъ устроенъ центральный перевязочный пунктъ для раненыхъ подъ Горнымъ Дубнякомъ гвардейцевъ, для чего были разбиты госпитальные шатры. Кое-кто изъ насъ, не смотря на темноту, отправился посмотрѣть раненыхъ, между которыми было не мало

знакомыхъ. Хотя здѣсь было раненыхъ и много, но бо̀льшая часть ихъ, какъ намъ объяснили, все еще находились на мѣстѣ побоища.

На слѣдующій день, 14-го октября, рано утромъ, бригада, перейдя у Чирикова въ бродъ рѣку Видъ, направилась къ Горному Дубняку. За деревней, на площадкѣ, вправо отъ дороги, была расположена большая толпа турокъ, охраняемая нашими солдатами: это были плѣнные, взятые въ Горномъ Дубнякѣ. Кто изъ нихъ стоялъ, кто лежалъ на мокрой отъ росы травѣ, кто сидѣлъ, прислонясь къ дереву. Видъ эти плѣнные имѣли вообще не важный: болѣзненныя, истомленныя лица ихъ показывали, что, кромѣ нравственнаго потрясенія, вынесеннаго ими изъ боя 12-го числа, они страдаютъ и физически; оказалось, что между ними много раненыхъ, которымъ еще не подана медицинская помощь, и всѣ двое сутокъ не ѣли. Это мнѣ разсказалъ встрѣтившійся по дорогѣ офицеръ, который просилъ указанія, гдѣ ему добыть продовольствіе какъ для турокъ, такъ и для своихъ раненыхъ. Офицера я направилъ къ начальнику 3 гвардейской пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Каталею, а самъ поѣхалъ далѣе, такъ какъ мнѣ поручено было выбрать бивакъ для бригады. Проѣзжать мнѣ пришлось по самому полю сраженія 12-го октября, которое, не смотря на то, что прошло уже значительно болѣе сутокъ послѣ битвы при Горномъ Дубнякѣ, почти сплошь было усѣяно убитыми и ранеными. Поле имѣло ужасный видъ. Вотъ лежитъ убитый, на лицѣ у котораго застыло какое-то восторженное выраженіе; возлѣ ни капли крови, должно быть, пуля угодила прямо въ сердце; нѣсколько далѣе трупъ съ окровавленнымъ лицомъ и съ зіяющей раной на лбу; рядомъ сидитъ солдатъ, раненый въ обѣ ноги, и сильно стонетъ; чрезъ нѣсколько шаговъ еще трупъ, со скорчившимися руками и ногами, съ искривленнымъ страданіями лицомъ; видно, долго мучился, бѣдный, отъ полученныхъ ранъ, прежде чѣмъ отдалъ душу Богу; вотъ около убитаго нашего солдатика лежитъ убитый турокъ; далѣе стоитъ тяжело раненая лошадь, которая, желая передвинуть ноги, махаетъ только головой; всюду разбросано оружіе, большею частью поломанное, патроны; валяются куски разорвавшихся гранатъ; разбитая, Богъ знаетъ откуда появившаяся, болгарская каруца. Всѣ наши убитые безъ сапогъ, турки почти голые. Повсюду слышны стоны раненыхъ, которымъ не было сдѣлано еще перевязки, и надъ всѣмъ этимъ носился мощный голосъ полковника Мелана, распоряжавшагося на этомъ полѣ. Медицинскаго персонала, не смотря на то, что здѣсь дѣйствовали три подвижныхъ дивизіонныхъ лазарета и отдѣленіе «Краснаго Креста»—не было достаточно; кое-гдѣ лишь бродили фельдшера, изъ которыхъ нѣкоторые, вѣроятно, для подкрѣпленія силъ,

были порядочно выпивши. Сдѣлавъ наскоро перевязку раненому, клали его на носилки и затѣмъ или несли въ Чириково на рукахъ или носилки ставили въ лазаретную линейку.

Я проѣхалъ прямо на большой редутъ. По дорогѣ къ редуту, раненыхъ уже не встрѣчалось, а только одни убитые, наши и турки. На большомъ редутѣ картина была еще ужаснѣе! Вся внутренняя площадь покрыта была трупами людей и животныхъ; трупы послѣднихъ были всѣ съ вывороченными внутренностями; внутренній ровъ былъ верхомъ наполненъ тѣлами убитыхъ турокъ, изъ которыхъ многія были поджарены. Послѣднее, вѣроятно, произошло оттого, что во время дѣла загорѣлась настилка изъ дубовыхъ жердей и вѣтокъ, служившая крышей, такъ какъ ровъ этотъ служилъ жилищемъ для гарнизона.

Выбравъ мѣсто для бивака бригады на берегу небольшаго ручья, почти на томъ самомъ мѣстѣ, откуда наступилъ на Горный Дубнякъ лейбъ-гвардіи финляндскій полкъ, я вернулся на мѣсто бывшаго побоища. Здѣсь происходилъ сборъ убитыхъ для погребенія; наши солдаты собирали своихъ, плѣнные турки своихъ. Наши каждаго убитаго бережно клали на шинель и, перекрестившись, несли къ общей могилѣ, огромнѣйшей канавѣ саженъ въ шесть длины, сажени двѣ съ половиной ширины и около двухъ саженъ глубины; турки же тащили своихъ убитыхъ точно собакъ: привязавъ къ ногамъ веревку или кушакъ, они волокли тѣла по землѣ. Собравъ убитыхъ къ могилѣ, наши укладывали ихъ по дну ея въ два ряда, ногами другъ къ другу, а на этотъ нижній рядъ накладывали еще одинъ, такъ что въ общей братской могилѣ укладывалось двѣсти и больше убитыхъ. У одного конца могилы стояли: священникъ въ траурномъ облаченіи и офицеры. Священникъ служилъ панихиду по положившимъ животъ свой за «вѣру, царя и отечество», и по провозглашеніи вѣчной памяти павшимъ, кинулъ горсть земли на покойниковъ. Всѣ присутствовавшіе тутъ, не исключая и священника, плакали просто навзрыдъ. Да и трудно было удержаться отъ слезъ, при видѣ похоронъ за-разъ такого множества народа; самые крѣпкіе нервы едва ли выдержали бы! Наконецъ, могилу зарыли и я направился къ своему биваку. Дорогой пришлось проходить мимо убитыхъ офицеровъ; у каждаго стоялъ часовой; но, не смотря на это, всѣ убитые офицеры были безъ сапогъ. Нѣсколько далѣе была сложена куча изъ разнаго рода оружія, большею частью, поломаннаго. Около кучи толпились румыны и болгары, выпрашивая у карауливших солдатъ кто ружье, кто пистолетъ, кто саблю.

Между тѣмъ подошла наша бригада, стала на бивакъ, выдѣливъ

часть для устройства ложементовъ и батарей. Начальникъ дивизіи, генералъ Каталей, со своимъ штабомъ выѣхалъ впередъ къ Телишу. 15-го октября бригада продолжала возводить укрѣпленія на плевненскомъ шоссе, которыя, однако-же, какъ показали дальнѣйшія событія, оказались совершенно излишними.

15-го октября, вечеромъ, въ Горномъ Дубнякѣ, въ квартирѣ начальника войскъ гвардіи и кавалеріи западнаго отряда (отрядъ получилъ такое названіе по переходѣ гвардіи за рѣку Видъ), генералъ-адъютанта Гурко, состоялся военный совѣтъ для обсужденія способа дѣйствій противъ Телиша. На этомъ совѣтѣ, кромѣ начальниковъ частей войскъ, присутствовали начальники дивизіонныхъ штабовъ, офицеры генеральнаго штаба и нашъ дипломатъ-казакъ, князь Цертелевъ, состоявшій при генералѣ Гурко. Для быстрой передачи въ войска приказаній и распоряженій начальника отряда, которыя должны были быть послѣдствіемъ разсужденій на военномъ совѣтѣ, въ отрядный штабъ были вызваны адъютанты и ординарцы; въ числѣ первыхъ находился и я. Засѣданія совѣта происходили за длиннымъ столомъ, который изображала снятая дверь, положенная на подставки. Какія пренія велись на военномъ совѣтѣ сказать не могу, такъ какъ мы, адъютанты и ординарцы, хотя и находились въ сосѣдней комнатѣ, слышать разговоръ не могли. Кто-то изъ ординарцевъ развелъ по срединѣ костеръ, дымъ отъ котораго, не имѣя свободнаго выхода, наполнилъ избу и разъѣдалъ намъ глаза. Совѣщаніе совѣта длилось довольно долго и результатомъ его была слѣдующая, переданная намъ, диспозиція по войскамъ гвардіи и кавалеріи западнаго отряда:

«Завтра, 16-го октября, войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда произвести атаку укрѣпленной турецкой позиціи у Телиша, для чего:

1) 1-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ 3-мя батареями лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады выступить завтра, 16-го октября, въ $10^1/_2$ часовъ пополуночи, собравшись предварительно у передовой артиллерійской позиціи, и слѣдовать вдоль шоссе къ Телишу. Движеніе должно быть произведено въ боевомъ порядкѣ [1]). Подойдя на дистанцію отъ 800 до 1,000 саженъ, остановиться, немедленно окопаться и открыть артиллерійскій огонь, согласно словесно переданнаго приказанія.

2) 1-й бригадѣ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ 3-мя батареями 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады выступить завтра, 16-го октября, въ 7 часовъ пополуночи и, выйдя съ юго-восточной стороны турецкой позиціи, подойти къ ней на дистан-

цію отъ 800 до 1,000 саженъ, окопаться и открыть артиллерійскій огонь, согласно словесно переданнаго приказанія.

3) 1-й и 2-й бригадамъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, съ двумя конными батареями, прибыть къ 12 часамъ дня къ шоссе съ южной стороны Телиша и открыть огонь по турецкимъ редутамъ. Стрѣльба должна производиться слѣдующимъ образомъ: отъ 12 до 2 часовъ пополудни попеременно гранатами и шрапнелью; въ 2 часа дать три залпа и затѣмъ до $2^1/_2$ часовъ не стрѣлять. Въ $2^1/_2$ часа пополудни дать три залпа и затѣмъ перейти къ медленной стрѣльбѣ. Въ 4 часа пополудни опять дать три залпа и прекратить стрѣльбу до $4^1/_2$ часовъ пополудни. Въ $5^1/_2$ часа начать опять стрѣльбу тремя залпами и продолжать до наступленія темноты. Въ концѣ 6-го часа, когда будетъ наступать темнота, дать три залпа и затѣмъ совсѣмъ прекратить стрѣльбу [1]). По прекращеніи стрѣльбы, обѣимъ кавалерійскимъ бригадамъ сняться съ позиціи и отойти на бивакъ, на которомъ стоитъ нынѣ 2-я бригада. По прибытіи на шоссе, бригадѣ войти въ связь съ кавказскою бригадою полковника Черевина.

4) Лейбъ-гвардіи Гродненскому гусарскому полку, завтра, 16-го октября, въ 12 часовъ дня, снять свои аванпосты и, присоединивъ къ себѣ 2-ю батарею гвардейской конно-артиллерійской бригады, отойти къ западу отъ шоссе, спустившись въ долину, и, если окажется возможнымъ, открыть изъ батареи стрѣльбу противъ лѣваго фланга турецкихъ укрѣпленій, руководствуясь при стрѣльбѣ тѣмъ, что сказано въ п. 3.

5) Кіевскому гусарскому полку, съ двумя эскадронами Казанскаго драгунскаго полка и одною конною батареею, выступить въ 10 часовъ утра и произвести наступленіе къ Дольнему Дубняку. Цѣль движенія: бомбардировкою позиціи у Дольняго Дубняка удержать турокъ отъ наступленія противъ нашей позиціи у Горняго Дубняка и задержать всякое наступленіе турокъ на шоссе.

6) Отряду генерала Арнольди произвести сильную демонстрацію противъ Дольняго Дубняка, съ цѣлью задержать турокъ въ ихъ позиціи и не допускать двинуться по шоссе противъ нашей позиціи у Горнаго Дубняка.

7) Остальнымъ войскамъ оставаться на занимаемыхъ ими мѣстахъ.

---

[1]) Этотъ порядокъ стрѣльбы и составлялъ то словесное приказаніе, о которомъ упоминается въ пп. 1 и 2 диспозиціи. Подробности въ 3 п. помѣщены потому, что кавалерійскаго начальства на совѣтѣ не было. Д.

8) Всѣмъ отрядамъ, двигающимся противъ позиціи у Телиша, устроить позади себя передовые перевязочные пункты, а въ разстояніи около версты позади передовыхъ пунктовъ—главные перевязочные пункты. Въ Чириковѣ устроить центральный пунктъ. Для транспортированія раненыхъ съ главныхъ пунктовъ къ центральному отправить на главные пункты всѣ свободныя повозки 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

9) Въ началѣ боя я буду находиться при 1-й бригадѣ 2 гвардейской пѣхотной дивизіи.

10) Для наблюденія за порядкомъ нарядить на два главныхъ и центральные перевязочные пункты по 10 конныхъ жандармовъ. Остальнымъ жандармамъ находиться при мнѣ.

11) Обоимъ эскадронамъ собственнаго его величества конвоя состоять при мнѣ.

12) Всѣмъ войскамъ сдѣлать утреннюю варку.

13) Къ каждой пѣшей бригадѣ придать по полуротѣ гвардейскаго сапернаго баталіона.

14) Отъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи выставить летучую почту между 1-й бригадой 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и 1-й бригадой 3 гвардейской пѣхотной дивизіи».

Изъ приведенной диспозиціи видно, что главныя и единственныя дѣйствія противъ турокъ возлагались на артиллерію, которая своимъ огнемъ должна была принудить ихъ къ сдачѣ. Но что слѣдовало дѣлать пѣхотѣ, если бы турки, послѣ жестокаго бомбардированія ихъ артиллеріею, все-таки продолжали бы упорствовать, объ этомъ диспозиція умалчиваетъ. Въ атаку на турецкіе редуты, послѣ чувствительныхъ потерь подъ Горнымъ Дубнякомъ, очевидно, пускать войска не рѣшались. Надо думать, что генералъ-адъютантъ Гурко, въ случаѣ нежеланія турокъ сдаться 16-го октября, предполагалъ и на слѣдующій день осыпать ихъ артиллерійскими снарядами и этимъ способомъ заставить ихъ положить оружіе. Замѣтѣмъ кстати, что въ диспозиціи почему-то не помѣщенъ лейбъ-гвардіи уланскій его величества полкъ, который въ составѣ 3-й бригады 2-й гвард. кавалерійской дивизіи участвовалъ въ дѣлѣ 16-го октября и у него были раненые.

Пересчитывая упоминаемыя въ диспозиціи войска и прибавивъ къ кавалеріи 4 эскадрона лейбъ-гвардіи уланскаго его величества полка, окажется, что собственно для атаки укрѣпленнаго турецкаго лагеря подъ Телишемъ, кромѣ кавказской казачьей бригады, было назначено:

1-я бригада 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. . . .	8 бат.
1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. . . .	8 —
1-на рота саперъ гвардейскаго сапернаго баталіона .	$^1/_4$ —
2-я гвардейская кавалерійская дивизія	16 эск.
Собственный его величества конвой.	2 —
По три батареи отъ 2-й и 3-й гвардейскихъ артиллерійскихъ бригадъ, 6 батарей	48 ор.
3 конныя батареи.	18 —
Итого: пѣхоты . .	$16^1/_4$ бат.
кавалеріи . .	18 эск.
артиллеріи .	66 ор.

Рекогносцировка укрѣпленной турецкой позиціи у Телиша была сдѣлана заблаговременно самимъ начальникомъ отряда, генералъ-адъютантомъ Гурко, начальникомъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантомъ Каталеемъ, и нѣкоторыми офицерами генеральнаго штаба. Рекогносцировками этими было выяснено, что позиція турокъ у Телиша была расположена на правомъ берегу весьма незначительнаго ручья; что она укрѣплена тремя редутами, изъ которыхъ два впереди Телиша и одинъ изъ нихъ, большой, пересѣкаетъ шоссе, а третій находится за деревней и, повидимому, не имѣетъ оборонительнаго характера, а скорѣе служитъ мѣстомъ склада боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ, особенно фуража, что впослѣдствіи отчасти и подтвердилось, такъ такъ въ немъ оказалось громадное количество сѣна. Какъ великъ былъ гарнизонъ Телиша, точно опредѣлить было нельзя; но онъ состоялъ изъ пѣхоты, кавалеріи (черкесы) и артиллеріи. Во всякомъ случаѣ, гарнизонъ не могъ быть слишкомъ многочисленнымъ и назначенныхъ для атаки Телиша войскъ было болѣе, чѣмъ достаточно.

Вышеприведенная диспозиція, розданная тутъ же адъютантамъ и ординарцамъ, немедленно была доставлена въ войска.

Что касается исполненія данной диспозиціи, то тутъ подробно будетъ говориться только о дѣйствіяхъ 1-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, при которой я состоялъ; о расположеніи и дѣйствіи прочихъ войскъ будетъ упомянуто лишь настолько, насколько это необходимо для поясненія общаго хода дѣла.

1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ 1-ю, 2-ю и 5-ю батареями 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады выступила со своего бивака у Горнаго Дубняка 16-го октября въ 7 часовъ утра и, пройдя версты двѣ по софійскому шоссе, свернула влѣво, двигалась сначала по дорогѣ, а затѣмъ прямо полемъ, изрѣзаннымъ канавами и поросшимъ мелкимъ, мѣстами довольно

густымъ кустарникомъ. Слѣдовать по такому полю было особенно не удобно для артиллеріи, для которой приходилось иногда скашивать бока канавъ и вообще затруднялось оріентированіе. Поэтому генералъ-лейтенантъ Каталей со своимъ штабомъ и командирами бригадъ: генералъ-маіоромъ Философовымъ [1]) и полковникомъ Зиновьевымъ [2]) выѣхалъ впередъ, чтобы взять вѣрнѣе направленіе движенія, затѣмъ были вызваны фейерверкеры всѣхъ трехъ батарей и разставлены по направленію движенія въ видѣ указателей. Только тогда войска пошли правильно. Пройдя означенное поле и спустившись въ свинарскую балку, бригада повернула лѣвымъ плечомъ впередъ и, выйдя на высоту верстахъ въ трехъ отъ Телиша, перестроилась въ боевой порядокъ: впереди всѣ три батареи, прикрытыя стрѣлковою цѣпью Кексгольмскаго гренадерскаго императора австрійскаго полка, за ними прочія части этого полка и въ резервѣ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ съ полу-ротою гвардейскихъ саперъ. Подвигаясь въ такомъ порядкѣ впередъ, цѣпь наша оттѣснила турецкую и залегла. Турки первые открыли огонь изъ орудій. Первая турецкая граната, прошипѣвшая высоко надъ нашими головами, произвела чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе: такъ и казалось, что она направлена именно на насъ, въ нашу штабную кучку. Но граната перелетѣла и разорвалась гдѣ-то далеко въ балкѣ.

Непосредственно за Кексгольмскимъ гренадерскимъ полкомъ ѣхалъ генералъ Каталей со своилъ штабомъ, направляясь къ выѣхавшей на позицію нашей артиллеріи. Въ то же время сторожевые посты лейбъ-гвардіи уланскаго его величества полка собирались къ правому флангу отряда и два улана, держа въ поводу лошадей, шли наперерѣзъ нашему движенію. Такъ какъ штабъ ѣхалъ довольно замѣтной кучкой, то турки пустили въ него нѣсколько гранатъ (по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ показалось) и одна изъ нихъ упала предъ уланами въ томъ самомъ мѣстѣ, которое за нѣсколько секундъ предъ тѣмъ было оставлено штабомъ. Разорвавшись, граната раздробила лѣвую руку одному изъ уланъ, который самъ пошелъ на перевязочный пунктъ, гдѣ ему, какъ я узналъ послѣ, сдѣлали ампутацію. Это былъ первый раненый, котораго мнѣ пришлось видѣть въ дѣлѣ. Какъ это ни покажется эгоистично, но должно сознаться, что многіе изъ насъ въ душѣ возблагодарили Господа Бога за то, что намъ удалось пройти роковое мѣсто; упади граната нѣсколькими секундами ранѣе, упади она тогда, когда на этомъ мѣстѣ былъ генералъ Каталей со

[1]) Командиръ 1-й бригады дивизіи.

[2]) Командующій 3-ю гвардейскою и гренадерскою артиллерійскою бригадою.

своимъ штабомъ, тутъ могъ бы остаться не одинъ раненый, а можетъ быть и не одинъ убитый.

Между тѣмъ артиллерія наша, снявшись съ передковъ, тоже открыла огонь по турецкому редуту, сначала съ дистанціи 1,000 саженъ, а потомъ переѣхала впередъ саженъ на 200. Первый выстрѣлъ съ нашей стороны былъ сдѣланъ ровно въ 12 часовъ дня. Всѣ три батареи стрѣляли то гранатами, то шрапнелью, и стрѣляли, должно сказать, чрезвычайно удачно: намъ видно было какъ шрапнель разрывалась надъ самымъ редутомъ. Артиллеристы, начиная съ командира бригады и до послѣдняго канонира, дѣйствовали съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ, точно на ученьи или маневрахъ мирнаго времени: ни суеты, ни крика, ни шума; спокойно наводили орудія, быстро подносили снаряды; со стороны нѣкоторыхъ офицеровъ, стоявшихъ съ биноклями у своихъ орудій, слышались даже шутки и остроты. Бывшая при нашей бригадѣ полурота саперъ гвардейскаго саперната баталіона, съ переходомъ артиллеріи на вторую позицію, немедленно приступила къ устройству закрытій для орудій; но работа саперъ подъ огнемъ турокъ, которые, наконецъ, пристрѣлялись и гранаты ихъ стали ложиться между нашими пушками, къ счастью, не разрываясь, шла очень медленно и съ большой суетой: саперы едва успѣли трассировать закрытія, а къ насыпкѣ ихъ такъ и не приступали, не смотря на приданныя имъ рабочія команды отъ пѣхоты, и закрытія такъ и остались невозведенными.

Къ 12 часамъ дня подошла къ Телишу и 1-я бригада 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и залегла по обѣ стороны шоссе; три ея батареи открыли огонь одновременно съ нашими. Гулъ и трескъ по всей нашей линіи поднялись ужасные, особенно эфектны были залпы слишкомъ полусотни орудій. Турки намъ энергично отвѣчали изъ своихъ четырехъ орудій. Артиллерійская пальба съ обѣихъ сторонъ продолжалась уже болѣе часу, какъ къ генералу Каталею, стоявшему не далеко отъ праваго фланга нашей артиллеріи, подъѣхалъ ординарецъ отъ командира Кексгольмскаго гренадерскаго полка, генералъ-маіора фонъ-Витторфа, съ донесеніемъ, что противъ лѣваго фланга полка показалось много турецкой кавалеріи. Начальникъ дивизіи тотчасъ же приказалъ командующему лейбъ-гвардіи Литовскимъ полкомъ, флигель-адъютанту барону Арнсгофену, направить на лѣвый флангъ Кексгольмскаго полка одинъ баталіонъ. 4-й баталіонъ полка двинулся, но скоро объяснилось, что тревога была фальшивая: противъ лѣваго фланга Кексгольмскаго полка, дѣйствительно, показалась кавалерія, только не турецкая, не черкесы, а наша; это были—уланы его величества, прикрывавшіе конную батарею, которая скоро подъѣхала къ нашему лѣвому флангу, снялась съ передковъ и немед-

ленно открыла огонь по турецкому редуту, хотя огонь ея, по дальности дистанціи, наносилъ мало вреда туркамъ.

Въ это время одна турецкая граната прошипѣла не высоко надъ нашими головами. Весь штабъ какъ-то инстинктивно отдалъ ей почтеніе, наклонивъ головы.

— «А что, господа? Вотъ вы всѣ наклонились, а я нѣтъ», сказалъ генералъ Каталей. Намъ сдѣлалось не ловко, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не могли не улыбнуться, такъ какъ видѣли, что и самъ почтенный генералъ отнесся не безъ уваженія къ турецкому снаряду.

Огонь съ нашей стороны продолжался непрерывно до 2-хъ часовъ пополудни и затѣмъ, послѣ трехъ залповъ изъ всѣхъ батарей, прекратился и мы увидѣли, что по софійскому шоссе къ редуту скачетъ какая-то кучка всадниковъ. Это были, какъ узнали мы послѣ, плѣнные турки, съ которыми генералъ-адъютантъ Гурко послалъ къ начальнику телишскаго гарнизона заранѣе составленное письмо съ предложеніемъ сдаться. Пока шли въ редутѣ переговоры, о которыхъ тогда мы, конечно, не знали, прошло полчаса, и мы, согласно диспозиціи, сново открыли огонь тремя залпами изъ всѣхъ орудій. Но тутъ вскорѣ на многихъ мѣстахъ бруствера редута показались бѣлые флаги, знакъ, что гарнизонъ сдается. Флаги эти, однако же, не вездѣ были замѣчены одновременно и потому огонь съ нашей стороны продолжался еще нѣкоторое время. Особенно долго, послѣ поднятія флаговъ, стрѣляла конная батарея на нашемъ лѣвомъ флангѣ, такъ что генералъ Каталей послалъ ей, наконецъ, приказаніе прекратить пальбу. Раньше всего флаги замѣчены были на правомъ нашемъ флангѣ, во 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, гдѣ и раздалось громкое ура, подхваченное затѣмъ по всей линіи. Нельзя отрицать, что появленіе бѣлыхъ флаговъ не возбудило всеобщей радости и веселья; но болѣе всѣхъ бѣлымъ флагамъ обрадовались саперы, которымъ дѣйствительно приходилось жутко разбивать закрытія подъ сильнымъ турецкимъ огнемъ, потомъ артиллеристы,—одинъ изъ наводчиковъ артиллеристовъ бросился даже обнимать свое орудіе, называя его «матушкой нашей», «спасительницей» и другими нѣжными именами.

Наша 1-я бригада, т. е. 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, хотя не была еще ни разу въ настоящемъ дѣлѣ съ непріятелемъ (12-го октября мы стояли по восточную сторону Плевны, противъ Кришинскихъ редутовъ, съ цѣлью противодѣйствовать Осману-пашѣ подать помощь атакованному гвардейцами Горному Дубняку, и сдѣлали только четыре выстрѣла изъ орудія, а по насъ турки не стрѣляли вовсе), но солдаты не могли не слышать о потеряхъ гвардейцевъ

въ дѣлѣ при Горномъ Дубнякѣ; наконецъ, намъ приходилось проходить чрезъ поле, покрытое ранеными и убитыми, и мы могли достаточно хорошо судить о томъ, что значитъ атаковать открытою силою непріятеля, засѣвшаго за окопами. Конечно, я не буду отрицать, что такому счастливому исходу дѣла не радовалась и пѣхота, но радость эта не выразилась никакими наружными проявленіями, кромѣ крика ура! Радость эта была какая-то спокойная.

Съ прекращеніемъ артиллерійской стрѣльбы, цѣпь наша стала подвигаться впередъ къ редутамъ, стараясь ихъ охватить; за цѣпью слѣдовали резервы. Движеніе совершалось въ полной готовности произвести атаку, если только со стороны турокъ будетъ сдѣланъ хотя одинъ выстрѣлъ. Но турки не стрѣляли; они сплошною шеренгою стояли ня банкетѣ, имѣя ружья па брустверѣ. Когда мы подошли довольно близко къ редуту, то здѣсь увидѣли тѣла лейбъ-егерей, оставшіяся здѣсь послѣ несчастной атаки телишскихъ редутовъ 12-го октября. Всѣ тѣла были раздѣты до гола и обезображены: у нѣкоторыхъ были отрѣзаны члены, у нѣкоторыхъ вырѣзаны кресты или продольныя полосы на спинѣ, груди, плечахъ. Объ этихъ звѣрствахъ тогда же былъ составленъ протоколъ, подписанный нашими офицерами и четырьмя взятыми въ плѣнъ англичанами. Турки всю вину сваливали на башибузуковъ, которыхъ имъ будто бы было трудно удержать отъ звѣрства. Тѣла нашихъ воиновъ были собраны и на другой день похоронены съ воинскими почестями.

Когда войска наши охватили редуты съ восточной и южной сторонъ, по шоссе подъѣхалъ къ большому редуту начальникъ отряда, генералъ-адъютантъ Гурко, и къ нему вышелъ начальникъ телишскаго гарнизона, толстенькій и коротенькій Измаилъ-Хакки-паша, и передалъ генералу свою саблю. Тотъ-же часъ были разобраны дрова, заграждавшія перерывъ въ части бруствера, находящейся на шоссе, и турки начали густой толпой вывозить изъ редута и класть оружіе. Какую странную смѣсь народностей представляла эта толпа! Тутъ были турки, черкесы, негры, арабы и даже «просвѣщенные мореплаватели» англичане. Всѣ англичане (ихъ было четверо) имѣли на лѣвомъ рукавѣ повязку «Красной Луны», выдавая себя за врачей, хотя, какъ оказалось впослѣдствіи, въ медицинѣ они ничего не понимали. Одинъ изъ турокъ шелъ предъ толпою, съ покрытымъ грязною тряпицею лицомъ, и что-то такое жалобно пѣлъ.

Многіе плѣнные были въ русскихъ сапогахъ, гвардейскихъ мундирахъ и шинеляхъ. Какой-то турокъ подалъ начальнику штаба, полковнику Энкелю, револьверъ, снятый съ нашего убитаго офицера. Взятые въ плѣнъ англичане хлопотали о томъ, чтобы у нихъ не

отобрали ихъ имущества и лошадей, которыя оказались привязанными на дворѣ лазарета въ деревнѣ.

Какъ только вышла изъ Телиша главная масса плѣнныхъ турокъ, я и подполковникъ С. поѣхали въ деревню. Насъ обоихъ, повидимому, соблазнялъ одинъ и тотъ же предметъ, — развѣвающееся на одномъ зданіи бѣлое турецкое знамя съ красной луной. Навстрѣчу намъ бѣжали турецкіе солдаты, находившіеся во время боя въ деревнѣ или въ редутѣ за деревней. Бѣжали они почти весело, точно по тревогѣ на ученье, держа ружья въ правой рукѣ; никакого смущенія или досады на несчастный для нихъ исходъ дѣла на ихъ лицахъ не выражалось. Мы имъ кричали: «кой тюфекъ! кой тюфекъ!» (клади ружье! клади ружье!) Бѣжавшіе быстро бросали ружья, выбѣгали изъ редута и быстро присоединялись къ своимъ. Въ деревнѣ уже хозяйничали какіе-то солдаты и казаки кавказской бригады. Небольшой кучкой солдатъ и казаковъ разгружалась стоявшая на дорогѣ каруца, въ которой были разные продовольственные припасы и оружіе, между прочимъ, магазинки и револьверы. Прекративъ это хозяйничанье, мы поспѣшили къ зданію, на которомъ развѣвалось знамя. Къ нашему огорченію, зданіе оказалось лазаретомъ, а знамя флагомъ общества «Красной Луны». Въ нижнемъ этажѣ лазарета лежали больные и раненые турки. Ни одного доктора тутъ не оказалось Встрѣтилъ насъ здѣсь почтенный турокъ, который намъ отрекомендовался бимъ-баши (маіоръ) Мурадъ-беемъ. Говоря немного по русски, маіоръ разсказалъ намъ, что онъ родомъ полякъ изъ Галиціи, изъ фамиліи графовъ Лянцкоронскихъ. Затѣмъ на наши вопросы онъ сначала объяснилъ, что состоитъ при телишскомъ гарнизонѣ, а потомъ, что былъ посланъ Османомъ-пашей для осмотра этаповъ; въ концѣ концовъ, мы такъ и не добились отъ него, что онъ изображаетъ изъ себя въ дѣйствительности.

Далеко еще не всѣ военно-плѣнные турки вышли изъ редута и деревни, какъ въ послѣднюю въѣхалъ начальникъ отряда съ своей свитой и прямо подъѣхалъ къ лазарету. Здѣсь генералъ-адъютантъ Гурко сдѣлалъ по французски нѣсколько вопросовъ Мурадъ-бею. Объѣхавъ деревню, начальникъ отряда скоро уѣхалъ въ Горный Дубнякъ, куда были направлены и всѣ плѣнные турки. Телишъ приказано было занять 1-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

Занявъ квартиру для нашего штаба, я направился обратно къ выѣзду изъ деревни и тутъ только замѣтилъ картину смерти, которую представляла собою внутренность большаго редута. Хотя число убитыхъ турокъ здѣсь было значительно меньше, чѣмъ въ Горномъ Дубнякѣ, но и того, что пришлось мнѣ видѣть, было очень достаточно

чтобы пожелать не быть никогда въ редутѣ, на слишкомъ незначительной площади, когда редутъ атакованъ сильнымъ непріятелемъ. Вся площадь редута была усѣяна убитыми турками, у большей части которыхъ были сорваны черепа; раненыхъ здѣсь почти не было, всѣ они находились въ деревнѣ. Тутъ же валялась масса оружія и разнаго рода имущества; одно или два дальнобойныхъ орудія; третье было сброшено въ оврагъ; четвертое орудіе, какъ оказалось впослѣдствіи, было увезено черкесами. У самаго редута я встрѣтилъ нѣсколько нашихъ докторовъ, просившихъ позволенія осмотрѣть убитыхъ.

Начинало уже темнѣть.

Начальникъ дивизіи и штабъ, по объѣздѣ деревни, ѣхали къ отведеннымъ имъ квартирамъ, какъ за Телишемъ раздался пушечный выстрѣлъ. Всѣ мы недоумѣвали что́ это значитъ и у насъ чуть не поднялась тревога. Но скоро дѣло разъяснилось. Наши лейбъ-уланы, замѣтивъ бѣжавшихъ изъ Телиша башибузуковъ и черкесовъ, бросились ихъ преслѣдовать, напали, многихъ изрубили, но въ пылу преслѣдованія сами наткнулись на небольшую часть вышедшей изъ Телиша турецкой пѣхоты, которою и были встрѣчены сначала ружейнымъ огнемъ, а потомъ и штыками. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ черкесами по уланамъ же изъ увезеннаго изъ Телиша орудія.

Всего въ Телишѣ взято было въ плѣнъ: паша 1, офицеровъ 105 и нижнихъ чиновъ 3,700; орудій дальнобойныхъ три, множество ружей и разнаго рода имущества: обозъ, палатки, много продовольственныхъ запасовъ, особенно фуража; послѣдній тутъ же былъ разобранъ нашими безъ всякаго контроля и порядка. Сколько было убитыхъ и раненыхъ турокъ мы не считали. Потери съ нашей стороны были слѣдующія: убитъ одинъ нижній чинъ, унтеръ-офицеръ Кексгольмскаго гренадерскаго полка, Емельянъ Лутковскій, и ранено 15 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Это собственно во время бомбардировки. Большинство раненыхъ было во 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Кромѣ того, у уланъ, во время преслѣдованія черкесовъ и башибузуковъ, убито 4 нижнихъ чина и ранено: 4 офицера и 10 нижнихъ чиновъ. Это все я узналъ позже. Здѣсь не могу умолчать объ очень счастливомъ случаѣ, бывшемъ съ адъютантомъ 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады, подпоручикомъ Борніо. Одна изъ турецкихъ гранатъ разорвалась около него и большой осколокъ перебилъ у подпоручика Борніо сзади сѣдло, самъ Борніо былъ сброшенъ съ лошади, но остался цѣлъ и невредимъ.

1-я бригада 3-й гвардейской дивизіи съ тремя батареями заняла Телишъ; бригада 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи отошла назадъ къ Горному Дубняку. Наша бригада расположилась частью бивакомъ, частью по квартирамъ;солдаты тотчасъ же начали хозяй-

ничать: набрали откуда-то большихъ мѣдныхъ котловъ, тащили въ мѣшкахъ ячмень и другіе продукты, которыми была наполнена турецкая мечеть. Вернулся я въ свою квартиру довольно поздно вечеромъ. Тамъ наша компанія пила уже чай, пригласивъ также и маіора Мурадъ-бея. Съ какимъ наслажденіемъ выпилъ я поданный мнѣ деньщикомъ моимъ Афанасіемъ стаканъ чаю, завареннаго на не совсѣмъ чистой водѣ. Съ самаго утра мы почти ничего не ѣли, такъ какъ нельзя считать за ѣду той маленькой вареной курицы, положенной утромъ предъ выступленіемъ въ мою кобуру деньщикомъ, ибо ее пришлось раздѣлить на шесть частей между чинами нашего штаба, включая въ то число и генерала Каталея, которому была предложена куриная ножка, когда мы приближались къ редуту по прекращеніи бомбардировки, слѣдовательно, часовъ около двухъ пополудни. Послѣ этого мы отлично поужинали и провели ночь совершенно спокойно и сравнительно удобно въ избѣ, разбитыя окна которой были занавѣшаны полотнищами походной палатки.

На слѣдующій день бригадѣ была назначена дневка. Утромъ я пошелъ осмотрѣть деревню. Первая картина, на которую я наткнулся, была слѣдующая: недалеко отъ мечети кучка нашихъ солдатъ окружила какого-то турка и тянула его въ разныя стороны. Я догадался, что тутъ происходитъ что-то не ладное. Подойдя къ солдатамъ, я приказалъ имъ оставить турка, который былъ блѣденъ какъ полотно. Изъ разспросовъ оказалось, что это былъ грекъ хакимъ (докторъ) при телишскомъ гарнизонѣ, и что вчера во время дѣла онъ скрывался въ безопасномъ мѣстѣ, откуда его и вытащили наши солдаты.

Освободивъ доктора и захвативъ въ лазаретѣ Мурадъ-бея, вчерашняго нашего знакомца, я привелъ ихъ къ себѣ въ штабъ, гдѣ имъ дали закусить и напоили чаемъ; самъ же я вернулся опять въ деревню. Здѣсь отъ солдатъ я узналъ, что они, чтобы расположиться по квартирамъ, должны были сначала очистить дома отъ труповъ турокъ. Это, по всей вѣроятности, были тѣ изъ раненыхъ, которые во время дѣла снесены были въ деревню и тамъ умерли, не получивъ своевременно медицинской помощи. Самая деревня отъ нашей артиллеріи пострадала мало; я замѣтилъ лишь нѣсколько домовъ, которые были пробиты гранатами насквозь. Посѣтивъ редутъ, я засталъ тамъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка полковника Буша, которому поручено было составить опись доставшемуся намъ турецкому имуществу. У добрѣйшаго полковника я выпросилъ: турецкую палатку и желѣзную печь, а для перевозки этихъ вещей—каруцу и пару буйволовъ. Палатка впослѣдствіи сослужила намъ прекрасную службу зимой на Балканахъ, печь служила подъ Плевной. Одни только буй-

волы служили не долго: въ первый же вечеръ какъ мы подошли къ Виду, одинъ буйволъ ушелъ, а другаго чрезъ нѣсколько дней мы съѣли сами.

II.

17-го октября 1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи оставалась, какъ сказано выше, въ Телишѣ. Вечеромъ отъ начальника штаба отряда, полковника Нагловскаго, была получена начальникомъ дивизіи записка слѣдующаго содержанія: «начальникъ отряда приказалъ: 1-й бригадѣ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи очистить отъ турокъ всю мѣстность между Телишемъ, Чумаковицами и Радомирцами. По исполненіи этого порученія бригада перейдетъ на новое мѣсто согласно приказа, который ваше превосходительство изволите вскорѣ получить. Начальникъ отряда желаетъ, чтобы исполненіе этого порученія сопровождалось возможно меньшею потерею. Сообщается для свѣдѣнія, что въ этомъ раіонѣ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, войскъ не много,—около двухъ таборовъ, башибузуки и нѣсколько сотъ черкесовъ. Для исполненія этого порученія бригадѣ слѣдуетъ двинуться завтра, 18-го октября, съ самаго ранняго утра. 17-го октября 1877 года». Внизу была слѣдующая приписка: «По полученнымъ добавочнымъ свѣдѣніямъ у моста возлѣ Радомирцы стоитъ лагерь нѣсколько болѣе шести, семи таборовъ. Поэтому, если это подтвердится, то начальникъ отряда желаетъ, чтобы ваше превосходительство лагерь этотъ не атаковали, а только артиллерійскимъ огнемъ вызвали огонь непріятеля и тѣмъ раскрыли его силы».

Получивъ эту записку, начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Каталей, приказалъ: одному полку 3-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, по усмотрѣнію бригаднаго командира, выступить изъ Телиша въ 6 часовъ утра 18 октября съ одною конною батареею и двигаться на Радомирцы по шоссе, освѣщая впереди лежащую мѣстность разъѣздами. Для рекогносцировки пространства къ западу отъ софійскаго шоссе до рѣки Искера назначить дивизіонъ отъ другаго полка той же бригады. 1-й бригадѣ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ тремя батареями выступить изъ Телиша, въ 7 часовъ утра, и слѣдовать по шоссе, имѣя въ авангардѣ два баталіона лейбъ-гвардіи Литовскаго полка съ одной батареей. Одному баталіону Кексгольмскаго гренадерскаго полка у первой караулки на шоссе, верстахъ въ трехъ отъ Телиша, выдѣлиться вправо по дорогѣ на Чумаковицы, гдѣ и остановиться до особаго приказанія.

Войска выступили 18-го числа въ указанное имъ время, и пройдя версты три по шоссе, я получилъ отъ начальника дивизіоннаго штаба,

полковника Энкеля, приказаніе состоять при томъ баталіонѣ, который долженъ былъ направиться на Чумаковицы. Это былъ 4-й баталіонъ Кексгольмскаго гренадерскаго императора австрійскаго полка, (командиръ баталіона—маіоръ Мередихъ 2-й). Между тѣмъ начальникъ штаба 2-й кавалерійской дивизіи, полковникъ Бунаковъ, еще въ 4 часа утра 18-го октября, извѣщалъ запискою генерала Каталея (это я узналъ послѣ), что турки очистили Радомирцы и, слѣдовательно, задача, поставленная бригадѣ—идти на Радомирцы и раскрыть силы непріятеля — пропадала сама собою; но движеніе на Радомирцы отмѣнено не было. Выдѣляемому изъ общей колонны баталіону Кексгольмскаго гренадерскаго полка приходилось очищать мѣстность по Искеру отъ башибузуковъ и черкесовъ. При этомъ мнѣ начальникомъ штаба было сказано, что я долженъ соединиться съ отрядомъ въ Радомирцахъ.

Пропустивъ бригаду, я явился маіору Мередиху и передалъ ему приказаніе о назначеніи баталіона. Мы тотъ-же часъ свернули вправо и, пройдя версты три-четыре по горному плато, покрытому мелкимъ лѣскомъ, спустились къ Искеру и заняли Чумаковицы, огромнѣйшую и богатѣйшую деревню, оставленную жителями. Деревня Чумаковицы, а равно и другія деревни, раскинувшіяся по Искеру, представляли какъ бы огромнѣйшіе склады продовольственныхъ припасовъ. Чего чего только тутъ не было! И огромнѣйшія скирды хлѣба, и стоги сѣна, и разнаго рода скотъ и птица! Однимъ словомъ, всего было здѣсь столько, что если бы собрать всѣ эти припасы своевременно и ловко, то можно было бы продовольствовать не одинъ, а нѣсколько корпусовъ въ теченіи многихъ дней, а можетъ быть и недѣль. И такимъ образомъ былъ бы сбереженъ не одинъ милліонъ казенныхъ денегъ. Но никакихъ интендантскихъ чиновниковъ при отрядахъ никогда не слѣдовало, (правда, у насъ былъ дивизіонный интендантъ, да только мы его видали очень мало), запасы собраны и сохранены не были и чрезъ нѣсколько недѣль, не смотря на то, что штабомъ отряда были строго разграничены районы для фуражировокъ войскъ, запасы эти были истреблены самымъ хищническимъ способомъ самими же войсками, и за фуражемъ впослѣдствіи изъ-подъ Плевны приходилось ѣздить далеко за Искеръ.

Здѣсь я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе. Должно замѣтить, что всѣ наши свѣдѣнія о Болгаріи, не смотря на неоднократное занятіе этой страны нашими войсками, вслѣдствіе ряда войнъ съ турками, были до крайности скудны, да и имѣвшіяся свѣдѣнія отличались невѣрностью. Намъ чуть не съ каѳедры проповѣдывали, что Болгарія страна бѣдная, угнетенная турками; что война съ Турціей трудна будетъ для насъ вовсе не потому, что турки имѣютъ большую и хорошо устроенную и обученную армію,—такой арміи у нихъ нѣтъ,

а есть какой-то сбродъ, чуть не одни только башибузуки,—а трудно будетъ вслѣдствіе особыхъ условій продовольствія нашей арміи: ей придется везти за собой все, отъ солдатскаго сухаря до послѣдняго клочка сѣна для лошадей [1]). Но вотъ переходимъ мы Дунай (это было въ сентябрѣ), двигаемся далѣе по Болгаріи на Церевичъ, Акчаиръ, Овчу-Могилу, Вино, Парадимъ, Пелишатъ и проч. и видимъ всюду, что вовсе нѣтъ той поразительной бѣдности, о которой намъ пропо-вѣдовали. Напротивъ, всюду не только достатокъ, но полнѣйшая зажиточность: вездѣ, какъ въ Чумаковцахъ, громаднѣйшія скирды хлѣба на дворахъ и въ полѣ, при насъ его и молотили болгары; въ амбарахъ засыпана пшеница и кукуруза; въ Пелишатѣ, напримѣръ, нашъ штабъ спалъ на пшеницѣ, а въ Эски-Баркачѣ мы вмѣсто подстилки употребляли снопы пшеницы, снимая ихъ прямо со скирдъ, которыя даже проросли. Артиллеристы сами молотили ячмень. Луговъ нескошенныхъ встрѣчалось множество и при томъ луговъ съ такой травой, что въ ней не видать всадника на лошади; правда, трава эта уже нѣсколько подгорѣла, но сколько помнится, 3-я гвардейская пѣхотная дивизія во время стоянки въ Овчей Могилѣ накосила не мало сѣна. На поляхъ оставалось много неубранной кукурузы, напримѣръ, подъ Плевной вся площадь по лѣвую сторону р. Вида представляла настоящій кукурузный лѣсъ. Вообще послѣдній бѣднякъ въ Болгаріи богаче зажиточнаго русскаго мужика. И это не смотря на то, что между Дунаемъ и Плевной прошла уже масса русскихъ войскъ, пользуясь средствами страны; да надо полагать, что и турки чѣмъ нибудь да поживились. Если припомнить, что почти каждый пѣхотный полкъ вынесъ послѣ кампаніи до ста тысячъ экономическаго капитала, а нѣкоторые полки вынесли гораздо больше, то этого уже будетъ достаточно, чтобы убѣдиться, что продовольствіе войскъ, когда забота объ этомъ лежала на самихъ войскахъ, а не на интендантствѣ, стоило не дорого. Вѣроятно, скудость нашихъ свѣдѣній о Болгаріи и была причиною заключенія извѣстнаго контракта съ товариществомъ Коганъ, Грегеръ и К°. Это товарищество само пользовалось безвозмездно мѣстными средствами, высылая по деревнямъ своихъ агентовъ, которые, прикрѣпивъ къ фуражкѣ кокарду, дѣйствовали подъ видомъ чиновниковъ и повелѣвали.

Впрочемъ, я слышалъ, что въ пользованіи мѣстными средствами войска встрѣчали затрудненія со стороны гражданскаго управленія занятою частью Болгаріи. Управленіе это, какъ тогда говорили, хотѣло предварительно опредѣлить, что принадлежитъ болгарамъ и

[1]) Я здѣсь долженъ сказать, что вовсе не считаю виновными тѣхъ, кто сообщалъ намъ подобныя свѣдѣнія: лекціи составлялись по тѣмъ матеріаламъ, которые имѣлись въ данное время. Д.

что туркамъ и черкесамъ, съ тѣмъ, чтобы войска пользовались бы, только брошенными турками и черкесами полями, а пока оно опредѣляло, тѣмъ временемъ трава выгорѣла, хлѣбъ, гдѣ его не успѣли снять болгары, выдавая за свой, осыпался, кукуруза перезрѣла.

Продолжаю однако мой разсказъ о дальнѣйшемъ движенiи 4-го баталiона Кексгольмскаго гренадерскаго полка. Въ Чумаковицахъ баталiону данъ былъ привалъ. Осмотрѣвъ деревню, мы не нашли въ ней ни одного жителя, но за то солдаты наколотили порядочное число куръ и выгнали массу рогатаго скота и свиней. Скотъ пошелъ гулять по полямъ, такъ какъ взять его съ собой не представлялось никакой возможности, а свиней штукъ двадцать прикололи и раздѣлили между ротами. Хотя по писанному приказанiю баталiону и слѣдовало оставаться въ Чумаковицахъ впредь до особаго распоряженiя но словесно отданное намъ приказанiе гласило, что мы должны соединиться съ отрядомъ въ Радомирцахъ. Проводника у насъ не было; на бѣду, я не взялъ съ собою карты, не ожидая возложеннаго на меня порученiя. Куда идти? Я зналъ только, что Радомирцы находятся на софiйскомъ шоссе, что батальонъ нашъ составляетъ крайнiй правый отрядъ. Есть ли кто нибудь изъ нашего отряда впереди насъ, мы положительно ничего не знали. Но, однако-же, разсуждать не приходилось, а нужно было идти. Выславъ въ авангардъ одну роту, мы двинулись впередъ.

Отъ Чумаковицъ вверхъ по Искеру долина праваго берега рѣки представляется сначала узкою, стиснутою скалистыми берегами, и затѣмъ нѣсколько расширяется, такъ какъ Искеръ дѣлаетъ уклонъ. По правому берегу небольшой рѣдкiй лѣсокъ; лѣвый берегъ чистъ, представляя огромную плоскость, окаймленную вдали невысокимъ хребтомъ горъ; на площади этой кое-гдѣ разбросаны деревья; вся площадь усѣяна стогами. Не прошли мы и трехъ верстъ, какъ влѣво на скалистой высотѣ замѣтили отрядъ кавалерiи. Мы сейчасъ же направили туда наши бинокли. Но до кавалерiи было довольно далеко и трудно было разобрать, наша эта кавалерiя или турецкая. Только нѣсколько спустя, придвинувшись еще впередъ, мы замѣтили флюгера на пикахъ, чрезъ что и признали кавалерiю за нашу. Идемъ далѣе. Мѣстность становится пересѣченнѣе, лѣсъ густѣетъ, начинается глушь. День былъ, не смотря на октябрь, довольно жаркiй; солдаты видимо утомляются, пристаютъ. При насъ ни одного кавалериста, чтобы освѣтить мѣстность. Правда, у насъ впереди авангардъ, отъ него еще впереди взводъ, отъ котораго впередъ и по бокамъ высланы патрули; но въ такомъ маленькомъ отрядѣ, каковъ былъ нашъ, пѣхотные развѣдчики, да еще усталые, не могли уходить слишкомъ далеко впередъ. Кавалерiя, которую мы видѣли на высотѣ, вдругъ куда-то

скрылась. Мы не подозрѣвали, что эта кавалерія составляла частичку нашего отряда. Сдѣлали мы уже, надо полагать, верстъ пятнадцать. Только видимъ, что на встрѣчу намъ скачетъ уланскій офицеръ. Мы остановились.

— Идите, говоритъ офицеръ,—скорѣе. Мы двумя эскадронами занимаемъ вонъ ту высоту, и онъ указалъ рукою назадъ. Налѣво турки жгутъ болгарскія деревни. Высота представляетъ выгодную позицію и мы до прихода вашего ее не оставимъ. Сказалъ—и ускакалъ назадъ. Этотъ офицеръ, какъ теперь припоминаю, былъ корнетъ Карель.

Хорошо сказать: «идите скорѣе», когда баталіонъ уже порядочно усталъ. Подъемъ на высоту крутой и длинный, до подошвы высоты еще версты полторы. Но тѣмъ не менѣе, маіоръ Мередихъ скомандовалъ: «бѣгомъ, маршъ!» и чрезъ полчаса большая часть баталіона была уже на высотѣ. Люди ужасно запыхались: какъ вбѣжали на высоту, такъ тотчасъ же и улеглись. Лежимъ и отдыхаемъ, а тѣмъ временемъ подтягиваются на высоту и отсталые. На горѣ, кромѣ насъ, и дивизіонъ кавалеріи, эскадронъ уланъ, да эскадронъ гусаръ. Начальникъ этого дивизіона, гусарскій полковникъ, послалъ впередъ разъѣзды, а самъ все посматриваетъ да посматриваетъ впередъ въ бинокль. Направили и мы свои бинокли. Ничего не видать, кромѣ цѣлаго ряда пылающихъ деревень, расположенныхъ въ узкомъ ущельѣ; дымъ наполнилъ все ущелье, а это и безъ бинокля видно отлично.

Маіоръ Мередихъ предложилъ полковнику, какъ старшему, принять начальство надъ всѣмъ отрядомъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? отвѣтилъ полковникъ и вслѣдъ затѣмъ скомандовалъ своимъ кавалеристамъ: «садись!»

Я подхожу къ полковнику и прошу его оставить намъ хоть нѣсколько кавалеристовъ. Отказалъ.

— Такъ не можете ли вы, господинъ полковникъ, говорю я ему, время отъ времени, давать намъ знать о томъ, что происходитъ впереди; вѣдь нельзя же намъ идти какъ съ завязанными глазами; кавалерія—глаза арміи.

— Хорошо, хорошо, сказалъ полковникъ,—съ удовольствіемъ. Затѣмъ скомандовалъ: «шагомъ марршъ!» и кавалерія начала спускаться съ горы въ ущелье. Только мы и видѣли.

Вдругъ у насъ въ баталіонѣ раздался крикъ: «Куда, куда, дьяволъ! Зачѣмъ? Назадъ! Тамъ черкесы!» Обернувшись, я увидѣлъ, что съ горы къ рѣкѣ Искеру бѣжитъ какой-то солдатикъ. Бѣжитъ шибко, а до Искера около версты. Мы, офицеры, принялись также кричать ему, чтобы онъ вернулся. Солдатъ насилу услышалъ насъ и повер-

нулъ назадъ. Оказалось, что это былъ еврей горнистъ: ему очень хотѣлось пить и онъ бѣжалъ къ рѣкѣ, чтобы напиться. Нашелъ время утолять жажду!

Мы все лежимъ на высотѣ. Деревни пылаютъ; по временамъ, даже кверху подымается столбъ искръ, точно такъ, какъ бываетъ, когда костеръ ворочаютъ палкой или когда въ него бросятъ большое, тяжелое бревно. Кавалерія наша давно скрылась съ глазъ и объ насъ какъ бы забыла,—ни одного извѣстія о томъ, что дѣлается впереди. Наконецъ, маіоръ Мередихъ поднялъ баталіонъ и мы пошли въ ту сторону, куда раньше пошла наша кавалерія. Пока было еще свѣтло,—а солнце давно уже перевалило за полдень,—шли мы свободно и увѣренно: наша кавалерія оставляла на мягкой почвѣ прекрасные слѣды подковъ съ шипами. Прошли одну пылающую деревню, прошли другую. Въ деревняхъ этихъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ стариковъ болгаръ и какой-то сумасшедшей старухи болгарки, никого не встрѣтили. Начинало темнѣть. Идти становилось труднѣе, какъ вслѣдствіе усталости, такъ и подъ вліяніемъ темноты; извѣстно, что движенія войскъ ночью крайне медленны. Прошли еще одну пылающую деревню, при чемъ пришлось починить на пути переброшенный черезъ довольно широкій ручей, скорѣе даже канаву, по которой струилась вода къ мельницѣ, мостикъ, что еще болѣе замедлило движеніе баталіона. Наконецъ, почти совсѣмъ стемнѣло и мы уже перестали видѣть слѣды нашей кавалеріи. Я съ баталіоннымъ командиромъ ѣхалъ впереди. «Этого еще недоставало», подумалъ я, всматриваясь въ черную полосу, виднѣвшуюся на горизонтѣ, и невольно замедляя шагъ лошади.

— Видите, маіоръ? спросилъ я баталіоннаго командира, указывая рукой на рѣзко выдѣляющійся на горизонтѣ контуръ редута, на брустверѣ котораго торчалъ часовой.

— Да, я это ужъ давно замѣтилъ, отвѣчалъ маіоръ Мередихъ,—но только не хотѣлъ говорить, боясь, чтобы не обратили на это вниманіе солдаты.

Но солдаты, кажется, раньше насъ замѣтили редутъ. Тишина въ баталіонѣ водворилась такая, что можно было, какъ говорится, слышать, какъ пролетитъ муха.

— Ну, говорю я маіору Мередиху,—прикажите усилить патрули на правомъ нашемъ флангѣ и пойдемъ скорѣе. Патрули были усилены, назначенъ даже офицеръ, и мы зашагали. Я съ маіоромъ по прежнему впереди. Пройдя немного, видимъ, что что-то впереди бѣлѣется. Я рѣшился посмотрѣть что это такое. Ѣду впередъ съ обнаженной саблей. Вижу турецкія палатки, но никто не окликаетъ. Тишина.

Подъѣхавъ къ лагерю, я толкнулъ саблей одну палатку — упала, толкнулъ другую—тоже. Очевидно, лагерь пустой. Возвратившись къ баталіону, я передалъ маіору о томъ, что видѣлъ, и говорю, что нужно идти лѣвѣе лагеря безъ дороги, прямо горой, такъ какъ, по моимъ соображеніямъ, этотъ турецкій лагерь и есть именно тотъ лагерь у Радомирцъ, противъ котораго былъ направленъ отрядъ изъ Телиша, и что недалеко должно быть шоссе. Баталіонъ въ той же тишинѣ сталъ подниматься на гору. Часовыхъ на редутѣ появилось больше и они, повидимому, засуетились. Ну, думаемъ, замѣтили и сейчасъ жарнутъ по насъ. Прибавили шагу.

Но только что вышли мы изъ-за гребня высоты, какъ видимъ почти предъ самымъ нашимъ носомъ другой редутъ, тоже съ часовымъ на брустверѣ. Въ редутѣ огонь. Баталіонъ невольно остановился. Тогда я говорю маіору Мередиху, что положительно не знаю, кѣмъ заняты редуты: можетъ быть—турками, а можетъ быть—и нашими. Впрочемъ, если будутъ окликать не по русски, то намъ остается одно: не долго думая, броситься на редутъ съ крикомъ ура, ворваться въ него, а тамъ что будетъ, то будетъ. Принявъ такое рѣшеніе, мы зашагали по направленію къ редуту. Пройдя нѣсколько десятковъ шаговъ, мы вдругъ почувствовали подъ ногами что-то твердое. А, шоссе! До редута было недалеко, онъ обрисовался предъ нами вполнѣ, но насъ не окликали. Странно! Оставивъ роту въ арріергардѣ, сами повернули налѣво и быстро двинулись впередъ къ Телишу. Не прошли и одной версты, слышимъ кто-то ѣдетъ намъ на встрѣчу.

— Стой! кто вы? закричалъ всадникъ.

— А вы кто такой? спросили, въ свою очередь, мы.

— Я Э., второй дивизіи.

— Что-жъ вы тутъ дѣлаете и кто здѣсь такіе? спрашиваемъ мы.

— Здѣсь московцы, а я разставляю аванпосты, отвѣчалъ Э.

— Гдѣ же кавалерія, которая шла впереди насъ, спрашиваемъ мы.

— Кавалерія? Кавалерія ваша давно уже дома, я полагаю.

— Да кто-же тамъ, въ редутахъ?

— Тамъ московцы, отвѣчалъ Э.

— А мы думали, что здѣсь турки, говоримъ мы.

— Какіе турки? Турки давно бѣжали; здѣсь московцы, наладилъ Э.

При словѣ «московцы», баталіонъ нашъ дружно вздохнулъ, какъ будто хотѣлъ разомъ выпустить сдерживаемое до сихъ поръ дыханіе и набраться свѣжаго воздуха. Всѣмъ какъ-то стало легко и а душѣ Мы положили баталіонъ отдыхать; легли и сами. У кого-то нашлась водочка, мы по чарочкѣ выпили и закусили сухарикомъ. Отдохнувъ около часа съ баталіономъ и сказавъ маіору Мередиху, что далѣе

слѣдуетъ идти все время по шоссе, я поѣхалъ одинъ впередъ въ Телишъ, куда и прибылъ около 12 часовъ ночи. Начальникъ штаба еще не спалъ и я доложилъ ему, что никакихъ баши-бузуковъ и черкесовъ мы не видѣли, кромѣ свиней никого не закололи и что баталіонъ скоро будетъ.

— Да гдѣ-же вы были съ баталіономъ, спросилъ полковникъ, — и почему такъ поздно возвращаетесь? Генералъ о васъ очень безпокоился и уже хотѣлъ посылать кавалерію искать баталіонъ.

Я передалъ ему все о нашемъ походѣ. Полковникъ захохоталъ.

— Ну, а какъ вы двигались и что сдѣлалъ отрядъ? спросилъ въ свою очередь я.

Мнѣ разсказали слѣдующее:

Когда генералъ Каталей получилъ записку о томъ, что турки бѣжали отъ Радомирцъ, отрядъ благополучно дошелъ до турецкой позиціи и захватилъ здѣсь лагерь, а въ немъ громадное количество продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ. Ѣхавшій впереди отряда генералъ Философовъ, командиръ 1-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, видя, что нѣтъ никакой возможности забрать всѣ ящики съ патронами, по неимѣнію перевозочныхъ средствъ, рѣшилъ ихъ потопить и потому приказалъ бросать ящики въ ручей. Генералъ Каталей на это ужасно разсердился, распекъ Философова и приказалъ все собирать въ кучу, даже извлечь ящики изъ воды. Продовольственные припасы, какъ-то: муку, крупу, масло, скотъ, онъ приказалъ раздѣлить между войсками и самъ лично наблюдалъ за дѣлежемъ. Когда стали дѣлить скотъ, то тутъ оказались и быки, и коровы, и телята. Солдаты, считавшіе скотъ, распредѣляли его между частями ойскъ по ровному числу головъ, и приходилось такъ, что корова шла въ одну часть, а ея теленокъ въ другую. Генералу Каталею это очень не понравилось и онъ жалобно говорилъ:

— Не отдѣляйте мать отъ ребенка, не отдѣляйте мать отъ ребенка, какъ бы забывая то, что и мать и ребенка чрезъ нѣсколько часовъ постигнетъ одинаковая участь—успокоиться въ солдатскихъ желудкахъ.

Во время этого дѣлежа, къ генералу подвели нѣсколько плѣнныхъ турокъ.

— Сколько ихъ? спросилъ генералъ Каталей.

— Тринадцать, ваше превосходительство.

— Ахъ, какое скверное число, повторилъ нѣсколько разъ, вздыхая, сердобольный генералъ.

Услышавъ это, къ нему подходитъ командиръ конной батареи, полковникъ Ч., и, прикладывая руку къ козырьку, говоритъ, что бѣду эту можно легко исправить.

— Не прикажете-ли одного изъ нихъ застрѣлить или заколоть? спросилъ полковникъ Ч. генерала.

— Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ, зачѣмъ! отвѣтилъ генералъ.

Дѣлежъ продолжался довольно долго. Бригада только къ вечеру вернулась въ Телишъ.

4-й баталіонъ Кексгольмскаго гренадерскаго полка, ходившій очищать мѣстность на Искеру отъ черкесовъ и баши-бузуковъ, вернулся въ Телишъ только къ утру, сдѣлавъ 18-го октября около 50 верстъ, по крайне пересѣченной и вполнѣ неизвѣстной мѣстности, безъ проводника и карты. Впослѣдствіи оказалось, что горѣвшія въ ущельѣ деревни, которыя проходилъ баталіонъ, зажжены были не турками, а нашими, по неосторожности.

Описанное мною ночное движеніе баталіона, теперь, можетъ быть, покажется кому нибудь и страннымъ; но намъ, смѣю увѣрить, тогда было далеко не до смѣха.

Т. М. Д.

ВОСПОМИНАНІЯ ХУДОЖНИКА В. В. ВЕРЕЩАГИНА [1]).

Наивности [1]).

I.

И. С. Тургеневъ разсказывалъ, что у знакомаго его тароватаго москвича М., управлявшаго дѣлами покойнаго М. Д. Скобелева, былъ старый слуга, очень гордившійся своею близостью къ храброму генералу, бывшему, будто-бы, съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, совсѣмъ за-панибрата!

— „Захожу, говоритъ, разъ въ комнату Михаила Дмитріевича—дверь была не заперта—а у него дѣвица . . . . Я и говорю: „ахъ, ваше превосходительство, а еще Геокъ-Тепе покорили! не хорошо, не хорошо“...

— Ну, а онъ что-же? спрашиваетъ Тургеневъ.

— „Ничего—извѣстно что: пошелъ, говоритъ, вонъ, старый дуракъ!“

* * *

Это напоминаетъ мнѣ анекдотъ о наивности карабахскаго татарина: прибѣгаетъ татаринъ къ женѣ, совсѣмъ запыхавшись: Хана видѣлъ сейчасъ!—Что ты!—Ханъ разговаривалъ со мною.— Что ты говоришь! что онъ тебѣ говорилъ? разскажи...—Ѣдетъ, видишь ты, ханъ и съ нимъ нукера....—Ну!—Ну, а я стою на

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., т. LX, ноябрь, стр. 445—468; декабрь, стр. 671—688; изд. 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 587—630; т. LXII, май, стр. 389 — 410, іюнь стр. 661 — 681; т. XLIII, августъ, стр. 439 — 445; т. LXIV, октябрь, стр. 157—181, ноябрь, стр. 475—492.

дорогѣ. Ханъ посмотрѣлъ на меня и говоритъ мнѣ: „что ты, говоритъ, на дорогѣ-то всталъ, собака, пошелъ прочь!"

* * *

Извѣстный естествоиспытатель Н. А. Сѣверцевъ, такъ много потрудившійся въ Туркестанѣ, часто жертвовалъ собою для науки; извѣстно, что его даже взяли разъ въ плѣнъ, хотѣли обратить въ мусульманство, всячески истязали, разсѣкли носъ и ухо, начали отрѣзать голову и т. п.

Никогда однако его жертвы на алтарь естествознанія не имѣли такого успѣха, какъ принесенныя по случаю бывшаго въ 1868 году въ Ташкентѣ землетрясенія. Въ городѣ оказались аваріи, много домовъ потрескалось, нѣкоторые вовсе разрушились и, разумѣется, доискивались потомъ, въ которомъ именно часу было землетрясеніе, какой силы, въ какомъ шло направленіи и т. д. Сѣверцевъ напечаталъ въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ" замѣтку съ полнымъ разъясненіемъ явленія, случившагося въ 2 часа ночи, при чемъ прибавилъ, что указанное имъ направленіе землетрясенія не подлежитъ сомнѣнію, потому что „всѣ бутылки, стоявшія у него на столѣ, упали въ одну и ту же сторону".

Мнѣніе его и было принято, конечно, но мы, молодежь, состоявшая при генералѣ Кауфманѣ, подняли другой вопросъ: зачѣмъ у Сѣверцева были бутылки на столѣ? — Позвольте, позвольте, приставали къ нему, вы говорите — это было ночью? — Да. — Въ 2 часа ночи? — Да. — Вы сидѣли за столомъ? — Да, сидѣлъ за столомъ.—И передъ вами стояли бутылки?—Да, бутылки. — И много бутылокъ? — Да, нѣсколько. — Съ чѣмъ были эти бутылки? зачѣмъ въ 2 часа ночи бутылки?.... Бѣдный Н. А. началъ, наконецъ, сердиться.

* * *

Въ бытность мою въ Туркестанѣ, я былъ хорошо знакомъ съ военнымъ губернаторомъ Г.* Уѣзжая въ одну изъ экскурсій, я просилъ его подержать у себя, на время моего отсутствія, всѣ мои наброски и этюды, писанные масляными красками, прибавивши, крѣпко-на-крѣпко, просьбу не испортить ихъ. Изъ путешествія писалъ объ этомъ-же, т. е. напоминалъ, чтобы этюды какъ-нибудь не попортились.

Пріѣзжаю назадъ и первый вопросъ къ Г.—„Цѣлы-ли этюды?" — „Цѣлы, цѣлы, въ такомъ мѣстѣ, что не могли испор-

титься.—Мина! зоветъ генералъ слугу, укажи Василію Васильевичу его картины“... Я отправляюсь и нахожу мои этюды—на погребѣ.

* * *

Г.* былъ очень бравый генералъ, но — изъ тѣхъ, что „пороху не выдумаютъ“. Между подчиненными его представился ему докторъ Иностранцевъ.

— Это ваши извѣстные капли? спросилъ генералъ.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, то докторъ Иноземцевъ, а я — Иностранцевъ.

— Иностранцевъ или Иноземцевъ—не все-ли равно?

* * *

Послѣ третьяго штурма Плевны я поѣхалъ какъ-то въ штабъ генерала П. Д. Зотова, по приглашенію моего корпуснаго товарища П., бывшаго адъютантомъ у генерала.

И такъ ужъ, отъ военныхъ неудачъ, на душѣ было не весело, а тутъ еще погода стояла отвратительная; моросившій дождикъ успѣлъ вымочить меня за время переѣзда отъ Парадима до зотовскаго штаба.

Кромѣ П. въ палаткѣ были начальникъ штаба полковникъ Н. и гусарскій юнкеръ Т., до войны состоявшій секретаремъ посольства въ Вѣнѣ, а тутъ, при штабѣ, выручавшій своего генерала дипломатіею и знаніемъ французскаго языка, въ сношеніяхъ съ „Румынскимъ Карлою“.

Было холодно, непріютно и голодно. Дождь полилъ такой, что солдаты не могли варить горячей пищи, да и большинство офицеровъ голодало.

Кажется, по случаю моего пріѣзда, Н. или Т., не помню который именно, вытащили на сцену послѣднюю бывшую у нихъ жестянку консервовъ: сосиски съ капустою! Порція была по-братски раздѣлена между всѣми и мы съ П. сейчасъ-же съѣли свои части, но Н. и Т., какъ истинные gourmets, распорядились иначе: достали спиртовую лампу и разогрѣли на ней choucroute. Признаюсь, когда пошелъ апетитный запахъ отъ зашипѣвшаго на огнѣ блюда, у меня слюнки потекли: вишь ты, думалось, злодѣи, что сочинили, какъ это практично,—какъ я-то не догадался!

А они, замѣтивши нашу зависть, еще давай подзадоривать:

Ага! небось раскаиваетесь, что скушали; подождите, вотъ полюбуйтесь, какъ мы начнемъ ѣсть сейчасъ! — Минута нашего испытанія наступила: пріятели выложили сосиски на тарелки, вооружились ножами и вилками... Въ это время въ отверстіе палатки просунулась сѣдая голова, съ огромными темными очками, генерала Зотова, обратившагося съ какимъ-то вопросомъ къ Н....

— „Милости прошу, ваше превосходительство", поспѣшилъ выговорить тотъ, вскакивая съ мѣста, также какъ и Т., — „не угодно-ли закусить".—Благодарю, не откажусь, отвѣчалъ генералъ, жившій очень скупо и не позволявшій себѣ роскоши консервовъ. Онъ сѣлъ къ столу, нагнулся и, не промолвивъ слова, ни разу не оглянувшись на вытянутыя физіономіи стоявшихъ за нимъ Н. и Т., съѣлъ все, рѣшительно все!

— „Ну, господа", сказалъ онъ, выходя изъ палатки и облизываясь, „вы тутъ, я вижу, роскошествуете".—„Попалъ пальцемъ въ небо", проворчалъ П., а Н. и Т. такъ и остались съ опущенными головами.....

* * *

Туркестанскій генералъ-губернаторъ К. П. Кауфманъ, строгій на видъ и на словахъ, былъ въ сущности очень добръ и имѣлъ страстишку поболтать. Въ самаркандскомъ походѣ онъ обыкновенно долго задерживалъ насъ за столомъ, вѣрнѣе за скатертью,—потому что мы сидѣли и лежали прямо на землѣ, — разными разсказами изъ прошлаго и настоящаго своей жизни. Всѣмъ болѣе или менѣе доводилось бывать жертвою его болтливости, но такъ какъ онъ былъ прекрасный человѣкъ, то никому и въ голову не приходило претендовать на это, или дать ему почувствовать, — послѣднее, впрочемъ, было и не безопасно.

Какъ-то въ послѣобѣденной бесѣдѣ генералъ выразился, что „не мало въ отрядѣ людей, любящихъ поговорить"...

— Да, ваше превосходительство, отвѣчали ему, они всѣ замѣчены и отмѣчены по номерамъ—parlato 1, parlato 2 и т. д.

— Можетъ-ли быть? Кто-же первый?—Михайловъ, отвѣчали ему хоромъ. Кауфманъ очень смѣялся.

— Ну, а второй?—Отвѣта не послѣдовало, всѣ уткнулись въ тарелки. Онъ обвелъ всѣхъ глазами и понялъ — parlato № 2 былъ онъ самъ.

* * *

К. П. Кауфманъ очень рано состарился. Назначенный генералъ-губернаторомъ 50-ти лѣтъ отъ роду, онъ былъ уже совсѣмъ лысый съ остатками совершенно сѣдыхъ волосъ на вискахъ и затылкѣ, съ большими сѣдыми-же усами.

Разъ, за столомъ у него, дипломатическій чиновникъ К. В. Струве всѣхъ насъ насмѣшилъ вопросомъ: „позвольте узнать у васъ, ваше превосходительство, вы были брюнетъ или блондинъ?“

* * *

Вѣрно замѣчено, что всѣ очень талантливые спеціалисты болѣе или менѣе тронуты, т. е., прямо выразиться, болѣе или менѣе сумасшедшіе люди. Мыслимо-ли, чтобы постоянное усиленное напряженіе умственныхъ способностей въ одномъ и томъ-же направленіи, въ продолженіе 10, 20, 30, 40 лѣтъ прошло-бы не оставивши слѣда на мозговой дѣятельности!

Помню въ пору дружественныхъ еще отношеній Франціи и Италіи не мало шума надѣлало замѣчаніе французскаго артиллерійскаго офицера, состоявшаго при своемъ посольствѣ въ Римѣ: взойдя на одну изъ возвышенностей близь города, онъ воскликнулъ: „только одну батарею сюда—весь городъ можно разбить“! И французы и итальянскіе друзья офицеры, разумѣется, увѣряли, что это вздоръ, что умный человѣкъ не могъ сказать такой неловкости и т. п. Я же думалъ, что, какъ хорошій спеціалистъ, онъ непремѣнно сказалъ это или, вѣрнѣе, фраза эта сорвалась у него.

* * *

Въ томъ же самаркандскомъ походѣ, въ саду, гдѣ стоялъ штабъ, командующій войсками держалъ военный совѣтъ—5 или 6 генераловъ бесѣдовали, сидя на землѣ въ тѣни деревьевъ, а мы, молодежь, стояли поодаль и, конечно, не скучали, болтали, смѣялись, кто острилъ, кто старался издали угадать о чемъ могла идти рѣчь у начальства. Я, художникъ, напр., прищуривая глаза, любовался эффектомъ свѣтлаго пятна, образуемаго бѣлыми кителями на яркомъ фонѣ окружавшей зелени; а одинъ артиллерійскій офицеръ, очень милый, образованный, выпалилъ вдругъ такимъ замѣчаніемъ:

— Ахъ, славно ихъ превосходительства сидятъ—однимъ снарядомъ я бы ихъ всѣхъ уложилъ!

* * *

Князь К. разсказывалъ, что тушины Закавказья и теперь еще порядочно дики, а во время крымской кампаніи было отъ чего почесаться, глядя на ихъ обращеніе съ живыми и мертвыми непріятелями.

Проходитъ тушинскій отрядъ горною тропинкою и одинъ изъ молодцовъ, высмотрѣвши подъ кустомъ мертвое тѣло, сейчасъ же соскакиваетъ, чтобы обшарить трупъ. Такъ какъ онъ замѣшкался, то начальникъ партіи окликнулъ: „чего ты тамъ отсталъ, поспѣвай скорѣе, еще прирѣжутъ тебя"!

Малый, не успѣвшій сдѣлать главнаго—снять съ затекшихъ ногъ обувь, быстро отрубилъ ступни, сунулъ ихъ въ карманъ и догналъ своихъ—„сниму дорогою"!

* * *

Артиллерійскій полковникъ К., бывшій въ мое время въ Туркестанѣ уѣзднымъ начальникомъ, а молодымъ офицеромъ участвовавшій въ Крымской кампаніи, разсказывалъ за вѣрное такой случай: пѣхотный полкъ долженъ былъ идти на штурмъ и командиръ, желая ободрить людей, приказалъ позвать священника.

Батюшка ѣхалъ тихонько позади полка, въ одной рукѣ держа крестъ, другою подхлестывая свою лошаденку, когда прискакалъ адъютантъ: «Батюшка! полкъ идетъ въ огонь, пожалуйте сказать людямъ нѣсколько словъ". Священникъ засуетился, захлесталъ кляченку, выѣхалъ передъ полкъ и въ торопяхъ, поднявъ ту руку, въ которой была нагайка, вмѣсто той, въ которой былъ крестъ, зычнымъ голосомъ закричалъ солдатамъ: „дерзайте, друзья; уповайте на это; въ этомъ ваша надежда—въ этомъ же и спасенье ваше"!

* * *

Онъ же разсказывалъ, что въ Севастополѣ офицеры въ траншеяхъ, страшно скучавшіе по своимъ семьямъ, иногда нарочно выставляли руку или ногу подъ выстрѣлъ, чтобы только вырваться изъ несноснаго сидѣнья. Нѣкоторые будто-бы приходили въ такое отчаяніе, что вскидывали надъ насыпью обѣ ноги—„валяй на полный пенсіонъ"!

* * *

Генералъ Ф., бывшій атаманомъ казачьихъ полковъ въ минувшую войну, разсказывалъ, что проѣзжая какъ-то захудалымъ, Богомъ забытымъ мѣстомъ, онъ встрѣтилъ казака на пикетѣ,

совершенно удаленномъ отъ всякаго жилья.—„Какъ ты живешь тутъ, чѣмъ кормишься?“ спросилъ онъ, но отвѣта не было.—„Что же ты не отвѣчаешь?“ Отвѣта нѣтъ.—„Да ты глухъ что-ли? чѣмъ ты тутъ кормишься?“—Стараюсь, ваше превосходительство! выпалилъ, наконецъ, казакъ.

* * *

Вскорѣ послѣ паденія Плевны сдѣлалось очень холодно. Стояла сильная снѣжная вьюга, когда партія плѣнныхъ турокъ тысячъ въ восемь шла мимо города, по Софійскому шоссе, направляясь къ Дунаю и Россіи. При входѣ въ Плевну стояли уланы, которымъ строго было приказано не пропускать плѣнныхъ въ улицы, такъ какъ боялись заразныхъ болѣзней.

Напрасно многіе старые полуокоченѣлые турки плакали, умоляя солдатъ позволить имъ обогрѣться въ ближнихъ домахъ. „Впередъ, впередъ“! былъ отвѣтъ.

Дозволялось только отбѣгать съ дороги къ ближнему сараю, подъ крышей котораго нѣсколько донцевъ торговали чернымъ хлѣбомъ и торговали отлично—голодные, измучившіеся плевненскіе герои на расхватъ брали маленькіе хлѣбцы фунта въ 2 по 50 копѣекъ, а потяжелѣе—по 1 рублю.

У одного казака вышелъ шумъ: старый турецкій солдатъ кричалъ на него и чуть не лѣзъ въ драку. Я понялъ въ чемъ дѣло—очевидно, казакъ взялъ дороже, чѣмъ слѣдуетъ.—Отдай, говорю, сейчасъ лишнія деньги, или я обращусь къ офицеру!...

Тотъ вырвалъ у турка хлѣбъ, выкинулъ ему изъ шапки золотой и проговорилъ съ искреннимъ негодованіемъ: отвяжись ты, безпокойный!

* * *

Въ одной изъ стычекъ съ таранчами, сибирскій казачекъ любезно предупредилъ меня, что надобно остановиться; преслѣдовать-де нельзя, такъ какъ тамъ далѣе, за крайними саклями, „шибко стрѣляютъ“.—Ну такъ что-же, что стрѣляютъ, намъ что? отвѣчалъ я. — „Да вѣдь пулями стрѣляютъ!“

* * *

Служившій въ Семирѣченской области уѣзднымъ начальникомъ маіоръ З. разсказывалъ мнѣ, что разъ военный губернаторъ генералъ Колпаковскій послалъ довѣреннаго человѣка, соглядатая, въ Кашгаръ—разузнать тамъ о положеніи дѣлъ.

Тогдашнему правителю Кашгара Якубъ-Беку, или Эмиръ-Якубу, какъ называли его туземцы, тотчасъ дали объ этомъ знать, но не будучи въ состояніи сказать навѣрное, кто именно посланъ, увѣдомили только, что у шпіона примѣта „разсѣчено лѣвое ухо".

Якубъ велѣлъ обойти базары, забрать и привести всѣхъ, у кого оказались шрамы на лѣвомъ ухѣ—отыскалось такихъ человѣкъ семь—и велѣлъ зарѣзать всѣхъ, чтобы не ошибиться.

II.

Въ бытность мою въ Тифлисѣ я какъ-то отдалъ починить мою шинель портному, армянину Петро. Въ очень ненастный день, когда дождь лилъ какъ изъ ведра и грязь на улицѣ стояла невылазная, встрѣчаю похоронную процессію, въ хвостикѣ которой, понуря голову, плетется мой портной въ моей шинели.

— Петро, говорю, никакъ ты съума сошелъ!

— Ну что такой, отвѣтилъ онъ, развѣ не видишь какой погодъ?

* * *

Не поручусь, чтобы тутъ была одна наивность и не было нѣкоторой дозы юмора.— Армяне — одна изъ самыхъ остроумныхъ націй въ мірѣ.

На армянскомъ базарѣ въ Тифлисѣ, когда покупателей мало и есть досугъ торговцамъ, шутки и остроты не умолкаютъ.

Вотъ идетъ по базару рябой.

— Князь, князь [1])! кричитъ ему армянинъ.

— Что тебѣ? оборачивается тотъ.

— Должно быть у васъ дождикъ-то сильный былъ и съ градомъ?

— Да, сильный, и градъ былъ, а ты почемъ знаешь?

— А по лицу твоему вижу.

* * *

Идетъ щеголь грузинъ, лихо заломивши шапку на бекрень и, по обыкновенію тифлисскихъ франтовъ, одна штанина выпущена, другая заткнута въ сапогъ.

— Хочешь сниму сапогъ у этого князя? спрашиваетъ сосѣдъ сосѣда.

— Полно, что ты, онъ тебя такъ попотчуетъ, что отскочишь!

---

[1]) Въ Закавказскомъ краѣ чуть не всякій, имѣющій сотню барановъ—князь.

— Ужь не твое дѣло, давай биться.

— Изволь.—Побились объ закладъ.

Шутникъ догоняетъ молодца и, съ ужимками и раболѣпіемъ жида, лебезящаго передъ ясновельможнымъ паномъ, говоритъ ему: возможно-ли это, князь? не смѣю вѣрить! — Что такое?—Сосѣдъ мой говоритъ, что знаетъ васъ, что у васъ 7 пальцевъ на лѣвой ногѣ?—Что за вздоръ!—Мы даже объ закладъ побились, выручите меня, не дайте проиграть... Въ концѣ концовъ великодушный грузинъ снимаетъ сапогъ.....

* * *

Старикъ Б. жаловался мнѣ на своего знакомаго, угостившаго его кислымъ виномъ: „знаешь, Василій Васильевичъ, такого далъ вина, что вспрысни хоть каплю лошаку въ носъ—самого губернатора лягнетъ“!

* * *

Введеніе новыхъ налоговъ въ 1865 г. дало поводъ къ настоящему бунту въ Тифлисѣ. Особенно непопуляренъ былъ налогъ на лошадей, по поводу котораго пробовали объяснять народу, что вездѣ въ западной Европѣ налогъ этотъ давно уже существуетъ.—„Ну такъ что-же, что существуетъ, отвѣчали армяне, тамъ лошадь содержатъ, а здѣсь лошадь содержитъ“.

Одинъ изъ моихъ знакомыхъ упрекалъ амкара (цѣховой) за возмущеніе: зачѣмъ бунтовать, говорилъ онъ, развѣ нельзя иначе выразить свое недовольство?

— А ты баранка знаешь? спросилъ этотъ вмѣсто отвѣта.

— Знаю.

— А чобанъ (пастухъ) знаешъ?

— Знаю.

— Ну вотъ, когда чабанъ стригай шерсть — баранка спай (спалъ), а когда онъ кожа стригай — баранка лягай! Баранка— ми, чобанъ—намѣстникъ. Когда онъ намъ шерсть стригай — ми спай, а когда онъ намъ кожа стригай—ми лягай! Понимаешь?

Одна изъ существенныхъ сторонъ этого возмущенія состояла въ томъ, что амкары закрыли всѣ свои лавки, а въ оставшіяся открытыми лавки русскихъ и иностранцевъ отправили депутатовъ, съ предложеніемъ присоединиться къ стачкѣ, или быть готовыми къ непріятностямъ.

Въ извѣстномъ магазинѣ француза Т., торговавшаго между

прочимъ и фортепьянами, колоссальнаго роста амкаръ такъ объяснилъ свою миссію: „Мадамъ! хочешь барыня игралъ на твой фортепьянъ—закрой лавка, хочешь я игралъ—открой“! Француженкѣ довольно было взглянуть на гиганта и на его руки, чтобы рѣшиться сейчасъ-же закрыть магазинъ.

* * *

Не знаю хорошенько, кабардинцы или осетины посылали будто-бы депутацію къ императору Александру I и одинъ изъ сѣдыхъ предводителей ихъ кончилъ такъ свою рѣчь: „Мы знаемъ, государь, что ты великодушенъ и милостивъ, что ты желаешь намъ только счастья. Но мы слышали, государь, что около тебя есть дурной человѣкъ по имени „Правительство“, отъ котораго мы страдаемъ — прогони, молимъ тебя, государь, прогони его отъ твоего лица“!

* * *

Послѣдній разъ я возвратился изъ Туркестана черезъ Сибирь; по курьерской подорожной скакалъ 4 недѣли сряду, то дѣлая по 250 верстъ въ сутки, то кружась цѣлую ночь въ снѣжной вьюгѣ за 2, 3 версты отъ станціи.

Ѣда была, конечно, не знаменитая и, признаюсь, мысль о хорошемъ обѣдѣ въ Москвѣ часто занимала голову.

Пріѣхавши въ „матерь городовъ русскихъ“, я отправился въ Патрикеевскій трактиръ и только было расположился, подъ звуки органа, выбрать блюда, какъ подскочили половые съ просьбою „пожаловать на черную половину“. Я былъ въ новомъ романовскомъ полушубкѣ.

— Почему-же это? вѣдь отъ меня не воняетъ!

„Никакъ нѣтъ-съ, только вы въ русскомъ платьѣ“.

— Ну такъ что-же?

„Въ русскомъ платьѣ не полагается — пожалуйте на русскую половину“.

Не бушевать же въ трактирѣ,—похлебалъ ухи на черной половинѣ.

* * *

Въ академіи художествъ, за мое время, были введены классы наукъ, экзамены которыхъ, болѣе чѣмъ рисовальные, смущали юныхъ художниковъ.

Одному изъ моихъ товарищей М., очень милому малороссу,

туго давалась грамматика, такъ что я помогалъ ему, экзаменовалъ иногда; это подзадоривало брата его, — уже пожилаго, но совсѣмъ малограмотнаго художника, — показать свое знаніе и къ моимъ вопросамъ онъ прибавлялъ иногда свои: „Ну а столъ, вотъ-что такое“? — Имя существительное. — „Неправда, перебивалъ онъ — веществительное — вѣдь это вещь? Ну значитъ — вещественное!“

* * *

Художники въ высшей степени свободолюбивый народъ, всякая дисциплина имъ въ тягость, пожалуй музыканты болѣе всѣхъ капризны и своевольны.

Почтенный директоръ одного изъ берлинскихъ театровъ, прежде управлявшій оркестромъ, разсказывалъ мнѣ такой случай изъ своей старой практики: разъ передъ началомъ концерта одинъ изъ музыкантовъ заявляетъ, что онъ не хочетъ сегодня трубить (ich blaze nicht heute). — Что-о! — Не буду трубить, да и баста. — Вы съума сошли, вы будете трубить! (Sie werden blazen). — Сказалъ не буду, и не буду! — Я васъ заставлю! — Нѣтъ, не заставите!

Молча помявши сигару въ зубахъ, и голосомъ, въ которомъ еще слышалась обида, мой разсказчикъ прибавилъ тихо: er hat nicht geblazen! (такъ и не трубилъ!).

* * *

Въ 1883 году, во время коронаціи, я смотрѣлъ на процессію переѣзда государя въ Кремль изъ толпы передъ Петровскимъ дворцомъ, примостившись на доскахъ, переброшенныхъ черезъ 2 бочки, рядомъ съ крестьянами, мѣщанами и бабами, разумѣется ахавшими и охавшими на всѣ лады. Вдругъ всѣ обернулись назадъ: глядите-ко, глядите какой енералъ ѣдетъ, должно быть изъ иностранныхъ... Это ѣхалъ, развалясь въ коляскѣ болгарскаго князя Батенберга, его кавасъ Христо, обшитый золотомъ и вооруженный до зубовъ. Знавши Христо по походу въ Адріанополь, во время котораго онъ состоялъ переводчикомъ при отрядѣ и ежедневно доставлялъ мнѣ отъ жителей свѣдѣнія о непріятелѣ, я окликнулъ его — старый боевой товарищъ подбѣжалъ и на радостяхъ покусился поцѣловать протянутую ему руку.

Когда онъ опять сѣлъ въ коляску и укатилъ, я оказался въ большомъ авантажѣ отъ его вниманія: насколько прежде безцѣ-

ремонно давили и толкали меня, настолько теперь почтительно сторонясь щадили мои бока и я слышалъ какъ одна кумушка шепнула своей сосѣдкѣ: вотъ и распознавай теперь людей—кто думалъ, что такой человѣкъ съ нами стоитъ!

* * *

Проѣзжая первый разъ на Кавказъ въ 1863 году, я засѣлъ на одной изъ станцій „за неимѣніемъ лошадей“. Станціоннаго дома не было, онъ сгорѣлъ и пришлось коротать время въ избѣ, въ которой жили староста съ семьею и ямщики и грязь которой была по этому случаю образцовая. Тутъ были куры, свиньи и телушки.

Чтобы не терять золотаго времени, я вынулъ дорожный альбомъ и началъ заносить всю обстановку избы съ людьми и животинками. Многіе подходили, узнавали предметы, дивились, а наконецъ подошелъ и староста, долго молча смотрѣвшій на мое занятіе.—Что это вы пишете?—Какъ видишь, заношу на память твою хату, со всею хурдою.—А зачѣмъ это, позвольте узнать?—Такъ, для себя. — Позвольте просить васъ не писать. — Почему это?—Да вѣдь станція безпремѣнно скоро будетъ готова, я ужъ тороплю, тороплю...—Да мнѣ-то что-же до этого за дѣло?—Помилуйте, мы хорошо понимаемъ, только вѣдь это не по моей винѣ проѣзжающіе останавливаются здѣсь... Позвольте просить васъ не писать!

Такъ какъ я не покидалъ занятія, то смущенное начальство ушло и, вскорѣ возвратившись, объявило: „пожалуйте садиться, лошади готовы“!

Я еще не зналъ тогда, что карандашъ и перо могутъ быть такими талисманами.

В. В. Верещагинъ.

ЕПИСКОПЪ КИРИЛЛЪ МЕЛИТОПОЛЬСКІЙ

въ его письмахъ къ митрополиту Макарію Булгакову

1857—1865 гг.

Предлагая для напечатанія въ «Русской Старинѣ» письма преосвященнаго Кирилла, епископа мелитопольскаго, къ преосвященному Макарію, впослѣдствіи митрополиту московскому, считаемъ необходимымъ напомнить главнѣйшіе факты изъ жизни того и другаго.

Преосвященный Макарій (въ мірѣ Михаилъ Булгаковъ), сынъ священника Курской губерніи села Суркова, родился въ 1816 году 19-го сентября; первоначальное образованіе получилъ въ мѣстномъ епархіальномъ училищѣ, а затѣмъ въ семинаріи, откуда поступилъ въ кіевскую духовную академію, гдѣ, будучи еще студентомъ, принялъ монашество съ именемъ Макарія. По окончаніи въ 1841 г. курса въ академіи, со степенью магистра богословія, былъ оставленъ при ней баккалавромъ (доцентомъ) по каѳедрѣ церковной и гражданской исторіи, но въ іюнѣ 1842 года былъ перемѣщенъ въ с.-петербургскую духовную академію на каѳедру богословскихъ наукъ; здѣсь въ продолженіе шестнадцати-лѣтней службы занималъ, кромѣ профессорской должности, мѣсто инспектора (до 1850 г.), въ санѣ архимандрита, и ректора ея (съ 1851 года) въ санѣ епископа Винницкаго; будучи еще инспекторомъ, получилъ степень доктора богословія. Въ 1857 году назначенъ на самостоятельную епископскую каѳедру въ Тамбовъ, откуда въ 1879 году перемѣщенъ въ Харьковъ, и уже архіепископомъ въ 1868 году явился преемникомъ знаменитаго литовскаго митрополита Іосифа Сѣмашки; въ 1859 году назначенъ митрополитомъ московскимъ и коломенскимъ. Въ іюнѣ 1882 г. внезапная кончина прервала его ученую дѣятельность, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь: въ 1842 г. начали появляться плоды его ученой дѣятельности; первымъ изъ нихъ была «Исторія Кіевской Духовной академіи», затѣмъ «Исторія Христіанства въ Россіи до князя Владиміра», «Введеніе въ Православное Богословіе» (докторское сочиненіе), «Православно-Догматическое Богословіе», «Исторія Русскаго Раскола», и наконецъ 12-ти-томная «Исторія Русской Церкви», доведенная до 1667 года. Какъ пастырь, покойный оставилъ послѣ себя и проповѣдническіе труды, изъ которыхъ слова и рѣчи, сказанныя имъ до назначенія въ Москву, были печатаемы въ отдѣльныхъ сборникахъ, московскія же готовятся къ печати въ настоящее время.

За свои ученые труды покойный митрополитъ въ 1854 г. получилъ званіе ординарнаго академика императорской академіи наукъ; кромѣ того былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ импер. общества «Исторіи и Древностей», почетнымъ членомъ археологическаго общества, а въ 1869 г. петербургскій университетъ преподнесъ ему степень доктора русской исторіи.

Посвятивъ свою жизнь наукѣ, преосвященный Макарій поощрялъ и научную дѣятельность другихъ; съ этою цѣлію онъ сдѣлалъ, еще при жизни, значительное пожертвованіе на преміи, присуждаемыя за лучшія сочиненія по богословскимъ наукамъ — св. синодомъ и по всѣмъ отраслямъ знанія — академіею наукъ [1]).

Авторъ печатаемыхъ далѣе писемъ епископъ Кириллъ (въ мірѣ Василій Наумовъ) родился 25-го декабря 1823 года, въ гор. Калугѣ, гдѣ его отецъ былъ діакономъ церкви Михаила Архангела. По окончаніи образованія въ калужской духовной семинаріи, въ числѣ лучшихъ ея воспитанниковъ, поступилъ въ с.-петербургскую духовную академію; по окончаніи курса въ 1847 г., однимъ изъ первыхъ магистровъ, онъ принялъ монашество, съ именемъ Кирилла, былъ оставленъ при академіи сначала баккалавромъ, черезъ 4 года въ званіи экстраординарнаго, и наконецъ, съ 1855 года, въ званіи ординарнаго профессора, читалъ нравственное и пастырское богословіе. Назначенный въ 1855 году инспекторомъ этой же академіи, въ санѣ архимандрита, оставался въ этой должности до возведенія своего въ санъ епископа мелитопольскаго и назначенія настоятелемъ миссіи въ Іерусалимѣ (въ концѣ 1857 года), гдѣ оставался до половины 1864 года, когда будучи отозванъ св. синодомъ изъ Іерусалима, получилъ въ управленіе Спасо-Преображенскій монастырь въ Казани, оставаясь въ званіи епископа мелитопольскаго. Разстроенное здоровье и неблагопріятныя климатическія условія въ новомъ его мѣстопребываніи сократили его жизнь: въ 1866 году, 10-го февраля, онъ скончался на 44 году. Изъ ученыхъ его трудовъ нѣкоторые изданы: «Пастырское Богословіе» (за которое онъ получилъ степень доктора богословія), «Минуты уединенныхъ размышленій» «Жизнь Александра Невскаго» и «Акаѳистъ» ему—болѣе извѣстны.

Переписка преосвященнаго Кирилла относится преимущественно къ періоду пребыванія его въ миссіи (1857—1864 гг.), за исключеніемъ первыхъ двухъ писемъ, отосящихся ко времени предшествующему, и послѣднихъ пяти — ко времени оставленія имъ мѣста настоятеля миссіи и пребыванія въ Казани.

---

[1]) Вотъ какъ писалъ покойный брату своему, прот. Александру Петровичу Булгакову, отъ 2-го февраля 1867 года: «я тщательно высчиталъ, сколько я пріобрѣлъ денегъ моими сочиненіями за 25 лѣтъ моей литературной дѣятельности. Оказалось — 120 тысячъ руб. серебромъ. Всю эту сумму, исполняя мой давній обѣтъ, который доселѣ я не открывалъ никому въ мірѣ, я рѣшился пожертвовать на вѣчныя времена для учрежденія премій за лучшія сочиненія по всѣмъ наукамъ. И еще 6-го января я послалъ объ этомъ бумагу г. оберъ-прокурору съ подробнымъ изложеніемъ, какое сочиненіе мое сколько доставило денегъ, и по какимъ побужденіямъ, на какихъ условіяхъ я жертвую означенный капиталъ». Въ другомъ письмѣ отъ 20-го февраля того же года онъ писалъ такъ: «изъ академіи наукъ меня извѣщаютъ, что тамъ всѣ были приведены въ восторгъ моимъ пожертвованіемъ, особенно потому, что эта жертва для науки пріобрѣтена трудами научными. Таковъ былъ и мой взглядъ на значеніе моего пожертвованія».

Дружественный и интимный характеръ писемъ объясняется близкими отношеніями обоихъ покойныхъ іерарховъ,—отношеніями, развившимися при довольно продолжительной службѣ въ петербургской духовной академіи и скрѣпленными родственною связью—бракомъ между братомъ покойнаго преосвященнаго Макарія, Александромъ Петровичемъ Булгаковымъ (впослѣдствіи настоятелемъ Казанскаго собора въ Петербургѣ, † 1883 г.) и родною сестрою преосвященнаго Кирилла—Елизаветою Николаевною, урожденною Наумовою.

Ю. Н. Булгакова.

I.

Хлопоты по устройству миссіи.—Затруднительность положенія.

19-го сентября 1857 г. Спб.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь! [1]) Я много виноватъ передъ вами, по крайней мѣрѣ, по письменной части, потому что по другимъ я исправнѣе. Простите, ради Бога, принявъ во вниманіе положеніе мое въ настоящее время. Старое начальство, признавшее, что оно остается безъ меня на мели, осаждаетъ меня порученіями. Новое (хотя дѣйствующее въ связи со старымъ) присылаетъ дѣла на домъ, требуя предьарительныхъ соображеній. Тутъ еще были хлопоты о составѣ миссіи, о нужныхъ облаченіяхъ и принадлежностяхъ вновь заводимаго въ Іерусалимѣ архіерейскаго богослуженія русскаго, о способахъ отправленія всего этого. Теперь все это покончено, по крайней мѣрѣ, сдано мною съ рукъ. Могу найти свободный часокъ—въ ожиданіи возвращенія послѣдняго доклада государю императору, отправленнаго на прошедшей недѣлѣ, вслѣдъ за утвержденіемъ меня начальникомъ іерусалимской миссіи. Доклада совсѣмъ не хотѣли и дѣлать. Но вопросъ возникъ о наименованіи и мѣстѣ посвященія, равно какъ и ризницѣ отъ кабинета, и К. Ст. Сербиновичъ, исправляющій нынѣ должность оберъ-прокурора, за отбытіемъ графа (Протасова) въ имѣніе и въ Казань (для допроса о. Іоанна, почему онъ на Пасхѣ заперъ въ академической церкви двери во время совершенія литургіи и продержалъ тамъ инспектора съ сослуживцами три часа), рѣшили сдѣлать новый докладъ государю. Теперь сами жалѣютъ, хотя поздно. Но надобно подождать. Впрочемъ, во всемъ есть хорошія стороны. Лишнюю недѣлю пробуду въ Петербургѣ,—къ посвященію будутъ готовы всѣ вещи іерусалимскія, которыя и обновлю...

Касательно портрета распоряженія сдѣланы. Первые оттиски привезу. Камень будетъ стоить рублей до 150. Оттиски опредѣлятся скоро. Ихъ можно

---

[1]) Въ дальнѣйшихъ письмахъ это обращеніе мы, для краткости, опускаемъ.

будетъ дѣлать сколько угодно. На первый разъ я прикажу сдѣлать сотъ до трехъ.

Прошу святительскихъ молитвъ вашихъ о многогрѣшномъ. Душа мирна, но поприще слишкомъ важно и очень страшно. Радуетъ все—и вниманіе правительства, и сочувствіе публики, и предварительныя условія помѣщенія въ Іерусалимѣ миссіи, признанной султаномъ и получившей въ лицѣ своего начальника право сношеній съ однимъ только патріархомъ іерусалимскимъ, на основаніи совершеннаго равенства, внѣ всякой зависимости отъ духовенства Святогробскаго (т. е. синода іерусалимскаго), но отвѣтственность страшно велика, назначеніе слишкомъ многосторонне... Прошу, прошу и прошу святыхъ молитвъ вашихъ на помощь моей немощи. Вашъ всей душою архимандритъ Кириллъ.

II.

Въ ожиданіи представленія государю и императрицѣ.—Слухъ о викаріатствѣ.

Октября 17-го 1857 г. Спб.

Теперь уже имѣю право принести вамъ глубочайшую сердечную признательность за ваши привѣты и благожеланія. Съ 13-го числа сего мѣсяца, я, недостойный, уже епископствую. Примите въ вашу любовь немощнаго сослужителя и помогайте ему вашими молитвами, въ которыхъ онъ особенно нуждается.

Кончилось все, благодареніе Господу, хорошо. Теперь жду только драгоцѣннаго часа представленія государю императору и государынѣ императрицѣ, назначеннаго на понедѣльникъ 21-го октября, въ половинѣ перваго часа пополудни. Затѣмъ, распрощавшись съ Питеромъ, оказавшимъ мнѣ удивительное сочувствіе, 26-го числа выѣду изъ Петербурга. Дня два-три въ Москвѣ, три-четыре въ Калугѣ; дальше, послѣ нѣсколькихъ дней пути, явлюсь къ вамъ, мой добрый владыка. Съ нетерпѣніемъ жду этихъ дней, которые могу провести съ вами: есть много о чемъ поговорить. Я прожилъ эти мѣсяцы по заграничному складу: два мѣсяца за четыре—такъ много пережито!

Есть очень пріятныя и для васъ новости. Одну смерть-хочется сказать теперь. Я слышалъ отъ одного изъ членовъ синода, что вамъ хотятъ дать викарія, чтобы освободить отъ епархіальныхъ дѣлъ, для продолженія вашихъ ученыхъ трудовъ, такъ цѣнимыхъ всѣми. Все исторіи жаждутъ и ждутъ, хотя академію убиваютъ...

Много интереснаго для бесѣды; мало времени для письма... Кириллъ, епископъ мелитопольскій.

III.

Путевыя впечатлѣнія.—Утомительные дни и безсонныя ночи.—Живость прежнихъ впечатлѣній.—Послѣдній переѣздъ.—Пріѣздъ въ Іерусалимъ.—Поклоненіе св. Гробу.—Визиты.—Служеніе въ храмѣ.—Праздникъ православія.—Занятія и душевное настроеніе.—о. Порфирій.

Св. Іерусалимъ. Марта 1-го дня 1858 г.

Предполагаю, что нерѣдко переноситесь вы мыслію къ страннику и пришельцу дальняго востока. Предчувствую, что давнее, довольно уже продолжительное, ожиданіе извѣстій отъ меня обращается, наконецъ, въ нѣкое чувство неудовольствія на меня. Сознавалъ долгъ и чувствовалъ потребность предупредить это чувство. Но вотъ уже четвертая недѣля исходитъ, письмо запоздало до того, что едва на Пасхѣ оно достигнетъ Тамбова, а я и теперь едва-едва въ силахъ склеить что-нибудь удовлетворительное. Говорятъ, будто уже я четыре недѣли на мѣстѣ; по временамъ, и мнѣ самому кажется, будто это должно походить на правду, но я не чувствую этого: я еще не дома, не на мѣстѣ, въ пути еще, все движусь впередъ и досселѣ не вижу предѣла движенія. Помню, что Мраморное море, Архипелагъ и Средиземное море видѣлись давно уже; чувствую, что кресло въ моемъ кабинетѣ не перекачивается съ боку на бокъ, какъ койка на пароходѣ, и кабинетъ мой въ двадцать пять разъ больше и во сто разъ красивѣе и покойнѣе пароходной каюты... А душа еще не усѣлась, не приплыла къ берегу, терпитъ еще качку, и не малую. Помню, что были и прошли сутки непривычной верховой ѣзды по пути изъ Яффы въ Іерусалимъ, пути, котораго нельзя назвать дорогой, для котораго нѣтъ имени на русскомъ языкѣ, нѣтъ образа въ русскомъ воображеніи; теперь такъ много времени прошло, что я (уже) безъ ужаса вспоминаю эту каменную лѣстницу, брошенную на удачу, сложенную изъ горъ, усѣянную обломками камней, среди которыхъ выбирать мѣсто для ноги и за которые цѣпляться и держаться можетъ только арабская лошадь; даже уже начинаю помышлять сдѣлать послѣ Пасхи новый вояжъ, храбро обрекая себя на подвигъ девятичасоваго сидѣнья на лошади, умучивающаго до онѣмѣнія чувствъ; но тѣло отдохнуло, а душа все еще карабкается по горамъ, все впередъ и впередъ, разучившись понимать слово: покой. Іерусалимъ, до котораго я тащился три мѣсяца, съ первой минуты моего пріѣзда оказался точкою отправленія моего въ новый путь, круговой, начинаю думать—безконечный. Не вижу дней, считать ихъ разучился; въ послѣднее время видѣлъ только ночи; но это уже несчастье—безсонная ночь послѣ безпрестанныхъ хлопотъ дня, которому долженъ преемствовать другой день, еще болѣе, или, по крайней мѣрѣ, не менѣе хлопотливый.

Морской путь свой кончилъ я 28-го числа января, прибывъ утромъ въ

Яффу: ужасъ, какое разстояніе, какъ подумаешь о немъ, бывало, въ Петербургѣ. Мнѣ не казалось этого, когда, стоя на терассѣ монастырской, подъ стѣною которой море хлещетъ и катитъ волны свои въ необозримую даль, я смотрѣлъ на море въ прекрасную лунную ночь и въ теплый свѣтлый полдень. Такъ-ли еще сильны впечатлѣнія прежней жизни, такъ ли ужъ легокъ и угладенъ былъ для меня, особенною милостію Божіею, сложный и разнообразный путь мой, что впечатлѣнія долгаго путешествія не вытѣснили изъ души круга дорогихъ обликовъ и воспоминаній, не загромаждивали раздѣлявшаго насъ разстоянія; только я не чувствовалъ здѣсь какъ я далеко отъ моихъ, не скучалъ, какъ не скучаю доселѣ (что считаю за самую великую милость Божію къ моей утлости), хотя вотъ ужъ пять недѣль не имѣю ни откуда ни строчки, по милости замерзшаго рейда одесскаго, и уже жажду и алчу узнать что нибудь. Хлопоты переѣзда и такъ называемаго водворенія (къ моему постоянному двору слово это очень идетъ) въ Іерусалимѣ сокращаютъ немножко и эти пять недѣль.

30-го числа, вспоминая какъ, бывало, кушаемъ у дядюшки пирогъ или блины, я, съ часу пополудни, великолѣпно двинулся верхомъ на лошади (въ первый разъ въ жизни), въ длинномъ поѣздѣ, въ послѣдній переѣздъ, среди апельсинныхъ, лимонныхъ и померанцевыхъ садовъ, въ которыхъ трудно было опредѣлить, чего больше—зелени-ли, листьевъ или золотыхъ, созрѣвшихъ плодовъ. Путешествіе этого дня, не все впрочемъ посреди садовъ, но и по чистому полю, продолжалось четыре часа. За часъ до Рамлэ сдѣлана была мнѣ церемонія и отъ паши. Начальникъ города встрѣтилъ меня съ своими кавалерами (баши-бузуками), которые дѣлали на поляхъ тысячи разныхъ маневровъ и шалостей удальства, подъ звуки турецкаго барабана, котораго звуки и теперь еще трещатъ въ моей душѣ. Такъ вошли въ древнюю Раму, гдѣ слышанъ бысть плачъ и рыданіе и вопль многъ. Мнѣ самому хотѣлось плакать: такъ были раздражены нервы и необычнымъ путешествіемъ, и противуестественнымъ смѣшеніемъ религіозныхъ воспоминаній съ впечатлѣніями оригинальной встрѣчи и сопровождавшаго меня общества, въ которомъ было всего и не по немногу: и мущинъ и бабъ, которыхъ мулы очень нелюбезно сбрасывали съ своихъ спинъ при всякомъ удобномъ случаѣ, и православныхъ поклонниковъ, и армянскихъ монаховъ, одна партія коихъ провожала меня отъ Яффы до Рамлэ, а другая отъ Рамлэ до Іерусалима, и турецкихъ кавасовъ, солдатъ и чиновниковъ.

Въ 6 часовъ утра 31-го числа поѣхали дальше. Толпа перемѣнилась, хотя не только не уменьшилась, а еще увеличилась. Я велѣлъ прогнать всѣхъ бабъ-поклонницъ,—ой народъ! κύριε, ελέησον!—Лезутъ дряни впередъ; гадятъ видъ и задерживаютъ поѣздъ, а назадъ не загонишь. На мѣсто ихъ прибылъ греческій архимандритъ съ братіею, армянскій тоже и отъ паши ага съ десятками кавалеровъ, которые должны были сопровождать меня до Іерусалима.

Секретарь начальника города далъ мнѣ свою лошадь, совсѣмъ не по сѣдоку, кровнаго арабскаго жеребца, который на аршинъ не подпускалъ къ себѣ никакого живаго существа, кромѣ конюха, ведшаго его подъ уздцы. Я не трýсилъ, даже немножко трусúлъ, чтобы не задержать поѣзда въ дорогѣ и не запоздать пріѣздомъ въ Св. Градъ. Четыре съ небольшимъ часа мы ѣхали путемъ ровнымъ, только крайне грязнымъ. Но, Боже мой, что за дорога пошла потомъ по ущельямъ горъ, отъ Эммауса. Ну, этихъ стадій пятнадесять не забудутся и лѣтъ въ пятьдесятъ! Къ концу пути я изнемогъ до того, что потерялъ всякую способность мыслить, или желать, даже способность чувствовать страданія. Парадная встрѣча отъ паши и отъ патріархіи нашей и армянской не перемѣнили состоянія моего духа. Но когда, выѣхавъ изъ-за горы, я вдругъ услышалъ: «вотъ и Іерусалимъ»; когда взглянулъ въ указанную сторону, которую садившееся въ тучахъ солнце, какъ будто нарочно, освѣтило мгновеннымъ розовымъ лучемъ, послѣднимъ въ этотъ день, и потомъ скрылось само; когда увидѣлъ Элеонъ, освѣщенный сначала и видѣвшійся черезъ городъ, а потомъ и самый городъ; когда, приближаясь ко вратамъ, увидѣлъ толпу народа въ нѣсколько тысячъ, сбѣжавшуюся на встрѣчу русскому архіерею, смѣшанную толпу, и плясавшую, и плакавшую, и рвавшуюся коснуться хоть полы моей рясы; когда слухъ мой, во вратахъ града, огласился русскимъ пѣніемъ: «Достойно есть», для котораго русскіе поклонники, съ священникомъ впереди со крестомъ, не жалѣли груди; когда потомъ двигался я по улицамъ Іерусалима стиснутый толпою и тащимый съ лошади во всѣ стороны, съ громогласнымъ пѣніемъ нашихъ богородичныхъ; когда входилъ въ свой домъ съ пѣніемъ: «Спаси, Господи, люди Твоя»,—я не знаю чтò со мною дѣлалось! Аще въ тѣлѣ, не вѣмъ, аще кромѣ тѣла, не вѣмъ, Богъ вѣсть. Но на другой же день я былъ уже столько бодръ и крѣпокъ, что могъ поспѣшить ко святынѣ и вечеромъ отправить всенощную, чтобы съ Срѣтенія Господня начать свое служеніе въ Іерусалимѣ. Прохожу молчаніемъ неземныя минуты поклоненія Св. Гробу и Голгоѳѣ... Въ эти минуты можно только многоутѣшно плакать; при воспоминаніи этихъ минутъ можно только плакать, можно молиться еще, только не словами, а рыданіями души... Описывать такія минуты нельзя. Если хотите, могу только сказать, что вы вспомянулись уже не разъ.

Съ слѣдующаго дня начались хлопоты, отъ которыхъ еще не отдѣлался я и на этой недѣлѣ, которую просидѣлъ дома, простудившись немного и отчасти радуясь тому, что, наконецъ, могу отдохнуть за письменнымъ столомъ. Утромъ обѣдня съ проповѣдью; до вечерни пріемъ посѣтителей; вечерня съ прощаньемъ по русскому обряду. Съ понедѣльника до пятницы: съ 8—12 ч. въ церкви за утреней и часами (на 6-мъ проповѣдь); съ 12—4-хъ пріемъ визитовъ, которыми не только не замедлили, но и поспѣшили и армянскій патріархъ, и францисканскій аббатъ (дубина патріархъ Валерга выдерживаетъ

доселѣ, не понимая, д....., исповѣданный здѣсь всѣми, что не онъ выигрываетъ въ этомъ случаѣ, а я), и консулы англійскій, французскій, австрійскій, прусскій, и паша, и многое множество турокъ и пр.; съ 4—6$^1/_2$ повечеріе. Въ пятницу визиты чужихъ замѣнились визитами духовныхъ дѣтей. Да, преосвященнѣйшій, по здѣшнему обычаю почти никогда никто не исповѣдуется у священниковъ, а у архіереевъ, и вотъ я — духовникъ: чудная судьба; все на изворотъ! Трудъ, не скажу, утѣшительный, но поучительный весьма, особенно здѣсь. Страхъ забираетъ, какъ посмотришь на то, какъ дьяволъ ловко дѣйствуетъ къ уловленію душъ. Здѣсь онъ особенно сердитъ: Голгоѳа близко; видны слѣды ползанія этого древняго змія ясно, какъ никогда не видятся, бывало, тамъ, дома. Что онъ тутъ стряпаетъ — дивы дивныя, и система ловкая! Будетъ о чемъ побесѣдовать, когда увидимся: бумагой всего не передашь!

Въ субботу 1-й недѣли служилъ я на Голгоѳѣ литургію въ 5 часовъ утра; въ часъ съ половиною отправился въ храмъ совершать торжественную вечерню, равно какъ на другой день литургію и крестный ходъ. Былъ праздникъ Православія. Здѣшній владыка мнѣ предоставилъ совершить его къ неизмѣримой и невыразимой радости частію и грековъ, а особенно русскихъ и болгаръ, къ величайшему же озлобленію несчастныхъ латинъ. Мнѣ была торжественная встрѣча при входѣ: архіереи шли за мною. Всю вечерню стоялъ на высокой каѳедрѣ за лѣвымъ клиросомъ, въ патріаршей мантіи, съ посохомъ и крестомъ, по временамъ читая псалмы и молитвы то по гречески, то по русски. На другой день торжественная литургія, въ которой сослужили мнѣ 36 священниковъ и 7 діаконовъ; евангеліе читали по гречески, по славянски, по молдавски, по арабски: точно пасха, особенно когда видишь предъ собою, «яко живописецъ, яко рая красивѣйшій, яко всякаго чертога царскаго свѣтлѣйшій Гробъ Христовъ, источникъ нашего воскресенія». Для крестнаго хода вокругъ кувукліи Гроба, среди толпы тысячъ въ шесть человѣкъ, на меня возложили особый саккосъ, столько же древній, сколько и тяжелый, весь въ иконахъ, также и митру изъ патріаршей ризницы: архіереи шли за мною, надѣвъ епитрахили и омофоры поверхъ рясъ и въ камилавкахъ; у всѣхъ насъ (у меня еще и богатѣйшій жезлъ, усыпанный брилліантами и рубинами) въ рукахъ были иконы, равно какъ и у 105-ти священниковъ, участвовавшихъ въ шествіи въ однообразномъ, двухъ только сортовъ, облаченіи.

Что дѣлалось потомъ? Ей, минуты не было свободной. Изъ церкви отправляешься платить визиты или принимать новые. Въ среду служба, въ пятницу тожъ. Въ субботу 2-й недѣли служба въ Геѳсиманіи на гробѣ Божіей Матери; въ воскресенье на гробѣ Христовомъ: страшная служба, всерадостнѣйшая пасха! 18-го февраля поминали покойнаго царя; 19-го торжественно молились на Голгоѳѣ за государя царствующаго. Въ воскресенье 3-й недѣли участвовалъ въ торжествѣ и крестномъ ходѣ у св. Гроба, а обѣдню

отслужилъ въ Архангельскомъ монастырѣ. Въ промежуткѣ—устройство дома, устройство службъ церковныхъ, толки (сначала съ своимъ консуломъ, а потомъ съ разными лицами) о будущихъ предпріятіяхъ, устройство временнаго гошпиталя, письма и отчеты въ Константинополь и Петербургъ: полторы вотъ недѣли сижу и пишу; половины еще не сдѣлалъ, хотя не хожу ни въ церковь, ни въ другія какія мѣста, благодаря своей простудѣ.

Домъ мой весьма хорошъ. Обаче и дружескія объятія бываютъ иногда тѣсны и неудобны. Затѣваю нѣчто свое, болѣе самостоятельное и просторное. Помогъ бы Господь: съ своей стороны, однакожъ, рѣшаюсь на все, имѣя въ виду, что въ Россіи, лѣнивой и неповоротливой, лучшая пружина: fait accompli. Пусть поругаютъ подъ часъ: брань на воротѣ не виснетъ; дѣло бы сдѣлать; а мы ужъ и то порядочно подгадили себѣ на востокѣ,—еще востокъ слишкомъ глупъ и добръ: бѣда бы иначе.

Духъ мой удивительно спокоенъ и бодръ. Право, подумаешь иногда, чудеса бываютъ и въ наше время. Веселъ, спокоенъ, тружусь много, очень много, но нисколько утомленія, только веселѣй становишься, когда сдѣлаешь что нибудь. Гостинная моя — нейтральная земля: положеніе самое выгодное. Бываютъ около насъ и пакости разныя; улыбаемся и отражаемъ... о, край! Свѣтлѣйшій, какъ преддверіе рая Божія; сквернѣйшій, какъ порогъ ада; край рѣшительнаго покаянія и спасенія для однихъ; край рѣшительнаго развращенія и погибели для другихъ... Молитесь за насъ. Вашъ Е. Кириллъ.

Былъ у меня гость — кн. Д. А. Оболенскій съ генераломъ Н. В. И—вымъ. Князь родственникъ графа Протасова, а генералъ въ нѣкоемъ свойствѣ съ однимъ домомъ...; оба съ языками. Много говорили объ васъ на прошлогоднюю майскую тему. Питаемъ надежды, что дѣла гонимой церкви поправятся. Сербиновичу объявилъ я откровенно войну предъ Богомъ и людьми. И здѣсь кричу, выставляя правду, и въ Питеръ пишу. Не пакостникъ ли, ...? Вотъ случай: предъ отъѣздомъ моимъ графъ Протасовъ спрашивалъ, посылать ли Порфирія въ Константинополь? Я уклонился отъ отвѣта, говоря, что мнѣ все равно: что, если онъ будетъ дѣйствовать честно и благородно, я ему буду благодаренъ, если начнетъ мудрить и портить дѣло, я его выгоню въ 7 сутокъ, на что имѣю ручательство. Графъ только и слышалъ отъ меня — при этомъ ...., который былъ тутъ же. Пріѣзжаю потомъ къ нему. Именемъ Божіимъ, отъ лица графа, требуетъ онъ отъ меня рѣшительнаго да или нѣтъ. Я говорю: нѣтъ. Меня увѣряютъ, что такимъ образомъ дѣло кончено; о Порфиріи и рѣчи не будетъ. Что же? Вдругъ въ Константинополѣ посланникъ присылаетъ ко мнѣ запросъ изъ министерства, по указанію графа Толстаго, кого послать въ Константинополь изъ трехъ кандидатовъ, между которыми первый—Порфирій? Думали, что я уже уѣхалъ изъ Константинополя и отпустили эту новую штуку. Дѣло, конечно, не удалось. Но между сотнями другихъ дѣяній Сербиновича, я разсказалъ объ этомъ кн. Оболенскому

и написалъ къ кн. Горчакову. Оболенскій, предполагавшійся самъ въ оберъ-прокуроры, давно уже знаетъ этого іезуита (Сербиновича) и не разъ убѣждалъ графа (помѣстить) его въ сенатъ. Теперь онъ былъ радъ получить подробные матеріалы для повѣствованія графу. Надо-жъ, наконецъ, когда нибудь покончить съ этимъ іезуитомъ. (Анд. Ник.) Муравьевъ, просто, съ ума сходитъ отъ бѣшенства на меня: осрамленъ на цѣлый Петербургъ! И Москва не поддержала. Чрезъ одного священника иркутскаго жаловался онъ митрополиту. Тотъ отвѣчалъ только: «вѣдь (Андрей Ник.) Муравьевъ всегда былъ самолюбивъ; а сколько я разумѣю, преосвященный Мелитопольскій свое дѣло понимаетъ».

Сообщ. **Ю. Н. Булгакова.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

1888.

УЧЕНЫЯ АРХИВНЫЯ КОМИССІИ

въ 1888 г.

Обзоръ ихъ дѣятельности.

Читано директоромъ археологическаго института И. Е. Андреевскимъ, въ собраніи института 25 октября 1889 г.

1889.

УЧЕНЫЯ АРХИВНЫЯ КОМИССІИ

въ 1888 г.

Въ 1888 году дѣйствовали девять ученыхъ архивныхъ комиссій: Рязанская, Тамбовская, Тверская, Орловская, Костромская, Саратовская, Нижегородская, Таврическая и Оренбургская. Устроившаяся въ этомъ году еще новая комиссія Пермская начала дѣйствовать только въ нынѣшнемъ 1889 г., и потому обзоръ ея дѣятельности найдетъ себѣ мѣсто только въ будущемъ отчетѣ. Учрежденіе въ 1887 г. ученой архивной комиссіи въ Оренбургѣ вызвано было фактическою необходимостью. Когда закрылось генералъ-губернаторское управленіе, то для разбора производившихся тамъ дѣлъ и всего архива генералъ-губернаторскаго управленія была устроена министерствомъ внутреннихъ дѣлъ особая комиссія. Эта комиссія работала нѣсколько лѣтъ, но не могла справиться съ множествомъ встрѣченныхъ ею затрудненій по разбору весьма цѣннаго и богатаго историческаго матеріала. Содѣйствіе, которое, по желанію министерства внутреннихъ дѣлъ, долженъ былъ оказать этой комиссіи археологическій институтъ, привело къ разъясненію необходимости учрежденія вмѣсто того ученой архивной комиссіи, которая не только разберетъ дѣла генералъ-губернаторскаго управленія, но и создастъ историческій архивъ, который по многочисленности и важности имѣющихся въ этой восточной окраинѣ актовъ можетъ пріобрѣсти значеніе центральнаго для той мѣстности архива. Ученая архивная комиссія въ Оренбургѣ образовалась уже въ самомъ концѣ 1887 г. и въ отчетномъ году, ея дѣятельность была болѣе подготовительною къ работамъ, появившимся уже въ печати въ 1889 г.

Починъ въ созданіи архивной комиссіи въ Перми принадлежитъ нашему почетному члену, уважаемому М. И. Семевскому. Это вполнѣ добрая память его археологическаго путешествія по Россіи лѣтомъ 1888 г. 5-го іюля собрались сочувствующія этому дѣлу лица. Епископъ Пермскій и

Соликамскій, преосвященный Владиміръ, благословилъ стремящихся приступить къ научному подвижничеству, а М. И. Семевскій разъяснилъ собравшимся весь ходъ образованія ученыхъ архивныхъ комиссій въ Россіи и задачи, на нихъ возлагаемыя. Послѣдствіемъ такого рожденія комиссіи было то, что всѣ присутствующіе изъявили согласіе войти въ составъ зарождающейся Пермской комиссіи. Эта комиссія утверждена г. министромъ внутреннихъ дѣлъ 5-го мая нынѣшняго 1889 г.

Изъ девяти дѣйствовавшихъ въ отчетномъ году ученыхъ архивныхъ комиссій старѣйшія по времени ихъ образованія, Тверская, Тамбовская, Рязанская, отчасти Орловская и Костромская, уже окрѣпли въ созданномъ имъ планѣ дѣйствій; первоначальные шаги ихъ въ этой новой области, казавшіеся весьма робкими, сдѣлались уже твердыми и увѣренными. На эти комиссіи мѣстное общество начинаетъ смотрѣть какъ на учрежденія излюбленныя, безъ которыхъ и существовать невозможно. И собственно, въ весьма короткій срокъ, четыре—пять лѣтъ, сдѣланы столь видныя завоеванія въ области мысли и почтеннаго научнаго труда. Новыя, сравнительно, комиссіи, Саратовская, Таврическая, Нижегородская также бодро двинулись по пути, намѣченному старѣйшими комиссіями; но представляютъ и свое самостоятельное. Такъ, Нижегородская комиссія, согласно предложенію своего почтеннаго предсѣдателя Гацискаго, отмѣтила такъ названные ею Нижегородскіе дни, т. е. дни, ознаменованные историческими событіями въ жизни Нижегородскаго края; къ этимъ днямъ она пріурочила свои засѣданія, и дѣлая эти засѣданія публичными, предполагаетъ этимъ постоянно воскрешать въ памяти Нижегородскаго общества хорошіе моменты давней старины и такимъ патріотическимъ свѣточемъ постоянно теплить уваженіе и любовь къ отжившему, историческому.

Посмотримъ поближе на работы этихъ девяти архивныхъ комиссій въ отчетномъ 1888 году.

I.

Важнѣйшая изъ задачъ, преслѣдуемыхъ архивными комиссіями, составленіе губернскаго архива, не смотря на массу требуемаго труда, энергически достигается всѣми комиссіями. Испробованные для того методы оказываются весьма пригодными.

1) Ознакомленіе съ архивами присутственныхъ мѣстъ, разборъ ихъ и описаніе и въ отчетномъ году дали возможность всѣмъ комиссіямъ выдѣлить въ свои новые губернскіе историческіе архивы немалое количество важныхъ историческихъ документовъ.

Тамбовская комиссія, продолжая разборъ и описаніе архива Шацкой провинціальной канцеляріи (П. И. Пискаревъ и И. В. Староградскій), пересмотрѣла въ отчетномъ году болѣе 3,000 дѣлъ, изъ коихъ отобрано въ историческій архивъ 388 дѣлъ. (Со дня открытія комиссіи всего поступило въ ея архивъ 2,497 дѣлъ). Всѣмъ поступающимъ въ архивъ дѣламъ составляется опись, печатаемая въ Извѣстіяхъ комиссіи. Кромѣ этой описи, правителемъ дѣлъ комиссіи, М. Г. Розановымъ, составленъ предметный, географическій и именной указатель къ описи за 1884—1887 гг.

Тверская комиссія, разсмотрѣвъ описи дѣламъ Весьегонскаго уѣзднаго суда съ 1803 по 1866 гг., не нашла въ нихъ ни одного дѣла, заслуживающаго храненія, а изъ архива Тверской губернской чертежной, съ 1833—1875 гг. (В. А. Плетневъ) выдѣлила 13 дѣлъ. Предсѣдателемъ комиссіи А. К. Жизневскимъ вмѣстѣ съ правителемъ дѣлъ И. А. Ивановымъ были разсмотрѣны описи архивныхъ дѣлъ и книгъ казначействъ Старицкаго, Зубцовскаго, Кашинскаго, Весьегонскаго и Бѣжецкаго (съ 1855—1885 гг.) и признано необходимымъ удержать въ историческомъ архивѣ лишь книги на храненіе въ казначействахъ денежныхъ ящиковъ, такъ какъ въ этихъ дѣлахъ и книгахъ имѣются слѣпки печатей.

Рязанская комиссія продолжала выдѣлять въ историческій архивъ дѣла изъ разбираемыхъ ею архивовъ: 1) губернаторской канцеляріи (В. И. Лашевскій изъ пересмотрѣнныхъ имъ 3,489 дѣлъ выдѣлилъ 367; А. Д. Повалишинъ пересмотрѣлъ 1,167 и выдѣлилъ 79); по примѣру прежнихъ лѣтъ, дѣламъ, отобраннымъ для храненія и назначеннымъ къ уничтоженію, составлены описи; 2) упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ—уголовной палаты и уѣздныхъ судовъ; здѣсь работы производились въ окружномъ судѣ подъ наблюденіемъ А. В. Селиванова: пересмотрѣли 21,812 дѣлъ и отобрали, съ составленіемъ описанія по карточному способу, 1,150 дѣлъ; 3) Ряжскаго полицейскаго управленія (А. П. Мансуровъ). Такимъ образомъ въ отчетномъ году пересмотрѣли въ правительственныхъ архивахъ около 267,000 дѣлъ, отобравъ и описавъ 1,756 дѣлъ.

Орловской комиссіи пришлось въ отчетномъ году констатировать грустный фактъ, что весьма многое, значившееся въ описяхъ архивовъ орловскихъ присутственныхъ мѣстъ, какъ-то: губернскаго правленія, прежнихъ судебныхъ мѣстъ и городской думы, оказалось или переданнымъ въ другіе архивы или уничтоженнымъ пожарами. Въ отчетномъ году комиссія (С. М. Блохинъ) успѣла разобрать: 1) въ архивѣ Орловской духовной консисторіи дѣла приказнаго стола съ 1740—1789 гг., отобравъ для храненія 28 дѣлъ; 2) въ архивахъ

Елецкаго уѣзднаго суда дѣла съ 1788—1809 гг.: отобрано 9 дѣлъ; 3) изъ Орловскаго совѣстнаго суда выдѣлено одно дѣло «о кладѣ съ заклятымъ золотомъ и серебромъ». (При этомъ дѣлѣ сохранился одинъ изъ образцовъ отреченной литературы—рукопись заговоровъ и ложныхъ молитвъ, отпечатанная въ «Трудахъ комиссіи»).

Костромская комиссія приступила къ разсмотрѣнію и описанію архива губ. правленія (И. В. Миловидовъ) и продолжала печатаніе (2-й выпускъ) рукописей, хранящихся въ архивѣ Ипатьевскаго монастыря (И. В. Миловидовъ); въ этомъ выпускѣ напечатано 35 указовъ, грамотъ и другихъ архивныхъ документовъ.

Саратовская комиссія, хотя и не успѣла вполнѣ разрѣшить возникшихъ у ея членовъ сомнѣній относительно способовъ описанія и полученія вѣрной оцѣнки назначаемыхъ къ уничтоженію дѣлъ, успѣла однако въ отчетномъ году: 1) разобрать и напечатать описаніе архива упраздненной аткарской городской думы (А. Н. Минхъ); 2) напечатать описаніе архива бывшаго вольскаго духовнаго правленія (В. Г. Еланскій и А. В. Смирновъ) и 3) общій списокъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ губернскаго правленія (Н. С. Соколовъ).

Таврическая комиссія, ознакомившись съ существующими правительствующими архивами, признала, что обширный архивъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ содержится хорошо, дѣла связаны по №№ за каждый годъ, расположены удобно на полкахъ, имѣются хронологическія и частію алфавитныя описи, помѣщеніе сухое и безопасное отъ огня, что въ хорошихъ сравнительно условіяхъ и архивъ духовной консисторіи, но всѣ остальные архивы крайне неудовлетворительны. Въ этихъ видахъ ближайшаго ознакомленія съ неудовлетворительными архивами и содѣйствія къ приведенію ихъ въ порядокъ, комиссія распредѣлила занятія своихъ членовъ по архивамъ: магометанскаго духовнаго правленія (И. И. Казасъ и Х. П. Ящуржинскій), управленія государственныхъ имуществъ (А. К. Романюкъ) и окружнаго суда (Г. А. Апостоловъ). Послѣдній архивъ приводится въ порядокъ: разсортировано и пронумеровано (1885—1888 гг.) 26,008 дѣлъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ и 39,145 симферопольскаго окружнаго суда, а еще остается разобрать болѣе 65 тыс. дѣлъ; начались перестройки и самаго зданія этого архива для возможности помѣщенія архива, тамъ какъ часть его помѣщается въ погребѣ. Изъ просмотрѣнныхъ комиссіею 2,016 дѣлъ (А. К. Романюкъ 586 д., А. И. Маркевичъ 362, Ѳ. Ѳ. Лашковъ 261, Д. К. Якимовичъ 222, Н. А. Сахаровъ 220, И. И. Казасъ 130, А. О. Кашпаръ 87, Гидалевичъ 40, А. В. Ивановъ 58 и А. Н. Феноменовъ 40) отобрано для историческаго архива 24 дѣла и 2 документа. Озна-

комленіе съ другими архивами представило затрудненія. Такъ, командированный комиссіею членъ ея (К. К. Косцюшко-Валюжиничъ) разсмотрѣть и описать архивъ канцеляріи севастопольскаго градоначальника, не могъ туда проникнуть, такъ какъ канцелярія ему заявила, «что таковой архивъ еще не учрежденъ при канцеляріи». Общее ознакомленіе съ архивами Крымскаго полуострова привело комиссію къ выводу, что она имѣетъ въ своемъ распоряженіи сравнительно небогатый археографическій матеріалъ. Ханскій архивъ въ Бахчисараѣ сгорѣлъ въ 1736 г. во время похода Миниха и изъ него досталось архиву губернскаго правленія только 119 кадіаскерскихъ дефтерей, которые были представлены въ комиссію 1802 г. для разбора споровъ по землямъ въ Крыму. Кромѣ этого, нѣсколько десятковъ ханскихъ ярлыковъ и султанскихъ фирмановъ, представленныхъ мурзами въ таврическое дворянское собраніе, — составляютъ весь матеріалъ, уцѣлѣвшій отъ прежняго времени. Также ничего не сохранилось и отъ періода покоренія Крыма (1770—1783 гг.), и только съ 1784 г. крымскіе архивы могутъ начать свою исторію.

Нижегородская комиссія успѣла въ отчетномъ году ознакомиться съ существующими архивами, изъ которыхъ на основаніи составляемыхъ описей выдѣляетъ дѣла и документы въ историческій архивъ. Успѣли описать дѣла макарьевскаго и частію горбатовскаго полицейскаго управленія и просмотрѣли описи нижегородскаго мироваго архива, губернской земской управы и нижегородскаго полицейскаго управленія.

2) Другое средство для обогащенія историческихъ архивовъ,—къ которому съ полнымъ успѣхомъ приступили комиссіи съ первыхъ же дней ихъ открытія, это полученіе справокъ изъ центральныхъ и другихъ губернскихъ архивовъ о документахъ, относящихся къ данной губерніи,— примѣнялось и въ отчетномъ году.

Въ Тамбовскій историческій архивъ продолжаютъ прибывать данныя: 1) благодаря неустаннымъ трудамъ почтеннаго предсѣдателя комиссіи И. И. Дубасова, выбирающаго извѣстія изъ московскихъ и мѣстныхъ архивовъ для изготовляемаго имъ къ печати 5-го выпуска «Очерковъ изъ исторіи Тамбовскаго края». 2) Членъ комиссіи, директоръ московскаго архива министерства юстиціи, Н. А. Поповъ сообщилъ подробный перечень хранящихся въ архивѣ актовъ, касающихся Тамбовскаго края, именно— присутственныхъ мѣстъ прошлаго столѣтія, архивы которыхъ влились въ этотъ архивъ, и перечень самыхъ категорій архивныхъ дѣлъ и документовъ, съ обозначеніемъ ихъ датъ. 3) По ходатайству комиссіи, членъ ея, саранскій уѣздный врачъ Г. П. Петерсонъ допущенъ въ архивы Пензенской губерніи для указанной цѣли.

Тверская комиссія получила извѣщеніе отъ управляющаго московскимъ архивомъ министерства юстиціи, что для топографіи гор. Твери XVII ст. изъ документовъ, хранящихся въ архивѣ, кромѣ писцовой книги Ларіона Шишкова 1685 года (№ 2,613), могутъ служить переписныя книги: князя Мезецкаго 1646 г. (№ 2,608) и Михаила Чирикова 1677 г. (№ 2,663); что же касается самыхъ плановъ гор. Твери, относящихся къ XVII ст., то ихъ въ архивѣ было 4, но еще при Калачовѣ планы и чертежи всѣхъ городовъ и посадовъ Россійской имперіи вытребованы изъ архива министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Послѣдствіемъ этого извѣщенія было то, что предсѣдатель комиссіи А. К. Жизневскій отправился въ московскій архивъ министерства юстиціи и сдѣлалъ изъ указанныхъ переписныхъ книгъ выписи, которыя разсмотрѣны въ комиссіи и напечатаны въ епарх. вѣдомостяхъ. Кромѣ того, рѣшено сдѣлать выписи изъ 9-ти писцовыхъ книгъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ, о присылкѣ которыхъ на нѣкоторое время въ Тверь комиссія и представила ходатайство управляющему московскимъ архивомъ.

Рязанскій историческій архивъ также обогатился нѣсколькими серіями дѣлъ изъ другихъ архивовъ и отъ частныхъ лицъ. Многія изъ нихъ переданы вмѣстѣ съ описями. Такъ, изъ Казани, отъ члена комиссіи Д. А. Корсакова поступило 120 документовъ преимущественно XVII ст., относящихся до рода Пущиныхъ. Отъ Л. М. Муромцева передано 32 дипломатическихъ акта на турецкомъ языкѣ. Чрезъ А. Я. Попова пожертвована связка бумагъ, относящихся до рода Бородавкиныхъ. Н. А. Кутуковымъ пожертвована связка интересныхъ столбцовъ, большею частью XVII в. Изъ Москвы А. П. Станкевичемъ передано нѣсколько старинныхъ документовъ, касающихся рязанскихъ землевладѣльцевъ. Палата государственныхъ имуществъ Владимірской и Рязанской губерніи сдѣлала распоряженіе о передачѣ сюда 12-ти томовъ описаній хозяйственнаго положенія государственныхъ крестьянъ за 1864 г.; изъ спб. сенатскаго архива доставлено 21 дѣло конца прошлаго и начала текущаго столѣтій.

Саратовская комиссія также пользовалась сокровищами московскаго архива министерства юстиціи. Членъ ея А. А. Голомбіевскій составилъ описаніе имѣющихся въ этомъ архивѣ грамотъ по Саратову, хранящихся въ отдѣлѣ жалованныхъ грамотъ, подъ №№ 10,784 — 10,823. (Это описаніе напечатано въ «Трудахъ» комиссіи). Членомъ комиссіи Н. С. Соколовымъ внесены въ архивъ извлеченные имъ изъ одного дѣла начала нынѣшняго столѣтія архива межеваго департамента сената 4 документа, относящіеся къ первымъ годамъ существованія города Петровска (Напечатаны въ «Трудахъ

комиссіи»). Правителемъ дѣлъ представлена снятая имъ, съ разрѣшенія астраханскаго преосвященнаго Евгенія, копія съ хранящагося въ архивѣ астраханской духовной консисторіи донесенія присутствующихъ саратовскаго духовнаго правленія, отъ 20-го августа 1774 г., о взятіи Саратова 6-го августа Пугачевымъ. Узнавъ отъ своего сочлена Н. С. Соколова, что въ библіотекѣ нижегородской духовной семинаріи имѣется нѣсколько томовъ рукописнаго сборника разныхъ документовъ по исторіи Саратовскаго края, собранныхъ въ 1840 хъ годахъ бывшимъ саратовскимъ епископомъ Яковомъ Ветерковымъ, комиссія обратилась съ просьбою къ своимъ нижегородскимъ сочленамъ гг. Гацискому и Савельеву ознакомиться съ сборникомъ преосвященнаго Якова и сообщить изъ него извлеченія.

Нижегородская комиссія получила отъ управляющаго московскимъ архивомъ министерства юстиціи Н. А. Попова опись хранящихся въ архивѣ дѣлъ различныхъ учрежденій Нижегородскаго края и отъ И.Ф. Токмакова опись хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ матеріаловъ по археографіи и исторіи Нижегородскаго края. Правитель дѣлъ археографической комиссіи А. И. Тимофѣевъ изъявилъ готовность содѣйствовать возвращенію въ Нижній-Новгородъ актовъ Печерскаго монастыря, хранящихся въ Петербургѣ. Московскій антикварій П. П. Шибановъ доставилъ комиссіи касающуюся Нижегородской губерніи выписку изъ книги, изд. 1768 г.: «Имянной списокъ господамъ депутатамъ, выбраннымъ въ комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія».

Таврическая комиссія, въ первомъ же своемъ засѣданіи, въ виду молодости архивнаго матеріала, постановила обратиться къ содѣйствію мурзъ, муллъ и другихъ лицъ, главнымъ образомъ татаръ, съ просьбою представить ихъ фамильныя бумаги и другія рукописи на турецкомъ, татарскомъ языкахъ, если не въ собственность комиссіи, то, по крайней мѣрѣ, для снятія съ нихъ копій или храненія. На это обращеніе стали отзываться. Муратъ бей Біярагновъ предоставилъ для храненія рукописную книгу на татарскомъ языкѣ въ 431 л., подъ названіемъ: «Теварихъ-Джами» (Всеобщая исторія). Чрезъ товарища предсѣдателя И. И. Казаса поступила караимская рукопись, заключающая въ себѣ разсказъ современника (Рабія Захаріи) о событіяхъ правленія послѣдняго крымскаго хана Шагинъ-Гирея. Правитель дѣлъ Ѳ. Ѳ. Лашковъ предоставилъ музею 18 ханскихъ ярлыковъ въ оригиналѣ (періода 1594—1779 гг.), 10 султанскихъ фирмановъ Мухамеда и Мустафы (XVIII ст.), также въ оригиналѣ и копіяхъ, и 9 разныхъ документовъ, денежныхъ росписокъ, купчихъ, раздѣловъ, на турецкомъ и татарскомъ языкахъ.

3) Въ отчетномъ году, подобно предъидущимъ годамъ, въ нѣкоторые изъ историческихъ архивовъ влились фамильные архивы и бумаги.

Въ Тамбовскій историческій архивъ поступило: 1) отъ П. И. Грекова 13 столбцевъ, извлеченныхъ изъ домашняго архива Н. И. Сумарокова: жалованныя грамоты и записи поступныхъ, купчихъ, рядныхъ и др.; 2) отъ графини Н. К. Сухтеленъ собраніе бумагъ ея дѣда, отца и дяди, заключающее въ себѣ дѣловую и частную ихъ переписку за періодъ времени съ 1770—1860 гг. Кромѣ дипломатической переписки гр. П. К. Сухтелена и большаго количества мемуаровъ и записокъ по военно-инженерной части, въ этомъ собраніи находятся автографъ Шлецера, трактатъ этого историка о статистикѣ народонаселенія, посвященный императрицѣ Екатеринѣ II, автографы и коллекціи снимковъ съ древнихъ надписей, принадлежащіе ученому шведу Біернсталю (род. 1735, ум. 1779 г.), извѣстному путешественнику по востоку; тутъ сохранился, между прочимъ, календарь за 1768 г., съ собственноручными замѣтками Біернсталя; имѣютъ большую цѣнность и бумаги гр. П. К. Сухтелена относительно постройки канала между Камою и Сѣв. Двиною, записка о пребываніи въ Петербургѣ чрезвычайнаго персидскаго посольства въ 1829 г., а изъ бумагъ дипломатическаго содержанія особеннаго вниманія заслуживаетъ подлинная секретная инструкція, за собственноручнымъ подписаніемъ императора Александра I, данная Сухтелену при назначеніи его посланникомъ въ Швецію въ 1809 г. (Этотъ документъ, по желанію завѣдывающаго архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, барона Стюарта, переданъ комиссіею въ министерство иностранныхъ дѣлъ).

Кромѣ такихъ коллекцій, въ тамбовскій историческій архивъ частными лицами внесены отдѣльныя рукописи, изъ коихъ нѣкоторыя несомнѣнно возбудятъ интересъ нашихъ ученыхъ. Таковы: а) пожертвованный почетнымъ гражданиномъ А. Н. Серебряковымъ подлинный росписной списокъ боярина и воеводы князя Петра Ивановича Хованскаго, содержащій въ себѣ опись города Кіева по случаю сдачи начальствованія надъ нимъ генералъ-маіору Юрію Андреевичу Фамендау; б) рукописи: о рожденіи Петра Великаго и стрѣлецкихъ бунтахъ и Гисторія о храбромъ воинѣ Кронѣ (пожертв. членомъ комиссіи В. Н. Веденяпинымъ).

Въ Тверской историческій архивъ пожертвованъ Я. П. Милюковымъ фамильный архивъ тверскихъ дворянъ Милюковыхъ. Онъ описанъ членомъ комиссіи В. А. Плетневымъ (Описаніе напечатано въ приложеніи къ журналу комиссіи). Въ этой коллекціи бумагъ

только меньшая часть относится до фамиліи Милюковыхъ, большая же часть касается другихъ дворянскихъ фамилій — Озеровыхъ, Хохловыхъ, Кудрявцевыхъ, Матюниныхъ, Елагиныхъ, Лаптевыхъ, Стрѣлковыхъ, Хитровыхъ, Лопухиныхъ, князей Гика и др. Часто упоминаемые въ бумагахъ архива Озеровы принадлежатъ къ одному роду съ извѣстнымъ трагикомъ Озеровымъ. Въ числѣ бумагъ Озеровыхъ находятся: клочекъ грамоты великаго князя Василія Ивановича, жалованныя грамоты царей Ивана Васильевича, Михаила Ѳедоровича, Іоанна и Петра Алексѣевичей, патенты на чины временъ императрицъ Елисаветы и Екатерины II, изображеніе и описаніе герба рода Озеровыхъ (въ двухъ редакціяхъ) и родословная этой фамиліи; другія бумаги принадлежатъ къ XVIII ст. Однѣ изъ нихъ касаются землевладѣнія въ разныхъ губерніяхъ; изъ этого рода бумагъ обращаетъ на себя вниманіе копія съ указа императора Павла Петровича о пожалованіи князьямъ Гика 9,000 десят. казенной земли въ Вятской губерніи, взамѣнъ взятыхъ въ казну земель Гика на р. Бугѣ. Нѣкоторыя бумаги имѣютъ и общегосударственное значеніе, какъ напримѣръ копія съ приказа императрицы Анны Іоанновны генералъ-адъютанту Бирону о расквартированіи войскъ и проч. Въ бумагахъ фамиліи Милюковыхъ находится много любопытныхъ данныхъ, касающихся производства дѣлъ въ дворцовой канцеляріи, мѣстныхъ приказахъ, расправахъ и проч., формы крѣпостныхъ актовъ, свѣдѣній о станахъ, погостахъ, населенныхъ имѣніяхъ, межеваніи, скитаніяхъ и водвореніи въ Тверской губерніи корелъ и т. п.

Саратовскому историческому архиву подарена М. С. Кропотовымъ составленная въ прошедшемъ столѣтіи однимъ изъ его предковъ рукопись «о старинахъ саратовскихъ».

Нижегородскому историческому архиву изъявилъ желаніе пожертвовать часть своего фамильнаго архива членъ нижегородской комиссіи И. С. Зыбинъ.

Такими стараніями архивныхъ комиссій быстро движется впередъ дѣло устройства губернскихъ историческихъ архивовъ. Эти архивы растутъ, а вмѣстѣ съ ихъ ростомъ вопросъ о помѣщеніяхъ этихъ архивовъ дѣлается злобою дня. Только нижегородскій архивъ въ этомъ отношеніи можно считать обезпеченнымъ; остальные всѣ (за временнымъ исключеніемъ тверскаго и тамбовскаго) требуютъ неотложныхъ заботъ; особенно же бѣдственно положеніе саратовскаго, оренбургскаго и таврическаго архива. Если первыя предпринятыя археологическимъ институтомъ попытки для поставленія историческихъ архивовъ на надлежащую почву не дали еще результатовъ, то институтъ и не думаетъ покидать своихъ стремленій обзепечить

прочными и необходимыми условіями эти такъ быстро выростающія драгоцѣнныя хранилища памятниковъ русской мысли и русскаго дѣла.

II.

Рядомъ съ историческими архивами стали выростать и музеи, какъ свидѣтели тѣхъ заботъ, которыя стали принимать на себя ученыя архивныя комиссіи для разработки и сохраненія памятниковъ отечественной старины.

1) Комиссіи или прямо принимали участіе въ раскопкахъ или оказывали содѣйствіе таковымъ работамъ частныхъ лицъ. Такъ, Тамбовская комиссія была вызвана на такое вмѣшательство слѣдующимъ обстоятельствомъ. Лѣтомъ въ отчетномъ году преподаватель елисаветградскаго реальнаго училища В. Н. Ястребовъ, производя, по порученію императорской археологической комиссіи, раскопк умогильника, находящагося близь станціи тамбовско-саратовской желѣзной дороги Ляда, на 17 верстѣ отъ Тамбова, нашелъ тамъ до 1,900 остатковъ старины, — оружія, украшеній, череповъ и проч. Убѣдившись, что могильникъ не ограничивается изслѣдованною мѣстностью, а простирается далѣе въ землю, отошедшую подъ желѣзную дорогу, г. Ястребовъ предположилъ, что тамъ и должна находиться главная и болѣе богатая археологическими предметами часть могильника, и обратился за содѣйствіемъ къ комиссіи. Комиссія, находя, что оставить названный могильникъ не вполнѣ изслѣдованнымъ было бы потерею для науки, рѣшилась продолжать раскопки, начатыя г. Ястребовымъ, для чего и вступила въ сношенія съ управленіемъ желѣзной дороги.

Рязанская комиссія, благодаря содѣйствію императорской археологической комиссіи, совершила весьма важное дѣло въ области раскопокъ. Именно, правителемъ ея дѣлъ А. В. Селивановымъ были произведены въ Старой Рязани раскопки, приведшія къ весьма важнымъ въ научномъ отношеніи открытіямъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалось существованіе княжескаго дворца, разрыто основаніе древняго храма, по всей вѣроятности соборнаго, разрушеннаго во время нашествія Батыя. Какъ внутри, такъ и внѣ храма найдено значительное количество могилъ и множество различнаго рода цѣнныхъ въ археологич. отношеніи предметовъ древности XI и XII ст. (Весьма интересны серебряныя звѣздчатыя ушныя привѣски, серебряная чашка, каменные и бронзовые кресты, а также плетеный изъ кожаннаго ремешка крестъ съ таковыми же повязками). Кромѣ этой

раскопки г. Селивановымъ сдѣлано нѣсколько предварительныхъ изъисканій въ окрестностяхъ Старой Рязани.

Раскопка, предпринятая въ отчетномъ году Саратовскою комиссіею, заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ съ нею соединенъ былъ педагогическій характеръ. Эта раскопка предпринята была по слѣдующему поводу, возбужденному попечителемъ комиссіи, саратовскимъ губернаторомъ г. Косичемъ. Сообщивъ комиссіи, что при объѣздѣ губерніи осенью прошлаго года ему бросилось въ глаза обиліе ископаемыхъ въ саратовскихъ предѣлахъ и въ Сарептѣ, между прочимъ, у г. Кноблохъ есть богатая коллекція палеонтологическихъ находокъ, попечитель комиссіи полагалъ бы: 1) желательнымъ составить карту археологическихъ находокъ въ Саратовской губерніи, на которую наносить потомъ всѣ открытія этого рода; 2) по возбужденному г. Шахматовымъ вопросу о необходимости приступить къ раскопкамъ на Увѣкѣ, полагалъ бы желательнымъ возбудить общій вопросъ объ организаціи лѣтомъ отчетнаго года археологическихъ поѣздокъ по губерніи, къ которымъ, кромѣ членовъ комиссіи, могутъ присоединиться и частныя лица, интересующіяся историческими разысканіями, а также воспитанники старшихъ классовъ классической гимназіи и реальнаго училища. Благая мысль попечителя комиссіи, губернатора Коссича, блистательно осуществилась. Послѣ обстоятельнаго сообщенія С. С. Краснодубровскаго о сторожевыхъ курганахъ около деревни Нееловки и села Гремячки, предсѣдатель комиссіи А. А. Тилло, вмѣстѣ съ г. Краснодубровскимъ, организовали экскурсію, въ которой, кромѣ нѣсколькихъ членовъ комиссіи, приняли участіе студентъ моск. университета В. В. Бабушкинъ и нѣсколько гимназистовъ. Произведена была замѣчательная раскопка близь посада Дубовки, веденная съ большимъ знаніемъ дѣла, доставившая весьма важный новый археологическій матеріалъ и приведшая саратовскую комиссію къ слѣдующему важному выводу: «Несомнѣнно, что на всемъ изслѣдованномъ мѣстѣ когда-то былъ большой городъ осѣдлаго народа, стоявшаго на значительной высотѣ культуры. Каменныя постройки, изящно отдѣланная домашняя утварь, мраморъ и водопроводъ свидѣтельствуютъ, что городъ былъ богатъ. Множество восточныхъ монетъ, находимыхъ на мѣстѣ его развалинъ, краснорѣчиво говорятъ, что онъ велъ торговлю съ востокомъ. Повсемѣстное присутствіе угля указываетъ, что онъ былъ уничтоженъ сразу и неожиданно навсегда стертъ съ лица земли. Къ какому времени относится существованіе этого города и кто были его первыми обитателями рѣшатъ будущія научныя изслѣдованія. Этой работы участники саратовской археологической экскурсіи на себя не брали, да и не могли взять».

Таврическая комиссія также приступила къ раскопкамъ. Подъ Симферополемъ, подлѣ скиѳскаго укрѣпленія т. н. Неаполиса, въ балкѣ, ведущей отъ пивоварни къ военному кладбищу, въ декабрѣ отчетнаго года произведена была раскопка (участвовали председатель комиссіи А. Х. Стевенъ, членъ А. О. Кашпаръ и правитель дѣлъ Ѳ. Ѳ. Лашковъ). Раскопка дала нѣсколько археологическихъ предметовъ. Кромѣ того, членъ комиссіи А. В. Романюкъ осмотрѣлъ на мѣстѣ и описалъ въ упомянутой мѣстности три пещеры, причемъ представилъ комиссіи человѣческіе останки и разныя древности, найденныя въ одной изъ открытыхъ тамъ пещеръ.

2. Кромѣ такого непосредственнаго участія въ раскопкахъ, комиссіи стремятся чрезъ посредство мѣстныхъ обывателей ознакомиться съ имѣющимися памятниками старины, послѣдствіемъ чего являются какъ пожертвованія въ ихъ музеи, такъ и представляемыя комиссіямъ описанія мѣстныхъ древностей.

Такъ, попечитель Тверской комиссіи, г. тверской губернаторъ препроводилъ въ комиссію полученную отъ осташковскаго исправника запись о кладахъ (собравшую мѣстныя преданія), зарытыхъ будто бы во время литовскаго разоренія въ предѣлахъ Щучинской волости, Осташковскаго уѣзда. Священникъ с. Еднякова, Корчевскаго уѣзда о. П. Дюковъ доставилъ опись церковной утвари с. Юрьевскаго-Подольскаго 1763 г. Оказывается, что въ юрьевской Успенской церкви сосуды, большею частью, были оловянные и мѣдные, ризы изъ китайки и набойки. Затѣмъ императорскій росс. историческій музей препроводилъ въ комиссію опись вещамъ, найденнымъ при случайныхъ раскопкахъ близь деревни Посады, Корчевскаго уѣзда. Изъ описи видно, что изъ посадскихъ кургановъ было извлечено до 200 разныхъ предметовъ и нѣсколько десятковъ бусъ, въ томъ числѣ 18 серебряныхъ арабскихъ монетъ (диримовъ) VIII, IX и X ст. (изъ нихъ 6 поддѣльныхъ саманидскихъ диримовъ).

Орловская комиссія получила отъ своего члена священника о. Павла Крестовоздвиженскаго описаніе древнихъ предметовъ, хранящихся въ болховской соборной церкви; отъ своего члена С. Е. Звѣрева найденную имъ въ Покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ «Память елецкому подьячему Мартину Олтинникову о сборѣ даточныхъ въ Елецкомъ уѣздѣ, 1700 г.». Членъ комиссіи архимандритъ Патермусій доставилъ древній служебникъ, напечатанный, по его мнѣнію, въ XVII ст. Членъ комиссіи о. Илья Ливанскій доставилъ три автографа — князя Ал. Вас. Суворова и два Алексѣя Петр. Ермолова, а также два древнихъ плана села Спасскаго, Мценскаго уѣзда.

Въ Костромскую комиссію членомъ ея И. К. Херсонскимъ

доставлены свѣдѣнія о предметахъ старины въ церквахъ Костромской епархіи, описаніе хранящагося въ варнавинскомъ Троицкомъ соборѣ рукописнаго житія преподобнаго Варнавы Ветлужскаго и описаніе лицеваго синодика бывшаго кинешемскаго Вознесенскаго монастыря.

Саратовская комиссія получила отъ своего члена А. В. Смирнова извѣщеніе, что у вольскаго купца П. Е. Бѣгунова собрана коллекція серебр. монетъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ; русскія монеты, по преимуществу рубли, начинаются съ 1720 г.; въ числѣ иностранныхъ есть французскія пятифранковыя монеты 1811 и 1833 годовъ, прусскіе талеры 1814 и 1817 гг., испанскія буро 1801, 1809 и 1810 гг.; кромѣ того, у него есть мѣшочекъ съ древними русскими монетами, числомъ около тысячи; онъ ихъ пріобрѣлъ у одного изъ крестьянъ Саратовской губерніи за 13 рублей. Членъ комиссіи А. И. Минхъ доставилъ копѣйку чекана 1709 г., найденную въ проходѣ въ пещеру Кудеяровой горы и представленную ему урядникомъ с. Лоха, Саратовскаго уѣзда; при этомъ г. Минхъ сообщаетъ, что проходъ въ Кудеярову пещеру значительно расчищенъ мѣстными крестьянами и въ настоящее время можно проникнуть внутрь горы саженъ на 50. Даниловское волостное правленіе Аткарскаго уѣзда доставило комиссіи олений рогъ и черепъ какого то допотопнаго животнаго, вырытые изъ земли при устройствѣ плотины около деревни Медвѣдевки. Отъ крестьянина с. Козловки, Петровскаго уѣзда Д. М. Субботина, чрезъ уѣзднаго исправника, поступила коллекція русскихъ мѣдныхъ монетъ 5 и 2 коп. достоинства, чекана съ 1757—1802 гг., въ 2-хъ экз. каждая.

Нижегородская комиссія получила отъ помощника лѣсничаго 2-го макарьевскаго лѣсничества А. И. Быстрова рисунокъ колокола въ с. Каменкѣ, Макарьевскаго уѣзда, съ надписью 1003 года (? вѣроятно 7003 г.).

Таврическая комиссія получила отъ своего члена И. И. Казаса сдѣланные имъ точные снимки съ двухъ древнихъ арабскихъ надписей, находящихся одна надъ другой на дверяхъ очень старой мечети въ Симферополѣ, носящей названіе «Джами-Кабиръ». Переводъ этой надписи (помѣщ. въ № 4 «Извѣстій», стр. 87) указываетъ, что Ахъ-мечеть (татарское названіе Симферополя) существовалъ уже въ первыхъ годахъ XVI ст.

3) Собирая древности, комиссіи продолжаютъ заботиться и объ охраненіи предметовъ древности. Рязанская комиссія, уже прежде исходатайствовавшая разрѣшеніе высокопреосвященнаго Ѳеоктиста, чтобы передѣлки и исправленія храмовъ не позднѣе XVIII ст.

не производились безъ вѣдома архивной комиссіи, въ отчетномъ году имѣла нѣсколько случаевъ обсужденія вопросовъ этого рода.

Въ особенности сочла необходимымъ позаботиться о сохраненіи памятниковъ старины Таврическая комиссія. Справедливо разсуждая, что стоитъ только сравнить описаніе памятниковъ старины, составленное Палласомъ во время путешествія 1794 г., съ описаніемъ Кеппена 1837 г. и съ тѣмъ, что теперь еще осталось, чтобы составить себѣ понятіе о быстротѣ уничтоженія въ Крыму памятниковъ старины, комиссія распредѣлила между своими членами заботы о наблюденіи на мѣстахъ за сохраненіемъ памятниковъ. Вмѣстѣ съ этимъ она возложила на нихъ обязанность доставлять ей точные снимки или описанія памятниковъ старины, приходящихъ въ разрушеніе.

Общимъ итогомъ заботъ комиссіи о памятникахъ старины является все большее развитіе и обогащеніе ихъ историческихъ музеевъ.

Важнѣйшій изъ историческихъ музеевъ, конечно, тверской — любимое дѣтище почтеннаго предсѣдателя тверской коммиссіи А. К. Жизневскаго. Съ каждымъ годомъ музей обогащается. Въ отчетномъ году въ него, между прочимъ, поступили: серебр. гривна (отъ археол. комиссіи) и др. цѣнныя вещи. Ежегодно издается предсѣдателемъ обзоръ «Тверской музей и его пріобрѣтенія за минувшій годъ».

Тамбовскій музей также продолжаетъ обогащаться. Изъ вещей, поступившихъ въ него въ отчетномъ году, заслуживаютъ вниманія: желѣзный мечъ, найденный въ землѣ, въ селѣ Саюкинѣ, Тамбовскаго уѣзда (поступилъ отъ О. И. Галактіонова) и кремневое долото (отъ поч. гражд. Кожевникова).

Особенно расширился въ нынѣшнемъ году Рязанскій музей. Кромѣ найденныхъ вещей въ Старой-Рязани, было пріобрѣтено покупкою немало вещей: отъ мѣстныхъ крестьянъ, также нѣсколько вещей послѣ умершихъ въ Зарайскѣ любителей А. Т. Бахрушина и С. И. Бочарникова (между прочимъ древняя панагія изъ мамонтовой кости въ серебр. оправѣ сканной работы съ изображеніемъ Благовѣщенія); множество вещей было пожертвовано членами комиссіи, всего болѣе — А. А. Маринымъ. Заключая въ себѣ около 1120 предметовъ древностей, не считая череповъ и монетъ, рязанскій музей начинаетъ занимать одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду провинціальныхъ музеевъ, и комиссія чрезвычайно озабочена устройствомъ приличнаго для него помѣщенія.

Орловскій музей пополняется гораздо тише. Въ отчетномъ году поступили только найденные въ Орловскомъ уѣздѣ остатки ископаемаго животнаго: голова, ребро и позвонокъ.

Саратовскій музей началъ выростать въ отчетномъ году. Ему

пожертвовано нѣсколько десятковъ монетъ, и между прочимъ отъ воспитанника вольской учительской семинаріи Михаила Юновидова одна очень древняя русская серебр. монета, и др.

Образованный Нижегородскою комиссіею историческій музей находится, естественно, еще въ весьма скромныхъ условіяхъ: онъ пока состоитъ преимущественно изъ предметовъ, переданныхъ ему нижегородскимъ статистическимъ комитетомъ, бывшихъ до сихъ поръ въ пользованіи нижегородскаго отдѣленія Имп. Техническаго общества.

Таврическая комиссія образовала севастопольскій музей древностей. Начало ему положено подаркомъ Императорской археологической комиссіи, выдѣлившей изъ своего керченскаго музея 80 дубликатовъ разныхъ вещей и, кромѣ того, пожертвовавшей мраморную плиту съ арабскою надписью и двѣ вазы, найденныя въ Старомъ-Крыму, и древности, найденныя въ курганѣ крестьянами села Обиточнаго, Бердянскаго уѣзда. Кромѣ того, частными лицами и членами комиссіи внесены значительныя пожертвованія предметовъ древности (особенно А. Х. Стевеномъ). Затѣмъ комиссія и на свои средства купила 226 монетъ, преимущественно пантикапейскихъ и босфорскихъ, и различные предметы древности.

Кромѣ музеевъ, при историческихъ архивахъ устроились и библіотеки, съ каждымъ годомъ увеличивающіяся.

Тамбовская комиссія получила много новыхъ книгъ, въ томъ числѣ отъ московскаго архива мин. юстиціи 146 томовъ книгъ разнаго содержанія.

Многими весьма пожертвованіями обогатилась Тверская библіотека.

То же надобно сказать и о Рязанской библіотекѣ: въ отчетномъ году поступило 300 названій книгъ, сост. 2,037 томовъ. (Всего въ этой библіотекѣ 1,523 названія, сост. 4,491 томъ).

Саратовская комиссія, заботясь объ устройствѣ своей библіотеки, положила: 1) образовать въ библіотекѣ особый отдѣлъ — изданій, книгъ и статей, относящихся къ Саратову, и 2) обратиться къ извѣстнымъ спеціалистамъ — профессору Перетятковичу, академику Н. Ѳ. Дубровину, профессорамъ Д. А. Корсакову и П. В. Знаменскому и библіотекарю Имп. Публ. библіотеки П. А. Соколовскому съ просьбою дать указанія, какія именно книги необходимо имѣть въ библіотекѣ сарат. историческаго архива.

Нижегородская комиссія свою библіотеку образовала изъ трехъ отдѣловъ: мѣстнаго, общаго и отдѣла смутнаго времени. Каталогъ этой библіотеки составленъ и приготовленъ къ печати.

Таврическая комиссія, начавшая уже составлять свою собственную библіотеку (65 названій книгъ), благодаря предсѣдателю комиссіи А. Х. Стевену, можетъ располагать библіотекою губ. земской управы, «Таврика», сост. изъ 552 названій книгъ, имѣющихъ отношеніе исключительно къ исторіи Таврической губерніи.

III.

Если посмотрѣть теперь на внутренній складъ комиссій, на пріемы ихъ дѣятельности, ихъ засѣданія и работы ихъ членовъ, то можно убѣдительно подтвердить то, что намѣчалось и въ предшествовавшихъ нашихъ отчетахъ: ученыя архивныя комиссіи пріобрѣтаютъ значеніе мѣстныхъ историческихъ обществъ, благотворно вліяющихъ на мѣстную среду и постепенно поднимающихъ для мѣстнаго общества уваженіе къ размышленію и труду въ области отечественной исторіи.

1) Число членовъ въ каждой комиссіи ежегодно увеличивается. Не только въ относительно старыхъ комиссіяхъ, какъ тамбовская, тверская, рязанская (прибавилось напр. 47, въ настоящее время 153 члена, изъ нихъ 83 живутъ въ Рязанской губ.), орловская (было 67, вступило новыхъ 9), но и вновь создавшіяся комиссіи своею почтенною задачею привлекаютъ въ свои ряды все новыхъ дѣятелей, напр. таврическая получила въ отчетномъ году новыхъ 24 члена.

2) Засѣданія комиссій большею частью посѣщаются публикою, а нѣкоторыя (какъ напр. нижегородской комиссіи), прямо объявленныя публичными, вызываютъ все бо́льшее и бо́льшее къ себѣ вниманіе какъ важностью предлагаемыхъ рефератовъ, такъ и интересомъ возбуждаемыхъ рефератами преній и бесѣдъ.

Вотъ какіе интересные рефераты были, напр., предложены тамбовской комиссіи. И. И. Дубасова: 1) Объ апокрифической рукописной книгѣ, принесенной въ даръ г. Верещагинымъ. 2) О скопческихъ пѣсняхъ и о новой редакціи тамбовскаго обветшалаго лѣтописца. 3) Очерки изъ исторіи упраздненнаго Троицкаго монастыря. 4) О посѣщеніи г. Елатынь Петромъ Великимъ; въ 1722 г. В. В. Соловскаго, Очерки изъ исторіи типографіи губернскаго правленія. И. М. Златоустовскаго, О рукописи Шлецера, найденной въ архивѣ гр. Сухтеленъ и пр.

Въ Тверской комиссіи были выслушаны, между прочимъ, слѣдующіе рефераты: 1) В. И. Колосова, приготовленная имъ къ 150-лѣтнему юбилею тверской семинаріи статья: «Воспитанники духовно-учебныхъ заведеній тверской епархіи въ ополченіи 1812 г. (напеч.

въ губ. вѣдомостяхъ). 2) Предсѣдателемъ А. К. Жизневскимъ прочитано одно ненапечатанное стихотвореніе Ѳ. Н. Глинки «Заздравный тостъ» и сдѣланы сообщенія: о походѣ патріарха Никона въ 1658 г. въ Тверь, Вязьму и Иверскій монастырь; замѣтка по поводу поступившаго въ тверской музей фотографическаго снимка съ портрета послѣдняго тверскаго великаго князя Михаила Борисовича. 3) И. Н. Овсянниковъ прочелъ свою статью, приготовленную къ дню чествованія убіенныхъ въ 1238 г. на р. Сити въ битвѣ съ татарами, и отрывки изъ своего изслѣдованія: «О древней Твери по памятникамъ преимущественно XVII в.». 4) Ф. О. Ставровскій представилъ топографическія описанія мѣстностей Осташковскаго уѣзда. 5) Протоіерей В. О. Владиславлевъ «О рукописной книгѣ Терентія Ивановича Волоскова о вразумленіи раскольниковъ». 6) В. А. Плетневъ, «Объ учрежденіяхъ врачебнаго управленія Тверской губерніи и о личномъ составѣ сихъ учрежденій со времени ихъ основанія». 7) М. Н. Сперанскій «Объ иконѣ мученика Христофора». 8) О. Вл. Успенскаго, «О мѣстонахожденіи и судьбѣ предшественника г. Осташкова—городка Кличена, раззореннаго въ 1393 г новгородцами».

Не менѣе интересны и поучительны были засѣданіи Рязанской комиссіи, слушавшей въ отчетномъ году сообщенія гг.: Доброклонскаго, Повалишина, Звѣрева, Яхонтова, Василева, Попова и др.

Нижегородская комиссія по поводу устроеннаго ею чествованія 4-го марта 700-лѣтней годовщины рожденія основателя города великаго князя Георгія Всеволодовича, посвятила не мало времени ближайшему изученію этого Нижегородскаго историческаго дня.

Не перечисляя множества рефератовъ, читанныхъ и въ другихъ комиссіяхъ, не можемъ не замѣтить, что кромѣ этого множества весьма содержательныхъ рефератовъ, многіе члены комиссій напечатали (какъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, такъ и отдѣльно) немало историческихъ изслѣдованій, совокупность которыхъ составитъ цѣлую и совершенно новую историческую библіотеку. Укажемъ только на важнѣйшія.

А. Д. Повалишинъ (въ Рязани) занимался разработкою матеріала для исторіи крѣпостнаго права; помѣщенные имъ въ трудахъ комиссіи очерки составляютъ только отрывки изъ приготовляемой къ печати обширной статьи: «Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные». А. П. Мансуровъ напечаталъ нѣсколько статей и замѣтокъ въ «Русскомъ Архивѣ» и «Русской Старинѣ». А. П. Доброклонскій издалъ въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей»: «Солотчинскій монастырь, его слуги и крестьяне въ XVII в.».

А. М. Меморскій, «Основатель Нижняго-Новгорода, вел. князь Георгій II Всеволодовичъ».

О. І. П. Знаменскій напечаталъ «Описаніе бывшаго 15-го іюля 1888 г. въ Херсонесѣ Таврическомъ празднованія 900 лѣтняго юбилея со времени крещенія св. кн. Владиміра и русскаго народа». А. В. Ивановъ «Греческое рукописное Евангеліе, находящееся въ библіотекѣ таврич. дух. семинаріи»; «Греч. рукописный апостолъ, принадл. Предтеченской церкви въ г. Керчи» и «Руководство къ изъяснительн. чтенію четвероевангелія и дѣяній апостольскихъ».

3) Въ отчетномъ году комиссіи напечатали въ своихъ изданіяхъ цѣлую массу новыхъ историческихъ документовъ и матеріаловъ.

Тамбовская комиссія, кромѣ 19 приложеній къ описи историческаго архива, представляющихъ отдѣльные и разнообразные историко-юридическіе акты, напечатала въ издаваемыхъ ею «Извѣстіяхъ» 11 группъ различнаго рода актовъ, между коими имѣются писцовыя книги, письма государей и пр.

Тверская комиссія, печатающая только свои журналы, въ нихъ помѣщаетъ только содержаніе актовъ, а для печатанія пользуется услугами губ. епархіальныхъ вѣдомостей.

Рязанская комиссія помѣстила въ изданныхъ ею въ отчетномъ году семи выпускахъ трудовъ цѣлый рядъ новыхъ историч. актовъ.

Орловская комиссія стала въ отчетномъ году издавать свои труды (два в.), въ которыхъ помѣщаетъ рефераты, составленные на основаніи архивныхъ матеріаловъ.

Костромская комиссія приготовила въ отчетномъ году первый выпускъ своего изданія «Костромская Старина», въ который, между прочимъ, включаются и памятники, собранные членами комиссіи И. В. Миловидовымъ и И. К. Херсонскимъ.

Саратовская комиссія въ пяти выпускахъ своихъ «Трудовъ» помѣстила цѣлый рядъ актовъ и матеріаловъ.

Нижегородская комиссія издаетъ свои «Дѣйствія» и тутъ помѣщены нѣкоторые акты.

Въ «Извѣстіяхъ Таврической ученой архивной комиссіи» печатается открываемый ею архивный матеріалъ.

4) Мѣняясь своими изданіями, архивныя комиссіи вступили уже въ общеніе и единеніе. Удачные методы и пріемы, практикуемые одною комиссіею, дѣлаются предметомъ подражанія въ другихъ. Многія комиссіи избираютъ въ свои члены членовъ другихъ комиссій и опытъ засвидѣтельствовалъ, что это служитъ къ великой выгодѣ комиссій и облегченію ихъ трудовъ.

IV.

Денежныя или финансовыя условія архивныхъ комиссій были неодинаковы. Старыя комиссіи продолжаютъ пребывать болѣе, чѣмъ въ бѣдномъ положеніи, новыя —вполнѣ обезпечены.

Не считая отпускаемыхъ отъ министерства юстиціи суммъ (по 300 и по 200 р.), какъ имѣющихъ свое спеціальное назначеніе, бюджеты комиссій въ отчетномъ году представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Доходы Тамбовской комиссіи составились изъ 93 рублей членскихъ взносовъ и вырученныхъ за изданія 12 р., всего 105 рублей.

Израсходовано:

Покрытіе передержки 1887 г.	2 р. 62 к.
Покупка мебели для музея и архива	51 р. 60 к.
Почтовые расходы	18 р. 41 к.
Перевозка архивныхъ дѣлъ и мелочные расходы	8 р. 67 к.
Канц. принадлежности и переписка бумагъ	9 р. 80 к.
Жалованье сторожу	13 р. 65 к.
Итого	104 р. 75 к.

Остатокъ для слѣд. года 25 к.

Тверская комиссія, вслѣдствіе полученія пособія отъ губ. земства 100 руб. и выручки отъ продажи изданной комиссіею книги «Письма вел. княгини Екатерины Павловны» 73 р., располагала уже 230 р. 25 к., а израсходовала 218 р. 31 к., т. е. получился остатокъ 11 р. 94 к.

Бюджетъ Рязанской комиссіи еще благопріятнѣе.

Членскихъ взносовъ поступило	260 р. —
Пособій отъ губ. земства	300 р. —
Отъ продажи книгъ	14 р. —
Итого доходу	574 р. —

Зато и расходъ значителенъ—545 р. 53 к.; главнѣйшая его часть—291 р. 10 к.—пала на покупку различныхъ предметовъ древности для музея. Остатокъ получился въ 28 р. 47 к.

Орловской комиссіи пришлось жить гораздо умѣреннѣе. Весь ея доходъ былъ 210 р. 94 к., составившійся изъ остатка отъ прошлаго года, 103 р. 37 к., членскіе взносы 45 р., выручка за изданія 62 р. 57 к. За то и расходы были экономны: переписка, дѣлопроизводство и перевозка архивныхъ дѣлъ 12 р. 80 к.; бумага и брошюровка из-

даній комиссіи 49 р. 25 к., итого весь расходъ 62 р. 5 к., остатокъ на слѣдующій годъ 148 р. 89 к.

Какая разница въ бюджетахъ новыхъ комиссій. Напр. у Нижегородской уже имѣются тысячи. Но впрочемъ это только въ началѣ полученное на обзаведеніе, въ видѣ пособій отъ земства и города. Въ дѣйствительности же комиссія на свои дѣла издержала въ теченіи девяти мѣсяцевъ отчетнаго года 608 р. 19 к.

Таврическая комиссія имѣла доходу 514 р. 62 к., (образ. изъ остатка отъ предъидущаго года въ 368 р. 85 к., изъ членскихъ взносовъ въ 128 р. и % 17 р. 77 к.); годичный расходъ составилъ 291 р. 40 к. и остатокъ получился въ 223 р. 22 к.

Изъ представленныхъ краткихъ указаній дѣятельности нашихъ архивныхъ комиссій видно, что она сама говоритъ за себя: не требуется ни украшать, ни скрывать дѣйствій этихъ безкорыстныхъ тружениковъ, начавшихъ свою тяжелую работу въ девяти уголкахъ Россіи и энергично, безъ похвальбы и сѣтованій, ее продолжающихъ.

Разставаясь съ ихъ добрыми работами 1888 г., не могу не упомянуть объ одномъ уголкѣ, гдѣ нѣтъ еще архивной комиссіи, гдѣ, по мѣстнымъ условіямъ, таковая, вѣроятно, еще не скоро откроется, но гдѣ создалось такое симпатичное историческое дѣло, къ которому археологическій институтъ не могъ пребыть равнодушнымъ. Я разумѣю Самару и устроенный тамъ стараніями уважаемаго городскаго головы П. В. Алабина залъ Императора Александра II при александровской публ. библіотекѣ. Авторъ почтеннаго труда «Двадцатипятилѣтіе Самары какъ губернскаго города» (Самара, 1877) П. В. Алабинъ поставилъ себѣ непремѣнною задачею устроить залъ Александра II, въ которомъ соединить все, что касается царствованія этого императора. Уже 5 лѣтъ онъ неуклонно идетъ къ выполненію своей задачи; въ этомъ залѣ уже собрано много, но еще далеко не все; Алабинъ желаетъ собрать все и вмѣсто нынѣшняго временнаго помѣщенія соорудить для этого зала, вмѣстѣ съ библіотекою и музеемъ, новый домъ, достойный великаго имени. Городская дума уже принципіально съ этимъ согласилась. Слѣдя за этими почтенными стремленіями почтеннаго городскаго головы Самары П. В. Алабина, археологич. институтъ избралъ его въ свои почетные члены и порѣшилъ, съ своей стороны, оказать всякое содѣйствіе къ тому, чтобы самарскій залъ Императора Александра II могъ включить въ себя все, касающееся великихъ дѣлъ Императора-народолюбца, Царя-Освободителя Россіи.

И. Е. Андреевскій.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ СЕСЛАВИНЪ

р. 1780 г., † апрѣля 1858 г.

«Русская Старина», изд. 1889 г., томъ LXIV, книга ноябрь, вмѣщаетъ въ себѣ драгоцѣнныя, по ихъ высокому интересу и значенію, «Записки о 1812-мъ годѣ графа Ѳедора Васильевича Ростопчина».

Эту же книгу вполнѣ соотвѣтственно украсить портретомъ одного изъ наиболѣе видныхъ героевъ отечественной войны — партизана Александра Никитича Сеславина. Портретъ этотъ, въ очень хорошемъ фотографическомъ снимкѣ, воспроизведенномъ съ дагеротипа, весьма любезно сообщенъ намъ, въ апрѣлѣ 1886 года, Е. Колокольцовой, рожденной Сеславиной.

А. Н. Сеславинъ обезсмертилъ себя рядомъ подвиговъ въ великую отечественную войну; между прочимъ, онъ поставилъ своевременно кн. Голенищева-Кутузова, главнокомандующаго арміею, въ извѣстность о томъ, что армія Наполеона двинулась изъ Москвы на Калугу и тѣмъ Сеславинъ далъ возможность Кутузову быстро передвинуть нашу армію на встрѣчу врагу подъ Малый Ярославецъ. Здѣсь Наполеонъ былъ отбитъ и отброшенъ на Смоленскую дорогу, т. е. на путь голоднаго и ужаснаго отступленія... Этимъ подвигомъ Сеславинъ оказалъ величайшую заслугу предъ отечествомъ.

Въ 1860-мъ году въ «Отечественныхъ Запискахъ» (кн. IV, апрѣль) мы помѣстили характеристическо-біографическій очеркъ: «Партизанъ Сеславинъ», составленный по подлиннымъ его бумагамъ и замѣткамъ.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., томъ VIII (стр. 415—419) напечатано письмо А. Н. Сеславина къ его брату.

Очеркъ боевой жизни Сеславина помѣщенъ въ третьемъ выпускѣ изданнаго нами сборника: «Русскіе дѣятели въ портретахъ»,

изд. «Русской Старины» (Спб., 1889 г., стр. 25—26), гдѣ помѣщенъ и его портретъ того же тисненія, какъ и нынѣ помѣщаемый, который напечатанъ для «Русской Старины» ранѣе, чѣмъ вставленъ нами въ помянутый альбомъ.

Нынѣ пользуясь весьма обязательнымъ сообщеніемъ намъ князя П. А. Путятина нѣсколькихъ интересныхъ документовъ изъ его отличнаго собранія автографовъ, мы помѣщаемъ, вслѣдъ за симъ, находящееся въ этихъ автографахъ весьма интересное письмо А. Н. Сеславина къ генералъ-адъютанту графу Петру Александровичу Толстому, отъ 6-го ноября 1821 года.

Письмо это чрезвычайно характеристично по отношенію къ героической и своеобразной личности партизана, знавшаго цѣну своихъ заслугъ государю и отечеству и потому говорившаго языкомъ свободнаго и доблестнаго воина.—Вотъ это письмо:

«Ноября 6-го дня 1821 г. Парижъ».

«Ваше сіятельство милостивый государь! Съ юныхъ лѣтъ моихъ пользуясь особеннымъ вашимъ расположеніемъ ко мнѣ, я почелъ нужнымъ открыть вамъ мои чувства и причину скорби моей.

Въ августѣ 1819 года изъ Марселя я просилъ позволенія Государя отправиться мнѣ подъ другимъ именемъ въ Калькуту и оттуда черезъ Делли, Агру, Аллага-Бату, Лагоръ, Кабулъ, Балкъ, Великую Бухарію, Самаркандъ, Хиву, Грегъ, Киргизскія степи въ Оренбургъ. Путешествіе сіе могло бы, можетъ быть, рѣшить вопросъ европейскихъ политиковъ: можетъ ли Россія внести оружіе свое въ остъ-индійскія англинскія владѣнія, можетъ ли она повсюду находить себѣ нужное продовольствіе и уничтожить владычество англичанъ въ Индіи? Нельзя сказать, чтобы я не хотѣлъ быть полезнымъ Отечеству. Я не получилъ отвѣта.

Въ декабрѣ того же 1819 года изъ Барцелоны я просилъ уволить меня отъ фрунтовой службы и позволить мнѣ состоять въ свитѣ или по гвардіи, или по арміи, или даже употребить меня по статской службѣ, увѣдомивъ меня поспѣшнымъ образомъ, дабы я могъ въ то же время возвратиться въ Россію и избавиться отъ издержекъ. Нельзя сказать, чтобы я не хотѣлъ возвратиться въ Россію. Никакого отвѣта.

Въ февралѣ 1820 года изъ Лондона я увѣдомлялъ государя, что графу Ливену и генеральному консулу Дубачевскому, которой имѣлъ дѣло мое на своихъ рукахъ, извѣстно было, что коляска моя съ сундуками, которая находилась на палубѣ корабля, брошена была въ море въ минуту бѣдствія, и я, будучи доведенъ до величайшей крайности, остался въ одной, такъ сказать, рубашкѣ и зашелъ въ

неоплатные долги. Государю извѣстно, что 20-ти тысячъ едва достаточно генералу, чтобы поддерживать званіе. Увѣдомляя, что жалованья моего и аренды недостаточно уплачивать проценты долговъ моихъ, коихъ простирается до 40 тысячъ, я просилъ Его Величество приказать выплатить оные и спасти чрезъ то честь генерала, которому Онъ нѣкоторымъ образомъ обязанъ (ежели вспомнитъ Малой-Ярославецъ и послѣдствія онаго) и котораго кровь для чести Отечества истекала изъ восьми ранъ. А дабы устроить однимъ разомъ и навсегда мое состояніе, просилъ также пожаловать мнѣ нѣкоторую сумму денегъ на 20 лѣтъ и такую аренду, которой было бы достаточно для прожитія по званію моему и на многіе годы по примѣру другихъ. Нельзя сказать, что ребенокъ молчитъ, мать не разумѣетъ.

Никакого отвѣта.

Я отправился въ С.-Петербургъ въ намѣреніи лично объяснить все Государю и, не заставъ его императорское величество, оставилъ службу и удалился.

Вы спросите меня, что за причина такому невниманію Государя, что и самое слово честь не могло преклонить на просьбы мои? Богомъ вамъ клянусь, что не знаю. При отъѣздѣ моемъ Государь сказалъ мнѣ, что никогда не забудетъ моей службы. Я отвѣчалъ его величеству, что я не имѣю другаго покровителя, какъ только мою службу и что на Его одного моя надежда, въ случаѣ ежели бы враги мои захотѣли очернить меня предъ нимъ. Они успѣли. Сумнѣвается ли Государь въ моей любви и приверженности къ нему? Пусть вспомнитъ минуту прощанія и судитъ по тому о моихъ чувствахъ. Я не лицемѣрю. Думаетъ ли онъ, что я сдѣлался развратнымъ? Пусть изслѣдуетъ мою жизнь: я даже не имѣю средствъ къ развратной жизни.

Въ одно время я былъ 27 дней безъ обѣда, питаясь только чаемъ, въ другое—я не имѣлъ золотой монеты заплатить лекарю за операцію, который отказался принять, зная, что я не платилъ нѣсколько мѣсяцевъ за квартиру, и ожидая конца жизни съ часу на часъ, одинъ только l'instinct de sa conservation, какъ говоритъ Руссо, внушилъ мнѣ средство, которое меня спасло.

Толстые отличались всегда праводушіемъ, съ которымъ они говорили истинну государямъ своимъ, а потому прошу васъ оправдать мои поступки и увѣрить Государя въ моей къ нему любви и приверженности.

Имѣю честь быть съ истиннымъ моимъ почитаніемъ и преданностію вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Александръ Сеславинъ.

Сообщ. Кн. П. А. Путятинъ.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

1828—1889.

ЗАМѢТКА.

Въ книгѣ ноябрь «Русской Старины», изд. 1889 г., т. LXIV, помѣщены любопытныя воспоминанія А. И. Розанова о Н. Г. Чернышевскомъ; для будущаго біографа будутъ очень цѣнны эти теплыя строки, въ которыхъ передаются впечатлѣнія стараго школьнаго товарищества, въ ихъ тогдашней юношеской окраскѣ. Считаю нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя фактическія исправленія.

Годъ рожденія Н. Г. Чернышевскаго не 1826, а 1828 (12-го іюля). Время пребыванія въ семинаріи, сколько помню въ настоящую минуту, было не три, а два года, причемъ Н. Г. вовсе не былъ въ такъ называемомъ низшемъ отдѣленіи, и прошелъ, если не ошибаюсь, второй годъ курса «реторики» и первый годъ курса «философіи».

Изученіе восточныхъ языковъ было имъ только начато, и болѣе основательныя свѣдѣнія онъ пріобрѣлъ въ татарскомъ языкѣ, которымъ занимался съ знакомцемъ нашего семейства, Г. С. Саблуковымъ, тогда преподавателемъ саратовской семинаріи, а съ конца 1840-хъ гг.— профессоромъ восточныхъ языковъ въ Казанской духовной академіи.

Не точны также свѣдѣнія о домашнемъ обученіи Николая Гавриловича, которое почти исключительно было дѣломъ его отца. Смерть отца не была слѣдствіемъ ареста Н. Г.; отецъ его умеръ осенью 1861 года, а арестъ былъ въ іюлѣ 1862 года; но могло быть, что въ первомъ изъ этихъ годовъ доходили до Саратова какіе-нибудь нелѣпые слухи.

А. Н. Пыпинъ

11-го Ноября 1889 года.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ

наканунѣ Крымской войны.

Покойный дѣйствит. ст. сов. Алексѣй Петровичъ Евреиновъ († 19-го марта 1886 г.), бывшій весьма приближеннымъ лицомъ къ покойному государственному канцлеру, графу Нессельроде, передалъ намъ однажды слѣдующій разсказъ, относящійся ко времени передъ началомъ Крымской кампаніи. Вотъ въ краткихъ словахъ этотъ разсказъ.

Графъ Нессельроде былъ убѣжденъ, что Россія, въ случаѣ войны съ Турціею, останется изолированною и что, наоборотъ, Турція будетъ поддержана Франціей и Англіей, союзъ которыхъ можно было уже предвидѣть. Онъ неоднократно, по этому поводу, откровенно высказывалъ свой взглядъ императору Николаю Павловичу на тогдашнее политическое положеніе Россіи. Въ одинъ изъ обычныхъ своихъ докладовъ, замѣтивъ, что государь совершенно рѣшился на разрывъ съ Турціей и, не успѣвъ отговорить его отъ принятія рѣшительныхъ мѣръ, графъ Нессельроде счелъ нужнымъ обратиться къ бывшему тогда еще графомъ А. Ѳ. Орлову, пользовавшемуся отмѣннымъ довѣріемъ Николая Павловича, дабы убѣдить государя послушаться совѣтовъ своего министра иностранныхъ дѣлъ. Чтобы добиться этого, графъ Нессельроде пригласилъ графа Орлова пріѣхать къ нему обѣдать. Графъ пріѣхалъ и здѣсь, за обѣдомъ, поданнымъ на ломберномъ столѣ, вдвоемъ, въ интимной бесѣдѣ, канцлеръ описалъ другу государя то незавидное положеніе, въ которомъ, въ случаѣ войны, очутится Россія. Слова графа Нессельроде подѣйствовали на графа Орлова. Онъ прямо, послѣ обѣда, отправился въ Зимній дворецъ, а оттуда—въ Михайловскій театръ, гдѣ находился въ тотъ вечеръ государь. Графъ Орловъ передалъ Николаю Павловичу разговоръ свой съ канцлеромъ и, казалось, успѣлъ убѣдить его, что война невозможна при томъ международномъ положеніи, которое Россія занимала

въ то время въ Европѣ. По окончаніи спектакля, графъ Орловъ заѣхалъ къ канцлеру, ожидавшему его съ нетерпѣніемъ, и успокоилъ его, сказавши, что государь самъ отлично сознаетъ невозможность войны въ виду враждебнаго настроенія къ Россіи со стороны Англіи и Франціи и не имѣя никакого основанія разсчитывать на какіе-либо союзы. Слова приближеннаго человѣка и друга императора Николая Павловича совершенно разсѣяли опасенія канцлера: онъ считалъ войну отложенною въ дальній ящикъ. Каково же было его удивленіе, когда на другой день, вечеромъ, государь извѣстилъ его — графъ Нессельроде, вслѣдствіе страданій отъ подагры, не оставлялъ своей квартиры—что войскамъ посланъ съ фельдъегеремъ приказъ занять княжества, что, въ тогдашнюю критическую минуту, можно было считать прямо объявленіемъ войны Турціи, за спиной которой уже стояли Франція и Англія.

Вотъ какъ покойный государь Николай Павловичъ рѣшалъ международные вопросы, и двадцать-пять лѣтъ Европа вся, отъ Стокгольма до Лиссабона, отъ Парижа до Константинополя, прислушивалась къ его могучему голосу. Но тутъ—тутъ фортуна измѣнила ему... Провидѣнію угодно было, чтобы онъ не увидѣлъ результатовъ этой совершенно безполезной войны.

М — въ.

С.-Петербургъ.
24-го февраля 1887 г.

ѲЕДОРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ МИРКОВИЧЪ

1789—1866.

Къ 25-му ноябрю 1889 года издана, въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, почти въ видѣ рукописи, всего, какъ мы слышали, въ 100 экз., объемистая и полная историческаго интереса книга, подъ выписаннымъ заглавіемъ, Спб., 1889 г., въ б. 8 д., стр. 450+269. Книга заключаетъ въ себѣ жизнеописаніе генерала отъ инфантеріи Ѳедора Яковлевича Мирковича, составленное по собственнымъ его запискамъ, дневникамъ, замѣткамъ, воспоминаніямъ близкихъ людей и подлиннымъ документамъ.

Ѳедоръ Яковлевичъ былъ именно однимъ изъ тѣхъ русскихъ государственныхъ дѣятелей, безукоризненно честная, благородная и гуманная личность котораго прекрасно проявилась во всей его многолѣтней службѣ Царю и Отечеству на всѣхъ, вполнѣ высокихъ, постахъ которые онъ занималъ, и дала потомству много завѣтовъ чести и добра.

Весь трудъ «Жизнеописанія Ѳ. Я. Мирковича» состоитъ изъ четырнадцати главъ и множества документовъ въ приложеніи. Первыя двѣ главы состоятъ изъ воспоминаній самого Ѳедора Яковлевича, написанныхъ имъ въ 1859 и 1862 годахъ, когда ему было уже за 70 лѣтъ; повѣствуетъ онъ здѣсь о происхожденіи фамиліи Мирковичей, о бракѣ отца съ М. Г. Головня; о родителяхъ, братьяхъ и родственникахъ матери; переѣздѣ въ С.-Петербургъ; любопытныя подробности о Пажескомъ корпусѣ и о производствѣ автора въ офицеры. Далѣе Ѳедоръ Яковлевичъ дѣлаетъ обзоръ всего внутренняго быта русскаго общества въ разныхъ его слояхъ и проявленіяхъ въ са-

момъ началѣ текущаго столѣтія; передаетъ интересныя подробности о времени Павла I, о службѣ и бытѣ гвардіи и затѣмъ ставитъ читателя лицомъ къ лицу предъ населеніемъ столицы наканунѣ Отечественной войны.

Участникъ великихъ войнъ 1812—1814 годовъ, сильно раненый подъ Бородинымъ, Ѳ. Я. сохранилъ много подробностей объ этихъ походахъ въ своемъ дневникѣ, который онъ велъ, находясь въ рядахъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, куда вышелъ изъ Пажескаго корпуса въ 1809 г.; подробности эти иногда слишкомъ мелочныя, но зато они даютъ значеніе его дневнику, цѣликомъ явившемуся теперь въ третьей и четвертой главахъ книги, — какъ источнику основному для исторіи лейбъ-гвардіи Коннаго полка, къ которому принадлежалъ Ѳ. Я. Мирковичъ.

Въ 1828—1834 годахъ мы видимъ Ѳедора Яковлевича на высокомъ военно-дипломатическомъ посту въ Молдавіи и Валахіи въ званіи вице-президента дивановъ. На этомъ посту и въ краѣ, деморализованномъ продолжительнымъ турецкимъ гнетомъ, Ѳ. Я. Мирковичъ явилъ много такту и тонкаго ума, много любви къ труду и способности трудиться, почему и обратилъ на себя вниманіе императора Николая Павловича; государь отличилъ въ генералѣ Ѳ. Я. Мирковичѣ человѣка способнаго къ исполненію административныхъ обязанностей на высшихъ постахъ. Интереснымъ сказаніемъ о представленіи императору Николаю Павловичу—по возвращеніи изъ Молдавіи въ С.-Петербургъ—заканчивается пятая глава: «1828—1834 гг. Молдавія».

Въ 1835 году Ѳ. Я. Мирковичъ назначенъ былъ директоромъ втораго кадетскаго корпуса и оставался на этомъ посту пять лѣтъ (до февраля 1840 г.); разсказъ объ этомъ времени, составляя шестую главу обозрѣваемой книги, представляетъ нѣсколько любопытныхъ чертъ для исторіи нашихъ военно-учебныхъ заведеній вообще и 2-го кадетскаго корпуса въ особенности (стр. 118—124).

Въ февралѣ 1840 года ген. Мирковичъ былъ назначенъ виленскимъ военнымъ губернаторомъ съ управленіемъ и гражданской частью, и гродненскимъ, минскимъ и бѣлостокскимъ генералъ-губернаторомъ. Періоду управленія имъ Сѣверо-западнымъ краемъ отведены четыре (VIII—XI) главы его жизнеописанія (стр. 210—329). Здѣсь мы находимъ нѣсколько весьма интересныхъ и немаловажныхъ для исторіи Россіи—времени Николая I—свѣдѣній. Таково, напр., описаніе встрѣчи съ государемъ въ Брестъ-Литовскѣ 13-го августа 1840 г.;

изложеніе взглядовъ Николая Павловича на многіе вопросы, каковы: польскій, еврейскій, западно-русскій [1]) и пр.; подробныя замѣтки о краѣ, веденныя во время его объѣзда; весьма любопытные всеподданнѣйшіе отчеты Ѳ. Я. Мирковича объ общемъ состояніи Сѣверо-западнаго края (1841 и 1845 гг.) и его взгляды и соображенія о различныхъ для края реформахъ; политическія слѣдствія; важнѣйшія мѣропріятія правительства въ краѣ за время управленія Ѳ. Я. Мирковичемъ, и проч. Въ этомъ отдѣлѣ, повторяемъ, особенно много не только любопытнаго, но и поучительнаго, какъ принадлежащее вполнѣ русскому государственному дѣятелю, администратору проницательному, опытному и просвѣщенному.... Читая здѣсь многія страницы (напр. стр. 257—259—264, 287, 292, 319 и 329), невольно пожалѣешь, что дневники, замѣтки, всеподданнѣйшіе отчеты генералъ-губернатора Мирковича (1840—1850 гг.) за время нахожденія его во главѣ Сѣверо-западной Россіи не сдѣлались достояніемъ печати тогда-же въ 1850-хъ годахъ; тогда, кто знаетъ, быть можетъ не было бы нѣкоторыхъ ошибокъ и упущеній, которыя имѣли мѣсто при непосредственныхъ преемникахъ этого умнаго государственнаго человѣка, съ января 1850-го по 1863-й годъ. Но у насъ весьма долго не хотѣли признавать практической пользы обнародованія, такъ сказать, «вчерашней исторіи», что однако такъ усердно и съ такою пользою для своего отечества дѣлаютъ иностранцы;—у насъ все еще охотнѣе держатъ эту исторію подъ спудомъ, все не хотятъ учиться изъ недавно-пережитаго опыта, оттого нигдѣ и нѣтъ такихъ мастеровъ, какъ на нашей матушкѣ святой Руси, повторять ошибки пережитыя и начинать канитель съизнова, платясь каждый разъ за науку кровью, деньгами и общею сумятицею...

Книга «Ѳ. Я. Мирковичъ» мѣстами такъ любопытна, что мы, глядя на нее какъ на рукопись, приведемъ, съ разрѣшенія издателей, въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ «Русской Старины», изд. 1890 г., нѣкоторыя страницы цѣликомъ.

Издана книга весьма изящно, на отличной бумагѣ, заботливо редактирована украшена прекраснымъ портретомъ Ѳ. Я. Мирковича.

Ред.

---

[1]) Этотъ особенно интересный эпизодъ изъ записокъ М. Ѳ. Мирковича былъ первоначально напечатанъ въ «Русск. Ст.» 1886 г., т. LI, стр. 305—334.

Августъ Ивановичъ Мясковскій

генералъ отъ инфантеріи.

Въ октябрьской книгѣ «Русской Старины», изд. 1889 г., т. LXIV, помѣщены воспоминанія Теобальда, гдѣ во II отдѣлѣ сказано: что онъ получилъ предписаніе отъ начальника главнаго штаба генералъ-адъютанта Крыжановскаго, отъ 29-го апрѣля 1862 года, за № 1907, о томъ, что онъ назначенъ членомъ слѣдственной комиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ командира Ладожскаго пѣхотнаго полка, полковника Мясковскаго (нынѣ умершій).

Въ то время, дѣйствительно, командовалъ г. Мясковскій Ладожскимъ полкомъ и онъ былъ предсѣдателемъ помянутой комиссіи, но онъ до сихъ поръ, благодаря Бога, живъ, состоитъ въ чинѣ генерала отъ инфантеріи, и съ самаго начала изданія журнала «Русской Старины» состоитъ подписчикомъ этого журнала.

Долгомъ считаемъ, къ сожалѣнію поздно замѣченную нами, ошибку исправить съ искреннимъ пожеланіемъ уважаемому генералу А. И. Мясковскому долгой и долгой жизни.

Ред.

Сельскій священникъ Аѳанасій Сильвестровъ

Во II-й кн. «Русской Старины» изд. 1889 г., томъ LXI, помѣщена «Жизнь Аѳанасія Сильвестрова, сельскаго священника, въ иночествѣ Захарія. Его автобіографія».

Теперь мы можемъ сообщить о немъ біографическія свѣдѣнія.

Аѳанасій, переславской округи, села Вашекъ, сынъ умершаго дьячка Сильвестра Иванова, въ училищахъ не обучался. Въ 1788 г., по указу Переславской духовной консисторіи, опредѣленъ въ село Вашки въ пономари и посвященъ въ стихарь преосвященнымъ Ѳеофилактомъ, епископомъ переславскимъ и дмитровскимъ; въ 1798 году указомъ Суздальской духовной консисторіи переименованъ въ дьячки въ то же село Вашки; потомъ 1803 г. марта 15-го дня рукоположенъ въ оное же село въ священника преосвященнымъ Ксенофонтомъ, епископомъ владимірскимъ и суздальскимъ; 1831 г. сентября 30-го дня, по желанію своему, указомъ Владимірской духовной консисторіи опредѣленъ въ Переславскій Троицкій-Даниловъ монастырь въ число братства; въ монашество постриженъ, съ именемъ Захарія, по указу той-же консисторіи, 1836 года февраля 23-го дня, въ томъ-же Даниловомъ монастырѣ. Скончался въ 1840 году.

А. В. Смирновъ.

Николай Михайловичъ Пржевальскій.

Императорское Русское Географическое Общество сообщило, за подписью своего вице-предсѣдателя П. П. Семенова, нижеслѣдующее циркулярное письмо, отъ 25-го октября 1889 года, за № 2222:

Милостивый государь Михаилъ Ивановичъ!

Вашему превосходительству, какъ просвѣщенному дѣятелю на поприщѣ общественнаго служенія, извѣстно имя и значеніе Николая Михайловича Пржевальскаго, столь безвременно исторгнутаго смертью у науки и отечества.

Державному хозяину Русской земли, Государю Императору, благоугодно было Самому озаботиться сооруженіемъ великолѣпнаго памятника величайшему русскому путешественнику нынѣшняго вѣка надъ его одинокою могилою, на берегахъ озера Иссыкъ-куля, гдѣ онъ нашелъ преждевременную смерть, въ городѣ, которому Высочайшею волею на вѣки присвоено отнынѣ славное имя покойнаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Государю Императору благоугодно было соизволить на открытіе повсемѣстной по Россіи подписки для составленія капитала на учрежденіе при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ преміи и медали имени Н. М. Пржевальскаго, для выдачи русскимъ путешественникамъ и изслѣдователямъ на полѣ географической науки, въ награду за понесенные на этомъ поприщѣ труды.

Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, озабочиваясь обезпеченіемъ успѣха означенной подписки, поручилъ мнѣ обратиться къ вашему превосходительству съ усерднѣйшею просьбою оказать посильное содѣйствіе къ достиженію намѣченной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, съ Высочайшаго соизволенія, вышеизложенной патріотической цѣли.

При семъ, имѣю честь препроводить вамъ подписной листъ за

№ 1894 для сбора пожертвованій и брошюру, посвященную памяти Н. М. Пржевальскаго.

Подписной листъ съ собранными по немъ пожертвованіями имѣетъ быть отосланъ обратно въ Императорское Русское Географическое Общество не позже, какъ черезъ годъ отъ вышеписаннаго числа. Имена жертвователей будутъ опубликованы.

Заранѣе принося вашему превосходительству выраженіе искреннѣйшей благодарности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за то, что вы признаете возможнымъ сдѣлать по настоящему къ вамъ обращенію, прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Его П—ству М. И. Семевскому.

Петръ Семеновъ.

От ъ Ред. Усердно приглашаемъ нашихъ многочисленныхъ читателей откликнуться на настоящій призывъ и, не стѣсняясь размѣромъ пожертвованій, хотя бы въ отдѣльности отъ каждаго лица самыхъ незначительныхъ, направлять таковыя либо непосредственно въ «Императорское Русское Географическое Общество», либо туда-же—чрезъ посредство редакціи «Русской Старины».

Ред.

МИХАИЛЪ ПЛАТОНОВИЧЪ МИТКОВЪ

† 6-го ноября 1889 г.

Въ 1880 г. Михаилъ Платоновичъ Митковъ былъ выбранъ членомъ исполнительной при Спб. гор. думѣ училищной комиссіи (нынѣ комиссія по народному образованію) и получилъ въ завѣдываніе девять городскихъ школъ. Впослѣдствіи, съ 1886 — 1887-го учебнаго года, число это возрасло до двадцати.

Вступивъ въ завѣдываніе училищами, онъ, съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности члена-попечителя, обрисовалъ себя, какъ человѣка въ высшей степени правдиваго, разумнаго и добраго. Правда, онъ былъ требователенъ и насколько самъ былъ исполнителенъ, настолько требовалъ этой аккуратности и отъ другихъ. «Лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ дѣлать его вполовину»,— часто говаривалъ покойный. По природѣ скрытный, осторожный, даже, казалось, холодный,—онъ невольно проявлялъ свою чистую душу и любящее сердце въ кругу дѣтей.

При посѣщеніи школъ въ классное время, на рождественскихъ-ли елкахъ, куда онъ приходилъ первый и уходилъ послѣдній, и которыя дѣлались отчасти и на его счетъ,— надо было видѣть радость дѣтей при его появленіи. Онъ собою освѣщалъ праздникъ, и если ему, по болѣзни, не приходилось быть на елкѣ, дѣти говорили: «Было скучно оттого, что не было Михаила Платоновича».

Онъ не умѣлъ направо и налѣво расточать ласку, но каждое его привѣтливое слово, каждая шутка радовали дѣтей.

Начнутся-ли экзамены,—онъ заранѣе позаботится, чтобы дѣти были на его счетъ накормлены завтракомъ, чтобъ они отдохнули, чтобъ они напрасно не утомлялись: «Купите имъ еще по яблоку и по пирожному, — это ихъ порадуетъ», — заботился онъ о дѣтяхъ.

По большимъ праздникамъ, когда выдавались училищамъ билеты на посѣщеніе цирка или театра, или весной, когда начинались прогулки дѣтей въ Зоологическій садъ, въ Павловскъ, или Царское,—М. П. радовался будто самъ былъ ученикомъ и самъ собирался быть въ числѣ гуляющихъ. Совѣстно было отказываться отъ прогулки, потому что, въ лицѣ дѣтей, отказывалось въ удовольствіи и Михаилу Платоновичу.

Съ 1881 года выбранный въ предсѣдатели «Общества пособія бѣднымъ учащимся въ городскихъ школахъ», онъ создалъ капиталъ за 47,000. Ежегодные базары, концерты или вечера, которые устраивались въ пользу Общества, утомляли всѣхъ участвовавшихъ, онъ же одинъ былъ, повидимому, бодръ, хотя каждому было ясно, по его утомленному лицу, что онъ насилу ходитъ. Не присаживаясь ни на минуту съ 11-ти или 12-ти час. утра и до 9—10-ти час. вечера, онъ радовался, когда видѣлъ успѣхъ базара. «Вотъ и лишняя сотня дѣтей будетъ накормлена, одѣта и обута»,—говаривалъ онъ.

Въ послѣднее время, послѣ смерти А. А. Краевскаго, Михаилъ Платоновичъ много работалъ въ комиссіи по народному образованію. Его требовательность неуклоннаго исполненія обязанностей, быть можетъ, кой-кому изъ учащихъ въ школахъ его района была немножко тягостна, но кто же захочетъ заглянуть въ тайникъ сердца и прочесть причины, ея вызывающія? «Я сознаю,—говорилъ онъ незадолго до смерти,—что присущія мнѣ чувства требовательности и строгости не изъ тѣхъ, которыя привязываютъ къ себѣ, а скорѣе возстановливаютъ,—но измѣниться я не могу».

А сколько добра дѣлалъ этотъ человѣкъ, котораго многіе называли «бездушнымъ бариномъ!» Сколько добра онъ дѣлалъ цѣлымъ семействамъ, которыя никогда объ этомъ и не скажутъ. Я знаю, что существовали десятки людей, которые, въ продолженіе многихъ лѣтъ жизни, существовали исключительно его помощью. Но правая рука его давала такъ, что и лѣвая объ этомъ не знала. Это былъ истинный христіанинъ - благотворитель.

Миръ твоему праху! Вѣчная тебѣ и вѣчно-добрая память!

Одна изъ учительницъ въ Спб. нач. гор. училищахъ.

12-го ноября 1889 г.
Спб.

ВАСИЛІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ КЛОКАЧЕВЪ

† 9-го ноября 1889 г.

9-го ноября, въ три часа дня, въ Царскомъ-Селѣ скончался одинъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ мировыхъ судей города С.-Петербурга, Василій Николаевичъ Клокачевъ.

Представитель старинной чисто русской дворянской фамиліи Псковской губерніи, Великолуцкаго уѣзда, Клокачевъ, сынъ заслуженнаго моряка, самъ былъ по воспитанію и началу службы морякъ, а затѣмъ офицеръ л.-гв. Семеновскаго полка... Извѣстно, что именно въ рядахъ гвардейцевъ, также моряковъ и офицеровъ арміи императоръ Александръ II нашелъ множество вѣрныхъ, разумныхъ, честныхъ и самоотверженныхъ исполнителей своихъ великихъ реформъ.. Это они, эти доблестные офицеры, были проводниками въ плоть и кровь русскаго народа тѣхъ великихъ законоположеній, которыя были дарованы Царемъ-Освободителемъ для устроенія быта народа и для суда праваго, скораго и милостиваго... Изъ ихъ рядовъ вышли многіе мировые посредники и мировые судьи... Василій Николаевичъ $17^1/_2$ лѣтъ былъ мировымъ судьею и «хотя не былъ юристомъ по образованію, но по отзыву лицъ, его близко знавшихъ, добросовѣстный трудъ, любовь къ дѣлу и многолѣтняя опытность составили ему справедливую репутацію одного изъ лучшихъ мировыхъ судей, а безукоризненная, рыцарская честь, прямота характера, высокія душевныя качества, рѣдкое гостепріимство и всегдашняя готовность совѣтомъ и дѣломъ придти на помощь нуждающемуся, создали ему высокое нравственное положеніе въ обширномъ кругу знавшихъ его» [1]).

---

[1]) Некрологъ В. Н. Клокачева помѣщенъ въ газетѣ «Новости» 10-го ноября 1889 г., № 316.

Въ камерѣ мироваго судьи (Спб., 4-го участка Спасской части, по Екатерингофскому проспекту, д. Лихачева) собралось 14-го ноября множество лицъ, знавшихъ покойнаго, вмѣстѣ помолиться за поминъ души опочившаго. Мѣстный священникъ, о. протоіерей В. М. Михайловскій, предъ началомъ молитвы, сказалъ искреннее доброе слово въ память опочившаго В. Н. Клокачева, каковое слово мы и сохраняемъ на страницахъ «Русской Старины». Вотъ оно:

«На печально-торжественномъ семъ собраніи въ стѣнахъ зданія, гдѣ усопшимъ, нами нынѣ поминаемымъ, вѣщалось слово мира, правды, любви и уваженія къ ближнему, его имени, чести и имуществу, да позволено мнѣ остановить ваше вниманіе на нѣсколько минутъ къ моимъ словамъ объ усопшемъ.

«Смерть неумолима. Законы природы непреложны. Общественная сила, дѣятельная, благотворная оставила насъ, израсходовавшись въ служеніи ближнимъ. Вѣчная память ей!

«Но и среди этихъ печальныхъ воспоминаній, какъ проблескъ свѣта въ полумракѣ, даютъ о себѣ чувствовать два отрадныхъ явленія и два утѣшительныхъ наблюденія. Во-первыхъ, при поминовеніи умершаго отрадно видѣть преемникамъ его дѣланія по службѣ, что, значитъ, честное, христіанское служеніе мироваго судьи не забывается свидѣтелями его службы — не легкой, но весьма почетной и благополезной; что, значитъ, нужно только дѣло вести по совѣсти и знаючи. А мировой судья, по самому своему назначенію и названію, есть свѣточъ участка, куда онъ поставленъ. Онъ постоянно имѣетъ открывать и прилагать въ жизни всѣ добрыя свойства своей души. Онъ творитъ судъ и правду, но правду не безпощадную; являетъ въ рѣшеніи дѣлъ милость, но осторожно, безъ оскорбленія интересовъ пострадавшаго; онъ вѣстникъ мира среди возбужденныхъ душъ; онъ караетъ преступника, отечески жалѣя и щадя его душу, въ надеждѣ исправленія. Да, много, много нужно мировому судьѣ имѣть и ума, и сердца, и опытности, и доступности для людей, отзывчивости, и знанія жизненныхъ условій и характеровъ какъ обиженныхъ, такъ и обидѣвшихъ. Мировой судья въ участкѣ — это то же, что истинный священникъ въ приходѣ. Онъ долженъ и радоваться съ радующимися, и плакать съ плачущими — все въ участкѣ своемъ воспринимать къ сердцу, сочувствуя благу и ратуя противъ зла, уменьшая раздоры, предупреждая преступленія и развитіе ихъ. Однимъ словомъ, онъ, по Апостолу, долженъ быть всѣмъ вся, да всяка нѣкія спасетъ, прилагая судъ и правду, миръ и милость. Если у кого, то у мироваго судьи милость и истина срѣтаетися, правда и миръ облобызаетися. Такое рѣдкое, дивное и мудрое сочетаніе добродѣ-

телей и видѣли обыватели сего прихода въ почившемъ Василіи Николаевичѣ. Да удостоитъ его Господь царства небеснаго!

«Второе отрадное явленіе на семъ печальномъ торжествѣ—это признаніе обществомъ заслугъ умершаго труженика. Хлопотлива служба мироваго судьи, невзрачна его обстановка, скучно разбирательство человѣческихъ преступленій и ошибокъ, тягостно видѣть и раздраженное самолюбіе изъ-за пустяковъ. И тѣмъ не менѣе онъ все это долженъ перечувствовать въ сердцѣ своемъ; потомъ освѣтить всѣ эти печальныя явленія жизни, благоустроить, страсти успокоить или пресѣчь какъ бы ножемъ хирурга. Дѣлаетъ онъ свое дѣло такъ—ему въ обществѣ, въ стоустой молвѣ, честь и слава, почетъ и благодарность. Ему тогда легче и трудиться, и по смерти имя его будетъ благословляться признательными душами бывшихъ свидѣтелями его дѣланія.

«И вамъ честь, добрые обыватели, сошедшіеся сюда по сердечному уваженію для молитвы объ усопшемъ Василіи. Поминовеніе усопшаго есть высшая добродѣтель, потому что она отличается чистымъ безкорыстіемъ. При жизни добродѣтель живому, какъ бы тамъ ни разсуждали, иногда бываетъ растворена чувствомъ самолюбія, расчетомъ. А по смерти тутъ въ молитвенномъ поминовеніи нѣтъ притоку личнымъ корыстнымъ чувствамъ. Да воздастъ вамъ Господь за ваше доброе отношеніе къ достойному труженику, отдававшему послѣднія свои силы нашему участку, нашему приходу. Да пребудетъ и впредь такое же доброе отношеніе общества къ служащимъ ему членамъ.

«Помолимся объ умершемъ, во спасеніе его духа и въ назиданіе живымъ».

Протоіерей Василій Михайловскій.

1889 г. ноября 14-го.

ПЯТИСОТЛѢТІЕ АРТИЛЛЕРІИ ВЪ РОССІИ

1389 — 1889.

1889-й годъ ознаменованъ торжествомъ весьма рѣдкаго юбилея: пять вѣковъ минуло со времени появленія въ рядахъ доблестнаго россійскаго воинства «огненнаго боя»... Сколько славныхъ, великихъ воспоминаній — подвиговъ самоотверженія, беззавѣтнаго героизма и безстрашной стойкости русскихъ пушкарей старой Руси и артиллеристовъ новѣйшихъ эпохъ — вызываются въ умѣ каждаго русскаго при взглядѣ на полъ-тысячу лѣтъ, пережитыхъ этимъ родомъ войскъ нашихъ вооруженныхъ силъ! Высочайшая грамота Верховнаго Вождя Русскаго народа достойно увѣковѣчила пережитое и отпразднованное въ С.-Петербургѣ 8-го ноября 1889-го года великое торжество.

Грамота эта появилась своевременно во всѣхъ газетахъ. «Русская Старина», много и много разъ печатавшая и имѣющая въ виду много еще разъ печатать сказанія о подвигахъ русской арміи, и въ рядахъ ея — артиллеріи, долгомъ своимъ считаетъ воспроизвести на своихъ страницахъ этотъ государственный актъ — нашего Монарха, въ столь высоко милостивыхъ выраженіяхъ оцѣнившаго пятивѣковыя заслуги Отечеству артиллеріи — этого одного изъ наиболѣе доблестныхъ родовъ россійскаго воинства.

Ред.

I.

«Пять столѣтій тому назадъ, распоряженіемъ великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго, огнестрѣльныя орудія впервые ввезены въ предѣлы древней Руси, чѣмъ и положено начало Нашей артиллеріи.

«Съ тѣхъ поръ доблестные пушкари, въ составѣ нашихъ старинныхъ ратей, неизмѣнно принимали славное участіе въ борьбѣ за единство и цѣлость земли русской, со всѣхъ сторонъ угрожаемой многочисленными и сильными иноплеменными врагами.

«Великій предокъ Нашъ, императоръ Петръ I, создавшій регулярную армію въ Россіи, обратилъ особое вниманіе на развитіе всѣхъ

отраслей артиллерійскаго дѣла и съ юныхъ лѣтъ самъ принялъ званіе капитана бомбардирской роты. Онъ имѣлъ утѣшеніе при жизни своей пожать плоды своихъ заботъ и трудовъ, побѣдоносно сломивъ, при помощи вновь созданной имъ арміи, наиболѣе могущественнаго и грознаго въ то время для Россіи ея врага.

«И въ послѣдующія войны, при помощи которыхъ Августѣйшіе Предшественники Наши утвердили самостоятельность и значеніе Россіи, какъ первостепенной державы, Наша артиллерія показала себя, по своему устройству, — матеріальному и техническому,—и по своему боевому духу, достойною соперницею наиболѣе сильныхъ и благоустроенныхъ европейскихъ артиллерій и обнаружила рѣшающее вліяніе во многихъ сраженіяхъ, покрывшихъ славою русское оружіе.

«Столь же доблестно было служеніе Нашей артиллеріи въ мирное время на всѣхъ поприщахъ подготовки и усовершенствованія техническихъ средствъ и примѣненія новыхъ изобрѣтеній; самостоятельныя работы и ученые труды русскихъ артиллеристовъ нерѣдко обращали на себя общее вниманіе и вносили крупные вклады въ артиллерійскую науку.

«Нынѣ, въ день празднованія юбилея пятивѣковаго достохвальнаго служенія Нашей артиллеріи Престолу и Отечеству, мы сочли за благо засвидѣтельствовать артиллеріи сею грамотою Наше Императорское благоволеніе.

«Мы надѣемся и уповаемъ, что россійская артиллерія и въ грядущемъ сохранитъ неизмѣнными присущій ей духъ военной доблести и самоотверженія на поляхъ брани и духъ неутомимаго труда, энергіи и научнаго усовершенствованія, столь необходимый при современномъ громадномъ развитіи техники, для того, чтобы достойно выдержать борьбу съ какимъ бы то ни было соперничествомъ. Въ сей увѣренности, пребываемъ къ Россійской Артиллеріи Императорскою Нашею милостію неизмѣнно благосклонны».

На подлинномъ Собственною рукою Его Величества написано:

«Александръ».

II.

Рѣчь Государя Императора на торжествѣ пятивѣковаго юбилея Русской артиллеріи.

8-го ноября 1889 г.

«Господа артиллеристы. Я счастливъ, что могу привѣтствовать васъ сегодня съ 500-лѣтнимъ юбилеемъ дорогаго всѣмъ намъ дня и счастливъ, что этотъ рѣдкій юбилей пришелся въ Мое Царствованіе.

«Отъ души благодарю васъ всѣхъ артиллеристовъ, присутствующихъ

и отсутствующихъ, настоящихъ и прежнихъ, за неизмѣнно храбрую боевую службу и увѣренъ, что Наша артиллерія, какъ и вся Наша армія, будетъ отличаться на поляхъ сраженій, какъ и прежде. Не дай Богъ, чтобы это случилось скоро, да избавитъ насъ Господь отъ этого тяжкаго испытанія, но если это случится, то Я увѣренъ, что Наша храбрая артиллерія, какъ и всѣ другіе роды оружія, постоитъ за честь и славу дорогаго Отечества.

«Ура» Нашей артиллеріи!».

Поправки и опечатки.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1889 г., томъ LXIV, книга ноябрь, вкрались нѣкоторыя погрѣшности, каковыя здѣсь исправляются. Записки Одинцова: Клевеманста—Клевеланда. Гапатель—Рапатель? Ѳеодора Тихона—Ѳеодора Тирона. Цѣловъ—Цыловъ.

Къ исторіи Русскаго Общества. Цирк. мин. внутр. дѣлъ, 1845 г. іюля 30, объ отлучкѣ изъ дому проживающаго въ Спб. ротмистра Николая Полеваго 20 л. сына его Никтополеона Полеваго.

Въ означенномъ году Никтополеонъ Полевой помѣщенъ уже былъ въ спискахъ студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, когда сдѣлалось извѣстнымъ исчезновеніе его изъ дому отца, не ротмистра, а литератора Николая Алексѣевича Полеваго, старшій сынъ котораго, Владиміръ Николаевичъ Полевой, былъ тогда студентомъ петербургскаго, а потомъ дерптскаго университетовъ.

Помѣщикъ Николай Ивановичъ Савичъ, по примѣчанію редакціи, прославился, какъ знаменитый ученый. Кромѣ академика и профессора астрономіи Алексѣя Николаевича Савича—другаго ученаго съ этой фамиліей не существовало.

Сообщ. **Ѳ. С. Глинка.**

Въ замѣткѣ о іеромонахѣ Антоніи Бочковѣ («Русская Старина» 1889 г., ноябрь) я сдѣлалъ ошибку: вызовъ іеромонаховъ въ московскіе монастыри сдѣланъ былъ московскимъ митрополитомъ не Филаретомъ, какъ сказано у меня и который умеръ въ ноябрѣ 1867 г., а его преемникомъ—Иннокентіемъ, въ 1872 г. **Кн. Н. С. Голицынъ.**

Ноябрь, стр. 306, 2 строка сверху, напечатано: Карлъ Ивановичъ Мердеръ, должно быть: Карлъ Карловичъ Мердеръ. Стр. 585-я, строка 15 снизу: Яковъ Григорьевичъ, читай: Антоновичъ.

На стр. 582, 3-я строка снизу той-же книги напечатано: Августъ Герке, читай: Антонъ Герке.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1889 г.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ.

Окончивъ второе десятилѣтіе нашего повременнаго историческаго изданія „Русская Старина“, взглянемъ на истекшій годъ и отмѣтимъ, по возможности въ сжатомъ обзорѣ, болѣе выдающіяся Записки и Воспоминанія, очерки и изслѣдованія, жизнеописанія и болѣе интересные матеріалы, помѣщенные въ нашемъ журналѣ за 1889-й годъ.

I.

Во главѣ напечатанныхъ нами въ двадцатомъ году изданія „Русской Старины“ (1889 г.), слѣдуетъ, по давности времени, къ которому относятся Записки, поставить сказанія доблестнаго князя Юрія Владиміровича Долгорукова. Гвардейскій офицеръ, лицо, хорошо извѣстное императрицѣ Екатеринѣ II-й, съ такою проницательностью умѣвшей выбирать себѣ сподвижниковъ, князь Юрій Долгорукій покрытъ лаврами чесменскаго боя и многихъ другихъ побѣдъ русскаго оружія Екатерининскихъ орловъ, о которыхъ онъ и повѣствуетъ въ своихъ сжатыхъ, но весьма содержательныхъ очеркахъ. Неизмѣримо подробнѣе пишетъ его современникъ Андрей Тимоѳеевичъ Болотовъ, живописуя всѣ мелочи быта современнаго ему Россійскаго дворянства XVIII-го вѣка. Мы очень обязаны этому, въ высокой степени достопамятному, старцу. Его Записками мы начали „Рус-

скую Старину“ въ 1870-мъ году и какъ лично, такъ и многочисленные наши читатели испытывали дѣйствительное наслажденіе при чтеніи этой длинной, но чрезвычайно живой хроники быта русскаго дворянства прошлаго столѣтія. Прошло 17 лѣтъ съ того года, когда мы окончили печатаніемъ Записокъ Болотова (1870—1873 гг.), и мы вновь обращаемся къ его жизнеописанію, получивъ слѣдующіе, неизданные томы его автобіографіи, но, увы, уже не рѣшаемся, какъ бывало прежде, изъ книги въ книгу давать его трудъ, а будемъ лишь, время отъ времени, обращаться къ его разсказу. Въ напечатанныхъ въ 1889-мъ году въ „Русской Старинѣ“ главахъ „Жизни А. Т. Болотова“ онъ повѣствуетъ о 1799—1800-хъ годахъ.

Привели мы въ нынѣшнемъ году нѣсколько главъ изъ бойкихъ разсказовъ Александра Михайловича Тургенева, знакомаго читателямъ „Русской Старины“ изъ нашего изданія еще съ 1886-го года. Въ главахъ, помѣщенныхъ въ обозрѣваемомъ году, А. М. Тургеневъ очрчиваетъ весьма характерныя сцены изъ жизни петербургскаго общества за время императора Павла. Къ сожалѣнію, первые по времени и „обязательные“ читатели нашего изданія въ тѣ четверо сутокъ, когда книга еще невѣдома нашимъ подписчикамъ, находятъ разсказы А. М. Тургенева не вполнѣ удобными къ печати; дѣйствительно, Тургеневъ, для краснаго словца, не жалѣетъ сгущать краски въ картинахъ, имъ набрасываемыхъ. И вотъ, эти главы являются съ такими затрудненіями, что мы рѣшаемся ждать—выражаясь языкомъ издателей—„болѣе благопріятныхъ условій“ для возможно полнаго ихъ отпечатанія. Нѣкоторые изъ читателей „Русской Старины“ также находятъ, что разсказы А. М. Тургенева полны ходившими въ современныхъ ему обществахъ фантастическими легендами о тѣхъ или другихъ событіяхъ и лицахъ, но намъ кажется, что появленіе и таковыхъ разсказовъ на страницахъ именно историческаго журнала не безполезно, такъ какъ тутъ же, бокъ о бокъ съ ними, одновременно появляются подлинные матеріалы и серьозныя историческія монографіи, которыя вполнѣ, и уже разъ навсегда, уничтожаютъ ту фальшь, которая можетъ быть вносима записками увлекающихся разскащиковъ, хотя бы эти разскащики и были такіе просвѣщенные люди и съ такими высоконравственными качествами, какими

несомнѣнно былъ одаренъ А. М. Тургеневъ, принадлежавшій къ цѣлой группѣ лучшихъ русскихъ людей своего времени. Ну, за всѣмъ тѣмъ, нельзя—такъ нельзя,—подождемъ... Изъ нашего архива въ 20 лѣтъ выходили, нерѣдко, такіе матеріалы на свѣтъ Божій, для появленія которыхъ, лѣтъ за пять предъ тѣмъ, не было благопріятныхъ условій, а съ другой стороны, въ тотъ же архивъ укладываются сказанія и матеріалы такіе, которые легко-бы могли появиться въ печати въ 1870-хъ годахъ.

Но вотъ время, которое невозбранно предоставлено на всестороннее изученіе,—это эпоха великой Отечественной войны, въ которой свершился такой высокій подъемъ нравственныхъ силъ русскаго народа, и навсегда останется эта эпопея неизсякаемымъ источникомъ для новыхъ и интересныхъ о ней сказаній. Въ 1889-мъ году мы дали трое обширныхъ Записокъ о 1812-мъ годѣ.

Таковы „Записки графа Ѳедора Васильевича Ростопчина", знаменитаго московскаго главнокомандующаго; разсказъ извѣстнаго впослѣдствіи драматическаго писателя, князя А. А. Шаховскаго и, наконецъ, въ высшей степени простодушныя, но не менѣе того драгоцѣнныя сказанія безвѣстной до сихъ поръ Анны Ильинишны Золотухиной († 1814 г.).

Записки Ростопчина издавна уже послужили источникомъ для историковъ Отечественной войны, но за всѣмъ тѣмъ полный его разсказъ, не перемежаемый никакими посторонними вставками, цѣльный, безъ усѣкновеній и безъ критическихъ о немъ замѣтокъ историковъ, преисполненъ высокаго интереса; читая его, положительно нельзя оторваться пока не кончишь,— такъ живо, образно и увлекательно повѣствованіе гр. Ѳ. В. Ростопчина. Пылкая, увлекающаяся, даровитая натура московскаго главнокомандующаго, въ своемъ увлеченіи дѣлавшаго и не мало глупостей, и даже преступленій (напр., убійство Верещагина), цѣликомъ отражается въ его Запискахъ о 1812-мъ годѣ... Кто читалъ „Войну и Миръ" гр. Л. Н. Толстого,—а этотъ романъ-хронику прочла вся образованная Россія,—съ особеннымъ и самымъ живымъ интересомъ прочтетъ Записки о 1812-мъ годѣ гр. Ѳедора Васильевича Ростопчина...

По поводу разсказа князя А. А. Шаховскаго намъ былъ сдѣланъ упрекъ, что этотъ разсказъ былъ-де уже въ печати

26 лѣтъ тому назадъ; но мы этимъ упрекомъ ни мало не огорчаемся, во-первыхъ, потому, что первое изданіе этого разсказа было въ спеціальномъ „Военномъ Сборникѣ" (1864 г.), по крайней мѣрѣ за тотъ годъ уже совершенно забытомъ, такъ и потому, что разсказъ кн. Шаховскаго у насъ явился съ значительно меньшими пропусками, чѣмъ былъ напечатанъ „Военнымъ Сборникомъ". Во всякомъ случаѣ, разсказъ этотъ прямо выводитъ насъ на стогна сожженной Москвы и заключаетъ въ себѣ массу интересныхъ подробностей, воскресить которыя въ памяти любознательнаго читателя не безполезно. Впрочемъ, мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода перепечатывать хотя бы и очень интересные историческіе разсказы, и если случается это, то это дѣлается чрезвычайно рѣдко, по особо уважительнымъ причинамъ и, по возможности, съ надлежащею о томъ оговоркою; архивъ же нашъ, вмѣщая въ себѣ (по 20-е ноября 1889 года) свыше 7,070-ти нумеровъ рукописей, различныхъ объемовъ и различнаго интереса, изъ которыхъ едва лишь 1/3 могла появиться на страницахъ нашего изданія и не менѣе одной трети ждетъ свободнаго мѣста на страницахъ „Русской Старины",—намъ, повторяю, въ виду этого обилія мемуаровъ, очерковъ и матеріаловъ, нѣтъ повода что-либо перепечатывать безъ особенно вѣскихъ причинъ.

„Записки ген. отъ инф. Алексѣя Алексѣевича Одинцова", стараго служаки трехъ государей—Александра I-го, Николая I-го и Александра II-го, принадлежатъ дѣятелю благородному, усвоившему себѣ всѣ лучшія стороны русскихъ людей эпохи Александра I-го: образованный, честный, много видѣвшій Одинцовъ въ своемъ разсказѣ даетъ обильный матеріалъ для знакомства съ современнымъ ему, преимущественно военнымъ, бытомъ, въ особенности же съ жизнью русскихъ въ Варшавѣ въ эпоху полусамостоятельной „конгрессувки" до взрыва 1830-го года. Въ послѣдующихъ главахъ, которыя явятся въ „Русской Старинѣ" въ будущемъ году, А. А. Одинцовъ разскажетъ намъ какъ о польскомъ возстаніи, такъ и о нѣкоторыхъ послѣдующихъ событіяхъ до начала 1840-хъ годовъ. Почтенный авторъ, имѣвшій счастіе въ 1860-хъ гг. быть исполнителемъ воли Царя-Освободителя, вводившій освобожденіе крестьянъ и другія реформы Александра II-го въ одной изъ центральныхъ губерній Россіи, гдѣ онъ былъ губернаторомъ, Записки свои, писанныя въ преклонной старости, завѣщалъ

прямо „Русской Старинѣ“. Это крайне лестное для насъ явленіе не было единичнымъ. Будемъ надѣяться, что и на будущее время примѣръ Одинцова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ не останется безъ подражанія: чѣмъ оставлять мемуары свои въ семьѣ и подвергать ихъ всевозможной случайности, всего лучше если наслѣдники составителей посмертныхъ записокъ будутъ своевременно передавать рукописи или въ извѣстныя книгохранилища, или въ редакціи историческихъ повременныхъ изданій, которыя сохранятъ сообщенное имъ на своихъ страницахъ [1]).

Въ обозрѣваемомъ году нашими читателями весьма былъ замѣченъ „Дневникъ“ академика и профессора Александра Васильевича Никитенко († 1877 г.).

Въ обзорѣ нашего изданія 1888-го года, по поводу Записокъ Никитенко, мы подробно очертили эту высоко-нравственную личность, воспользовавшись художественной характеристикой, принадлежащей перу нашего высокоуважаемаго академика А. Ѳ. Бычкова, ближайшаго друга А. В. Никитенко. Собственно Записки А. В. Никитенко, имъ же обработанныя, заканчиваются 1825-мъ годомъ, и онѣ цѣликомъ вошли въ „Русскую Старину“ 1888-го года. „Дневникъ“-же его есть именно та лѣтопись, по которой онъ собирался продолжать составленіе своихъ Записокъ. Смерть вырвала перо у этого даровитаго высоконравственнаго человѣка и пламеннаго патріота въ наилучшемъ смыслѣ этого слова; но милое семейство Никитенко свято сохранило тетради его дневника, разобрало его записи за длинный рядъ годовъ (1826—1876) и изъ этихъ книжечекъ „Дневника“ русскаго

[1]) А. В. Головнинъ, баронъ Анд. Ив. Дельвигъ, П. К. Менковъ и друг. завѣщали свои мемуары и разные матеріалы въ общественныя книгохранилища (Импер. Публичная библіотека, Севастоп. музей и друг.), при чемъ обусловили вскрытіе этихъ бумагъ едва-ли ни полувѣковыми періодами. Что извѣстные сроки для печатанія таковыхъ мемуаровъ могутъ имѣть мѣсто, это понятно, но что 50-ти-лѣтній срокъ слишкомъ громаденъ—это также вѣрно. Нынѣ человѣчество живетъ съ весьма ускореннымъ пульсомъ. Полъ-вѣка—да вѣдь это цѣлая вѣчность! а между тѣмъ, мемуары видныхъ общественныхъ дѣятелей, жившихъ полною жизнью своего отечества, принимавшихъ въ его судьбахъ самый живой интересъ—въ своихъ сказаніяхъ могутъ сохранить данныя не только интересныя, но прямо полезныя, назидательныя, прямо пригодныя къ жизни не только ихъ потомковъ, но и всего отечества, какъ назиданіе и примѣръ для нихъ. Какъ же хоронить подъ спудомъ на 50 лѣтъ подобные мемуары! Ред.

педагога-профессора, писателя, чиновника, цензора и всегда во всѣхъ положеніяхъ честнѣйшаго человѣка мы увидѣли въ высшей степени драгоцѣнный матеріалъ, изъ года въ годъ рисующій положеніе русскаго образованнаго общества и всего, что дѣлалось въ немъ, въ Петербургѣ, въ періодъ царствованія Николая Павловича. Въ напечатанныхъ до сихъ поръ страницахъ „Дневника“ Никитенко передалъ сказанія о 1826—1843 годахъ. Для исторіи внутренняго быта русскаго общества за время Николая I-го, для исторіи русской печати, вообще для яснаго представленія себѣ положенія русской интеллигенціи за полъ-вѣка тому назадъ, дневникъ покойнаго академика-профессора останется навсегда драгоцѣннѣйшимъ источникомъ; о степени его интереса мы судимъ по нашему собственному впечатлѣнію. Когда мы получаемъ эти тетрадки, одна за другой, отъ его уважаемой дочери Софіи Александровны (даровитой и высокообразованной труженицы въ области современной литературы), мы садимся ихъ читать не медля и, какъ говорится, проглатываемъ отъ строки до послѣдней строки, всегда сожалѣя, что „Дневникъ“ недостаточно подробенъ...

„Дневникъ“ другаго профессора, но не петербургскаго, а московскаго, О. М. Бодянскаго—гораздо скуднѣе, да и самая личность этого, несомнѣнно также весьма благороднаго и безупречнаго, дѣятеля была совершенно въ другомъ родѣ, нежели личность Никитенко. Тѣмъ не менѣе, и тѣ уцѣлѣвшіе обрывки, которые „Русская Старина“ представила изъ „Дневника“ О. М. Бодянскаго, заставляютъ жалѣть, что невѣжество его вдовы, нынѣ покойной, а болѣе того невѣжество налетѣвшихъ на бумаги покойнаго ученаго московскихъ маклаковъ уничтожило бо́льшую часть матеріаловъ, отъ него оставшихся.

Въ обозрѣваемомъ году мы закончили печатаніемъ Записки одесскаго профессора Н. Н. Мурзакевича; онѣ оборвались почти на тѣхъ же годахъ (1848 — 1849), къ которымъ относятся напечатанныя нами въ 1889-мъ году главы „Дневниковъ“ Никитенко и Бодянскаго. Такимъ образомъ, на страницахъ одного года „Русской Старины“ мы имѣли случай представить нашимъ читателямъ интересныя и весьма разнообразныя Записки (дневники), веденныя на сѣверѣ, въ центрѣ и на югѣ Россіи тремя профессорами: Никитенко, Бодянскимъ и Мурзакевичемъ. Все это такіе лѣтописцы русскаго образованнаго обще-

ства, лучше которыхъ едва-ли можно-бы было сыскать полъ-вѣка тому назадъ на пространствѣ всей Россіи...

Съ большимъ удовольствіемъ мы можемъ заявить, что „Дневникъ“ А. В. Никитенко еще долго будетъ тянуться на страницахъ „Русской Старины“, такъ какъ онъ велъ его почти до дня своей кончины въ 1877-мъ году.

Къ той же эпохѣ, царствованію Николая Павловича, обращаетъ вниманіе нашихъ читателей, въ своихъ бойкихъ и живыхъ разсказахъ, одинъ изъ современниковъ того времени, скрывающій свое имя подъ псевдонимомъ Теобальдъ. Сопоставляя эти разсказы-воспоминанія объ исторіи по поводу игрушечнаго орудія Людовика XVI-го, хранившагося въ Динабургскомъ арсеналѣ, также сказаніе его о комиссаріатскомъ дѣлѣ въ Динабургѣ 1848-го года и пр. и пр., мы нисколько не думаемъ равнять эти разсказы съ выше названными дневниками и мемуарами. Въ нашихъ глазахъ первые, въ особенности поденныя записи, несравненно драгоцѣннѣе. Очерки же, подобные разсказамъ г. Теобальда, составляемые, обыкновенно, многіе годы спустя послѣ передаваемыхъ въ нихъ событій, хотя богаты матеріаломъ, но не безъ литературныхъ прикрасъ и не безъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя вводитъ измѣнившая память, а быть можетъ—иногда и желаніе невольное придать больше увлекательности и красоты своему изложенію; тѣмъ не менѣе, очерки г. Теобальда и подобные имъ имѣютъ не маловажный интересъ, особливо, когда принадлежатъ, какъ въ данномъ случаѣ, человѣку наблюдательному и одаренному несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ. Тѣ ошибки фактическія, которыя могутъ въ таковыхъ очеркахъ попадаться, легко возстановляются замѣтками и поправками на основаніи подлинныхъ документовъ, что, между прочимъ, весьма обязательно сдѣлалъ, на страницахъ „Русской Старины“ обозрѣваемаго года, одинъ изъ постоянныхъ и весьма уважаемыхъ читателей этого изданія В. Д. Философовъ, который при этомъ воспользовался случаемъ очертить личность нѣкогда крупнаго, по своему положенію, лица, бывшаго военнымъ министромъ, генерала Сухозанета. А намъ лично всегда особенно пріятно останавливать вниманіе нашихъ читателей на добрыхъ качествахъ въ такихъ дѣятеляхъ, о которыхъ гораздо болѣе сложилось сказаній съ дурной ихъ стороны, нежели съ хорошей.

Однимъ изъ наиболѣе крупныхъ событій вполнѣ государственнаго значенія въ обозрѣваемой нами эпохѣ царствованія Николая Павловича было, конечно, обращеніе греко-уніатовъ въ лоно православной церкви. „Русская Старина", неизмѣнно вѣрная одной изъ постоянныхъ своихъ задачъ — своевременно давать историческую справку, воспользовалась празднованіемъ въ Россіи полу-вѣковаго юбилея помянутаго событія и представила съ одной стороны—Записки весьма интересной личности Терлецкаго, бывшаго въ началѣ фанатическимъ миссіонеромъ греко-уніатскаго исповѣданія и кончившаго жизнь въ нашемъ и его отечествѣ, въ санѣ архимандрита. Съ другой стороны—мы представили весьма почтенный и серьезный трудъ генералъ-лейтенанта П. О. Бобровскаго, начальника военно-юридической академіи въ С.-Петербургѣ, о его дядѣ, профессорѣ бывшаго Виленскаго университета, протоіереѣ — сначала греко-уніатѣ, а потомъ православномъ—М. К. Бобровскомъ; этотъ послѣдній, въ свое время (въ 1820—1848 гг.), стяжалъ большую извѣстность какъ ученый славистъ, внесшій многое въ науку славяновѣдѣнія.

Образованіе молодаго поколѣнія—вопросъ, который всегда будетъ близокъ всему русскому обществу, а особенно близко къ интересамъ этого общества все, что относится до высшихъ разсадниковъ просвѣщенія народнаго, до университетовъ въ нашемъ отечествѣ,—вотъ почему свѣтлые и тяжелые дни въ быту университетовъ одинаково вызываютъ вниманіе ревнителей просвѣщенія. Цѣлый рядъ тяжелыхъ дней въ жизни Казанскаго университета весьма подробно обозрѣлъ въ своихъ сказаніяхъ профессоръ Н. А. Ѳирсовъ и бывшій попечитель Казанскаго учебнаго округа, почетный членъ тамошняго университета, П. Д. Шестаковъ. Первый изложилъ подробности такъ называемыхъ исторій въ быту Казанскаго университета, за время съ 1855 по 1863 годъ, совершенно объективно, на основаніи подлинныхъ архивныхъ дѣлъ; второй, потому ли, что событія гораздо ближе къ намъ, а именно относятся къ 1882 году, или потому, что въ его сердцѣ еще не остыла горечь вынесенныхъ имъ впечатлѣній, но изложилъ событія съ болѣе субъективной точки зрѣнія, но и тотъ и другой сохранили для исторіи нашего просвѣщенія весьма полезныя историческія данныя. Особенно поучительно сказаніе П. Д. Шестакова, какъ человѣка, весьма долго стоявшаго у власти, близкаго

къ одному изъ источниковъ этой власти М. Н. Каткову и человѣку несомнѣнно имѣвшему вліятельное положеніе въ бывшемъ министерствѣ народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго.

Въ архивѣ редакціи „Русской Старины“ мы имѣемъ еще интересныя воспоминанія П. Д. Шестакова, которыми не преминемъ подѣлиться съ читателями нашего изданія.

Въ „Русской Старинѣ“ 1888 года мы впервые дали мѣсто на страницахъ нашего изданія воспоминаніямъ весьма извѣстнаго отечественнаго художника-живописца Василія Васильевича Верещагина. Въ обозрѣваемомъ же 1889 году „Русская Старина“ представила самые разнообразные очерки того же геніальнаго художника; мы печатали ихъ чуть ли ни въ каждой книгѣ. Читатель, конечно, согласится съ нами, что живость и яркость красокъ Верещагина-разсказщика не уступаетъ живости и яркости красокъ Верещагина-художника живописца. Но есть въ немъ и въ его пріемахъ разсказщика нѣкоторыя особенности, которыя вызываютъ неудовольствіе нѣкоторыхъ читателей: человѣкъ, болѣе чѣмъ независимый, совершенно самостоятельный, знающій себѣ цѣну и, быть можетъ, даже слишкомъ хорошо ее знающій, В. В. Верещагинъ не стѣсняется въ своихъ приговорахъ и отзывается о событіяхъ и характеризуетъ лица такъ, какъ они ему представляются, и излагаетъ событія не тѣмъ стилемъ, къ которому привыкли русскіе читатели; но тѣмъ ярче особенности его дарованія и тѣмъ болѣе „Русская Старина“ дорожитъ его разсказами, такъ какъ они представляютъ живой интересъ не только по отношенію къ излагаемымъ Василіемъ Васильевичемъ событіямъ, но, такъ сказать, интересъ по отношенію къ его непосредственно личности, — а личность его, несомнѣнно, стоитъ на той высотѣ, на которой находятся тѣ немногіе отечественные дѣятели, которые составляютъ и составятъ славу и гордость Россіи. Вы можете любить или не любить и даже просто ненавидѣть В. В. Верещагина, вы можете осыпать его какими угодно эпитетами и, въ концѣ концовъ, въ душѣ своей не можете не признать, что онъ мощнымъ своимъ дарованіемъ отвелъ себѣ такое мѣсто, на которомъ стоятъ самые знаменитые отечественные дѣятели, и какъ носитель русской славы и русскаго генія не только въ отечествѣ своемъ, но и далеко за его предѣлами всюду, гдѣ только появлялись его картины, В. В. Верещагинъ

долженъ быть дорогъ каждому русскому, который любитъ свое отечество и гордится лучшими сынами Россіи. И нами руководитъ, въ данномъ случаѣ, вовсе не какое либо дружеское лицепріятіе по отношенію къ Верещагину, тѣмъ болѣе, что мы и не причисляемъ себя не только къ его друзьямъ, но и даже къ близкимъ его знакомымъ, встрѣчавшись съ нимъ лишь пять—шесть не болѣе разъ; но цѣнить его мы всегда будемъ и цѣнить высоко, и въ этомъ будемъ лишь повторять голосъ всего безпристрастнаго русскаго общества.

Возвращаясь къ разсказамъ, воспоминаніямъ, очеркамъ и замѣткамъ Василія Васильевича Верещагина, мы должны признать, что при всѣхъ могущихъ быть невольныхъ, повторяемъ—невольныхъ, ошибкахъ и увлеченіяхъ его, какъ разсказщика, за нимъ, Верещагинымъ, остается несомнѣнное, если не ошибаемся даже критикой признанное, большое литературное дарованіе, большая наблюдательность, мѣткость и яркость характеристикъ, лицъ и событій, а то, что инымъ кажется въ немъ какимъ-то бахвальствомъ, то является простотою манерою изложенія, къ которой не совсѣмъ пріобыкла наша читающая публика, а въ особенности не привыкли тѣ, которые полагаютъ, что о крупныхъ лицахъ и крупныхъ событіяхъ надо говорить съ какою-то особою выдѣланною манерою, а не съ тою искренностью и простотою, какъ Богъ кладетъ на душу и какъ эта душа вполнѣ жизненно откликается на все пережитое, передуманное и перечувствованное.

II.

Въ отдѣлѣ историческихъ изслѣдованій, монографій, „Русская Старина“ 1889 года можетъ указать на новую главу, относящуюся до эпохи заключенія Тильзитскаго міра, обширнаго изслѣдованія извѣстнаго военнаго писателя-историка Н. К. Шильдера.

Даровитый историографъ, какъ извѣстно, предпринялъ обширный трудъ исторіи Александра I вообще и въ особенности исторіи внѣшнихъ сношеній нашего отечества эпохи 1801—1825 годовъ; трудъ этотъ Н. К. Шильдеръ составляетъ въ теченіи уже нѣсколькихъ лѣтъ, имѣя доступъ во всѣ архивы и книгохранилища; при этомъ, не довольствуясь изысканіями въ отечественныхъ

архивахъ, Н. К. Шильдеръ обращается за источниками и въ архивы государствъ иностранныхъ, почему изслѣдованіе его, въ особенности при его служебныхъ еще занятіяхъ (онъ занимаетъ высокій постъ начальника инженернаго училища и академіи), не позволяетъ ему такъ скоро исполнить свою интересную историческую работу, какъ то было бы желательно.

Изслѣдованіе Н. К. Шильдера давно уже обратило вниманіе на себя нашихъ читателей тщательной, вполнѣ критической, обработкой вновь открываемыхъ имъ данныхъ и тѣмъ своеобразнымъ освѣщеніемъ, какое онъ даетъ всей изслѣдуемой имъ эпохѣ и главнѣйшимъ дѣятелямъ того времени. Вообще, если о какомъ трудѣ можно сказать съ чувствомъ полной справедливости, что онъ является новымъ драгоцѣннымъ вкладомъ въ науку отечественной исторіи, то это именно о трудѣ Николая Карловича Шильдера, съ первыми главами котораго уже знакомы читатели „Русской Старины“.

Въ главѣ, помѣщенной въ „Русской Старинѣ“ 1889-го года, историкъ сгруппировалъ малѣйшія черты событій, разыгравшихся въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ 1807-го года на берегахъ и на самой рѣкѣ Нѣманѣ,—событій, заключившихся знаменитымъ Тильзитскимъ миромъ, каковой договоръ сознательно и безсознательно всячески зачерненъ нашими сосѣдями-нѣмцами и недальновидными отечественными писателями, повторявшими то, что указывали имъ нѣмецкіе наши менторы. Повторяемъ, подробности Тильзитскаго мира и характеристики наиболѣе видныхъ дѣятелей, въ немъ участвовавшихъ, изложены Н. К. Шильдеромъ интересно и вполнѣ въ новомъ и весьма яркомъ освѣщеніи.

Ко времени, изслѣдуемому Н. К. Шильдеромъ, относится также предметъ монографіи знаменитѣйшаго европейскаго историка Генриха Вебера. Мы лично познакомились съ нимъ весной 1887-го года, въ Гейдельбергѣ, лишь за годъ до его кончины, и крайне сожалѣемъ, что удовлетворились только первой монографіей, имъ для насъ составленной: „Объ отношеніяхъ Пруссіи къ Россіи въ началѣ царствованія императора Александра Павловича“. Маститый старецъ, въ дни нашего знакомства бывшій еще вполнѣ бодрымъ, предлагалъ намъ продолженіе своего перваго сообщенія, но мы, занятые возвращеніемъ на родину, а затѣмъ и первыми хлопотами, которыя встрѣтили здѣсь послѣ цѣлаго года

отсутствія изъ С.-Петербурга, не отвѣтили своевременно на предложеніе славнаго историка, а между тѣмъ, смерть уже стояла за знаменитымъ Веберомъ и уложила маститаго 82-хъ-лѣтняго старца въ могилу...

Другія изслѣдованія, представленныя нами въ обозрѣваемомъ году, имѣютъ характеръ историко-біографическихъ очерковъ, нерѣдко, впрочемъ, довольно обширныхъ. Такъ, по собраннымъ въ теченіи болѣе 20-ти лѣтъ всевозможнымъ бумагамъ, относящимся до Гавріила Степановича Батенкова, „Русская Старина" представила весьма обстоятельный очеркъ его многострадальной жизни. Сподвижникъ Сперанскаго въ его реформахъ въ Сибири, въ 1820-хъ годахъ, временно приближенный Аракчееву, который, однако, быстро охладѣлъ къ Гавріилу Степановичу, такъ какъ не выносилъ ума, дарованія, и въ особенности не терпѣлъ самостоятельности мнѣній, а требовалъ лишь приниженности, холопьихъ къ себѣ отношеній, — Батенковъ весьма выдѣлялся въ служиломъ русскомъ обществѣ первой четверти текущаго столѣтія. Оскорбленное-ли самолюбіе, голосъ-ли честолюбія и сознанія своихъ способностей, не находившихъ надлежащаго удовлетворенія, что бы то ни было, но Батенковъ примкнулъ къ „Сѣверному" тайному обществу, впослѣдствіи къ такъ-называемымъ „декабристимъ", и испилъ съ ними чашу страданій; испитая имъ чаша была, впрочемъ, преисполнена такой горечи, что невозможно представить себѣ, какъ природа человѣка могла выдержать то, что вынесъ этотъ весьма умный, весьма образованный русскій дѣятель; заключенный въ Швардгольмѣ, одной изъ финляндскихъ крѣпостей, а затѣмъ погребенный въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости, Г. С. Батенковъ не выходилъ на свѣтъ Божій почти 20 лѣтъ, что составляетъ не менѣе $^1/_3$ нормальной жизни человѣка; провѣтренный затѣмъ ссылкою въ Сибирь, Батенковъ настолько сохранилъ свѣжесть ума и свои прекрасныя способности, что нашелъ въ своемъ сердцѣ самый живой и самый искренній откликъ на великія реформы своего освободителя—императора Александра II-го. Въ напечатанныхъ нами многочисленныхъ письмахъ и замѣткахъ Батенкова, вполнѣ достопамятнаго человѣка, слышатся сердечные, глубокой искренности, привѣты наставшей эрѣ освобожденія русскаго народа отъ многовѣковаго рабства, т. е. исполненія того, о чемъ такъ мечталъ и

что такъ пламенно желалъ Батенковъ и его товарищи по декабрю 1825-го года.

Кстати отмѣтимъ, что подобно тому, какъ мы собрали матеріалъ о Батенковѣ, точно также, еще въ большемъ количествѣ, скопился въ архивѣ „Русской Старины" матеріалъ о другихъ современныхъ ему дѣятеляхъ, напр., особенно интересные матеріалы о графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ. Мы имѣемъ массу собственноручнаго и самаго разнообразнаго матеріала, принадлежавшаго самому Аракчееву: это замѣтки его и обширныя собранія его писемъ къ лицамъ весьма разнообразныхъ положеній въ современномъ ему обществѣ. Эти безграмотныя, сквернѣйшимъ почеркомъ написанныя, записочки, письма, цѣлыя посланія всесильнаго временщика вводятъ въ самую глубину и въ сокровеннѣйшіе изгибы его черстваго, всегда злаго, сердца. Матеріалъ этотъ мы, всеконечно, не оставимъ безъ вниманія и въ связномъ очеркѣ представимъ, со временемъ, читателямъ „Русской Старины".

А вотъ, подлѣ задумчиваго и многострадальнаго Батенкова поднимается, на страницахъ обозрѣваемаго года „Русской Старины", личность рыцарская въ полномъ смыслѣ этого слова— генералъ Багговутъ, открытое, благородное чело котораго, перетянутое золотымъ обручемъ, еще свѣжо въ памяти многихъ обитателей Петербурга, въ которомъ провелъ послѣдніе годы славный побѣдитель турокъ при Башкадыкларѣ 1853-го года. Очеркъ боевой жизни Багговута и мѣткая его характеристика сообщены намъ даровитымъ писателемъ-публицистомъ Г. К. Градовскимъ.

Обширный и весьма обстоятельный трудъ историко-біографическаго характера и значенія посвященъ въ обозрѣваемомъ году непосредственному покорителю Кавказа, графу Николаю Ивановичу Евдокимову. Эта личность долго стояла въ тѣни, теряясь въ лучахъ славы баловня фортуны, князя Александра Ивановича Барятинскаго, хотя Барятинскій съ большимъ умомъ и благородствомъ, отличавшими этого человѣка, всячески выдвигалъ своего сподвижника и не смотря на ропотъ нѣкоторой части русской аристократіи, выдвинулъ почти простаго русскаго солдата на высокую степень титулованной аристократіи Россійской имперіи, тѣмъ не менѣе, повторяю, такъ какъ жизнь Николая Ива-

новича Евдокимова не была еще подвергнута подробной обстоятельной разработкѣ, то личность эта не только была въ тѣни, но продолжала служить предметомъ сплетенъ и инсинуацій, на которыя такъ тароваты современники, главнымъ образомъ, завистники.

Счастливый случай далъ намъ возможность остановиться на этомъ, прямо сказать, необыкновенномъ самородкѣ, кавказскомъ воинѣ, со славою заключившимъ кровавую эпопею борьбы Россіи съ хищническими горскими племенами. Мы получили весь собственный архивъ графа Николая Ивановича Евдокимова отъ его достойнѣйшей вдовы, которая, какъ и подобаетъ, благоговѣйно чтитъ память своего супруга. Разработку этого архива, въ связи съ другими не изданными и изданными источниками, весьма обязательно принялъ на себя извѣстный военный писатель генералъ ген. штаба И. И. Ореусъ; конечно, читатели замѣтили, что въ этомъ обширномъ и почтенномъ трудѣ, при спокойномъ и обстоятельномъ изложеніи, личность Евдокимова, какъ и вся его дѣятельность получили надлежащее освѣщеніе и вполнѣ безпристрастную критическую оцѣнку. Евдокимову окончательно отведено подобающее мѣсто въ пантеонѣ людей, оказавшихъ громадныя заслуги нашему отечеству и благодарному русскому народу. Остается отнынѣ поставить въ покоренномъ умомъ и дарованіемъ Евдокимова краѣ надлежащій памятникъ ему, какъ покорителю Кавказа, причемъ, конечно, должно также явиться бронзовое изваяніе и баловня счастія—князя А. И. Барятинскаго.

Эпоха севастопольскаго сидѣнія, конечно, на весьма еще долгое время, послужитъ источникомъ нескончаемыхъ о ней сказаній. „Русская Старина", въ теченіе двадцати лѣтъ своего изданія, представила таковыхъ уже весьма много въ формѣ записокъ, сказаній, очерковъ, дневниковъ, замѣтокъ, документовъ и проч. и проч. Въ обозрѣваемомъ году эта эпоха воскресла подъ перомъ знаменитаго профессора-хирурга Х. Я. Гюббенета, въ замѣткахъ, доселѣ не изданныхъ и сохранившихся въ его запискахъ, нѣкоторыя лишь части которыхъ были напечатаны въ приложеніяхъ къ извѣстному труду Тотлебена „О севастопольской осадѣ". Въ замѣткахъ покойнаго Гюббенета ярко рисуется прежде всего личность самого благороднаго дѣятеля науки, какимъ былъ Х. Я., самоотверженный, съ опасностью

собственной жизни трудившійся на стогнахъ многострадальнаго Севастополя. При томъ въ этихъ же замѣткахъ, весьма обязательно сообщенныхъ намъ его братьями, находятся новые штрихи для обрисовки личностей, особенно выдающихся на общемъ фонѣ громимаго тысячами снарядовъ Севастополя. Тутъ же, подлѣ этихъ записокъ, читатели, конечно, замѣтили записную книжку адмирала Павла Степановича Нахимова; при всемъ ея лаконизмѣ, она драгоцѣнна, потому что отъ нея еще, такъ сказать, отдаетъ порохомъ, въ облакахъ котораго велись эти записи; она напоминаетъ намъ этого чисто-русскаго героя въ самомъ высшемъ смыслѣ этого слова, столь же скромнаго, столь же простодушнаго и прекраснодушнаго, сколь великаго по беззавѣтной преданности своей отечеству и государю, за которыхъ онъ сложилъ свою честную голову.

Независимо отъ крупныхъ героическихъ фигуръ — вождей севастопольскаго гарнизона, были тысячи маленькихъ, не рѣдко безвѣстныхъ героевъ, которые, однако, ежеминутно рисковали жизнью, отдавая ее за горячо любимую отчизну!

Эти маленькіе люди также близки и дороги „Русской Старинѣ", какъ и великіе наши соотечественники,—вотъ почему на страницахъ нашего журнала мы всегда съ удовольствіемъ отводимъ мѣсто и второстепеннымъ или третьестепеннымъ, по своему положенію и значенію, отечественнымъ дѣятелямъ. Читатели, конечно, замѣтили очерки и характеристики такъ называемыхъ севастопольскихъ ординарцевъ знаменитаго генерала Хрулева.

12-го декабря 1888 года, далеко за рубежемъ нашего отечества, угасла жизнь не только нѣкогда военачальника и вождя, но и замѣчательнаго государственнаго человѣка — графа Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова. Его памяти намъ удалось посвятить начало прерваннаго, какъ говорится, по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, очерка о достопамятнѣйшемъ годѣ въ жизни Лорисъ-Меликова; но въ этомъ-же, 1889-мъ, году мы помѣстили вполнѣ цѣльный и законченный очеркъ знаменитаго русскаго врача и друга покойнаго Лорисъ-Меликова Н. А. Бѣлоголоваго. Обѣ эти статьи составятъ, безъ сомнѣнія, весьма важный матеріалъ для будущаго біографа графа М. Т. Лорисъ-Меликова, когда и эта въ высокой степени симпатичная, рыцарски благородная личность, а равно и событія, въ которыхъ довелось ему быть дѣятелемъ, отойдутъ отъ насъ, его современниковъ, на историческую давность,

стихнутъ страсти, потухнутъ возбужденныя имъ, разнообразныя чувства и какъ его личности, такъ и его дѣяніямъ отведено будетъ подобающее мѣсто въ общемъ изложеніи событій великой эпохи императора Александра-Освободителя. Для насъ современниковъ останется лишь навсегда несомнѣннымъ тотъ фактъ, что по государственнымъ заслугамъ Лор.-Меликова, какъ покорителя громадной области Закавказскаго края, какъ чрезвычайно умнаго вождя доблестнаго русскаго войска, умѣвшаго пользоваться дарованіями своихъ боевыхъ сподвижниковъ по Кавказу, затѣмъ какъ человѣка едва ли не впервые среди русскихъ государственныхъ людей сдѣлавшаго попытку обратиться къ общественнымъ силамъ и привлечь ихъ къ общей заботѣ въ борьбѣ съ снѣдавшимъ Россію внутреннимъ зломъ, наконецъ, какъ человѣка замѣчательно гуманнаго, человѣка самаго добраго и благороднаго сердца, — графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ останется незабвеннымъ.

Говорятъ, что Лорисъ-Меликовъ не оставилъ никакихъ записокъ.

Угасая подъ прекраснымъ небомъ Ниццы, онъ, однако, писалъ ихъ какъ тамъ, такъ и въ Швейцаріи. Еще въ 1887 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ бытность М. Т. въ Швейцаріи, въ Веве, когда мы посѣтили его, онъ намъ читалъ нѣкоторыя превосходныя страницы изъ его кавказскихъ воспоминаній. Жаль, если все это погибло въ той истомѣ и въ той сутолокѣ, какая обыкновенно овладѣваетъ близкими къ умирающему людьми, особливо, когда въ лицѣ умирающаго нисходитъ въ могилу такая высокая и прекрасная личность, какою былъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ. Тутъ для близкихъ лицъ—горю нѣтъ предѣловъ, и вполнѣ извинительны тѣ утраты, какими сопровождаются эти событія.

Съ обычнымъ безпристрастіемъ давая характеристики нашихъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, на различныхъ поприщахъ служенія отечеству, мы представили въ обозрѣваемомъ году, и представили съ большимъ удовольствіемъ, смѣемъ думать, полную и вѣрную характеристику личности и государственной дѣятельности Михаила Христофоровича Рейтерна, слава Богу еще здравствующаго, но, за ослабленіемъ зрѣнія, отошедшаго отъ болѣе дѣятельной государственной службы. Его дѣятельности Россія весьма много обязана какъ за участіе въ великой крестьянской реформѣ 19-го февраля 1861 года, такъ и тѣмъ, что,

со времени бытности М. Х. Рейтерна министромъ финансовъ, Россія покрыта сѣтью желѣзныхъ дорогъ и сѣтью банковыхъ и кредитныхъ учрежденій, вызвавшихъ къ жизни громаднѣйшія производительныя силы русскаго государства и сопровождавшихся полнымъ оживленіемъ промышленности и торговли.

Группа дѣятелей, прославившихъ себя ближайшимъ и непосредственнымъ участіемъ въ трудахъ по освобожденію крестьянъ, участіемъ въ высшихъ законодательныхъ работахъ по этой реформѣ, потерявшая уже болѣе половины этихъ участниковъ, въ обозрѣваемомъ году лишилась двухъ, особенно замѣчательныхъ своихъ членовъ, — мы говоримъ о Константинѣ Ивановичѣ Домонтовичѣ и Маркѣ Николаевичѣ Любощинскомъ. О первомъ изъ нихъ мы представили очеркъ настолько, полагаемъ, содержательный, что читатели вполнѣ могли воскресить предъ собой и сохранить въ своей памяти этого честнаго, благороднаго и въ высшей степени трудолюбиваго государственнаго дѣятеля, одного изъ сподвижниковъ Царя-Освободителя.

О Маркѣ Николаевичѣ Любощинскомъ мы, къ величайшему сожалѣнію, до сихъ поръ не представили еще очерка и характеристики, но сдѣлаемъ это со временемъ тѣмъ охотнѣе, что также имѣли истинное удовольствіе знать этого благороднѣйшаго человѣка, сослужившаго большую службу Россіи не только въ великой крестьянской реформѣ, но въ особенности въ не менѣе великой реформѣ судебной. При томъ, этотъ человѣкъ вызывалъ всеобщія къ себѣ симпатіи по своему свѣтлому уму и вполнѣ сердечному характеру; онъ принималъ чрезвычайно живо къ своему сердцу всѣ общественные интересы русскаго народа и переживалъ съ русскимъ образованнымъ обществомъ всѣ его радости и длинный рядъ его невзгодъ и печалей; неизмѣннымъ остался Любощинскій, такимъ же по своимъ симпатіямъ и антипатіямъ, какимъ былъ и въ годы его молодости и, въ его далеко еще не преклонной старости, когда онъ уже занималъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, видное мѣсто въ государственномъ совѣтѣ, съ большой пользою для законодательныхъ трудовъ, въ этомъ совѣтѣ выполняющихся.

Въ концѣ 1889-го года должна была явиться въ свѣтъ обширная біографія Н. М. Пржевальскаго, составленная почтеннымъ академикомъ и извѣстнымъ историческимъ писателемъ

Н. Ѳ. Дубровинымъ. Для этого обширнаго труда собрано, трудами друзей покойнаго, и въ особенности его горячимъ почитателемъ и другомъ, генераломъ Фельдманомъ, масса драгоцѣннаго матеріала, главнымъ образомъ, состоящаго въ большомъ собраніи писемъ покойнаго путешественника и воспоминаній о немъ его товарищей, друзей и знакомыхъ. Съ общимъ характеромъ изложенія, а также и съ интересомъ этого труда мы познакомили нашихъ читателей, представя въ обозрѣваемомъ году главы изъ біографіи, относящіяся до дѣтства, юности и до первыхъ лѣтъ службы Пржевальскаго, до отъѣзда его въ Сибирь, т. е. до того момента, когда онъ выступилъ какъ путешественникъ, прославившій и себя и Россію своими изысканіями и открытіями въ недоступныхъ до него частяхъ центральной Азіи.

III.

Отечественная словесность, литература, въ лучшихъ ея представителяхъ постоянно, въ теченіи двадцати лѣтъ, занимаетъ „Русскую Старину", и одна изъ задачъ нашего изданія есть— собираніе и сохраненіе, на ея страницахъ, возможно бо̀льшаго матеріала для жизнеописаній и характеристикъ какъ лицъ, такъ и оцѣнки литературной дѣятельности отечественныхъ писателей, какъ первостепенныхъ, такъ и ихъ созвѣздій. Въ выполненіе этой задачи „Русская Старина" 1889-го года представила весьма длинный рядъ статей, очерковъ, замѣтокъ, писемъ и, наконецъ, даже поэтическихъ произведеній.

А. С. Пушкинъ, М. Ю. Лермонтовъ, Н. В. Гоголь— вновь явились въ „Русской Старинѣ" въ ихъ интересныхъ письмахъ; О. И. Сенковскій, пресловутый Брамбеусъ, человѣкъ большаго ума и дарованій, но заслуги котораго далеко не всѣ положительнаго свойства въ исторіи отечественной словесности, и онъ предсталъ предъ нашими читателями въ весьма интересной, самой интимной, его корреспонденціи, ярко обрисовавшей его и нравы современнаго ему литературнаго міра.

П. А. Ѳедотовъ — живописецъ, жанристъ и поэтъ, Л. А. Мей, Н. Ѳ. Павловъ, И. С. Тургеневъ — представшій предъ нами въ характерныхъ, хотя нѣсколько краткихъ, воспоминаніяхъ Н. А. Огаревой-Тучковой, А. И. Герценъ, явившійся въ

его собственныхъ своеобразныхъ замѣткахъ по разнымъ вопросамъ, а также въ его забытой, но весьма интересной повѣсти „Сорока-воровка", напечатанной нами по подлинной рукописи этого въ высшей степени даровитаго публициста и беллетриста. Длинный рядъ стихотвореній Н. П. Огарева, относящихся къ раннему періоду его литературной дѣятельности,—стихотвореній, далеко еще не обработанныхъ и не столь интересныхъ по ихъ поэтическому замыслу и формѣ, сколько по тому автобіографическому значенію, каковое этотъ матеріалъ имѣетъ для характеристики этого человѣка, по своему дарованію (какъ поэтъ русскій) занимающаго довольно видное мѣсто въ ряду отечественныхъ писателей 1840 — 1850-хъ годовъ. Н. А. Некрасовъ, Ѳ. М. Достоевскій, Т. П. Пассекъ, М. Е. Салтыковъ, А. А. Краевскій, Ѳ. И. Буслаевъ, Василій Ив. Семевскій—докторъ русской исторіи, Н. Г. Чернышевскій, И. А. Гончаровъ, графъ Л. Н. Толстой, О. Ѳ. Миллеръ, Стоюнинъ, Гердъ, Водовозовъ, наконецъ А. Ѳ. Писемскій,—вотъ какой длинный рядъ лицъ, которыхъ коснулась „Русская Старина" 1889-го года, представивъ или письма подлинныя нѣкоторыхъ изъ этихъ литературныхъ дѣятелей, или некрологи тѣхъ изъ нихъ, которые, къ великому сожалѣнію русскаго общества, въ обозрѣваемомъ году отошли въ иной міръ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, гдѣ нѣтъ и „независящихъ отъ сочинителей и редакторовъ обстоятельствъ",—или въ литературныхъ очеркахъ и характеристикахъ, какъ напр., о Гончаровѣ и графѣ Л. Толстомъ, начертанныхъ рукою одного изъ симпатичнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей и любимѣйшихъ профессоровъ въ позднѣйшій періодъ петербургскаго университета—О. Ѳ. Миллеромъ; дописавъ помянутыя характеристики, онъ самъ нежданно и къ общему горю всѣхъ лицъ, его знавшихъ, внезапно скончался; или, наконецъ, въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ памяти нѣкоторыхъ изъ умершихъ поименованныхъ выше дѣятелей.

Наконецъ, въ нынѣшнемъ обозрѣваемомъ году „Русская Старина" имѣла случай представить и представила весьма интересныя изслѣдованія по отношенію къ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ драматическихъ произведеній отечественнаго театра,—мы говоримъ о „Горькой судьбинѣ" А. Ѳ. Писемскаго. г. И. Миловидовъ, членъ Костромской ученой архивной коммиссіи, напечаталъ у насъ изслѣдованіе, по подлиннымъ дѣламъ ста-

раго суда, о тѣхъ уголовныхъ событіяхъ, которыя легли основою превосходной, прямо народной, драмы Писемскаго: „Горькая Судьбина“.

IV.

Въ области искусствъ въ Россіи наше изданіе дало въ 1889 г. нѣсколько матеріаловъ оживившихъ предъ нами память Верстовскаго, В. А. Каратыгина, М. С. Щепкина, дорогаго нашего сотрудника и всѣми любимаго при жизни патріарха современной русской драматической труппы Л. Л. Леонидова, М. И. Глинки и Крамскаго. Но, въ особенности, и конечно навсегда останутся чрезвычайно важнымъ вкладомъ въ исторію отечественнаго искусства обширныя воспоминанія-автобіографія Антона Григорьевича Рубинштейна—явившаяся въ обозрѣваемомъ году на страницахъ „Русской Старины“; эта автобіографія, по богатству своего содержанія, живости и образности ея изложенія, а прежде всего потому, что она исходитъ непосредственно отъ личности, именемъ и славою своего великаго дарованія и творчества занявшей первое мѣсто въ области музыкальнаго искусства всего современнаго міра — Записки А. Г. Рубинштейна навсегда останутся драгоцѣннѣйшимъ украшеніемъ „Русской Старины“; одно появленіе ихъ на страницахъ нашего изданія миритъ насъ съ тѣми невзгодами и съ тѣми грустными днями, которые выпадаютъ иногда на долю каждаго общественнаго дѣятеля, и которыхъ немало было и у насъ пережито въ 1889-мъ году—двадцатомъ году—нашей издательской дѣятельности.

Переходя въ 21-й годъ этой дѣятельности, въ періодъ, когда каждый человѣкъ вступаетъ въ полное обладаніе своихъ гражданскихъ правъ, будемъ надѣяться, что „Русская Старина“ своимъ спокойнымъ, безстрастнымъ и честнымъ отношеніемъ къ отправленію лежащихъ на ней, по отношенію къ отечественной исторіи и исторіи русскихъ литературы и искусствъ, обязанностей, будетъ пользоваться правомъ продолжать свое дѣло спокойно безъ тяжелыхъ дней [1]).

---

[1]) Къ числу горькихъ дней мы относимъ тѣ утраты, которыя, увы, несетъ и «Русская Старина» (всѣ подъ Богомъ ходимъ!). Изъ напечатанныхъ уже

V.

При выборѣ портретовъ, которыми украшаемъ мы наше изданіе съ самаго его основанія, мы руководствуемся тѣми же основными принципами, какими руководствовались съ самаго начала: давать портреты лицъ дѣйствительно достопамятныхъ, причемъ портреты должны отличаться полнымъ сходствомъ и быть исполненными дѣйствительно лучшими нашими художниками. Въ этомъ ряду портретовъ въ 1889-мъ году „Русская Старина“ представила весьма интересное изображеніе Михаила Трофимовича Каченовскаго, весьма заслуженнаго труженика на нивѣ отечественной исторіи, профессора, въ теченіи многихъ лѣтъ бывшаго редакторомъ-издателемъ журнала „Вѣстникъ Европы“, А. А. Бестужева (Марлинскаго), Г. С. Батенкова, А. В. Никитенко — академика профессора; статсъ-секретаря М. Х. Рейтерна, адмирала И. А. Шестакова, М. Е. Салтыкова, И. А. Гончарова, графа Л. Н. Толстаго, К. И. Домонтовича, знаменитаго въ свое время ученаго слависта и профессора М. К. Бобровскаго, наконецъ нашъ современный великій музыкальный художникъ и композиторъ А. Г. Рубинштейнъ — явился въ „Русской Старинѣ“ 1889 г. въ двухъ портретахъ: 15-ти и 59-ти лѣтнихъ возрастовъ.

Въ подлежащихъ случаяхъ нѣкоторыя изъ статей истекшаго года сопровождались чертежами-рисунками и планами, а также автографами, таковы статьи: А. Н. Труворова, Л. Н. Соболева и знаменитаго историка Георга Вебера.

Не безъ удовольствія отмѣтимъ, что хотя въ послѣдніе годы гравюра на мѣди совершенно исчезаетъ изъ употребленія въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ, тѣмъ не менѣе „Русская Старина“ все еще сохраняетъ дорого стоющую гравюру на мѣди, какъ самый лучшій видъ художественнаго воспроизведенія портретовъ: въ обозрѣваемомъ году мы дали таковыхъ гравюръ на мѣди пять.

въ ея книгахъ статей, мемуаровъ и матеріаловъ, въ обозрѣваемомъ году она лишилась не мало страницъ изъ записокъ А. М. Тургенева, нѣкоторыя письма Л. В. Дубельта (думалъ-ли покойникъ, что онъ окажется непропускаемымъ!) и цѣлый очеркъ изъ жизни гр. М. Т. Лорисъ-Меликова. Ред.

VI.

Библіографическій листокъ нашъ былъ, какъ и прежде, весьма сжатъ тѣми узкими рамками, въ которыхъ „Русская Старина" только и имѣетъ возможность давать отзывы о разныхъ новостяхъ въ области литературы отечественной исторіи и словесности. Мы представили, тѣмъ не менѣе, отзывы почти о 70 новыхъ книгахъ и изданіяхъ, при чемъ старались, какъ и прежде, обращать вниманіе читающаго общества именно на изданія въ какомъ либо отношеніи особенно замѣчательныя; мы имѣемъ вообще обыкновеніе говорить только о книгахъ хорошихъ и постоянно сожалѣемъ, что еще многое изъ хорошаго остается безъ нашего отзыва, такъ какъ ни мѣсто, ни время не позволяютъ намъ давать отчеты о всемъ, что доводится намъ читать хорошаго по нашей отечественной современной литературѣ въ области какъ исторіи, такъ и словесности.

Мих. Ив. Семевскій,

издатель-редакторъ «Русской Старины».

Списокъ лицъ, сообщившихъ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» историческіе или историко-литературные статьи и матеріалы въ 1870—1889 гг.

[по 24-ое ноября 1889 г.].

Н. В. Аароновъ,—Абаза,—Л. В. Абашкинъ,—Р. В. Авдіевъ,—В. П. Авенаріусъ,—Н. П. Авенаріусъ,—Д. В. Аверкіевъ,—И. П. Аврамовъ,—Ага-бекъ-Гасабовъ,—П. Агапѣевъ,—Агафоновъ, — Н. Агафоновъ, — Агентовъ,—О. Х. Агренева-Славянская,— Д. А. Агреневъ-Славянскій,— А. Агрономовъ,—Адасова,— А. А. Адинцовъ,— М. П. Азанчевскій,— проф. И. К. Айвазовскій,—Аксаковъ, — Аксюкъ, вдова, — П. В. Алабинъ, — С. И. Аландскій, — М. А. Албычевъ, — М. Александровъ,— А. Е. Алекторовъ, — К. Алмазовъ, — А. А. Алферовъ,—А. Н. Альмедингенъ,—В. А. Альфонскій,—игуменъ Амвросій,—И. М. Амелицкій,—Е. Н. Аммонъ,—еписк. Амфилохій,—А. И. Анастасіевъ,—И. Андозкій,—директоръ археолог. института профес. И. Е. Андреевскій,—В. Андреевъ,—П. П. Андреевъ,—Х. К. Андреевъ,—Анненковъ,— І. В. Антоновъ,—Ш. А. Антоновъ,—А. А. Ануфьевъ,—Д. Анучинъ,—Д. Г. Анучинъ,—А. Апраксинъ,—графъ С. А. Апраксинъ,—Е. А. Арапова,—Н. А. Аргилландеръ,—И. А. Аренсъ,—С. Аренсъ,—Аркадіевъ,—М. П. Арнольди,—О. Е. Арнольди,—епископъ Арсеній,—Ѳ. А. Арсеньевъ,—К. К. Арсеньевъ,—профес. Н. А. Астафьевъ,—Аринчъ,—В. А. Арцимовичъ,—И. Арцимовичъ,—А. Ф. Арцишевскій,—П. Я. Аршеневскій,—Т. В. Астаховъ,—В. Асташевъ,—Астракова,—Г. Афанасьевъ,—Н. П. Ахвердовъ,—Д. Д. Ахшарумовъ,—А. Ю. Ашебергъ,—фонъ-Ашебергъ.

К. Ѳ. Багговутъ,—И. Н. Баевъ,—Н. Баженовъ,—Г. И. Біахаровъ,—Байхаровъ,—В. И. Бакунина, — Баландовичъ,—В. С. Балашевъ, — Н. Н. Балкашинъ,—О. С. Балкъ,—Е. Д. Бантышъ-Каменская,—Н. П. Бараніусъ,—профес. С. И. Барановскій,—А. И. Баратынскій,—В. Л. Баратынскій,—А. И. Барзоцовскій,—А. В. Барановъ,—проф. Н. И. Барсовъ,—А. П. Барсуковъ,—Н. И. Барсуковъ, — Н. П. Барсуковъ, — З. А. Баршъ, — В. С. Барыковъ, — Н. П. Барышниковъ, —кн. В. И. Барятинскій,—И. Баскаковъ,—Д. Д. Баскаловъ,—

А. И. Басовъ,—П. Н. Батюшковъ,—А. П. Бахрушинъ,—Е. П. Бахталовскій,—А. В. Башкатовъ,—Б. Башловскій,—кн. В. И. Баюшевъ,—А. Безсоновъ,—В. Безсоновъ,—А. Безукладиновъ,—И. Е. Бельцманъ,—Н. Л. Бенуа,—С. Бердяевъ,—П. В. Березинъ,—В. Березинъ,—Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ,—Ан. П. Берже,—С. Н. Берже,—I. Берманъ,—М. А. Берманъ,—I. Беръ,—Беръ,—профес. I. В. Бертенсонъ,—г. Бертухъ,—I. Берхинъ,—М. А. Бестужева,—О. А. Бестужева,—В. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—Бибиковъ,—Н. Билибинъ,—проф. В. А. Бильбасовъ,—А. А. Бильдерлингъ,—бар. Бистромъ,—Д. Благово,—А. А. Благовѣщенскій,—Бларамбергъ,—Н. И. Бобриковъ,—гр. А. А. и А. А. Бобринскіе,—П. О. Бобровскій,—Н. Н. Бобровъ,—Е. Л. Богданова,—А. Н. Боголюбовъ,—профес. живописи А. П. Боголюбовъ,—В. Боголюбовъ,—С. Богоянскій,—Л. А. Богуславскій,—баронъ Н. К. Богушевскій,—г. Бодеманъ (въ Гановерѣ),—профес. Ф. Ф. фонъ-Боденштедтъ,—И. Н. Божеряновъ,—И. В. Болдыревъ,—А. В. Болотовъ,—В. А. Болотовъ,—П. А. Болотовъ,—П. Ѳ. Борель,—А. Борзенко,—Я. И. Борзецовскій,—В. А. Борисовъ,—Д. Н. Бородинъ,—С. М. Бородинъ,—А. А. Бородулинъ,—М. Ѳ. Бороздинъ,—С. М. Борщовъ,—В. Ѳ. Боцяновскій,—И. Бочаровъ,—А. К. Бошнякъ,—Н. Н. Браилко,—С. Брайловскій,—П. Ѳ. Брандтъ,—Р. И. Бржостовская,—проф. А. Г. Брикнеръ,—А. Бруннеръ,—А. П. Брянцевъ,—И. Брянцевъ,—В. А. Будзько,—Н. Буковскій,—Д. А. Булатовъ,—Е. Н. Булгакова,—Б. Ѳ. и В. Ѳ. Булгарины,—профес. Н. Н. Буличъ,—С. Буличъ,—А. Булыгинъ,—г. Бунге,—Е. Ѳ. Буринскій,—Н. Ѳ. Бурцовъ,—Я. Бутковскій,—іерей I. Бутковъ,—гр. М. Д. Бутурлинъ,—К. А. Бухъ,—В. Е. Бучневичъ,—М. Быковъ,—Н. В. Быковъ,—М. Быстровъ,—акад. А. Ѳ. Бычковъ,—И. А. Бычковъ,—Ѳ. А. Бычковъ,—А. Г. Бѣлаго,—К. Бѣлевичъ,—Д. Бѣлевичъ,—А. Бѣлениновъ,—Н. А. Бѣлоголовый,—Н. А. Бѣлозерская,—И. П. Бѣлоконскій,—С. А. Бѣлокуровъ,—А. Д. Бѣляевъ,—баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.

М. И. Вавиловъ,—Н. А. Вагановъ,—Н. Н. Вакуловскій,—М. С. Валевскій,—А. Вальбергъ,—В. В. фонъ-Валь,—графъ П. А. Валуевъ,—А. У. Варакомскій,—К. А. Варгунинъ,—И. Варунъ-Секретъ,—И. И. Василёвъ,—К. П. Василенко,—Н. Васильева,—проф. В. Г. Васильевскій,—А. И. Васильевъ,—К. И. Васильевъ,—И. И. Васильевъ,—А. П. Васильевъ,—В. А. Васильевъ,—А. Ѳ. Васильевъ,—А. А. Васильчиковъ,—Н. Васьковъ,—I. Васъ,—Н. В. Вахтинъ,—Веденяпинъ,—В. Н. Ведерниковъ,—Е. Вейденбаумъ,—П. Вейль,—П. И. Вейнбергъ,—П. И. Великопольскій,—Величковскій,—А. Величковъ,—г. Вельяминовъ,—Н. Вельяшевъ,—М. А. Веневитиновъ,—А. А. Венеціанова,—М. И. Венюковъ,—А. В. Веревкинъ,—П. Вересовъ,—А. В. Верещагинъ,—художникъ Вас. Вас. Верещагинъ,—А. И. Веригинъ,—Н. П. Вернеръ,—Ѳ. Ѳ. Веселаго,—акад. К. С. Веселовскій,—С. Весинъ,—Н. И. Викинскій,—Ѳ. Ѳ. Винбергъ,—Н. Виноградовъ,—А. Н. Виноградовъ,—П. А. Виноградовъ,—С. Виноградскій,—Випроревъ,—К. А. Висковатовъ,—профес. П. А. Висковатовъ (Висковатый),—Ѳ. А. Витбергъ,—В. Н. Витевскій,—А. Н. Витмеръ,—Н. П. Вишняковъ,—Н. Н. Владимірова,—А. Владиміровъ,—А. П. Владиміровъ,—М. Владыкинъ,—Г. П. Власовъ,—

И. Влодзимірскій,—В. В. Водовозовъ,—В. П. Водопьяновъ,—А. А. Воейкова,—А. Н. Воейковъ,—Военскій, — П. П. Возницынъ, — А. М. Войновъ,— Г. А. Волжевъ,—кн. Волконскій,—И. И. Вологдинъ,—И. В. Вологдинъ,— С. Волосатова, — Ф. И. Волтатисъ, — П. П. Волховской,—князь М. С. Волконскій,—Вольдемаръ, —Вонлярлярская,—Н. А. Вонлярлярскій,—Г. А. Воробьевъ,—Е. З. Воронина,—Н. А. Воронихинъ,—А. П. Вороновъ,—П. А. Вороновъ,—Павелъ Никол. Вороновъ,—Ю. Д. Воронова, рожд. Рудакова,— Воропай, — Н. Я. Воскобойниковъ, —А. А. Востоковъ, — Н. Н. Вохинъ,— баронесса Вревская,—П. И. Вріони, — М. А. Врочепскій,—Вудъ,— А. Г. Вышеславцевъ, — А. А. Вязмитиновъ.

С. Н. Гавриловъ, — княгиня Гагарина, рожденная Иванова,—кн. Ив. С. Гагаринъ,—кн. Н. В. Гагаринъ,—П. Гагенъ,—А. Гакъ,—профес. А. Д. Галаховъ,—А. С. Галаховъ,—М. Н. Галкинъ-Врасскій,—С. А. Галкинъ,—К. И. Гамаринъ,—А. Ѳ. Гамбургеръ,—П. Г. Ганзенъ,—Е. А. Ганъ,—Я. Гарелинъ,— К. А. фонъ-Гартъ, — А. А. Гатцукъ, — А. Гацинскій, — И. М. Гвоздевъ,— Гвоздиковъ, — Э. Гебель,—К. К. Гейнсъ,—В. И. Гейсмаръ,—О. Ф. Гейфельдеръ,—К. К. Гелингъ,—И. С. Генбачевъ,—г. Геничъ,—Ав. Авт. Герке,—В. Ц. Герцыкъ,—профес. А. А. Герценъ,—П. А. Гильтебрандтъ,—Гилюсъ,—Д. И. Гиппіусъ,—Л. Ѳ. Гиргасъ,—А. А. Гирсъ,—К. К. Гирсъ,—В. М. Гиршфельдъ,— В. О. Гладкій,—К. В. Гладковская,—А. Г. Глинка,—В. С. Глинка, — М. С. Глинка, — Глинка, — Ѳ. С. Глинка, — П. Гловацкій,—Глуховъ,— А. А. Глѣбова,—Д. Е. Гнусинъ,—Гнѣдичъ,—И. Е. Голдинскій,—гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, — В. В. Голенищевъ-Кутузовъ, — г. Голицынскій, — кн. К. К.Голицынъ,—кн. Н. Н. Голицынъ,—кн. Н. П. Голицынъ,—бывш. профес. кн. Н. С. Голицынъ,—кн. С. П. Голицынъ, — Н. И. Головачъ, — И. Головинъ, — П. С. Головинъ, — К. Д. Головщиковъ, — К. М. Голодниковъ, — А. А. Голомбіевскій, — П. Д. Голохвастовъ,—И. А. Голышевъ,— Н. И. Голубевъ,—В. В. Голубцовъ,—М. Г. Гольмдорфъ, — проф. В. А. Гольцевъ, — протоіерей І. Голяховскій,— Гомановскій,— Гондатти, — А. Н. Гончаровъ,—И. А. Гончаровъ,— артистъ И. Ѳ. Горбуновъ,—А. Гордонъ,—Н. Д. Горемыкинъ,—М. Горилецкій,— М. П. Горловъ,—Городецкая,—М. И. Городецкій,—С. В. Городецкій,—профес. от. М. И. Горчаковъ,—І. К. Гофертъ,—Г. К. Градовскій,—художникъ Г. И. Грачевъ, — Ѳ. А. Гребенщиковъ, — А. К. Грегоріади, — А. Е. Гренъ, – А. В. фонъ-Грибнеръ,—Н. И. Григоровичъ, —А. Н. Григорьевъ, —И. Я. Гриммъ,— А. Громачевскій,—акад. Я. К. Гротъ,—К. К. Гротъ,—Н. В. Губерти,—Н. И. Гулакъ, — П. Гулакъ-Артемовскій, — С. И. Гуляевъ, — Гулевичъ, — свящ. В. Гурьевъ,—М. П. Гусаковскій,—А. Н. Гусевъ,—А. Гусевъ,—А. Я. Гюббенетъ.

Кн. В. Д. Дабижа, —кн. Давледъ-Гирей-Бибердовъ, —М. П. Давыдова,— В. Н. Давыдовъ, —Д. Давыдовъ, —К. И. Давыдовъ,—Н. Т. Давыдовъ,—Т. М. Дагаевъ,—Н. Данилевская,—А. С. Даниловъ, —художн. А. И. Даугель,—Г. Е. Дахновичъ,—Н. Я. Дашковъ,—П. П. Деви,—В. А. Дейлидовичъ,—Н. Д. Дела-

Флизъ,—А. К. Де-Ливронъ,—С. Дельпесъ,—графъ И. Д. Деляновъ,—А. П. Демидовъ,—П. А. Деммертъ,—А. Демминъ,—Г. Д. Демяновскій,—худож. Деньеръ,—Е. Депрейсъ,—баронъ Д. Г. фонъ-Дервизъ, —фонъ-Дерфельденъ,—А. И. Деспотъ-Зеновичъ,—К. К. Детловъ,—Г. А. Джаншіевъ,—В. А. Дзюбенко,—А. И. Дидриксъ,—Діатроптовъ,—Дмитріевъ,—А. С. Дмитріевъ,—Н. Г. Дмоховскій,—Л. Я. Добровъ, — Өеоөанъ Л. Доброленскій, — Ф. Н. Добрянскій, — Я. И. Довголевскій, —В. Дойлидовичъ, —В. Док—ій, —К. А. Докучаевъ-Басковъ, —Н. А. Докучаевъ,—кн. В. А. Долгоруковъ,—кн. В. П. Долгоруковъ,—Л. Долгоруковъ, — П. П. Должиковъ, — Л. П. Долинка, — В. П. Долотовъ, — И. И. Домонтовичъ,—Е. И. Дощанская,—А. Г. Достоевская,—Живко Драговичъ,—Марко-Драговичъ,—А. М. Дренякинъ,—С. Д. Дрожжинъ,—кн. Д. В. Друцкой-Соколинскій,—И. И. Дубасовъ,—Е. И. Дубельтъ,—М. Л. Дубецкій, — А. Дубицкій, — академикъ Н. Ө. Дубровинъ, — А. В. Дурново, — Л. А. Дуровъ, — Н. В. Дуровъ,— Ө. В. Духовниковъ, — М. Л. Духонинъ, — Е. Дьяконовъ,—Я. Дюжиловъ.

К. Евлентьевъ,—Евреиновъ,—А. Е. Егоровъ,—Егорьевскій, — Ф. Езіоранскій,—от. П. П. Еланскій,—от. І. Еланскій, — кн. Енгалычевъ, — князь Н. Н. Еникѣевъ, — Епанчинъ, — А. Епифановъ, — Еранцовъ,—П. В. Еремѣевъ, — Н. А. Ермаковъ, — Н. Н. Ермаковъ, — В. Ермаковъ, — К. И. Ермолинъ, — В. М. Еропкинъ,—В. В. Еропкина,—А. Ерошкинъ,—А. Есаковъ,—Г. В. Есиповъ,—Я. И. Есьманъ,—И. Ефимовъ,—П. А. Ефремовъ.

А. Ө. Жадовскій,—А. П. Жакмонъ,—А. Н. Ждановъ,—Н. Н. Жеденевъ,—В. Желеховскій,—В. П. Желиховская,—И. Желтовъ,—Н. Ө. Желтовъ,—И. П. Жемочкинъ, — А. Жемчужниковъ, — Н. Л. Жемчужниковъ, — А. К. Жизневскій,—В. И. Жиркевичъ, — А. В. Жиркевичъ,—от. В. И. Жмакинъ, —В. Жуковъ,—Д. Жуковъ,—А. Жуковъ,—М. М. Жуковскій,—худож. Пав. Вас. Жуковскій,—Н. Н. Жуковскій,—П. В. Жуковскій,—Журавскій.

И. Е. Забѣлинъ,—А. Заборинскій,—А. Заборовскій,—Д. Заборовской,—акад. П. П. Забѣлло,—Л. А. Загоскинъ,—С. М. Загоскинъ,—С. А. Загряжская,—В. Заенчковскій,—В. Д. Заика,—Т. М. Заишкевичъ,—И. К. Зайцевъ,—Ө. Д. Зайцевъ,—А. И. Залѣсскій,—П. Т. Залѣсскій,—Замысловъ,—А. Зандрокъ,—Заржецкій,—Я. И. Заринъ,—А. С. Зарудный—Е. И. Зарина,—А. Г. Затлеръ,—И. Н. Захарьинъ,—И. Захаревичъ,—Д. Захаровичъ,—В. Захаровъ,—К. Защукъ,—К. И. Званцовъ,—С. Звѣревъ,—К. С. Звягинъ,—профес. Н. Ө. Здекауеръ,—В. Ф. Зеге-фонъ-Лауренбергъ,—А. К. Зейдеръ,—А. И. Зеленой, — А. Земцовъ, — К. Зенденгорстъ, — А. Л. Зиссерманъ, — М. З. Зіоровъ, —М. Злотковскій, —І. Э. Змунчилла, рожд. Стогова, —А. Змѣевъ, —Л. Ө. Змѣевъ, — Золотовъ, — А. И. Зотова, — В. Р. Зотовъ, — А. Ө. Зубковскій,—Е. Б. Зубова, рожден. баронесса Вревская,—В. А. Зыбинъ,—А. Н. Зыряновъ.

И. А. Ибердусовъ,—Н. С. Иванина, рожд. Шпилевская,—О. И. Иванова, рожденная Анненкова,—Н. И. Ивановъ,—А. Е. Ивановъ,—И. С. Ивановъ,—И. В. Ивановъ,—Петръ Вас. Ивановъ,—М. Н. Ивановъ,—Н. Ѳ. Ивановъ,—Л. К. Ивановскій,—от. И. Иващенковъ,—Ю. Б. Иверсенъ,—А. Игнатовичъ,—от. архимандритъ Игнатій (Малышевъ),—А. П. Игнатьевъ,—А. С. Игнатьевъ,—гр. Н. П. Игнатьевъ,—Р. Игнатьевъ,—С. А. Идаховъ,—А. Извольскій,—П. А. Извольскій,—К. А. Измайловъ,—П. Александр. Измайловъ,—проф. В. С. Иконниковъ,—проф. Д. И. Иловайскій,—В. Е. Ильковъ,—Д. В. Ильченко,—Л. В. Ильяшевичъ,—М. А. Имбергъ,—Инсарскій,—арх. Ипполитъ,—П. П. Исаевичъ,—А. Д. Исаковъ,—П. Н. Исаковъ,—Д. С. Исардовъ,—Н. О. Истинской,—Ѳ. А. Исуповъ,—Г. Ѳ. Исѣевъ.

В. Каверзневъ,—Казадаевъ,—Е. К. Казанскій,—П. С. Казанскій,—Казачокъ,—М. К. Казина,—С. Д. Казина, рожд. Бантышъ-Каменская,—Казинъ,—П. С. Калачевскій,—М. М. Калиновская,—Калиновская,—В. В. Каллашъ,—Д. И. Калугинъ.—графиня Л. М. Каменская,—Ѳ. А. Каменскій,—И. Т. Камчатовъ,—А. Н. Канаевъ,—А. Канаринъ,—кн-ня М. А. Кантакузина,—гр. П. И. Капнистъ,—Н. Я. Капустина,—П. А. Карабинъ,—А. А. Карасевъ,—М. В. Карасевъ,—И. Каргопольцевъ,—М. А. Карлинъ,—от. А. В. Кармазинскій,—П. Карнауховъ,—Г. Ѳ. Карповъ,—Каррикъ,—Л. В. Картавцевъ,—А. Карташевъ,—Н. А. Карцевъ,—П. П. Карцевъ,—г. Карцевъ,—П. Кастальскій,—Н. Н. Касьяновъ,—В. Катеневъ,—В. Катенинъ,—В. Каченовскій,—Н. С. Кашкинъ,—А. В. Квитка,—М. Н. Кедровъ,—Н. Т. Кедровъ,—от. М. Кедровъ,—П. Д. Кедровъ,—профессоръ живописи И. П. Келеръ,—М. Кельдышъ,—Н. П. Кельшъ,—Ѳ. Ѳ. Кенигъ,—А. П. Кеппенъ,—Т. Кибальчикъ,—Кильдюшевскій,—К. Д. Кипіани,—Кирилловъ,—С. И. Кирѣевскій,—А. Александ. Кирѣевъ,—Л. В. Киселева,—А. С. Киселевъ,—Киселевъ,—И. Китаевъ,—П. А. Китицынъ,—Ѳ. Н. Кишенскій,—Д. В. Кларкъ,—И. Кларкъ,—А. С. Клевановъ,—П. Клениковъ,—Н. Ф. Клюге-фонъ-Клюгенау,—Княжевичъ,—М. Д. Княжевичъ,—Князевичъ,—А. С. Князевъ,—Д. Ѳ. Кобеко,—Я. Кобылянскій,—Д. А. Кобяковъ,—Г. А. Ковалевскій,—М. Е. Ковалевскій,—П. М. Ковалевскій,—К. И. Коваленкова,—Н. И. Коваленковъ,—Н. И. Коведаевъ,—Э. А. Коверскій,—М. М. Ковязинъ,—Кожуховъ,—Козадавлевъ,—Д. И. Козелкинъ,—А. Козловскій.—С. Козловскій,—Н. И. Козловъ,—ген.-ад. Козляниновъ,—И. Козьминскій,—Н. И. Койленскій,—З. Койданскій,—А. Кокосовъ,—акад. Н. И. Кокшаровъ,—Колачевскій,—А. Коленковскій,—К. П. Колзаковъ,—Н. М. Колмаковъ,—Д. Г. Колокольцовъ,—А. А. Колокольцевъ,—Е. Колокольцевъ,—В. И. Колосовъ,—М. А. Колчинъ,—А. Колынинъ,—бар. М. Колычевъ,—А. Л. Колянковскій,—В. А. Комаровъ,—А. Ф. Кони,—Е. Ѳ. Кони,—гр-ня Н. М. Коновницына,—А. О. Константинова,—Д. А. Копьева,—И. П. Корниловъ,—П. С. Коробка,—А. Коробовъ,—П. А. Коробьинъ,—І. А. Корозо,—Я. И. Коростовцевъ,—А. Корсаковъ,—профес. Д. А. Корсаковъ,—бар. Корфъ,—Г. Ѳ. Корчевскій,—Ю. В. Косова, рожденная Кюхельбекеръ,—М. Костылевъ,—Ѳ. Н. Костюковъ,—

Н. П. Косяровскій, — инж. П. Н. Котляревскій, — В. П. Коховской, — Иванъ А. Кравцовъ, — И. С. Кравцовъ, — И. В. Краснопѣвцевъ, — А. Я. Креминской, — В. Д. Кренке, — В. В. Крестовскій, — Ю. А. Крестцовъ, — баронъ Криденеръ, — Криницкій, — Н. Ѳ. Крузе, — М. Круповичъ, — С. Крутиковъ, — Н. К. Крыжановскій, — Крыжовъ, — А. Д. Крыловъ, — Н. Г. Крыловъ, — П. И. Крюковъ, — А. И. Ксензенко, — В. Ф. Кудрявцевъ, — М. П. Кудрявцевъ, — вдова ген.-лейт. Кузмина. — Н. А. Кузминскій, — А. Ѳ. Кузминъ, — В. В. Кузьминъ, — Г. Кузминъ, — И. Кузминъ. — А. Кузнецовъ, — Б. Кукель, — В. В. Кулжинскій, — Н. И. Куликовъ, — Н. Н. Куликовъ, — В. П. Кулинъ, — М. И. Кулишеръ, — П. А. Кулишъ, — акад. А. А. Куникъ, — М. А. Куплетскій, — И. К. Купріяновъ, — кн. Ѳ. А. и С. В. Куракины, — В. Курдановскій, — В. В. Курдюмовъ, — Курнаръ, — И. Курисъ, — М. Куроптевъ, — П. А. и А. А. Кусковы, — Н. Кутейниковъ, — М. Н. Кучаевъ, — Ю. Кушакевичъ.

С. И. Лаврентьева, — Т. Н. Лаврентьевъ, — проф. Н. Лавровскій, — Я. Лавровъ, — А. М. Лазаревскій, — Д. Н. Лазаревъ, — Е. Лазо, — І. А. Лазовъ, — М. А. Лакомте, — И. Ланинъ, — г. Лангенау, — И. К. Лапотниковъ, — О. А. Ларіонова, по перв. мужу Соловьева, рожд. Арбузова, — проф. Герм. Авг. Ларошъ, — А. Ласкѣевъ, — Н. В. Латкинъ. — С. Лашкаревъ, — А. С. Лашкевичъ, — Ѳ. Ѳ. Лашмановъ, — А. С. Лацинскій, — А. Лебедева, — А. С. Лебедевъ, — Н. П. Лебедевъ, — проф. В. Лебедевъ, — В. И. Лебедевъ, — Н. А. Лебедевъ, — К. А. Лебедевъ, — К. И. Лебедевъ, — Г. Лебединецъ, — В. Ѳ. Лебединскій, — П. П. Лебле, — О. Я. Левенсонъ, — П. Я. Левенсонъ, — М. А. Левенцовъ, — М. Ю. Левестамъ, — Н. Левитскій, — С. Л. Левицкій, — О. И. Левицкій, — Г. П. Левицкій, — А. А. Левшинъ, — архимадр. Леонидъ (Кавелинъ), — М. М. Лемпицкій, — профес. Ленцъ (въ Марбургѣ), — Леоновъ, — Леопольдовъ, — Н. В. Лепешинской, — И. В. Лермонтовъ, — В. Н. Лермонтовъ, — В. В. Лещинскій, — К. Ф. Де-Ливронъ, — графъ Лидерсъ-Веймарнъ, — М. И. Лилеевъ, — А. Линбергъ, — И. А. Линниченко, — Н. О. Лиcовскій, — И. Линскій, — Липовицкій, — В. Лисенко, — Д. Д. Лисенко, — Н. М. Лисовскій, — П. Литвинова, — В. И. Лихачевъ, — А. В. и А. Н. Лишины, — кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, — П. В. Лобановъ, — Г. И. Лобовиковъ, — А. Ломачевскій, — М. К. Ломизе, — Г. Г. Ломоносовъ, — Н. А. Лонгинова, — А. Лонгиновъ, — Л. Г. Лопатинскій, — С. Ц. Лопацкая, — Н. Лопухинъ, — П. В. Лопухина, — Е. А. Лопушинскій, — Л. Я. Лосинскій, — Лоссовская, — Ю. С. Лось-Рошковскій, — І. В. Лохвицкій, — Лошаковъ, — А. Луганинъ, — Я. И. Лудмеръ, — П. Ѳ. Лузановъ, — Лукинскій, — свящ. А. А. Лунинъ, — В. К. Луцкій, — А. М. Лушниковъ, — М. Львова, — А. Львовъ, — Анатолій Ник. Львовъ, — Л. Ѳ. Львовъ, — Ѳ. Ѳ. Львовъ, — А. С. Лыкошинъ, — Н. С. Лыкошинъ, — Н. С. Лѣсковъ, — В. И. Лѣствицынъ, — Любарскій, — Н. Н. Любовичъ, — И. Людмиловъ, — М. И. Лядовъ, — М. И. Лядовъ, — А. Я. Ляпуновъ, — А. І. Лященко.

Н. С. Маевскій, — О. Маевскій, — В. Я. Майборода, — А. Н. Майковъ, — академикъ Л. Н. Майковъ, — И. В. Майковъ, — епископъ Макарій, — Н. Я.

Макаровъ,—от. П. Макаровъ,—ген.-лейт. Маклаковъ,—К. Максимовъ,—Н. Я. Максимовъ,—Н. Н. Макшеевъ,—профес. А. И. Макшѣевъ,—В. Н. Макшѣевъ,—И. П. Малаховскій,—І. И. Малевичъ,—Л. В. Малининъ,—П. Ѳ Малиновскій,—И. Н. Мамакинъ,—Д. Н. Маминъ,—К. В. Мамоновъ,—И. И. Манжура,—Мансуровъ,—А. П. Мансуровъ,—К. А. Маньковскій,—А. В. Мариновъ,—А. Л. Мариновъ,—А. А. Маринъ,—А. Маркевичъ,—А. Н. Маркграфской,—О. М. Марковникова,—Е. Л. Марковъ,—М. О. Марксъ,—А. К. Мартосъ,—П. И. Мартосъ,—А. А. Мартыновъ,—А. Ѳ. Мартыновъ,—В. Мартыновъ,—П. Мартыновъ,—Н. В. Масловичъ,—А. Н. Масловская,—Е. П. Масловъ,—А. Н. Масоловъ,—О. П. Матафтина,—А. Н. Матвѣевъ,—Н. Е. Матвѣевъ,—А. А. Матвѣевъ,—А. П. Матвѣевъ,—У. П. Матвѣевъ,—художн. Б. В. Матте,—Ив. Матченко,—художн. И. И. Матюшинъ,—Н. А. Матякинъ,—А. Маховъ,—П. И. Мацѣевичъ,—Л. С. Мацѣевичъ,—И. А. Мачинскій,—А. А. Маюровъ,—бар. И. К. Медемъ,—К. П. Медоксъ, М. Межаковъ,—бар. Мейендорфъ,—Н. К. Меллеръ,—Эм. Меллеръ,—И. В. Мельниковъ,—Н. Мельницкій,—Меншиковъ,—бар. И. К. Мердеръ,—А. Е. Мерцаловъ,—А. Мечинскій,—И. И. Мечниковъ,—Н. Мечъ,—Мешетичъ,—А. А. Мизеровъ,—А. М. Миклашевскій,—акад. художн. М. О. Микѣшинъ,—К. К. Миллеръ,—П. И. Миллеръ,—И. Миловидовъ,—гр. Г. А. Милорадовичъ,—Е. Н. Милошевичъ,—П. С. Милошевичъ,—А. П. Милюковъ,—М. А. Милютина, рожд. Абаза, по второму супружеству Стиль,—графъ Д. А. Милютинъ,—Ю. Н. Милютинъ,—Г. Минъ,—А. Н. Минхъ,—К. Мирзоевъ,—М. Ѳ. Мирковичъ,—І. Мироновичъ,—П. Мироносицкій,—С. Миропольскій,—А. И. Михайловъ,—В. Михайловъ,—Влад. Вас. Михайловъ,—М. Ѳ. Михайловъ,—прот. В. Я. Михайловскій,—Д. Л. Михайловскій,—от. М. И. Михайловскій,—Я. Л. Михайловскій,—полковн. Г. Михельсонъ,—Н. В. Михно,—І. О. Мишинъ,—В. А. Модерахъ,—А. Ѳ. Можаровскій,—Е. Моллеръ, рожд. Муравьева,—Н. С. Моллеръ,—Меѳ. Мирон. Молчановъ,—Ф. Моль,—А. Морганъ,—графъ А. А. Мордвиновъ,—Д. Л. Мордовцевъ,—А. Л. Мориновъ,—А. И. Моркевичъ,—П. И. Морозовъ,—П. О. Морозовъ,—Д. К. Морозъ,—Е. Т. Морошкина,—И. Я. Морошкинъ,—Я. Морошкинъ,—И. Московскій,—Мравинскій,—А. П. Муликовскій,—Г. А. Муравьевъ (внукъ декабриста),—гр. М. Н. Муравьевъ (внукъ Виленскаго),—о. П. И. Мурзакевичъ,—Н. С. Мусинъ-Пушкинъ,—М. А. Мусницкій,—Е. Ѳ. Муяки,—Авг. Ив. Мясковскій,—художн. Ѳ. А. Мѣркинъ,—А. К. Мѣтлина,—Г. И. Мѣшковъ.

А. А. Навроцкій,—М. Нагорновъ,—Надеждинъ,—А. Н. Надеждинъ,—В. Надпорожный,—К. В. Назарьева,—М. В. Назимова,—контръ-адм. Назимовъ,—от. А. Накропинъ,—А. П. Налимовъ,—В. Напорожскій,—Н. П. Нараповичъ,—П. Ѳ. Нарбутъ,—Н. Нарохницкій,—П. И. Неболсинъ,—Н. К. Невзоровъ,—Я. М. Невѣровъ,—Н. Н. Неёловъ,—Ю. Ѳ. Нейманъ,—С. Неклюдовъ,—Е. С. Некрасова,—И. Некрасовъ,—Н. В. Некрасовъ,—Нелидовъ,—Несвѣтаевъ,—графъ Д. К. Нессельроде,—Н. Я. Нестеровъ—А. А. Неустроевъ,—А. Н. Неустроевъ,—О. Ф. Нечаевъ,—Неѣловъ,—С. А. Никитенко,—В. Н. Никитинъ,—М. Г. Николаевъ,—баронъ А. П. Николаи,—О. Ѳ. Николаи,—А. Никольскій,—

А. А. Никольскій,—С. Никольскій,—Р. Н. Никулинъ,—М. Д. Ниловъ,—Д. Ниловъ, —графъ Ниродъ, —Л. Л. Ничпаевскій, —Н. М. Новицкій, —М. Д. Нововъ,—А. Г. Новоселовъ,—С. Д. Носъ,—А. Е. Носъ.

Обезерскій,—Облеуховъ,—кн. А. А. Оболенскій,—С. Оболенскій,—кн. Ю. Оболенскій,—А. Д. Оболонскій,—Н. А. Огарева-Тучкова,—К. И. Огаревъ,—П. Огіевскій,—Н. Оглоблинъ,—П. И. Огородниковъ,—С. Ф. Огородниковъ,—А. К. Одинцовъ, — Н. А. Одинцовъ, — Н. Ф. Ожеде-Ранкуръ, — Н. П. Озеровъ,—Ю. А. Ознобишинъ, —Н. А. Окуневъ, — П. А. Олферовскій, — М. Я. Ольшевскій, — Н. О. Омельяненко, —Ольхинъ, —В. И. Онупріенко, —А. Онѣгинъ,—от. С. И. Опатовичъ,—И. И. Ореусъ,—В. Ф. Ореусъ,—А. Орловъ,—В. Б. Орловъ, — Ив. Никол. Орловъ,—П. А. Орловъ,—Ф. Ф. Орловъ,—проф. Н. А. Осокинъ,—бар. Остенъ-Сакенъ,—баронесса Л. Остенъ-Сакенъ,—бар. А. А. Остенъ-Сакенъ,—А. Острогорскій,—свящ. С. Остроумовъ,—В. А. Остряковъ,—П. Осѣцкій,—М. Очкинъ.

Л. Н. Павлищевъ,—А. Ѳ. Павловскій,—Павловскій,—И. Ф. Павловскій,—А. А. Павловъ,—А. С. Павловъ,—В. Ѳ. Павловъ,—П. П. Падучевъ,—архим. Паисій (изъ Абиссиніи),—Н. Х. Палаузовъ,—Н. А. Паленовъ,—Н. Палибинъ,—С. М. Палицынъ,—А. В. Пальчиковъ,—А. А. и В. А. Панаевы,—художн. Паннемакеръ,—Н. И. Пановъ,—С. Ф. Панютинъ,—Вс. Панютинъ,—П. А. Панчулидзевъ-Вителль,—С. А. Панчулидзевъ,—С. Ѳ. Папроцкій,—Ѳ. Ѳ. Пардалоцкій,—П. Д. Паренсовъ,—Парландъ, архитекторъ,—М. Д. Пархомовъ,—И. В. Паскачинъ,—В. Пассекъ,—Панфутьевъ,—А. Пахолковъ—В. К. Пашковъ,—В. Пащенко,—И. Пеньковскій,—проф. І. Первольфъ,—П. М. Первушинъ,—Г. Г. Перетцъ, —Э. П. Перцовъ,—Перьфильева,—Н. А. Перьфильевъ, — генер.-лейт. Пестичъ, — проф. Петерсонъ,—Г. П. Петерсонъ,—С. Петровскій,—Алексан. Павл. Петровъ,—П. Петровъ,—Андр. Ник. Петровъ, —проф. Н. И. Петровъ. —П. Н. Петровъ,—П. П. Петровъ,—от. Пирлингъ,—А. А. Пирогова,—В. Н. Пироговъ,—Н. В. Пирожковъ,—А. Н. Писарева,— С. П. Писаревъ, — В. В. Плаксинъ,—А. А. Плансонъ, — ген. отъ арт. Платовъ, — Ю. Ѳ. Платонова.— Н. Н. Платуновъ, —А. Повалишинъ,—А. А. Повало-Швыйковскій,—А. Д. Погодинъ,—И. П. Поддубный, —И. Е. Подтягинъ, —Ѳ. Подтягинъ, —Подушкинъ, —Подшиваловъ,—профес.-граверъ И. П. Пожалостинъ,—Е. Ц. Поздѣевъ,—И. Г. Познанскій,—А. П. Покровскій,—В. Ѳ. Покровскій,—В. И. Покровскій,—протоіер. Г. Покровскій, —Н. В. Покровскій, —П. Н. Полевой, —Ѳ. И. Полежаевъ, —А. П. Полетаевъ,—Н. И. Полетаевъ,—Н. А. Поливановъ,—В. Н. Поливановъ,—Л. И. Поливановъ,—Поликарповъ,—А. С. Полонскій,—Я. П. Полонскій,—А. Полторацкій,—В. Поляковъ,—профес. И. В. Помяловскій,—А. Пономаревъ, —Н. К. Пономаревъ,—Ѳ. Пономаревъ, — С. Пономаревъ, — А. Е. Поповъ, — Анд. Н. Поповъ, — В. Т. Поповъ, —И. С. Поповъ, —Михаилъ Ив. Поповъ, —Николай Поповъ, —Нилъ А. Поповъ, —С. С. Порошина, —С. С. Порошинъ,—А. П.

Порто,—В. О. Португаловъ,—Н. Б. Потокской, — полков. Потто,—П. А. Потѣхинъ,—Н. Н. Правиковъ, — П. Я. Прейсъ,— А. Преображенскій,— А. О. Пржецлавскій, —П. Г. Пржецлавскій,—Ф. И. Приходкинъ,—Д. И. Прозоровскій,—П. К. Прокоповичъ,—М. С. Прокудинъ Горскій,—Пронина,—Н. Н. Протасовъ,—С. В. Протопоповъ,—А. Пругавинъ,—С. Л. Пташицкій,—профес. Александръ Казим. Пузыревскій,—И. А. Пузыревскій,—А. П. Пулло,—А. Пульхеровъ,—А. Г. Пупаревъ,—А. М. Пустоваловъ, — протоіерей М. Путинцевъ, — князь П. А. Путятинъ,—Е. П. Пуценко,—П. А. Пушкаревъ,—А. И. Пущинъ,—А. Н. Пыпинъ,—Д. М. Пѣтуховъ,—М. Пѣтуховъ,—Пѣшковъ,—А. П. Пятковскій.

В. Равизъ,—І. Радзиковскій, — И. Ф. Радзиковскій,—А. Ф. Радченко,—Раздеришинъ,—М. Н. Раевскій,—А. Раменскій,—Е. К. Раппъ,— А. Распоповъ,—П. Н. Распоповъ,—П. С. Ревякинъ,—Р. А. Регменскій, —К. Я. Реймерсъ, —Ѳ. Ѳ. Рейнботъ, —М. Х. Рейтернъ, —И. С. Ремезовъ,—Н. В. Реутскій, —Н. Ржавская,—Н. Ѳ. Ржевская, — графъ А. А. Ржевускій, — Н. Ридингеръ, — Н. В. Ринкъ, — А. Ѳ. Риттихъ, — В. И. Роборовскій,—Д. А. Ровинскій,—Н. Роговъ,—А. И. Роджеръ,—Г. И. Родзевичъ,—Д. П. Родіоновъ,—В. Рожковъ,—от. протоіерей А. И. Розановъ,—М. Г. Розановъ,—Н. И. Розановъ,—докт. М. Б. Розенбергъ,—О. фонъ-Розенбергъ,—В. И. Розенгеймъ,—Д. А.Рокотовъ, —І. Ролке,—Г. Ѳ. Романенко-Щирый, — П.П.Романовичъ,—А. Н. Романовскій,—К. К. Ро..новъ,—С. И. Романовъ,—Ю. А. Романовъ,—П. Рословъ,— графъ А. Ѳ. Ростопчинъ,—П. К. Ротастъ,—В. А. фонъ-Роткирхъ,—графъ И. Н де-Рошфоръ,—Р. . . скій,—Д. И. Ртищевъ,—Д. Рубакинъ,—Ѳ. Рубановскій,—проф. Антонъ Гр. Рубинштейнъ,—проф. М. И. Рубецъ, —С. А. Рудакова, —К. И. Рудницкій, —К. К. Рудницкій, — Н. Рудыковскій, —баронъ В. Р. Руммель,—Л. Е. Руммель,—Е. Д. Руничъ,—А. Ѳ. Рутценъ,—Рыбкинъ,—Н. Рындовскій,—В. Рышковъ,—Е. С. Рѣпина, —художникъ И. Е. Рѣпинъ, —Г. К. Рѣпинскій,—Д. Д. Рябининъ.

Сабуровъ,—акад. П. И. Саввантовъ,—Л. М. Савеловъ,—А. А. Савельевъ,—А. И. Савельевъ,—Савельевъ,—А. В. Савельевъ,—Ѳ. Г. Савенко,—А. А. Савурскій,—Садовскій,—Н. Сажинъ,—Н. Ѳ. Сазоновъ,—В. Сантовъ,—П. И. Саламонъ,—графиня Е. В. Саліасъ, рожд. Сухово-Кобылина (псевдон. въ литерат. Евгенія Туръ),—А. П. Саломовъ,—П. И. Саломонъ,—В. Самариновъ,—Н. Ѳ. Самаринъ,—Н. А. Самойлова, — Н. Самойло, — И. Самсоновъ, — А. Сапожниковъ, — Д. А. Саранчовъ, — М. Е. Саранчовъ. — А. Д. Сатинъ, — В. С. Саховъ, —Свамочкинъ, — артистъ П. М. Свободинъ, — Н. П. Свѣчина, —Т. Н. Седлецкій, —М. Селезневъ,—А. В. Селивановъ,—А. Ѳ. Селивановъ,—Н. Н. Селифонтовъ,—А. Селиховъ,—А. В. Семевская, рожден. Буташевичъ-Петрашевская,—докторъ русск. исторіи В. И. Семевскій,—Е. Н. Семевская, по перв. мужу Водовозова, рожд. Цевловская,—П. И. Семевскій,—Н. А. Семеновскій,—Д. Д. Семеновъ,—И. С. Семеновъ,—Н. П. Семеновъ,—П. П. Семеновъ,—Павелъ А. Семеновъ,— Л. М. Сементовскій, — А. Сементовскій, — Е. Семичева, — К. А. Семковскій, —

К. К. Сентъ-Илеръ, — А. Н. Сергѣевъ, —Сергѣевъ, —А. Серебряковъ, —Л. М. Сердю-кова,—И. О. Сержпутовскій, — Серно-Соловьевичъ, — И. М. Сибиряковъ,—графы Е. Е. и Н. Е. Сиверсъ, — І. Сидорскій, — В. В. Сикорскій, —Д. П. Сильчевскій, —П. В. Симанскій, —Симоновъ, —Н. П. Синельниковъ,—А. Н. Сиротининъ,—Н. Е. Сироткинъ, —Р. П. Ситовскій,—Н. Н. Скалонъ,—А. Е. Скальковскій,—А. А. Скальковскій,—К. А. Скальковскій,—художникъ Г. Н. Скамони, —А. Скворцовъ. —А. И. Скиноеръ, —В. Скипскій,—Б. Скоробогатый,—Ѳ. М. Скородумовъ,—А. И. Скребицкій,—А. М. Скребицкій, —С. Д. Слатинъ, —Ж. Слѣпцова,—А. Слѣпцовъ, —свящ. А. Смирновъ, —А. В. Смирновъ,—В. Смирновъ,—В. П. Смирновъ,—И. А. Смирновъ,—И. К. Смирновъ,—О. Н. Смирнова,—В. Н. Смольяниновъ,—Смѣкаловъ,—Д. Д. Смышляевъ,—В. П. Снѣжневскій,—Н. П. Собко, —А. И. Соболевскій, —Л. Н. Соболевъ, —С. Соболевъ, —А. П. Созановичъ, — М. В. Соймоновъ, —Н. М. Сокованнъ,—В. Соколовскій,—А. И. Соколовъ,—А. П Соколовъ,—А. Н. Соколовъ,—Н. И. Соколовъ, —В. Т. Соколовъ,—Е. И. Соколовъ, —профес. Ѳ. Г. Солнцевъ, —от. П. Соловьевъ, —П. И. Соловьевъ, —Л. Ф. Соловьевъ, — М. В. Соловьевъ,—Солтанъ,—А. И. Сомовъ,—А. Е. Сомовъ,—В. М. Сорокинъ,—И. В. Сорокинъ,—Р. П. Сорокинъ,—Сосновская,—П. Т. Софіенко-Сумляновъ,—В. Д. Спасовичъ,—А. И. Сперанскій,—А. Спицынъ,—И. Сиротининъ,—М. И. Ставраки,—Станевичъ, —А. Станкевичъ,—С. А. Станкевичъ, —Е. П. Старицкій, —А. И. Старкъ, —Старостинъ, —А. В. Старчевскій, — В. В. Стасовъ, —М. М. Стасюлевичъ,—С. В. Стебницкая,—Б. А. Степановъ,—В. П. Степановъ,—М. П. Степановъ,—Н. И. Степановъ,—П. А. Степановъ,—П. Ѳ. Степановъ,—С. Стерлеговъ,—Стишевскій, — А. Д. Столыпинъ,—Сторожевскій, —Н. В. Стороженко,—Стороженко,—А. Г. Стояновская,—Н. И. Стояновскій,—З. Стражева,—М. Страховскій,—А. Страховъ,—Н. Н. Страховъ,—А. И. Стригоцкій,—П. Р. Строгановъ,—В. Стромиловъ,—Н. С. Стромиловъ,—Строевъ,—Стронинъ,—Б. В. Струве,—Д. М. Струковъ,—Д. Струковъ,—М. Д. Струковъ,—Стрѣлковъ,—Г. И. Студенкинъ,—С. Ступишинъ, —М. М. Субботинъ, —Н. И. Суворовъ, —С. Судаковъ, — І. М. Судіенко, —С. Н. Сулима, —Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирей, —В. Сульменевъ,—А. П. Сумароцкая,—Н. Ѳ. Сумцовъ, —П. Суходольскій,—Д. П. Сушковъ,—профес. П. П. Сущинскій,—Е. А. Сысоева,—С. П. Сысоевъ,—П. Сѣверцовъ,—Л. А. Сѣрякова, рожд. Тицъ.

А. О. Таборовскій,—Д. Г. Тальбергъ,—В. Таницкій,—А. Танковъ,—П. Е. Татариновъ,—графъ Н. И. Татищевъ,—бар. А. Ф. Таубе,—о. протоіерей Арс. Вас. Тачаловъ,—А. В. Телесницкій,—А. З. Теляковскій,—Е. А. Теляковскій,—Н. Теляковскій, —А. А. Телятниковъ,—Темниковъ,—В. В. Тенишевъ,—В. А. Тепловъ, —Ѳ. А. Теплоуховъ, —Н. М. Тереховъ,—А. Н. Тетеревниковъ, —А. Т. Тимановскій,—Тимофѣевъ,—А. И. Тимофѣевъ,—Вѣра Вас. Тимощукъ, рожденная Кузнецова,—Тимченко-Рубанъ,—Н.Титова,—А А. Титовъ,—В. П. Титовъ, —Н. Н. Титовъ, —Т. Тихменевъ, —И. Тихомировъ, —А. Е. Тихонравова,—Д. А. Тихонравовъ,—проф. Н. С. Тихонравовъ,—Т. А. Тихонравовъ,—

Д. Д. Тогольскій, — Вас. Толстой, — графиня С. А. Толстая, — гр. И. И. Толстой,—графъ Л. Н. Толстой,—гр. М. В. Толстой,—П. С. Толстой,—В. М. Толстой, — Томашевъ,—А. М. Томилина, — Н. Е. Топчіевъ,—П. Травинъ, — г. Трахтенбергъ, —Н. Трескинъ, —В. Третескій, —Л. Н. Трефолевъ, —В. Г. Трироговъ, —А. Трифоновъ, — П. Трофимовскій, —Н. А. Трохимовскій, — Д. А. Трощинскій,—А. Н. Труворовъ, —А. Тулова,—А. Д. Тумановъ, —князь К. М. Тумановъ,—В. В. Тунашевскій,—В. В. Тупоменскій,—Турау,—кн. Н. Н. Туркестановъ,—И. Н. Турчаниновъ, —В. А. Туръ,—В. Тухомлицкій, — Н. П. и М. П. Тучковы, — Алексѣй Тыртовъ,—И. И. Тѣльновъ, – И. А. Тютчевъ.

Д-ръ Ульрихсонъ,—А. М. Унковскій,—В. А. Успенскій,—М. П. Успенскій,—Успенскій,—П. М. Устимовичъ.

Н. Фадѣева,—М. Н. Фатѣевъ,—Н. Федоровъ,—Н. М. Федоровъ,—Н. Федотьевъ,—А. Федоченко,—А. И. Фелькнеръ,—Я. Фетистовъ,—А. Фехнеръ,— М. А. Филипповъ,—Т. И. Филипповъ,—А. П. Философова,—В. Д. Философовъ,— профес. Н. А. Фирсовъ,—В. С. Флеринъ,—К. Н. Флиге,—Н. Ѳ. Фанъ-деръ Флитъ,—Д. Флоринскій,—О. Е. Франкъ,—бар. В. А. Фредериксъ,—Фрезе,— А. Г. Фрикенъ,—Фролковъ,—А. Е. Фролова,—Н. А. Фроловъ,—Фурдуевъ.

Ханъ-Аговъ,—И. К. Херсонскій,—Хижняковъ,—С. А. Хмырова,—Хмѣльницкій,—Н. Ф. Хованскій,—А. А. Ходневъ, —Д. Ѳ. Хомутовъ,—П. Ф. Хомутовъ, — от. А. Хорошуновъ, — Г. Р. Хорули, —И. Е. Хорунженковъ,—А. Н. Хребтовъ,—П. Хржановскій,—И. Христофоровъ,—Н. Христофоровъ,—М. Н. Хрущовъ,—А. Хрѣновскій,—Н. Хупотскій.

Цвиленевъ,—С. Ѳ. Цвѣтковъ,—И. Е. Цвѣтковъ,—М. Р. Цебрикова,—Цебриковъ,—М. И. Цейдлеръ,—кн. Д. Н. Цертелевъ.

Адамъ Мих. Чайковскій,—гр. Э. К. Чапскій,—А. И. Чарторижскій,—В. С. Чеважевскій,—В. Р. Чевскій,—Ѳ. Ѳ. Чекалинъ,—Н. М. Челищевъ,—Н. Т. Черевинъ,—И. А. Черемухинъ,—П. А. Черкесова,—И. Черновъ,—В. Ф. Чернышевъ,—М. Г. Черняевъ,—К. А. Четверухинъ, –В. Н. Чеховъ,—В. Е. Чешихинъ,—Г. С. Чириковъ,—проф. И. А. Чистовичъ,—Л. М. Чичаговъ,—А. Чичеринъ,—И. Чичеринъ,—М. М. Чичаговъ,—Н. Чуйковъ,—А. А. Чумиковъ.

Г. А. Эзовъ,—І. Эйзенъ-фонъ-Шварценбергъ,—Г. Эйнышъ,—А. Экземплярскій,—Э. Элерсъ,—Н. А. Энгельгардтъ,—Э. К. Энгманъ,—К. Г. Эрнротъ.

А. С. Шагубатовъ, — Е. А. Шакѣевъ, — П. П. Шалфѣевъ, — И. И. Шамшевъ,—проф. живоп. А. І. Шарлемань,—Ф. А. Шатовъ,—кн. Ив. Шаховской,— Н. Шаховской,—В. И. Шаховской,—П. Шванебахъ,—Е. Г. Шварцъ,—К. Н. Шварцъ,—И. А. Шмаковъ, —П. В. Шейнъ,—Шелехова, —В. И. Шенрокъ,—

Н. Шеншинъ,—А. В. Шереметевъ,—М. М. Шемшуръ,—Л. И. Шестакова, рожд. Глинка,—П. Д. Шестаковъ,—И. І. Шеталовъ.—Н. И. Шигановъ,—Ѳ. А. Шидловскій,—Н. К. Шильдеръ,—Н. И. Шильдеръ,—Шимановъ,—Ѳ. Ѳ. Шиманъ,—И. И. Шимко,—Н. Ширяевъ,—Н. И. Шишкинъ,—А. Д. Шишковъ,—С. Д. Шишковъ,—А. Шкляревскій,—Я. Шлегель,—А. О. Шлейснеръ,—И. А. Шляковъ,—Шляпкинъ,—А. С. Шляхтинъ, —И. А. Шмаковъ,—М. Ѳ. Шогуровъ,—профес. Штейнгейль (въ Марбургѣ),—Н. К. Штрандманъ,—г-жа Штукенбергъ,—А. И. Шубертъ,—С. Н. Шубинской, — Д. П. Шубинъ-Поздѣевъ, — Б. В. Шульцъ,—П. А. Шульцъ, —А. Д. Шумахеръ, — Д. Шумиловъ, — Шумлянскій, —А. Шуровскій.

Н. А. Щепкинъ,—Н. П. Щепкинъ,—С. П. Щепкинъ,—А. Щербаковъ,—Щербачевъ, —Н. Щеховскій,—В. Р. Щиглевъ.

М. Л. Юдинъ,—П. Л. Юдинъ,—В. М. Юзефовичъ,—Н. Юнгъ,—А. Юргенсонъ,—К. А. Юргенсъ,—П. И. Юркевичъ,—П. О. Юрченко,—Юшковъ.

Д. Д. Языковъ,—С. М. Якимахъ,—проф. живоп. В. И. Якобій,—П. Н. Якоби,—В. А. Яковлевъ,—С. А. Яковлевъ,—Якубовичъ,—Б. Якунчиковъ,—Вяч. Евгеніевичъ Якушкинъ,—Е. И. Якушкинъ,—И. И. Янжулъ,—Г. Д. Яновичъ, — С. Х. Янковскій, — Л. И. Янушъ, — А. И. Янъ, — М. А. Ярославскій,—С. А. Ярошъ,—П. Ясницкій, —В. Н. Ястребовъ, — А. Н. Яхонтовъ,—княгиня Е. М. Яшвиль, рожденная Орлова.

Н. Н. Ѳедоткинъ.

Изд.-редакторъ «Русской Старины» **Михаилъ Ивановичъ Семевскій,** членъ Археографической коммиссіи при Министерствѣ Народнаго просвѣщенія;—почетный членъ археологическаго института,—почетный членъ общества археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ,—почетный членъ Ростовскаго (въ Ярославской губ.) музея церковныхъ древностей,—почетный членъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края,—членъ императорскихъ обществъ: любителей древней письменности (чл.-сотрудн., въ Сбп.),—исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ и Новороссійскомъ (въ Одессѣ) университетахъ, — русскаго археологическаго общества (въ Спб.) и русскаго географическаго;—членъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій: Нижегородской, Пермской, Рязанской, Саратовской, Тамбовской и Тверской;—русскаго антропологическаго общества (въ Спб.);—русскаго литературнаго общества (въ С.-Петербургѣ);—общества любителей Россійской словесности (въ Москвѣ); — Псковскаго статистическаго комитета,—и членъ королевскаго общества исторіи въ Лондонѣ.

Вслѣдъ за спискомъ нашихъ сотрудниковъ „Русской Старины" долгомъ считаемъ поименовать, съ глубокою признательностію къ памяти, нижеслѣдующихъ покойныхъ лицъ: И. С. Аксаковъ,—С. А. Амировъ,— Л. Н. Антроповъ, — А. П. Арбузовъ, — проф. Н. Я. Аристовъ, — А. И. Артемьевъ, — В. И. Асташевъ, — А. Н. Афанасьевъ, — А. Ѳ. Багговутъ, — Я. П. Баклановъ, —А. Д. Бантышъ-Каменская, —П. И. Барановъ, — А. А. Баранцевъ, — князь А. И. Барятинскій, — Л. П. Батюшковъ, — А. П. Башуцкій, — профес. Н. В. Бергъ, —Ад. П. Берже, — Е. А. Бестужева, —М. А. Бестужевъ (декабристъ),—профес. М. И. Богдановичъ,—профес. О. М. Бодянскій,—М. П. Болотовъ, —Борисевскій, —худож. Н. К. Брезе,—адм. Бутаковъ,—баронъ Бутлеръ,—Н. Д. Быковъ,—А. П. Бѣляевъ (декабристъ),—профес. И. Д. Бѣляевъ,— В. Н. Ваксель,— И. П. Варпаховскій,—П. П. Васильевъ,—кн. А. И. Васильчиковъ,—Георгъ Веберъ (въ Гейдельбергѣ),—К. Н. Вельяминовъ,—Н. В. Веригинъ,—А. Ѳ. Волковъ,—Андрей Степанов. Вороновъ,—Н. М. Востоковъ,— баронъ Б. А. Вревскій, — И. В. Вунчъ, — А. Н. Вульфъ, — от. И. Гагаринъ (іезуитъ), — В. П. Гаевскій, — Г. Н. Геннади, — Н. В. Гербель, — профес. Эрнестъ Германъ (въ Марбургѣ),—П. П. фонъ Гецъ,—А. Ѳ. Гильфердингъ,— Ѳ. Н. Глинка,—К. П. Голенко,—Я. Ѳ. Головацкій,—А. В. Головнинъ,—свѣтл. кн. А. М. Горчаковъ, — А. К. Гриббе, — профес. А. Д. Градовскій, — Я. И. Григорьевъ,—С. И. Гуляевъ.—В. Д. Давыдовъ,—В. И. Даль,—Данильченко,— П. М. Дараганъ,—кн. П. П. Демидовъ санъ-Донато,—М. Ѳ. Де-Пуле,—Н. Н. Де-Прерадовичъ, —К. И. Домонтовичъ,—М. Л. Дубельтъ,—Н. П. Дуровъ,— И. И. Европеусъ, — А. П. Есиповъ, — А. П. Заблоцкій-Десятовскій, — Д. Н. Замятнинъ, — С. И. Зарудный — К. К. Злобинъ, — И. Ѳ. Золотаревъ,—В. А. Золотовъ. — П. Д. Золотовъ. — П. Д. Зотовъ,— К. А. Зыбинъ,—В. А. Инсарскій,—А. Г. Казначеевъ,—Н. В. Калачовъ,— Ф. В. Каразинъ,— В. Н. Карамзинъ, — А. М. Каратыгина, рожден. Колосова, — П. А. Каратыгинъ, — П. П. Каратыгинъ, — Е. П. Карновичъ. — С. Д. Карповъ,—бар. Кене,—Н. Х. Кетчеръ,—Д. И. Кипіани,—А. Н. Кирилинъ,—А. М. Княжевичъ,—О. А. Кобеко, рожд. Шакѣева, —М. Е. Ковалевскій,—О. И. Константиновъ,—графъ М. А. Корфъ, — баронъ Н. А. Корфъ, — Я. Н. Костенецкій, — профессоръ Н. И. Костомаровъ, — графъ П. Е. Коцебу, — А. А. Краевскій, — А. А. Красильниковъ, — В. А. Краснокутскій, — И. И. Красовскій, — А. Н. Креницынъ,— генер. лейтен. Кузминъ, — Г. И. Кузьминскій, — С. Е. Кулѣша, —кн. А. Б. Куракинъ, — от. К. Кустодіевъ, — М. В. Кюхельбекеръ, — П. П. Ламбинъ,— професоръ П. С. Лебедевъ, — А. И. Левшинъ, — Л. Л. Леонидовъ, — А. Ф. Леопольдовъ, — Е. Ф. Лермонтова,—М. Н. Лонгиновъ,—графъ М. Т.Лорисъ-Меликовъ, — М. Н. Любощинскій, — княгиня С. А. Мадатова, — В. Н. Майновъ,—С. М. Макарова,—Л. С. Маковъ,—Б. М. Маркевичъ,—М. А. Марковъ,— от. Ив. Мартыновъ (іезуитъ), — кн. Н. Масальскій, — П. И. Мельниковъ,— П. К. Менковъ,—П. Н. Меншиковъ,—Г. И. Мигринъ,—проф. О. Ѳ. Миллеръ,—

Милюковъ, — М. П. Митковъ, — от. М. Я. Морошкинъ, — М. И. Муравьевъ-Апостолъ (декабристъ), — Ѳ. Н. Муратовъ, —Н. Н. Мурзакевичъ, —П. А. Мухановъ,—М. А. Назимовъ (декабристъ),—А. С. Наставинъ,—проф. акад. А. В. Никитенко,—профес. А. И. Никитскій,—профес. В. В. Никольскій,—кн. Д. А. Оболенскій,—А. Одинцовъ,—Ѳ. К. Опочининъ,—Г. А. Орловъ,—Н. М. Орловъ (сынъ декабриста),—И. Т. Осининъ,—гр. Д. Е. Остенъ-Сакенъ,—А. Н. Островскій,—И. Д. Павловскій,—Т. П. Пассекъ,—И. А. Пашковъ,—акад. П. П. Пекарскій,—А. Г. Петровъ —В. П. Петровъ,—профес. Н. И. Пироговъ,—С. И. Погодина,—А. О. Подвысоцкій,—А. И. Подолинскій,—А. Н. Поповъ,—М. Н. Похвисневъ, —Н. М. Пржевальскій, —О. А. Пржецлавскій, —М. М. Рангъ, — В. Ѳ. Ратчъ,—Н. А. Ратынскій,—А. В. Рачинскій,—Людмила Ив. Рикордъ,— Н. П. Розановъ,—М. П. Розенгеймъ,—баронъ А. Е. Розенъ (декабристъ),— ген.-лейт. Д. И. Романовскій,—Н. И. Ростиславовъ,—Д. И. Рудаковъ,—А. И. Рыжовъ,—Д. П. Садовниковъ,—М. Е. Салтыковъ,—артистъ В. В. Самойловъ,— проф. И. И. Свіязевъ, —П. Н. Свистуновъ (декабристъ), —А. С. Сгибневъ, — И. В. Селивановъ,—И. Е. Семевскій,—А. И. Семевскій,—В. А. Семевскій,— Татьяна Мих. Семевская,—К. С. Сербиновичъ,—баронъ М. Н. Сердобинъ,— А. Е. Сеславина, рожден. Семевская,—Д. И. Скобелевъ,—акад. и профес. С. М. Соловьевъ,—И. И. Сосницкій,—Т. А. Сосновскій,—А. Л. Спаскій,— Е. Э. Старковъ,—Н. И. Стародубскій,—Н. П. Степановъ,—Э. И. Стоговъ,— В. Я. Стоюнинъ, — кн. Италійскій графъ А. А. Суворовъ Рымникскій, — от. А. П. Сулоцкій, — акад.-грав. Л. А. Сѣряковъ, — К. Н. Тихонравовъ,— Токарева,—графиня А. И. Толстая,—графъ Д. А. Толстой,—графъ Ѳ. П. Толстой, — А. В. Топоровъ, — Туганъ-Мирза-Барановскій, — С. И. Турбинъ,— С. И. Тургеневъ, — кн. С. Н. Урусовъ,— В. И. Фелькнеръ,— баронъ А. Фредериксъ, — бар. Н. П. Фредериксъ,— А. В. Фрейгангъ,— М. Д. Хмыровъ,— И. Р. фонъ-деръ Ховенъ, — Н. Р. Цебриковъ (декабристъ), — А. Цимбалистовъ,—Мих. Чайковскій (Садыкъ-Паша),—В. И.Чаславскій, — Адамъ Петр. Чеботаревъ,—ген.-адъют. К. В. Чевкинъ, — И. А. Чернавскій, — Е. В. Чешихинъ, — проф. Я. А. Чистовичъ, — П. А. Чумиковъ, — Н. К. Чупинъ,— Б. С. Шевыревъ, І. И. Шишкинъ, — Т. И. Шишкинъ, — баронъ В. И. Штейнгейль (декабристъ),—А. И. Штукенбергъ,— В. К. Шульцъ, — П. К. Щебальскій,— М. П. Щербининъ,—Н. Н. Щукинъ,—А. И. Языковъ,—Ястржемскій,—Б. М. Ѳедоровъ,—сообщенныя ими Записки (мемуары), изслѣдованія, статьи, письма и бо́льшія или меньшія собранія историческихъ матеріаловъ или даже цѣлые фамильные архивы, напр. Бестужевыхъ,—К. В. Чевкина и др., — находятся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины", и тѣ, которые до сихъ поръ не были еще ею изданы, постепенно будутъ печататься на страницахъ этого историческаго изданія.

[1870—1889 гг.].

24-го ноября 1889 г.

„Русская Старина" и ея подписчики

въ 1889 году.

Въ 1889 г. экземпляры „Русской Старины" распредѣлялись слѣдующимъ образомъ, по мѣсту подписки, по губерніямъ и областямъ:

1. Абобіорнеборгской губ.	1	24. Закаспійской обл.	22
2. Акмолинской обл.	18	25. Иркутской губ.	57
3. Амурской обл.	13	26. Казанской	84
4. Архангельской губ.	17	27. Калишской	15
5. Астраханской	34	28. Калужской	40
6. Бакинской	21	29. Карской обл.	10
7. Бессарабской	61	30. Кіевской губ.	147
8. Варшавской	75	31. Ковенской	30
9. Виленской	48	32. Костромской	42
10. Витебской	29	33. Кубанской обл.	52
11. Владимірской	65	34. Курляндской губ.	11
12. Вологодской	25	35. Курской	59
13. Волынской	57	36. Кутаисской	26
14. Воронежской	83	37. Кѣлецкой	11
15. Выборгской	12	38. Лифляндской	41
16. Вятской	44	39. Ломжинской	21
17. Гродненской	34	40. Люблинской	37
18. Дагестанской обл.	10	41. Минской	35
19. Донской обл.	55	42. Могилевской	30
20. Екатеринославской губ.	107	43. Московской	54
21. Елисаветпольской	14	44. Нижегородской	45
22. Енисейской	17	45. Новгородской	58
23. Забайкальской обл.	43	46. Нюландской	10

47.	Олонецкой	17
48.	Оренбургской	30
49.	Орловской	65
50.	Пензенской	45
51.	Пермской	97
52.	Петроковской	16
53.	Плоцкой	21
54.	Подольской	50
55.	Полтавской	96
56.	Приморской обл.	43
57.	Псковской губ.	40
58.	Радомской	14
59.	Рязанской	60
60.	Самаркандской обл.	7
61.	Самарской губ.	49
62.	С.-Петербургской	71
63.	Саратовской	82
64.	Семипалатинской обл.	2
65.	Семирѣченской	20
66.	Симбирской губ.	39
67.	Смоленской	53
68.	Ставропольской	19
69.	Сувалкской	15
70.	Сѣдлецкой	15
71.	Сыръ-Дарьинской обл.	31
72.	Тавастгусской губ.	2
73.	Таврической	123
74.	Тамбовской	79
75.	Тверской	44
76.	Терской обл.	48
77.	Тифлисской губ	80
78.	Тобольской	30
79.	Томской	33
80.	Тульской	60
81.	Уральской обл.	8
82.	Уфимской губ	31
83.	Ферганской обл.	14
84.	Харьковской губ.	117
85.	Херсонской	188
86.	Черниговской	77
87.	Эриванской	10
88.	Эстляндской	6
89.	Якутской обл.	10
90.	Ярославской губ.	55

Итого **3832**

II. Въ Москвѣ:

съ доставк. и безъ доставки — 498

III. Въ С.-Петербургѣ:

съ доставк. и безъ доставки — 1155

IV. За границею 60

Всего разошлось въ 1889 г. **5545**

Завѣдующая экспедиціей журнала „Русская Старина“ *А. Н. Писарева.*

23 ноября 1889 г.
С.-Петербургъ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ LXI, LXII, LXIII и LXIV томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1889 г.

Сост. указатель Вѣра Вас. Тимощукъ.

Примѣчаніе. Вѣрѣ Васильевнѣ Тимощукъ принадлежитъ обширный трудъ по составленію «Указателя» — въ него за 1889-й годъ вошло всего 4074 личныхъ именъ, встрѣчающихся въ «Русской Старинѣ» изданія этого года. — В. В. Тимощукъ составляетъ Указатели къ „Русской Старинѣ", ежегодно, съ 1883 г. Ред.

ВЪ ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХЪ ЧЕРНОГОРЦЕВЪ.

Опредѣленіе Святѣйшаго Сѵнода, отъ 3-го ноября 1889 г., о сборѣ пожертвованій

По указу Его Императорскаго Величества святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ имѣли сужденіе о тяжкомъ бѣдствіи, постигшемъ жителей единовѣрной и единоплеменной намъ страны Черногоріи. Приказали: Попущеніемъ Божіимъ доблестный въ православной вѣрѣ черногорскій народъ угнетенъ великимъ бѣдствіемъ—голодомъ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ бездождіе породило въ странѣ засухи, сопровождавшіяся повсемѣстными неурожаями, а въ нынѣшнемъ году положеніе жителей еще болѣе ухудшилось—крайній недостатокъ хлѣба и жизненныхъ припасовъ вызвалъ голодъ; больные и дѣти нуждаются въ кускѣ насущнаго хлѣба, и родители, дабы найти средства пропитанія въ странахъ чуждыхъ, вынуждаются оставлять родную страну, для защиты которой нѣкогда не щадили ни имущества, ни самой жизни. Княжеское правительство прилагало и прилагаетъ всемѣрное попеченіе объ облегченіи несчастной участи страждущихъ, но народное бѣдствіе такъ велико, а средства правительства такъ ограничены, что настоитъ неотложная надобность въ сторонней помощи. Въ твердомъ упованіи, что возлюбленныя о Господѣ чада нашей Святой Соборной и Апостольской церкви, по искони отличавшему ихъ состраданію къ впадшимъ въ несчастіе братьямъ нашимъ по вѣрѣ, памятуя спасительную Христову заповѣдь любви, милосердно подвигнутся на посильную помощь бѣдствующимъ жителямъ Черногоріи, Святѣйшій Сѵнодъ за благо признаетъ поручить Епархіальнымъ Преосвященнымъ, Сѵнодальнымъ Конторамъ—Московской и Грузино-Имеретинской, завѣдывающему придворнымъ духовенствомъ духовнику Ихъ Императорскихъ Величествъ и главному священнику гвардіи, гренадеръ, арміи и флота: 1) сдѣлать безотлагательное распоряженіе о производствѣ во всѣхъ церквахъ Имперіи въ первые два, по полученіи настоящаго распоряженія, воскресные или праздничные дня, кружечнаго сбора въ пользу бѣдствующихъ отъ голода жителей Черногоріи, вмѣнивъ при семъ духовенству въ обязанность, чтобы оно, предъ самымъ сборомъ, объяснило прихожанамъ причину и назначеніе сбора, и 2) предложить причтамъ и церковнымъ старостамъ оказать, по ихъ личному усмотрѣнію и по соображеніи съ церковными средствами и мѣстными нуждами, возможное пособіе голодающимъ изъ церковныхъ суммъ, съ тѣмъ, чтобы деньги, какъ собранныя въ кружку, такъ и назначенныя изъ суммъ церквей, безъ замедленія, были препровождены, при надлежащемъ актѣ, за подписью причта и церковнаго старосты, по принадлежности въ консисторіи, конторы и канцеляріи духовника Ихъ Величествъ и Главнаго священника, которыя обязываются немедленно доставлять таковыя деньги въ хозяйственное при святѣйшемъ сѵнодѣ управленіе для отсылки по принадлежности, о чемъ и опредѣляетъ для зависящихъ къ исполненію распоряженій напечатать настоящее постановленіе въ журналѣ „Церковныя Вѣдомости“.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1889 г.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка, разсказы, матеріалы, замѣтки.

Исторія русской литературы.

Исторія искусствъ.

Портреты.

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Сочиненія М. Н. Загоскина. Спб. въ 8 д., 1889 г., семь томовъ, съ портретомъ автора, исполненнымъ на стали, у Брокгауза, въ Лейпцигѣ (На оберткѣ X-й книги «Русской Старины» изд. 1889 г.).

2. Исторія среднихъ вѣковъ. Съ приложеніемъ очерка средневѣковой исторіографіи и родословн. таблицъ. Университетскія чтенія профессора Н. А. Осокина. 1888 и 1889 гг., въ 8 д. Томъ I (до XIII столѣтія), стр. VIII+608+115+XXXII. Томъ второй; часть первая: XIII-ое столѣтіе, стр. VI+608; часть вторая—XIV и первая половина XV-го столѣтія, стр. VI+524+74. (Тамъ-же).

3. Богородицкая гора въ Эстляндіи. Михаила Н. Хорузина, † 25-го сентября 1888 года. Москва, 1889, въ 8 д., стр. 149, съ рисункомъ (Тамъ-же).

4. Сборникъ службъ, молитвъ и пѣснопѣній, употребляемыхъ при богослуженіяхъ въ православной церкви, съ объясненіемъ непонятныхъ словъ и оборотовъ рѣчи на русскомъ языкѣ. Руководство для училищъ, гдѣ введено церковное пѣніе, и для церковно-приходскихъ школъ. Состав. А. Н. Ушаковъ, Москва, 1889 года, въ 8 д., стр. 240. (Тамъ-же).

5. Тверь въ XVII вѣкѣ. Историческій и археологическій путеводитель по городу Твери. Изслѣдованіе Н. Н. Овсянникова, члена Тверской ученой архивной комиссіи и друг. обществъ. Тверь, 1889 года, въ 8 д., стр. 41, съ чертежами и рисунками. (Тамъ-же).
О фамильномъ архивѣ Тверскихъ дворянъ Милюковыхъ. Вл. А. Плетнева. Изд. Тверской ученой комиссіи. Тверь, 1889 г., въ 8 д., стр. 41, съ родословными таблицами. (Тамъ-же).

6. Сочиненія В. Д. Спасовича. Т. I и II. Спб. 1889, стр. 286 и 406. Зам. А. Ѳ. Кони. (На оберткѣ XI-й книги «Русской Старины», изд. 1889 г.).

7. Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова. Подъ редакціей приватъ-доцента спб. университ. И. А. Шляпкина. Въ двухъ томахъ. Изданіе И. П. Варгунина. Спб. 1889. 8д. Т. I. Прозаическія статьи и переписка. XLVIII + 472 + IV стр., съ приложеніемъ двухъ портретовъ Грибоѣдова и факсимиле его почерка. Т. II. Поэзія. 356+II+IV стр., съ приложеніемъ портрета Грибоѣдова и нотъ. (Тамъ-же).

8. Памятники древняго православія въ городѣ Владимірѣ-Волынскомъ. Состав. и изд. Е. Н. Дверницкій, съ рисунками. Кіевъ, 1889 г., въ 8 д., стр. 66.

9. Сборникъ Импер. Русскаго историческаго общества. Томъ LXVI, 681 стр.; т. LXVII, 578 стр.; т. LXVIII, 741 стр. Спб. 1889. (На оберткѣ XII-й книги „Русской Старины", изд. 1889 г.).

10. Кунгурскіе акты XVII вѣка (1668—1699). Изданіе А. Г. Кузнецова. Редакт. А. А. Титовъ. Спб. 1888, XX+292. (Тамъ-же).

11. Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси, изданный коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевск., Подольск. и Волынск. ген.-губ. Кіевъ, 1888, LIX+322. (Тамъ-же).

12. Н. С. Соколовъ. Расколъ въ Саратовскомъ краѣ. Опытъ изслѣдованія по неизданнымъ матеріаламъ. Т. I. Поповщина до 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія. Саратовъ. 1888. XXIV+480 стр. (Тамъ-же).

13. Путевыя записки по Сибири архіеп. Нила. Съ фотолитогр. портр. автора. Ярославль, 8 д., 2 ч., стр. 497+XI алфав. указат. (См. X книгу «Русск. Ст.» изд. 1889 г., стр. стр. 245—247).

14. Өедоръ Яковлевичъ Мирковичъ, 1789—1866. Спб., 1889 г., въ б. 8 д., стр. 450+269. (См. XII книгу «Русск. Ст.» изд. 1889 г.), стр. 833—835).

Замѣтки и поправки.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1889 г., т. LXIV, книга ноябрь, Н. М. Лисовскій проситъ почитателей А. Г. Рубинштейна сдѣлать пополненія къ біографической и библіографической лѣтописи Антона Григорьевича. Въ виду этого заявленія г. Лисовскаго, привожу небольшую справку:

Въ журналѣ П. Н. Полеваго «Живописная Библіотека» (1859 г.), въ статьѣ «Характеристика музыкальной дѣятельности Листа» (безъ подписи), авторъ говоритъ: «Изъ современныхъ виртуозовъ Листу, по общему мнѣнію, можно противопоставить г. Антона Рубинштейна». Отзывъ очень краткій, но свидѣтельствующій о томъ, что Антонъ Григорьевичъ уже въ 1859 г. признавался равнымъ Листу, т. е. царемъ піанистовъ.

А. Страховъ.

Москва.
13-го ноября 1889 г.

Въ статьѣ: «Друзья и знакомые Н. В. Гоголя», книга августъ, изд. 1889 г., стр. 370, строка 17 снизу, напечатано: неопредѣленности, слѣдуетъ читать: непремѣнности.

В. Ш.

Въ «Дневникѣ А. В. Никитенко», книга ноябрь, изд. 1889 г., на стр. 330, строка 13 снизу, напечатано: что я хочу, слѣдуетъ читать: что я не хочу; тамъ-же, стр. 333, строка 14 снизу, напечатано: у насъ получается, слѣдуетъ читать: у насъ пользуется.

С. Н.

---

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ"

изд. 1884 г. (ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ).

съ портретами: имп. **Елисавета Алексѣевна**; Его Имп. Выс. Вел. Кн. **Константинъ Николаевичъ**; митрополитъ С.-Петербургскій **Исидоръ**; гр. **Аракчеевъ** и **Н. Ѳ. Минкина**; гр. **И. И. Дибичъ-Забалканскій**; **Пушкинъ** (отпечатанъ красками); **Лермонтовъ**; **Н. А. Некрасовъ**; **Н. И. Пироговъ**; педагогъ бар. **Н. А. Корфъ**; **В. В. Самойловъ**; портретъ-группа: лордъ **Рогланъ**, марш. **Пелисье** и **Омеръ-паша** подъ Севастополемъ въ 1855 г. Рисунки: проектъ памятника на могилѣ **Волынскаго**—академ. М. А. Щурупова; имп. **Александръ II**, рисунокъ со статуи, исполн. академ. П. П. Забѣлло; **судъ на Руси**, старинная каррикатура.

Содержаніе: Записки Штрандмана, 1771—1780 гг.;—Записки декабриста М. А. Фонвизина: очерки русской исторіи;—Мих. Ник. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ, 1816—1821 гг., разск. бар. А. Е. Розена;—Разсказы кн. Ал. Ник. Голицына: Александръ I и его время, сообщ. гр. П. А. Валуевъ;—Императрица Елисавета Алексѣевна въ воспом. кн. С. А. Мадатовой;—Зап. Д. И. Ростиславова о бѣломъ духовенствѣ;—Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева;—Дневникъ декабриста В. К. Кюхельбекера въ заключеніи, 1831—1834 гг.;—Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1850 гг., зап. М. И. Пущина;—Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853—1854 гг.; зап. М. Я. Ольшевскаго;—Моск. воспом. Н. В. Берга, 1845—1855 гг.;—Зап. сен. Я. А. Соловьева о крест. дѣлѣ, 1858—1859 гг.;—Виленскіе очерки, 1863—1865 гг.;—Русскій губернаторъ въ Ц. Польск., 1866—1868 гг.;—Въ Прибалтійскомъ краѣ, 1856—1876 гг.;—Зап. ст.-секр. А. Ѳ. Гамбургера;—Зап. педагога бар. Н. А. Корфа;—Посмертныя записки Николая Ив. Пирогова;—Записки-автобіографія крестьянина-поэта С. Д. Дрожжина.

Изслѣдованія и очерки: профес. Д. И. Иловайскаго;—профес. И. А. Линниченко;—очеркъ С. Л. Пташицкаго;—Патр. Никонъ по вновь открытымъ Н. А. Гиббенетъ матеріаламъ, 1658 г.;—Екатерина II и Дидро, изсл. В. А. Бильбасова;—Настасья Минкина, домоправительница гр. Аракчеева;—Ермоловъ и его кебинныя жены, очеркъ Ад. П. Берже;—Гр. Каподистрія и гр. К. В. Нессельродъ;—Имп. Елисавета Алексѣевна, очеркъ гр. С. С. Уварова;—Польское возстаніе въ 1830—1831 гг., разсказъ Мохнацкаго и переписка имп. Николая I съ гр. Дибичемъ;—Холера въ Спб. въ 1831 г., очерки и разсказы;—Имп. Николай I на Кавказѣ въ 1837 г., очеркъ Ад. П. Берже;—Разсказъ правосл. латыша Индрика Страумита, 1845—1846 гг.;—Въ правит. сенатѣ въ 1840—1852 гг.;—Имп. Николай I: записка его объ укрѣпленіи границъ Россіи;—Кн. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ М. Т. Лорисъ-Меликову (нынѣ графу), 1852—1857 гг.;—Князь Мих. Дм. Горчаковъ: записка о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгріи, 1860 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его мѣропріятія въ с.-з. Россіи 1864 г.;—Ник. А. Милютинъ въ Ц. Польскомъ;—Вредныя секты, очерки А. Пругавина;—19-ое февраля: чествованіе этого дня лицами, принимавшими участіе въ созданіи Положеній о крестьянахъ 1861 г.—Писатели: А. П. Сумароковъ,—В. А. Жуковскій,—Н. И. Гнѣдичъ,—Д. В. Давыдовъ,—К. Н. Батюшковъ,—А. С. Пушкинъ,—М. Ю. Лермонтовъ,—Н. В. Гоголь,—Сырокомля,—Т. Г. Шевченко,—Н. Г. Помяловскій,—гр. А. К. Толстой,—Ѳ. М. Достоевскій,—И. С. Тургеневъ,—артистъ В. В. Самойловъ—въ ихъ письмахъ, воспоминаніяхъ, очеркахъ жизни и дѣятельности

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ

Льва Александровича МЕЯ.

Пять томовъ съ 2 портретами автора и критико-біографическимъ очеркомъ о его значеніи въ русской литературѣ В. Р. Зотова. Цѣна 12 р. 50 к.; въ переплетѣ 14 р. 50 к., въ коленкор. пер. съ тисненіями 15 р. 50 к. и 17 р. 50 к.

Т. I. Портретъ автора гравир. на стали.—**Л. А. Мей и его значеніе въ русской литературѣ.** Критико-біограф. очеркъ. Статья В. Р. Зотова. **Библіографія** сочиненій и переводовъ Л. А. Мея. Состав. П. В. Быковъ. **Лирическія стихотворенія:** Отдѣлъ 1. **Изъ русской жизни. Изъ духовнаго міра.—Изъ древняго міра.—Изъ преданій и современной жизни.—Лицейскія стихотворенія. —** Примѣчанія.—Автографъ.

Т. II. Лирическія стихотворенія. Переводы съ греческаго, англійскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ **съ примѣчаніями — Анакреонъ** и замѣтки о немъ.—**Өеокритъ.—Мильтонъ.—Байронъ.—Шиллеръ.—Гете.—Гейне.—Андре Шенье.—Беранже.—Викторъ Гюго.—Дюпонъ.—Густавъ Надо.**

Т. III. Лирическія стихотворенія. Переводы съ польскаго и украинскаго.—**Мицкевичъ.—Кондратовичъ** (Сырокомли).—**Богданъ Залескій.—Одынецъ.—Реутъ.—Ходзько.—Красинскій.—Шевченко.**

Народныя пѣсни. Щеголевъ.—**Русяцкія.—Моравскія.—Волынскія.—**Пѣсни и думы. **Шотландская легенда.—**Итальянскій народный гимнъ. **Проза: Предчувствіе.—Янъ изъ Непомукъ. Святочная пѣсня** Диккенса.—**Украденные часы. Дочь миссіонера. Таинственное происшествіе.**

Т. IV. Драматическія произведенія съ историческими примѣчаніями. **Царская невѣста,** драма въ 4 дѣйствіяхъ.—**Псковитянка,** драма въ 5 дѣйствіяхъ. **Сервилія,** драма въ 5 дѣйствіяхъ.—**Дмитрій Самозванецъ,** трагедія Шиллера.—**Лагерь Валенштейна,** Ф. Шиллера. **Буря,** драма Шекспира.

Т. V. Портретъ автора. **Повѣсти и разсказы: Охота** — Сборное Воскресеніе.—Медвѣжья травля.—**Кирилычъ.—Софья.—Казусъ: Лѣсныя диковинки—Парельщикъ.—Швейка.—На паперти.—Гривенникъ.** Неправдоподобное событіе.—**Чубукъ.—Батя.—Хмара. Статьи различнаго содержанія.** Письмо къ издателю Семейнаго круга.—Замѣтки и вопросы: Корректуры и корректоры.—Обязанности корректоровъ.—Графы А. Г. и Г. А. Кушелевы-Безбородко, біографическіе очерки.—**Община Платона** въ обработкѣ Бартелеми.—**Абиссинія.—Австралія.** Географич., Этнографич. и Статистическія статьи.

Отдѣльно продаются слѣдующія сочиненія Л. А. Мея:

Лирическія стихотворенія съ портретомъ автора грав. на стали. 1. Изъ русской жизни. —2. Изъ духовнаго міра.—3. Изъ древняго міра.—4. Изъ преданія и современной жизни.—5. Лицейскія стихотворенія. Примѣчанія. Автографы—съ приложеніемъ статьи Л. А. Мей и его значеніе въ русской литературѣ. Критика. Біограф. очеркъ. Ц. 3 р., въ изящн. перепл. 4 р.

Переводы лирическихъ стихотвореній съ греческаго, англійскаго, нѣмецкаго, французскаго, польскаго и украинскаго.—Анакреонъ, Өеокритъ, Мильтонъ, Байронъ, Шиллеръ, Гете, Гейне, Андріе Шенье, Викторъ Гюго, Густавъ Надо, Дюпонъ, Мицкевичъ, Кондратовичъ, Шевченко и пр., съ портр. Мея грав. на стали. Ц. 3 р., въ изящн. перепл. 4 р.

Драматическія сочиненія и переводы съ историческими примѣчаніями. Сочиненія оригинальныя: Царская невѣста. Псковитянка. Сервилія. Переводы Шиллера: Дмитрій Самозванецъ. Лагерь Валенштейна. Шекспира: Буря. Съ портретомъ Мея. Ц. 3 р., въ изящ. коленкор. перепл. 4 р.

Повѣсти, разсказы и статьи. Охота.—Кирилычъ.—Софья.—Казусъ.—Лѣсныя диковинки. —Швейка.—На паперти.—Гривенникъ.—Чубукъ.—Батя.—Хмара.—Статьи различнаго содержанія. Съ пор. автора. Ц. 3 р., въ изящ. пер. 4 р.

Сборникъ переводовъ въ прозѣ. Переводы съ польскаго, чешскаго, англійскаго и французскаго языка. Предчувствіе. Янъ изъ Непомукъ. Чешская легенда. Святочная пѣсня, Диккенса. Украденныя часы. Дочь миссіонера. Таинственное происшествіе. Съ портрет. Мея. Ц. 1 р. 50 к.

Батя. Правдивый разсказъ. 1887 г. Ц. 40 к.

Гривенникъ. Неправдоподобное событіе. Ц. 30.

Кирилычъ. Повѣсть. 1887 г. Ц. 30 к.

На паперти. (Изъ дневника). Разсказъ. Ц. 30 к.

Охота. Разсказы: 1) Сборное Воскресенье. 2) Медвѣжья травля. 1887 г. Ц. 25 к.

Софья. Повѣсть. (Продолженіе повѣсти „Кирилычъ“). 1887 г. 30 к.

Три разсказа. 1) Казусъ. 2) Лѣсныя диковинки. 3) Швейка. 1887 г. Ц. 30 к.

Чубукъ. Листки изъ дневника. Разсказъ. Ц. 40 к.

Община Платона. (Въ обработкѣ Бартелеми), изложеніе Л. А. Мея. Ц. 20 к.

Беранже Пѣсни, въ переводѣ Л. А. Мея — 42 пѣсни съ потретомъ автора. 1887 г. Ц. 75 к., въ коленк. пер. Ц. 1 р. 25 к., на лучшей бумагѣ. Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 50 к.

Батрачка. Повѣсть Т. Шевченка въ стихахъ, съ портретомъ автора, переводъ съ украинскаго Л. А. Мея. 1887 г. Ц. 10 к.

Предчувствіе. Разсказъ Камергера Короля Станислава, перев. съ польскаго Л. А. Мея. Ц. 20 к.

Собраніе прозаическихъ переводовъ Л. А. Мея, съ портретомъ Мея. Ц. 1 р. 50 к.

Святочная пѣсня въ прозѣ. Сочиненіе Чарльза Диккенса, съ портретомъ автора, переводъ Л. А. Мея. 1887 г. Ц. 40 к.

Левъ Александровичъ Мей. Біографическій очеркъ и оцѣнка его произведеній съ портретомъ (гравир. на стали) и автографомъ. Состав. В. Р. Зотовъ. Ц. 30 к., тоже на лучшей бумагѣ съ 2-я порт. автографами. Ц. 75 к.

Библіографія сочиненій и переводовъ Л. А. Мея, составилъ П. В. Быковъ, съ прибав. статьи Н. В. Гербеля. 1887 г. Ц. 40 к.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Дмитрія Васильевича ГРИГОРОВИЧА.
1843—1889.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И. Г. МАРТЫНОВА.

Съ 2 портретами автора, рѣзанными на деревѣ художниками Сѣряковымъ и Матэ.

10 томовъ 8-ю долю листа. Спб. 1890 гг. Цѣна 15 р. с.

Въ сафьянныхъ переплетахъ по 2 тома вмѣстѣ 17 р.—въ шагреневыхъ 18 р.—въ коленкоровыхъ съ золоченіемъ 20 р., на лучшей бумагѣ на 3 р. дороже; особые экземпляры отъ 26 до 35 р. с.

Каждый томъ и каждое сочиненіе продаются отдѣльно.
(Портреты въ большомъ форматѣ in folio первые оттиски продаются по 1 р. 50 к.). Маленьк. форматъ по 25 к.

Т. 1. 1843—1849. отдѣльно 2 р. 50 к.

	Цѣна.
Портретъ рѣз. худ. Сѣряковымъ	— 25
Петербургскіе шарманщики	— 20
Сосѣдка. Повѣсть	— 20
Лотерейный балъ. Повѣсть	— 20
Деревня. Повѣсть	— 50
Антонъ Горемыка. Повѣсть	— 60
Бобыль. Разсказъ	— 20
Капельмейстеръ Сусликовъ	— 20
Четыре времени года. Повѣсть	— 50

Т. 2. 1849—1851 отдѣльно 2 р.

Похожденіе Накатова. Повѣсть	— 75
Неудавшаяся жизнь. Повѣсть	— 50
Свѣтлое Христово Воскресенье	— 20
Свистулькинъ. Физіологич. разсказъ	— 60
Мать и дочь. Осенній разсказъ	— 15

Т. 3 и 4. 1852—1853. отдѣльно по 2 р.

Проселочныя дороги, Романъ безъ интриги. 2 тома	3 50

Т. 5. 1852—1853. отдѣльно 2 р. 50 к.

Смедовская долина. Разсказъ	— 20
Зимній вечеръ. Повѣсть	— 50
Рыбаки. Романъ изъ простонароднаго быта (въ коленк. пер. 2 р. 75 к.)	2 —

Т. 6. 1855—1856. отдѣльно 2 р. 50 к

Переселенцы. Романъ изъ народнаго быта въ 5 частяхъ	2 50

Т. 7. 1854—1857. отдѣльно 2 р.

	Цѣна.
Прохожій. Разсказъ	— 40
Столичные родственники. Повѣсть	— 75
Пахарь. Повѣсть	— 30
Школа гостепріимства	— 40
Скучные люди	— 20
Очерки современныхъ нравовъ	— 25

Т. 8. 1857—1860. отдѣльно 2 р.

Въ ожиданіи парома. Разсказъ	— 20
Почтенные люди, обремененные многочислен. семействомъ	— 20
Кошка и Мышка. Повѣсть	— 40
Пахатникъ и бархатникъ. Повѣсть	— 40
Два генерала. Повѣсть	1 25

Т. 9. 1858—1883. отдѣльно 3 р.

Корабль Ретвизанъ. *Путевыя впечатлѣнія и воспоминанія*	2 50
Столичный воздухъ. Ком. въ 1 дѣйс.	— 50
Гуттаперчевый мальчикъ. Повѣсть	75

Т. 10. 1860—1889 отдѣльно 3 р.

Портретъ рѣзан. худ. Матэ	— 25
1884. Алексѣй Чемезовъ Повѣсть	— 50
1885. Акробаты благотворительности. Повѣсть	— 75
1885. Карьеристъ очеркъ 1887. Сонъ Карелина	вмѣстѣ — 30
1889. Не пó хорошу милъ, — пó милу хорошъ	— 75
Картины англійской живописи Художественное образованіе въ прилож. къ промышленности	вмѣстѣ 1 25

Для купившихъ прежнее изданіе въ десяти томахъ издань отдѣльно
Т. XI Собр. Соч. Д. В. Григоровича. 1889. Ц. 2 р.
Въ этомъ томѣ помѣщены его послѣднія произведенія 1884—1889 г.

Сборники для дѣтскаго и народнаго чтенія Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

Для дѣтскаго чтенія съ портретомъ автора. Ц. 2 р. 50 к., въ папкѣ 2 р. 75, въ изящн. коленкоров. переплетѣ 3 р.

Антонъ Горемыка въ изящномъ коленкоров. переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Повѣсти, разсказы и очерки для народнаго чтенія съ портретомъ автора. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 75 к.

Статьи о худож. въ изящ. пер. 2 р. 25 к.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“.

Съ 1-го Января 1890 года будетъ издаваться, подъ редакціей ординарнаго профессора С.-Петербургскаго Университета **Н. Д. Сергѣевскаго** и при ближайшемъ, постоянномъ сотрудничествѣ **Н. Ѳ. Дерюжинскаго, А. А. Исаева** и **Н. М. Коркунова**, ежемѣсячный журналъ „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“. Задачею журнала поставляется, во-первыхъ, научная разработка и историческое освѣщеніе правовыхъ и экономическихъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для нашей современной общественной жизни; во-вторыхъ, ознакомленіе читателей съ важнѣйшими явленіями въ сферѣ законодательства, судебной практики и науки права. Сообразно этому, „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ будетъ заключать въ себѣ:

I. Самостоятельныя (иногда переводныя) научныя статьи по вопросамъ право- и государствовѣдѣнія;

II. Хроники: законодательную, судебную и научную;

III. Указатель вновь выходящихъ книгъ и журнальныхъ статей русской и иностранной юридической литературы.

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца книжками отъ 4 до 6 листовъ. Каждыя шесть книжекъ образуютъ собою одинъ томъ, къ которому прилагается общее оглавленіе.

Подписная цѣна **5 РУБЛЕЙ** въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается **въ С.-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ: Анисимова, Большая Садовая, № 12; Цинзерлинга, Невскій проспектъ, № 46; Мартынова, Большая Морская, № 30.**

Гг. иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію „ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛѢТОПИСИ“. **С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, по 3 линіи, д. № 26.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1890 Г.

(одиннадцатый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р. —	1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „ 50	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по **3 рубля**.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годового экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

Журналъ выходитъ подъ тою же редакціей, при томъ же составѣ сотрудниковъ и въ прежнемъ объемѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ конторѣ журнала: Москва, Леонтьевскій пер., 21.

Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ПО СИБИРИ АРХІЕП. НИЛА.

Ярославль. 2 части, 497 стр. + XIV стр. алфавитн. указателя, съ фото-литографир. портретомъ автора.

Посмертное изданіе труда архіепископа Нила († 1874 г.), одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей Сибири, большаго знатока этой окраины Россіи.

«Путевыя записки» напечатаны въ 1874 г., вскорѣ послѣ смерти автора, но, по случайнымъ обстоятельствамъ, изданіе это до сихъ поръ не поступало въ продажу.

О книгѣ этой, составляющей весьма цѣнный вкладъ въ церковно-историческую и историко-этнографическую литературу о Сибири, см. «Русскую Старину» изд. 1889 г., книга октябрь, стр. 245—247.

Цѣна книги **ОДИНЪ** руб. съ пер.

Съ требованіями обращаться въ редакцію «Русской Старины», Большая Подьяческая ул., д. № 7.

Въ редакціи «Русской Старины» можно получить весьма рѣдкую гравюру Ческаго: «Императоръ Александръ I-й и его свита на молебствіи во взятомъ Парижѣ, въ 1814-мъ году». Гравюра на мѣди, въ 8-ю д. Цѣна одинъ рубль съ пересылкой. (См. объ этой рѣдкой гравюрѣ въ «Словарѣ» Д. А. Ровинскаго).

Альбомъ редакціи «Русской Старины»—«Знакомые»—850 автобіографическихъ замѣтокъ, стихотворенія, эпиграммы, шутки, воспоминанія и проч. Спб. 8 д. 350 стр. Цѣна **ДВА** руб. съ пересылкою.

скихъ и Лазаревскаго), а отдѣльная часть того же сборника—записки кіевск. мѣщанина Богд. Балыки «о Москвѣ и о Дмитріѣ царику московскомъ ложномъ, сіе писалъ, который самъ тамъ былъ и самовидецъ тому былъ»,—напеч. имъ же въ «Кіев. к. Старинѣ» 1882, III, стр. 97—103. Кромѣ того, здѣсь помѣщены: 2) лѣтопись львовскаго каноника Яна Юзгеровича и лѣтопись Кармелитскаго монастыря, напеч. частями, первая 1624—1700, а вторая 1648—1676 гг.; небольшая лѣтопись, сост. священ. Добромильской церк. Сим. Коростенскимъ съ 1648—1700 гг.; 3) дневникъ похода противъ казаковъ запорожскихъ (1625 г.); 4) договоръ королевскихъ комиссаровъ съ запорожскимъ войскомъ 1619 г.; 5) письма къ Сигизмунду III кн. Ю. Я. Збаражскаго и Ст. Хмелецкаго; 6) письма корол. секр. Д. Вильчка къ королю Іоанну III о событіяхъ въ южной Руси 1694—95 гг. По другимъ коллекціямъ напечатаны: 1) Лѣтопись или описаніе краткое знатнѣйшихъ дѣйствъ и случаевъ, что въ которомъ году дѣлалось въ Украйнѣ малороссійской обѣихъ сторонъ Днѣпра и кто именно когда гетманомъ былъ казацкимъ (1506—1737 гг.), по рукоп. изъ коллекціи Карпенка (въ Переяславѣ), представляющей варіантъ одной изъ лѣтописей, напечатанныхъ въ сборникѣ Бѣлозерскаго; 2) Витебская лѣтопись, сост. витебскимъ мѣщаниномъ Стефаномъ Авѣркою, по рукоп. Импер. публ. библіотеки; 3) Двѣнадцать писемъ Богдана Хмельницкаго къ магистрату гор. Львова, 1655 г., по магистратскому архиву. Отмѣтимъ, что въ кіевской лѣтописи есть любопытная подробность о пребываніи въ Кіевѣ Дмитрія Самозванца на пути въ Москву, подробный разсказъ о Лжедимитріѣ II, извѣстіе о судьбѣ Марины.

Н. С. Соколовъ. Расколъ въ Саратовскомъ краѣ. Опытъ изслѣдованія по неизданнымъ матеріаламъ. Т. I. Поповщина до 1850-хъ гг. Саратовъ. 1888. XXIV+180 стр. Цѣна 3 руб.

Долгое время расколъ интересовалъ нашу литературу лишь съ богословской точки зрѣнія. Впервые постарался разсмотрѣть его въ политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ покойный А. П. Щаповъ (1859) и съ тѣхъ поръ появилось уже нѣсколько трудовъ, посвященныхъ разработкѣ этихъ сторонъ вопроса. Къ послѣднимъ принадлежитъ и настоящее изслѣдованіе. Слѣдуя въ своемъ трудѣ «историко-критическому направленію», авторъ на первой же страницѣ заявляетъ свое несочувствіе изслѣдованію одного изъ своихъ предшественниковъ (И. М. Добротворскаго, по исторіи Иргизскихъ монастырей), который «во-чтобы ни стало хотѣлъ доказать, что въ расколѣ все было дурно, въ православіи все было хорошо. Самыя неудачныя, крайне нелогичныя и дышащіе нетерпимостію мѣропріятія противъ раскола кажутся ему проникнутыми мудростію и снисходительностью». Въ своемъ трудѣ авторъ дѣлаетъ обстоятельную оцѣнку литературы по настоящему предмету и, основываясь на массѣ архивныхъ матеріаловъ историческихъ данныхъ, представляетъ весьма живую картину развитія и быта раскольничьей общины съ момента возникновенія ея въ означенномъ районѣ до «разгрома Иргиза» и послѣдствій его. Но «разгромъ Иргиза, если понимать подъ этимъ всю гонительную систему отношеній правительства къ расколу, не принесъ ожидавшейся отъ него пользы... Монастыри были уничтожены, а успѣховъ все не получалось» (435). При этомъ авторъ сопоставляетъ единодушіе и солидарность интересовъ раскольничьей семьи съ непривлекательнымъ составомъ и жизнію православнаго духовенства, которыя были главною причиною неудачъ всѣхъ «мѣропріятій» правительства, направленныхъ противъ раскола, а самая система привела лишь къ отпаденію въ «безпоповщину» и «австрійство». Мечемъ свѣтской власти напрасно хотѣли разрубить узелъ, завязавшійся на почвѣ духовно-религіознаго свойства; религіи мира и любви напрасно навязали столь чуждый ей характеръ гонительства (464—468). Авторъ пользовался архивными дѣлами: секретнаго комитета саратовской консисторіи, губернск. правленія, канцеляріи губернатора, саратовскаго историческаго архива, рукописями импер. русск. геогр. общ., импер. публ. библ., братства св. креста въ Саратовѣ, библ. Хлудова, нижегородской семинаріи и др.

В. И.